

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176. 25

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817,

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ ОССЛХХVIII. — 1/14 МАРТА 1902.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр. Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

P Slav 176.25

~~Slav 30.2~~
a-4 03/2

Sever fund

8180

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ДРУЖЬЕ.

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

I.—БУДУЩИМЪ БИОГРАФЪМЪ Н. В. ГОГОЛЯ.—Замѣтки.—II-IV.—Окончаніе, —А. Кочубинскаго	5
II.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—XIX-XXVII.—И. Д. Воборыкина	21
III.—ШЕОЛА НА СКАНДИНАВСКОМЪ СВѢТѢ И ВОРЬБА ЗА НЕЕ.—И. Г. Виноградова	95
IV.—ПО МАЛЪЖУРИИ.—1900-1901 г.—Воспоминанія и разсказы.—XIX-XXIX.— Окончаніе.—А. В. Верещагина	130
V.—СЛУЧАЙНАЯ ВСТРѢЧА.—Разсказъ.—И. Данилова	174
VI.—* * *—Стих. II.—изъ Соловьевой	194
VII.—ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО БОНЦА XIX-го ВѢКА — въ литературныхъ газетахъ того времени.—Юр. Веселовскаго	195
VIII.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА.—Романъ.—Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck.—Часть вторая: IX-XX.—Съ илль. II.—изъ С.—вои.	241
IX.—ВЪ ПОБѢДѢ.—Стих. Франсуа Коппе: „Danz au train de banlieue“.—Съ франц. И. Б. Хвостова	294
X.—ХРОНИКА.—Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи.— В. В.	296
XI.—ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОБЪЕДИНЕНІИ ЧЕРНОЗЕМНАГО ЦЕНТРА РОССІИ.— Д. Рихтера	320
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Учрежденіе особаго совѣщанія для выясненія пути сельско-хозяйственной промисленности.—Отношеніе къ нему зем- ства и печати.—Сорокъ лѣтъ тому назадъ и теперь.—Значеніе председа- теля совѣщанія.—Своеобразные взгляды на задачи совѣщанія.—Новые продукты сословнаго проекторства.—Еще о мелкой земской единицѣ.— Земство и не-земскія губерніи.—Опроверженіе въ „Слб. Вѣдомостяхъ“ председателя арабской уладной земской управы.	329
XIII.—ПО ПОВОДУ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНЫХЪ ТАРИФОВЪ И ИХЪ ЭКОНОМИ- ЧЕСКАГО ЗНАЧЕНІЯ.—Замѣтка.—„Теорія желѣзно-дорожныхъ тари- фовъ“, К. Я. Загорскаго —Ж. Ж.	349
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Программы французскихъ политическыхъ парцій.—Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзѣ.—Пренія о зако- нахъ для охраны рабочихъ.—Реформа французской средней школы.— Попытка голландскаго посредничества въ бурской войнѣ.—Англо-японскій союзъ.—Китайскія дѣла	359
XV.—ОБЩЕДОСТУПНЫЯ ШРЕНІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.—Письмо въ Редакцію.— А. Савина	372
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. Ермоловъ, Народная сельско-хозяй- ственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ.—Вожера- новъ, И., „Невскій просвѣтъ“, 1703—1903 г. Кузьмурино-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка — XVIII-XIX.—Н. В. Гоголь въ русской поэзіи, состав. В. В. Баллаша.—А. П.—Новыл янги и брошюры.	388
XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. René Bazin, „Les Oberlé“. —II. Wilhelm Bölsche, „Hinter der Weltstadt“.—З. В.	400
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Чествованіе памяти Гоголя.—Сто- лѣтіе со дня рожденія Виктора Гюго.—Параллель между его „Misérables“ и „Воскресеніемъ“ гр. Л. Н. Толстого.—Полемика по поводу „Записокъ врача“, г. Версаева.—Правительственное сообщеніе о дѣлѣ нектантоль села Палоловокъ.	415
XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ городской Комиссіи по народному образованію	431
XX.—БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Историческій обзоръ деятельности Ке- зитета якистрии. Т. I: 1802—1826, состав. С. М. Серодонинъ.—Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича, т. I.—Введеніе къ римскую исто- рію, В. И. Модостова, ч. I.—Недолѣтлѣя плени, С. И. Надсона.—Горька, разсказъ В. I. Дмитриевой.	
XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

БУДУЩИМЪ БІОГРАФАМЪ

Н. В. ГОГОЛЯ

Замѣтки.

II *).

Въ декабрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1897 годъ В. И. Шенрокъ ¹⁾ привелъ отрывокъ изъ заграничнаго письма поэта Лыкова, изъ Швальбаха, въ 1841 году лѣтомъ, что, по сообщенію Мельгунова (сочлена общества Погодина въ Москвѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ) изъ Вѣны, „Гоголь опять былъ въ Римѣ, а теперь ѣздитъ по Далмаціи вмѣстѣ съ Княжевичемъ“, и замѣчаетъ: „этотъ фактъ о пребываніи Гоголя въ Далмаціи не былъ извѣстенъ до сихъ поръ“.

Не знаемъ, какъ смотритъ авторъ „Матеріаловъ“ на отрывающійся „фактъ“ въ жизни Гоголя въ настоящую минуту, такъ какъ заключительный томъ его труда вышелъ въ 1897 году, до появленія статьи въ „Вѣстникѣ Европы“. Но мы, съ своей стороны, попытаемся указать, что случайное сообщеніе Мельгунова едва ли можетъ претендовать на значеніе свидѣтельства, дѣйствительно отрывающаго новое обстоятельство въ заграничной жизни Гоголя, что цѣна ему—цѣна какого-то неопредѣленнаго ла, другими словами—что Гоголь въ 1841 году, въ его первую зиму, съ Княжевичемъ по Далмаціи *не странствовалъ*.

См. выше: февр., 650 стр.
„Н. М. Янковъ“, стр. 623.

Дм. Макс. Княжевичъ, 1788—1844 (последняя изъ трехъ дочерей его умерла въ 1901 г. въ Царскомъ-Селѣ), въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія попечитель, второй по времени, одесскаго учебнаго округа и одинъ изъ учредителей императорскаго „Общества исторіи и древностей“ въ Одессѣ, но старый литераторъ, сотрудникъ еще измайловскихъ „Цвѣтовъ“ 1809 года, еще до прибытія въ Одессу, благодаря своему служебному положенію, извлекъ знаменитаго своего друга, Н. И. Надеждина (1804—1856), изъ заточенья въ Усть-Сысольскѣ.

Лѣтомъ 1837 года, наканунѣ появленія чумы, Княжевичъ прибылъ въ Одессу, а на весну слѣдующаго года и Надеждинъ.

Отрывъ осенью 1839 года одесское „Общество исторіи“, Княжевичъ, первый его президентъ, провелъ, несмотря на протестъ своего товарища, извѣстнаго А. С. Стурдзы, вторичную командировку Надеждина на средства Общества въ юго-славянскія земли. Ученыя славянскія пилигримства были тогда прекрасною новинкой, вопросомъ ученой чести. Но къ командировкѣ Надеждина присоединился и самъ Княжевичъ, преслѣдуя свою специальную цѣль—лично познакомиться съ мѣстами, откуда шелъ его сербскій родъ, по сосѣдству Далмаціи, и отыскать тамъ родныхъ.

2 февраля 1840 г. Надеждинъ еще читалъ свою рѣчь о значеніи археологіи въ первомъ публичномъ засѣданіи одесскаго Общества, а въ маѣ Надеждинъ и Княжевичъ, чрезъ Кишиневъ и Скуляны на Прутѣ, направились въ верхнюю Молдавію. Отдавая позже предъ Обществомъ исторіи отчетъ о своей поѣздкѣ, Надеждинъ, между прочимъ, говоритъ: „путешествіе наше,—я говорю: *наше*, потому что во все почти время я имѣлъ честь быть неразлучнымъ спутникомъ господина президента“, т.-е. Княжевича ¹⁾. Ученое путешествіе обоихъ друзей подвигалось медленно—чрезъ Буковину, Трансильванію, Валахію, южную Венгрію, Пешть и Пресбургъ. Къ концу 1840 года они были въ Вѣнѣ, гдѣ и провели зиму, а съ раннею весною 1841 года они двинулись на югъ, чтобы чрезъ Триестъ, послѣ небольшой экскурсіи въ Италію, направиться въ обѣтованную для Княжевича землю, придалматскую Хорватію. Въ Вѣнѣ русскіе путешественники записались полезными свѣдѣніями, а главное—условились съ зна-

¹⁾ Записки Имп. Общ. исторіи и древн. въ Одессѣ, т. I, стр. 519. Этотъ отчетъ даровитаго и образованнаго Надеждина—одна изъ видныхъ страницъ въ ранней исторіи славянскій науки. Но Надеждинъ все въ тѣни. Первый нашъ критикъ, образованный журналистъ, профессоръ, умъ философскій и разносторонній, глубоко и широко охватывающій вопросъ, Надеждинъ давно заслуживалъ бы отдѣльной монографіи. О насъ могутъ сказать, что объ Акимѣ въ пословицѣ.

менитымъ знаткомъ сербскихъ враевъ, Вукомъ Караджичемъ, отдавна постояннымъ жителемъ Вѣны, что онъ будетъ ихъ переводчикомъ и проводникомъ во время всего путешествія отъ Триеста по Далмаціи, Хорватіи, Сербіи и далѣе, конечно, за большія деньги ¹⁾.

Далматское путешествіе и по славянскому югу было предположено на два-три мѣсяца. Въ началѣ 1841 года прибылъ въ Вѣну изъ Праги будущій извѣстный профессоръ-славистъ петербургскаго университета, П. И. Прейсъ, и здѣсь встрѣтился съ Надеждинымъ, вѣроятно, въ библиотечномъ кабинетѣ историческаго вѣнскаго старика Копитара, обоими высоко цѣнимаго, и познакомился. Въ восхищеніи отъ Надеждина, конечно, отъ его тонкаго ума, Прейсъ (лѣтами немногимъ моложе того), отдавая отчетъ о своей вѣнской жизни предъ недавно оставленнымъ другомъ въ Прагѣ, В. Ганвою, такъ между прочимъ писалъ 5 апрѣля (конечно, нов. ст.): „кромѣ г. Заикина (русскій, музыкантъ, общій знакомый по Прагѣ), нашель я еще одного *безподобнаго* земляка, г. Надеждина, который, въ сожалѣнію, уже уѣхалъ“. Но въ томъ же вѣнскомъ письмѣ Прейсъ, на основаніи сообщенія Надеждина или Кляжевича, указываетъ и время, когда наши одесскіе путники закончатъ свое южно-славянское странствованіе, прибывши въ Прагу: „я надѣюсь, что вы будете имѣть случай увидѣться съ нимъ (Надеждинымъ) въ проѣздѣ его чрезъ Прагу, примѣрно, въ августѣ мѣсяцѣ“. Прага, для всѣхъ почти образованныхъ русскихъ, того времени, путешествующихъ за границу, была уже обязательною станціею; ниже мы увидимъ, что и самъ Гоголь, въ самый разгаръ исканія цѣлительныхъ для себя курортовъ, въ серединѣ 1845 года, не уклонился отъ этой обязанности, умнаго обычая, свято соблюлъ его.

Не подъ вліяніемъ знакомства съ „безподобнымъ землякомъ“, а въ силу выполненія официальной программы, вслѣдъ за Кня-

¹⁾ Въ болѣе краткомъ отчетѣ о томъ же путешествіи въ Россійскую Академію Шишкова (ему были даны главныя средства для поѣдки, между тѣмъ славное учрежденіе имп. Екатерины II было закрыто, и потому отчетъ былъ напечатанъ въ Журн. мин. Нар. Пр., июнь), Надеждинъ пишетъ: „всю вторую часть моего странствованія, отъ Триеста обратно до Вѣны, я совершилъ почти въ неразлучномъ обществѣ извѣстнаго Вука Караджича, наилучшаго, какого только можно найти, знатока современнаго сербства“ (стр. 98). Но нужны были и большія деньги для этого „наилучшаго“, который всегда нуждался, а жена, вѣнская жадная нѣмка, все требовала денегъ отъ своего стараго, хромоногаго мужа въ фесѣ. Конечно, эти деньги уплатилъ не бѣдный Надеждинъ, а богатый другъ, Кляжевичъ. Въ этомъ отчетѣ о Кляжевичѣ ни слова. Для денегъ Надеждинъ получилъ двѣ командировки по одному и тому же вопросу, что вполне извинительно, въ виду труднаго путешествія.

жевичемъ и Надеждинымъ собирався сняться изъ Вѣны въ ту же Далмацію и самъ Прейсъ, при чемъ—странное дѣло—въ радостномъ предположеніи, что ему именно улыбается счастье—далматинское путешествіе совершить подъ руководствомъ, дорогимъ для него, какъ слависта, того самаго „наилучшаго“ Вука, давно уже ангажированнаго богатымъ Княжевичемъ. Вѣроятно, Вукъ подалъ нѣкоторую надежду Прейсу на возможность совмѣтнаго путешествія по Далмаціи и до Черной-Горы съ Надеждинымъ и Княжевичемъ. „Послѣ завтра (слѣд., 7 апрѣля) я,—продолжаетъ Прейсъ то же письмо къ Ганеѣ,—отправляюсь изъ Вѣны, которая мнѣ очень не нравится. Въ первыхъ числахъ мая я буду въ Триестѣ и оттуда, вѣроятно, поѣду въ Черную-Гору въ обществѣ съ Вукомъ. Какъ я радуюсь этому путешествію“. Но въ началѣ мая Вукъ съ Княжевичемъ были уже за Триестомъ, на пути въ Далмацію. Тѣмъ не менѣе, одна русская пара по пятамъ сопровождалась другою, все въ ту же Далмацію, въ томъ же маѣ 1841 года; только мѣсто Вука при Прейсѣ занялъ другой русскій славистъ, Срезневскій ¹⁾).

Но обращаемся къ самому путешествію обоихъ одесскихъ друзей, первой пары, намѣренно входя и въ мелочи—о времени нахождения ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ Хорватіи и Далмаціи, о количествѣ дней, проведенныхъ ими то тамъ, то сямъ, о лицахъ, съ которыми имъ пришлось ѣхать, встрѣчаться на пути. Для всего этого мы имѣемъ достовѣрный и точный матеріалъ, хотя и въ отрывкахъ, въ интересной, съ подневными записями, книжкѣ Надеждина, изданной имъ въ Одессѣ, сейчасъ же по возвращеніи, подъ заглавіемъ: „Родъ Княжевичей“ (1842 г.), даже съ картою пути по южной Хорватіи ²⁾).

Изъ Триеста, *отроемъ*, Княжевичъ, Надеждинъ и Вукъ отправились чрезъ Рѣву (Fiume) въ Сень (Zeng) на Адриатическомъ морѣ, чтобы отсюда начать колесный путь по бывшей хорватской Военной-Границѣ, располагавшейся между моремъ, Босніей и собственно Далмаціей, для розысковъ родни Княжевича: отсюда, въ 80-хъ годахъ XVIII стол., выѣхалъ въ Россію отецъ путешественника, Максимъ Княжевичъ.

¹⁾ Отчетъ о дѣятельности II Отд. Имп. Акад. наукъ за 1880 г. Спб., 1881, стр. 30.

²⁾ Свою работу, специально сдѣланную для друга, посылая Елизаветѣ Алексѣевнѣ Княжевичъ, Надеждинъ писалъ ей: „вамъ, праматери Княжевичей въ Россіи, посвящаетъ описаніе происхожденія и распространенія „Рода Княжевичей“ исполненный безпредѣльной преданности къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ,—Н. Надеждинъ. 25 марта, 1842. Одесса“.

Въ Сенѣ наши странники повстрѣчались съ извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Хорватіи, Гаемъ, и его сотоварищемъ, проф. Ант. Мажураничемъ. Послѣдніе, какъ и они, отъ Сеня начинали свое далматинское путешествіе и по одному и тому же маршруту, на Госпичъ, а въ близкомъ Задрѣ (Zaga) уже вступили на почву собственно Далмаціи. Наши ѣхали на долгихъ, но въ своей коляскѣ, а тѣ—на почтовыхъ, причемъ постоянно встрѣчались другъ съ другомъ, и не только въ началѣ пути, но и въ теченіе всего странствованія по Далмаціи, нерѣдко перебивая одинъ у другого лошадей. „Выѣхавъ въ одинъ день изъ Сеня, мы,—вспоминаетъ Надеждинъ,—потомъ безпрестанно то сѣзжались, то разсѣзжались, до тѣхъ поръ какъ, на обратномъ пути изъ Черной-Горы, встрѣтись въ послѣдній разъ въ Дубровникѣ (Ragusa), здѣсь и простились окончательно“¹⁾.

На небольшой переѣздъ отъ Сеня до Задра наши путники употребили два дня: 4 (16) и 5 (17) мая 1841 года. Слѣдовательно, съ 5 (12) мая началось ихъ собственно далматинское кочеваніе по убійственнымъ колеснымъ дорогамъ: и сейчасъ плохіе пути сообщенія—принадлежность Далмаціи²⁾. Они проѣхали всю Далмацію, и чрезъ Боку-Которскую поднялись въ Черногорію; отсюда они спустились назадъ, въ Дубровникъ, и открыли обратное странствованіе по Далмаціи, уже минуя большіе города, и держась турецкой границы—главнымъ образомъ, проселками, въ горахъ, и черезъ мѣсяць, 6 (18) іюня, снова вступили въ ту же священную для Княжевича Военную-Границу, только съ восточной стороны, при самой границѣ съ Турціей, и все въ томъ же тройственномъ числѣ: Княжевичъ, Надеждинъ и Вукъ. Здѣсь именно лежали родовыя владѣнія Княжевичей; отсюда и вышелъ Максимъ, родившійся, крестившійся и учившійся въ селѣ Удбинѣ.

Въ осмотрѣ этихъ полудикихъ тогда мѣстъ, въ дальнѣйшей поѣздкѣ, въ посѣщеніи православнаго карловацкаго епископа, жившаго на хуторѣ, внутри края,—путешественники провели три—четыре дня; около 10 (22) іюня они прибыли въ Карловацъ (Карлштадтъ), главный городъ Границы, и отсюда подня-

¹⁾ „Родъ Княжевичей“, 8, примѣч. Въ отчетѣ одесскому Обществу исторіи Надеждинъ говоритъ: „Съ Вукомъ и Гаемъ намъ даже довелось совершить большую часть нашего путешествія: съ первымъ—намѣренно, съ послѣднимъ—случайно“ („Записки Одесск. Общ.“, I, 547).

²⁾ Память о нихъ у Надеждана въ Отчетѣ Росс. Академіи, стр. 92.

лись на сѣверъ, въ Загребъ, далѣе—въ Фрушку-Гору, въ княжество Сербію, и, наконецъ, чрезъ Венгрію, опять въ Вѣну.

Изъ второго или возвратнаго посѣщенія Военной Хорватской Границы, въ началѣ іюня, отмѣтимъ одну мелочь. Глубоко тронутый гостепрѣимствомъ въ селѣ Удбинѣ, у стариковъ, мужа и жены, Омчикусовъ, мѣстныхъ простыхъ сербовъ, Надеждинъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „чрезвычайно занимательна была эта патріархальная чета. Глядя на нихъ, я представлялъ себѣ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ Гоголя, особенно когда старикъ, развеселясь, началъ намекать на свои подвиги и не по части Марса, лукаво посматривая на жену... Я смѣялся отъ души этой оригинальной сценѣ, которая, впрочемъ, разнится отъ картины Гоголя тѣмъ, что здѣсь была простота безъ глупости“¹⁾.

Согласно съ апрѣльскимъ предвареніемъ отъ Прейса Ганкѣ, оба неразлучные одесскіе друга, въ началѣ второй половины августа 1841 года, были въ Прагѣ, и сейчасъ же познакомились съ Ганкою въ Чешскомъ музеѣ. 22 августа (3 сентября) Надеждинъ написалъ Ганкѣ: „Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ! Да будетъ. Н. Надеждинъ—въ память незабвеннаго свиданія въ Прагѣ“; а неразлучный спутникъ продолжалъ: „Пусть эти строки служатъ вамъ воспоминаніемъ о томъ, чье почтеніе и уваженіе къ вамъ останутся навсегда неизмѣнны.—Дмитрій Княжевичъ“.

Исполнивъ свой русскій долгъ, Княжевичъ и Надеждинъ, въ сентябрѣ, изъ Праги направились домой, черезъ Берлинъ. „Разставшись съ вами въ сентябрѣ 1841 года, мы,—пишетъ Княжевичъ изъ Одессы Ганкѣ 1 марта 1843 года,—направились въ Дрезденъ, откуда, измѣнивъ намѣреніе наше поѣхать на Варшаву, пустились чрезъ Лейпцигъ, Берлинъ и Кенигсбергъ, частью для того, чтобъ показать и эти города Надеждину“. Очевидно, Княжевичъ вывозилъ Надеждина въ Европу.

Итакъ, если Гоголь дѣлалъ съ Княжевичемъ и его двумя неразлучными спутниками путешествіе по Далмаціи въ 1841 году, то это могло происходить между 6 (18) мая (день прибытія тѣхъ въ Задръ) и 6 (18) іюня, когда они возвратились къ своимъ граничанамъ, въ Удбину. Но былъ ли Гоголь въ этотъ промежутокъ времени съ ними, хотя бы въ какой одной части ихъ труднаго пути по Далмаціи?

¹⁾ „Родъ Княжевичей“, стр. 28.

Еслибы Гоголь присталъ гдѣ-нибудь въ Княжевичу, то естественно ожидать, что это преображеніе троицы было бы отмѣчено въ путевыхъ замѣткахъ точнаго Надеждина, какъ, напримѣръ, отмѣчено о постоянныхъ встрѣчахъ на протяженіи всего пути съ Гаемъ, отчасти иѣшавшимъ имъ въ удобствѣ передвиженія. Но этого нѣтъ. Мало того. Въ тѣхъ же замѣткахъ мы встрѣтили сочувственный отзывъ о Гоголѣ ихъ автора, и два раза: какъ же было не обмолвиться о Гоголѣ, какъ о недавнемъ ихъ спутникѣ по Далмаціи? Но объ этомъ—ни намека.

Далѣе, если же допустить, что авторъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ и ошибается, что до 1843 года Гоголь не былъ знакомъ съ Д. М. Княжевичемъ (IV, 699, примѣчаніе), то фактъ остается фактомъ, что Княжевичъ не съ симпатіей относился въ литературной дѣятельности Гоголя. Объ этомъ прямо свидѣтельствуешь его ближайшій одесскій сослуживецъ, проф. Мурзакевичъ (1806—1883), провожавшій его при отъѣздѣ, въ 1840 г., за границу по Бессарабіи, до самыхъ Скулянь. „Странная черта замѣчалась въ повойномъ, — припоминаетъ Мурзакевичъ въ своихъ запискахъ:—бывъ крайне снисходителенъ во всѣмъ литераторамъ, онъ никакъ не могъ спознойно слышать и говорить о Гоголѣ и его „Мертвыхъ Душахъ“ ¹⁾. Въ виду условій трудныхъ тасканій по Далмаціи, въ горахъ и даже проселками, уже третій членъ, Вукъ, былъ нѣкоторымъ бременемъ, но безъ Вука—ни шагу, такъ какъ оба друга по-сербски не говорили; едва-ли могъ согласиться Княжевичъ прихватить и Гоголя и путешествовать вчетверомъ, обрекая себя на одну муку?

Наконецъ, изъ соображенія дать, матеріальныхъ и другихъ условій римской жизни Гоголя, въ маѣ 1841 года, путешествіе его съ Княжевичемъ по Далмаціи является также невѣроятнымъ.

Послѣ июльской болѣзни въ Вѣнѣ, Гоголь августъ и часть сентября 1840 года—въ Венеціи, а 13 (25) сентября—въ Римѣ, гдѣ и пребывалъ остальную часть этого года и большую половину 1841-го. Мы имѣемъ письма отъ 8-го и 15 мая 1841 г. изъ Рима. Съ мая Гоголь боленъ желудкомъ, мечтаетъ о Мариенбадѣ и Грэфенбергѣ, а пока—безъ денегъ совсѣмъ, съ перспективою не вылѣзть изъ Рима и лѣтомъ (V, 444). Наконецъ,

¹⁾ Изданы въ „Русск. Старинѣ“, 1886—1889, кн. В. Д. Дабичею, оттискъ, 167. Мурзакевичъ и въ глубокой старости обладалъ удивительною памятыю, его свидѣтельству довѣрять можно. Да и въ „Матеріалахъ“, IV, 699, 935—о той же несимпатіи. Иное дѣло у Мурзакевича въ вопросахъ науки: тутъ она—одна путаница. Не мало и въ „Запискахъ“ примѣровъ; ср. 68, о Шафарикѣ.

лѣто 1841 года извѣстный Анненковъ провелъ безотлучно у Гоголя, работая вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнiю, въ виду всего вышеизложеннаго, изъ письма Языкова отъ 1841 года едва-ли отъкрывается новый фактъ въ жизни Гоголя—его путешествiе или пребыванiе въ Далмацiи вмѣстѣ съ Д. М. Княжевичемъ, май—iюнь того же 1841 года. Гоголь, всегда неравнодушный въ передвиженiямъ лѣтомъ, могъ пометать о Княжевичѣ и Далмацiи, тѣмъ болѣе, что путешествiе въ Черногорiю въ тѣ годы стало у насъ какъ бы модою. Послѣ Е. Ковалевскаго, тамъ побывали А. Поповъ и другъ Гоголя—В. Пановъ. Соблазнъ былъ на-лицо. Но далѣе мечтанiй дѣло пойти у Гоголя не могло.

Но гдѣ дѣла безъ огня. Откуда могъ взятъ вѣнскiй слухъ у Мельгунова?

Мы знаемъ, что, предварительно путешествiя по Военной-Границѣ и Далмацiи, Княжевичъ и Надеждинъ сдѣлали небольшую экскурсiю въ Италию—„кратковременную прогулку“¹⁾. Въ виду этой итальянской прогулки и могло явиться въ Вѣнѣ предположенiе, ставшее затѣмъ въ прямое утвержденiе, что въ Италии Княжевичъ захватилъ Гоголя и перевезъ въ Далмацiю, для совмѣстнаго странствованiя.

III.

По словамъ современнаго изслѣдователя жизни Гоголя, 1845 годъ былъ фатальнымъ годомъ для поэта: онъ не могъ не только заниматься, но даже ни о чемъ и думать, кромѣ какъ объ одной своей болѣзни—Гоголь вотъ-вотъ умретъ (IV, 303).

Дѣйствительно, проведя конецъ 1844 г. въ семьѣ Жуковскаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и особеннымъ образомъ,—жена Жуковскаго по-русски не говорила,—Гоголь, въ январѣ 1845, пытается развлечься въ Парижѣ, но находитъ тамъ одну скуку, одиночество. Только изрѣдка, во время прогулокъ по отдаленнѣйшимъ окрестностямъ Парижа, ему дѣлалось легче, и предъ нимъ „какъ бы ангелы пѣли“. Вотъ почему, въ концѣ февраля, Гоголь—опять у Жуковскаго, гдѣ и остается до iюня, съ небольшою отлучкой для говнѣнья въ посту и, именно, въ Штутгартѣ, какъ утверждаетъ его биографъ (IV, 327). „Съ тѣхъ поръ, — говоритъ г. Шенрокъ, — биографическiя данныя почти въ продолженiе цѣлаго года (1845) даютъ материалъ только для

¹⁾ Надеждинъ, Отчетъ Россiйской Академiи, стр. 91.

веденія скорбнаго листа“; именно по развитію „душевной гангрены“, выражаясь образнымъ языкомъ автора ¹⁾).

Но дѣйствительно ли все было такъ въ этомъ злополучномъ 1845 году?

Небольшой матеріалъ, что въ нашемъ распоряженіи, уполномочиваетъ сдѣлать поправку—разбавить, разжижить слишкомъ сгущенныя краски въ представленіи 1845 года въ жизни Гоголя.

Прежде всего отмѣтимъ, что Гоголь весною 1845 года изъ Франкфурта для исповѣди въ Штутгартъ не ѣздилъ.

8-го (20) мая 1845 года Ал. С. Жиряевъ (1815—1856), посланный въ 1842 году за границу для подготовки „по части законовѣдѣнія и изученія славянскихъ древностей“, впоследствии—извѣстный дерптскій криминалистъ, а тогда работавшій въ Берлинѣ, пишетъ изъ Берлина знакомому уже намъ Ганкѣ въ Прагу, своему недавнему руководителю по изученію памятниковъ славянскаго законодательства, между прочимъ: „русскую Пасху я встрѣтилъ въ русской церкви въ Висбаденѣ, гдѣ познакомился съ двумя русскими знаменитостями—Жуковскимъ и Гоголемъ. Оба пріѣхали изъ Франкфурта говѣть и разговѣяться. Послѣдній (Гоголь) намѣренъ ѣхать въ Испанію и Португалію“.

Въ самомъ дѣлѣ, Штутгартъ довольно далека отъ Франкфурта, а Висбаденъ—рукой подать. Обоимъ недомогавшимъ поэтамъ естественно было предпочесть близкаго сосѣда; да и можно ли не довѣрять категорическому заявленію серьезнаго Жиряева (въ 1846 году онъ уже—профессоръ въ Дерптѣ), который, надо полагать, и познакомился съ Гоголемъ на общихъ разговѣнахъ въ квартирѣ русскаго священника. Вѣроятно, въ Висбаденѣ Гоголь пробылъ около недѣли—страстную седмицу. Но переходимъ къ главному—дѣйствительно ли все содержаніе духовныхъ интересовъ Гоголя въ 1845 году ограничивается умираніемъ, приготовленіемъ себя къ послѣднему концу?

Жиряевъ продолжаетъ въ своемъ письмѣ къ Ганкѣ отъ 8 (20) мая: „Гоголь въ природѣ своей—противоположность тому, какимъ онъ является въ своихъ уморительныхъ повѣстяхъ и комедіяхъ: ипохондрикъ въ высшей степени. Впрочемъ, онъ дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ, хотя болѣзнь свою онъ уже *слишкомъ преувеличиваетъ* въ своемъ воображеніи“.

Любопытныя эти наблюденія образованнаго и серьезнаго юриста надъ Гоголемъ сдѣланы были въ Висбаденѣ и положены

¹⁾ Ср. и въ „Сборникѣ“ въ память Н. С. Тихонравова, стр. 120: „былъ сильно боленъ и говѣлъ два раза въ 1845 году“.

на бумагу, спустя три-четыре недѣли (Пасха была въ апрѣлѣ), т.-е. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ знакомства съ поэтомъ. Жиряевъ констатируетъ вообще болѣзненность Гоголя, но не въ степени, возбуждающей послѣднія опасенія. Мы видѣли, что Гоголь въ Висбаденѣ говорилъ о путешествіи въ Испанію, Португалію, вѣроятно, лично съ Жиряевымъ. Кто мечталъ о такомъ далекомъ путешествіи, тотъ, очевидно, былъ еще далеко отъ мысли о смерти, и это обстоятельство говоритъ за правильность отмѣтки у Жиряева: „не совсѣмъ здоровъ“, не болѣе.

Далѣе Жиряевъ отмѣчаетъ въ Гоголѣ крайнюю ипохондрію. Эта черта въ духовномъ состояніи Гоголя половины сороковыхъ годовъ общезвѣстна. Слѣдовательно, діагнозъ Жиряева поставленъ правильно. Но наблюдатель прибавляетъ, что самъ больной уже слишкомъ преувеличиваетъ свое неможное состояніе—въ своемъ воображеніи; иными словами, что, на его взглядъ, не невозможны для Гоголя и дни совсѣмъ спокойнаго, нормальнаго человѣка,—стоитъ только ему поудержать свое воображеніе. Но скажутъ: возможно ли подобное условіе для обычно мнительнаго, вообще нездороваго человѣка? Не только возможно, но предъ нами на-лицо и фактъ изъ жизни Гоголя въ „фатальномъ“ 1845 году.

Мы видѣли, въ Парижѣ, въ началѣ 1845 года, Гоголю слышались и ангелы. Но прошло два мѣсяца послѣ письма Жиряева къ Ганкѣ—и два мѣсяца, какъ обыкновенно утверждаютъ, самыхъ отчаянныхъ въ жизни Гоголя, когда онъ метался съ мѣста на мѣсто, леталъ отъ одного доктора къ другому, ища облегченія, когда готовился и совсѣмъ умереть—Гоголь очутился въ Прагѣ, лицомъ къ лицу предъ корреспондентомъ Жиряева, и передъ нами—нормальный человѣкъ, умный русскій путешественникъ, не прочь и чуточку пошутить своимъ писательскимъ перомъ.

Мы не разъ уже упоминали о Ганкѣ. Но здѣсь, въ виду встрѣчи Гоголя съ Ганкою въ Прагѣ, въ началѣ августа 1845 г., точнѣе, въ виду визита Гоголя Ганкѣ, читатель извинитъ, если мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности изъ жизни этого историческаго чеха, скромнаго наукою, но богатаго чувствомъ, тактомъ, практическимъ умѣньемъ послужить своему народу, чѣмъ былъ въ силахъ, и, прибавимъ, политическою дальновидностью.

Полузабытый среди малопримечательныхъ своихъ, почти совсѣмъ уже незнакомый современному поколѣнію русскихъ образованныхъ людей, Ганка былъ весьма популяренъ когда-то и

межъ русскихъ ученыхъ, и среди русскихъ путешественниковъ за границую, отъ самыхъ высшихъ особъ и до самаго скромнаго труженника-смерда. Для молодыхъ ученыхъ онъ былъ весь въ услугахъ книгами, совѣтами, указаніями; для обыкновенныхъ туристовъ—своимъ радушіемъ, ласковостью, готовностью быть чичероне въ Прагѣ, комиссіонеромъ, напр., по покупке перчатокъ для дамъ. Да, кто изъ образованныхъ русскихъ, дома и за границую, не зналъ пресловутаго „Вячеслава Вячеславича“, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о немъ—въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія? Такихъ было не много. Одинъ только старикъ, знаменитый нашъ Востоковъ, не признавалъ „Вячеслава Вячеславича“, а говорилъ просто: „панъ Вацлавъ“.

Въ общественной и ученой дѣятельности Ганка служилъ одному чувству—любви къ Россіи. Отъ своихъ онъ требовалъ того же чувства. Для освѣщенія характера Ганки отмѣтимъ два три факта изъ его довольно продолжительной публичной дѣятельности, но въ скромныхъ рамкахъ бібліотекаря Чешскаго музея (1861).

Геніальный чешскій поэтъ и публицистъ, чешскій Гейне, Карлъ Гавличекъ, воспитатель у Шевырева въ 1842—44 годахъ и первый переводчикъ „Мертвыхъ Душъ“, въ своей злой сатирѣ 1847 года: „Засѣданіе Музея“, влагаетъ въ уста Ганки такое предостереженіе по адресу къ своимъ:

„Не будете-ль царя вы, шельмы, чтить,—
Кнутомъ я, какъ по нотахъ, васъ буду колотить“.

Въ этихъ рельефныхъ стихахъ поэтъ схватилъ цѣликомъ Ганку, съ допущеніемъ, конечно, нѣкоторой поэтической вольности.

Близкій къ гр. Сперанскому еще съ 1830 года, Ганка весною 1831 года удостоенъ былъ отъ императора Николая ордена Владиміра 4-й степени за присланные въ Петербургъ „списки древнихъ славянскихъ законовъ, кои могутъ служить матеріалами для составляемой здѣсь исторіи древняго Россійскаго законодательства и въ изъявленіе благоволенія къ отличнымъ трудамъ по части славянскихъ древностей и писемъ“.

Въ 1852 году, послѣ апрѣльскаго визита въ Вѣну, императоръ Николай пріѣхалъ въ Прагу и посѣтилъ Чешскій музей. Ганка встрѣтилъ императора въ воротахъ зданія. Высшій посѣтитель, подавая руку старику, сердечно привѣтствовалъ его сло-

вами: „Здравствуй, батюшка, какъ поживаешь“? Восхищенный Ганка горячо поцѣловалъ поданную ему руку ¹⁾).

Русскіе ученые и поэты: Куторга, Грановскій, Тютчевъ, Лыковъ, дипломаты: Титовъ, Халчинскій, обязательно посѣщали Ганку, а извѣстный въ свое время Бакунинъ, въ 1848 году, въ Прагѣ, провозгласилъ Ганку „другомъ русскаго народа“ (подлинныя слова) и потому приглашалъ его на революцію въ Москву. Даже Мицкевичъ, еще въ 1829 году, просилъ Ганку включить и его въ число почитателей, оставивъ ему на память (въ іюлѣ) польскій привѣтъ: „szanownemu Sławianinowi na pamięć jeden z jego wielbicieli“. (Вѣроятно, Мицкевичъ желалъ придать одному слову немного чешскую форму—„na pamiętku“).

Такимъ образомъ, быть въ Прагѣ и не посѣтить музея, не посѣтить Ганки для русскаго было невозможною. Визитъ Ганкѣ—это былъ долгъ приличія для каждаго русскаго путешественника, тѣмъ болѣе—для образованнаго писателя. Этотъ общественный долгъ исполнилъ и Гоголь въ день 5-го августа 1845 года, т.-е., по общепринятой терминологіи, въ разгаръ его духовной гангрены...

До сихъ поръ исторія русской литературы ничего не знала объ этой взаимной встрѣчѣ „умирающаго“ Гоголя и Ганки. Предъ нами открывается дѣйствительно новый фактъ изъ жизни Гоголя, и фактъ не безъ значенія, въ виду его мѣста въ злополучномъ 1845 году, для правильнаго представленія о поэтѣ въ это время.

Но должны оговориться. Что Гоголь видѣлъ Прагу, познакомился съ ея воздухомъ, лѣтомъ 1845 года, объ этомъ извѣстно было. Въ „Русской Мысли“ приведенъ былъ лѣтній маршрутъ Гоголя изъ Карлсбада въ Силезію и тамъ стоитъ: „черезъ Прагу“. Но вопросъ—прожилъ ли Гоголь сколько-нибудь времени въ Прагѣ, или пролетѣлъ мимо, торопясь въ Присницу?

Открывши въ іюнѣ „опасное для почти умирающаго путешествіе“ (IV, 329) по Германіи для излеченія, Гоголь окольными путями прибылъ, наконецъ, 18-го или 19-го іюля въ Карлсбадъ. Сталъ пить воды, отъ которыхъ, по словамъ поэта,

¹⁾ Эпизодъ этотъ слышалъ мною въ 1888 году отъ покойнаго Я. О. Нѣмца, сына знаменитой чешской романистки изъ народнаго быта, Божемы Нѣмцовой. Мать и десятилѣтній сынъ были заблаговременно приглашены въ музей. Покойный Нѣмецъ ругался за подлинность словъ императора, что онъ ихъ твердо запомнилъ. Объ этомъ посѣщеніи Праги см. книгу Татищева: „Имп. Николай и иностранніе дворы“. Сиб., 1889, стр. 114.

„либо панъ, либо пропасть“, но пользы никакой. Письмо въ Языкову онъ начинаетъ словами: „пишу къ тебѣ разслабленный и еле движущійся“, и заключаетъ тѣмъ же: „слабость увеличилась и въ-силу могу *передоматъ ночь*“ (VI, 201, 203). Тотъ же тонъ умирающаго и въ письмѣ къ Смирновой. Но—нѣтъ ли и здѣсь преувеличенія?—спросимъ мы съ Жиряевымъ?

По соображеніи обстоятельствъ, ясно, что курсъ леченія продолжался не болѣе трехъ недѣль, а 3-го (15-го) или 4-го (16-го) августа Гоголь въ дилижансѣ поднимался на гору по забытому теперь Prager Chaussée, направляясь въ Прагу. Сюда онъ могъ прибыть на другой день.

На Коловратской улицѣ (теперь Прикопъ) стоялъ тогда, какъ стоитъ и теперь, большой отель „У чернаго-коня“. Черезъ домъ отъ этого отеля, вправо, видѣлось скромненькое старое зданіе Чешскаго музея. Теперь отъ него ни слѣда. Въ партерѣ музея, налѣво отъ воротъ, но съ входомъ изъ-подъ воротъ, ютилась убогая казенная квартира библиотекаря Ганки: двѣ комнаты съ кухней, съ однимъ окномъ на улицу. Въ этой-то квартирѣ 5-го (17-го) августа Гоголь и принесъ обычную дань уваженія всѣхъ русскяхъ—лично посѣтилъ Ганку, а остановился поэтъ, вѣроятно всего, „У чернаго-коня“.

Всегда радушный, толстенькій Ганка радушно встрѣтилъ и принялъ знаменитаго русскаго поэта у себя. И безъ майской аттестаціи Жиряева изъ Берлина, что Гоголь—„русская знаменитость“, Ганка, внимательно читавшій русскіе журналы, книги, хорошо зналъ, кто вошелъ къ нему. Поднялся ли Гоголь въ самый музей, на второй этажъ—не знаемъ. Замѣтимъ только, что лѣстница была каменная, довольно пологая. Радшіе приѣма засвидѣтельствовано самимъ Гоголемъ, какъ это мы увидимъ сейчасъ; слѣдовательно, поэтъ вынесъ недурное впечатлѣніе отъ своего новаго знакомства.

На память Ганкѣ, вѣроятно, при прощаніи, Гоголь собственоручно, твердымъ и четкимъ почеркомъ, написалъ слѣдующую небольшую грамоту (мы сохраняемъ орфографію поэта):

„Гоголь желаетъ здѣсь Вячеславу Вячеславичу еще сорокъ шесть лѣтъ ровно (,) для пополненія 100 лѣтъ (,) здравствовать работать печатать и издавать во славу славянской земли и съ такимъ же радушіемъ привѣтствовать всѣхъ Русскихъ къ нему заѣзжающихъ какъ нынѣ. 1845. 5 (17) августа“.

Ганка родился въ 1791 году, и при приемѣ Гоголя ему было 54 года; поэтому, желая Ганкѣ долгоденствія, Гоголь ука-

зываетъ то число, котораго недостаетъ „для пополненія ста лѣтъ“ у Ганки.

Итакъ, въ началѣ августа 1845 года „умирающій“ Гоголь останавливался въ Прагѣ, посѣтилъ Ганку и писалъ для Ганки, въ его квартирѣ, на память о своемъ посѣщеніи нѣсколько строкъ въ нѣсколько „забавномъ слогѣ“. Гоголь хорошо зналъ про установившійся десятилѣтіями общерусскій обычай—разъ въ Прагѣ, то съ визитомъ въ музеѣ, у Ганки, и онъ счелъ и своимъ долгомъ неукоснительно исполнить этотъ русскій долгъ, разъ судьба его занесла сюда по пути изъ Карлсбада въ Грэфенбергъ, къ знахарю Присницу. Но Гоголь сдѣлалъ болѣе: онъ писалъ, онъ шутилъ предъ Ганкою.

Едва ли 1845 годъ въ жизни Гоголя—годъ фатальный, оставившій послѣ себя матеріалъ лишь для скорбнаго листа опасно больного; едва ли не правъ случайный весенній наблюдатель надъ Гоголемъ въ Висбаденѣ, что знаменитый поэтъ боленъ не мало отъ своего воображенія и все потому преувеличиваетъ. Пражскій визитъ Ганкѣ, въ серединѣ этого злополучнаго года, въ разгаръ душевной болѣзни поэта, не разрѣшаетъ намъ согласиться съ устанавливающимся взглядомъ на этотъ годъ въ жизни Гоголя.

Ни Прага, ни Ганка, никакою чудодѣйственною силою не обладали, а просто нездоровая, вѣчно хнычущая обстановка перемѣнилась на здоровую, дѣятельную, полную жизни (чеху ипохондричать нельзя—нѣтъ времени), и—„нынѣшній“ Гоголь напомнилъ вдругъ „прежняго“...

IV.

Имя великаго писателя, изученію дѣятельности и жизни котораго посвятилъ себя всецѣло авторъ „Матеріаловъ“, разрѣшаетъ намъ, въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ, предложить и болѣе мелкія, но необходимыя поправки невѣрностей, проскользнувшихъ въ изданіе.

Издатель напрасно оставилъ безъ исправленія рассказы изъ газеты „Берегъ“ о чтеніи Гоголемъ въ Москвѣ своей „Женитьбы“ въ присутствіи старика И. И. Дмитріева, названнаго тамъ министромъ народнаго просвѣщенія. Дмитріевъ былъ министромъ, но—юстиціи, въ десятыхъ годахъ, при императорѣ Александрѣ I.

Изъ рассказовъ нашего недавняго сослуживца, инспектора студентовъ, П. И. Балдина, намъ извѣстно, что отецъ его въ

сороковыхъ годахъ былъ управляющимъ въ имѣніи Языкова. Слѣдовательно, ошибочно этотъ управляющій постоянно называется Балдовымъ (IV, 168 и др.).

Едва ли правильно А. Н. Демидовъ, по Гоголю, Коробочка, т.-е. безтолковый, названъ „нѣкто“ (III, 425). Это—извѣстный богатъ, въ сороковыхъ годахъ почти помѣшавшійся на желаніи во что бы то ни стало быть академикомъ въ Вѣнѣ, извѣстный князь Санъ-Донатъ. Онъ былъ верхъ суетности и скупости.

Въ разсказѣ объ одесской жизни Гоголя есть нѣсколько неточныхъ обозначеній. Такъ Н. Неводчиковъ называется то учителемъ внуковъ извѣстнаго А. С. Стурдзы (IV, 698 и др.), то пріителемъ того же Стурдзы (IV, 825). Николай Неводчиковъ былъ домашнимъ секретаремъ у Стурдзы, писалъ для него письма и пр., такъ какъ самъ Стурдза видѣлъ плохо, а работалъ много. Онъ былъ изъ кандидатовъ московской духовной академіи, выпуска 1844 года. Позже долгое время былъ законоучителемъ въ Одессѣ, въ 1880 году принялъ монашество съ именемъ Неофита, былъ викарнымъ въ Одессѣ, потомъ епископомъ ташкентскимъ, наконецъ архіепископомъ вишиневскимъ. Нынѣ восьмидесяти-лѣтній старецъ, на покоѣ, управляетъ монастыремъ около Измаила, въ Бессарабіи.

Въ Одессѣ никакого О. М. Павловскаго (IV, 824) не было; въ письмѣ Стурдзы къ Гоголю, писанномъ, конечно, Неводчиковымъ, тутъ это надо читать: отецъ Михаилъ Павловскій, и это тотъ самый протоіерей, письмо котораго къ Гоголю помѣщено на слѣдующей страницѣ, и о которомъ уже есть упоминаніе раньше (IV, 698, прим.). От. Павловскій — знаменитый до послѣдняго времени († 1898) духовный ораторъ, высоко образованный человѣкъ, профессоръ богословія въ бѣвшемъ Рипельевскомъ лицей и новороссійскомъ университетѣ (до 1873 года) и въ свои девяносто лѣтъ полный жизни человѣкъ и неравнодушный читатель „Вѣстника Европы“. Въ нашей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1894 г. о гр. Сперанскомъ подъ одесскимъ старожиломъ разумѣется этотъ Павловскій.

Какъ отмѣчено у насъ выше, попечитель Д. М. Княжевичъ, одноклассникъ съ С. Т. Аксаковымъ въ казанскомъ университетѣ, скончался въ 1844 году. Вотъ почему Гоголь познакомиться съ этимъ Княжевичемъ въ Одессѣ не могъ (IV, 699, прим.), и никогда никакихъ „подробностей“ объ этомъ знакомствѣ не найдется. Та же ошибка повторяется и позже, что Гоголь въ 1851 году собирался въ Крымъ, въ деревню къ Д. М. Княжевичу, строилъ планы и пр. (IV, 809), — по воспоминаніямъ Дани-

левскаго. Но дѣло объясняется тѣмъ, что въ Крыму, кажется, въ еодосійскомъ уѣздѣ, какъ теперь, такъ и тогда были крупныя землевладѣльцы Княжевичи, родственники Д. М. Княжевича. Конечно, простая опечатка, что нашъ Княжевичъ (IV, 935) названъ Д. К. Княжевичемъ.

Наконецъ, не можемъ обойти молчаніемъ, что корректурныя недосмотры иногда не даютъ смысла тому или другому мѣсту. Ограничимся однимъ, другимъ примѣромъ.

Въ извѣстномъ выраженіи Гоголя: „Полюбуйся на сынку!“ (III, 26) нѣтъ смысла. Но онъ получается, если слово „на“ поставить между запятыми. Малорусское „сынку“ (а оно въ данномъ мѣстѣ)—звательный падежъ, и слово не женскаго рода, чтобы можно было его связать съ предшествующимъ „на“, принимая послѣднее за извѣстный предлогъ. Здѣсь слово „на“—общерусское слово, въ значеніи глагола въ повелительномъ наклоненіи.

Мы никоимъ образомъ не можемъ себѣ представить, чтобы мимо Гоголя, по выѣздѣ изъ Бремена, могли „по очереди“ „быстро промелькнуть“ сначала Дюссельдорфъ, а потомъ земли—мекленбургскія, ганноверскія, прусскія и датскія (III, 120). Именно не та очередь должна бы быть. Для провѣрки стоитъ только обратиться къ картѣ Германіи. Мекленбургскія и датскія земли во всякомъ случаѣ оважутя не на пути Гоголя, выѣхавшаго изъ Берлина въ Дюссельдорфъ...

А. Кочувинскій.

Одесса.

Декабрь 1901 г.

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

XIX *).

Въ столовой гостиницы губернскаго города, куда Булашовъ и Костровинъ условились съѣхаться, послѣ экскурсіи, и вмѣстѣ переночевать, они доканчивали теперь ужинъ.

Отель, содержимый нѣмцемъ, нашли они лучше, чѣмъ ожидали. Ёда показалась имъ даже очень вкусной, и прислуживалъ имъ опрятный официантъ, во фракѣ.

Кромѣ нихъ, никого уже не было въ столовой. Шелъ двѣнадцатый часъ. Завтра они ѣдутъ въ Москву, гдѣ Костровинъ останется дня на два, а Булашовъ переѣдетъ съ одного вокзала на другой и вернется въ Петербургъ.

Бесѣда ихъ текла тихо и неторопливо, отдаваясь въ обширной залѣ, съ неизбѣжнымъ длиннымъ столомъ по срединѣ, украшеннымъ двумя вазами для шампанскаго и двумя канделябрами.

Они сидѣли за небольшимъ столикомъ, въ сторонѣ.

Ихъ „экскурсія“, въ общемъ, удалась. Булашовъ наладилъ дѣло и поручилъ его дальнѣйшее веденіе Топоркову. Костровинъ тоже ѣздилъ по ближайшимъ мѣстамъ съ Топорковымъ, пока пріятель его отправлялся въ болѣе отдаленныя мѣстности, и одинъ, и въ сопровожденіи своего жоака, Егора Веденѣва.

Все это взяло у нихъ съ небольшимъ двѣ недѣли. Усталости они не чувствовали. Булашовъ былъ даже особенно „взвинченъ“ —

---

*) См. выше: февр., 482 стр.

какъ онъ самъ выражался. И Костровинъ смотрѣлъ бодрѣе, хотѣ и былъ все такъ же худъ, съ глубокими орбитами глазъ.

— Не жалѣешь, что послушался меня?—спросилъ его Булашовъ.

— Нѣтъ, нимало не жалѣю и даже благодаренъ тебѣ, Викторъ-Сергѣевичъ. Ты меня окунулъ въ настоящую жизнь... изъ той новомодной, петербургской, куда вотъ опять надо возвращаться...

— Не на вѣчныя же времена!

Костровинъ всталъ, ничего на это не отвѣчая.

— Мы опять въ одной спальнѣ, какъ тамъ, у Топоркова, — замѣтилъ Булашовъ, идя вслѣдъ за пріятелемъ.

Они должны были спуститься внизъ, гдѣ имъ приготовили обширный номеръ изъ двухъ комнатъ, съ входомъ прямо изъ передней—родъ гостиной и спальни.

Все было „по-вѣмецки“ чисто—и мебель, и бѣлье.

Какъ всегда, Булашовъ гораздо скорѣе раздѣлся и легъ; а Костровинъ еще оставался полураздѣтымъ и присѣлъ, по своей привычкѣ, на край постели.

— А какъ скажешь, другъ?—заговорилъ онъ.—Ну, вотъ мы закупаѣи всякую антисептическую бѣду. Ты не въ первый, а я положительно въ первый разъ видѣлъ поближе—какъ процвѣтаютъ наши „пейзаны“... наживающіе себѣ цынгу и тифъ, и другія прелести. Впервые также испыталъ я... настоящій приливъ чувства стыда... за то, что я—въ лагерѣ сытыхъ... что я—буржуй, владѣющій двумя домами и дачей. Но вѣдъ съ этимъ чувствомъ дальше вотъ такого вида благотворительности не пойдешь?—Такъ ли?

— Оно все-таки лучше, чѣмъ ничего.

— Однако... есть коренные народники, ищущіе божественной правды—да и первый Топорковъ долженъ бы такъ разсуждать,—которые находятъ, что такая благостыня ни къ чему, что надо дойти до корня...

— А тѣмъ временемъ пускай мрутъ, безъ призору, отъ повальныхъ болѣзней?! И Топорковъ, и его учитель—какъ видишь—не держатся уже такого парадокса. Топорковъ обратился къ публикѣ съ заявленіемъ и написалъ ко мнѣ... И его письмо вышло нашу поѣздку.

Костровинъ легъ въ постель и спросилъ:

— Тушить?

— Туши!

Въ темнотѣ Булашовъ, помолчавъ, какъ бы желая поправить себя, сказалъ:

— Если правду говорить, Костровинъ... не одно обращение Топоркова вызвало нашу поѣзду...

Ему захотѣлось вдругъ привнаться Костровину въ томъ, что вышло у него съ графиней Буниной.

О ней онъ—до сихъ поръ—ни единымъ словомъ не проговорился, но, въ эту минуту, онъ нашелъ такое „скрытничанье“ не товарищескимъ, особенно съ Костровинимъ.

— Чтò же такое?—спросилъ тотъ.

— Я разсердился на одну госпожу... „феминистку“... И когда она мнѣ сказала, что послѣ обращения Топоркова собирается посылать помощь...

— Да ты самъ пожелаешь... Не ей же въ отместку?

— Несовсѣмъ. Но въ родъ того. Все-таки же некрасивое побужденіе—каюсь! Но такъ было! А въ концѣ концовъ сдѣлали не плохое дѣло,—по милости женщины.

— Ха, ха!—тихо разсмѣялся Костровинъ.—Выходитъ, толчокъ... всегда отъ нихъ. Вотъ тоже и первая моя экскурсія съ тобою на Волгу... И въ той поѣздѣ меня привлекало болѣе всего знакомство съ сектантами. И все это идея Ины!.. А у тебя, оказывается, соперничество, чтò-ли... съ тою госпожей? Вотъ ты такой цѣльный и уравновѣшенный, а не ушелъ, однако, отъ тяги... въ ту же сторону...

И онъ негромко вздохнулъ.

— А вѣдь... въ народѣ-то какъ все это проще...

— Еще бы!—откликнулся Булашовъ.—Замѣтилъ ты—какая красавица сестра Василія Егорова?

— Замѣтилъ.

— У нихъ бракъ—не то. Нѣтъ никакой кабалы. Не объявляютъ неизмѣннымъ того, чтò потомъ такъ грязнить и осверняютъ похода, и въ крестьянскомъ, и въ барскомъ быту.

— Тебѣ, навѣрное... всего бы лучше жилось съ единовѣрцами Василія Егорова. Такъ ли?

— Да, — подумавъ, отвѣтилъ Булашовъ.— Въ нихъ всего больше душевнаго здоровья.

— Только... вотъ видишь, другъ... и у нихъ нашлись настоящіе евангелики, которыхъ потянуло туда, чѣмъ кончилъ Наумъ Степановъ съ братьей, не смущаясь тѣмъ, что они будутъ подъ сильнымъ запретомъ. Велика, значить, потребность въ чемъ-то другомъ, а главное—въ символѣ... по просту говоря—въ обрядѣ. Безъ этого—сухо... хотя и проникновенно, и разумно...

— Время покажетъ!

— Ахъ, Булашовъ! — вскричалъ Костровинъ, повернувшись лицомъ къ другу.— Тебѣ на роду написано стоять надо всѣмъ этимъ... въ той области мысли и чувства, гдѣ царить догматъ свободы совѣсти. Дѣло великое!.. Но всѣмъ ли можетъ оно довѣсть? Другъ!.. скажи по совѣсти!

— Нѣтъ, не всѣмъ. Да и кто поручится за ту пристань, куда его приведетъ работа... съ той же совѣстью?—выговорилъ Булашовъ болѣе задушевною нотой.

— Никто не знаетъ,—въ тонѣ ему отвѣтилъ Костровинъ.— Первое... женщина. Ну, тебя она не заведетъ ни въ какую хлябь. Ты, другъ, будь ты не баринъ, не интеллигентъ, а вотъ такой бы начетчикъ, какъ Василій Егоровъ—въ извѣстные года взялъ бы себѣ въ подруги благообразную дѣвицу... вотъ такую, какъ его сестра, какъ, бишь, ее звали?

— Арина, кажется.

— И между вами было бы полное единеніе... Съ барышнями... съ дѣвицами твоего круга... это будетъ труднѣе.

И, помолчавъ, Костровинъ спросилъ:

— Она... кто же собственно... эта госпожа, которая дала, какъ ты говоришь, толчокъ къ нашей повѣздѣ?

— Помнишь... у васъ, на дачѣ, я познакомился съ такимъ курьезнымъ студентомъ?

— Графъ Бунинъ?

— Кузина его.

И Булашовъ напомнилъ ему, по какому поводу онъ—въ первый разъ—видѣлся съ ней, въ Москвѣ, и кто она.

— „Феминистка“, значить, заядлая?

— За такую выдаетъ себя... по крайней мѣрѣ. Но это не игра, не рисовка. Она—характеръ.

— А подъ этимъ чтò? Можетъ, всѣ вопросы для нея рѣшены? И попади она съ нами къ сектантамъ—для нея это все немножко мѣньшая степень суевѣрія?

— Вѣроятно.

Булашовъ не хотѣлъ говорить о графинѣ въ такомъ направленіи. Развѣ онъ ее знаетъ настолько хорошо, чтобы судить рѣшительнымъ тономъ?

Она передъ нимъ ни въ чемъ не провинилась; а у него къ ней, и до сихъ поръ, не прошло слишкомъ личное, мелочное чувство, на него совсѣмъ не похожее.

— Графиня... не знала, что я уѣхалъ за тѣмъ же къ Топорову.

— И до сихъ поръ не знаетъ?—спросилъ Костровинъ.

— Оттуда... я написалъ ей... Признаюсь, это меня беспокоило.

— Вообще... по нравственной чистоплотности... или нежеланію имѣть лишніе счеты съ этой особой?.. Я про нее слышанъ. Ина тоже имѣетъ о ней понятіе.

— И что же Ина Николаевна говорить о ней?

— Ты знаешь... какъ вообще Ина смотритъ на такъ-называемое „женское движеніе“. Она называетъ это: „добиваться приравненія къ чернорабочему—мужчинѣ“. Никакого подчиненія женщины она не признаетъ и доказываетъ, что тогда-то и начнется рабство, когда женскій полъ получитъ всѣ права.

— Въ этомъ есть не малая доля истины,—замѣтилъ Булашовъ.

— И ты имѣлъ уже случай высказать это твоей „феминисткѣ“?

— Не вполне, а отчасти...

— Что-жъ!.. Часто начинается съ принципиальной схватки, а глядишь... произойдетъ совсѣмъ другой финалъ.. Женщина—такая же тайна, какъ и загадка вселенной. Въ ней зародился человѣкъ... а стало... и все, къ чему его тянетъ... и внизу, и вверху. И лучше, Булашовъ,—не разбирать того, чѣмъ она насъ держитъ. Меня не щемитъ мужское тщеславіе. И ты, вѣроятно, не со вчерашняго дня находишь, что въ нашемъ брачномъ союзѣ первый нумеръ Ина Николаевна? Кто кого больше любить? Не хочу допытываться, другъ. Боюсь. Кто надъ кѣмъ властвуетъ въ духовномъ смыслѣ? Не знаю. Вотъ Инѣ бы очень пріятно было, чтобы я пѣлъ съ ней въ одну ноту и обрѣлъ высшее успокоеніе въ ихъ культѣ красоты... яко бы на религіозной подкладкѣ.

— Но ты не можешь?—прервалъ его Булашовъ.

— До сихъ поръ не могу! А надѣвать на себя личину—стыдно. Однако... вотъ видишь... первая Ина заговорила о томъ, что моя натура должна меня тянуть въ сверхчувственные сферы. Она и тебѣ это стала развивать. Ея идея была—моя первая пѣздка. И когда я ей признался, въ принадлежѣ петербургской хандры, и передалъ твое предложеніе, то она ухватилась не за помощь народной нуждѣ, не за капусту и хрѣнъ, и картофель... и цыггу, и все прочее, а за то, что я попаду къ сектантамъ...

Костровинъ совсѣмъ-было смолкъ: но вдругъ пододвинулся головой къ краю подушки, и голосъ его дрогнулъ:

— А того она не рассудила, что меня-то и не надо бы припускать... ни въ чему такому...

Вопросъ зазвучалъ какъ бы упрекомъ и пріятелю. Булашовъ такъ это и понялъ, и ничего не сказалъ.

Окончательно замолчалъ и Костровинъ.

Въ гостинницѣ все уже спало. Въ передней пробило часть ночи...

У себя, на письменномъ столѣ, Булашовъ, по возвращеніи въ Петербургъ, нашель письмо, принесенное за нѣсколько дней до его пріѣзда челоуѣкомъ графини Буниной.

Это былъ отвѣтъ на то, что онъ ей писалъ изъ уѣзда. Своего городского адреса онъ ей не давалъ ни устно, ни письменно. Она—не дожидаясь его визита—узнала его адресъ и прислала письмо съ челоуѣкомъ.

И то, что онъ нашель на двухъ страницахъ этого письма, вызвало въ немъ желаніе сегодня же быть у графини.

Она даже не попеняла ему, хотя бы въ шутливой формѣ, за то, что онъ ничего ей не сказалъ, въ Петербургѣ, о своей собственной поѣздкѣ; приписала это его скромности. Вообще, тонъ письма былъ простой, почти задушевный, совсѣмъ не отзывающійся ея тономъ въ разговорѣ.

Но не можетъ быть, чтобы такая умная дѣвушка не поняла того, что его заставило написать ей оттуда, съ мѣста.

Врядъ-ли одно желаніе извѣстить ее, что Топорковъ исполнилъ все, о чемъ она его просила, и нашель даже двухъ „земцевъ“, которые охотно взяли на себя заботу о дальнѣйшемъ. Конечно, она знаетъ это и отъ самого Топоркова.

Въ припискѣ стояло:

„Буду душевно рада видѣть васъ, по возвращеніи въ Петербургъ. Если не хотите, чтобы помѣшали нашему разговору—дайте мнѣ знать съ утра. Я такъ и распоряджусь“.

И первая его записка была къ ней. Онъ ее послалъ, по пріѣздѣ, съ дворникомъ дома, какъ бы не довѣря простому посылному.

Отвѣта онъ ждалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, и не хотѣлъ ѣхать завтракать, не получивъ его.

Дворникъ вернулся съ запиской и доложилъ, что ему пришлось ждать: графиня уѣхала куда-то рано утромъ и только что вернулась.

Дорогой—послѣ завтрака въ ресторанѣ—онъ не могъ подавить какой-то тревоги, не разбирая—откуда она идетъ. Но такой именно тревоги онъ очень давно не ощущалъ—съ годовъ студенчества.

Графиня просила его быть въ началѣ третьяго, когда имъ никто не помѣшаетъ и—прибавила она— „не будетъ представительницъ не совсѣмъ пріятнаго вамъ *феминизма*“.

Слово было подчеркнуто.

Его приняли не въ гостиной, а въ дѣловомъ кабинетѣ, съ двумя большими рѣзными шкапами.

Она шла къ нему на встрѣчу, съ протянутой рукой, и, послѣ крѣпкаго пожатія, сейчасъ же сказала:

— Еще разъ спасибо! Только какъ это вы! Мнѣ—ни гугу! Это слишкомъ ужъ скрытно, Викторъ Сергѣевичъ!

Въ первый разъ она назвала его по имени-отчеству

— Ну, садитесь. Рассказывайте! Все идетъ очень хорошо. И я какая глупая. Когда вы у меня тогда были—мнѣ и въ голову не пришла самая простая вещь—спросить васъ. Можетъ быть... вы меня смутили...

— Васъ?

— Развѣ я такая воинственная? Мнѣ кажется, напротивъ. Въ васъ было что-то такое противъ того, что здѣсь говорилось. Согласитесь, зачѣмъ же бы я стала хитрить и подлаживаться... подъ то, чего во мнѣ нѣтъ? Но это все детали. Расскажите же немного про вашу поѣздку.

Тутъ онъ взглянулъ на нее смѣлѣе и тихо выговорилъ:

— Долженъ начать съ маленькой исповѣди, графиня.

— Какъ это церемонно! Зовите меня Варвара Александровна—tout court.

— Слушаю-съ.

— Въ чемъ же вы хотите исповѣдоваться передо мною?

— Въ нехорошемъ, личномъ чувствѣ. И оно помѣшало мнѣ сразу написать вамъ... передъ отъѣздомъ отсюда, что вы мнѣ дали эту идею. Женщина, если угодно, пристыдила меня.

— Я?—удивленно переспросила графиня.

— Не желая того! Я все дѣлалъ болѣе или менѣе кислая оговорки на то движеніе, которому вы служите; а вы мнѣ показали, что такъ способны откликаться совсѣмъ не на одинъ только родъ интересовъ.

— Ха, ха, ха!—добродушно разсмѣялась графиня.—Можетъ быть, и я была немного виновата. Знаю, что у меня слишкомъ увѣренный, иногда рѣзкій тонъ. Это явилось, вѣроятно, оттого, что я слишкомъ горячо стремилась къ самостоятельности. Не нужно было такъ торопиться. Жизнь слишкомъ хорошо помогла этому.

Лицо графини затуманилось.

— Я уже давно осталась одна.

На вопросительный взгляд Булашова она добавила:

— Родителей я лишилась, когда и по закону стала совершеннолѣтней... Простите. Я вѣдь васъ, кажется, перебила?

— Да, графиня,—заговорилъ Булашовъ, съ новымъ напыломъ искренности,—вы меня пристыдили!

— Чѣмъ же?—Тѣмъ, что я вамъ сказала о письмѣ Топоркова и его заявленіи? Вы и сами могли это узнать немного поздне. Вотъ и все!

Выходило не совсѣмъ то, чего онъ желалъ. Въ ней не было той отзывчивости, какая ему нужна была въ эту минуту.

„Неужели она такъ суха?“—подумалъ онъ тотчасъ же.

И вдругъ вся его „исповѣдь“ показала ему сентиментальной выходкой.

„Не слѣдовало изливаться!“—подумалъ онъ про себя.

— Значить, теперь уже все налажено?—спросила графиня, впадая въ дѣловой тонъ.—Но все-таки надо бы составить здѣсь кружокъ. Я объ этомъ думала. Но столько приливаетъ другихъ хлопотъ. Позвольте маленькій вопросъ: вы вѣдь вообще свободный человѣкъ?

— Болѣе, чѣмъ многіе другіе,—отвѣтилъ Булашовъ, чувствуя, что съ него слетѣло то настроеніе, съ которымъ онъ ѣхалъ сюда и началъ разговоръ съ графиней.

— Вы вѣдь не служите?

— Нигдѣ... и не собираюсь.

— Васъ интересуетъ народъ... и его религіозная жизнь?

— Не одинъ народъ,—почти вѣхота отвѣтилъ Булашовъ.— Но то, что для меня всего цѣннѣе въ его жизни—врядъ ли, графиня, особенно интересно вамъ.

Въ его тонѣ опять слышались ноты того Булашова, который „оговаривалъ“ феминистку—въ ихъ первое свиданіе въ Петербургѣ.

— Вотъ видите... Викторъ Сергѣевичъ, вы мнѣ сами приписываете то, чего во мнѣ, быть можетъ, совсѣмъ и не окажется. Надо объ этомъ много говорить. Я не знаю—столкуемся ли мы съ вами вполне; но, увѣряю васъ, въ одномъ я окажусь вполне солидарной съ вами—насколько я васъ понимаю:—въ вашемъ ратованіи за свободу совѣсти.

Онъ слушалъ, не глядя на нее, и ему опять непріятенъ дѣлался самый языкъ ея, выборъ словъ, слишкомъ книжныхъ выраженій: и „солидарна“, и „ратованіе“. Слова „свобода совѣсти“ зазвучали въ ея тирадѣ чѣмъ-то избытымъ.

— Но для такой бесѣды нужно время,—продолжала графиня.—А у меня оно всегда въ обрѣвъ... до обѣда. Вечера свободнѣе. Во всякомъ случаѣ... позвольте на васъ разсчитывать, какъ на своего человѣка. На дняхъ я соберу элементы нашей будущей комиссіи. И попрошу васъ... вы не откажетесь?

Графиня говорила это уже на ногахъ, подавая ему руку. Булашовъ поклонился молча.

XX.

Въ квартирѣ Костровиныхъ стояли сумерки. Ины Николаевны не было дома. Ни въ гостиной, ни въ кабинетѣ Павла Алексѣевича еще не пускали электрическаго свѣта. Только передняя и коридоръ были уже освѣщены.

Костровинъ бродилъ по комнатамъ, нигдѣ не останавливаясь. Изъ своего кабинета онъ прошелъ сначала въ столовую; оттуда, также медленно, съ опущенной головой въ спальню, изъ спальни въ гостиную.

Третій день въ немъ идетъ глухая работа...

И онъ молчитъ. Молчитъ, охваченный боязнью узнать безповоротно правду.

Было это на другой день по его возвращеніи сюда.

Ина встрѣтила его на вокзалѣ, была очень ласкова и весела, острила надъ ихъ „капустникомъ“—какъ она называла закупки капусты... Гораздо серьезнѣе разспрашивала о знакомствѣ съ сектантами, наводя его какъ разъ на то, что въ немъ самомъ стало бродить еще тамъ, въ тихія ночи, во флигелѣ, когда онъ остался одинъ, особенно въ ту ночь, когда его разбудилъ гулъ колокола, призывавшаго къ заутрени.

Костровинъ отправился въ концертъ, въ залу Кредитнаго Общества. Ина не пожелала, говоря, что у нея будутъ гости.

Возвращался онъ довольно рано, въ началѣ одиннадцатаго, пѣшкомъ, по Театральной улицѣ. Отъ нихъ это—нѣсколько минутъ ходьбы.

У него свой ключъ. Онъ не любитъ беспокоить прислугу. Вошелъ онъ, какъ всегда, очень тихо, самъ повѣсилъ пальто и увидалъ на вѣшалѣ чью-то мужскую шинель, съ бобровымъ воротникомъ. И тутъ только вспомнилъ, что Ина ждала къ себѣ кого-то. Дамскихъ вещей онъ ни на вѣшалѣ, ни на подзеркальничкѣ не замѣтилъ.

Ни на кого онъ особенно не подумалъ и прошелъ по ковру—такъ же беззвучно—въ кабинетъ, положилъ на письменный столъ

бинокль, связъ скюртку, освѣжилъ немного голову одеколономъ и надѣлъ пиджакъ.

„Скоро подадутъ чай“, — подумалъ онъ

Изъ столовой не доходило никакого стука посуды и въ коридорѣ не слышалось шаговъ прислуги.

Точно все вымерло въ квартирѣ.

Это показалось ему страннымъ.

Замедленнымъ шагомъ прошелъ онъ по коридору въ двѣрямъ гостиной.

Полукруглый диванъ стоялъ спиной въ двери, занимая часть лѣвой стѣны. На немъ Ина принимала обыкновенно своихъ гостей, и въ ея приемные дни сбоку ставился столикъ съ чайнымъ приборомъ и печенъемъ.

Изъ-за довольно высокой спинки видны только головы тѣхъ, кто сидитъ на диванѣ, не сбоку, а по срединѣ.

Костровинъ остановился въ портьерѣ и замеръ.

Онъ увидалъ головы Ины и Кублицкаго въ пологорота. И губы ихъ слились въ долгій поцѣлуй.

Ему сдѣлалось такъ нехорошо, что онъ почти отскочилъ назадъ, и въ коридорѣ его качнуло въ сторону, такъ что онъ долженъ былъ рукой упереться въ стѣну.

Въ кабинетѣ онъ почти упалъ на кушетку, испытывая что-то въ родѣ дурноты.

Придя въ себя, онъ освѣжилъ голову одеколономъ и былъ нѣсколько минутъ точно физически ошеломленный.

„Что это такое? — спрашивалъ онъ себя. — Не галлюцинація ли это?“

Но онъ слишкoмъ ясно и отчетливо видѣлъ все...

Они не слышали его шаговъ.

Можетъ быть и слышали, но уже тогда, когда онъ шарханулъ назадъ въ дверь.

„Убѣжалъ, какъ трусъ!“ — повторялъ онъ, когда голова его стала усиленно работать.

Нѣтъ, онъ испугался... но не скандала.

Если она, — думалъ онъ, — уже любовница Кублицкаго, то кто же поручится за то, что она уже не была *его* — до его отъѣзда? Развѣ она не обрадовалась идеѣ Булашова увести его съ собою?

А въ Москвѣ... Только онъ — мужъ — въ своемъ идиотскомъ благодушii не придавалъ никакого значенiя ея постоянной игрѣ съ мужчинами.

Что бы было, еслибъ онъ захватилъ ихъ и потребовалъ объясненiя?

Костровинъ не въ силахъ былъ дать на это никакого отвѣта. Въ груди ныло, въ темя и въ виски стучало. Его начинало бить, какъ въ лихорадѣѣ.

И вдругъ онъ опустился на колѣни и сталъ шептать молитвенныя слова. Какія? Онъ не могъ бы самъ сказать—какія. Слезы потекли по щекамъ. Стало легче. Онъ приподнялся и присѣлъ къ столу, и такъ пробылъ нѣсколько минутъ, съ головой, опущенной на ладонь руки.

Ему послышалось—какъ будто горничная прошла съ чѣмъ-то въ столовую,—вѣроятно, пронесла самоваръ. Онъ опять освѣжилъ лицо, поглядѣлъ даже въ зеркало, поправилъ галстухъ и минутъ черезъ пять позвонилъ.

Пришла горничная.

Они привезли изъ Москвы своего человѣка.

— Гдѣ же Степанъ?—спросилъ онъ.

— Отпросился у барыни.

— Господа въ гостиной?

— Сейчасъ перешли въ столовую. Извините, Павелъ Алексѣевичъ, я не знала, что вы изволите быть дома...

Ина заваривала чай, когда онъ вошелъ въ столовую. Кублицкій сидѣлъ сбоку.

Они не могли бы сразу замѣтить, какимъ взглядомъ обинулъ ихъ Костровинъ.

Первая обернулась Ина.

— А! Ты вернулся!

— Какъ видишь!—отвѣтилъ онъ, боясь, что у него задрожитъ голосъ.

Кублицкій поздоровался съ нимъ церемонно, все съ той же кисловатой усмѣшкой на безцвѣтныхъ губахъ.

— Ну, какъ концертъ?—спросила Ина.

— Хорошъ.

— Хочешь чаю?

— Налей.

Костровинъ продолжалъ слѣдить за собою.

О чемъ пошелъ разговоръ—онъ теперь не можетъ вспомнить. Кажется, и онъ въ немъ участвовал. Голоса ихъ звучали безъ малѣйшаго признака смущенія. Значитъ, они ничего не слышали. Но въ немъ все росло убѣжденіе, что это ему не показалось, что только охваченные чувственнымъ пыломъ они могли такъ забыться, что не слышали его шаговъ.

И чувство грязи начало его душить.

Онъ помнить, что мысленно повторялъ про себя одно всего слово:

„Сало“!

И этотъ звукъ „сало“ зудилъ въ его ухѣ, точно онъ произносилъ его вслухъ.

Вся его цѣломудренная природа проснулась въ немъ, изъ тѣхъ годовъ, когда онъ избѣгалъ женщинъ.

Онъ не высидѣлъ за чайнымъ столомъ и подъ какимъ-то предлогомъ удалился, кажется, сказавъ, что у него мигрень.

Въ кабинетѣ онъ легъ на диванъ, гдѣ иногда отдыхалъ передъ обѣдомъ, и лежалъ въ темнотѣ, сколько—онъ не знаетъ.

— Поль!—окликнулъ его голосъ Ивы.—Ты заснулъ здѣсь?

— Да,—чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— Все голова болитъ?..

Онъ хотѣлъ-было спросить:—„Тотъ ушелъ“?

Но ничего не спросилъ. И сказалъ только:

— Я здѣсь буду спать.

Она не настаивала и прислала горничную съ одѣяломъ, подушками и бѣльемъ.

И чтобы ничто его не выдало,—онъ быстро раздѣлся и легъ въ постель.

Кажется, чья-то шаги приближались къ двери въ кабинетъ. Можетъ быть, это была и она.

Его внезапный уходъ врядъ ли показался женѣ его подозрительнымъ.

Онъ подверженъ частымъ головнымъ болямъ. Ничто не могло быть проще, какъ такой припадокъ мигрени. Да и разговоръ съ поэтомъ для него не особенно привлекателенъ.

Все было мертвенно тихо въ квартирѣ; а онъ лежалъ на спинѣ, съ раскрытыми глазами, и минутами вздрагивалъ, когда его схватывала снова ѣдая душевная боль.

Неужели такъ и пойдетъ дальше? Какая безконечная ложь и грязь! Не лучше ли сразу рѣзнуть, встать и пойти къ ней и задать ей всего одинъ вопросъ:

„Цѣловалась ты съ Кублицкимъ, или нѣтъ“?

А что, если она отвѣтитъ:—„Да, цѣловалась“?

Какъ же тогда быть? Выслушивать ея объясненіе? А если она пожелаетъ отдѣлаться чѣмъ-нибудь лживо-циничнымъ или вышутить его, какъ она умѣетъ это дѣлать,—звѣрь можетъ подняться въ немъ... и онъ вкинется душить ее...

И передъ нимъ, попеременно, всплывали лица деревенскихъ пріятелей, то Василя Егорова, то Наума Степанова.

Какъ бы они чувствовали и поступали?

За чувство кто же можетъ отвѣчать? И барина, и мужика одинаково мучить сердечная боль.

Но поступили бы они—навѣрное—такъ, какъ имъ повелѣлъ Тотъ, Кто принялъ на себя всѣ страсти и страданія челоувѣчества. Въ нихъ всегда живетъ вѣра въ Него, и, развернувъ книгу „Благой Вѣсти“ съ глубокимъ благоговѣніемъ, они нашли бы слова правды и прощенія.

Но чтобы простить, надо знать, что прощаешь: преступленіе или пустой проступокъ?

Такъ и протянулась эта ужасная ночь, безъ сна, въ безконечномъ самогрызеніи. Только предъ самымъ разсвѣтомъ онъ забылся.

Ина еще спала, когда онъ уѣхалъ. Первая его мысль была—броситься къ Булашову.

Но съ чѣмъ бы онъ явился къ нему? Съ подозрѣніями, съ рассказомъ о томъ, что ему показалось? Онъ не поѣхалъ къ нему, а такъ „путался“ по городу, до часа завтрака. Ему слишкомъ мучительно было оставаться съ самимъ собою.

Ина спросила его самымъ обыкновеннымъ тономъ—прошелъ ли его мигрень, куда-то его звала, уѣхала въ Гостинный-Дворъ и еще куда-то.

И онъ съ ней говорилъ, какъ всегда, ласково и уклончиво, какъ мужъ, взявшій давно „складку“ вротваго подчиненія женщины, которая привыкла мягко владычествовать.

И вотъ идетъ третій день, а для него тянется все та же двойственная жизнь... какой онъ никогда не испытывалъ. Полную беспомощность чувствовалъ онъ. Нѣсколько разъ, наединѣ, въ кабинетѣ, онъ готовъ былъ молить о ниспосланіи ему той благодати, которая даетъ усладу въ самыхъ адскихъ страданіяхъ духа.

Но развѣ это можетъ снизойти вдругъ, въ сердце того, кто, до сихъ поръ, какъ полу-скептикъ, только прислушивался къ тому, что копошится въ душѣ?

Была такая минута, вчера, въ спальнѣ, когда онъ чуть-было не подбѣжалъ къ постели жены и не крикнулъ ей:

„Не лги! Я все видѣлъ“!

И опять его сговалъ не то стыдъ, не то ужасъ передъ тѣмъ, куда это можетъ затянуть его... ихъ обоихъ.

Сумерки все сгущались. Онъ ходилъ по гостиной такой походкой, точно его немного шатало изъ стороны въ сторону. Все ту же колющую боль въ груди чувствовалъ онъ минутами, и все тѣ же вопросы и отвѣты метались и путались въ головѣ.

Костровинъ подошелъ къ электрической кнопкѣ и освѣтилъ обширную комнату.

Взглядъ его упалъ на дамское бюро, стоявшее въ простѣнѣхъ. Подойдя къ нему, онъ наклонился и сталъ бѣгать глазами по тому, что на немъ лежало и стояло. Нѣсколько томиковъ и брошюръ, большая тетрадь, коробка съ конвертами, бюваръ.

Онъ сѣлъ въ кресло, нагнулся и выдвинулъ изъ-подъ бюро корзину съ рваной бумагой.

И почему-то сталъ шарить въ ней.

Подъ рукой у него скоро очутился надорванный листокъ цвѣтной почтовой бумаги, продолговатый, продушенный. Онъ сейчасъ же узналъ бумагу Ины, выхватилъ это письмо и отбѣжалъ къ срединѣ комнаты, гдѣ съ потолка спускались три электрическихъ груши.

Письмо не докончено. Оно начиналось четверостишіемъ, на нѣсколькихъ словахъ перечеркнутымъ.

Ему удалось восстановить смыслъ съ большими усиліями.

Когда онъ, про себя, прочелъ связно—его бросило въ краску.

Неужели это сочинила Ина? Или перевела изъ какого-нибудь декадента, мистика и чувственника?

Но это въ родѣ эпиграфа. Дальше идутъ строки прозой, съ новой строки, безъ всякаго имени. Исписана неполная страница ея красивымъ почеркомъ съ завитушками. До конца страница не доведена... Листокъ разорванъ поперекъ.

Жадно пробѣгалъ онъ глазами по этимъ строкамъ; но губы его не выговаривали беззвучно, какъ онъ всегда это дѣлалъ, читая про себя письмо или книгу.

Это было что-то въ родѣ „стихотворенія въ прозѣ“, но обращенное къ мужчинѣ, на *ты*, гдѣ какъ бы восстанавлилась та минута, когда они были охвачены сладостнымъ недомоганіемъ.

Такъ писать можно только любовнику, которому женщина отдавалась съ полнымъ безстыдствомъ, безъ малѣйшаго проблеска чего-нибудь похожаго на уколъ совѣсти.

Она искала самыхъ утонченныхъ выраженій. Она смаковала свой позоръ. И, недовольная формой, нервно перервала листокъ, бросила его въ корзину и принялась за другой.

Руки у него дрожали, а глаза еще разъ впивались, съ такой же жадностью, въ содержаніе строкъ.

Его схватило вдругъ за горло, и онъ упалъ на ближайшее кресло. Дурнота быстро прошла. Въ правой рукѣ онъ сжалъ жестоватый листокъ модной бумаги съ монограммой.

Въ передней сильно позвонили. Это ея звонокъ. Онъ отдался и въ комнатѣ прислуги. Сейчасъ отопрутъ.

Съ ощущеніемъ холоднаго пота на лбу онъ дошелся, совсѣмъ разбитый, до письменнаго столика, тотчасъ же бросилъ скомканное письмо въ корзину и опять безпомощно опустился въ кресло.

Его пронизало чувство остраго стыда за себя.

Онъ—точно воръ, захваченный съ поличнымъ! Полѣзъ шарить въ корзину, какъ сыщикъ, вмѣсто того, чтобы прямо сказать—что онъ видѣлъ... вонъ на томъ диванѣ

Заслышался голосъ Ины въ передней. Она о чемъ-то спрашивала горничную.

Бѣдное чувство стыда встряхнуло его. Онъ быстро поднялся съ кресла и отошелъ къ дивану—къ тому самому круглому дивану, гдѣ онъ увидалъ Ину и Кублицкаго, и облокотился на его спинку, лицомъ къ входной двери.

Въ ногахъ опять была такая слабость, что, не оперевшись на диванъ, онъ бы упалъ.

Голосъ Ины приближался. Но она прошла мимо двери, дальше—прямо въ спальню.

— Что вы вчера видѣли, Даша? — весело спросила Ина, пріостановившись на ходу.

— „Даму отъ Максима“, Анна Николаевна?

— Смѣшно?

— Животики надорвешь!

— Отъ какого же это Максима? — спросила еще веселѣе

Ина.

— Я такъ поняла, барыня, что это „рестаранъ“, куда такія барыни собираются... и ловятъ кавалеровъ... Ха, ха!

Кажется, смѣхъ горничной вызвалъ и смѣхъ барыни.

„Цинизмъ какой!“ — уже гнѣвно вскричалъ онъ про себя, и двинулся, черезъ гостиную и столовую, въ спальню.

На ходу онъ, не замѣчая того, качался. Дверь была затворена. Онъ съ усиліемъ отворилъ ее.

— Паша!.. Это ты?..

Она не договорила и сдѣлала шагъ къ нему.

— Что съ тобой? Опять мигрень? На тебѣ лица нѣтъ...

Руки ея протянулись къ его плечамъ. Онъ оттолкнулъ ее и, еле выговаривая слова, глухо крикнулъ:

— Не надо жи! Гадко! Гадко!

— Что съ тобой?—повторила она.

Краска мгновенно разлилась по ея щекамъ и въ глазахъ забѣгали огоньки.

Онъ схватился за горло, желая сорвать галстухъ. Въ глазахъ потемнѣло.

У него не достало силъ дотрестись до кровати, и онъ упалъ безъ чувствъ на коверъ.

XXI.

Мокрый снѣгъ слѣпилъ глаза Костровину; но онъ сидѣлъ въ саняхъ, подставляя лицо подъ сѣверную погоду. Ему не пришлось даже въ голову поднять мѣховой воротникъ пальто.

Извозчичы сани ухали въ выбоины, наѣзженные ломовыми. Долго тянулась какая-то набережная и фонари тускло мигали.

Но онъ не смотрѣлъ по сторонамъ. Передъ его умственнымъ взоромъ все еще стоялъ темный ликъ въ оправѣ, подъ трепетнымъ свѣтомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей.

Вчера охватилъ его порывъ ѣхать сейчасъ же—припасть къ чудодѣйственной иконѣ, вмѣстѣ съ тѣми скорбящими душами, которыя не знаютъ раздвоенія.

Но былъ уже слишкомъ поздній часъ.

Сегодня, послѣ обѣда, когда жена его пошла одѣваться, собираясь на какое-то чтеніе,—онъ незамѣтно скрылся изъ дому, на углу сѣлъ въ сани и велѣлъ везти себя къ часовнѣ, известной каждому извозчику.

И всю дорогу туда его проникала еще неиспытанная имъ дрожь скорбнаго и ненасытнаго стремленія отдаться чему-то, что сниметъ съ его души непосильное бремя, укажетъ путь, прольетъ лучъ свѣта...

Тамъ онъ, какъ виновный, сейчасъ же упалъ на колѣни, закрылъ лицо руками и стоялъ недвижно, колыхаемый беззвучными рыданіями.

Произносилъ ли онъ какія-нибудь молитвенныя слова—онъ теперь не помнилъ.

Не минутнаго облегченія жаждала его душа, а исхода.

Ему стало какъ будто полегче. Онъ поднялся, и его потянуло приложиться къ иконѣ.

И что-то давно дремавшее—дѣтское—проснулось внутри, когда его трепетныя губы ощутили холодъ отъ прикосновенія къ ризѣ.

Какое-то облегченіе онъ получилъ, и всю дорогу назадъ боялся, что ничего не привезетъ домой, что все расплзется, и на душѣ останется все та же мозжащая тяжесть чувства глубокой безпомощности и такого же глубокаго одиночества.

Беззвучно вошелъ онъ въ свой кабинетъ и тотчасъ же опу-

стился на диванъ, и такъ долго сидѣлъ съ опущенной головой. Руки такъ же лежали пассивно на колѣняхъ.

Что-то, безъ усиленной работы мысли, повернулось въ немъ.

„Такъ дольше нельзя!“ — И это рѣшеніе онъ вывезъ оттуда, послѣ безсловной молитвы.

Сегодня же онъ раскроетъ свою душу женѣ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ для него мучительно и постыдно. Ночи напролетъ грызла его внутри точно злая язва — въ самой глубинѣ его духовнаго существа.

Какъ видѣніе вставали передъ нимъ двѣ головы... Ины и Кублицкаго.

Прошли еще сутки. Она была съ нимъ такая, какъ всегда, можетъ быть немного ласковѣе. Онъ молчалъ или отвѣчалъ односложно на ея слова. И вдругъ посмотреть на нее быстро-быстро. Все та же усмѣшка глазъ, все то же выраженіе рта. Ни тѣни тревоги или укора совѣсти.

По ночамъ онъ писалъ ей. Нѣсколько такихъ писемъ бросилъ онъ въ печку.

Что его удерживало даже отъ письменнаго объясненія?

Теперь онъ видитъ что. Боязнь того, что можетъ выйти изъ такого объясненія... боязнь потерять ее... не душу, а женщину. И онъ видѣлъ впередъ, что былъ бы способенъ сознательно закрывать глаза на ея отношенія къ этому человѣку, такъ глубоко ему противоположному. Минутами, когда онъ слышалъ изъ кабинета его голось въ передней — все въ немъ закипало, и онъ способенъ былъ бы выскочить и пырнуть его ножомъ или выстрѣлить.

Въ душѣ, онъ уже много разъ былъ убійцей.

И долгій мѣсяцъ онъ выносилъ его посѣщенія. Кублицкій приходилъ почти что ежедневно, сидѣлъ до позднихъ часовъ, обѣдалъ. Они чуть не запырались съ Иной въ ея кабинетикѣ, читали другъ другу свои стихотворенія. А онъ боялся зайти туда невзначай, чтобы еще разъ не увидать того же. У нихъ каждую недѣлю бывали вечернія сходки. Вся ихъ компанія... Читали, говорили, спорили, произносили цѣлыя восторженныя проповѣди.

У нихъ — свой толкъ, свое особое исповѣданіе. Они считаютъ себя, свою ничтожную числомъ кучку — призванной „возродить“ все русское общество, а потомъ и весь міръ!..

Они объявляютъ себя преисполненными особой, высшей мистикой. Для нихъ должно произойти великое сліяніе тѣла и духа, Христа и Антихриста.

Ина слушаетъ и проникается. Когда говоритъ Кублицкій —

а онъ ихъ проповѣдникъ—она сидитъ съ полу-закрытыми глазами и съ особой сладкой усмѣшкой своего красиваго рта.

И онъ слушаетъ и молчитъ, усиленно молчитъ. Ни одного возраженія не позволилъ онъ себѣ цѣлый мѣсяцъ.

Внутри у него влочечетъ отъ самаго звука голоса Кублицкаго, отъ его словъ, выраженій, возгласовъ, встряхиваній головой, отъ всей его нестерпимой риторики.

Но эти разговоры, эти монологи, похожіе на причитанья кликуши, стали и на него дѣйствовать. Что-то въ родѣ удушливаго ладана проникало въ него. Ихъ „эстетическое богоискательство“ (такъ онъ называлъ, про себя, ихъ сектантство, сочиненное для возвеличенія самихъ себя) поднимало въ немъ мучительную тревогу духа.

Въ бессонныя ночи они представлялись ему какимъ-то исчадіемъ великаго Зла, надѣвшаго на себя личину служителей божественнаго Блага. Потому-то они и носятся съ Антихристомъ, что въ нихъ самихъ проявились первые признаки его царства на землѣ.

А что онъ могъ противопоставить имъ? Какую вѣру? Какой глаголь?

И ему, съ каждымъ днемъ, дѣлалось стыдно передъ ними... передъ этими краснобаями высшей мистики.

Началась горячая работа самоуглубленія. И чувство жалкой беспомощности стало мозжить его. Какъ можетъ онъ вызывать на объясненіе жену, которая нарушила свой супружескій обѣтъ? Во имя какого завѣта, какой санкціи?

Просто потому, что она—его жена, его собственность? Или потому, что она его обманываетъ... а это непорядочно?..

„Непорядочно“—и только. Сильнѣе нѣтъ, значить, никакого довода? Онъ ее любитъ... А она взяла любовника...

Ну, да... Но если она къ нему охладѣла? Почему же и не такъ? Его дѣло—поймать ее и обличить.

Можетъ быть, по своему, по ученію ея руководителя Кублицкаго, выйдетъ, что высшій мистическій смыслъ и заключается въ такомъ многомужествѣ?

Вѣдь слышалъ же онъ, собственными ушами, какъ этотъ самый Кублицкій говорилъ въ гостиной его жены,—и никто изъ ихъ кружка не возражалъ ему ни однимъ словомъ,— что въ грѣхѣ, за который небесный огонь пожралъ Содомъ, „таится какой-то мистическій элементъ“.

Точно по какому-то внушенію, онъ сталъ засиживаться надъ откровеніемъ апостола Іоанна.

Когда онъ впервые заперся у себя въ кабинетъ и развернулъ книжку Новаго Завѣта на Апокалипсисѣ, ему вспомнились слова, сказанныя, въ полу-шутливомъ тонѣ, его пріятелемъ Булашовымъ московскому антикварщику Сыркову:

„А вѣдь слова „Антихристъ“ въ Апокалипсисѣ нѣтъ, Тимошей Кузьмичъ,—вамъ это небось извѣстно“.

Да, самаго слова „Антихристъ“ нѣтъ во всемъ Откровеніи; но предсказано его пришествіе—несомнѣнно. И какъ же тутъ быть? вѣрить или не вѣрить? Если вѣрить, то почему они, эти новоявленные мистики и спасители культурнаго человѣчества—не въ правѣ проповѣдывать сліяніе Сверхчеловѣка съ Богочеловѣкомъ?

Съ каждымъ днемъ, а главное, съ каждой ночью, назрѣвали, точно внутренней нарывъ, его мучительные поиски „исхода“ и „просвѣтленія“.

И вотъ сегодня онъ поѣхалъ туда, гдѣ почувствовалъ приливъ чего-то давно уснушаго въ душѣ.

Было двѣнадцать часовъ. Костровинъ не выходилъ изъ кабинета. Онъ то лежалъ на диванѣ, то присаживался къ столу и писалъ въ тетрадь, переплетенную въ изрытую кожу.

Послѣ одиннадцати, онъ погасилъ свѣтъ электрической лампы и въ темнотѣ лежалъ больше часа и ждалъ.

Въ квартирѣ стояла жуткая тишина. Ина должна бы вернуться не поздно, съ какого-то литературнаго чтенія. Но развѣ она не могла проѣхать, потомъ, въ гости? Прямо къ *нему*? Или въ кабинетъ ресторана?

Онъ гналъ отъ себя всякіе реальные образы. Но они, въ темнотѣ, всплывали передъ его глазами. И краска видалась ему въ лицо. А потомъ мгновенно отливала, и онъ чувствовалъ, какъ блѣднѣеть. И сердце стучитъ явственно о стѣнку груди.

Ревность, безсильная злоба мужчины-самца—колыхали его. И ему дѣлалось гадко. Онъ вскочилъ и, не пуская свѣта, заходилъ по комнатѣ.

Опять жажда „исхода“ охватила его.

Не судьей, не мужемъ-собственникомъ, не мстителемъ за чувственную сцену представеть онъ передъ нею сегодня.

Онъ жаждалъ только правды.

Кажется, звонокъ? Костровинъ освѣтилъ комнату и прислушивался, затаивъ дыханіе.

Шаги горничной. Самъ онъ не пошелъ отворить.

— Баринъ дома?—раздался пріятно вздрагивающій голосъ Ины.

— Дома-съ.

— Легли?

— Кажется, еще не ложились.

Ина постучала къ нему.

Онъ весь точно замеръ, по срединѣ кабинета, какъ разъ подъ электрической грушей, спускавшейся съ потолка.

Вошла она своей легкой поступью, въ черномъ, съ прозрачными рукавами и полуобнаженной шеей, свѣжая, съ воздухомъ, распространяя тонкій запахъ духовъ.

— Ты сама читала?—спросилъ Костровинъ, не глядя на нее.

— Съ какой стати? Идіотская публика! Извѣстная программа! Либерально-просвѣтительная!

— Я думалъ... ты тоже читала...

— Съ какой стати! Я бы и не поѣхала... Но наши всѣ были!

— А-а!..

„Сейчасъ или никогда“, — прозвучало у него въ головѣ.

Его пронзала внутренняя дрожь, и онъ боялся, какъ бы и голосъ не задрожалъ.

— Ты... будешь пить чай?—съ усиліемъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я уже пила.

„Гдѣ?“

Но этого онъ не спросилъ.

На ней была еще шляпка.

— Ты будешь раздѣваться?

— А то какъ же?—спросила она и повела ртомъ, знакомымъ ему движеніемъ, когда она что-нибудь нашла „чуждымъ“ въ его словахъ или пріемахъ.

— Видишь... Ина... ты сними шляпу. Она тебя тяготитъ. Но вернись сюда. Мнѣ необходимо сказать тебѣ...

— Что-нибудь экстренное?

— Да, да.

Онъ все еще боялся, что его рѣшимость растаетъ въ пять, десять минутъ, нужныя его женѣ на то, чтобы снять платье и надѣть пеньюаръ.

— Изволь.

Ина взглянула на него съ усмѣшкой и сдѣлала неопредѣленный жестъ головой, въ огромной шляпѣ, надѣтой набокъ, такъ что одну половину лица видно было не всю.

Она, должно быть, сняла шляпу тутъ же въ передней и отдала горничной, потому что вернулась тотчасъ же.

— Говори, Поль... Чтò такое?

И, съ этими словами, она опустилась на диванъ, положила калачикомъ руки, все еще въ бѣлыхъ длинныхъ перчаткахъ и прислонилась къ нимъ подбородкомъ.

Эта посадка дѣвочки-подростка очень шла къ ней.

— Только, пожалуйста... если что-нибудь неприятное... да еще на ночь... Не лучше ли утромъ? А то сонъ отлетитъ, и завтра Богъ знаетъ на кого будешь похожа.

„Сейчасъ или никогда!“ — отчетливо раздались слова въ его мозгу. Дрожь прошла. Онъ чувствовалъ, что назадъ ему ходу нѣтъ.

— Вотъ чтò, Ина...

Костровинъ опустился на тотъ же турецкій диванъ, рядомъ съ ней, очень близко, и задѣлъ ногой ея платье съ длиннымъ треномъ.

На нее онъ не смотрѣлъ, а—передъ собой, въ ту сторону, гдѣ письменный столъ, и дальше, въ уголъ, болѣе темный, чѣмъ середина комнаты.

— Ина,—губы его дрогнули,—я прошу тебя снять съ меня великую тягость. Вотъ цѣлый мѣсяцъ, какъ я ношу эту личину.

— Какую, Поль?

Въ тонѣ этого вопроса было искреннее недоумѣнiе.

Ина подняла голову, опустила лѣвую руку и взглянула на него вбокъ.

— Чтò съ тобой... Паша? Ты нездоровъ? Какая тягость?.. Какая личина? Чтò это за энигмы?

Тутъ только онъ обернулся къ ней всѣмъ лицомъ.

Должно быть, оно было такое, что глаза ея замигали отъ чего-то похожаго на внезапный страхъ.

— Ина... ради Создателя... если ты дѣйствительно... вѣришь въ то вѣчное, чтò влечетъ насъ къ божественной тайнѣ... ты мнѣ скажешь всего одно слово!..

— Хоть два, Поль... Только зачѣмъ этотъ тонъ?

Костровинъ нервно взялъ ее за руку. Она почувствовала въ этомъ сжатiи почти судорожное вздрагиванiе.

— У тебя лихорадка?

Невольнымъ движенiемъ она отодвинулась отъ него.

— Только одно слово, Ина,—началъ онъ глуше звукомъ.— Я молчалъ мѣсяцъ... Я колебался... малодушно, постыдно. Готовъ былъ принять за галлюцинацію то, чтò дѣйствительно произошло передъ моими глазами.

— Да чтò же такое?

Она сдѣлала движеніе вѣсьмъ корпусомъ, какъ бы желая встать. Его рука не пустила ее.

— А то,—заговорилъ онъ торопливо и точно пугаясь собственныхъ словъ,—а то... что вы тамъ... на диванѣ, въ гостиной... сжимали другъ друга въ объятіяхъ и вашъ поцѣлуй былъ безконечный... безконечный!

Краска не показалась на щекахъ Ины Николаевны, потому что онѣ были нѣжно-матовыя, и слой искусно наведеннаго притиранья защищалъ ее.

— Это вѣдь было, Ина... было? Это не моя галлюцинація? Я вошелъ, невзначай... вернулся... и вы меня даже не слышали.

— Когда?—выговорила она рѣзче.

— Вотъ когда!

И онъ назвалъ ей день и часъ.

— А-а!

Ина Николаевна сѣла иначе и опустила обѣ руки на колѣни. Въ глазахъ что-то мелькнуло, и рѣсницы какъ бы слегка вздрогнули.

— Было это, Ина... или нѣтъ?—выговорилъ Костровинъ и тутъ только поглядѣлъ ей прямо въ лицо.

— И ты увѣренъ, что это тебѣ не представилось, Поль?

Она спросила это съ усмѣшкой въ глазахъ. И верхняя ея губа оттянулась немножко вбокъ.

И тотчасъ же она добавила:

— Если ты въ этомъ увѣренъ, то почему же ты насъ не остановилъ? Вотъ ты такъ отчетливо помнишь и день, и часъ... А еслибъ меня спросили подъ присягой, въ залѣ суда: чтъ вы дѣлали въ такой-то день и часъ—я бы, право, ничего не вспомнила.

Тонъ у нея былъ шуточный, и она еще сильнѣе, чѣмъ всегда, растягивала изнѣженно слова и отдѣльные звуки.

Подъ этой игрой онъ распознавалъ явную ложь. Но глаза ея продолжали улыбаться. Она, стало быть, увѣрена въ томъ, что отдѣляется отъ него такою игрой. Другого онъ, значить, и не стоитъ? А въ ней самой нѣтъ и подобія укола совѣсти. Это только маленькая неприятность, которую надо умѣло отвести отъ себя.

— Ина! Ина!—онъ схватилъ ее опять за руку.—Не грѣши! Ты видишь, я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Я ушелъ.

— И цѣлый мѣсяцъ молчалъ? Ха, ха!

— Да, и цѣлый мѣсяцъ молчалъ... И изстрадался.

Голосъ его явственно дрогнулъ.

— Лучше бы произвелъ супружескій разнось. По крайней мѣрѣ, тогда ты бы насъ поймалъ съ поличнымъ, ха, ха!

Смѣха ея онъ не могъ вынести.

— Не смѣйся!—глухо крикнулъ онъ, и сталъ трясти ея руку.—Можно поддаться влеченію. Во всѣхъ насъ сидитъ зло... Но правда-то, правда гдѣ же?!..

Онъ закрылъ лицо обѣими руками и опустилъ голову.

Ложь владѣетъ его женой, и не со вчерашняго дня! Ни одного звука отъ сердца!..

И вдругъ онъ почувствовалъ себя въ совершенной пустотѣ. Точно эта женщина—совсѣмъ чужая. Она невѣрна ему? Можетъ быть; но развѣ этотъ фактъ не безразличенъ?

Души нѣтъ! Душа выѣдена!

Онъ отнялъ ладони рукъ отъ своего лица, но не глядѣлъ на нее.

Съ минуту оба молчали. Первая заговорила Ина.

— Согласись, Поль... если ты самъ употребилъ цѣлый мѣсяцъ, чтобы рѣшить этотъ... допросъ. Да и то ты спрашиваешь меня же: было это или нѣтъ?—значить, ты, въ самомъ дѣлѣ, не былъ увѣренъ?

Костровинъ ничего не отвѣтилъ. Взглядъ его опять ушелъ въ уголь, за письменный столъ.

Онъ ощутилъ привосновеніе ея руки въ перчаткѣ.

— Ты спросилъ меня такимъ фатальнымъ тономъ: правда или нѣтъ? А еслибъ это была и правда—что же изъ этого?

— Что изъ этого?—точно машинально повторилъ Костровинъ, все еще не глядя на жену.

— Поцѣлуй! Вѣдь больше ты ничего не видалъ! А еслибъ и такъ? Развѣ я за тобой присматриваю? Ловлю тебя? Я весьма и весьма допускаю, что ты и другая женщина... моложе, красивѣе меня... или, просто, моментъ такой налетѣлъ на васъ... Вы оба охвачены однимъ порывомъ... не грубой чувственности. Ты знаешь, я не раба матеріи! Я выше всего цѣню то, что въ ласкѣ есть одухотвореннаго. И почему же, если ты тѣломъ принадлежишь одной женщинѣ—ты ея собственность,—не ты, а душа твоя, квинтъ-эссенція твоего духа? Развѣ не могутъ быть равны отгѣнни симпатія... у мужчины къ женщинѣ и у женщины къ мужчинѣ?

— Есть и многоженство. А прежде было и многомужество... у первобытныхъ народовъ... да и теперь, куда ни обернись...

Онъ выговорилъ эту фразу медленно, точно прочелъ ее по печатному, спавшимъ съ тона голосомъ и все въ той же позѣ.

— Милый мой Павлуша!.. Еслибъ я была какъ многія жены, и другой мужчина захватилъ меня всю... тѣло и душу—я бы тебѣ это сказала. А за каждое свое настроеніе я не могу отвѣчать передъ мужемъ, какъ передъ грознымъ судьей...

— Передъ грознымъ судьей,—повторилъ онъ за ней вслухъ.

— Да мы и не такъ сближались съ тобой, Поль! И я, до сихъ поръ, вѣрила тому, что ты свято ограждаешь мою полную свободу. Совершенно такъ, какъ и я неспособна стѣснять твою свободу духа. Неужели я ошиблась?

Въ этомъ вопросѣ зазвучали другія ноты.

Ина Николаевна встала и, отойдя на два шага, провела въ воздухѣ правой рукой.

Что это? Угроза? Она грозить. Она возмущена.

Онъ перевелъ взглядъ на ея лицо. Оно было, въ эту минуту, почти гнѣвное. Зрачки огромныхъ глазъ расширились и губы вздрагивали.

Внезапный страхъ проникъ въ него—страхъ лишиться этой женщины, ея обладанія.

Этотъ мѣсяць онъ не прикасался къ ней, но душевныя муки сдѣлали ее болѣе дорогой, какъ женщину.

Она вѣдь не продавалась ему за его средства.

И уйдетъ!.. Уйдетъ къ тому, кто вызвалъ въ ней „настрое- ніе“, кто давно уже ея руководитель и проповѣдникъ новаго ученія, предназначеннаго спасти все культурное человѣчество.

Его точно какая сторонняя сила толкнула къ ней. Онъ быстро поднялся, подошелъ къ ней, рука его протянулась къ ея талии. Она не поддалась сразу.

— Ина... я не хочу никакого насилія,—заговорилъ онъ невнятно.—Пойми меня! Но ложь все убиваетъ!

Тутъ только она допустила обнять себя.

— Прости! Прости!.. Ты видишь, я молчалъ... и мучился.

— И совершенно зря, Поль.

— Душой твоей кто же владѣетъ?

— Никто!—протянула она, и ея полу-влажныя губы прикоснулись къ его лбу.

— Довольно... Паша... Поздно. И вотъ что я тебѣ скажу, на прощанье. Ты, какъ и всякій мужъ, рабъ самолюбія... „Меня обманываютъ!.. Я ношу нѣкоторое украшеніе“... Будь выше всего этого! Какъ будто, кромѣ банальной формы супружескаго союза, не можетъ быть ничего другого? А если ты смотришь теперь на бракъ какъ на таинство—прежде ты такъ не смотрѣлъ на него,—то надо въ этомъ заново сладиться. Я не знаю—одного

ли мы съ тобой религіознаго сознанія?.. Но и въ этомъ выше всего—полная свобода.

Ина Николаевна пошла къ двери, тихо, съ красивымъ наклономъ головы вбокъ, а длинный трѣнъ ея платья дѣлалъ змѣиные извивы по паркету комнаты.

Костровинъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. И когда дверь затворилась за нею, онъ все еще стоялъ по срединѣ кабинета. Въ головѣ все путалось. Внутри онъ ощущалъ опять дрожь. И на сердцѣ всплыло новое чувство почти отвращенія къ себѣ, къ тому слабодушному чувственнику, который обнаружился въ немъ сейчасъ.

Ложь остается во всей своей силѣ. Ина ни въ чемъ не созналась. Она предложила ему: играть роль своего пріятеля, имѣющаго на нее супружескія права—и только. И онъ смолчалъ... Онъ пойдетъ, значитъ, *и на это?*

И не все ли равно—ея связь съ Кублицкимъ полная, или только на полпути? Блудъ остается во всей своей силѣ.

А онъ—потакаватель и гнусный пособникъ!

Тяжело доплелся онъ до кресла, взялъ съ одной изъ полокъ письменнаго стола томикъ въ черномъ коленкорѣ и развернулъ на закладѣ, въ концѣ книжки.

Его вздрагивающія губы беззвучно повторили нѣсколько разъ: „Міръ весь во злѣ лежитъ“.

Это реченіе—изъ перваго посланія апостола Іоанна—точно огненными буквами выдѣлялось на мрачной мглѣ.

Зло! Оно во всемъ—въ немъ самомъ, въ этой женщинѣ, во всей ихъ жизни, во всемъ, что кругомъ и на тысячи верстъ, и на землѣ, и въ небесныхъ пространствахъ, царитъ всевластно и безконечно.

И нѣтъ исхода... нѣтъ спасенія,—думалось ему,—кромѣ „благодати“. Но ее надо заслужить. Ему представилось, что только теперь открылась передъ нимъ та истина, что свѣрна въ нашей жизни одна дѣйствительна, и вся наша жизнь—обманъ и зло!

XXII.

За границей, куда Булашовъ ѣздилъ къ роднымъ, нѣсколько недѣль онъ не получалъ писемъ отъ Костровина. И передъ отъѣздомъ ему не привелось съ нимъ повидаться.

Вотъ уже третій день, какъ онъ опять дома, въ своей „штабъ-квартирѣ“. Дорогой онъ немного простудился и долженъ

былъ первые два дня просидѣть дома. Да и погода стояла, къ тому же, отвратительная.

О Костровинѣ онъ тотчасъ же подумалъ и даже попенялъ себѣ, что не удосужился написать ему хоть карту или спросить телеграммой.

Въ Петербургъ, кромѣ дѣловыхъ писемъ, онъ писалъ два раза графинѣ Буниной. Онъ уѣхалъ отсюда на такомъ „взводѣ“, что воспользовался поводомъ—она попросила его сдѣлать для нея какую-то справку по женскому движенію въ Парижъ—и въ двухъ своихъ письмахъ какъ бы продолжалъ ихъ послѣдній разговоръ.

Эта госпожа несомнѣнно волновала его. Онъ не мечталъ о ней вдали, не видалъ ее во снѣ, не представлялъ себѣ ея лица, выраженія глазъ, бюста. Онъ чувствовалъ, однако, что, по возвращеніи въ Петербургъ, его потянетъ къ ней.

Но ему опять сдѣлалось стыдно откладывать посѣщеніе пріятеля. Графини онъ можетъ и не застать раньше пяти.

Никакого безпокойства за Костровина въ немъ не было. Ихъ разговоръ во время ночевки, въ той гостинницѣ губернскаго города, гдѣ имъ было такъ уютно, не смутилъ его. Вѣроятно, скучаетъ здѣсь, или, быть можетъ, втягивается въ жизнь своей соблазнительной Ины Николаевны и ведетъ продолжительныя бесѣды съ мистическими эстетамы ея кружка.

Позвонилъ онъ у квартиры Костровиныхъ въ началѣ четвертаго. На площадкѣ лѣстницы было уже совсѣмъ почти темно.

Впустила его горничная—все та же, привезенная изъ Москвы.

— Господа дома?

— Анна Николаевна уѣхали; а баринъ у себя.

— Здоровъ?

Горничная повела головой въ модной прическѣ и кисло усмѣхнулась.

— Ужъ который день не выходятъ.

— Боленъ?

— Не знаю, какъ вамъ сказать. Они не въ постели. У себя въ кабинетѣ. Голова что-ли болитъ... Только не выходить.

— А теперь? Отдыхаетъ?

— Никакъ нѣтъ. Они въ кабинетѣ. Пожалуйста.

Это не понравилось Булашову. Боленъ не боленъ, но сидеть въ кабинетѣ. Значитъ, что-нибудь не совсѣмъ ладное съ нервами... и съ „настроеніемъ“ Паши.

Горничная пошла доложить.

Костровинъ непремѣнно бы выбѣжалъ въ переднюю. Но онъ самъ не показывался.

— Пожалуйте. Павелъ Алексѣичъ просятъ васъ въ кабинетъ.

Все это было какъ-то странно для Булашова.

— Паша! Здравствуй!

— Другъ Викторъ Сергѣевичъ! Вотъ и ты!

Костровинъ подошелъ къ нему, точно немного волоча ноги, и обнялъ.

Лицо съ землистымъ оттѣнкомъ, глаза впалые, тяжелое дыханіе, совсѣмъ не причесанъ, почему-то въ холстинномъ пиджакѣ, измятомъ, и въ ночной рубашкѣ.

— Чтѣ съ тобой? Нездоровится? — заботливо спросилъ Булашовъ, придерживавъ его за руку.

— Такъ себѣ. Знаешь, по-московски выражаясь: ни шатко, ни валко.

— Не выѣзжаешь?

— Куда же ѣздить? Видишь... какая погода. Да и некуда... Я здѣсь, въ Питерѣ, какъ на какомъ-то кладбищѣ...

— Почему такъ?

— Выѣдешь—и вдоль кислыхъ, унылыхъ улицъ какія-то все многоэтажныя гробницы. Садись... другъ. Ты только-что приѣхалъ?

— Три дня я здѣсь. Прости, Паша. не писалъ тебѣ отсюда...

— Чтѣ за извиненія!.. У тебя разныя дѣла... переѣзды. Ты человекъ правильный и прочный, потому что не поддаешься ничему, для тебя не подходящему.

Булашова поразилъ самый звукъ его голоса: глухой, слабый. И говорилъ онъ какъ бы съ придыханіями. Точно онъ отсутствуетъ: глаза смотрятъ вперед и ни одинъ мускулъ въ лицѣ не дрогнетъ.

Онъ взялъ его за руку.

— Послушай, Костровинъ,—заговорилъ онъ серьезно и стараясь повернуть его лицомъ къ себѣ,—чтѣ съ тобой дѣлается? Ты ни на что не жалуешься, но это еще не резонъ, милый другъ. Неужели и жена твоя довольна твоимъ общимъ состояніемъ?

Тутъ только Костровинъ повернулъ къ нему лицо.

— Жена? У меня нѣтъ жены.

— То-есть... какъ же нѣтъ? А Ина Николаевна? Чудакъ!..

— Чтѣ объ этомъ!..

Костровинъ махнулъ свободной рукой.

— Расскажи лучше про себя. Что видѣлъ интереснаго? Тамъ, въ такъ-называемыхъ благословенныхъ странахъ? Это вѣдь только риторическая фигура. Благословенныя!.. Нѣтъ ничего благословеннаго на землѣ! Ничего!

„Что же такое вышло?“ — подумалъ Булашовъ.

И отвѣтъ у него самого былъ готовый. Съ такой особой, какъ Ина Николаевна, возможны всякіе сюрпризы.

— Послушай, Паша, — онъ привлекъ его къ себѣ: — если тебѣ слишкомъ горько — не говори. Но я вижу... что-то въ твоей жизни точно надорвалось. Если это что-нибудь совсѣмъ неладное — тутъ ни сѣтованіями, ни совѣтами не можешь. Но ты всегда называешь меня... вотъ и сейчасъ назвалъ... нормальный, правильный человѣкъ. Можетъ, я и не такой уравновѣщенный, какимъ кажусь; но все-таки я человѣкъ близкій тебѣ, которому ты привыкъ вѣрить. Въ такихъ случаяхъ, Паша, нельзя оставаться только съ своимъ я. Нужна отдушина... нуженъ другой голосъ, со стороны.

Костровинъ слушалъ съ опущенной головой; но онъ позволялъ держать себя за плечо. Съ полминуты онъ ничего не отвѣчалъ.

— Не могу я... рассказывать!.. Жаловаться? Обвинять? Ничего этого не нужно. Да ничего и не было... такого. Грязь прежде всего во мнѣ самомъ.

— Въ тебѣ? Что ты? Какая грязь? Въ тебѣ? Побойся Бога, Паша!

Тутъ Костровинъ высвободилъ себя, рѣзко обернулся къ приятелю, схватилъ его за висти руки и уперъ въ его лицо свои впалые, возбужденные глаза.

— Да, грязь! Развѣ можно знать: что въ тебѣ самомъ кроется, пока не послано тебѣ будетъ испытаніе? Оно и было ниспослано. Звѣрь и объявилъ себя.

— Все въ тебѣ же? — спросилъ полу-шутя Булашовъ.

Но внутренно онъ былъ смущенъ. Что бы ни дало толчокъ душевному состоянію, въ какомъ находился Костровинъ — это не тотъ Паша, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Нижній; даже не тотъ, съ кѣмъ они возвращались отъ молочанъ и ночевали въ губернскомъ городѣ.

Нуженъ, быть можетъ, врачъ-спеціалистъ. Тонъ и слова, какія онъ употребляетъ, отзываются мистическимъ возбужденіемъ.

И его кольнулъ въ сердце упрекъ самому себѣ. Зачѣмъ онъ

тогда, лѣтомъ, въ парвѣ, поддался внушеніямъ Ивы Николаевны и сталъ поддерживать въ Пашѣ интересъ къ религіознымъ вопросамъ?

Не самъ ли онъ говорилъ, что тутъ почва рискованная. Вотъ теперь оно и сказалось.

Но *что-то* несомнѣнно еще случилось, въ его интимной жизни.

„Невѣрность жены?“ — подсказалъ себѣ Булашовъ рѣшительнымъ тономъ.

Разспрашивать объ этомъ онъ не позволилъ себѣ. Костровина гложетъ не простая ревность, нестерпимая обида обманутаго мужа, а что-то еще, какой-то оборотъ на самого себя, сокрушеніе о своей „грязи“, своемъ грѣхѣ и окаянствѣ.

И вдругъ голова Костровина почти упала ему на плечо, и что-то въ родѣ глухихъ рыданій захрипѣло въ горлѣ.

— Гадокъ я себѣ! Отвратителенъ! И страшна мнѣ, другъ, ахъ, какъ страшна! — мерзость запустѣнія собственной души!

— Чтò же такое ты могъ сдѣлать, Паша? Ума не приложу. Въ эти нѣсколько недѣль, какъ мы съ тобой не видались? — проговорилъ Булашовъ, все еще не зная: каковаго тона держаться ему съ пріятелемъ.

— Ты спросилъ о женѣ? И я такъ тебѣ отвѣтилъ, другъ, что у меня жены нѣтъ. Ты подумалъ: „Костровинъ тронулся“... А это — правда.

— Стало быть... вы?..

— Погоди!

Головой Костровинъ оперся о спинку дивана и сѣлъ въ болѣе спокойной позѣ.

— Стало быть... вы разошлись — хотѣлъ ты сказать? Да? — Видишь... еще вмѣстѣ...

— Но какъ же иначе понять, если ты серьезно это говоришь, Паша?

— Передъ тобой я безъ утайки, Булашовъ... Больше у меня, ни здѣсь, ни въ Москвѣ, нѣтъ человѣка... такого, какъ ты. Но избавь меня отъ пересказа того, чтò было...

Костровинъ оглянулся на дверь.

— Никого нѣтъ, Паша, — замѣтилъ ему Булашовъ.

— Было мнѣ... видѣніе, ха-ха!

— Какъ видѣніе?

— Ну, по ученому, галлюцинація. Такъ, представилось мнѣ нѣчто. Другой бы сейчасъ же полѣзъ на этотъ призракъ. По крайней мѣрѣ, себя-то бы обнаружилъ. Ха, ха! А я скрылся. И затаилъ... И такъ протянулся цѣлый мѣсяць.

Булашовъ сталъ, хоть еще и не вполне, понимать, что именно „представилось“ ему.

— Ждалъ... Не хотѣлъ допустить, чтобы можно было такъ носить личину... чтобы въ нашу съ ней жизнь забралась такая гнусная ложь... Лишиться всего!.. Сразу, Булашовъ, я очутился въ дремучемъ лѣсу, и ужаснуло меня то, что нѣтъ у меня никакого пути, не на что мнѣ опереться, некого призвать на помощь. Что-жь... ты поймешь и возмущаться не станешь. Жаждалъ я свѣта оттуда, сверху... Томился... уходилъ въ себя... Искать въ „Благой Вѣсти“ отвѣта на мои слезныя мольбы...

— И что же?

— Ты не смѣйся!.. Тебѣ бы хотѣлось, чтобы я разумомъ дошелъ до выработки себѣ своего credo... А я очутился передъ иконой... вторую и темный людъ, и образованные господа считаютъ чудотворной. И получилъ облегченіе. Постыдное малодушіе спало съ меня—и я рѣшился все выяснить, хотя бы и на свое посрамленіе.

— Ты объяснися?

— Да, вотъ здѣсь... на этомъ самомъ мѣстѣ... еще недѣли не прошло съ той ночи. Съ той ужасной ночи!—повторилъ онъ ослабшимъ голосомъ, и опять—привычнымъ жестомъ—закрывъ лицо ладонями.

— И ты... все въ тѣхъ же сомнѣніяхъ?

Больше Булашовъ не сталъ спрашивать. Онъ уже не сомнѣвался въ томъ—какого рода бѣда постигла бѣднаго Пашу... Было бы слишкомъ жестоко растревать его рану.

Костровинъ взялъ его снова за обѣ руки. Голосъ его сталъ вздрагивать и рѣчь сдѣлалась болѣе порывистой.

— Нѣтъ, ты спроси лучше: что я въ себѣ самомъ нашель? Я не могъ вѣрить тому, что мнѣ сказали, не могъ! Но когда мнѣ пригрозили, я испугался... Твой цѣломудренный когда-то товарищъ, Паша Костровинъ—такой же рабъ плоти и блуда. Пускай бракъ будетъ осеверняться... только бы не лишиться... Чего? Ты мнѣ скажи, чего?—почти кривнуль онъ, блѣдный и съ такимъ выраженіемъ глазъ, что Булашову стало вдругъ жутко.

— Полно, милый, не волнуй такъ себя!—заговорилъ Булашовъ кратко и смущенно.—Сколько я могу понять, ты не хотѣлъ обрушиваться, какъ грозный судья...

— Оставь! оставь! Не говори обо мнѣ. Не выгораживай меня! Какъ бы... она...—выговорилъ онъ съ трудомъ—ни предалась сознательно лжи и грѣху, но она все-таки не такъ низко пала, какъ ея супругъ, имѣющій надъ нею правъ. Она ничего не

испугалась; потерять ей мужчину, хотя бы онъ былъ и законный мужъ—совсѣмъ не страшно. И она предложила компромиссъ... ты слышишь—такое соглашеніе... какъ это называется у парижанъ... а?

Бостровинъ быстро всталъ и заходилъ передъ диваномъ, продолжая говорить.

— Ты только внихни во всю бездну зла и всякой скверны, которая сидитъ во всѣхъ насъ... во всѣхъ, безъ исключенія. Я воображалъ себѣ, въ своей гордынѣ и самомнѣніи, что во мнѣ идеально-чистое чувство. А во мнѣ сидитъ звѣрь... рабъ похоти. И та ложь, которою я возмущался въ ней... и въ ея... какъ это выразиться... сообщникѣ, что-ли... все это имѣлось и во мнѣ... И я ихъ сообщникъ. Не изъ христіанскаго милосердія и всепрощенія предалъ я все забвенію... А испугался, какъ бы меня самого совсѣмъ не устранили, не похерили. Ты понимаешь, Булашовъ, чтѣ я тебѣ говорю?

— Понимаю, милый. Или, лучше—стараюсь понять. Ты перенесъ ударъ, который нанесли твоему чувству; но то, чтѣ ты говоришь о какомъ-то постыдномъ компромиссѣ—я не хочу этому вѣрить...

— А оно такъ! И вотъ когда я понялъ, что безъ благодати—нѣтъ спасенія. Добро не можетъ быть удѣломъ человѣка! Никогда! никогда! никогда! Ложью пропитаны мы всѣ отъ головы до пятокъ. Звѣрь сидитъ въ каждомъ. Женщина—тотъ сосудъ съ зельемъ, которое выводитъ насъ на чистую воду.

Онъ опять припалъ къ Булашову.

— Мнѣ долго было противно все, чтѣ проповѣдывали... тамъ, въ гостини. Эти, яко-бы, богоскатели... представлялись мнѣ какими-то дерзновенными шутами... А потомъ... послѣ моего видѣнія,—онъ глухо засмѣялся,—мое чувство еще обострилось. Но къ чему я пришелъ, другъ, къ какому выводу?

— Къ какому?—повторилъ Булашовъ, захваченный этой внезапной и жуткой исповѣдью пріятеля.

— Я—не лучше ихъ. Они преисполнены фальши и самообмана, и безумной гордыни, и суесловія. Они кощунственно играютъ съ идеей Высшаго Существа и великой тайны бытія... Но въ нихъ—то же самое, чтѣ и во мнѣ, и въ каждомъ человѣческомъ существѣ. И быть лучше—нельзя, безъ особаго чуда благодати.

— Почему же?—строже остановилъ Булашовъ.

— Потому что міръ лежитъ во злѣ! Послушай, Викторъ Сергѣевичъ. Мы съ тобой оба были естественниками. Мы слу-

шали астрономію, стало,—мы знаемъ, что ждетъ все мірозданіе черезъ x лѣтъ? Въ мертвой природѣ—бесконечное движеніе до того момента, пока все остановится или распадется. Въ органической природѣ—бесконечное хищничество, безъисходное страданіе. Будешь ты это отрицать?

— Что же изъ этого?

— А то, что зло само по себѣ *живетъ*. Это не наше представленіе... отвлеченная идея; а сила... ужасная и неумолимая, которой ты, ничтожный червь, отданъ на съѣденіе.

— Да это манихейство!

— Зови какъ хочешь! И ты до тѣхъ поръ бодрисься, пока тебя не озарило, какъ меня... пока ты не понялъ всей глубины твоей душевной нищеты. Твое „я“, твоя воля, твои правила, мораль—все это одна жалкая галлюцинація. Но не такая, въ какой меня хотѣли увѣрить... въ ночь нашего объясненія, а настоящая... И она будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не раздастся звукъ трубы... раньше той, въ которую затрубятъ ангелы въ великомъ отравленіи патмосскаго узника.

— Какое мрачное толкованіе божественной истины! — вырвался возгласъ у Булашова.—Весь міръ—зло?.. Но тогда—кто же его создалъ, этотъ міръ? Какимъ же образомъ то, что должно быть бесконечнымъ совершенствомъ, водворило торжество зла во всемъ, что оно сотворило актомъ своей безусловно-свободной воли? Паша! Подумай! Куда ты идешь въ твоихъ ужасныхъ обобщеніяхъ?

Булашовъ не усидѣлъ на диванѣ. Онъ всталъ и, подойдя къ Костровину, взялъ его за талію и, заглянувъ ему въ лицо, спросилъ:

— Откуда ты все это извлекъ?

— А ученіе, которому твой отецъ оставался вѣренъ всю жизнь—что же оно, какъ не такое же признаніе неминуемой гибели и вѣчнаго, неизбѣжнаго грѣха, безъ благодати?

Удара этого Булашовъ какъ бы не ожидалъ.

— Что же это такое, какъ не признаніе исконнаго зла?

— Нѣтъ... самое большее—грѣховности человѣка, которая нуждается въ высшемъ искупленіи. И это искупленіе дается тому, кто возлюбитъ... Богочеловѣка.

— Это—утѣшеніе. И только утѣшеніе... для тѣхъ, кто желаетъ спастись. Но если всѣ мои добрыя дѣла и подвиги не значатъ ровно ничего, безъ соизволенія высшей силы, то отчего же? Оттого, что всѣ мы отданы—и весь видимый, и весь невидимый міръ—на съѣденіе злу. Стало быть, какія же могутъ быть

правда, добро, этика, нравственное совершенство? Оглянись, другъ, раскрой глаза. Во всѣхъ царить одно начало!..

Онъ подбѣжалъ къ столу и, взявъ съ него книгу въ бумажной обложкѣ, въ восьмую долю, развернулъ и началъ быстро перелистывать.

Пальцы его правой руки, на нѣкоторыхъ страницахъ, тыкали въ бумагу, и онъ дѣлалъ головой жестъ, какъ бы приглашая пріятеля заглянуть туда же.

— Развѣ это не глубокая правда, Булашовъ? Развѣ не правда, что жизнь каждаго поколѣнія, и нашего съ тобой, и сотенъ, и хиліадъ, и мириадъ такихъ же поколѣній—безсмысленна? Развѣ не правда, что вся жизнь природы и весь ходъ вселенной, то, что мы называемъ законами развитія—все это обманъ, потому что цѣль совсѣмъ не въ томъ, что мы считаемъ цѣлью существующаго? И вся эта безконечная машина въ своей безконечной суетловѣ—безцѣльна и безсмысленна!

— Погоди! — остановилъ его Булашовъ и взялъ его за руку.—Ты допускаешь существованіе разумныхъ существъ на какой-нибудь другой планетѣ,—на Марсѣ, напримѣръ? А если ты считаешь *это* недоказаннымъ и даже невѣроятнымъ, то ты не отрицаешь возможности для какого-нибудь небеснаго тѣла, въ одной изъ безчисленныхъ системъ, которыя наполняютъ собою воздушныя пространства—точно такихъ же условій, какъ на землѣ, съ такой же атмосферой, а стало быть, и съ такими же флорой и фауной?

— Это—пустыя мечтанія!

— Почему же? Говоря такъ, ты отрицаешь все, что ты, Павелъ Костровинъ, какъ студентъ-естественникъ, признавалъ исполнѣ?

— Хотя бы это и было возможно въ одной изъ безчисленныхъ планетныхъ системъ... это не отниметъ ничего отъ той истины, что міръ во злѣ лежитъ.

— Хорошо! Оставимъ эту гипотезу. Ты не отрицаешь то, что есть общества, цѣлыя государства животныхъ, особенно насекомыхъ, которыя живутъ разумной жизнью,—напримѣръ, пчелы и, въ особенности, муравьи?

— Ну, и что-жь?!—почти гнѣвно воскликнулъ Костровинъ.

— Какъ ты думаешь, муравьи могли бы также составить себѣ понятіе о мірозданіи, о судьбахъ вселенной? И если у нихъ такія общія идеи есть, то у нихъ, навѣрно, все вышло бы по муравьиному.

— Куда ты хочешь меня привести?

— Такъ точно и мы... высшее животное, правда... но куда ниже муравья по разумности своей общественной жизни. Мы все сводимъ къ себѣ, къ своему „я“. И какъ бы мы изумились, еслибъ обитатели Марса познакомили насъ съ своимъ сгедо, съ своими понятіями о вселенной и цѣли существованія. Можно побиться объ закладъ—цѣнностью во всю нашу планету,—что жители Марса свели также все къ своимъ понятіямъ о цѣли, о добрѣ и злѣ, о правдѣ. Ты теперь вдаешься въ ученіе о безцѣльности всего строя природы. Почему онъ безцѣленъ? Потому что въ немъ царитъ зло? Для кого зло? Для тебя и тебѣ подобныхъ? Но что такое ты и все человѣчество, и вся земля, и вся солнечная система въ сравненіи съ вселенной? Даже не песчинка! А ты изувѣрски повторяешь: „безцѣльный обманъ“! Ахъ, Паша!

Щеки Булашова порозовѣли отъ силы, съ какою онъ все это выговорилъ, и сѣрые ласковые глаза приняли впервые выраженіе душевной возбужденности.

— Казуистика, другъ Булашовъ, дѣтская казуистика! И я еще не такъ давно способенъ былъ приводить тѣ же доводы и считалъ ихъ несокрушимыми.

И опять онъ остановился лицомъ къ пріятелю, и два худыхъ пальца его правой руки стали тыкать въ страницу развернутой имъ книги.

— Что мы всѣ дѣлаемъ? Хотимъ жить, цѣпляемся за жизнь—и умираемъ! Ха, ха! И вмѣсто того, чтобы вкушать познаній этой жизни—мы узнаемъ что? Смерть! То-есть, зло—торжествующее и безысходное! Я этого не видѣлъ, долго не видѣлъ, и вотъ, пустой казусъ—самый банальный фактъ въ положеніи мужа—развернулъ передо мною всю бездонную хлябь зла, хищничества, вражды, похоти, которыми держится природа. И любви нѣтъ въ ней, а стало быть, и въ насъ нѣтъ, и не можетъ быть, а слѣдственно нѣтъ и не можетъ быть никакой человѣческой правды, ничего похожаго на яко-бы присущее намъ нравственное начало! Если это начало мыслимо, то не въ природѣ, не въ человѣкѣ—онъ кусочекъ этой природы,—а въ чемъ-то другомъ, въ томъ Существѣ, которое не обязано было и открывать намъ съ тобой—почему оно отдало весь видимый и представляемый нами міръ на съѣденіе духу зла!

Костровинъ все это выговорилъ порывисто и трепетно, кинулъ книгу на столъ и, видимо обезсиленный, опустился въ дубовое кресло.

— Ахъ, Паша!

Возгласъ вырвался изъ груди Булашова вмѣстѣ со вздохомъ.

Онъ подошелъ къ его креслу и положилъ ему руку на плечо.

— Страдаешь ты, Паша! какъ любящая и чистая душа! Эту сердечную рану надо залечить... такъ или иначе. Кѣмъ ты хочешь быть? Христіаниномъ? Отчего же ты не проникаешься тѣмъ, что любимый ученикъ Спасителя записалъ со словъ Его? Почему ты забылъ о Нагорной проповѣди?..

XXIII.

Слова Булашова прервалъ довольно сильный звонокъ въ передней.

— Это Ина,—въ полголоса выговорилъ Костровинъ.

Оба они помолчали. Легкіе, быстрые шаги горничной. Она отперла входную дверь и впустила барыню.

Но кромѣ голоса Ины, раздался и чей-то мужской голосъ.

— Кто этотъ гость?—спросилъ Булашовъ.

— Кто?—повторилъ Костровинъ.—Господинъ Кублицкій.

— Тотъ?..

— Да, тотъ, который...

Передъ Булашовымъ всталъ вопросъ:—если онъ останется—не сегодня, такъ на дняхъ—съ Иной съ глазу на глазъ—какъ ему вести себя съ нею?

— Послушай!—Костровинъ взялъ его за рукавъ, все еще сидя въ креслѣ:—ты можешь... игнорировать все, что я тутъ говорилъ вначалѣ... насчетъ нѣкотораго инцидента. Ина Николаевна—твоя знакомая... И она, и ты—полноправныя личности. Вамъ предоставляется взглянуть на то, что во мнѣ теперь происходитъ, какъ вамъ угодно...

Въ передней голоса смолели. Хозяйка повела гостя къ себѣ.

— Только, Булашовъ, не бери на себя роль... мирового посредника... изъ дружбы ко мнѣ. Я теперь самъ по себѣ... даже и не временно-обязанный... Ха, ха! Слышишь: не хочу я никакого разбирательства, никакого суда. Я самъ себя обличилъ... ты знаешь: какъ и въ чемъ! И еслибъ они,—онъ указалъ рукой на дверь,—дѣйствительно носили въ своей душѣ не сочиненные ими фетиши, а истиннаго Бога,—я бы способенъ былъ и передъ ними также рассказать самого себя!

Булашовъ пожалъ плечами.

— Между мужемъ и женой неумѣстно виѣшательство... даже и дружеское... а еще труднѣе роль судьбы.. Но еслибъ Ина Николаевна почувствовала, что въ тебѣ теперь происходитъ, Паша, — она не могла бы оставить это такъ...

Онъ не договорилъ. Въ дверь слегка постучали, и вошла Костровина.

— Викторъ Сергѣевичъ! Мнѣ сказали, что вы здѣсь!.. Давно ли? Рада васъ видѣть!

Пожимая руку Булашову, Ина поглядѣла вбокъ на мужа.

— И за Поля рада. Вы видите... Онъ совсѣмъ расклеился. Не здоровъ и не боленъ... Хандрить... нивкуда не выходитъ... Пожурите его.

Они говорили стоя. Костровинъ не поднимался съ своего мѣста.

— Я ждала васъ... Вы его подвинтите... я знаю... Увезете куда-нибудь...

„Тебѣ это было бы на-руку, милая“, — подумалъ Булашовъ.

— Должно быть, тоскуеть по своей пухлой и прѣсной Москвѣ.

Костровинъ точно совсѣмъ не слушалъ, что говорить жена. Это замѣтилъ Булашовъ.

— Я уже сама его упрасиваю. Съѣзди... хоть на недѣлю, дохни московскаго воздуха.

И, обернувшись къ мужу, она спросила:

— Поль, ты къ намъ не выйдешь въ гостиную?

— Нѣтъ... я не такъ одѣтъ. У тебя гости...

— Модестъ Григорьевичъ — у меня. Мы съ нимъ встрѣтились сейчасъ у подъѣзда... Викторъ Сергѣевичъ! Дайте на васъ поглядѣть... Поразскажите намъ... вы только-что изъ-за границы? Можетъ быть, и Поль придетъ васъ послушать?.. А я васъ рѣшительно похищаю!

Булашову сильно не хотѣлось идти съ ней въ гостиную. Онъ взглянулъ на Костровина: можетъ быть, тотъ его удержитъ.

— Что-жъ, поди, посиди съ ними! — выговорилъ Костровинъ вло, безъ всякаго выраженія.

Отяѣкиваться было бы слишкомъ неловко.

— Пойдемте... А ты, Поль, рѣшительно не желаешь привести себя въ болѣе приличный видъ?

На это Костровинъ ничего не отвѣтилъ и, тяжело поднявшись съ мѣста, отошелъ къ письменному столу...

Въ гостиной, у пианино, стоялъ, лицомъ къ двери, Кублицкій.

Все тотъ же былъ на немъ длинный сюртукъ и такой же высокой шарфъ; кончики воротничковъ подпирали его выдающійся бритый подбородокъ.

Хозяйка пригласила Булашова присѣсть на диванъ и спросила его, указывая на гостя:

— Вѣдь вы, господа, знакомы?

Кублицкій молча наклонилъ голову, послѣ того какъ Булашовъ подаль ему руку.

Пожатіе его неприятно прошло по нервамъ Булашова: холодная и слегка влажная ладонь.

— Павлу Алексѣвичу нездоровится? — спросилъ онъ, обращаясь больше къ нему, чѣмъ къ Инѣ.

— Поль не хочетъ позвать специалиста по нервнымъ болѣзнямъ,—въ полголоса заговорила Ина.—Такое упорство!

— Я нахожу,—отозвался Кублицкій,—онъ, по своему, совершенно правъ... Отдаться въ руки... этихъ специалистовъ—это обречь себя на двойныя мученія.

Въ тонѣ Кублицеваго не было ничего, отзывавшагося „другомъ дома“. Все та же чопорная манера держаться, никакого особеннаго отгѣивка въ обращеніи съ хозяйкой гостиной, въ глазахъ или въ губахъ.

Кто же знаетъ! Можетъ быть, Павлушѣ и въ самомъ дѣлѣ привидѣлось что-то, въ этой самой гостиной.

Кублицкій подошелъ къ столику, около того края дивана, куда сѣла Ина, и взялъ съ него небольшой томъ, въ цвѣтномъ переплетѣ.

— Такъ я могу взять?—спросилъ онъ и, прищурившись, близко поднесъ книгу къ глазамъ.

— Пожалуйста.

— Вамъ она больше не нужна?

— Я дочла.

— Только дочли? А ничего не перечитывали по два раза?

— Двѣ пьесы—да... А вы развѣ уже исчезаете, Модестъ Григорьевичъ?

Въ этомъ маленькомъ „a parte“ и, въ особенности, въ тонѣ, какимъ сдѣланъ былъ этотъ вопросъ Булашовъ что-то такое какъ бы зачуялъ.

— Я, собственно, и зашелъ за этимъ.

— Какъ любезно! Ну, что же съ вами дѣлать... А вотъ Викторъ Сергѣевичъ только-что вернулся изъ за границы.

— Ничего интереснаго съ собою не привезъ, Ина Николаевна,—поспѣшилъ оговориться Булашовъ.

Мужчины опять молча пожали другъ другу руку, и Кублицкій удалился медленно, разбѣреннымъ шагомъ. И въ походѣ его было что-то подходившее, по манерности, въ его облику и туалету.

Ина не пошла его провожать, а только позвонила прислугѣ.

И не сразу начала разговоръ.

— Викторъ Сергѣевичъ... что вы какъ далеко сѣли?.. Присадѣте сюда.

Она показала на диванъ, рядомъ съ собою.

— Мы можемъ теперь поболтать съ вами съ глазу на глазъ, — полу-шутливо промолвила Ина; но взглядъ, обращенный къ нему, не былъ веселый.

Переставивъ что-то на столикъ, она пристально взглянула на Булашова.

— Вы долго посидѣли у Поля?

— Съ добрый часъ.

— Не правда ли... онъ совсѣмъ никуда не годится?

— Физически онъ ужасно перемѣнился; и душевно... едва ли меньше.

Тонъ Булашова былъ замѣтно сдержанный, если не уклончивый.

Она это тотчасъ же поняла.

— Знаете... Викторъ Сергѣевичъ... я о васъ часто думала, даже хотѣла писать вамъ за границу, да не знала—куда. И Поль не зналъ вашего адреса. Вы ему не писали, кажется?

— Нѣтъ, не писалъ.

— Помните... нашъ разговоръ въ паркѣ? Вы меня тогда предостерегали... отъ того, чтобы вводить Поля въ тотъ мѣръ, куда влеклась его натура... не играть съ огнемъ.

— И я былъ правъ?

— Да... я это признаю! Натура сказалась... Но у него это пошло... куда-то... въ какой-то суевъ... и грозить чѣмъ-то... прямо опаснымъ для его душевнаго равновѣсія.

Онъ слушалъ ее съ опущенной головой, желая схватить настоящую ноту въ ея словахъ. Говорила жена, смущенная тѣмъ, что происходитъ въ мужѣ; но все это—только на почвѣ „настроеній“; а какъ будто супружескаго, интимнаго, нѣтъ ничего и въ поминѣ.

Костровинъ разстроены; но онъ еще не душевно больной. Онъ не могъ выдумать всего отъ перваго слова до послѣдняго. Врядъ ли ему только „представилось“ то, что онъ увидаль, здѣсь, въ гостиной? И объясненіе между нимъ и женой было на-вѣрное, и было оно—именно такое.

Поддаться на „игру“ Булашовъ не захотѣлъ, при всемъ своемъ первоначальномъ нежеланіи вторгаться въ ихъ супружескую драму.

Да и почему же не сдѣлать попытки? Можетъ быть, тутъ и въ самомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего совсѣмъ серьезнаго?

— Но что же дало толчокъ въ такому его душевному состоянію?—спросилъ онъ, не поднимая головы.

Ина помолчала.

— Развѣ онъ вамъ не изливался, Викторъ Сергѣевичъ?— съ особой интонаціей вымолвила она.

— Онъ много говорилъ; но я... право, не могъ разобраться въ томъ, что я услыхалъ отъ него.

Ина оглянула его вбокъ.

— Вы его другъ. И другъ вѣрный. Я нисколько не обидѣлась бы, еслибы Павлуша сталъ изливать вамъ всѣ свои горести... мужа, — добавила она. — Мы съ нимъ, до сихъ поръ, ладили. Онъ знаетъ, что свобода моего „я“ — для меня есть высшее благо. Нивакого закрѣпощенія я не могу вынести... и не вынесу. Я ему такъ и сказала.

Глаза ея говорили ему:

„Ты только притворяешься; а все уже знаешь“.

— Ина Николаевна, — заговорилъ Булашовъ другимъ тономъ... Играть беззавѣтнымъ чувствомъ такого человѣка, какъ вашъ Павлуша— грѣшно! Простите! Вы сами вызвали меня на этотъ разговоръ.

— Значитъ... онъ вамъ... изливался вполнѣ?

Она это спросила въ полголоса.

— Одно изъ двухъ, — строже произнесъ Булашовъ: — или это такъ... легкое увлеченіе... игра..., или все можетъ рухнуть сразу...

— Зачѣмъ такая трагедія? Съ какой стати? Тутъ какая-то... я не знаю: блажь, или болѣзнь! Дѣло моей совѣсти и свободы, — протянула она, — идти въ томъ, что обыкновенно называютъ увлеченіемъ—до извѣстнаго предѣла. Перешла бы я этотъ предѣлъ—я бы не стала унижать себя притворствомъ. Онъ это знаетъ. И когда я поставила передъ нимъ дилемму—онъ испугался. И притихъ. И будь я похитрѣ—я бы довела его до полнаго признанія того, что онъ видѣлъ—обманомъ зрѣнія. Ха, ха!

Тихій смѣхъ ея отзывался привычными полу-дѣтскими звуками.

— Да, онъ испугался! Почувствовалъ, что такъ нельзя дѣлать изъ мухи слона. Но послѣ того ушелъ въ себя. Ни одного искренняго слова! Какъ будто онъ живетъ въ одной квартирѣ съ своимъ врагомъ. Запирается у себя... читаетъ... кромѣ Но-

ваго Завѣта, еще какую-то книгу, отрывочно изрекаетъ о повсюдномъ злѣ и лжи... Скажите... и вамъ повторялъ то же?

— Но это случилось не сразу... послѣ возвращенія?

— Почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ онъ сталъ мѣняться. Особенно рѣзкаго еще ничего не было. Гораздо большій интересъ къ извѣстнымъ вопросамъ и страшная молчаливость. Но онъ уже начиналъ хирѣть, дурно спать, по вечерамъ никуда не ѣздилъ... И ни на что не жаловался, даже на свои головные боли.

Ина встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ около дивана и опять присѣла къ Булашову.

— Въ такихъ условіяхъ, Викторъ Сергѣевичъ, я безсильна. Но его надо встряхнуть... Увезите вы его куда-нибудь! Если это начало... особаго душевнаго кризиса — вы одинъ съумѣете дать ему болѣе здоровый исходъ. А я ничего не могу!

И на чуть замѣтный жестъ Булашова она протянула ему руку.

— Не считайте меня такой бездушной эгоисткой! Я еще разъ покаюсь въ томъ, что расшевелила въ немъ челоуѣка вѣрующаго. Но вы видите, куда онъ ушелъ. Для него то, что есть въ мистическомъ началѣ самаго благоуханнаго... превращается во что-то изувѣрски мрачное, хуже всякой раскольничьей *нѣтовщины*. Вѣдь это такъ, кажется, называется? Тѣ секты, гдѣ себя самихъ сожигаютъ и поютъ о всеобщей смерти и гибели всякой правды...

По ея гибкому бюсту прошла легкая дрожь.

— Только вы, Викторъ Сергѣевичъ, съумѣете повліять на него...

— Готовъ былъ бы всей душой, Ина Николаевна, но не берусь... по крайней мѣрѣ въ этотъ моментъ... И тутъ вы можете быть сильнѣе, чѣмъ кто-либо и что-либо.

Онъ взялъ ее за руку.

— Толчокъ данъ... сердечнымъ ударомъ. Одинъ порывъ... Одинъ звукъ... И въ больной душѣ закрывается рана... Если увозить его отсюда, то вамъ, Ина Николаевна. Остальное вамъ подскажетъ ваше сердце.

Ина молчала.

— Гдѣ любовь... тамъ все легко и все осуществимо... — тронутымъ голосомъ промолвилъ Булашовъ.

— Любовь? Я боюсь, что любви тутъ мало. Да и то, въ чемъ для натуры, какъ моя, воплощается идея любви, для Павлуши — книга за семью печатями. А притворяться я не могу.

Прийти, вотъ, сейчасъ въ его кабинетъ, стать на колѣни, разры-
миться и прохныкать: „прости, я больше, не буду тебя огорчать“...

— Такъ что же остается? Бросить мужа? Уйти съ тѣмъ,
кого вы заново полюбили?

— Вы такъ это увѣренно говорите: полюбила! Не знаю.
Это вѣдь... свыше. Можно годами призывать любовь, и все всуе!
А уйти? Что-жъ! Если нужно будетъ—я уйду. Я не испугаюсь...
ничего, даже бѣдности. Вотъ Павлуша испугался.. И потомъ
увидаль свое окаянство... свою скверну... это слова изъ его те-
перешняго жаргона—ощутилъ въ себѣ... я не знаю ужъ что...
звѣра... что-ли?! Зачѣмъ же ему теперь любовь женщины? Она для
него—только олицетвореніе этой самой скверны. Я понимаю, что
въ немъ происходитъ. Но я бессильна. Тутъ или такой другъ,
какъ вы, или—психіатръ!

Ина встала и отошла къ піанино, о которое и облокотилась.
Поднялся и Булашовъ и медленно приблизился къ ней.

— Мое положеніе, Ина Николаевна, между вами можетъ
сдѣлаться очень тяжкимъ.

— Что дѣлать, Булашовъ. Не оставляйте Павлушу. Если вы
мнѣ скажете, что надо увезти его отсюда и самой остаться съ
нимъ въ Москвѣ, или гдѣ бы то ни было,—я сдѣлаю... Но то,
что въ немъ теперь забродило, не пройдетъ отъ того только,
что я... перестану... принимать „некса“ или „игрека“...

Въ передней Булашовъ остановился, какъ бы въ нерѣши-
мости: заходить ли ему къ Костровину?

То, что сейчасъ вышло у него съ Иной Николаевной—от-
зывалось нескромностью. Можетъ быть, и чѣмъ-то больше того...

Но онъ все-таки не могъ считать себя виноватымъ. Да и
не въ немъ тутъ дѣло, а въ томъ, во что можетъ развиваться
теперешнее душевное состояніе Павлуши.

Человѣкъ снялъ уже съ вѣшалки его мѣховое пальто и до-
ждался.

— Павелъ Алексѣевичъ... у себя, въ кабинетѣ?

— Такъ точно.

— Можетъ быть,—отдыхаетъ?

— Сидѣли у письменнаго стола.

Было бы трусостью уйти, не заглянувъ къ нему.

— Подождите... я сейчасъ...

И, постучавшись въ дверь, онъ вошелъ въ кабинетъ.

У стола, дѣйствительно, сидѣлъ Костровинъ и что-то запи-
сывалъ въ переплетенную тетрадь.

По тому, какъ онъ ушелъ въ это писанье, Булашовъ тотчасъ же сообразилъ, что онъ не ждалъ его прихода отъ Ины Николаевны съ особеннымъ напряженіемъ.

— Павлуша!—тихо окликнулъ онъ его, подойдя сзади.

— А! Это ты!

Глаза—совсѣмъ куда-то ушедшіе, и все выраженіе лица такое, точно онъ проснулся и — за сотни верстъ отъ того, что было между ними, какихъ-нибудь полчаса передъ тѣмъ, въ той же комнатѣ.

— Я удаляюсь. Не хочу тебѣ мѣшать... Ты во что-то ушелъ.

— Да... надо было записать сейчасъ еще. А то... разлетится все. Вотъ, Булашовъ, когда меня не будетъ, возьми эту тетрадь... Тебѣ она принадлежитъ, по праву... Ты былъ моимъ вторымъ воспріимникомъ во второмъ моемъ духовномъ... какъ тѣ... мистическіе сластолюбцы,—онъ указалъ головой на дверь,—любятъ выражаться о себѣ—*аватаръ*.

И, повернувшись, онъ совсѣмъ равнодушнымъ тономъ спросилъ:

— Посидѣлъ... у Ины Николаевны? Вдвоемъ сидѣли или втроемъ?

— Гость вскорѣ удалился.

— Ну и что-жъ?

Костровинъ всталъ и взялъ его за руку, повыше кисти.

— Я знаю... ты джентльменъ... на аглицкій ладъ. Не считаешь себя вправѣ... вотъ хоть настолько... быть нескромнымъ.

— Я не скрою... у насъ вышелъ разговоръ. Но уклоняться отъ него я не могъ... а потомъ и не хотѣлъ. Прости, Павлуша!

— За что прощать? Я знаю, что ты могъ сказать. Предполагаю и то, что тебѣ было сказано... Знаешь, другъ,—онъ нагнулся къ его уху:—не стоить тебѣ во всемъ этомъ пачкаться.

— Почему пачкаться? Твоя душа страдаетъ, а ты...

— Ладно, ладно! Какъ мужички, помнишь... молокане .. Василій Егоровъ навѣрное сказалъ бы: „Не щуняйте его, батюшка!“ Я тогда въ первый разъ слышалъ это слово: „щунять“. Отличное! Ну, иди... не теряй со мной драгоценнаго времени.

И опять на лицо Костровина, какъ дымка, сошла полная отрѣшенность отъ всего.

Булашовъ вышелъ отъ него, болѣе разстроенный, чѣмъ полчаса назадъ, и когда сѣлся въ сани, то передъ нимъ точно всплыло отрѣшенное отъ всего лицо бѣднаго Павлуши.

XXIV.

Быль подавъ чайный столикъ. Графиня Бунина стала сама заваривать, поднявшись съ кушетки, гдѣ до того сидѣла съ ногами.

Она еще не оправилась отъ простуды, и на ней было надѣто длинное пальто.

Булашовъ сидѣлъ въ мягкомъ, низкомъ креслѣ, около самаго столика. Больше никого не было въ небольшомъ рабочемъ кабинетѣ хозяйки.

Шелъ уже одиннадцатый часъ вечера.

Въ третій разъ онъ—у нея, съ возвращенія изъ-за границы. Съ перваго же визита между ними установился вдругъ другой тонъ, и Булашовъ уже не испытывалъ больше чувства шахматнаго игрока, которое не позволяло ему отнестись къ этой дѣлушкѣ проще и добрѣе.

Она ему казалась теперь менѣе рѣзкой и увѣренной въ себя. Ея манера говорить и двигать руками не раздражала его.

И всему этому онъ былъ очень радъ.

Она сама, третьяго дня, написала ему записку, гдѣ просила навѣстить ее, „полубольную“.

И эта записка приятно настроила его. Онъ тотчасъ же отвѣтилъ депешей, что будетъ завтра.

— Вы тогда, Викторъ Сергѣевичъ, скрылись... по возвращеніи изъ вашей поѣздки въ мѣста... *недорода*,—выговорила она, съ юморомъ произнося это слово.—Точно вы на меня немного разсердились. Правда это?

— Разсердился! Это слишкомъ сильно, графиня!

— Зовите меня Варвара Александровна.

— Какъ прикажете.

— А вѣдь то, что мы съ вами дѣлали, Викторъ Сергѣевичъ,—только маленькая заплатка на рубищѣ народа. Да и это затрудняютъ!.. И въ этомъ недоувѣріе... запретъ. Все то же положеніе малолѣтствова, даже въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ—подать нищему кусокъ хлѣба.

Булашовъ молча кивнулъ головой, принимая отъ нея чашку.

— И другого средства нѣтъ противъ такой безпомощности народа, какъ просвѣтить его. Все равно, что съ женщиной! Я знаю, что вы недолюбливаете такъ называемаго феминизма. Но другого средства нѣтъ.

— Готовъ подписаться подъ этимъ афоризмомъ, Варвара

Александровна; но у народа есть потребности и кромѣ куса хлѣба.

— Кусокъ этотъ прежде всего!

— Вы это такъ сильно выговорили, — точно вы сторонница...

— Чего? Экономическаго матеріализма? Не во всемъ, но во многомъ—да.

— Кусокъ кускомъ, но нашъ народъ, и въ своей некрасной долѣ, доказываетъ, что не объ одномъ хлѣбѣ насущномъ живѣтъ человекъ.

Графиня поглядѣла на него.

— Вы говорите... о сектантахъ?

— Жалѣю, что вы не попали сами въ то мѣсто, гдѣ я дѣлалъ закупки. Вы бы въ этомъ убѣдились.

— Тамъ—раскольники?

— Не раскольники, а молокане... прежніе и тѣ, что перешли въ баптизмъ.

Она сжала губы и помолчала.

— Я боюсь, Викторъ Сергѣевичъ, что вы сейчасъ же возмутитесь моимъ взглядомъ. Но и религіозность... отстаиваніе своихъ вѣрованій—мыслимы только при кускѣ хлѣба. Сколько я читала объ этомъ... такъ оно и есть. И старообрядцы, и евангелики—всегда защиточнѣе другихъ.

— Отчего, Варвара Александровна? Не оттого ли, что духовная солидарность рождаетъ и экономическую?

— Можетъ быть. Я не хочу спорить. Но выше всего должна стоять школа... борьба съ умственнымъ мракомъ. Я бы не видала ничего особенно привлекательнаго въ томъ, еслибъ въ нашей крестьянской массѣ развелось еще больше всякихъ толковъ, въ родѣ кака въ Америкѣ.

— А вы желали бы, чтобы все было приведено къ одному знаменателю? Объ этомъ и безъ насъ стараются...

— Вовсе не то! Вы меня не хотите понять! Сектанство—не мой идеалъ!

Графиня стала говорить возбужденнѣе.

— Представьте себѣ,—продолжала она,—что мы въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ запретовъ... и высшая интеллигенція получила, наконецъ, вліяніе на весь строй жизни. Народное образованіе поставлено на самую широкую ногу... И господствуетъ принципъ знанія... положительной науки, несогласимой ни съ какими пережитками средневѣковья. И что же тогда? Сектанство—какого бы оно ни было оттѣнка—станетъ непремѣнно противъ того, что дорого каждому свободному мыслителю.

— Зачѣмъ далеко ходить, Варвара Александровна? Возьмите внѣшнюю Францію... Школа не допускаетъ въ свои стѣны ничего, что не имѣетъ строго гражданскаго характера.

— И прекрасно!—вырвался возгласъ у графини.

— Но отъ этого одинъ шагъ до радикальной нетерпимости. Она уже и проступаетъ на каждомъ шагу. Дѣло дошло до того, что самое слово „Богъ“ сдѣлалось какъ будто запретнымъ въ официальныхъ сферахъ.

— Значить, вы,—такъ же горячо возразила графиня,—стойте за полную свободу для іезуитскихъ конгрегацій—воспитывать въ своихъ заведеніяхъ явныхъ враговъ прогресса и свободы?

— Варвара Александровна! — остановилъ ее жестомъ Булашовъ.—Это—обоюдоострое оружіе. Такъ вѣдь поступали якобинцы и террористы. И они рубили головы во имя священныхъ правъ человѣка, всякому, кто былъ или казался подозрительнымъ...

— Этотъ доводъ я знаю!

— Вы хотите сказать: „онъ избитый“? Да, но и неотражимый. Средины нѣтъ. Или свобода совѣсти, или регламентація—ретроградная или радикальная—это, въ принципѣ, все равно.

Щеки графини стали замѣтно краснѣть. У нея, и безъ того, было легкое лихорадочное состояніе. Это замѣтилъ Булашовъ.

— Простите,—перебилъ онъ себя.—Я не хотѣлъ, чтобы наша дружеская бесѣда перешла въ споръ. И вамъ врядъ ли полезно...

— Пустяки! Голова у меня не болитъ! Что жъ, Викторъ Сергѣевичъ, безъ спора нельзя... Но, какъ вамъ угодно, сектантство—не мой идеаль... и для народа, и для образованнаго класса.

— Зачѣмъ вы это такъ называете, Варвара Александровна? Вѣдь вы признаете же за всякимъ право: исповѣдовать то, что онъ считаетъ истиной?

— Конечно!

— У однихъ религія, у другихъ—философія, у третьихъ—наука. Какъ люди религіознаго сознанія распались на толки и согласія, такъ и мыслители и ученые. Одни—деисты, другіе—пантеисты, третьи—сторонники механической теоріи міра. И даже въ точной наукѣ—одни признаютъ самопроизвольное зарожденіе, а другіе—нѣтъ. И каждый идетъ открыто и смѣло—объявляя свое „сredo“. А что же мы видимъ у насъ?.. И не въ народѣ... О, нѣтъ! А у господъ, въ образованномъ классѣ, въ интеллигенціи... Полное равнодушіе... и что гораздо печальнѣе... маска, отбываніе обрядной повинности. Развѣ это не правда?

— Если хотите, да... но не въ этомъ суть!..

— Позвольте, графиня, нескромный вопросъ. Но вѣдь вы должны стоять выше всякихъ щекотливостей, въ такомъ дѣлѣ. Вы—церковная?..

— То-есть, какъ это „церковная“?

— По-французски выражаясь: „gratifiez-vous?“

Она вскинула на него глаза.

— Соблюдаю ли я... обряды? Для меня это такъ несущественно...

— Но вы подчиняетесь тому, на что, вотъ, любого молоковина, изъ моихъ пріятелей—нельзя склонить и силой!..

— Ахъ, Богъ мой! Вы хотите жениться... Вѣдь вы пойдете же въ церковь, если иначе нельзя? Это замѣняетъ у насъ гражданскій актъ. Вы должны, при этомъ, и говѣть...

— Это—дѣло вашей совѣсти. Не то печально, что вы исполняете предписанія церкви; а то, что вы отбываете повинность, вѣрою не принадлежа къ церкви. Если я—искренно вѣрующій, я такъ и поступаю... И никто не долженъ посягать на мою святыню. Иначе это—профанація... и религія, и своей совѣсти.

— Ну да, ну да. Кто же противъ этого спорить?

— Это такъ азбучно! Не правда ли? А впрочемъ царить индифферентизмъ и подневольная обрядность. И масса образованныхъ людей, въ этомъ смыслѣ, стоитъ неизмѣримо ниже простыхъ мужиковъ, которые вѣками отстаиваютъ свою вѣру.

Графиня опустила голову и немного задумалась.

Въ Булашовѣ всплыло чувство нѣкоторой неловкости.

Зачѣмъ онъ такъ круто поставилъ вопросъ и заставилъ ее сознаться, что она—какъ и сотни другихъ передовыхъ дѣвицъ и дамъ—идетъ на компромиссъ тамъ, гдѣ Василій Егоровъ и Наумъ Степановъ на него не пойдутъ?

— Я должна вамъ сказать, Викторъ Сергѣевичъ, что моя мать была очень религіозна... И, до ея смерти, я не находила нужнымъ вносить раздоръ въ нашу интимную жизнь. Теперь я—вольный козакъ. И то, что вы считаете печальнымъ... какъ бы это сказать?... индифферентизмомъ,—не мѣшаетъ выработкѣ очень твердыхъ принциповъ.

Она перешла на кушетку.

— Вы позволите мнѣ прилечь на положеніи полубольной?

— Пожалуйста, Варвара Александровна.

— Я вамъ привела сейчасъ доводъ... насчетъ вѣнчанья... Ха, ха!.. Онъ мнѣ представился первымъ. Я его и взяла... Но для меня съ этой стороны опасности всего менѣе.

— Почему?

Онъ удивленно поглядѣлъ на нее.

И тутъ впервые онъ отчетливо подумалъ: такая дѣвушка— была ли бы она для него желанной подругой?

Въ ней и сегодня онъ чувствовалъ что-то симпатичное вообще, но какъ бы мужское. Какая-то перегородка раздѣляла ихъ, и еслибъ она его привлекла, какъ женщина, и онъ добился бы ея взаимности,—въ бракѣ она потребовала бы себѣ главенства.

— Почему?—повторила графиня, послѣ паузы.

Она поправила подъ головой двѣ маленькія подушки и сѣла съ ногами.

— А потому, Викторъ Сергѣевичъ, что я считаю бракъ— въ Европѣ ли, у насъ ли—ужаснымъ учрежденіемъ...

— Вы—серьезно?

— А то какъ же? За жоржандистку вы меня не сочтете... Это уже vieux jeu. Культъ любви... во вкусѣ Лелин или даже и теперешнихъ героинь, у Бурже, у Серво, у д'Аннунціо... Подъ всѣмъ этимъ чувствуется такая пустота, таковой эгоизмъ или чистѣйшая истерія... Брр! Я говорю о бракѣ, какъ свободномъ союзѣ двухъ существъ... Не знаю, когда онъ преобразуется... а теперь... это или самообманъ, или взаимный обманъ... Или купля-продажа. А главное—вѣчный источникъ рабства.

— Женщины?..

— Иногда и мужчины. Я это не отрицаю!.. Всякое чувство, всякій поступокъ портится между людьми оттого только, что они—мужъ и жена.

— Надо это проверитъ...

— Не желаю! Довольно и того, что я видѣла, и читала, и слышала. Да и какъ же можетъ быть иначе, если вы оба—до самой смерти—облечены какими-то правами! Какъ она смѣла? Какъ онъ смѣлъ? Я—мужъ! Я—жена! Отвращеніе!

Ея плечи повело брезгливое вздрагиванье.

— Вы меня слушаете и, какъ каждый мужчина, думаете: „погоди, голубушка, поймашься сама“!.. Не знаю. Можетъ быть, и поймашься. Это можетъ налетѣть на меня. Un coup de passion, какъ называютъ французы. Это—несчастье. Но лучше заплатить, чѣмъ весь свой вѣкъ носить вериги!

— Онъ теперь не тяжелы,—замѣтилъ съ усмѣшкой Булашовъ.

— Вы хотите сказать, что нынче и разводятся—все равно, что мѣняютъ портныхъ или модистокъ. Это уже совершенная гадость! Особенно для тѣхъ, кто считаетъ себя вѣрующими. Прямое кощунство—вся эта грязная комедія!

— Въ этомъ вы глубоко правы,—проронилъ Булашовъ.

— Но мой взглядъ вы считаете чудовищнымъ? Ха, ха! Знаете, въ прошломъ году, въ Парижѣ, я захотѣла поступить членомъ въ „Лигу“ женщинъ. Вы помните, когда-то столько шуму надѣлала основательница этой лиги. Она еще здравствуетъ. Дѣвушка, и даже интересная. А сладости брака не желаетъ вѣдать. У нея и было мое испытаніе, родъ экзамена.

— Да?

— Какъ же! Она, какъ предсѣдательница, и еще двѣ какихъ-то почтенныхъ матроны. Одна изъ нихъ и спрашиваетъ меня, такъ строго: „Mademoiselle, comment envisagez-vous l'institution du mariage?“ — „Comme une institution exécutable, telle qu'elle se pratique partout“, — отвѣтила я однимъ духомъ. И меня сейчасъ же выбрали, и я внесла свою лепту—три франка! Ха, ха!

И Булашовъ также разсмѣялся; но ему тотчасъ же сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Въ этомъ разсказѣ, въ его юмористическомъ тонѣ было что-то, чего онъ не хотѣлъ бы слышать и отъ такой „феминистки“, какъ графиня.

Ему представилось противъ его воли, что вотъ такая дѣвушка—его жена. Черезъ годъ супружества онъ навѣрное былъ бы принужденъ выслушивать вещи и не въ такомъ еще родѣ! Тогда она говорила бы еще увѣреннѣе, и врядъ ли бы измѣнила свой взглядъ на „institution du mariage“.

— Какъ же дѣлать?—съ легкимъ вздохомъ вымолвилъ онъ.

— Съ чѣмъ?—спросила графиня все тѣмъ же тономъ.

— Да вотъ съ тѣмъ учрежденіемъ, которое вы считаете такимъ отвратительнымъ?

— Дѣло вкуса! Но почему же женщина должна терять даже свою личность, какъ только она сойдется съ кѣмъ-нибудь... официально? Par devant monsieur le maire или monsieur le curé. Была Иванова, а умереть Петровой. Ея дѣти носятъ имя ея супруга и повелителя! Это—чистая convention! Вѣдь былъ же „матріархатъ“!

— И вы бы желали къ нему вернуться?—кратко замѣтилъ Булашовъ.

— Дѣло не въ моемъ желаніи. Но въ Англіи, въ Америкѣ, дѣвушки — вполнѣ порядочны уже—иначе смотрятъ на это. Я тебя полюбила; а главное, я хочу быть матерью. Прекрасно. Но я сохраняю всѣ мои права. И, прежде всего, мое самое священное право, которое дала мнѣ природа. Дѣтей я никому не отдамъ, и они воспитываются при мнѣ.

— Это и теперь, вѣдается, практикуется?

— Да. До тѣхъ поръ, пока такъ угодно супругу. Позвольте...

Викторъ Сергѣевичъ, вы хорошо знакомы съ бытомъ сектантовъ. Развѣ, у нѣкоторыхъ, женщина не вполне самобытна и въ этомъ? А для такого режима первое средство—стоять на своихъ ногахъ, не зависѣть отъ мужчины матеріально.

— Русскій законъ не обидѣлъ женщины.

— Да! Она можетъ владѣть? Но владѣть она тѣмъ, что ей оставлять. А пока она живетъ такими подачками мужа или родителей—ея рабству конца не предвидится! Для меня—и, къ счастью, не для одной меня!—это стоитъ выше всякихъ вопросовъ... въ томъ числѣ и того, который вы такъ высоко ставите!

Разговоръ какъ бы сразу упалъ. Гдѣ-то часы,—кажется, на каминѣ,—простучали двѣнадцать. Булашовъ сталъ откланиваться.

На прощанье, пожимая ему руку крѣпко, по-англійски, графиня сказала:

— Вы такой защитникъ терпимости! Будьте же терпимы и къ моимъ взглядамъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ повторялъ про себя:

„Нѣтъ, не то, не то“!

XXV.

— Вадимъ Павловичъ у себя? Вотъ моя карточка.

Булашовъ стоялъ въ сѣняхъ небольшого особняка, темноватаго, съ низкимъ потолкомъ, и отдавалъ свою карточку швейцару.

— Сію минуточку... доложу.

Швейцаръ скрылся пальцо отъ лѣстницы, ведущей во второй этажъ,—въ помѣщеніе „молодого барина“, какъ онъ называлъ сына „старой барыни“, занимавшей весь верхній этажъ.

Особый и своеобразный пошибъ этихъ сѣней заставилъ Булашова оглядѣться. Старинные часы въ высокомъ футлярѣ, узенькіе диваны справа и слѣва, два зеркала въ оправкахъ красного дерева—все отзывалось стариннымъ помѣщичьимъ домомъ, гдѣ-нибудь въ Москвѣ или въ губернскомъ городѣ.

Онъ зналъ, что этотъ „молодой баринъ“—уже старый холостякъ и живетъ при „маменькѣ“.

— Пожалуйста!—пригласилъ швейцаръ и сталъ снимать съ него пальто.

Онъ отворилъ ему дверь въ первую проходную комнату, въ одно окно, гдѣ было еще темнѣе, чѣмъ въ сѣняхъ.

На дворѣ стояла густая петербургская мгла.

— Направо пожалуйста... черезъ гостиную, въ кабинетъ Вадима Павловича.

Въ гостиной, на трехъ столахъ и даже на креслахъ, разложены были альбомы и пачки большихъ фотографій.

Въ комнатахъ нашель онъ особый помѣщичій запахъ—смѣсь папироснаго сладковатаго дыма и еще чего-то, напоминавшаго Булашову житъе въ усадьбѣ.

На порогѣ кабинета его встрѣтилъ хозяинъ—Вадимъ Павловичъ Тарутинъ, сынъ владѣлицы этого особняка. Съ нимъ они, до того, нигдѣ не встрѣчались; но Булашовъ зналъ, что онъ—серьезный ислѣдователь русской старины и напечаталъ книгу по исторіи раскола, которую онъ читалъ съ большимъ интересомъ—уже года два назадъ.

— Милости прошу! Весьма пріятно!

Это привѣтствіе произнесъ мягкимъ теноркомъ небольшого роста блондинъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ полнымъ лицомъ, немного лысый, въ бородѣ, одѣтый въ домашнюю сѣрую тужурку.

— Пожалуйста сюда! У меня тѣсненько... Отъ книгъ—жизтя нѣтъ!

Онъ указалъ гостю на кресло около письменнаго стола, совершенно заваленнаго всякимъ печатнымъ добромъ. И всѣ стѣны были въ шкафахъ, и съ полу, въ разныхъ углахъ, поднимались цѣлыя кипы томовъ.

— Вѣроятно... это еще не все ваше книжное богатство?—спросилъ Булашовъ.

— Тамъ вонъ,—Тарутинъ указалъ на дверку въ углу,—двѣ еще комнаты. Но то—въ родѣ хлѣва! Ха, ха!

Этотъ ученый затворникъ нравился Булашову. Такихъ нынче уже не встрѣчается, особенно здѣсь, въ Петербургѣ. Добродушная застѣнчивость сквозила въ его говорѣ, мимикѣ глазъ и движеніяхъ немного пухлыхъ ручекъ, которыми онъ нервно перебиралъ брошюры и книжки, покрывавшія его столъ.

— Вамъ извѣстенъ, Вадимъ Павловичъ, мотивъ моего посѣщенія. Онъ—довольно своеобразный. Но я душевно радъ, что это повело къ личному знакомству съ вами. До сихъ поръ помню многія интереснѣйшія главы вашего произведенія. А эта область особенно близка мнѣ.

— Какъ же, какъ же!—конфузливо поддакивалъ Тарутинъ.

Въ его темныхъ глазахъ Булашовъ подмѣтилъ особое выраженіе, и сейчасъ же понялъ его.

— Не потому только, Вадимъ Павловичъ, что я—сынъ моего отца. У меня интересъ объективный... И не къ однимъ сектантамъ въ тѣсномъ смыслѣ. Расколъ старообрядчества и теперь въ

высокой степени занимает меня. Особенно старообрядцы, не приѣмлющіе священства.

— Что-жь... вдвойнѣ пріятно.

— Насъ съ вами, стало быть, свелъ столярный мастеръ Суздальцевъ?

— Да, да... Это очень характерно.

— И, по моему, весьма симпатично. Онъ у васъ работалъ... въ недавнее время?

— Осенью... да и раньше. Матушка его очень полюбила. И въ самомъ дѣлѣ, онъ очень хорошій малый. И въ работѣ такой же честный...

— Какъ и въ вопросахъ своей совѣсти?

— Я сначала... хорошенько не понялъ—почему онъ попросилъ у меня въ вамъ... какъ бы рекомендаціи. Онъ подрядилъ у васъ работу?

— Да... и его условія, и управляющій домою матушки, и я, мы нашли очень подходящими. И отецъ мой, если не ошибаюсь, знавалъ его лично.

— Вотъ это обстоятельство и было главнымъ, такъ сказать, душевнымъ мотивомъ.

— Вполнѣ понимаю... работу его совѣсти. Онъ—бывшій единовѣрецъ отца. Теперь онъ вѣритъ по-своему, не переставая быть евангелическимъ христіаниномъ. Онъ мнѣ все рассказалъ, въ первый же свой приходъ. Это была настоящая исповѣдь. Онъ меня очень тронулъ.

— Вотъ видите! Но его, кажется, грызло то, что вы могли ему и не повѣрить. А я его давно знаю и вполнѣ вѣрю, что онъ всегда дѣйствовалъ съ полной искренностью. Онъ приходилъ ко мнѣ часто, во время своихъ колебаній. И я его успокаивалъ.

— Стало быть... мы съ вами совершенно одинаково относимся къ нему?

— Очень радъ за него! И впередъ говорю, что вы будете довольны его работой. Это—замѣчательный петербургскій мастеровой, дошедшій до такого высокаго уровня въ исканіи высшей правды.

Тарутинъ задумался, опустивъ голову, а правая рука его, по привычкѣ, стала перебирать листы какой-то книги.

— Но много ли такихъ, Вадимъ Павловичъ? — спросилъ Булашовъ.

— Не мало... и здѣсь, и вездѣ. Вамъ это должно быть хорошо извѣстно.

Точно что вспомнивъ, Тарутинъ поднялъ голову и съ ласковымъ и робкимъ выраженіемъ посмотрѣлъ на гостя.

— До сихъ поръ идетъ такъ на Руси. И такъ было всегда въ дѣлѣ религиозныхъ движеній: Если господа—прежде бояре и дьяки, а нынче интеллигенты дворянскаго званія—и создавали какое-нибудь ученіе... оно тогда только принималось, если проникло въ народъ. Безъ народа оно непременно захирѣетъ.

Булашовъ не могъ воздержаться отъ возгласа:

— Глубоко вѣрно!

Въ этомъ и онъ убѣжденъ, и любилъ повторять это въ бесѣдахъ на такія темы.

— Только за тѣмъ и есть будущее, что пойдетъ въ народъ!—повторилъ Тарутинъ съ кроткой улыбкой.—Чѣмъ больше изучаешь исторію раскола нашего старообрядчества, тѣмъ ярче выступаетъ духовная мощь простого народа въ томъ, что составляетъ его святую святыхъ. Нужды нѣтъ, что онъ является хранителемъ вѣшняго обряда, что онъ—буквоѣдъ... и даже изувѣръ; но у него, вмѣстѣ съ вѣроисповѣднымъ единеніемъ, сейчасъ же и основа земская, хозяйственная, обычный укладъ, великій социальный принципъ солидарности и равномернаго распределенія земныхъ благъ. Скиты! До ихъ разоренія... Какой хозяйственный бытъ!!.. Вотъ настоящая школа народно-этического воспитанія!

— И все это—уже достояніе исторіи.

— Нужды нѣтъ! Пока не замретъ духъ вѣроисповѣдной независимости—ничто не потеряно! Возьмите вы того же Суздальцева и всѣхъ евангеликовъ... здѣсь, въ Петербургѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на Кавказѣ, и въ Землѣ Войска Донскаго, гдѣ цѣлые вѣка ненарушимо стояло и древлее благочестіе. Всякая религиозная община, разъ она образовалась въ народѣ—отъ мужика до мастерового, вышедшаго изъ мужиковъ, какъ нашъ Суздальцевъ—она выработала себѣ и социальный укладъ по идеаламъ народной правды и справедливости...

— Стало быть, Вадимъ Павловичъ,—остановилъ его Булашовъ,—вы не считаете измѣной народному духу вотъ такое новѣйшее движеніе евангелическаго характера?

— Вовсе не считаю... хотя мнѣ лично древне-русскія формы... какъ бы ближе въ сердцу. Но и этотъ оттѣнокъ богоискательства не переставалъ жить въ русскомъ народѣ съ древнихъ эпохъ. А теперь народу потому уже легче отзывать на то, что идетъ отъ господъ,—прибавилъ онъ съ той же тихой и ласковой усмѣшкой и на губахъ, и въ темныхъ глазахъ своихъ.—

Возьмите. опять нашего столярныхъ дѣлъ мастера... И такихъ уже сотни, если не тысячи, повсюду. Я хочу сказать, въ смыслѣ развитости, потребности въ духовной пищѣ... даже большой начитанности. Кто знакомъ съ фабричнымъ людомъ, вездѣ, гдѣ давно заведены шволы при заводахъ и мануфактурахъ—тотъ подтвердить это.

Булашовъ кивнулъ утвердительно головой.

— Вы имѣли случай въ этомъ убѣждаться?—спросилъ хозяинъ.

— И очень! Вездѣ. И въ Москвѣ, и подъ Москвой, и на Волгѣ, и на Уралѣ, и дальше.

— Вотъ видите! Растетъ новая сила... сила просвѣтительнаго народнаго духа.

Гость всталъ.

— Вы уже скрываетесь?—спросилъ хозяинъ, поднявшись съ своего мѣста.

— Знаете... Петербургъ... Долженъ застать одно крупное лицо. И какой контрастъ! Послѣ такой бесѣды, какая у насъ сейчасъ была, ѣхать просить,—и навѣрно безъ всякаго результата...

Ихъ крѣпкое рукопожатіе затянулось.

— Наше знакомство, Вадимъ Павловичъ, я душевно желалъ бы продолжать.

— Милости прошу! Я вѣдь какъ кротъ въ моей норѣ...

— Но боишься отвлечь васъ отъ работы.

— На все естъ время!

Тарутинъ подошелъ къ одному изъ шкафовъ, досталъ оттуда книгу, сдѣлалъ надпись и поднесъ гостю.

— На добрую память... Моя послѣдняя книжица.

Въ проходной комнатѣ, передъ сѣнями, онъ придержалъ гостя.

— А Суздальцевымъ вы будете довольны. И для васъ, какъ человека съ такимъ интересомъ къ духовной жизни народа, онъ—цѣнный экземпляръ.

На подъѣздъ Булашова проводилъ швейцаръ и подождалъ его извозчика. Стояла все та же мокрая мгла, съ невозможной санной ѣздой второй половины поста.

— Куда прикажете?—спросилъ его извозчикъ.

— По Фонтанкѣ... по той сторонѣ.

Быль теперь какъ разъ тотъ часъ, когда онъ навѣрное застанетъ то крупное лицо, о которомъ только-что говорилъ Тарутину; это часъ его приема.

Булашовъ получилъ—почти одновременно—два письма: изъ

провинціи и изъ Москвы—отъ Топоркова и отъ присяжнаго повѣреннаго Лебедева.

Дѣло Наума Степанова кассировано не было, и приговоръ вошелъ въ свою силу.

Онъ ѣхалъ теперь въ своему дальнему родственнику, по матери, нѣкоему Штуббе, уже занимающему видный постъ. Съ этимъ Штуббе они вмѣстѣ не учились и между ними разница въ возрастѣ лѣтъ на пять, на шесть. Но Булашовъ вспомнилъ, что они съ нимъ на „ты“. Тотъ приходилъ къ нимъ по воскресеньямъ изъ лицей, уже въ золотыхъ петлицахъ и при шпагѣ; а Витя былъ еще гимназистъ третьяго класса. Но, по родственному, они говорили другъ другу „ты“.

Года два-три они не встрѣчались. Чтò изъ этого Арсенія Христіановича вышло—онъ легко предполагалъ. Но по мѣсту служенія онъ могъ быть полезнымъ въ дѣлѣ облегченія участи Наума Степанова.

Кромѣ закулиснаго хода, чтобы добиться облегченія, никакихъ способовъ нѣтъ. Булашову было не особенно пріятно: являться въ кабинетъ къ такому лицу и выслушивать отъ него сентенціи и „вышія“ соображенія. Но отказать отъ такого ходатайства онъ не могъ.

У подъѣзда дома стояли двѣ кареты и много саней.

Въ этомъ палаццо Булашову еще не приводилось бывать, да и вообще онъ имѣлъ, до сихъ поръ, очень малое ходженіе по присутственнымъ мѣстамъ и казеннымъ квартирамъ.

— Арсеній Христіановичъ принимаетъ? — спросилъ онъ у швейцара.

— Его превосходительство только-что пріѣхали... Пожалуйста въ первый этажъ... направо; тамъ спросите.

Особый запахъ стоялъ по широкой лѣстницѣ съ темными балясинами и очень крутыми ступеньками. Освѣщеніе было не особенно яркое, и на площадкѣ онъ съ трудомъ могъ прочесть надпись надъ дверью съ одной открытой половинкой.

Въ просторной и высокой, также плоховато освѣщенной комнатѣ, съ шкапами по всѣмъ стѣнамъ, забранными зеленой тафтой, въ нему сейчасъ же подошелъ камердинеръ, съ испитымъ лицомъ и падающими на плечи жидкими баками.

Ждать пришлось недолго.

— Пожалуйста! — пригласилъ его камердинеръ, держа половинку двери за ручку, чтобы пропустить его мимо себя...

Кабинетъ „Арсѣна“—такъ его звали мать и сестры Булашова, — въ пять оконъ, уходилъ вглубь, весь отдѣланный свѣтлымъ

деревомъ, съ цѣлыми тремя письменными столами, изъ которыхъ за однимъ онъ сидѣлъ, лицомъ къ двери; а остальные два стояли гладлемъ, сбоку.

Шкафы, карты и таблицы и на каминѣ двѣ мраморныя вазы съ часами—вотъ что успѣлъ окинуть Булашовъ, входя въ эту комнату; почти ярею освѣщенную электрическими лампочками. И на столѣ, за которымъ работалъ Штуббе, горѣли четыре лампочки, подъ зелеными абажурами, съ поддѣлкой подъ стеариновые свѣчи.

— Кого я вижу! Витя!.. Не ожидалъ!

„Арсэнъ“ смотрѣлъ кавалеристомъ въ штатскомъ платьѣ, бритый, съ длинными торчащими усами, съ маленькимъ темно-русимъ хохломъ на лбу, бѣлый и полный въ лицѣ, коренастый. Визитка плотно обтягивала его станъ. Въ туалетѣ—большое изящество. Никто бы—виѣ этого кабинета—не принялъ его за значительное должностное лицо.

— Садись, садись. Откуда? Изъ-за границы? Былъ у своихъ? Какъ онѣ?

Вопросы Штуббе бросалъ легко, пріятнымъ баритономъ, съ легкой картавостью.

Булашовъ отвѣтилъ на нихъ такими же короткими фразами.

— И какой вѣтеръ занесъ тебя сюда?

— Являюсь къ тебѣ съ ходатайствомъ.

— Чѣмъ могу?.. Очень пріятно, если только исполнимо. Вы вѣдь нашего брата, „чинушѣ“... абсолютно презираете... вы, независимые. Что-жъ! Это ваше дѣло! А вотъ иногда, значить, и мы можемъ пригодиться...

— Какъ видишь, — суховато выговорилъ Булашовъ.

Тонъ у Арсэна уже не такой, какъ лѣтъ пять тому назадъ. Начальникъ и кандидатъ въ сановники уже пробивался въ этихъ переливахъ голоса, удареніи на отдѣльныхъ словахъ, въ игрѣ губъ и глазъ.

— И ты прекрасно сдѣлалъ, что пожаловалъ пораньше. А потомъ намъ бы часто мѣшали.

И наклонивъ голову вбокъ, точно онъ собирается выслушивать докладъ, Штуббе подался всѣмъ своимъ гладкимъ туловищемъ въ дубовомъ, подвижномъ креслѣ.

Булашовъ изложилъ, въ чемъ дѣло, и закончилъ словами:

— Если можно выбрать менѣе суровую форму такого переселенія... я прошу тебя сдѣлать это... хоть въ память отца моего, который всегда такъ былъ къ тебѣ расположенъ.

Онъ не напомнилъ ему того, что отецъ выручилъ его роди-

телей изъ большой денежной бѣды, которая грозила потерей всего ихъ земельного состоянія, что и Арсену было извѣстно.

— Вотъ что!—протянулъ Штуббе и пальцами съ удлинненными ногтями сталъ слегка барабанить по широкому ножу изъ слоновой кости.—Ты этого... „пресвитера“,—выговорилъ онъ съ особой интонаціей,—лично знаешь?

— Знаю.

— Бывалъ тамъ на мѣстѣ... или присутствовалъ на собраніяхъ?

Манера, съ которой ставились эти вопросы, начала коробить Булашова, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Бывалъ у него въ деревнѣ.

— Развѣ ты занимаешься *этимъ*?—протянулъ фонъ-Штуббе слово „этимъ“.—Вѣдь, кажется, ты не принадлежалъ, сколько я помню!..

— Совершенно вѣрно. Но дѣло не во мнѣ, любезный другъ, а въ томъ, чтобы человѣку пожилому, оторванному отъ семьи, и вдобавокъ превосходному человѣку, истинному христіанину—сколько-нибудь смягчить суровость ссылки.

— Зачѣмъ? Чтобы онъ, если его не удалять отъ православаго населенія, продолжалъ совращать?

Откинувшись на спинку кресла, Штуббе развелъ руками.

— Послушай, Викторъ! Пора же тебѣ—тѣмъ болѣе, что самъ ты не сектантъ—понять, какое анти-государственное значеніе имѣетъ такая пропаганда. Все держится за принципъ неприкосновенности исповѣданія. *Все!* Перечти основныя законоположенія, и ты поймешь—что для чего существуетъ? Я выражусь образно: мечъ для охраны догмата, или догматъ, какъ подержка меча?..

— Для меня это слишкомъ глубоко. Я съ трудомъ проникаю въ смыслъ твоей метафоры.

— Ха, ха! Шутить! Прекрасно меня понимаешь!

— Другими словами: ты считаешь мое ходатайство неисполнимымъ... и даже неумѣстнымъ?

— Я не говорю: неумѣстнымъ. Зачѣмъ же намъ съ тобой пикироваться? У тебя другой взглядъ. Но неужели мы—люди почти одного поколѣнія—встрѣтившись, я надѣюсь не какъ враги—не можемъ обсуждать спокойно вопросъ такой государственной важности?

— За себя отвѣчу только то, что меня никто призывать на высшій совѣтъ не будетъ; а до бесплодныхъ преній я и самъ не охотникъ.

— Вотъ что! Прекрасно! Но тогда позволъ сказать тебѣ, что ни одинъ человѣкъ, истинно любящій свое отечество, не можетъ желать распаденія вѣроисповѣднаго единства! И еслибы тѣ, кто повторяетъ избитыя клише о свободѣ совѣсти, хоть немножко задумались надъ послѣдствіями всеобщаго шатанія, они, конечно, отказались бы отъ своего сентиментальнаго свободомыслія.

— Ты и меня причисляешь къ такимъ же?—спросилъ Булашовъ.

— Желалъ бы, милый мой.

— Пожалуйста, не трудись! Только съ какихъ это ты поръ сталъ такимъ охранителемъ государственнаго исповѣданія? Вѣдь еслибы ты родился въ началѣ девятнадцатаго вѣка, по всей вѣроятности, твой отецъ пожелалъ бы видѣть тебя... исповѣдующимъ свою вѣру...

— Я не могу этого знать! И такой „argumentum ad hominem“... я не могу счесть удачнымъ,—возразилъ Штуббе.

— Какъ тебѣ угодно!

Булашовъ почувствовалъ, что ему не подь-силу роль ходатая, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ себѣ, внутренно, выговоръ за такую нервность; но въ этомъ Арсенѣ слишкомъ уже выставляла себя напоказъ властная опека, не желающая знать ничего, кромѣ охраны извѣстнаго начала.

— Личныя отношенія къ твоему семейству, — продолжалъ Штуббе, — не должны вліять на мои служебныя дѣла. „Dura lex, sed lex“. Ослабленіе кары умѣстно не до водворенія твоего protégé, а *poslъ*, — если въ немъ произойдетъ перемѣна.

— Въ какомъ... смыслѣ?

— Конечно... не въ интересахъ пропаганды. Ха, ха! Tu te moques de ton monde, Victor! Право! Посмотрю я на тебя... Вѣдь ты не очень моложе меня... Тебѣ, должно быть, уже стукнуло тридцать. И все ты точно—между небомъ и землей. Неслужащій дворянинъ... и съ твоимъ образованіемъ, именемъ, наконецъ, средствами... Mon cher ami, c'est du dilettantisme pur! Въ странѣ, какъ наша, одинъ есть способъ дѣлать дѣло... Это—служить государству. Только служба и даетъ возможность что-нибудь проводить въ жизнь... Только на ней умъ, талантъ, работоспособность находятъ для себя достойную арену. Ты въ этомъ убѣдишься—рано или поздно. Но тогда уже будетъ дѣйствительно поздно. Въ пятьдесятъ лѣтъ—не съ писцовъ же начинать?

— Ахен, —выговорилъ Булашовъ и поднялся.

— Ну да, ну да! Мы для тебя „чинуши“! Но мы—у кормила.

Вы же, господа,—все топчетесь на мѣстѣ, предаетесь или пустымъ грезамъ, или вразомлѣ, смотря по темпераменту. А въ это время мы неуклонно—на своемъ посту, преисполнены вѣрой въ то, что выше всего,—въ могучій ходъ государственной жизни, безъ которой все распадется въ прахъ!

— Амен,—тѣмъ же тономъ повторилъ Булашовъ.

— Каждому свое, другъ мой, Витя! Вы насъ презираете... а мы никого не презираемъ, но всѣмъ и каждому воздаемъ... по дѣломъ его. Ха, ха!

Они пожали другъ другу руки черезъ столъ. И когда Булашовъ брался уже за ручку двери, Штуббе послалъ ему въ донжку, звонко и раскатисто:

— Sans galcune, ma vieille! Mille choses à ta mère et à tes soeurs!

Камердинеръ, при его проходѣ, привсталъ и поклонился ему.

XXVI.

Костровинъ протянулъ пріятелю руку и отрывисто вымолвилъ:

— Стало-быть, прощай, любезный другъ!

Они сидѣли одинъ противъ другого въ тѣсномъ кабинетѣ Булашова, у письменнаго стола.

Лампа подъ абажуромъ оставляла въ тѣни ихъ лица.

— Не навсегда же?—спросилъ Булашовъ взволнованно.

— Не знаю.

— Куда же ты теперь?

— Сначала въ Москву, а потомъ dahin, dahin! — показалъ онъ рукой.

— Не въ кругосвѣтное же путешествіе?

— Тотъ, кто сказалъ: „Я есмь истина и путь“—тотъ укажетъ. Здѣсь мнѣ больше нечего дѣлать. Я долженъ бѣжать отсюда, бѣжать! отъ ежесекунднаго грѣха, отъ постыдныхъ чувствъ и сдѣловъ съ совѣстью, отъ наущеній духа тьмы, который въ ночные часы нашептываетъ мнѣ адскіе помыслы...

— Полно, Павлуша!

Булашовъ не выпускалъ его руки изъ своей. Ему жутко было глядѣть въ лицо Костровину. Съ того дня, когда они въ послѣдній разъ видѣлись, онъ еще похудѣлъ, и изъ глубочайшихъ впадинъ безпрестанно загорались его глаза. Въ руцѣ его онъ ощутилъ постоянный трепетъ. Но говорилъ онъ безъ особеннаго возбужденія, довольно сильнымъ голосомъ.

— Пожелай твоему товарищу... найти послѣдній и вѣрный путь. А то, что я тебѣ сейчасъ сказалъ,—я это выполню. И мнѣ открылось оно въ минуту просвѣтленія...

— Но ты говоришь только о себѣ... о томъ, что ты чувствуешь. Тутъ замѣшано и другое существо. И мнѣ кажется, Паша, прямой долгъ христіанина—не оставлять это существо на такомъ скользкомъ пути...

— Нѣтъ! нѣтъ!—почти крикнулъ Костровинъ, и поднялся.— Не мнѣ, пренеполненному всякой свѣрны... быть руководителемъ... заблудшей души!.. Въ испытаніи, какое было мнѣ ниспослано, кроется, быть можетъ, таинственный смыслъ. Прощай, Булашовъ!

Они обнялись.

— Но, по крайней мѣрѣ, дай о себѣ знать. Ты вѣдь теперь въ Москву?

— Да... если Богу угодно будетъ—встрѣтимся.

— Лучше, до свиданія, Паша!

Голосъ Булашова замѣтно дрогнулъ.

Онъ пошелъ провожать Костровина въ переднюю.

Тотъ двигался какъ-то по-новому, точно его сади кто-то подталкивалъ, и голову держалъ наклоненной на бокъ: и то, и другое Булашовъ замѣтилъ.

— Паша!—окликнулъ онъ его.

Въ передней никого не было.

— Чего тебѣ? — отрывисто спросилъ Костровинъ и оглянулся.

— Не хочу тебя смущать. Дѣло твоей совѣсти. Можетъ быть, оно и лучше. Я бы самъ... хоть и на другой основѣ—поступилъ бы такъ.

Булашовъ придержалъ его рукой и еще разъ обнялъ его. На рѣсницахъ у него блеснули слезинки. Глаза Костровина были сухи и смотрѣли вдаль.

Въ квартирѣ Костровинныхъ было очень тихо. Въ гостиной, по угламъ стоялъ полусвѣтъ. Только одна электрическая лампочка была пущена съ потолка.

На письменномъ столѣ горѣли свѣчи подъ абажуромъ. У стола сидѣлъ Кублицкій, съ листами въ рукахъ, и съ паузами считывалъ съ нихъ какіе-то стихи.

Ина примостилась, поджавъ ноги, въ углу большого полукруглаго дивана. Ея фигуру трудно было отличить отъ фона тем-

ной шелковой матеріи. И только овалъ лица выступалъ блѣднымъ пятномъ.

Она положила руки на край спинки дивана и прислонилась къ нимъ головой.

Голосъ у поэта былъ слегка шелелявый и шелестящій. Онъ декламировалъ нараспѣвъ, съ безпрестанными остановками и въ одномъ и томъ же монотонномъ ритмѣ.

— Хорошо! хорошо! — прервала Ина его чтеніе. — Какъ чудно схвачено!.. На васъ точно что пѣшетъ оттуда... изъ самой глубины неба... И этотъ вѣщій припѣвъ: „Имѣющій уши слышать, да слышитъ“. Какъ это звучитъ въ оригиналѣ?..

Кублицкій отложилъ листокъ, полузакрылъ глаза и сдѣлалъ движеніе головой, какъ бы желая отчетливѣе припомнить греческій текстъ, кончавшійся словомъ: *ἐκκλησία*.

— „Экклесія“! — звучно выговорила Ина. — Какъ это музыкально!.. Наша „церковь“ — не то.

— Но какъ же иначе? Хотя оно, въ сущности, невѣрно. Это значитъ, собственно: община, собраніе, сходъ.

— И эти слова слишкомъ отзывались бы нашей пошлой дѣйствительностью: сельская община, общее собраніе, волостной сходъ.

Она тихо засмѣялась.

— Я слушаю... И какъ я счастлива, что моя мысль осуществилась!

Оба они знали въ эту минуту, что мужа нѣтъ дома; но еслибъ онъ и слышалъ ихъ разговоръ изъ другой комнаты — ничто въ ихъ тонѣ не выдавало ихъ.

И мѣстоименій они какъ будто избѣгали.

— Минутку! — остановила опять Ина, когда Кублицкій взялъ слѣдующій листокъ и приблизилъ его къ свѣту. — Кажется, кто-то вошелъ въ переднюю?

Она знала также, что у Костровина свой ключъ — *passee-partout* — и онъ почти никогда не звонитъ.

Довольно явственно доходили сюда его шаги. Вотъ онъ снимаетъ съ себя верхнее платье и калоши.

— Это... Поль!

— Можно продолжать? — спросилъ Кублицкій.

— Еще бы!

Это, дѣйствительно, былъ Костровинъ. Изъ передней онъ вошелъ къ себѣ и не повернулъ кнопки электрическаго привода, а зажегъ одну свѣчу на ночномъ столикѣ, около дивана, на которомъ онъ теперь и спалъ, въ кабинетѣ.

Когда онъ входилъ, онъ изъ передней узналъ декламацию Кублицкаго.

Онъ опустился сначала на диванъ, закрылъ лицо обѣими ладонями и такъ пробылъ съ минуту; потомъ медленно поднялся, прошелъ за письменный столъ въ уголь, гдѣ было совсѣмъ почти темно, и тамъ опустился на колѣни.

Его губы шептали что-то. Руки раза два поднимались въ воздухъ. Изъ груди вырвалось нѣсколько вздоховъ.

Всталъ онъ быстро, оправилъ правой рукой волосы, отряхнулся весь и болѣе твердой, увѣренной походкой пошелъ, черезъ переднюю, въ гостиную.

Ручкой двери онъ—быть можетъ, не безъ умысла—сильно двинулъ, и она издала довольно рѣзкій звукъ. Когда половника двери пріотворилась—отъ письменнаго стола донеслось чтеніе Кублицкаго.

— Прекрасно!—прошептала Ина. И, точно про себя, повторила: — „Я—альфа и омега, начало и конецъ“.

Костровинъ зналъ—откуда это выраженіе.

„Кощунствуютъ“!—воскликнулъ онъ про себя.

Но сейчасъ же послѣ того подумалъ:

„А если это тебѣ самому указаніе... хотя бы и ихъ грѣшными устами“?

И тутъ онъ вошелъ. Шаги его по паркету заставили Кублицкаго остановиться.

— Это ты, Поль?—окликнула его Ина.

— Я... Извините... Помѣшалъ?... Чтеніе...

— Модестъ Григорьевичъ переложилъ нѣсколько главъ изъ Апокалипсиса.

— Вотъ какъ!.. Чтѣ-жь...

Онъ не договорилъ и сейчасъ же опустился на диванъ.

Кублицкій положилъ свои листки на столъ и подошелъ къ нему.

Произошло молчаливое рукопожатіе.

— Продолжайте, пожалуйста!—глухо вымолвилъ Костровинъ.

— Это еще успѣется,—откликнулся Кублицкій.

Ина только сѣла въ другую позу, спустивъ на коверъ ноги.

— Пожалуйста,—началъ Костровинъ,—присядьте сюда на минутку.

Онъ это сказалъ гостю и показалъ рукой на ближайшій стулъ.

Тотъ молча кивнулъ головой, взялъ стулъ и сѣлъ.

Ина вскинула глазами сначала на него, потомъ—на мужа,

и что-то, вѣжется, хотѣла сказать, но воздержалась. Она уже зачуяла въ этомъ появленіи мужа что-то жуткое.

— Я васъ долго не задержу,—продолжалъ Костровинъ, и оглянуль ихъ обоихъ однимъ взглядомъ.

— Мы ничѣмъ особеннымъ не занимались,—оговорился еще разъ Кублицкій.

— Если это тебя интересуетъ—переводъ превосходный,—сказала Ина, подавшись впередъ головой. — Модестъ Григорьевичъ могъ бы повторить нѣкоторыя мѣста.

— Это еще только черновой опытъ,—промолвилъ Кублицкій.

И онъ, и Ина, начали чувствовать, что имъ трудно дается найти подходящій тонъ.

— Я пришелъ,—началъ Костровинъ, уже не глядя на нихъ,—не за тѣмъ, чтобы смущать васъ... Напротивъ! Вы любите другъ друга,—выговорилъ онъ полу-вопросительно.—Это не допросъ. Можете и ничего мнѣ не отвѣчать. Дѣло вашей совѣсти. И не думайте, что я считаю себя вправѣ судить васъ. Особенно тебя, Ина,—обернулся онъ къ женѣ.

— Поль!—хотѣла-было она остановить его.

— Не нужно объясненій, Ина! Прошу тебя... Передъ вами человекъ, который себя не сознавалъ... вплоть до самаго послѣдняго времени. И онъ, какъ и вы—сосудъ... не благодати... а того исконнаго зла, въ которомъ лежитъ міръ. Вы это признаете?—строже спросилъ онъ.

Кублицкій и Ина переглянулись молча.

— Вы чтò же... считаете меня безумцемъ?—Чье отравленіе вы,—онъ взглянулъ на Кублицкаго,—перелагаете, вонъ, въ стихахъ? Патмосскаго узника,—вѣдь да?

— Конечно, Поль!

— А чтò онъ сказалъ въ посланіи... „Міръ во злѣ лежитъ“. Не вѣрите мнѣ на-слово? Я схожу за Новымъ Заветомъ.

— Зачѣмъ же?—остановилъ Кублицкій.—Мы не споримъ.

— Никто не спорить; но никто не хочетъ войти въ это, познать—какъ сила тьмы владѣетъ міромъ... всѣмъ... и здѣсь, и тамъ, въ безконечныхъ пространствахъ. И на каждыя изъ насъ долженъ излиться тотъ фіалъ гнѣва Божьяго, о которомъ говорится въ томъ же Апокалипсисѣ. Вы теперъ оба... такъ имъ занимаетесь?..

Ни Ина, ни Кублицкій, ничего на это не сказали.

— Здѣсь... я—только источникъ грѣха и соблазна между вами обоими. Для тебя, Ина, каждый день, каждый часъ и важ-

дое мгновение должны быть отравлены потому только, что я тутъ... подъ одной кровлей съ тобою. Поэтому я и ухожу. Но еслибъ нашъ союзъ и былъ внутренно освященъ таинствомъ — я былъ бы немогущъ руководить тобою... вести тебя по пути, котораго самъ въскую теперь... денно и ночью. Я слишкомъ недостойнъ этого! Но быть дольше камнемъ преткновенія для тебя, предметомъ грѣха и самоосужденія я не долженъ. И я ухожу, — повторилъ онъ замедленно.

Переведа духъ, онъ обратился къ Кублицеому:

— Вы... и тѣ, кого вы считаете носителями великой тайны бытія, были мнѣ противны... Простите... Я считалъ ваше богоскваніе кошунственнымъ... Простите меня — еще разъ! Никто не узнаеть, черезъ кого и какъ указанъ будетъ единый и возрождающій путь къ истинѣ и свѣту. Душа этой женщины, — онъ указалъ рукой на Ину, — должна быть для васъ святыней. Сливайтесь въ единое цѣлое, ищите... и тайна можетъ открыться вамъ... а не мнѣ, ползающему во мракѣ.

Костровинъ всталъ. Поднялись и они.

— Объ остальномъ, — сказалъ онъ Инѣ, — не безпокойся. Я ухожу, какъ братъ твой... Но даъ тебѣ такъ-называемую свободу... какъ это обыкновенно дѣлается... съ грязью и влятвопреступленіемъ — я не могу. Ждать долго ты не будешь!

Не подавая ни ей, ни ему руки, онъ выдвинулся изъ комнаты беззвучно, и оба долго смотрѣли ему вслѣдъ...

XXVII.

Въ гостинницѣ было еще очень тихо, въ началѣ восьмого утра.

Булашовъ проснулся раньше обыкновеннаго и давно уже умылся и надѣлъ домашній костюмъ.

Подходилъ конецъ шестой недѣли поста. Но весна совсѣмъ уже установилась. На площади, передъ отелемъ — первымъ въ городѣ — уже проносились пыльные тучки. Нѣсколько извозчичьихъ парныхъ фазоновъ стояли уже по срединѣ площади, поднимающейся въ гору, влѣво. Площадь, по строеніямъ и общему облику, отзвывалась чѣмъ-то московскимъ.

Было настолько тепло, что Булашовъ отворилъ половинку одного изъ трехъ оконъ своего просторнаго номера, раздѣленнаго перегородкой на двѣ неравныхъ половины.

Третій день живетъ онъ въ этомъ городѣ, гдѣ бывалъ только

прѣздомъ—въ Крымъ и обратно. Приѣхалъ онъ по хозяйственнымъ дѣламъ матери, а нашель и свой интересъ. Опять „на ловца и звѣрь побѣждалъ“—какъ онъ привыкъ называть всѣ встрѣчи, знакомства и случайности въ извѣстномъ направленіи.

Отъ одного московскаго знакомаго, приватъ-доцента университета, онъ узналъ въ разговорѣ, что на дняхъ—именно сегодня—будетъ у земскаго начальника слободы, входящей въ черту города, разбирательство по привлеченію сектантовъ къ отвѣтственности за „оказательство“, т.-е. за недозволенное молитвенное собраніе.

Въ тотъ же день его познакомили съ молодымъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, который будетъ защищать обвиненныхъ—человѣкъ до тридцати мужчинъ и женщинъ.

Онъ тотчасъ отложилъ свой отъѣздъ на цѣлыя сутки, и ему еще посчастливилось, въ тотъ же вечеръ, встрѣтиться въ знакомомъ домѣ съ „земскимъ“, который будетъ судить всю эту провинившуюся общину называющихъ себя не штундой, а „баптистами“.

Должно быть оттого онъ и проснулся въ четверть седьмого утра, что былъ заинтересованъ предстоящимъ разбирательствомъ. Защитникъ предложилъ ему вчера заѣхать къ нему, на квартиру, передъ засѣданіемъ въ волостномъ правленіи, и хотѣлъ пригласить самыхъ выдающихся изъ обвиненныхъ сектантовъ.

Онъ просилъ къ девяти часамъ, а разбирательство назначено на одиннадцать часовъ.

По закону оно публичное, и онъ могъ бы попасть туда безъ всякой формальности. Но земскій, узнавъ, что онъ особенно интересуются религіознымъ движеніемъ въ народѣ, заранѣе пригласилъ его въ ту часть залы, которая отгорожена отъ публики.

Вчера, за ужиномъ, въ томъ же знакомомъ домѣ, онъ нашель въ числѣ гостей пожилого барина, титулованнаго, крупнаго помѣщика—кажется, даже предводителя,—который, по поводу завтрашняго разбирательства у земскаго, сталъ горячо говорить на тему вѣротерпимости. Онъ былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ о томъ, что дѣлается теперь при отнятій дѣтей у сектантовъ и отдачѣ ихъ на воспитаніе въ чужіе люди.

Прощаясь съ Булашовымъ, онъ сказалъ ему:

— Вѣсьма сожалѣю, что долженъ завтра, по экстренному дѣлу, взять утромъ повѣздъ... а то бы и я пришелъ на разбирательство... въ волостное правленіе.

Только-что пробило на площадкѣ передъ лѣстницей восемь—и вошелъ коридорный.

— Желаютъ васъ видѣть...

Съ этими словами онъ подалъ Булашову карточку.

Это была та же самая карточка съ собственноручными словами его отца.

И вся фигура, лицо и даже звукъ голоса его петербургскаго посѣтителя припомнились ему тотчасъ же.

— Онъ себя не назвалъ?—спросилъ онъ коридорнаго.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Средняго роста, уже немолодой?

— Такъ точно.

— Позовите.

Это былъ, навѣрное, полу-тайственный Буровъ.

А чтó онъ сдѣлалъ по тому ходатайству, съ которымъ этотъ Буровъ являлся къ нему въ Петербургъ?

Да пока—ровно ничего!

Даже краска выступила у него на щекахъ отъ сознанія своей беспомощности. То же будетъ и по дѣлу Наума Степанова. Весьма вѣроятно, что „Арсенъ“ даже особенно постарается, послѣ разговора, получившаго такой обисленный отгѣнокъ.

Осторожно, въ полу-открытую половинку двери, вдвинулась невысокая, коренастая фигура Бурова. Онъ ни на капельку не измѣнился, такъ же былъ одѣтъ и подстриженъ и тотъ же шель запахъ сапожнаго товара отъ его высокихъ сапогъ.

— Добраго здоровья, Викторъ Сергѣичъ! Много доволенъ былъ, прознавъ о вашемъ здѣсь пребываніи.

Булашовъ протянулъ ему руку. Буровъ пожалъ и тотчасъ же откаплялся, прикрывъ ротъ правой же рукой.

— Присядьте. И я очень радъ. Вы здѣсь живете?

— Проживаю временно. Постояннаго мѣста жительства не имѣю. А если чтó—адресъ мой здѣсь...

Онъ назвалъ улицу и фамилію домовладѣльца.

Булашовъ сейчасъ же сказалъ ему вслухъ то, чтó приходъ Бурова вызвалъ въ немъ.

— И Науму Степановичу... предстоитъ переселеніе куда-нибудь въ Сванетію, или въ дякую тайгу?

— А вы тамъ бывали?—спросилъ Булашовъ.

Буровъ тонко усмѣхнулся.

— Счелъ небезполезнымъ, Викторъ Сергѣичъ, прознавъ о вашемъ здѣсь пребываніи,—доставить вамъ это. Тутъ найдете... продолженіе испытаній нашихъ братьевъ.

Онъ привсталъ и положилъ тетрадь на столъ, и потомъ уже не сѣлся.

— Присядьте... потолкуемъ,—пригласилъ его Булашовъ.

— Весьма бы лестно... Да вѣдь вамъ пора. Къ девяти васъ ждутъ.

И по глазамъ его Булашовъ увидалъ, что ему въ подробностяхъ извѣстно—въ которомъ часу онъ будетъ у защитника его единовѣрцевъ.

— Стало быть... вамъ говорили?

— Какъ же.

— Вы и туда придете?

— Буду безпремѣнно. А вотъ вечеркомъ... ежели позволите, зашелъ бы.

— Заходите... чайку напьемся.

— А завтрашняго числа вы дальше прослѣдуете,—сказалъ онъ какъ бы утвердительно и поклонился.

Первый руки онъ не протянулъ, а пожалъ ее съ новымъ поклономъ и на цыпочкахъ, боясь стучать каблуками, такъ же осторожно выдвинулся изъ номера.

Парный извозчикій фаэтонъ, съ красной триповой обивкой—подлетѣлъ къ крытому подъѣзду отеля, когда Булашовъ показался на ступенькахъ.

Его повезли куда-то въ гору, по улицамъ, опять очень похожимъ на московскія.

Утро ласкало его весенней мягкостью, послѣ распутицы Петербурга. Не было еще зелени на деревьяхъ, но по теплу похоже было на погоду Святой и даже Фоминной; а до Свѣтлаго праздника оставалось еще больше недѣль.

На верхахъ города, раскинутого въ оврагахъ и въ котловинахъ, они попали въ тихую улицу съ домиками, похожими скорѣе на дачи.

Къ одному изъ нихъ поднялъ извозчикъ. Булашовъ поднялся во второй этажъ и по крытой „галдарейкѣ“ провикъ въ конецъ ея, гдѣ его встрѣтила дѣвочка и ввела въ переднюю.

Квартирка была тѣсноватая, но чистенькая и очень свѣтлая, когда онъ вошелъ въ маленькую гостиную.

Хозяинъ былъ не одинъ. У стѣны привстали съ своихъ мѣстъ, при входѣ Булашова—трое клиентовъ защитника, все еще молодой народъ, видимо—городскіе ремесленники, или мастеровые, двое бѣлокурыхъ, въ бородахъ, одинъ черноватый, только въ усахъ. Одѣты они были въ пиджаки, опрятно. Двое носили галстухи и воротнички.

Сейчасъ же завязалась бесѣда.

Хозяинъ еще разъ, при Булашовѣ, объяснилъ имъ, что они

имѣють, въ лицѣ его, не простаго любопытствующаго проѣзжаго, а человѣка душевно расположеннаго.

Лица у всѣхъ троиъ баптистовъ дышали довѣріемъ, и на всѣ вопросы Булашова они отвѣчали свободно, безъ всякой уклончивости. Говоръ у нихъ былъ великорусскій, но съ южными особенностями. Онъ узналъ, что и всѣ двадцать восемь чело-вѣкъ—мужчины и женщины, которыхъ будетъ сейчасъ судить земскій—больше переселенцы изъ сосѣднихъ губерній; есть орловцы, куряне, тамбовцы.

Уроженцемъ тамбовской губерніи назвалъ себя и тотъ изъ троиъ—какъ бы выборный,—который говорилъ складнѣе дру-гихъ, любилъ вставлять слова изъ Писанія и отличался особен-нымъ тономъ рѣчи, съ какою-то чуть уловимой вибраціей въ голосѣ.

Булашовъ подумалъ, что этотъ могъ быть у нихъ пресвите-ромъ. Онъ назвалъ себя въ разговорѣ мастеровымъ портняжнаго цеха. Женщинъ не было; но всѣхъ ихъ онъ увидалъ на раз-бирательствѣ.

Невольно онъ сравнивалъ ихъ съ Суздальцевымъ. Тотъ—рядомъ съ ними—бралъ бы столичнымъ лоскомъ и говорилъ складнѣе и литературнѣе, прекраснымъ русскимъ языкомъ; а эти употребляли разные мѣстные обороты и строили свои фразы съ нѣкоторымъ усиленіемъ; но въ общемъ ему отраднo было слушать ихъ и глядѣть на ихъ вдумчивыя лица, съ тихимъ огнемъ въ глазахъ и убѣжденностью въ каждомъ звукѣ голоса, въ каждомъ словѣ—особенно изъ Писанія—какое они произносили.

Задерживать ихъ онъ не хотѣлъ. Они должны были пѣшкомъ идти въ слободу; а туда считалось больше трехъ верстъ.

Когда они остались вдвоемъ съ хозяиномъ квартиры, тотъ возбужденно сталъ ходить по комнатамъ широкими шагами, держа подъ мышкой свой адвокатскій портфель. На немъ уже надѣтъ былъ фракъ.

— Насъ вѣдь будетъ двое защитниковъ. Мой товарищъ и однокашникъ даже, съ молодыхъ лѣтъ.

Говорилъ онъ съ замѣтнымъ южнымъ акцентомъ, но наруж-ностью скорѣе былъ похожъ на москвича.

— Развѣ такая артиллерія будетъ выставлена съ той сто-роны?—весело спросилъ Булашовъ.

— Экспертъ будетъ. Считается самымъ зубастымъ. По фа-миліи Оаворскій. Я уже слыхалъ его на одномъ засѣданіи... только въ оружномъ судѣ... съ присяжными.

— И, конечно, заватали?

— Обязательно! И сегодня мы не очень-то надѣмся. Разумѣется, тутъ дѣло сведется къ штрафамъ. Но вѣдь и штрафами ихъ иные усердные ревнители прямо въ доскъ разоряютъ. Пятьдесятъ рублей! Это сдѣлалось въ родѣ минимальной таксы. Съ каждаго мужика! Да еще въ такіе урожайные годы, какіе пошли въ послѣднее время! Ха, ха!

Онъ взглянулъ на часы.

— Если позволите—двинемся.

Сходя съ лѣстницы, Булашовъ придержалъ его и спросилъ:

— А господинъ шерифъ?

— Это земскій-то?

— Изъ какихъ онъ?

— Не особенно лютъ. Да бѣда-то въ томъ, что эти господа какъ въ темномъ лѣсу бродятъ по вопросу о томъ, кѣмъ считать подсудимыхъ: штундой или баптистами. Вѣдь и сегодня все на этомъ и будетъ вертѣться. Для судьи это — какъ семинары говорятъ — „темная вода во облацѣхъ“, а господинъ-то экспертъ начнетъ его закидывать своей ученостью. Всю исторію движенія перероетъ... И Кальвина, и Оому Мюнстера, и пастора Бонекемпера, и даже Лавалэ съ Ренаномъ пристегнетъ... вотъ вы увидите!

Когда фаятонъ тронулся, защитникъ повернулся лицомъ къ Булашову и съ юморомъ выговорилъ:

— Намъ съ товарищемъ двое. Живыми не дадимся. Я кое-что почитывалъ на сей конецъ; а тотъ даже и весьма подкованъ. Особенно искусенъ въ уловленіи противорѣчій. Діалектика у него—какъ бритва.

— Вы какъ же раздѣлили работу?

— Начинать буду я, а доканчивать онъ.

— А „corpus delicti“ есть?

— Какъ же! Сами изволите знать: собрались, читали, пѣли, урядникъ, переписка всѣхъ и съ отбираниемъ книгъ. Процедура извѣстная! Вся суть въ томъ: *какъ* и *кого* привлекли: по принадлежности къ особенно-вредной сектѣ, или опи—изъ людей, принадлежащихъ къ терпимому въ имперіи ученію?..

Въ слободу они попали вд-время. Это былъ, въ сущности, тотъ же городъ, но состоялъ на положеніи волости.

Правленіе занимало одноэтажный деревянный домъ, съ ходомъ во дворѣ. Ворота были растворены настежь, и около крыльца уже стоялъ народъ.

Въ сѣняхъ также толпилось не мало. Изъ прихожей направо и налѣво были комнаты канцелярїи, а прямо — зала засѣданій.

Ихъ встрѣтилъ товарищъ защитника — такой же рослый молодой человѣкъ, но съ большой русой бородой. Они были даже какъ бы похожи лицомъ другъ на друга.

— Всѣ въ полномъ сборѣ, — сообщилъ онъ въ полголоса.

— И господинъ экспертъ тутъ? — спросилъ его товарищъ.

— Сидитъ... на своемъ мѣстѣ. И начальникъ прїѣхалъ.

— Вы вѣдь знакомы? — спросилъ Булашовъ прїѣхавшій съ нимъ защитникъ. — Не хотите ли пройти къ нему? Онъ васъ лучше посадитъ.

Его провели черезъ канцелярїю въ угловую, свѣтлую комнату, гдѣ земскій сидѣлъ на подоконникѣ и курилъ. Передъ нимъ стоялъ плотный и широкій въ лицѣ, среднихъ лѣтъ мужчина, въ цвѣтной рубашкѣ съ завязушками, пиджакѣ и сапогахъ на выпускъ, — что-то смахивающее на сидѣльца въ пивныхъ лавкахъ.

— А! Monsieur Булашовъ! Весьма радъ! — раздался голосъ земскаго.

Онъ спустился съ своего мѣста и подошелъ пожать руку Булашову.

Очень небольшого роста, смуглый, худой, съ невзрачной бородкой, въ сюртукѣ, слишкомъ длинномъ по его росту, онъ вскидывалъ часто нездоровыми глазами, съ тревожнымъ выраженіемъ. Въ петлицѣ у него былъ орденъ.

— Prenez place. Пожалуйста, присядьте. Курить не угодно ли? Подайте стулъ... — приказалъ онъ широкому обывателю въ цвѣтной рубашкѣ. — И тамъ, у стола, поставить кресло.

Тотъ сейчасъ же удалился.

— Это нашъ волостной старшина, — сказалъ земскій на ухо Булашову и подмигнулъ, какъ бы желая сказать: „Не правда ли, Богъ знаетъ на кого похожъ“?

И тотчасъ же онъ заговорилъ о разныхъ городскихъ новостяхъ, о волненіи молодежи и еще о чемъ-то. Булашовъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ его. Ему, съ мѣста, въ дверь была видна часть залы — какъ разъ позади перегородки. Тамъ уже собрались подсудимые. Онъ узналъ троихъ баптистовъ, съ какими только-что познакомился въ квартирѣ защитника. Портной стоялъ первымъ у барьера. Изъ-за мужскихъ фигуръ виднѣлись, во второмъ ряду, нѣсколько шляпокъ. Только одна пожилая женщина была въ платкѣ; остальные всѣ одѣты по-городски.

Правѣе, къ печкѣ, онъ распозналъ бородку, густыя брови и

воренастую посадку тѣла Бурова. Онъ стоялъ въ глубинѣ выступа, образуемаго кафельной печкой.

Того мѣста, гдѣ сидѣлъ уже экспертъ, онъ видѣть не могъ.

— Можно приступить! Пожалуйте!—пригласилъ земскій и, пропустивъ Булашова, указалъ ему на кресло сбоку отъ возвышенія, гдѣ помѣщался столъ, покрытый зеленымъ сукномъ.

На столикѣ, около кресла, поставленнаго Булашову, лежалъ чистый листъ бумаги и карандашъ.

Всѣ встали. Земскій надѣлъ на себя цѣпь. Защитники сѣли противъ возвышенія, спиной къ рѣшеткѣ.

Надѣво отъ двери изъ передней, на широкое диванѣ, Булашовъ увидалъ наконецъ эксперта—молодого брюнета, въ усахъ и съ эспаньолой, въ бѣломъ галстухѣ и черной парѣ—совсѣмъ не похожаго на лицо духовнаго происхожденія и воспитанія.

При немъ не было никакихъ бумагъ и книгъ, и онъ оглядывалъ залу въ рипсе-пез, съ видомъ посторонняго и немного даже скучающаго зрителя.

И тотчасъ же Булашову вспомнился вагонъ Николаевской дороги и разговоръ другого специалиста, въ такомъ же родѣ, съ чиновникомъ.

Защитники, оба въ разъ, точно угадавъ, о чемъ онъ думалъ, поглядѣли на него и потомъ вбоекъ на эксперта, какъ бы показывая его глазами Булашову.

Булашовъ замѣтилъ—въ публикѣ—всего одинъ студенческій сюртукъ.

Началось разбирательство. Земскій обращался къ подсудимымъ довольно, мягко, короткими вопросами отрывистой, высокой дикціей.

Отвѣчалъ за всѣхъ портной. Онъ стоялъ въ полоборота, опираясь одной рукой о барьеръ и съ наклоненной вбокъ головой, говорилъ не громко, медленно, тономъ, въ которомъ дрожала какая-то одна нота. Но лицо его, глаза, ихъ выраженіе—напомнили ему Наума Степанова, точно созданнаго для вѣроучительства.

Защитники что-то читали вслухъ и что-то просили занести въ протоколъ. У обоихъ былъ очень молодой, протестующій тонъ, причемъ тотъ, что пріѣхалъ съ Булашовымъ, волновался больше своего товарища.

Когда земскій пригласилъ эксперта дать свое разъясненіе различій между штундой и баптизмомъ, всѣ подсудимые понагнулись къ периламъ, и портной сталъ лицомъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ экспертъ.

Передъ тѣмъ онъ—отъ лица своихъ единовѣрцевъ—внятно и съ удареніемъ заявилъ, что всѣ они считаютъ себя „баптистами“, приѣмлющими крещеніе взрослыхъ и „преломленіе“ хлѣба.

Отъ Булашова не ускользнуло чуть замѣтное пожатіе плечами эксперта при этихъ словахъ портного. Защитники поглядѣли опять въ его сторону и на молодаго человѣка, который записывалъ засѣданіе на отдѣльномъ столикѣ—по всѣмъ признакамъ репортера.

Экспертъ всталъ, страхнулъ съ носа ринсе-пезъ, заложилъ правую руку въ отверстіе между двумя петлями и выдвинулъ впередъ правую ногу.

Онъ говорилъ, какъ хорошо подготовившій лекцію преподаватель, не торопясь, мѣстами точно прочитывая по тетрадѣ, свѣтскимъ тономъ, но съ разными словами и интонаціями, отличающими мѣсто его научной выучки, и съ южнымъ гортаннымъ „г“.

Все, что защитникъ, шутя, предсказывалъ Булашова дорожкой—оказалось на лицо. Тема сводилась, конечно, къ тому, чтобы доказать „облыжное“ наименованіе баптистовъ, которымъ прикрываютъ себя исповѣдники штунды, чтобы избавиться отъ послѣдствій принадлежности къ особенно-вредной сектѣ по „Положенію“ и циркуляру 1894 года.

Пространно излагалъ онъ ходъ образованія и развитія штунды и приводилъ доводы, доказывающіе, что хотя баптизмъ и сталъ привлекать къ себѣ штунду, но достигъ своего только съ уступкою коренного своего догмата—о спасительности двухъ обрядовъ: крещенія и преломленія, *самихъ по себѣ*, между тѣмъ какъ штундо-баптисты принимаютъ ихъ только какъ „знаки самосвидѣтельства вѣры“.

Земскій съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ—вѣроятно, впервые—всѣ эти доводы и узнавалъ разныя подробности о томъ баптизмѣ, который экспертъ считалъ „настоящимъ“, а не „облыжнымъ“. И тутъ онъ сталъ перечислять всѣ толки заграничнаго баптизма, говорилъ о какихъ-то „правильныхъ“ баптистахъ, о баптистахъ „шести положеній“, „седьмого дня“, „свободы воли“, „первоначальныхъ“ баптистахъ, „общихъ“, „отдѣльныхъ“, баптистахъ церкви Христовой, „первобытныхъ“ и „древнихъ“, признающихъ два начала въ душѣ и предопредѣленіе...

Лобъ земскаго все сильнѣе морщился. Защитники тихо улыбались. Подсудимые слушали—слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

А передъ тѣмъ были упомянуты и Тома Мюнстеръ, и оба

пастора Боннекемпера, отецъ и сынъ, и лютеранскія формулы Соголасія 1576 года, и еще многое другое, изъ исторіи протестантскихъ движеній.

Высвободивъ руку, экспертъ сталъ пересчитывать различія, какія существуютъ между баптизмомъ и тѣмъ новѣйшимъ штундобаптизмомъ, который „облыжно“ выдаетъ себя за настоящій баптизмъ.

Этихъ различій насчитать онъ по пальцамъ до шести, и одинъ изъ защитниковъ отмѣчалъ ихъ, по мѣрѣ того, какъ говорилъ экспертъ.

Но въ особенности онъ подчеркнул тотъ пунктъ, что секты баптистовъ „изъ русскихъ“ нѣтъ, а есть только нѣмцы, чехи, вообще иностранцы и инородцы, а не русскіе.

При этихъ словахъ подсудимые—и мужчины, и женщины—переглянулись, и портной пожалъ плечами, поглядѣвъ вбокъ на защитниковъ, какъ бы желая сказать:

„А мы-то кто же? Чухны что-ли“?

Къ концу своей рѣчи, экспертъ произнесъ родъ обличительнаго слова, направленнаго на „интеллигенцію“.

Онъ дошелъ даже до такого мнѣнія, что, будто бы, „интеллигенты“ оказали штундистамъ еще болѣе поддержки, чѣмъ баптисты, склонявшіе ихъ къ своей вѣрѣ.

Для Булашова это полицейское разбирательство, въ камерѣ „земскаго“, получало особое принципиальное значеніе. Тутъ рѣшались—хотя и въ примѣненіи къ факту простого нарушенія установленныхъ правилъ—вопросъ, который не для однихъ только этихъ обвиненныхъ, а для всѣхъ ихъ единовѣрцевъ—первенствующій.

И ему стало дѣлаться „обязно“—какъ сказалъ бы его пріятель Василій Егоровъ—за исходъ разбирательства. Защитники-то слишкомъ молоды. Могутъ зарваться и повредить клиентамъ, да и врядъ ли у нихъ хватить діалектики и знакомства съ „сектовѣдѣніемъ“—слово, которое экспертъ вѣско употреблялъ не одинъ разъ, въ началѣ своей „прѣдвѣди“.

Дошла очередь до защитниковъ.

Первымъ говорилъ хозяинъ квартиры, гдѣ побывалъ Булашовъ утромъ. Онъ выдвинулъ впередъ юридическую сторону дѣла, приводилъ какія-то кассационныя рѣшенія и упиралъ на то, что настоящій фактъ принадлежитъ вполне къ такой же категоріи.

Справку эту земскій отмѣтилъ на листѣ бумаги, лежавшей

передъ нимъ, куда онъ—слушая и эксперта, и отвѣты представителя общины—что-то записывалъ карандашомъ.

Первый защитникъ воздержался отъ полемики съ экспертомъ и не позволилъ себѣ ни одной рискованной фразы. Это даже удивило Булашова.

Онъ передалъ защиту, по существу, своему товарищу. Тотъ сразу занялъ рѣшительную позицію и ловко сталъ выуживать противорѣчія въ самыхъ выводахъ эксперта, напирая на одно мѣсто, которое онъ ему напомнилъ текстуально, записавъ его, гдѣ экспертъ соглашался, что „опредѣленіе“ одного изъ обрядовъ баптистами весьма близко подходитъ и къ взгляду штундистовъ. Но не останавливаясь на этомъ, онъ напиралъ на то, что ученіе его клиентовъ развилось самостоятельно, и приравнивать его къ первоначальной штундѣ—ни въ какомъ случаѣ нельзя.

— Какъ мои клиенты, въ глубинѣ души своей и по своему религиозному пониманію, смотрятъ на два обряда, которые всѣ признаютъ—мы въ это входить не можемъ. Это было бы насиліемъ ихъ совѣсти. Пускай же г. судья спроситъ вотъ ихъ старѣйшаго,—и онъ указалъ рукой на портного,—дѣйствительно ли они принимаютъ эти два обряда и по доброй ли волѣ такъ называютъ себя, съ тѣхъ поръ, какъ они это признали существовавшей принадлежностью своего вѣроученія?

Экспертъ, въ своей короткой репликѣ, отнесся къ этому возраженію какъ къ не имѣющему за себя никакихъ „научныхъ“ данныхъ, послѣ тѣхъ „неоспоримыхъ“ доводовъ, которые были имъ приведены.

Земскій далъ слово представителю общины. Тотъ оглянулъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ и произнесъ отчетливо, какъ за себя, такъ и за своихъ братьевъ и сестеръ, что, вромѣ „истинной правды“, онъ ничего не скажетъ.

Тутъ второй защитникъ быстро поднялся и попросилъ земскаго предложить ему, какъ представителю всей общины, категорическій вопросъ: признаютъ ли они себя послѣдователями ученія, по которому такіе-то обряды *обязательны*, хотя бы только для полного „самосвидѣтельства вѣры“—по выраженію „господина эксперта“?

Булашову самому хотѣлось надоумить защитниковъ о такой именно категорической постановкѣ. И нѣсколько разъ онъ, во время рѣчи эксперта, страдалъ оттого, что не имѣлъ права—подсказать и судѣ то, чѣмъ бы онъ могъ осадить эксперта.

Отвѣтъ старѣйшаго прозвучалъ среди напряженной тишины, и голосъ его вздрагивалъ.

— Дѣлаю перерывъ!—объявилъ земскій и поднялся съ мѣста. Булашовъ быстро подошелъ къ защитникамъ, и всѣ трое они прошли въ сѣни, мимо эксперта; Булашовъ не могъ не спросить его:

— Такъ, значить, русскаго баптизма не существуетъ?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнiя!—отвѣтилъ тотъ и глазами насмѣшливо усмѣхнулся.

Въ переднюю уже высыпали всѣ обвиняемые и сторонняя публика. Булашовъ съ защитниками подошелъ къ нимъ. Къ нему обратился Буровъ, стоявшій тутъ же.

— Душевно вамъ благодарны, Викторъ Сергѣвичъ!—сказалъ онъ въ полголоса.

— Мы... очень тронуты,—проговорилъ за нимъ одинъ изъ троицъ мастеровыхъ, бывшихъ на квартирѣ защитника.

— Господинъ земскій начальникъ просить васъ,—доложилъ старшина,—не угодно ли освѣжиться сельтерской водой или лимонадомъ?

Булашовъ поблагодарилъ и отказался, хотя было довольно-таки душно. Интересъ его возросталъ.

— Освободятъ?—спросилъ онъ защитниковъ, отводя ихъ въ сторону.

— Сомнительно!—отвѣтилъ за обоихъ второй защитникъ.

Земскій въ цѣпи появился опять на возвышенiи и тотчасъ же прочелъ, довольно поспѣшно, оправдательный приговоръ...

П. Д. Боборыкинъ.

(Окончанiе слѣдуетъ.)

ШКОЛА

НА

СКАНДИНАВСКОМЪ СЪВЕРЬ

И БОРЬБА ЗА НЕЕ ¹⁾.

Наше общество само переживаетъ въ настоящее время необходимый, но болѣзненный кризисъ въ дѣлѣ воспитанія. Нѣтъ надобности говорить о національной важности подобнаго момента. Мы призваны построить чуть не за-ново зданіе для подростящихъ поколѣній—„надежды отечества“: имъ принадлежитъ будущее, но отъ насъ зависитъ повліять на это будущее своими воспитательными заботами въ настоящемъ. Нельзя сказать, чтобы эта великая работа досталась намъ при благоприятныхъ условіяхъ: она совершается въ эпоху общаго броженія, съ еще невыяснившимся исходомъ,—и задачи воспитанія, сами по себѣ трудныя, затемняются въ смутѣ борющихся общественныхъ направлений. Прощедшее русской школы, особенно исторія ея за послѣднія десятилѣтія, даютъ ей не руководящія нити традицій, которыя приходилось бы развивать и совершенствовать, а запасъ разочарованій и горечи, опытность главнымъ образомъ отрицательную, недоувѣріе въ законодательнымъ мѣропріятіямъ и административному руководству съ одной стороны, сомнѣнія въ цѣлесообразности идей, обращающихся въ обществѣ,—съ другой.

---

¹⁾ Служила предметомъ публичной лекціи, читанной въ Москвѣ, 2-го ноября 1901 года, въ пользу „Московского Педагогическаго Общества“.

Не мудрено, что предпринятые реформы вызывают ожесточенную критику не только со стороны слѣпых ревнителей учебной системы 70-хъ и 80-хъ годовъ и поборниковъ отсталости; и въ средѣ людей несомнѣнно благомыслящихъ слышатся огульные осужденія и зловѣщія предсказанія: одни обзываютъ всякаго выступающаго противъ господствовавшей до сихъ поръ учебной системы врагомъ просвѣщенія, другіе возвѣщаютъ надвигающееся варварство; третьи доказываютъ, что попытки поставить народное образованіе на новое основаніе объясняются круглымъ невѣжествомъ и легкомысліемъ ихъ авторовъ. Положимъ, иначе не бываетъ въ эпохи крупныхъ переворотовъ. При разрушеніи всякаго долго господствовавшаго строя поднимаются облака пыли, въ которыхъ въ первое время трудно разглядѣть истинныя очертанія предметовъ. Тѣмъ не менѣе, эта неизбежная суматоха обязываетъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ предлагаемымъ мѣрамъ, обдумывать и обосновывать ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ могли выдержать пробу не только примѣненія къ жизни, но и нападокъ предубѣжденныхъ противниковъ.

Въ ряду средствъ для того, чтобы углубить наше пониманіе поставленныхъ вопросовъ, предостеречь отъ опасностей и устранить случайное и легковѣсное, первое мѣсто занимаетъ изученіе нуждъ, строя и жизни родственныхъ и сосѣднихъ народовъ, идущихъ впереди насъ на пути культуры.

Конечно, не для заимствованія готовыхъ устройствъ должны мы присматриваться къ иностраннымъ формамъ, не для безтолковаго перенесенія на нашу почву того, что выросло и сжилось съ другой обстановкой, не для затемненія нашихъ отечественныхъ условій и особенностей! Но, насколько необдуманное перениманіе было бы и бывало въ дѣйствительности вредно, настолько важно правильное сопоставленіе: мы должны присмотрѣться ко всему тому, что у нашихъ болѣе культурныхъ сосѣдей объясняется общими съ нами потребностями и одинаково переживаемыми историческими условіями. Жизнь человѣка и образованіе ребенка не поглощаются всецѣло національными особенностями; и какъ было бы нелѣпо изучать медицину, имѣя въ виду не человѣческой организмъ и его болѣзни, а физическія особенности русскаго организма, такъ же немислимо ставить и разрѣшать сложныя задачи образованія внѣ связи съ богатымъ запасомъ опытовъ и идей, которые собираются и умножаются рядомъ съ нами, въ жизни народовъ, болѣе благопріятно развивавшихся, нежели народъ русскій. Говорятъ, справки съ бытомъ

культурныхъ сосѣдей должны привести къ посрамленію всѣхъ нашихъ теперешнихъ реформенныхъ начинаній. Но вѣдь это утверждаютъ голословно, смѣло утверждаютъ какъ разъ тѣ, кто обнаруживаетъ лишь смутное знакомство съ дѣйствительными фактами и теченіями европейской педагогики, или же принимаетъ эту педагогику за приложеніе одной разъ навсегда установленной системы. Присмотримся къ нѣкоторымъ знаменательнымъ явленіямъ въ области скандинавской школы, явленіямъ, которыя, какъ мнѣ кажется, наводятъ на многія соображенія по отношенію къ школѣ русской.

Я выбираю скандинавскую школу не случайно и не вслѣдствіе подмѣченного сходства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій. Есть цѣлый рядъ общихъ условій, которыя дѣлаютъ наблюденія на этой почвѣ особенно поучительными для насъ, во многихъ отношеніяхъ болѣе поучительными, нежели обычныя обращенія къ примѣру Германіи, или общія ссылки на школьный бытъ французовъ и англичанъ. Во-первыхъ, по распространенію народнаго образованія въ глубину, по органической связи между постановкой низшаго, средняго и высшаго образованія, скандинавскій міръ представляетъ наиболѣе передовую часть Европы, стоитъ не только не ниже, а во многихъ отношеніяхъ выше такъ называемыхъ великихъ державъ, и возбуждаетъ справедливое и основательное удивленіе мыслящихъ и освѣдомленныхъ людей всей Европы. Во-вторыхъ, географическія, бытовые и историческія условія развитія сѣверныхъ народовъ ближе къ нашимъ, чѣмъ тѣ же условія въ западной Европѣ. Подобно значительной части Россіи, Швеція и Норвегія считаются съ суровымъ климатомъ, обширными и слабо населенными пространствами, а главное, подобно Россіи, скандинавскія страны стоятъ въ особомъ положеніи относительно движенія западной культуры, примыкаютъ къ нему, пользуются имъ, получаютъ отъ него множество идей и указаній, но въ то же время должны оберегать свои національныя особенности, осуществлять свое право на самостоятельное развитіе. Скандинавамъ, какъ и намъ, приходится изучать много языковъ и осваиваться съ проходящей нѣсколько въ сторонѣ жизнью западныхъ народовъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что въ Финляндіи мы имѣемъ даже въ политическомъ отношеніи своего рода промежуточный мостъ между тѣмъ сѣвернымъ и нашимъ бытомъ. Наконецъ, не послѣднимъ преимуществомъ скандинавскихъ примѣровъ въ области образованія является то, что они вырабатываются при сходствѣ основныхъ условій, но въ рядѣ самостоятельныхъ вариантовъ, въ Даніи, Норвегіи, Шве-

ція и у насъ, въ Финляндіи. При этомъ, вмѣсто однообразнаго законодательства и объединеннаго теченія литературы, мы получаемъ рядъ явленій, независимыхъ другъ отъ друга, и въ то же время находящихся въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Задачи, поставленныя сѣвернымъ народомъ, освѣщаются съ разныхъ сторонъ, разрѣшаются въ формахъ, уклоняющихся другъ отъ друга, и тѣмъ не менѣе, общее развитіе совершается въ одномъ и томъ же главномъ направленіи. Такимъ образомъ получается картина закономѣрной эволюціи нѣсколькихъ организмовъ подъ вліяніемъ сходныхъ условий. То, что ступѣнчато вываляется въ одномъ случаѣ, рѣзко выступаетъ въ другомъ, неудачныя приемы одной школы исправляются у сосѣдняго народа. Эти наблюденія надъ закономѣрнымъ, какъ бы естественнымъ процессомъ роста и приспособленія имѣютъ особенную цѣну для насъ; они даютъ наилучшую возможность выдѣлать существенное и основное, отбрасывая случайное.

Оговорюсь, что я буду обращаться къ фактамъ изъ жизни Норвегіи, Даніи и Швеціи; Финляндіи мнѣ не придется касаться въ настоящемъ очеркѣ, такъ какъ ея система, вслѣдствіе встрѣчи на финляндской почвѣ трехъ національностей, имѣетъ много чертъ совершенно исключительныхъ.

Кромѣ того, я буду держаться еще одного ограниченія. Именно, говорить лишь о школѣ средней, съ которой преимущественно связано великое дѣло общаго образованія. Какъ-разъ въ этой области примѣръ скандинавскихъ странъ представляетъ въ настоящее время особенно много интереснаго и поучительнаго.

I.

Возникла средняя школа въ сѣверной, какъ и въ западной Европѣ, на лонѣхъ церквей изъ монастырскихъ и соборныхъ училищъ, устроенныхъ единственно грамотнымъ въ средніе вѣка сословіемъ—духовенствомъ.

Средневѣковыя школьныя учрежденія стояли на классической основѣ, вслѣдствіе простаго и совершенно реальнаго факта. Не было иной школьной мудрости, кромѣ обрывковъ мудрости древняго міра, какъ свѣтской, такъ и духовной. Въ большинствѣ случаевъ, школа сообщала лишь „тривиальныя“ (trivium—три пути) свѣдѣнія, необходимыя для обывательскаго употребленія, свѣдѣнія по тремъ низшимъ наукамъ—грамматикѣ, діалектикѣ

(т.-е. логикѣ) и реторикѣ, составлявшимъ „три пути“ знанія—*trivium*.

Значительно двинулось дѣло впередъ въ реформаціонный періодъ, который въ области свѣтскихъ знаній руководствовался началами „ренессанса“, возрожденія классической древности. Въ это время европейская школа оставляетъ изношенный базисъ *trivium*'а и *quadtrivium*'а, и выработываетъ новый самостоятельный учебный планъ. Хотя церковно-богословскія вліянія еще сохранили свое значеніе для школы, но рядомъ съ ними стали все болѣе и болѣе выдвигаться соображенія государственной пользы, и хотя латынь и осталась главнымъ воспитательнымъ средствомъ для молодыхъ умовъ, но стремленіе къ положительнымъ знаніямъ прокладываетъ уже себѣ дорогу въ преподаваніи.

Наилучшее выраженіе нашло себѣ реформаціонно-гуманистическое направленіе въ шведскихъ школахъ, организованныхъ въ 1649 г. по уставу королевы Христіны, дочери Густава-Адольфа, подъ вліяніемъ мировыхъ сношеній, въ которыя была вовлечена Швеція въ эпоху тридцатилѣтней войны, и при участіи знаменитаго канцлера Оксенстерна.

Въ уставѣ королевы Христіны школьная организація опирается на троякаго рода училища: на одно-классныя *начальныя*, для сообщенія грамотности; четырехъ-классныя *тривіальныя*, съ элементарнымъ курсомъ латыни и прибавленными къ нему въ старшихъ классахъ свѣдѣніями по греческому, логикѣ, реторикѣ и ариметикѣ; наконецъ, на четырехъ-классныя *гимназіи*, въ которыхъ преподаются уже не только греческій и еврейскій (для будущихъ богослововъ), но физика съ ботаникой и гигиеной, исторія и поэзія ¹⁾. Главное мѣсто въ изученіи принадлежитъ латыни, которая открываетъ съ одной стороны путь къ греческому и еврейскому, необходимымъ для богослововъ, а съ другой—путь къ литературѣ и юриспруденціи, необходимымъ для государственныхъ чиновниковъ. Въ этой системѣ нѣтъ еще раздвоенія между образовательными и практическими знаніями—и тѣ, и другія связаны съ латынью. Характерно, однако, что уже въ этой системѣ предусматривается необходимость давать выходъ другимъ потребностямъ и заботиться не только о высшемъ образованіи,—предусматривается въ формѣ раздѣленія девятилѣтняго курса на двѣ половины, изъ которыхъ одна, тривіальная, давала выходъ на полпути для лицъ, ищущихъ скромнаго, какъ бы мѣ-

¹⁾ *Paludan*, Det høiere Skolevæsen i Danmark, Norge og Sverig. Kjøbenhavn. 1885, p. 29—31.

щанскаго образованія, а высшая, гимназія¹, примыкаетъ къ университету и занимается подготовкой къ правительственнымъ профессіямъ. Наконецъ, для самыхъ элементарныхъ нуждъ предназначено особое учрежденіе—дополнительный классъ такъ-называемаго „апологиста“, въ который дѣти переходятъ на годъ изъ перваго класса тривіальной школы для занятій письмомъ, счетомъ и т. п. Длинный путь школы такимъ образомъ прерывается и развѣтвляется, но по содержанію программа еще подчинена главнымъ образомъ требованіямъ верхней половины, — четыре класса тривіальной школы работаютъ, имѣя преимущественно въ виду четыре класса гимназіи, и лишь классъ „апологиста“ свободенъ отъ необходимости считаться съ требованіями этого высшаго порядка. Прибавимъ, что какъ-разъ эти классы пользовались большою популярностью и очевидно удовлетворяли значительной общественной потребности. Въ такомъ же родѣ, хотя менѣе послѣдовательно, было организовано образованіе и въ Даніи, включавшей въ то время Норвегію.

Уже въ уставѣ королевы Христины звучатъ мотивы, не совсѣмъ подходящіе къ узкой постановкѣ образованія на латинской основѣ. Подъ влияніемъ Амоса Коменскаго, съ которымъ шведы познакомились во время тридцатилѣтней войны и который даже дѣйствовалъ въ Швеціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пробивается интересъ къ содержанію сообщаемыхъ свѣдѣній, къ родному языку, къ природѣ. Но эти слабые зачатки развились и принесли плоды лишь гораздо позднѣе, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда сѣверныя страны были, наравнѣ съ прочей Европой, охвачены просвѣтительнымъ движеніемъ. Стремленіе выйти изъ условностей и формализма старой системы, овладѣть богатымъ содержаніемъ современнаго научнаго движенія, воспитать духъ подрастающихъ поколѣній, для пониманія природы и разумной жизни въ обществѣ, могучей волной нахлынули въ это время на европейское общество. Характерное выраженіе новыхъ теченій мы заимствуемъ на этотъ разъ изъ прошедшаго датской школы — оно дано въ идеяхъ датскаго наслѣднаго принца, герцога Августенбургскаго, опубликованныхъ въ журналѣ „Минерва“ за 1795 годъ и нашедшихъ себѣ весьма, правда, смягченное осуществленіе въ датскомъ школьномъ планѣ 1809 года. Герцогъ не выбрасываетъ классическихъ языковъ изъ школы, но вводитъ рядомъ съ ними обстоятельное изученіе родного и новыхъ языковъ—англійскаго, французскаго и нѣмецкаго, причемъ во всѣхъ случаяхъ требуетъ, чтобы начинали съ практики въ чтеніи и разговорѣ съ инстинктивнаго усвоенія, и какъ можно меньше

тратили времени на учение грамматическихъ формъ. А затѣмъ въ его планѣ появляется множество новыхъ задачъ и предметовъ, которые совершенно оттѣсняють на задній планъ старую латинскую мудрость. Законъ Божій долженъ преподаваться съ точки зрѣнія не авторитета и Откровенія, а разумаго оправданія и чувства, „хотя бы съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ декламации“. Учение о нравственности составляетъ особый предметъ. Естествознание и физика появляются въ старшихъ классахъ, а географія становится однимъ изъ главныхъ предметовъ. Наконецъ, высокопоставленный реформаторъ требуетъ изученія антропологии—науки о человѣкѣ, какъ сынѣ природы, и ученія объ обществахъ, со включеніемъ основъ земледѣлія, правовѣдѣнія и общей энциклопедіи наукъ ¹⁾.

Очень скоро оказались не только техническія трудности въ проведеніи подобной обширной энциклопедической программы, но и реакція прежняго классическаго направленія, располагавшаго значительнымъ педагогическимъ опытомъ и ставившаго себѣ цѣли болѣе достижимыя вслѣдствіе самой ихъ ограниченности. Въ Германіи старая и новая школа раздѣлились; послѣдняя проложила себѣ дорогу въ качествѣ реальной и городской (*Bürgerschule*), а рядомъ съ ней подновилась и усилилась школа ученая, классическая, направленная къ университету и обставленная привилегіями.

Въ сѣверныхъ странахъ періодъ отъ тридцатыхъ до 70-хъ годовъ также отмѣченъ развитіемъ реальныхъ предметовъ и соотвѣствующихъ организаций, но теченіе дѣла имѣетъ много своеобразнаго. Для характеристики его общаго направленія остановимся опять-таки на явленіяхъ изъ датской среды.

Съ разныхъ сторонъ и по разнымъ поводамъ намѣтилось тамъ реалистическое движеніе. Въ 1828 году была реорганизована дворянская академія въ Сорѣ и при этой реорганизациіи по соображеніямъ практическимъ, ради непосредственной подготовки къ административной и камеральной карьерѣ, отодвинуты древніе языки и выдвинуты впередъ новые языки и исторія. Важнѣе было то, что авторитетные представители современнаго научнаго движенія, и во главѣ ихъ человѣкъ европейской знаменитости—физикъ Эрстедъ, возвысили голосъ за признаніе образовательной силы наукъ, которыя составляютъ отличительное достояніе новой культуры—прежде всего наукъ точныхъ и естественныхъ.

¹⁾ *Paludan*, 71 стр. и сл.; *Voss*, Kampen om Skolen i det nittende aarhundrede paa norsk grund, 1899, p. 6, 7.

Съ другой стороны послышалась проповѣдь ревнителей образованія для народной массы, людей, подобно Грундтвигу, работали для демократизаціи знанія и просвѣщенія демократіи. По выраженію самого Грундтвига: „цѣль образованія не въ томъ, чтобы создавать изъ ученыхъ особый классъ и отдѣлять его отъ народа, а въ томъ, чтобы пустить корни въ народную жизнь, обнять и просвѣтить ее во всей ея громадности и разнообразіи“. Они, естественно, обращались противъ господства сложной, отвлеченной, удаленной отъ современныхъ жизненныхъ условій системы, противъ „черной“ или „мертвой“ школы, требовали средняго образованія, которое заботилось бы скорѣе о развитіи, чѣмъ о приобрѣтеніи множества знаній,—образованія, основаннаго прежде всего на изученіи родного языка и родной страны ¹⁾). Подъ влияніемъ этихъ напиравшихъ съ разныхъ сторонъ теченій взгляды самихъ представителей ученой классической школы видоизмѣнились, и замѣчательнѣйшій изъ нихъ, латинистъ Мадвигъ, не только высказалъ въ журнальныхъ статьяхъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ дать мѣсто реальнымъ предметамъ, а въ изученіи древности перенести центръ тяжести на пониманіе культуры древняго міра, но и провелъ въ этомъ духѣ реформу датскихъ классическихъ школъ въ 1850 году ²⁾). Характернымъ для датскаго движенія является, во всякомъ случаѣ, что оно, приближаясь къ нѣмецкому, привело къ образованію ряда специальныхъ реальныхъ и городскихъ училищъ, а попытки связать реальные классы съ классическими хотя въ это время и дѣлались, но особаго успѣха не имѣли. Въ общемъ, реальное образованіе заняло, сравнительно съ классическимъ, подчиненное, какъ бы пониженное положеніе.

Напротивъ, въ Швеціи съ самаго начала реалистическое движеніе направилось къ тому, чтобы открыть реалистамъ равноправное положеніе съ классиками, довести ихъ до университета, и для этой цѣли сохранило единство общеобразовательной школы, допуская въ ней въ то же время различныя отдѣлки въ группировкѣ предметовъ сообразно способностямъ и потребностямъ. Въ этомъ смыслѣ руководилъ движеніемъ главный его представитель, лундскій профессоръ Агардъ, и въ этомъ именно смыслѣ былъ сдѣланъ первый государственный опытъ реформы. Учреждена въ 1828 году „Новая школа для элементарнаго образованія“ (Nya elementarskolan). Въ ней преподавались и древ-

¹⁾ Paludan, стр. 126, 127.

²⁾ Paludan, стр. 140 и сл.; Voss, 21.

ніе и новые языки, и предметы старой системы, и новые—послѣдніе въ обширныхъ размѣрахъ. Были употреблены всѣ средства, чтобы индивидуализировать образованіе сообразно направленіямъ и способностямъ учениковъ ¹⁾).

Норвегія, въ 1814 году отдѣлившись отъ Даніи и получившая политическую самостоятельность, въ этотъ періодъ, т.-е. приблизительно съ 20-хъ до конца 60-хъ годовъ, не вырабатываетъ опредѣленной системы, а двигается по пути между Швеціей и Даніей, вводя реальные предметы, реальные классы и реальные школы, но въ различныхъ, не вполне установившихся комбинаціяхъ.

Зато въ слѣдующій періодъ, который можно считать съ конца 60-хъ годовъ до нашего времени, именно развитіе норвежской школы становится особенно любопытнымъ: въ Норвегіи разрабатывается система, которая получаетъ опредѣляющее вліяніе на сосѣдей. Для характеристики стремленій этого времени мы и обратимся главнымъ образомъ къ исторіи норвежской школы.

Можно исходить въ данномъ случаѣ отъ швольнаго устройства, проведеннаго въ 1869 году Ниссеномъ, оговорившись, что его реформа была въ сильной степени подготовлена литературной полемикой и практикой частныхъ учебныхъ заведеній, чрезвычайно плодотворной въ Норвегіи и Даніи. Въ идеяхъ и работахъ Ниссена сосредоточивается протестъ противъ преобладанія формализма въ образованіи и, по собственному выраженію реформатора, стремленіе поставить на мѣсто формализма энциклопедическій принципъ. Ни педантичный классицизмъ, ни обрывочныя, случайныя комбинаціи предметовъ въ такъ-называемыхъ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ не годятся: необходимо выработать систему, которая была бы шире и продуманнѣе съ педагогической точки зрѣнія, нежели датская, и менѣе зависѣла бы отъ произвола преподавателей, родителей и учениковъ, нежели шведская. Нечего дѣлать: „время требуетъ, чтобы мы знали многое, пусть и школа учить своихъ воспитанниковъ многому“. Школа не должна стремиться развивать способности какъ отвлекая отъ всякаго содержанія—ни словомъ, ни числомъ человекъ не пользуется какъ пустыми формами, а направляетъ ихъ на предметы и процессы, которыми окружила его жизнь. Оттого и школа должна обязательно дать ученикамъ разностороннія свѣдѣнія и разностороннее развитіе. Эта разносторонность

¹⁾ Paludan, стр. 375 и сл.

обусловливается не какими-либо утилитарными цѣлями, а самыми свойствами нашей души и міра, въ которомъ мы живемъ. Надо по возможности соединить знаніе родного и новыхъ языковъ съ знаніемъ языковъ классическихъ, основанія исторіи и словесности—съ основаніями математики и естествознанія. Достижима ли, однако, такая энциклопедичность? Не приведетъ ли она либо къ поверхностной обрывочности, либо къ чрезмѣрному накопленію матеріала и переутомленію учащихся? Выходъ изъ затрудненій Ниссенъ видитъ въ послѣдовательномъ приложеніи къ школьной организаціи двухъ началъ—вступленія предметовъ въ извѣстной обдуманной, педагогической послѣдовательности и допущенія спеціализаціи въ старшихъ классахъ при сохраненіи единой общей основы образованія. Въ первомъ отношеніи должно быть принято за правило, напр., не начинать въ одномъ и томъ же классѣ изученія двухъ языковъ за разъ, а изученіе древнихъ языковъ вообще должно быть отодвинуто въ старшій возрастъ, когда дѣти уже освоятся съ болѣе доступными для нихъ формами языковъ родного и родственныхъ живыхъ, и когда можно ожидать болѣе сознательнаго отношенія къ самому содержанію древней культуры. Во второмъ отношеніи необходимо развить на основѣ объединеннаго въ младшемъ возрастѣ простѣйшаго курса болѣе спеціальныя занятія, направленныя къ классицизму или реализму въ старшемъ возрастѣ, переходномъ къ университету, и притомъ съ полнымъ уравненіемъ правъ для обоихъ направленій. На практикѣ движеніе, представителемъ котораго является Ниссенъ, привело къ строю, установленному закономъ 1869 года. Въ силу этого закона среднее образованіе, въ отличіе отъ начальнаго и отъ высшаго, давалось двумя учрежденіями: шести-классной „средней“ школой (Middelskole) для дѣтей отъ 9 до 15 лѣтъ, и трехъ-классными гимназіями для возраста отъ 16 до 18 лѣтъ. Младшее отдѣленіе или средняя школа ведетъ первые три класса совсѣмъ безъ древнихъ языковъ, а съ четвертаго класса вводитъ латынь, но лишь для желающихъ, съ правомъ для остальныхъ замѣнить ее англійскимъ. Гимназій, возвышающихся надъ этой средней школой, двѣ—классическая, съ преобладаніемъ словесныхъ предметовъ и обоими древними языками, и реальная, съ преобладаніемъ математики и естественныхъ наукъ. И та, и другая ведутъ къ университету¹⁾.

Дѣло, однако, на этомъ не остановилось. Въ теченіе 25-лѣтней практики обнаружилия какъ общая цѣлесообразность главныхъ

¹⁾ Voss, стр. 33 и сл.

идей Ниссеновской школы, такъ и ошибочность и недостаточность многихъ отдѣльныхъ положеній и подробностей. Во-первыхъ, въ странѣ съ такой развитой системой начальнаго образованія, какъ Норвегія, являлась безусловная необходимость поставить эту систему въ опредѣленную связь съ средней школой и этимъ не только выяснить технически взаимныя отношенія заведеній и условія перехода изъ одного въ другое, но, главное, выровнять дорогу для многочисленнаго контингента учениковъ, которые переходили изъ народныхъ школъ въ среднія. Во-вторыхъ, специализація гимназій оказывалась во многихъ отношеніяхъ неудачной: классическая гимназія являлась единственной чисто гуманистической школой, а между тѣмъ время въ ней было слишкомъ занято изученіемъ древнихъ языковъ—греческаго съ азбуки; выходило, что гуманистическое образованіе сдузилось и оскудѣло. Съ другой стороны, представители научно-реальнаго направленія жаловались на недостаточную постановку новыхъ языковъ, на полное исключеніе естественныхъ наукъ и географіи изъ старшихъ классовъ классической гимназій. Наконецъ, всѣ жаловались на накопленіе предметовъ и переутомленіе учениковъ, чего, очевидно, не удалось устранить принятыми мѣрами. Приходилось продолжать и развивать реформу, и это было сдѣлано послѣ тщательной подготовки закономъ 1896 года.

Законъ этотъ прежде всего отбрасываетъ первые два класса такъ называемой средней школы и дѣлаетъ ее четырехъ-классной, для дѣтей отъ 11 до 15 лѣтъ. Зато эта школа непосредственно примыкаетъ къ начальной или народной семи-лѣтней, въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ которой дѣти обыкновенно учатся отъ 7 до 12 лѣтъ; изъ этихъ отдѣленій можно поступать въ среднюю школу. Въ четырехъ-лѣтней средней школѣ начинаются новые языки—нѣмецкій и англійскій и проходитъ законченный курсъ по главнымъ общеобразовательнымъ наукамъ и математикѣ. Латинскій языкъ, который по плану Ниссена еще держался въ видѣ факультативнаго предмета въ IV, V и VI классахъ его школы, теперь совершенно исключается и курсъ получается вполне объединенный. Лѣтъ шестнадцати юноши переходятъ при желаніи въ гимназію, въ которой также поддерживается нѣкоторая общность преподаванія, напримѣръ, по Закону Божію, родному языку, нѣмецкому. Но затѣмъ допускается специализація уже не въ двухъ направленіяхъ, а въ трехъ. Образуются—*реальная* линія, *негуманитарная*, если можно такъ выразиться, въ основу которой положено изученіе новыхъ языковъ и исторіи, и *классическая*—съ латинскимъ языкомъ въ качествѣ основного

предмета ¹⁾. При такомъ расположеніи занятій надѣются достигнуть расчлененія школы, при которомъ будетъ въ существенныхъ чертахъ сохранена общеобразовательная основа и въ то же время предоставленъ достаточный просторъ различію опредѣляющихся—въ средѣ подросткающаго поколѣнія—направлений и способностей. Въ то же время инициаторы плана стремились не связывать безраздѣльно гуманитарное направленіе съ изученіемъ древнихъ языковъ и предоставить выходъ для тѣхъ многочисленныхъ лицъ, которыя интересуются исторіей и бытомъ новыхъ народовъ, но не имѣютъ желанія или возможности заниматься при этомъ древними языками и древней исторіей ²⁾.

Подобныя же идеи—необходимость сближенія средней и на-

¹⁾ Въ настоящемъ общемъ очеркѣ я не имѣю возможности прослѣдить любопытныхъ перипетій въ исторіи выработки этихъ линій. Большинство коммисіи педагоговъ, подготовившей законопроектъ, высказалось за сохраненіе латини въ старшихъ классахъ „средней школы“ и въ гуманитарической гимназій. Министерство народнаго просвѣщенія (Kirkedepartementet) и большинство парламентской коммисіи стояли за полное исключеніе латини какъ изъ средней школы, такъ и изъ гимназій. Дебаты въ „стортингѣ“ привели къ образованію реальной и неогуманистической линій, но съ прибавкой, что въ нѣкоторыхъ гимназійкахъ можетъ быть сохранено преподаваніе латини. Пользуясь этою „заднею дверью“, министерство открыло въ 1896 г. третью, латинскую линію съ особымъ учебнымъ планомъ:

I. СРЕДНЯЯ ШКОЛА.

Классы:

Число уроковъ:	I. II. III. IV.			
	1. Законъ Бож.	2	2	2
2. Норвеж. яз.	5	4	4	4
3. Нѣмецк. яз.	6	5	5	5
4. Англійск. яз.	—	5	5	5
5. Исторія . .	3	2	3	3
6. Географія .	2	2	2	2
7. Естествов. .	3	2	2	3
8. Математ. . .	5	5	5	5
9. Рисованіе .	2	2	2	2
10. Чистопис. .	2	1	—	—
11. Гимнастика.	3	3	3	4
12. Ручн. тр. .	2	2	2	2
13. Пѣніе . . .	1	1	1	—
Всего	36	36	36	36

II. ГИМНАЗІЯ.

Классы:

Число уроковъ:	A. Реаль- B. Неогуманистич. C. Латин- ная линія. линія. скалннія.								
	I. II. III.			I. II. III.			I. II. III.		
1. Зак. Бож.	1	1	2	1	1	2	1	1	2
2. Норв. яз.	4	5	4	4	6	5	4	5	4
3. Нѣм. яз. .	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4. Англ. яз. .	4	3	2	4	7	6	4	2	2
5. Франц. яз.	4	2	2	4	4	4	—	5	4
6. Латин. яз.	—	—	—	—	—	—	6	7	7
7. Исторія . .	3	3	3	3	5	5	3	3	3
8. Географ. .	1	1	1	1	1	1	1	1	1
9. Естеств. .	4	5	6	4	1	2	4	1	2
10. Матем. . .	4	5	6	4	2	2	4	2	2
11. Рисованіе	2	2	1	2	—	—	—	—	—
Всего	30	30	30	30	30	30	30	30	30

²⁾ Ср. изложеніе подготовки норвежской реформы у Густавсона, Skolfrågan i Norge, Finsk Tidskrift, 1896.

чальной школы, необходимость единого общеобразовательного ствола, съ допущеніемъ вариантовъ по различнымъ направленіямъ знаній, — сказались, хотя и въ гораздо болѣе ограниченной формѣ, въ Даніи. Онѣ выразились въ законѣ 1871 года, который дѣйствуетъ въ главныхъ чертахъ и понынѣ. Согласно этому закону, высшіе классы средней школы были закрыты, и курсъ въ настоящее время начинается съ 11—12 лѣтъ. Надо сказать, что этимъ не удалось удовлетворительно разрѣшить вопросъ о переходѣ отъ школы народной къ школѣ средней: уничтоженіе двухъ младшихъ классовъ привело главнымъ образомъ къ сильному развитію приготовительныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ при частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ средней школѣ курсъ получается шести-классный: два первые класса—общіе для всѣхъ—съ обязательной для всѣхъ латынью. Съ третьяго класса начинается расхожденіе двухъ линій, которое становится постепенно все значительнѣе. Въ одномъ направленіи идутъ ученики математически-естественной линіи, которые получаютъ усиленный курсъ соответственныхъ „реальныхъ“ предметовъ, греческому не учатся совсѣмъ, а латынь кончаютъ въ четвертомъ классѣ. Въ другомъ идутъ ученики словесно-исторической линіи; имъ съ третьяго класса преподается греческій, а преподаваніе математики и естественныхъ наукъ кончается для нихъ въ четвертомъ классѣ. Рядомъ съ этимъ идетъ сильное развитіе реальныхъ школъ съ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ и чисто практическимъ направленіемъ, и, по свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей, именно этотъ типъ наиболѣе удовлетворяетъ общественнымъ потребностямъ ¹⁾. Наоборотъ, въ „ученой“ школѣ чувствуется отсталость, и среди руководящихъ ею педагоговъ все сильнѣе складывается потребность въ освѣженіи ея учебнаго матеріала. Упомянемъ для примѣра лишь о ходатайствованіи директоровъ частныхъ учебныхъ заведеній Копенгагена, чтобы имъ было разрѣшено вести занятія, кромѣ установленныхъ двухъ линій, еще по третьему плану съ одной латынью въ ограниченномъ числѣ часовъ (30 вм. 44), и съ усиленіемъ исторіи, съ одной стороны, математики и естественныхъ наукъ, съ другой ²⁾.

Любопытно, что въ Швеціи, гдѣ развитіе школы шло сначала очень самостоятелно, въ послѣднее время оно стало какъ бы притягиваться къ норвежскому направленію. Шведскія школы

¹⁾ Carlson, Det högte skolväsendet i Norge och Danmark i jämförelse med det svenska, стр. 84.

²⁾ Carlson, стр. 88.

уже съ давнихъ поръ примѣняли въ широкой мѣрѣ порядокъ освобожденій (диспенсаций) отъ разныхъ предметовъ по просьбѣ родителей и съ разрѣшенія педагогическихъ совѣтовъ. Это создавало, однако, много затрудненій для веденія классовъ, а законъ 1878 года сконцентрировалъ преподаваніе. Девяти-лѣтняя школа обнимала общую подготовительную прогимназію изъ четырехъ классовъ, съ обязательной латынью въ III и IV, и развѣтвленную школу въ старшихъ классахъ съ двумя линіями—классической и англійской. Диспенсациі все-таки допускались,—напримѣръ, на классической линіи нѣкоторые ученики освобождались отъ греческаго,—но онѣ были сильно ограничены ¹⁾. Какъ разъ въ послѣдніе годы, однако, приступлено было, по настоянію парламента, къ разработкѣ реформы, главныя черты которой уже настолько опредѣлились въ коммиссіяхъ и докладахъ, что ихъ можно считать близкими къ осуществленію.

Суть дѣла та же, что въ послѣднемъ норвежскомъ устройствѣ, хотя расчетъ годовъ нѣсколько иной. Въ основѣ опять-таки общая, объединенная прогимназія, какъ у насъ принято говорить, съ пяти- или шести-лѣтнимъ законченнымъ курсомъ, безъ древнихъ языковъ, школа, рассчитанная на сообщеніе самыхъ необходимыхъ общеобразовательныхъ свѣдѣній и развитія для всѣхъ отраслей дѣятельности, какъ ученыхъ и правительственныхъ, такъ и практическихъ. Отъ нея идутъ развѣтвленія: четырехъ-лѣтняя или трехъ-лѣтняя гимназія съ тремя линіями—*реальной*, съ преобладаніемъ естественныхъ наукъ и математики, *чистой классической*, съ двумя древними языками, и *полу-классической*, съ одной латынью и правомъ замѣнять эту латынь англійскимъ ²⁾. По другимъ предположеніямъ не требуется латынь на такъ-называемой линіи гуманитарно-новоязычной, и она такимъ образомъ совершенно приближается къ норвежскому образцу. Довольно сильно распространено, кромѣ того, стремленіе помимо этихъ линій, ведущихъ къ высшему образованію, допускать для людей, идущихъ въ коммерцію и другія чисто практическія карьеры—одно-лѣтній дополнительный классъ въ прибавку къ общеобразовательной прогимназіи. Какъ опредѣлятся окончательные результаты реформеннаго движенія—покажетъ будущее, но уже теперь ясно, до какой степени шведская средняя школа и въ той и въ другой комбинаціи сблизится съ норвежской.

Я полагаю, что представленный мною краткій очеркъ исто-

¹⁾ Ср. *Bergman*, Sveriges Undervisningsväsen, Stockholm, 1897, стр. 31 и сл.

²⁾ Yttrande i läroverksfrågan på uppdrag af stadsrådet og Chefen för Kungl. Ecklesiastikdepartementet. Stockholm. 1899, стр. 76 и сл.

рическаго развитія средней школы въ трехъ главныхъ скандинавскихъ странахъ не можетъ не навести на нѣкоторые нелешенныя интереса соображенія. Мы видимъ, до какой степени настойчиво и неудержимо совершается въ данномъ случаѣ процессъ эволюціи школьныхъ организацій и порядковъ, притомъ все въ одномъ главномъ направленіи—къ обновленію школьнаго плана данными положительныхъ наукъ; къ объединенію общеобразовательной программы при допущеніи индивидуальныхъ особенностей и разницы направленій; наконецъ, къ расчлененію школы на тѣсно связанные другъ съ другомъ и въ то же время самостоятельные отдѣлы, которые позволяли бы составу учащихся группироваться по потребностямъ и силамъ. Отмѣтимъ особенно строго эволюціонный характеръ роста скандинавской школы, исключаящей тѣ прыжки, внезапности и случайности, къ которымъ мы такъ привыкли у себя. Во всякомъ случаѣ, мы уже знаемъ теперь, что въ освобожденіи отъ господства древнихъ язвеновъ, въ расчлененіи школы по центрамъ, въ развѣтвленіи спеціальностей—мы можемъ найти любопытныя точки опоры и примѣры въ скандинавской области. Насколько всѣ эти особенности дѣйствительно внушены реальными потребностями и подготовлены глубокими историческими условіями, еще лучше покажетъ болѣе спеціальное разсмотрѣніе цѣлей средней школы на сѣверѣ, основъ для ея расчлененія и ея отношенія къ школѣ народной и школѣ высшей.

II.

Во всякомъ дѣлѣ первостепенную важность имѣетъ постановка цѣли; если эта цѣль даже и не достигается, если на практикѣ связывается вліяніе разнаго рода видоизмѣняющихъ условій,—все-таки съ стремленіемъ въ извѣстномъ направленіи прежде всего придется считаться. Цѣль, которая ставилась средней школѣ въ скандинавскихъ странахъ, подвергалась характернымъ перестановкамъ и видоизмѣненіямъ въ теченіе настоящаго столѣтія. Въ XVII и XVIII вѣкахъ шведскіе педагоги ставили университету и связанной съ нимъ средней школѣ цѣль готовить прежде всего чиновниковъ для правительственной службы, включая сюда и пасторовъ, какъ должностныхъ лицъ, которымъ довѣрена забота о религіозномъ руководствѣ народа. При этомъ занятія науками имѣли не самостоятельное, а служебное значеніе, являлись сред-

ствами для достиженія государственной цѣли ¹⁾. Въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, напримѣръ въ датскомъ законѣ 1809, цѣлью средней школы признается подготовленіе къ университету; это— прежде всего— „ученая“ школа. Интересно, однако, что уже въ этомъ законѣ предусмтрѣно, что средней школой будутъ пользоваться и люди, которые не пойдутъ въ университетъ: какъ и въ какой степени ученая школа будетъ удовлетворять ихъ потребностямъ—не разъясняется ²⁾. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ все сильнѣе и сильнѣе выступаетъ требованіе, чтобы средняя школа была самостоятельной въ своей задачѣ и видѣла эту задачу въ общемъ образованіи, одинаково необходимомъ какъ для тѣхъ, кто пойдетъ въ высшія учебныя заведенія, такъ и для тѣхъ, кто не пойдетъ дальше средней школы.

Въ новомъ норвежскомъ законѣ 1894 года это формулировано такъ: „Средняя школа, примыкая къ школѣ народной, сообщаетъ дѣтямъ законченное общее образованіе, приуроченное къ способностямъ дѣтскаго возраста“. „Гимназія есть школа для юношей, которая, отправляясь отъ основы, положенной въ средней школѣ, руководитъ ими къ приобрѣтенію болѣе высокаго общаго образованія, а послѣднее само можетъ стать основой для научныхъ занятій“. Какъ видите, путь пройденъ долгій и этапы на пути отмѣчены различными попытками формулировать проблему и устранить связанныя съ нею затрудненія. Для того и для другого необходимо выяснитъ главнымъ образомъ два положенія: 1) Что понимать подъ общимъ образованіемъ, что для него необходимо и что въ него не входитъ? 2) Какъ организовать школу, чтобы она удовлетворяла потребностямъ различныхъ степеней образованія и различныхъ классовъ общества?

Идеаломъ общаго образованія должно быть, очевидно, столько же разностороннее и вмѣстѣ основательное знакомство съ элементами главнѣйшихъ отраслей знанія, сколько первоначальное развитіе главнѣйшихъ способностей человѣческаго духа. Человѣкъ, прошедшій среднюю общеобразовательную школу, долженъ имѣть возможность, вступая на спеціальную дорогу, воспользоваться любыми силами своего духа, не рискуя быть задержаннымъ своего рода атрофіей, проистекающей изъ пренебреженія къ извѣстнымъ силамъ ума въ юности, въ то время, когда духовныя силы складываются и направляются. Не менѣе важнымъ, нежели эта предварительная подготовка въ разныхъ направле-

¹⁾ Paludan, о. с. 93.

²⁾ Paludan, 105.

нѣхъ, является и второе требованіе общаго образованія—обеспеченіе человѣку извѣстныхъ знаній и интересовъ въ тѣхъ многочисленныхъ областяхъ умственной жизни, которыя останутся въ сторонѣ отъ его главнаго жизненнаго пути. Только тщательное развитіе и поддержка этой многосторонности могутъ освободить отъ ремесленности, отъ принижающаго гнета профессій, которыя дѣлаютъ изъ своихъ исключительныхъ адептовъ какъ бы крѣпостныхъ или невольниковъ, не даютъ имъ поднять голову и оглянуться ни на что, кромѣ ежедневной монотонной работы.

Нѣсколько наивно режумировано это стремленіе общаго образованія къ законченному, самодовлѣющему кругу познаній шведской комиссіей педагоговъ въ 1828 году: „Среднее, т.-е. общее образованіе должно быть всестороннимъ, генетическимъ, гармоническимъ и органическимъ“¹⁾. Смыслъ этого замысловатаго опредѣленія, однако, ясенъ: необходимо, чтобы различныя школьныя знанія были не случайной, сборной массой, а развитіемъ основныхъ, тѣсно соединенныхъ другъ съ другомъ идей, притомъ идей, слѣдующихъ другъ за другомъ въ опредѣленной послѣдовательности—отъ нагляднаго къ отвлеченному, отъ предметовъ къ словамъ, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Въ одной изъ самыхъ обдуманыхъ, умѣренныхъ и авторитетныхъ оцѣнокъ новѣйшаго положенія скандинавской школы, въ докладѣ Гейера, Линдгагена и Бойе (1899) эта основная мысль выражена такимъ образомъ: „Задачей средней школы не можетъ быть воспитаніе въ юношествѣ поволѣнія, мыслящаго лишь отвлеченно, и направленіе его съ такой цѣлью при помощи формалистическаго изученія языковъ, безъ соотвѣтствующаго развитія способностей къ наблюденію и наведенію, безъ пици для вкуса и воображенія“¹⁾.

Какъ, однако, достигъ такого идеала, какъ даже дерзнуть стремиться къ нему? Попытка дать слишкомъ много и по слишкомъ разнообразнымъ предметамъ—на практикѣ часто обнаруживала присущія ей опасности, приводила къ поверхностному; вредному ознакомленію съ обрывками разныхъ предметовъ, съ одной стороны,—къ переутомленію учащагося юношества, съ другой. Последнее особенно ставилось въ упрекъ датскимъ школамъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а на первое—горько жаловались въ шведскихъ школахъ въ концѣ 20-хъ годовъ, какъ разъ въ эпоху первоначальнаго скороспѣлаго введенія энциклопедичности

¹⁾ Paludan, 364.

²⁾ Yttrande i läroverksfrågan, 13.

и разносторонности. Слова одного изъ энергичнѣйшихъ реформаторовъ того времени, Агарда, такъ характерны и поучительны, что я позволю себѣ привести ихъ цѣликомъ:

„Главный недостатокъ школы, существующей въ настоящее время въ Швеціи, кажется мнѣ—поверхностность, т.-е. разнобразіе, пріобрѣтенное на счетъ основательности. Каждый ученикъ принужденъ за одинъ разъ заниматься слишкомъ разнородными предметами, которые, вмѣсто того, чтобы поддерживать другъ друга и давать то, что зовется разностороннимъ образованіемъ, производятъ хаосъ незаконченныхъ свѣдѣній. Нѣтъ возможности въ одно и то же время заниматься съ интересомъ тремя мертвыми и тремя живыми языками, математическими, богословскими, философскими и физическими науками. Истинной и единственной цѣлью школьныхъ занятій ученика становится поскорѣе пройти школу. Онъ учитъ свои уроки за день и рано упражняется въ искусствѣ учить на спѣхъ, чтобы поскорѣе забыть. Эти результаты нашей школьной организаціи извѣстны всѣмъ. Средства, которые предлагаются противъ этихъ золъ, а именно приблизить школу къ потребностямъ современности, ввести массу реальныхъ предметовъ и нѣсколько живыхъ языковъ, не убавивъ въ то же время ни на чемъ другомъ,—не помогутъ злу, а скорѣе увеличатъ его. Многознаніе увеличится, но основательность уменьшится въ той же пропорціи. Не помогутъ и то, что дѣлаютъ въ Германіи, гдѣ съ помощью школьнаго механизма добиваются двухъ столь противоположныхъ результатовъ, какъ многознаніе и основательность. Результаты эти могутъ еще умѣститься въ головахъ немногихъ, благодаря особой способности усвоенія; всѣ же остальные, менѣе счастливо надѣленные натуры пріобрѣтутъ не что иное, какъ сбитыя съ толку головы, или же останутся навсегда разслабленными, какъ бы вывдоравливающими послѣ хронической нервной болѣзни школьнаго времени“.

Такъ выражался одинъ изъ руководящихъ представителей реформеннаго движенія въ Швеціи: эти наблюденія и соображенія, однако, не обезкураживали его, а лишь указывали ему подводные камни на пути къ реформѣ. Какъ же было выйти изъ затрудненій? Въ прежнее время для этого существовало простое средство подъ мудренымъ именемъ. Рекомендовалась „концентрація“, и подразумѣвалась односторонность; считалось спасительнымъ пожертвовать всѣмъ, ради изученія классическихъ языковъ, по старой памяти того времени, когда не было науки, или наука

считалась неудобной для передачи дѣтямъ, хотя бы въ своихъ самыхъ элементарныхъ очертаніяхъ. Въ настоящее время невозможна ни та ампутація образования, которая украшается названіемъ концентраціи, ни принесеніе научнаго образования въ жертву изученія древнихъ языковъ. Педагогика, чтобы быть здоровой, принуждена брать свою окраску отъ общаго міросозерцанія эпохи. Если естественно было преобладаніе древнихъ языковъ въ періоды схоластики, гуманизма, нео-гуманизма, то естественно преобладаніе научнаго, нео-филологическаго и историческаго матеріала въ современной школѣ. Если сложившаяся подъ вліяніемъ гуманизма школьная организація имѣетъ великія заслуги и неохотно уступаетъ мѣсто новымъ приемамъ, то это не должно ни устрашать, ни сбивать съ толку сторонниковъ реформы—будущее принадлежитъ имъ. Въ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ можно было бы прослѣдить движеніе въ этомъ направленіи и замедлить наступленіе рѣшительныхъ измѣненій въ Германіи. Франція и Англія не подрываютъ общаго наблюденія, а лишь свидѣтельствуютъ объ упорномъ консерватизмѣ въ процессѣ школьнаго развитія.

Въ исторіи скандинавской школы неизбѣжная участь древнихъ языковъ опредѣлилась скорѣе и выразилась полнѣе. По заключенію шведскихъ педагоговъ, на доклады которыхъ намъ часто приходится ссылаться, сказано: „возвращеніе къ преобладанію латыни противорѣчило бы движенію, которымъ шла наша школа въ теченіе всего вѣка, и не согласовалось бы съ путемъ, на который вступила Англія и другія страны“. Краткій обзоръ послѣдовательныхъ уступокъ, которыя пришлось сдѣлать по отношенію къ преподаванію древнихъ языковъ въ Швеціи, настолько краснорѣчивъ въ своихъ датахъ, что я рѣшаюсь напомнить о немъ. Классическіе языки были оттѣснены въ теченіе нынѣшняго столѣтія изъ класса въ классъ, и въ то же время число часовъ, отведенныхъ на ихъ преподаваніе, все уменьшалось. Согласно учебному плану 1820 года, латынь начиналась въ первомъ классѣ, греческій—во второмъ. Въ 1856 году латынь была передвинута въ третій классъ, а греческій—въ четвертый, причемъ послѣдній предметъ сталъ необязательнымъ. Въ 1872 г. было установлено предложеніемъ г. Коллюдина основное направленіе шведской школьной организаціи до нашихъ дней—именно, латынь вступала съ четвертаго класса, а греческій—съ шестого. Къ этому предложенію, по инициативѣ министерства, присоединился въ 1873 году риесдагъ. Позднѣе, палаты парламента по

вопросу о латыни, придерживались постоянно такого положенія, что вторая палата (нижняя) въ той или другой формѣ настаивала на перемѣщеніи латыни въ шестой классъ, а первая палата отказывалась высказаться въ этомъ направленіи ¹⁾. Такимъ образомъ дѣло было доведено, наконецъ, до образованія въ 1899 г. комиссій, которымъ поручено было пересмотрѣть вопросъ во всемъ объемѣ ²⁾.

Отношеніе къ школьной системѣ, основанной на преобладаніи классическихъ языковъ, выразилось особенно ярко въ актовомъ рѣчи 1898 г. профессора греческой филологіи въ копенгагенскомъ университетѣ и предсѣдателя комиссіи инспектора датскихъ школъ, Герца. Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе на скандинавскій педагогическій міръ и заслуживаетъ особеннаго вниманія по авторитетности ея автора. Ссылаясь на заявленія въ томъ же духѣ знаменитаго Вилламовицъ-Меллендорфа, Герцъ, между прочимъ, замѣтилъ:

„Единственно правильной точкой зрѣнія для оцѣнки учебной школы должна считаться та, которая позволяетъ разсматривать эту школу какъ образовательное учрежденіе съ самостоятельной цѣлью; цѣль эта — не только сообщить нашему юношеству необходимыя для жизненной дѣятельности свѣдѣнія, но и ввести образованіе, необходимое для красивой и содержательной жизни въ тѣхъ размѣрахъ, какіе допускаетъ ограниченное школьное время. Если придерживаться этой цѣли для школы, то древнимъ языкамъ придется отойти на задній планъ. Древніе языки берутъ у насъ (въ Даніи) болѣе нежели треть времени въ послѣдніе четыре школьныхъ года. Какія вытекаютъ изъ этого послѣдствія? Ученики принуждены ограничиваться самыми скромными познаніями по математикѣ и элементарными свѣдѣніями, или отсутствіемъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ, хотя эти науки даютъ важнѣйшія средства для пониманія окружающей насъ жизни. Изученіе родного языка, которое болѣе, нежели что-либо иное, должно было бы содѣйствовать умственному развитію юношества, не имѣетъ достаточнаго простора. Интересные и важные періоды въ исторіи европейской культуры, послѣдовавшіе за древностью, остаются неизвѣстными ученикамъ. Наконецъ, они получаютъ совершенно недостаточное знакомство съ новыми языками, въ особенности съ англійскимъ, хотя языки эти отырываютъ доступъ къ литературѣ, которая, по

¹⁾ Yttrande af 1899, стр. 25—28.

²⁾ По вопросу о роли и судьбѣ латинскаго языка въ Швеціи см. интересную статью профессора Густавсона: Skolfrågan i Sverige въ Finsk Tidskrift, XXV, 1888.

моему мнѣнію, столь же богата и такъ же питаетъ человѣчскій духъ, какъ и классическія, и, кромѣ того, имѣетъ то преимущество, что ближе въ нашему пониманію. Прибавимъ, что языки эти при могучей коопераціи между народами Европы въ ученой области становятся съ каждымъ днемъ все важнѣе, какъ орудія общенія между націями и, въ частности, безусловно необходимы для лицъ, посвящающихъ себя наукѣ... И если бы еще цѣною всѣхъ этихъ жертвъ достигалось настоящее знакомство съ древностью, которое, конечно, является необходимымъ звеномъ въ общемъ образованіи человѣчества! Но достигаемъ ли мы его въ дѣйствительности? И можемъ ли мы его достигнуть при помощи теперешняго преподаванія классическихъ языковъ, въ которомъ занятія самыми языками отнимаютъ по необходимости столько времени?..

„Я полагаю такимъ образомъ, что классическіе языки должны отойти назадъ въ школу, прежде всего, ради пользы школы и юношества, а затѣмъ въ интересахъ классической филологіи. Если послѣдняя будетъ продолжать господствовать, несмотря на то, что потеряла право на господство, то она можетъ снисзать лишь ненависть“¹⁾.

При неудержимомъ распространеніи такихъ взглядовъ не можетъ быть болѣе рѣчи и о такъ-называемой классической системѣ. Преподаваніе древнихъ языковъ, даже когда оно сохраняетъ извѣстное мѣсто въ школѣ, вдвигается въ рядъ другихъ предметовъ и принуждено считаться со всѣми ограниченіями, которымъ подвержено преподаваніе послѣднихъ. Весьма ясно формулированы вытекающія отсюда положенія норвежскимъ педагогомъ Фоссомъ. Онъ говоритъ:

„Приходится выбирать. Или древніе языки составляютъ основу и главное содержаніе общаго образованія, и въ такомъ случаѣ обученіе имъ должно начинаться съ полной силой въ младшихъ классахъ. Или же, соглашаясь съ Л. Визе („Ideale und Proteste“, стр. 76), что усвоеніе древнихъ языковъ въ гимназій не можетъ болѣе считаться въ наше время необходимой основой высшаго образованія, мы должны безбоязненно признать два необходимыхъ послѣдствія такого взгляда. Во-первыхъ, древніе языки, какъ элементъ въ высшей степени важнаго, но специально научнаго образованія, могутъ быть допущены въ школу лишь на ея верхнихъ ступеняхъ, вслѣдъ за приобрѣтеніемъ общечеловѣческаго образованія на иной основѣ. Во-вторыхъ,—и на этой верхней ступени

¹⁾ Актовая рѣчь 17 ноября 1898 г. (Опубликована въ *Til-Skueren*).

школа должна ограничиваться сообщеніемъ ученикамъ, особенно одареннымъ для классическихъ занятій, элементарныхъ основаній знанія, предоставляя университету расширить эти элементы до историко-литературнаго изученія древней культуры. Часть задачи, которую школа не въ состояніи болѣе разрѣшить самостоятельно, должна быть предоставлена университету. Но и въ школѣ усвоеніе этихъ элементовъ, преподаваемыхъ согласно научнымъ методамъ и съ возможною въ старшемъ возрастѣ быстротою, никоимъ образомъ не должно обращаться въ простое долбленіе. Вѣдь тѣ, кто посвятитъ себя этимъ занятіямъ, изберутъ ихъ по внутреннему стремленію и съ полной свободой. Юношѣ можно будетъ пояснить, куда его ведутъ, и онъ почувствуетъ, что эти занятія открываютъ ему историческій міръ, полный великаго значенія для цѣлаго ряда наукъ¹⁾.

Въ зависимости отъ изложенныхъ точекъ зрѣнія латынь представлена въ норвежской гимназіи на специально латинской линіи лишь 20-ю часами. Въ Швеціи, по докладу трехъ педагоговъ, на которыхъ мы часто ссылались, на нее предполагалось бы отвести на линіи съ обоими классическими языками 39 часовъ, и на линіи съ однимъ классическимъ языкомъ 41 часъ. Даже это сравнительно значительное число часовъ не представится огромнымъ, если принять во вниманіе, что ихъ предполагается распределить между шестью старшими классами при общемъ числѣ 264 недѣльныхъ часовъ, на линіи съ однимъ классическимъ языкомъ. Главное же—это то, что, заботясь о томъ, чтобы традиція изученія древнихъ языковъ поддерживалась и чтобы желающіе могли заниматься ими въ средней школѣ,—норвежская система и въ постепенномъ приближеніи къ ней шведская освобождаютъ большинство учениковъ отъ *ша* классицизма и предоставляютъ имъ возможность пріобрѣсти болѣе простое и современное образованіе²⁾.

Такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ истинной концентрации программы въ новой школѣ должно быть устраненіе монополіи классическаго образованія и постановка древнихъ языковъ на одну линію съ другими въ качествѣ предметовъ, по которымъ знанія полезны, но не исключительно обязательны. Въ такомъ случаѣ къ нимъ, также какъ и къ языкамъ новымъ или живымъ, должно быть примѣнено второе требованіе современной

¹⁾ Можно въ этой связи указать на Э. Целлера: *Universität und Gymnasium*, у котораго подобныя же мысли развиваются въ послѣдней главѣ, притомъ съ силой, которая свойственна одному Целлеру. См. *Voss, Kampen om Skolen*, стр. 83, 84.

²⁾ Ср. *Gustafsson* въ *Finsk Tidskrift*, XXV, 87.

концентраціи: необходимость возможнаго ограниченія числа изучаемыхъ языковъ и послѣдовательнаго перехода отъ одного къ другому при ихъ изученіи.

Въ защиту общаго положенія слѣдуетъ лишь указать на то, что не одна экономія времени и силъ требуетъ возможнаго ограниченія числа изучаемыхъ языковъ. Въ большинствѣ случаевъ приходится учить языкамъ дѣтей, которыя дома не находятъ подспорья этому преподаванію — родители или совѣмъ не знаютъ языковъ, или почти ихъ позабыли и не обращаются къ нимъ ни въ разговорѣ, ни въ чтеніи. При этихъ условіяхъ изученіе каждаго лишняго языка представляетъ серьезныя трудности, и введеніе его въ программу должно быть строго обдуманно и сообразовано съ силами дѣтей. Именно поэтому даже тѣ, кто настаиваетъ на необходимости сохранить элементъ изученія классическихъ языковъ жертвуютъ греческимъ для большинства и сосредоточиваютъ усилія на спасеніи латыни, какъ нарѣчія, имѣвшаго огромное и своеобразное вліяніе въ культурной исторіи западной Европы. Но затѣмъ, для тѣхъ, кто ни латыни, ни греческому учиться не будетъ, предстоитъ сдѣлать строгій выборъ между новыми языками. Норвежскіе педагоги выдвигаютъ одинъ иностранный языкъ съ тѣмъ, чтобы ученики могли достигнуть при его изученіи основательнаго филологическаго знанія и возможности говорить и писать. Это мѣсто они предоставляютъ нѣмецкому или англійскому: изученіе того или другого начинается съ перваго класса „средней“ школы и проводится до конца гимназій съ общимъ числомъ 30 недѣльныхъ часовъ. Рядомъ съ этимъ ведется со втораго класса изученіе втораго языка (англійскаго или нѣмецкаго, смотря по выбору главнаго языка), которое усиливается въ гимназій, но, въ общемъ, имѣетъ цѣлью дать болѣе практическое и менѣе глубокое ознакомленіе съ предметомъ. Наконецъ, французскій отодвигается до гимназическихъ классовъ и остается, такимъ образомъ, достояніемъ юношей, предназначенныхъ себя для университетской карьеры; при этомъ число отведенныхъ ему часовъ очень ограничено (8, 12, 9), такъ что цѣлью преподаванія можетъ быть лишь сообщеніе свѣдѣній, необходимыхъ для чтенія нетрудныхъ авторовъ. Шведская и датская системы сложнѣе, но, въ общемъ, отпращиваются отъ подобныхъ же точекъ зрѣнія.

Третьимъ средствомъ для размѣщенія многообразнаго матеріала современнаго школьнаго образованія является начало инди-

индивидуализации занятій на высшихъ ступеняхъ. Нельзя не признать, что наряду съ обязательными свѣдѣніями по главнымъ отраслямъ знанія должно наступать въ юношескомъ возрастѣ нѣкоторое разнообразіе интересовъ и подготовки. Даже помимо очень обыкновенныхъ случаевъ неспособности по тому или другому предмету, различныя направленія ума и различіе жизненныхъ путей приводятъ къ тому, что ученики не одинаково внимательны ко всѣмъ предметамъ и не съ равномѣрнымъ успѣхомъ занимаются ими. Оттого естественно группировать занятія различно для отдѣльныхъ учениковъ, и въ общей совокупности такая группировка должна дать возможность ввести въ школу болѣе широкій кругъ наукъ. Самое широкое себѣ примѣненіе идея индивидуализаціи учебныхъ плановъ нашла въ Швеціи, гдѣ практика освобожденія отъ тѣхъ или другихъ предметовъ развивалась самостоятельно, какъ національная особенность школьнаго строя. Эти такъ-называемыя „диспенсаціи“ практиковались въ крайней и прямо чрезмѣрной степени въ шведской системѣ 1856 года, допускавшей совмѣстное существованіе въ школѣ 7 или 8 линій! При этомъ преподаваніе до такой степени разбивалось, что совершенно утрачивалось воспитательное вліяніе товарищеской работы цѣлаго класса или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ группъ класса. Оттого въ Норвегіи, и отчасти въ Даніи, выработалась другая форма примѣненія того же принципа дифференціаціи предметовъ по способностямъ, да и въ Швеціи мало-по-малу перешли къ подобнымъ примѣрамъ. Дѣло, какъ мы уже видѣли, сводится къ тому, что, сохраняя общую основу средней школы для элементарнаго общеобразовательнаго курса, допускаютъ дифференціацію учебнаго плана въ двухъ или трехъ основныхъ направленіяхъ въ старшихъ классахъ, служащихъ переходомъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Съ этой точки зрѣнія, новая норвежская педагогія строитъ свою „среднюю школу“ изъ четырехъ классовъ и свою гимназію—съ тремя развѣтвленіями для реалистовъ, неогуманистовъ и латинистовъ. По подобнымъ же соображеніямъ датская школа признаетъ, послѣ двухъ общихъ классовъ и еще сильнѣе послѣ экзамена въ концѣ IV класса расхожденіе направленій—классическаго и естественно-математическаго. Наконецъ, въ этомъ же духѣ выработывается для шведской школы на общей основѣ первыхъ пяти или шести классовъ развѣтвленіе трехъ линій вверху—реальной, классической и полу-классической (съ одной латынью).

Со стороны педагогической техники, если можно такъ выразиться, описанный распорядокъ представляетъ неоцѣненные пре-

нмущества. Онъ даетъ возможность отсрочивать выборъ специальности и, слѣдовательно, одностороннее направленіе воспитанія до перехода къ юношескому возрасту и освобожденія родителей отъ необходимости приговаривать возрастъ дѣтей девяти и десяти лѣтъ къ специальной выучкѣ въ томъ или другомъ направленіи. Для распорядка предметовъ въ школѣ онъ открываетъ главный выходъ. Благодаря описанному расчлененію школы и освобожденію ея низшихъ классовъ отъ переполняющаго балласта древнихъ языковъ, является возможность собрать предметы общеобразовательной прогимназіи, какъ у насъ принято выражаться, вокругъ изученія родного языка, одного новаго языка и математики, какъ главныхъ наукъ, и въ то же время найти мѣсто для прохожденія въ достаточныхъ размѣрахъ исторіи, естествознанія и географіи. Въ старшихъ же классахъ, въ самой гимназіи получается возможность при сохраненіи общей связи по цѣлому ряду предметовъ расчленивъ классы на двѣ или три группы сообразно основнымъ направленіямъ способностей и дѣятельности.

То же самое образованіе двухъ цикловъ, или концентровъ, въ организмѣ школы находитъ себѣ оправданіе и опору въ обновленіи методовъ современной педагогикѣ. Она выдвигаетъ идею равномернаго развитія способностей и предостерегаетъ противъ злоупотребленія абстракціей и памятью. Она, кромѣ того, указываетъ на естественные періоды въ жизни ребенка, отрока и юноши, — періоды, сообразно которымъ и преподаваніе должно принимать различную окраску. Наглядность и непосредственность являются самыми драгоценными педагогическими орудіями для ознакомленія дѣтей съ новыми фактами въ младшихъ классахъ. Этой стадіи и возрасту приличны, поэтому, прежде всего практическое изученіе языковъ, историческіе рассказы, непосредственное знакомство съ внѣшней природой въ естественной группировкѣ ея явленій. Къ концу прогимназическаго курса, слѣдовательно въ среднихъ классахъ, инстинктивно приобрѣтенныя свѣдѣнія, непосредственно воспріятыя впечатлѣнія, нерасчлененныя наблюденія — должны все болѣе и болѣе разъясниться анализомъ, перерабатываться отвлеченіемъ, комбинироваться въ системы. Наконецъ, въ старшихъ классахъ, въ обращенной къ высшему образованію гимназіи, должно повсюду чувствоваться повышеніе тона, приближеніе къ научнымъ методамъ и приступъ къ философскимъ обобщеніямъ. Такимъ образомъ, необходимость возвращаться какъ бы назадъ, которая вытекаетъ изъ построенія школы по двумъ цикламъ, не только не является излишней съ точки зрѣнія педагогической методологіи, но, наоборотъ,

даетъ единственную возможность дѣйствительно изучать предметы, такъ какъ надъ ними приходится оперировать различно въ различные возрасты, и только вторичная обработка и расширение матеріала въ старшихъ классахъ даетъ случай воспользоваться вполне заготовленными въ младшихъ классахъ наблюденіями.

III.

Въ связи съ изложенными мыслями возникаетъ любопытное сопоставленіе между различными стадіями процесса расчлененія школы на два цикла. Въ скандинавскихъ странахъ стадіи эти какъ бы воплощаются въ школахъ норвежской и датской, съ одной стороны, въ шведской—съ другой. Послѣдняя еще стремится провести то ясное раздѣленіе между циклами, которое проведено въ Норвегии и Даніи и закрѣплено тамъ выходными экзаменами въ концѣ норвежской „средней школы“ (middelskole) и датскаго IV класса. И вотъ какія данныя сообщаются шведскими педагогами въ подтвержденіе необходимости соответствующей реформы для Швеціи.

„Подъ общимъ, средне-гражданскимъ (allmän medborgerlig) образованіемъ слѣдуетъ разумѣть у насъ образованіе, заканчивающееся около 16-го года, но не предназначенное прямо для подготовки къ занятіямъ въ университетѣ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Забота объ этомъ образованіи поручена среднимъ школамъ (allmänna läroverk), которыя, однако, въ настоящее время не въ состояніи исполнить, какъ слѣдуетъ, свою задачу въ этомъ отношеніи. Часто указывалось на то обстоятельство, что хотя средняя школа организована всецѣло для приготовленія къ испытанію зрѣлости, но лишь четвертая часть оставляющихъ ее учениковъ въ дѣйствительности достигаетъ этой цѣли, и, такимъ образомъ, малая, хотя и важная по значенію часть общаго состава учащихся пользуется покровительствомъ на счетъ большинства. Точнѣе разъясняется ея дѣло при помощи изслѣдованія результатовъ, которые достигаются учениками, оставляющими школу, не выдержавъ испытанія зрѣлости. Это изслѣдованіе показываетъ, что изъ 1806 учениковъ, которые ежегодно оставляютъ школу безъ аттестата зрѣлости, лишь 612 (34%) получаютъ вполне удовлетворительныя свидѣтельства, между тѣмъ какъ 1.189 (66%) уходятъ, не выдержавъ переходнаго экзамена въ слѣдующій классъ, или имѣютъ дурныя отбѣтки по одному или нѣсколькимъ предметамъ. Изъ вышеуказанныхъ 1.801 ученика не менѣе 1.230

(68%) оставляют среднюю школу ранѣ перехода въ шестой классъ ¹⁾ и изъ этого числа лишь 302 (24,5%) достигаютъ удовлетворительнаго результата, остальные же 928 (75,5%) кончаютъ неудовлетворительно. По сравненію съ сосѣдними странами, Норвегіей и Даніей, цифры эти обнаруживаютъ несомнѣнно невыгодное отношеніе. У насъ въ Швеціи на каждыя 100.000 человекъ населенія не болѣе 27,6 переходятъ въ шестой классъ, и не болѣе 185—въ седьмой. Съ прибавленіемъ учащихся въ частныхъ школахъ, послѣдняя цифра возвышается до 20. Такъ какъ норвежскій экзаменъ при выходѣ изъ средней школы (middelskole-examen) ближе всего отвѣчаетъ нашему переводу въ седьмой классъ, а экзаменъ этотъ выдерживаютъ ежегодно 45,6 молодыхъ людей на 100.000 жителей, то не подлежитъ спору, что потребность въ такъ-называемомъ общемъ средне-гражданскомъ образованіи удовлетворяется значительно хуже у насъ, нежели въ Норвегіи, или, по крайней мѣрѣ, что образованіе это достается на долю значительно меньшей части населенія.

„Еще менѣе выгодно для нашей страны складывается сравненіе съ Даніей, гдѣ общій подготовительный экзаменъ (Almindelig Forberedelsexamen) и выходной экзаменъ четвертаго класса (4-e Klases Hovedexamen), отвѣчающіе ближайшимъ образомъ переходу въ восьмой классъ въ шведской школѣ, ежегодно выдерживаютъ 57 человекъ изъ ста тысячъ“ ²⁾.

Безъ сомнѣнія, факты, на которые приходится указывать въ данномъ случаѣ, имѣютъ смыслъ съ точки зрѣнія не только индивидуальной, но и социальной педагогики. Воспитаніе есть одинъ изъ факторовъ, которые формируютъ общественныя наслоенія, и въ то же время это одинъ изъ результатовъ общественныхъ процессовъ. Ученики отстаютъ другъ отъ друга на школьномъ пути не только и, можетъ быть, не главнымъ образомъ потому, что одни слабѣе другихъ, а потому, что одни не располагаютъ досугомъ и средствами, которыми располагаютъ другіе. Дѣти большинства принуждены матеріальными условіями ранѣ начинать самостоятельную работу на жизненномъ поприщѣ, ранѣ снискивать себѣ пропитаніе, ранѣ служить подспорьемъ семьѣ. Множество дѣтей остановится, поэтому, на знаніяхъ народной школы; но и для тѣхъ, кто поступитъ въ школу среднюю, большинство принуждено будетъ, несмотря на старанія и способности, уйти,

¹⁾ Сгѣдовательно, ранѣ прохожденія курса пяти классовъ, представляющаго извѣстное округленное цѣлое.

²⁾ Yttrande, стр. 8, 9.

не добравшись до высшихъ классовъ. Эти факты неизбежны, и школа за нихъ отвѣчать не можетъ, но спрашивается: должна ли школа, съ своей стороны, содѣйствовать смягченію социальныхъ разграниченій, облегченію переходовъ отъ одной ступени къ другой, заботливому устраненію каждой градации образованія въ интересахъ тѣхъ учениковъ, которые ею ограничатся, или она должна рѣзче проводить общественныя грани, пренебрегать интересами малыхъ, отстающихъ по дорогѣ, сосредоточивать усилія на служеніи первымъ, привилегированнымъ? Эти задачи и дилеммы иногда маскируются, рѣзкость противоположностей скрывается отъ глазъ, но, въ сущности, эти социальные задачи и дилеммы существуютъ вездѣ и требуютъ опредѣленнаго отношенія къ себѣ. Демократическое развитіе скандинавскихъ странъ настолько опредѣлилось, право всѣхъ классовъ на вниманіе государства настолько признано, вліяніе глубокихъ массъ народа такъ сильно сказывается черезъ посредство представительныхъ учреждений, что *школьная политика, основанная на пренебреженіи къ интересамъ большинства*, не имѣетъ въ нихъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, и вопросъ сводится лишь къ формамъ связи между различными степенями національнаго воспитанія. Тамъ, гдѣ приходится еще прокладывать дорогу требованіямъ элементарной справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ, защитники освященной временемъ несправедливости доказываютъ иногда, что стремленіе къ демократизации школы внушено завистливостью демократіи, ея желаніемъ нивелировать все, даже знанія и образованіе (*les lumières*), чтобы не было оскорбительной для большинства высоты мысли и силы ума. Эти точки зрѣнія чужды скандинавскимъ народамъ на достигнутой ими ступени развитія.

Уже въ 1825 году Тегнеръ, знаменитый авторъ саги о Фритіофѣ, говорилъ на актѣ въ Вексіе: „Нѣтъ болѣе несчастной мысли, нежели идея, что ученый долженъ стоять не только въ сторонѣ отъ практической жизни, но и внѣ пракческаго и общенароднаго образованія. Именно потому, что ученый знаетъ больше другихъ, онъ долженъ обязательно владѣть такими знаніями, какія они имѣютъ“. Съ этой точки зрѣнія, возвышеніе „ученой школы“—гимназіи и университета—надъ средней школой общегражданскаго образованія не только не представляетъ униженія или вреда для первой, но въ высшей степени желательно. Если расчлененіе школы на два цикла придаетъ самостоятельный смыслъ и законченность занятіямъ тѣхъ, кто оставляетъ школу въ прохожденіи перваго изъ этихъ цикловъ, то оно полезно и для остальныхъ, переходящихъ къ занятіямъ втораго цикла: они бу-

дутъ въ состояніи основательнѣе и свободнѣе приступить къ работѣ высшаго порядка, утвердившись въ должной степени въ результатахъ болѣе скромной работы; вторая борозда пройдетъ тѣмъ глубже, чѣмъ тщательнѣе проведена была первая.

Такимъ образомъ, самыми различными соображеніями подготавливается и обуславливается типичное расчлененіе скандинавской школы по двумъ центрамъ: 1) необходимостью умѣстить и размѣстить обширный матеріалъ школьной энциклопедіи; 2) необходимостью провести рациональную смѣну методовъ; 3) необходимостью поставить выборъ специальныхъ направленій въ связь съ образующимися различіями способностей и интересовъ; 4) необходимостью удовлетворить образовательнымъ потребностямъ различныхъ классовъ и позаботиться объ образованіи общества, какъ для первыхъ его рядовъ, такъ и для остальныхъ. Всѣ эти требованія, переплетаясь между собою, провели мало-по-малу, путемъ медленной эволюціи, къ установленію въ трехъ изслѣдуемыхъ нами странахъ однородной школьной схемы: младшаго цикла занятій въ „средней школѣ“ или прогимназіи, доводящей приблизительно до шестнадцатилѣтняго возраста, и старшаго цикла въ гимназіи— для юношей отъ 16 до 18 лѣтъ. Въ Норвегіи и Даніи, гдѣ система выработана полнѣе, несмотря на самые горячіе споры по цѣлому ряду вопросовъ, цѣлесообразность такой организаціи признается безусловно всѣми, и педагогами, и обществомъ ¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы также ясно и безповоротно были рѣшены другіе вопросы, въ особенности вопросы объ отношеніи между школой средней, съ одной стороны, школами низшею и вышею—съ другой.

Мы говорили до сихъ поръ о двухъ циклахъ и двухъ центрахъ общаго образованія, но, собственно, слѣдовало бы говорить о трехъ, такъ какъ ни у одного изъ скандинавскихъ народовъ обученіе не начинается въ средней школѣ сначала, а средней школѣ предшествуетъ либо рядъ подготовительныхъ классовъ, либо цѣлая школа—народная. Последняя выросла на сѣверѣ въ самостоятельный, могучій организмъ. Это школа не начальная, въ смыслѣ учрежденія, предназначеннаго для обученія грамотѣ и кое-какимъ элементарнымъ свѣдѣніямъ въ добавку къ грамотѣ, а низшая, обнимающая значительные и законченные курсы по родному языку, математикѣ, исторіи, географіи, есте-

¹⁾ *Karlson*, Det h gre skolv senet i Norge och Danmark, стр. 95, 96.

ствознанію, ручному труду и т. п. Затѣмъ, это школа *народная*, а не *простонародная*. Хотя обученіе въ ней даровое, и въ классахъ можно видѣть и босоногихъ дѣтей, которымъ дается даромъ завтракъ, — но на ряду съ бѣдными учениками школа эта посѣщается и дѣтьми людей состоятельныхъ, имѣетъ всесословный характеръ. Естественно долженъ былъ явиться вопросъ: смотрѣть ли на эту школу какъ на нѣчто совершенно отдѣльное, законченное въ себѣ, или поставить ее въ непосредственную связь съ школой средней, возвышающей надъ нею. Въ пользу перваго исхода приводилось то, что въ такомъ случаѣ народная школа будетъ свободнѣе и полнѣе разрѣшать свою прямую задачу, не стѣсняясь никакими соображеніями относительно подготовки къ иному учрежденію; приводилось и то, что для соединенія между двумя школами надо подвергнуть нѣкоторымъ существеннымъ стѣсненіямъ программу средней, — напримѣръ, отодвинуть вступленіе иностранныхъ языковъ, теряя, такимъ образомъ, самое удобное время для ихъ изученія. Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе большія различія въ постановкѣ курса низшихъ школъ, особенно неравенство результатовъ, достигаемыхъ народными школами въ городахъ и селахъ. Въ пользу перехода отъ народной школы къ средней указывается на то, что первая фактически проходитъ въ своихъ младшихъ отдѣленіяхъ курсъ, частью необходимый для подготовки въ среднюю школу, частью одинаковый съ курсомъ младшихъ классовъ послѣдней, и вслѣдствіе этого даже тамъ, гдѣ формальное сближеніе школъ еще не совершилось, напримѣръ въ Швеціи, очень значительное число родителей посылаетъ дѣтей въ народную школу, чтобы, затѣмъ, подлѣчивъ ихъ нѣсколько по-нѣмецки, перевести ихъ во второй классъ средней школы. Кромѣ того, въ пользу непосредственной связи между обоими учрежденіями говоритъ характерное для скандинавской педагогики стремленіе какъ можно долѣе удерживать дѣтей одного возраста вмѣстѣ, чтобы способствовать смягченію сословныхъ или классовыхъ различій и дать время родителямъ выяснитъ образовательныя потребности дѣтей ¹⁾.

Въ общемъ, несмотря на не совсѣмъ удачную практику Дании, въ которой закрытіе двухъ низшихъ классовъ средней школы привело главнымъ образомъ къ развитію приготовительныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ при частныхъ училищахъ ²⁾,

¹⁾ Yttrande i läroverksfrågan, стр. 57 и сл.; *Karlson*, Det högre skolväsenet, стр. 44, 94.

²⁾ *Karlson*, О. с. 58.

теченіе скандинавской педагогикѣ направляется несомнѣнно въ установленію непосредственнаго перехода отъ школы народной къ школѣ средней, путемъ сокращенія курса послѣдней и отсрочки изученія иностранныхъ языковъ. Особенно ясно стоитъ дѣло въ Норвегіи. По закону 1889 года, норвежская народная школа раздѣляется на три отдѣленія—первое для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ, второе—отъ 10 до 12 лѣтъ, третье—отъ 12 до 14 лѣтъ. Организациа средней школы, по закону 1896 года, сократившая и курсъ съ шести лѣтъ (въ прогимназіи) до четырехъ, предусматриваетъ поступленіе въ первый классъ этой школы дѣтей 12-ти лѣтъ, прошедшихъ пятилѣтній курсъ двухъ младшихъ отдѣленій народной школы. Будущее покажетъ, насколько эта система выдержитъ испытаніе примѣненія на практикѣ, но можно быть увѣреннымъ, что скандинавскія страны употребятъ всѣ усилія для того, чтобы преодолѣть техническія затрудненія и достигнуть благопріятныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ установленной органической связи между школами народной и средней они видятъ могущественное орудіе социальной педагогикѣ, лучшее средство для созданія широкаго базиса національнаго образованія, обеспечивающаго солидарность и плодотворную работу учащихся и учащихся.

Еще болѣе неопредѣленно въ настоящее время отношеніе между средней школой и младшими курсами университета. Традиціа скандинавскихъ университетовъ, въ особенности шведскихъ и норвежскаго, издавна побуждала къ устройству для младшихъ студентовъ, въ первый годъ или полтора ихъ академической жизни, курсовъ, которые пополнили бы пробѣлы ихъ общаго образованія и подготавливали ихъ къ изученію факультетскихъ наукъ. Въ Норвегіи эти занятія заканчивались такъ-называемымъ „вторымъ экзаменомъ“ (anden examen), которому подвергались, по окончаніи перваго года, всѣ поступившіе въ университетъ на основаніи испытанія зрѣлости (examen artium). По уставу 1824 года, въ составъ „второго экзамена“ входили философія, математика, естествознаніе, исторія, латынь и греческій. Въ 1845 г. отпали три послѣдніе предмета, а въ 1857 и 1869 гг. было проведено начало свободнаго выбора предметовъ, причемъ единственнымъ общеобязательнымъ осталась философія, а затѣмъ предстояло выдержать испытанія еще изъ пяти предметовъ по двумъ группамъ наукъ—словесной и естественно-математической, причемъ по крайней мѣрѣ одинъ долженъ былъ принадлежать къ группѣ естественно-математическихъ предметовъ для державшихъ по словесной группѣ, и обратно. Этотъ своеобразный, для насъ совер-

шенно необычный порядокъ имѣть весьма многое за себя: онъ не только исправляетъ односторонности въ постановкѣ средняго образованія, но содѣйствуетъ сближенію факультетовъ и переходу отъ средней школы къ высшей путемъ постепеннаго расширенія точекъ зрѣнія и смѣны методовъ, вмѣсто того головокружительнаго скачка, который приходится совершать нашимъ студентамъ по образцу нѣмецкихъ. Однако, составъ курсовъ этого лицейскаго года, какъ у насъ иногда говорятъ, не такъ легко установить. Одинъ лишь изъ нихъ безусловно опредѣляется во всѣхъ комбинаціяхъ—это философія, и дѣйствительно, относительно обязательности этого предмета для студентовъ всѣхъ факультетовъ ни въ Норвегіи, ни въ Швеціи никогда не было колебаній. Зато, въ остальномъ составѣ экзамена и соотвѣтствующихъ ему курсовъ постоянно мѣняется. Такъ какъ первый годъ университета призванъ пополнять пробѣлы гимназическаго образованія, въ настоящее время замѣчается любопытный контрастъ съ условіями 40—70-хъ годовъ. Въ то время, въ виду недостаточной подготовки по естественнымъ наукамъ, университеты требовали отъ всѣхъ студентовъ перваго курса занятій естественными науками; теперь, въ виду радикальной реформы, почти устранившей въ гимназіи древніе языки, университетъ настаиваетъ на необходимости требовать отъ студентовъ въ различныхъ степеняхъ, смотря по факультетамъ, ознакомленія съ латынью (для филологовъ и богослововъ кромѣ того—греческій). Нормы еще не выработаны окончательно и вѣроятно часто будутъ колебаться, но основная, исторически обоснованная идея сближенія между курсами средней и высшей школы заслуживаетъ полнаго вниманія ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ, кажется, надобности подчеркивать, до какой степени то, что дѣлалось и дѣлается въ скандинавскихъ школахъ, представляетъ не только интересъ для русскихъ педагоговъ и русскихъ государственныхъ людей, но является прямо повтореніемъ и видоизмѣненіемъ тѣхъ самыхъ задачъ, которыя стоятъ передъ нами въ Россіи, тѣхъ самыхъ попытокъ, которыя дѣлаются у насъ теперь. Оказывается, что въ своемъ походѣ противъ древнихъ языковъ, въ своемъ желаніи выдвинуть впередъ родной языкъ, естественныя науки, географію, въ своихъ стремленіяхъ расчленивъ школу, обезпечить выходы

¹⁾ Indstilling fra de departementale Komité for andenexamen. Kristiania, 1900.

для различныхъ общественныхъ классовъ, шире раскрыть двери университета, органически связать начальное и среднее образование—мы совсѣмъ не изолированы и вовсе не невѣжественны, какъ то утверждаютъ слѣдующие сторонники такъ-называемой классической системы.

Но мнѣ хотѣлось бы, кромѣ того, подчеркнуть на скандинавскихъ примѣрахъ опасности и затрудненія, связанные съ неудержимыми процессами, такъ сказать, демократизаціи школы и расширенія ея кругозора. Это не менѣе важно теперь, нежели борьба съ разбитымъ классицизмомъ и его летучими отрядами. Предстоитъ не только плодотворная, но и въ высшей степени сложная, трудная работа, причѣмъ будутъ неизбежны ошибки, односторонности, — но чѣмъ ихъ будетъ меньше, тѣмъ лучше, особенно въ виду слабой выдержки и болѣзненной впечатлительности нашего общества. Уже теперь начинаютъ говорить, что реформа у насъ можетъ быть дискредитирована. Такъ вотъ, чтобы предохранить эти необходимыя для насъ реформы отъ дискредитированія, слѣдовало бы, между прочимъ, внимательно изучать прошедшее и настоящее скандинавской школы. Мы, съ своей стороны, укажемъ въ этомъ направленіи на нѣкоторыя *предостереженія*, выработанныя тамъ.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ соблазняться мыслью, что проектируемая реформа упроститъ курсъ и сократитъ его. Наоборотъ, вслѣдствіе большей разносторонности обученія и системы концентровъ, курсъ по необходимости удлинится сравнительно съ курсомъ школы, которая шла по прямой линіи, не возвращалась вновь къ пройденному и не стѣснялась тѣмъ, что выбрасывала за бортъ на полпути, въ болѣе или менѣе искалченномъ видѣ, девять-десятыхъ своихъ учениковъ. *Если для той школы нужно было восемь лѣтъ, то для новой школы нужно никакъ не меньше.* Иначе получатся обрывочность, поверхностность и переутомленіе.

Во-вторыхъ, усвоивъ правильную идею концентровъ, надо проводить ее не внѣшнимъ образомъ, болѣе или менѣе произвольно собирая классы въ группы. Расположеніе концентровъ съ необходимостью вытекаетъ изъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ факторовъ: смѣны возрастовъ—ихъ три—дѣтскій до 10, отроческій до 16 и юношескій послѣ 16; расположенія классовъ общества, нуждающихся въ образованіи—ихъ также три: низшій, средній и высшій; наконецъ, возможныхъ, съ педагогической точки зрѣнія, комбинацій предметовъ—ихъ опять-таки три: начальное образованіе, элементы общаго образованія, высшее обра-

зованіе. Эти три теченія встрѣчаются и опредѣляютъ расположеніе цикловъ. Вопросъ сводится, во-первыхъ, къ условію перехода изъ начальной школы въ среднюю и къ расчлененію средней на два цикла, изъ которыхъ младшій, общеобразовательный въ тѣсномъ смыслѣ, ведетъ къ простѣйшимъ практическимъ профессіямъ и является въ то же время основнымъ и наиболѣе продолжительнымъ. Законченный кругъ его знаній можно провести приблизительно къ 16-лѣтнему возрасту; второй же обнимаетъ знанія, ведущія къ университету, и предназначенъ для возраста отъ 16 до 18 лѣтъ. При другомъ отношеніи къ дѣлу, не получится ни внутренней законченности элементарнаго общеобразовательнаго курса, ни достаточной подготовки къ практическимъ профессіямъ, ни остановки въ эпоху психологическаго перелома, перехода отъ отрочества къ юношеству.

Въ-третьихъ, капитальное значеніе для выполненія педагогическихъ задачъ новой школы имѣетъ разумная концентрація преподаванія, — концентрація не въ смыслѣ урѣзыванія цѣлыхъ областей знанія и духовной дѣятельности, а въ смыслѣ обдуманной смѣны, обдуманнаго вступленія и завершения предметовъ на различныхъ стадіяхъ преподаванія, въ смыслѣ расчетливаго назначенія часовъ и отреченія отъ многихъ знаній, которыя сами по себѣ важны и интересны, но не безусловно необходимы въ системѣ общаго образованія. Той же цѣли должны служить допущеніе развѣтвленія по специальностямъ и освобожденіе отъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ примѣнительно къ индивидуальнымъ свойствамъ учениковъ. Не слѣдуетъ ли на минуту терять изъ виду, что одной изъ главныхъ опасностей для новой школы является ея переполненіе требованіями и задачами.

Въ-четвертыхъ, хорошо было бы, еслибы нашимъ частнымъ учебнымъ заведеніямъ открыта была возможность готовить и проводить новыя идеи въ той же степени, какъ это встрѣчается въ скандинавскихъ странахъ. Мы, ко вреду для дѣла, слишкомъ много зависимъ въ этихъ вопросахъ отъ государственной опеки и законодательной регламентаціи. Государственная школа естественно связана множествомъ соображеній, которыя не имѣютъ того же значенія для частной предприимчивости. По тому самому, проводить смѣлыя идейныя реформы болѣе подъ стать школъ частной, нежели школъ государственной. Найдутся ли только у насъ люди съ достаточной инициативой для того, чтобы задумать и двигать подобныя реформы? Данъ ли будетъ ходъ такимъ попыткамъ со стороны правительственной администраціи? Нельзя не поставить всѣхъ этихъ вопросовъ, и нельзя не замѣтить, что еслибы на нихъ.

пришлось отвѣтить отрицательно, то шансы на благополучное проведение реформы значительно уменьшились бы.

Помимо всѣхъ отдѣльныхъ, драгоценныхъ указаній, есть еще одинъ урокъ, который можетъ дать намъ скандинавская школа, самый общій и самый поучительный. Это урокъ выдержки и положительности. Меня лично ничто не поражаетъ такъ въ исторіи этого вѣкового процесса, какъ контрастъ между подвижностью работы и богатствомъ ея положительныхъ результатовъ. Какая борьба направленій, какая смѣна формъ, плановъ, учреждений, и въ то же время какое богатство результатовъ, какой значительный и постоянный прогрессъ, какое здоровое отношеніе общества къ неизбѣжнымъ трудностямъ и колебаніямъ процесса! Этотъ примѣръ еще разъ показываетъ, что успѣхъ въ исторіи зависитъ не столько отъ совершенства самыхъ учреждений, сколько отъ общаго склада народной жизни и отъ сложившихся условій народнаго характера. Здоровая, сильная жизнь скандинавскаго сѣвера выноситъ и перерабатываетъ противорѣчія въ школьной области безъ упадка духа, безъ перебрасыванья изъ одной крайности въ другую, съ неослабной выдержкой и вѣрою въ будущее...

Передъ нами, можно сказать, въ эту минуту—своего рода ледоходъ, въ которомъ ломается и сплываетъ старое, но зато прочищается и путь къ свободному движенію рѣки. Время тяжелое и опасное,—но надо помнить, что безъ ледохода у насъ на сѣверѣ не бываетъ весны.

Павель Виноградовъ.

Cannes, Alpes Maritimes. 1901.

ПО МАНЧЖУРІИ

1900—1901 гг.

Воспоминанія и рассказы.

(Окончаніе.

ХІХ.—У дзвѣнь-дзюня *).

Долго спалъ я послѣ дороги. Наконецъ просыпаюсь и съ восторгомъ вспоминаю, что я въ Гиринѣ. Боже, какъ отраднo подумать, что наконецъ-то окончилась эта утомительная поѣздка, съ ея дозорами и волненіями! Какъ пріятно, послѣ той грязи, протянуться и полежать на чистой постели! А сколько я теперь интереснаго увижу! Гдѣ только не побываю!—Осматриваюсь кругомъ: фанза просторная, но небогатая. Окно, какъ водится, чуть не во всю стѣну, рѣшетчатое, заклеено бумагой и съ небольшимъ стекломъ по срединѣ. Снаружи оно заставлено второй рамой, но безъ стекла, вслѣдствіе чего въ комнатѣ полумракъ. Вотъ приподнимается покрывало, замѣняющее двери, и входитъ съ одеждой и сапогами мой Иванъ. По лоснящемуся, довольному лицу я вижу, что онъ успѣлъ уже и хорошо выспаться, и закусить, и чаю досыта напиться.

— Здорово!—осторожно говорю ему, чтобы не разбудить хозяина.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! — весело отвѣчаетъ онъ и какъ-то загадочно улыбается.

— Ну что, отдохнулъ?

— Такъ точно!—затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ:

---

*) См. выше: февр., 573 стр.

— Здѣсь живутъ хорошо! — Все дешево! Чумидзе 1 руб. 50 коп. сотня сноповъ. Фазаны по гривеннику. Яйца десятокъ тоже гривенникъ. А въ Харбинѣ за солому платили четыре рубля.

— Такъ купи же ея побольше, да поправляй лошадей,—а то, поди, онѣ страсть замучились.

— Такъ точно,—я говорилъ Лопашову. Да здѣсь у интенданта и денегъ не берутъ,—говорятъ, все приказано отъ дзянь-дзюня даромъ отпускать!—и на лицѣ моего вѣрнаго слуги выражается полнѣйшее блаженство.

— Ну, пожалуйста, чтобы не смѣть ничего брать даромъ! А то, знаешь, какая можетъ выйти неприятная исторія!—говорю ему.—Ступай, отвори ставню.—Иванъ уходитъ въ полномъ недоумѣннн: „зачѣмъ-де платить деньги, когда предлагаютъ даромъ“?

Ставню открываютъ, и въ комнату врывается яркій солнечный свѣтъ. Дворъ просторный, чистый. Налѣво живетъ китайскій интендантъ отъ дзянь-дзюня, при нашемъ комендантскомъ управленнн. Штатъ у него, должно быть, большой. Поминутно входятъ и выходятъ китайцы. Направо—караульный домъ. Тамъ мелькаютъ наши солдаты и казаки. Я умываюсь и спѣшу одѣваться. Надо ѣхать являться начальнику гарнизона.

— Андрей!—вдругъ раздается на всю импань изъ сосѣдней комнаты повелительный голосъ коменданта. Онъ, конечно, слышитъ, что я всталъ, а потому и не стѣсняется.

— Сейчасъ!—далеко гдѣ-то откликается сиповатый голосъ.

— Ну что, выспались?—спрашиваетъ Михаилъ Данилычъ, появясь ко мнѣ чуть не въ костюмѣ праотца. Онъ малъ ростомъ, тощъ тѣломъ, но духомъ очень бодръ. Тонкое лицо его выбрито. Усики закручены.

— Чудно выспался, спасибо!—говорю ему. — Ну, какъ же вы живете тутъ?

— Да слава Богу!—и онъ садится на мою кровать.—Пока все спокойно. Недавно экспедиція была,—хункузовъ покрошили. Теперь опять Рененкампфъ ушелъ. Хантенгю все еще не сдается. У него и войскъ много, и пушки есть. Это самый главный противникъ нашъ. Онъ дзянь-дзюня въ грошъ не ставитъ,—разсказываетъ Михаилъ Данилычъ.

— Не пора ли къ начальнику гарнизона?—перебиваю его.— Онъ далеко живетъ?

— Въ арсеналѣ! Версты четыре будетъ. Поѣдьте вмѣстѣ. Мнѣ, кстати, тоже нужно его повидать!—говоритъ онъ.

Михаилъ Данилычъ—мой старый товарищъ еще по турецкому походу.

Такъ, черезъ полчаса, въ походной формѣ, въ скюртукахъ и при шарфахъ, мы выходимъ къ воротамъ. Очень неказистый и неуклюжій солдатъ-китаецъ съ палкой въ рукахъ, чтобы разогнать толпу, отдаетъ намъ честь рукой. Множество китайцевъ толпятся и съ величайшимъ любопытствомъ заглядываютъ въ ворота. Сажусь на казачьяго коня. Михаилъ Данилычъ идетъ пѣшкомъ. Онъ не любитъ верховой ѣзды. Лошадь его ведутъ сзади. Пѣшій онъ чувствуетъ себя надежнѣе.

Сейчасъ же изъ переулка мы попадаемъ на набережную Сунгари. Какая она красивая! Противоположный крутой берегъ покрытъ тонкимъ слоемъ снѣга. Одиночныя раскидистыя деревья картинно выдѣлялись на бѣломъ фонѣ. Какъ разъ напротивъ возвышалась укрѣпленная импань, съ высокими зубчатыми стѣнами и башнями. На горизонтѣ громоздились горы, сверкая на солнцѣ вершинами, запорошенными снѣгомъ. Рѣка еще не стала. По ея темносиней поверхности далеко неслась по теченію, широко распустивъ бѣлый парусъ, — легкая джонка. Но что это за набережная, гдѣ я ѣду! Она скорѣе похожа на задворки въ захудалой станицѣ. Все ямы, провалы, дырявые мосты. Того и смотри, шею сломишь. Теперь я понялъ, почему спутникъ мой предпочелъ идти пѣшкомъ. Кромѣ того, дорога подмерзла, было очень скользко, и лошадь моя безпрестанно скользила. Ёду осторожно. И лошадь-то надо крѣпко держать, чтобы не свалиться, да и посмотрѣть-то хочется по сторонамъ. Очень ужъ интересно! Вотъ мы проѣзжаемъ мимо склада гробовъ. Онъ помѣщался какъ разъ за комендантскимъ управленіемъ. Гробы сколочены изъ широчайшихъ массивныхъ досокъ, вершка въ четыре толщины. На нихъ нарисованы кумирни и разные пейзажи. Мѣстами позолочены. Извѣстно, что китайцы больше всего заботятся о загробной жизни.

На самомъ обрывѣ набережной виднѣются деревянные стѣнки, въ родѣ большихъ щитовъ, съ намалеванными чудовищами. Стѣнки эти должны защищать хозяина дома отъ злого духа, ежели бы ему вздумалось прилетѣть съ рѣки. Ну, тогда, конечно, онъ прежде всего разобьется объ эту стѣнку. Въ одномъ мѣстѣ дорога идетъ ровная. Пускаю коня рысью и быстро нагоняю моего Данилыча, который порядочно было-ушелъ впередъ.

— Ну что, скоро арсеналь?—спрашиваю его.

— Э, нѣтъ! Еще версты полторы осталось! Вонъ, видите, вправо, за рѣкой, пороховой заводъ. Арсеналь какъ разъ будетъ противъ него по сю сторону.

— А это что за флагъ?—спрашиваю коменданта.

— Здѣсь наша телеграфная станція. А вонъ рядомъ будетъ жить нашъ консулъ Люба. Ему здѣсь отдѣляется квартира.

Проѣзжаемъ городскія ворота. Стѣна вышиной сажени двѣ. Она въ сохранности. По близости возвышается кумирня. Народу на улицахъ очень много. Встрѣчаются и женщины, въ черныхъ халатахъ съ широчайшими рукавами. У молодыхъ лица накрашены, въ особенности щеки и губы. За ушами торчатъ букетки цвѣтовъ. Походка у всѣхъ ихъ медленная, осторожная. Точно онѣ ежеминутно боятся упасть... Вонъ старикъ-китаецъ волочить ручную телѣжку съ какимъ-то товаромъ и звонко колотить въ маленькій бубенъ. Другой несетъ лотокъ съ какой-то провизіей и монотонно выкрикиваетъ. Поминутно встрѣчаются верховые на мулахъ и на лошадяхъ. Больше попадаетъ свиней черныхъ, огромныхъ, острорылыхъ. Ихъ повсюду видно безвечное множество. Онѣ беспощадно роются среди самой дороги въ ужаснѣйшей грязи. Кругомъ царил мирная обстановка. Народъ видимо уже привыкъ къ намъ,—занимается своимъ дѣломъ, работаетъ, торгуетъ и, очевидно, забылъ и думать о военныхъ дѣйствіяхъ. Вдали замелькали шесты съ нашими флагами, а немного дальше, изъ-за построекъ, показался и самый арсеналь. Онъ занималъ въ окружности пожалуй версты двѣ и обнесенъ высокими земляными стѣнами, тоже съ башнями и бойницами. Здѣсь жилъ начальникъ гарнизона, генераль-маіоръ Айгустовъ, небольшого роста, худощавый господинъ, уже сѣдой. Волосы у него были только на вискахъ и на затылкѣ. Айгустовъ разомъ располагалъ къ себѣ своими взглядами и прямой, живой рѣчью.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и вопросовъ,—когда я пріѣхалъ, какъ дорога и т. п.,—генераль говорить:

— Ну, вотъ, переѣзжайте сюда, ко мнѣ. Въ винтъ играете?

— Играю.

— Ну, вотъ и отлично! У меня тутъ гостить одинъ мой пріятель, товарищъ еще по корпусу, запасный генераль. Такой славный старикъ. Въ винтъ готовъ дуться день и ночь. Поиграли бы!

Впослѣдствіи я игралъ съ обоими съ ними. Айгустовъ еще ничего, сповойно играетъ, но пріятель его былъ положительно невозможенъ: въ серединѣ игры онъ вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста, толстый, красный, съ представительными сѣдыми бакенбардами, и на всю фанзу хрипло кричитъ на своего партнера, худенькаго, скромнаго поручика:

— Понятія, сударь мой, не имѣете объ игрѣ! Чутья нѣтъ,

чутья! Ужь ежели вамъ туза дають, такъ и отвѣчайте въ эту масть!—и онъ безцеремонно машетъ тому картой чуть не подь-самымъ носомъ. Бѣдный партнеръ только пыхтитъ, терпѣливо дожидаясь, когда его превосходительству угодно будетъ окончить свою распеванцію.

Я рѣшительно отстоялъ свое пребываніе у коменданта. Во-первыхъ, отъ арсенала далеко бы до остальныхъ частей войскъ, которыя мнѣ предстояло осматривать, а во-вторыхъ, я опасался, что туда мнѣ никакой торговецъ-старьевщикъ ничего не понесетъ на продажу.

За мной пріѣхалъ адъютантъ 16-го в.-с. стрѣлковаго полка, знакомый мнѣ еще по Хунчуну, поручишь Полуэктовъ. Премилый молодой человекъ, стройный, красивый. Ёду съ нимъ въ полекъ осматривать роты. Полекъ помѣщался на краю города, въ обширной импани. Флагъ на стѣнахъ красиво развѣвается по вѣтру. Вхожу въ первое помѣщеніе. Люди выстроены вдоль кань, каждый противъ своихъ вещей. Фанза хорошо приспособлена для жилья. Бумажныя окна наполовину заколочены войлокомъ и досками, чтобы не дуло. Въ серединѣ казармы поставлены печи. Тепло и сухо.

— Здорово, братцы!—говорю солдатамъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!—дружно отвѣчаютъ тѣ. Я медленно обхожу шеренги и осматриваю вещи.

— Гдѣ у тебя вторая рубаха?—спрашиваю низенькаго солдата съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ.

— На мнѣ, ваше высокоблагородіе.

— А другая?—Солдатъ молчитъ и искоса смотритъ па товарищей.

— Какъ же ты мѣняешь ее? Или все въ одной и той же ходишь? Разстегни мундиръ, покажи!—Солдатъ разстегивается и вытаскиваетъ черную, какъ у кузнеца, рубаху.

— Ну, какъ же ты ее моешь?

— Да такъ, ваше высокоблагородіе, какъ теплый день, такъ на солнышкѣ вымоешь ее, ну она и просохнетъ.

— Господинъ ротный командиръ, обратите вниманіе!—говорю молодцоватому штабсъ-капитану. Тотъ слѣдовалъ за мной по пятамъ.

— Слушаю-съ!—и ротный почтительно козыряетъ.

— Гдѣ у тебя рубаха?—слышу за спиной осторожный вопросъ.

— Износишь!—доносится глухой отвѣтъ.

Я обхожу фанзу кругомъ. Унтеръ-офицерскія вещи сразу отличались. Между ними часто красовались и цвѣтныя рубахи; у рядовыхъ же почти у всѣхъ было по двѣ пары бѣлья.

— Пожалуйста, прикажите выстроиться людямъ на дворѣ, взглянуть мундирную одежду, — говорю ротному. Тотъ опять покорно козыряетъ. Люди выстраиваются въ двѣ шеренги. Мундиры еще сносны, шаровары же почти у всѣхъ окончательно истрепались и представляли одну сплошную заплату.

— По мѣстамъ! — раздается команда, и вся эта масса людей, весело, шумно разбѣгается по казармамъ. Иду на кухню пробовать пищу. Щи такія, что я съ удовольствіемъ ѣлъ бы каждый день. Каша пшенная, прожаренная, съ лукомъ и масломъ, — просто объяденье.

— Ну и щи! Ну и каша! — похваляю кашеваровъ. — Молодцы!

— Рады стараться! — отвѣчаютъ тѣ, очень довольные.

— Помилуйте, полковникъ, какъ же щамъ не быть хорошимъ! Мясо отпускается по фунту на человѣка въ сутки. Скотина дешевая, жирная. Чего еще надо! — объясняетъ ротный. На смугломъ, бородатомъ лицѣ его видна заботливость о своей части. Такъ же осматриваю я и другую роту, затѣмъ третью и т. д. Вездѣ — повтореніе одного и того же. Изрѣдка слышался тотъ же сумрачный отвѣтъ: „износилъ“, или: „не выдали“, „не получалъ“. Мѣсяцъ цѣлый осматривалъ я части, расположенныя въ Гиринѣ и его окрестностяхъ. Въ общемъ, надо правду сказать, люди размѣщены были сравнительно хорошо. Одежда, за исключеніемъ шароваръ, была сносная. Что же касается пищи, и говорить нечего. Дома, въ Россіи, солдаты никогда такъ не могли ѣсть.

— А что, ваше превосходительство, вѣдь слѣдовало бы мнѣ съѣздить представиться здѣшнему дзянь-дзюню! — говорю я какъ-то генералу Айгустову.

— Еще бы, непременно съѣздите! Вѣдь онъ тутъ близко живетъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, въ своемъ дворцѣ.

— Поѣдемте вмѣстѣ! — предлагаю ему.

— Пожалуй, поѣдемте, — завтра, часовъ въ одиннадцать. Онъ рано встаетъ. Только надо предупредить его, послать свою карточку, — рассказываетъ Айгустовъ.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, толпа народу стояла у воротъ дворца дзянь-дзюня. Генералъ Айгустовъ и я выходимъ изъ экипажа и направляемся пѣшкомъ черезъ

цѣлый рядъ двориковъ. Проходимъ однѣ ворота, потомъ другія, — третьи. Вдоль всего нашего пути стоятъ шпалерами конвой дзянь-дзюня съ ружьями. Въ самомъ же концѣ, около послѣднихъ воротъ, ожидалъ насъ самъ дзянь-дзюнь въ сѣромъ длинномъ шелковомъ халатѣ и черной шелковой курмѣ. Шляпа черная съ краснымъ шарикомъ. Вокругъ него толпились приближенные.

Сначала здоровается съ нимъ за руку генераль Айгустовъ, потомъ я. Толстый, усатый переводчикъ, прозванный нашими офицерами почему-то Алексѣемъ Алексѣвичемъ, въ богатой полковой курмѣ и шапкѣ съ чернымъ перомъ, важно говоритъ мнѣ:

— Его высокопревосходительство господинъ дзянь-дзюнь проситъ передать вамъ, что онъ радуется и поздравляетъ васъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Гиринь. — Я кланяюсь и въ свою очередь спрашиваю его о здоровьѣ. Дзянь-дзюнь — высокаго роста, тучный, съ маленькой бородкой. Лицо умное, энергичное. Онъ очень напоминалъ мнѣ, въ своей богатой полковой одеждѣ, нашихъ архіереевъ въ облаченіи. Затѣмъ намъ представляютъ приближенныхъ и свиту дзянь-дзюня.

— Генераль Чинъ-Лу! — также торжественно возглашаетъ переводчикъ. Здороваюсь съ высокимъ тощимъ старикомъ въ коричневой коротенькой курмѣ, опушенной горностаемъ.

— Здѣшній фудутунъ! — продолжаетъ выкрикивать Алексѣй Алексѣичъ. Пожимаю руку такому же художавому почтенному старику и въ такой же курмѣ. Лицо его мнѣ не понравилось. Глаза узенькіе, хитрые. Фудутунъ, видимо, былъ недоволенъ своимъ положеніемъ въ роли покореннаго. Онъ, очевидно, явился по приказанію своего начальника, а не по желанію. Затѣмъ я знакомлюсь еще со многими лицами. Тутъ были и главный судья, и помощникъ фудутуна, и начальники округовъ, и много другихъ лицъ, болѣе или менѣе важныхъ. Наконецъ, насъ чуть не подъ руки ведутъ въ помѣщеніе, гдѣ жилъ дзянь-дзюнь. Оно очень просто. Обстановка самая скромная. Входимъ въ просторную комнату и садимся за приготовленный столъ. Онъ накрытъ по-европейски. Прежде всего подаютъ чай, въ маленькихъ чашечкахъ, со всевозможнымъ печеньемъ, а затѣмъ шампанское, въ стеклянныхъ кружкахъ съ ручками. Алексѣй Алексѣичъ провозглашаетъ тостъ за Айгустова, потомъ за меня. Мы же провозглашаемъ здоровье дзянь-дзюня, его помощника, за процвѣтаніе Гирина, за дружбу и т. д. Позади дзянь-дзюня и его свиты все время стояла толпа китайцевъ, разные мелкіе чиновники и прислуга. Какъ мнѣ передавали потомъ, дзянь-дзюнь

волею въ жизни и смерти всѣхъ жителей своей провинціи, за исключеніемъ фудутуна и главнаго судьи. Наконецъ, мы встаемъ, благодаримъ хозяина и уходимъ среди тѣхъ же шпалеръ конвоя, провожаемые дзянь-дзюнемъ и его свитой до первыхъ воротъ.

На другой день, въ двѣнадцать часовъ дня, ко мнѣ пріѣхалъ дзянь-дзюнь съ отвѣтнымъ визитомъ. Генераль Айгустовъ распорядился выставить ему почетный караулъ. Прежде всего появляется уже знакомый намъ Алексѣй Алексѣичъ, съ красной визитной карточкой. Подаетъ ее мнѣ и говоритъ: „Его высокопревосходительство дзянь-дзюнь прислалъ сказать, что онъ сейчасъ будетъ“. И дѣйствительно, на дворѣ показывается конвой дзянь-дзюня, но не съ ружьями, какъ вчера, а съ невиданными мною до того времени сѣкирами, бердышами и трезубцами. А вотъ и самъ дзянь-дзюнь, въ паланкинѣ. Дверцы открываются, и повелитель восточной Манчжуріи направляется ко мнѣ.

— Здорово, братцы!—отрывисто кричитъ Алексѣй Алексѣевичъ изъ-за спины своего владыки.

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!—раздается отвѣтъ. Я, генераль Айгустовъ, комендантъ, а также полиціймейстеръ Музеусъ, бравый, высокій поручикъ, встрѣчаемъ гостя и провожаемъ его въ домъ, гдѣ мы приготовили столъ и угощеніе. Подается чай, начинаются взаимные вопросы о здоровьѣ. Кромѣ переводчика, Алексѣя Алексѣича, сегодня прибылъ еще драгоманъ дзянь-дзюня, тихій, скромный китаецъ, безъ бороды и усовъ, удивительно молодой. Онъ очень мнѣ понравился.

— Господинъ дзянь-дзюнь желаетъ знать, сколько вамъ лѣтъ?—тихимъ голосомъ спрашиваетъ меня драгоманъ. Смотрю на дзянь-дзюня. Онъ крутитъ свои длинные усы, улыбается и добродушно киваетъ мнѣ головой.

— Скажите—пятьдесятъ лѣтъ!—отвѣчаю ему.

— А сколько лѣтъ дзянь-дзюню? — спрашиваю въ свою очередь. Драгоманъ что-то говоритъ своему господину. Тотъ опять весело улыбается.

— Семьдесятъ лѣтъ!—отвѣчаетъ драгоманъ.

Подаютъ шампанское. Начинаются тосты. Бутылка за бутылкой осушаются. Долго пили мы и разговаривали. Наконецъ, дзянь-дзюнь рѣшительно встаетъ, благодаритъ меня, Айгустова и, подобравъ халатъ, быстро направляется сквозь ряды почетнаго караула къ паланкину и скрывается изъ нашихъ глазъ. На другой день драгоманъ передавалъ мнѣ, что дзянь-дзюнь

очень остался доволенъ нашимъ угощеніемъ и что онъ уже давно такъ весело не проводилъ время.

XX.—Прогулка по Гирину.

Конецъ ноября. На дворѣ морозъ. Въ фанзѣ у меня ночью вода въ кувшинѣ замерзла. Желѣзную печь сколько ни нагрѣвай,—какъ только потухла, сейчасъ же все тепло выходитъ сквозъ бумажное окно и ватное одѣяло, замѣняющее двери.

Какъ-то приходитъ пріятель мой, молодцоватый артиллерійскій подполковникъ Гусевъ, въ черномъ суконномъ полушубкѣ безъ погонъ. Рыжіе усы и небольшая борода обмерзли ледяными сосульками.

— Ну и морозъ!—весело восклицаетъ онъ, здороваясь со мною.—Что же, идемъ кумирни смотрѣть, а оттуда и на базаръ пройдемъ,—говоритъ онъ, очищая усы и бороду отъ льдинокъ. Гусевъ былъ тоже страстный любитель китайской древности. Цѣлые дни проводилъ онъ на базарахъ, въ разыскиваніи разныхъ рѣдкостей, причѣмъ тратилъ на это, какъ и я, все свое жалованье. Онъ уже составилъ порядочную коллекцію. Я очень полюбилъ Владимира Яковлевича,—такъ звали Гусева. Онъ былъ и молодецъ по службѣ, и славный, веселый товарищъ. Я не видалъ его грустнымъ. Онъ всегда готовъ былъ составить компанію. Вотъ хоть и сейчасъ. На дворѣ морозъ градусовъ двадцать, а онъ зоветъ прогуляться.

— Идемъ! идемъ!—говорю ему и одѣваюсь.—Направляемся пѣшкомъ по главной улицѣ съ переводчикомъ Александромъ, высокимъ, некрасивымъ, очень похожимъ на обезьяну; къ такъ называемымъ „Вторымъ Воротамъ“. Хотя у китайцевъ и не принято, чтобы чиновный народъ ходилъ пѣшкомъ, но мы на это не обращали никакого вниманія. Тѣмъ болѣе, что по ихъ дорогамъ въ экипажахъ было очень трудно проѣзжать; верхомъ же, по гололедицѣ—скользко. Солнце свѣтитъ ярко. Кругомъ все бѣло отъ снѣга. Но саннаго пути нѣтъ. Свѣтъ тонкій. Дымы изъ трубъ поднимаются надъ фанзами высокими, тонкими струями. Въ китайскихъ домахъ дымовыя трубы выводятся отдѣльно отъ зданія. Несмотря на морозъ, улицы полны народу. Я никакъ не ожидалъ, чтобы китайцы такъ равнодушно относились къ холоду. Они преспокойно сидятъ себѣ въ своихъ открытыхъ лавкахъ и разговариваютъ. На ухахъ надѣты расшитые шелками, въ видѣ сердечекъ, мѣховые наушники. Руки засунуты

въ длинныя рукава. Входимъ въ ворота кумирни. Точно изъ земли появляется бонза. Онъ очень похожъ на улагайскаго бонзу. Безъ косы, бритый, таковой же молодой и разговорчивый. Одѣтъ въ черное.

Прежде всего онъ ведетъ насъ показывать адъ, какъ его представляютъ себѣ китайцы. Отъ кумирни тянутся по обѣ стороны длинныя флигеля безъ оконъ. Они раздѣлены перегородками, какъ стойла. И вотъ, въ этихъ-то отдѣленіяхъ поставлены разныя изображенія людей, боговъ и животныхъ. Всѣ они изображаютъ различныя сцены изъ жизни. Въ этомъ аду, какъ я замѣтилъ, не столько фигурируютъ мужчины, какъ женщины. Вотъ стоятъ въ двѣ шеренги боги, скромные бородатые старики въ пестрыхъ халатахъ съ длинными усами. Мимо нихъ проходить женщины, со сложеными на груди руками.

— Это ихъ ведутъ на казнь, за невѣрность мужьямъ, — объясняетъ Александръ съ серьезнымъ видомъ.

Въ слѣдующемъ отдѣленіи представлено дерево. На него лѣзетъ голая женщина, а внизу подъ деревомъ стоитъ собака, и какъ бы щелкаетъ зубами отъ злости. Сколько ни старался объяснить значеніе этой сцены нашъ почтенный переводчикъ — я не могъ понять его. Третья сцена изображала опять женщину. Она привязана между двухъ толстыхъ досокъ, которыя достигаютъ ей до плечъ. Два палача пилать ее вдоль тѣла. Голова уже на половину распилена. По доскамъ течетъ кровь, которую собаки подлизываютъ внизу. Четвертая сцена изображаетъ большую лохань. Человѣкъ сунуть въ нее головой, и отъ него торчатъ однѣ ноги. Пятая сцена изображаетъ палача, который громаднымъ ножомъ рѣжетъ преступника пополамъ.

И вотъ все въ такомъ же родѣ. Насмотрѣвшись досыта на эти ужасы, идемъ въ самую кумирню. Здѣсь, какъ и въ прочихъ кумирняхъ, возсѣдалъ въ углубленіи раззолоченный Будда, саженой двухъ высоты, а передъ нимъ въ двѣ шеренги стояли другіе боги. Передъ самымъ Буддой возвышался жертвенникъ съ курильницами и церковными сосудами. Я подаю бонзѣ полтинникъ. Гусевъ — тоже. Тотъ, очень довольный, прячетъ деньги въ карманъ, быстро достаетъ откуда-то двѣ пачки тонкихъ свѣчей, ставитъ ихъ въ сосудъ съ пепломъ и зажигаетъ. Затѣмъ звонитъ палочкой о металлическую вазочку, стоящую на жертвенникѣ, послѣ чего сжимаетъ передъ собой у груди кулаки и начинаетъ дѣлать передъ жертвенникомъ земныя поклоны. Свѣчи ярко горятъ, бонза старательно молится, а мы съ любопытствомъ смотримъ и на бонзу, и на всю обстановку. Будда какъ бы съ

улыбочкой глядитъ на насъ. Нѣкоторые же боги бросали свирѣпыя взгляды, въ особенности одинъ черный, съ замахнувшимся мечомъ.

Бонза кончилъ молиться. Уходитъ куда-то, но быстро возвращается съ цѣлымъ хоромъ мальчиковъ-музыкантовъ, лѣтъ одиннадцати, двѣнадцати. Всѣ они одѣты въ рваные халаты. Мальчики начинаютъ играть на своихъ инструментахъ. Ихъ было пятеро. Одинъ играетъ на бубнѣ; второй щелкаетъ кастаньетами; третій насвистываетъ на дудочкѣ въ родѣ нашей флейты; четвертый ударяетъ въ мѣдные тарелки; а пятый дуетъ въ бамбуковый инструментъ, изъ котораго раздаются очень гармоничные звуки, похожіе на нашъ органъ. Этотъ инструментъ сильно меня заинтересовалъ. Я прошу мальчика играть одного. Тотъ очень мило играетъ какую-то заунывную пѣсню.

— Пожалуйста, передай бонзѣ, не можетъ ли онъ указать, гдѣ можно купить подобный инструментъ,—говорю Александру. Бонза улыбается и что-то отвѣчаетъ.

— Ну, что?—спрашиваю я.

— Онъ постарается достать такой,—отвѣчаетъ Александръ. Мы поблагодарили бонзу, дали ему и мальчикамъ на чай и направились на базаръ.

Морозъ сталъ какъ бы полегче. Народу на улицахъ множество. И пѣшіе, и верхомъ на лошадахъ, и на мулахъ, и на ослахъ, и въ телѣжкахъ. Попадаютъ и въ паланкинахъ. Эти послѣдніе обыкновенно ѣхали съ конвоемъ и бросали на встрѣчныхъ гордые взгляды.

Сворачиваемъ съ главной улицы и сразу попадаемъ на обширную площадь. Здѣсь народу столько же, какъ у насъ на толкучкѣ. И по серединѣ, и по бокамъ площади, тянулись ряды балаганчиковъ съ разными мелкими товарами. И чего, чего тутъ только не продавалось! Крикъ разносчиковъ, звонъ въ разные колотушки—были оглушительные. Съ непривычки у меня голова пошла кругомъ. Хозяева лавочекъ восѣдали на прилавкахъ поджавши ноги, курили изъ длинныхъ трубочекъ и флегматично посматривали на проходящихъ. Больше всего продавалось мундштуковъ. Да оно и понятно,—въ Гириѣ, и даже во всей Манчжуріи рѣдко можно встрѣтить китаецъ, который бы не курилъ. Здѣшніе торговцы уже отлично знали, что можетъ интересовать русскаго офицера.

Вонъ старикъ, въ синемъ халатѣ, полинялой голубой шапкѣ, машетъ намъ рукой и что-то кричитъ. Подходимъ. Онъ подаетъ

намъ бронзовую курильницу и многозначительно указываетъ пальцемъ клеймо на днѣ.

— Сколько хочешь?—спрашиваемъ его.

Переводчикъ отвѣчаетъ:

— Двѣнадцать ланъ просить!

— Э! дорого!—говорю. Китаецъ хладнокровно владеть вещь на свое мѣсто и подаетъ очень хорошенькій флакончикъ изъ агата дымчатаго цвѣта съ коралловой пробочкой, прехорошенькій. Покупаю его за два рубля. Толпа народу окружаетъ насъ. Чѣмъ дальше мы подаемся, тѣмъ она становится больше. Наконецъ переводчикъ нашъ, выведенный изъ терпѣнія, останавливается и сердито кричитъ на китайцевъ. Тѣ разсѣиваются. На прилавкѣ, за маленькимъ столомъ, сидитъ, поджавши ноги калачомъ, почтенный китаецъ въ черномъ халатѣ. На головѣ—шапочка въ родѣ еврейской ермолки. Передъ нимъ стояла банка, и въ ней—вакѣ-то билетива. Съ сознаниемъ величайшаго достоинства китаецъ встрѣчаетъ насъ испытующимъ взоромъ. Я вольно останавливаюсь и спрашиваю переводчика:

— Кто этотъ человекъ? чѣмъ онъ торгуешь?

— Это гадалщикъ! Вотъ ежели какой купецъ ѣдетъ въ дальнюю дорогу, или предпринимаетъ какое-нибудь дѣло—начинаетъ постройку, или заводитъ торговлю, тотъ непременно придетъ къ этому гадалщику и попроситъ погадать. Ну, онъ выветъ билетъ и скажетъ, удачно будетъ дѣло или неудачно!—объяснилъ Александръ. Проходимъ мимо одной харчевни. Народу въ ней такая масса, доносился такой шумъ, что какъ ни хотѣлось мнѣ заглянуть въ нее, но я не рѣшился.

— Тамъ въ банкѣ играютъ. Такая есть мѣдная коробочка, въ которую владется востяная дощечка. Ну, какой стороной упадетъ, тотъ или проиграетъ, или выиграетъ. Много денегъ другой проиграетъ. Въ тюрьму за это попадаютъ!—многозначительно объясняетъ Александръ. Въ это время, точно нарочно попадается на встрѣчу оборванный китаецъ. Волосы надъ лбомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть обриты,—отросли и безобразно торчали, какъ щетина. На плечахъ онъ несъ четырехугольный толстый деревянный щитъ, въ прорѣзъ котораго была просунута голова.

— Это кто такой?—спрашиваю переводчика.

Тотъ подбѣгаетъ къ наказанному и читаетъ на доскѣ надпись на билетѣ, которымъ былъ ссрѣпленъ щитъ.

— Онъ наказанъ за игру въ карты!—отвѣчаетъ переводчикъ. Несчастный игрокъ искоса смотритъ на насъ и скрывается въ толпѣ.

Много чего интереснаго видѣли мы въ тотъ день съ подполковникомъ Гусевымъ.

XXI.—Картины изъ жизни въ Гиринѣ.

Часовъ пять вечера. Ёду въ тарантасѣ по главной улицѣ. Вижу, въ самомъ людномъ мѣстѣ собралась толпа народу.— Стой! Что такое?—Здоровенный верзило казакъ, сильно пьяный, съ пашкой на-голдъ, идетъ, качается, водить кругомъ блуждающими глазами и что-то кричить. Возлѣ него знакомый мнѣ поручикъ N. полка, верхомъ на маленькой китайской лошади, старается его усовѣстить и обезоружить. Казакъ не слушается и бושуетъ.

— Полковникъ, помогите мнѣ арестовать его! — просить тотъ.

— Эй, казакъ! — говорю провожатому, ѣхавшему за мной сзади. — Слѣзай съ коня, бери вонъ того молодца подъ-руку и тащи въ комендантское. Слѣзай и ты! — кричу солдату, который сидѣлъ на козлахъ.—Я самъ буду править.—Тѣ живо бросаются и прежде всего отбираютъ у пьянаго шашку, затѣмъ, къ великому удовольствію толпы, подхватываютъ его подъ мышки и торжественно ведутъ.

— Сокрушу азіатовъ! всѣмъ головы долой! постую за батюшку Царя и за матушку Русь!—оретъ онъ во всю глотку и упирается ногами. Но какъ онъ ни упирался, а его, раба божія, все-таки притащили на комендантскій дворъ и усадили въ арестантскую.

— Сокрушу-у-у!... Смерть китайцамъ!—долго еще раздавалось по комендантскому двору, пока сонъ не одолѣлъ и не смѣжилъ ему очи.

Время ужина. Иду звать полиціимейстера Музеуса. Это былъ молодчина офицеръ. Работалъ онъ безъ устали съ утра до вечера. На немъ лежалъ и отводъ квартиръ всѣмъ прибывающимъ въ Гиринъ частямъ войскъ, госпиталямъ, складамъ, всѣмъ приѣзжимъ офицерамъ и т. д. Онъ же долженъ былъ летѣть на всякое происшествіе, учиненное солдатами, и производить слѣдствіе и днемъ, и ночью. Однимъ словомъ, не понимаю, когда только онъ спалъ.

Музеусъ былъ дома и что-то писалъ. Лицо озабоченное, хмурое.

— Что вы такой пасмурный?—спрашиваю его.

— Да что! просто бѣда съ нашими солдатами,—опять китайца убили!—говорить онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ. Музеусъ начинаетъ усиленно ходить по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы и съѣжившись своимъ огромнымъ туловищемъ, точно ему было холодно.

— Да какъ такъ случилось?.. Окончательно убили?

— Отправилъ въ госпиталь,—не знаю. Лежитъ какъ пласть, голова проломлена. Доктора сомнѣваются, чтобы выжилъ.

— Да за что же?

— Да какъ и всегда, здорово живешь! Говорятъ, онъ воду несъ, да и задѣлъ солдата ведромъ. А тотъ схватилъ суку отъ дерева, да голову ему и разбилъ.—Музеусъ одѣвается, перекидываетъ черезъ плечо пашку и куда-то уѣзжаетъ...

Утро. Сажу у коменданта.

— Ваше высокоблагородіе!—солдата привели арестованнаго, —докладываетъ вѣстовой.

— А! это тотъ артистъ, что голову китайцу проломил!— злобно говоритъ Михаилъ Данилычъ.—Пусть приведутъ!—Въ комнату входитъ молодой солдатъ, въ шинели, съ одутловатымъ, блѣднымъ лицомъ. Одинъ глазъ у него закрылся отъ громаднаго багроваго подтека.

— Ты чего китайцу голову проломилъ? — спрашиваетъ его комендантъ.

— Никакъ нѣтъ, я не билъ! — сумрачно возражаетъ тотъ, причемъ отъ него такъ ханшиномъ ¹⁾ и пахнуло, точно изъ бочки.

— А кто же билъ? вѣдь свидѣтели есть!—кричитъ на него Михаилъ Данилычъ.

— Я не первый ударилъ! Онъ зачалъ! Онъ самъ меня ударилъ, чушь глазъ не вышибъ!—оправдывается солдатъ.

— Ну, ладно, ладно, голубчикъ, ступай себѣ!—говоритъ комендантъ и выпроваживаетъ того за двери.

— Однако же и ему попало! какой сивякъ подъ глазомъ!—говорю коменданту.

— Вы думаете, это китаецъ ему поставилъ фонарь! Ничуть! Это его въ ротъ,—какъ узнали, что солдатъ натворилъ, призвали его, да и сдѣлали отеческое внушеніе. Но это не поможетъ!—добавляетъ Бюлевскій.

Къ удивленію всѣхъ насъ, китаецъ выжилъ и благополучно выписался изъ госпиталя.

¹⁾ Китайская водка.

XXII.—На китайскомъ обѣдѣ.

Какъ-то приносить мнѣ китаецъ письмо. Открываю конвертъ, въ немъ оказывается визитная красная китайская карточка и письмо англичанина Кемпбеля. Онъ пишетъ:— „Здѣшній богатый купецъ И-и проситъ васъ завтра обѣдать въ двѣнадцать часовъ и посылаетъ вамъ свою визитную карточку. Онъ вѣроятно будетъ самъ у васъ сегодня“.

„Ну, что же, надо будетъ съѣздить. Ежели Кемпбель ѣдетъ, значитъ, стѣющій человекъ! Онъ зря не поѣдетъ. Попробуемъ хорошаго китайскаго обѣда“. Зная впередъ, насколько китайскіе обѣды сытны и продолжительны,—нарочно не ужинаю. На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, я, Боклевскій и Музеусъ садимся на лошадей и ѣдемъ въ И-и. По дорогѣ заѣзжаемъ въ Кемпбелю. Ему подають паланкинъ. У воротъ дома встрѣчаютъ насъ дѣти хозяина и цѣлый штатъ служащихъ. За вторыми воротами встрѣчаетъ самъ хозяинъ и его братъ, въ богатыхъ халатахъ и курмахъ. Всѣ они радостные и довольные. Поднимаемся нѣсколько ступеней и входимъ въ роскошно обставленную комнату. За ней рядомъ другая, такая же богатая. Хозяйева, другъ передъ другомъ, хлопочуть около насъ: снимають пальто, усаживаютъ на каны, предлагаютъ подушки подъ сидѣнье, спрашиваютъ о здоровьи и т. п. Я съ трудомъ рѣшаюсь снять пальто, такъ какъ въ фанзѣ очень холодно. Печей нѣтъ, и согрѣваются исключительно надъ маленькой жаровней. Во всю длину комнаты накрытъ обѣденный столъ, человекъ на двадцать. Множество блюдечекъ, со всевозможными сладостями, въ родѣ нашего кievскаго сушенаго варенья отъ Балабухи, привлекають наши взоры. Тутъ и орѣхи засахаренные, и груши, и сливы, и вишни, и мармеладъ. Затѣмъ какіе-то корни, похожіе на бананы, и разныя разности. Въ сторонѣ, у окна, стоитъ столъ съ полсотней бутылокъ шампанскаго, уже съ подрѣзанными проволоками, дабы скорѣй можно было откупорить. Четыре хозяйскихъ сына тоже находятся съ нами, очень милые и любезные. Самый младшій изъ нихъ больше всѣхъ мнѣ понравился. Порусски онъ зналъ всего два слова: „сидись“, „кури“,—которые безпрестанно и повторялъ мнѣ. Передъ обѣдомъ хозяинъ проситъ насъ выйти на площадку передъ домомъ, чтобы сняться группой. Фотографъ-китаецъ уже ожидалъ тамъ. Мы, конечно, соглашаемся. Я посадилъ къ себѣ на колѣни младшаго хозяйскаго сына и такъ снялся. Группа вышла очень удачна.

Идемъ обѣдать. Меня садятъ на предсѣдательское мѣсто; съ одной стороны—Кемпбель, съ другой—Боклевскій. Музеусъ садится гдѣ-то въ концѣ, чтобы посвободнѣе было. Онъ любилъ китайскіе обѣды, сопровождаемые достаточнымъ возліаніемъ кому слѣдуетъ. Кромѣ насъ, русскихъ, еще садится человекъ десять родственниковъ китайцевъ и самыхъ почетныхъ знакомыхъ. Для такого параднаго обѣда они одѣты въ лучшія одежды. Напротивъ меня, черезъ сѣни, двери отворены, и я вижу анфиладу комнатъ. Тамъ помѣщались жены хозяина. Всѣ онѣ теперь столпились у дверей и съ любопытствомъ смотрятъ на насъ. По этикету своему, онѣ не могутъ присутствовать за обѣдомъ вмѣстѣ съ чужестранцами, но смотрѣть, очевидно, позволено. Хозяинъ видитъ ихъ и добродушно улыбается. Тѣ тоже смѣются, стараются подняться на-цыпочкахъ, одна передъ другою, и заглядываютъ черезъ головы и плечи. Хотя онѣ находились отъ меня шагахъ въ пятнадцать, но я хорошо могъ рассмотреть нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одна, высокая брюнетка, была очень недурна: довольно полная, съ правильными чертами лица. Жаль только, что щеки и губы у нея сильно накрашены пунцовой краской. За ушами торчали металлическія заколки въ видѣ маленькихъ букетиковъ, какъ-разъ такихъ, какіе мнѣ удалось приобрести въ Хунчунѣ. Но не можетъ быть, чтобы у хозяина нашего было столько женъ. Вѣроятно, тутъ и дочери его, и знакомыя, которыхъ пригласили посмотреть на чужестранцевъ. Всѣхъ женщинъ столпилось въ дверяхъ человекъ двѣнадцать или пятнадцать. Между молодыми, расфранченными, вижу одну старуху, въ черномъ халатѣ. Она не особенно-то умильно поглядывала въ нашу сторону, и очевидно, не раздѣляла общей радости. Пока я старался, сколь возможно осторожно, дабы не обидѣть хозяина, рассмотреть женскую половину, служителя ставятъ на столъ чашечки съ разными сладостями. Затѣмъ разставляютъ тѣ, что стояли раньше. Самъ хозяинъ ходитъ вокругъ стола и все подставляетъ кушанья. Возлѣ меня становится младшій сынъ хозяина, мой пріятель, по имени Ліунтинъ, и неотступно угощаетъ.

— Садись!—говорю ему и указываю рукой возлѣ себя.

Тотъ грозитъ мнѣ своимъ маленькимъ пальчикомъ, улыбается, киваетъ головой на отца и восклицаетъ:

— Отецъ! отецъ!—Этимъ, конечно, онъ хотѣлъ сказать, что въ присутствіи родителя имъ не позволено сидѣть. Пробую какую-то засахаренную штучку. Оказывается—вишня. Но какая вкусная, точно свѣжая! Ароматъ ея вполне сохранился. Тѣмъ

другую, третью. Беру изъ другой чашки,—тоже очень вкусно. Жаль, думаю, такая прелесть подается въ началѣ обѣда. Закончимъ, вѣрно, какимъ-нибудь мяснымъ блюдомъ. И вотъ, я начинаю тихонько отставлять поближе то, что мнѣ больше нравится изъ сладкихъ блюдъ. Съ нами были и наши комендантскіе переводчики.

— Александръ! что, мясное будетъ?—спрашиваю его.

Онъ, какъ офицеръ, сидѣлъ за столомъ недалеко отъ меня.

— Сначала сладкое будутъ подавать, а потомъ свинина будетъ, рыба будетъ, баранъ будетъ, курица будетъ!—весело возглашаетъ онъ. Александръ, какъ и поручикъ Музеусъ, тоже любилъ званые обѣды.

Не подали еще и двухъ блюдъ, какъ уже хозяйнѣ, а за нимъ и мой Лиунтинъ, хватаютъ шампанское и начинаютъ разливать по кружкамъ. Шумъ, говоръ, смѣхъ оглашаютъ комнату. Одно кушанье замѣняется другимъ. Служителя подають ихъ на подносахъ и все въ маленькихъ чашечкахъ. Китайцы ѣдятъ палочками, очень ловко; намъ же, европейцамъ, поданы китайскія фарфоровыя ложки, а также ножи и вилки. Сладости длятся очень долго. Перемѣнъ двадцать было. Наконецъ, начинаются и другія блюда. Смотрю,—подають что-то аппетитное въ бульонѣ. Чашка—немного меньше нашей полоскательной. Пробую,—превкусно. Похоже на нашу уху. Въ ней накрошены какіе-то хрящи. Проголодавшись, начинаю глотать ложку за ложкой. Но вспоминаю, что еще много предстоитъ кушаний, и что слѣдуетъ воздержаться.

— Александръ, это что за кушанье?—спрашиваю переводчика.

— Это—жабры акулы,—говоритъ онъ.—Это хорошо, надо ѣсть!—По лицу его видно, что онъ достаточно уже отвѣдалъ сей прелести.

Въ это время передо мной ставятъ чашечку съ кушаньемъ, похожимъ на какой-то бѣлый кисель.

— Это что такое, Александръ?—вослицаю я.

— Кушай! кушай! Это очень дорого стоить! Каждая чашка стоить двѣнадцать ланъ хозяину! Это—урины мозги!—не безъ гордости кричитъ тотъ и старательно принимается кушать свою чашку съ драгоценнымъ блюдомъ.

„Боже мой! что же это такое? Совершенно какъ у римскаго богача Лукулла. У того, говорятъ, тоже подавались цѣлыя блюда со страусовыми мозгами. Сколько же,—разсуждаю про себя,—пошло въ мою чашку уриныхъ мозговъ? И сколько для этого

пришлось зарѣзывать курь? А вѣдь всего было подано двѣнадцать чашекъ“!

Мозги были превосходные.

— Господа, за здоровье хозяина! — провозглашаетъ Боклевскій.

Всѣ встаемъ и чокаемъ, причемъ заставляемъ хозяина выпить кружку до дна. Не успѣли мы допить бокалы, какъ уже они снова наполнены. Слуги, точно автоматы какіе, безъ шума приносятъ новыя и новыя кушанья, оставляя тѣ старыя блюда, въ которыхъ еще не привасались.

Передо мной, въ чашкѣ, красуется что-то въ родѣ черныхъ большихъ червяковъ. Это — трепанги. Они тоже очень вкусны. Я стараюсь попробовать каждаго кушанья, — хотя понемножку. Но такъ какъ всѣхъ кушаній подавалось больше серова, то ежели съѣсть по одной ложкѣ, то и тогда выйдетъ сорокъ ложекъ. Мы все ѣдимъ и ѣдимъ, безостановочно запивая шампанскимъ. Другихъ винъ не подавалось. А дамы наши все смотрятъ и смотрятъ на насъ, — все съ такимъ же любопытствомъ, — смѣются, переговариваются между собою и, очевидно, дѣлаютъ замѣчанія по поводу нашихъ фізіономій. Но, вотъ, хозяинъ нашъ куда-то пропалъ. Оглядываюсь — и вижу, что онъ лежитъ въ со-сѣдней комнатѣ на кавѣ и, приложивъ ко рту трубку съ опиумомъ, закуриваетъ ее надъ горящей лампочкой. Онъ замѣтилъ, что я наблюдаю за нимъ, смѣется, расправляетъ свои длинные сѣдые усы и продолжаетъ съ наслажденіемъ затягиваться. Затѣмъ быстро вскакиваетъ и снова принимается угощать насъ. Очевидно, ему не въ терпѣнь долго оставаться безъ опиума.

Уже пять часовъ. А сѣли мы за столъ въ часъ пополудни. Голова начинаетъ сильно побаливать. А обѣду и конца не предвидится. Кушанье за кушаньемъ, чашка за чашкой все мѣняются и мѣняются. Одно блюдо вкуснѣе другого. Столъ заставленъ всякими яствами, — пошевелинуться негдѣ. Шумъ стоитъ такой, что ничего и разобрать нельзя. Меня подуетъ уже не одинъ хозяинъ, а и гости-китайцы. Вонъ бѣжитъ ко мнѣ съ буднично въ рукахъ толстый, плотный китаецъ. Коричневая шва оля курма его чѣмъ-то залита. На черныхъ усахъ виситъ тѣло. Онъ, должно быть, выпилъ не одинъ десятокъ бокаловъ. — Са-

— Фудутунъ! фудутунъ! — кричитъ онъ: — Шибко хоро! мел. Наливаетъ бокаль, низко кланяется и проситъ меня выпить. Я чокаюсь съ нимъ, но пить больше не могу. Тотъ же разомъ опрокидываетъ бокаль въ ротъ и бѣжитъ чокается съ другими. Но вотъ подають какой-то металлическій сосудъ, закрытый крыш-кой. Внизу горятъ вѣскольго спиртовыхъ лампочекъ. Открыва-

ють крышку. Паръ таеъ и вырывается высокой струей въ толку. Смотрю—тамъ варятся въ коричневатомъ соку, вмѣстѣ со всевозможными травами и зеленью, нѣсколько куриць. Кости изъ нихъ искусно вынуты. Мясо разварено до такой степени, что китайцы берутъ его своими тонкими палочками и безъ всякаго труда кладутъ въ чашки. Кушанье было чрезвычайно вкусно. Это былъ финалъ. Къ концу обѣда изъ китайцевъ остался только одинъ. Тотъ же, который подбѣгалъ ко мнѣ, давно исчезъ куда-то, со своей трепангой на усахъ. Начиная смеряться, когда, провожаемые хозяевами до самыхъ послѣднихъ воротъ, мы разѣхались по домамъ.

XXIII.—Древности и рѣдкости.

— Ваше высокочелобудіе, китайцы пришли!—докладываетъ мнѣ какъ-то утромъ мой Иванъ.

— Чего имъ надо?

— Да вещи разныя принесли.

Выхожу въ прихожую. Смотрю—стоятъ два китайца. У одного—голова необыкновенно большая, глаза на выкатъ, губы толстыя. Другой—высокій, худой, довольно стройный. Оба одѣты въ полинялыя синіе халаты. Подъ мышками виднѣлись узлы.

— Ну, показывайте, что у васъ есть.

— Иванъ, сходи, позови переводчика Александра,—прошу я.

Надо сказать, что мнѣ долго не приносили продавать никакихъ вещей, какъ я ни хлопоталъ. Боялись ли китайцы, или почему другому—не знаю. Въ лавкахъ же и магазинахъ интереснаго я не находилъ. И только послѣ того, какъ я подарилъ военнаго бездѣлушки переводчикамъ и просилъ ихъ разыскать древнихъ вещей, стали навѣдываться ко мнѣ разныя старьевщики.

— Здравствуй!—говоритъ Александръ.

— Здравствуй! Вотъ посмотримъ, что она принесли, — говорю ему.

Половастый китаецъ развязываетъ узелъ и достаетъ маленькую азочку черной бронзы, украшенную орнаментами, на палисандровой подставочкѣ съ нефритовой ручкой. Александръ, съ видомъ знатока, осматриваетъ ее, указываетъ пальцемъ на клеймо и тономъ, не допускающимъ малѣйшаго сомнѣнія, говорить:

— Шибко старая! Династія Минъ—пятьсотъ лѣтъ назадъ.

— Сколько же она стоитъ?

— Онъ просить тридцать ланъ; это—тридцать-три рубля.

Я долго торгуюсь съ нимъ и, наконецъ, кончаю за пятнадцать рублей. Послѣ того тотъ же китаецъ вытаскиваетъ изъ рукавовъ, которые замѣняютъ китайцамъ карманы, нѣсколько древнихъ китайскихъ монетъ, подъ названіемъ чоховъ, въ видѣ нашихъ бритвъ,—съ надписями.

— И-и-и!—визжитъ Александръ совершенно бабьимъ голосомъ и машетъ руками. — Это—Богъ знаетъ сколько годовъ, больше трехъ тысячъ лѣтъ!—забавно выкрикиваетъ онъ и вертитъ монеты въ рукахъ.

— Зачѣмъ ты такъ кричишь и похваливаешь? — говорю ему. — Они только дороже просить будутъ чрезъ это.

Монеты я купилъ за шесть рублей.

Пока я торговалъ вазочку, другой китаецъ стоялъ въ сторонѣ и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ посматривалъ на своего собрата. — „Дескать, что ты тамъ принесъ,—дрянь какую-то. Вотъ у меня вещь, такъ вещь!“ — Онъ развертываетъ синее полотно и торжественно ставитъ на столъ, тоже на красивой палисандровой подставкѣ, превосходную, темной бронзы, курильницу, съ бронзовой же крышкою. Курильница вся изукрашена орнаментами и надписями. Хозяинъ ея отходить въ сторону, улыбается и лукаво смотритъ на меня. Но не успѣлъ я хорошенько рассмотреть ее, какъ мой деньщикъ Иванъ впускаетъ, уже безъ доклада, третьяго китайца, совершенную бабу. Толстый, лицо въ веснушкахъ, бороды и усовъ и признаковъ нѣтъ, съ тонкой, жиденькой косою. Подъ мышкой видѣлось что-то высокое, большое,—должно быть, тоже ваза. За этимъ китайцемъ быстрой походкой влетаетъ мой пріятель, подполковникъ Гусевъ.

— Вотъ видите, какой я честный! Видѣлъ вотъ эту прелесть, она стояла въ столовой у коменданта, и не купилъ ее. Зналъ, что она вамъ принесена!—скороговоркой говоритъ онъ, запыхавшись, и здоровается со мной.

— Не купите, такъ я куплю!—какъ бы въ утѣшеніе добавляетъ онъ.

— Ну, значить, вы будете мнѣ цѣну набивать!—говорю ему.

— И не думаю! Я посмотрю только, что вы скажете! — Садится и съ любопытствомъ глядитъ на китайца, который медленно развязываетъ покрывало. Передъ нами появляется тоже бронзовая ваза, черная, покрытая какой-то темной краской, четырехъ-угольная, съ разными драконами и вся увѣшанная бронзовыми же кольцами, по 25 штукъ на каждой сторонѣ.

— Хау! хау! ¹⁾ — какъ нарочно опять восклицаетъ Александръ, въ величайшей моей досадѣ, и всплескиваетъ руками отъ удовольствія. Гусевъ смотритъ на меня испытующимъ взоромъ. Но всему видно, что онъ сейчасъ готовъ дать ту цѣну, которую хозяинъ уже вѣрно сообщилъ ему. Ваза эта прямо-таки подкупала меня.

— Шибко, шибко стара-я! — продолжалъ визжать Александръ, опробидываетъ ее кверху двомъ и тычетъ пальцемъ въ дно.

— Ну, что же она стоитъ? спроси его! — говорю переводчику.

— Онъ проситъ шестьдесятъ ланъ, — это шестьдесятъ-пять рублей! — отвѣчаетъ тотъ. Александръ, находясь у интенданта, наострилса переводить китайскій счетъ на русскій.

Начинаемъ торговаться. За пятьдесятъ рублей я купилъ эту вазу, да еще за курильницу далъ двадцать-пять, а всего въ тотъ день купилъ на девяносто-шесть рублей. Гусевъ много восторгался моими покупками и просилъ старьевщиковъ приносить и ему. Онъ стоялъ со своей батареей далеко за городомъ, и потому тѣ затруднялись ходить туда.

XXIV. — Сестра милосердія. — Пожаръ. — Переводчикъ Василій.

Вечеръ. Желѣзная печка въ моей комнатѣ сильно раскалилась. Жара сдѣлалась нестерпимая. Выхожу прогуляться по двору и подышать свѣжимъ воздухомъ. Солнце закатилось, и послѣдніе отблески его начинали гаснуть. Какъ бы взаимно имъ, на безоблачномъ небѣ одна за другой загораются звѣзды. Морозъ сильный. У караульнаго дома собралась большая толпа китайскихъ солдатъ. Кто съ ружьемъ, кто съ нашкою. Это ночной караулъ. Онъ каждый день приходитъ сюда для провѣрки и для расчета, кому гдѣ стоять, — у какихъ воротъ. Въ Гиринѣ всѣхъ воротъ восемь. Часовыхъ разсчитали, и они уходятъ.

На дворѣ тишина. Изрѣдка потрескиваютъ отъ мороза дощатые перегородки, раздѣляющія дворъ на чистый и грязный. Лошади на коновязяхъ отъ времени до времени фыркаютъ и стучать ногами о промерзлую землю. Шерсть на нихъ сдѣлалась длинная, оттопырилась и побѣлѣла. Здѣсь зима замѣчательно постоянная. Какъ наступили съ конца октября морозы, такъ вотъ третій мѣсяцъ нѣтъ ни одной оттепели. Китайцевъ не видно. Ночью они не показываются.

¹⁾ Хау — значить по-китайски: хорошъ.

Въ самомъ дальнемъ окнѣ, вижу, сидятъ за столомъ знакомая мнѣ молоденькая брюнетка, сестра милосердія, а напротивъ ея—молодцоватый, рослый офицеръ. Огонь отъ лампы блѣдноватымъ свѣтомъ слабо оваряетъ ихъ лица. Сестра что-то убѣдительно рассказываетъ своему кавалеру. Тотъ задумчиво смотритъ на нее. Кудреватые черные волосы слегка свѣсились ему на глаза. Вотъ онъ что-то возбужденно отвѣчаетъ ей. На его мужественномъ, красивомъ лицѣ выражается рѣшимость. Вдругъ оба они встаютъ. Офицеръ одѣваетъ пальто, пашку, перепоясывается ремнемъ при револьверѣ, одѣваетъ на голову высокую мохнатую черную папаху, и они выходятъ изъ фанзы. Я здороваюсь съ ними, и въ то же время люблюсь на этого офицера. Что за молодчина! Длинные сапоги и высокая папаха дѣлали его, и безъ того высокаго, еще выше. Они садятся въ маленькую таратаечку въ одну лошадь, и уѣзжаютъ себѣ куда-то, одни, ночью, безъ всякаго конвоя. Да имъ онъ и не нуженъ. Офицера этого я знаю. Онъ не только, что черезъ Гиринь не побойтся ночью проѣхать, но и черезъ всю Манчжурію. Сестру милосердія тоже знаю. Она—очень хорошая, добрая. Она пріѣхала за этимъ офицеромъ, звать его осмотрѣть раненнаго пашкой китайца и разслѣдовать, кто виновенъ.

Однажды, послѣ сытнаго обѣда, сидитъ у меня недавно пріѣхавшій изъ Харбина военный слѣдователь. Для него, напротивъ комендантскаго управленія, на томъ же дворѣ отдѣливалась фанза. Она уже совершенно готова и только протапливается и просушивается. Я заходилъ въ нее сегодня и видѣлъ. Вдоль ея стѣнъ были разложены тюки, ящики и чемоданы съ вещами нашего консула Люба. Тотъ ихъ только-что прислалъ изъ Харбина съ своимъ казачьимъ конвоемъ впередъ. Самъ же долженъ былъ пріѣхать черезъ недѣлю. Конвой временно расположенъ въ караульномъ домѣ. Мы сидимъ, разговариваемъ. Стало темно. Вдругъ, слышимъ, на дворѣ поднимается тревога. Раздается гомоль коменданта: — Воды! воды!—затѣмъ кричатъ: — Пожаръ! горимъ!—выскакиваемъ на дворъ, и—о, ужась!—фанза, предназначенная слѣдователю, была вся въ огнѣ. Солдаты, казаки бросаются тушить. Изъ пламени раздаются учащенные взрывы патроновъ. Оказывается, что казаки конвоя Люба, вмѣстѣ съ его вещами, сложили и свои сумки съ патронами. Прошло довольно много времени, пока онѣ прогорѣли и возможно было приступить къ тушенію огня. По городу раздаются тревожные свистки. Народъ тысячами бѣжитъ къ нашей импани. Позади

горѣвшей фанзы была, какъ уже я говорилъ, мастерская гробовъ. Цѣлые штабеля досокъ и разнаго горючаго матеріала разомъ запылали. Громадный огненный столбъ дыму потянулся по небу. Китайцы стоятъ себѣ, смотрятъ и, какъ говорятся, палець о палець не ударятъ. Воды вѣсто не несетъ. Тутъ нашъ комендантъ и полиціймейстеръ отличились. Точно сейчасъ вижу, какъ они безъ шапокъ бросаются чуть не въ самый огонь, распоряжаются и одушевляють примѣромъ и нашихъ солдатъ, и китайцевъ. Комендантское управление удалось отстоять.

Утромъ я еще лежалъ въ постели, какъ вдругъ входитъ знакомый мнѣ сосѣдь-китаецъ, столяръ, владѣлецъ гробового склада. Я едва его узналъ. Всегда веселый, краснощекій, разговорчивый, онъ блѣденъ, какъ полотно, страшно похудѣлъ и, казалось, постарѣлъ лѣтъ на двадцать. Не говоря ни слова, онъ бросается мнѣ въ ноги и бьетъ лбомъ объ полъ. Посылаю за переводчикомъ. Тотъ приходитъ.

— Что ему надо?—спрашиваю я.

— Онъ просить, баринъ, чтобы вы воспретили солдатамъ и казакамъ рыться на его пожарищѣ. Тамъ у него зарыты деньги; такъ вотъ онъ и просить, чтобы не трогали.

— Ну, а на сколько у него сгорѣло?—спроси его.

Переводчикъ разговариваетъ и потомъ отвѣчаетъ:

— У него было заготовлено матеріалу и разныхъ принадлежностей на восемьсотъ гробовъ. Каждый гробъ средней цѣной стоилъ сто рублей. А теперь у него все сгорѣло.

Я посылаю его къ коменданту при записочкѣ. Распоряженіе было немедленно же сдѣлано. Вокругъ горѣвшей фанзы были большіе запасы дровъ, соломы и разныхъ другихъ складовъ. И ежели пожаръ не распространился дальше по городу, то я отношу это исключительно къ черепичнымъ крышамъ, которыми въ Манчжуріи кроютъ всѣ постройки.

Разъ какъ-то подаетъ мнѣ комендантъ бумагу и говоритъ:

— Каковъ Васья-то переводчикъ, — не нашъ комендантскій, которому зубы вышибли, а этотъ, маленькій, что съ 13-мъ полкомъ изъ Ингуты пришелъ. Вотъ артистъ, что выдѣлывалъ! Онъ у меня въ арестантской сидитъ!

Читаю, — офицеръ съ этапа пишетъ, что переводчикъ при баталіонѣ 13-го полка, во время его слѣдованія, на остановахъ и ночлегахъ, требовалъ отъ жителей, именемъ командира баталіона, денегъ, шампанскаго, скотины и пр. бесплатно. Въ

противномъ же случаѣ грозилъ жителямъ сжечь деревню, а ихъ самихъ перестрѣлять.

— Ну, что же вы сдѣлаете съ нимъ?—спрашиваю коменданта.

— А вотъ пойдемъ, я прикажу обыскать его.—Входимъ въ арестантскую. Въ низенькой, темной фанзѣ сидѣлъ на канѣ, покрытой соломой, маленькій, тщедушный молоденькій китаецъ, въ богатомъ полковомъ халатѣ. Волосы черные, лицо худое, глаза маленькіе, узенькіе.

— За что вы меня арестовали?—спрашиваетъ переводчикъ обидчивымъ тономъ.

— А вотъ узнаешь!—сумрачно отвѣчаетъ комендантъ.—Эй, унтеръ-офицеръ, осмотри-ка его карманы!—Китайца ошариваютъ и находятъ у него 380 рублей кредитными билетами. Кладутъ ихъ въ конвертъ и приобщаютъ къ дѣлу. Въ тотъ же день его отправляютъ при бумагѣ къ дзянь-дзюню, причемъ прилагаютъ и переводъ съ письма этапнаго офицера. Дзянь-дзюня просятъ наказать виновнаго. Проходитъ послѣ того недѣли двѣ. Я и забылъ объ этомъ переводчикѣ. Сижу какъ-то въ столовой и завтракаю. Вдругъ входитъ мой Михаилъ Данилычъ и взволнованно говорить:

— Сейчасъ въ городѣ Ваську видѣлъ, переводчика. На цѣпи водятъ. Просто ужасъ, какъ измѣнился! Тощій, худой, весь черный сдѣлался! Что они съ нимъ творили,—Богъ знаетъ! Я велѣлъ его освободить и сюда привести.

— Да онъ какъ же,—подъ карауломъ шелъ?

— Да! Китайскіе солдаты водили, и нашихъ два. Ну, я и велѣлъ своимъ вести его сюда.—Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ вбѣгаетъ переводчикъ Александръ и, запыхавшись, докладываетъ, что русскіе солдаты, подъ начальствомъ какаго-то офицера, отбили отъ китайскаго караула арестанта и увели. Оказывается, конвой не зналъ въ лицо коменданта, и когда тотъ велѣлъ своимъ солдатамъ вести Василія въ комендантское управление, такъ китайскіе солдаты побѣжали доложить объ этомъ дзянь-дзюню. Тотъ послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Вотъ и вышелъ переполохъ... Вскорѣ приводятъ въ арестантскую и несчастнаго Василія. За нимъ слѣдомъ приходитъ китайскій чиновникъ, толстый, лицо гладко выбрито; въ синемъ халатѣ и черной курмѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій мы усаживаемъ его и подчуемъ чаемъ. Затѣмъ Боклевскій велитъ привести арестованнаго. Тотъ является. На шеѣ у него висѣла толстая цѣпь.

Ноги скованы кандалами. Самъ арестованный такъ похудѣлъ и почернѣлъ, что его трудно узнать.

— Вы посмотрите на его руки!—говорить мнѣ Боклевскій. Тотъ показываетъ ихъ. Ладони были черны какъ уголь и представляли сплошную рану, изъ которой торчали кости и хрящи.

— Это его били бамбуковыми палками! — объясняетъ Михаилъ Данилычъ.

— Александръ, скажи вотъ этому чиновнику, не можетъ ли онъ отпустить на свободу Василю. Довольно ужъ онъ настрадался!—говорить комендантъ. Александръ переводитъ. Василій, слыша разговоръ, заливается слезами и бросается на колѣни передъ чиновникомъ.

— Онъ, господинъ комендантъ, не можетъ освободить. Его дзянь-дзюнь посадилъ! — докладываетъ переводчикъ. — Тогда Боклевскій пишетъ бумагу дзянь-дзюню, объясняя, что виновный достаточно страдалъ, вполне искупилъ свою вину, и что нельзя ли его освободить.—Виѣсть съ этимъ письмомъ отправляютъ и арестованнаго. Смотрю вслѣдъ: на мѣсто прежняго богатаго халата, на немъ надѣта какая-то черная хламида. Василю ведутъ китайскіе солдаты за шейную цѣпь, точь-въ-точь какъ цѣпную собаку. Онъ съ трудомъ передвигалъ ногами.

На другой день, утромъ, ко мнѣ вбѣгаетъ Александръ и своимъ тонкимъ, бабьимъ голосомъ таинственно шепчетъ на ухо:

— Сегодня, рано, рано,—Василію „голева долой“!

— Какъ такъ? почему?—смущенно спрашиваю его.

— Дзянь-дзюнь велѣлъ!—и Александръ пожимаетъ плечами. Такъ наше ходатайство и осталось ни при чемъ.

И вотъ въ этой-то строгости китайскихъ законовъ, по моему мнѣнію, и заключается весь корень, почему въ Китаѣ такая масса хунхузовъ. Ежели бы удалось Василю бѣжать, онъ сталъ бы хунхузомъ. Нагрубилъ сынъ отцу—хунхузъ! Обокрадетъ приказчикъ хозяина, онъ бѣжить и становится хунхузомъ!—Однимъ словомъ, сравнительно за самое малое преступленіе, за которое у насъ подвергаются много-много аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяць, тамъ—„голева долой“!

XXV.—Выступленіе барона Каульбарса въ экспедицію.

13-ое ноября. Утро. Солнце слабо пробивается сквозь двойное бумажное окно. Въ фанзѣ—собачій холодъ. Желѣзная печка давно остыла.

— Эй! Иванъ!

— Чего изволите?

— Что на дворѣ,—холодно?

— Страсть, стужа какая!

— Давай одѣваться. Дѣлать нечего,—думаю. Все равно, надо ѣхать. Сегодня командиръ корпуса, баронъ Каульбарсъ, выступаетъ съ отрядомъ въ экспедицію, уничтожать шайки хунхузозъ и скопища неповорныхъ китайскихъ войскъ. Кромѣ Каульбарса, участвуютъ еще два генерала, Рененкампфъ и Фогъ. Сборный пунктъ за „Восьмими Воротами“,—верста пять будетъ. Главная улица въ Гиринѣ вымощена деревомъ,—снѣгу мало и лошадь страшно скользять. Проезжаю городъ. Вблизи дороги, обсаженной высокими деревьями,—на равнинѣ виднѣются наши войска. Громадными пятнами темнѣли они на снѣжномъ покровѣ. Подѣзжаю ближе и останавливаюсь. Солдаты одѣты тепло, въ полшубкахъ. Мохнатая папаха хорошо прикрываютъ уши. Жаль, валенокъ нѣтъ. Положимъ, я знаю, что сапоги у всѣхъ крѣпкіе, но это все не валенки. Въ сапогъ много тепла не навернешь. Солдаты смотрятъ молодцами, офицеры—тоже. Большинство изъ нихъ мнѣ знакомо. Всѣ они постоятъ за себя. Да и начальство ликое. Вонъ тотъ полковникъ, въ новенькой кавказской папахѣ, хотя ростомъ и малъ, а куда шустрый! Онъ недавно прибылъ изъ Россіи, въ дѣлахъ еще не участвовалъ, а потому такъ и рвется получить награду. Подѣзжаю къ нему.

— Ну, давай Богъ счастья!—говорю.

Полковникъ ласково здоровается, улыбается, благодаритъ и снимаетъ съ усовъ намерзнувшія сосульки.

Въ воздухѣ стоитъ мгла. Солнце, точно въ дыму, тускло пробивается красно-багровымъ пятномъ.

— Слѣзай!—слышится чья-то отдаленная команда. Верховые слѣзаютъ, собираются въ кучки, разговариваютъ, закуриваютъ. Лошади фыркаютъ, отряхиваются. Командиръ корпуса уже уѣхалъ впередъ здороваться съ авангардомъ. На встрѣчу мнѣ ѣдетъ высокій смуглый генералъ. Борода его и усы представляютъ сплошной обмерзнувшій комъ. Генералъ походитъ лицомъ на кавказца, хотя и носитъ нѣмецкую фамилію. Онъ только-что разнесъ одного командира за плохіе сапоги у нижнихъ чиновъ, а потому сумраченъ. Въ глазахъ его читаю заботу: „все ли-де у меня въ порядкѣ? Не забылъ ли я чего?“

Ѣду утѣшать командира. Высокій, усатый, хмурый, стоитъ тотъ среди офицеровъ и жалуется на что-то. Здороваюсь съ нимъ.

— Ну вот! Извольте! Смотрите! Ужь это ли не сапоги? Какихъ еще надо? У каждаго за спиной еще „улы“ имѣются, на всякій случай. А ему все неладно. Приѣхалъ, накричалъ!—обиженнымъ тономъ рассказываетъ начальникъ части. Лицо его, чуть не до самыхъ ушей, обмотано башлыкомъ. А вонъ ѣдетъ и мой пріятель, высокій, стройный, но уже посѣдѣлый полковникъ, на высокой рыжей лошади. Передъ нимъ—широкая банава. Онъ молодецки пересказываетъ ее и направляется ко мнѣ. Мы дружески обнимаемся и цѣлуемся.

— Ну всего, всего хорошаго!—говорю ему.

— Да! да! хорошо бы имѣть успѣхъ! Вѣдь вотъ которую кампанію дѣлаю. Гдѣ, гдѣ я только не побывалъ! И въ Турціи, и на Кавказѣ, и въ Туркестанѣ!—обидчиво восклицаетъ мой другъ.—Онъ спитъ и видитъ „Георгія“. Еще недавно встрѣтившись, какъ-то говорить мнѣ:

— Скажите, пожалуйста! научите вы меня! что бы мнѣ сдѣлать, чтобы получить „Георгія“? Я на все готовъ!

Смотрю теперь на него и люблюсь. Какой онъ видный, красивый! Сѣдые усы закручены, носъ прямой, лицо румяное. Папахъ чуть заломлена на затылокъ. А вѣдь ему, я знаю,—подъ шестьдесятъ лѣтъ.

Въ это время легкой иноходью на своей маленькой гнѣдой лошади подѣвзжаетъ Айгустовъ. Я и на него люблюсь. Мнѣ въ тепломъ пальто холодно,—зубъ на зубъ не попадаетъ. А онъ въ холодномъ—и хоть бы что! Папахъ на немъ маленькая, уши голыя. А вѣдь на головѣ-то у него волосъ немного,—что на ладони.—Удивительно, какой еще бодрый—мой Николай Алексѣичъ!

— Баронъ! баронъ ѣдетъ!—слышится среди офицеровъ. Командиръ корпуса очень походить на моего пріятеля, стараго полковника,—такой же высокій, видный. Блондинъ; черты лица правильныя. Не знаю почему—онъ напоминалъ мнѣ англійскаго военачальника Робертса, хотя я того и въ глаза не видалъ. Я и ему желаю счастливаго успѣха заслужить „Георгія“.

Войска приходятъ въ движеніе. Колеса орудій гулко стучатъ о промерзлую землю. Трогаются повозки, одноколки, лазаретныя фургоны. Солдаты встряхиваютъ на спинахъ сумки и узлы. По-правляютъ тесмы на груди. Вонъ одинъ, топчетъ что-то ногой, шевелитъ ею, затѣмъ, съ отчаяніемъ на лицѣ, бросается прямо на снѣгъ и торопливо перебувается. Сапогъ жметъ ему. Онъ боится натереть ногу.

Части выстраиваются, штыки выравниваются и длинной во-

лонной, рота за ротой, неслышно ступая по пашнѣ, запырен-
ной снѣгомъ, слѣдуютъ одна за другой.

Я далеко провожаю отрядъ.

„Холодно будетъ идти имъ“, думается мнѣ. Морозы здѣсь, говорятъ, бывають въ это время жестокиѣ. Вѣдь и сейчасъ около двадцати градусовъ. А будетъ ли изъ всего этого какой успѣхъ? Сколько страданій перенесутъ люди! Сколько трудностей и лишений! Врядъ ли они найдутъ врага. Шайки хунзуовъ и бродячихъ войскъ не стануть сражаться съ такими силами. Врасплохъ же хунзуовъ не поймать. Вѣдь, поди, уже и теперѣ извѣстие, что наши войска выступили въ походъ, по всей Манчжуріи разнеслось. У китайцевъ отличныя соглядатаи. Вѣсти разносятся какъ вѣтеръ, въ особенности такія важныя. Только бы наши не трогали мирныхъ жителей. Во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ имъ больше всего достается, — даже и безъ всякихъ дурныхъ намѣреній съ нашей стороны.

Остановится, положимъ, такой отрядъ въ деревнѣ на отдыхъ. Первое, что начинается, это разыскиваніе дровъ. Вѣдь каждое погѣно, хотя бы и желалъ, — купить нельзя. Гдѣ найдешь хозина? И вотъ тащатъ солдаты, — кто доску, кто жердь изъ забора, кто корыто, а кто и скамейку, или дверь какую. Ну и пошла работа. И сколько ни слѣди, сколько ни кричи начальникъ на своихъ молодцовъ, — а послѣ ухода отряда не много заборовъ и изгородей останутся нетронутыми. А кое-гдѣ — и дверей, и косяковъ не досчитаются.

Догоняю Айгустова.

— Ваше превосходительство! поѣдемте домой, пора завтракать. Боклевскій давно, поди, дожидаетъ насъ! — кричу ему.

— Пожалуй, поѣдемъ! — Генералъ мой, кажется, тоже озябъ. Рѣсницы заиндевели, борода и усы совсѣмъ бѣлые стали. Передаемъ лошадей казакамъ, пересаживаемся въ экипажъ и рысью направляемся въ комендантское управленіе. Я уже заранѣе предвкушаю удовольствіе погрѣться у желѣзной печки, позавтракать и напиться горячаго чаю.

„А каково-то бѣднымъ солдатамъ тащиться по этому морозу!“ — думаю про себя.

Вотъ что рассказываетъ въ своихъ запискахъ объ этой въ высшей степени тяжелой экспедиціи одинъ изъ участниковъ ея, поручикъ артиллеріи Щеголевъ.

XXVI.—Воспоминанія о хойфацзянской экспедиціи С. Н. Щеголева.

„13-го ноября, подъ общимъ начальствомъ командира 2-го сибирскаго армейскаго корпуса, генерала Каульбарса, была направлена изъ Гирина экспедиція, двумя колоннами: первая, подъ начальствомъ генерала Рененкампа, въ составѣ 2 бат., 3-хъ эскадр., 3-хъ сотенъ и десяти легкихъ орудій, собралась у г. Шуаньяна на мукденской дорогѣ и 14-го ноября должна была выступить черезъ г. Яньтушань на г. Мопаньшань; вторая колонна, подъ начальствомъ генерала Фока, въ составѣ 7-ми ротъ, 4-хъ сотенъ, 4-хъ легкихъ, 4-хъ пѣшихъ-горныхъ и 2-хъ конно-горныхъ орудій, выступила изъ Гирина 13-го ноября по дорогѣ на г. Яньтушань, гдѣ обѣ колонны и соединились 15-го ноября. Отсюда до Мопаньшаня оставалось верстъ сорокъ-пять. По свѣдѣніямъ противникъ отступилъ отъ Мопаньшаня къ г. Гуаньгай, находящемуся при впаденіи рѣки Тумынь въ Сунгари.

„16-го ноября соединенный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Каульбарса, выступилъ изъ Яньтушаня на Мопаньшань, выдѣливъ въ авангардъ три сотни, конную охотничью команду, взводъ 2-й каз. заб. бат. и конно-горный арт. взводъ. Авангардомъ командовалъ генералъ Рененкампа. Этотъ усиленный сорока-пяти-верстный переходъ, затрудняемый къ тому же частыми рѣчками, плохо еще промерзшими, съ проламывающимся подъ тяжестью артиллеріи льдомъ, лихо былъ пройденъ перемѣнными аллюрами, съ одной лишь 1¹/₂ часовой остановкой на полпути. На мѣстѣ этой остановки главные силы остановились на ночлегъ, а авангардъ продолжалъ движеніе и въ четыре часа пополудни уже входилъ въ ворота города Мопаньшань, этого гнѣзда мятежниковъ.

„Администрація города, чувствуя свою вину еще за 17-е октября и боясь заслуженной кары, встрѣтила барона Каульбарса съ выраженіями покорности побѣдителю и заявила, что всѣ вооруженныя шайки, Ханъ-тен-гю, Ли и др., еще 14-го ноября бѣжали на югъ и юго-востокъ.

„Къ 17-му ноября въ Мопаньшанѣ сосредоточились всѣ войска экспедиціи, т.-е. 15 ротъ, 20 орудій и 10 эскадроновъ и сотенъ.

„Рѣшивъ очистить долину рѣки Тумынь отъ мятежниковъ и захватить ихъ всѣхъ въ Гуангай, баронъ Каульбарсъ двинулъ изъ Мопаньшаня, 18-го ноября, три сотни, два эскадрона, охот-

ничью конную команду и четыре орудія, подъ начальствомъ генерала Рененкампа, на г. Чао-янь-жень и оттуда правымъ берегомъ Тумыни на Гуань-гай, а остальные войска, съ ген. Фокомъ, 19-го ноября, туда же лѣвымъ берегомъ, прямо изъ Мопаньшани.

„Въ ночь съ 17-го на 18-е ноября выпалъ глубокий снѣгъ, засыпавъ и безъ того едва замѣтныя дороги. Генераль Рененкампъ выступилъ изъ Мопаньшаня двумя колоннами: лѣвую, подъ начальствомъ командира амурскаго казачьяго полка, полковника Печонкина, въ составѣ одной сотни, двухъ эскадроновъ, охотничьей конной команды и забайкальскаго артиллерійскаго взвода, направилъ по дорогѣ на г. Чао-янь-жень, съ цѣлью захватить дорогу на Гуань-га и не дать находящемуся въ Чао-янь-женѣ, по слухамъ, противнику уйти на соединеніе съ своими войсками въ Гуань-гай. Самъ генераль повелъ двѣ сотни нерчинцевъ, конную охотничью команду и конно-горный артиллерійскій взводъ напрямикъ черезъ горы туда же, на Чао-янь-жень.

„Глубокий снѣгъ, частыя рѣчки, крутые подъемы и спуски, движеніе по промерзшей пахоти—дѣлали этотъ переходъ крайне тяжелымъ, особенно для артиллеріи. Но какъ люди, такъ и лошади, казалось, рвались скорѣе схватиться съ противникомъ и легко выносили орудія и всадниковъ на самыя крутые подъемы. Несмотря на разспросы встрѣчныхъ жителей, не удалось достоверно узнать, найдемъ ли мы въ Чао-янь-женѣ мятежниковъ и сколько ихъ. Какъ я говорилъ выше, бѣдныя не рѣшаются указывать на ихъ слѣды, изъ боязни впоследствии ихъ мести.

„Наконецъ наши разъѣзды донесли, что видѣнъ городъ и огромныя толпы китайцевъ. Въ это время мы какъ разъ взобрались на вершину довольно крутой горы. Не могу удержаться, чтобы не высказать своихъ впечатлѣній въ эту минуту, радостную, вѣроятно, для всѣхъ въ отрядѣ, а для меня и моихъ людей въ особенности, если принять во вниманіе, что съ самаго начала кампаніи намъ еще не удалось ни разу быть „въ дѣлѣ“.

„Когда мы были уже наверху горы, вдругъ, вижу, скачетъ ко мнѣ казакъ-ординарецъ. Смотрю, физіономія улыбающаяся...

„Ну, думаю, наконецъ-то“!

— „Ваше благородіе, генераль приказали артиллеріи на позицію впередъ!—проговорилъ онъ впопыхахъ, указывая рукой направленіе, куда было приказано ѣхать.

„Я пошелъ полной рысью по указанному направленію; орудія и зарядные ящики то-и-дѣло подскакивали по мерзлой пахоти. Гляжу, генераль уже слѣзъ съ коня и что-то въ бинокль смо-

тричь впередь. Когда я съ нимъ поровнялся, то вдругъ увидалъ себя на краю горы, у подошвы которой расположился довольно большой городокъ, обнесенный валомъ и съ импанью (родъ китайской крѣпости).

„Изъ города дефилировали толпы мятежниковъ двумя колоннами: на востокъ и на югъ.

„Генераль мнѣ сказалъ:

— „Снимите съ передковъ, но до приказанія не открывайте огня.

„Выславъ въ цѣль охотничью команду, а первую сотню нерчинцевъ вправо въ обходъ города, генераль наблюдалъ за городомъ, и когда вдругъ изъ импани открыли по насъ огонь, мнѣ было приказано стрѣлять по ней.

„Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ изъ орудій гранатой, а потомъ шрапнелью, импань прекратила огонь; повидимому, гарнизонъ ушелъ. Въ это время первая сотня обошла городъ и лавою ударила на толпу китайцевъ, заставивъ ее повернуть на востокъ, т.-е. прямо на колонну полковника Печонкина. Въ то же самое время слышались орудійные выстрѣлы оттуда. Тогда мятежники, пользуясь складками мѣстности и овражками, скрытно повернули опять на югъ. Замѣтивъ этотъ ихъ маневръ, генераль съ оставшейся у него третьей сотней нерчинцевъ при двухъ моихъ орудіяхъ, рѣшилъ преслѣдовать противника, пока будетъ возможно.

„Спустившись тутъ же съ горы и рысью пройди черезъ городъ, мы преслѣдовали противника черезъ поля, огороды и канавы, пока не настигли опять уже верстахъ въ шести. Помню, здѣсь я крайне удивился способности китайцевъ быстро бѣгать; черезъ какіе-нибудь полчаса они уже были въ шести верстахъ отъ города. Въ 150 саженьяхъ отъ настигнутаго противника я снялся вновь съ передковъ, а третья сотня нерчинцевъ, подъ командой подъ-эсаула Грекова, стала обходить противника слѣва, тогда какъ подоспѣвшая къ тому же времени первая сотня пошла вправо. По всей линіи китайцами былъ открытъ противъ насъ огонь, не причинявшій, впрочемъ, намъ вреда, такъ какъ китайцы стрѣляютъ большею частью безъ прицѣла. Видя передъ собой столь незначительнаго противника, каковымъ представлялся нашъ маленький отрядъ, мятежники стали свертываться и начали переходить въ наступленіе, но первый же орудійный выстрѣлъ (а артиллерія, надо замѣтить, китайцы не выносятъ) заставилъ ихъ вновь развернуться, и они стали понемногу отступать, видя къ тому же, что ихъ флангамъ угрожаютъ казаки.

Но подъ натискомъ двухъ сотенъ мятежники окончательно побѣжали, преслѣдуемые лихими казаками и устилая поле своими трупами. Послѣдній моментъ боя уже происходилъ почти при лунѣ. Генераль приказалъ играть отбой. При морозѣ въ 22⁰ мы возвратились въ городъ послѣ преслѣдованія, въ восемь часовъ вечера. Такъ закончился день 18-го ноября въ отрядѣ генерала Рененкампа. Противнику все-таки удалось проскользнуть на дорогу въ Гуань-гай, по которой онъ и бѣжалъ, бросая по пути оружіе и оставляя много отсталыхъ и раненыхъ. Потери его насчитываются подъ Чао-янь-женемъ до 280 человекъ. Съ нашей стороны: ранены штабсъ-ротмистръ графъ Келлеръ, одинъ амурскій казакъ и два драгуна; лошадей ранено пять и убито пять. Въ городѣ предположено было устроить дневку, дабы дать отдыхъ людямъ и лошадямъ; особенно въ этомъ нуждались лошади, которыя съ семи часовъ утра до восьми часовъ вечера работали безъ передышки и не выходили изъ хомутовъ. Но отдыхъ былъ непродолжителенъ.

„На слѣдующій же день, т.-е. 19-го ноября, въ шесть часовъ вечера, отряду приказано было выступить дальше по дорогѣ на г. Хэй-ши-тоу. Въ этомъ направленіи бѣжалъ противникъ. При лунномъ свѣтѣ мы выступили изъ Чао-янь-жениа и, сдѣлавъ переходъ въ двадцать-пять верстъ, въ одинъ часъ ночи остановились на бивуакъ у деревни Хай-фу, откуда, въ семь часовъ утра, при морозѣ свыше 25⁰, двинулись въ Хэй-ши-тоу, до котораго оставалось тридцать верстъ.

„Здѣсь мы видѣли примѣръ, какъ развита у китайцевъ сигнализанія. Когда мы располагались бивуакомъ у Хай-фу, была послана впередъ одна сотня, занять для ночлега деревушку въ двухъ верстахъ впереди. Когда сотня подходила къ деревушкѣ, вдругъ, среди ночи, по ней стали стрѣлять изъ фанзъ. Когда казаки бросились въ атаку, то въ деревушкѣ уже никого не было; какъ оказалось впоследствии, это были лишь сигнальные выстрѣлы китайскихъ тыльных развѣздовъ, предупреждавшіе о приближеніи русскихъ.

„На Хэй-ши-тоу генераль Рененкампфъ пошелъ, по указанію проводника, кратчайшей дорогой или, вѣрнѣе, опять-таки безъ дороги, а напрямкомъ, черезъ горы и овраги.

„Но уже съ половины пути движеніе стало невозможнымъ для тяжелыхъ забайкальскихъ орудій, и взводъ этотъ пришлось отправить на соединеніе съ колонной ген. Фока. Мы же, не задерживаясь на самыхъ трудныхъ мѣстахъ, слѣшили въ Хэй-ши-тоу, гдѣ генераль Рененкампфъ рассчитывалъ настичь мятежниковъ.

Морозный и тяжелый былъ переходъ: нѣсколько разъ переходили по льду извилистую рѣку Тумынь, причемъ приходилось одолѣвать высокіе, крутые берега; при переходѣ черезъ одну гору, уже вблизи Хэй-ши-тоу, у меня сломалась ось въ одномъ зарядномъ ящикѣ. Между тѣмъ жители Хэй-ши-тоу встрѣтили насъ съ музыкой и всякими проявленіями покорности; оказалось, противникъ ушелъ въ Гуань-гай еще сегодня утромъ. Въ Хэй-ши-тоу, гдѣ съ нами соединилась опять колонна генерала Фока, мы прибыли въ три часа дня, а въ семь часовъ вечера призвано было вновь выступать на ночь въ походъ на Гуань-гай. Рѣшено было всѣ обозы отправить лѣвымъ берегомъ Тумыни вмѣстѣ съ колонной генерала Фока, а отрядъ генерала Рененкампа въ семь часовъ вечера двинулся безъ обоза и съ двумя лишь моими орудіями правымъ берегомъ рѣки. Обѣ колонны такимъ образомъ теперь двигались на Гуань-гай съ цѣлю захватить противника въ городѣ врасплохъ поутру съ двухъ сторонъ и не дать ему, наконецъ, возможности уйти еще куда-либо дальше. Опять на долю нашего отряда выпало слѣдовать безъ малѣйшей дороги, взбираться на крутыя горы, проходить черезъ кустарники, двигаться по льду рѣки, который ежеминутно трещалъ, угрожая проломиться. Особенно тяжело пришлось артиллеріи: нѣсколько разъ приходилось отпрягать, спускать орудія и зарядные ящики на рукахъ, и все это надо было дѣлать быстро, вновь запрягать и догонять идущія впереди сотни. Если принять во вниманіе, что все это происходило ночью, да еще при падающемъ снѣгѣ, то можно поэтому судить, насколько этотъ ночной переходъ былъ тяжелъ и труденъ, особенно при томъ условіи, что въ эти сутки отрядъ, лишь съ четырехъ-часовымъ отдыхомъ въ Хэй-ши-тоу, долженъ былъ совершить переходъ отъ деревни Хай-фу до Гуань-гая въ семьдесятъ верстъ. Нѣсколько разъ, гдѣ нельзя было идти по льду, мы взбирались на крутые подъемы и вновь спускались къ рѣкѣ по едва замѣтной извилистой тропинкѣ; подъемы бывали таковы, что всадники спѣшивались, а моихъ маленькыхъ горныхъ пушекъ лошади втащить не могли. Поминутно онѣ скользили и падали; приходилось людямъ дружно подхватывать и вытаскивать ихъ по одиночкѣ. Въ Хэй-ши-тоу во время отдыха не успѣли даже поѣсть горячей пищи, попили лишь чайку; поэтому во всѣмъ неудобствамъ перехода еще присоединилось и чувство голода, которое, признаюсь, изрядно-таки давало себя знать. Но впереди еще Гуань-гай, противникъ, вѣроятный бой; на отдыхъ можно рассчитывать при удачѣ не ранѣе двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня.

„Въ ночной темнотѣ на горахъ тамъ и сямъ стали появляться огоньки, гасли и вновь появлялись въ другомъ мѣстѣ, дальше по направленію къ Гуань-гаю. Очевидно, китайская сигнализация заработала. Очевидно, Гуань-гай близко. Надо спѣшить, — иначе противникъ опять уйдетъ.

„Собравшись съ послѣдними силами, отрядъ перелетѣлъ послѣднюю гору и пошелъ рысью уже по равнинѣ, берегомъ рѣки. Стало разсвѣтать. Впереди слышалось нѣсколько выстрѣловъ и вновь все затихло; это нашъ передовой отрядъ наскочилъ на партію хунхузовъ человекъ въ тридцать, изрубилъ ихъ и разсѣялъ. Наконецъ разсвѣло совсѣмъ, и мы очутились въ виду Гуань-гая на правомъ берегу рѣки Тумыни. Генералъ отправилъ казаковъ подъ командой подполковника Павлова впередъ, захватить дорогу изъ Гуань-гая на востокъ, дабы отрѣзать противнику всякую возможность къ отступленію. Въ то же время лѣвымъ берегомъ подошла колонна генерала Фока. Противникъ увидалъ себя между двухъ огней и бѣжалъ въ разныя стороны, но главная уцѣлѣвшая часть, предупрежденная заранѣе, успѣла все-таки отойти на рѣку Катунхэ, къ горному хребту Чан-бошань. Силы мятежниковъ доходили до 6.000 подъ командой замѣстителя Хантенгю, Люходзы, который и бѣжалъ на Котунхэ, гдѣ до начала безпорядковъ имѣлъ свою штабъ-квартиру, производя разбойничьи поиски въ долины Сунгари и Тумынь. Самъ Хантенгю въ это время уже былъ въ Гиричѣ съ повинной и сдавалъ оружіе.

„Сильно истомленнымъ физически, но не нравственно, войскамъ былъ данъ, наконецъ, въ Гуань-гаѣ трехдневный отдыхъ. Здѣсь я считаю нелишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ случаяхъ, характеризующихъ китайцевъ, какъ народъ вѣроломный и хитрый, которому не слѣдуетъ вполне довѣряться.

„Какъ я раньше говорилъ, у Хэй-ши-тоу у меня сломался зарядный ящикъ; пришлось оставить его въ городѣ для починки. Жители насъ встрѣчали съ музыкой и повлонами, но лишь только отрядъ ушелъ дальше, по моимъ людямъ, оставшимся при зарядномъ ящикѣ, стали стрѣлять съ другого берега рѣки; кузнецъ-китайца, во дворѣ котораго мои люди остановились и который помогалъ при починкѣ ящика, жители Хэй-ши-тоу поймали на улицѣ и стали бить беспощадно, но мои люди, къ счастью, подошли и выручили несчастнаго старика. Въ теченіе трехъ сутокъ, что они тамъ прожили, пока изъ Гуань-гая за ними не выслали взводъ казаковъ, они не ложились спать, держась все время наготовѣ, съ оружіемъ въ рукахъ.

„А вотъ и другой случай.

„Изъ Чао-янь-жень шелъ на соединеніе съ нами транспортъ съ ранеными. Въ Хэй-ши-тоу ихъ встрѣтили выстрѣлами, такъ что транспортъ, не желая подвергать больныхъ риску, принужденъ былъ вернуться обратно. Впрочемъ, всѣ эти города: Чао-янь-жень, Хэй-ши-тоу и Гуань-гай представляютъ собою настоящія разбойничьи гнѣзда; жители ихъ—всѣ хунхузы. Но какъ трудно узнать хунхуза: когда онъ спряталъ ружье, онъ обыкновенный манза; поди, разбирай, кто онъ: на лбу не написано.

„Изъ Гуань-гай русскія войска должны были возвращаться въ Гиринъ, но, для окончательнаго очищенія окрестностей Гирина отъ оставшихся еще шаекъ, ихъ направили двумя колоннами различными путями. Колоннѣ ген. Фока приказано было идти на Гиринъ долиной р. Сунгари; внизъ по теченію, а баронъ Каульбарсъ, съ колонной ген. Рененкампа, пошелъ обратно черезъ Чао-янь-жень на г. И-тун-джоу, на мукденской дорогѣ, для очищенія отъ шаекъ верховьевъ рѣки Тумынь.

„Въ началѣ декабря 1900 г. войска снова собрались въ Гиринъ, пробывъ въ экспедиціи двадцать-два дня.

„Такъ окончился этотъ славный зимній походъ при прогрессирующихъ морозахъ, доходившихъ до свыше двадцати-пяти градусовъ и при сильныхъ рѣзкихъ вѣтрахъ.

„Физически, благодаря мѣстнымъ и климатическимъ условіямъ, войска были сильно утомлены. Къ тяжелой работѣ во время движенія, къ холодамъ присоединились еще и многія лишенія; очень часто чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, когда окончились свои положенные запасы; не вездѣ можно было достать муки и приходилось довольствоваться китайскими лепешками, которыя никакъ не могли замѣнить родного хлѣба. Ну, да и то сказать, русскій солдатъ умѣетъ довольствоваться малымъ, когда надо, и вы не услышите отъ него ни жалобы, ни ропота; съѣлъ безвкусную, твердую, какъ камень, китайскую лепешку, запилъ ее чайкомъ—и доволенъ и веселъ.

„Чувствовался и недостатокъ въ обуви. Сапоги у нѣкоторыхъ за это время поизорвались; стали оборачивать ноги тряпками, чтобы предохранить отъ стужи, надѣвали улы (родъ китайской обуви); словомъ, съ внѣшней стороны многіе солдатки теряли молодцовато-франтовской видъ, но, несмотря на это, продолжали сохранять бодрый духъ и запасъ энергіи на дальнѣйшіе подвиги и перенесеніе новыхъ лишеній.

„А на ночлегъ—гдѣ-либо у нѣсколькихъ фанзъ; Всѣмъ мѣста

на фанзѣ не хватаетъ,—ну и не тужать; разложили большой костеръ, навалили соломы вокругъ, чтобы не лежать на снѣгу, и каждый только знай себѣ поворачивается къ огню то спиной, то лицомъ. А морозъ трещить. Разумѣется, какой же тутъ можетъ быть сонъ и отдыхъ? Однако, ничего, утромъ выступаетъ въ походъ бодро, преодолеваетъ всѣ препятствія и идетъ, не зная, что его ожидаетъ тамъ впереди: теплая ли фанза на днѣвѣ, или холодная могила при дорогѣ...

„Вотъ чѣмъ силенъ русской солдатъ, вотъ въ чемъ она называется, эта сила русскаго оружія“...

„Поручикъ Щеголевъ“.

XXVII.—Пріѣздъ ген. Гродекова.

— Слышали? 17-го декабря пріѣзжаетъ Гродековъ!—восклицаетъ комендантъ и машетъ мнѣ въ окно телеграммой, послѣ чего входитъ въ комнату. Лицо озабочено.

— Подумайте, сколько работы! Надо прискаты помѣщеніе: интендантскому управленію, артиллерійскому, медицинскому, тремъ генераламъ, четыремъ полковникамъ и двѣнадцати офпцерамъ!—говоритъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ. Всего десять дней осталось, а когда все это сдѣлаешь!—И онъ задумчивый уходитъ къ себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вижу его маленькую фигуру, въ мѣховомъ скруткѣ и шарфѣ, направляющуюся куда-то верхомъ на сѣрой лошади. За нимъ слѣдовалъ серьезный, широкоплечій Музеусъ. Они отправились къ дзянь-дзюню, извѣстить о пріѣздѣ генералъ-губернатора и просить объ отводѣ квартиръ.

Я на другой же день поторопился переѣхать въ импань, отведенную для командующаго войсками и его штаба.

А зима стоитъ себѣ и стоитъ все такая же морозная и безснѣжная. Выпалъ маленькій снѣгъ. Окрестности побѣлѣли, да на томъ дѣло и стало. Рѣка замерзла крѣпко. И только по ней можно было ѣхать въ саняхъ, и нигуда больше.

18-го декабря, верстахъ въ трехъ за городомъ по мукеденовской дорогѣ, генералъ Айгустовъ, я, комендантъ города, полицій-мейстеръ, консулъ Люба, директоръ русско-китайскаго банка Кемпбелъ, Домбровскій и контролеръ Мусатовъ выѣхали встрѣчать генерала Гродекова. Его ожидали въ одиннадцать часовъ утра. Но вотъ и полдень, и первый часъ, и второй,—а командующаго все нѣтъ и нѣтъ. Пристально смотримъ мы вперёдъ по снѣжной равнинѣ, усѣянной рѣдкими одиночными деревьями.

Лѣтомъ здѣсь должно быть очень красиво. Вонъ вправо отъ насъ кумирня. Слѣзаемъ съ лошадей и идемъ въ нее погрѣться. Сидимъ цѣлый часъ. Впередъ высланы махальные, въ случаѣ чего—чтобы дали знать. Далеко показалась какая-то процессія. Но это не Гродековъ. Экипажей не замѣтно. Садимся на лошадей и ѣдемъ. Процессія приближается довольно шибко. Вотъ она равняется съ нами. Это несли въ паланкинѣ мать гириискаго дзянь-дзюня, чуть не столѣтнюю старуху. Она проживала гдѣ-то далеко, версты за двѣсти, и вотъ теперь, когда возстановилось спокойствіе въ странѣ, рѣшилась пріѣхать къ сыну. Носильщики, должно быть, уже были извѣщены о пріѣздѣ русскаго дзянь-дзюня, и потому торопились, сколько возможно. За ними слѣдовала необыкновенно длинная колымага, запряженная вереницей муловъ. Человѣкъ двадцать вооруженныхъ солдатъ съ ружьями сидятъ въ колымагѣ и сумрачно смотрятъ на насъ. Всю эту процессію завершала рота китайской пѣхоты. Наконецъ показывается на горѣ длинная колонна. Впереди ѣхало нѣсколько казаковъ, за ними слѣдовалъ тарантасъ, запряженный тройкой прекрасныхъ рыжихъ лошадей. Я знаю этихъ коней. Они принадлежатъ командиру 16-го полка, полковнику Столицѣ. Въ тарантасѣ ѣхалъ Гродековъ вмѣстѣ съ помощникомъ начальника штаба, полковникомъ Орановскимъ. Затѣмъ слѣдовалъ еще тарантасъ со штабными, а за ними шла казачья сотня полковника Печонкина.

Паръ отъ лошадей такъ и стоялъ въ воздухѣ. Хотя лошади шли шагомъ и дорога была не тяжелая, но земля сильно промерзла, а потому лошадямъ трудно идти. Втягиваемся въ окрестности города. Народу собралось смотрѣть русскаго дзянь-дзюня—множество. Вотъ и казармы 16-го полка. Онѣ красиво разукрашены флагами, по случаю пріѣзда главнокомандующаго войсками. Дальше проѣхать трудно,—такая стоитъ толпа народу. Здѣсь должна состояться встрѣча китайскихъ и русскихъ властей. Тарантасъ Гродекова круто заворачиваетъ во дворъ, а за нимъ и всѣ мы. Отъ воротъ до самой фанзы стояли шпалерами представители города и разные чиновники, въ своихъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ, курмахъ, въ разноцвѣтныхъ шапкахъ съ шариками и перьями. Освѣщенные солнцемъ, они были очень красивы. Въ самомъ же концѣ, на приступкѣ лѣстницы стоялъ дзянь-дзюнь въ парадной собольей курмѣ. Здѣсь первоначально произошло-было нѣкоторое замѣшательство. Тарантасъ остановился, а нашъ генералъ сидитъ себѣ и не выходитъ. Очевидно, онъ ожидалъ, что дзянь-дзюнь подойдетъ къ нему. Тотъ тоже

стоит и дожидается Гродекова. И такъ прошло порядочно времени; положимъ, недолго, но въ такое торжественное время и минута покажется за часъ. Наконецъ Гродековъ выходитъ и направляется къ дзянь-дзюню. Начальство встрѣтилось очень дружно. Посидѣли, поговорили съ четверть часа, а затѣмъ нашъ генералъ ѣдетъ дальше. Дзянь-дзюнь его не провожаетъ. Какъ только выѣхалъ командующій изъ воротъ, такъ раздался пушечный выстрѣлъ. За нимъ другой, третій, и пошла пальба. Еще не доѣзжая до городскихъ воротъ, къ процессіи присоединяется множество уличныхъ музыкантовъ. Всѣ они идутъ впереди и, сколько хватаетъ силъ, дуютъ въ свои трубы, рожки, свистульки, бьютъ въ барабаны и колотятъ въ мѣдныя чаши и тарелки. Подъѣзжаемъ къ шестымъ городскимъ воротамъ. Онѣ тоже разукрашены флагами. Отсюда начинались шпалеры нашихъ войскъ.

— Здорово, молодцы! Здорово, братцы!—слышится ровный, спокойный голосъ Гродекова.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! Ура! Ура! Ура!—перекатываются волной радостные крики намерзнувшихъ съ утра солдатъ. Толпы народу усѣяли всѣ крыши. Долго ѣдемъ мы городомъ. Та грязь, гдѣ я три мѣсяца назадъ чуть не утонулъ, теперь замерзла и укаталась. Отъ шестыхъ воротъ до квартиры Гродекова было версты три. И войскъ хватило.

XXVIII.—Хунхузная яма.—Сѣвира палача.—Драконъ.

Съ пріѣздомъ Гродекова начались смотры и парады. Для меня же началось, можно сказать, повтореніе пройденнаго. Гродековъ замѣчательно подробно осматриваетъ войска. Вотъ онъ входитъ въ ротное помѣщеніе. Овидываетъ взоромъ потолоки, стѣны, полъ.—Сухо ли?—поднимаетъ на канѣ половикъ, циновку,—какъ тамъ? Тепло ли? Нѣтъ ли сырости?—Подходитъ къ окну, заглядываетъ. Смотритъ подъ лавки, въ ящики! Въ подвалъ, гдѣ хранится картофель, и туда заглянетъ. Однимъ словомъ — не остается угла, гдѣ бы онъ не побывалъ. И начальство уже знаетъ это, и потому вездѣ все устроено какъ слѣдуетъ, а не на показъ.

Вотъ входитъ Гродековъ на ротную кухню. Это маленькая отдѣльная фанза. Въ ней поставлена печь и вмазаны котлы. Два кашевара въ бѣлыхъ колпакахъ стоятъ вытянувшись въ струнку.

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Генералу подають тарелку щей. Пробуетъ.

— Хороши! Очень хороши!—говоритъ онъ, улыбается и смотритъ черезъ очки на солдатъ.—А ну-ка, каши дай! И каша хороша! Молодцы!—Затѣмъ подзываетъ адъютанта и шепчетъ ему на ухо:—Дайте кашеварамъ три рубля!—И такъ почти на каждой кухнѣ, въ особенности гдѣ варились щи. Супъ, какъ бы ни былъ хорошъ, не вызывалъ у генерала такого восторга. Гродековъ—страстный любитель щей и гречневой каши. У него даже и за официальными обѣдами подается гречневая каша съ молокомъ. Это у него осталось еще съ текинскаго похода. Еще тамъ, помню, старые пріятели его, полковникъ Арцышевскій и Крыжановскій, бывало, приглашали его:

— Заходите, Николай Ивановичъ, угощу васъ гречневой кашей!

— А молоко есть?—улыбаясь, спрашиваетъ онъ.

— Найдемъ и молока!

— Ну, зайду, непременно зайду!—отвѣчалъ Гродековъ, и дѣйствительно заходилъ. Онъ любилъ молоко, какъ Скобелевъ любилъ шампанское.

Помню, во время текинскаго похода, будучи комендантомъ въ Бендесенскомъ укрѣпленіи, ожидалъ я Михаила Дмитріевича изъ Красноводска. Онъ ѣхалъ съ главнымъ медицинскимъ инспекторомъ Реммертомъ. Уже поздно, а генерала моего все нѣтъ. Жду, жду. Наконецъ въ полночь пріѣзжаетъ. Луна свѣтила полнымъ блескомъ. Входитъ Скобелевъ ко мнѣ въ палату вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ. Я предлагаю ужинать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Нѣтъ, я ѣсть не хочу!—говоритъ онъ.—А нѣтъ ли у васъ шампанскаго?

— Есть, ваше превосходительство!—отвѣчаю. У меня было приготовлено, на всякій случай, двѣ бутылки. Послѣднія купилъ у маркитанта.

— Ну, давайте!

Выпили они вдвоемъ двѣ бутылки, причемъ на долю Скобелева пришлось девять-десятыхъ, и уѣхали себѣ дальше. Бутылка шампанскаго тогда стоила у маркитанта двадцать-два рубля, и то плохого качества—донскаго.—Но вернемся въ Гиринь.

Осмотрѣвши войско, Гродековъ ѣдетъ осматривать достопримѣчательности Гирина, главнымъ образомъ кумирни.

Разъ какъ-то ѣду позади его, вижу—экипажъ Гродекова направляется куда-то за городъ. Дальше, дальше—выѣзжаемъ на широкую площадь и останавливаемся. Передъ нами виднѣтся маленькая загородка, какъ бы вокругъ памятника, а въ серединѣ

точно колодезь, закрытый крышкой. „Что такое?“ — думаю. Впереди насъ ѣхалъ китайскій полицейскій. Гродековъ направляется къ люку и кричитъ полицейскому:

— Открывай! — Тотъ стоитъ въ нерѣшительности. Наконецъ отворачивается въ сторону и, очевидно, съ величайшимъ отвращеніемъ и страхомъ приподнимаетъ крышку. Всѣхъ насъ обдаетъ ужасный смрадъ. Оказывается, мы осматриваемъ такъ называемую „хунхузную яму“. Здѣсь ежегодно казнятъ отъ двухъ до трехъ тысячъ хунхузовъ. Тѣла бросаютъ въ яму. Головы или отдаютъ родственникамъ казненныхъ, или же ставятъ въ клѣтку и вѣшаютъ на деревья или заборы. Вѣшанье это производится особымъ способомъ. У меня была такая клѣтка, потому я и знаю. Въ ней, въ верхней части, продѣлана дыра. Туда просовывается коса, и вотъ за нее-то и привѣшиваютъ къ дереву. Виситъ голова до тѣхъ поръ, пока не найдется какой родственникъ и не сниметъ ее. Или же пока коса не отгниетъ и не отвалится.

Заглядываю въ яму. Боже, что тамъ такое! Яма обширная, нѣсколько саженовъ въ діаметрѣ. Глубина страшная. Тысячи труповъ лежали совершенно голые. Одежды ни на одномъ и признаковъ нѣтъ. Головы тоже нѣтъ. Шеи у всѣхъ перерублены какъ кочерыжка. Ужасъ охватываетъ меня. Слѣшу назадъ, опасаясь, какъ бы не свалиться въ эту ужасную могилу. Гродековъ смотритъ туда, отходить и только разводитъ руками. Да ничего и не оставалось больше дѣлать, какъ развести руками. И что же я тутъ слышалъ отъ переводчика! Будто бы еще недавно одинъ китайскій докторъ спускался въ эту яму, чтобы достать тѣло одного казненнаго. Непонятно, какъ онъ могъ спуститься. Уже отъ однихъ убійственныхъ газовъ онъ долженъ былъ тамъ ментально задохнуться. Можетъ быть, передъ этимъ крышка долго была открыта или морозъ былъ сильнѣе — не знаю. Туда, кажется, никакой морозъ не проникнетъ, въ такую глубину. Вокругъ ямы, на снѣгу далеко краснѣли свѣжія кровавыя пятна. Косматыя собаки жадно подлизывали ихъ. По близости валялись тростниковые лапти казненныхъ, набитые соломой. Лаптями этими даже и палачъ не интересуется, — до того они плохи.

Вернувшись съ осмотра хунхузной ямы, встрѣчаю у себя дома полиціймейстера.

— Владиміръ Александровичъ! — говорю ему. — Нельзя ли мнѣ достать сѣкуру, которой палачъ рубитъ головы хунхузовъ. Мнѣ бы интересно ее имѣть для коллекціи.

— Ладно! — отвѣчаетъ онъ со своей обычной серьезностью. — Я скажу драгоману. — Дня черезъ два или три, заѣзжаю въ комендантское управленіе и какъ разъ натываюсь на такую картину: верхомъ на сѣрой лошади вѣзжается туда во дворъ палачъ, — небольшого роста, широкоплечій, кривой на одинъ глазъ, въ красной мантии и въ такомъ же капюшонѣ на головѣ. Въ рукахъ у него была именно та сѣкира, которую я желалъ имѣть. Музеусъ былъ дома. Палачъ съ поклономъ подаетъ ему сѣкиру. Ее прислалъ дзянь-дзюнь. Сѣкира была въ ладонь ширины, вся стальная, даже и ручка. Вѣсу въ ней было восемь фунтовъ. Лезвіе сильно зазубрено, должно быть о шейные позвонки. Даю палачу серебряный рубль. Тотъ улыбается съ какимъ-то особеннымъ звѣрскимъ видомъ, хитро подмигиваетъ кривымъ глазомъ, обтираетъ лицо длиннымъ новымъ зеленымъ передникомъ, не забрызганнымъ еще кровью единоплеменниковъ, садится на лошадь и уѣзжаетъ.

Наступаетъ китайскій новый годъ. Онъ почти совпадаетъ съ нашимъ. По всему городу день и ночь слыдается хлопанье хлопушекъ и музыка. Китайцы отгоняютъ этимъ злого духа отъ своего дома. Рассказывалъ мнѣ потомъ генераль Айгустовъ, что командиръ корпуса, баронъ Каульбарсъ, обратился къ дзянь-дзюню съ просьбой, нельзя ли воспретить жителямъ хлопать по ночамъ, такъ какъ спать ему не даютъ. Дзянь-дзюнь же отвѣтилъ ему на это слѣдующее: — Неужели ваше превосходительство пожелаете, чтобы и васъ, и меня народъ проклиналъ потомъ цѣлый годъ? Вѣдь ежели у кого въ году случится какое несчастье, какъ-то: пожаръ, умереть кто, обанкротится и т. п., то все это неминуемо будетъ приписано именно тому обстоятельству, что въ новый годъ не хлопали въ хлопушки и тѣмъ не отогнали злого духа. — Такъ Каульбарсъ и отступился...

— Ваше высокоблагородіе! Вставайте! Китайцы дракона показываютъ. Очень хорошо! Командующій пошли туда, и всѣ господа тоже ушли! — кричитъ мнѣ мой Иванъ, уже поздно ночью. Быстро вскакиваю съ постели, одѣваюсь и бѣгу за ворота. Смотрю: человекъ десять китайцевъ, въ полной темнотѣ, кружились по двору, держа на плечахъ длиннаго, толстаго дракона, склееннаго изъ тонкой бѣлой прозрачной матеріи. Въ немъ внутри свѣтились огоньки. Морда и хвостъ тоже были освѣщены. То присѣдая, то выпрямляясь, китайцы очень ловко и эффектно изображали, будто драконъ летѣлъ и кружился въ воздухѣ. Весь нашъ штабъ стоитъ у воротъ и долго любитъся.

— Хоть въ какомъ-нибудь театрѣ въ Петербургѣ поставить, такъ и то съ удовольствіемъ смотрѣть будутъ! — восклицаетъ наконецъ нашъ генераль. Онъ очень доволенъ представленіемъ. Велитъ выдать антрепренеру двадцать-пять рублей, серебряные часы, и уходитъ. Мы тоже — за нимъ. Китайцы — великіе мастера на разные фокусы и представленія.

XXIX. — Возвращеніе въ Харбинъ.

7-го января, на другой день Крещенія, командующій войсками уѣзжаетъ куда-то далеко осматривать войска. А такъ какъ онъ рѣшилъ вскорѣ возвратиться въ Харбинъ, то я попросилъ разрѣшенія уѣхать туда съ первой оказіей. Морозы стояли сильныя. Такихъ въ Россіи я никогда не испытывалъ. Это вѣроятно происходило отъ того, что здѣсь нѣтъ снѣга. Несмотря на то, что на мнѣ были надѣты три теплыхъ фуфайки, теплая тулупка, толстое драповое ватное пальто съ мерлушечьимъ воротникомъ, папаха, башлыкъ, валенки, рукавицы, я все-таки сильно забнулъ дорогой. Очень непріятно намъ, русскимъ, привышимъ къ снѣжнымъ зимамъ, ѣхать въ телѣгѣ при 30° холода, по голой землѣ. Лошади скользятъ, а изъ-подъ копытъ и колесъ летитъ морозная пыль.

Три дня тащился я до Талачжоу, а дальше ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Ее за это время уже успѣли возстановить.

Черезъ недѣлю вернулся въ Харбинъ и Гродековъ. Жизнь наша пошла обычнымъ порядкомъ. Мирно, тихо. Иногда же выпадали и веселыя минутки.

Часовъ девять вечера. Въ домѣ Игнаціуса, гдѣ, какъ я уже говорилъ, расположились всѣ штабные, — большое веселье. Сегодня нашъ общій любимецъ N справляетъ свое производство въ генералы. За длиннымъ столомъ, уставленнымъ яствами и винами, сидятъ человѣкъ пятнадцать. Тутъ и начальникъ штаба, тутъ и помощникъ его, тутъ и адъютанты. Я тоже тутъ сижу и слушаю веселые разговоры. Герой праздника, худощавый, съ маленькой бородкой, немного лысый, въ пенснэ, щедрой рукой подливаетъ гостямъ шампанское. Всѣ веселы, всѣ довольны. Новый генераль — въ особенности. Счастливая улыбка не сходитъ съ его добродушнаго одутловатаго лица. Онъ искоса посматриваетъ то на свои погоны, то на красныя лампасы и любовно гладитъ ихъ рукой. Гродековъ только-что сообщилъ ему эту но-

вость и подарилъ погонны. Надаровъ преподнесъ рейтузы съ лампасами. Мундиръ остался тотъ же, только прицѣпи погонны,— ну, вотъ генераль и готовъ.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! — такъ и сыплется на него со всѣхъ сторонъ.

— Ахъ, не перебивайте, господа! — притворно сердится онъ и морщится. Новый генераль торжественно рассказываетъ о своемъ подвигѣ, какъ онъ занималъ со своимъ отрядомъ городъ Б.

— Ну, вотъ, двѣ роты пошли вправо, — продолжаетъ онъ рассказывать хриплымъ голосомъ. — Артиллерія поднялась на гору. Только отырыли огонь...

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Вы все говорите, гдѣ ваши войска были. А гдѣ же непріятель былъ? — вотъ что неизвѣстно! — перебиваю его.

— Ахъ, какой ты непонятный! — капризно восклицаетъ „молодой“ генераль, причемъ, для пущаго изъявленія дружбы, переходитъ съ „вы“ на „ты“. — Вѣдь я уже говорилъ тебѣ, что шелъ дождикъ. Ну, китайцы всѣ въ фанзахъ сидѣли.

— Ха, ха, ха! — покатываемся всѣ мы отъ хохота.

— Хорошъ же былъ непріятель, коли испугался дождя! — баситъ кто-то. Этимъ однимъ разъясненіемъ рассказчикъ сразу свелъ на нѣтъ весь свой подвигъ.

— А слышали ли вы, господа, какъ генералу О. представлялась депутація, гдѣ-то около Хайлара? — кричитъ весельчакъ, небольшого роста, капитанъ генеральнаго штаба. Глаза его уже заранѣе искрятся отъ смѣха.

— Расскажите, расскажите! — раздаются голоса.

— Докладываютъ ему, что пришли китайцы-депутаты. „Ну ладно, пускай подождутъ!“ — отвѣчаетъ генераль. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время выходитъ изъ палатки — смотритъ, — нѣтъ никого. „Гдѣ же депутація?“ — спрашиваетъ онъ. „Ваше превосходительство, — обождать надо маленько! — виноватымъ голосомъ просятъ казаки. — Мы за водой ихъ услали!“

И веселая компанія опять расхохоталась.

Въ концѣ февраля 1901 года командующій войсками генераль Гродековъ со всѣмъ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ Харбина обратно въ Хабаровскъ, по желѣзной дорогѣ на Никольскъ-Уссурійскій. Дорогу къ тому времени только-что возстановили послѣ погрома.

Конецъ марта. Вечерѣтъ. Сижу я на набережной и любуюсь

видомъ на Амуръ. Солнце почти совсѣмъ закатилось, и только краешкомъ золотить еще скованную льдомъ рѣку. Вонъ влѣво р. Уссурй частью уже вскрылась, и темная поверхность ея рѣзко отбѣняется отъ снѣжныхъ береговъ. Дальше, подъ самыми горами, мелькаютъ въ станицѣ огоньки. До нихъ, пожалуй, версть десять будетъ. Погода чудная, вѣтра нѣтъ, дышется легко.

„А что это тамъ?“—Какъ разъ среди Амура быстро скользятъ по сверкающему льду точно какія двѣ черныя полоски. А-а-а! Знаю, знаю!—Это гольды возвращаются на собакахъ изъ города. Я видѣлъ ихъ сегодня на базарѣ. Они продавали тамъ соболей. Запряженные длинной вереницей, собаки дружно тащили легкія санки. Я никогда на нихъ не ѣздилъ. Гродековъ же рассказывалъ, что онъ однажды попробовалъ такъ прокатиться. Привели гольда съ его запряжкой. Генералъ вышелъ на рѣку, сѣлъ на санки и поѣхалъ. Сначала все шло хорошо. Гольдъ покрикиваетъ на собакъ, тѣ бѣгутъ отлично. Вдругъ на встрѣчу, точно нарочно, попадаетъ чужой песъ. Вся свора кидается за нимъ въ сторону,—едва саней не опрокинули. Поскорѣй вернулись домой.

Говорятъ, нынче Амуръ вскрыется очень рано, чуть ли не въ началѣ апрѣля. Рѣчка Плюсинка, что возлѣ Хабаровска, уже давно прошла, а она вскрывается всегда мѣсяцемъ раньше. Какъ усиленно бьется мое сердце при одной этой мысли! Такъ и хочется поскорѣе попасть домой!

Мимо меня проходитъ высокій, представительный господинъ въ черномъ драповомъ пальто, шляпа котелкомъ, знакомый мнѣ агентъ пароходнаго общества.

— Что! Все на Амуръ смотрите! Торопитесь уѣхать!—съ улыбкой восклицаетъ онъ и здоровается.

— Да какъ же не торопиться!—говорю ему.—Вѣдь я скоро годъ, какъ уѣхалъ изъ дому. Билетъ-то будетъ ли для меня?

— Будетъ, будетъ! Успокойтесь!—отвѣчаетъ онъ и уходитъ...

Только два мѣсяца спустя послѣ того я вернулся въ Петербургъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕРЕЩАГИНЪ.

Октябрь 1901 г.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРѢЧА

РАЗСКАЗЪ.

— А что, Никита Алексѣвичъ,—сказалъ ямщикъ, когда сквозъ бѣлый туманъ снѣжной крупы засвѣтились окошки большого деревенскаго дома,—не пристать ли? Вы бы поотдохнули— видишь, какая погода!

Никита Алексѣвичъ и самъ нерѣшительно подумывалъ о томъ же; они до сихъ поръ ѣхали по большой дорогѣ, и то гусемъ, а при встрѣчахъ не разъ „напруживались“, какъ говорилъ ямщикъ, давая дорогу и попадая въ сугробы, а впереди до Ракитнаго было еще верстъ двадцать и приходилось сворачивать на проселочный путь по слѣду, проложенному случайно проѣхавшими чужими санями; Богъ вѣсть, что имъ еще предстояло. Погода только еще разыгралась: не было ни большого вѣтра, ни холода, но снѣгъ сыпался такъ обильно и безустанно, что все превращалъ въ бѣлое меньше, чѣмъ въ минуту—лицо, воротникъ, высунувшуюся руку Никиты Алексѣвича, его черные усы, а главное проѣзжую дорогу, на которой были занесены даже елочки, утыканныя по обѣимъ ея сторонамъ, и высовывались однѣ ихъ темно-зеленыя верхушки.

— Вправду не пристать ли?

— Ну, пожалуй,—съ притворной лѣнью въ голосѣ сказалъ Никита Алексѣвичъ; ему показалось въ это мгновеніе, что если бы они не остановились, онъ пришелъ бы въ отчаяніе—до того привлекательно явился его воображенію горячій чай, отдыхъ въ теплой, опрятной горницѣ. Онъ хорошо зналъ богатый постоянный дворъ, около котораго лошади стали сами, отряхиваясь со

звономъ бубенцовъ и шурша заиндевѣвшими мордами о запертые ворота. Сколько разъ съ дѣтства приставалъ онъ въ щегольскихъ „верхахъ“, гдѣ у двухъ-аршиннаго темно-коричневаго образа и днемъ и ночью свѣтился огонь, гдѣ лежанки были всегда такія теплыя, а крашенные полы такіе намытые, гдѣ можно было не только прекрасно отдохнуть, но и поболтать съ словоохотливыми, умными хозяевами. Хотя, конечно, все это отнимало много времени, а у Никиты Алексѣевича было назначено дѣловое хозяйственное свиданіе въ Ракитной усадьбѣ и непремѣнно на слѣдующее утро, чтобы не опоздать на ярмарку въ Сѣнномъ.

На стукъ ямщика отворилась калитка, и въ ней показалась молодая женщина съ накинутымъ на голову платкомъ и съ фонаремъ въ рукахъ; вѣтеръ, понавъ въ отбитый кусочекъ стекла, чуть не задулъ огня. „Катеринѣ Петровнѣ!“ — сказалъ, узнавъ ее, ямщикъ: — „Впусти насъ сдѣлай милость; оборони отъ темной ночи, отъ непогоды“... Ямщикъ Иванъ былъ большой балагуръ; на каждый случай у него были прибаутки или любимыя словечки, да и собой онъ былъ молодецъ, — пожалуй, не хуже Никиты Алексѣевича; онъ ничего не боялся, если только дѣло не касалось лошадей, которыхъ онъ жалѣлъ измучить; разъ онъ преспокойно пошелъ одинъ съ палкой на волка, присѣвшаго на краю дороги, и такъ подѣйствовалъ на него своимъ безстрашіемъ, что волкъ самъ его испугался и убѣжалъ.

Пока онъ заворачивалъ въ ворота, тяжело скрипя полозьями, и вполголоса что-то говорилъ Катеринѣ, на что она изъ-подъ платка тихо смѣялась, Никита Алексѣевичъ, сбросивъ въ кибитку доху, поднялся по широкой, какъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, лѣстницѣ въ знакомые „верхи“; онъ такъ присмотрѣлся къ вѣбовымъ елямъ въ лѣсу, что въ его глазахъ все еще мерещились ихъ могучія вѣтви, пригнутыя къ землѣ подъ тяжелыми хлопьями снѣга. Широкая дверь, обитая клеенкой, гостепримно откачнулась, когда онъ потянулъ за скобку; онъ вошелъ въ страшно натопленную горницу, подумавъ, что сейчасъ же велитъ отворить трубу, но его ожидало разочарованіе — вся горница была занята, такъ что на полу не было, кажется, свободнаго аршина между высокими сѣнниками: дамскія и дѣтскія, старья и молодыя головы на подушкахъ едва были освѣщены лампадкой, горѣвшей у большого въ углу образа; лежанка вся была покрыта ворохомъ сушившихся платковъ, шалей и красной фланели; рядъ валенокъ, тоже для просушки прислоненный къ лежанкѣ, тянулся по полу.

— Вотъ тебѣ разъ! Вездѣ спать!—невольно вырвалось въ полголоса у Никиты Алексѣевича; постоявъ и держась за дверь нѣсколько мгновений, онъ вышелъ. Когда за нимъ затворилась дверь, молодая блондура дѣвушка, приподнявшись на локтѣ, съ изумленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ; дожидаясь немного, она встала и подошла къ одному изъ окошекъ, съ напряженнымъ любопытствомъ вглядываясь въ его голубоватую мглу. Снаружи все было спокойно—безмолвіе, не перестающій сыпать и крутиться снѣгъ, однообразная бѣлая даль, оглобли полузаметенныхъ снѣгомъ чыхъ-то дровень подъ окошками и запертыя ворота.

— Никита Алексѣевичъ!—сказала она съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, узнавъ его по голосу, высокому росту, когда она взглянула на него съ осторожнымъ любопытствомъ и онъ въ ту же минуту сказалъ нѣсколько словъ.

Ее звали Варварой Борисовной; она встрѣтилась съ Никитой Алексѣевичемъ года четыре тому назадъ, когда она гостила у родныхъ въ К., еще до *самостоятельнаго* своего труда, который заключался въ урокахъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій и въ частныхъ домахъ. Теперь она была невѣстой прекраснаго пожилого человѣка и согласилась на масляницу поѣхать вмѣстѣ съ кухней будущаго своего мужа въ деревню къ знакомымъ, съ тѣмъ, чтобы провести первую недѣлю великаго поста гдѣ-нибудь на богомольѣ.

Шаги внизу и стукнувшая къ хозяйкамъ дверь ее успокоили; она боялась въ эту минуту, что Никита Алексѣевичъ уйдетъ, не увидавъ ее; т.-е., она не боялась въ прямомъ или сознательномъ смыслѣ слова,—мысль, что не позже завтрашняго утра она скажетъ Никитѣ Алексѣевичу, какъ устроивается ея жизнь, наполняя ее душу очень понятнымъ молодымъ торжествомъ, если принять во вниманіе, что она была бѣдна, одна изъ шести дочерей у родителей, что во время ея знакомства съ Никитой Алексѣевичемъ они страстно нравились другъ другу, и если не сошлись, *то никакъ не по ея винѣ...* и что похожее на мечь чувство къ человѣку нѣкогда любимому не могло въ ней ни замереть, ни исчезнуть!

Варвара Борисовна была бы незамѣтна въ большой, нарядной залѣ—наружность ея, средній ростъ, круглыя плечи, были очень обыкновенны; но въ небольшомъ обществѣ, въ домашней обстановкѣ, особенно еслибы у нея было побольше самоувѣренности, а поменьше дѣвической сжатости въ разговорѣ, въ мане-

рахъ, она могла очень нравиться, и почти не подозрѣвала этого. Тѣ, кому она нравилась, вѣроятно, находили ее хорошенькой. Она была свѣжа и оживленна; очень цѣнила въ себѣ маленькія уши и руки совершенной красоты, потому что, по ея мнѣнію, больше цѣнить нечего было. Большіе рты бывають рѣдко красивы, но въ ея лицѣ ротъ съ опущенными уголками всего выразительнѣе говорилъ, что Варвара Борисовна создана для чувства и самоотверженія.

Самостоятельность труда ее не очень восхищала, хотя для него она, по совѣту тетки, уѣхала изъ родного города и, найдя уроки, первое время радовалась своей относительной независимости. Сокровеннымъ ея идеаломъ жизни было видѣть вѣсело обѣденнаго стола большихъ и маленькихъ—но непременно своихъ—дѣтей и нарѣзать имъ ломти хлѣба, подобно Гётевской Шарлоттѣ; или выкупать ихъ и, надѣвъ имъ чепчики, уложить ихъ въ кровати, а самой сѣсть около нихъ съ книгою. Эта мечта всплыла передъ ея глазами, когда она приняла предложеніе Степана Егоровича; радость освободиться отъ уроковъ, довѣриться на всю жизнь человѣку спокойному, доброму, заботливому, блистала передъ нею иллюзіями счастья. Всѣ кругомъ нея радовались тоже; у ея жениха было много друзей, потому что онъ готовъ былъ служить всякому и никому не мѣшалъ своимъ превосходствомъ. Недѣли три уже длилось около Варвары Борисовны праздничное настроеніе окружающихъ, праздничное отношеніе къ ней,—и даже въ эту бѣдную впечатлѣніями минуту, поздно вечеромъ, когда она смотрѣла на однообразную метель за окномъ, она радовалась тишинѣ и сравнительному одиночеству—всеобщее вниманіе къ ней уже ее утомляло. Она вспомнила о своемъ женихѣ, объ его немолодомъ лицѣ, довольно пріятномъ, съ прижатыми на вискахъ сѣдыми волосами, широкимъ озабоченнымъ лбомъ и вопросительно-нѣжно уставленными на нее глазами, его наивно-слащавую улыбку, осторожныя, мягкія движенія,—но связать все это въ одно представленіе она бы не могла. Когда Варвара Борисовна думала о всѣхъ отрицательныхъ и положительныхъ качествахъ души Степана Егоровича, ей начинало казаться, что она мало его знаетъ, потому что черты его души, какъ и черты лица, никакъ не склеивались вмѣстѣ. Оригинальныхъ людей вообще немного, но въ Степанѣ Егоровичѣ, несмотря на преобладаніе въ немъ всего хорошаго, не было ничего характеристичнаго, личнаго. Онъ былъ небѣденъ, хорошо подвигался по службѣ, и во всеобщемъ хорѣ, что Варварѣ Борисовнѣ особенно посчастливилось, не было ни-

чего преувеличеннаго. Любовь... но любовь, бросая на все окружающее свой плѣнительный таинственный, подобно лунному свѣтъ, такъ же непостоянна, случайна, призрачна, какъ и лунные лучи. Варвара Борисовна приучила себя такъ смотрѣть на чувство, хотя знала, что при другихъ обстоятельствахъ могла бы полюбить пылко, нѣжно и беззавѣтно; впрочемъ, она надѣялась, что современемъ полюбитъ такъ и мужа, ближе узнавъ его; и Степанъ Егоровичъ, вѣроятно, ожидалъ того же самаго, когда смотрѣлъ въ ея большіе изсиня-сѣрые глаза, на ихъ мечтательную серьезность.

Въ самой непрерывности и хаотичности метели, если смотрѣть изъ окна, сквозить каковой-то порядокъ, но отъ него становится жутко. Варвара Борисовна съ минуту—двѣ стояла неподвижно, глядя въ окно, и вотъ, на фонѣ крутящихся и устремленныхъ внезапно куда-то въ порывѣ вѣтра снѣжинокъ, она вспомнила знойный день въ К., когда она проводила тамъ свои послѣдніе дни. Она стояла на полутемной, широкой парадной лѣстницѣ; входныя двери были отворены настежь на ярко освѣщенный солнцемъ садъ черезъ дорогу; въ этой рамѣ вдругъ появилась движущаяся картина: медленно кивающая головой лошадь, за нею бочка съ водой и Трофимъ въ красной рубашкѣ; они проѣхали, и на смѣну этому видѣнію изъ глубины сада появился быстро идущій Никита Алексѣевичъ; видъ его бѣлаго кителя, сіяющаго лица, темныхъ глазъ, и весь онъ на фонѣ весело-зеленаго ясеня заставилъ содрогнуться и сердце, и умъ, и воображеніе Вареньки; она схватила въ своей рукѣ толстую бархатную тесьму, которая вмѣсто перилъ была протянута вдоль лѣстницы, и когда Никита Алексѣевичъ увидалъ ее въ знойной полутьмѣ, выраженіе ея глазъ какъ будто получило силу обратиться до глубины его души, освободить ее отъ всего наноснаго, пустого, мелкаго и показать ему его самого, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Беззавѣтно полюбить могутъ немногіе, и онъ еще не былъ способенъ на это; но все-же, когда онъ заговорилъ съ нею, въ его словахъ была властная нѣжность, которая общается и требуетъ любви—и она разбудила въ Варенькѣ способность понимать пѣніе птицъ и такъ смотрѣть на вѣтки распутившейся бѣлой сирени въ саду, точно изъ этихъ прекрасныхъ цвѣтовъ рождались прекрасныя мысли. „Если не теперь, то уже никогда!“—почувствовала она. Ей показалось, что придется, пожалуй, разложить уложенный сундукъ и остаться тамъ навсегда. Она знала, что Никита Алексѣевичъ въ дол-

гахъ, что онъ едва-едва держится въ довольно дорогомъ полку, увлекая всѣ сердца своимъ умѣньемъ танцовать поэтическій вальсъ, и что привычки его ничего не сулятъ отраднаго въ семейственной жизни: „Ну, какъ-нибудь!“ — нѣжно говорила она самой себѣ, если мысль ея мимолетно останавливалась на этомъ. (Разумѣется, она очень рассчитывала на свое благотворное \ вліяніе). — Неужели это правда, что вы завтра уѣзжаете? развѣ возможно такъ вдругъ, сплеча?... — торопливо сказалъ онъ, но въ его вопросительно-встревоженномъ лицѣ не было того волненія и той рѣшимости, которыя ей хотѣлось бы видѣть.

— Для чего же оставаться? — сказала Варвара Борисовна съ бессознательной прямою. Она тихо повторила эти слова, — о! какъ потомъ долго, какъ мучительно она казнила себя этимъ повтореніемъ, нѣжнымъ, неувереннымъ, почти жалобнымъ звукомъ голоса! Она безъ внутренняго рыданія никогда не могла вспомнить эти минуты, особенно тогда, какъ, поднявъ брови, онъ озадаченно и огорченно молчалъ нѣсколько мгновений...

— Не уѣзжайте! — наконецъ произнесъ онъ съ упрямой мольбой.

Въ глазахъ Вареньки все потемнѣло; ей казалось, что Никита Алексѣевичъ, поднявъ руки, закрылъ отъ нея навѣки свое мужественное лицо; а онъ все смотрѣлъ тѣмъ же напряженно-нерѣшительнымъ взглядомъ на смятенное и страдающее выраженіе въ ея глазахъ, не сознавая обиды въ своей нерѣшительности.

— ...Я совѣтую вамъ найти богатую невѣсту, — невѣрнымъ, срывающимся голосомъ проговорила Варенька.

— Да, — сказалъ онъ чуть не со слезами: — на любимой... обожаемой... я жениться не могу.

Его лицо очутилось очень близко отъ ея лица съ его выразительнымъ, нѣжнымъ взглядомъ; но она нашла въ себѣ силу властно и гордо отстранить его отъ себя, точно отстраняла со своего житейскаго пути навѣен, и молча ушла изъ комнаты.

Послѣ этого прошли годы, пока она привыкла не содрогаться больше при этомъ видѣніи прошлаго. Людское сердце Варенька еще недостаточно хорошо знала, но именно его одного, съ его темными, ласковыми глазами и возбужденной улыбкой, она чувствовала довольно тонко и вѣрно, и поэтому поняла, что онъ искренно страдалъ, не сознавая своего эгоизма. Такъ оно и было. Воспоминаніе о ней приливало горечи во всякую его радость; Никита Алексѣевичъ, любя жизнь, умѣлъ впитывать въ себя радость изъ всякаго повидимому ничтожнаго явленія. Чужая воля, въ видѣ дяди, который какимъ-то чудомъ пережилъ

„эманципацію“ крестьянъ на своемъ суглинѣ и удержался въ предѣлахъ почти прежнихъ, перенесла Никиту Алексѣевича въ новыя условія и интересы, заставивъ выйти изъ поля, переѣхать въ родовое имѣніе и заинтересоваться крошечнымъ конскимъ заводомъ; и старое все потускнѣло и забылось...

— Нянечка! Я проспался!—сказалъ заспанный голосъ пятилѣтняго будущаго родственника Варвары Борисовны, котораго тоже тащили въ гости.

— Спи, батюшка, спи!—недовольно отозвалась няня.

Варенька быстро легла.

— Нянечка! дай молочка!—опять сказалъ мальчишкѣ, и вслѣдъ за этимъ все затихло; только окна слегка потрясались отъ напора метели, и вѣтеръ вылъ въ трубѣ.

— Вы еще не спите?—спросилъ Никита Алексѣевичъ, отворяя дверь къ хозяйкамъ.

Для деревни одиннадцатый часъ, особенно зимою,—часъ поздній, но на постояломъ дворѣ Егора Ивановича засиживались и позже, собравъ ребятшекъ на подмогу, по пяти копѣекъ въ вечеръ, и работая роговыя издѣлія; прежде, въ старомъ домѣ, запахъ отъ размачиваемаго рога былъ всегда противенъ, и Никита Алексѣевичъ боялся останавливаться на хозяйской половинѣ; но теперь для черной обдѣлки рога была особая клѣтушка, и для работы на-чисто была отведена особая горница, такъ что у хозяевъ въ большой, уютно заставленной, нижней половинѣ было чисто. Когда Никита Алексѣевичъ вошелъ туда, молодой, статный мужикъ, Сергѣй, старшій сынъ, почти самъ хозяинъ, сидя на широкой лавкѣ, подъ образами, читалъ книгу; на столѣ горѣла дешевенькая стеклянная лампа и лежала его широкая, темная рука. Старуха-мать прядла, сидя отъ лампы въ нѣкоторомъ отдаленіи, чтобы куделя не загорѣлась; всѣ другіе спали. Сарафанъ хозяйки и ея триповый повойникъ, бревенчатыя стѣны и лубочныя на нихъ картины, и квадраты свѣтлыхъ оконъ на голубую ночь,—все это было похоже на картину, на декорацію, выражало собою какой-то несказанно глубокой и родной смыслъ и поражало спокойствіемъ и внутренней тишиною.

— Да хозяйна все нѣту, его ждемъ!—отозвалась старуха на его вопросъ, послѣ взаимныхъ привѣтствій; она повернула къ нему свое чистое, широкое, моложаво-пожилое лицо, съ запавшими тонкими губами, и встала вздуть самоваръ.

— Должонъ старишкѣ быть давно, да не увязъ либо-гдѣ...—

сказалъ Сергѣй, который, несмотря на наружную небрежность къ родителямъ, безъ позволенія отца не смѣлъ даже платокъ купить жепѣ, когда осенью отправлялся въ Питеръ съ товаромъ. Въ его смышленномъ, спокойномъ лицѣ, съ рыжеватой бородкой и свѣтлыми маленькими глазами, было обѣщаніе, что онъ не пропадетъ на своемъ вѣку, что выдерется изъ состоянія, которое ему самому казалось низкимъ, накопитъ денегъ и выведетъ дѣтей „въ люди“; только люди эти, по большей части, окажутся впоследствии ничтожными.

— Мететь ужасно,—сказалъ Никита Алексѣевичъ.—Кто это у васъ наверху?

— А это къ Тарутиннымъ господамъ, въ Грачево, генеральша питерская ѣдетъ... Поотдохните вотъ на диванѣ,—можетъ, вамъ и удобно покажется,—привѣтливо говорила хозяйка.—Занято, сердечный мой, наверху-то.

— Я только-что оттуда, изъ Грачева, — произнесъ Никита Алексѣевичъ, растянувшись на покатомъ, новомъ и скользкомъ до невозможности клеенчатомъ диванѣ;—они тамъ ждутъ какихъ-то гостей. А гдѣ Егоръ Ивановичъ?

— Да хозяинъ, вѣдаешь, на станцію за овсомъ поѣхалъ, двое подшевень взялъ; сказывали, вѣдаешь, хорошъ овесъ-то, да и по сорока-пяти копѣчекъ.

Старуха накрывала столъ подъ образами красной скатертью и перетирала зеленватый, кривой на одинъ бокъ стаканъ. Никиту Алексѣевича у нихъ любили еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ русской рубашкѣ, прибѣгалъ поиграть съ Сергѣемъ; у его родителей и здѣсь была усадьба, отъ которой не осталось слѣда.

— Недорого,—замѣтилъ онъ.

— Чтѣ за дорого! Да овесъ-то, чу, овинный вѣдь, не машинный, такъ оно и пришлось ладно.

— Чтѣ ты говоришь! Вѣдь это совсѣмъ другой разговоръ выходитъ! — сказалъ Никита Алексѣевичъ, садясь на диванѣ, точно ужъ не до отдыха было.—Да знай я,—у Путятина не покупалъ бы. Овинный—и сорокъ-пять! А не уступить ли мнѣ Иванычъ?

— Да чего не уступить, ладиль, чтѣ могъ захватить,—сказала хозяйка, хлопоча у поставца и мягко ступая по полу валенками:—буде не поскупиться, за провозъ навиннешь.

— За провозъ навиннешь!—произнесъ Никита Алексѣевичъ, а самъ невольно подумалъ:—„А вы—не обмѣрьте“.

— Такъ знаешь чтѣ,—сказалъ онъ, принимаясь пить чай,—я подожду ховина.

— И то пообожди, куда теперь ѣхать!—отозвался Сергѣй, который выходилъ съ ключомъ, чтобы отпустить лошадамъ, привезшимъ Никиту Алексѣевича, овесъ и сѣно, и теперь вернулся съ накинутымъ на одно плечо полушубкомъ и пахнулъ холоднымъ воздухомъ въ жаркую горницу.— На посѣдуху не желаете-ль? У насъ нынче посѣдуха...

— Нѣтъ...—нерѣшительно сказалъ Никита Алексѣевичъ, однако, подумавъ объ этомъ немного.— Да у васъ и хорошенькихъ нѣтъ.

— Хорошенькихъ? Зачѣмъ нашихъ дѣвушекъ дувхать?—съ добродушной ворчливостью сказала хозяйка:—молоды, здоровы—вотъ-те и хороши.

— Я нынче сталъ разборчивъ, Степановна!—сказалъ Никита Алексѣевичъ, съ трудомъ, только чтобы не обидѣть Правосью Степановну, заставивъ себя съѣсть немного пирога съ курицей, съ прокислымъ тѣстомъ, но безъ соли и масла, которыми его съ такою гордостью угощали.

Никита Алексѣевичъ только послѣ чаю почувствовалъ, какъ усталъ онъ; но заснуть сразу не могъ; онъ легъ опять на скользкій диванъ и, постукивая каблуками, точно на нихъ еще были шпоры, смотрѣлъ на запотѣвшія стекла, за которыми судорожно метался снѣгъ. Отдыхъ, особенно въ теплѣ и полутьмѣ, дѣйствовалъ на Никиту Алексѣевича всегда возбуждающимъ образомъ, рисуя ему сладкія мечты.

Разъ въ его жизни наступилъ переломъ и перемѣна условій, хотя и по волѣ дяди,—интересы инвентаря, построекъ, сѣна, стали ему такъ же близки, какъ и интересы полковые; онъ быстро привыкалъ ко всякому дѣлу, и хотя не былъ надѣленъ сильнымъ характеромъ, въ которомъ заключается своего рода творчество, но обладалъ настойчивостью, упорствомъ въ достиженіи цѣли, если она ему была совершенно ясна; но цѣль не всегда была для него ясна. Онъ не вполне былъ доволенъ своей жизнью; хотя онъ былъ о себѣ искренно скромнаго мнѣнія (несмотря на рѣшимость, съ которой бралъ за руку или заставлялъ взглянуть въ свои смѣющіеся глаза), но эта скромность не мѣшала ему желать для себя все большаго и лучшаго въ жизни. Другихъ обидѣть или обдѣлать онъ не хотѣлъ, онъ о нихъ не помнилъ, онъ просто думалъ о себѣ.

Усадьба, въ которой онъ сталъ хозяйничать, окруженная жидкимъ лѣсомъ тонкихъ сосенъ и большими, унылыми полями, была лишена легкихъ, веселыхъ радостей, которыя онъ такъ любилъ; ему скучно было безъ любви, безъ легкомысленныхъ товарищей,

безъ возможности найти богатую невѣсту, такую, которая бы ему нравилась. Трудиться, обзаводиться, соображать для того только, чтобы пріобрѣтать, какъ дядя его,—это, по его мнѣнію, было ложное понятіе о трудѣ. Онъ, впрочемъ, рѣдко пускался въ отвлеченныя разсужденія и не любилъ ихъ; его мысли всегда были похожи на ощущенія. Ему сначала хотѣлось спать; но когда Сергѣй объявилъ ему весьма важную новость, что дорога, о которой въ уѣздѣ такъ долго толковали, утверждена,—сонъ его пропалъ.

— Слышь, Нивита Алексѣевичъ, предсѣдатель вѣчоръ свазывалъ,—вѣтка пройдетъ на самое твое Веселое!

— Эхъ, кабы не совралъ!—отозвался Нивита Алексѣевичъ, неволью замѣтивъ, какъ щеголялъ Сергѣй словомъ „вѣтка“. О ней и вообще о всей дорогѣ говорили уже больше десяти лѣтъ, но все по-пусту. А хозяина все не было, пока не стало свѣтать.

Барвара Борисовна проснулась утромъ, когда Егоръ Иванычъ налегкѣ, убравъ купленный овесъ въ большой надежный сарай, стучалъ въ свои ворота. Когда она отерла глаза, въ окнахъ забрезжилось спокойное утро; ни нини, ни горничной, ѣдущихъ съ ними, уже наверху не было. За окномъ сѣроватый отгѣнокъ всѣхъ предметовъ какъ будто таялъ; все бѣлѣло; нетронутый, чистый снѣгъ мягко выступалъ на встрѣчу глазу, куда ни помотришь; небо было ясно, только наискосокъ отъ занимающейся подъ лѣсомъ блѣдно-огненной зари словно градека пушистыхъ легкыхъ облачковъ тянулась къ западу. Оглобли оставленныхъ у дома дровень и сами дровни были совершенно покрыты свѣжимъ снѣжнымъ покровомъ.

Барвара Борисовна увидала село, неровный поворотъ его и задымившіяся въ темно-сѣрыхъ избахъ трубы; у однѣхъ воротъ два мальчика съ обвязанными тряпками ушами и въ полушубкахъ съ длинными таліями ладилъ какія-то санки; изъ того же двора собирался уѣзжать мужикъ на розвальняхъ и впрягалъ лошадь. Утро готовилось такъ радостно, такъ мирно улыбнуться, что неволью ввухало мысль, въ какія именно формы должна была бы обратиться жизнь—среди природы, среди свободного, спокойнаго труда.

Пользуясь тѣмъ, что всѣ еще спали, Барвара Борисовна стала молиться передъ темнымъ образомъ, глядя на чуть замѣтный, дотлѣвающій огонекъ въ лампадкѣ; она читала привычныя молитвы, сжавъ руки и наклонивъ голову, но сознание души

жизни, которое она вдругъ почувствовала, унесло равнодушіе прежнихъ молитвъ; что можетъ быть трогательнѣе молитвы молодой, привлекательной дѣвушки на зарѣ утра, на зарѣ ея новой жизни, особенно если она всѣми силами своей души рѣшалась отнынѣ поступать и думать хорошо? „Ну вотъ,—подумала она,—теперь, если я увижу Никиту Алексѣевича, онъ узнаетъ, что пренебрегъ мною для моего же счастья—слава Богу“.

И въ то же время она увидѣла его. Никита Алексѣевичъ быстро и твердо ступая по снѣжной дорогѣ, переходилъ улицу въ сопровожденіи небольшого старика, въ длинномъ тулупѣ. Это былъ Егоръ Ивановъ. Онъ поминутно поворачивалъ голову, суетливо и быстро, напоминая этимъ курицу и подчеркивая своими неловкими хватками красивую, мужественную осанку Никиты Алексѣевича. — „Она молится!“ — прошепталъ чей-то дѣтскій голосъ, и Варвара Борисовна встала съ колѣнъ.

Мало-по-малу всѣ встали—Елизавета Петровна, будущая ея кухня, двѣ дѣвочки-подростки, младшія дѣти, гувернантка. Не прошло и получаса—столъ, сдвинутый къ окнамъ, покрытъ скатертью, а по ней—всѣми свертками съ провизіей; дѣти, умыты свѣжей водой изъ всякаго мѣднаго рукомойника, дотрогивались осторожно пальцами до пирожковъ и подорожниковъ или бросались къ окнамъ полюбоваться на чистоту улицы, особенно когда встало солнце и крыши вдругъ съ одной стороны покрылись яркими оранжевыми полосками; вымазанная известкой труба на одной изъ нихъ какъ будто запылала. Люди, которымъ помогала и старуха хозяйка, поминутно входили то съ самоваромъ, то съ водой, то уносили сѣнники; дѣти все спрашивали:—„Мама, отпустите взглянуть на лошадей?“ — „Мама, можно къ дѣтямъ поиграть?“ — Старшая дѣвочка, встряхивая волосами, переплетала ихъ и въ полголоса перекоялась съ гувернанткой (какъ съ Варварой Борисовной недавно еще перекоялись ея ученицы),—и вся эта суета какъ будто подчеркивала усталость послѣ неудобно проведенной ночи.

— Эво! эво!—проговорила вдругъ Прасковья Степановна, сама съ любопытствомъ въ лицѣ подбѣжавъ къ окошку. — „Боже, Никита Алексѣевичъ вѣроятно идетъ!“ — мелькнуло въ умѣ Варвары Борисовны:—Свадьба проѣхала,—видали-ль, дѣтки?—дочка хозяйка.

— Куда же такъ рано?—спросилъ кто-то.

— Да они за невѣстой ѣдутъ, а оттуль назадъ; еще за три версты отъ насъ въ церкву—къ обѣду только домой.

Двое развальней, ватясь какъ по льду, весело промелькнули

съ колокольчиками и заплетенными въ цвѣтныя покроеви гривами лошадей; въ нихъ сидѣли дружки въ пестрыхъ кушакахъ и, должно быть, сватья, покрытая ковровымъ платкомъ.

Варвара Борисовна воспользовалась этой минутой, чтобы сказать, что она слышала, что кто-то прїѣхалъ вечеромъ... Кто это? уѣхали уже или еще нѣтъ? Одинокое ея положеніе въ чужомъ городѣ и зависимость дѣлали ея скрытность близкой къ неискренности. Степановна сказала ей, что ночному гостю уже запрягаютъ, а его еще нѣтъ; онъ-де ушелъ въ сарай смотрѣть овесъ. — „И вамъ лошади сейчасъ готовы“, — прибавила она. Елизавета Петровна сказала на это: — „Вотъ и прекрасно!“ — и за эти слова Варварѣ Борисовнѣ показалось, что онѣ никогда не могутъ сойтись такъ душевно, какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, она и раньше такъ думала, и только по неопытности своей удивлялась этому; знай она людей больше, — она непремѣнно назвала бы Елизавету Петровну „каменистой почвой“, а между тѣмъ это была въ высшей степени прївѣтливая, даже дружественная женщина. Она была очень недурна собой, высокая, полная, изящная, всегда хорошо одѣта, всегда всѣмъ довольна и надѣлена внѣшней наблюдательностью, которая вносила занимательность и живость въ ея разговоръ. Варвара Борисовна даже осуждала себя за то, что не могла привязаться къ Елизаветѣ Петровнѣ, хотя въ то же время не могла не признать за ней извѣстныхъ достоинствъ. Но достоинства эти являлись какъ бы по заказу, по первому требованію обстоятельствъ, душу большею частью оставляя въ сторонѣ.

Съ одинаковой легкостью Елизавета Петровна казалась доброй, религіозной, сострадательной и даже умной; она нисколько не лгала; пожелавъ думать или чувствовать такъ, а не иначе, она такъ и думала и чувствовала. „Я пойду, взгляну на дѣтей, что они тамъ дѣлаютъ!“ — сказала Варенька, приписывая безсонной ночи свое глухое смятенное безпокойство; ее почти раздражали бѣлыя руки Елизаветы Петровны съ круглыми, толстыми пальцами и превосходной черной жемчужиной на одномъ изъ нихъ. „Merci, милая Варенька“, отозвалась Елизавета Петровна, съ веселой улыбкой прищуривая большіе, красивые глаза; но Варенька пошла внизъ не изъ-за дѣтей, какъ Елизавета Петровна дѣлала видъ, что думаетъ; съ ними была няня и гувернантка. Она пошла, сама не зная хорошенько, зачѣмъ. Она стояла на заскорузлой и скользкой отъ замерзшей сырости лѣстницѣ; морозъ еще сдерживалъ на ней воздухъ, но лѣтомъ онъ долженъ былъ быть очень тяжелъ и ѣдокъ; впрочемъ, снизу, съ

галерейки, которая охватывала домъ съ четырехъ сторонъ, и теперь доносился запахъ махорки. На лѣстницѣ не было никого; лошади, звонко переступая копытами по бревнамъ, насланнымъ въ воротахъ, встряхивали всѣ бубенчики; около нихъ кричали дѣтскіе голоса и уговаривалъ голосъ гувернантки. Варвара Борисовна вошла къ хозяевамъ не безъ трепета сердца—она боялась, что проглядѣла возвращеніе Никиты Алексѣевича и какъ бы идетъ ему на встрѣчу; она чувствовала, что это было бы неприлично для невѣсты такого серьезнаго человѣка, какъ Степанъ Егоровичъ.

Внизу, кромѣ дѣтей, никого не было изъ хозяевъ. Деревенскіе мальчишки обступили дѣвочекъ Елизаветы Петровны и непрерывно хохотали отъ удовольствія и отъ любопытства, когда барышни надували резиновую дорожную подушку и выпускали потомъ изъ нея воздухъ. Дверь поминутно отворялась и прибывали новые посѣтители съ взбурдаженными лицами и покраснѣвшими носами. Ихъ болтовня размѣшила и Варвару Борисовну: „Посмотри, кака подушка чудная!“—говорили въ полголоса хозяйскія дѣти вновь прибывшимъ:—„Да какъ она надувать-то?“—разсуждали они:—„неужто изо рта перья пускать?“—Но одинъ славныймышленный мальчикъ лѣтъ девяти догадался и сказалъ, ткнувъ очень темнымъ пальцемъ въ восточный узоръ подушки:—„Ты это духомъ надула.“—„Ишь платьецо-то како!“—застѣнчиво говорили дѣвочки, покусывая кончикъ головного платка и робко приподнимая воланы на барышнинныхъ платьяхъ. Но вотъ со звономъ всѣхъ колокольчиковъ въ распахнутыя ворота выѣхали три генеральскихъ тройки, и всѣхъ позвали размѣщаться.

Въ ту минуту, какъ Варвара Борисовна, съ растеряннымъ выраженіемъ въ синевато-сѣрыхъ своихъ глазахъ, направлялась въ тройкѣ, гдѣ уже сидѣла Елизавета Петровна, она неожиданно услышала гдѣ-то очень близко весело-повелительный голосъ Никиты Алексѣевича. О, знакомый звукъ голоса нѣкогда любимаго человѣка! Могучее воспоминаніе, освѣтившееся вдругъ свѣжее утро, пахнувшее мыслью о недоступномъ, о вѣчномъ счастіи людскомъ! Она быстро оборотилась, потому что Никита Алексѣевичъ шелъ за кибиткой и былъ въ трехъ саженьяхъ отъ нея. Онъ поднялъ глаза—мѣховая шапка, слегка сдвинутая на затылокъ, шла ему, какъ и военная фуражка—нѣтъ, гораздо больше!—и вдругъ блеснули его темные глаза, улыбка, зубы, блеснула радостью и изумленіемъ его душа на одно летучее мгновеніе, когда онъ увидалъ взволнованное и вопросительно-смущенное лицо Варвары Борисовны.

— Вѣдь бываютъ же встрѣчи!—воскликнулъ онъ, быстро къ ней направляясь. А она только за минуту передъ тѣмъ говорила себѣ: „А вдругъ онъ не увидитъ, не узнаетъ—ужасно!“

— Варенька! что же ты?—спросила Елизавета Петровна.

— Погодите, Лизе, пожалуйста погодите!—говорила Варенька умоляющимъ голосомъ и умоляющими глазами, точно упрашивая не обнаруживать передъ дѣтьми ея волненія и пока ее не расспрашивать.

— Что вы, Варенька? — говорила ничего не понимавшая Елизавета Петровна; ни лихорадочнаго тона Вареньки, ни ея внезапнаго одушевленія она и не замѣтила. А Никита Алексѣевичъ былъ оволо кибитки въ какихъ-нибудь двухъ шагахъ. —Гдѣ же онъ?—оборачиваясь по сторонамъ, спросила Елизавета Петровна, когда Варвара Борисовна наскоро объявила ей, что встрѣтила знакомаго. Другія тройки уже уѣхали.

— Что это значитъ? Какъ вы здѣсь?..—произнесъ Никита Алексѣевичъ,—и надо было молодую горячность Варенькиной души, чтобы, стоя за кибиткой, въ нѣсколько секундъ умѣть рассказать самое главное—что она невѣста человѣка, знакомаго даже всему здѣшнему уѣзду, хотя онъ и служить въ Петербургѣ,—и такъ рассказать, чтобы это вышло какъ бы само собою.

Ей было досадно только одно—что она не можетъ никакъ удержаться отъ возбужденнаго и радостнаго смѣха, когда наивно озадаченное и оторопѣлое нѣсколько выраженіе появилось въ его смугломъ красивомъ лицѣ; онъ задумчиво смотрѣлъ на нее. „Не можетъ, не должно этого быть!“—какъ будто говорилъ его взглядъ.

— Какъ вы измѣнились! Какъ похорошѣли!—сказалъ онъ вслухъ, довѣрчиво взявъ ее за руку, точно они не разстанутся навсегда черезъ минуту, разѣхавшись въ разныя стороны, а встрѣтились, какъ старые друзья, чтобы не разлучаться больше.

Ямщикъ, ожидая Варвару Борисовну, не садился на облучокъ, а похаживалъ вокругъ кибитки, подпираясь кнутомъ. Хозяйка вышла изъ воротъ, щурясь на красное солнце, и, по обыкновенію всѣхъ русскихъ бабъ, крѣпко прижавъ подъ грудью руки, раза два взглянула направо и налево, о чемъ-то соображая. Дѣти высовывались изъ кибитки то съ той, то съ другой стороны и ныли, что пора ѣхать. И, наконецъ, Варвара Борисовна протянула ему руку и продолжительнымъ взглядомъ, точно чтобы навѣки запомнить его черты, на него взглянула... Этотъ взглядъ потомъ тревожилъ немножко ея совѣсть, но она успокоила себя тѣмъ, что прощалась навѣки со своимъ прошлымъ, что этимъ

свиданіемъ, полнымъ ея торжества, какъ бы уничтожилась вся горечь воспоминаній... Отнынѣ уже ничто не мѣшало ей устремиться душою въ будущее. Черезъ нѣсколько мгновеній ей стало жаль, что она какъ будто огорчила Никиту Алексѣевича. Елизавета Петровна о чемъ-то раза два ее спросила, но Варвара Борисовна отвѣчала такъ разсѣяннo и смотрѣла на снѣжную дорогу такъ строго, что она уже больше ее ни о чемъ не спрашивала. Варвара Борисовна все повторяла себѣ: „Слава Богу! слава Богу“! Но червячокъ какой-то все шевелился въ ея душѣ, и снѣгъ своей яркой, однообразной, матовой бѣлизной, убѣгая подъ полозья саней, больно рѣзалъ ей глаза.

— Ахъ; чтó я за дуракъ!—говорилъ въ то же время Никита Алексѣевичъ:—не могъ раньше догадаться, что они-то и ѣхали къ Тарутинымъ! Ну, не дуракъ ли я!

Его терзала, какъ преступленіе, мысль, что на возвратномъ пути онъ отлично могъ бы заѣхать въ Грачево,—знай онъ навѣрное, что они тамъ пробудутъ хоть три дня. Онъ какъ нарочно только-что послалъ въ Ракитное сказать, что пріѣдетъ часа черезъ два или три, и чтобы его подождали ѣхать вмѣстѣ на ярмарку.

Въ нерѣшительности онъ часто давалъ обстоятельствамъ овладѣвать собою, и поэтому, когда Иванъ-ямщикъ веселымъ жестомъ и съ прибаутками пригласилъ его садиться, онъ молча пошелъ къ санямъ, сохраняя на своемъ оживленномъ лицѣ озадаченное выраженіе.

Усадьба Тарутиныхъ, заново выстроенная послѣ пожара, съ балконами и большими окнами, напоминала гораздо болѣе дачу, чѣмъ прежнюю старинную усадьбу, угнѣздившуюся въ садахъ, теплую и тѣсноватую. Новый домъ весело рисовался на горѣ, и видъ изъ него былъ прелестный—на покатыя къ Чолжѣ садь; онъ еще не былъ обшитъ тесомъ, въ немъ не обжились; ни воспоминаній, ни преданій не было въ большихъ, почти еще пустыхъ и проходныхъ комнатахъ.

Челяди, по старинному, у Тарутиныхъ было много, но горничныя ходили босикомъ и вездѣ у нихъ было неряшливо и скудно,—только не въ смыслѣ ѣды, которая, казалось, больше всего объединяла всю эту большую семью; взрослые и подростки обсуждали обѣды, заказывали свои кушанья и точно думали про себя: „мы помѣщики, какъ и въ старину; у насъ не модно, но сытно“. Варвара Борисовна не могла понять, какъ сама хозяйка, бывшая институтка, такая по виду утонченная, худенькая, том-

ная, примиряется съ такой скучной жизнью, что въ ней находят двѣ молодыя ея дочери, недурныя собой, съ тонкими таліями, принаряженныя и модно взбивающія волосы? „Вы выходите замужъ? какая счастливица!“ — сказала та, которая была помоложе, съ болѣе пріятнымъ, чѣмъ у другой лицомъ, но съ чрезвычайно узкими плечами и впалой грудью (она думала потихоньку, что Варвара Борисовна должна бы быть счастлива даже своей наружностью и стройностью). Обѣ онѣ сообщили Варенькѣ, что собираются на курсы, что здѣсь слишвомъ тошно и скучно. „Вообще, жизнь тускла вездѣ“, думала про себя Варвара Борисовна, которая въ обществѣ дѣвицъ бывала большею частью ненаходчива и неоживленна. Любочка и Лилинька затащили ее въ свою комнату и долго рассказывали ей про Никиту Алексѣевича, какой интересный гость у нихъ былъ вчера, о его веселости и любезности, о черныхъ усикахъ. Варвара Борисовна подумала, что если онъ вездѣ и всегда любезенъ и веселъ, то, можетъ быть, она ошибалась въ немъ, и онъ никогда не любилъ ее, ее одну исключительно (о томъ, что онъ называлъ ее „обожаемой“, она въ это мгновеніе забыла); случайно она увидала въ зеркалѣ свое свѣжее лицо рядомъ съ блѣднымъ изображеніемъ Любочки; недовѣрчиво и ревниво провѣрила она возможное о себѣ впечатлѣніе—густые свѣтло каштановые волосы и красивыя брови, страстно-задумчивые глаза и ротъ съ опущенными уголками, который, улыбаясь, выражалъ такую цѣлность и самоотверженіе. „Милый, дорогой Степанъ Егоровичъ!—подумала она благодарно о своемъ женихѣ:—вотъ кто оцѣнилъ, кто понялъ меня!“

Хотя молодыя хозяйки и собирались на курсы, однако никакихъ книгъ нигдѣ не было видно; одни листы ничтожной газеты валялись повсюду. Варвара Борисовна тоже читала немного, но она любила книги и чувствовала ихъ содержаніе хотя безотчетно, но довольно вѣрно. Дѣти Лизаветы Петровны и Тарутины, бѣгая по комнатамъ, взвизгивая, прячась за стульями „подъ воскъ“ и ссорясь, шумѣли невообразимо, а мамыши вели свой разговоръ, тягучій и безконечный, какъ канитель, но не такой, какъ она, блестящій и тонкій. Когда явился отецъ Тарутиныхъ, все кругомъ стало какъ будто осмысленнѣе и уютнѣе; онъ и не вносилъ большого интереса, но былъ самодоволенъ, оживленъ и добрѣ. Эта пора его жизни была для него удачна; онъ только-что пристроился земскимъ начальникомъ (это мѣсто съ давнихъ поръ было его мечтой), и поэтому старался, чѣмъ только могъ, обрадовать жену и дѣтей, несмотря на то, что, кажется, всѣхъ въ домѣ побаивался. Варенька скоро замѣтила, что онъ вообще

очень неравнодушенъ къ молодымъ женщинамъ; долго послѣ этого дня припоминался ей его громкій, отрывистый смѣхъ, вьющіеся на вискахъ сѣдые волосы, вся его широкая, небольшая фигура съ длинной таліей и надушенная одеколономъ. Она рада была, когда сѣли обѣдать, — „все-таки скорѣе кончится“, но—что, она не знала сама. Чудный зимній день еще не успѣлъ погаснуть, небо быстро голубѣло; все оно было испещрено маленькими перистыми облачками, что очень рѣдко бываетъ зимою; все въ ослабительныхъ лучахъ садилось солнце, и при этомъ бѣлизна, напряжение всей природы, чуткая тишина... прозрачный, замечтавшийся садъ. „Поскорѣй бы кончился обѣдъ, — думала Варвара Борисовна:— у нихъ здѣсь скучно, нѣтъ никакой связи между ихъ жизнью и вотъ той красотой за окномъ, — нѣтъ любви даже къ себѣ. Степанъ Егоровичъ—хорошій человекъ самъ по себѣ, вотъ почему съ нимъ все будетъ иначе... Я вдохну жизнь въ него и во все окружающее. Мнѣ, вѣрно, нездоровится или я устала“. Между тѣмъ зажгли висячую несвѣтлую лампу, и въ саду на свѣгъ упали блѣдныя тѣни. Шумъ за столомъ, суетня прислуги, самодовольный хохотъ Тарутина—это все неизъяснимо раздражало Варвару Борисовну; стучали и въ передней, которая приходилась рядомъ со столовой,—говорили, снимали теплые сапоги. Барышни вопросительно-нервно переглянулись. „Не становой ли?“ — съ гримасой сказала хозяйка. — „Батюшки! Не Панкратій ли Ивановичъ?“ — подумалъ хозяинъ, испуганно взглядывая на дверь и съ легкомысленнымъ ужасомъ ожидая требованія денегъ за распилку дровъ. Но дверь отворилась, и въ ней показалось смущенное, смуглое лицо Никиты Алексѣевича, его сверкашіе при улыбкѣ зубы. Варварѣ Борисовнѣ вдругъ показалось, что узоръ стальной вилки, на которую она перевела взглядъ, приблизился къ ея глазамъ, — вотъ, вотъ, коснется холодкомъ ея лба. „Вамъ дурно?“ — спросила тихонько Любочка, а она думала, что кричатъ откуда-то издалека... „Съ дороги!“ — долетѣлъ до нея встревоженный голосъ Елизаветы Петровны. Стало вдругъ ужасно тихо; когда она сдѣлала надъ собой усиліе и очнулась, — отвѣчать на вопросы участія, кажется, было еще труднѣе—близко отъ нея раздался густой, звучный голосъ Никиты Алексѣевича; онъ имѣлъ въ себѣ плѣнительную способность сообщать краски, жизнь, теплоту окружающему и проникать въ сердце Варвары Борисовны, какъ чудное старое вино. Они взглянули другъ на друга съ безпокойствомъ, съ сладостнымъ ужасомъ.

— Иванъ, знаешь что?—сказалъ Никита Алексѣевичъ, когда они отъѣхали отъ двора Егора Ивановича уже версть пять.

— А что?

— А то, что поѣзжай-ка, братъ, опять въ Грачево,—пожалуй, только поскорѣе.

— Вотъ тебѣ что!—сказалъ Иванъ, вставъ, выпустивъ возжи и разводя руками.—Вѣдь эка дѣло-то! Диви бы со станціи отъ Егора отъ Иванова, а то ишь отъѣхали... Мнѣ бы въ Равитной сѣдокъ бы подвернулся, а то домой вертаться порожнемъ...

— Ну, быть такъ,—сказалъ Никита Алексѣевичъ, рѣшивъ пожертвовать тѣми золотыми, которые у него были отложены для личныхъ удовольствій на сѣиновской армарей:—я ужь заплачу тебѣ за оба прогона.

— Такъ-то оно такъ!—возразилъ Иванъ, въ душѣ довольный, но считая долгомъ помолчаться;—вотъ тебѣ и выходитъ, что, значить, рано приха встала, да мало напирала!

— Ну, молодежь теперь повеселится!—сказала хозяйка дома, которая, какъ всѣ въ ихъ сосѣдствѣ мамаша и тетуськи, съ одной точки зрѣнія смотрѣли на Никиту Алексѣевича—какъ на жениха, и такого жениха, какими не пренебрегаютъ. Волна въ лицѣ всего юнаго поколѣнія, придумавъ играть въ саду, перенесла невольно и Варвару Борисовну къ бѣлому, пушистому обрыву надъ Чолжей; она отчетливо только помнила, что въ прихожей Никита Алексѣевичъ самъ надѣвалъ ей теплыя каалоши, ставъ для этого на одно колѣно („Хорошо, что я догадалась взять тѣ, отъ Вейса!“—промелькнуло въ ея мысли). Зимняя луна, неизъяснимо очаровательная, скользила за переплетенными между собою темными ажурными вѣтвями, безвѣтренно, беззвучно... Она не могла взять въ толкъ, какъ это ей казалось, что жизнь въ Грачевѣ скучна и тускла; эта самая жизнь въ ея глазахъ пламенѣла теперь вся поэтическимъ огнемъ.

— Все-таки скажите мнѣ,—отчего, отчего вамъ сдѣлалось дурно?—настойчиво и нѣжно спросилъ Никита Алексѣевичъ.

Кругомъ аукаютъ, бѣгаютъ, визжать; Любочка остановилась невдалекѣ въ мечтательной позѣ.

— Ну, скорѣй! Скажите скорѣй!

— Но къ чему вы вернулись?—возразила Варенька, точно она не слыхала его словъ.

— Я вернулся... а вы хотѣли этого?

— Я хотѣла!—произнесла Варенька какъ бы вѣвъ себя. Ра-

дость жизни таинственно свернула передъ ихъ внутренними глазами въ этомъ прозрачномъ саду. Зачѣмъ говорить объ *измѣнѣ*? Что такое измѣна чему-то несуществующему, никогда несуществовавшему? Вѣдь кромѣ этого плѣнительнаго человѣка (который напрасно взволнованно говорить—она не слышитъ!), все другое, для нея,—только невѣрная колеблющаяся тѣнь жизненнаго смысла.

Они вмѣстѣ со всѣми другими играли въ короли и въ горѣлки, точно чтобы потѣшить дѣтей, а на самомъ дѣлѣ потому, что собственная душа распотѣшилась.

— Я не ошибаюсь? не ошибаюсь? Да скажите же!—лихорадочно говорилъ Никита Алексѣевичъ, глядя на нее ласковыми глазами и съ возбужденной улыбкой, когда руки ихъ встрѣтились въ игрѣ.

— Нѣтъ! Клянусь, что нѣтъ!—Варварѣ Борисовнѣ казалось, что она произнесла эти слова слишкомъ громко, но она связала ихъ дрожащимъ, ласково-убѣдительнымъ, замирающимъ голосомъ.

— Хозяйка моего Веселаго! Душа моей жизни!—съ упоеніемъ прошептала Никита Алексѣевичъ, когда по смыслу игры онъ долженъ былъ передать ей какое-то мнѣніе. — Не такъ! Вы не такъ!—возмущенно кричалъ кто-то изъ дѣтей.—Нѣтъ, такъ!—вступилась Варвара Борисовна.

Жаль было домой вернуться, хотя домъ привлекательно и тепло свѣтилъ всѣми своими большими окнами; надъ трубой, гдѣ была кухня, поднимался и сейчасъ же разметывался по небу столбъ дыма,—варили ужинъ; бѣлыя и прозрачныя облака точно изнутри освѣщенные сіяніемъ, какъ стая огромныхъ лучезарныхъ птицъ, устремлялись вверхъ надъ темной хвойной рощей въ невѣдомыя поэтическія страны. Никита Алексѣевичъ наскоро разсказалъ Варварѣ Борисовнѣ, какимъ образомъ овинный овесъ былъ причиною ихъ встрѣчи, удивляясь, какой довольно иногда мелочной случайности для событій громадной важности.

Но исключительно счастливы бывають лишь мгновенія, и сознаніе счастья уже несло въ себѣ отраву, когда Варвара Борисовна осталась одна за ширмами, которыми отгородили ея кровать въ комнатѣ барышень. Еще никто ничего не зналъ... и чѣмъ глубже, за полчаса передъ тѣмъ, она чувствовала свою побѣду надъ жизнью, тѣмъ сильнѣе проснулись въ ней страхъ и сожалѣніе при мысли о Степанѣ Егоровичѣ. „Но было бы хуже,—страстно повторяла она, начиная въ воображеніи свое письмо къ нему и складывая какъ бы въ мольбѣ руки:—было бы хуже,

еслибы я узнала о томъ, что люблю Никиту Алексѣевича, а не васъ, послѣ свадьбы съ вами. Примиритесь съ этимъ, только не проклинайте меня. Проклятіе это могло бы упасть на *ею* голову"...—Но слезы и рыданія прерывали ея слова. Ахъ, еслибы она знала, что менѣе, чѣмъ черезъ полгода, Степанъ Егоровичъ тѣми же слезавыми глазами смотрѣлъ на другую свою невѣсту, но этотъ разъ красавицу-вдову своего пріятели—и, должно быть, этотъ бракъ былъ удачнѣе, чѣмъ могъ быть бракъ съ Варварой Борисовной.

Но она узнала объ этомъ событіи, когда собственное счастье въ Веселомъ заволокло отъ нея весь міръ...

И. Даниловъ.

---

* * *

Сосны сухія и ели мохнатыя, черныя
Къ берегу тѣсно столпились;
Мрагъ ихъ недвижный и тяжкія вѣтви узорныя
Въ сонной водѣ повторились.

Тамъ, надъ деревьями, яркое небо закатное
Все общаньями рдѣть...
Слышитъ вода заклинанье деревьевъ невнятное,
Небу отвѣтить—не смѣть.

Тавъ, угрожая, всѣ помыслы, тьмою одѣтые,
Душу мою обступили...
Падаютъ руки, къ далекому небу воздѣтыя,
Въ сердцѣ молитвы остыли...

Боже! Я сплю, но великое чудо желанное
Дай, пробудившись, мнѣ встрѣтить, —
Темной душѣ дай на слово Твое несказанное
Новой молитвой отвѣтить!...

П-на СОЛОВЬЕВА.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

КОНЦА XIX-го ВѢКА

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПАХЪ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Французская изящная литература конца XIX-го вѣка представляет собою со временемъ богатый и интересный матеріалъ для своего историка, который пожелалъ бы характеризовать ее со стороны формы, идейнаго содержанія и степени таланта, проявленнаго отдѣльными авторами. Цѣлымъ рядомъ такихъ даровитыхъ писателей, какъ Бурже, Анатоль Франсъ, Рони, Эрвѣ, Бриэ, Вандерэмъ, Родъ, Доннэ, Кюрель, Рамо, Мюльфельдъ и многіе другіе, не говоря о Зола и Додэ, продолжавшихъ свою дѣятельность и въ самомъ концѣ XIX-го вѣка,—создано было не мало такихъ произведеній, которыя еще долго будутъ представлять интересъ и останутся любопытнымъ памятникомъ тѣхъ разнообразныхъ теченій, которыя совмѣщались въ сферѣ французской беллетристики на рубежѣ двухъ столѣтій. Общая оцѣнка этой беллетристики съ различныхъ точекъ зрѣнія, конечно, представила бы въ настоящую минуту большія трудности,—быть можетъ, для нея даже еще не наступило время! Но весьма интереснымъ является специальный вопросъ—о связи между творчествомъ французскихъ беллетристовъ и современною имъ жизнью, о томъ, какъ отражался въ ихъ произведеніяхъ бытъ аристократіи, буржуазіи, военнаго класса, духовенства, литераторовъ, ученыхъ, судейскаго сословія, крестьянъ и т. д. за послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка. Въ этомъ направленіи сдѣлано пока слишкомъ мало; есть только рядъ отдѣльных,—правда, очень дѣльных—этюдновъ извѣстнаго критика и историка словесности,

Жоржа Пеллисе, посвященныхъ литераторамъ, политическимъ дѣятелямъ, духовнымъ лицамъ, современнымъ молодымъ дѣвушкамъ и представителямъ деревенскаго люда—въ изображеніи французскихъ беллетристовъ. Рѣшившись освѣтить современную французскую беллетристику съ точки зрѣнія ея связи съ реальною жизнью и бытомъ различныхъ классовъ, и ограничиваясь, на первый разъ, тѣми произведеніями, въ которыхъ фигурируютъ литераторы, медики, профессора, художники, музыканты, актеры, наконецъ, „новыя женщины“, пронизнутыя культурными идеями, мы отнюдь не думаемъ, конечно, характеризовать всѣ сколько-нибудь замѣчательныя произведенія французскихъ авторовъ, появившіяся въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка, не надѣемся исчерпать свою тему и будемъ ссылаться на отдѣльные романы и пьесы только какъ на болѣе или менѣе яркіе *примѣры*, служащіе иллюстраціей тѣхъ или другихъ общихъ явленій. Характеризуя разнообразныхъ представителей интеллигентнаго міра, фигурирующихъ въ творествѣ французскихъ беллетристовъ, мы постараемся подвести ихъ подъ извѣстные типы и категоріи, обрисовать отличительныя свойства, взгляды и идеалы каждой группы лицъ. Подобная работа, казалось бы, можетъ послужить впоследствии матеріаломъ для выясненія вопроса о взаимодействіи между французскою литературою и французскою жизнью въ концѣ XIX-го вѣка.

I.

Герой одного современнаго французскаго романа, популярный парижскій беллетристъ, задумавъ написать новое произведеніе, которое должно затмить всѣ остальные, и сидя, съ перомъ въ рукѣ, передъ бѣлымъ листомъ бумаги, долго не можетъ рѣшить, изъ какой области взять ему сюжетъ... Ужъ не остановится ли ему на романѣ изъ литературныхъ нравовъ, не придется ли за обличеніе современныхъ писателей? Нѣтъ! *это напомнило бы ссору причетниковъ въ маленькой захолустной церкви!*.. И пылкая фантазія вскорѣ унеситъ его вдаль отъ повсѣдневной жизни и хорошо знакомой ему среды...

Задача тѣхъ беллетристовъ, которые пытаются характеризовать литературный міръ и его разнообразныя явленія, дѣйствительно, очень нелегка. Имъ приходится изображать ту среду, къ которой они сами принадлежатъ и съ которою они давно сроднились; съ одной стороны, это должно, повидимому, дѣлать

ихъ оцѣнки и характеристики болѣе правдивыми и вѣрными дѣйствительности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюденіе желательной объективности становится, при подобныхъ условіяхъ, болѣе труднымъ, чѣмъ еслибы дѣло шло, на примѣръ, о буржуазной или аристократической средѣ... „Reints par eux-mêmes“,—такъ озаглавленъ любопытный романъ Поля Эрвѣ, состоящій исключительно изъ писемъ, въ которыхъ отдѣльные герои и героини сами знакомятъ насъ со своимъ міросозерцаніемъ и отличительными особенностями. Это заглавіе невольно приходитъ намъ на память, когда мы прочитываемъ тѣ французскіе романы, въ которыхъ выступаютъ литературные дѣятели. Мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что передъ нами, до извѣстной степени,—автобиографическія произведенія,—основанныя на личныхъ впечатлѣніяхъ тѣхъ или другихъ писателей отъ той среды, къ которой они принадлежатъ. Во французской беллетристикѣ конца XIX-го вѣка число романовъ съ сюжетами, взятыми изъ литературнаго быта, или, по крайней мѣрѣ, съ однимъ или нѣсколькими писателями въ числѣ дѣйствующихъ лицъ,—очень велико; безъ особаго труда можно было бы сейчасъ же насчитать нѣсколько десятковъ романистовъ, поэтовъ, драматурговъ, журналистовъ и т. д., фигурирующихъ въ тѣхъ или другихъ произведеніяхъ ¹⁾. Далекъ не всѣ они, конечно, вполне типичны и могутъ представить интересъ, какъ выразители стремленій и идеаловъ извѣстной эпохи; такія личности, какъ Поль Вансъ изъ „Красной лиліи“ Анатоля Франса, Эссено изъ „Comédienne“ Лезюэра, Тарсюль изъ „Арматуры“ Эрвѣ и мн. др., несмотря на свою принадлежность къ пишущей братіи, недостаточно типичны; объ ихъ міросозерцаніи и внутреннемъ мірѣ мы узнаемъ

¹⁾ Литературный міръ затронуть, между прочимъ, въ слѣдующихъ произведеніяхъ французскихъ беллетристовъ: J. H. Rosny, „Le termite“ (1890); Henri Rabusson, „Moderne“ (1891); Paul Bourget, „Mensonges“, „Cosmopolis“ (1893), „La duchesse bleue“ (1898); Edouard Rod, „La vie privée de Michel Teissier“ (1893), „Au milieu du chemin“ (1900); Paul Hervieu, „L'armature“ (1895), „Peints par eux-mêmes“ (1895); Anatole France, „Le lys rouge“ (1895); Pierre Maël, „Celles qui savent aimer“ (1895); Léon Daudet, „Les Kamtchatka“ (1895), „La romance du temps présent“ (1900); Maurice Barrès, „Les déracinés“ (1897); Jules Sageret, „L'orchidée“ (1898); Daniel Lesueur, „Comédienne“ (1898); J. K. Huysmans, „La cathédrale“ (1898); Emile Zola, „Paris“ (1898); Alphonse Daudet, „Soutien de famille“ (1898); Melchior de Vogué, „Les morts qui parlent“ (1899); Jules Bois, „Une nouvelle douleur“ (1900); Georges Ohnet, „Gens de la noce“ (1900); Lucien Muhlfield, „La carrière d'André Tourette“ (1900); Edmond Deschaumes, „L'auteur mondain“ (1901).—Послѣ того, какъ эта статья была уже закончена, появился интересный романъ, посвященный литературному и журнальному міру,—„La baiseuse de gloire“, par Paul Brulat.

довольно мало. Наряду съ этимъ, беллетристы нашихъ дней вывели, однако, много жизненныхъ, правдиво очерченныхъ и безусловно типичныхъ героевъ изъ литературной среды, затронули различные кружки и группы писателей, коснулись современнаго состоянія парижской печати и журналистики, обнаруживая иногда большую строгость и требовательность по отношенію къ своимъ собратьямъ.

Всего чаще выступаютъ въ современныхъ французскихъ романахъ авторы модныхъ и популярныхъ у большой публики произведеній, обыкновенно въ болѣе или менѣе легкомысленномъ жанрѣ разрабатывающіе традиціонную тему объ „адюльтерѣ“, иногда склоняющіеся въ сторону послѣдовательнаго натурализма, иногда приближающіеся къ открытой порнографіи... Этотъ типъ плодовитаго и изобрѣтательнаго парижскаго литератора, который старается угождать вкусамъ своихъ читателей и подлаживаться подъ нихъ, лишенъ высшихъ нравственныхъ запросовъ и вѣчно занятъ придумываніемъ пикантныхъ ситуаций или „сентиментальныхъ осложненій“, въ достаточной мѣрѣ обрисованъ и оцѣненъ по заслугамъ такими писателями, какъ Бурже, Родъ, Сажере, Жюль Буа, Дешомъ и др. Можно даже отчасти пожалѣть о томъ, что столько труда потрачено было на всестороннее освѣщеніе этого типа, — тогда какъ міросозерцаніе и стремленія литературныхъ дѣятелей другого, болѣе серьезнаго и оригинальнаго оттѣнка, сравнительно, меньше изучались...

Модные, свѣтскіе писатели, фигурирующіе въ французской беллетристикѣ конца прошлаго вѣка, обыкновенно являются, до поры до времени, большими эгоистами, людьми съ сильно развитымъ самолюбіемъ, желаніемъ наслаждаться жизнью и имѣть успѣхъ у женщинъ, довольно легкимъ, поверхностнымъ взглядомъ на свое призваніе. Любопытно, что въ душѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, рано или поздно, начинается смутное сознаніе, что они дѣлаютъ не то, что нужно, растрачиваютъ по мелочамъ свое дарованіе. Герой романа Жюль Буа, „Une nouvelle douleur“, любопытнаго, главнымъ образомъ, въ другомъ отношеніи, — какъ одно изъ отраженій современнаго фазиса женскаго вопроса во Франціи, — романистъ Жакъ Реваль приобретаетъ большую популярность, ежегодно выпуская такіа произведенія, какъ „Коварная игрушка“ или „Тусклые взоры“, — типичные образчики эротическаго жанра. Его дѣятель и превозносятся; книги его читаются на расхватъ; его совѣты и указанія признаются авторитетными. Эксплуатируя на всѣ лады „адюльтеръ“ и свободную любовь, придумывая громкія заглавія и болѣе

или менѣе рискованные сюжеты, Ревадь привыкаетъ постепенно оцѣнивать всѣхъ женщинъ съ довольно низкой точки зрѣнія, является и въ частной жизни представителемъ деспотической, необузданной, чисто животной страсти, долгое время не понимаетъ смысла женской эмансипаціи. Но сближеніе съ выдающеюся интеллигентною и убѣжденною женщиною, мало-по-малу, производитъ коренной переворотъ въ душѣ Реваля. Онъ задумывается надъ такими вопросами, которые раньше были чужды ему, оглядывается на всю свою литературную дѣятельность, начинаетъ стремиться къ чему-то лучшему, болѣе возвышенному и чистому... Въ концѣ романа мы застаемъ его совершенно переродившимся подъ вліяніемъ всего, что ему пришлось испытать; онъ твердо рѣшилъ начать все сызнова, создать рядъ произведеній въ просвѣтительномъ и гуманномъ духѣ. „Я буду тѣмъ писателемъ, который, не забывая о своемъ прошломъ, полною заблужденій, старается загладить свои ошибки благородными, горячо написанными произведеніями“. „Весь Западъ уже усталъ отъ обоготворенія самыхъ недостойныхъ страстей; Франція скорбитъ о томъ, что ее лишили энергіи. Мы слишкомъ унизили мужчину и женщину; теперь нужно ихъ поднять,—нужно и намъ самимъ возвыситься, создавъ себѣ опредѣленный идеалъ и проявляя неустанную дѣятельность“.

Жакъ Ревадь, въ эту пору своей литературной карьеры,—одинъ изъ представителей любопытнаго типа „жакоцагося литератора“, большую часть жизни посвятившаго погонѣ за успѣхомъ и популярностью, не заботившагося о томъ, вполнѣ ли благотворное дѣйствіе оказываютъ его романы и пьесы на читателей, но затѣмъ, на нашихъ глазахъ, точно перерождающагося, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, и съ ревностью пламеннаго неопита стремящагося загладить прошлое... Не всѣ литераторы оказываются, конечно, способными продумать въ этомъ случаѣ свою мысль до конца, дать волю тѣмъ сомнѣніямъ или угрызениямъ совѣсти, которыя ихъ начинаютъ иногда тревожить, критически отнестись къ своимъ сочиненіямъ. Если Ревадь находитъ въ себѣ достаточно силы и выдержки, чтобы съечь свои корабли, герой романа Жюль Сажерэ, „Орхидея“, модный беллетристъ Пьеръ Пери, одно время какъ будто поколебавшійся въ своемъ рѣшеніи неизмѣнно воздѣлывать ультра-натуралистическій или порнографическій жанръ, довольно скоро заглушаетъ тотъ внутренній голосъ, который сталь-было нашептывать ему совершенно непривычныя, странныя для него рѣчи,—и снова принимается за свое традиціонное занятіе!.. Сажерэ не

принадлежитъ вообще въ числу первостепенныхъ писателей, но нужно сказать, что образъ Нери очень удался ему. Герой романа— „забавникъ гинекеевъ“, какъ его иногда называютъ,— любимый авторъ свѣтскихъ дамъ съ болѣе или менѣе легкомысленными вкусами; его сочиненія можно найти и въ рабочихъ корзинахъ, и на туалетныхъ столикахъ, между банками съ румянами и пудрою. Всѣ его романы и пьесы вращаются около жгучей страсти, опозтизированнаго адюльтера и утонченнаго разврата. Публика уже привыкла къ его манерѣ и отличительному направленію; она съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ него новыхъ книгъ все въ томъ же родѣ,—не допуская, чтобы онъ могъ когда-либо покинуть однажды избранный имъ путь... „Я осужденъ вѣчно поставлять публикѣ сладострастные романы, какъ сапожникъ—сапоги, шляпочникъ—шляпы“, признается въ одномъ случаѣ самъ Нери. Онъ начинаетъ мало-по-малу смотрѣть на свою дѣятельность съ чисто-утилитарной точки зрѣнія, привыкаетъ заранѣе высчитывать, на сколько печатныхъ листовъ можно будетъ разогнать тотъ или другой романъ, какую сумму онъ долженъ принести... На нашихъ глазахъ онъ задумываетъ романъ изъ античной жизни, „L'impériale Cythère“ и набрасываетъ предварительный конспектъ его; изложивъ вкратцѣ содержаніе первой части, онъ дѣлаетъ помѣтку: „можно развить на протяженіи десяти легкихъ главъ“. Плодовитость Нери не мѣшаетъ ему, однако, заботиться о слогѣ своихъ произведеній; вотъ его собственные слова: „внѣ стилиа и литературной техники ничего не существуетъ; искусство удовлетворяетъ самому себѣ; если пишешь хорошо, все равно, что ни писать“! Нужно ли прибавлять, что онъ пользуется большою популярностью въ литературномъ мірѣ, всюду принятъ, знакомъ со всѣми писателями, посѣщаетъ различные кружки, позируетъ для фотографа, задумавшаго издать галерею моментальныхъ снимковъ: „Наши литераторы у себя дома“...

Но даже у этого баловня судьбы, быстрыми шагами идущаго къ намѣченной имъ цѣли, бываютъ моменты раздумья и сомнѣній. Разъ, въ вагонѣ желѣзной дороги, Нери вступаетъ случайно въ бесѣду съ ученикомъ одной школы, руководимой духовенствомъ,—причемъ, не подозрѣвая, съ кѣмъ онъ говоритъ, юноша восторженно отзывается о произведеніяхъ Нери, которыя, по его словамъ, принадлежать у нихъ въ школѣ къ числу запретныхъ, читаются тайкомъ, разорванныя на отдѣльные листочки, и по своей пикантности доставляютъ зеленой молодежи такое же наслажденіе, какъ не менѣе запретныя папиросы... И

Нери становится совѣстно, когда онъ слышитъ подобныя восхваленія своихъ книгъ, и воочію убѣждается въ томъ, что онѣ способны развивать самыя низменныя инстинкты. „Вся его дѣятельность показалаь ему вдругъ безусловно вредной“... Потомъ онъ пріѣзжаетъ въ провинціальное захолустье, къ своимъ роднымъ, очень скромно и замѣнуто живущимъ, давно порвавшимъ съ нимъ почти всякія сношенія и упорно игнорирующимъ его дѣятельность, какъ безнравственную и вредную. Онъ желаетъ помочь своей семьѣ деньгами, дать сестрамъ возможность выйти замужъ; отецъ не хочетъ и слышать объ этомъ, и не считаетъ допустимымъ, чтобы его дочери воспользовались доходомъ съ „такихъ“ книгъ... Тогда Нери старается тутъ же, въ родительскомъ домѣ, создать какое-нибудь произведеніе въ совершенно новомъ, вполне нравственномъ духѣ, чтобы суровая мораль отца была удовлетворена, и сестры могли совершенно спокойно воспользоваться вырученными отъ продажи этой книги деньгами... Но однажды усвоенную манеру ему слишкомъ трудно побороть, и благія начинанія такъ ни къ чему и не приводятъ. Въ довершеніе всего, появляется очень рѣзкая критическая статья, направленная противъ всей его дѣятельности и развивающая ту мысль, что ему пора остановиться и одуматься... Покаянное и тревожное настроеніе можетъ быть только мимолетнымъ въ душѣ такихъ людей, какъ Нери!.. Прочитавъ статью, онъ восклицаетъ, съ прежнимъ упорствомъ: „Не раньше, чѣмъ попаду въ академію“!..

Говоря о популярныхъ, модныхъ писателяхъ, рано или поздно начинающихъ испытывать мимолетныя или, наоборотъ, глубокія и мучительныя угрызения совѣсти, нельзя не упомянуть и о Дорсеннѣ, одномъ изъ главныхъ героевъ романа Буржэ „Космополисъ“. Старый аристократъ Монфанонъ, не пропускающій случая пожуричь своего молодого и неосновательнаго друга, не разъ укоряетъ его въ томъ, что у него нѣтъ определенныхъ убѣждений, вѣрованій, идеаловъ, что онъ слишкомъ легко относится къ жизни, щеголяетъ своимъ скептицизмомъ и разочарованностью, не можетъ ни на чемъ сосредоточиться. Въ одномъ случаѣ старикъ даже съ нѣкоторою рѣзкостью говоритъ о томъ, что Дорсеннъ „научился умственному акробатству въ циркѣ Сентъ-Бѣва и Ренана“. Пусть нѣкоторые приговоры этого неисправимаго ворчуна и резонера (эти свойства не мѣшаютъ ему, впрочемъ, быть честнымъ и благороднымъ человекомъ) кажутся намъ слишкомъ категоричными или прямолинейными: въ основѣ ихъ, несомнѣнно, лежитъ доля правды. Дорсеннъ, авторъ самыхъ разно-

родныхъ произведеній, въ родѣ „Sans Dieu“, „Monsieur le premier“, „Etudes de femmes“, типичный дилеттантъ, „достойный сынъ вѣва, ослѣпленнаго софизмами“, эпикурецъ, эгоистъ и матеріалистъ,— правда, не лишенный дарованія и наблюдательности... Онъ стремился къ тому, чтобы испытать столько ощущеній, сколько можетъ дать человѣческая жизнь, и затѣмъ тщательно объединить ихъ въ своемъ умѣ“. Изученіе жизни и собираніе наблюденій или человѣческихъ документовъ у Дорсенна становится тѣмъ-то въ родѣ занимательнаго спорта. „Онъ любилъ понимать, — говорить въ одномъ случаѣ Бурже. — Въ его душѣ философъ соединялся, вслѣдствіе каприза природы, съ художникомъ, а въ зависимости отъ ея происхожденія и воспитанія— съ свѣтскимъ человѣкомъ и путешественникомъ“. Дорсеннъ, дѣйствительно, любитъ свѣтскую жизнь, развлечения, чувствуетъ себя какъ нельзя лучше въ пестромъ, космополитическомъ обществѣ Рима. Онъ очень хотѣлъ бы усвоить себѣ „дэндизмъ мизантропіи“. Въ частной жизни онъ оставляетъ желать многого... У него „очень мало сердца и, взамѣнъ этого, очень много нервовъ“. Герой различныхъ любовныхъ исторій, онъ самъ, въ сущности, никого не любитъ и хладнокровно разбиваетъ сердца. „Каждая женщина, любовница или подруга, всегда вызвала въ немъ только любопытство, которое нужно было удовлетворить“. Чистая душа, благородная, способная сдѣлать человѣка счастливымъ, Альба Стано, надѣялась встрѣтить съ его стороны сочувствіе и поддержку, но услышала, взамѣнъ этого, громкія фразы въ родѣ: „есть свѣтальческія души, какъ есть перелетныя птицы... я—одна изъ этихъ душъ“... Въ данномъ случаѣ имъ руководить исключительно боязнь сдѣлать неосторожный шагъ, преждевременно связать себя тѣми или другими обѣщаніями... Но трагическая гибель Альбы производитъ на Дорсенна ошеломляющее впечатлѣніе; онъ не ожидалъ такого исхода! Въ концѣ романа мы видимъ его уже на пути къ коренному перерожденію; Монфанонъ чувствуетъ, что его другъ „впервые потрясенъ до глубины души“; раскаяніе начинаетъ мучить Дорсенна, космополитическій Римъ внушаетъ ему теперь только отвращеніе; онъ жаждетъ новыхъ идеаловъ, хочетъ начать свою жизнь сызнова... Мы чувствуемъ, что онъ не можетъ вернуться на старый путь.

Въ „Свѣтскомъ писателѣ“ Эдмона Дешома отмѣчены тѣ постепенныя стадіи, черезъ которыя проходитъ главный герой, парижскій литераторъ Леонсъ Бальранъ, постепенно достигающій выдающагося успѣха и всевозможныхъ почестей и отличій,—

но все-же приходящій, въ концѣ концовъ, въ сознанию, что онъ все время держался неправильнаго пути, загубилъ свое дарованіе, продалъ свою свободу. Сынъ простого консьержа, получившій образованіе и задумавшій, по окончаніи курса, заняться литературною работою, Бальранъ сначала остается въ тѣни, не имѣетъ возможности выбиться на болѣе широкую дорогу и обратить на себя вниманіе публики, несмотря на то, что въ одной изъ большихъ парижскихъ газетъ, „*Démocratie Française*“, его первые опыты находятъ сочувственный приѣмъ. Потомъ мы видимъ его уже извѣстнымъ, популярнымъ литераторомъ. Что же произошло за это время? Какъ удалось Бальрану преодолѣть всѣ трудности и оказаться побѣдителемъ? У него совершенно неожиданно нашлась вліятельная покровительница въ лицѣ г-жи де-Ревирмонъ, женщины далеко не первой молодости, но все еще очень кокетливой и желающей нравиться, которая обратила вниманіе на красиваго и застѣнчиваго писателя-новичка, приблизила его къ себѣ, довольно скоро сдѣлала его своимъ любовникомъ, и съ этихъ поръ стала употреблять всѣ средства, чтобы какъ можно скорѣе „вывести его въ люди“. Съ помощью разнообразныхъ посѣтителей своего салона, она добилась того, что романъ Бальрана былъ напечатанъ на страницахъ „*Revue Universelle*“, выхлопотала своему protégé крестъ почетнаго легіона, несмотря на его молодые годы, посодѣйствовала тому, чтобы его пьеса была поставлена на сценѣ „*Comédie Française*“. Постепенно имя Бальрана стало пользоваться извѣстностью; его сотрудничество въ тѣхъ или другихъ органахъ сдѣлалось необыкновенно желательнымъ; инныя его произведенія были переведены на иностранные языки... Но въ концѣ романа, когда, повидимому, онъ достигъ всего, о чемъ могъ мечтать, и всѣ кругомъ ему завидуютъ—тоска, сомнѣнія и укоры совѣсти начинаютъ его мучить. Подчиненіе волѣ прихотливой и деспотичной женщины, въ которой онъ давно охладѣлъ, беззастѣнчивое пользованіе протекціей, необходимость писать, кромѣ беллетристическихъ произведеній, также разнаго рода мелкія замѣтки, „свѣтскія хроники“ и т. п., чтобы угодить читателямъ,—все это порою гнететъ и тревожитъ его. „Я утомленъ и пресыщенъ“,—заявляетъ онъ самъ въ одномъ случаѣ. Ему тяжело и совѣстно участвовать въ „проституціи мысли“; онъ тоскуетъ по скромной, уединенной жизни, неподдѣльной любви, честной дѣятельности. „Только чистые душою и независимые люди,—воскликаетъ онъ въ концѣ романа,—восторжествуютъ съ теченіемъ времени, потому что у нихъ нѣтъ другого повелителя, кромѣ идеала“.

Если Дорсенна заставляет опомниться и подумать о своем внутреннем мірѣ гибель несчастной Альбы, а на Балрана вліяетъ неожиданная встрѣча съ дѣвушкой, когда-то сыгравшею большую роль въ его жизни, а потомъ имъ забытою,—въ романѣ Эдуарда Рода: „На серединѣ жизненнаго пути“, популярный романистъ и драматургъ Кларансэ чувствуетъ себя совершенно потрясеннымъ и убитымъ, получивъ подавляющія, ужасныя доказательства вреднаго вліянія его произведеній на большую публику. Эдуардъ Родъ, убѣжденный сторонникъ „сѣверныхъ литературъ“, почитатель Толстого, воздѣйствіе котораго не разъ обнаруживается въ его сочиненіяхъ, вообще отводитъ въ своемъ творествѣ очень много мѣста различнымъ принципиальнымъ вопросамъ и нравственнымъ проблемамъ. Немудрено поэтому, что лучшая характеристика парижскаго литератора, впервые начинающаго критически относиться къ своей дѣятельности и анализировать ее „при свѣтѣ совѣсти“, принадлежитъ именно Роду. О томъ, чѣмъ раньше былъ Кларансэ, авторъ модныхъ романовъ и драмъ, въ родѣ „Невѣсты льва“, сюжетъ которой, по первоначальному плану, долженъ былъ состоять въ преступной страсти отца къ дочери, много говорить не приходится. Это опять все та же, хорошо намъ знакомая исторія—длинный рядъ блестящихъ, легко дающихся успѣховъ, смѣнившихъ собою первые, неопытные шаги, пламенные восторги читателейъ, внушительные гонорары, полные сборы въ театрахъ и т. п. Но вотъ однажды Кларансэ узнаетъ, что одна молодая дѣвушка, дочь бѣднаго чиновника, начитавшись его сочиненій, въ которыхъ нерѣдко возвеличивалось и оправдывалось самоубійство отъ любви, лишила себя жизни, причемъ у нея подъ подушкою нашли одну изъ его повѣйшихъ книгъ. Этого мало: ея гибель повлекла за собою несчастье другого человѣка, близкаго пріятеля Кларансэ, горячо ее любившаго и, подъ вліяніемъ утраты, теряющаго душевное равновѣсіе, постепенно приближающагося къ сумасшествію... Это событіе производитъ ошеломляющее впечатлѣніе на болѣе или менѣе безпечнаго и невозмутимаго раньше литератора. Мысль, что его занимательныя, талантливо написанныя произведенія могли въ разное время губить или развращать людей, впервые приходитъ ему въ голову. Онъ начинаетъ задумываться, терзается муками совѣсти; ему становится вдругъ вполне ясно, что могущественная сила страсти, которую онъ когда-то возвеличивалъ и пріукрашалъ на всѣ лады, въ дѣйствительности, имѣетъ иногда самые грустные и трагическіе результаты... Реальная жизнь дѣлается теперь гораздо дороже и интереснѣе для

него, чѣмъ всё созданія фантазій, „узоры вымысла“. „Выше книгъ, стиховъ, драмъ, самаго искусства—та великая и простая вещь, которая называется жизнью“. „Какъ избѣгнуть лжи, которою мы опутаны, химеръ, нами созданныхъ, миражей, въ которыхъ мы находимъ удовольствіе“? Всѣ прежнія свои сочиненія, даже очень невинныя, Кларансэ считаетъ грѣховными и безнравственными; онъ хотѣлъ бы уничтожить ихъ; присутствуя на представленіи своей пьесы, онъ выносить невыразимыя муки, приходитъ въ ужасъ, слыша аплодисменты и хвалебные отзывы. Эдуардъ Родъ недаромъ сравниваетъ обращеніе Кларансэ съ аналогичнымъ эпизодомъ изъ жизни Расина, а вѣрная, любящая подруга самого героя, Клодина, замѣчаетъ по поводу одного изъ его посланій: „это могъ написать Толстой или Жанъ-Жакъ Руссо,—но только не Кларансэ!“... Все болѣе поддаваясь своей грусти и самоанализу, романистъ вспоминаетъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, начинаетъ ощущать тоску по родинѣ, желаніе покинуть хоть на время Парижъ. Подобно Нери, онъ ѣдетъ въ провинцію,—къ себѣ въ деревню, гдѣ его братъ занимается земледѣліемъ, старается, по возможности, сблизиться съ простымъ народомъ, доходитъ до того, что механической трудъ ставитъ выше умственного... Кстати, любопытно, что его родной племянникъ, „изъ молодыхъ, да ранній“, тоже желающій стать писателемъ, и, тотчасъ же по прибытіи въ Парижъ, заказывающій себѣ визитныя карточки съ надписью: „Жакъ Кларансэ, литераторъ“, стыдится своего крестьянскаго происхожденія, старается не говорить о своей семьѣ. Обращеніе и расказаніе Кларансэ носитъ, какъ мы видѣли, лихорадочный, порывистый, почти фантастическій характеръ... Онъ рѣшаетъ писать отнынѣ только такія произведенія, которыя проникнуты извѣстною моральною идеею, могутъ имѣть чисто-прикладное значеніе,—нравоучительные романы или *pièces à thèse*... Будутъ ли эти новые продукты его пера такъ же удачны въ чисто литературномъ, художественномъ отношеніи, какъ его прежнія вещи,—объ этомъ онъ теперь очень мало заботится!

Но далеко не всѣ модные, плодотворные литераторы, герои салоновъ и первыхъ представленій, находятъ, рано или поздно, свою „дорогу въ Дамаскъ“!.. Есть среди нихъ и абсолютно неисправимыя натуры, лица, вполне довольныя своею судьбою и тѣсно сроднившіяся съ тою обстановкою, которая ихъ окружаетъ. Таковъ, на примѣръ, одинъ изъ героевъ извѣстнаго романа Буржэ, „Голубая герцогиня“, романистъ и драматургъ Жакъ Молавъ. Это—человѣкъ, одаренный большою развязностью, рѣдкою пло-

довитостью, несокрушимою вѣрою въ свои способности, которая иногда переходитъ въ открытое самоувѣнїе,—и безусловнымъ талантомъ. Онъ любитъ говорить только о самомъ себѣ и своихъ ощущенїяхъ, старается эксплуатировать другихъ людей, одерживаетъ легкія побѣды надъ женскими сердцами, иногда ведетъ одновременно двѣ любовныя интриги. Выраженіе его глазъ говоритъ объ его самоувѣренности и чувственности... Онъ самъ, нисколько не стѣсняясь, хвалитъ иногда свои собственныя произведенїя: „не правда ли, что это—лучшее изъ всего, что я когда-либо написалъ?“—спрашиваетъ онъ у своего товарища, бесѣдуя съ нимъ о своей новой пьесѣ. Успѣхъ, популярность, погоня за модою,—вотъ что прежде всего интересуется и привлекаетъ Молана. Определенныхъ убѣжденїй и взглядовъ на литературу онъ себѣ не выработалъ. Вначалѣ онъ былъ чистокровнымъ натуралистомъ; потомъ, когда натурализмъ сталъ нѣсколько выходить изъ моды, онъ выступилъ въ роли романиста-психолога, изобразителя самыхъ неуволнимыхъ оттѣнковъ внутренняго міра своихъ героевъ и героинь; послѣ этого, замѣтивъ, что публика начинаетъ интересоваться драмами на социальныя темы; съ яркою идейною окраскою, онъ попробовалъ свои силы и на этомъ поприщѣ. Его постоянно тревожитъ только одна мысль: какъ бы не отстать отъ вѣка! Рано или поздно, онъ, вѣроятно, сдѣлается символистомъ, сторонникомъ новыхъ теченїй...

Въ противоположность Ревалю, Нери или Кларансэ,—до его перерожденїя,—Моланъ отнюдь не придаетъ, во что бы то ни стало, своимъ произведенїямъ легкомысленной, безнравственной или эпикурейской окраски. Онъ часто дѣлаетъ видъ, что хочетъ провести въ той или другой своей вещи самыя симпатичныя, благородныя идеи; онъ придумываетъ трогательныя или потрясающїя ситуаціи, выводитъ примѣры великодушїя, самопожертвованїя, безкорыстной любви... Но все это у него—напускное, дѣланное, отнюдь не прочувствованное и не пережитое. И между тѣмъ, онъ одаренъ отъ природы такимъ беллетристическимъ талантомъ, что наименѣ искреннїя его вниги производятъ иногда громадное впечатлѣнїе на публику. Одинъ только разъ попробовалъ онъ написать такую вещь, которая изображала бы то, что онъ дѣйствительно пережилъ,—и это было, какъ нарочно, наименѣ удачное его произведенїе... То лицо, отъ имени котораго ведется повѣствованїе въ „Голубой герцогинѣ“, недаромъ называется его „методическимъ антрепренеромъ словесности“, „настоящимъ литературнымъ уродомъ, съ пузырькомъ чернилъ вмѣсто

сердца". Вплоть до послѣдней страницы романа Моланъ не измѣняетъ своей обычной тактикѣ. Въ самомъ концѣ онъ женится по расчету на пожилой женщинѣ со средствами и готовъ превратиться въ солиднаго буржуа...

Этотъ типъ „свѣтскаго писателя“, который всего лучше чувствуетъ себя въ нѣсколько душной, искусственной атмосферѣ блестящихъ салоновъ и гордится возможностью бывать „въ высшемъ обществѣ“, любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ понятіе о своеобразномъ положеніи, которое занимаютъ дѣятели пера даже во Франціи, гдѣ, повидимому, литература пользуется большимъ почетомъ. Жоржъ Пеллисе, въ статьѣ: „Литераторъ въ современномъ французскомъ романѣ“, отмѣтилъ тотъ фактъ, что средній уровень писателей, фигурирующихъ во французской беллетристикѣ, несомнѣнно, чувствуетъ извѣстное тяготѣніе въ сторону свѣтской жизни, и иногда довольно ясно выдаетъ то сильное впечатлѣніе, которое производитъ на него блескъ, богатство, красивые туалеты, утонченныя манеры. „Для чего литераторы выѣзжаютъ въ свѣтъ?“ — спрашиваетъ себя критикъ. Только очень немногіе изъ нихъ ищутъ доступа въ блестящіе салоны для того, чтобы изучить мало знаемую имъ среду, и потомъ воссоздать ее въ своихъ произведеніяхъ. Большинство просто находитъ большое удовольствіе въ общеніи съ богатыми или родовитыми людьми, не замѣчая или не желая замѣчать, что тѣ все-же никогда не привыкаютъ смотрѣть на писателей, какъ на людей своего круга, и въ глубинѣ души твердо увѣрены, что оказываютъ имъ *честь*, если принимаютъ ихъ въ своихъ салонахъ... Бракъ съ писателемъ — несомнѣнный мезальянсъ для молодой дѣвушки „изъ хорошей семьи“. Одна изъ героинь романа Даніэля Лезюэра: „Comédienne“, вышедшая замужъ за литератора Пьера Эссено, должна выслушивать не мало болвостей отъ своихъ родныхъ, недовольныхъ ея бракомъ съ такимъ неосновательнымъ, занятымъ пустою работою человѣкомъ... Въ клубы высшаго полета литератору очень трудно пробиться, потому что на него тамъ смотрятъ сверху внизъ...

И все-же, какъ это ни странно, дѣятели словесности продолжаютъ стремиться въ этотъ заколдованный міръ... Поэтъ Ренэ Ванси — изъ „Menzonges“ Бурже — проникаетъ въ аристократическій салонъ русской графини Комовой и съ удовольствіемъ выслушиваетъ похвалы своимъ сочиненіямъ, не понимая того, что въ немъ видятъ только занимательнаго собесѣдника и „развлека-теля“, визиты котораго вносятъ извѣстное разнообразіе. Литераторъ Сиприэнъ Марфё, изъ „Peints par eux-mêmes“ Поля Эрвьё,

въ началѣ принадлежащій къ богемѣ, щеголяющій простотою своихъ вкусовъ, демократичностью и пренебреженіемъ къ свѣтскимъ условностямъ, укоряющій своего брата въ томъ, что онъ ищетъ знакомства съ знатно и способенъ заважничать, — въ концѣ концовъ разочаровывается въ той средѣ, съ которою имѣетъ дѣло и которая ему кажется теперь слишкомъ невоспитанною, безцеремонною, распущенною, вульгарною, — почти оправдываетъ вкусы и восторги брата... Иные писатели, бывающіе въ свѣтѣ, не прочь отозваться при случаѣ съ ироніей о тѣхъ субъектахъ, съ которыми имъ приходится тамъ сталкиваться, сообщить какія-нибудь чисто интимныя детали, рассказать пикантные анекдоты; романистъ Буасси въ романѣ Онэ: „Gens de la pose“, бесѣдуя съ своимъ пріятелемъ на блестящемъ раутѣ, очень энергично, — но такъ, чтобы другіе не слышали, — отзывается о собравшемся въ этотъ вечеръ обществѣ; „этотъ буфетъ, — говоритъ онъ, между прочимъ, — сборный пунктъ адюльтера... здѣсь можно видѣть только разрозненныхъ мужей и женъ“. Это не помѣшаетъ ему, конечно, явиться на слѣдующій же подобный вечеръ... Нечего и говорить, что на ряду съ писателями, которые особенно хорошо себя чувствуютъ въ роскошныхъ гостиныхъ, въ атмосферѣ утонченныхъ комплиментовъ и свѣтской болтовни, есть и литераторы противоположнаго оттѣнка, болѣе замкнутые въ себѣ и полные собственнаго достоинства, — къ которымъ можно примѣнить слова современнаго поэта Фернанда Грѣга о Роденбахѣ, „оставлявшемъ, — въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось бывать въ шумномъ обществѣ, — свои грѣзы и стихи въ передней, вмѣстѣ съ тростью и пальто“...

Отдѣльные литераторы отваживаются даже выступать въ роли обличителей и сатириковъ, бичующихъ пороки и слабости всѣхъ слоевъ общества, не исключая и самыхъ зажиточныхъ или блестящихъ. Въ романѣ Пьера Маэля: „Тѣ, которые умѣютъ любить“, довольно большую роль играетъ, между прочимъ, одинъ писатель, Ренэ Лербо, прославившійся своими сатирическими произведеніями, въ которыхъ онъ нападаетъ на современниковъ, обвиняя ихъ въ лицемеріи и суетности. Вотъ что говоритъ о немъ авторъ: „Онъ объявилъ войну общественной морали. Не было ни одного порока, ни одной отрицательной стороны современной буржуазіи, которыхъ бы онъ не бичевалъ въ рѣзкой формѣ.. Онъ выполнялъ безъ всякаго состраданія свою обязанность — исправлять несправедливости, карать беззаконія, опирающіяся на условную мораль. Онъ былъ безжалостенъ по отношенію къ безсердечнымъ выскочкамъ, людямъ, чванящимся своею добродѣтелью, фарисеямъ край-

ней честности. Благодаря этому, онъ создалъ себѣ немало враговъ,—но онъ смѣялся надъ этимъ! Иногда онъ самъ примѣнялъ къ себѣ изреченіе: „Пусть ненавидятъ меня, только бы боялись“! Этотъ жестокой человѣкъ, въ дѣйствительности, былъ—сама доброта, воплощеніе милосердія“!..

Изображеніе такихъ кружковъ и салоновъ, въ которыхъ являются литераторы съ своеобразною писательскою физиономіею, ведущіе въ наши дни борьбу со всѣмъ традиционнымъ въ сферѣ словесности и стремящіеся сдѣлаться новаторами, должно было, повидимому, представить большой интересъ для современныхъ французскихъ беллетристовъ. Но вплоть до настоящей минуты этотъ отгѣнокъ парижскаго литературнаго міра очень рѣдко находитъ строго объективныхъ и безпристрастныхъ изобразителей... Исторія постепеннаго развитія тѣхъ новыхъ теченій, которыми ознаменовался конецъ прошлаго вѣка, далеко не вполне отразилась въ беллетристическихъ произведеніяхъ. Въ сущности, всего чаще выводилась на сцену разнаго рода литературная мелкота или богема, иногда дѣйствительно увлекающаяся новыми идеями и художественными приѣмами, подобно писателямъ съ болѣе серьезнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ дѣлу, иногда только желающая обратить на себя вниманіе и блеснуть своею оригинальностью,—описывались маленькіе литературные приходы, проникнутые самообожаніемъ, партійностью, узостью взглядовъ... Въ результатѣ получались нерѣдко довольно забавныя, остроумныя, но одностороннія картинки съ натуры,—одностороннія потому, что почти всѣ приверженцы новыхъ вѣяній оказывались тутъ шарлатанами, фразѣрами, карьеристами или психопатами...

Яркимъ образчикомъ такихъ огульныхъ, несомнѣнно поверхностныхъ характеристикъ является извѣстный романъ Леона Додэ—„Les Kamtchatka“. Подъ именемъ „Камчатки“, т.-е. самой крайней, выступающей въ море части материка, авторъ, какъ извѣстно, хотѣлъ вывести представителей крайнихъ теченій въ области литературы и искусства,—которымъ одинъ изъ героевъ даетъ въ насмѣшку это названіе. Заглавіе романа носить, такимъ образомъ, явно натянутый, произвольный и вычурный характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно уже даетъ извѣстное понятіе объ общемъ уровнѣ сатирическихъ нападокъ и оцѣнокъ автора... Тѣ лица, которыя являются желанными гостями въ салонѣ г-жи Тупанъ де Маръ, собирающей у себя непризнанныхъ геніевъ и „маленькихъ великихъ людей“, или въ редакціи мелкаго, но претенціознаго журнальчика „Cigare“, такъ и просятъ на страницы юмористическихъ изданій... Здѣсь выступаетъ, напримѣръ, мод-

ный писатель—шарлатанъ, хроникеръ и беллетристъ, Адольфъ Жюдъ,—на еврейскомъ происхожденіи котораго, встаетъ свазать, авторъ останавливается слишкомъ долго... Онъ пробуетъ свои силы во всевозможныхъ родахъ, пишетъ какія-то „легенды“, съ самымъ пестрымъ содержаніемъ и претензіями на оригинальность, прославляетъ анархію, чтобы казаться ультра-передовымъ, старается, прежде всего, быть вычурнымъ и эксцентричнымъ,— и преспокойно беретъ деньги за хвалебные отзывы въ своихъ хроникахъ, подъ условіемъ соблюденія строжайшаго инкогнито... Жакъ Сиврѣзъ, молодой человѣкъ, редакторъ „Сигаге“, вѣчно рисуется, хочетъ прослыть загадочнымъ, не похожимъ на простыхъ смертныхъ человѣкомъ, придаетъ себѣ какую-то комическую важность, довольный тѣмъ, что есть люди, которые принимаютъ его за серьезнаго литератора. „Съ самаго дѣтства у меня было извѣстное расположеніе ко всему извращенному“,— съ таинственнымъ видомъ заявляетъ онъ, увѣренный въ томъ, что подобная фраза должна произвести сильное впечатлѣніе на его слушателей... Его окружаетъ цѣлая группа благоговѣющихъ передъ нимъ молодыхъ писателей, прозванныхъ „эфебами“, объединившихся около „Сигаге“, считающихъ всѣхъ прежніе авторитеты давно низвергнутыми и пренсполненными крайняго самоувѣрія... При случаѣ, Сиврѣзъ не брезгаетъ и сочиненіемъ анонимныхъ писемъ... Въ этомъ же романѣ выступаетъ, какъ эпизодическое лицо, „католическій памфлетистъ“, Робертъ Сорпіонъ, вѣчно изрекающій какіе-то афоризмы въ „камчатскихъ“ салонахъ, желающій прослыть чуть не мыслителемъ,—и хладнокровно выпрашивающій у Сиврѣза пять франковъ на мелкіе расходы...

Вотъ другая группа подобныхъ же субъектовъ, выступающая въ романѣ Рабюссона: „Модерне“... Передъ нами опять—парижскій салонъ, гостепріимно раскрывающій свои двери для всѣхъ писателей, которые хотятъ быть, во что бы то ни стало, оригинальными и выдаютъ себя за новаторовъ. Здѣсь вы увидите какого-то хроникера-модерниста“, Гюбера Рабба; драматурга Поля Ламарра, старающагося, прежде всего, щеголять бьющими по нервамъ эффектами и крайнимъ натурализмомъ своихъ нескладныхъ, грубоватыхъ пьесъ; „предпоследняго длинноволосаго поэта“, провансальца Клодіуса Рекса,—предпоследняго потому, что, какъ говоритъ авторъ, стѣбитъ какого-нибудь поэта назвать послѣднимъ представителемъ этого отгѣнка, какъ неожиданно появляется откуда-то новый субъектъ, готовый составить ему конкурренцію въ этомъ отношеніи... Наряду съ этими лицами, невольно обращаетъ на себя вниманіе „нео-христіанскій

философъ“, Абель Маржъ, „вящный и надушенный, занятый поисками новой религии и не теряющій надежды изобрѣсти такую, которая правилась бы дамамъ“. Несмотря на то, что во всѣхъ этихъ бѣглыхъ оцѣнкахъ и характеристикахъ попадаются отдѣльныя остроумныя черты, по нимъ все-же нельзя, конечно, судить о тѣхъ или другихъ литературныхъ теченіяхъ конца прошлаго вѣка.

Герой „Орхидей“, Пьеръ Нери, посѣщаетъ иногда мелкіе литературные салоны Парижа, къ которымъ онъ относится уже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ... Онъ хорошо знаетъ ту среду, гдѣ бѣдные, никому неизвѣстные писатели нерѣдко продаютъ авторскія права на свои произведенія, причемъ ихъ трудомъ систематически пользуются за небольшую плату другіе литераторы,—гдѣ оживаютъ традиціи литературной богемы прежняго времени, царитъ невообразимый хаосъ, бурныя объясненія и споры заканчиваются иногда потасовкою, и безъ особаго труда создаются маленькія кружковыя знаменитости... Онъ ѣдетъ однажды на многолюдный, пестрый по составу литературный вечеръ, во время котораго декламируется, между прочимъ, дикій и бессмысленный монологъ непризнаннаго гениа, желающаго создать новую эстетику („пожалуйста, дѣлай при этомъ серьезное лицо“,—убѣждаетъ Нери своего пріятели), какой-то „грязный субъектъ“, даже не названный по имени, порывается все время читать свои стихи, между тѣмъ какъ тутъ же, въ сторонѣ, расположилась группа женоподобныхъ, нарумяненныхъ юношей, величающихъ себя „непорочными, незапятнанными“ („Immaculés“) и воздѣлывающихъ неестественное, извращенное творчество... Изъ подобнаго же салона несомнѣнно вышелъ бездарный, жалкій стихотворецъ, Анри Лавинъ, выступающій въ „Современномъ романсѣ“ Леона Додэ,—авторъ такихъ сборниковъ и поэмъ, какъ „Передъ Всевышнимъ“, „Красныя тучи“, „Голосъ праведника“ и пр. Не пользуясь никакою популярностью, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ играетъ самую плачевную роль въ обществѣ. Это—что-то въ родѣ шута или забавника! „Наша жертва“,—совершенно вѣрно называютъ его въ одномъ случаѣ. Всѣ надъ нимъ потѣшаются, дразнить его тѣми литературными успѣхами, на которые онъ продолжаетъ рассчитывать. „О чемъ ты думаешь, Лавинъ?“—пристаётъ къ нему одинъ изъ его мучителей. „О безконечности“,—важно заявляетъ стихотворецъ. „Ей нѣтъ никакого дѣла до тебя!“.. Постепенно Лавинъ превращается въ самаго зауряднаго ремесленника литературы. Въ то время какъ онъ гоститъ, вмѣстѣ съ большою компаніею парижанъ, въ провинціальномъ помѣстьѣ,

одинъ изъ гостей, въ припадкѣ меланхоліи, лишаетъ себя жизни. Это событіе производитъ удручающее впечатлѣніе на все общество; Лавинь также считаетъ нужнымъ выразить на своемъ лицѣ скорбь и соболѣзнованіе,—но тутъ же, обратившись къ одному изъ друзей покойнаго, спрашиваетъ у него въ полголоса: „Можетъ быть, вамъ понадобится ораторъ, чтобы говорить на могилѣ“?..

Дешомъ въ „Свѣтскомъ писателѣ“ обрисовываетъ литературныя кабачки и мелкіе рестораны, въ родѣ „Le rat blanc“, (очевидно, вмѣсто „Le chat noir“), расположенные преимущественно въ Монмартрскомъ предмѣстьѣ и служащіе сборными пунктами для литературной и артистической богемы, для „Гюгозавтрашняго дня и предполагаемыхъ Рембрандтовъ будущаго“. Потомъ онъ обращается къ характеристикѣ болѣе правильно организованныхъ и вліятельныхъ кружковъ,—но и тамъ находить,—вонечно, нѣсколько ступая краски,—только одно самолюбіе, партійность, суетность, рабскую погоню за модою... Въ томъ же романѣ очень остроумно характеризуются тѣ изъ буржуазныхъ салоновъ, куда различные новаторы и эксцентрики имѣютъ доступъ,—подъ условіемъ, чтобы они были занимательны и могли служить приманкою для гостей. Они не только декламируютъ свои стихи или читаютъ свои повѣсти,—нѣкоторые, въ угоду своимъ амфитріонамъ, занимаются спиритизмомъ, верченіемъ столовъ, гипнотизмомъ, хиромантіей и т. п. Съ другой стороны, въ „плутократическихъ“ салонахъ показываются иногда, въ качествѣ какого-то утонченнаго десерта, анархистскіе поэты, „въ смокингахъ и фракахъ, громающіе капиталистическій строй, сидя за столомъ, усыпаннымъ орхидеями, уставленнымъ драгоценною утварью и эмалевою посудой, пользуясь услугами лакеевъ въ бархатныхъ панталонахъ и шоловыхъ чулкахъ“. Когда тѣ или другіе писатели начинаютъ надоѣдать, ихъ быстро развѣнчиваютъ и замѣняютъ другими, болѣе интересными и модными...

Чтобы покончить съ литературными кружками и группами, пользовавшимися не вполне заслуженнымъ вниманіемъ современныхъ французскихъ беллетристовъ, и не умножать до безконечности числа отдѣльныхъ примѣровъ, достаточно будетъ упомянуть еще о тѣхъ остроумныхъ и мѣткихъ страницахъ, которыя были посвящены второстепеннымъ литераторамъ въ одномъ изъ болѣе раннихъ романовъ братьевъ Рони,—„Le termite“. Какъ только эти плодовые дѣятели словесности остаются въ своей компаніи и вполне увѣрены, что ихъ никто не подслушиваетъ, они сбрасываютъ съ себя маски, перестаютъ говорить о возвы-

шенныхъ предметахъ, съ наслажденіемъ перебирають разные слухи, сплетни и анекдоты, критикуютъ и разносятъ своихъ коллегъ, даютъ волю своей зависти, алчности и эгоизму... Получается самая неприглядная картина...

Гораздо интереснѣе и типичнѣе этихъ безчисленныхъ „хористовъ литературы“, которые зачастую смотрятъ на нее какъ на простое ремесло или выгодную карьеру, тѣ писатели, которые, быть можетъ, впадаютъ въ ошибки, заблуждаются, гонятся за призраками и миражами, но зато, по своему, все-же ищутъ новыхъ путей, стараются достигнуть болѣеи самобытности и оригинальности. Франсуа Альбеванъ, герой „Современнаго романа“,—встаети сказать, одного изъ слабѣйшихъ произведеній Леона Додэ,—неудовлетворенъ своею дѣятельностью, окружающимъ обществомъ, состояніемъ литературы, страстно жаждетъ обновленія, лихорадочно переходитъ отъ одной крайности къ другой. „Я бы хотѣлъ найти новую вѣру“,—восклицаетъ онъ въ одномъ случаѣ.—Иногда онъ начинаетъ отчаяваться въ плодотворности цивилизаціи и культуры, въ существованіи прогресса и, подобно Кларансэ, готовъ идеализировать непритязательную, близкую къ природѣ сельскую жизнь: „déprouvé du progrès“—такъ характеризуетъ его одинъ изъ его знакомыхъ. Встрѣча и сближеніе съ загадочною, своеобразною дѣвушкою изъ народа, Жакминою, окончательно дѣлаетъ изъ Альбевана врага современной культуры и городской жизни. Онъ чувствуетъ себя „слабымъ и робкимъ передъ этою дѣвушкою съ неукротимую душою“; жадно слушаетъ онъ ея пѣсни, импровизаціи и рассказы, и мечтаетъ о довольно туманномъ, мистическомъ сліяніи съ многомилліонною массою и проникновеніи въ тайны народной души и безыскусственнаго творчества...

Интераторъ Дюрталь, герой трехъ романовъ Гюйсманса, также относится къ категоріи искателей новыхъ идеаловъ. Его эксперименты и увлеченія иногда, правда, способны оттолкнуть насъ. Стараясь найти, среди общей пошлости и однообразія, что-нибудь оригинальное, новое, не шаблонное, за что можно было бы лихорадочно ухватиться, онъ въ романѣ „Là-bas“ обращаетъ вдругъ свое вниманіе на демонизмъ, служеніе сатанѣ, перечитываетъ произведенія средневѣковыхъ чернокожниковъ, временно становится самъ однимъ изъ адептовъ мрачнаго, дикаго ученія, соединеннаго съ возмутительною распущенностью,—все въ надеждѣ извѣдать сильныя ощущенія, трѣпиться отъ повседневной жизни, вульгарности и мелкихъ итересовъ, найти удовлетвореніе своимъ порывамъ въ невѣдомый міръ. Но нездоро-

вая и не-эстетичная сторона „демонизма“ скоро дѣлается слишкомъ очевидною такому чуткому и даровитому человѣку, какъ Дюрталь; съ чувствомъ неудовлетворенности и отвращенія, вычеркиваетъ онъ всю эту страницу изъ своей жизни, и начинаетъ стремиться къ новымъ идеаламъ, къ новымъ горизонтамъ... Въ романахъ „Въ дорогѣ“ и „Соборъ“ мы застаемъ его увлекающимся всею таинственною, поэтической и художественною стороною католицизма. Окончательно разочаровавшись въ современномъ Парижѣ, съ негодованіемъ отзываясь о литературномъ мірѣ, проникнутомъ завистью, интригами, эгоизмомъ и коварствомъ (онъ доходитъ до того, что противопоставляетъ средней руки писателей и журналистовъ нашихъ дней—честнымъ людямъ), Дюрталь, какъ новый Шатобрианъ, поддается обаянію средневѣковаго католицизма, его легендъ, искусства, готической архитектуры, благозвучнаго пѣнія, колокольнаго звона. Онъ ходитъ по церквамъ и монастырямъ, прочитываетъ цѣлую литературу старыхъ трактатовъ, житій святыхъ, историческихъ сочиненій, увлекается мистицизмомъ, знакомится съ произведениями знаменитыхъ мистиковъ, съ символическою красотою, растений, драгоценныхъ камней, колоколовъ, архитектурныхъ орнаментовъ. Въ романѣ „Соборъ“ мы видимъ, какъ онъ специально изучаетъ, во всѣхъ деталяхъ, величественный шартрскій храмъ, вмѣщающій до 1.800 человѣкъ, полный разнообразныхъ памятниковъ средневѣковаго искусства, выстроенный и украшенный барельефами и статуями по особому, символическому, таинственному плану... Прежній парижскій литераторъ, когда-то мечтавшій о славѣ и популярности, теперь разочарованный, нервный, одинокій, ищетъ утѣшенія, новыхъ эстетическихъ идеаловъ и непосредственныхъ вѣровавій подъ сумрачными сводами древняго храма.

Не всѣ безпокойные, страдающіе, вѣчно неудовлетворенные умы находятъ, конечно, прибѣжище и отраду въ сферѣ мистики и символическаго искусства. Нѣкоторые увлекаются до самозабвенія какою-нибудь идеей, всецѣло отдаются альтруистическимъ мечтамъ; другимъ суждено остаться всю жизнь неудовлетворенными и тоскующими, неспособными осуществить свои грезы и обрѣсти душевное равновѣсіе. Литераторъ Ноэль Сервэзъ, герой „Le termite“, официально считается натуралистомъ; но мы прекрасно видимъ, что онъ не можетъ удовлетвориться тою или другою программю, опредѣленнымъ кодексомъ. Сами авторы говорятъ о „мистицизмѣ нео-натуралиста“, который обнаруживаетъ Сервэзъ, понимающій натуралистическое теченіе совер-

шенно своеобразно, готовый вести борьбу со всякою рутинною. Нервный, страдающий нѣсколькими недугами, выносящий, время отъ времени, ужасныя мученія, онъ все же хочетъ создать что-то новое и сильное. Его тяготитъ, какъ тяжелый кошмаръ, сознаніе, что размѣръ его дарованія, быть можетъ, недостаточно великъ, что у него совершенно нѣтъ аналитической способности, умѣнья стать выше мелочей жизни. Онъ старается понять природу, вступить въ тѣсное общеніе съ нею. Въ своихъ произведеніяхъ онъ стремится, по мѣрѣ силъ, выразить что-то свое, особенно ему дорогое и близкое,—но критическіе отзывы объ его книгахъ убѣждаютъ его въ томъ, что его попытки остаются неудачными, такъ какъ его снова обвиняютъ въ слѣдованіи натуралистическому шаблону, въ отсутствіи оригинальности... Вплоть до послѣдней страницы романа мы видимъ отчаянныя попытки больного, чрезмѣрно впечатлительнаго человѣка найти, наконецъ, разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній и мучительныхъ загадокъ, убѣдиться въ томъ, есть ли у него настоящій талантъ, можетъ ли онъ внести въ натурализмъ что-нибудь новое, самобытное... Для большей ясности нужно имѣть въ виду, что Сервезу приходится дѣйствовать въ переходную пору, на рубежѣ 80-тыхъ и 90-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Литературная богема, наряду съ такими плачевными лицами, какъ Лавинь и подобные ему писатели, выставляетъ иногда и людей въ родѣ тѣхъ, о которыхъ только-что шла рѣчь. Въ романѣ Анатоля Франса „Красная лилія“ довольно большую роль играетъ, напримѣръ, нѣкто Шулеттъ, авторъ „Замкнутого сада“ и „Плодоваго сада св. Клары“, поэтъ съ безусловнымъ дарованіемъ, стремленіемъ къ оригинальности и независимости, несмотря на то, что нѣкоторыми своими вѣсами и приѣмами онъ невольно ставитъ насъ втупикъ и лишній разъ напоминаетъ о своей близости къ подлинной богемѣ... Внѣшній видъ его отличается какою-то дѣланною эксцентричностью, беспорядочностью и небрежностью; его можно, съ перваго взгляда, отнести къ числу представителей довольно обширной категоріи „длинноволосыхъ поэтовъ“, надъ которыми смѣется Рабюссонъ. Съ другой стороны, въ иныхъ отношеніяхъ это—безусловно больной человѣкъ, не свободный даже отъ нѣкоторой извращенности. Но Шулеттъ все-же цѣлою головою выше средняго уровня поэтовъ и стихотворцевъ, выходящихъ изъ среды богемы. Когда онъ бесѣдуетъ съ людьми, въ нему расположенными и принимающими въ немъ участіе, мы постепенно знакомимся съ его міросозерцаніемъ, фантастическими грезами, художественными идеалами,

съ тѣмъ, что въ обыкновенное время таится въ глубинѣ его души, подъ маскою загадочности, разгула или артистическаго самолюбивія. Шулеттъ создалъ въ своемъ воображеніи цѣлую утопію, осуществленіе которой, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, кажется ему возможнымъ. Ему грезится братство всѣхъ людей, преобразование современнаго общества, прекращеніе войнъ, отмена обременительныхъ налоговъ. Увлекаясь красотами католицизма, подобно Дюртало, создавая мистическія поэмы въ духѣ Верлена, — съ которыми, кстати сказать, у него есть много общаго, — онъ хотѣлъ бы дожить до „возрожденія истиннаго христіанства“, до той поры, когда католическая церковь отзовется на животрепещущіе, насущные вопросы современности, возьметъ на себя гуманитарную миссію. Шулеттъ, подобно Альбевану, чувствуетъ определенное тяготѣніе въ сторону народной массы, которую онъ даже склоненъ идеализировать. У всѣхъ этихъ „искателей правды“, несмотря на отдѣльныя ихъ увлеченія и ошибочныя взгляды, есть, безспорно, точки соприкосновенія съ писателями въ родѣ Дорсенна или Кларансэ въ пору ихъ перерожденія и попытокъ начать новую жизнь.

Для полноты нашего обзора, намъ остается коснуться критиковъ и публицистовъ, — занимающихъ болѣе или менѣе обособленное мѣсто въ пестромъ по составу парижскомъ литературномъ мірѣ. Среди критиковъ, выступающихъ въ современныхъ романахъ, преобладаетъ типъ опытнаго и проницательнаго аристарха, который стоитъ выше мелкихъ счетовъ и распрей, предпочитаетъ все определенное, прочное, надежное и неизмѣнное всему мимолетному, случайному, модному, и относится нѣсколько строго, но безъ придирокъ или насмѣшекъ, къ начинающимъ дѣятелямъ словесности. Когда Нери выпускаетъ свои романы и пьесы, и большая публика восторгается его творчествомъ, не рѣшаясь предъявлять къ его произведеніямъ болѣе строгія требованія, критикъ Лозе отваживается пойти наперекоръ общему мнѣнію, несмотря на свое знакомство съ Нери, — и пишетъ послѣднему откровенное, чистосердечное письмо, предупреждая его, что онъ въ своемъ ближайшемъ отзывѣ разгромитъ его книгу, какъ безнравственную и вредную. Другой критикъ, выступающій въ томъ же романѣ, Ношъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, также не скрываетъ своего взгляда на творчество Нери и весь его жанръ. Онъ настаиваетъ на томъ, что литература должна приносить пользу обществу, что она не можетъ быть простою игрушкой или забавою... Въ одномъ изъ своихъ разборовъ онъ прямо называетъ многія вещи Нери порнографіей

и заканчиваетъ свою статью этимъ характернымъ возгласомъ, обращеннымъ къ модному беллетристу: „довольно“!.. Больше мягкимъ и терпимымъ является престарѣлый критикъ Деламбръ — изъ романа: „На серединѣ жизненнаго пути“, хорошій знакомый и незамѣнимый совѣтникъ и руководитель самого Кларансэ. Доживъ до семидесяти-пяти лѣтъ, онъ имѣетъ позади себя долгую и почетную дѣятельность, одушевленную самыми лучшими принципами, приучившую его относиться спокойно и разсудительно ко всѣмъ новымъ литературнымъ явленіямъ. Когда Кларансэ, въ порывѣ самобичеванія, провозглашаетъ *есэ* свои сочиненія вредными и достойными осужденія и стыдится того, что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ, — убѣленный сѣдинами Деламбръ, который всегда первый былъ готовъ поддержать идеальныя стремленія автора „Невѣсты льва“ и его жажду самосовершенствованія, старается все-же успокоить и утѣшить его. Онъ напоминаетъ своему собесѣднику о томъ, что онъ не разъ обнаруживалъ крупный талантъ, оказалъ несомнѣнныя услуги литературѣ, что многія его произведенія будутъ еще долго читаться съ удовольствіемъ, что у каждаго писателя есть своя особая сфера, въ которой онъ себя чувствуетъ, какъ дома...

Не всѣ критики обазываются, конечно, разсудительными, вдумчивыми и независимыми, подобно тѣмъ, о которыхъ только-что шла рѣчь. Инымъ литераторамъ, дѣйствующимъ въ произведеніяхъ современной французской беллетристики и вкладывающимъ всю душу въ свое творчество, приходится иногда выносить тягостныя, томительныя минуты, прочитывая тѣ критическія статьи, въ которыхъ отдѣльныя ихъ книги толкуются вкривь и вкосъ, причемъ то, что хотѣлъ сказать авторъ, зачастую остается непонятымъ и неоцѣненнымъ. Бываютъ, однако, случаи, когда однимъ непониманіемъ и поверхностнымъ отношеніемъ дѣло не ограничивается. Въ „Парижѣ“ Зола выступаетъ, напримѣръ, какъ эпизодическое лицо, „вліятельный критикъ“, который покупаетъ свое вліяніе на публику и популярность цѣною разнаго рода компромиссовъ и ловкихъ дипломатическихъ маневровъ, со всѣми ладить и соглашается, когда это нужно, и приходитъ въ восторгъ, — испытываетъ даже нѣкоторый трепетъ, — при видѣ богатой, роскошной обстановки... Театральный критикъ Шанболль изъ романа „Карьера Андрэ Туретта“, Люсьена Мюльфельда, — олицетвореніе легкомыслія, эпикурейства и поверхностнаго отношенія ко всему, что онъ оцѣниваетъ; онъ больше похожъ на вивѣра, чѣмъ на литератора; въ концѣ своей дѣятельности, старый и разслабленный, онъ начинаетъ сотрудничать въ журналѣ

молодой партіи „Искусство Будущаго“, чтобы не отстать отъ моды... Еще хуже критикъ Онегэ—изъ „Современнаго романа“. Мы узнаемъ, что онъ составилъ себѣ карьеру путемъ подлизыванія ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ литературномъ, театральномъ и аристократическомъ мірѣ и, какъ говоритъ авторъ, *ползкомъ* добрался до своего настоящаго положенія... Если такіе субъекты попадаютъ даже среди болѣе или менѣе извѣстныхъ критиковъ, то второстепенные рецензенты, хроникеры и т. п., въ изображеніи французскихъ беллетристовъ, по большей части оказываются еще болѣе пошлыми, мелкими и безпринципными.

Что касается публицистовъ, редакторовъ или вліятельныхъ сотрудниковъ политическихъ органовъ, претендующихъ на руководящую роль въ общественной жизни, то обрисовка ихъ внутренняго міра, стремленій и взглядовъ можетъ быть сопоставлена съ тѣми обличеніями несовершенствъ и темныхъ сторонъ современнаго парламентаризма, которыя мы находимъ у Золя, Додэ, Рода, съ партійной окраской—у Вогюэ и т. д. Всѣ эти публицисты, пользующіеся иногда значительною популярностью, извлекающіе большіе доходы изъ своихъ изданій или руководящихъ статей на злобу дня, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются, по большей части, людьми безъ опредѣленныхъ убѣжденій, старающимися или обдѣлывать свои собственныя дѣла или подлаживаться подъ вкусы толпы. Таковъ Массо изъ романа „Парижъ“, „un enfant de Paris“, веселый, любезный, но совершенно безпринципный человѣкъ, не имѣющій никакихъ убѣжденій или „вѣрованій“, готовый бранить или хвалить кого угодно или кого ему велятъ. Онъ прекрасно видитъ насквозь тѣхъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло, знаетъ ихъ недостатки и пороки, но все-таки считаетъ нужнымъ и выгоднымъ поддерживать со всѣми сношенія, оставляя за собою право въ интимной бесѣдѣ откровенно высказаться объ изнанкѣ парламентарскаго и журнальнаго міра. Фонсэгъ, редакторъ газеты „Le Globe“, изъ того же романа,—лицо болѣе вліятельное и солидное, чѣмъ Массо; онъ играетъ видную роль въ политическихъ кругахъ, поддерживаетъ или дискредитируетъ министерства съ помощью своего распространенаго и могущественнаго органа, является и въ палатѣ, и въ салонахъ политическихъ дѣятелей—своимъ человѣкомъ. „Не вѣря ни въ Бога, ни въ діавола“, онъ изображаетъ изъ себя защитника порядка, собственности и семьи, хочетъ сдѣлать свою газету оплотомъ консервативной партіи... Его сочувствіе всегда—на сторонѣ людей, которые въ данную минуту пользуются шансами на успѣхъ и могутъ оказать ему поддержку.

Онъ былъ, повидимому, убѣжденнымъ сторонникомъ министерства Барру, такъ какъ считалъ его прочнымъ и популярнымъ; но онъ же, одинъ изъ первыхъ, нагло и беззащитно отвергается отъ своего недавняго союзника, почувявъ, что его время приходитъ къ концу,—и сближается съ его преемникомъ, хитрымъ дипломатомъ и оппортунистомъ Монферраномъ, готовый отстаивать отнынѣ его интересы...

Но „веселое безстыдство“ Массо и холодный утилитаризмъ Фонсэга—ничто въ сравненіи съ возмутительно развязностью и жаждою скандала, составляющею главную особенность третьяго публициста, о которомъ часто упоминается въ романѣ Золя. Редакторъ „Голоса народа“, литераторъ—пасквилянтъ Саньбэ, желая сдѣлать свою газету распространенною и косвенно оказывать вліяніе на политическій міръ, наполняетъ ея столбцы разнаго рода инсинуаціями, скандальными слухами, разоблаченіями, и достигаетъ своей цѣли. Многіе его бранятъ, презираютъ, пытаются игнорировать,—и все же въ глубинѣ души боятся его рѣзкихъ, вызывающихъ статей, и обязательно прочитываютъ ихъ каждое утро. У Саньбэ—неистощимый запасъ всякаго рода пасквилей; „потокъ грязи никогда не иссякаетъ,—онъ безостановочно прибавляетъ къ нему все новыя, совершенно непредвидѣныя гнусности“. Его обличенія не имѣютъ, впрочемъ, никакой идейной основы; онъ уже нѣсколько разъ мѣнялъ свои мнимыя убѣжденія и взялъ на себя несвойственную ему роль „цензора нравовъ“ исключительно для того, чтобы обратить на свою газету вниманіе. Массо, повидимому, отзываясь въ негодующемъ тонѣ о махинаціяхъ Саньбэ, въ то же время, несомнѣнно, завидуетъ его рѣзости и беззащитности и преклоняется передъ его успѣхомъ. „Это—бандитъ, и все же—человѣкъ очень сильный“,—откровенно заявляетъ онъ въ одномъ случаѣ.

Публицисты-дипломаты, оппортунисты или дѣльцы фигурируютъ вообще во многихъ произведеніяхъ современной французской беллетристики. Въ салонѣ извѣстной артистки Rose-Esther, одной изъ главныхъ героинь романа Вогюэ „Голоса мертвыхъ“, заходитъ рѣчь о парламентскихъ дѣлахъ, о предстоящемъ министерскомъ кризисѣ, причемъ одинъ изъ присутствующихъ, депутатъ Аристидъ Ассермъ, употребляетъ выраженіе: „мнѣніе страны“. Находящійся тутъ же популярный журналистъ переспрашиваетъ, съ искреннимъ смѣхомъ: „Мнѣніе страны?!.. Гдѣ это вы нашли таковаго диеовиннаго звѣря?“ — „Да у васъ же самихъ, на столбцахъ вашихъ газетъ!“ — „Благодарю васъ за комплиментъ! Вамъ стоить только сказать, какое мнѣніе для васъ желательно, и мы

его изготовимъ"! Въ томъ же романѣ мы читаемъ, что Парижъ по утрамъ извергаетъ „les sécrétions postures de ses presses“ — такъ смотреть Вогюэ на парижскую печать! Ренодэнъ, изъ „Безпочвенниковъ“ Барреса, со школьной скамьи попадающій въ журнальный и газетный міръ, вскорѣ дѣлается ловкимъ и безпринципнымъ журналистомъ, готовымъ писать о чемъ угодно. Въ „Опорѣ семьи“ Додэ также затронутъ вопросъ о недостаткахъ политической печати, готовой быть послушнымъ орудіемъ того или другого парламентскаго дѣятеля, съ болѣе или менѣе значительными средствами. Тейсье, герой романовъ Эдуарда Рода: „Частная жизнь Мишеля Тейсье“ и „Вторая жизнь Мишеля Тейсье“, одинъ изъ руководителей консервативной партіи, находитъ помощника и выразителя своихъ мыслей въ лицѣ нѣкоего Пейро, редактора газеты „Порядокъ“. Пейро — „ловкій тактикъ“, прекрасно понимающій, какую линію онъ долженъ вести, знающій, какъ свои пять пальцевъ, весь политическій міръ и взаимныя отношенія партій. Но онъ не особенно разборчивъ и щепетиленъ въ дѣлѣ выбора средствъ для борьбы съ противниками, — и честному, прямолинейному по натурѣ Тейсье приходится иногда сдерживать и обуздывать его неумѣренное усердіе, несмотря на все желаніе положить конецъ господству враждебной партіи. Нѣкоторые политическіе дѣятели сами издають партійныя органы; депутатъ Карденеттъ въ „Свѣтскомъ писателѣ“, какъ говоритъ авторъ, „продавшій свой умъ глупцамъ и негодьямъ, главою которыхъ онъ сдѣлался“, — желая выставить себя крайнимъ демократомъ, основываетъ газету „Французская демократія“, чтобы обезпечить себѣ влияние на избирателей и подготовить себѣ почетную роль въ парламентѣ или министерскій портфель...

Во всѣхъ этихъ характеристикахъ дѣятелей политической печати есть, конечно, известная доля утрировки; краски, мѣстами, слишкомъ уже сгущены, отрадныхъ исключеній мы почти не видимъ... Это всецѣло объясняется желаніемъ современныхъ французскихъ писателей обличить темныя стороны парламентаризма, какъ онъ теперь поставленъ во Франціи, и набросать программу его возрожденія и обновленія, которая грезится энтузиастамъ въ родѣ Ивоара изъ „Опоры семьи“. Ту же строгость и требовательность мы могли замѣтить и въ отношеніи современныхъ беллетристовъ къ тѣмъ романистамъ, поэтамъ и драматургамъ, которые выступаютъ въ ихъ произведеніяхъ. Суетность, тщеславіе, поверхностное отношеніе къ жизни, дилеттантизмъ, отсутствіе твердыхъ убѣжденій, склонность къ позѣ и рисовкѣ, — вотъ тѣ

свойства, которыми, какъ мы видѣли, отличается средній уровень этихъ героевъ. Пеллиссе высказывалъ недавно мнѣніе, что болѣе симпатичныя, серьезные и правдивые писатели совсѣмъ не появляются въ современной беллетристикѣ; онъ сдѣлалъ исключеніе только для Сандо изъ „L'oeuvrе“ Золя. Этотъ приговоръ, быть можетъ, слишкомъ уже суровъ и категориченъ; у отдѣльныхъ литераторовъ, изображенныхъ ихъ же собратьями, есть все-таки извѣстные запросы, порывы, идеальныя стремленія, наконецъ, природный талантъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ было указано выше, послѣ ряда заблужденій и ошибокъ, испытываютъ стремленіе къ новой жизни и полезной для окружающаго общества дѣятельности.

Если, наряду съ этимъ, во французской беллетристикѣ нашихъ дней, особенно охотно и часто изображаются темныя стороны литературнаго міра,—это служить только вѣскимъ аргументомъ въ пользу тѣхъ авторовъ, у которыхъ мы находимъ подобныя нападки и обличенія (карикатурныя оцѣнки въ счетъ не идутъ). Способность отнестись критически къ своей же собственной средѣ и выставить на показъ ея недостатки и отрицательныя стороны, безъ ложно понятой гордости и кастоваго духа, свидѣтельствуетъ о разумномъ и широкомъ взглядѣ отдѣльныхъ писателей на призваніе и задачи дѣятелей словесности. Тамъ, гдѣ нѣтъ такой объективности и вѣчной неудовлетворенности, не можетъ быть и настоящаго прогресса. Сознательное отношеніе извѣстнаго класса или группы лицъ къ своимъ недостаткамъ—залогъ лучшаго будущаго.

II.

Одинъ изъ героевъ романа Вандерэма: „Два берега“, почтенный ученый Рэндалъ, въ разговорѣ съ дочерью, высказываетъ ту мысль, что постороннія лица пришли бы въ ужасъ, еслибы узнали, сколько недостойнаго можно найти въ научномъ мірѣ, который издали кажется сферою чистаго знанія и безкорыстнаго труда на пользу человѣчества... Самъ—безусловно независимый труженикъ науки, онъ возмущается тѣми интригами и рѣзкими проявленіями расчета, педантизма или невѣжества, которыя ему приходится видѣть вокругъ себя. Но его собственная дѣятельность служитъ противовѣсомъ всѣмъ этимъ отрицательнымъ явленіямъ, блестящимъ доказательствомъ того, что та же самая среда, которая создаетъ и выдвигаетъ иногда ловкихъ карьеристовъ и не по

заслугамъ прославленныхъ ученыхъ, заключаетъ въ себѣ, наряду съ этимъ, не мало дѣйствительно свѣдущихъ, честныхъ и неподкупныхъ работниковъ. Такъ и въ современной французской беллетристикѣ, наряду съ правдивымъ, часто сатирическимъ изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ научнаго міра и цѣлой портретной галереи педантовъ и шарлатановъ, мы найдемъ немало героев противоположнаго оттѣна, твердо вѣрящихъ въ науку и ея призваніе, стремящихся сдѣлать свой вкладъ въ общую просвѣтительную работу, содѣйствовать постепенному расширенію сферы научнаго познанія. Рука объ руку съ медіками, профессорами университета, членами академіи и т. п., идутъ, въ данномъ случаѣ, философы и мыслители-добровольцы, если такъ можно выразиться, не занимающіе того или другого положенія, быть можетъ, не имѣющіе соответствующихъ дипломовъ, но все же искренно увлеченные общими вопросами, мечтающіе о возрожденіи современнаго человѣчества, о торжествѣ науки, цивилизаціи, истинной гуманности, часто являющіеся выразителями мыслей и идеаловъ автора ¹⁾.

Медицинскій міръ, представленный многочисленными докторами, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, фигурирующими во французскихъ романахъ и пьесахъ, наряду съ людьми другихъ профессій, сдѣлался предметомъ specialнаго изображенія въ известномъ романѣ Леона Додэ: „Les morticoles“. Роману этому—одному изъ болѣе раннихъ произведеній автора „Современнаго романа“—очень повезло; онъ выдержалъ (вплоть до настоящей минуты) болѣе двадцати изданій, читался въ свое время нарасхватъ. Но это обширное произведеніе, всецѣло посвященное парижскому медицинскому міру, не даетъ, конечно, полнаго и точнаго понятія о той средѣ, которую хочетъ изобразить авторъ. Предъ нами—тенденціозно написанный памфлетъ, чтобы не сказать—пасквиль, въ которомъ красен нарочно сгущены, всѣ отрицательныя явленія выдвинуты на первый планъ, о положительныхъ же совсѣмъ умалчивается... По внѣшней формѣ романъ

¹⁾ См., между прочимъ: Paul Hervieu, „Les paroles restent“ (1892); Emile Zola, „Le docteur Pascal“ (1893), „Paris“ (1898); Maurice Barrès, „L'ennemi des lois“ (1893), „Les déracinés“ (1897); Léon Daudet, „Les morticoles“ (1894), „Sebastien Gouvé“ (1892); J. H. Rosny, „L'impérieuse bonté“ (1894), „Les âmes perdues“ (1899), „La charpente“ (1900); Anatole France, „Le lys rouge“ (1895), „L'arme du mail“, „Le mannequin d'osier“, „L'anneau d'améthyste“ (1899); Fernand Vandérem, „Les deux rives“ (1897); J. Sageret, „L'orchidée“ (1898); Dollivet, „Sale Juif“ (1898); François de Curel, „La nouvelle idole“ (1899); Vogüé, „Les morts qui parlent“ (1899); M. Donnay et L. Descaves, „La Clairière“ (1900); J. Rameau, „Le bonheur de Christiane“ (1900).

Додэ представляет собою новѣйшее подражаніе „Путешествію Гулливера“, Свифта,—вліяніе котораго опредѣленно сказывается во многихъ главахъ этого полу-фантастическаго, полу-реальнаго произведенія, изображающаго медицинскій факультетъ подъ видомъ какаго-то острова, находящагося во власти могущественнаго племени „morticoles“ (буквально: „воздѣлывающихъ смерть“ или „служащихъ смерти“). Главный герой, отъ имени котораго ведется разсказъ, во время своихъ скитаній по бѣлому свѣту, случайно попадаетъ на этотъ островъ, ставъ жертвою бури и потерявъ изъ виду своихъ спутниковъ. Во время своего вынужденнаго пребыванія въ кругу „morticoles“, которые, конечно, слѣшаютъ подчинить своей власти и сдѣлать своимъ послушнымъ орудіемъ этого чужестранца, онъ имѣетъ возможность изучить ихъ нравы, обычаи, взаимныя отношенія, характеръ дѣятельности. Описывая это царство докторовъ, которые поработили коренное населеніе острова и держатъ его въ вѣчномъ страхѣ, Додэ изображаетъ ихъ всѣхъ въ необыкновенно мрачномъ или, наоборотъ, явно карикатурномъ свѣтѣ. Это—какая-то коллекція шарлатановъ, карьеристовъ, людей, алчныхъ до денегъ, исповѣдующихъ грубый матеріализмъ и атеизмъ, смотрящихъ на свою профессію какъ на выгодное ремесло. Всѣ эти доктора, надѣленные въ романѣ какими-то дикими именами, въ родѣ Бустибра, Футанжъ, Сервелье, совершенно равнодушны къ людскимъ страданіямъ, часто являются настоящими палачами своихъ пациентовъ, щеголяютъ своимъ цинизмомъ. Многие изъ нихъ—абсолютные шарлатаны, злоупотребляющіе гипнотизмомъ и различными патентованными средствами, нарочно прописывающіе, для устрашенія пациентовъ, мудренныя лекарства, съ дико звучащими названіями, въ родѣ какихъ-то „сульфу-потассо-магнезіо-кальциноводяческихъ водъ“, и совершенно невѣжественные въ медицинѣ. Всѣ члены могущественной касты, господствующей надъ островомъ, преисполнены самомнѣвія и самообожанія, въ душѣ ненавидятъ другъ друга и прибѣгаютъ къ самымъ низкимъ интригамъ, чтобы подставить ногу своему же товарищу и занять его мѣсто. Нужно ли говорить, что подобная характеристика извѣстнаго сословія, превращающаяся въ настоящій обвинительный актъ, не можетъ дать о немъ сколько-нибудь близкаго къ истинѣ представленія, такъ какъ ни одного отраднаго факта авторъ не нашелъ возможнымъ отмѣтить въ изображаемой имъ средѣ... Едва-ли не единственный французскій романъ нашихъ дней, *спеціально* посвященный характеристикѣ медицинскаго міра, повидимому, имѣвшій цѣлью возродить знаменитыя нападки на

докторовъ, встрѣчающіся у Мольера, является, такимъ образомъ, крайне одностороннимъ и партійнымъ произведеніемъ, отчасти направленнымъ, къ тому же, противъ опредѣленныхъ единичныхъ лицъ.

Гораздо интереснѣе для насъ тѣ врачи, которые выступаютъ въ современныхъ романахъ и драматическихъ произведеніяхъ, затрогивающихъ медицинскій міръ только мимоходомъ, наравнѣ съ другими классами общества. Ихъ можно было бы раздѣлить на нѣсколько категорій, такъ какъ болѣе безпристрастные и объективные наблюдатели отмѣтили въ средѣ французскихъ докторовъ нашего времени немало различныхъ оттѣнковъ. Наряду съ парижскими врачами,—во всякомъ случаѣ, болѣе развитыми или, по крайней мѣрѣ, получившими известной внѣшней лоскъ, мы видимъ захолустныхъ эскулаповъ, на которыхъ провинціальная жизнь уже наложила свой отпечатокъ. Среди нихъ попадаются оригиналы и чудаки, въ родѣ Форнероля—изъ романа Анатоля Франса: „Le mannequin d'osier“, который, когда мѣстный судъ приговариваетъ одного преступника къ смертной казни за убійство, очень интересуется вопросомъ о томъ, нельзя ли кожу этого преступника препарировать и сохранить въ музей для потомства. Нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ чисто буржуазныя свойства, совершенно втягиваются въ провинціальную жизнь, занимаются своимъ дѣломъ безъ всякой любви къ нему, и мало чѣмъ отличаются отъ всего окружающаго общества. Дядя романиста Нери—изъ романа „Орхидея“ Сажера—докторъ Эзи превратился въ самаго типичнаго провинціала, интересуется разного рода слухами и сплетнями, обнаруживаетъ задатки скопидома и расчетливаго хозяина. Когда Нери желаетъ добиться, чтобы ему позволили уѣхать пораньше со свадьбы дочери Эзи, послѣдній не слушаетъ никакихъ доводовъ и не соглашается его отпустить; тогда Нери начинаетъ увѣрять, что у него есть обратный билетъ, который утратить силу, если онъ не воспользуется имъ въ тотъ же день. Противъ этого аргумента докторъ не можетъ уже ничего возразить; забота объ экономіи трогаетъ его сердце, кажется ему такую уважительною причиною, передъ которою умоляютъ всѣ другія соображенія... Даже по внѣшнему виду и по языку Эзи трудно принять за человѣка, такъ или иначе прошедшаго университетъ, принадлежащаго къ интеллигентному классу. Выбирая обстановку для своей дочери, передъ ея замужествомъ, онъ восклицаетъ въ одномъ случаѣ: „Вотъ практичная мебель! совсѣмъ американская!“ Этимъ эпитетомъ, —

говорить авторъ, — „онъ хотѣлъ обозначить послѣднее слово уточненнаго прогресса“!..

Такия личности, какъ Эзи, отнюдь не принадлежа, конечно, къ свѣтлымъ явленіямъ медицинскаго міра, вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ быть отнесены и къ безусловно отрицательнымъ типамъ, позорящимъ всю корпорацію и подрывающимъ довѣріе къ медицинѣ. Это просто—безцвѣтные, ординарные люди... Но въ современныхъ романахъ и пьесахъ являются и доктора съ болѣе опредѣлившіеся въ ту или другую сторону нравственною фізіономіею, съ болѣе рѣзкими индивидуальными чертами, люди свѣдущіе, искренно преданные наукѣ—и абсолютные невѣжды, шарлатаны; безребренники, идеалисты, всецѣло отдающіеся служенію ближнимъ,—и ловкіе дѣльцы, желающіе только составить себѣ карьеру. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, чувствуется со стороны автора извѣстная идеализація,—или, наоборотъ, если дѣло идетъ о лицахъ противоположной категоріи,—чрезмѣрное сгущеніе красокъ... Попадаются, наконецъ, отдѣльные медики, внутренній міръ которыхъ обрисованъ вполне объективно, такъ что они кажутся выхваченными изъ жизни. Нечего и говорить, что положительные и отрицательные типы отмѣчаются французскими беллетристами, какъ въ средѣ столичныхъ врачей, такъ и въ кругу ихъ провинціальныхъ коллегъ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей типа „врача-идеалиста“ является, на примѣръ, докторъ Аллейрасъ изъ пьесы Доннэ и Декава „La clairière“, живущій въ глухомъ городѣ, гдѣ повластно царятъ сплетни, интриги, предрасудки,—и все-же не утрачивающій бодрости духа, интереса къ медицинѣ, сочувствія къ людскимъ страданіямъ. Онъ дѣлаетъ много добра мѣстному населенію, такъ какъ его дѣятельность, какъ врача, носитъ филантропическую окраску, всегда первый приходитъ на помощь во время общественныхъ бѣдствій или катастрофъ. Когда его пациенты требуютъ отъ него чего-либо противнаго врачебной этикѣ или его внутреннему убѣжденію, на примѣръ, извѣстнаго рода операций, онъ отвѣчаетъ категорическимъ отказомъ. Чтобы не отстать отъ современныхъ научныхъ теченій, онъ не ограничивается одною практикою, постоянно занимается въ своей лабораторіи, дѣлаетъ различные опыты. Въ общественной жизни онъ показываетъ примѣръ стойкости, энергіи и независимости, отважно вступаетъ въ борьбу съ цѣлымъ городомъ, напоминая ными чертами характера Ибсеновскаго „доктора Штокмана“. Такимъ же филантропомъ, какъ Аллейрасъ, является молодой столичный врачъ, еврей по происхожденію, Рене Леви, изъ ро-

мана „Sale Juif“ Долива. Добившись докторскаго диплома, вопреки всѣмъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, онъ поражаетъ пациентовъ своимъ безсребренничествомъ, беретъ за медицинскій совѣтъ, что ему даютъ, бѣдныхъ лечитъ даромъ, не дѣлая притомъ разницы между людьми различныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Но его происхожденіе портитъ ему всю карьеру, какъ оно испортило его ученическіе годы; товарищи-врачи относятся къ нему недоувѣрчиво, даже враждебно, при случаѣ не прочь уволоть его самолюбіе... Къ числу идеально-честныхъ и безкорыстныхъ медиковъ принадлежитъ и главный герой романа Жана Рамо, „Счастье Христіаны“, докторъ-психіатръ Гюберъ Дюплесси, грустная исторія котораго рассказана авторомъ съ большимъ талантомъ и задушевностью. Извѣдавъ въ жизни очень мало счастья, всецѣло уйдя въ свою работу, онъ неожиданно влюбляется въ красивую, обаятельную молодую дѣвушку, Христіану, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Одно время онъ искренно мечтаетъ о той порѣ, когда онъ сдѣлается мужемъ Христіаны, узнаетъ, наконецъ, истинную ласку, будетъ имѣть свой собственный уголокъ. Повидимому, все благопріятствуетъ осуществленію этой мечты,—и хорошее мѣсто, занимаемое докторомъ, и его матеріальное положеніе, и состояніе его здоровья, и сочувственное отношеніе матери Христіаны. Но Дюплесси не даромъ посвятилъ такъ много времени леченію душевно-больныхъ и основательно изучилъ всѣ разнообразныя симптомы ихъ недуга (нельзя не отмѣтить, встати, очень интересную, полную драматизма главу романа, изображающую балъ въ Salpêtrière). Къ своему невыразимому ужасу, онъ начинаетъ вдругъ замѣчать у самого себя нѣкоторые признаки первичной стадіи прогрессивнаго паралича! Для непосвященныхъ людей эти признаки совершенно незамѣтны и не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго; но Дюплесси, какъ медикъ, умѣетъ отнести въполнѣ здраво и трезво къ своему собственному здоровью, не дѣлая себѣ иллюзій, хотя въ данную минуту его состояніе еще вполнѣ удовлетворительно... Онъ тотчасъ же опредѣляетъ, что ему осталось жить всего три года, предугадываетъ послѣдовательныя фазисы болѣзни, обдумываетъ, что ему слѣдуетъ теперь дѣлать... И, какъ благородный, правдивый человекъ, онъ тотчасъ же рѣшаетъ, что его бракъ съ Христіаною былъ бы преступленіемъ съ его стороны, разъ онъ оказался неизлечимо больнымъ; онъ разбиваетъ свои мечты о счастьѣ, отрываятъ дѣвушкѣ всю правду; видя, что она и послѣ этого не соглашается забыть его, онъ прибѣгаетъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы со-

здать между ними цѣлую пропасть, и, подавляя свое горе и отчаяніе, убѣждает Христіану выйти за другого...

Если такіе врачи, какъ Леви, Аллейрасъ или Дюплесси, привлекаютъ наше сочувствіе, главнымъ образомъ, какъ друзья всѣхъ страждущихъ и безкорыстные труженики, — другіе представители лучшей части медицинскаго міра стараются, по мѣрѣ силъ, двигать впередъ науку, уединяются отъ людей, становятся настоящими отшельниками, чтобы всецѣло посвятить себя различнымъ изслѣдованіямъ и экспериментамъ. Докторъ Паскаль съ теченіемъ времени почти абсолютно отказывается отъ практики, дѣлая исключеніе только для тѣхъ случаевъ, когда его присутствіе у изголовья больного безусловно необходимо и никто не можетъ замѣнить его. Зато онъ съ увлеченіемъ занимается своими опытами, стараясь выработать, во что бы то ни стало, то цѣлебное средство, прививка котораго можетъ, по его предположенію, возродить современное нервное человѣчество, вдохнуть въ него новую жизнь. Онъ проводитъ большую часть времени въ своей лабораторіи, не смущаясь неудачами и трудностями, твердо увѣренный въ томъ, что, рано или поздно, его изслѣдованія увѣнчаются успѣхомъ (насколько правдоподобнымъ является въ дѣйствительности открытіе такого магически дѣйствующаго средства — въ данномъ случаѣ безразлично). Пусть всѣ отворачиваются отъ него, считая его фантазеромъ, чуть не помѣшаннымъ, и по всѣмъ окрестностямъ ходятъ самые неблагоприятные и дикіе слухи объ его дѣятельности и научныхъ опытахъ, пусть сама Клотильда вначалѣ относится скептически къ его работѣ, — онъ все-таки не оставитъ своихъ экспериментовъ, не признаетъ себя побѣжденнымъ! Наряду съ этимъ, онъ продолжаетъ заниматься теоріей наслѣдственности, стараясь придать ей стройный видъ и прочно обосновать ее. Его настроеніе передъ смертью, трезвое, строго научное отношеніе къ своей собственной болѣзни, постепенное развитіе которой онъ, подобно Дюплесси, опредѣляетъ съ математическою точностью, — все это рисуетъ Паскаля человѣкомъ науки, для котораго чисто терапевтическая сторона медицины гораздо менѣе интересна. Такою же вѣрою въ науку и ея будущее отличается герой весьма любопытной, въ свое время вызвавшей немало толковъ пьесы Франсуа де-Кюреля, „Новый кумиръ“, — популярный и даровитый парижскій медикъ Альберъ Донна, человѣкъ, которому, по словамъ его жены, „наука наполняетъ всю жизнь“. Постоянно занятый разными научными проблемами, охваченный желаніемъ сдѣлать свой вкладъ, открыть что-нибудь новое, способное принести со временемъ бла-

стящіе плоды, онъ не теряетъ надежды, съ помощью особыхъ предохранительныхъ прививокъ, съ теченіемъ времени придать менѣе угрожающій характеръ тѣмъ болѣзнямъ, которыя прежде считались неизлечимыми. Чтобы провѣрить нѣкоторыя свои предположенія на практикѣ, онъ долженъ производить опыты надъ живыми людьми; несмотря на то, что объектами его наблюдений и экспериментовъ являются въ парижскихъ больницахъ исключительно лица безнадежно больныя, приговоренныя докторами къ смерти, которымъ онъ смѣло можетъ привить самый страшный ядъ, образъ дѣйствій Донна мало-по-малу начинаетъ вызывать нареканія, въ публикѣ его почти во всеуслышаніе называютъ убійцею, одно время ему грозитъ преслѣдованіе со стороны властей, и его собственные товарищи-медики отворачиваются отъ него. „Эти дорогіе коллеги!—съ ироніей восклицаетъ Донна:—они идутъ, поднявъ голову, потому только, что имъ посчастливилось никогда не быть уличенными; ихъ совѣсть чиста,—потому что ихъ мозгъ бесплоденъ“. Донна отстаиваетъ свое право дѣлать опыты надъ единичными людьми, въ интересахъ оздоровленія всего человѣчества. „Если генераламъ позволено жертвовать цѣлыми полками для блага страны, то совершенный предрасудокъ—оспаривать у любого ученаго право пожертвовать нѣсколькими человѣческими жизнями для великаго открытія, въ родѣ прививки водобоязни или дифтерита“. „Мы всѣ, искатели научныхъ истинъ,—едва замѣтныя головы, мельбающія надъ необъятнымъ озеромъ невѣжества, и мы тянемся, съ трогательнымъ единодушіемъ, въ сторону желаннаго свѣта“... Но Донна—не только пытливый ученый и энтузіастъ: это, вмѣстѣ съ тѣмъ, благородный и безусловно честный человѣкъ. Когда онъ убѣждается въ томъ, что чахоточная дѣвушка, которой онъ привилъ бациллы рака, противъ всякаго ожиданія вылечилась отъ чахотки и должна теперь, по его винѣ, выносить другую, страшную, все еще неизлечимую болѣзнь, онъ прививаетъ самому себѣ эти бациллы, точно желая покарать себя за то, что онъ обрекъ на продолжительныя мученія это молодое существо,—хотя бы и совершенно неумышленно!..

Съ далекаго юга, изъ Прованса, явился въ Парижъ другой неутомимый труженикъ и фанатикъ своего дѣла, докторъ Себастьянъ Гувэ,—изъ романа Леона Додэ, того же имени,—мечтавшій о томъ времени, когда онъ будетъ имѣть возможность заняться своими научными изслѣдованіями, не думая о насущномъ хлѣбѣ. Честный, добродушный и увлекающійся, — „ни атеистъ, ни матеріалистъ, ни позитивистъ“,—какъ замѣчаетъ

авторъ,—Гувэ не имѣеть ничего общаго ни съ шарлатанами, которые его окружають иногда въ Парижѣ, ни съ узкими педантами. Онъ интересуется, наряду съ наукою, также и литературою, живописью, музыкою Бетховена, но на первомъ планѣ все-же стоитъ у него медицина и соприкасающіяся съ нею отрасли знанія. Въ его лицѣ Леонъ Додэ, который въ „Les morticoles“ отмѣчалъ только отрицательныя явленія медицинскаго міра, хотѣлъ обрисовать типъ скромнаго провинціального труженника, который знаетъ гораздо больше многихъ популярныхъ и модныхъ врачей,—и всегда, однако, останется въ тѣни, такъ какъ не принадлежитъ въ членамъ медицинскаго факультета, не получилъ званія профессора и, съ другой стороны, не обладаетъ тою развязностью и самонадѣянностью, съ помощью которой другіе выходятъ въ люди. Гувэ попадаетъ въ Парижъ, вызванный туда очень моднымъ, но глубоко невѣжественнымъ докторомъ Мерсье, который, предложивъ ему „работать вмѣстѣ съ нимъ въ его лабораторію“,—втайнѣ рѣшилъ, рано или поздно, воспользоваться его открытіями и присвоить ихъ себѣ. Добродушный провансалець, ничего не подозревая, спѣшитъ въ Парижъ, довольный тѣмъ, что онъ можетъ теперь стать изслѣдователемъ, человѣкомъ науки, оставивъ на время прѣктику. Онъ тотчасъ попадаетъ въ лапы Мерсье, который искусно отводитъ ему глаза, увѣряетъ въ своемъ уваженіи и горячей симпатіи, твердо рѣшивъ слѣдить за всѣми его работами. Только совершенно случайная, купленная дорогою цѣною протекція помогаетъ Гувэ, находящему, въ общемъ, сочувствіе только въ кругу такихъ же скромныхъ и безкорыстныхъ медиковъ, какъ онъ самъ, отстоять свои интересы, когда низость Мерсье становится очевидною, даетъ ему возможность доказать свои авторскія права на тѣ изслѣдованія, основныя положенія которыхъ, беззащитный карьеристъ собирается изложить публично отъ своего собственнаго имени. Въ самомъ концѣ романа, одержавъ побѣду надъ своимъ противникомъ и всею его партіей, Гувэ произноситъ очень любопытную рѣчь, доказывая, что наука должна сблизиться съ жизнью, служить интересамъ человѣчества. „Самымъ важнымъ открытіемъ, которое я сдѣлалъ въ эти дни, когда я страдалъ отъ несправедливости и равнодушія, было то, что я понялъ задачу ученыхъ будущаго, отзывчивыхъ, дѣятельныхъ, спустившихся съ интеллектуальныхъ и умозрительныхъ высотъ для блага толпы“...

Антагонистъ Гувэ, докторъ Эфраимъ Мерсье, „членъ академіи и многихъ другихъ ученыхъ обществъ“, „честолюбивый, смышленный и плутоватый человѣкъ, добившійся въ очень молодые

годы большой извѣстности, благодаря деньгамъ, вліянію женщинъ и интригамъ“, — одинъ изъ самыхъ типичныхъ представителей противоположной группы докторовъ, чуждыхъ идеализма и живого интереса къ наукѣ. „Красавецъ Ефраимъ“, какъ его называютъ влюбленныя пациентки, въ научномъ отношеніи — абсолютное ничтожество; онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного самостоятельнаго открытія, но очень ловко выѣзжалъ на эксплуатаціи разныхъ бѣдняковъ и неудачниковъ, продававшихъ ему свои рукописи въ трудную минуту. Это не мѣшаетъ ему, въ разговорѣ съ Гувэ, нахально расхваливать свои собственные заслуги, поразительную дѣятельность своего интеллекта. „Мой мозгъ—это настоящая кузница, въ которой идетъ оживленная работа... мѣхи вздуваются, пламя трещить... я одновременно занятъ двадцатью различными гипотезами!..“ У Мерсье есть цѣлая партія, всегда готовая взять его сторону и отстаивать его интересы; его союзники найдутся въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества, отъ университетскаго міра до аристократическаго сень-жерменскаго предмѣстья. Многими чертами своего характера Мерсье очень напоминаетъ одного изъ главныхъ врачей, изображенныхъ въ „Les Morticoles“, Вабангейма. Этотъ послѣдній также выведенъ беззащитнымъ карьеристомъ и шарлатаномъ, который все время думаетъ только о почестяхъ и деньгахъ, вступаетъ въ сдѣлку съ мѣстнымъ аптекаремъ и вслѣдствіе этого нарочно прописываетъ больнымъ дорогія лекарства, ненавидитъ своихъ коллегъ, завидуетъ имъ и опасно заболѣваетъ, когда его конкурентъ получаетъ во время факультетскихъ выборовъ больше голосовъ, чѣмъ онъ самъ. Вѣрный своимъ антисемитическимъ воззрѣніямъ, Леонъ Додэ нарочно сдѣлалъ и Вабангейма, и Мерсье евреями, — хотя подобные субъекты могутъ, конечно, встрѣтиться и среди чистокровныхъ французовъ. Онъ считалъ даже возможнымъ заставить перваго коверкать французскій языкъ, а втораго онъ часто обозначаетъ словами: „этотъ коварный и низкій еврей“, — какъ будто въ данномъ случаѣ дѣло шло, прежде всего, объ его происхожденіи!.. Ассистентъ Мерсье, молодой врачъ Гилонъ, коренной французъ, вполне стоитъ своего патрона! Онъ является его услужливымъ клеветомъ, шпионитъ, по его порученію, за Гувэ, доноситъ ему о каждомъ шагѣ довѣрчиваго провансальца, наконецъ, тайно похищаетъ изъ лабораторіи рукопись неутомимаго работника, чтобы отвезти ее къ Мерсье, а послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ всѣ нужныя выписки, незамѣтно положить ее на прежнее мѣсто. Образъ дѣйствій такихъ лицъ граничить уже съ уголовнымъ преступленіемъ; есть, наряду съ этимъ, и

такіе врачи, дѣятельность которыхъ не носить, правда, такого зловреднаго характера, но все же отнюдь не свидѣтельствуетъ и о серьезности и глубинѣ ихъ познаній или вполне добросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу... Дюбуа Дюшеръ,—изъ пьесы Эрвье: „Слова остаются“,—какъ мы узнаемъ, „вполнѣ свѣтскій докторъ, про котораго, сверхъ того, говорятъ, что онъ влюбляется во всѣхъ своихъ пациентовъ“. Seriously заниматься наукою онъ не имѣетъ ни времени, ни желанія. Когда въ обществѣ заходитъ рѣчь о медицинѣ, онъ отдѣляется шутками и островами; говорятъ, напримѣръ, о томъ, что далеко не всѣ исполняютъ предписанія врачей; „еслибы наши кліенты,—замѣчаетъ Дюбуа,—исполняли въ точности все, что мы предписываемъ, доктора скоро лишились бы практики!...“

Къ представителямъ различныхъ отдѣлковъ медицинскаго міра тѣсно примыкають люди науки, дѣйствующіе на другихъ поприщахъ, естествоиспытатели, историки, археологи, члены академіи, педагоги и пр.,—въ средѣ которыхъ отдѣльные беллетристы также отмѣчаютъ немало и положительныхъ, и отрицательныхъ явленій. Подобно доктору Паскалю, Гильомъ Фроманъ, братъ Пьера,—изъ романа „Парижъ“,—свѣдущій и даровитый химикъ, совершенно перерождается, когда входитъ въ свою лабораторію, гдѣ онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ. Занимаясь своими химическими опытами, подготовляя открытіе, которое, если оно осуществится, должно произвести, по его мнѣнію, цѣлый переворотъ въ жизни европейскихъ націй, онъ съ кажимъ-то благоговѣніемъ говоритъ о наукѣ, которая вдохновляетъ его, вносить что-то возвышенное, идеальное, почти поэтическое въ его существованіе, не согрѣваемое другими вѣрованіями... Онъ постоянно имѣетъ въ виду будущіе вѣка и убѣжденъ въ томъ, что постепенные успѣхи знанія больше, чѣмъ всѣ насильственные дѣйствія лицъ въ родѣ Сальва, могутъ улучшить судьбу человѣчества. Если одно время онъ какъ будто готовъ измѣнить своей обычной программѣ, перейти къ рѣшительнымъ и, въ общемъ, безцѣльнымъ дѣйствіямъ, это—лишь мимолетный пароксизмъ, вызванный сильнымъ потрясеніемъ и вспышкой негодованія. Когда онъ говоритъ о будущемъ, въ его рѣчахъ чувствуется энтузіазмъ и твердая, чисто пророческая увѣренность... Съ нимъ вполне солидаренъ въ этомъ случаѣ его ученый другъ, естествоиспытатель Бертеруа, съ его скептическимъ отношеніемъ къ толкамъ о банкротствѣ науки, вѣрою въ прогрессъ и строго-научнымъ міросозерцаніемъ. Доживъ до семидесяти лѣтъ, занимая видное положеніе, достигнувъ всевозможнымъ почестей и отличій, знаменитый химикъ сохра-

нилъ свѣжесть ума и чисто юношескую душу, и, сидя у изголовья раненнаго Гильома, въ скромной квартиркѣ Пьера, не разъ высказываетъ свои любимыя теоріи... Если естествоиспытатели охотно уединяются въ своихъ лабораторіяхъ, чтобы всецѣло уйти въ свои занятія, безъ всякой помѣхи со стороны внѣшняго міра и житейской пошлости, для представителей словесныхъ и историческихъ наукъ роль лабораторій играютъ ихъ рабочіе кабинеты, гдѣ, окруженные полками съ книгами, они могутъ проводить долгіе часы за письменнымъ столомъ, роясь въ фоліантахъ и покрывая бѣлые листы бумаги своими замѣтками и выписками. Конечно, среди такихъ кабинетныхъ ученыхъ, по неволѣ разобщенныхъ съ окружающею дѣйствительностью, намъ могутъ встрѣтиться узкіе педанты, буквовойды или эгоисты, о которыхъ вскорѣ будетъ рѣчь. Но есть и безусловно симпатичные представители этой категоріи, невольно внушающіе намъ уваженіе. Достаточно вспомнить о Рэндалѣ изъ „Двухъ береговъ“, слова котораго были приведены выше. Сѣдовласый старикъ, заслуженный профессоръ, получившій, какъ и Бертеруа, немало знаковъ отличія, онъ всю жизнь занимается совершенно специальными, далекими отъ современности вопросами, интересуется, главнымъ образомъ, египетскими древностями, чувствуетъ себя въ своей сферѣ только на лѣвомъ берегу Сены, въ Латинскомъ кварталѣ, вдали отъ оживленныхъ бульваровъ и блестящихъ театровъ. Съ перваго взгляда мы можемъ счесть его просто маниакомъ и оригиналомъ, которому созерцаніе старыхъ рукописей дороже всего на свѣтѣ. Но въ его правдивыхъ, искреннихъ рѣчахъ нерѣдко сказывается непритворное увлеченіе наукою, и въ свои лекціи, какія бы скучныя темы онъ ни затрогивали, онъ вкладываетъ всю свою душу. „Наука, Collège de France — это была его вѣра и его церковь“, — замѣчаетъ авторъ. Когда въ романѣ „Les Sèvresiennes“ севрскую школу посѣщаетъ ея почетный директоръ, академикъ Легуффъ, мы получаемъ возможность ознакомиться съ другою разновидностью того же типа свѣдущаго и безкорыстнаго ученаго. Легуффъ не замыкается отъ жизни, какъ Рэндалъ; онъ принимаетъ живое участіе въ судьбѣ севрской школы, съ большимъ сочувствіемъ и вниманіемъ относится къ нуждамъ ея ученицъ, проситъ ихъ обращаться къ нему за всякаго рода разъясненіями и совѣтами. И наиболѣе развитыя изъ нихъ чувствуютъ инстинктивное уваженіе и симпатію къ этому почтенному старику, жаждущему употребить всѣ свои познанія на пользу молодого поколѣнія, не перестающему увлекаться тѣмъ, что вокругъ него происходитъ. Еще выше стоитъ

такой замѣчательный человекъ, какъ профессоръ Бержере, вступающій въ трехъ романахъ Анатоля Франса, которые, носятъ общее заглавіе: „Современная исторія“, и являющійся выразителемъ мыслей самого автора. Читая лекціи по античной литературѣ, составляя комментаріи въ *Виргилію*, принужденный, къ тому же, долгіе годы жить въ провинціи, въ захолустной, безцвѣтной средѣ, онъ обнаруживаетъ, наряду съ выдающеюся эрудиціей, пониманіе окружающей дѣйствительности и ясный, философскій умъ. Онъ скорбитъ, видя тѣ остатки варварства, которые сохранились въ современномъ обществѣ, встаетъ противъ войнъ, хотя очень сомнѣвается въ возможности ихъ абсолютнаго прекращенія въ настоящую минуту, касается строгости французскихъ военныхъ судовъ, утверждая, что ихъ законодательство, на каждомъ шагѣ требующее смертной казни, въ наши дни „должно бы сохраняться въ музеяхъ, гдѣ собраны наводящіе ужасъ предметы,—вмѣстѣ съ ключами отъ Бастиліи и кандалами инквизиціи“... Когда начинается дѣло Дрейфуса, Бержере, никогда не горячась и не выходя изъ себя, все-таки опредѣленно высказываетъ свое мнѣніе по этому вопросу,—и уличные мальчишки, подбученные своими родителями, бросаютъ камнями въ его окна, въ знакъ протеста. Огънивая современные событія, онъ постоянно ищетъ имъ аналогіи въ прошломъ, подводитъ ихъ подъ общіе законы. Какъ истинный философъ и человекъ съ независимымъ умомъ, онъ чуждъ нетерпимости и односторонности; онъ подолгу бесѣдуетъ о разныхъ вопросахъ со старымъ аббатомъ Лантэнемъ, хотя расходится съ нимъ во взглядахъ и какъ бы принадлежитъ къ другому міру... Онъ держится того мнѣнія, что важнѣе всякихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ политической и общественной жизни постепенная эволюція нравовъ и культурное воспитаніе человечества. Высоко ставя науку, которая помогаетъ ему выносить самыя безотрадныя минуты жизни, на примѣръ, измѣну жены, онъ не можетъ не замѣчать тѣхъ проявленій невѣжества, суевѣрій или педантизма, которыя находятъ себѣ мѣсто въ жизни захолустнаго города. Съ теченіемъ времени онъ всецѣло уходитъ въ свои думы и философскія разсужденія. „Научись же, по крайней мѣрѣ, жить внутреннею жизнью“, говоритъ онъ самому себѣ въ минуту грусти и разочарованія; „воздѣлывай въ своей душѣ богатую, неразработанную область“!...

Довольно часто обрисовывается французскими беллетристами типъ *молодого, начинающаго ученаго*. Къ этой категоріи относятся, на примѣръ, два сына Гильома Фромана, поклонникъ Терезы Рэндалъ, Бэруелль—изъ „Двухъ береговъ“, естествоиспы-

татель Мирвель — изъ „Орхидей“, историкъ и археологъ Давернье — изъ „Тисковъ“ Эрвѣ и многіе другіе. У всѣхъ этихъ лицъ жизненная проза, рутинна и всевозможныя разочарованія еще не убили юношескаго энтузіазма, любви къ наукѣ, жажды дѣятельности. Они способны проводить свои лучшіе годы въ лабораторіяхъ и бібліотекахъ, являясь настоящими отшельниками, иногда забывая о своей личной жизни. Попавъ въ шумное общество, они, по большей части, чувствуютъ себя какъ бы стѣсненными, выбитыми изъ колеи, поражаютъ своею застѣнчивостью, отсутствіемъ манеръ, скромнымъ видомъ... Превосходя иногда познаніями модныхъ, всѣми превозносимыхъ ученыхъ, они способны остаться всю жизнь неопѣненными по заслугамъ, подобно Себастьяну Гувэ. Имъ, конечно, трудно конкурировать съ ловкими дѣльцами и карьеристами. „Люди не отъ міра сего“, часто очень непрактичны, разсѣянны, постоянно заняты научными проблемами, они рѣдко находятъ счастье и въ личной жизни, иногда остаются одиночками и, во всякомъ случаѣ, далеко не всегда встрѣчаютъ полное сочувствіе и расположеніе...

Такой независимый и честный дѣятель, какъ Бержере, съ теченіемъ времени остается почти совершенно одиночкой среди своихъ коллегъ, неспособныхъ его понять и сойтись съ нимъ. Рэндалъ, какъ мы видѣли, очень скептически отзывался о нѣкоторыхъ элементахъ научнаго міра и вообще о закулисной сторонѣ его, которая ему хорошо знакома. Въ чемъ же состоятъ отличительныя черты ученыхъ этой отрицательной категоріи, — иногда даже не заслуживающихъ, строго говоря, названія научныхъ дѣятелей? На этомъ вопросѣ долго останавливаться не приходится, такъ какъ мы должны были бы, въ общихъ чертахъ, повторить то, что было сказано выше о недостойныхъ представителяхъ медицинскаго міра. Опять карьеризмъ и зависть къ соперникамъ, опять невѣжество, шарлатанство... Къ этимъ свойствамъ у иныхъ присоединяется самый возмутительный педантизмъ, мѣшающій имъ усвоить что-нибудь свѣжее, животрепещущее, своеобразное. Конечно, среди произведеній беллетристики конца прошлаго вѣка, затрагивающихъ научный міръ, мы не найдемъ такой мѣтвой и остроумной сатиры, какъ „Безсмертный“ Альфонса Додэ, гдѣ все затхлое, смѣшное и несимпатичное въ академической средѣ было выведено на свѣтъ божій, и скудость мыслей, честолюбіе, отсталость такихъ лицъ, какъ самъ Астье-Регю и многіе изъ его товарищей, производили, въ изображеніи романиста, то смѣшное, то тяжелое впечатлѣніе. Но отдѣльные силуэты профессоровъ и академиковъ, очерченные

современными авторами, все-таки заслуживают вниманія. Въ романѣ Анатоля Франса „Красная лилія“ очень недурно обрисованъ, на примѣръ, ученый зоологъ Лагранжъ, объятый самообожаніемъ, любящій говорить только о своихъ работахъ и лекціяхъ и обнаруживающій полное незнаніе, когда рѣчь заходитъ о чемъ-либо, связанномъ съ дѣятельностью его товарищей. „Да, вѣдь это не относится къ вашей витринѣ“, — иронически замѣчаетъ одна изъ его знакомыхъ, г-жа Мартенъ. Въ нѣсколько другомъ родѣ — нѣкто Шмолль, выведенный въ томъ же романѣ. Членъ „Академіи Надписей“, частый посѣтитель различныхъ салоновъ, онъ всю жизнь добивается только двухъ вещей: денегъ и почестей; наука является для него лишь орудіемъ для достиженія того и другого. Честному и скромному Рэндалю приходится иногда имѣть дѣло съ такими субъектами, какъ Сольваръ, третьестепенный ученый, интриганъ и утилитаристъ, который попалъ въ академики съ помощью протекціи и содѣйствія нѣкоторыхъ крупныхъ финансистовъ, и самъ, занимаясь, съ грѣхомъ пополамъ, наукою, въ то же время не прочь и отъ разнаго рода спекуляцій. Въ романѣ описанъ вечеръ, устроенный Сольваромъ, который пригласилъ болѣе или менѣе нужныхъ для него людей и старается быть до приторности любезнымъ. Онъ все время улыбается и разыгрываетъ изъ себя гостепріимнаго хозяина. „Онъ былъ малекъбаго роста, — говоритъ авторъ, — лысый, съ желтоватымъ лицомъ японца, который вдругъ сталъ бы мѣтръ-д’отелемъ“. Дѣло, конечно, не во внѣшности Сольвара, а въ его научной несостоятельности и тѣхъ ловкихъ приемахъ, съ помощью которыхъ онъ добивается своего... Къ отрицательнымъ явленіямъ научнаго міра, — правда, не столь возмутительнымъ или печальнымъ, — принадлежать и такія лица, какъ профессоръ Поль Режардэнъ изъ романа „Les Sévriennes“, новое изданіе того популярнаго, превозносимаго всѣми дамами лектора, который выведенъ Пальерономъ въ комедіи „Въ царствѣ скуки“. Режардэнъ, дѣйствуя въ такомъ симпатичномъ и своеобразномъ учебномъ заведеніи, какъ севрская школа, отнюдь не проникается ея основною идеей и относится къ своей задачѣ безъ должной серьезности. Онъ не прочь при случаѣ затѣять какой-нибудь легкій флиртъ, любить поухаживать, отличаетъ тѣхъ ученицъ, которыя ему нравятся лицомъ. Наоборотъ, профессоръ Бутелье, выведенный въ романѣ Мориса Барреса „Безпочвенники“, читаетъ вполне серьезно, обнаруживаетъ весьма обширныя познанія и умѣетъ вліять на аудиторію, но зато преподаетъ слушателямъ чисто книжную, отвлеченную, совершенно оторван-

ную отъ реальной жизни науку и недостаточно обращаетъ вниманіе на ихъ индивидуальныя свойства и происхожденіе.

Въ рѣчахъ Гильома Фромана, Бертеруа, Бержере и другихъ, наряду съ предметами, относящимися непосредственно къ ихъ специальности, неоднократно затрогивались, какъ мы видѣли, и общіе вопросы. Намъ предстоитъ теперь коснуться тѣхъ героевъ современной французской беллетристики, которые, не состоя ни профессорами, ни академиками, безспорно однако принадлежатъ къ людямъ мысли, къ наиболѣе интеллигентнымъ и развитымъ представителямъ французскаго общества, и обнаруживаютъ порою чисто философскій умъ. Это все—единичные, независимые, выдающіеся люди, мнѣнія которыхъ не могутъ не интересоваться насъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не вполне соглашаемся съ ними. Почти каждый изъ нихъ является выразителемъ известной идеи, очень часто—глашатаемъ мыслей и убѣжденій автора. Можно было думать, что резонеры добраго стараго времени уже отошли въ область преданія; и между тѣмъ здѣсь они опять выступаютъ на сцену,—правда, уже одаренные нѣкоторыми новыми свойствами, иногда, несомнѣнно, задерживая развитіе фабулы своими пространными разсужденіями, но зато внося въ инныя беллетристическія произведенія культурный, идейный элементъ. То, что ихъ интересуется и увлекаетъ, конечно, весьма разнообразно, у иныхъ носитъ исключительный, субъективный характеръ. Такъ, напримѣръ, Шлейфманъ, въ романѣ „Два берега“,—типъ еврея-мечтателя, который, несмотря на всѣ невзгоды жизни, не теряетъ вѣры въ будущее, увлекается миражами и призрачными грѣзами. Известная доля воодушевленія людей въ родѣ Уріеля Агосты живетъ въ его душѣ. Въ минуту негодованія и гнѣва ему приходятъ на память обличенія и сѣтованія ветхозавѣтныхъ пророковъ, и съ его устъ срываются громовыя рѣчи. Преданный своему племени, полный вѣры въ его историческое призваніе, Шлейфманъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является горячимъ защитникомъ бѣдной и обездоленной еврейской массы противъ всякаго рода притѣсненій со стороны богатаго класса, часто совершенно равнодушнаго къ участи единовѣрцевъ. Онъ мечтаетъ о той порѣ, когда всѣ евреи, отрѣшившись отъ тѣхъ недостатковъ, на которые всегда обрушиваются антисемиты, эксплуатирующіе ихъ въ свою пользу, примутъ живое участіе въ умственномъ и социальномъ движеніи нашихъ дней, являясь носителями истинно передовыхъ и гуманнхъ началъ.

Другіе увлекаются индивидуализмомъ, вопросомъ о всестороннемъ развитіи и освобожденіи личности, считая его первымъ

условіемъ истиннаго прогресса. Герой романа „Врагъ законовъ“ Барраса, Андрэ Мальтэръ, бывшій профессоръ юридическаго факультета, — одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей этой категоріи. Его забота о выработкѣ сильнаго и независимаго характера переходитъ даже въ явную утрировку, въ протестъ противъ всякаго стѣсненія личности, въ угоду интересамъ ближнихъ или какимъ бы то ни было кодексамъ. Провозглашая необходимость абсолютнаго повиновенія голосу природы и непосредственному инстинкту, Мальтэръ, естественно, стоитъ на скользкомъ пути и не можетъ не сдѣлаться вообще врагомъ человѣческаго общежитія и даже всей современной культуры. Но, каковы бы ни были его ошибки, онъ интересенъ для насъ потому, что обнаруживаетъ, во всякомъ случаѣ, пытливый умъ и настойчивое исканіе правды; онъ перечитываетъ сочиненія различныхъ мыслителей, серьезно взвѣшиваетъ и обсуждаетъ интересующіе его вопросы, старается, по возможности, сблизиться съ природою, изучить жизнь и психологію животныхъ. Другого индивидуалиста выводитъ Морисъ Бобуръ — въ аллегорическомъ романѣ „La gue Atongeuse“, въ лицѣ Гутезибло. Но герой Бобура ведетъ войну, главнымъ образомъ, съ современными взглядами на вопросы морали, съ фарисействомъ и притворствомъ. Онъ обвиняетъ своихъ согражданъ въ томъ, что они на словахъ являются очень нравственными, требуютъ отъ каждаго человѣка возвышенной добродѣтели, а втихомолку сами поступаютъ противъ своихъ же правилъ. Онъ требуетъ замѣны общепринятой морали, которую никто въ точности не исполняетъ, болѣе мягкой и терпимой, которой зато всѣ будутъ подчиняться безпрекословно. Весь городъ возмущенъ этими рѣчами; Гутезибло провозглашаютъ, какъ Штокмана, „врагомъ народа“, его преслѣдуютъ, вваливаютъ на него различныя вины, привлекаютъ его къ суду, но онъ мужественно выноситъ эту борьбу съ цѣлымъ обществомъ, считая свою частную жизнь болѣе нравственною, чѣмъ построенную на обманѣ тактику противниковъ, вѣря въ то, что послѣдующія поколѣнія дождутся и новой морали. Гутезибло все-же принимаетъ участіе въ борьбѣ, полемизируетъ съ окружающимъ обществомъ; другіе мыслители смотрятъ, наоборотъ, на всѣ проявленія человѣческой ограниченности и порочности съ чисто-философской точки зрѣнія, анализируютъ тѣ или иные симптомы, какъ любопытный матеріалъ для научныхъ обобщеній или созданія цѣлой теоріи. Въ „Голосахъ мертвыхъ“ Вогюэ, нѣкто Ферро, специально введенный для того, чтобы изложить нѣкоторые взгляды автора, видя парламентскія бури, столе-

новенія партій, интриги, вспышки ненависти, нисколько не возмущается всѣмъ этимъ, такъ какъ, по его теоріи, дѣятели конца XIX вѣка безсознательно подчиняются, въ минуту аффекта и полемики, влиянію наслѣдственности, и въ ихъ душѣ продолжаетъ жить сложная, разнообразная по составу душа ихъ предковъ, какъ бы навязывающихъ имъ, черезъ пространство въ нѣсколько вѣковъ, многія свои убѣжденія и страсти. Такъ же спокойно и разсудительно смотритъ на различныя предвзятія мнѣнія, кастовую обособленность или ограниченность кругозора современниковъ главный герой романа Рони „La charge“ — географъ Дюгамель (у Рони, встаети сказать, всего чаще фигурируютъ различные мечтатели и философы). Дюгамелю приходится вступить въ соприкосновеніе съ самыми чопорными слоями аристократіи, изучить на опытѣ меркантильные вкусы, матеріализмъ и тщеславныя побужденія современной буржуазіи. Иногда онъ сталкивается съ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ его личности, съ попытками его оскорбить или напомнить ему, что онъ не занимаетъ никакого виднаго положенія, не принадлежитъ къ древнему, знатному роду. Но Дюгамеля подобныя выходы не могутъ оскорбить; онъ не станетъ ни полемизировать, ни произносить грозныхъ филиппикъ по этому случаю. Нѣтъ, съ давнихъ поръ изучая, какъ историкъ или социологъ, постепенную эволюцію нравовъ, въ связи съ тѣми или другими фактами политической или экономической жизни, онъ не удивляется тому, что въ *данную минуту* аристократія и буржуазія придерживаются подобныхъ взглядовъ. Онъ возлагаетъ всю надежду на будущее, ограничиваясь сатирическою улыбкою, чуждою озлобленія.

О будущемъ постоянно говорятъ и различныя филантропы и утописты, которыхъ выводятъ современные беллетристы, съ братьями Рони во главѣ. Такъ, Фрейль — изъ „Погибшихъ душъ“ Рони — мечтаетъ о томъ времени, когда люди проникнутся идеями гуманности настолько, что будутъ примѣнять ихъ не только къ своимъ братьямъ, но и ко всѣмъ живымъ существамъ. Фрейль — убѣжденный сторонникъ идеи покровительства животнымъ, на которую онъ смотритъ какъ философъ, считая жестокое обращеніе съ животными несомнѣваемымъ съ истинною культурою. По его мнѣнію, мы должны выяснить наши обязательства по отношенію къ природѣ и „нашимъ младшимъ братьямъ“, — какъ онъ называетъ животныхъ, — и заботиться о томъ, чтобы этотъ міръ, который живетъ и развивается рядомъ съ нашимъ, не сдѣлался предметомъ безсмысленнаго истребленія,

не казался намъ чѣмъ-то чуждымъ, постороннимъ. Другіе филантропы и мечтатели обращаютъ свое вниманіе на экономическое положеніе бѣдныхъ классовъ, съ увлеченіемъ отдаются благотворительности, на которую они смотрятъ, однако, съ болѣе разумной и широкой точки зрѣнія, создаютъ пороку цѣлыя утопіи, иногда слишкомъ призрачныя, фантастическія, но очень часто—весьма симпатичныя, полныя идеализма. Романъ Рони: „Властная доброта“, всецѣло посвященъ вопросу о *благотворительности будущаю*, которая, по мнѣнію авторовъ, должна будетъ имѣть болѣе энергичный, „властный“ и разсудительный характеръ, основываясь не на мимолетныхъ вспышкахъ состраданія, а на глубоко продуманномъ и неизмѣнномъ желаніи содѣйствовать постепенному искорененію бѣдности и нищеты. Главный герой романа, Фужерэ, сдѣлавшись секретаремъ по благотворительнымъ дѣламъ у одного богатаго буржуа съ гуманными стремленіями, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя суммы денегъ, изучаетъ въ деталяхъ положеніе столичнаго пролетаріата, набрасываетъ цѣлую программу борьбы съ нищетою, всецѣло охваченный своими завѣтными идеями. Такія личности, какъ Николой Руминъ—изъ „Себастьяна Гувэ“, старый позитивистъ Шалу—изъ романа Вальмера „Le sphinx de plâtre“—и многіе другіе стремятся выработать главныя основы того общественнаго строя, который, по ихъ мнѣнію, рано или поздно, долженъ вступить въ свои права, мечтаютъ о торжествѣ слабыхъ и обездоленныхъ, иногда, несомнѣнно, увлекаясь явными утопіями и чисто теоретическими построеніями. Самый симпатичный представитель этой категоріи—одинъ изъ героевъ „Погибшихъ душъ“, вышедшій изъ буржуазной среды, Абель Роланъ. Иные его поступки могутъ показаться плохо мотивированными, иные убѣжденія и взгляды—слишкомъ прямолинейными, полными ригоризма. Принимая къ сердцу интересы тѣхъ, кто страдаетъ, Абель начинаетъ вскорѣ считать всякое личное счастье чѣмъ-то преступнымъ, и самъ разбиваетъ свою жизнь. Увлекаясь различными утопіями и мечтами о новомъ общественномъ строѣ, онъ готовъ ради нихъ забыть о болѣе скромныхъ, но и болѣе насущныхъ, не терпящихъ отлагательства нуждахъ современности. Получивъ совершенно неожиданно громадное наслѣдство въ 18.000.000 франковъ, онъ охваченъ желаніемъ употребить его на пользу человѣчества, но способенъ сдѣлать при этомъ не мало ошибокъ, увлекаясь миражами и химерами. И все-же Абель Роланъ принадлежитъ къ наиболѣе симпатичнымъ мечтателямъ, выведеннымъ французскими беллетристами. У него есть

что-то юношеское, благородное, вѣчно неудовлетворенное, невольно подкупающее насъ даже въ своихъ крайностяхъ. Его можно иногда сравнить съ тѣмъ принцемъ-мечтателемъ, который является однимъ изъ героевъ высоко-любопытной книги Берты фонъ-Зуттнеръ: „Конецъ мукамъ“, и хотѣлъ бы сдѣлать счастливымъ все человѣчество.

Послѣ всего сказаннаго выше, типъ мыслителя и настойчиваго искателя правды, изображенный во многихъ произведеніяхъ современной французской беллетристики, не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Не всѣ представители этого типа, быть можетъ, одинаково намъ симпатичны, и не всѣ стремленія и вѣрованія этихъ лицъ могутъ быть приняты нами безъ возраженій. Иные ихъ взгляды на религію, науку, взаимныя отношенія личности и общества нуждаются въ существенныхъ оговоркахъ и поправкахъ, а картины будущаго, которыя имъ рисуются, иногда носятъ характеръ утопій, миражей, воздушныхъ замковъ. Но лучшіе, наиболѣе увлеченные своими гуманными и культурными идеями мечтатели и друзья человѣчества невольно завоевываютъ нашу симпатію, наравнѣ съ людьми науки, неутомимыми двигателями прогресса и цивилизаціи, какъ выразители умственной жизни французской интеллигенціи и провозвѣстники свѣтлаго будущаго. Они напоминаютъ тѣхъ проводниковъ, которые въ гористыхъ мѣстностяхъ, славящихся своею живописностью, указываютъ путешественникамъ дорогу на тѣ одинокія высоты, съ которыхъ на зарѣ можно всего раньше любоваться величественнымъ восходомъ солнца.

Юр. Веселовскій.

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Bächern.
Berl. 1902.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX *).

На другой день послѣ визита Регины, утромъ, Томасъ Трукъ вышелъ на улицу и направился, куда глаза глядятъ, удивляясь охватившему его чувству свободы. Онъ вдругъ понялъ, что должны испытывать богачи, и самому себѣ казался миллионеромъ. Улица принадлежала ему и превратилась въ какой-то садъ. Онъ гулялъ по тѣнистымъ аллеямъ, а потомъ садился отдыхать на скамейки, ловилъ солнечные лучи и относился къ этому всемірному солнцу какъ къ своей собственности. Потомъ вставалъ и шелъ дальше, выпуская большіе клубы дыма изъ своей трубочки. Ступалъ онъ твердо и увѣренно и, несмотря на уличный шумъ, ясно различалъ звукъ собственныхъ шаговъ.

— Господинъ Трукъ... Господинъ Трукъ...

Кажется, кто-то позвалъ его? Онъ оглянулся. Нѣтъ, вздоръ, это ему показалось.

— Господинъ Трукъ...

Онъ опять оглядѣлся съ испугомъ, потому что голосъ, звав-

---

*) См. выше: февр., 676 стр.

пій его, былъ похожъ на голосъ г-на Берга. Но вѣдь г-нъ Бергъ уѣхалъ. И все-таки это былъ именно такой же носовой звукъ голоса. Что же это такое могло быть?

— Господинъ Тружъ!

Онъ еще разъ поднялъ голову и едва устоялъ на ногахъ. Прямо возлѣ тротуара на него выглядывало изъ кареты откормленное лицо банкира. Г-нъ Бергъ оживленно махалъ ему своей мясистой рукой. На козлахъ, рядомъ съ вучеромъ, стоялъ изящный ручной савояжъ.

— Все горло прокричишь, пока васъ дозовешься, — произнесъ банкиръ. — Садитесь-ка ко мнѣ въ карету!

Томасу стало страшно. Сначала онъ, правда, подумалъ, что это была галлюцинація зрѣнія и слуха.

— Извините, я очень тороплюсь, — проговорилъ онъ громко.

— Да идите же, что за пустяки! У молодого человѣка всегда найдется свободное время, — возразилъ Бергъ и почти силой втащилъ его въ карету.

— Мнѣ такъ пріятно, что перваго я васъ встрѣтилъ, — продолжалъ онъ. — Мы, биржевики, — народъ суевѣрный. Вы такой порядочный человѣкъ, и я увѣренъ, что эта встрѣча принесетъ мнѣ, на-дняхъ, счастье. Я какъ-разъ возвращаюсь изъ одной поѣздки... да что съ вами? Вы весь дрожите! Хотите мой пледъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Но Бергъ все-таки заботливо укуталъ его пледомъ.

— Знаете ли, — началъ онъ снова, — пріятно все-таки вернуться домой. Дѣло это было прескучнѣйшее! Жена моя и не подозреваетъ, что я пріѣхалъ; я люблю дѣлать сюрпризы.

Онъ проговорилъ эти слова тихо и, улыбаясь, посмотрѣлъ на Томаса. Послѣдній опустилъ глаза.

„Что за низкій человѣкъ! — мелькнуло у него въ головѣ: — онъ знаетъ все и надѣвается надо мною“.

Банкиръ вытащилъ изъ кармана футляръ и надавилъ пружину. Бриллиантовое кольцо рѣдкой воды сверкнуло въ глаза Томасу.

— Это я ей привезъ! Что подѣлаешь? Надо стараться быть пріятнымъ. Увѣрю васъ, что это труднѣе, чѣмъ вы думаете. У нея все есть. Нѣтъ ничего такого, чѣмъ можно было бы ее поразить. Повѣрьте мнѣ, нехорошо имѣть слишкомъ много. Это лишаетъ людей возможности наслаждаться маленькими радостями. Ну, да ничего; она бываетъ благодарна, и это все-таки доставляетъ ей удовольствіе. — Онъ весело разсмѣялся, и вдругъ началъ помахивать своимъ рипсе-пез. — Мнѣ кажется, она только

дѣлаетъ видъ, что это доставляетъ ей удовольствіе; но, въ концѣ концовъ, не все ли это равно,—какъ вы думаете?

Томасъ не слышалъ его послѣднихъ словъ. Онъ только смотрѣлъ на непрерывное, отвратительное помахиванье его руки съ ринсе-пез, дѣйствовавшее ему на нервы.

Вдругъ банкиръ взялъ его за руку.

— Вы мнѣ завидуете?—спросилъ онъ.

Томасъ возмутился.

„Какъ подло этотъ человѣкъ хочетъ поймать меня,—подумалъ онъ,—какія онъ мнѣ сѣти расставляетъ!“

— Нѣтъ, я не завидую вамъ,—проговорилъ онъ рѣзко.

— Вѣрю вамъ на слово. Завистливые люди мнѣ неприятны, даже отвратительны, и если ужъ пойти на откровенность,—онъ немного понизилъ голосъ,—то и завидовать нечему. Я работаю, состою пайщикомъ всѣхъ большихъ предпріятій, собираю огромныя деньги, и все это для кого? Для нея и для моего сына, а онъ—такой болѣзненный и слабый. Вы вѣдь его видали? Вотъ вы—медвѣдь, скажите, можно ли съ такимъ организмомъ...—Онъ не кончилъ фразы, и на его обыкновенно плутоватое лицо легли строгія, печальныя тѣни. Только механическое помахиваніе ринсе-пез все еще продолжалось.—Какимъ образомъ могъ у меня родиться такой ребенокъ?—продолжалъ онъ.—А съ такою женщиной, вы думаете, легко жить? Когда у такой женщины начинаются капризы, то ей ничѣмъ невозможно угодить. Что бы вы ни сдѣлали,—все нехорошо.

Онъ поднялъ ринсе-пезъ немного кверху и, поглядывая на Томаса слегка сощуренными глазами, добавилъ:

— Еще надо радоваться, если такую женщину ни въ чемъ больше не можешь упрекнуть.

Онъ замолчалъ. Томасъ не могъ больше выносить этого разговора.

— Господинъ Бергъ...—началъ онъ, но банкиръ перебилъ его:

— Я знаю, что вы хотите сказать. Пожалуйста!..—проговорилъ онъ, немного поднимая руку.—Я отлично знаю.

У Томаса голова пошла кругомъ.

— Вы хотите сказать, какъ это я могу говорить о подобныхъ вещахъ почти чужому мнѣ человѣку? Вѣдь правда? Но, видите ли, еще тогда, у насъ на вечерѣ, когда вы проучили этого шелопаю, хотѣвшаго разыграть съ вами злую шутку, еще тогда я увидалъ, что вы—вполнѣ честный и порядочный человѣкъ, безъ всякой лжи. Можетъ быть, — продолжалъ онъ серьезно и съ

убѣжденіемъ,—единственный честный и правдивый человекъ въ нашемъ обществѣ. У васъ есть причуды, фантазіи, вы—идеалистъ и немножко...—онъ указалъ на лобъ,—но это ничего не значить. Вы—чистый и порядочный до мозга костей. У человека, вращающагося, подобно мнѣ, среди всякаго сброда,—наметанный глазъ, и онъ можетъ судить о людяхъ.

При этихъ словахъ вся кровь отхлынула отъ лица Томаса.

Было ли все это дѣвольская иронія—или правда?

— Я долженъ терпѣть возлѣ себя людей, въ родѣ этого болвана Корнфельда, хотя они мнѣ очень неприятны. А почему?—Моя жена этого желаетъ. Сдѣлайте мнѣ, пожалуйста, удовольствіе, пообѣдайте у меня сегодня вечеромъ. Такъ, безъ церемоній, безъ всякихъ приготовленій.

Теперь все стало ясно Томасу: Бергъ хотѣлъ видѣть его въ обществѣ своей жены, и вмѣстѣ съ тѣмъ усыпить всѣ свои подозрѣнія. Слѣдовало быть осторожнымъ, хотя эта осторожность была ему неприятна и противна.

— Къ сожалѣнію, я долженъ отказаться,—проговорилъ онъ медленно, думая о томъ, что теряетъ возможность неожиданно и съ полнымъ удобствомъ видѣть ее.—У меня какъ-разъ сегодня вечеромъ назначено одно важное свиданіе.

— Бросьте вы это свиданіе и приходите!

— Право, никакъ не могу и, кромѣ того, тороплюсь, такъ что долженъ съ вами проститься.

— Ну, въ такомъ случаѣ, когда-нибудь въ другой разъ. Кучеръ, стой!

Томасъ выпрыгнувъ изъ кареты и приподнявъ шляпу.

— Мое почтеніе, господинъ директоръ.

— Вы не шлете поклона моей женѣ?

— Конечно, конечно, — пробормоталъ съ усиліемъ Томасъ и простоялъ еще нѣсколько времени, какъ вкопанный, глядя на удаляющуюся карету. Потомъ онъ пошелъ медленно дальше.

— Чтѣ же это такое?—говорилъ онъ самъ себѣ:— не могу же я погубить собственное счастье! Я имѣю право на любовь. И какое мнѣ дѣло до этого господина? Онъ занятъ своими спекуляціями и ведетъ жизнь, полную роскоши и всевозможныхъ наслажденій. Развѣ я виноватъ, что она меня любитъ? Я поговорю съ Рeginой, и надо будетъ все ему открыть; было бы низко и недостойно прятать нашу страсть по какому-то темному углу, точно украденное добро. Но мы принадлежимъ другъ другу и должны идти нашей дорогой, а онъ... ну, пусть проваливается, куда хочетъ!

Онъ вытряхнулъ волю изъ давно погасшей трубочки и задумчиво сталъ смотрѣть на электрическіе фонари мелькавшихъ мимо моторовъ. Въ душѣ онъ все-таки чувствовалъ недовольство собой и тщетно старался побороть его.

„Надо быть сильнымъ,—подумалъ онъ,—иначе сомнѣнья задавятъ меня. Я долженъ все привести въ ясность, потому что я такой человѣкъ, что безъ ясности жить не могу. Она необходима мнѣ, какъ воздухъ“.

Х.

Во время послѣдняго засѣданія „Ночника“, на которомъ Томасъ не присутствовалъ,—у Брозе, въ общему ужасу, хлынула горломъ кровь. Никто не зналъ, что художникъ, такой высокой и мускулистый, уже давно страдалъ легкими,—потому что онъ никому не говорилъ о своей болѣзни.

Его припадковъ произвелъ на всѣхъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе, благодаря тому, что жена художника первое время сидѣла какъ каменное изваяніе возлѣ мужа, олицетворяя собою безконечное отчаяніе...

Докторъ назначилъ правильный образъ жизни, а главное, тщательный уходъ и усиленное питаніе. На другой день фрау Брозе, въ сильномъ смущеніи, призналась Блинскому, что она съ мужемъ находилась въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Блинскій понялъ, чего стоило ей это признаніе, и какое усиліе она должна была надъ собою сдѣлать, чтобы побороть въ себѣ гордость и чувство собственнаго достоинства. Онъ взялъ ея большія, тонкія руки и тихонько и благоговѣнно поглаживалъ ихъ. Самъ художникъ не подозрѣвалъ, какъ трудно приходилось его женѣ въ денежномъ отношеніи. Онъ всегда оставался большимъ ребенкомъ, а всѣ ея старанія сводились къ тому, чтобы оставлять его въ блаженномъ невѣдѣніи. Живопись по фарфору оплачивалась все хуже, и заказовъ становилось все меньше, а кромѣ того, она знала, до какой степени эта работа была не по душѣ ея мужу. Сама она была необычайно дѣятельна. Все ея существо принадлежало одному этому человѣку, олицетворявшему для нея все человѣчество.

Она была дочь генерала и ради него бросила домъ и семью и порвала со всѣмъ, что связывало ее съ прошлымъ. Не было такой минуты, когда бы она въ этомъ раскаялась. Онъ вселилъ въ нее идею свободы и человѣческаго достоинства, освобождавшую ее отъ всего темнаго и отъ всякаго страха. Его

собственная свобода была основана на безконечной добротѣ, и эта доброта осѣщала и повлащала ея жизнь, полную нужды и лишеній.

Потерявъ своего единственнаго ребенка, она еще тѣснѣе привязалась къ мужу, открывшему ей счастье высшей вѣрности самому себѣ. Она любила его, какъ человѣка, и была привязана къ нему, какъ женщина. Они достигли высшей радости, высшихъ предѣловъ человѣческой любви: двое стали единою плотью.

Только когда болѣзнь художника приняла серьезный оборотъ, на ихъ счастье упали черныя тѣни. Совершенно одиноко выносила она вѣчный страхъ и беспокойство, а въ его присутствіи была весела, глядѣла на него съ улыбкой и даже друзьямъ не выдавала всего, что тяготило ея душу. Только крайняя нужда заставила ее обратиться къ постороннему человѣку за помощью. Дѣло шло о *его* здоровьѣ—и робкія колебанія были бы неумѣстны.

Все это школьный учитель Гейнзіусъ разсказалъ Томасу; его поблѣдѣвшія губы вздрагивали при этомъ, а въ глазахъ свѣтилась непримиримая злоба.

— Онъ гибнетъ отъ той же болѣзни, что и я, — сказалъ онъ. — Вѣдь мы представляемъ собою пушечное мясо въ мирное время. И это васъ не возмущаетъ? Послѣ собачьей жизни, погибаешь въ самые лучшіе годы! Развѣ мы для того рождены, чтобы такъ и подохнуть? А тутъ еще является это „общество“ и хочетъ насъ утѣшить какими-то мечтами о загробной жизни и высшей справедливости! Надо было бы на фонарныхъ столбахъ перевѣшать всѣхъ этихъ обманщиковъ и сумасбродовъ! Это—демагоги! — закричалъ онъ рѣзко: — демагоги — въ худшемъ смыслѣ этого слова!..

Томасъ съ состраданіемъ поглядѣлъ на него.

— Я не совсѣмъ согласенъ съ вашимъ воззрѣніемъ, — проговорилъ онъ медленно и нерѣшительно. — Я чувствую, какъ и вы, страшное несоотвѣтствіе между имущими и отверженными, но мнѣ кажется, — продолжалъ онъ задумчиво, — что матеріальный недостатокъ не такъ мучителенъ, какъ нравственный голодъ. Такой человѣкъ, какъ вы, имѣетъ, по крайней мѣрѣ...

Гейнзіусъ прервалъ его:

— Знаю, что вы хотите сказать, — проговорилъ онъ съ раздраженіемъ. — Но, пожалуйста, не подсовывайте мнѣ искусства въ видѣ суррогата. Я плюю на все ваше искусство!

— Я не совсѣмъ то хотѣлъ сказать. Но что это значитъ,

что вы плюете на все искусство? Вы не можете не цѣнить такихъ гениевъ, какъ Шекспиръ, Гёте, Гомеръ и Данте, и такихъ великихъ музыкантовъ, какъ Бетховенъ и Бахъ?

Гейнвіусъ посмотрѣлъ на него презрительно и насмѣшливо.

— Никого я не цѣню, — проговорилъ онъ. — Я, слава Богу, повончилъ со всѣми авторитетами. Поэты, — онъ разсмѣялся, — хороши только на сытый желудокъ.

— Но вѣдь вы же не можете отрицать ихъ произведеній?

— Нѣтъ, отрицаю. Отрицаю этихъ умственныхъ атлетовъ, смущающихъ людей своими нечистыми ощущеніями и затуманивающихъ мозгъ громкими, горячими фразами. Да, милостивый государь, я отрицаю ихъ, какъ все, удаляющееся отъ насущной потребности и яснаго пониманія. Мы не нуждаемся въ искусствѣ, — мы нуждаемся въ человѣческомъ достоинствѣ и свободѣ. Всѣ мысли должны быть направлены на то, какъ бы накормить голодныхъ и впустить въ душные подвалы струю чистаго воздуха. Все остальное — только непроизводительная трата силъ и преступленіе.

— Вы не серьезно все это говорите. Не можетъ быть, чтобы вы стали отрицать культуру?

— Вы правы, я и не отрицаю ея, потому что нельзя отрицать несуществующее... Никакой культуры нѣтъ. Человѣчество въ теченіе столѣтій только о томъ и хлопотало, чтобы создать отрицаніе культуры.

Томасъ съ сердцемъ пожалъ плечами.

— Это громкія слова и парадоксы. Вы просто хотите отдѣлаться плохой шуткой.

Гейнвіусъ прищурился.

— Вы ошибаетесь, — сказалъ онъ: — человѣку, находящемуся, какъ я, на распутьѣ и стоящему, такъ сказать, одной ногой въ могилѣ — шутки на умъ не пойдутъ. Для меня все это мучительная истина. Я обяванъ этой единственно основательной мудростью Максу Штирнеру. Онъ былъ тоже бѣднымъ голоднымъ педагогомъ. Но, впрочемъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, я дошелъ до этой идеи совершенно самостоятельно. У него я нашелъ только ея печатное изложеніе.

Нѣсколько времени они шли молча.

— Я желалъ бы знать, — вдругъ заговорилъ Томасъ, — каковы будутъ ваши взгляды въ послѣднюю минуту жизни. Конечно, я хочу, чтобы мое любопытство не было удовлетворено какъ можно дольше. Можетъ быть, въ вашей жизни еще будутъ

такія стадіи развитія, что вы откажетесь отъ вашихъ теперешнихъ возрѣвній.

Гейнзіусъ усмѣхнулся какою-то особенной усмѣшкой. Въ ней было въ одно и то же время что-то въ высшей степени лукавое и трагическое.

— Я исполню ваше желаніе: вы получите мою предсмертную записку, въ которой будетъ все сказано, объѣщая вамъ.

Они уже подошли къ дому, гдѣ находилась мастерская Брозе, и стали вмѣстѣ подниматься по лѣстницѣ. Томасъ слышалъ тяжелое дыханіе школьнаго учителя, и ему казалось, что онъ различаетъ свистъ въ его легкихъ. Жуткая это была музыка. Какъ медвѣдь, онъ зналъ, что для Гейнзіуса не было спасенія, и чувствовалъ, что въ эту минуту съ нимъ рядомъ поднималась по лѣстницѣ сама смерть.

Осторожно и тихонько постучался онъ въ дверь мастерской.

XI.

Имъ отворила фрау Лирсъ и протянула имъ свои жесткія руки, скрививъ ротъ, чтобы скрыть съ трудомъ сдерживаемыя слезы.

— Онъ не протянетъ долго, — сказала она тихо, отводя Томаса въ сторону.

Они вошли въ спальную, убранную съ необыкновенной чистотой.

Брозе лежалъ на бѣлыхъ, какъ снѣгъ, подушкахъ и кротео улыбался. Жена его сидѣла возлѣ кровати и держала его за руку. Сорбка прогуливалась по всей комнатѣ, а надъ самой кроватью висѣли двѣ клѣтки. Въ одной сидѣлъ сѣрый дроздъ, а въ другой — жаворонокъ. На маленькомъ ночномъ столикѣ, за квадратной загородкой, сдѣланной изъ драпокъ, бѣгала бѣлая мышь съ крошечными розовыми глазами. Художникъ былъ большой любитель животныхъ и просилъ перенести его друзей изъ мастерской въ спальную.

— Ну, милый братъ о Христѣ, — сказалъ весело Гейнзіусъ, — вы сегодня совсѣмъ молодцомъ себя ведете.

— Да, — отвѣчалъ Брозе, — и если вы подѣ словами: „о Христѣ“, разумѣете: „in homine“, то я принимаю ваше привѣтствіе.

— Положимъ, я этого не разумѣлъ, ну да все равно. Не

„о Христв“ и не „in homine“, а просто „in me“ или, что то же: о мнѣ.

— Да, это одно и то же,—съ улыбкой отвѣчалъ художникъ и прибавилъ, обращаясь къ Томасу:—Не глядите на меня такимъ отчаяннымъ докторскимъ взглядомъ!

Жена художника испуганно взглянула на Томаса, который послѣднимъ возразилъ:

— И не думаю я на васъ такъ глядѣть.

Фрау Брозе уступила ему свое мѣсто.

— Какъ это все торжественно!—началъ снова художникъ:—вы всѣ во мнѣ приходите, приносите мнѣ цвѣты,—онъ указалъ на двѣ темно-красныя розы,—и такъ ласково со мной говорите. Бываютъ минуты, когда я чувствую къ вамъ большую близость, почти такую же, какъ къ моей душѣ,—онъ указалъ на свою жену,—и почти такую, какая должна быть между людьми. Въ этомъ отношеніи болѣзнь имѣетъ много прекраснаго.

— Не прекрасно только, что вы такъ много разговариваете,—погрозила ему фрау Лирсъ.

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, это мнѣ полезно, только не прописывайте мнѣ никакихъ рецептовъ, дѣти мои,—я противъ всякихъ рецептовъ.

Фрау Брозе встала и пошла въ мастерскую, куда за нею послѣдовали и остальные, кромѣ Томаса. Нѣсколько времени все было тихо. Потомъ художникъ нагнулся съ постели къ Томасу, и въ лицѣ его появилось выраженіе страха.

— Надо вамъ сказать,—началъ онъ, понижая голосъ,—что копецъ наступаетъ скорѣе, чѣмъ я думалъ. Я надѣялся еще протянуть года два.

— И протянете.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—нервно повторилъ Брозе,—я себя не обманываю, и мои друзья тоже не должны этого дѣлать. Я скоро умру, и считаю это счастьемъ. Умереть моя и безъ того разбитая оболочка, не заключающая въ себѣ ничего важнаго. Мнѣ остается моя вѣчность. Я считаю счастьемъ, что вся эта исторія скоро кончится, потому что хворать и само по себѣ тяжело, но еще тяжелѣе мучить свою болѣзнию другихъ, особенно мнѣ—мучить ее, чья жизнь вся была однимъ жертвоприношеніемъ. Я о ней и хотѣлъ говорить съ вами. Я васъ знаю недавно, но хочу обратиться къ вамъ съ просьбой. Можно?

— Конечно, можно,—отвѣчалъ тронутый Томасъ.

Художникъ отеръ рукою выступившій на лбу потъ.

— Я нахожу, что въ васъ есть доброта,—продолжалъ онъ—

и что вы серьезно относитесь къ серьезнымъ вещамъ, и поэтому хочу просить васъ поддержать ее. Въ тягость она вамъ не будетъ,—она дѣятельная, въ ней много энергіи и силы воли. Но все-таки могутъ выпастъ такія минуты, когда ей понадобится дружеская поддержка. У нея крѣпкое тѣло, но измученная душа. Будьте ея духовнымъ врачомъ, облегчите ея страданія, умоляю васъ!—прошепталъ онъ въ сильнѣйшемъ волненіи.— Не упускайте ее изъ виду!

— Общаю вамъ это,—отвѣчалъ Томасъ.

Голова художника откинулась на подушку. Онъ закрылъ глаза, и на нѣсколько мгновеній лицо его выразило спокойствіе и счастье.

— Она вышла, потому что поняла, что я хочу говорить съ вами, но о чемъ—она не знаетъ.

Онъ взялъ правую руку Томаса и погладилъ ее, какъ ласкаютъ ребенка.

— Много мнѣ пришлось видѣть и испытать въ жизни,—началъ онъ опять и вздохнулъ.—Это былъ долгій, трудный путь. Но я ему все-таки радуюсь, потому что онъ ведетъ въ благословенную страну. Я стоялъ на святой горѣ и съ вершины ея увидалъ царство радости и свободы. Отовсюду, со всѣхъ концовъ земли движутся ея знаменосцы и развѣваются побѣдныя знамена.

— Но какъ достигнуть свободы?—съ робкой дрожью спросилъ Томасъ и услышалъ биеіе собственного сердца.

— Свободы достигаютъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, неустанно отыскивая самого себя, свое божественное начало. Мы живемъ какъ жалкіе рабы, потому что не имѣемъ власти надъ собою. Повѣрьте мнѣ, существуетъ только одинъ грѣхъ, и это есть грѣхъ противъ собственного святого духа! Въ насъ живетъ святой духъ, а мы его распинаемъ и мучимъ. Всякая внѣшняя свобода тогда благословенна, когда мы обладаемъ свободой внутренней. Вы плачете?—вдругъ спросилъ онъ.—Почему вы плачете?

И съ безконечной добротой посмотрѣлъ онъ въ заплаканное лицо Томаса Трука.

Томасъ овладѣлъ собою.

— Я вижу, что далеко отъ васъ и далеко отъ цѣли,—произнесъ онъ съ видомъ угнетенности.—Въ васъ нѣтъ гнѣва и негодованія. Вы уже почти вступили въ торжественный праздничный чертогъ, освѣщенный тысячами свѣчей.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Бросе:—я вижу празднич-

ный залъ и свѣтъ безчисленныхъ свѣчей, но я сохраняю въ себѣ мой гнѣвъ и негодованіе. Они для меня святы. Изъ гнѣва и негодованія выковывается оружіе, и этимъ оружіемъ разбиваются древнія ворота и укрѣпленія. Гнѣвъ и негодованіе берутъ свое начало отъ стараго еврейскаго Бога, отъ Іеговы. Не забывайте священнаго гнѣва. Онъ есть достояніе благородныхъ душъ, — закончилъ онъ едва слышно.

Томасу казалось, что передъ его глазами вставали туманы. Въ вискахъ у него стучало, голова болѣла и что-то заволакивало ему глаза. Но изъ тумана звучали могучіе звуки, сливавшіеся въ глубокіе торжественные аккорды, напоминавшіе мессу Іоганна Себастьяна Баха...

Онъ тихонько всталъ и незамѣтно вышелъ изъ комнаты. Возвращаясь домой, онъ передумывалъ все, что слышалъ въ этотъ день, и начиналъ испытывать раздраженіе противъ самого себя. Его собственная неувѣренность и вѣчныя безпокойныя колебанія возмущали его, и ему дѣлалось за себя стыдно. Свое глубокое чувство къ Регинѣ считалъ онъ святымъ и съ этой стороны не находилъ въ себѣ вины; вина появилась съ той минуты, какъ онъ началъ хитрить и унижаться. Ему представилась возможность сказать ей мужу всю правду просто, прямо и точно, а онъ не воспользовался этой возможностью... ради удобства и изъ-за унизительной трусости.

„Я теперь легко могу понять психологію преступленія, — подумалъ онъ. — Мнѣ становится ясно, какъ человѣкъ отрывается отъ всего, что въ немъ есть самаго заветнаго, и отерываетъ въ себѣ неизменные инстинкты. Во мнѣ это наслѣдіе отца“. — Но онъ тотчасъ же остановилъ себя на этой мысли и призналъ ее жалкимъ самооправданіемъ. Очень удобно было прерываться наслѣдственностью. Онъ нисколько не сомнѣвался, что Тамара никогда не могла бы вступить на такой путь. Крайняя чистота всего ея существа оберегала бы ее отъ этого.

Придя домой, Томасъ, въ удивленію своему, засталъ у себя Блинскаго, никогда не бывавшаго у него.

— Простите, что безпокою васъ, — сказалъ Блинскій и подалъ ему въ видѣ объясненія жалкій клочокъ бумаги. На немъ блѣдными чернилами были нацарапаны неувѣренные, дрожащія буквы. Это было письмо къ Блинскому отъ Маріи Верфтъ, трогательно умолявшей его о помощи. Она уже двѣ недѣли лежала больная, и ей нечѣмъ было заплатить за квартиру. Между строкъ можно было прочесть, что она кромѣ того и голодала. Въ концѣ письма стояло: „Если вы не можете мнѣ помочь, то покажите

это письмо милостивому государю Томасу Труку. Но если можете мнѣ помочь, то не показывайте ему письма". Блинскій разсказалъ, заикаясь, что отдалъ послѣднее художнику Брозе. Ему было стыдно признаваться въ этомъ, и онъ избѣгалъ смотрѣть на Томаса. Онъ немного развеселился и почувствовалъ себя свободнѣе, когда началъ разсказывать, какъ трудно было выманить у фрау Лиссауеръ требуемыхъ пятьсотъ марокъ. Мужъ чуть не силой заставилъ ее выдать навопленные деньги, но она все-таки ухитрилась не додать двадцати-пяти марокъ, и Лиссауеръ доплатилъ ихъ изъ своихъ карманныхъ денегъ. Такимъ образомъ, всѣ источники были исчерпаны, и только поэтому Блинскій рѣшился обратиться къ Томасу Труку. Томасъ поблагодарилъ и, не снимая плаща, вышелъ вмѣстѣ съ Блинскимъ. Послѣдній быстро простился съ нимъ и исчезъ, а Томасъ остановился какъ разъ противъ того гастрономическаго магазина, гдѣ Регина покупала для него закуски въ тотъ достопамятный вечеръ. И въ тотъ же вечеръ Марія Верфтъ мучилась голодомъ и всѣми вопросами, осаждающими бѣдняковъ. Онъ вошелъ въ магазинъ, и передъ нимъ встали мельчайшія подробности того вечера. Снова сердцу его стало горячо отъ наплыва счастливыхъ чувствъ.

Томасъ купилъ пятнадцать самыхъ свѣжихъ яицъ, ветчины, колбасы, шпигованнаго гуса, нѣсколько бутылокъ венгерскаго вина и еще велѣлъ наполнить коробку игроку. Марія Верфтъ должна была именно такъ же хорошо поѣсть, какъ онъ въ тотъ вечеръ.

— Все это упакуйте въ корзину, — сказалъ онъ медленно, — и пошлите въ Бервальдштрассе, № 14, во дворъ, въ четвертомъ этажѣ, и передайте фрейлейнъ Маріи Верфтъ, въ квартиру заплатачника.

Приваэчикъ улыбнулся съ видомъ пониманія, но Томасъ этого не замѣтилъ. Онъ былъ совершенно поглощенъ собственными мыслями, и кассиршѣ пришлось дожидаться, прежде чѣмъ онъ догадался, кромѣ счета, дать еще и деньги. Вокругъ тѣснились другіе покупатели.

— Это составляетъ двадцать-три-марки-пятьдесятъ, — проговорила кассирша, оглядывая его. Она вспомнила, что этотъ же самый молодой человекъ, нѣсколько дней тому назадъ и тоже вечеромъ, стоялъ передъ кассой съ очень пикантною и изящною дамой.

Отъ голоса кассирши Томасъ вздрогнулъ, вытащилъ билетъ въ сто марокъ и, получивъ сдачу, быстро вышелъ изъ магазина. Онъ отправился въ ближайшее почтовое отдѣленіе и отослалъ

остальные деньги на имя Марии Верфтъ. Съ этой минуты онъ рѣшилъ не тратить лично на себя ни одного лишняго пфеннига. На минуту ему стало хорошо отъ этого, но скоро внутренній голосъ шепнулъ ему: „Не обманывай себя; ты поступаешь такъ только изъ эгоизма и съ цѣлью заставить замолчать собственную совѣсть“.

ХП.

— Здравствуйте! — произнесъ звонкій женскій голосъ; — у васъ такой видъ, точно вы лунатикъ.

Молодая дѣвушка остановилась подъ электрическимъ фонаремъ и загородила дорогу Фрюнделю, а онъ прикоснулся рукой къ шляпѣ и поклонился ей съ неловкостью и нѣкоторымъ высокомеріемъ.

— Такъ не здороваются, — проворчалъ онъ сердито. Шарлотта Ингольфъ покраснѣла.

— Извините, — проговорила она коротко.

Они пошли рядомъ.

— Отчего вы такъ грубы? — спросила она и разсмѣялась.

— Я никогда не бываю грубъ. Вы мнѣ помѣшали думать, и это было мнѣ непріятно.

Онъ вынулъ сигару, и она замѣтила, что онъ не могъ найти спичекъ въ карманахъ.

— Пожалуйста! — она протянула ему маленькую серебряную спичечницу.

Фрюндель насмѣшливо взглянулъ на нее, остановился и, не обращая на нее вниманія, сталъ зажигать сигару.

— Что подѣлываетъ Юзефа Гервингъ?

На этотъ вопросъ онъ ничего не отвѣтилъ.

— Видно, что васъ никогда не учили хорошимъ манерамъ и вѣжливому обращенію, — замѣтила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Какая бессмыслица: вы, женщины, требуете отъ насъ какой-то особенной вѣжливости! Для чего это? То вы мауаете о равноправности половъ; а когда хотятъ серьезно отнестись къ этой равноправности, то вы хотите, чтобы съ вами обращались какъ съ сырыми яйцами. Впрочемъ, — перебилъ онъ самого себя, — и все-то это женское движеніе — не больше, какъ противное шарлатанство. Несмотря на весь вашъ крикъ и визгъ, вы все-таки остались жалкими маленькими женщинами, которыя

только разбалтываютъ и пересказываютъ то, что создалъ мужской умъ.

Ингольфъ почувствовала, что ея увѣренность въ себя начинаетъ исчезать подѣ влияніемъ этого человѣка, котораго, какъ болоду, было невозможно сдвинуть съ мѣста. Ей просто хотѣлось отвернуться отъ него и уйти, но что-то неопредѣленное удержало ее. Она вообразила себѣ, что онъ интересуется ее съ психологической точки зрѣнія.

— У Томаса Трука тонкій умъ,—замѣтила она совершенно неожиданно.

— Вы находите?

— Несомнѣнно. А вы другого мнѣнія?

— Я его недостаточно знаю. Но мнѣ кажется, онъ способенъ замечаться.

— А вы противъ мечтателей?

Механикъ надвинулъ шапку плотнѣе на голову.

— Такими вопросами ловятъ только простаковъ!

Ингольфъ откинула назадъ голову.

— За кого же вы меня принимаете? — спросила она разсердившись.

— Прежде всего—за медичку.

— А потомъ?

— Этого я еще не знаю.

— Не можете же вы думать, что...?—она остановилась, будучи не въ силахъ договорить фразу.

— Нѣтъ, я и этого не думаю. Хотя, впрочемъ, и это могло бы быть. Я не говорю именно про васъ. Но знаете, столько кругомъ шныряетъ этихъ женщинъ,—продолжалъ онъ медленно и нисколько не смущаясь:—которыя подѣ различными масками занимаются шпионствомъ и выполняютъ разные темныя дѣла для полиціи... Вы не можете сердиться,—всякій имѣетъ право быть осторожнымъ.

Ингольфъ страшно поблѣднѣла.

— Знаете, что я думаю?—выговорила она, тяжело дыша.— Вы сумасшедшій, просто сумасшедшій. Вы, можетъ быть, когда-нибудь повредили себѣ черепъ или были душевно больны? Можетъ быть, у васъ въ семьѣ были помѣшанные? Однимъ словомъ: не страдаете ли вы маніей преслѣдованія?

— Вы по крайней мѣрѣ коротко и ясно ставите вопросы,—отвѣчалъ безъ всякаго раздраженія механикъ.—И такъ: поврежденіе черепа выключимъ; душевную болѣзнь—также; наслѣд-

ственность—едва ли. Сумасшедшіе, впрочемъ, встрѣчаются въ каждомъ семействѣ. Вообще, я считаю себя вполне здоровымъ.

— Васъ, все-таки, слѣдовало бы когда-нибудь изслѣдовать, — сказала она серьезно, но возлѣ ея губъ дрогнула скрытая улыбка.

Между тѣмъ они дошли до того дома, гдѣ она жила на Доротеенштрассе.

— Не хотите ли выпить у меня чашку чая? — сказала Ингольфъ.

— А чай хорошій?

— Надѣюсь.

— Въ такомъ случаѣ, хорошо.

Она жила во второмъ этажѣ, въ комнатѣ съ отдѣльнымъ входомъ.

Комната была большая, помѣстительная и изящно убранная. Кровать была заставлена японскими ширмами.

Когда они вошли, лампа уже была зажжена. Взглядъ механика упалъ прежде всего на открытые дубовые шкафы, заставленные книгами. На письменномъ столѣ лежало нѣсколько томовъ, взятыхъ изъ королевской библіотеки. Механикъ раскрылъ одну изъ книгъ. Это была „Естественная исторія творенія“, Геккеля. Онъ оглядѣлся съ завистью. Книги гипнотизировали его.

— Каждый студентъ можетъ брать на прочтеніе книги изъ королевской библіотеки?—спросилъ онъ.

— При чемъ тутъ студентъ? Всякій имѣетъ на это право.

— И я также?

— И вы также, если имѣете поручителя.

— Поручителя...—онъ презрительно разсмѣялся.—Никакихъ поручителей у меня нѣтъ.

— Вы могли бы получать книги черезъ меня, — сказала Ингольфъ, не глядя на него.—Каждый имѣетъ право брать нѣсколько томовъ въ день.

— А вы согласились бы мнѣ давать?

— Конечно. Хотя передавать книги и не разрѣшается, но я въ этомъ случаѣ позволю себѣ нарушить правило.

— Гм! я безусловно принимаю ваше предложеніе.

Проговоривъ это, онъ безъ всякаго стѣсненія усѣлся на широкій, удобный диванъ. Но замѣтно было, что онъ все-таки волновался. Возможность получать всѣ нужныя ему книги воодушевила его.

Ингольфъ нажала кнопку электрическаго звонка. Явилась горничная въ бѣломъ фартугѣ.

— Пожалуйста, подайте намъ поужинать и чаю, — небрежно проговорила Ингольфъ.—Чай долженъ быть хорошій и крѣпкій,

лучше, чѣмъ обыкновенно.—Она лукаво посмотрѣла на него, но онъ не пошевелился. Онъ думалъ только о книгахъ.

Когда горничная вышла, — онъ всталъ и такъ близко подошелъ къ Ингольфу, что она даже отступила.

— Относительно книгъ я считаю, что вы мнѣ дали обѣщаніе, и не нарушите его.

Она протянула ему руку, и онъ торжественно потрясъ ее.

Потомъ, безъ всякой просьбы съ его стороны, она стала ему рассказывать о себѣ, и рассказывала весело и съ удовольствіемъ, хотя онъ не выражалъ ей никакого сочувствія.

Ея отецъ былъ фабрикантъ и оставилъ состояніе, обезпечившее его немногочисленнымъ дѣтямъ вполне независимое положеніе.

— Но они всѣ завзятые филистеры, — заключила она, — и я воображаю, что бы съ ними было, еслибъ они увидали, что я принимаю у себя такого господина, какъ вы! Они бы всѣ просто окаменѣли отъ ужаса!

— Моего же отца изувѣчили на работѣ, — проговорилъ механикъ сухимъ, равнодушнымъ тономъ. — А мать всю жизнь простояла надъ корытомъ. Вы бы посмотрѣли, что за руки у нея были, — большія, широкія, красныя и вѣчно пахнувшія зеленымъ мыломъ. А братья и сестры мои... они всѣ перемерли одинъ за другимъ. Матери только и приходилось стирать что на могильщиковъ, да на повивальныхъ бабожь. Приятно, не правда ли?.. Мнѣ что-то здѣсь немного слишкомъ жарко! — вдругъ прибавилъ онъ, всталъ и, не спрашивая позволенія, распахнулъ окно.

Ингольфъ съ волненіемъ слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Она ясно чувствовала, что этотъ человѣкъ начиналъ сильно вліять на нее.

Горничная появилась снова, аккуратно накрыла на столъ и поставила на него блюдо съ наръзанымъ мясомъ, масло, хлѣбъ и японскій чайный приборъ. Все было чисто и красиво.

Ингольфъ разлила чай. Механикъ закрылъ окно и снова усѣлся на диванъ. Онъ началъ ѣсть, о чемъ-то раздумывая, и, повидимому, совершенно забылъ о хозяйкѣ. Она замѣтила, что онъ блисталъ отсутствіемъ манеръ и не имѣлъ понятія о самыхъ простыхъ приличіяхъ. Онъ глоталъ съ жадностью куски мяса и запихивалъ хлѣбъ въ ротъ съ быстротою, въ которой было что-то и смѣшное, и отвратительное. Но она старалась какъ-то не останавливаться на этихъ внѣшнихъ подробностяхъ, и сама удивлялась себѣ. Никогда ей не приходилось встрѣчать человѣка, до такой степени занятаго исключительно самимъ собою,

своимъ внутреннимъ міромъ. Она напряженно наблюдала за нимъ, и ее пугала его самоувѣренность.

— Ну вотъ!—проговорилъ онъ, наконецъ, вытеръ ротъ кулакомъ и отложилъ въ сторону ножъ и вилку. Она не сумѣла скрыть улыбки. Онъ тотчасъ же это замѣтилъ.

— Ну,—проговорилъ онъ, нисколько не смутившись и указывая на салфетку,—меня такой культурой не удивите.

И ей самой сдѣлалось неловко.

Онъ подошелъ къ столу и сталъ безъ всякаго стѣсненія рыться въ книгахъ. Потомъ раскрылъ одну изъ нихъ. Это было „Philosophie de l'art“.

— Вы читаете по-французски?—спросилъ онъ.

— Да.

— И свободно владѣете языкомъ?

— Кажется.

— Вы такъ же знаете и англійскій языкъ?

— Да, настолько же, насколько французскій.

Въ лицѣ его появилось выраженіе зависти. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но удержался. Нѣсколько разъ прошелся онъ по комнатѣ съ такимъ видомъ, какъ будто она ему принадлежала, и, наконецъ, остановился передъ самой Ингольфъ.

— Трудно изучить языкъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—надо только правильно начать заниматься.

— Гм! А у васъ есть преподавательскій талантъ?

— Я еще никогда объ этомъ не думала,—медленно отвѣчала она,—но мнѣ кажется, что съ человѣкомъ сколько-нибудь интеллигентнымъ я могла бы успѣшно заниматься.

Онъ сжалъ губы и посмотрѣлъ на нее пристально и холодно.

— Хотите учить меня? Гонорара я вамъ платить не буду,—прибавилъ онъ.—Вы будете это дѣлать исключительно изъ интереса къ моей особѣ.

— Изъ интереса къ вашей особѣ?—переспросила она съ невольнымъ изумленіемъ.

— Ну да, извѣстный интересъ есть же у васъ ко мнѣ,—высказалъ онъ твердо и определенно, какъ будто какое-возраженіе ему не было возможно.—Впрочемъ, если вы не хотите,—я никогда никого не прошу.

Она откинула голову назадъ и проговорила:

— Я хочу,—и прибавила, тяжело дыша:—Я вѣдь нисколько васъ не боюсь.

Онъ ничего не возразилъ, и нѣсколько времени оба молчали.

— Вамъ пришлось много выстрадать, благодаря вашему тяжелому дѣтству?—спросила, наконецъ, Ингольфъ, и въ голосѣ ея послышалась жалость.

Онъ коротко разсмѣялся.

— Я отъ такихъ вещей не страдаю,—сказалъ онъ.

Ей захотѣлось перемѣнить разговоръ, и поэтому она спросила безъ всякаго перехода:

— Вотъ вы говорите, что Томасъ Трукъ—мечтатель, но на какомъ основаніи вы это утверждаете? Этотъ человѣкъ возбуждаетъ во мнѣ живѣйшій интересъ.

— Мечтатели,—проговорилъ механикъ,—страдають определенной болѣзнию. Они стремятся спасти и освободить, и это стремленіе сводитъ ихъ съ ума и губитъ окончательно. Они готовы дать себя распять и даже сами себя распинаютъ. Имъ это ничего не значить.

— Вы считаете идею освобожденія чѣмъ-то патологическимъ?

— Въ смыслѣ общественномъ—да. Въ смыслѣ отдѣльной личности—нѣтъ.

— Чтò вы подъ этимъ разумѣете?—выговорила она робко и съ выраженіемъ подавленности.

Его маленькіе, узкіе глаза сверкнули.

— Отдѣльная личность—это я самъ. Только самъ я могу освободить себя.

— Ага!—воскликнула она:—у васъ та же точка зрѣнія, что и у швольнаго учителя Гейнзюса?

— Да, нѣкоторое сходство несомнѣнно существуетъ,—подтвердилъ онъ,—хотя я думаю, что оставилъ его далеко позади,—прибавилъ онъ какимъ-то особеннымъ тономъ.

— Всѣхъ этихъ вашихъ пророковъ,—воскликнула она возбужденно,—слѣдовало бы повѣсить на фонарныхъ столбахъ, а ихъ ученье, если оно гдѣ-нибудь напечатано, вытравить все до послѣдней буквы!

Выраженіе фанатизма появилось въ лицѣ механика.

— Наше ученье,—отвѣчалъ онъ, и Ингольфъ почувствовала, какъ его опянялъ звукъ собственныхъ словъ,—подобно чудесной змѣѣ, у которой вырастаютъ тысяча головъ, вмѣсто одной отрубленной.

— А каковъ будетъ конецъ Томаса Трука?—спросила она.

— Я не пророчествую. Но, все-таки, замѣтили вы, какая у него шея!

— Да,—отвѣчала она,—у него шея красивая и благородной формы.

— У него шел Эгмонта — проговорилъ механикъ. — Вы помните это мѣсто у Гёте?

— Помню, да... — Ея взволнованное лицо поблѣдѣло. — Вы читаете Гёте?

— Читалъ во время дѣно.

— И вы думаете, что такая судьба ждетъ Томаса Труга?

— Да.

— Нѣтъ, я этому не вѣрю! — она задрожала всѣмъ тѣломъ. — Этого не можетъ быть, этого не будетъ!

Механикъ Фриундель надѣлъ свой плащъ и взялъ въ руки шляпу. Онъ презрительно и зло улыбался.

— Въ благодарность за ужинъ, за обѣщанныя книги и обучение, я хочу подарить вамъ одно мудрое изреченіе, — сказалъ онъ, и тихонько, дѣлая ударенія на каждомъ словѣ, онъ закончилъ: — Все, что погибаетъ, то и достойно погибаетъ... Покойной ночи, фрейлейнъ Ингольфъ!

XIII.

Господинъ Бергъ встрѣтилъ Томаса очень радушно и тотчасъ же повелъ его въ столовую.

Хозяйка вышла, когда супъ уже былъ на столѣ. Она была блѣдна и имѣла страдальческій видъ. Молча подала она ему руку.

Ея видъ поразилъ его. Въ первую минуту ему было неприятно, что любимая женщина обошлась съ нимъ такъ сухо и нелюбезно въ присутствіи своего мужа, но это впечатлѣніе разсѣялось довольно быстро.

Мальчикъ тоже сидѣлъ съ ними за столомъ и привѣтливо обращался въ гостю, называя его: „дядя Томасъ“. У него было хилое жалкое тѣло и умное, старческое лицо.

Томасъ былъ единственнымъ гостемъ, и за все время обѣда хозяйка непрерывно поддерживала съ нимъ разговоръ.

Хозяйка изрѣдка произносила отрывистыя фразы. Она казалась нервной и чѣмъ-то сильно обеспокоенной. Мужъ нѣсколько разъ пытался заговорить съ ней, но она обрывала его на каждомъ словѣ.

Мальчикъ, какъ будто понимая душевное состояніе матери, испуганно косился на нее.

Въ концѣ концовъ, мужъ пересталъ обращаться въ ней.

— У моей жены сегодня дурной день, — сказалъ онъ съ дѣланымъ смѣхомъ. — Непоздоровится тому, кто подвернется ей

въ такую минуту! Совѣтую вамъ принять это въ свѣдѣнію. Несмотря на все ея расположеніе, вамъ можетъ придтись плохо.

Она съ раздраженіемъ и злостью взглянула на мужа, и даже открыла ротъ, какъ будто собиралась отвѣтить что-то непріятное, но промолчала и сжала презрительно губы.

Но когда слуга, по ошюнности, чѣмъ-то нашумѣлъ, она уже не могла больше сдерживаться.

— Вы, кажется, шума сошли!—крикнула она, и когда перепуганный лакей хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе, она указала ему на дверь.

Отецъ и сынъ переглянулись и уставились каждый въ свою тарелку.

„Что это съ нею?“—спрашивалъ себя Томасъ, и не находилъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Ея поведеніе дѣлало его безпомощнымъ и мучило его. Онъ принялъ приглашеніе съ единственной цѣлью выяснить себѣ положеніе дѣла, но, благодаря ей, все спуталось и затемнилось еще больше. Сегодня онъ видѣлъ не Регину, а какую-то карриатуру на нее.

Но, несмотря ни на что, онъ ясно сознавалъ, до какой степени сильно ее любитъ. Она могла дѣлать рѣшительно все, что ей было угодно,—онъ всему находилъ объясненіе и оправданіе. Обѣдъ былъ конченъ.

— Извините меня, я прилягу на часокъ,—сказалъ господинъ Бергъ.—Въ мои годы...—Онъ позвалъ съ собой мальчика и направился къ дверямъ.

Съ минуту они оба прислушивались въ удалявшимся шагамъ. Потомъ она нажала пугавку электрическаго звонка.

— Никого не принимать!—приказала она вошедшему слугѣ.

— А теперь пойдѣмъ!—шепнула она Томасу.

И повела его подъ руку черезъ цѣлый рядъ комнатъ въ маленький будуаръ.

Она притворила дверь, подошла къ нему совсѣмъ близко и взглянула на него съ глубокимъ сдержаннымъ волненіемъ. Все, что было въ ней властнаго, разомъ пропало, — безпомощное и убитое выраженіе появилось на ея лицѣ. „Смотри, я едва держусь,—помоги мнѣ!“—казалось, безмолвно молила она.

Происшедшая въ ней перемѣна взволновала Томаса до глубины души. Теперь это была Регина, которую онъ любилъ. Ей принадлежалъ онъ всѣмъ своимъ существомъ. Онъ положилъ свою дрожащую руку на ея темные волосы.

Его волненіе лишило ее остатка самообладанія. Не произнесла

больше ни звука, она, точно истомленная жаждой, привлекла его къ себѣ и прильнула къ нему страстнымъ поцѣлуемъ.

Они забыли все на свѣтѣ и отдались опьяненію безъ мыслей, безъ воспоминаній. Всѣ ихъ чувства и помыслы ушли въ одно желаніе вознаградить себя за долгую разлуку.

Томасу казалось, что ея взглядъ точно выжигалъ въ немъ всю память о прошломъ. Въ ея глазахъ не было слезъ, но они все-таки были влажные и какъ будто плясали отъ глубокой, невыразимой радости, сообщавшейся и ему. Каждое сказанное ею слово звучало для него какъ заглушенная отдаленная музыка, затемнявшая его разумъ. Онъ чувствовалъ, какъ вздрагивала она, когда онъ проводилъ по ней рукою.

— Закрой глаза!

Томасъ повиновался.

Она поцѣловала его сначала въ лобъ, потомъ въ глаза и наконецъ въ губы.

— Не шевелись!—шепнула она и опять стала цѣловать его.—Ну, а теперь взгляни на меня!—вдругъ сказала она и, вся дрожа, прибавила:—О, еслибы ты зналъ, какъ я люблю тебя! Онъ обнялъ ее.

— Ты задушишь меня!—почти простонала она. Но когда онъ невольно отстранился отъ нея, то она поспѣшила проговорить, смѣясь сквозь слезы:—Нѣтъ, пожалуйста, задуши меня! Мнѣ такъ хочется, чтобы ты задушилъ меня!

Онъ наконецъ опомнился.

— Но я не хочу задушить тебя, я хочу жить вмѣстѣ съ тобою!—серьезно проговорилъ онъ.

Она изогнулась какъ кошка и, сощурившись, недовѣрчиво взглянула на него, точно не вполне понимая смыслъ его словъ.

Онъ хотѣлъ заговорить, но она опять закрыла ему ротъ поцѣлуями. Онъ смутно чувствовалъ, какъ слабѣетъ его воля и какъ онъ дѣлается неспособнымъ къ какому бы то ни было сопротивленію. И все-таки онъ еще пытался бороться. Онъ хотѣлъ сказать то, что считалъ нужнымъ сказать, но ясно почувствовалъ, что въ данную минуту это будетъ совершенно невозможно.

Она вдругъ отскочила отъ него, подошла къ дверямъ и прислушалась.

Его передернуло.

Она откинула назадъ упавшіе ей на лобъ волосы.

— Пойдемъ, онъ ужъ навѣрное ждетъ,—произнесла она съ удрученнымъ и поворнымъ видомъ.

Но, взглянувъ на него, увидала выраженіе смертельнаго ужаса на его безжизненномъ лицѣ.

— Что съ тобой? — испуганно воскликнула она и опять прильнула къ нему, инстинктивно понимая, до какой степени ему трудно говорить. Каждое слово ему пришлось бы вытаскивать изъ себя точно клещами.

— Мнѣ необходимо поговорить съ тобой. Общай, что дашь мнѣ возможность сегодня же еще поговорить съ тобой! — съ трудомъ произнесъ онъ.

— Общаю. Ты проводишь меня вечеромъ къ знакомымъ. А теперь пойдемъ.

Въ кабинетѣ былъ приготовленъ кофе.

Хозяйка вышла изъ комнаты, и Томасъ остался одинъ.

Онъ чувствовалъ себя очень дурно. У него кружилась голова, и онъ прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся ему безконечными, вернулась Регина. Ея лицо выражало нервное безпокойство.

— Что съ тобой?

— Ничего, ничего, — разсѣянно проговорила она, видимо стараясь что-то скрыть отъ него.

Онъ съ глубокою грустью взглянулъ на нее.

— Я искала мужа, — объяснила она, точно извиняясь передъ Томасомъ. Она видимо избѣгала смотрѣть на него. — Можетъ быть, онъ былъ здѣсь? — быстро спросила она, точно желая отогнать отъ Томаса всякое подозрѣніе.

— Нѣтъ, его здѣсь не было, — печально отвѣтилъ онъ.

— Такъ куда же наконецъ онъ дѣлся?

Она нажала электрическую кнопку.

— Ушелъ баринъ? — спросила она вошедшаго слугу.

Тотъ пожалъ плечами.

— Не могу знать, сударыня. Я самъ только-что вернулся, я...

— Это мнѣ все равно! Сейчасъ же спросите швейцара, не выходилъ ли баринъ? — пронзивая слугу острымъ взглядомъ, раскорядилась Регина.

Тотъ исчезъ.

Прошло нѣсколько напряженныхъ минутъ. Жуткое настроеніе, охватившее ихъ, все усиливалось.

— Въ это время онъ обыкновенно всегда еще дома, — съ раздраженіемъ вырвалось у нея.

— Мнѣ нужно сказать ему, что я ухожу, что я... — Она вдругъ остановилась, замѣтивъ, что каждымъ своимъ словомъ дѣлаетъ больно Томасу и заставляетъ его глубоко страдать. Ей

хотѣлось сколько-нибудь смягчить ту боль, которую она ему причиняла, и съ счастливой улыбкой, сразу освѣтившей ее лицо, она быстро вынула изъ кармана и сунула ему въ руку свой маленький шолоховый платокъ.

Какъ разъ въ эту самую минуту на порогъ комнаты появился господинъ Бергъ. У него былъ разстроенный видъ и удрученное, какъ бы заплаканное лицо. Онъ взглянулъ на Томаса ничего невидящими растерянными глазами и направился мимо него въ Регинѣ.

— Да что это съ тобой? — грубо, спросила она, но подъ этой грубостью скрывался затаенный страхъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, и только, очевидно, потерявъ всякое самообладаніе, тупо уставился на нее, и лицо его стало еще болѣе жалкимъ.

„Господи!“ — проносилось въ головѣ Томаса. — „Да что же это?“ — У него было такое чувство, какъ будто все рушилось, земля разверзлась и поглотила его. Онъ старался сдержаться и крѣпко сжималъ руки.

Регина откинула голову назадъ и смѣло подошла къ Бергу.

— Скажешь ли ты мнѣ наконецъ, что съ тобой случилось?

Ея взглядъ и голосъ, казалось, привели его въ себя. Онъ попробовалъ заговорить, но его губы произносили какіе-то совершенно непонятные звуки.

Она разсмѣялась рѣзкимъ, презрительнымъ смѣхомъ.

Этотъ смѣхъ испугалъ и окончательно отрезвилъ Берга.

— Меня... меня только-что... только-что увѣдомили, — запынаясь, произнесъ онъ, и вдругъ остановился, но пересилилъ себя и продолжалъ, заикаясь еще больше: — что... что... мою мать... мать... разбилъ параличь... она... Простите! — вдругъ обратился онъ къ Томасу.

Тотъ въ отвѣтъ пробормоталъ какія-то ничего незначащія слова и вскорѣ поспѣшилъ уйти.

Онъ вышелъ на улицу какъ потерянный. Только-что пережитое унизило его въ собственныхъ глазахъ. Онъ сознавалъ, что игралъ постыдную роль, и ему казалось, что онъ еще видитъ передъ собой униженного и оскорбленного мужа. Онъ не могъ забыть его жалкаго, заплаканнаго лица. Но вдругъ онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и вытащилъ изъ кармана шолоховый платокъ. Онъ вдохнулъ въ себя ароматъ духовъ и почувствовалъ, какъ разсѣиваются всѣ его страданія и сомнѣнія. Съ минуту онъ еще думалъ, что забывать изъ слабости или изъ страха то, что онъ старался забыть, — тоже своего рода нарковъ, но вслѣдъ затѣмъ

онъ разсмѣялся страннымъ смѣхомъ. Теперь уже онъ помнилъ только ее одну. Онъ чувствовалъ на своей щекѣ ея дыханіе и прикосновеніе ея волосъ.

XIV.

Дома къ нему, ковыляя, выскочила на встрѣчу хозяйка:

— Господинъ докторъ,—торжественно начала она,—господинъ докторъ...—Она остановилась на минуту и ворко оглядѣла Томаса своими маленькими, блестящими отъ любопытства глазами. Она порылась въ карманѣ и вытащила измятую телеграмму.—Получена часъ тому назадъ,—сказала она.

Что это могло быть? Онъ испыталъ странное чувство, принимая у нея изъ рукъ денешу.

Ему казалось, что случилось что-то ужасное. Онъ отстранилъ старуху и быстро прошелъ мимо нея въ свою комнату.

„Я сталъ такимъ трусомъ, что у меня никогда не хватитъ мужества отереть телеграмму“,—подумалъ онъ.

Онъ зажегъ лампу. На столѣ оказалось еще письмо. Почеркъ былъ ему знакомъ. Это писала Марія Верфътъ.

— Ей-то еще что понадобилось? — нетерпѣливо проивнесъ онъ, поспѣшно разорвалъ конвертъ и сталъ читать:

„Милостивый государь мой!

„Я на колѣняхъ благодарю васъ именемъ Христа. Мнѣ хотѣлось бы безъ конца любоваться на чудесныя, присланныя мнѣ вещи и повторять себѣ: все это прислалъ мнѣ мой милостивый господинъ. Мнѣ жаль, что вы потратили на меня столько денегъ. Еслибы вы только видѣли, какъ удивились мои хозяева. Теперь я совсѣмъ какъ принцесса. Или нѣтъ,—какая же я принцесса!— я только смиренная раба Христова. Все случилось такъ хорошо, потому что я глубоко вѣрила.

„Остаюсь покорнѣйшая слуга ваша—Марія Верфътъ“.

— Это просто возмутительно!—прошепталъ онъ, и въ душѣ его возникли самыя удивительныя противорѣчія.

„Въ этомъ есть что-то трогательное и дѣтское! — продолжалъ онъ думать.—И почему она знаетъ, что это я сдѣлалъ“?

Онъ вспомнилъ, что, отправляя деньги, нарочно подписался такъ неразборчиво, что имени нельзя было прочитать. — Ему было мучительно это слишкомъ краснорѣчивое выраженіе благодарности. Такъ пріятно подать милостыню и забыть о томъ, кому подашь. Вѣдь даешь не изъ внутренняго побужденія, а

для собственнаго удобства, самовосхваленія, тщеславія или изъ страха. Кто даетъ такъ, какъ давалъ Христосъ?

Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ темноту. Ему было стыдно за свое раздраженіе противъ несчастной больной дѣвушки, лежавшей на грязныхъ подушкахъ и вообразившей себя на мгновеніе принцессой. Онъ подошелъ къ столу, и ему опять бросилась въ глаза телеграмма, о которой онъ старался забыть.

„Что это со мною сдѣлалось?—подумалъ онъ.—Прежде я не былъ такимъ трусливымъ“.—Онъ распечаталъ телеграмму и прочелъ:—„Пріѣзжаю половинѣ одиннадцатаго, вокзалъ Фридрих-штрассе.—Беттина“.

„Такъ вотъ это что!“—подумалъ онъ, поблѣднѣвъ, и ему показалось, что не могло быть для него большей неприятности, какъ этотъ пріѣздъ ея теперь, въ такое время. Онъ схоронилъ все воспоминанія о ней. Временами ему удавалось совершенно забывать, что она существуетъ. Совсѣмъ другія мечты и желанія наполняли его душу. Ему казалось, что связь между далекимъ дѣтствомъ и настоящимъ совершенно порвана. И вдругъ она пріѣзжаетъ! Зачѣмъ именно теперь? Зачѣмъ она врывается въ его новое счастье? Можетъ быть, въ этомъ есть какой-нибудь внутренней смыслъ? Можетъ быть, это одна изъ тѣхъ незримыхъ нитей, изъ которыхъ судьба сплетаетъ свои тайныя сѣти?... „Какъ бы то ни было, это во всякомъ случаѣ удивительно!“—подумалъ онъ. Ему казалось, что среди шумной жизни большого города, въ дверь его убогой комнаты нѣжными пальчиками неожиданно и едва слышно поступалось дѣтство.

Развѣ она не была его бѣдная маленькая Беттина, выброшенная жизнью, какъ и онъ, и обреченная на одиночество и борьбу? И развѣ его не привязывали къ ней братскія чувства, которыхъ ничто и никто не могли уничтожить?

— А, вы пришли очень кстати! — сказалъ онъ старушкѣ хозяйкѣ, просунувшей голову въ дверь.

Она взглянула на него вопросительно и съ любопытствомъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло — продолжалъ онъ: — ко мнѣ сегодня вечеромъ пріѣдетъ гостя. Одна моя бузина изъ Парижа...

Старушка лукаво улыбулась. Онъ вдругъ остановился, смущенный и разсерженный.

— Вы, кажется, съ ума сошли! — воскликнулъ онъ и прибавилъ холоднымъ и небрежнымъ тономъ:

— Что такое вы обо мнѣ думаете — я знаю и даже могу сказать вамъ. Вы думаете: сначала у этого барина ужинала

знатная дама, а теперь къ нему является какая-то парижская знакомая, которую онъ выдаетъ за свою кухню. Говорите: подумали вы это или нѣтъ?—спросилъ онъ грубо. Старушка была страшно смущена и даже испугана.

— Ради самого Господа Бога, да что это!—Да въ мои годы люди и совсѣмъ-то перестаютъ думать!—проговорила она въ видѣ извиненія, и черезъ минуту прибавила съ нѣкоторой ядовитостью:

— Люди въ моемъ положеніи не имѣютъ права думать, господинъ докторъ!

— Вотъ какъ! Вы не имѣете права думать? Это для меня новость! И откуда у васъ взялся этотъ тонъ относительно меня?

Хозяйка всплеснула руками.

— Да что съ вами случилось, господинъ докторъ?—выговорила она, поправляя серебряную прядь волосъ, упавшую ей на лобъ.—А я-то всегда благодарила Господа Бога за то, что Онъ послалъ мнѣ такого хорошаго жильца! И все шло у насъ отлично, пока...—Она остановилась.—Пока,—медленно продолжала она,—не пріѣхала къ вамъ эта дама. Съ той поры, господинъ докторъ, съ вами что-то приключилось. Такъ мнѣ сдается, если вамъ угодно знать. Сердитесь или нѣтъ, а ужъ такъ мнѣ сдается.

Томасъ задумался и, повидимому, уже не слышалъ ея послѣднихъ словъ.

— Не прикажете ли еще чего-нибудь?—спросила старушка послѣ нѣкотораго молчанія.

Онъ очнулся.

— Барышня пріѣзжаетъ сегодня въ половинѣ одиннадцатаго,—началъ онъ, какъ бы продолжая только-что прерванный разговоръ.—Я хотѣлъ васъ спросить: нѣтъ ли у васъ комнаты, гдѣ ей можно было бы спать?

— Конечно, конечно есть. Хорошая комната, съ кожанымъ диваномъ. Если барышня согласится на немъ спать, такъ я положу на него перину въ новомъ чехлѣ, и чистаго бѣлья у меня наберется. Все это было у меня убрано послѣ смерти моего покойнаго мужа. На что мнѣ были всѣ эти перины, милый баринъ!

Она становилась все болтливей, и онъ поспѣшилъ остановить потокъ ея краснорѣчія.

— Итакъ, барышня будетъ жить у васъ. Ее зовутъ Беттина,—прибавилъ онъ съ тихой улыбкой.

Старушка взволновалась.

— Такъ я должна поторопиться, — сказала она, и быстро ушла.

Черезъ полчаса онъ уже отправился на вокзалъ.

XV.

Когда онъ пріѣхалъ на вокзалъ Фридрихштрассе, то было четверть одиннадцатаго. Онъ взялъ себѣ входной билетъ и оглядѣлъ толпу. Приближалась Пасха, и на вокзалѣ было множество народа. Нѣкоторые подходили покупать газеты и книги. Носильщицы въ голубыхъ блузахъ озабоченно тащили большіе сундуки, и каждую минуту подѣвжали все новыя и новыя экипажи. Всѣ толкались, суетились и шумѣли. Пріѣхавшіе слишкомъ рано — торопливо отправлялись въ залъ для пассажировъ. На мгновеніе передъ Томасомъ вынырнуло изъ толпы лицо адвоката Корнфельда, и онъ быстро отвернулся. Всѣ волновались, торопились и толкали другъ друга.

„Вся жизнь похожа на этотъ вокзалъ, — подумалъ Томасъ. — Каждый видитъ только свою цѣль. Каждый ищетъ мѣста только для себя, не заботясь о другихъ. Всѣ безпокойны и эгоистичны“.

Онъ вышелъ на платформу. Возлѣ нея стоялъ поѣздъ, который долженъ былъ уйти черезъ нѣсколько минутъ. Всѣ вагоны были переполнены. Возлѣ одного изъ оконъ бросились ему въ глаза двѣ красныя дѣтскія шляпы. Изъ разныхъ вагоновъ выглядывали люди, разговаривавшіе съ провожавшими, стоявшими на платформѣ. Онъ прошелъ вдоль поѣзда. Раздался рѣзкій свистокъ. Изъ трубы локомотива вырвались клубы пара, и поѣздъ тронулся. Платформа быстро опустѣла. Проходя мимо лавочки съ прохладительными напитками и фруктами, онъ вспомнилъ, что не привезъ для Беттины цвѣтовъ, быстро побѣжалъ къ продавщицѣ и купилъ букетикъ фіалокъ. Когда онъ вернулся на платформу, то до прихода поѣзда оставалось двѣ минуты. Его охватило нервное безпокойство. Что будетъ, когда они увидятся?

Снова раздался долгій, рѣзкій свистокъ. Онъ точно стоналъ и жаловался и рѣзнулъ по всѣмъ нервамъ Томаса. Онъ увидалъ два огромные горящіе глаза, и черезъ минуту поѣздъ остановился. Онъ не замѣтилъ, какъ платформа опять наполнилась народомъ. Люди съ растерянными лицами забѣгали отъ одного вагона къ другому. Онъ тоже растерянно смотрѣлъ по сторонамъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то его обнял, и ми-

лый нѣжный голосъ повторилъ, прерываясь отъ радости:—Томъ, Томъ!

Знакомая давнишняя нѣжность охватила его, и онъ тихо отвѣтилъ:—Беттина!

На ней былъ свѣтло-сѣрый гуттаперчевый плащъ и черная фетровая шляпа безъ всякихъ украшеній. Черезъ плечо на узенькомъ ремешкѣ висѣла желтая кожаная сумочка, а въ лѣвой рукѣ она держала ящикъ со скрипкой.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и съ нескрываемымъ любопытствомъ. Просторный и неуклюжій плащъ скрывалъ ея стройную и не вполне развитую фигуру. Но лицо было то же, что и въ дѣтствѣ, только болѣе блѣдное и утомленное. На него повѣяло дѣтскими воспоминаніями; ему вспомнилась родина и садъ. Въ ея рѣчи чувствовалась едва замѣтная неясность произношенія, легкій иностранный акцентъ, дѣлавшій ее еще болѣе привлекательной и своеобразной.

Онъ вдругъ схватилъ ее худыя, безъ перчатокъ руки и нѣжно погладилъ ихъ. При этомъ прикосновеніи она неудержимо расплакалась.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ испуганно.

— Ахъ, Томъ, я такъ счастлива!

Она отдала ему свое маленькое портмонэ и довѣрчиво взяла его подъ руку. И, какъ дѣти, какъ братъ и сестра, пошли они рядомъ въ выходъ.

Они вышли на улицу, и тѣсно выстроившіеся въ рядъ богатые отели съ огромными надписями вызывающе смотрѣли на маленькую фигуру Беттины. На углу имъ бросился въ глаза транспарантъ съ блестящими буквами: „Винтергартенъ“.

— Миѣ вѣдь не придется жить отдѣльно отъ тебя въ какой-нибудь гостинницѣ?—испуганно спросила она.

— Нѣтъ, ты будешь жить у меня.

Она глубоко вздохнула и повернула къ нему сіявшее отъ счастья лицо.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что они забыли взять ея багажъ. Пришлось вернуться назадъ. Въ багажномъ отдѣленіи имъ выдали жалкую маленькую корзину.

Когда они усѣлись на дрожки, она тѣсно прижалась къ нему, ни на что не смотрѣла, ничего не видѣла и ничего не хотѣла видѣть.

— Я тебя тотчасъ же узнала,—сказала она торжествующимъ тономъ.—Ты именно такой, какимъ я тебя себѣ представляла. Такой высокий, стройный и красивый!—прибавила она

по-дѣтски.—Только ты, ради Бога, на меня не смотри!—вскринула она тотчасъ же.—Я такъ ужасно безобразна! Нѣтъ, не смотри на меня!

Онъ засмѣялся и добродушно назвалъ ее маленькой тщеславной особой. Что-то необъяснимое, удивительное блеснуло при этомъ въ ея глазахъ и взволновало его. Она взяла его за руку и больше не выпускала ее.

— Воображаю, какое у тебя было лицо, когда ты получилъ мою телеграмму!—Она лукаво разсмѣялась.

— Скажи, ты очень испугался? Только ты не думай, что я всегда такая безобразная,—прибавила она.—Вѣдь такое путешествіе стоитъ дорого, и я все время экономила.

Ея лицо просіяло.

— Еслибы ты зналъ, какъ я послѣднее время мало ѣла! Каждый разъ, какъ я брала въ ротъ какой-нибудь кусочекъ, я говорила себѣ: „Зачѣмъ это тебѣ, Беттинхенъ? Вѣдь ты сыта, совершенно сыта“. И, правда, аппетитъ тотчасъ же у меня пропадалъ.

Она продолжала болтать и все время съ восторгомъ смотрѣла на него.

— Томъ, я такъ рада!

— Ты устала?

— Нисколько. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы могли ѣхать такъ всегда.

Его трогало и волновало, что она такъ искренно и откровенно выражала свою радость.

— Томъ, я пробуду у тебя десять дней, если ты позволишь. Ты позволишь?

Десять дней! Онъ почувствовалъ внутреннее безпокойство, но громко сказалъ:

— Я буду такъ радъ, Беттина!

А внутренней голосъ шепнулъ ему:

„Ты безстыдно ее обманываешь“.

— Я совсѣмъ не хочу осматривать городъ и нигуда не пойду. Я все время буду съ тобой, съ утра до ночи. Хорошо, Томъ?

— Хорошо.

Дроздки остановились, и онъ помогъ ей сойти. Кучеръ внесъ ея корзину по узкой лѣстницѣ. Въ дверяхъ встрѣтила ихъ хозяйка и сдѣлала книксенъ. Она держала въ рукахъ маленькую, дурно пахнущую лампочку и освѣтила ею Беттину. Повидимому, она осталась довольна осмотромъ, потому что ея старческое лицо просіяло.

— Здравствуйте, милая барышня!—сказала она.—Я хозяйка господина доктора. Пожалуйте сюда въ комнату и устройтесь здѣсь поудобнѣе.

Но Беттина не тотчасъ послѣдовала за нею, а сначала оглянулась, чтобы посмотрѣть, идетъ ли за ними Томасъ.

Они вошли въ комнату, заключавшую въ себѣ всѣ предметы роскоши и драгоцѣнности старушки: стеклянный шкафъ съ мировымъ и серебрянымъ вѣнцами, расписныя тарелки и чашки, пару цинковыхъ кружекъ, библію съ серебряными украшениями и т. п. На кожаномъ диванѣ были положены перины, а надъ диваномъ висѣло нѣсколько плохихъ старинныхъ портретовъ:

— Это все ручное полотно,—сказала старушка, указывая на перины.—Оно мнѣ досталось отъ моей бабушки. Такой ткани вы теперь, барышня, нигдѣ не найдете.

Беттина кивнула головой, поставила ящикъ со скрипкой на столъ, сбросила плащъ и оглянулась.

— Вы, можетъ быть, хотите умыться?—сказала старушка и повела ее въ уголъ, гдѣ стоялъ маленькій желѣзный ручной мойникъ.

Томасъ незамѣтно вышелъ изъ комнаты.

Беттина немного растегнула лифъ и вымыла себѣ руки и лицо. Затѣмъ, быстро застегнувшись, пригладила передъ маленькимъ зеркальцемъ непокорные черные волосы и попросила хозяйку провести ее къ Томасу.

У дверей его комнаты она взяла руку старушки и поцѣловала ее, чувствуя благодарность и нѣжность къ этой женщинѣ. Та испуганно отшатнулась отъ нея.

— Это я, Томъ,—сказала Беттина, и взглядъ ея говорилъ безъ словъ: посмотри же на меня повнимательнѣе и скажи мнѣ, какой ты меня находишь?

На ней было зеленое шерстяное платье, обшитое узкой мѣховою полоской.

Но она скоро совсѣмъ забыла о себѣ и принялась его разглядывать. Это требовало нѣкотораго усилія и было довольно затруднительно. Ей хотѣлось уяснить себѣ каждую черточку въ его лицѣ, и черезъ нѣсколько минутъ на ея собственномъ лицѣ появилось выраженіе серьезнаго раздумья. Затѣмъ она стала ходить по комнатѣ, бросая по временамъ бѣглые взгляды на накрытый столъ, на книги, на пультъ.

— Еслибы ты только могъ понять, какое особенное чувство я испытываю, рассказывая по твоей комнатѣ!—проговорила она.—Мнѣ кажется, что я, наконецъ, уцѣли послѣ длиннаго

путешествія. Я не чувствую ни малѣйшаго утомленія, я такъ возбуждена, что могла бы просидѣть цѣлую ночь, рассказывая тебѣ все, что у меня на сердцѣ. Миѣ такъ много нужно рассказать тебѣ, Томъ, и я просто теряюсь, не зная, съ чего начать.

— Да, это все такъ, все именно такъ, какъ ты говоришь, — отвѣтилъ онъ, и при этихъ словахъ такъ нахмурилъ брови, что онѣ совсѣмъ соединились.

— Видишь ли, Томъ, — опять начала она, и снова посмотрѣла на него, — ты сталъ именно такимъ, какъ я думала. И многое, непонятное миѣ въ твоихъ письмахъ, стало для меня понятнымъ. — И значительно тише, точно про себя, она прибавила: — Въ твоемъ лицѣ есть что-то такое, что было и въ твоихъ письмахъ.

— Что же такое, Беттина?

— Томъ, тебя что-то гнететъ. Это видно... я вижу. Что-то можетъ тебя.

Онъ слушалъ ее смущенный. Все, что она говорила, было такъ здраво, такъ просто и въ то же время такъ серьезно и трогательно. Передъ нею пропадала его увѣренность и пробуждались сомнѣнія. Онъ чувствовалъ, что она, какъ и прежде, вѣрно читаетъ въ его душѣ, и у него не можетъ быть отъ нея никакой тайны.

Они усѣлись рядомъ на диванѣ. И вдругъ онъ внезапно покраснѣлъ. Онъ вспомнилъ, какъ на этомъ же самомъ мѣстѣ сидѣла другая, и какъ все было тогда другое, совсѣмъ другое. Перемена въ его лицѣ не ускользнула отъ нея, но она не сказала ни слова.

— Вотъ до какой степени ты видишь все, что во миѣ, — началъ онъ, и прежнее взаимное пониманіе сразу вернулось къ нимъ.

— Цѣлыми годами я добивался увѣренности въ себѣ самомъ. Я старался надъ этимъ изо всѣхъ силъ, Беттина. Я старался, — не знаю, поймешь ты это или нѣтъ, — внести цѣльность во всѣ противорѣчивыя стремленія моей природы, и все это, — уже тише прибавилъ онъ, — оказалось тщетнымъ. Я сдѣлался старше, но я остался все такимъ же неувѣреннымъ и безпомощнымъ, какъ и раньше... Да какія же я все говорю глупости! — оборвалъ онъ себя. — Я болтаю о себѣ, а ты — голодна. Пойдемъ, поѣдимъ.

— Я не устала и совсѣмъ не хочу ѣсть, — удрученно отвѣтила она.

Онъ налилъ свѣтлаго пива, и они чокнулись толстыми, неотшлифованными стаканами, не издавшими при этомъ почти ни-

какого звука. Но вдругъ дверь отворилась, и хозяйка внесла на подносѣ бутылку съ краснымъ виномъ и тонкіе стаканчики. Она появилась такъ неожиданно, что они почти испугались. Когда они опять остались одни, и стаканчики на этотъ разъ зазвенѣли весело и громко, то въ глазахъ Беттины загорѣлось что-то похожее на ея прежнее лукавство. Она, не отрываясь, осушила свой стаканчикъ и бодро и весело взглянула на Томаса широко раскрытыми глазами. Въ эту минуту все его существо рванулось къ ней, но онъ вспомнилъ Регину и подумалъ о томъ, что сказала бы Беттина, еслибы знала все.

Вдругъ она громко разсмѣялась.

— Что съ тобой?—удивленно спросилъ онъ.

— Ахъ, это такъ смѣшно! Я непременно должна рассказать тебѣ. Въ одинъ прекрасный день, мой отецъ явился въ Парижъ, чтобы дать концертъ. Я и не подозревала объ этомъ, но онъ телеграфировалъ мнѣ, чтобы я пришла къ нему въ гостиницу. Я пошла; но тамъ мнѣ сказали, что нужно подождать. Я ждала цѣлую вѣчность передъ его дверью. Наконецъ, изъ его комнаты вышла дама подъ вуалью, и тогда позволили мнѣ войти. И, можешь себѣ представить, какъ я его застала?— Она опять разсмѣялась. — Онъ стоялъ передъ зеркаломъ въ ярко-красной куртѣ, и лохматые волосы лежали у него по плечамъ. „Подожди минутку!“—сказалъ онъ, не оборачиваясь. И знаешь, чѣмъ онъ былъ занятъ? Онъ красилъ себѣ передъ зеркаломъ усы! Я должна была взять себя въ руки, чтобы не разразиться хохотомъ, Томъ. Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и собирался меня поцѣловать. О, еслибы ты только могъ видѣть меня въ эту минуту! „Однако, ты, кажется, собираешься и меня накрасить“,—сказала я намѣренно грубо. Тогда онъ принялся говорить, и говорилъ безъ умолку цѣлую четверть часа, и все только о своихъ успѣхахъ. Потомъ онъ далъ мнѣ скрипку и велѣлъ что-нибудь сыграть. Ты не можешь себѣ представить, что изъ этого вышло! Онъ совсѣмъ поблѣднѣлъ и удивленно смотрѣлъ на меня. Увѣряю тебя, Томъ, онъ завидовалъ мнѣ и былъ недоволенъ, что я кое-чему научилась. Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь, вошла новая дама, и онъ немедленно распрощался со мной.

— Но какъ онъ самъ играетъ?—спросилъ Томасъ разсѣянно и безучастно.

Она не замѣтила его тона.

— Какъ странствующій музыкантъ. Онъ вообще весь отяжелѣлъ. Игра у него изящная, какъ говорятъ французы, но въ

ней не чувствуется никакой глубины. После концерта он схватил меня за руку и спросил: „Ну, что скажешь?“ — „Слишком уж гениально!“ — ответила я. С этой минуты между нами было все кончено. Позднее я поняла, что сделала глупость. Мне так хотелось оставить Париж и учиться здесь дальше. Немного притворства с моей стороны — и все бы удалось. А теперь он меня ненавидит, Том, уверяю тебя. Но нет, если бы только ты мог видеть его в красной куртке, с накрашенными усами! Каждый раз, как мне приходилось его видеть, он бывал окружен все новыми дамами. „Теперь ты видишь, как меня фетируют, чижики ты несчастный?“ — как-то свысока спросил он меня. „Я вижу только, что на свете много глупых женщин“, — ответила я очень дерзко. Он находит, что у меня нет темперамента. — И она прибавила тихо, дрожащим голосом: — О, если бы он только меня знал! Во мне есть то, чем обладаю только я одна! — продолжала она громко, сверкая глазами и с выраженіем гордости в лицѣ и во всей тонкой фигурѣ. — Я владѣю сокровищемъ, но еще не въ силахъ выразить это другимъ. Я чувствую Бетховена, какъ чувствовала въ нашемъ саду каждую почку, каждый листокъ, каждый цвѣтокъ. И когда я научусь совсѣмъ, я буду играть Бетховена такъ, какъ только я одна могу его играть. О, какъ я работала, какъ я плакала, какъ сомнѣвалась въ себѣ!

Ея глаза горѣли, она была вся одно движеніе и возбужденіе. Но вдругъ она разомъ затихла, ея лицо осунулось, и въ немъ проступило выраженіе тоски и отчаянія.

— Все это — одно безуміе. Я никогда ничего не достигну. Никогда не буду настоящей артисткой, а вѣчно останусь жалкой посредственностью. Я мучусь, но это ни къ чему. Я не могу сделать того, что хочу, просто не могу, — ты понимаешь?

— Можетъ быть, ты хочешь невозможнаго?

Въ ея лицѣ появилось страданіе, но вдругъ выраженіе его измѣнилось, и она улыбнулась загадочной, радостной улыбкой.

— Всегда, когда мне казалось, что я достигла предѣла и ничего ужъ больше не могу сделать, несмотря на всю работу и прилежаніе (а ужъ до чего я была прилежна!), то я говорила себѣ: „Какіе бы глаза сделалъ Томъ, если бы я хоть сколько-нибудь приблизилась къ тому, что мне представляется!“ И это ты помогалъ мне работать дальше.

Онъ смущенно провелъ рукою по лбу и отвѣчалъ уклончиво:

— Неужели ты такая честолюбивая?

— Для каждаго, серьезно относящагося къ искусству, нѣтъ ничего хуже середины. По моему, это почти преступленіе.

Онъ посмотрѣлъ на нее сбоку. Въ ея худенькой и тонкой фигурѣ было что-то угловатое, не вполне развитое и еще дѣтское. Лицо ея говорило объ упорной внутренней работѣ, но все-таки напоминало прежнюю маленькую Беттину, только черты стали тоньше и серьезнѣе.

Она вдругъ вынула скрипку изъ ящика и быстрымъ движеніемъ потушила лампу.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала?

— Оставь меня!—проговорила она тихо, и черезъ минуту начала играть.

Онъ забылъ все на свѣтѣ. Онъ слушалъ и временами задерживалъ дыханіе. Въ ея игрѣ была какая-то захватывающая страстность. Все ея существо перешло въ звуки, и эти звуки проникали до глубины его души. Въ каждомъ изъ нихъ онъ чувствовалъ ее, Беттину, но это была не худенькая дѣвушка съ тонкими руками и платьемъ, висѣвшимъ неловкими складками вокругъ ея не вполне еще развитого тѣла; это былъ духъ, возникшій изъ самыхъ глубинъ ея существа и сбросившій съ себя ненужную земную оболочку. Онъ чувствовалъ, что въ этотъ мигъ она отдавала ему то, что было въ ней самаго важнаго, свою божественную сущность, и что, быть можетъ, ей никогда больше не удастся до такой степени раскрыть всю себя, какъ въ этотъ часъ, когда ея игра озарила небывалымъ бѣлымъ свѣтомъ убогую темную комнату. Она кончила по срединѣ музыкальной фразы, положила скрипку на кровать и прошептала, вся дрожа отъ возбужденія и прижимаясь къ нему:

— Ты доволенъ, Томъ?

Ея голосъ проникъ ему въ душу. Ему казалось, что онъ въ темнотѣ видитъ ея глаза, устремленные на него съ выраженіемъ опьяненія собственной игрой. Но не одно опьяненіе выражали эти глаза. Въ нихъ онъ прочелъ громкую просьбу: „Возьми меня и поцѣлуй, какъ цѣловалъ когда-то! Со всѣмъ моимъ искусствомъ я несчастна безъ тебя!“

Онъ взялъ обѣими руками ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ, цѣломудренно, почти благоговѣнно. Этотъ поцѣлуй объяснилъ ей все и заставилъ ее безумно страдать. Она отшатнулась отъ него и закрыла лицо руками. Она плакала неслышными внутренними слезами, такими слезами, какихъ онъ никогда ни у кого не видалъ.

Вся темнота и весь ужасъ ночи налегли на нихъ обоихъ.

XVI.

Почти всю ночь провела она, не смыкая широко раскрытыхъ глазъ. Въ огромномъ, чуждомъ ей Парижѣ она никогда не чувствовала себя таковой одинокой, заброшенной, несчастной и безпомощной. Тамъ она жила мечтами и желаніями, прицѣпляясь къ нимъ, какъ больной, слабый ребенокъ къ матери.— „Теперь все кончено“,—мелькало у нея въ головѣ, и ей становилось такъ холодно, что зубы у нея стучали.

Среди глубокой тишины что-то шуршало и хрустѣло за стѣнами, мѣстами отставшими отъ стѣнъ, обоями. Вѣроятно, это были голодные мыши, выползавшія въ темнотѣ и прогрызавшія острыми, бѣлыми зубками все, попадавшееся имъ на дорогѣ.

Она не могла долго выдержать, поспѣшно встала съ кровати и стала въ темнотѣ шарить на столѣ, отыскивая спички. Найдя ихъ, она зажгла огонь и сняла съ лампы колпачекъ и стекло, чуть-было не выронивъ ихъ,—до такой степени у нея дрожали руки. Потомъ она снова улеглась, тупо и безсознательно глядя въ одну точку. Теперь ей все было ясно: и его долгое молчаніе, и холодныя письма. Можетъ быть, все сложилось бы иначе, еслибъ ей позволили оставаться съ нимъ... Но нѣтъ, это ничего бы не измѣнило. Главное было то, что онъ никогда ее не любилъ, а всегда только жалѣлъ. Она почувствовала ненависть къ этой жалости, такъ обольстившей и такъ жестоко обманувшей ее.

Ей вспомнилась запачканная маленькая жестянка, въ которую она собирала свои жалкіе накопленные гроши. Вспомнилась дѣтская радость, охватывавшая ее, когда одинъ франкъ присоединялся къ другому. Съ какою нѣжностью она относилась къ жестянкѣ, холоднымъ монетамъ! Какъ ясно представляла себѣ заранѣе ожидавшую ее радость, съ какимъ нетерпѣніемъ считала минуты путешествія, казавшагося ей безконечнымъ, какъ вѣрила въ это свиданіе!.. Что же теперь будетъ? Вся жизнь станетъ другой—холодной, чуждой. Она вдругъ сложила руки и стала молиться:

— Милосердый Боже, закрой мнѣ глаза навѣки!

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ—но какъ холодно, какъ покровительственно! Если она умретъ, то, быть можетъ, онъ поцѣлуетъ ее иначе. Впрочемъ, нѣтъ; она была слишкомъ горда, чтобы желать этого. Ему передадутъ отъ нея записку, на во-

торой будетъ стоять: „Я люблю тебя. Не цѣлуй меня.—Беттина“.

Но Богъ не хотѣлъ исполнить ея молитву и послать ей смерть. Богъ былъ суровъ и немилосердъ къ ней. Онъ съ самаго дѣтства оттолкнулъ ее отъ Себя. Единственный близкій ей по крови человекъ давалъ ей самое скудное содержаніе и совершенно не заботился о ней. Онъ ей представился опять въ своей красной курткѣ, съ длинными, беспорядочно выщипанными волосами, и вспомнились всѣ ходившія къ нему и выходившія отъ него дамы. Теперь онъ не казался ей больше комичнымъ. Онъ былъ похожъ, въ своей красной курткѣ, на какого-то принца, строгаго и недоступнаго... Ужъ если Богъ не хотѣлъ послать ей смерть, то Онъ все-таки могъ такъ сдѣлать, чтобы она заснула и на утро проснулась совсѣмъ разслабленной. Разслабленной навѣки! Тогда ее куда-нибудь помѣстятъ, будутъ о ней заботиться, а она никогда ни съ кѣмъ не станетъ больше говорить, а только изрѣдка будетъ прижимать къ себѣ и ласкать свою скрипку. И играть тоже никогда больше не будетъ... Вдругъ ее охватилъ безумный страхъ: въ состояніи ли она вообще играть послѣ всего, что ей пришлось пережить? Вдругъ она, въ самомъ дѣлѣ, не сможетъ больше играть!

Ей захотѣлось вскочить и тотчасъ же въ этомъ убѣдиться, но она вспомнила, что скрипка осталась въ его комнатѣ. Иные отъ горя лишаются способности говорить, а она лишится способности играть. Ее отвезутъ въ Парижъ, и какой-нибудь докторъ будетъ ее демонстрировать студентамъ. Онъ разскажетъ имъ всю ея исторію, а она будетъ безучастно слушать. Потомъ профессоръ скажетъ: „Попробуйте сыграть что-нибудь, барышня!“ Она прижметъ скрипку къ подбородку, со всей силы проведетъ по ней смычкомъ, извлечетъ изъ нея отвратительный, грубый звукъ, покачаетъ головой и слабо опуститъ руки. „Вы видите“, — скажетъ профессоръ и произнесетъ латинское названіе ея болѣзни. Еще одно оставалось. Она вскочила съ постели, подбѣжала къ окну и заглянула внизъ. Потомъ распахнула окно и поглядѣла на пустынную, одинокую улицу. Въ лицо ей повѣялъ ночной воздухъ.

„Если я сейчасъ прыгну отсюда,—подумала она,—то черезъ минуту все будетъ кончено навсегда“.

Она отшатнулась и быстро захлопнула окно, такъ что старыя рамы задребезжали. Было страшно подумать, какъ ее найдутъ голую, всю разбитую. Онъ увидитъ ее обезображенную, съ разmozженнымъ черепомъ, съ искаженнымъ отъ предсмерт-

наго страха лицомъ, вздрогнетъ и быстро отвернется, унося о ней такое ужасное воспоминаіе. Онъ... онъ... онъ... опять и опять онъ, всѣ долгіе годы одинъ только онъ... и вотъ всему конецъ!..

Наконецъ, она задремала отъ изнеможенія. Это не былъ сонъ, а точно кавад-то летаргія. Она то просыпалась, то ей начинали мерещиться какіе-то ужасы: ей казалось, что ее опускаютъ въ могилу, а она знаетъ, что жива, и не можетъ, не хочетъ умирать, и все стонетъ: „Томъ, отдай мнѣ мою скрипку“!.. А ее опускаютъ все глубже, и она вдругъ понимаетъ, что ее заруютъ живую въ землю. Она отчаянно вскрикнула, проснулась и ужъ больше не могла заснуть. Изнемогая отъ страха и мученья, пролежала она такъ до самаго разсвѣта.

А въ то время, какъ она такъ страдала, Томасъ тоже не спалъ и сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ. Онъ зналъ, что глубоко оскорбилъ ее, и это мучило его. Онъ чувствовалъ, какого человѣка оттолкнулъ, какой драгоценности лишилъ самъ себя, и ему было грустно.

„Могъ ли я поступить иначе?“ — спрашивалъ онъ себя много разъ, и каждый разъ внутренній голосъ отвѣчалъ ему: „Нѣтъ“. Но рядомъ съ этимъ голосомъ раздавался еще другой, тихій, печальный и жалобный голосъ, говорившій: „Ты бѣдный, ты безконечно бѣдный человѣкъ. Ты набросилъ темный покровъ на свое дѣтство, на свою чистоту“.

XVII.

Сильный вѣтеръ дулъ на встрѣчу Томасу и Беттиѣ. Они шли, наклонивъ впередъ голову и плечи. Мимо нихъ пролетѣла чья-то шляпа. Была настоящая весенняя буря, гвавшая увидшіе листья и громко свиставшая свои нахальныя пѣсни. Беттина была очень блѣдна и въ ней чувствовалось мучительное насильственное спокойствіе.

Была весна, но Тиргартенъ казался такимъ обнаженнымъ и унылымъ. Робкія, едва замѣтныя почки показались на черныхъ вѣтвяхъ и свудная жалкая травка выглядывала между стволами и кустами.

Они оба шли молча. Возлѣ шлюзовъ они остановились и стали смотрѣть на воду. Въ одномъ мѣстѣ она крутилась клубами вверхъ и, казалось, готова была перескочить черезъ всѣ препятствія.

— Пойдемъ! — проговорила вдругъ Беттина.

И опять они пошли молча, только отъ времени до времени онъ взглядывалъ на нее украдкой.

Она видимо старалась держаться бодро и, поймавъ одинъ изъ его взглядовъ, посмотрѣла на него кротко и покорно.

Онъ остановился и взялъ ея руку.

— Беттина, будь ко мнѣ добра по прежнему! — сказалъ онъ. — Я чувствую, что мнѣ такъ нужна твоя доброта.

Голосъ его дрожалъ, и она отвѣчала ему съ невыразимо грустной улыбкой:

— Я и не могу иначе относиться къ тебѣ. Мнѣ даже нечего обѣщать.

Онъ почувствовалъ, что она говорила правду, и былъ глубоко растроганъ.

Но вдругъ, въ эту самую минуту, возлѣ нихъ остановился чей-то экипажъ; онъ услышалъ, что его называютъ по имени, и увидалъ прямо передъ собою Регину.

Въ первую минуту онъ былъ такъ пораженъ, что не могъ произнести ни слова.

Фрау Бергъ протанула ему руку.

Тогда онъ овладѣлъ собою и, указывая на Беттину, въ лицѣ которой вдругъ не осталось ни кровинки, представилъ ее:

— Это Беттина, о которой я вамъ рассказывалъ. Моя кувина, или, вѣрнѣе, моя родная сестра Беттина.

— Боже мой, да вы совсѣмъ больны! — воскликнула фрау Бергъ. — Помогите же ей сѣсть въ экипажъ, — прибавила она, обращаясь къ Томасу.

Они не успѣли опомниться, какъ уже вѣхали втроемъ въ экипажъ Бергъ.

Томасъ сидѣлъ напротивъ двухъ женщинъ, и ему казалось, что голова разлетится у него въ дребезги.

— Мнѣ совсѣмъ хорошо, — проговорила Беттина, мучительно улыбаясь. — Мнѣ только бы очень хотѣлось попасть поскорѣе домой, — прибавила она устало, и Томасъ ясно увидѣлъ, какого усилія стоило ей каждое слово.

— Конечно, мы вѣдъ и ѣдемъ къ вамъ, — отвѣчала фрау Бергъ и сказала кучеру адресъ Томаса. Потомъ она взяла руку Беттины, погладила ее и попросила пріѣхать къ ней.

— Я очень помню, — говорила она, — какъ Томасъ мнѣ рассказывалъ о вашей игрѣ. Я даже стала ревновать, — прибавила она, и, тотчасъ же понявъ, что сказала слишкомъ много, густо покраснѣла.

Не получая никакого отвѣта отъ Беттины, она обратилась къ Томасу и обмѣнилась съ нимъ нѣсколькими незначительными фразами.

Ея свекровь поправилась, и она даже подозрѣвала, что вся эта исторія была не больше, какъ маленькая комедія.

— У этой женщины, — добавила она зло, — всегда готовъ сдѣлаться ударъ, когда ей захочется, чтобы о ней говорили.

Это было сказано такъ рѣзко, что Томасъ былъ удивленъ.

Экипажъ остановился, и фрау Бергъ повторила еще разъ свое приглашеніе.

Во дворѣ Беттина остановилась и прислонилась къ стѣнѣ.

— Оставь меня на минутку! — попросила она едва слышно.

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, стиснула свои маленькія руки и закрыла глаза. Въ такомъ положеніи простояла она немного, и Томасу казалось, что никогда въ жизни не видалъ онъ ничего болѣе жалкаго и безпомощнаго.

Но она удивительно быстро оправилась.

— Боже, не оставь меня! — прошептала она неслышно беззвучными губами. — Забудь всѣ мои грѣшные помыслы и все, что я говорила сегодня ночью... Мой Богъ и Спаситель, помоги мнѣ!..

И вдругъ она почувствовала, что силы возвращаются къ ней.

— Не сердись на меня, Томъ, что мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ дурно! — сказала она и прибавила почти весело и спокойно: — Ну, теперь пойдѣмъ!

Онъ хотѣлъ взять ее подъ руку, но она настояла на томъ, чтобы идти одной, и взобралась на верхъ, держась за перила.

Въ его комнатѣ она сѣла противъ него, прямо посмотрѣла ему въ глаза и спросила едва слышно:

— Не правда ли, Томъ, вѣдь это была она?

— Да, — отвѣтилъ онъ тотчасъ же.

— Я думаю, она тебя любитъ, — продолжала она задумчиво, — и она очень красива.

Она съ трудомъ встала и вышла изъ комнаты, но скоро вернулась опять.

— Томъ, у меня къ тебѣ просьба. Исполнишь ее?

— Да.

— Расскажи мнѣ, какъ все это случилось. Расскажи все сначала и ничего не пропускай. Ты вѣдь сказалъ, что я — твоя сестра.

Онъ сѣлъ противъ нея и началъ рассказывать все по порядку. Она слушала его напряженно, какъ будто дѣло шло

о разрѣшеніи труднѣйшихъ задачъ, и ни разу не измѣнилась въ лицѣ. Она слѣдила за каждымъ его взглядомъ, впивала въ себя каждое его слово. Она старалась не забыть тона его голоса и навсегда сохранить въ памяти каждое выраженіе, появлявшееся во время разсказа на его лицѣ. Взглядъ ея былъ серьезный и проникновенный и принуждалъ его исповѣдаться во всемъ. Онъ разсказалъ ей все, и только постарался сдерживать свою радость, свой восторгъ. Но это стараніе не ускользнуло отъ нея, и она съумѣла подслушать его внутреннее ликованіе. Когда онъ кончилъ, она низко-низко нагнулась, поцѣловала его руку, прежде чѣмъ онъ успѣлъ помѣшкать этому, и быстро исчезла изъ комнаты.

XVIII.

Въ субботу на столбахъ для объявленій красовались афиши, возвѣщавшія, что въ воскресенье, въ старомъ помѣщеніи концертнаго зданія, должно было состояться большое собраніе. Его устраивалъ нѣкій господинъ Эгиди. Программа его была слѣдующая: „Значеніе личности, принадлежность людей другъ другу, примиреніе“. Всѣ члены „Ночника“ условились быть на собраніи. Томасъ также получилъ приглашеніе и молча показалъ его Беттинѣ. Она произнесла усталымъ голосомъ: „хорошо“,—потому что соглашалась всегда на все, что онъ хотѣлъ. Онъ былъ радъ немного отвлечься отъ всего, что ихъ обоихъ тяготило, и, кромѣ того, это давало ему возможность познакомить ее съ кружкомъ его друзей.

Настало воскресенье, сѣрый, дождливый апрѣльскій день, съ безформенными, тяжелыми тучами и неприятнымъ вѣтромъ.

Беттина принуждена была, взять Томаса подъ руку, а лѣвой рукой онъ держалъ раскрытый зонтикъ. Но отъ сильныхъ порывовъ вѣтра верхушка зонтика выворачивалась, дождевыя капли попадали на черные стальные прутья и сватывались внизъ. Пришлось закрыть зонтикъ.

— Все равно, онъ насъ не защищаетъ,—авось не растаемъ!—сказалъ Томъ, дѣлая попытку казаться веселымъ. Рука Беттины незамѣтно выскользнула изъ-подъ его руки.

Повсюду стояли лужи. Вѣтеръ хлесталъ и рябилъ ихъ поверхность. Колеса экипажей, проѣзжая, расплескивали и разбрызгивали грязную воду, обдавая ею пѣшеходовъ, старавшихся большими поспѣшными шагами обходить эти лужи. Дома имѣли унылый видъ при блѣдно-сѣромъ освѣщеніи.

Старое концертное зданіе находилось на Лейпцигской улицѣ. Когда они добрались туда, то залъ былъ переполненъ народомъ. Они пошли, вслѣдъ за толпою вновь прибывшихъ, на балконъ, и, благодаря счастливой случайности, имъ удалось занять два мѣста какъ разъ противъ эстрады. Воздухъ въ залѣ былъ густой и парный, и вокругъ мелькали безчисленные и самыя разнообразныя лица. Всѣ оживленно говорили, возбужденно жестикуютъ и пристально смотрѣли на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ появиться ораторъ. Томасъ напрасно старался разыскать въ толпѣ своихъ друзей, какъ вдругъ въ глубинѣ залы, гдѣ стоялъ маленькій столъ, появился небольшого роста, крѣпко сложенный человѣкъ съ энергичной головой и необыкновенно добрымъ лицомъ. Въ этомъ собраніи не было устроено никакого, такъ называемаго, бюро или правленія. Человѣкъ появился совершенно просто, безъ всякихъ торжественныхъ приготовленій. Онъ сдѣлалъ короткое движеніе рукой, и въ залѣ воцарилась полная тишина. Онъ началъ говорить отрывистыми фразами; дѣлая сильныя ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, и его рѣчь раздавалась по залѣ, какъ команда. Въ его манерѣ держаться и говорить было много искренности и простоты, невольно захватывавшей сердца слушателей.

— Прежде всего, — говорилъ онъ, — каждый человѣкъ долженъ достичь глубокаго сознанія собственнаго „я“, своей личности, своего права, своего достоинства и значенія. Онъ долженъ понять, что его личное „я“ и каждое „я“ вообще составляютъ частицу и даже центральный пунктъ огромнаго цѣлаго. Развитие самосознанія ведетъ къ одной цѣли: къ служенію цѣлому и каждой отдѣльной части цѣлаго съ вѣрностью и любовью... Основнымъ чувствомъ должна быть не злоба въ основателямъ современнаго порядка вещей и не презрѣніе, осмѣяніе или зависть къ прошлому, а только желаніе усовершенствованія, идея примиренія. Въ этой мирной борьбѣ обязанность каждаго должна состоять въ томъ, чтобы просвѣщать родной народъ и вести его впередъ за собою...

Всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи, и мертвая тишина продолжалась еще нѣсколько секундъ по окончаніи рѣчи, но потомъ оглушительные крики и неистовыя рукоплесканія потрясли залъ. Говорившій смотрѣлъ спокойно и серьезно на тысячную толпу. Начались пренія, и Томасъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ, узнавъ въ подошедшемъ къ столу блѣдномъ, худомъ человѣкѣ школьнаго учителя Гейнзиуса. Его голосъ уже началъ прерываться, когда онъ сообщалъ свое имя, званіе и адресъ. Онъ былъ

весь—само возбужденіе, сама ненависть. Томасъ увидаль сразу, что для Гейнзіуса наступилъ наконецъ день возмездія, тотъ часъ, котораго онъ жаждалъ съ такимъ отчаяніемъ.

— То, что я хочу сказать, — началъ онъ, — нисколько не относится къ глубокоуважаемой личности самого оратора. Я хочу бороться не съ нимъ, а съ его идеями. Я буду говорить откровенно, и меня должны выслушать, хотя инымъ, можетъ быть, моя правда покажется и горька. По моему внутреннему убѣжденію, вы, г-нъ Эгиди, оболъщаете толпу и совращаете ее съ истиннаго пути. Вы опасѣе узколобыхъ демагоговъ и жалкихъ социалістовъ, въ маленькихъ мозгахъ которыхъ не можетъ вырости ни одной правильной идеи. Вы опасѣе потому, что наружный видъ и всѣ внѣшніе признави говорятъ за васъ. Вы въ корни опасны, потому что принадлежите къ людямъ середины, къ оппортунистамъ. Развѣ возможно воспитывать свободныхъ и сильныхъ людей, проповѣдуя примиреніе всѣхъ классовъ общества? Это недостойныя фразы! Вы призываете имя Христа, а служите Бельялу, богу насилія... Если вамъ нужны авторитеты, то я сошлюсь на Гердера. Въ своихъ „Идеяхъ къ философской исторіи человѣчества“ онъ ясно и коротко высказалъ слѣдующее: „Человѣкъ, нуждающійся въ повелителѣ,—есть животное. Становясь человѣкомъ, онъ не испытываетъ больше потребности быть повелѣваемымъ“. А у васъ, г-нъ Эгиди, религиозное общество совпадаетъ съ государствомъ, представляющимъ собою принципъ рабства. Существуетъ только одно евангеліе—евангеліе моего собственнаго „я“! Каждый долженъ освобождать самого себя, а не предаваться ложнымъ мечтамъ и не пытаться освободить тупую, глухую массу!—Онъ сдѣлалъ короткую паузу и выкрикнулъ, какъ безумный:—Пусть каждый освобождаетъ самого себя!..

Дѣйствіе его рѣчи было поразительное.

Сначала нѣкоторые ворчали и прерывали его, но потомъ всѣ невольно стали слушать. Случилось то, что всегда случается въ подобныхъ собраніяхъ: человѣкъ, говорящій съ фанатической увѣренностью, не можетъ не увлечь слушателей. Тамъ было и здѣсь, но все-таки всѣ чувствовали себя оскорбленными, осмѣянными и униженными. Всѣ молчали, какъ вдругъ это-то пронзительно крикнулъ изъ толпы:

— Этотъ человѣкъ возвѣстилъ чистѣйшую истину! Этотъ человѣкъ тысячу разъ правъ!

Всѣ оглянулись на кричавшаго и стали указывать другъ другу на коренастаго, приземистаго человѣка съ безбородымъ лицомъ молочнаго цвѣта и узкими, косо разрѣзанными глазами,

сверкавшими въ эту минуту какъ два драгоценныхъ камня. Томасу не понадобилось даже глядѣть на него. Весь дрожа отъ волненія, онъ сказалъ Беттинѣ:

— Это Фрюндель, механикъ Фрюндель. Впрочемъ, это все члены „Ночника“, совершенно особые люди!

И, не дожидаясь отвѣта Беттины, онъ нагнулся впередъ, чтобы слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ залѣ. Механикъ стоялъ, скрестивъ руки, и презрительно улыбался, относясь съ полнымъ равнодушіемъ къ безчисленнымъ, устремленнымъ на него взглядамъ. Отъ времени до времени онъ обращался съ какимъ-нибудь насмѣшливымъ замѣчаніемъ къ двумъ женщинамъ, также поднявшимся со своихъ мѣстъ и стоявшимъ по правую и по лѣвую его руку. Это были Юзефа Гервингъ и студентка, Шарлотта Ингольфъ.

„А-а, и эти тутъ!“ — подумалъ Томасъ и на мгновеніе удивился, увидавъ Ингольфъ съ Фрюндедемъ.

Эгиди всталъ.

— Всякій, кто хочетъ, можетъ говорить, — началъ онъ, — но справедливость требуетъ, чтобы я отвѣтилъ человѣку, обвинившему меня. Я отвѣчу ему безъ злобы, потому что не могу питать ее къ тому, кто поднимаетъ на меня палку, не зная и не понимая меня. Я выражаюсь просто и ясно, а меня принимаютъ за оппортуниста, меня, вся жизнь и дѣятельность котораго есть протестъ противъ оппортунизма!.. Но я вѣрю въ освобожденіе и развитіе массъ. Пусть на первомъ планѣ всегда становится вопросъ о хлѣбѣ, — все-таки главной современной идеей остается стремленіе къ духовной независимости личности, общества, народа. Повѣрьте, мы обойдемся безъ оппортунизма, безъ этой отвратительной ноши, пригибающей къ землѣ того, кто ее несетъ. И вдругъ являетесь вы, г-нъ школьный учитель, взявшій на себя величайшую обязанность учить народъ, и обвиняете меня въ томъ, что я размѣниваю благородное золото чистыхъ и высокихъ намѣреній на жалкую мелкую монету, причисляете меня къ тѣмъ торговцамъ, которыхъ Христосъ выгналъ изъ храма!

— Я отвергаю это обвиненіе не съ злобой и негодованіемъ, а съ болью и грустью. Зачѣмъ люди дѣлаютъ все, чтобы не понимать другъ друга? Они вносятъ рознь, тогда какъ должны прокладывать дороги и строить мосты для взаимнаго сближенія и для того, чтобы протянуть другъ другу руки? Строить дороги и мосты — вотъ задача нашего времени. — Онъ остановился и провелъ рукой по пылавшей головѣ.

— И это не такъ трудно, — продолжалъ онъ, — естесву что

въ каждомъ человѣкѣ есть зло, но въ каждомъ также есть искра добра, и изъ злого сѣмени вырастаетъ добрый ростокъ. Для человѣка, увѣреннаго въ этомъ, слово „примиреніе“ не является до-казательствомъ шаткости, трусости и жалкаго компромисса, но выраженіемъ настоящаго благочестія и глубочайшаго пониманія...

Многіе среди толпы тяжело вздыхали. У нѣкоторыхъ лица поблѣднѣли, — у другихъ, напротивъ, покраснѣли. Иные встали и протягивали оратору руки. Нѣсколько восторженныхъ женщинъ махали платками. Возлѣ самаго стола, за которымъ находился ораторъ, стоялъ какой-то жалкій человѣкъ на костыляхъ. Онъ вытянулъ впередъ свою длинную и тонкую, какъ у жираффа, шею и пристально глядѣлъ на Эгиди, какъ будто передъ нимъ было какое-то свѣтлое видѣніе. Рядомъ съ человѣкомъ на костыляхъ плакала горячими слезами худенькая дѣвушка въ потертомъ черномъ платьѣ. Это была Марія Верфтъ.

Но это тихое восторженное настроеніе толпы было вдругъ нарушено вставшимъ передъ столомъ высокимъ человѣкомъ съ орлинымъ носомъ и черными, какъ смоль, гладко зачесанными волосами. Голосъ его прервалъ общее молчаніе, какъ рѣзкій свистокъ локомотива прорѣзываетъ ночную тишину. Чтобы обратить на себя вниманіе, онъ высоко поднялъ правую руку и громко выкрикнулъ:

— Металлическихъ дѣлъ мастеръ Древиць, Акерштрассе, № 14.

Всѣ усѣлись снова по мѣстамъ. Рабочій провелъ красными опухшими пальцами по всклокоченной бородѣ, потомъ скрестилъ руки и сталъ ждать, чтобы все утихло. Въ немъ чувствовалась необыкновенная увѣренность въ себѣ.

— То, что намъ здѣсь наразсказалъ г-нъ Эгиди, — началъ онъ, счумѣвъ придать съ первыхъ же словъ оттѣнокъ горечи и сарказма своей рѣчи, — очень хорошо для тѣхъ, это сытъ и кому хорошо живется. Но насъ, людей съ пустыми желудками, нельзя напоить до-пьяна рѣчами и накормить пустыми фразами, потому что мы, — и онъ прямо посмотрѣлъ въ лицо Эгиди, — мы хотимъ, чтобы намъ, — какъ это ни смѣшно покажется господамъ, — дали сначала до-сыта наѣсться. Я говорю, „наѣсться“, милостивые господа, потому что мы такъ голодны, что намъ нѣкогда привередничать и съ аппетитомъ кушать нашъ обѣдъ. Мы, рабочіе, знаемъ, что между нами и богатыми не можетъ быть примиренія, мы знаемъ, что богатство дѣлаетъ людей наглými, нахальными, безстыдными. — Съ страшной злобой бросалъ онъ эти слова въ толпу. Потомъ, подбоченясь и снова обращаясь къ

Эгиди, онъ продолжалъ:—Такъ, значить, борьба между сословіями должна кончиться. Это очень забавно! Мы должны терпѣть и пикнуть не посмѣемъ! Плохо же вы шутите! Покорнѣйше васъ благодаримъ. Я нахожу, что вы будете издѣваться надъ пролетаріатомъ, если станете ему проповѣдывать непротивленіе злу и насилію... Съ насъ дерутъ послѣднюю шкуру, мы работаемъ черезъ силу и живемъ какъ свиньи, а къ намъ являюся съ какимъ-то примиреніемъ. Сначала переименуйте мѣстами съ однимъ изъ насъ, тогда и увидите, что за прекрасная вещь—терпѣніе! У меня восемь человѣкъ дѣтей, жена состарилась и поблекла, и дѣти ей солоно приходится,—ужь вы мнѣ повѣрьте. Я не пью и не играю, но не могу заработать столько, чтобы хоть самымъ скуднымъ образомъ прожить среди этой вони и грязи.

Его лицо судорожно передернулось и голосъ сталъ тише.

— Когда родится ребенокъ, такъ вѣдь въ этомъ должно быть что-нибудь радостное, праздничное, что-нибудь, такъ сказать, знаменательное, а у насъ съ женою только одно желаніе и бываетъ, чтобы ребенокъ умеръ, не родившись... Недавно какъ-то пришелъ мой старшій сынъ изъ школы и, по глупости, говоритъ мнѣ: „Отецъ, сегодня учитель училъ насъ собственнымъ мѣстоименіямъ. *Мой, твой и его*—это все собственные мѣстоименія, отецъ?“—А я ему, знаете, что отвѣтилъ?.. Слова: *мой, твой и его*, мальчуганъ, стоятъ только въ обширномъ словарѣ богачей. Для насъ это не годится. А есть еще одно собственное мѣстоименіе: *нашъ*, т.-е. нашъ общій... Мы хотимъ быть сыты,—въ этомъ вся наша мудрость, и это мы будемъ кричать, пока горло не пересохнетъ; нашими больными легкими будемъ кричать, послѣднимъ остаткомъ нашихъ больныхъ легкихъ!

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ онъ ступнулъ вулакомъ по столу и съ лицомъ, сдѣлавшимся вдругъ блѣднымъ и зеленоватымъ какъ воскъ, поглядѣлъ на Эгиди.

— Онъ долженъ отвѣтить на это... Посмотримъ, что онъ отвѣтитъ! — рѣзко и презрительно закричалъ механикъ Фрюндель.

Эгиди вынулъ часы и поднесъ ихъ къ самымъ глазамъ. Всѣ глядѣли на него. Каждый ждалъ разрѣшающаго слова.

— Какой это печальный заключительный аккордъ для сегодняшней нашей бесѣды!—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Черезъ нѣсколько минутъ мы должны разойтись, такъ какъ обязаны закрыть собраніе, когда пробьетъ два часа. Высшія власти находятъ, что мы оскорбляемъ святость воскреснаго дня,

толпу о жизненныхъ вопросахъ народа. — Онъ видимо былъ огорченъ и лицо его приняло страдальческое выраженіе. — Жалоба этого челоуѣка будетъ еще долго раздаваться у насъ въ ухахъ, страшная жалоба, извѣстная, близкая и понятная намъ всѣмъ, — но не она должна направлять нашу дѣятельность, не за нее должны мы цѣпляться всѣми нашими разслабленными мускулами. Мы хотимъ идти выше, хотимъ вдыхать чистый горный воздухъ. Мы ждемъ восхода солнца, обѣщаннаго намъ!

Это были послѣднія слова Эгиди. Часы пробили два. Всѣ встали, двери залы отворились, и толпа хлынула къ выходу.

XIX.

Дождь пересталъ, но свинцовое небо, затянутое тучами и не пропускавшее ни единого солнечнаго луча, тускло глядѣло на тѣснившихся, взволнованныхъ людей. Члены „Ночника“ сговорились встрѣтиться на углу двухъ большихъ улицъ.

У Беттины кружилась и страшно болѣла голова. Среди своихъ личныхъ страданій, она услышала выраженія такихъ новыхъ, чуждыхъ и, благодаря многочисленнымъ спорамъ и противорѣчіямъ, такихъ запутанныхъ мыслей, что не могла рѣшить, кому, собственно, она сочувствовала и кому нѣтъ. А за всѣми этими рѣчами и фигурами странныхъ людей, заглушившими ненадолго ея собственный ужасъ и мученье, страданья ея караулили ее и вставали опять съ прежней силой.

Томасъ въ глубинѣ души испытывалъ то же самое.

— Я могу себя представить, — сказалъ онъ, — что ты чувствуешь, потому что и во мнѣ все переворачивается, какъ мельничное колесо. Мнѣ теперь все кажется еще болѣе загадочнымъ, темнымъ и запутаннымъ.

— Я еще долго, когда вернусь къ себѣ, буду во всемъ этомъ разбираться, — тихо отвѣчала она. — До сихъ поръ я ни о чемъ не думала, кромѣ своей скрипки. — И тотчасъ же прибавила мысленно: „Нѣтъ, я думала собственно не о скрипкѣ, а только о тебѣ одномъ. Я и играла только для тебя“.

Она чувствовала, что въ ней поднимались слезы, и ерѣпно стиснула зубы, чтобы не заплакать.

Томасъ услышалъ, что его зовутъ, оглянулся и увидалъ супруговъ Лирсъ и музыканта Абрама Гебгардта, шедшихъ вслѣдъ за ними. На фрау Лирсъ былъ надѣтъ отвратительный дождевой плащъ цвѣта перца, съ капюшономъ, напоминавшимъ шлюпку,

дѣлавшимъ ее еще шире, толще и безформеннѣе. При этомъ она, по обыкновенію, повязала голову большимъ платкомъ, такъ что весьма походила на рыночную торговку. Лирсъ же, напротивъ, одѣлся изящно и по лѣтнему. На немъ было свѣтлое пальто и мягкая сѣрая шляпа съ черной лентой.

Вскорѣ появился и Фрюндель съ Гервингъ и Ингольфъ. Обѣ дѣвушки смотрѣли другъ на друга зло и враждебно, какъ будто между ними шла открытая борьба. Всѣ это тотчасъ же замѣтили, не находя, однако, настоящаго объясненія. Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ присоединилась и остальная компанія: супруги Лиссауръ, Блинскій и Гейнзіусъ. Вмѣстѣ они образовали порядочную толпу, такъ что прохожіе стали останавливаться и заглядывались на этихъ, даже по внѣшности необыкновенныхъ людей.

— Нельзя же допускать такого скопленія народа, — сказалъ Лирсъ. — Итакъ, гдѣ мы будемъ ѣсть?

— Я предлагаю отправиться неподалеку въ придворную пивоварню Ашингера, — проговорилъ голосъ, принадлежавшій студенту богословія Бехерту. Рядомъ съ нимъ стояла, робко опустивъ глаза въ землю, Марія Верфтъ.

— Но вѣдь Ашингеръ еврей, — замѣтилъ насмѣшливо Блинскій.

— Ничего не значитъ, — рѣзко отвѣтилъ Бехертъ. — Онъ не придерживается еврейскихъ обычаевъ, а ваши соплеменники знаютъ вообще толкъ въ ѣдѣ.

Рѣшили идти къ Ашингеру и стали переходить улицу. Марія Верфтъ грустно посмотрѣла на Беттину, и та тотчасъ же поняла, что она хорошо относилась къ Томасу.

„Тоже, должно быть, такой же несчастный червякъ, котораго онъ долженъ былъ раздавить, — подумала она и повторила: — долженъ былъ, долженъ“.

Черезъ двѣ или три минуты они прибыли къ мѣсту назначенія и стали усаживаться за столъ. Гервингъ съумѣла такъ устроить, что Фрюндель сѣлъ рядомъ съ Гейнзіусомъ, а сама проворно сѣла рядомъ съ нимъ по другую сторону, такъ что Ингольфъ пришлось занять мѣсто противъ нихъ.

Фрюндель первый заказалъ для себя и Гервингъ баранью колбасу съ соусомъ изъ кислой капусты, и тотчасъ же всѣ объявили, что жаждутъ бараньей колбасы и кислой капусты. Кельнеръ только и дѣлалъ, что записывалъ:

— Баранья колбаса съ кислой капустой... баранья колбаса

съ кислой капустой,—а Фрюндель усмѣхался про себя. Только когда кельнеръ подошелъ къ Лирсу, то можетъ объявить:

— Бифстевсъ изъ филе съ жаренымъ картофелемъ и еще баранью колбасу съ кислой капустой.

Всѣ стали смѣяться надъ его жадностью, а фрау Лирсъ замѣтила съ добродушной ироніей:

— Бѣдный мальчикъ долженъ подкрѣпить себя: онъ у меня совсѣмъ заработался.—И материнскимъ движеніемъ потрепала его по спинѣ.

Томасъ представилъ Беттину всѣмъ своимъ друзьямъ. Лирсъ дружески пожала ей руку.

— Мы сегодня приглашены послѣ обѣда пить кофе въ „Ночникъ“, въ художнику Бросе,—сказала она;—вы вѣрно слышали уже о немъ, милая барышня. Я бы васъ попросила, если это не будетъ нескромностью съ моей стороны, захватить съ собою вашу скрипку. Вы бы этимъ доставили большую радость очень хорошему человѣку.

Томасъ взглянулъ на Беттину, и она опять утвердительно кивнула съ покорнымъ и усталымъ видомъ.

— Вы были великолѣпны сегодня, г-нъ Гейнзіусъ!—закричалъ Фрюндель.—Примите выраженіе моего почтенія!.. Шапку бы долой передъ вами, если бы я вообще снималъ передъ кѣмъ-нибудь шапку.

Ингольфф тихонько усмѣхнулась про себя, а Юзефа, тотчасъ же подхватившая эту усмѣшку, перегнулась черезъ столъ и проговорила вызывающимъ тономъ:

— Миѣ кажется, вы смѣтаетесь надъ его словами... Онъ ни передъ кѣмъ не снимаетъ шапки;—можете быть въ этомъ увѣрены, сударыня.

— Я развѣ нуждаюсь въ твоей защитѣ?—грубо спросилъ механикъ.

— Я также музыкантъ, — вдругъ проговорилъ Гебгардтъ, обращаясь къ Беттинѣ.

Она посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ интересомъ.

— Я знаю, что вы должны играть необыкновенно и своеобразно, прибавилъ онъ.

— Почему вы можете знать?

— Я это вижу по васъ. Вы... вы... вы не стали бы играть, если бъ не хотѣли выразить что-то необыкновенное и своеобразное. Я знаю какъ вы играете, не слыхавъ вашей игры. Она не будетъ для меня неожиданностью.

— Это очень любезно, можетъ быть даже слишкомъ любезно съ вашей стороны,—возразила она и прибавила (при чемъ въ ней туманно и едва замѣтно промелькнуло ея прежнее лукавство): —Я бы, въ подобномъ случаѣ, больше полагалась на слухъ, чѣмъ на зрѣніе.

— Я не могу ошибаться,—твердо отвѣчалъ музыкантъ.— Весьма возможно, что въ вашей игрѣ многое несовершенно, не выработано, но тѣмъ источникѣмъ, изъ котораго родится музыка, тѣмъ, чему выучиться нельзя—вы обладаете, я знаю.

— Ну чтоъ Броне?—спросилъ Томасъ.

— Можете себѣ представить, онъ поправляется,—отвѣчала Лирсъ; —но вѣдь надо знать, какъ она за нимъ ухаживаетъ!— и при этихъ словахъ даже глаза ея просіяли.

Мужъ ея въ это время перешептывался съ Юзефой, и та отвѣчала ему. Ея глаза безпокойно свергали. Она заставляла себя улыбаться Лирсу и ласково обращаться съ нимъ. Томасъ замѣтилъ это и догадался, что несчастная прибѣгала къ героическимъ средствамъ и всю себя нравственно ломала, чтобы только снова овладѣть сердцемъ Фрюнделя. Фрау Лиссауеръ подтвердила его догадку:

— Поглядите-ка, какъ она старается возбудить его ревность,—замѣтила она, обращаясь къ Блинскому.—Еслибъ я была такая красавица, какъ она, я бы этого негодя ногой давно оттолкнула, да и была бы такова!

— Эгиди—идіотъ и мечтатель. Онъ развѣ только дураковъ въ состояніи провести!—неожиданно воскликнулъ Гейнзіусъ.— А вотъ рабочій былъ необыкновенно хорошъ.

— У него путаница въ головѣ,—замѣтилъ Бехертъ:—съ этимъ я согласенъ, но такъ строго, какъ вы, я его не сужу. Это происходитъ попросту отъ того, что свѣтскіе люди берутся объяснять священное писаніе. Они должны были бы это оставить; надо обладать для этого познаніями и много работать. Это не такъ легко и нужно имѣть призваніе...

— Сынъ человѣческій,—прервалъ его Фрюндель,—вы немножко рехнулись... и пожалуйста ничего такого намъ не рассказывайте. Вы вѣдь не съ малолѣтками имѣете дѣло, замѣтите это!

— Я имѣю дѣло съ заблуждающимися,—это все, что я могъ до сихъ поръ замѣтить,—отвѣчалъ Бехертъ, нимало не смущаясь.

— Вы или уже сошли съ ума, или собираетесь сойти,—

коротко возразилъ механикъ, оборвалъ разговоръ и обратился съ какимъ-то вопросомъ въ Ингольфъ. Потомъ быстро обернулся къ Томасу и язвительно спросилъ его:

— А вы какого мнѣнія объ Эгиди? Я все ждалъ сегодня, что вы заговорите, но вы послѣднее время, какъ вѣжется, все глубже и глубже уползаете внутрь себя, въ свою раковину. Роеетесь гдѣ-то глубоко, точно кротъ.

Беттина испуганно взглянула на него. Какимъ тономъ говорилъ этотъ человѣкъ съ Томасомъ!.. Но самъ Томасъ ничѣмъ не выразилъ, что чувствуетъ себя оскорбленнымъ.

— Я совсѣмъ не считаю Эгиди обманщикомъ, — сказалъ онъ:—это несомнѣнно вполне честный человѣкъ, и этого моего убѣжденія никто, и вы также, г-нъ Фрюндель, не измѣните и не поколеблете. Но...—продолжалъ онъ медленно,—вы совершенно правы, говоря, что я, какъ вы выразились, уползаю внутрь себя. Я бѣгу отъ свѣта вѣшняго міра, г-нъ Фрюндель, въ темноту, потому что свѣтъ ослѣпляетъ меня.

— Пойдемъ, простимся со всѣми, — шепнула ему Беттина. — Мнѣ стало вдругъ такъ тяжело и больно глазамъ.

Когда они остались вдвоемъ, то она сказала:

— Я не понимаю этихъ людей; не позволю себѣ осуждать ихъ, но мнѣ представляется, что они всѣ кружатся въ какомъ-то кругѣ. И у всякаго, кто на нихъ посмотритъ, заеружится голова.

— Ты права, — отвѣчалъ Томасъ, — но въ этомъ вина не ихъ, а нашего времени. Все теперь тревожно и возбуждено, все вращается въ какомъ-то водоворотѣ, и среди этого разложенія и распадена умовъ, всѣ измученныя, загнанныя души ищутъ успокоенія.

Остальную дорогу они молчали. Беттина скоро забыла все, что пережила въ послѣдніе часы, и снова отдалась своему горю. У нея было одно только желаніе: „Дай Богъ очутиться мнѣ скорѣе въ вагонѣ“!

На лѣстницѣ ихъ встрѣтила ховяйка съ очень важнымъ видомъ. Во время ихъ отсутствія приходилъ лакей въ ливреѣ и принесъ письмо. Томасъ быстро разорвалъ конвертъ. Письмо было отъ Регины, приглашавшей ихъ на сегодняшній вечеръ. „Будетъ человѣка два, три, не больше... Если бы фрейлейнъ захватила свою скрипку, то ей были бы вдвойнѣ благодарны“.

Когда онъ передалъ письмо Беттинѣ, то она такъ поблѣднѣла, въ лицѣ ея появилось выраженіе таковаго ужаса, а руки

такъ задрожали, что Томасъ быстро привлекъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Успокойся, мы, конечно, не пойдемъ, — нашъ вечеръ принадлежитъ Брозе.

На мгновеніе она закрыла глаза. Потомъ взглянула на него и проговорила:

— Томасъ, я должна сегодня же уѣхать. Томъ, я должна! — прибавила она рѣшительно. — Я поѣду не надолго къ твоимъ друзьямъ, а потомъ ты проводишь меня на вокзалъ.

Онъ не противорѣчилъ ей. Онъ чувствовалъ, что она была права.

— Спасибо, Томъ, — произнесла Беттина и пошла въ свою комнату. Тамъ старушка-хозяйка стала помогать ей укладываться. Вдругъ она схватила обѣ руки Беттины, и по ее морщинистымъ щекамъ святились двѣ тяжелыя слезы.

— Ахъ, барышня вы моя, милая вы моя барышня! — прошептала она: — вѣдь она его околдовала, вы ужъ мнѣ повѣрьте, — околдовала.

Беттина низко нагнулась надъ корзиной, заключавшей весь ея несложный багажъ, и съ трудомъ удерживалась отъ рыданій. Потомъ она прилегла на диванъ, и старушка укрыла и укутала ее потеплѣе.

XX.

Было почти темно, когда они явились въ мастерскую Брозе. Всѣ уже были въ сборѣ. Художникъ лежалъ на кушеткѣ. Онъ протянулъ Беттинѣ руку, и легкій румянецъ появился на его впалыхъ щекахъ при видѣ скрипки.

Въ углу мастерской стояло разбитое старое піанино. Беттина тихо спросила фрау Брозе, не можетъ ли она сейчасъ же начать играть, такъ какъ черезъ часъ отходить поѣздъ, съ которымъ она уѣзжаетъ. Жена художника посмотрѣла на нее съ изумленіемъ. Она тотчасъ же почувствовала, что бѣдная дѣвушка напрягла послѣднія силы, чтобы придти къ нимъ, что она тѣмъ-то измучена и глубоко несчастна. Ей хотѣлось задать какой-то вопросъ, но она скоро одумалась и коротко отвѣтила:

— Конечно, милая фрейлейнъ.

Гегардтъ уже сидѣлъ за піанино и перелистывалъ ноты. Беттина сыграла одну часть концерта Бетховена для скрипки.

Во время игры она закрыла глаза. Музыкантъ аккомпанировалъ ей съ такимъ тонкимъ чутьемъ и умѣньемъ, какъ будто они сыгрывались дѣльными годами. Тонъ у нея былъ дрожащій, и слушатели чувствовали, что и душа Беттины дрожала вмѣстѣ со звуками.

Вдругъ она въ изнеможеніи опустила смычокъ.

— Я не могу продолжать, я не могу!.. — прошептала она.

Никто не захопалъ. Всѣ сидѣли совершенно тихо. Игра Беттины была для нихъ событіемъ. Она выскользнула изъ комнаты, какъ блуждающій огонекъ, накинула дорожный плащъ и, вернувшись, скромно поклонилась всѣмъ.

— Покойной ночи, фрейлейнъ! — сказалъ Гебгардтъ. — Вы увели насъ въ страну радости, — прибавилъ онъ тихо, чтобы другіе не слышали. — Въ вашей игрѣ заключается третье царство.

Томасъ разслышалъ эти послѣднія слова.

— Третье царство!.. — повторилъ онъ безсознательно.

Они взяли извозчика и отправились на вокзалъ. Багажъ Беттины они захватили съ собою къ Бресе. На платформѣ было немного народа — и вагоны почти пусты. Передъ однимъ изъ купѣ третьяго класса она протянула ему обѣ руки, и руки эти были влажны и холодны.

— Ради Бога, Беттина, да что же это съ тобою?

— Ничего, — проговорила она испуганно и постаралась улыбнуться. Такого раздирающаго душу выраженія онъ еще никогда не видалъ на ея лицѣ и запомнилъ его навсегда. Онъ вошелъ съ нею въ купѣ. Она сейчасъ же сѣла, поставила скрипку къ себѣ на колѣни и положила на нее сложенные руки.

— Иди, прошу тебя, теперь иди.

Онъ не рѣшился ее поцѣловать.

Когда онъ уже повернулся, чтобы уходить, она позвала его еще разъ.

— Томъ, что онъ хотѣлъ сказать, что онъ разумѣлъ подъ „третьимъ царствомъ“?

— Онъ разумѣлъ, — отвѣчалъ Томасъ, немного помолчавъ и съ трудомъ произнося слова, — то третье царство, въ запертыя желѣзные ворота котораго мы смиренно и робко стучимся; то царство, которое всѣ эти люди ищутъ страстно и съ тоскою.

— Такъ вотъ онъ что хотѣлъ сказать, — проговорила она и прибавила больше для себя: — Третье царство!

Еще мгновение простояли они молча.

— Покойной ночи, Томъ,—прошептала она едва слышно.

— Покойной ночи, Беттина.

Онъ остался на платформѣ, но сталъ тавъ, чтобы она не могла его видѣть, и когда поѣздъ, наконецъ, тронулся,—онъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по пустой платформѣ. Служащіе бросали на него подозрительные взгляды, но онъ ничего не замѣчалъ. Онъ все ходилъ и ходилъ, не въ силахъ будучи разстаться съ мѣстомъ, гдѣ видѣлъ ее, быть можетъ, въ послѣдній разъ.

П—на С—ва.

ВЪ ПОѢЗДѢ

Изъ Франсуа Коппе: „Dans un train de banlieue“.

Нашъ поѣздъ сталъ. Мы въ Севрѣ. Изъ окна
Вагона моего вся станція видна.
Сижу въ купэ, бурю. За пестрою толпою
Разсѣянно слѣдитъ скучающій мой взоръ.
И вижу я—предъ дверью выходною
Трехъ милыхъ дѣвушекъ, по сходству—трехъ сестеръ:
Такіе жъ волосы у каждой, съ завитками,
Такой же лѣтній ситцевый нарядъ,
Такая жъ шляпка, съ тѣми же цвѣтами,
И тотъ же радостный, наивный, дѣтскій взглядъ.
Онѣ смѣялися, головками кивая
И зонтиками знаки посылая,
Отца завидѣвъ стараго вдали,
Съ прибывшей публикой спѣшившаго, въ пыли,
На встрѣчу дачному приволью и простору.
Покупками, какъ вьюкомъ, нагруженъ,
Къ барьеру станціи подходитъ быстро онъ,
Свой поѣздной билетъ вручаетъ контролеру
И отдаетъ себя объятіямъ семьи.
Тремъ дочерямъ заботы сдавъ о вьюкѣ,
Онъ старшимъ двумъ протягиваетъ руки
И точно говорить: „Глядите—всѣ мои“!

Но дань свистокъ—и поѣздъ, громыхая,
 Отъ Севера двинулся со мною дальше въ путь.
 Я призадумался:—О, добрая, простая,
 Счастливая семья! Должно быть, гдѣ-нибудь,
     Въ одной изъ дачъ, у лѣса, за вокзаломъ,
     Они живутъ. Навѣрное, отецъ—
 Парижскій коммерсантъ: конечно, съ капиталомъ.
 Онъ старшую готовъ пристроить подъ вѣнецъ.
     Найти могу здѣсь счастье, безъ сомнѣнья!..
     Изъ города я буду въ воскресенье
 На дачу прѣзжать... Вотъ на вокзалѣ ждутъ
 Прихода поѣзда, улыбками встрѣчаютъ,
 Подходятъ всей семьей, мнѣ руки пожимаютъ.
 И въ свой уютный садъ позавтракать ведутъ.
 Подъ липой столъ накрытъ. За шляпой изъ соломы,
 За блузою—бѣгу въ свой дачный кабинетъ.
 Корзину съ винами несетъ хозяйинъ дома,
 Прислуга—дыню; я жъ, садовникомъ одѣтъ,
 Иду съ невѣстою и сестрами по саду,
     Въ безхитростной веселой болтовнѣ,—
     Набрать въ тарелки фруктовъ, винограду...

И такъ легко достигнуть счастья было мнѣ!
 Быть можетъ, стоило лишь выйти на вокзалъ...

Но—прочъ, фантазія! Мной выбрана едва ли
 Изъ всей идилліи не лучшая строка?
 Покинуть поѣздъ мнѣ! Вотъ странная идея!
     Намъ счастье въ жизни дорого, пока
 Къ нему стремимся мы, имъ прочно не владѣя.
     Я самъ себѣ теперь кажусь смѣшнымъ,
 Что жалко грезы мнѣ, исчезнувшей, какъ дымъ
 Моей потухшей сигаретки...

Н. Б. Хвостовъ.

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

и

ОРГАНИЗАЦІЯ ИХЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Осенью прошлаго года въ Полтавѣ, какъ извѣстно, засѣдалъ областной съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности; въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Петербургѣ открывается кустарная выставка и съѣздъ, уже всероссійскій, ученыхъ и практическихъ дѣятелей по кустарной промышленности, созываемый министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ программу этого съѣзда включены вопросы о значеніи и условіяхъ развитія кустарной промышленности въ Россіи, о современномъ положеніи этой промышленности, о мѣрахъ воспособленія ей со стороны правительства, земства и различныхъ учреждений, о нуждахъ отдѣльныхъ промысловыхъ районовъ и т. д. Обстоятельное обсужденіе этихъ вопросовъ — въ совѣщаніи, гдѣ богатые опытомъ практическіе дѣятели сойдутся съ представителями теоріи, — можетъ повести къ очень важнымъ результатамъ практическаго и, быть можетъ, научнаго характера, ожиданіе которыхъ и было, конечно, причиною того, что практическіе дѣятели связываются для обсужденія разныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о мелкихъ промыслахъ въ Россіи, въ практической его постановкѣ, достигъ, повидимому, момента, когда дѣятели въ этой сферѣ, испытавъ тѣ или другія мѣропріятія, сознали болѣе или менѣе ясно потребность провѣрить критикой правильность избраннаго ими пути, выяснить возникшіе въ нихъ вопросы, разрѣ-

шить сомнѣнія и подготовить почву для совмѣстной, гдѣ это нужно, работы на пользу увеличенія производительности народнаго труда.

Что вопросъ о цѣлесообразной системѣ мѣръ воспособленія кустарной промышленности далеко еще не получилъ надлежащаго разрѣшенія — можно видѣть на примѣрѣ земства, наиболѣе энергично и по-видимому успѣшно дѣйствующаго на пути поддержанія и дальнѣйшаго развитія мѣстныхъ промысловъ сельскаго населенія. Мы имѣемъ въ виду земство московское.

Систематическая практическая дѣятельность московскаго губернскаго земства въ области кустарной промышленности начинается въ 1885 г. открытiемъ въ Москвѣ музея, задачей котораго было ознакомленiе публики съ кустарными издѣльями, преимущественно московской губернии, содѣйствiе сбыту этихъ издѣлій, подъемъ производительности и улучшенiе техники кустарныхъ производствъ. Первая задача, наиболѣе легкая, съ самаго начала выполнялась болѣе или менѣе удовлетворительно. Третья задача — улучшенiе техники производства — путемъ раздачи обрашавшимся въ музей кустарамъ образцовъ и рисунковъ — терпѣла одну неудачу за другой, вслѣдствiе того, что кустари не рассчитывали на сбытъ новыхъ издѣлій для неизвѣстно какаго потребителя. Вторая цѣль музея — содѣйствiе сбыту кустарныхъ издѣлій; но четвертый годъ дѣятельности выразился приобрѣтенiемъ 240 клиентовъ, товарами которыхъ торговалъ музей. Несмотря на такiе скудные результаты, торговая дѣятельность музея признана была развивающеюся слишкомъ быстро, и такъ какъ, вмѣсто приема товара на комиссию, музею пришлось покупать его на наличныя деньги, то онъ больше и больше приобрѣталъ характеръ торговаго учрежденiя, между тѣмъ какъ при его основанiи торговая часть предполагалась быть поставленною на заднiй планъ, а на первый выдвинуто улучшенiе техники кустарнаго производства. Для устраненiя этого обстоятельство и для направленiя дѣятельности музея, согласно намѣченной первоначально программѣ, въ 1889 г. учрежденъ былъ экономическiй совѣтъ. Съ цѣлью поднятiя техники въ 1890 г. приглашены были на службу земству мастера, которые должны были давать кустарямъ разнаго рода совѣты и указанiя. Но такъ какъ особенной пользы отъ таковаго рода дѣятельности усмотрѣно не было, то въ 1891—1892 гг. открыты были въ районахъ четырехъ промысловъ мастерскiя, отданныя въ завѣдыванiе специалистовъ. Мастерскiя достигали цѣли улучшенiя техники промысла не голыми поученiями кустарей, а доставляя имъ заказы на извѣстныя издѣлья, руководя ими въ выполненiи этихъ послѣднихъ и производя нѣкоторыя операции у себя при помощи наемныхъ рабочихъ. Земская организациа стала выполнять такимъ образомъ вторую, главнѣйшую, поставленную ей цѣль —

улучшенія техники кустарнаго производства; но такъ какъ она достигла этого, обезпечивая кустарямъ сбытъ новаго издѣлія, то параллельно успѣхамъ организаціи въ смыслѣ улучшенія качества издѣлій развилась и торговая ея дѣятельность: въ 1888 г. музей продано кустарнаго товара на 16.626 р., а въ 1892 г. (вмѣстѣ съ мастерскими)—на 74 т. р. Земское собраніе вновь обратило вниманіе на этотъ предметъ и, „не желая вести дѣло на коммерческомъ основаніи, въ очередную сессію 1892 г. поручило управѣ подробно пересмотрѣть этотъ вопросъ и представить докладъ о томъ, въ какомъ направленіи можетъ и должна развиваться дѣятельность кустарной организаціи, какими способами эти задачи могутъ осуществляться и какія денежные средства для этого необходимы“¹⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, а заданная земствомъ задача не вышла изъ области предположеній и обсужденій, и кустарная земская организація продолжаетъ сохранять усвоенный ею съ самаго начала характеръ торговли улучшенными кустарными издѣліями; въ 1901 г. кустарнымъ музей и мастерскими продано такого товару на 214 т. р. и отпущено кустарямъ сырыхъ матеріаловъ на 60 т. р.

Въ первый разъ губернская земская управа представила собранію докладъ по возложенному на нее порученію въ 1897 г. „Посредническая дѣятельность земства относительно только части кустарей (500 семей постоянныхъ поставщиковъ земства),—говорится въ докладѣ управы по этому предмету,—вызванная условіями обученія взрослыхъ кустарей, уже требуетъ отъ земства значительной торговой дѣятельности (въ 1897 г. земствомъ принято отъ кустарей издѣлій на 130 т. р.). Посредническая дѣятельность между всѣми кустарями (до 60 т. семей) и потребителями или торговцами является прямо невозможной: такая дѣятельность потребовала бы расширенія торговли земства до 15 милл. р. въ годъ. А между тѣмъ одиночка-кустарь не можетъ сбывать свои произведенія не только непосредственно потребителямъ, но и крупному торговцу. Для этого надобно, чтобы кто-нибудь затратилъ капиталъ и собралъ издѣлія въ партіи, такъ какъ только собранныя въ партіи издѣлія могутъ быть предлагаемы потребителю или оптовому торговцу“. Теперь составленіе подобныхъ партій взять на себя скупщикъ, но условія его дѣятельности „слишкомъ тяжелы для производителей и губительны для промысла“. Чтобы избавить кустаря отъ столь невыгоднаго посредника, „остается одно: дать самому кустарю возможность группировать свои издѣлія въ партіи и имѣть дѣло прямо съ торговцами Москвы и другихъ городов. Для этого необходимо

¹⁾ Историческій очеркъ экономическихъ мѣропріятій московскаго губернскаго земства, стр. 98.

сплотить кустарей для сбыта ихъ издѣлій въ артели, а чтобы сдѣлать ихъ способными выдерживать нѣкоторое время до реализаціи своихъ издѣлій, необходимо организовать для нихъ кредитъ". То и другое управа предлагаетъ заботамъ земства и начать дѣло организаціи артелей съ наиболѣе простыхъ кооперацій—потребительныхъ.

Вопросъ этотъ рѣшено передать на обсужденіе уѣздныхъ земствъ, а въ 1901 г. губернская земская управа внесла опять въ земское собраніе дополненный проектъ воспособленія кустарной промышленности. Въ этомъ проектѣ, какъ и въ 1897 г., управа указываетъ на образованіе артелей, какъ на средство избавленія кустарей отъ скупщиковъ. „Но едва ли можно надѣяться,—продолжаетъ управа,—что кустари сами по себѣ сумѣютъ организовать артели, извлекать оборотныя средства и рынки для сбыта своихъ издѣлій; по крайней мѣрѣ, прошлое кустарнаго дѣла не даетъ къ тому основаній. Необходимо земству оказать содѣйствіе кустарямъ". Эта задача должна раздѣлиться между губернскимъ и уѣзднымъ земствами. На обязанности губернскаго земства будетъ оставаться забота о правильной постановкѣ сбыта кустарныхъ издѣлій въ связи съ улучшеніемъ техники производства; организація посредническаго кредита, выработки проектовъ разнаго рода кооперативныхъ учреждений, разработка встрѣчающихся вопросовъ и т. п. Уѣздныя земства должны находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ кустарями: организовать кооперативныя среди нихъ предпріятія и надзирать за ними, выдавать кустарямъ сырой матеріалъ и принимать отъ нихъ издѣлія, устраивать склады издѣлій, мастерскія и т. п.

Сопоставляя этотъ отвѣтъ губернской земской управы съ заданнымъ ей собраніемъ вопросомъ проектированія такой организаціи мѣрѣ помощи кустарной промышленности, которая низводила бы до минимума торговую дѣятельность земства,—мы врядъ ли найдемъ его удовлетворяющимъ этому требованію. Правда, въ перспективѣ управа имѣетъ въ виду организованнаго и воспитаннаго, такъ сказать, земствомъ артели поставить въ непосредственныя сношенія съ заказчиками; но чтобы довести артели до такого состоянія, земству придется не одинъ годъ играть по отношенію къ нимъ роль заказчика, т.-е. брать на себя сбытъ кустарныхъ издѣлій. А если устройство артелей пойдетъ сколько-нибудь успѣшно,—торговое посредничество земства должно вырости до очень значительныхъ размѣровъ. Кромѣ артелей, земства будутъ входить въ сношенія и съ отдѣльными кустарями, безъ чего невозможно, конечно, образованіе и артели. Ближайшимъ результатомъ осуществленія проекта губернской управы будетъ поэтому распространеніе земской торговой дѣятельности путемъ учрежденія уѣздныхъ складовъ, мастерскихъ и т. п., т.-е. нѣчто противо-

положное тому, къ чему стремилось земское собраніе. Въ этомъ противорѣчій слова и дѣла, содержанія цѣли и способовъ ея осуществленія—нельзя не видѣть признака того, что задачи и средства восполненія кустарной промышленности далеко еще не приведены—въ сознаніи практическихъ дѣятелей—въ надлежащую ясность. Обсужденіе этихъ вопросовъ на сѣздѣ поэтому совершенно своевременно, и оно можетъ сыграть очень важную роль въ вопросѣ о мелкой нашей промышленности, отодвинутой въ сознаніи современнаго человѣка на самый задній планъ блестящими по виду успѣхами крупной промышленности и кричащей пропагандой значенія послѣдней ея официальными и неофициальными апологетами.

Въ нашей замѣткѣ мы считаемъ въ эту минуту нелишнимъ напомнить читателю нѣкоторыя общія положенія, которыми до известной степени освѣщается вопросъ о значеніи сельскихъ промысловъ въ Россіи и о той социальной средѣ, которая не можетъ не наложить свою печать на содержаніе мѣръ поддержанія и развитія этихъ промысловъ.

Въ этихъ положеніяхъ находится разъясненіе и того, почему московское земство, стремясь въ теоріи къ ограниченію торговой дѣятельности созданной имъ кустарной организаціи, на практикѣ вынуждено расширять эту дѣятельность.

II.

Необходимость подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ для экономическаго обезпеченія нашего крестьянства вытекаетъ изъ того обстоятельства, что, по географическому положенію Россіи, періодъ земледѣльческихъ работъ очень у насъ коротокъ, и при исключительномъ занятіи сельскимъ хозяйствомъ значительная часть года пропадала бы для крестьянина непроизводительно.

Дѣйствительно, на пространствѣ между параллелями Вятки и Кіева, охватывающемъ всю земледѣльческую Россію, кромѣ южной степной полосы, число дней со средней температурой выше 0° колеблется между 200 и 240 въ году, а число дней, когда возможенъ ростъ злаковъ—между 150 и 200. Этими предѣлами—отъ 5—6 до 7—8 мѣсяцевъ—ограничивается періодъ возможныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Время, протекшее между моментомъ наиболѣе ранняго фактическаго посѣва хлѣбовъ (овса, ячменя) и наиболѣе поздней уборки ихъ (картофеля, кукурузы), т.-е. возможная максимальная продолжительность періода полевыхъ работъ для различныхъ мѣстностей Россіи (отъ вологодской до бессарабской губерніи) составляетъ отъ 150 до 265 дней, т.-е. отъ 5-ти до 9-ти почти мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, можно принять, что въ южной степной полосѣ полевые работы продолжаются 8—9 мѣсяцевъ, въ малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ 7—8 мѣсяцевъ, въ центральной черноземной полосѣ 6—8 мѣсяцевъ, въ центральной нечерноземной—полгода, а въ сѣверныхъ губерніяхъ менѣе полугода. Въ зимнее время для сельско-хозяйственныхъ работъ требуется очень незначительное число лицъ, и потому—при полномъ осуществленіи тенденціи современной промышленности къ общественному раздѣленію и специализаціи труда—огромное большинство земледѣльческаго населенія Россіи, кромѣ мѣстностей, гдѣ широко распространены лѣса (рубка которыхъ производится зимою), отъ 4 до 7 мѣсяцевъ въ году проводило бы въ вынужденной праздности.

Описанное положеніе вещей представляется нежелательнымъ и съ моральной, и съ экономической точки зрѣнія. Нужно очень высокое состояніе гражданственности и культуры для того, чтобы полугодовой досугъ крестьянинъ сумѣлъ наполнить занятіями, дающими пищу уму, нравственнымъ и общественнымъ чувствамъ, и обезопасилъ себя такимъ образомъ отъ деморализаціи, къ какой ведетъ праздность. Нужна очень высокая производительность земледѣльческаго труда и возможность держать при этомъ цѣны продуктовъ сельскаго хозяйства на желательной высотѣ для того, чтобы шести-семи-мѣсячнымъ трудомъ крестьянинъ могъ добыть средства для безбѣднаго существованія въ теченіе всего года и для приведенія страны въ культурное состояніе, отсутствіе котораго чувствуется въ провинціи на каждомъ шагу.

Не въ одной Россіи, конечно, общественное раздѣленіе труда привело къ тому, что бѣльшая часть земледѣльческаго населенія вынуждена ограничиться доходами отъ сельскаго хозяйства; но нигдѣ пагубныя слѣдствія этого явленія не обнаруживаются съ такою силою, какъ въ нашей странѣ. Причины этого заключаются въ слѣдующемъ.

Западная Европа имѣетъ болѣе теплый климатъ; періодъ земледѣльческихъ работъ поэтому въ ней длиннѣе, а мертвый сельско-хозяйственный сезонъ—короче, нежели въ Россіи.

Промышленное развитіе главнѣйшихъ государствъ Европы было самостоятельнымъ и естественнымъ явленіемъ въ томъ смыслѣ, что измѣненіе формы и техники промышленности происходило постепенно и параллельно развитію науки, просвѣщенія и гражданственности, т.-е. тѣхъ отношеній, которыя дѣлали отдѣльное лицо лучше вооруженнымъ для встрѣчи разныхъ случайностей новаго, основаннаго на жестокой конкуренціи, уклада и болѣе способнымъ къ союзной борьбѣ съ этими случайностями тамъ, гдѣ единичныхъ его силъ оказывалось недостаточно. Въ частности, развитіе индустріи, имѣвшее слѣдствіемъ

лишеніе земледѣльца подсобныхъ заработковъ, наиболее быстрые успѣхи дѣлало въ то время, когда сельское хозяйство поднялось на значительную высоту, когда не только было отмѣнено господствующее до сихъ поръ въ Россіи трехполье, но и водворенъ плодовитѣйшій и полевая культура корнеплодовъ. Иностранный производитель, поэтому, имѣлъ больше времени (по климатическимъ условіямъ) для работы на своемъ полѣ, и полнѣе использовалъ это время (вслѣдствіе высокой интенсивности хозяйства); онъ производилъ поэтому большую цѣнность, получалъ высшій доходъ, часть котораго могъ употребить на дальнѣйшее усовершенствованіе промысла. Онъ былъ затѣмъ близко связанъ съ наукой, руководилъ ею въ этомъ усовершенствованіи и свободно, кромѣ того, соединялся съ другими, для совмѣстнаго преслѣдованія цѣлей, недоступныхъ его личнымъ силамъ.

Россія не вырабатывала постепенно методовъ промышленнаго развитія, соотвѣтственно ея успѣхамъ въ другихъ областяхъ культуры; она быстро двинулась или, вѣрнѣе, была двинута по проторенному сосѣдями пути индустриальнаго прогресса въ то время, когда ея сельское хозяйство, народное просвѣщеніе и гражданственность находились на ступени развитія, соотвѣтствующей чуть не среднимъ вѣкамъ западной Европы и когда земледѣлецъ лишенъ былъ всякихъ средствъ борьбы за существованіе, выработанныхъ новой европейской исторіей.

Промышленная — какъ ее называютъ — революція на Западѣ сопровождалась эмиграціей взрослога населенія въ заатлантическія страны. Излишекъ рабочихъ — необходимый результатъ промышленной капиталистической эволюціи — удалялся, такимъ образомъ, изъ страны, что вело къ смягченію борьбы за землю и чѣмъ до нѣкоторой степени предупреждалось сокращеніе крестьянскихъ земельныхъ участковъ и соотвѣтствующее уменьшеніе доходовъ мелкихъ хозяевъ.

Въ Россіи же выселенія крестьянъ (въ Сибирь) послѣ реформы были почти приостановлены, а въ новѣйшее время переселенія, сравнительно, такъ незначительны, что ими удаляется едва $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ часть естественнаго прироста населенія. Большая же часть послѣдняго, не находя приложенія своихъ силъ въ индустріи, тѣснится на землѣ; а такъ какъ и дѣйствовавшій уже земледѣлецъ, лишаясь, вслѣдствіе развитія индустріи, подсобныхъ заработковъ, не находилъ иного способа вознаграждать себя за это, кромѣ расширенія запашки, то въ средѣ крестьянъ развилась отчаянная борьба за землю, арендные и продажные цѣны послѣдней подняты были выше всякой мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ распахано было все что можно, но чего не слѣдовало распахать. Въ концѣ концовъ это привело все-таки къ измелчанію обрабатываемыхъ участковъ, къ истощенію почвы и къ такому сокра-

щенію доходности земли, при которомъ многіе земледѣльцы низшли до положенія полу-пауперовъ.

Доходность земледѣлія въ Россіи не только крайне низка, но и менѣе постоянна сравнительно съ Западомъ, такъ какъ, по причинѣ особенностей климатическихъ условій, въ Россіи должны чаще повторяться неурожаи. Ослабить это непостоянство дохода, равно какъ и увеличить послѣдній можно было бы возвышеніемъ интенсивности земледѣлія. Но это представляется крайне затруднительнымъ вслѣдствіе обѣднѣнія крестьянъ, ихъ невѣжества, а для черноземной полосы—по причинѣ еще того обстоятельства, что западно-европейская агрономическая наука (которою руководствуются русскіе хозяева) —соотвѣтственно естественнымъ условіямъ странъ, гдѣ она разрабатывалась—разрѣшала преимущественно вопросы, выдвигаемые хозяйствомъ нечерноземныхъ районовъ.

Указанныя преимущества Запада надъ Россіей не гарантировали, однако, достаточной плавности въ процессѣ перехода его къ индустриализму: крестьянинъ и тамъ страдаетъ отъ ограниченія доходовъ, а „крестьянскій вопросъ“ грозитъ занять мѣсто „вопроса рабочаго“. Во сколько же разъ затруднительнѣе должно быть положеніе русскаго земледѣльца, не имѣющаго другихъ доходовъ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ! Положеніе его при этихъ условіяхъ тѣмъ хуже, что онъ лишенъ имѣющагося въ рукахъ западнаго крестьянина средства введеніемъ таможенныхъ пошлинъ держать цѣны продуктовъ его труда на болѣе или менѣе высокомъ уровнѣ.

Различіе естественныхъ, политическихъ и культурныхъ условій промышленной эволюціи Запада и Россіи привело, какъ мы видѣли, къ тому, что русскій земледѣлецъ, а слѣдовательно и русская страна сама по себѣ, больше теряютъ отъ вынужденной праздности сельскаго населенія (въ теченіе зимы), нежели земледѣльцы и государства западной Европы. Но потери Россіи, какъ націи, по этой статьѣ усугубляются еще вслѣдствіе невыгоднаго положенія, занятаго ею въ международномъ обмѣнѣ.

Современное производство принимаетъ, какъ извѣстно, международный характеръ; а въ этой системѣ главнѣйшимъ западно-европейскимъ народамъ удалось занять мѣсто производителя фабричныхъ продуктовъ, а на долю Россіи выпало снабженіе своихъ сосѣдей продуктами сельско-хозяйственной дѣятельности. Это имѣло послѣдствіемъ ослабленіе неблагоприятныхъ результатовъ разъединенія промысловъ земледѣлія въ западной Европѣ и усугубленіе этихъ результатовъ въ Россіи. Приготовленіе фабричныхъ и заводскихъ продуктовъ не только для себя, но и для другихъ странъ, дозволило западно-европейскимъ государствамъ обратить въ фабрично-заводскихъ рабочихъ большую

часть населенія, нежели это было нужно для удовлетворенія внутренняго спроса на соответствующіе продукты. Этимъ ослаблялось давленіе излишка рабочихъ въ области сельскаго хозяйства, ведущее къ вышшему измельчанію мелкаго земледѣльческаго производства, и сокращались потери страны отъ вынужденной праздности сельскаго населенія. Россія играетъ въ международномъ промышленномъ концертѣ земледѣльческую партію. Это значитъ, что часть нужныхъ ей фабрикаровъ готовятъ англійскіе, французскіе, нѣмецкіе рабочіе, а хлѣбъ для этихъ рабочихъ добываетъ русскій крестьянинъ. Россія, такимъ образомъ, уступила Западу тѣ отрасли промышленности, гдѣ трудящійся производитъ въ годъ цѣнность мѣрою 12 мѣсяцевъ труда, а себѣ оставила производства, гдѣ онъ добываетъ цѣнность мѣрою въ 6—8 мѣсяцевъ труда. Вѣрнѣе это можно выразить такимъ образомъ, что западная Европа свалила на Россію часть потери своихъ производительныхъ силъ, являющейся слѣдствіемъ вынужденной праздности сельскаго населенія при отдѣленіи земледѣлія отъ промысловъ. Россія, поэтому, несетъ такія потери и за себя, и за другихъ.

При описанныхъ выше условіяхъ — когда земледѣльческій сезонъ въ большей половинѣ страны продолжается не долѣе 6—7 мѣсяцевъ, когда обрабатывающая промышленность, по отсутствію вышнихъ для нея рынковъ и потому, что соответствующіе продукты данная страна получаетъ изъ-за границы, занимаетъ незначительное число рабочихъ, а эмиграція уноситъ малую долю прироста населенія, большая же его часть вынуждена тѣсниться на ограниченномъ полѣ приложенія сельскохозяйственнаго труда — разьединеніе земледѣлія и промысловъ — даже при одинаковомъ техническомъ совершенствѣ промышленности — поставитъ Россію въ отношеніи національной продукціи далеко позади Европы.

Не трудно разбогатѣть капиталистической Англій, когда сама она производитъ только $\frac{1}{3}$ часть потребляемаго ею хлѣба, а $\frac{2}{3}$ получаетъ изъ-за границы, и благодаря этому обстоятельству превратилась въ сплошную фабрику, гдѣ рабочей сезонъ продолжается круглый годъ. Изъ пяти ея рабочихъ только одинъ (десять лѣтъ назадъ, теперь вѣроятно меньше) — земледѣлецъ, и этотъ послѣдній теряетъ непроизводительно вѣроятно не болѣе четырехъ мѣсяцевъ или $\frac{1}{3}$ части годового трудового періода. Распредѣляя эту потерю на всю націю, мы увидимъ, что она составляетъ $\frac{1}{15}$ ($\frac{1}{5} \times \frac{1}{3}$) или менѣе 7% рабочей силы. Это значитъ, что изъ 100 единицъ человѣческой силы, обращающихся въ производствѣ страны, больше 93 истощаются производствомъ и лишь около 7 теряется непроизводительно. Въ Германіи земледѣльческій сезонъ продолжается приблизительно также 4 мѣсяца, а въ земледѣліи находитъ примѣненіе относительно вдвое болѣшая

часть рабочихъ, нежели въ Англии. Потеря ея производительности отъ вынужденной праздности земледѣльца выражается, при такихъ условіяхъ, 13% единицъ рабочей силы.

Но что сказать о Россіи, гдѣ земледѣльческій сезонъ продолжается около шести мѣсяцевъ, и если на полгода празднаго состоянія будетъ обречено не только населеніе, производящее около 1.800 милліоновъ пудовъ хлѣба для потребностей внутренняго рынка, но и земледѣльцы, добывающіе 530 милл. пудовъ для вывоза за границу? Предполагая, что земледѣліемъ занимается у насъ всего только вдвое больше населенія, нежели промыслами, и считая, что сельско-хозяйственныя работы поглощаютъ шесть мѣсяцевъ труда каждаго земледѣльца, мы получимъ, что, при полномъ осуществленіи начала разъединенія промысловъ и земледѣлія, непроизводительно будетъ растрчиваться у насъ $\frac{1}{3}$ часть ($\frac{2}{3} \times \frac{1}{3}$) рабочей силы—въ 5 разъ болѣе, нежели въ Англии и въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, нежели въ Германіи.

Эти расчеты относятся къ случаю, когда земледѣлецъ обрабатываетъ достаточную площадь для того, чтобы занять все его время (лѣтнее); но если находящійся въ его распоряженіи участокъ не имѣетъ такихъ размѣровъ, и если при этомъ крестьянинъ лишентъ какихъ-либо подсобныхъ занятій, то потеря производительныхъ силъ націи становится еще значительнѣе. Пусть, напр., средній рабочий участокъ составляетъ $\frac{3}{4}$ нормальнаго. Тогда при 6-мѣсячномъ періодѣ сельско-хозяйственныхъ работъ лѣтняя затрата труда земледѣльца составитъ $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, а отсутствіе занятій въ теченіе остальной части года равносильно потерѣ слишкомъ 40% національной производительной силы.

Эти примѣрные расчеты сдѣланы нами съ цѣлью показать, какія крупныя потери, и сами по себѣ, и сравнительно съ западной Европой, понесла бы Россія въ случаѣ, еслибы общая тенденція современной промышленности—отдѣленіе промысла отъ земледѣлія—получила болѣе или менѣе полное осуществленіе. Предупрежденіе этого разъединенія и отысканіе подсобныхъ заработковъ для земледѣльческаго населенія—составляетъ поэтому важнѣйшую задачу экономической политики Россіи. Задача эта не только важна, но и крайне трудна, потому что населеніе, нуждающееся въ подсобныхъ занятіяхъ, считается милліонами и оно постоянно увеличивается путемъ естественнаго размноженія. По расчету канцеляріи комитета министровъ, для обработки всей площади 50 губерній европейской Россіи нужно 13.472 тыс. мужчинъ рабочаго возраста. Допустивъ, что только это число лицъ и занято въ хозяйствѣ, и принявъ, что всѣ 2.112 тыс. земледѣльцевъ южной степной полосы не нуждаются въ подсобныхъ заработкахъ, мы получимъ, все-таки, 11.360 тыс. мужчинъ, огромное

большинство которыхъ въ теченіе 4—7 зимнихъ мѣсяцевъ не могутъ использовать своей силы въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ действительности, однако, число земледѣльцевъ значительно превышаетъ эту цифру, такъ какъ всѣ остальные занятія, служба и т. п. не въ состояніи удовлетворить 10 миллионѣвъ взрослыхъ мужчинъ этихъ губерній (по счету населенія въ 1897 г.), излишнихъ для земледѣлія. Часть ихъ должна обратиться къ сельскому хозяйству, и если принять эту часть лишь въ 3 миллиона человекъ, то мы не только увеличиваемъ на это число контингентъ земледѣльцевъ, нуждающихся въ подсобномъ заработкѣ, но и сокращаемъ на $\frac{1}{4}$ лѣтнюю работу каждаго земледѣльца и соответственно увеличиваемъ время, свободное для другихъ занятій. Приведенный расчетъ относится къ 1847 году. Съ тѣхъ поръ взрослое мужское населеніе даннаго района возросло по расчету (1,50% въ годъ) на 1,7 миллиона, и если только половина этого количества мужчинъ вынуждена была обратиться къ землѣ, то контингентъ мужчинъ, нуждающихся въ подсобныхъ къ земледѣлію занятіяхъ, нужно увеличить еще на 850 тыс. Присоединивъ сюда миллионы нуждающихся въ заработкѣ деревенскихъ женщинъ, мы ясно поймемъ, какая громадная задача выдвигается передъ современными поколѣніями.

Отъ правильной оцѣнки того, въ какомъ объемѣ представляется эта задача въ данный моментъ, было бы очень важно изслѣдовать, какія занятія и въ какомъ количествѣ имѣетъ уже земледѣльческое населеніе въ зимнее время въ различныхъ районахъ Россіи и какая часть этого времени пропадаетъ въ бездѣйствіи. Различныя мѣстности представляютъ въ этомъ отношеніи, конечно, большое разнообразіе. Въ лѣсныхъ районахъ зимой крестьяне занимаются выработкой лѣса; около крупныхъ городскихъ центровъ, станцій желѣзныхъ дорогъ и заводовъ они имѣютъ заработки по извозу, очисткѣ желѣзно-дорожнаго пути отъ снѣга, по выжиганію для заводовъ угля и т. п.; въ районахъ распространенія сахароваренія и винокуренія, производящихся, какъ извѣстно, осенью и зимой, крестьяне могутъ работать на самыхъ заводахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе или менѣе сохранилась еще домашняя переработка разныхъ матеріаловъ въ продукты собственнаго потребленія; наконецъ, крестьяне находятъ приложеніе зимою своихъ силъ въ занятіяхъ кустарными промыслами.

Очень важно было бы учесть заработки, поименованные выше, и опредѣлить, въ какомъ направленіи происходитъ ихъ измѣненіе. Большая часть этихъ заработковъ, однако, не подлежитъ стороннему воздѣйствію, и на долю послѣдняго остается воспособленіе промысламъ по обработкѣ матеріаловъ, кустарнымъ и домашнимъ.

Задача содѣйствія мелкимъ крестьянскимъ промысламъ обнимаетъ

двоякого рода мѣропріятія: поддержаніе промысловъ существующихъ и введеніе промысловъ новыхъ. Остановимся нѣсколько на этихъ задачахъ и посмотримъ на общія условія, въ обстановкѣ которыхъ предстоитъ имъ разрѣшаться.

III.

Задача воспособленія существующей кустарной промышленности сводится къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ:

- 1) улучшенію техники производства;
- 2) снабженію кустарей сырыми матеріалами;
- 3) организаціи кредита;
- 4) измѣненію способовъ сбыта, въ видахъ освобожденія кустарей отъ эксплуатаціи скупщиковъ и потому, что послѣдніе способствуютъ пониженію достоинства кустарныхъ издѣлій.

Большая часть земствъ и другихъ общественныхъ учрежденій, задающихся цѣлью содѣйствія кустарнымъ промысламъ, начинали свою дѣятельность съ поднятія техники производства. Но тамъ, гдѣ къ этому отнеслись особенно серьезно и не считали, что поставленная цѣль можетъ быть достигнута открытіемъ учебныхъ мастерскихъ, заботы объ улучшеніи техники сопровождались мѣропріятіями по организаціи сбыта. Безъ этого кустарь не станетъ производить лучшаго издѣлія, потому что мѣстныя цѣны не окупаютъ лишнихъ расходовъ на его производство. Организація сбыта имѣетъ важное значеніе и для успѣха мѣръ по снабженію кустаря сырыми матеріалами. Тамъ, гдѣ кустарныя издѣлія сбываются на рынкахъ, удаленныхъ отъ мѣста ихъ производства и посредствующимъ звеномъ въ процедурѣ сбыта является торговецъ,—этотъ послѣдній беретъ въ свои руки также доставленіе кустарямъ привозныхъ матеріаловъ. Въ подобныхъ случаяхъ кустарь обыкновенно пріобрѣтаетъ сырье у того торговца, которому продаетъ издѣлія; и такъ какъ скупщикъ больше наживаетъ отъ того кустаря, съ которымъ вступаетъ въ сдѣлку по обѣимъ операціямъ, то онъ враждебно относится къ попыткамъ кустаря пріобрѣтать матеріалы на сторонѣ и грозитъ перестать принимать его издѣлія.

Если организація сбыта для многихъ промышленныхъ районовъ является условіемъ сколько-нибудь широкаго воздѣйствія на технику кустарныхъ промысловъ и снабженіе кустарей сырыми матеріалами, то и наоборотъ, освобожденіе кустарей отъ скупщиковъ облегчается улучшеніемъ техники издѣлій и снабженіемъ кустарей необходимымъ для производства сырьемъ. Соперничать съ скупщиками въ продажѣ обыкновенныхъ продуктовъ кустарнаго производства, сдѣланныхъ не-

брежно и подчасъ фальсифицированныхъ, очень трудно, если не прибѣгать къ ихъ же приемамъ дальнѣйшаго пониженія цѣны, а слѣдовательно и достоинства издѣлій, и къ безпощадной эксплуатаціи производителя. Отсюда слѣдуетъ, что организаціи на первыхъ порахъ подлежитъ сбытъ лучшихъ кустарныхъ издѣлій, и что организаторамъ приходится заботиться о производствѣ въ данномъ районѣ тѣхъ предметовъ, которые требуются болѣе взыскательнымъ покупателемъ или которые способны удовлетворить его вкусу. Организація сбыта связывается, такимъ образомъ, съ подъемомъ техники производства, а это послѣднее въ большинствѣ случаевъ потребуетъ снабженія кустаря лучшими матеріалами.

Итакъ, улучшеніе техники, организація сбыта продуктовъ и снабженіе кустаря матеріалами производства и,—принимая во вниманіе отсутствіе у большинства кустарей средствъ даже для приобретенія послѣднихъ на наличныя деньги,—организація кредита—такова цѣль мѣропріятій, подлежащихъ осуществленію въ случаѣ широкой постановки вопроса о воспособленіи мелкимъ промысламъ крестьянъ.

Организація чего-либо означаетъ сознательное, планомерное воздѣйствіе на существующія отношенія, установившіяся стихійно, безъ направляющаго вліянія общественнаго интереса. Фактъ планомернаго воздѣйствія, однако, самъ предполагаетъ уже наличность организаціи, выполняющей эту задачу. Является, поэтому, вопросъ, какого рода организація предстоитъ играть главную роль въ выдвигаемомъ на сцену важномъ вопросѣ поддержанія, упорядоченія и развитія кустарной промышленности въ Россіи?

При возникновеніи соціального вопроса на Западѣ первые его теоретики полагали, что организація промышленности, способная устранить недостатки существующаго порядка вещей, составляетъ задачу государства, и не видѣли препятствій къ тому, чтобы послѣднее взялось за ея осуществленіе. Государство того времени, однако, не выказывало ни малѣйшей готовности слѣдовать совѣтамъ реформаторовъ, и тогда начала распространяться мысль, что переорганизація существующихъ отношеній должна быть дѣломъ лицъ, страдающихъ отъ этихъ послѣднихъ,—и наступила эпоха увлеченій кооперацией. Первые шаги кооперативнаго движенія не имѣли, однако, большого успѣха, и особенно неудачны были попытки устройства производительныхъ ассоціацій. Главную причину этого слѣдуетъ искать въ низкомъ уровнѣ развитія массъ въ первую половину истекшаго вѣка.

Свободный общественный союзъ можетъ успѣшно вести крупное промышленное предпріятіе лишь въ томъ случаѣ, если его члены обладаютъ нѣкоторыми средствами и достаточнымъ развитіемъ для того, чтобы имѣть въ своей средѣ контингентъ свѣдущихъ лицъ для

руководительства предпріятіемъ и установить надлежащій за дѣломъ контроль. При низкомъ культурномъ уровнѣ населенія, опытные руководители для коопераціи находятся съ большимъ трудомъ, потому что способныя и коммерчески опытныя лица отвлекаются на частную службу; а найдя подходящихъ лицъ, ассоціація, въ большинствѣ случаевъ, вынуждена отдать дѣло въ полное распоряженіе завѣдующихъ, и весь успѣхъ начатаго предпріятія ставится такимъ образомъ въ полную зависимость отъ ихъ усердія и принципиальной преданности дѣлу. Въ виду подобныхъ затрудненій, первоначальное кооперативное движеніе на Западѣ, возбужденное, главнымъ образомъ, людьми идеи, не въ состояніи было дать крупныхъ результатовъ.

Описанныя условія рѣзко измѣнились въ концѣ XIX вѣка. Низшіе классы въ западной Европѣ стали гораздо культурнѣе, общеніе ихъ съ средними классами сдѣлалось гораздо тѣснѣе, общественныя условія дѣятельности союзовъ улучшились частью вслѣдствіе общаго развитія гражданственности, частью благодаря законодательнымъ мѣрамъ, касающимся специально кооперативныхъ организацій; низшіе классы организуются въ крѣпкія корпораціи и политическія партіи, ставящія себѣ задачей, между прочимъ, развитіе кооперативной дѣятельности. Словомъ, низшіе классы Европы овладѣваютъ, наконецъ, выработанными цивилизаціей средствами борьбы за существованіе, и кооперативное движеніе въ послѣднюю четверть XIX в. сдѣлало на Западѣ громадныя успѣхи.

Можно ли сказать что-либо подобное относительно Россіи, и не слѣдуетъ ли, напротивъ того, согласиться съ тѣмъ, что и по культурному состоянію массы ея населенія, и по незначительному числу образованныхъ лицъ въ странѣ (изъ среды которыхъ приходится избирать руководителей промышленныхъ предпріятій), и по условіямъ свободнаго общенія лицъ образованныхъ классовъ съ народомъ, и по юридической необезпеченности кооперативныхъ предпріятій (въ уставы которыхъ вводится статья, дающая администраціи право во всякое время уничтожить таковое), и по бѣдности населенія и, наконецъ, по затрудненіямъ сношенія между районами, обусловливаемымъ огромными разстояніями между нами и неудовлетворительнымъ состояніемъ путей сообщенія—Россія находится въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ для развитія сложнаго кооперативнаго движенія. Правда, среди русскаго народа значительнымъ распространеніемъ пользуются разные артельные союзы, и съ этой стороны нельзя не признать, что почва для коопераціи до извѣстной степени у насъ подготовлена. Но, кромѣ почвы, на культуру растенія оказываетъ вліяніе и климатъ; а климатическія условія въ нашемъ отечествѣ таковы, что и благоприятная почва даетъ слабыя и неразвивающіеся ростки. Наши на-

родныя артели, вообще говоря, отличаются простотой организаціи и ограничиваются задачами, имѣющими совершенно мѣстный характеръ. Изъ кооперативныхъ же предпріятій въ западно-европейскомъ смыслѣ, т.-е. предпріятій, охватывающихъ большое число лицъ, производящихъ сложныя операціи, сносящихся съ отдаленными рынками и т. д.,— словомъ, предпріятій культурныхъ,—болѣе или менѣе широкимъ распространеніемъ пользуются у насъ только кредитныя и потребительныя общества, т.-е. учрежденія, служащія интересамъ не одного, такъ называемаго, простого народа, но и лицъ культурнаго общества. Склонность русскаго народа къ артелямъ могла бы служить основаніемъ для развитія кооперативныхъ предпріятій, отличающихся простотой технической и экономической организаціи, каковы, напр., артели плотниковъ, землекоповъ, каменщиковъ, грузчиковъ, перевозчиковъ, рыболововъ, затѣмъ артели по выполненію нѣкоторыхъ другихъ работъ по заказу. Но эта склонность можетъ играть только подчиненную роль въ области производства издѣлій на продажу. Естественной сферой приложенія артельного начала въ данной области—при современныхъ условіяхъ—является владѣніе мастерской, горномъ, машиной, общая работа въ несложномъ и не требующемъ большихъ затратъ производительномъ предпріятіи, преимущественно при обезпеченномъ сбытѣ продуктовъ послѣдняго, пріобрѣтеніе матеріаловъ на извѣстныхъ рынкахъ и т. п. Организація въ сложныхъ и капитальныхъ производительныхъ предпріятіяхъ и сбытъ издѣлій на отдаленныхъ рынкахъ врядъ ли можетъ быть въ настоящее время въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ предметомъ дѣятельности частной коопераціи.

Широкое развитіе *производительныхъ* ассоціацій, самихъ по себѣ, представляется затруднительнымъ еще по слѣдующей причинѣ.

Современный промышленный строй основанъ на конкуренціи; онъ движется впередъ и совершенствуется, въ техническомъ отношеніи, путемъ борьбы лицъ и предпріятій, ведущей къ гибели слабаго и къ побѣдѣ сильнаго и лучше приспособленнаго. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что гибель отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій не только не можетъ считаться побочнымъ отрицательнымъ явленіемъ эволюціи современнаго экономическаго строя, но должна быть признана условіемъ и результатомъ быстрѣйшаго развитія послѣдняго. Технические усовершенствованія производствъ такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что устроенное по извѣстному образцу предпріятіе не успѣетъ износиться, какъ появляется новое, болѣе совершенное, и старое преждевременно погибаетъ. Такъ называемые промышленные кризисы, повторяющіеся періодически, черезъ 10—15 лѣтъ, и сопровождающіеся массовой гибелью предпріятій, слѣдуютъ за учредительной и строительной горячкой, причѣмъ устроиваемыя заведенія примѣняли,

конечно, всё новыя завоеванія техники. Промышленные кризисы, поэтому, должны быть разсматриваемы какъ моменты ликвидаціи отсталыхъ предпріятій и замѣны ихъ болѣе совершенными. Но промышленные кризисы только обостряютъ процессъ борьбы и гибели конкурирующихъ предпріятій; въ менѣе же широкихъ размѣрахъ послѣднія рушатся постоянно, и это, какъ сказано выше, нисколько не вредитъ развитію капиталистическаго строя: гибель одного предпріятія означаетъ успѣхъ другого; это есть оборотная сторона процесса, лицевую сторону котораго составляетъ жизнь, а не смерть, успѣхъ, а не паденіе.

Но если гибель отдѣльныхъ производительныхъ единицъ не опасна для капиталистической промышленности, то она составляетъ прямой ущербъ для кооперативной организаціи послѣдней. Это вытекаетъ изъ того, что матеріальныя средства кооперативное движеніе почерпаетъ не изъ неизсякаемаго источника накопимаго капитала,—который стремится въ учредительной дѣятельности на началахъ частнаго предпринимательства,—а либо изъ скудныхъ сбереженій трудящихся массъ, либо отъ отдѣльныхъ лицъ и учреждений, сочувствующихъ движенію. Матеріальныя средства коопераціи въ ея цѣломъ, поэтому, крайне ограничены, а всякій неудачный исходъ кооперативнаго начинанія не только сокращаетъ наличный фондъ движенія, но и подрываетъ матеріальный его кредитъ.

А между тѣмъ кооперативное предпріятіе подвергается болѣе опасной погибнуть въ борьбѣ за рынокъ сравнительно съ предпріятіемъ единоличнымъ. Это потому, что кооперація не можетъ прибѣгать къ непохвальнымъ приѣмамъ, которые сплошь и рядомъ примѣняютъ частные производители, и не обладаетъ подвижностью въ примѣненіи коммерческихъ и техническихъ средствъ борьбы, свойственной предпріятіямъ, состоящимъ въ безконтрольномъ распоряженіи собственника. Особенно безпомощно въ этомъ отношеніи было бы положеніе кооперативныхъ (широко распространенныхъ, конечно, а не единичныхъ) предпріятій въ области кустарнаго дѣла въ Россіи, характерная черта котораго заключается въ перепроизводствѣ и зависящемъ отъ того пониженіи цѣны кустарныхъ издѣлій. При такихъ условіяхъ и при безопадной эксплуатаціи скупщиками кустарей, скупщикамъ ничего бы не стоило еще большимъ пониженіемъ цѣны издѣлій совершенно убить конкурентныя коопераціи. Въ современномъ обществѣ кооперативныя производительныя предпріятія могутъ широко распространяться лишь при обезпеченномъ сбытѣ ихъ продуктовъ.

Развитыя выше мысли находятъ себѣ подтвержденіе въ исторіи коопераціи на Западѣ. Наилучше процвѣтаютъ тамъ потребительныя

кооперации, т.-е. общества, образующія готовый рынокъ для сбыта разныхъ продуктовъ (и кредитныя, образующія готовый рынокъ для сбыта капитала); а производительныя ассоціаціи (въ области сельскаго хозяйства, представляющаго особыя отношенія) въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ основываются ради снабженія потребительныхъ обществъ, образующихъ такимъ образомъ готовый рынокъ для ихъ издѣлій.

Возвращаясь послѣ этихъ общихъ разсужденій къ вопросу о кустарной промышленности Россіи, слѣдуетъ признать, что эта промышленность не можетъ оставаться въ настоящемъ своемъ безпомощномъ состояніи, а мѣры ея благоустройства должны охватить не только улучшение техники, но и организацію кредита, снабженія кустарей сырыми матеріалами и сбыта продуктовъ производства. Считая несомнѣннымъ, что общія культурныя условія страны крайне неблагоприятны для развитія среди кустарей сколько-нибудь сложныхъ союзовъ производительныхъ или для сбыта издѣлій, мы находимъ, что производительныя общества, во-первыхъ, слишкомъ мало распространены въ Россіи; во-вторыхъ, слишкомъ мало интересуются товаромъ кустарнаго производства для того, чтобы служить надежнымъ средствомъ организаціи послѣдняго, и потому необходимо приходимъ къ заключенію, что главнѣйшимъ агентомъ по устройству нашей кустарной промышленности могутъ быть только муниципальныя учрежденія, что крупныя и сложныя производительныя и другія предпріятія могутъ быть организуемы въ широкихъ размѣрахъ только городомъ, земствомъ, волостью, общиной и т. п. Эти учрежденія имѣютъ средства для капитальныхъ затратъ, могутъ привлечь къ дѣлу знающихъ и способныхъ лицъ, входить въ соглашенія съ разными учрежденіями и отдаленными рынками для приема заказовъ на предметы кустарной выдѣлки; они же или, по крайней мѣрѣ, городъ и земство ограждены закономъ отъ разныхъ неожиданностей, висящихъ дамовловымъ мечомъ надъ всякой частной кооперациею.

Развитіе муниципальных коопераций нисколько, однако, не исключаетъ частныхъ—въ области кустарнаго дѣла. Оно будетъ, напротивъ того, способствовать распространенію и окультуренію послѣднихъ, такъ какъ конечная цѣль муниципалитета заключается въ подготовленіи населенія къ тому, чтобы въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ онъ не нуждался въ чужой помощи. Но на первыхъ порахъ организаціи кустарныхъ промысловъ на долю частныхъ коопераций останется преимущественное выполненіе мѣстныхъ и ограниченныхъ задачъ, а широкія и сложныя предпріятія составятъ предметъ вѣдѣнія муниципалитетовъ.

Таковы заключенія относительно агентовъ и способовъ благоустрой-

ства кустарной промышленности въ ближайшемъ будущемъ въ Россіи, вытекающія изъ оцѣнки современнаго положенія и условій культурной работы въ нашемъ отечествѣ. Широкое участіе муниципальных учреждений въ хозяйственной дѣятельности населенія, — насколько таковая нуждается въ планомѣрномъ содѣйствіи, — диктуется общими условіями нашего быта, и хотя въ обществѣ и земствѣ господствовало убѣжденіе, что не дѣло самоуправления заниматься промышленностью и торговлей, но земство невольно выступаетъ на этотъ путь даже въ то время, когда полагаетъ, что преслѣдуетъ другія цѣли. Западныя муниципалитеты берутъ въ свои руки завѣдываніе тѣми хозяйственными предпріятіями, которыя служатъ для удовлетворенія всеобщей потребности, таковы: водоснабженіе, освѣщеніе, пути сообщенія. Удовлетвореніе интересовъ менѣе общихъ или интересовъ производителей они предоставляютъ частной инициативѣ и частной кооперации. Хозяйственныя предпріятія русскихъ земствъ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ интересы производителя. Земства московской губерніи, напр., устрояютъ склады для продажи сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ травъ, пчеловодныхъ принадлежностей, кровельнаго желѣза и т. п., содержатъ случные пункты, устрояютъ сортировочныя (для сѣмянъ) станціи, организуютъ комиссіонную выписку предметовъ сельско-хозяйственной дѣятельности, выдаютъ ссуды подъ хлѣбъ, на приобрѣтеніе скота, земли, орудій (натурой), приступаютъ къ организациі сбыта хмеля (гуслицаго), имѣютъ склады для снабженія кустарей сырымъ матеріаломъ и орудіями производства, склады для сбыта кустарныхъ издѣлій, мастерскія для производства разныхъ предметовъ, для руководительства кустарями по исполненію заказовъ и для окончательной отдѣлки ихъ издѣлій. Вятское земство имѣетъ склады матеріаловъ кустарныхъ промысловъ, лѣсосушилку, склады для продажи кустарныхъ издѣлій, склады сельско-хозяйственныхъ орудій, пчеловодныхъ принадлежностей, скипидарно-очистный заводъ, устрояетъ хлѣбныя ломбарды, даетъ ссуды на приобрѣтеніе лошадей и т. д. Нижегородское губернское земство сбываетъ издѣлія кустарей и доставляетъ для нихъ заказы, отырыло склады желѣза и стали, выписываетъ для павловскихъ кустарей-замочниковъ ключи фабричной выдѣлки, устроило рогожную и замочную мастерскія и личильню. Три уѣздныя земства курской губерніи отырыли настоящія сапожныя фабрики (поставляющія товаръ интендантству) съ сотнями работающихъ. Въ олонечкой губерніи довольно успѣшно развивается волостная торговля продуктами производства и предметами потребленія мѣстныхъ жителей, и т. д. Экономическая дѣятельность нашихъ общественныхъ учреждений, вообще, развита еще мало; но насколько она существуетъ, — выдающуюся ея часть составляютъ промышленно-торговныя пред-

пріятія. Это есть выраженіе общихъ условій культурной дѣятельности въ странѣ и служить вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ жизненности нашихъ земскихъ учреждений.

IV.

Исторія нашей кустарной промышленности послѣднихъ двадцати лѣтъ представляетъ печальную хронику упадка промысловъ, вслѣдствіе истощенія сырыхъ матеріаловъ (лѣса), сокращенія спроса на многіе въ продажѣ (напр., вслѣдствіе упадка извоза), конкуренціи крупной промышленности и т. д. При этомъ число лицъ, ищущихъ здѣсь приложенія своего труда, увеличивается, и это ведетъ къ переполненію трудящимися даже тѣхъ отраслей промышленности, которыя не испытываютъ вышеуказанныхъ затрудненій, отчего заработки кустарей падаютъ, а сами они подпадаютъ большей и большей эксплуатаціи скупщиковъ. Нужда въ подсобныхъ къ земледѣлію занятіяхъ больше и больше чувствуется также въ черноземномъ районѣ, гдѣ кустарные промыслы въ прежнее время распространены были мало, но гдѣ они пытаются получить послѣ реформы болѣе и болѣе широкое развитіе. Забота о распространеніи мелкой сельской промышленности составляетъ, поэтому, вторую задачу лицъ и учреждений, радѣющихъ о нуждахъ крестьянскаго населенія, чаще и чаще выдвигаемую литературой и общественными учрежденіями. Насколько такая задача касается отдѣльныхъ районовъ, населеніе, поддерживаемое земствомъ, интеллигенціей и т. п., при наличности благопріятныхъ естественныхъ условій (обиліе сырого матеріала, удобный сбытъ и т. п.), можетъ разрѣшить ее болѣе или менѣе удовлетворительно. Но если вопросъ о развитіи кустарной промышленности считать вопросомъ общимъ, а не частнымъ, то подобный успѣхъ отдѣльныхъ мѣстностей можетъ оказаться не имѣющимъ никакого значенія. Есть много уже примѣровъ того, какъ развитіе промысла въ новомъ районѣ заставляетъ сокращаться производство даннаго предмета въ районѣ старомъ. Общимъ явленіемъ сдѣлались также жалобы откожихъ промышленниковъ на то, что они вынуждены прекращать обработку крестьянскихъ матеріаловъ на сторонѣ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ развилось самостоятельное производство даннаго рода.

Нѣкоторыя земскія управы въ докладахъ собраніямъ объясняютъ, что имъ удалось развить въ деревняхъ новые промыслы и вытѣснить старыя, соответствующіе изобилію, напр., городскихъ ремесленниковъ. Подобные случаи развитія новыхъ промысловъ, съ точки зрѣнія хозяйства всей страны, не имѣютъ, повтораемъ, особеннаго значенія. Благопріятнымъ явленіемъ ихъ можно признавать лишь настолько,

несколько новый промысловый районъ избѣжать пока закрѣпощенія торговли, что имѣеть мѣсто особенно въ случаяхъ распространенія промысловъ при посредствѣ общественнаго учрежденія, принимающаго на себя сбытъ издѣлій. Но такіе случаи, съ точки зрѣнія національной экономіи, относятся къ области не распространенія, а упорядоченія кустарной промышленности. Съ общей точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія и перенесеніе въ деревню промысловъ, ранѣе составлявшихъ достояніе городовъ. Это перенесеніе дастъ земледѣльцу необходимое зимнее занятіе и избавитъ городъ отъ наплыва поселенъ, сбивающихъ цѣну труда. Деревня тогда взяла бы на себя производства, допускающія перерывы въ занятіяхъ (на лѣто), а горожане отдавались бы промысламъ, требующимъ непрерывной работы. Соперничество деревни съ городомъ ограничено, однако, узкими предѣлами уже потому, что городъ является мѣстомъ главнаго развитія не кустарнаго производства (для продажи), а ремесленнаго (на заказъ); спросъ же на работу ремесленника (не говоря о сезонныхъ промыслахъ) держится въ теченіе круглаго года.

Итакъ, если распространеніемъ обрабатывающей промышленности въ деревняхъ можно достигнуть того, что русскій земледѣлецъ получить столь необходимыя для него зимнія занятія, то это можетъ быть осуществлено не простыми заботами о широкомъ развитіи промысловъ, — для этого требуются еще извѣстныя мѣропріятія по приобрѣтенію *новой* (въ странѣ) рынка для сбыта издѣлій. Могутъ, пожалуй, замѣтить по этому поводу, что если крестьянину открыть заработокъ, котораго онъ не имѣлъ ранѣе, то этимъ самымъ ему будетъ дано средство предъявить спросъ на разные предметы для удовлетворенія его потребностей, что и будетъ тѣмъ новымъ рынкомъ, котораго мы ищемъ. Разсужденіе это, однако, неправильно. Мы могли бы признать его разуръшающимъ вопросомъ о сбытѣ продуктовъ новыхъ кустарныхъ промысловъ или районовъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы получаемые этимъ путемъ заработки тратились кустарями только на приобрѣтеніе кустарныхъ издѣлій. Но такъ какъ доходы, которые крестьянинъ получаетъ внѣ земледѣльческаго хозяйства, идутъ, между прочимъ, на покрытіе платежей и недоимокъ и на уплату долговъ; такъ какъ эти его расходы могутъ вовсе не отразиться на рынокѣ товаровъ, потому что запросъ на эти послѣдніе со стороны фиска опредѣляется утвержденною уже смѣтой государственныхъ расходовъ, а кредиторъ крестьянина пустить, вѣроятно, полученную отъ него сумму въ новый кредитный или хозяйственный оборотъ; такъ какъ и самъ промышленникъ, расширяя свое потребленіе, станетъ, быть можетъ, покупать продукты фабричнаго, а не кустарнаго производства, то доставленіе крестьянину (путемъ развитія промысловъ) заработка,

котораго онъ не имѣлъ ранѣе, нельзя считать равнозначающимъ соответствующему расширенію спроса на кустарныя издѣлія. А если такъ, то нѣтъ никакихъ гарантій того, что приобрѣтеніе новаго дохода въ данномъ районѣ не будетъ сопровождаться безвозвратной потерей къ-либо заработка въ мѣстности, производившей тотъ же товаръ. Наименѣе убыточными для другихъ работающихъ можно бы считать увеличенное добываніе крестьянскаго хлѣба, травы, молока и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, потому что въ крайнемъ случаѣ ихъ можно сбыть на вѣншній рынокъ, и они допускаютъ переработку въ собственномъ хозяйствѣ въ продукты иного рода (въ скотъ, птицу, масло), которые также могутъ быть вывезены за границу, и, наконецъ, они могутъ поступить въ запасъ и выгодно реализоваться при первомъ же недородѣ или быть потреблены самимъ производителемъ. Совершенно иной характеръ свойствененъ продуктамъ кустарнаго производства (не имѣющимъ вѣншнаго сбыта), и болѣе или менѣе широкія мѣропріятія по распространенію послѣдняго необходимо должны сопровождаться заботами о созданіи для нихъ новыхъ рынковъ.

Найти рынокъ для продуктовъ развивающейся кустарной промышленности можно за границей и внутри Россіи, замѣшая ими товары фабричнаго производства. Средство это, однако, врядъ-ли можно считать настолько надежнымъ, чтобы на него можно было положиться при разрѣшеніи задачи обезпеченія заработковъ милліонамъ населенія. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, возможны нѣкоторые успѣхи, если разныя вѣдомства будутъ дѣлать заказы кустарямъ (черезъ посредство земства), а земства съумѣютъ организовать настолько крупныя заведенія для ихъ выполненія, что смогутъ поставлять продуктъ по фабричной цѣнѣ. Конкурировать съ хорошо оборудованной и занимающей тысячи рабочихъ фабрикой—земство, конечно, не въ состояніи. Но вѣдь не всѣ наши капиталистическія предпріятія представляютъ образцы технического совершенства. Большая ихъ часть стоитъ очень низко, а если всѣ ихъ расположить въ одинъ рядъ, то получатся всевозможныя переходныя ступени, отъ самыхъ мелкихъ до наиболѣе крупныхъ заведеній. Всѣ эти группы мастерскихъ, мануфактуръ и фабрикъ поставляютъ товаръ на одинъ и тотъ же всероссійскій рынокъ; а если такъ, то на этомъ рынокѣ можетъ найтись мѣсто и для не особенно крупнаго земскаго промышленнаго предпріятія. Капиталистическія заведенія, правда, имѣютъ то преимущество, что они находятся въ дѣйствиі круглый годъ, тогда какъ главный смыслъ земскихъ заботъ о развитіи сельскихъ промысловъ заключается въ доставленіи крестьянину заработка въ теченіе зимняго времени. Но это преимущество съ избыткомъ покрывается тѣмъ, что русскій

крупный предприниматель привыкъ и къ крупнымъ барышамъ, а земство удовольствуется простымъ покрытiемъ расходовъ предпрiятiя, и что крестьянинъ, занимающiйся земледѣлiемъ, удовольствуется меньшей заработной платой (и обыкновенно получаетъ отъ кустарнаго промысла меньшiй доходъ), нежели рабочiй, находящiй въ фабричномъ заработкѣ единственное средство своего существованiя. Таковы основанiя, по которымъ мы считаемъ возможнымъ заключить, что земство могло бы не безъ успѣха конкурировать съ частными предпринимателями по поставкѣ разнымъ вѣдомствамъ многихъ продуктовъ фабричнаго производства.

Это, однако, не можетъ служить единственнымъ и даже главнымъ средствомъ распространенiя сельскихъ промысловъ, какъ потому, что потребность вѣдомствъ въ материальныхъ предметахъ не безгранична и не вся будетъ удовлетворяться земскими поставками, такъ и въ силу того соображенiя, что частные предприниматели не останутся праздыми зрителями земской конкуренци и создадутъ такiя крупныя предпрiятiя, соперничать съ которыми земству будетъ, вѣроятно, не по силамъ. Нужно, поэтому, искать другихъ средствъ обезпеченiя сбыта издѣлiй развивающихся сельскихъ промысловъ, а примѣръ западныхъ коопераций показываетъ, гдѣ могутъ найти сбытъ продукты производствъ, избѣгающихъ конкуренци. Рынкомъ для продуктовъ кооперативныхъ производительныхъ предпрiятiй, въ большинствѣ случаевъ, служитъ тамъ спросъ на товары тѣхъ самыхъ учреждений (потребительныхъ обществъ), которымъ принадлежатъ эти кооперации, или другихъ потребительныхъ обществъ, поддерживающихъ производительныя ассоциаци, какъ родственныя учреждения. Прилагая тѣ же начала къ случаю распространенiя промысловъ въ сельскомъ населенiи Россiи, нужно будетъ заключить, что обезпеченный (и новый) сбытъ продуктовъ этихъ промысловъ найдутъ себѣ при условiи, если они будутъ назначены для удовлетворенiя потребностей самихъ работающихъ.

Говоря, что удовлетворенiе главныхъ материальныхъ потребностей нашихъ крестьянъ равносильно расширенiю рынка для разныхъ продуктовъ, мы только напоминаемъ всѣмъ извѣстный фактъ, что потребности крестьянъ удовлетворяются въ настоящее время крайне недостаточно, причиною чего служитъ, между прочимъ, отсутствiе заработковъ въ теченiе зимняго времени. Но если у крестьянина есть неудовлетворенныя потребности и незанятое время, то почему бы не затратить этого времени для удовлетворенiя тѣхъ потребностей? Самъ крестьянинъ сдѣлать этого не въ состоянiи. Время семейнаго натурального хозяйства прошло, а достиженiе указанной цѣли путемъ планоубрной организаци, охватывающей общественное производство

и распределение продуктов—не по силамъ крестьянину. Но мы не видимъ непреодолимыхъ препятствій къ осуществленію подобныхъ организацій вообще, и считаемъ, поэтому, вполне уместнымъ обратить на этотъ предметъ общественное вниманіе. Желательно, чтобы учрежденія, заботящіяся о распространеніи сельскихъ промысловъ, приняли въ соображеніе высказанныя здѣсь мысли о соперничествѣ кустарныхъ районовъ и стремились къ тому, чтобы развиваемые ими промыслы не составляли конкуренціи промысламъ существующимъ. Если они поставятъ себѣ эту задачу и не удовольствуются мизерными результатами въ своей дѣятельности (каковыми, къ сожалѣнію, слѣдуетъ считать всѣ принимавшіяся до сихъ поръ мѣры помощи крестьянамъ), то они неизбежно придутъ къ мысли основать распространеніе сельскихъ промысловъ на производствѣ предметовъ, удовлетворяющихъ потребности самихъ производителей. Въ какія формы выльется организація, отвѣчающая этому условію, и въ состояніи ли наша общественная жизнь разрѣшить вообще эту задачу—покажетъ будущее. Но мы должны стремиться къ ея разрѣшенію и можемъ,—кажется намъ—теперь же принимать нѣкоторыя подготовительныя мѣры для будущей широкой планомерной работы въ данномъ направленіи. Содержаніе этихъ мѣръ явствуетъ изъ того, что кустарь можетъ систематически участвовать въ потребленіи продуктовъ кустарнаго производства или въ качествѣ члена потребительнаго общества, дающаго заказы кустарямъ, или въ роли покупателя нужныхъ ему предметовъ въ земскихъ складахъ, или получая часть слѣдуемаго ему вознагражденія за трудъ не деньгами, а товаромъ.

V.

Вышесказанныя положенія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно дѣятельности, имѣющей въ виду организацію и развитіе кустарныхъ промысловъ въ Россіи.

1) Важнѣйшими факторами организаціи сельскихъ промысловъ могутъ быть только муниципальныя учрежденія (городъ, земство, волость, община), которымъ должны принадлежать и наиболѣе сложныя торговныя и промышленныя предпріятія.

2) При введеніи новыхъ промысловъ нужно имѣть въ виду, чтобы распространеніе ихъ въ данномъ районѣ не привело къ сокращенію кустарнаго производства гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Исключеніе изъ этого уместно въ томъ случаѣ, если вводимый промыселъ получаетъ организацію, не допускающую никакой эксплуатаціи производителей.

3) За свой счет общественныя учреждения и частныя кооперации должны расширять не торговлю собственно издѣльями, а выполнение заказовъ.

4) Муниципальныя учреждения должны стремиться къ полученію возможно большаго количества казенныхъ и общественныхъ заказовъ, распределять таковыя между кустарями и ихъ артелями, и устраивать, если нужно, для ихъ выполненія болѣе или менѣе крупныя мастерскія и мануфактуры.

5) Общественныя учреждения должны стремиться наполнять свои склады сельско-хозяйственныхъ орудій, матеріаловъ и другихъ предметовъ, по возможности, кустарными издѣльями, преимущественно, промысловъ, уже организованныхъ, и вводить кустарное приготовленіе (если по техническимъ условіямъ производства это возможно) тѣхъ изъ этихъ предметовъ, которые они приобретаютъ для своихъ складовъ на фабрикахъ.

6) Общественныя учреждения должны стремиться распространять среди мѣстныхъ кустарей продукты организованныхъ кустарныхъ производствъ своей и чужихъ областей, по возможности принимая на нихъ заказы и передавая ихъ по назначенію.

7) Общественныя учреждения должны особенно заботиться о распространеніи среди кустарей потребительныхъ обществъ и побуждать послѣднія дѣлать своими поставщиками мѣстные или отдаленныя кустарныя склады и организации.

8) Общественныя учреждения должны стремиться къ тому, чтобы кустари, работающіе на нихъ и сбывающіе черезъ нихъ свои издѣлія, часть слѣдуемой имъ суммы получали матеріалами, орудіями и предметами потребленія, производство которыхъ должно передаваться кустарямъ подъ надзоромъ этихъ учреждений.

9) Нужно возбудить самодѣятельность кустарей, передавать, что возможно, ихъ частнымъ организаціямъ, обществамъ и общинамъ, приобщать эти мелкія организаціи къ общей и распространять среди населенія мысль, что для прочнаго обезпеченія промысловаго заработка его производство слѣдуетъ согласовать съ его потребленіемъ.

10) Муниципальныя учреждения, организующія мѣстные промыслы, должны войти въ возможно близкое общеніе между собой, передавать другъ другу заказы и принимать другія подготовительныя мѣры къ тому, чтобы цѣль, имѣющая охватить производство и потребленіе кустарныхъ издѣлій, могла, если понадобится, растянуться на нѣсколько областей.

В. В.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОБЪДНѢНИИ ЧЕРНОЗЕМНАГО ЦЕНТРА РОССІИ ¹⁾.

Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, путешественникъ, пересѣкая Россію въ меридіональномъ направленіи съ сѣвера на югъ, за Московскою вступалъ въ такъ называемую среднюю черноземную область, затѣмъ— въ цвѣтущую, людную Малороссію и, наконецъ, черезъ безбрежный океанъ степей, достигалъ благодатныхъ береговъ Чернаго моря. На протяженіи полутора тысячъ верстъ—отъ Москвы до Крыма—сѣверянина поражали какъ природное богатство края, такъ и—если не полное довольство, то во всякомъ случаѣ—сытость его населенія. Средняя черноземная полоса Европейской Россіи была покрыта тучными нивами; Малороссія утопала въ садахъ, а Новороссія, хотя тогда уже и не представляла собою той цѣлинной степи, которую такъ чудно воспѣлъ Гоголь, но все-таки это былъ богато одаренный природою край, къ которому рука человѣка какъ бы только начала прикасаться.

Въ настоящее время, достаточно проѣхать это же пространство на такъ называемомъ севастопольскомъ поѣздѣ, чтобы получить впечатлѣніе о мѣстности, и, къ сожалѣнію, впечатлѣніе будетъ совершенно иное. Съ одной стороны, по дорогѣ мы встрѣчаемъ рядъ вновь выросшихъ громаднѣхъ городскихъ центровъ (Харьковъ, Екатеринославъ и др.), и чувствуется присутствіе гдѣ-то вблизи подъема промышленной жизни; съ другой—вся страна утратила свой прежній обликъ обильнаго края. Средняя черноземная полоса, еще въ 70-хъ годахъ только-что истекшаго столѣтія слывшая „житницею Россіи“, выражаясь словами одной официальной газеты, „стала обнаруживать признаки экономическаго застоя“, то-есть—по просту—объднѣла, и если еще и отправляетъ за свои предѣлы значительное количество хлѣба, то какъ бы въ ущербъ интересамъ мѣстнаго населенія, которое періодически голодаетъ и бѣжитъ съ родины на югъ, на юго-востокъ, въ далекую Сибирь... Измѣнились не къ лучшему Малороссія и изборожденныя плугомъ южныя степи.

¹⁾ Настоящій вопросъ составлялъ также предметъ доклада, читаннаго авторомъ на засѣданіи подсекціи статистики (27 декабря 1901 г.) XI-го съѣзда русск. естествоиспыт. и врачей въ Петербургѣ. Докладъ былъ озаглавленъ: „Къ вопросу объ изслѣдованіи причинъ и размѣровъ пониженія благосостоянія населенія черноземныхъ губерній средней полосы Европейской Россіи“.

Обращаясь специально къ средней черноземной полосѣ Европейской Россіи, видимъ, что объ обѣднѣніи ея до послѣдняго времени говорилось мало, и на отдѣльныя указанія, что въ ней не все обстоитъ благополучно, большею частью не обращалось вниманія. Ростъ русской обрабатывающей промышленности, міровое значеніе сибирской магистрали и тому подобныя бьющія въ глаза явленія нашей экономической жизни какъ бы заслоняли собою отъ нашихъ взоровъ то, что дѣлается у насъ подъ бокомъ—внутри страны. Надо было пережить рядъ голодовокъ,—„справиться съ которыми собственными силами населеніе оказалось не въ состояніи“,—чтобы на систематически изъ года въ годъ обѣднѣющій край было обращено вниманіе. Первое, если не ошибаюсь, изъ правительственныхъ органовъ было министерство финансовъ, которое занялось изученіемъ „оскуднѣніа“ нашего центра. Съ этой цѣлью еще съ половины 90-хъ годовъ финансовое вѣдомство занялось „разработкою матеріаловъ объ экономическомъ положеніи губерній Европейской Россіи, которые, съ одной стороны, имѣлись въ распоряженіи департамента окладныхъ сборовъ, а съ другой—могли быть извлечены изъ существовавшихъ въ то время правительственныхъ статистическихъ изслѣдованій („Вѣстн. Фин.“, 1901, № 46). Выполненіе означенныхъ работъ указало на недостаточность имѣвшихся статистическихъ матеріаловъ, и было тогда же признано, что дальнѣйшая разработка вопроса „существенно необходима“ (тамъ же).

Затѣмъ, по почину бывшаго въ то время директоромъ департамента торговли и мануфактуры, нынѣ товарища министра финансовъ, В. И. Ковалевскаго весною 1899 года было образовано особое совѣщаніе изъ нѣсколькихъ лицъ ¹⁾ для дальнѣйшаго изученія этого вопроса. Подсобными средствами для работъ этого совѣщанія опять послужили официальные изданія, неизданный матеріалъ департамента окладныхъ сборовъ и отдѣльныя сообщенія членовъ самаго совѣщанія. Результаты трудовъ этого совѣщанія изложены однимъ изъ членовъ его, А. Д. Полѣновымъ, въ недавно изданной брошюрѣ: „Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній“ (Труды особаго совѣщанія 1899—1901 гг. М. 1901).

„Совѣщаніе прежде всего (читаемъ въ этой брошюрѣ) остановилось на томъ обстоятельстве, что, согласно указаніямъ большинства данныхъ, явленіе упадка центрально-черноземныхъ губерній—не особенно давняго происхожденія, такъ какъ въ 70-хъ и даже въ началѣ

¹⁾ Совѣщаніе состояло изъ слѣдующихъ лицъ: С. С. Бехтѣева, К. Ф. Головина, И. А. Звегинцева, М. П. Кошкарлова, А. Д. Полѣнова и А. А. Суворина.

80-хъ годовъ не только не замѣчалось пониженнаго уровня благосостоянія этого района, но напротивъ, онъ находился въ положеніи или равномъ, или лучшемъ сравнительно съ другими“ (стр. 31).

Затѣмъ, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ признаковъ благосостоянія населенія изслѣдуемаго района, совѣщаніе пришло, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ:

Недоимки по *окладнымъ сборамъ*, составлявшія, въ среднемъ, за пятилѣтіе 1871—75 г. около 4 милліоновъ рублей, или 10% всего оклада, въ 1898 г. достигли 55 милліоновъ рублей, что составляетъ уже 177% оклада; тогда какъ по другимъ районамъ (группамъ губерній) процентъ этотъ хотя въ общемъ и возросъ, но колебался между 7 и 86%, за исключеніемъ губерній восточныхъ, въ которыхъ онъ достигъ 232% (41 милліона рублей).

Сборъ хлѣбовъ (и картофеля, считая 3 пуда послѣдняго за 1 пудъ хлѣба) въ отношеніи къ числу жителей сократился за 30 лѣтъ на 33%, тогда какъ для всей Европейской Россіи сокращеніе это составляетъ, за тотъ же періодъ времени, всего 7%, а на югѣ, наоборотъ, замѣтно возросъ (на 84%). Оскудѣли и хлѣбозапасные магазины; такъ, запасы составляли—въ % къ требуемому количеству—вмѣсто 76%, бывшихъ въ 60-хъ годахъ, всего 29% (въ 1891—95 гг.). Запасы въ центрѣ оскудѣли болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ страны.

Изъ данныхъ конскихъ переписей за 1888, 91 и 93 гг., за исключеніемъ западной части Россіи, повсюду замѣчается постепенная *убыль* количества лошадей, но нигдѣ эта убыль такъ не замѣтна, какъ въ обслѣдуемыхъ губерніяхъ, въ которыхъ она выражается цифрой въ 931 тысячу головъ, или на 40 %, и въ губерніяхъ восточныхъ—462 тыс. головъ, или на 43 %, тогда какъ въ другихъ группахъ губерній наибольшее сокращеніе количества лошадей достигаетъ всего 15%, и то въ самой промышленной части Россіи—въ подмосковномъ районѣ.

При разсмотрѣніи *поступленій обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходованій государствомъ* на нужды отдѣльныхъ группъ губерній въ среднемъ за пятилѣтіе 1894—98 гг., оказывается, что центральная черноземная область по суммѣ поступленій занимаетъ пятое мѣсто (послѣ выдѣленныхъ изъ группъ двухъ столичныхъ губерній, губерній южныхъ и царства польскаго), а именно съ области этой собирается 106 милліоновъ рублей, тогда какъ расходовъ произведено въ нихъ менѣе 43 милліоновъ рублей, т.-е. 40% поступленій: Такого низкаго процента нѣтъ ни въ одной изъ группъ губерній всего государства; наоборотъ, во многихъ районахъ процентъ этотъ превышаетъ 100, какъ, напримѣръ, въ сѣверо-западномъ крайѣ, Закавказьѣ, Туркестанѣ и Восточной Сибири (167%).

Въ *торгово-промышленномъ отношеніи* центральный черноземный районъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ Европейской Россіи, что совѣщаніе объясняетъ „замкнутостью въ одной сферѣ дѣятельности — въ сельско-хозяйственной“.

Обращено было вниманіе и на частичныя причины объединенія края, — напр., на упадокъ винокурения, вслѣдствіе измѣненія условий этой отрасли производства со стороны законодательства; на новый тарифъ желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ грузовъ, давшій возможность болѣе отдаленнымъ, „молодымъ“ областямъ конкурировать съ центромъ въ производствѣ хлѣба на вывозъ; на недостатокъ въ кредитѣ послѣ освобожденія крестьянъ и на нѣкоторыя другія причины.

Въ результатѣ совѣщаніе пришло къ заключенію, что „нѣкогда дѣйствующее состояніе“ средней черноземной полосы Европейской Россіи „измѣнилось къ худшему, и это ухудшеніе захватило столько различныхъ явленій общественной жизни и выразилось, и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какимъ-либо случайнымъ и переходящимъ причинамъ становилось, очевидно, невозможнымъ“.

Въ заключеніи своемъ совѣщаніе указываетъ на рядъ причинъ объединенія центра, между прочимъ, на слѣдующія: 1) „Хотя естественныя условия этого района, какъ — континентальный климатъ, преобладаніе культуры сѣрыхъ хлѣбовъ, удаленность отъ внѣшнихъ границъ и портовъ и другія, могли дѣйствовать угнетающимъ образомъ на экономическій его ростъ, но не слѣдуетъ забывать, что эти естественныя условия и прежде составляли характерную принадлежность этой мѣстности, а между тѣмъ большинство вышеприведенныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ о сравнительно недавнемъ происхожденіи понижательнаго движенія ея благосостоянія“ (стр. 65). 2) Сельско-хозяйственныя работы составляютъ единственный заработокъ крестьянскаго населенія района, — между тѣмъ прежде здѣсь процвѣтали кустарничество и домашняя промышленность. 3) Недостатокъ заботы къ сельскому хозяйству со стороны правительственныхъ учреждений, притомъ „всего меньше“ для центральныхъ губерній, тогда какъ „въ платажномъ отношеніи“ отъ нихъ „требовалось всего больше“. 4) Какъ на задерживающій элементъ, совѣщаніе указываетъ на безправіе нашего крестьянства — „въ области уголовной сохранились тѣлесныя наказанія, а въ числѣ способовъ взиманія податей — личное задержаніе“...

Наконецъ, совѣщаніе пришло къ заключенію, что въ положеніи почти не менѣ тяжеломъ находятся и наше среднее Поволжье, и восточныя губерніи

Работа совѣщанія не удовлетворила финансовое вѣдомство, потому что она „главнымъ образомъ“ основана была „на общихъ правительственныхъ матеріалахъ“ и не было произведено спеціальнаго изслѣдованія. Съ этой послѣдней цѣлью въ 1899 году былъ командированъ одинъ изъ членовъ ученаго комитета министерства финансовъ въ нѣкоторыя черноземныя и южныя губерніи, который, по словамъ „Вѣстника Финансовъ“, и собралъ „рядъ данныхъ, непосредственно касающихся условій современнаго экономическаго положенія сельскаго населенія“. Наконецъ, какъ „въ устраненіе пробѣловъ прежнихъ изслѣдованій“, для использованія матеріала, добытаго спеціально командированнымъ вышеозначеннымъ лицомъ, такъ „и въ особенности для дополненія его новыми данными“, подъ руководствомъ товарища министра финансовъ В. Н. Коквцова образована въ настоящее время новая коммиссія, которая и приступила уже къ своей работѣ, причемъ особымъ совѣщаніемъ при департаментѣ окладныхъ сборовъ выработана и программа самаго изслѣдованія. Не стану излагать этой программы,—интересующіеся могутъ найти ее въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ за 1901 годъ, въ № 46. Скажу одно—она мало чѣмъ отличается отъ программы первоначальнаго обслѣдованія—тотъ же офиціальный матеріалъ,— правда, нѣсколько расширенный рекомендаціей пользоваться земскими изданіями и другими источниками...

Въ коммиссію В. Н. Коквцова, кромѣ представителей разныхъ правительственныхъ учрежденій, войдутъ спеціалисты-теоретики и мѣстные дѣятели, „близко знакомые съ положеніемъ сельскаго хозяйства и промышленностью“. При работѣ своей коммиссія думаетъ сосредоточиться „на явленіяхъ и условіяхъ *исключительно экономическаго характера*“ (курсивъ нашъ), такъ какъ „иная постановка дѣла, распространеніе изслѣдованія за предѣлы указаннаго объема, неминуемо повлекла бы къ новымъ осложненіямъ и безъ того трудной задачи, которая замедлила бы достиженіе коренной цѣли предпринятой работы“.

Искренно желая возможно полнаго успѣха коммиссіи В. Н. Коквцова, я не могу не указать на нѣкоторые вопросы, которыхъ, по моему мнѣнію, обойти нельзя, и которые если и затронуты въ программѣ министерскаго изслѣдованія, то недостаточно, или совершенно опущены.

Касаясь вопроса о землевладѣніи и землепользованіи въ опубликованныхъ результатахъ прежнихъ работъ, недостаетъ разработки вопроса объ обезпеченности населенія землею какъ при надѣленіи

крестьянъ послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, такъ и въ настоящее время. Новая программа такъ кратка, что не видно, будетъ ли это сдѣлано и въ предполагаемой работѣ ¹⁾. Между тѣмъ извѣстно, что меньшаго количества надѣльной земли нигдѣ не получили русскій крестьянинъ, какъ въ нашемъ черноземномъ центрѣ нигдѣ не было нарѣзано столько четвертныхъ и тому подобныхъ „нищенскихъ“ надѣловъ. Во что превратились эти надѣлы въ настоящее время, когда население, несмотря на замѣченный совѣщаніемъ слабый сравнительно ростъ, все-таки за пореформенное время увеличилось почти на 33⁰/₀.

Недостатокъ въ земельномъ запасѣ у крестьянъ (вслѣдствіе малаго надѣла) подрывалъ силы населенія съ самаго начала освободительнаго періода; недостатокъ этотъ создалъ и земельную спекуляцію: поднялъ цѣны на землю, какъ арендная, такъ и продажная, сдѣлалъ ненужной для землевладѣльца заботу о сельско-хозяйственномъ прогрессѣ, когда земля и такъ, безъ труда со стороны самого владѣльца, даетъ хорошій доходъ. Со стороны же крестьянъ нельзя и ожидать движенія впередъ въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства, когда приходится, ради насущнаго куска хлѣба, платить за землю почти полную стоимость этого куска, а слѣдовательно проѣдать весь свой трудъ—гдѣ же тутъ быть исправнымъ плательщикомъ повинностей или думать о сбереженіяхъ (вклады въ ссудо-сберегательныя кассы въ центрѣ почти не растутъ; земли крестьяне здѣсь, сравнительно съ другими частями Россіи, приобретаютъ покупкою мало). Необходимо прослѣдить, какъ все это отражается на самомъ хозяйствѣ—оно неминуемо должно повести къ безпорядочному его веденію, а слѣдовательно и къ ослабленію природныхъ силъ самой почвы.

Касаясь вопроса о переселеніи, необходимо не только учесть это явленіе, но и выяснить причины, его вызвавшія, и условія, среди которыхъ оно происходитъ. Это тѣмъ болѣе важно, что по даннымъ одной изъ новѣйшихъ работъ знатока переселенческаго дѣла, А. А. Кауфмана („Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка“, Спб., 1901), нашъ черноземный центръ даетъ наибольшій процентъ переселенцевъ въ Сибирь, и число послѣднихъ ежегодно считается десятками тысячъ человекъ.

При обсужденіи вопроса о задержкѣ роста населенія, необходимо

¹⁾ Въ „программѣ“, появившейся въ газетѣ „Нов. Вр.“ (1902 г., 15 янв., № 9291), относящейся до того же изслѣдованія комиссіей В. Н. Коковцова, имѣется пунктъ, касающійся надѣльной земли; но такъ какъ эта новая редакція „программы“ нисколько не измѣняетъ дѣла съ методологической стороны и способъ самаго изслѣдованія остается, очевидно, прежній, то высказанное здѣсь замѣчаніе остается въ силѣ.

подробнѣе остановиться на причинахъ этого явленія: на развитіи болѣзненности и смертности (для разныхъ возрастовъ), вслѣдствіе дурного питанія, плохихъ жилищъ, голодовокъ; необходимо прослѣдить, хотя бы по даннымъ воинскихъ присутствій,—не ведутъ ли эти невзгоды къ вырожденію населенія (измѣненіе роста, объема груди, физическое ухудшеніе и т. п.).

Далѣе—необезпеченность населенія въ застрашномъ днѣ убиваетъ въ немъ всякую возможность подняться умственно,—понижаются и нравственныя его основы. Необходимо изучить то и другое явленіе.

Наконецъ, необходимо коснуться еще одного характернаго явленія, замѣчаемаго въ нашей черноземной полосѣ и притомъ весьма недавняго происхожденія. Подъ вліяніемъ дурного веденія земледѣльческаго хозяйства происходитъ явленіе геологическаго характера—измѣняется самый рельефъ земли. Тамъ, гдѣ 20—30 лѣтъ тому назадъ была плоская степь, въ настоящее время поверхность изрѣзана оврагами. Предоставляю геологамъ и почвовѣдамъ болѣе подробное объясненіе вреда, приносящаго для страны развитіемъ овраговъ,—укажу только, что по мѣрѣ ихъ развитія сокращается площадь удобныхъ земель, уносится безъ пользы для человѣка съ оставшихся еще въ цѣлости полей масса частицъ верхняго плодороднаго слоя чернозема; далѣе изъ обнаженныхъ оврагами прослоекъ песка въ подпочвѣ образуются летучіе пески, нерѣдко засыпающіе обширныя пространства культурной земли. Благодаря накопленію въ овражѣ снѣга, сдуваемаго съ полей, и благодаря быстрому стоку весеннихъ и дождевыхъ водъ, поверхность лишается необходимой для нихъ влаги, наконецъ самый климатъ становится суше. Какъ быстро растутъ овраги, можно судить, что за послѣднія 25 лѣтъ въ четырехъ уѣздахъ воронежской губерніи (задонскомъ, нижнедѣвицкомъ, коротоякскомъ и богучарскомъ) на одной крестьянской надѣльной землѣ перешло изъ разряда удобныхъ земель въ разрядъ неудобныхъ около 50 тысячъ десятинъ, такъ что площадь неудобныхъ земель въ одномъ крестьянскомъ надѣлѣ увеличилась до 71%. Извѣстный русскій почвовѣдъ П. В. Стоцкий замѣчаетъ, что въ нашей черноземной полосѣ имѣются уѣзды, въ которыхъ площадь подъ оврагами занимаетъ до 20% общей площади (см. ст. „Овраги“ въ „Энци. Слов.“ Брокг. и Ефр. Спб. 1897, т. XXI, стр. 668—671). Если принять во вниманіе, что въ нашемъ черноземномъ центрѣ крестьянскій надѣлъ въ среднемъ занимаетъ болѣе половины всей площади (51%)—и изъ этого количества раснакано до 80%—и такъ какъ овраги образуются главнымъ образомъ на пашняхъ крестьянъ, то окажется—въ уѣздѣ, приведенномъ П. В. Стоцкимъ какъ примѣръ, можно считать, благодаря вновь образованнымъ оврагамъ, что

населеніе за послѣднія 30—40 лѣтъ лишилось половины запаса культурной земли, тогда какъ численность самого населенія возросла на одну треть. Въ книгѣ Неймайра: „Исторія земли“, вышедшей въ 1897 г. на русскомъ языкѣ въ переводѣ подъ редакціей проф. А. А. Иностранцева, овраги называются „бичомъ земледѣлія“,—они „грозятъ превратить всю южную (черноземную) Россію въ неплодную пустыню“ (т. II, стр. 540).—А что самъ человекъ, при бѣдности и малокультурности (каковыми мы являемся въ европейской семьѣ народовъ) или въ періоды пониженія культурности, помогаетъ стихійнымъ силамъ превращать цвѣтущія страны въ пустыни—примѣровъ масса: долина Нила суживается, обѣтованная земля сыновъ Израиля въ настоящее время не въ состояніи прокормить и пятой части прежняго своего населенія... А что нынѣ изъ себя представляетъ нѣкогда цвѣтущая Испанія?... Выѣзжая изъ Рима, вы попадаете въ пустынную, неплодную, нездоровую Кампанью, нѣкогда покрытую садами, и т. д. Какъ быстро пустыня урываетъ у неумѣлаго человека культурныя его земли—можемъ и въ настоящее время прослѣдить на нашемъ Туркестанѣ. Вдоль границъ оазисовъ этой страны растутъ характерныя кустарники, скрѣпляющіе своими корнями песчаную почву пустыни и тѣмъ препятствующіе выдуванію ея вѣтрами и образованію сыпучихъ, подвижныхъ песковъ—этого бича Средней Азіи. Человекъ, за дороговизною лѣса, истребляетъ эти кусты на топливо и постройки; послѣдствіемъ этого (особенно въ Ферганѣ и Бухарѣ) оказывается, что пески надвигаются на оазисы, засыпаютъ сады и даже цѣлыя селенія (См. стат. кн. В. И. Масальскаго: „Туркестанъ“, „Энци. Слов.“ Брокг. и Ефр., т. XXXIV, стр. 183. Спб. 1902).

Нашъ черноземный центръ въ 30—40 лѣтъ обѣднѣлъ; признано, что бѣднѣетъ и Поволжье; чувствуется—скоро наступитъ въ этомъ процессѣ чередъ для Малороссіи и юга Европейской Россіи; спрашивается, гдѣ у насъ данныя къ тому, чтобы съ увѣренностью сказать, что мы въ какую-нибудь сотню—другую лѣтъ не превратимъ нашу „житницу“, нашу черноземную полосу—въ пустыню?..

Для того, чтобы предотвратить надвигающееся грозное явленіе, необходимо широко и всесторонне изучить какъ экономическія, такъ и естественно-историческія условія жизни страны. Работа министерской комиссіи, конечно, составляетъ частицу этого изслѣдованія—она можетъ многое дать, но далеко не исчерпаетъ и не выяснитъ всего вопроса. Это послѣднее можетъ сдѣлать только рядъ изслѣдованій на мѣстѣ, и, притомъ, работа эта всего успѣшнѣе можетъ быть выполнена мѣстными общественными, наиболѣе заинтересованными органами, каковыми являются наши земства. Земства въ послѣднее

время привлекаютъ къ своей работѣ разнообразныхъ специалистовъ— агрономовъ, почвовѣдовъ, метеорологовъ, врачей, статистиковъ и др. Всѣ эти силы должны быть привлечены къ изслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь, и только при совмѣстномъ, дружномъ трудѣ этихъ научныхъ силъ съ земствомъ, по нашему мнѣнію, возможно освѣтить тотъ путь, по которому мы какъ бы въ потьмахъ идемъ,—возможно уяснить коренныя причины надвигающейся опасности, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ, можетъ быть, и предотвратить ее отъ нашей родины...

Д. РИХТЕРЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1902.

Учрежденіе особаго совѣщанія для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. — Отношеніе къ нему земства и печати. — Сорокъ лѣтъ тому назадъ и теперь. — Значеніе предсѣдателя совѣщанія. — Свообразные взгляды на задачи совѣщанія. — Новые продукты сословнаго прожектерства. — Еще о мелкой земской единицѣ. — Земство и не-земскія губерніи. — Опроверженіе въ „Слб. Вѣдомостяхъ“ предсѣдателя зарайской уѣздной земской управы.

Высочайшимъ повелѣніемъ, сообщеннымъ правительствующему сенату 23-го минувшаго января, образовано особое совѣщаніе „для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда“. Предсѣдателемъ совѣщанія назначенъ министръ финансовъ, членами — министры внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и госуд. имуществъ, два предсѣдателя департаментовъ государственнаго совѣта, шесть членовъ госуд. совѣта, управляющій дѣлами комитета министровъ, государственный секретарь, четыре товарища министровъ, начальникъ главнаго управленія удѣловъ и еще четыре лица (въ томъ числѣ президентъ императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства князь Щербатовъ). Предсѣдателю совѣщанія предоставлено приглашать къ участию въ его занятіяхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, всѣхъ тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ было бы полезно выслушать въ совѣщаніи. Совѣщанію предоставлено для ближайшей разработки вопросовъ, подлежащихъ его сужденію, образовывать подготовительныя комиссіи, на устанавливаемыхъ имъ основаніяхъ.

Важность дѣла, предстоящаго совѣщанію, признана единогласно всѣми органами періодической печати; но далеко не одинаковы ихъ надежды — не одинаковы какъ по интенсивности, такъ и по направленію и содержанію. Кто склоненъ къ восторгу и ликованію, тотъ усматриваетъ въ самомъ фактѣ учрежденія совѣщанія чуть не начало

новой эры въ русской жизни; кто привыкъ къ большей сдержанности, тотъ не можетъ упускать изъ виду, что покамѣстъ неизвѣстна даже программа совѣщанія ¹⁾, неизвѣстны рамки и приемы, которые будутъ установлены для его дѣятельности. Этою неопредѣленностью объясняется и первый откликъ, вызванный, въ земской сферѣ, извѣстіемъ объ учрежденіи совѣщанія. Въ псковскомъ губернскомъ экономическомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о положеніи, какое должно занять псковское земство по отношенію къ работамъ совѣщанія. Одинъ изъ членовъ совѣта доказывалъ необходимость энергично заняться разработкой соответствующихъ темъ и даже созвать экстренное губернское земское собраніе. Другіе члены совѣта находили, что возлагать особыя надежды на совѣщаніе было бы преждевременно; по своему составу и характеру оно не отличается отъ многихъ другихъ, не достигшихъ желанной цѣли. Экономическій совѣтъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, отклонилъ предложеніе о созывѣ экстреннаго собранія и оставилъ возбужденный въ его средѣ вопросъ открытымъ до выясненія характера работъ особаго совѣщанія. Это не значитъ, конечно, чтобы представители псковскаго земства были равнодушны къ судьбамъ сельскаго хозяйства; имъ только недостаетъ увѣренности въ томъ, что открыть, отнынѣ, широкій путь къ удовлетворенію давно наболѣвшихъ народныхъ нуждъ. И въ самомъ дѣлѣ, неясны, въ настоящую минуту, даже границы изслѣдованія этихъ нуждъ. По мнѣнію „Русскихъ Вѣдомостей“, „совѣщаніе одинаково уполномочено искать средствъ къ удовлетворенію нуждъ земледѣльца какъ въ области экономическаго законодательства и финансовой политики, такъ и въ начинаніяхъ культурно-просвѣтительнаго характера или въ преобразованіяхъ правовой обстановки сельскаго труда и условій мѣстнаго управленія и общественной дѣятельности“. Мы совершенно согласны съ такимъ пониманіемъ задачъ совѣщанія—но только будущее покажетъ, соответствуетъ ли оно дѣйствительности. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что существуетъ и будетъ заявлять о себѣ другой взглядъ, діаметрально противоположный. Точкой опоры для него можетъ послужить, на примѣръ, предпринятый, почти одновременно съ учрежденіемъ совѣщанія, пересмотръ положеній о крестьянахъ; можно утверждать, что все касающееся „правовой обстановки сельскаго труда“, а также крестьянскаго управленія или самоуправленія, подлежитъ исключительно вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ и не должно входить въ составъ занятій совѣщанія. Аналогичная „fin de non recevoir“ можетъ быть предъявлена и относительно „культурно-просвѣти-

¹⁾ Въ первомъ засѣданіи совѣщанія, состоявшемся 2-го февраля, избранъ комитетъ, съ товарищемъ министра финансовъ В. И. Ковалевскимъ во главѣ, для разработки программы дѣйствій.

тельных начинаний", какъ составляющихъ предметъ заботливости министерства народнаго просвѣщенія. Заранѣе предрѣшенной программу совѣщанія считать, поѣтому, нельзя. Отсюда глубокой интересъ, съ которымъ ожидается ея установленіе—интересъ, въ которомъ неувѣренность играетъ отнюдь не меньшую роль, чѣмъ надежда.

Псковскимъ земцамъ особое совѣщаніе кажется очень похожимъ на прежнія учрежденія того же рода. Иного взгляда держится одна изъ петербургскихъ газетъ, особенно выдвинувшаяся своимъ энтузіазмомъ: „необыченъ“—восклицаетъ она,—„необыченъ, можно даже сказать безпримѣренъ составъ совѣщанія“. Согласиться съ этимъ довольно трудно. Въ чемъ заключается существенное различіе между новымъ совѣщаніемъ и хотя бы недавно закрытымъ совѣщаніемъ по дворянскому вопросу? Если во главѣ перваго поставленъ министръ финансовъ, то во главѣ послѣдняго стоялъ предсѣдатель комитета министровъ. Въ числѣ членовъ мы видимъ и тамъ, и тутъ, министровъ и другихъ высшихъ сановниковъ имперіи. Оба совѣщанія представляются, съ этой точки зрѣнія, одинаково близкими къ учрежденіямъ, въ которыя, при дѣйстви общепоставленнаго порядка, направляются важнѣйшія государственныя дѣла; обоемъ, слѣдовательно, одинаково чуждъ элементъ новизны, усматриваемый въ одномъ изъ нихъ ликующею газетой. Чтобы встрѣтить на нашей почвѣ совѣщанія (или, по прежней терминологіи, комиссіи), вполнѣ своеобразныя по своему составу, нужно отойти далеко назадъ, до эпохи великихъ реформъ. Чѣмъ-то дѣйствительно небывалымъ являлись редакціонныя комиссіи пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, подготовившія положенія о крестьянахъ и судебныя уставы. Точки соприкосновенія были у нихъ скорѣе съ екатерининскою комиссіей 1767 г. или съ коллегіей, составившею уложеніе царя Алексѣя Михайловича, чѣмъ съ обычными инстанціями, черезъ которыя проходили и проходятъ у насъ законодательныя работы. Исключительно заняты своимъ дѣломъ, редакціонныя комиссіи могли привести его къ концу съ поразительною быстротою; составленныя, въ большинствѣ, изъ людей, горячо преданныхъ преобразовательной идеѣ, онѣ могли создать нѣчто цѣльное, стройное и прочное. Способствовали счастливому исходу и выдающіяся дарованія нѣкоторыхъ членовъ редакціонныхъ комиссій—Н. А. Милютина, Ю. Ф. Самарина и Я. А. Соловьева, С. И. Заруднаго, Д. А. Ровинскаго и Н. А. Бутковскаго; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такія дарованія найдутся каждый разъ, когда широтѣ, важности и ясности задачи будетъ соответствовать широта ярко освѣщеннаго пути, избраннаго для ея осуществленія... Во многомъ сходныя между

собою, редакціонныя комиссіи крестьянская и судебная отправлялись отъ различныхъ, отчасти, исходныхъ точекъ. Судебной комиссіи мѣстное изслѣдованіе и изученіе не могло дать никакихъ цѣнныхъ матеріаловъ: слишкомъ очевидна была абсолютная негодность дѣйствовавшихъ судебныхъ порядковъ, слишкомъ несомнѣнно превосходство началъ, оправданныхъ опытомъ всего цивилизованнаго міра. Положеніе крестьянской комиссіи было бы аналогично лишь въ такомъ случаѣ, еслибы рѣчь шла только о личномъ освобожденіи крестьянъ; но на очереди стояло, сверхъ того, земельное ихъ обезпеченіе. Отсюда необходимость предварительной работы на мѣстахъ, какъ фундамента для всего остального. Эта работа была исполнена губернскими комитетами, организація которыхъ, далеко не совершенная по своему существу, была единственной возможной при тогдашнихъ условіяхъ—при безправіи и темнотѣ той массы, ради которой была предпринята реформа. Несмотря на множество противорѣчій, несмотря на борьбу, изъ которой далеко не всегда выходили побѣдителями прогрессивные элементы, проекты губернскихъ комитетовъ сослужили немалую службу редакціонной комиссіи. Для вновь образованнаго совѣщанія предварительная работа на мѣстахъ имѣетъ, какъ намъ кажется, значеніе отнюдь не меньшее. Нужды сельско-хозяйственной промышленности—или, лучше сказать, сельскаго населенія—во многомъ повсемѣстно однѣ и тѣ же, но во многомъ другомъ существенно различны; еще болѣе разнообразны способы ихъ удовлетворенія. Слѣдуетъ надѣяться, поэтому, что подготовительныя комиссіи, учрежденіе которыхъ предоставлено совѣщанію, будутъ организованы, по крайней мѣрѣ въ первомъ фазисѣ работы, по образцу губернскихъ комитетовъ, съ тѣми измѣненіями, которыя допускаетъ и которыхъ требуетъ радикально измѣнившаяся обстановка. Въ обсужденіи вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе сельскаго населенія, могутъ участвовать теперь всѣ его составныя части. Сорокалѣтнее пользованіе свободой, какъ бы она ни была ограничена на самомъ дѣлѣ, не могло не развить среди крестьянъ способность понимать и отстаивать свои интересы; нужно только обезпечить за ними возможность говорить искренно, безъ стѣсненій и умолчаній... Само собою разумѣется, что по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ войти въ программу совѣщанія, въ высшей степени важно было бы выслушать мнѣніе губернскихъ земскихъ собраній; но замѣнить собою ту организацію, которую мы, для краткости и по старой памяти, назовемъ губернскимъ комитетомъ, губернское земское собраніе не можетъ, какъ вслѣдствіе непродолжительности его сессіи, такъ и въ особенности вслѣдствіе полного или почти полного отсутствія въ немъ гласныхъ-крестьянъ. Уѣздныхъ земскихъ собраній, съ другой стороны, слишкомъ много, мнѣнія ихъ трудно было

бы привести въ систему, да и засѣдающіе въ нихъ крестьяне далеко не всегда пользуются, de facto, достаточною самостоятельностью¹⁾. Представителями губернскихъ комитетовъ передъ редакціонною комиссіей пятидесятихъ годовъ явились депутаты, оставившіе по себѣ, за немногими исключеніями, недобрую память: пользы они не принесли никакой, и не отъ нихъ зависѣлъ благополучный исходъ дѣла. Ошибочно было бы, однако, искать объясненія этому факту въ самомъ свойствѣ той роли, которою были облечены депутаты. Въ тогдашней провинціи стремленія, благоприятныя для крестьянъ, были распространены слабо; предстоявшая реформа задѣвала за живое интересы сословія, изъ среды котораго вышли члены губернскихъ комитетовъ—и это не могло не отразиться на образѣ дѣйствій депутатовъ. Совершенно инымъ положеніе вещей представляется въ настоящее время. Въ губернскихъ комитетахъ, правильно составленныхъ, нашли бы мѣсто самыя разнообразныя взгляды—но ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы абсолютнаго господства надъ другими, и между центромъ и окружностью едва ли обнаружилось бы столь рѣзкое противорѣчіе, какое наблюдалось въ 1859 и 1860 гг. Не было бы на лицо, быть можетъ, той „бюрократіи“, которую воплощали въ себѣ тогда Милютинъ и Соловьевъ—но не было бы, съ другой стороны, и того единодушія въ консерватизмъ, которое проявили депутаты, въ особенности депутаты „второго призыва“... Есть еще одна разница между сравниваемыми эпохами. Сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ гласность правительственныхъ мѣропріятій, не вышедшихъ еще изъ подготовительной стадіи, была чѣмъ-то неслышаннымъ; всего менѣе допустимой она казалась именно по отношенію къ крестьянскому вопросу, чреватому, какъ думали многіе, волненіями и беспорядками. Съ тѣхъ поръ оглашеніе законодательныхъ работъ, по мѣрѣ ихъ движенія, сдѣлалось если не постояннымъ правиломъ, то явленіемъ довольно обыкновеннымъ; никакихъ принципиальныхъ возраженій оно не возбуждаетъ, цѣлесообразность его можетъ считаться доказанной. Ничего жгучаго, притомъ, вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію особаго совѣщанія, въ себѣ не заключаетъ. Есть основаніе надѣяться, что обсужденіе его въ печати, въ обществахъ, въ собраніяхъ не только не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій, но будетъ прямо вызвано совѣщаніемъ, прежде всего—путемъ обнародованія программы, которая будетъ установлена для его занятій.

¹⁾ Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы мнѣнія уѣздныхъ земскихъ собраній о нуждахъ сельскаго населенія не могли послужить полезнымъ матеріаломъ для губернскихъ земскихъ собраній, а затѣмъ и для совѣщанія.

Большое значеніе нѣкоторые органы печати придаютъ выбору лица, поставленнаго во главѣ совѣщанія. „Съ именемъ министра финансовъ“—говоритъ „Новое Время“—„общество привыкло связывать представленіе о выдающейся силѣ и ясности дѣятельнаго государственнаго ума, о широкомъ починѣ и несокрушимой энергіи въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей“. Болѣе оригинально, на этотъ разъ, мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“, заключающее въ себѣ значительную долю самоосужденія. „Руководители нашей экономической политики“—читаемъ мы въ московской газетѣ—„долгое время не принимали никакихъ мѣръ къ укрѣпленію сельско-хозяйственнаго производства, сосредоточивая свое вниманіе на искусственномъ поощреніи обрабатывающей промышленности. Усиленнымъ повышеніемъ пошлинъ нашего таможеннаго тарифа создавалась искусственная дороговизна необходимыхъ предметовъ потребленія, выгодная для предпринимателей, но весьма убыточная для общаго строя нашего народнаго хозяйства... Односторонняя политика И. А. Вышнеградскаго преслѣдовала исключительно меркантильныя цѣли... Въ дальнѣйшемъ наша экономическая политика слѣдовала по пути, намѣченному И. А. Вышнеградскимъ“. Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего новаго, но они являются неожиданными на страницахъ газеты, громившей, въ свое время, экономическую политику Н. Х. Бунге и осыпавшей похвалами его преемниковъ. Назначеніе министра финансовъ предсѣдателемъ совѣщанія „Московскія Вѣдомости“ привѣтствуютъ только потому, что видятъ въ немъ предвѣстіе поворота. „Убѣдившись“—такъ заканчивается статья—„убѣдившись, при детальномъ изученіи вопроса, въ ошибочномъ направленіи нашей экономической политики, отдающей предпочтеніе выгодамъ промышленности передъ интересами земледѣлія, ему (министру финансовъ) легче будетъ, чѣмъ кому-либо другому, измѣнить это направленіе, сообразуя правительственную дѣятельность въ области экономическихъ отношеній съ дѣйствительными нуждами и потребностями народнаго хозяйства Россіи“. На что именно надѣется реакціонная газета, что она разумѣетъ подъ именемъ „дѣйствительныхъ нуждъ народнаго хозяйства“—это мы увидимъ ниже. Ошибкой, общей „Новому Времени“ и „Московскимъ Вѣдомостямъ“, кажется намъ преувеличеніе вліянія, выпадающаго на долю предсѣдателя совѣщанія. Примѣръ редакціонныхъ комиссій, въ которыхъ невольно возвращается наша мысль, убѣждаетъ насъ въ томъ, что центръ тяжести подобныхъ учрежденій далеко не всегда заключается въ лицѣ, поставленномъ въ нихъ на первое мѣсто. Я. И. Ростовцевъ внесъ въ занятія комиссіи только здравый смыслъ и добрую волю; гр. В. Н. Панинъ скорѣе мѣшалъ, чѣмъ способствовалъ успѣшному ходу дѣла; заслуга В. П. Буткова (предсѣда-

теля судебной комиссiи) сводилась къ удачному выбору главныхъ работниковъ. Все зависитъ, въ подобныхъ случаяхъ, отъ того, въ какой степени сознана важность и неотложность задачи, въ какой степени благоприятно или неблагоприятно для ея исполненія складываются обстоятельства, въ какой степени облегчено или затруднено участіе въ немъ компетентныхъ силъ, коллективныхъ и личныхъ. Этими условіями суждено, по всей вѣроятности, сыграть главную роль и въ той работѣ, которая возложена на особое совѣщаніе.

По истинѣ удивительны сужденія реакціонной печати о цѣляхъ, къ которымъ должно стремиться совѣщаніе. Особенное значеніе, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, учрежденіе совѣщанія имѣеть для помѣстнаго дворянства. „Средній крестьянинъ значительнѣйшую часть своихъ продуктовъ вырабатываетъ для личнаго потребленія, а потому сельско-хозяйственный кризисъ не имѣеть для него того рокового значенія, какъ для помѣщика... Наиболѣе потерпѣло отъ неблагоприятныхъ условій нашей сельской промышленности помѣстное дворянство, а потому только-что объявленное Высочайшее повелѣніе (объ учрежденіи совѣщанія) должно быть разсматриваемо какъ новая милость нашему первенствующему сословію“. Настроеніе, продиктовавшее эти строки, мы не можемъ назвать иначе, какъ ненасытностью. Какъ! Только-что закрыто совѣщаніе, выработавшее цѣлый рядъ мѣръ на пользу помѣстнаго дворянства; только-что рѣшено учредить особый дворянскій департаментъ, отъ котораго ультра-дворянскіе публицисты ожидаютъ новыхъ мѣропріятій въ томъ же направленіи и духѣ—и всего этого мало? Дополнительнымъ источникомъ благи для привилегированнаго сословія должно служить даже такое общегосударственное и общенародное дѣло, какъ забота о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности? Представителями этой промышленности являются землевладѣльцы и земледѣльцы, кто бы они ни были по происхожденію и общественному положенію; они всѣ имѣютъ равное право на вниманіе государства, а право ихъ на его помощь обусловливается исключительно степенью переживаемыхъ ими бѣдствій. Не говоря уже о крестьянахъ, спустившихся или спускающихся ниже средняго уровня, можно ли ставить на одну доску средняго крестьянина и средняго помѣщика? Развѣ послѣднему приходится испытывать голодъ, грозящій первому въ неурожайную годину? Развѣ неустойчивости „средняго“ крестьянскаго хозяйства, терпящаго крушеніе при первомъ крупномъ недородѣ, соответствуетъ что-нибудь аналогичное въ помѣщичьемъ быту? Много ли „средній“ крестьянинъ выигрываетъ отъ того, что „значительнѣйшая часть вырабатываемыхъ

имъ продуктовъ идетъ на его личное потребление“; разъ что вся сумма этихъ продуктовъ близка къ нулю? Не слишкомъ ли смѣлой—чтобы не сказать болѣе—оказывается попытка ввести въ программу совѣщанія дворянскій вопросъ, съ исчерпывающею полнотою поставленный на другой почвѣ?.. Въ позднѣйшей статьѣ, озаглавленной: „Разрозненная работа“, „Московскія Вѣдомости“ идутъ еще дальше: подчеркивая точки соприкосновенія между задачами совѣщанія, дворянскаго департамента и комиссіи по составленію гражданскаго уложенія, онѣ доказываютъ необходимость сосредоточенія работъ „въ рукахъ однихъ и тѣхъ же людей“—иными словами, необходимость передачи всѣхъ или, по меньшей мѣрѣ, многихъ работъ, предстоящихъ совѣщанію, въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ...

Гораздо болѣе грубыми средствами орудуешь, по обыкновенію, „Гражданинъ“, пытаясь извратить задачи совѣщанія. „Первымъ условіемъ для веденія сельскаго хозяйства“—читаемъ мы въ „Дневникъ“ кн. Мещерскаго—„есть возможность жить въ деревнѣ“. Между тѣмъ, „въ деревнѣ жить все труднѣе и труднѣе, главнымъ образомъ потому, что такъ шатко стало у насъ понятіе о собственности, такъ шатко къ ней уваженіе и такъ недосыгаемо возстановленіе ея нарушенія“. Винить въ этомъ слѣдуетъ „сорокалѣтній процессъ либеральнаго распатыванья гражданственности, который подъ предлогомъ прогресса прививалъ деревнѣ и крестьянскому населенію ядъ снисходительности къ неуваженію собственности... Путемъ либеральнаго прогрессирования мы дошли до того, что административная практика и законъ какъ будто отмѣнили два всемірные принципа: самообороны въ случаѣ покушенія на право собственности и немедленнаго возстановленія нарушеннаго права собственности“. Отсюда выводится заключеніе, что „рядомъ съ задачей улучшенія крестьянскаго быта“ совѣщаніе должно преслѣдовать „задачу прочнаго утвержденія права собственности въ деревнѣ“. Великодушно отказываясь отъ мысли объ усиленіи уголовныхъ каръ за нарушеніе права собственности, кн. Мещерскій заканчиваетъ такъ: „главное и первое, что нужно—это дѣятельная и ясная проповѣдь въ деревнѣ новыхъ понятій о неприкосновенности правъ собственности. И если безусловно нужны для успѣховъ сельскаго хозяйства крестьянскаго инструкторы, то еще нужнѣе возложить на земскихъ начальниковъ обязанность обучать народъ здравымъ понятіямъ о святости права чужой собственности“. Нужно ли доказывать, что вся аргументація „Гражданина“ виситъ на воздухѣ? Никакихъ перемѣнъ въ нашихъ законахъ о необходимой оборонѣ не произошло. Возстановленіе нарушеннаго владѣнія, въ порядкѣ, созданномъ судебными уставами, достигается теперь скорѣе и легче, чѣмъ прежде. Значительно усилены наказанія за лѣсныя порубки и

конокрадство. Въ какой мѣрѣ „административная практика“ благоприятствуетъ нарушеніямъ помѣщичьей собственности—объ этомъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуютъ многочисленные процессы о деревенскихъ „безпорядкахъ“, влекущихъ за собою сначала суммарную расправу, потомъ наказаніе по суду. Говорить о *либеральномъ* распатыванѣ *гражданственности*—значить допускать *contradictio in adjecto*: ростъ гражданственности вездѣ и всегда прямо, а не обратно, пропорционаленъ развитію либеральныхъ началъ... Не такъ безобиденъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и практический выводъ, къ которому приходитъ князь Мещерскій. Въ кругъ дѣйствій земскихъ начальниковъ *проповѣдь* не входитъ; болѣе чѣмъ странной была бы конкуренція ихъ, на этомъ поприщѣ, съ духовенствомъ. Разъѣзжая изъ одного конца участка въ другой и повторяя до безконечности одѣ и тѣ же рѣчи о святости права собственности, земскіе начальники очень скоро почувствовали бы потребность подтвердить свои слова соответствующими дѣлами—и со всѣхъ концовъ Россіи посыпались бы ходатайства объ обостреніи репрессіи не только за кражу, присвоеніе, растрату, но и за гражданскія правонарушенія, въ родѣ поправки, прохода или проѣзда черезъ чужую землю, неотработки задатка и т. п. Результатъ получился бы, такимъ образомъ, именно тотъ, отъ котораго отбѣивается кн. Мещерскій. Другимъ логическимъ слѣдствіемъ „свѣтской проповѣди“, проектируемой кн. Мещерскимъ, было бы увеличеніе числа проповѣдниковъ, дабы напоминанія о неприкосновенности чужой собственности непрестанно и непрерывно касались слуха крестьянъ. Такими вспомогательными проповѣдниками могли бы явиться добровольцы изъ среды мѣстныхъ дворянъ, облеченные, для вѣщаго авторитета, надлежащими начальническими правами. Въ томъ же номерѣ „Гражданина“, гдѣ помѣщенъ цитированный нами „Дневникъ“ кн. Мещерскаго, одинъ изъ сотрудниковъ его предлагаетъ облечь дворянство „почетною властью въ деревнѣ“: это совпаденіе, если оно и случайно, весьма характерно... Къ чему привела бы дорога, рекомендуемая кн. Мещерскимъ—это не требуетъ объясненія. Надъ созданіемъ въ деревнѣ „властной руки“ законодательство послѣднихъ двухъ десятилѣтій потрудилося довольно; передъ совѣщаніемъ лежатъ совершенно иные задачи, не имѣющія ничего общаго ни съ „подтягиваніемъ“ одного сословія, ни съ специальнымъ покровительствомъ другому.

Предстоящее открытіе, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, дворянскаго департамента или отдѣла продолжаетъ давать пищу газетному прожектерству. Съ особеннымъ усердіемъ занимается имъ

одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ статьяхъ о „дворянствѣ въ прошломъ и будущемъ“ и о „приврѣпленіи дворянства къ землѣ“. Онъ стоитъ, между прочимъ, за неотчуждаемость дворянскихъ имѣній, но понимаетъ подъ нею, повидимому, не столько запрещеніе отчуждать имѣнія или обязательное обращеніе ихъ въ завѣдыванія, сколько рядъ мѣръ, „воспособляющихъ“ запутавшемуся хозяину и предупреждающихъ, этимъ самымъ, продажу имѣнія. Въ моментъ „хозяйственныхъ затрудненій“ или „обременительной для имѣнія задолженности“, имѣніе должно поступать въ завѣдываніе „уѣзднаго дворянскаго комитета“, составленнаго изъ лицъ, „пользующихся уваженіемъ не только мѣстнаго, но и всего дворянства“, и въ то же время „извѣстныхъ правительству за надежныхъ носителей и хранителей дворянскихъ и государственныхъ традицій“. На вопросъ, откуда взять средства, необходимыя для уѣздныхъ (и объединяющихъ дѣятельность ихъ губернскихъ) дворянскихъ комитетовъ, авторъ отвѣчаетъ не столько опредѣленно, сколько категорично: „ихъ слѣдуетъ найти и имѣть“. Главная ихъ часть ожидается, повидимому, изъ того же неистощимаго источника, на который рассчитываютъ всѣ проектеры— изъ государственной казны; взносы съ дворянскихъ имѣній должны только служить дополненіемъ къ „общенперскому дворянскому капиталу“. Авторъ разсыпается въ увѣреніяхъ, что сколько бы милліоновъ ни было отпущено въ распоряженіе дворянскихъ комитетовъ, „всѣ они будутъ помѣщены болѣе чѣмъ цѣлесообразно, возвратятся сторицей и никогда не будутъ потеряны ни для государства, ни для его казначейства“. Въ видѣ доказательства приводится ссылка на администраціи, часто допускаемыя въ коммерческой средѣ. На самомъ дѣлѣ между торговой администраціей и проектируемымъ дворянскимъ комитетомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Администрація образуется для даннаго торговаго или промышленнаго предпріятія, по усмотрѣнію кредиторовъ владѣльца, изъ лицъ, ими избранныхъ, и притомъ только тогда, когда дефицитъ не превышаетъ 50%, т.-е. имѣется основательная надежда на восстановленіе дѣла. Для администраціи важно, чтобы это восстановленіе состоялось по возможности скорѣе и полнѣе, такъ какъ отъ него непосредственно зависятъ время и размѣръ удовлетворенія кредиторовъ. Ничего подобнаго о дворянскомъ комитетѣ сказать нельзя. Это было бы просто новое присутственное мѣсто, производящее цѣлый рядъ однородныхъ дѣлъ и ни въ одномъ изъ нихъ прямо не заинтересованное. Между имѣніями, поступающими въ завѣдываніе комитета, были бы въ конецъ истощенныя и разоренныя; но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда упорядоченіе хозяйства представлялось бы не безнадежнымъ, не было бы основанія ожидать, что коллегіи, занимающейся имъ между прочимъ,

ex officio, оно удастся лучше, чѣмъ самому хозяину. Что дворянскія учрежденія не легко приспособляются къ заботѣ о частно-хозяйственныхъ интересахъ, объ этомъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ примѣръ дворянскихъ опекъ: всѣмъ извѣстно, съ какими затрудненіями сопряженъ для нихъ выборъ опекуновъ и надзоръ за опекунскимъ управленіемъ. Тѣ же затрудненія, въ еще большей мѣрѣ, встрѣтилъ бы дворянскій комитетъ, которому, помимо всего остального, пришлось бы иногда считаться съ недоброжелательствомъ или даже противодѣйствіемъ владѣльца, устраненнаго отъ веденія хозяйства. Неизбѣжнымъ результатомъ ненормальнаго порядка явились бы громадныя, безвозвратныя и, въ добавокъ, безплодныя затраты изъ суммъ „дворянскаго капитала“, т.-е. изъ государственныхъ средствъ, для которыхъ такъ легко найти лучшее употребленіе. И эти затраты были бы далеко не единственными: тотъ же прожекторъ относитъ къ числу ближайшихъ задачъ дворянскаго департамента „прикрѣпленіе къ землѣ безземельныхъ дворянъ“. Какъ осуществить эту задачу—онъ подробно не объясняетъ, но и здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду жертвы со стороны государства. Нельзя удержаться отъ негодованія при видѣ подобныхъ нескончаемыхъ посягательствахъ газетныхъ прожекторовъ на народное достояніе, не отступающихъ ни передъ какими софизмами, чтобы прикрыть свой узко и мелко сословный характеръ.

Съ надеждами такихъ прожекторовъ на будущее гармонируютъ представленія ихъ о прошедшемъ, совокупность которыхъ могла бы составить весьма своеобразную псевдо-историческую картину. Не говоримъ уже о смѣломъ увѣреніи, что „владѣльцы рабовъ, дворяне, повинувшись голосу своего смягченнаго сердца и внятному имъ высшему государственному разуму, сами сознали свою обязанность возратить государству то, что, будучи какъ бы временно вѣрено имъ, требовало, для пользы отечества, новыхъ жизненныхъ формъ“; эту пѣсню мы слышали много разъ, и столько же разъ ей была дана надлежащая оцѣнка. Но вотъ нѣсколько новыхъ перловъ, не уступающихъ прежнимъ ¹⁾. „Дореформенное финансовое могущество Россіи было выше критики западныхъ сосѣдей, и представитель этого могущества, кредитный рубль, до 1857 г. цѣнился выше золотаго“. А какъ же появился на свѣтъ самый кредитный рубль? Можно ли считать девальвацию ассигнацій признакомъ финансоваго могущества?.. „Сравнимъ войну крымскую, борьбу противъ соединенныхъ силъ Турціи и государствъ западной Европы, непосредственно предшествовавшую эпохѣ реформъ, съ войной турецкою, которую Россія, уже реформированная,

¹⁾ См. „Московскія Вѣдомости“ №№ 11 и 13.

вела, въ союзѣ съ войсками Румыніи и со славянами Балканскаго полуострова, съ одинокой Турціей“. Такое сравненіе дѣлалось неоднократно—но никогда еще, кажется, изъ него не выводилось преимущество до-реформенной Россіи надъ по-реформенною. Помимо результатовъ обѣихъ войнъ, стѣбитъ только вспомнить дунайскую кампанію 1853-54 г., веденную противъ „одинокой Турціи“—и не ознаменованную ничѣмъ, кромѣ неудачъ... Учрежденіе въ 1897 г., особаго совѣщанія по дворянскому вопросу (понимаемое какъ признаніе дворянскаго сословія „единственнымъ, которому должны быть ввѣрены заботы о благосостояніи всего населенія имперіи“) возводитъ на степень „величественнаго явленія государственной жизни, которое своею глубиной и силой превосходитъ всѣ реформы, когда-либо видоизмѣнявшія жизнь цивилизованнаго міра“. На одинъ уровень съ этимъ явленіемъ не могутъ быть поставлены ни реформы Петра Великаго, имѣвшія „тотъ серьезный недостатокъ, что не были рождены на русской почвѣ, а позаимствованы съ чужбины“, ни реформы царя-освободителя, „также нерѣдко построенныя на трудахъ переводчиковъ“.

Дальше этихъ предѣловъ отсутствіе чувства мѣры идти едва ли можетъ!!

Вопросъ о всесословной волости или мелкой земской единицѣ, игравшій столь видную роль во время послѣдней сессіи земскихъ собраній, продолжаетъ и теперь обращать на себя вниманіе періодической печати. „Празднымъ“ его признаетъ только ультра-реакціонная газета, доказывая этимъ самымъ, лучше всякихъ разсужденій, его существенную важность. Въ самомъ дѣлѣ, если наши псевдо-охранители никакъ не могутъ примириться съ мыслью о мелкой земской единицѣ, даже въ самой скромной ея формѣ, если они изъ всѣхъ силъ стараются набросить тѣнь на мотивы, заставляющіе желать ея осуществленія, то не свидѣтельствуетъ ли это о несомѣстности ея съ сословнымъ эгоизмомъ, съ приниженымъ положеніемъ массы, съ широкимъ просторомъ дискреціонной власти? Мыслима ли лучшая рекомендація для учрежденія, чѣмъ ожесточенная вражда, съ которою относятся къ нему систематическіе противники прогресса и свободы? Такихъ противниковъ, болѣе или менѣе открытыхъ, немало, къ сожалѣнію, и въ земской средѣ. Съ особенною прямолинейностью они выступили на сцену въ демьянскомъ (новгородской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи. Уѣздная управа и экономическій совѣтъ отнеслись сочувственно къ извѣстному предложенію московскаго агрономическаго съѣзда, но встрѣтили суровый отпоръ со стороны многихъ гласныхъ. „Вопросъ о мелкой земской единицѣ“—воскликнулъ одинъ изъ нихъ—„является совершенно несвоевременнымъ, такъ какъ не отвѣчаетъ

внутренней политикѣ нашего правительства; обсуждать его, значить идти наперекоръ правительству. Да кромѣ того; кто будетъ въ этой единицѣ участвовать? Развѣ Горькій съ его сподвижниками? Другой гласный снисходительно допустилъ возможность обсуждения вопроса, но провозгласилъ его „дѣтскимъ“, обозвалъ „передовыми“ земства, высказывающіяся за его утвердительное рѣшеніе, и совѣтовалъ подождать, пока родятся подходящіе люди. На сторонѣ этихъ ораторовъ оказалось большинство... По мнѣнію предсѣдателя пермскаго губернскаго земскаго собранія, вопросъ о мелкой земской единицѣ „просто-на-просто“ сталъ моднымъ и трактуется земствами, старающимися стать въ числѣ передовыхъ“. Одинъ изъ нижегородскихъ губернскихъ гласныхъ, вдохновляясь, очевидно, доводами „Московскихъ Вѣдомостей“, усмотрѣлъ въ возбужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ махинацію, направленную губернскимъ земствомъ противъ уѣздныхъ. Замѣтимъ, что всѣ эти возраженія направлены противъ *чисто-хозяйственной* мелкой земской единицы, не претендующей ни на какія административныя функціи и полномочія. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что далеко не бесполезной была бы и такая единица? Мы расходимся на этомъ пунктѣ съ глубоко уважаемыми нами органами печати и земскими дѣятелями. Исходя, отчасти, изъ соображеній аналогичныхъ съ тѣми, какія высказалъ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи В. Д. Кузьминъ-Караваевъ ¹⁾, тамбовская губернская управа, въ своемъ докладѣ губернскому собранію, признала мелкую земскую единицу мыслимой лишь какъ замѣну существующей волостной организаціи. Мелкая земская единица, по словамъ управы, должна быть учрежденіемъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ усмотрѣнія ближайшей администраціи; она не можетъ дѣйствовать закономерно, пока остаются въ силѣ нынѣшнія крестьянскія учрежденія— а такъ какъ на коренное ихъ измѣненіе въ настоящее время рассчитывать нельзя, то нѣтъ повода и къ выработкѣ проекта организаціи мелкой земской единицы. „Русскія Вѣдомости“ (№ 40, „Земская Хроника“), относясь столь же отрицательно къ одновременному, совмѣстному существованію крестьянской волости и мелкой земской единицы, расходится съ тамбовской губернской управой только въ томъ, что считаютъ возможнымъ немедленный пересмотръ крестьянскихъ учреждений, не исключая и института земскихъ начальниковъ. Желательнымъ или, лучше сказать, необходимымъ таковой пересмотръ кажется и намъ; но мы не думаемъ, чтобы его можно было ожидать въ ближайшемъ будущемъ—и именно потому стоимъ, какъ за палліативъ, даже за чисто-хозяйственную мелкую единицу. Прагматическая поста-

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

новка вопроса должна быть, по нашему убѣжденію, такая: нормальный типъ мелкой территоріальной единицы—самоуправляющаяся все-сословная волость, тѣсно связанная съ земствомъ и представляющая собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, низшее административное и судебное подраздѣленіе уѣзда; но пока осуществленіе ея встрѣчаетъ затрудненія, большимъ шагомъ впередъ было бы приближеніе къ ней въ той формѣ, которая указана московскимъ агрономическимъ съѣздомъ. Памятуя афоризмъ:—*fas est et ab hoste doceri*, попробуемъ подтвердить нашу мысль примѣрами, заимствуемыми изъ аргументаціи нашихъ противниковъ.

„Что внесла бы всесословность въ существующее волостное самоуправленіе?“—вопрошаетъ авторъ статьи: „Праздный вопросъ“. „Въ лучшемъ случаѣ—только то, что уцѣлѣвшее еще помѣстное дворянство, кромѣ существующихъ государственнаго поземельнаго налога и земскихъ и дворянскихъ сборовъ, стало бы еще платить волостные сборы“. Эти слова заключаютъ въ себѣ ясное указаніе на одно изъ мѣстъ, гдѣ, по извѣстному нѣмецкому выраженію, „похоронена собака“. Привлеченія *отъ* мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ той или другой мѣрѣ, къ платежу мѣстныхъ сборовъ давно требуетъ самая элементарная справедливость—и если оно до сихъ поръ не состоялось, то это объясняется именно отсутствіемъ мелкой единицы, въ которой были бы объединены всѣ сельскіе жители, безъ различія сословій ¹⁾. Значительная часть такъ-называемыхъ мірскихъ (въ особенности волостныхъ) сборовъ идетъ въ настоящее время на содержаніе учреждений, переставшихъ быть специально крестьянскими и получившихъ значеніе низшихъ административныхъ или полицейскихъ инстанцій (волостныя правленія, волостные писаря, полицейскіе сотскіе, отчасти даже сельскіе десятскіе и старосты). Въ 1895 г. изъ общей суммы волостныхъ расходовъ, составлявшей болѣе 17¹/₂ милл. рублей, болѣе 11 милліоновъ (около 70⁰/₀) шли на содержаніе волостного правленія, услугами котораго, прямо или косвенно, пользуются всѣ живущіе въ волости или владѣющіе въ ней недвижимымъ имуществомъ—а оплачиваютъ эти услуги одни крестьяне. Ненормальному порядку неизбѣжно настала бы конецъ, какъ только въ предѣлахъ волости явилась бы общая почва для всего ея населенія. Вотъ этого-то и не хотятъ непрошенныя адвокаты привилегированнаго сословія, ревностнѣе чѣмъ оно само стоящіе на стражѣ его матеріальныхъ интересовъ. На самомъ дѣлѣ этимъ интересамъ, даже узко понятымъ, учрежденіе мелкой земской единицы едва ли нанесло бы чувствительный ущербъ.

¹⁾ См. Внутреннія Обозрѣнія въ №№ 10 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1893 г. и въ № 10 за 1897 г.

Небольшое увеличеніе поземельныхъ сборовъ было бы уравновѣшено лучшей постановкой мѣстнаго хозяйства—лучшимъ состояніемъ дорогъ и мостовъ, лучшимъ устройствомъ пожарной части, болѣе энергичною борьбою съ эпидеміями и эпизоотіями.

Видное мѣсто среди доводовъ противъ мелкой земской единицы занимаетъ указаніе на недостатокъ людей—указаніе, всегда игравшее роль тормазы въ подготовительномъ фазисѣ реформъ и никогда не оправдывавшееся при ихъ осуществленіи. „Можно ли серьезно говорить объ образованіи всесословныхъ волостей“—читаемъ мы все въ томъ же „Праздномъ вопросѣ“,—„когда сколько-нибудь образованныхъ и опытныхъ въ служебномъ отношеніи дѣятелей не хватаетъ для замѣщенія должностей земскихъ начальниковъ и земскихъ учреждений“? Итакъ, дѣятели мелкой земской единицы должны вербоваться изъ той же среды, откуда берутся земскіе начальники, председатели и большинство членовъ земскихъ управъ? Конечно, нѣтъ; во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ проектахъ всесословной волости доступъ къ волостнымъ должностямъ всегда предполагался открытымъ и для крестьянъ, подъ условіемъ развѣ простой грамотности—а при такомъ невысокомъ цензѣ о „недостаткѣ людей“ не можетъ быть и рѣчи...

Вторая „собака“, мѣсто зарытія которой обнаруживается неудачнымъ полемическимъ приемомъ—это опасеніе подъема крестьянской среды, неизбежнаго при болѣе широкой организаціи мѣстнаго самоуправленія. Волостное собраніе, соединяющее въ себѣ всѣ сословія, оказалось бы, именно благодаря этому соединенію, болѣе независимымъ, болѣе свободнымъ отъ постороннихъ внушеній, чѣмъ нынѣшній волостной сходъ. Огражденное закономъ отъ прямого вмѣшательства мѣстной административной власти, оно было бы ограждено своимъ составомъ отъ косвеннаго ея вліянія. Привычка дѣйствовать самостоятельно, приобрѣтенная крестьянами на волостномъ собраніи, была бы перенесена ими и въ свою замкнутую сферу—а это, въ свою очередь, ускорило бы прекращеніе замкнутости... Само собою разумѣется, что съ учрежденіемъ мелкой земской единицы долженъ былъ бы значительно уменьшиться кругъ дѣйствій волостного схода; но вѣдь на самомъ дѣлѣ онъ и теперь до крайности узокъ, менѣе всего затрагивая хозяйственныя нужды волости.

Вотъ, наприимѣръ, что говорить объ этомъ И. М. Страховскій въ интересной статьѣ: „Современное положеніе и значеніе крестьянскихъ волостей“ (№ 9 „Вѣстника Права“ за 1901 г.): „Дѣятельность волостныхъ сходовъ, въ качествѣ органовъ общественнаго самоуправленія, представляется совершенно ничтожной и не даетъ рѣшительно никакихъ основаній для характеристики волости, какъ общественнаго самоуправляющагося организма“. Если, при су-

ществованіи мелкой земской единицы, отъ крестьянской волости уцѣлѣли бы только волостной старшина и волостной писарь, какъ низшіе административные агенты, и волостной судъ, какъ низшая судебная инстанція, то подобная перемѣна была бы болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной; въ сущности, и теперь другихъ реальныхъ органовъ волостное управленіе не имѣеть... Горячихъ защитниковъ мелкая всесословная волость находитъ даже въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учреждений и гдѣ ей, слѣдовательно, пришлось бы считаться съ гораздо болѣе большими затрудненіями. „Фундаментъ всего огромнаго зданія внутреннего управленія“—говорить „Кіевлянинъ“— „лежитъ въ селеніяхъ и волостяхъ; его слабость и негодность давно всѣми признаны, а укрѣпленія его возможно достигъ лишь путемъ самоуправленія, совокупными силами всего мѣстнаго общества, а не однихъ крестьянъ“. „Въ мелкой единицѣ“—читаемъ мы въ статьѣ г. М. Волинскаго („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 341)—„вліяніе инороднаго населенія, представляющаго въ юго-западномъ краѣ едва одну седьмую часть православной массы, при установленіи процентнаго представительства явилось бы совершенно незамѣтнымъ“. Съ большою силой высказывается г. Волинскій противъ введенія въ западныхъ губерніяхъ, подъ именемъ земскихъ учреждений, такого строя, который, въ сущности, не имѣеть ничего общаго съ земствомъ. Едва-ли, по его словамъ, „найдутся люди, преданные дѣлу не изъ личныхъ выгодъ, которые согласятся быть гласными по назначенію и распоряжаться общественными суммами безъ уполномочія и согласія тѣхъ, кому эти суммы принадлежать. Проектируемые (для западнаго края и другихъ окраинъ имперіи) комитеты, въ худшемъ случаѣ, не будутъ отличаться отъ существующихъ; явится только лишнее безцѣльное обложеніе на расходы по содержанію множества новыхъ комитетовъ. Еще печальнѣе, если комитеты, за исключеніемъ порядочныхъ элементовъ населенія, наполнятся людьми, ищущими только хорошо оплачиваемыхъ должностей или смотрящихъ на общественное дѣло какъ на одинъ изъ способовъ личнаго обогащенія“. Заключение г. Волинскаго—то же самое, къ которому нѣсколько разъ приходили и мы ¹⁾: лучше сохранить порядокъ, существующій теперь въ не-земскихъ губерніяхъ, чѣмъ ставить на его мѣсто цѣлый комплексъ учреждений, земскихъ по имени, бюрократическихъ—на самомъ дѣлѣ.

Насколько велика разниа между губерніями земскими и не-земскими—объ этомъ можно судить по рѣчи, произнесенной вновь назна-

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1898-й и въ № 5 за 1901-й годъ. Превосходный разборъ законопроекта о „земскомъ“ управленіи въ тринадцати не-земскихъ губерніяхъ данъ въ статьяхъ В. Д. Кузмина-Караваева („Право“ 1901 г., №№ 49—52) и В. Д. Спасовича („Право“ 1902 г., №№ 1 и 2).

ченнымъ вологодскимъ губернаторомъ (Л. М. Князевымъ) при открытіи послѣдней сессіи вологодскаго губернскаго земскаго собранія.

„Достоинство земскихъ учрежденій въ дѣлѣ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ населенія“—таковы подлинныя слова г. Князева ¹⁾—„становится несомнѣннымъ по сравненію съ губерніями не-земскими, гдѣ отсутствіе правильно организованнаго участія общественныхъ силъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, отсутствіе мѣстной инициативы, составляющей главный нервъ, главную жизненную основу всякаго практическаго дѣла, создаетъ значительное затрудненіе для администраціи въ правильномъ и сообразномъ съ дѣйствительными интересами населенія разрѣшеніи разнообразныхъ вопросовъ управленія“. Это—весьма цѣнное свидѣтельство въ пользу земскихъ учрежденій, цѣнное именно потому, что идетъ отъ лица, самымъ положеніемъ своимъ огражденнаго отъ подозрѣній въ пристрастіи и тенденціозности. Много своеобразнаго и интереснаго представляютъ и всѣ остальные отдѣлы рѣчи г. Князева. Въ ней нѣтъ ничего формальнаго, ничего напоминающаго исполненіе обряда, какимъ является, въ большинствѣ случаевъ, открытіе губернскаго собранія. Оратору удалось придать ей характеръ бесѣды, свободной отъ той „сухой официальной“, которую онъ „разъ навсегда желалъ бы видѣть устраненной“ въ сношеніяхъ его съ земскими дѣятелями. Съ узко-бюрократической точки зрѣнія земство, сплошь и рядомъ, навлекаетъ на себя упрекъ въ чрезмѣрныхъ затратахъ на начальныя школы; г. Князевъ находитъ, наоборотъ, что эти затраты недостаточны. Съ особенными трудностями земскія просвѣдительныя начинанія встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, когда они идутъ отъ губернскаго земства; г. Князевъ выражаетъ убѣжденіе, что губернское земство пошло бы въ разрѣзъ съ требованіями жизни, еслибы не расширило своей дѣятельности въ области народнаго образованія. Вопреки обычному отрицательному отношенію къ земской статистикѣ, г. Князевъ считаетъ ее необходимымъ средствомъ ознакомленія съ условіями жизни края. Онъ возстаетъ противъ канцелярской тайны въ работахъ управъ, противъ формализма, противъ излишней щепетильности, видящей въ критикѣ дѣяствій выраженіе недовѣрія къ дѣятелямъ. Важнѣйшей своей задачей онъ признаетъ „всемѣрное облегченіе земству исполненія лежащихъ на немъ по закону обязанностей“, „устраненіе виѣшнихъ тормазовъ“ земской дѣятельности; успѣха земской работы онъ не отдѣляетъ отъ успѣха управленія губерніей. Послѣдовательное проведеніе такихъ взглядовъ будетъ чѣмъ-то почти небывалымъ въ исторіи нашего земства.

¹⁾ Рѣчь г. Князева напечатана in extenso въ № 20 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Въ нашемъ декабрьскомъ внутреннемъ обзорѣни мы привели, на основаніи сообщеній „Разанскаго Листка“ и „Русскаго Слѣва“, нѣсколько фактовъ, касающихся зарайскаго уѣзднаго земскаго собранія, Аналогичное сообщеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вызвало со стороны предсѣдателя зарайской уѣздной земской управы, А. А. Селиванова, опроверженіе, появившееся въ № 14 той же газеты. Согласно желанію г. Селиванова, перепечатаемъ это опроверженіе, за исключеніемъ тѣхъ его пунктовъ (4-го, 7-го, 8-го, 9-го и 10-го), въ которыхъ идетъ рѣчь объ обстоятельствахъ, вовсе не затронутыхъ въ нашемъ обзорѣни.

„1) Выраженіе признательности отъ собранія предсѣдателю управы А. А. Селиванову, прослужившему 27 лѣтъ зарайскому земству, назначеніемъ пенсіи или вознагражденія, утверждалось въ 1899 и 1900 годахъ закрытою подачею голосовъ шарами; въ 1899 году—большинствомъ 26 голосовъ противъ 2, въ 1900 г.—большинствомъ 22 голосовъ противъ 2 и въ 1901 году, при новомъ составѣ гласныхъ, большинствомъ 23 голосовъ противъ 4 (всѣхъ членовъ собранія, съ представителями отъ вѣдомствъ — 30). Послѣ рѣшенія этого вопроса предсѣдатель управы заявилъ: „Если я буду выбранъ предсѣдателемъ и содержаніе мнѣ, какъ предсѣдателю, назначено будетъ 2.400 рублей, какъ и въ настоящее время, то я буду получать, въ виду состоявшагося постановленія о вознагражденіи мнѣ, только 1.200 руб., изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе предсѣдателя управы. Остальныя будутъ оставаться, но я за собой оставляю право этому остатку дать назначеніе на земское дѣло, по моему усмотрѣнію, въ облегченіе земскаго обложенія“. Собраніе, выслушавъ заявленіе А. А. Селиванова и отнесясь весьма сочувственно, приняло его заявленіе. Постановленіе собранія 1901 года губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ не отмѣнено и г. губернаторомъ пропущено къ исполненію.

„2) Учитель Вересинъ не просилъ никакой опредѣленной прибавки, никто не предлагалъ прибавить учителю 20 руб., прошеніе было подано прямо въ собраніе; ни управа, ни училищный совѣтъ прошенія не обсуждали. Состоялось слѣдующее постановленіе: „вопросъ объ увеличеніи содержанія учителю Вересину оставить открытымъ, поручивъ управѣ представить къ будущему очередному собранію списокъ тѣхъ учителей, которымъ, по соглашенію съ училищнымъ совѣтомъ, предположено будетъ увеличить содержаніе за долготѣнюю и достойную службу“.

„3) Отказано крестьянамъ д. Калянинской въ открытіи въ выстроенномъ ими зданіи училища, по докладу особаго совѣщанія, слѣдующаго содержанія: „совѣщаніе, усматривая, съ одной стороны, что во всѣхъ

окужающихъ селѣхъ есть училища, а съ другой, что выстроенное подъ школу зданіе, по устройству своему, вообще негодно и по размѣрамъ количеству населенія не соответствуетъ, полагаетъ въ ходатайствѣ обществу крестьянъ дер. Каланинской объ открытіи земскаго училища отказать“.

„5) Предложеніе инспектора народныхъ училищъ объ устройствѣ уѣздныхъ учительскихъ сѣздовъ, представленное совѣтомъ, не отклонено, а исполненіе оставлено до будущаго года, по докладу совѣщанія, слѣдующаго содержанія: „По представленію управы ходатайства училищнаго совѣта отъ 3 октября 1901 г., за № 111, объ организаціи въ началѣ сентабря 1902 года сѣзда учащихся въ начальныхъ земскихъ училищахъ, совѣщаніе, въ виду полной новизны дѣла и отсутствія какой бы то ни было программы занятій уѣзднаго сѣзда учащихся, каковая программа можетъ быть разсмотрѣна только училищнымъ совѣтомъ, полагаетъ подождать рѣшеніемъ сего вопроса до выясненія результатовъ такого опыта въ рязанскомъ уѣздѣ“.

„6) Учитель, завѣдующій зарайскимъ городскимъ училищемъ, ходатайствовалъ „ассигновать изъ земскихъ средствъ на содержаніе одного учителя при городскомъ училищѣ дополнительную по штату сумму 650 руб. ежегодно“. Ходатайство отклонено послѣ того, какъ собраніемъ принять докладъ особаго совѣщанія по ходатайству крестьянъ дер. Батуриной, въ которомъ совѣщаніе полагало, что главная забота земства должна заключаться въ устройствѣ возможнаго обученія всѣхъ дѣтей въ селеніяхъ.

„11) Заводъ въ Щуровѣ былъ оцѣненъ для земскаго обложенія „губернскимъ земствомъ“ вмѣстѣ со всѣми другими промышленными заведеніями, и переоцѣнка завода могла состояться только при условіи переоцѣнокъ всѣхъ промышленныхъ заведеній въ губерніи на одинаковыхъ основаніяхъ. Никакой „губернской технической оцѣнки“ щуровскому заводу не сдѣлано. Въ отношеніи губернской управы, за № 9063, отъ 23 августа 1901 г., сказано: „Собіраніе матеріала по оцѣнкѣ завода г. Лингартъ еще не окончено“. Въ виду этого, собраніе, по особому докладу управы, постановило согласиться съ докладомъ управы, въ которомъ предложено: „Управа полагаетъ, что зарайскому земству нынѣ же слѣдовало бы приступить къ переоцѣнкѣ существующихъ въ уѣздѣ фабрикъ и заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній и съ этою цѣлью ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о принятіи съ его стороны мѣръ къ окончанію въ уѣздѣ оцѣночныхъ работъ по этого рода имуществамъ не далѣе 1 іюля 1902 года, чтобы уѣздное земство, воспользовавшись къ тому времени оцѣночнымъ матеріаломъ специальныхъ техникувъ, въ видѣ копій съ него, за счетъ уѣздныхъ суммъ, имѣло возможность произ-

вести своевременно свою оцѣнку означеннымъ заведеніямъ и обложить ихъ на 1903 годъ земскимъ сборомъ, согласно новой переоцѣнкѣ.

„Все вышеизложенное удостовѣряется документами, имѣющимися при дѣлахъ управы“.

Прибавимъ къ этому, что, какъ сообщаетъ намъ г. Селивановъ, редакціонная комиссія (совѣщаніе) зарайскаго уѣднаго земскаго собранія состоятъ не изъ 14, а изъ 11 гласныхъ, въ томъ числѣ 7 отъ землевладѣльцевъ, 2 отъ города и 2 отъ крестьянъ. Предсѣдатель и члены управы не состоятъ членами комиссіи. 120 рублей въ годъ получаютъ только помощники учителей. Постановленіе земскаго уѣднаго собранія о назначеніи предсѣдателю управы добавочнаго вознагражденія было опротестовано губернаторомъ на основаніи нун. 5 ст. 87 и ст. 90 Положенія о земск. учрежд.; но губернскае земское собраніе, въ засѣданіи 11-го декабря 1901-го года, большинствомъ 46 голосовъ противъ 13 (закрытой баллотировкой) признало, что вышеупомянутое постановленіе не нарушаетъ интересовъ мѣстнаго населенія.

ПО ПОВОДУ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫХЪ ТАРИФОВЪ И ИХЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ЗНАЧЕНІЯ.

Замѣтка.

— Теорія желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, К. Я. Загорскаго. Слб. 1901. Стр. 322.

Избранный авторомъ предметъ давно уже составляетъ одну изъ видныхъ отраслей экономической науки. Вопросъ о провозныхъ платахъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ объ управленіи тарифами выдвигались въ западной Европѣ по мѣрѣ развитія рельсовой сѣти, и многіе ученые давно обратили на него самое серьезное вниманіе. Однако, систематизированный научный трудъ по этому предмету явился сравнительно поздно, а именно—лишь въ 1880 году: мы говоримъ о замѣчательномъ сочиненіи члена парижской академіи наукъ, De la Gournerie: „Etudes économiques sur l'exploitations des chemins de fer“.

Съ появленіемъ этой книги, выдающіеся экономисты—теоретики и практики въ западной Европѣ и Россіи—дали свои самостоятельныя изслѣдованія и теоріи; но такъ какъ ихъ выводы неизбѣжно должны были при этомъ вытекать изъ результатовъ примѣненія тѣхъ или иныхъ принциповъ къ разнымъ желѣзно-дорожнымъ сообщеніямъ, то отсюда и произошло нѣкоторое различіе въ научныхъ заключеніяхъ, въ зависимости отъ совокупности всѣхъ условій страны, въ которой сложилось данное ученіе.

И у насъ, въ Россіи, не болѣе какъ черезъ три года послѣ Дэлагурнери, появился трудъ управлявшаго тогда юго-западными дорогами, С. Ю. Витте, подъ заглавіемъ: „Принципы желѣзно-дорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ“ (Кіевъ, 1884 г. ¹⁾). Книга эта представляла первую попытку систематическаго изложенія, на русскомъ языкѣ, главнѣйшихъ началъ, лежащихъ въ основѣ желѣзно-дорожнаго тарифнаго дѣла. Въ то время какъ на Западѣ, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, обратили серьезное вниманіе на теоретическую разработку тарифныхъ вопросовъ,—у насъ, до того времени, не

¹⁾ Книга была составлена изъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Инженеръ“ за 1883 годъ.

было ни одного сочиненія, гдѣ бы эти вопросы рассматривались сколько нибудь полно и систематично. Между тѣмъ тарифное дѣло, вытекающее изъ всей совокупности экономическихъ и торговыхъ отношеній и въ свою очередь оказывающее на нихъ влияние,—имѣетъ несомнѣнный интересъ, какъ практическаго, такъ и теоретическаго характера.

Прошло семнадцать лѣтъ, прежде нежели явилась по тому же предмету новая вышепоименованная книга К. Я. Загорскаго. Прожитый промежутокъ времени далъ много данныхъ, изъ которыхъ авторъ почерпнулъ обильный матеріалъ для того, чтобы предложить свой самостоятельный взглядъ на желѣзно-дорожные тарифы.

Первый трудъ С. Ю. Витте былъ написанъ въ эпоху наивысшаго развитія частной эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, и такъ какъ основной взглядъ, проведенный въ этомъ трудѣ, сводится къ признанію за дорогами значенія чисто-коммерческихъ предпріятій, то отсюда и простекало высказанное авторомъ мнѣніе, что установленіе тарифовъ и управленіе ими должно быть отдано дорогамъ при условіи надлежащей строгой организаціи завѣдыванія этимъ дѣломъ главнымъ образомъ на началахъ взаимнаго между ними соглашенія. А затѣмъ, разъ дороги являются коммерческимъ предпріятіемъ и тарифы—въ ихъ рукахъ, то послѣдніе должны быть установлены въ такихъ размѣрахъ, каковы могутъ быть выдержаны даннымъ грузомъ въ данныхъ отдѣльныхъ (или всѣхъ вообще) сообщеніяхъ, съ такимъ, понятно, расчетомъ, чтобы дороги имѣли наибольшіе шансы на перевозки. Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что г. Загорскій изъ всѣхъ разобранныхъ имъ масштабовъ для опредѣленія цѣнности транспортныхъ услугъ склоняется на сторону „платежной способности грузовъ“, причемъ о самой системѣ тарификаціи по этой цѣнности онъ высказывается такимъ образомъ (стр. 278): „система тарификаціи по цѣнности транспортныхъ услугъ, опредѣляемой по соображенію со всею совокупностью условій производства, торговли и потребленія страны, имѣетъ свое историческое и культурное призваніе, дающее ей полное оправданіе съ точки зрѣнія общихъ интересовъ“.

Если теперь вникнуть въ существо мысли взиманія съ груза того, что онъ можетъ платить (съ тѣмъ, повторяемъ, чтобы его привлечь на дорогу) и сравнить эту мысль съ мыслью о „платежной способности груза“ примѣнительно къ той же перевозкѣ, то едва-ли можно усомниться въ томъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ двумя тождественными принципами. Тождество того и другого ученія проявляется и въ отношеніи задачи управленія тарифами. С. Ю. Витте ни на минуту не упускаетъ изъ виду мысли о наибольшихъ перевозкахъ грузовъ, и г. Загорскій выводитъ (стр. 275): „задача управленія желѣзно-до-

рожными тарифами сводится къ назначенію такихъ провозныхъ платъ, которыя наиболѣе способствовали бы развитію перевозокъ въ указанномъ направленіи“. А „указанное направленіе“ заключается въ томъ, чтобы перевозились именно тѣ грузы и въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя даютъ наибольшія выгоды для народнаго хозяйства, при наименьшихъ издержкахъ и наибольшемъ доходѣ для самихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ иномъ видѣ представляется сопоставленіе мнѣнія о томъ, въ чьихъ рукахъ должно быть завѣдываніе тарифнымъ дѣломъ. По этому предмету необходимо пояснить нижеслѣдующее: бывший министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій († въ мартѣ 1894 г.) провелъ Высочайше утвержденный 8 марта 1889 г. законъ о правительственномъ руководствѣ тарифами русскихъ желѣзныхъ дорогъ и о тарифныхъ казенныхъ учрежденіяхъ. По этому закону, правительству принадлежитъ руководство дѣйствіями желѣзныхъ дорогъ по установленію тарифовъ съ цѣлью огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны, а руководство правительства выражается въ установленіи тарифныхъ нормъ, правилъ ихъ примѣненій и проч. До 1889 г. тарифное дѣло было въ рукахъ дорогъ, и онѣ не были связаны никакими законами при выработкѣ тарифныхъ платъ и правилъ ихъ примѣненій, за исключеніемъ высшихъ тарифныхъ нормъ по тремъ разрядамъ классныхъ грузовъ ($\frac{1}{12}$, $\frac{1}{15}$ и $\frac{1}{24}$ коп. съ пуда и версты), предусмотрѣнныхъ ихъ уставами, которые впослѣдствіи дополнялись высшими предѣлами и для угля и руды ($\frac{1}{46}$ — $\frac{1}{65}$ коп. съ пуда и версты). И едва-ли эти регламенты не были единственными ограничительными обязательствами дорогъ передъ правительствомъ, не говоря о специальныхъ положеніяхъ, касавшихся перевозокъ пассажировъ, багажа, крупнаго рогатаго скота, воинскихъ отрядовъ и клади, почты и арестантовъ. Но необходимо замѣтить, что, при наличіи свободы установленія дорогами провозныхъ платъ, въ ихъ средѣ стремленіе къ выработкѣ тарифовъ путемъ „взаимныхъ соглашеній“ достигло въ восьмидесятихъ годахъ высшихъ степеней: созывались съѣзды общіе и частные по тремъ группамъ дорогъ, а также съѣзды многочисленныхъ отдѣльныхъ сообщеній и союзовъ. Эти съѣзды отличались всегда большимъ оживленіемъ; здѣсь работала критическая мысль о тарифахъ, и едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что общеніе живымъ словомъ поселило въ самой средѣ желѣзныхъ дорогъ сознаніе необходимости правительственнаго руководства тарифнымъ дѣломъ.

Въ это время въ нашей экономической литературѣ появились два новыхъ труда, изданные незадолго до закона 8 марта 1889 г.: 1) „Желѣзно-дорожные тарифы“—Д. И. Пихно, и 2) „Основанія организаціи тарифнаго дѣла“—Н. Е. Гиацинтова. И тотъ, и другой авторъ

высказывался въ смыслѣ необходимости и полезности правительственнаго завѣдыванія и управленія тарифами. И вотъ правительство держитъ въ своихъ рукахъ тарифы всѣхъ русскихъ дорогъ уже тринадцатый годъ. Законъ писалъ, какъ сказано выше: „Правительству принадлежитъ руководство дѣйствіями желѣзныхъ дорогъ по установленію тарифовъ съ цѣлью огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны“. Но что нужно сдѣлать для достиженія этой цѣли, какъ распорядиться всѣмъ этимъ сложнымъ механизмомъ нашей желѣзно-дорожной сѣти; какой системы управленія тарификаціею и какихъ именно принциповъ построенія провозныхъ платъ надлежитъ придерживаться,—законъ не даетъ по всему этому никакихъ конкретныхъ указаній; а что оказалось на дѣлѣ за истекшія двѣнадцать лѣтъ и какими системами и принципами слѣдуетъ руководствоваться въ интересахъ народнаго хозяйства,—отвѣтъ на все это содержится въ книгѣ г. Загорскаго, гдѣ весь матеріалъ изложенъ въ строгомъ и послѣдовательномъ порядкѣ, и гдѣ прежде всего доказывается необходимость въ существованіи системъ и принциповъ.

Предпринятая г. Загорскимъ работа выполнена соотвѣтственно тремъ элементамъ, входящимъ въ составъ тарифнаго дѣла, а именно: 1) задачи и цѣли управленія тарифами; 2) принципы построенія ихъ, и 3) классификація тарифовъ на различные виды и формальные принципы приложенія ихъ на практикѣ.

Для выясненія необходимыхъ на практикѣ конкретныхъ „задачъ и цѣлей“ желѣзно-дорожной тарификаціи авторъ рассматриваетъ отдѣльно шесть системъ пользованія услугами желѣзныхъ дорогъ и способовъ возмѣщенія основныхъ и оборотныхъ расходовъ желѣзно-дорожнаго хозяйства, а именно:

а) предоставленіе желѣзно-дорожныхъ услугъ во всеобщее безвозмездное пользованіе, съ принятіемъ всѣхъ расходовъ желѣзно-дорожнаго хозяйства на общегосударственныя средства;

б) установленіе сборовъ за услуги желѣзныхъ дорогъ въ размѣрахъ, при которыхъ покрывается лишь одна часть желѣзно-дорожныхъ расходовъ (напр., по эксплуатаціи), а другая часть этихъ расходовъ (по оплатѣ $\%$ и погашенію желѣзно-дорожныхъ капиталовъ) относится на общегосударственныя средства;

в) установленіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы достигалось не только возмѣщеніе всѣхъ расходовъ желѣзно-дорожнаго хозяйства (эксплуатаціонныхъ, по оплатѣ $\%$ и погашенію основныхъ капиталовъ), но и получалась, сверхъ того, прибыль на затраченные капиталы по средней въ странѣ нормѣ или въ возможно высшемъ размѣрѣ;

г) установленіе тарифовъ внѣ всякой зависимости и отношенія къ

необходимости возмѣщенія расходовъ желѣзно-дорожнаго хозяйства изъ того или другого источника, но единственно [по соображеніямъ общей экономической политики государства, — причѣмъ взиманіе желѣзно-дорожныхъ сборовъ является простымъ орудіемъ этой политики и должно служить для воздѣйствія на ходъ и развитіе экономической жизни страны въ тѣхъ направленіяхъ, какія представляются желательными по общегосударственнымъ соображеніямъ;

д) управленіе желѣзно-дорожными тарифами, не считаясь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, съ доходностью желѣзныхъ дорогъ и необходимостью возмѣщенія расходовъ по ихъ сооруженію и эксплуатаціи, можетъ имѣть цѣлью возможно полное удовлетвореніе желѣзными дорогами народныхъ и государственныхъ потребностей въ широкомъ смыслѣ слова;

е) наконецъ, управленіе желѣзно-дорожными тарифами можетъ не ограничиваться какою-либо одною изъ перечисленныхъ задачъ, но, смотря по обстоятельствамъ и по своему усмотрѣнію, свободно избирать ту или другую цѣль, которая должна быть достигнута въ каждомъ данномъ случаѣ принятіемъ соответственныхъ тарифныхъ мѣръ.

Каждая изъ этихъ системъ выяснена и оцѣнена съ точки зрѣнія общаго принципа экономической политики государства и съ точки зрѣнія соответствія ей съ основной функціей желѣзно-дорожнаго транспорта въ общемъ ходѣ народнаго хозяйства.

Перейдя затѣмъ къ принципамъ построенія тарифовъ, г. Загорскій подробно обсуждаетъ слѣдующіе три принципа, къ которымъ, въ сущности, могутъ быть сведены всѣ практикующіеся и предлагаемые приемы и способы установленія желѣзно-дорожныхъ провозныхъ платъ. Прежде всего разсматривается принципъ государственныхъ пошлинъ (*Gebührenprinzip*, *principe de redevance*) и такъ называемая „натуральная система тарифовъ“.

Обѣ эти системы въ сущности тождественны и заключаются въ томъ, что тарифы устанавливаются не по цѣнности желѣзно-дорожныхъ услугъ для лицъ, пользующихся этими услугами, а по нѣкоторымъ однообразнымъ среднимъ нормамъ на основаніи собственныхъ издержекъ желѣзныхъ дорогъ по различнымъ категоріямъ перевозокъ. Сюда относится и такъ называемая „Raumtarif“ — установленіе провозныхъ платъ по вѣсу и по степени громоздкости перевозимыхъ грузовъ.

Второй принципъ построенія тарифовъ заключается въ установленіи ихъ по платежной способности перевозимыхъ грузовъ, т.-е. по рыночной цѣнности желѣзно-дорожныхъ услугъ, въ зависимости отъ спроса и предложенія на эти услуги, съ дифференцированіемъ тарифныхъ ставокъ по классамъ товаровъ и по разстояніямъ перевозки.

Совмѣстно съ этимъ принципомъ подвергнуть подробному разсмотрѣнію и вопросъ о значеніи для установленія тарифовъ цѣнности перевозимыхъ товаровъ, разницы въ товарныхъ цѣнахъ въ мѣстахъ отправленія и назначенія, конкуренціи путей сообщенія и т. п.

Третій принципъ заключается въ построеніи тарифовъ въ зависимости и въ соответствіи съ условіями и издержками производства въ различныхъ отрасляхъ промышленности, въ различныхъ районахъ и центрахъ и даже въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ.

Каждый изъ этихъ принциповъ подвергнуть авторомъ оцѣнкѣ по его пригодности для достиженія различныхъ вышеуказанныхъ цѣлей, которыя могутъ быть поставлены управленію желѣзно-дорожными тарифами.

Послѣднюю, третью, часть теоріи тарифовъ составляютъ формальные принципы ихъ примѣненія и различные виды тарифовъ. Формальные принципы примѣненія суть: публичность, простота, устойчивость, уравнительность. Виды тарифовъ распределены по внутреннему ихъ строю (пудовѣрстные и дифференціальные); по внѣшней формѣ выраженія (схемные и табличные); по пространству дѣйствія (общіе для всякихъ сообщеній и исключительные для опредѣленныхъ сообщеній); по времени дѣйствія (тарифы срочные и безсрочные, годовые и навигаціонные); по величинѣ единицъ нагрузки (попудные и повагонные), и, по особымъ условіямъ и свойствамъ самихъ перевозокъ, — тарифы спеціальные и льготные (завозные, перемолочные, воинскіе, выставочные, переселенческіе и т. п.).

Таково содержаніе книги К. Я. Загорскаго.

Переходя теперь къ изложенію наиболѣе опредѣленно высказанныхъ имъ мыслей и отзывовъ какъ о „системахъ управленія“, такъ и о „принципахъ тарификаціи“ и ея техникѣ, считаемъ необходимымъ оговорить, что въ краткой замѣткѣ надлежало бы ограничиться лишь самыми главными и существенными изъ нихъ и притомъ имѣющими ближайшее отношеніе къ русской сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Выборъ какой-либо одной изъ разобранныхъ системъ управленія желѣзно-дорожными тарифами и неуклонное преслѣдованіе ея на практикѣ встрѣчаютъ, по мнѣнію г. Загорскаго, весьма большія затрудненія и протесты. Это обстоятельство и послужило главной причиной, вызвавшей еще одинъ взглядъ на задачи и цѣли желѣзно-дорожной тарификаціи, сущность котораго сводится къ сочетанію и примиренію всѣхъ разсмотрѣнныхъ авторомъ системъ. Хотя этотъ взглядъ, который можно назвать *тарифнымъ эклектизмомъ* и, представляется, по

существо своему, съ принципиальной точки зрѣнія, довольно слабымъ, но авторъ останавливается на немъ въ виду тѣхъ симпатій, которыя онъ, новидному, встрѣчаетъ въ средѣ практическихъ дѣателей.

Согласно этому мнѣнiю, желѣзно-дорожнымъ тарифамъ нельзя ставить разъ навсегда какую-нибудь одну цѣль. Тарифное дѣло представляется столь живымъ и сложнымъ, что тарифная политика необходимо должна обнимать всѣ возможные цѣли тарификаціи, если не хочеть впасть въ узость и ошибки, неизбежныя при всякомъ одно-стороннемъ и прямолинейномъ направленiи практической работы.

Обращаясь въ Россiи, можно было бы заключить, что, судя по нѣкоторымъ высшимъ признакамъ, дѣятельность русскихъ тарифныхъ учреждений, съ 8 марта 1889 г. по настоящее время, какъ бы подчинилась преобладающему влiянiю тарифнаго эклектизма. Однако, совершенно иначе опредѣляется общiй характеръ организованнаго у насъ по этому закону 8 марта правительственнаго руководства желѣзно-дорожными тарифами, если мы обратимся непосредственно къ практическимъ результатамъ за истекшiй двѣнадцати-лѣтнiй періодъ времени. Такое изученiе показываетъ, что дѣятельность нашихъ тарифныхъ учреждений была, по мнѣнiю г. Загорскаго, совершенно послѣдовательна, и что всѣ главнѣйшiя тарифныя мѣры и реформы производились почти неизмѣнно въ одноиъ и томъ же направленiи, выражали послѣдовательное осуществленiе одного и того же общаго начала. И такимъ образомъ, система тарифнаго эклектизма въ смыслѣ сочетанiя въ управленiи тарифами всѣхъ разнообразныхъ задачъ и принциповъ тарификаціи, на самомъ дѣлѣ имѣла у насъ лишь самое ограниченное практическое примѣненiе. Непослѣдовательность и отступленiе отъ упомянутаго „общаго начала“ являются лишь рѣдкими исключенiями въ общей массѣ тарифной работы.

Связанныя съ работою рельсовой сѣти многочисленныя экономическія силы и отношенiя оказываются на самомъ дѣлѣ столь могущественными, что влiянiе ихъ на практику желѣзно-дорожной тарификаціи не могло быть сломлено ни предвзятыми теорiями, ни одно-сторонними интересами, какъ это можетъ казаться во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ тарифныхъ мѣръ, если при оцѣнкѣ ихъ мы будемъ руководствоваться не существомъ дѣла, а тѣми очень часто случайными мотивами и соображенiями, которыя были приведены въ различныхъ официальныхъ документахъ въ оправданiе той или иной принятой мѣры.

Въ этоиъ же направленiи дѣйствовали и первые государственные руководители нашей тарифной политики. Опытъ указывалъ, гдѣ слѣдовало останавливаться при осуществленiи тѣхъ или другихъ задачъ и цѣлей тарификаціи или при проведенiи тѣхъ или другихъ прин-

циповъ построения тарифовъ, ибо за этими предѣлами возникло бы нарушение и непоследовательность въ отношеніи основного руководящаго начала тарифной политики, который хотя и не былъ нигдѣ определеннымъ образомъ формулированъ, но всегда болѣе или менѣе осязательно проявлялся при всякихъ общихъ тарифныхъ реформахъ.

Безусловная необходимость такого высшаго руководящаго принципа поддерживается и г. Загорскимъ; принципъ этотъ, — пишетъ авторъ, — заключается въ томъ, что желѣзно-дорожные тарифы должны быть построены съ такимъ расчетомъ, чтобы рельсовая сѣть страны — этотъ огромный аппаратъ, представляющій собою колоссальный капиталъ свыше 4 миллиардовъ руб. и поглощающій ежедневно на поддержаніе ея въ дѣйствиі почти 1½ милл. руб., — исполняла въ общемъ ходъ народнаго хозяйства возможно болѣшую и наиболѣе нужную работу. Извлеченіе наибольшаго количества полезной работы изъ фиксированныхъ въ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ огромныхъ капиталовъ и производительныхъ силъ и являлось на самомъ дѣлѣ, за немногими исключеніями, основной руководящей цѣлью всей нашей тарифной политики.

Высказавшись, въ такомъ смыслѣ, по основному вопросу предмета, г. Загорскій исторически прослѣдилъ, что служило въ разныхъ странахъ, при разныхъ состояніяхъ желѣзно-дорожной сѣти, главнымъ масштабомъ при назначеніи провозныхъ платъ.

Оказывается, что масштабомъ стала все больше и больше, по мѣрѣ развитія дорогъ, служить способность груза переносить транспортныя издержки, т.-е. его платежная способность. Такимъ образомъ, постепенно выработывалась на каждой дорогѣ своя классификація грузовъ по ихъ относительной цѣнности, которая и принималась за выраженіе ихъ платежной способности. Изъ сдѣланнаго по этой части очерка возникновенія и развитія системы тарификаціи по цѣнности авторъ заключаетъ, что сущность ея состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ возможно лучшаго приспособленія тарифныхъ ставокъ къ платежной способности перевозимыхъ грузовъ достигнуть возможно болѣе широкаго развитія желѣзно-дорожныхъ перевозокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшаго чистаго дохода. Въ этомъ и заключается главное оправданіе системы тарификаціи по цѣнности съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народнаго хозяйства.

Выяснивъ за сими существо системы тарификаціи по цѣнности, авторъ находитъ, что съ общей экономической точки зрѣнія представляется безусловно необходимымъ известное соотношеніе между издержками перевозки и ея выгодами. Соразмѣрность здѣсь нужна потому, что если провозная плата хотя нѣсколько выше стоимости

транспортной услуги, то она стѣсняетъ движеніе и дѣлаетъ нѣкоторыя перевозки экономически невозможными; если же она, напротивъ того, ниже дѣйствительной стоимости транспортной услуги, то она допускаетъ возможность такихъ перевозокъ, выгоды отъ которыхъ ниже сопряженныхъ съ ними затратъ и возможныхъ максимальныхъ выгодъ, т.-е., слѣдовательно, не обеспечиваетъ соблюденія указаннаго выше основнаго условія цѣлесообразности всякаго транспорта. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о томъ, что такое стоимость транспорта для народнаго хозяйства? Иначе—какую цѣнность имѣютъ для него въ каждый данный моментъ тѣ или другія транспортныя операціи? Масштабомъ для опредѣленія этой цѣнности могутъ быть приняты: собственная издержка транспортныхъ предпріятій, разницы цѣнъ на перевозимые грузы въ пунктахъ отправленія и назначенія, стоимость самихъ перевозимыхъ грузовъ, спросъ и предложеніе транспортныхъ услугъ, наконецъ—платежная способность грузовъ.

Разобравъ значеніе cadaго изъ этихъ масштабовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что общіе интересы народнаго хозяйства, требуя вообще наилучшаго использованія транспортныхъ силъ и средствъ желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ, чтобы перевозились именно тѣ грузы и въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя даютъ наибольшія выгоды для народнаго хозяйства при наименьшихъ издержкахъ и наибольшемъ доходѣ для самихъ желѣзныхъ дорогъ. И потому задача управленія желѣзно-дорожными тарифами сводится, по мнѣнію г. Загорскаго, къ назначенію такихъ провозныхъ платъ, которыя наиболѣе способствовали бы развитію перевозокъ въ указанномъ направленіи.

Означенные общіе интересы народнаго хозяйства соблюдаются наилучшимъ образомъ при установленіи тарифовъ по транспортной платежной способности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указанная сейчасъ задача управленія желѣзно-дорожными тарифами разрѣшается наиболѣе удовлетворительно. При этомъ слѣдуетъ добавить, какъ то дѣлаетъ и авторъ, что транспортная платежная способность грузовъ, будучи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ перевозки прямо пропорціональна тѣмъ выгодамъ, которыхъ отправитель рассчитываетъ достигнуть съ помощью этой перевозки, не стоитъ ни въ какомъ непосредственномъ отношеніи ни съ платежными силами населенія, ни съ чистою доходностью отдѣльныхъ предпріятій. Поэтому и система тарифовъ, основанная на транспортной платежной способности перевозимыхъ грузовъ,—полагаетъ г. Загорскій,—не можетъ служить пригоднымъ орудіемъ для разрѣшенія тѣхъ или иныхъ задачъ финансовой или соціальной политики. Эти обѣ отрасли государственной политики располагаютъ своими специальными средствами

для воздѣйствія на народную жизнь, болѣе приспособленными, а потому и болѣе дѣйствительными для достиженія соотвѣтственныхъ задачъ, чѣмъ желѣзно-дорожные тарифы. Система тарификаціи по цѣнности транспортныхъ услугъ, опредѣляемой по соображенію со всею совокупностью условій производства, торговли и потребленія страны, имѣетъ свое историческое и культурное призваніе, дающее ей, по мнѣнію автора, полное оправданіе съ точки зрѣнія общихъ интересовъ.

Ж. Ж.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1902.

Программы французскихъ политическихъ партій. — Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзѣ. — Пренія о законахъ для охраны рабочихъ. — Реформа французской средней школы. — Попытка голландскаго посредничества въ бурской войнѣ. — Англо-японскій союзъ. — Китайскія дѣла.

Политическія партіи во Франціи давно уже начали дѣятельно готовиться къ общимъ парламентскимъ выборамъ, предстоящимъ весною текущаго года. Глава кабинета, Вальдекъ-Руссо, изложилъ свою программу въ обстоятельной рѣчи, произнесенной имъ еще 12 января (нов. стиля) въ Сентъ-Этьеннѣ; въ тотъ же день предводитель умѣренныхъ оппортунистовъ, Мелинъ, старался объяснить въ Ремиремонѣ тѣ „истинно-либеральные“ принципы, во имя которыхъ онъ осуждаетъ политику правительства. Подводя итоги своей министерской дѣятельности, Вальдекъ-Руссо не безъ гордости указывалъ на достигнутые результаты, безусловно благопріятные для республики. „Нынѣшнее спокойствіе, безопасность и довѣріе, — говорилъ онъ, — представляютъ счастливый контрастъ сравнительно съ тѣми тревогами и сомнѣніями, которыя тяготѣли надъ страной три года тому назадъ“. Шумная партія, присвоившая себѣ монополію патріотизма и открыто собиравшаяся захватить власть при помощи созданнаго ею искусственнаго возбужденія, не существуетъ болѣе; вожди ея разсыяны и обречены на безсиліе. Для защиты республики соединились всѣ передовыя республиканскія группы, и это единодушіе оправдалось блестящимъ образомъ. Разнородный составъ министерства, считавшійся его недостаткомъ, оказался источникомъ его силы. Правительству удалось не только возстановить господство законности и упрочить довѣріе къ республикѣ, но и провести цѣлый рядъ положительныхъ мѣръ, имѣющихъ существенное значеніе. Изданъ законъ объ ассоціаціяхъ, положившій предѣлъ злоупотребленіямъ монашества; приняты постановленія о продолжительности рабочаго дня въ разныхъ мануфактурныхъ производствахъ, усовершенствована организація технического и профессиональнаго образованія, устроены кадры особой колоніальной арміи и т. д. „Настоящее положеніе дѣлъ, — закончилъ министр, — внушаетъ намъ надежду на дальнѣйшіе успѣхи въ будущемъ. Двадцатый вѣкъ поднялся на развалинахъ королевства, орлеанизма и имперіи, и фран-

пузская демократія съумѣетъ справиться съ пустыми народіями, съ грубыми поддѣлками патриотизма и революціи“.

Съ своей стороны, Мелинъ доказывалъ въ Ремиромонѣ, что главная опасность заключается вовсе не въ козняхъ монархистовъ и націоналистовъ, а въ союзѣ правительства съ социалистами, представитель которыхъ, Мильеранъ, состоитъ министромъ торговли. Подъ покровомъ государственнаго авторитета постепенно осуществляются будто бы пагубные социалистическіе планы Мильерана, и рабочій классъ превращается въ революціонную армію, достаточно вооруженную для борьбы противъ буржуазіи. „Красный призывъ“, которымъ Мелинъ пугаетъ французскую публику, не производитъ, впрочемъ, прежняго устрашающаго дѣйствія на умы, хотя и можетъ еще служить орудіемъ партійной агитаціи. Мелинъ желаетъ всеобщаго примиренія и успокоенія, но только на почвѣ стараго либерализма, направленнаго преимущественно къ охранѣ обеспеченныхъ классовъ населенія. На этой почвѣ онъ признаетъ себя солидарнымъ съ консервативными и клерикальными дѣятелями, защищающими неограниченную свободу экономическую и духовную, т.-е. свободу капитала и монашества. Мелинъ имѣетъ за собою вліятельные элементы французскаго общества, въ которыхъ охранительныя традиціи часто уживаются съ формальнымъ признаніемъ „великихъ принциповъ“ 1789 года.

На тѣ же принципы ссылаются и прямые враги республики, какъ, напр., бонапартисты. Въ манифестѣ принца Виктора-Наполеона, обнародованномъ въ началѣ февраля въ видѣ открытаго письма къ генералу Томассену, повторяются обычныя разсужденія о народовластіи, какъ основѣ правительственной системы Наполеона I. „Помните,—говоритъ глава бонапартизма своимъ сторонникамъ,—что вы—защитники революціи 1789 года. Наполеонъ, по его собственному выраженію, очистилъ революцію отъ грязи, но твердо сохранялъ ея принципы. Объявляя себя противниками парламентскаго управленія, вы не присоединяетесь къ доктринѣ имперіи, какъ можно было бы думать,—вы только возвращаетесь къ традиціямъ и доктринамъ 1789 года“. Въ своей profession de foi принцъ Викторъ выступаетъ рѣшительнымъ радикаломъ и республиканцемъ. „Пусть наши друзья,—заключаетъ онъ,—смотреть на себя не какъ на защитниковъ фамиліи Наполеона, а какъ на защитниковъ народа. Они должны поддерживать всякое требованіе, вносящее къ пересмотру конституціи съ цѣлью возвращенія народу его учредительныхъ правъ. Если народъ, получивъ обратно свои права, найдетъ, что мое имя можетъ способствовать величію Франціи и объединенію всѣхъ французовъ, безъ различія происхожденія, классовъ и партій,—я посвящу ему всю свою

энергію и преданность. Если же, напротивъ, онъ рѣшитъ, что кто-нибудь другой можетъ лучше меня руководить этимъ дѣломъ возрожденія, то я испрошу у страны только право вернуться въ успокоенное, объединенное и благоденствующее отечество, въ качествѣ французскаго гражданина“. Само собою разумѣется, что шансы принца Виктора на роль правителя по народному выбору — совершенно ничтожны. Можно быть увѣреннымъ, что народъ не воспользуется его предложеніемъ и не призоветъ его къ власти, тѣмъ болѣе, что объ его заслугахъ и способностяхъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно; но бонапартизмъ есть все-таки нѣчто опредѣленное, точно такъ же, какъ программы Мелина и Вальдека-Руссо. „Объединеніе всѣхъ французовъ“ подъ чьею бы то ни было единоличною властью остается лишь невиннымъ мечтаніемъ отдѣльных честолюбцевъ, и, вѣроятно, большинство населенія удовлетворится пока тѣмъ объединеніемъ передовыхъ республиканскихъ группъ, которое воплощается въ министерствѣ Вальдека-Руссо. Стремленія другихъ, менѣе значительныхъ партій настолько неясны или двусмысленны, что трудно даже формулировать ихъ съ точностью, и эти партіи едва ли окажутъ замѣтное вліяніе на общій ходъ выборовъ.

Близость избирательнаго періода чувствуется и въ преніяхъ палаты депутатовъ. Крайніе социалисты пожелали, между прочимъ, освѣжить свою популярность указаніемъ на то обстоятельство, что они вовсе не дорожатъ союзомъ съ Россією. Въ засѣданіи 3 февраля депутатъ Дежантъ, отъ имени небольшой группы единомышленниковъ, прочиталъ декларацію объ отказѣ утвердить требуемые правительствомъ дополнительные кредиты на покрытие расходовъ по случаю сентябрьскихъ франко-русскихъ празднествъ. Такъ какъ министерство своевременно не созвало палату для утвержденія этихъ расходовъ, то, по мнѣнію Дежанта, оно должно нести отвѣтственность за допущенное имъ превышеніе власти. Вальдекъ-Руссо тотчасъ же отвѣтилъ, что правительство только тогда нарушило бы свой долгъ, еслибы оно не приняло мѣръ для достойнаго приѣма царственныхъ гостей, стоящихъ во главѣ дружественной націи. Депутатъ Самбѣ напомнилъ кстати о произвольныхъ арестахъ, противныхъ республиканскимъ законамъ; но вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ призналъ, что эти аресты произведены на основаніи спеціальнаго закона объ анархистахъ и, слѣдовательно, не могутъ быть названы незаконными. „Партія социалистовъ, — заявилъ далѣе Самбѣ, — уже протестовала противъ франко-русскаго союза. Благодаря этому союзу и подъ его давленіемъ, мы должны были очистить Митилене“. Тутъ вмѣшался въ пренія министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассѣ. „Это совершенно невѣрно!“ — воскликнулъ онъ. Самбѣ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сослался на документы,

имѣющіеся въ неопубликованной еще „желтой книгѣ“. „Завѣряю честнымъ словомъ,—возразилъ Делькассэ,—что никогда, за все время франко-турецкаго конфликта, не было ни тѣни какого-либо давленія, ни тѣни совѣта или замѣчанія со стороны Россіи“. Самба стоялъ на своемъ. „Не нужно играть словами. Существуетъ депеша графа Ламедорфа къ русскому послу въ Константинополь, предназначенная для сообщенія султану и переданная въ копіи, для свѣдѣнія, нашему представителю въ Турціи. Въ этой депешѣ заранѣе указанъ точный день нашего удаленія съ острова Митилене. Когда вы опубликуете ее въ желтой книгѣ, то мы увидимъ, не представляетъ ли она явной попытки оказать на насъ давленіе“. Сверхъ того, Самба недоволенъ Россіею и ея политикою въ другихъ отношеніяхъ. „Французскія миссіи на востокъ служатъ предметомъ пререканій съ русскою дипломатіею. Русское министерство финансовъ устанавливаетъ такія мѣры, которыя приводятъ къ закрытію многихъ французскихъ промышленныхъ заведеній въ Россіи“. Делькассэ счелъ долгомъ высказать съ трибуны, что „вся Франція, черезъ посредство своихъ генеральныхъ совѣтовъ, присоединилась къ манифестаціи, явившейся новымъ подтвержденіемъ давно задуманной политики, и громко выразила свое сочувствіе къ тѣсной солидарности, соединяющей обѣ союзныя націи, въ интересахъ всеобщаго мира“. Въ заключеніе бюджетная коммиссія предложила отвергнуть резолюцію, внесенную Дежантомъ, и палата, большинствомъ 502 голосовъ противъ 46, утвердила требуемые кредиты. Инцидентъ былъ исчерпанъ послѣ весьма короткаго и неинтереснаго спора, сущность котораго мы привели здѣсь цѣликомъ. Преній собственно и не было,—не было и рѣчей. Ни одинъ изъ оппозиціонныхъ ораторовъ не коснулся принципиальной стороны союза, и правительство было избавлено отъ необходимости отвѣчать на какіе-либо щекотливые вопросы, выходящіе изъ круга обычныхъ соображеній международной дипломатіи. Оппозиція ограничилась простою ссылкой на два-три примѣра, доказывающіе будто бы неискренность или неудобство союза; но эти примѣры сами по себѣ вызвали недоумѣніе.

Какимъ образомъ русская депеша, представленная султану съ вѣдома и согласія французскаго представителя въ Константинополь, могла быть актомъ недоброжелательнаго воздѣйствія на Францію? Очевидно, этотъ шагъ былъ предпринятъ, напротивъ того, для поддержанія французскихъ требованій, чтобы побудить султана къ скорѣйшей уступчивости, и съ этою именно цѣлью было повторено увѣреніе, что Франція очиститъ Митилене тотчасъ послѣ того, какъ Турція удовлетворитъ ее сполна. Если же повторять официальное заявленіе Франціи значило въ данномъ случаѣ дѣлать ей непріятность, то отсюда пришлось бы заключить, что въ самомъ дѣлѣ фран-

цузское правительство вовсе не имѣло въ виду покинуть турецкій островъ даже послѣ исполненія всѣхъ своихъ требованій. Съ точки зрѣнія депутата Самба, Франція могла бы удержать за собою Митилене, вопреки своему собственному общанію, даже въ случаѣ благополучнаго разрѣшенія конфликта, и этому выгодному захвату помѣшала только коварно-дружеская русская депеша. Таковы понятія французскихъ парламентскихъ дѣятелей, считающихъ себя передовыми, о современномъ международномъ правѣ и о внѣшней политикѣ! Неужели возможно допустить хоть на минуту, что какаля-нибудь изъ великихъ державъ рѣшится, среди полного мира, захватить чужую территорію, особенно въ предѣлахъ Турціи, и что другія государства отнесутся къ этому виолѣнъ равнодушно? Развѣ въ турецкихъ дѣлахъ не заинтересованы другія державы, кромѣ Франціи и Россіи, и въ турецкихъ водахъ не бываетъ другихъ броненосныхъ эскадръ, кромѣ французской? Еслибы французы способны были соблазниться мыслью о такомъ захватѣ и воздержались отъ него только подъ влияніемъ русской дипломатіи,—какъ утверждаетъ Самба,—то они должны были быть крайне благодарны Россіи за истинно-дружескій совѣтъ, предохранившій Францію отъ опасныхъ осложненій на европейскомъ юго-востоцѣ. Для оцѣнки практическаго значенія русскаго союза депутатъ Самба могъ бы поставить себѣ вопросъ: имѣла ли Франція возможность добиться отъ Турціи желаннаго результата путемъ угрозъ и военно-морскихъ демонстрацій, при отсутствіи франко-русскаго союза? Всякій, кто только слѣдилъ за внѣшнею политикою Англии и Германіи, долженъ былъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Англичане несомнѣнно протестовали бы противъ крутыхъ французскихъ мѣръ и, быть можетъ, прямо заступились бы за султана, во имя принципа неприкосновенности Турціи; берлинскій кабинетъ не выступалъ бы открыто въ защиту турокъ, но за кулисами дѣйствовалъ бы за-одно съ Англіею. Зная эти традиции соперничества и недовѣрія между державами, Франція по всей вѣроятности не стала бы прибѣгать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и довольствовалась бы дипломатическими переговорами, которые, по обыкновенію, не обѣщали бы вѣрнаго успѣха. Только существованіе франко-русскаго союза позволило французамъ дѣйствовать свободно, не опасаясь вмѣшательства или протеста другихъ державъ, и, слѣдовательно, вопреки предположенію депутата Самба, союзъ былъ не помѣхою для Франціи, а напротивъ, условіемъ удачи въ затѣянномъ ею столкновеніи съ Турціею. Такимъ образомъ примѣръ, приведенный французскимъ социалистомъ, доказываетъ прямо противоположное тому, что онъ думалъ доказать. Столь же сомнительна ссылка на внутреннія финансовыя мѣры русскаго правительства, невыгодныя для французскихъ капита-

листовъ. По общему правилу международный политическій союз касается только вѣшнихъ отношеній и ни въ чемъ не стѣсняетъ участниковъ въ ихъ внутренней политикѣ, и если отъ какихъ-либо финансовыхъ мѣръ страдаютъ, на ряду съ туземцами, и иностранные предприниматели, то это не даетъ еще законнаго повода къ жалобамъ. Депутатъ Самба не говоритъ, что тѣ или другія распоряженія нашего министерства финансовъ направлены специально противъ французовъ; а въ такомъ случаѣ нельзя и обвинять Россію въ намѣренномъ нарушеніи правъ и интересовъ союзной націи. Мелочность этихъ указаній особенно поразительна со стороны представителей самой смѣлой и предприимчивой изъ французскихъ политическихъ партій. Сознательный оппортунизмъ руководить и французскими социалистами: ничего не высказывая, ни прямо, ни косвенно, противъ союза и довольствуясь голымъ отрицаніемъ его выгодности, они все-таки желали бы, чтобы имъ приписывали тонкіе намеки на скрытые мотивы недружелюбнаго отношенія къ союзникамъ. Подобное фарисейство, вѣроятно, доставляетъ нѣкоторое удовлетвореніе передовымъ дѣятелямъ современнаго французскаго общества.

Болѣе серьезный интересъ представляютъ пренія французской палаты депутатовъ по вопросамъ о продолжительности рабочаго дня въ каменноугольныхъ копяхъ и о реформѣ средняго школьнаго образованія. Не окончивъ еще разсмотрѣнія бюджета на новый годъ, палата торопилась попутно обсудить и принять проекты, давно уже ожидающіе своей очереди. Такъ называемое социальное или рабочее законодательство крайне туго подвигается впередъ во Франціи, благодаря упорному консерватизму либеральнаго общественнаго мнѣнія, солидарнаго съ промышленнымъ классомъ. Необходимые охранительные законы, существующіе въ Англіи уже въ теченіе многихъ лѣтъ и нигдѣ не возбуждающіе разногласій, кажутся еще французскимъ либераламъ опасными нововведеніями, которыя будто бы готовятъ почву для социализма. Весьма скромная мѣра, имѣющая цѣлью постепенное установленіе восьмичасоваго рабочаго дня въ каменноугольной промышленности, вызвала настойчивыя возраженія, объясняемыя лишь незнакомствомъ французовъ съ исторіею новѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. То, что высказывалось въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ въ британскомъ парламентѣ и что въ свое время было окончательно опровергнуто практикою жизни, повторялось теперь во французской палатѣ, какъ нѣчто убѣдительное и даже безспорное; сами защитники законопроекта, начиная съ его инициатора, депутата Бали, не находили ясныхъ доводовъ противъ опасеній, что законъ нанесетъ непоправимый ударъ заинтересованнымъ капиталистамъ и акціонерамъ, что производство неминуемо сократится и что,

въ концѣ концовъ, уменьшится средній заработокъ рабочихъ. Въ Англии неизбежное разореніе промышленности громко возвѣщалось всякій разъ, когда вносился въ парламентъ новый законъ въ пользу рабочихъ; но послѣ каждаго такого опыта замѣчалось, наоборотъ, усиленіе производства, усовершенствованіе техники и соотвѣтственное поднятіе уровня промышленнаго благосостоянія. Можно считать уже доказаннымъ, что улучшеніе условій труда всегда отзывается благотворно на общемъ ходѣ и результатахъ производства; а французскіе дѣятели все еще продолжаютъ спорить о промышленномъ вредѣ всякой государственной мѣры для охраны интересовъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, палата, послѣ долгихъ пререканій, одобрила проектъ, руководствуясь не только мотивами человеколюбія, но и соображеніями о предстоящихъ выборахъ. По неволѣ приходится имѣть въ виду значительную роль рабочихъ, какъ избирателей, и возрастающее активное участіе ихъ въ выборной агитаціи.

Преобразованіе средней школы также принадлежит во Франціи къ числу давно назрѣвшихъ реформъ, которыя откладывались до послѣдняго времени по разнымъ причинамъ. Частныя передѣлки и улучшения не замѣняли общаго пересмотра всей системы; впрочемъ, коренныхъ перемѣнъ не вносятъ въ эту область и новѣйшій проектъ, выработанный парламентскою комиссіею, во главѣ которой стоялъ извѣстный ораторъ, бывшій неоднократно министромъ, Рибб. Сущность реформы сводится къ тому, что древнимъ языкамъ удѣляется гораздо меньше мѣста, и вмѣстѣ усилено преподаваніе новыхъ языковъ, научно-образовательныхъ и драктически-полезныхъ предметовъ. Курсъ ученія разбивается на два періода: первый, кончающійся четвертымъ классомъ, даетъ право на самостоятельный дипломъ для юношей, стремящихся къ скорѣйшей практической или служебной дѣятельности; второй періодъ даетъ законченное образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ дорогу въ высшія спеціальныя и научныя заведенія. Къ курсу перваго періода непосредственно примыкаетъ, какъ подготовительная стадія, обученіе въ начальной школѣ. При обсужденіи этого проекта въ палатѣ, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, съ 13-го февраля, поднимались старые вопросы о классицизмѣ, и въ защиту послѣдняго наиболее рѣшительно высказывались нѣкоторые изъ крайнихъ радикаловъ и социалистовъ. „Съ республиканской точки зрѣнія,—говорилъ, напр., депутатъ Леврѣ,—слѣдуетъ сохранить преобладаніе латинскаго и греческаго языковъ. Литература грековъ и римлянъ проникнута духомъ языческой морали, которая заслуживаетъ предпочтенія предъ моралью католическою“. Въ томъ же смыслѣ заступался за древніе языки краснорѣчивый социалистъ Вивіани. Но споръ имѣлъ лишь теоретическое значеніе, такъ какъ никто не отрицалъ традиціонной важности

классицизма для Франціи; дѣло шло только о примѣненіи учебной системы къ насущнымъ образовательнымъ потребностямъ современнаго французскаго большинства, для котораго житейскіе интересы стоятъ впереди отвлеченныхъ. Если изученіе классиковъ полезно или необходимо для высшей умственной культуры, то еще болѣе полезно и необходимо знакомство съ основами естественныхъ наукъ, знаніе важнѣйшихъ изъ живыхъ языковъ, приобрѣтеніе разныхъ практическихъ свѣдѣній, безъ которыхъ нельзя быть сознательнымъ гражданиномъ, участникомъ общественной жизни своей страны. Въ этомъ пониманіи задачи средней школы сходились представители различныхъ направленій, и, въ общемъ, проектъ не возбудилъ большихъ разногласій въ палатѣ. Осуществленіе учебной реформы останется однимъ изъ крупныхъ дѣлъ нынѣшняго французскаго правительства и парламента. .

Истребительная война въ южной Африкѣ сдѣлалась уже какимъ-то хроническимъ зломъ, которому не предвидится конца. Бѣдствія и ужасы этого долгаго, безнадежнаго кровопролитія особенно волновали и волнуютъ родственныхъ бурямъ голландцевъ, и естественнo, что нидерландское правительство рѣшилось, наконецъ, сдѣлать скромную попытку посредничества, обратившись къ Англіи съ предложеніемъ своихъ добрыхъ услугъ для начатія переговоровъ о мирѣ. Въ дипломатической нотѣ отъ 25 января правительство Нидерландовъ представило лондонскому кабинету весьма вѣския соображенія въ пользу необходимости какой-нибудь посторонней инициативы для того, чтобы дать возможность бурямъ сдѣлать первый шагъ къ мирному соглашенію. Дѣло въ томъ, что буры совершенно отрѣзаны теперь отъ всего остальнаго міра, а делегаты ихъ въ Европѣ лишены всякихъ способовъ сношенія съ бурскими вождями; поэтому „бурскіе уполномоченные ничего предпринять не могутъ, такъ какъ они не знаютъ положенія дѣлъ въ Африкѣ, а буры, дѣйствующіе на войнѣ, вынуждены воздержаться отъ какаго-либо рѣшенія, такъ какъ они не знаютъ положенія ихъ дѣлъ въ Европѣ“. Притомъ делегаты, остающіеся въ Европѣ, связаны полномочіями, данными имъ еще въ мартѣ 1900 года; въ силу этихъ полномочій они должны твердо стоять за независимость обѣихъ республикъ, такъ что они не имѣли бы даже права согласиться на восстановленіе порядка вещей, существовавшаго до войны. При такихъ условіяхъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи о возбужденіи мирныхъ переговоровъ со стороны буровъ. Съ цѣлью устранить эти неудобства нидерландское правительство предлагаетъ довольно сложную процедуру: бурскіе уполномоченные, съ разрѣше-

ніа Англіи, отправятся на театр войны для совѣщанія съ мѣстными вождями, получать новыя полномочія и затѣмъ вступать въ сношенія съ британскими представителями, назначенными для переговоровъ. Фактическія указанія, изложенныя въ нидерландскомъ документѣ, давали матеріалъ для выводовъ другого рода. Если бурскіе делегаты не имѣютъ другихъ полномочій, кромѣ данныхъ имъ два года тому назадъ, то въ виду совершившихся съ тѣхъ поръ событій слѣдуетъ заключить, что они перестали быть уполномоченными представителями буровъ; если же они считали бы нужнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи имъ проѣзда на театр войны для свиданій съ бурскими генералами, то они могли бы непосредственно обратиться къ Англіи съ этой просьбою, безъ участія Нидерландовъ. Въ своемъ официальномъ отвѣтѣ, отъ 29 января, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Лансдоунъ, отдавая справедливость гуманнымъ побужденіямъ нидерландскаго правительства, напоминаетъ прежде всего, что лондонскій кабинетъ, вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій со стороны буровъ, формально заявилъ о своемъ рѣшеніи не допускать вмѣшательства какой-либо иностранной державы въ южно-африканскую войну. Что касается самаго проекта, предложеннаго Нидерландами, то онъ не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, и осуществленіе его потребовало бы слишкомъ много времени. По мнѣнію британскаго правительства, нѣтъ основанія предполагать, что бурскіе делегаты сохраняютъ какое-либо вліяніе на представителей буровъ въ южной Африкѣ или имѣютъ какой-либо голосъ въ ихъ совѣтахъ. Съ своей стороны, лондонскій кабинетъ находитъ, что въ настоящее время всѣ правительственныя полномочія, включая и право на веденіе переговоровъ, сосредоточиваются въ рукахъ Штейна для буровъ Оранжевой колоніи и Шалькъ-Бургера—для буровъ Трансваала. „Если это такъ, то очевидно, что лучшимъ и удобнѣйшимъ средствомъ для подготовленія какой-либо сдѣлки было бы прямое сношеніе между вождями бурскихъ силъ и мѣстнымъ британскимъ главнокомандующимъ, которому поручено уже немедленно представлять на разсмотрѣніе правительства тѣ предложенія, какія могутъ быть обращены къ нему со стороны буровъ. Если бурскіе вожди желали бы вступить въ переговоры съ цѣлью положить конецъ войнѣ, то эти переговоры должны происходить не въ Европѣ, а въ южной Африкѣ“.

Такимъ образомъ, категорически отклоняя нидерландское посредничество, лондонскій кабинетъ въ то же время указываетъ путь къ непосредственному полюбовному соглашенію и косвенно выражаетъ желаніе скорѣйшаго заключенія мира. Предводителямъ бурскихъ войскъ дается ясно понять, что отъ нихъ съ нетерпѣніемъ ждутъ перваго

шага и что всякое мирное предложеніе ихъ будетъ принято съ живѣйшимъ вниманіемъ. Но дѣйствительные шансы на миръ несомнѣнно ухудшились съ передачею дѣла въ руки мѣстныхъ южно-африканскихъ властей. Высшій представитель англійской короны въ южной Африкѣ—губернаторъ Капской колоніи и территорій двухъ бывшихъ республикъ, лордъ Мильнеръ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ бурмамъ британскихъ дѣятелей. Мильнеръ, въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ, зависитъ всецѣло отъ человѣка, еще болѣе ненавистнаго бурмамъ—министра колоній Чемберлена. Можно еще допустить, что бурскіе вожди готовы были бы вести мирные переговоры съ безразличными для нихъ дипломатами Англии; но разсчитывать на добровольное подчиненіе ихъ лорду Мильнеру и Чемберлену—почти немислимо. Тотъ путь, который британское правительство называетъ самымъ краткимъ и цѣлесообразнымъ, оказывается на дѣлѣ наименѣе доступнымъ и едва ли не совершенно закрытымъ для буровъ,—и желанное для англичанъ окончаніе войны еще болѣе отодвигается въ область будущаго. Послѣ обнародованія этого рѣшенія Англии, духъ непримиримости вновь укрѣпился среди буровъ, и смѣлые набѣги отрядовъ Девета и Деларея на британскіе батальоны и обозы повторяются чаще прежняго. Британскіе министры думали ускорить и облегчить мирную развязку, а вмѣсто того заградили къ ней дорогу. Достиженіе подобнаго результата, конечно, не входило въ намѣренія лондонскаго кабинета, и такого рода неожиданности вызываютъ сочувствіе только въ лагерѣ воинственныхъ патріотовъ, нашедшихъ своего героя въ Чемберленѣ.

Не отличаясь фактическими удачами своей политики, англійская дипломатія часто заставляетъ говорить о себѣ благодаря эффектнымъ закулиснымъ комбинаціямъ, дающимъ обильную пищу для всевозможныхъ толковъ и догадокъ. Эта слабость къ таинственнымъ планамъ и эффектамъ унаслѣдована лордомъ Сольсбери отъ Биконсфильда, который въ свою очередь былъ ученикомъ и подражателемъ лорда Пальмерстона. Недавно британское правительство удивило міръ опубликованіемъ союзаго договора съ Японією, подписаннаго въ Лондонѣ 30-го января. Текстъ договора содержитъ въ себѣ маленькое вступленіе и шесть статей. Обѣ державы заключили между собою настоящій активный союзъ,—повидимому оборонительный, но въ сущности также наступательный,—во имя „сохраненія status quo и общаго мира на дальнемъ востоѣ“, и въ частности изъ желанія „поддержать независимость и территоріальную неприкосновенность имперій китайской и корейской, и обезпечить въ этихъ странахъ равныя условія для торговли и промышленности всѣхъ націй“. Англія и Японія совмѣстно

заявляютъ, что имъ совершенно чужды какіе-либо агрессивные замыслы относительно Китая и Кореи; но каждая изъ нихъ, имѣя свои спеціальныя интересы въ этихъ странахъ, а именно Англія—преимущественно въ Китаѣ, а Японія, сверхъ того и особенно—въ Корей, предоставляютъ себѣ право охранять свои интересы надлежащими мѣрами и дѣйствовать по усмотрѣнію, въ зависимости отъ обстоятельствъ, для защиты отъ посягательствъ какой-либо посторонней державы и для оказанія покровительства своимъ подданнымъ въ случаѣ возникновенія беспорядковъ въ той или другой изъ названныхъ странъ. „Если Великобританія или Японія, при защитѣ своихъ соответственныхъ интересовъ, будетъ вовлечена въ войну съ какою-либо державою, то другая участвующая въ договорѣ сторона должна соблюдать строгій нейтралитетъ и употреблять свои усилія для предупрежденія враждебнаго вмѣшательства постороннихъ державъ противъ союзной страны. Если въ этомъ случаѣ посторонняя держава присоединится къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ союзника, то другая договаривающаяся сторона придетъ ему на помощь и будетъ совместно съ нимъ вести войну, и заключить миръ по взаимному съ нимъ согласію. Ни одна изъ сторонъ не можетъ, безъ вѣдома другой, входить въ отдѣльныя соглашенія съ посторонними державами въ ущербъ описаннымъ выше интересамъ. Когда эти интересы, по мнѣнію Великобританіи или Японіи, будутъ подвергаться какой-либо опасности, то оба правительства тотчасъ же вступаютъ между собою въ сношеніе съ полною откровенностью“. Договоръ сохраняетъ свою силу въ теченіе пяти лѣтъ.

Этотъ международный актъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Передовая держава далекаго азиатскаго востока, Японія, впервые соединяется здѣсь, на равныхъ правахъ, съ передовою культурною націею европейскаго запада;—это великій успѣхъ для имперіи, сравнительно недавно еще находившейся въ состояніи нынѣшняго Китая. Сдѣлаться постоянною и вполне равноправною союзницею Англіи для преслѣдованія общихъ съ нею цѣлей во внѣшней политикѣ—было въ высшей степени важно для Японіи, независимо отъ практическаго значенія и послѣдствій союза. Съ другой стороны, Англія впервые за многіе годы отрывается отъ неограниченной свободы дѣйствій и беретъ на себя щекотливыя и тягостныя обязательства союзницы чужого государства въ весьма обширной области интересовъ на дальнемъ востоцѣ. И это отреченіе отъ давнишней, восхваляемой англичанами „блестящей изолированности“ дѣлается въ пользу новой азиатской имперіи, едва только вышедшей изъ періода тьмы и застоя.

Для чего собственно Англія заключила этотъ союзъ и какія выгоды

думаетъ изъ него извлечь—догадаться трудно. Неприкосновенности Китая угрожали въ былое время прежде всего англичане и японцы, успѣвшіе уже завладѣть разными прибрежными пунктами и островами Небесной имперіи. Неприкосновенности Кореи грозили только Китай и Японія, между которыми возникла даже война изъ-за обладанія корейскимъ полуостровомъ. Такъ какъ теперь ни одна держава не собиралась напасть на Китай или Корею, то не было собственно и повода къ союзу для защиты этихъ странъ отъ нападений. Едва-ли правдоподобны также предусматриваемые договоромъ случаи совмѣстной войны двухъ или трехъ державъ противъ Японіи или Англии изъ-за спорныхъ дѣлъ дальняго востока. Союзъ является какъ бы безпредметнымъ, если въ немъ не скрываются положительныя и активныя цѣли, достиженіе которыхъ возможно только въ мирное время, путемъ совмѣстнаго дипломатическаго воздѣйствія. По своему общему характеру нынѣшній англо-японскій трактатъ напоминаетъ знаменитую англо-германскую конвенцію 1900 года, также обезпечивавшую неприкосновенность Китая и съ тѣхъ поръ основательно забытую, послѣ недолгаго шумнаго обсужденія ея въ печати и въ парламентахъ.

Въ Китаѣ постепенно восстанавливается прежній нормальный порядокъ, о сохраненіи котораго усердно заботятся многочисленныя мандарины, уцѣлѣвшіе отъ недавняго разгрома. Основныя начала китайскаго строя ни въ чемъ не измѣнились, и туземные патриоты вѣроятно находятъ въ этомъ великое для себя утѣшеніе. Дворъ престарѣлой правительницы и ея племянника богдыхана вернулся еще въ началѣ января въ Пекинъ въ сопровожденіи блестящей толпы китайскихъ сановниковъ и царедворцевъ. По описанію англійскихъ корреспондентовъ, съ обѣихъ сторонъ дороги, на пространствѣ пяти миль, стояли на колѣняхъ въ два ряда китайскіе солдаты, а за ними, въ такомъ же положеніи, обыватели. Путешествіе двора представляло большія затрудненія по части продовольствія; въ одномъ мѣстѣ высланные впередъ скороходы поѣли всѣ запасы, приготовленные для богдыхана, и когда обнаружилось это печальное обстоятельство, то интендантскіе чиновники поспѣшили окончить свою жизнь самоубійствомъ. Въ другомъ мѣстѣ служебный персоналъ богдыханской кухни, не будучи въ состояніи приготовить пищу въ требуемомъ количествѣ, исчезъ въ полномъ составѣ, забравъ съ собою все, что можно было захватить. Подобные эпизоды никого не удивляютъ въ Китаѣ и кажутся только смѣшными случайностями; коренныя неурядицы и злоупотребленія не останавливаютъ на себѣ вниманія китайскихъ государственныхъ людей. Въ

то же время усиленно преслѣдуются и истребляются сторонники преобразованій; такъ, еще недавно арестованъ нѣкій мандаринъ, прибывшій на британскомъ пароходѣ въ Кантонъ и заподозрѣнный въ принадлежности къ „партіи реформы“. Ожидаютъ, что онъ будетъ казненъ за свое преступное желаніе видѣть Китай обновленнымъ подобно Японіи. Китайскіе правители остаются довольными собою, своими учрежденіями и порядками, и Китай не обнаруживаетъ способности и рѣшимости идти по стопамъ своей блестящей островной сосѣдки.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ ПРЕНІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Письмо въ Редакцію.

Такъ-называемыя въ Лондонѣ „settlements“—общества—не разъ уже описывались въ нашей печати, и потому мы вовсе не имѣемъ въ виду писать исторію того или другого такого общества или общій обзоръ ихъ организаціи, задачъ и результатовъ дѣятельности. Мы провели въ Лондонѣ 1900—1901 академическій годъ безъ всякаго намѣренія изучать тамошнюю просвѣтительную филантропію, и узнали о сосѣднѣмъ „обществѣ“ совершенно случайно. Бродя въ одинъ изъ томительныхъ ноябрьскихъ вечеровъ по грязнымъ и бѣднымъ улицамъ, къ востоку отъ скучныхъ городскихъ скверовъ, окружающихъ Британскій Музей, мы наткнулись на ярко освѣщенный большой домъ необычной, но некрасивой архитектуры. Изъ афишъ на дверяхъ и рѣшоткѣ мы узнали, что это—„Passmore Edwards settlement“, и что оно открыто почти каждый вечеръ. Первый понедѣльный вечеръ, который мы провели тамъ, оказался интереснымъ, и мы стали ходить туда, тѣмъ болѣе, что нашъ пансіонъ былъ въ двухъ шагахъ отъ этой красной кирпичной постройки, удивительно похожей на фабричный корпусъ.

Русскіе читатели знаютъ, что университетскія „settlements“ для осуществленія своихъ педагогическихъ цѣлей прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ. Въ „Passmore Edwards settlement“ читаются связные курсы лекцій по разнымъ дисциплинамъ и отдѣльныя лекціи по тому или другому литературному или общественному вопросу. Открыты самые разнообразные классы иностранныхъ языковъ, гимнастики, кулинарнаго искусства, хорового пѣнія. Лица, получившія тамъ нѣкоторую подготовку, могутъ сдѣлаться членами одного изъ клубовъ: въ „Passmore Edwards“ есть клубъ шекспировскій и клубъ ботаническій. Одинъ разъ въ недѣлю бѣдный людъ можетъ пользоваться даровымъ юридическимъ совѣтомъ (Poor man's lawyer); другой разъ могутъ приходить всѣ лица, которыя читаютъ газету, испрашивать объясненія непонятныхъ вещей (Newspaper's class). Тамъ по праздникамъ и подъ праздники читаются отрывки изъ англійскихъ классиковъ, происходятъ драматическія представленія и даются концерты, хоровые, оркестровые, камерные. Разъ въ двѣ недѣли, по понедѣльникамъ, бываютъ такъ-называемыя „smoking debates“. За все

то время, въ теченіе котораго мы могли посѣщать этотъ клубъ, тамъ былъ только одинъ митингъ, передъ выборами въ „London School Board“.

Когда путешествующіе иностранцы осматриваютъ достойныя вниманія учрежденія и, по возвращеніи на родину, пишутъ о нихъ отчеты, статьи или даже толстыя книги, то, при всемъ своемъ интересѣ, подобныя работы вызываютъ рядъ сомнѣній. Не принимаются ли цѣли учрежденія за результаты его дѣятельности; случайныя или исключительныя условія—за повседневную обстановку; отзывы и выводы руководителей учрежденія—за впечатлѣнія просвѣщаемой публики?

Мы можемъ говорить о немногихъ сторонахъ дѣятельности общества Пасмора Эдуардса. Мы были тамъ только на многихъ понедѣльныхныхъ дебатахъ, на нѣсколькихъ лекціяхъ и на немногихъ концертахъ. Но зато мы сидѣли въ аудиторіи и въ занимательные, и въ скучные вечера, слушали тамъ и крупныхъ, и среднихъ, и совсѣмъ маленькихъ людей. А главное, мы находились въ положеніи просвѣщаемого, а не просвѣтителя. Вмѣстѣ съ другими пестрыми посѣтителями, мы шли въ эту, похожую на сарай, залу только потому, что чувствовали себя тамъ лучше, чѣмъ дома. Не предаваясь ни излишнимъ восторгамъ, ни раздражительной критикѣ, мы просто смотрѣли и слушали, какъ это дѣлали сидѣвшіе вокругъ насъ англичане. Мы будемъ говорить только о „преніяхъ для курящихъ“. Наши впечатлѣнія обнимаютъ собой полгода и довольно близки къ впечатлѣніямъ средняго образованнаго англичанина...

Въ англійскихъ университетскихъ колледжахъ есть „debating societies“. Студенты обсуждаютъ тамъ вопросы университетскіе, литературные, научные, эстетическіе. Люди, чувствующіе наклонность къ общественной и политической дѣятельности, съ большимъ жаромъ спорятъ о всемъ, что есть спорнаго въ текущей внутренней политикѣ. Иногда устраивается настоящая палата общинъ, со спикеромъ и лидерами, съ „Treasury Bench“ и „Front Bench“, со всею техникою парламентской процедуры, съ радикальнымъ проходомъ въ лѣвомъ углу, только безъ ирландскихъ скамеекъ позади: ирландская психологія мало доступна даже самому образованному англичанину.

Когда въ Оксфордѣ и Кембриджѣ устраивались такія общества, въ нихъ были перенесены привычныя тамъ „дебаты для курящихъ“ (smoking debates). Но они должны были нѣсколько видоизмѣниться для новой среды. Такъ, „Passmore Edwards settlement“, по принципу, рѣшительно отвергаетъ связь съ какою бы то ни было политической партіей и открываетъ свои двери для людей всѣхъ на-

правлений. Руководители общества стараются предлагать для обсуждения не чисто-политическія, а социальныя и экономическія темы, которыя, въ тому же, для рабочаго люда много понятнѣе и ближе текущей политики. Сказать правду, попытка совершенно отстранить щекотливые вопросы дня плохо удается руководителямъ преній: политика поминутно вторгается въ дебаты, и предсѣдатель нерѣдко проводитъ искусственную, и потому мало справедливую границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ.

Люди съ ограниченнымъ достаткомъ не могутъ и не хотятъ правильно посѣщать понедѣльничныя собранія и дѣлать опредѣленные денежные взносы. Поэтому вмѣсто „общества дебатовъ“ устраивается рядъ отдѣльныхъ собраній для обсуждения того или другого вопроса. Каждый, кто хочетъ, можетъ придти въ аудиторію и принять участіе въ преніяхъ. Если, вслѣдствіе этого, между отдѣльными вечерами нѣтъ большой связи, то, съ другой стороны, полная свобода доступа дѣлаетъ очень пестрымъ, и потому интереснымъ, составъ участниковъ преній.

Собранія происходятъ въ главной аудиторіи, очень большой и особенно красивой. Архитекторъ постарался приспособить ее одновременно для лекцій, концертовъ и спектаклей. Внутреннее убранство просто и бѣдно до крайности, или, вѣрнѣе, его нѣтъ. Дощатый некрашенный полъ, стѣны, выкрашенныя въ грубый красный цвѣтъ внизу, и выбѣленные наверху, потолокъ пирамидальный и частью стеклянный, потому что свѣтъ падаетъ сверху. Комната уставлена стульями, самыми простыми и очень маленькими. Приблизительно четверть залы отведена подъ самую простую дощатую эстраду. Эстраду можно задернуть очень некрасивой красною занавѣской. Такая же занавѣска есть среди залы; когда бываетъ мало народу, занавѣску задерживаютъ, чтобы въ аудиторіи не казалось слишкомъ пусто. Мы должны прибавить, что по понедѣльникамъ занавѣску постоянно приходилось задерживать; на праздничныхъ концертахъ аудиторія бываетъ полна. Нигдѣ никакихъ украшеній. Все помѣщеніе есть только прямоугольная призма о четырехъ гравяхъ, на которую поставили такую же пирамиду. Точно фабричный корпусъ или деревенскій сарай случайно приспособили подъ любительскій спектакль.

Обстановка преній есть обычная обстановка англійскаго митинга. Тема, дня за два, вывѣшивается на дверяхъ общества, съ указаніемъ дня, часа и лица, открывающаго пренія. Курить разрѣшено, но, къ счастью, этимъ позволеніемъ почти никто не пользуется. Предсѣдательское мѣсто (chair) занимаетъ или руководитель (warden), или секретарь общества. Предсѣдатель очень коротко указываетъ на важность предмета и представляетъ аудиторіи докладчика, который от-

крываетъ пренія (opener) и защищаетъ (to move) известный тезисъ или резолюцію, какъ говорятъ англичане. Конечно, въ этой роли выступаютъ лица болѣе или менѣе компетентныя. Затѣмъ, всѣ присутствующіе могутъ предлагать вопросы (questions), и opener отвѣчаетъ на нихъ. Послѣ вопросовъ, открываются пренія. Резолюцію поддерживаютъ (to second) или опровергаютъ (to oppose). Около одиннадцати или раньше (пренія начинаются въ половинѣ девятого) председатель заявляетъ, что уже очень поздно, и либо пускаетъ резолюцію на голоса, либо просто предлагаетъ благодарить перваго оратора.

12 ноября.—Питейная реформа. Докладчикъ—секретарь общества, изъ Оксфорда, молодой человекъ, немного сухой и педантичный. Очень ясно и дѣльно, но, быть можетъ, слишкомъ технически и въ связи съ общими социальными условіями, онъ изложилъ данныя о размѣрахъ потребленія вина и существо различныхъ системъ борьбы съ пьянствомъ, и подробнѣе остановился на трудностяхъ разрѣшенія питейнаго вопроса въ англійской средѣ. Возставая противъ крупной и быстрой ломки, онъ высказался за медленную и осторожную муниципализацію питейной торговли, съ выплатою кабатчикамъ справедливаго вознагражденія.

Народу набралось много, и вопросъ, очевидно, затронулъ за живое, потому что многіе принимали участіе въ обсужденіи. Намъ съ перваго же вечера бросилось въ глаза, что ораторы общества принадлежатъ къ ярму группамъ.

Люди среднихъ классовъ, студенты или только-что кончившіе университетъ, доктора, священники и просто мѣстные зажиточные обыватели съ общественной „жилкой“, иногда заходятъ въ общество и блистаютъ своими познаніями или ораторскими талантами. Въ этотъ вечеръ такихъ было двое. Одинъ былъ священникъ и teatotalter, видный дѣятель движенія въ пользу трезвости (temperance movement). Онъ съ большою убѣдительностью и съ еще болѣе жаромъ доказывалъ, что все зло—отъ пьянства, и что алкоголь даже въ незначительныхъ дозахъ ведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Но сейчасъ же послѣ него какой-то докторъ-скептикъ, къ большому удовольствію аудиторіи, напомнилъ, что въ умѣренномъ количествѣ крѣпкіе напитки скорѣе полезны, и что на свѣтѣ есть пороки не меньшіе, чѣмъ пьянство, отъ которыхъ не свободны даже очень трезвые люди и народы.

Тѣ рабочіе, которые не только посѣщаютъ эти поведѣльники, но и говорятъ во время преній, бываютъ двухъ родовъ. Одни изъ нихъ—прирожденные ораторы и вожди массъ. Аудиторія общества для нихъ то же, что студенческія „debating societies“ для будущихъ директоровъ компаній и членовъ парламента, — та школа, въ которой вырабатываются будущіе секретари рабочихъ союзовъ и политическіе агитаторы.

Когда подобный ораторъ страдаетъ многословіемъ и спутанностью мысли, его слушать даже труднѣе, чѣмъ много болтуна, прошедшаго черезъ строгую школу: въ скучномъ потокѣ такой недисциплинированной рѣчи почти невозможно уловить связующую нить мысли. На дебаты иногда приходилъ одинъ подобный говорунъ,—длинный, вѣжливый, старательно одѣтый и очень довольный собой. Онъ и въ этотъ вечеръ говорилъ что-то пространное и неудобопонятное. Но если, въ придачу къ хорошо подвѣшенному языку, прирожденный ораторъ обладаетъ темпераментомъ и крѣпкою головою, онъ часто бываетъ привлекательнѣе даровитаго оратора изъ среднихъ и высшихъ классовъ. Его рѣчь льется свободной и непрерывной волной, сильная и оригинальная, полная сознанія своей нравственной правоты, свободная отъ школьныхъ условностей и стереотипныхъ оборотовъ. За это можно простить частую въ такихъ людяхъ нетерпимость чувствъ и узкость или даже бѣдность міровоззрѣнія, по своему, впрочемъ, послѣдовательнаго и законченнаго.

Мы встрѣчали въ аудиторіи двухъ выдающихся представителей этого типа. Одинъ, говорившій о питейной реформѣ,—пламенный социалистъ, короткій и невзрачный, еще очень молодой, одѣтъ бѣдно и даже не совсѣмъ опрятно. Въ націонализаціи средствъ производства онъ видитъ средство противъ всѣхъ общественныхъ золъ, въ котораго нѣтъ спасенія. Но онъ умѣетъ слушать противниковъ и обладаетъ большими полемическими способностями. Онъ очень ловко открываетъ большое мѣсто противника и часто доходитъ до существа вопроса. Въ его голосѣ больше силы и рѣшительности, чѣмъ чувства и увлеченія; преобладающій тонъ его рѣчи—злая, иногда жесткая насмѣшка; къ не-социалистамъ онъ относится съ явнымъ пренебреженіемъ. Другой талантливый ораторъ—совершенно иного склада. Онъ—пожилой, но еще молодежавый и красивый. Гибкій и мягкій голосъ свободно передаетъ оттѣнки чувствъ и настроеній. Этотъ рабочій, для англичанина необычно живой и впечатлительный, быстро переходитъ къ жестамъ, иногда нѣсколько рискованнымъ. Логикѣ и способности понимать другихъ—много меньше, чѣмъ у социалиста, но зато—больше темперамента и добродушія, и есть эстетическая жилка. Онъ тоже дѣлитъ людей на рабочихъ и нерабочихъ, но у него вовсе нѣтъ доктринерства; по своимъ воззрѣніямъ онъ близокъ къ радикаламъ, и у него, быть можетъ, есть хотя легкія анархическія тенденціи. Въ этотъ вечеръ оказалось, что онъ—teatotaller, но онъ обличаетъ больше социальныя и политическія послѣдствія пьянства, тираннію пивоваровъ и кабатчиковъ.

Заурядные рабочіе нерѣдко такъ же интересны, какъ ихъ даровитые товарищи. Они не произносятъ рѣчей, и говорятъ коротко, иногда

неуклюже. За то у нихъ еще сильнѣе чувствуется непосредственная связь съ жизнью и порою наблюдаются причудливыя сочетанія чувствъ и идей. Въ этотъ вечеръ двое рабочихъ спорили о томъ, гдѣ больше пьютъ, въ Лондонѣ или на сѣверѣ. Колоритнымъ языкомъ и съ патриотическимъ чувствомъ каждый старался выгородить свою родину и обличить чужое мѣсто. Передъ присутствующими встала живая и грустная картина субботнихъ и воскресныхъ вечеровъ въ рабочихъ кварталахъ Лондона и какого-нибудь Ньюкэстля.

26 ноября.—Тема: принудительное посредничество при столкновѣніяхъ между рабочими и предпринимателями. Народу набралось довольно много, и предметъ возбудилъ значительный интересъ. Самый младшій изъ руководителей поселенія, еще совершенно юный, также изъ Оксфорда, проговорилъ посредственный и скучный докладъ о новозеландскомъ опытѣ принудительнаго посредничества. Онъ говорилъ, что стачки „locks out“ разорительны, что посредничество лучше промышленной войны, и что если принудительное посредничество удалось въ Новой Зеландіи, то оно можетъ удался и въ Англии. Это было простое описаніе одного изъ многихъ интересныхъ опытовъ австралійской демократіи. Докладчикъ не сказалъ ни одного слова о крайнемъ своеобразіи политическихъ, общественныхъ и хозяйственныхъ условій Австраліи и о крайнемъ многообразіи причинъ, вызывающихъ промышленную войну на европейской почвѣ. Второстепенный принципъ обязательнаго посредничества получалъ несвойственное ему значеніе, изображался средствомъ примирить противорѣчіе классовыхъ интересовъ.

Докладъ представлялъ легкую почву для нападокъ, и возраженія не замедлили послѣдовать. Соціалистъ указывалъ на коренныя противорѣчія сложившихся общественныхъ отношеній и на полную неспособность посредниковъ устранить основной антагонизмъ классовыхъ интересовъ. Къ числу обычныхъ ораторовъ общества прибавился новый, французъ, не то рабочий, не то литераторъ; онъ необыкновенно строго относился ко всѣмъ докладчикамъ, какъ бы умно они ни говорили, постоянно заявлялъ съ большою гордостью и съ сильнымъ французскимъ акцентомъ, что онъ изучаетъ экономическіе вопросы, читаетъ Гобсона и говоритъ во имя экономическихъ законовъ. Затѣмъ, онъ въ видѣ иллюстраціи неизмѣнно переходилъ къ пространному обсужденію хозяйственныхъ послѣдствій трансваальской войны, и столь же неизмѣнно предсѣдатель останавливалъ его тутъ. Въ этотъ вечеръ онъ говорилъ, впрочемъ, дѣльно о глубокой разницѣ въ хозяйственной жизни Новой Зеландіи и Старой Англии и о невозможности пересадить колониальное учрежденіе на почвѣ метрополи. Тѣ рабочіе, которые раньше не слышали о новозеландскомъ опытѣ, были заинте-

ресованы предметомъ и предлагали детальныя вопросы о подробностяхъ организаціи. Конечно, въ ихъ теоретическихъ разсужденіяхъ были и страшныя вещи. Одинъ доказывалъ, что безъ биметаллизма нельзя помирить рабочихъ съ хозяевами.

10 декабря.—О томъ, что искусственное 'объединеніе оппозиціи вредно, и что оппозиція естественно должна дробиться на партіи. Тема была выбрана въ связи съ октябрьскими общими выборами, во время которыхъ было сказано столько словъ объ объединеніи либераловъ. Орепер — любопытный типъ, сухой и лысый старикъ, съ выразительнымъ лицомъ и слабымъ голосомъ. Въ докладѣ и преніяхъ онъ обнаружилъ большое доктринерство и діалектическія способности схоластическаго отгѣнка. Онъ выбралъ очень интересный и живой вопросъ, быть можетъ самый интересный въ текущей политической жизни Англии. Онъ трактовалъ его совершенно академически и отвлеченно, въѣ времени и пространства. Онъ говорилъ, что задача оппозиціи вовсе не въ томъ, чтобы мѣшать правительству. Правительство есть элементъ устойчивости и порядка, оппозиція—элементъ прогресса. Чѣмъ больше разнородныхъ элементовъ она заключаетъ въ себѣ, и чѣмъ свободнѣе развиваются ея различныя группы, тѣмъ это выгоднѣе для общественнаго развитія. Всѣ жизненныя, прогрессивныя движенія начинались въ небольшихъ группахъ. Поэтому нужно привѣтствовать раздоры среди либераловъ и желать, чтобы различныя фракціи оппозиціи совершенно обособились другъ отъ друга и каждая дѣлала свое дѣло. Для подкрѣпленія столь парадоксальнаго тезиса былъ подобранъ рядъ мало удачныхъ цитатъ изъ Данте, Мильтона, Берка и Милля.

Въ такой постановкѣ вопросъ оказался слишкомъ труденъ для аудиторіи, и пренія не были оживленныя. Вѣроятно, и ученый аппаратъ цитатъ охолодилъ слушателей. Нечего и говорить, что болѣе подготовленнымъ слушателямъ было бы не трудно разбить педантичнаго дона: вѣдь онъ больше игралъ отвлеченными понятіями, чѣмъ говорилъ о дѣйствительныхъ вещахъ, и кромѣ того онъ подмѣнялъ понятія,—напримѣръ, отъ общаго понятія „партіи“ быстро переходилъ къ „парламентской партіи“. Хотя всѣ принимавшіе участіе въ преніяхъ почти не касались вопроса по существу, апологія разрозненности ни у кого не встрѣтила сочувствія. Ораторы-рабочіе настаивали, что единеніе необходимо для осуществленія всякой политической программы. Читавшій Гобсона французъ упрекалъ докладчика за академическую постановку вопроса, будто бы совершенно неумѣстную въ аудиторіи для рабочихъ. Соціалистъ выразилъ полное пренебреженіе къ буржуазному парламенту, въ которомъ чѣмъ хуже идутъ дѣла, тѣмъ лучше.

14 января ¹⁾).—Націонализація земли. Вопросъ этотъ очень популяренъ въ английской рабочей средѣ, и въ аудиторіи собралось много слушателей, которые съ очевиднымъ интересомъ слѣдили за дебатами. Въ качествѣ докладчика выступилъ человѣкъ, удѣляющій вопросу о націонализаціи земли очень много времени, секретарь известной лиги Уоллеса (Land nationalization league). Онъ произнесъ интересную рѣчь, очень убѣжденнымъ, подчасъ даже страстнымъ тономъ. Онъ говорилъ о томъ, что въ мысли о націонализаціи земли нѣтъ ничего утопическаго; что существуютъ важные прецеденты, и что въ настоящую минуту ирландскіе депутаты на первомъ мѣстѣ въ своей „платформѣ“ поставили требованіе націонализаціи земли въ Ирландіи; въ ярихъ краскахъ онъ изображалъ всѣ бѣдственныя послѣдствія господства частной земельной собственности, съ устраненіемъ которой водворится всеобщее благоденствіе; въ заключеніе, онъ указывалъ практическій путь для осуществленія земельной реформы. Въ соображеніяхъ докладчика было много утопическаго, но имъ нельзя было отказать въ логической стройности и въ ясности изложенія. Пренія были оживленныя.

Безтолковый рабочій-франтъ опять говорилъ долго, гладко и невразумительно; пріето не могъ понять, соглашается онъ съ докладчикомъ, или нѣтъ. Рабочій-соціалистъ горячо и сильно говорилъ о томъ, что одной націонализаціи земли совершенно недостаточно для устраненія общественныхъ бѣдъ, но что для начала и націонализація земли была бы хороша. Всѣхъ интереснѣе была одна старушка, единственная женщина среди многочисленныхъ посѣтительницъ общества, которая при насъ принимала участіе въ дебатахъ. Очень бѣдно одѣтая, съ выразительнымъ лицомъ и горящими глазами, она обладаетъ положительнымъ ораторскимъ талантомъ. Ея міросозерпаніе очень узкое, многіе частныя взгляды ея смѣшны и старомодны. Она постоянно твердитъ одинъ и тотъ же основной мотивъ, который она повторяла и въ этотъ вечеръ. Все зло идетъ отъ людской испорченности, и единственно возможное леченіе есть нравственное воспитаніе людей. И все-таки ея рѣчь дѣйствовала на самаго предубѣжденного слушателя. Старушка обладаетъ сильнымъ темпераментомъ и художественной фантазіей. Страстная поклонница Брайта, она полна негодованія по отношенію къ очень многимъ общественнымъ классамъ и явленіямъ, и въ ея пламенной риторикѣ, въ обличеніяхъ священниковъ и лэндлордовъ было много неподдѣльнаго паюсса. Затѣмъ ея симпатіи всегда на сторонѣ неимущихъ и страдающихъ, на которыхъ она насмо-

¹⁾ Въ Англіи учебный годъ дѣлится на три триместра (Easter term, Summer term, Michaelmas term), между которыми полагается по мѣсяцу вакацій. Это распределеніе года принято и въ обществѣ.

трѣлась вдоволь въ самыхъ мрачныхъ кварталахъ Лондона. Картины горя и нищеты она умѣетъ рисовать образнымъ и живымъ языкомъ, съ глубокимъ и вѣрнымъ трагическимъ чувствомъ. Послѣднимъ говорилъ одинъ университетскій юноша, экономистъ и большой поклонникъ Маршала, котораго онъ ставитъ даже выше Милля. Несмотря на то, онъ—талантливый діалектикъ и способный ораторъ, съ юморомъ и съ яснымъ изложеніемъ. Онъ очень просто и умно показалъ, что частная земельная собственность вовсе не есть единственная причина всѣхъ золъ, и что осуществленіе націонализаціи земли сопряжено съ очень большими трудностями, а послѣ этого сейчасъ же ушелъ. Докладчикъ въ своей искусной отповѣди долженъ былъ признать, что онъ встрѣтился съ умнымъ и образованнымъ противникомъ.

28 января.—Идеальный бюджетъ. Посѣтители въ этотъ вечеръ слышали совсѣмъ не то, чего ожидали. О совершенномъ бюджетѣ, объ основныхъ цѣляхъ финансовой реформы, о связи между государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ—не было сказано ни слова. Докладчикомъ былъ юный оксфордскій бакалавръ, по своимъ политическимъ взглядамъ очень горячій и очень партійный либераль. Его рѣчь была похожа на неважную передовую статью либеральной газеты, потому что она касалась только вопросовъ настоящей минуты и только съ точки зрѣнія интересовъ либеральной партіи. Докладчикъ собственно говорилъ о предполагаемомъ бюджетѣ Гиксъ Бича (бюджетъ не былъ еще извѣстенъ тогда, и говорить о немъ было еще преждевременно) и старался показать, что онъ вовсе не соотвѣтствуетъ финансовой политикѣ Гладстона и Гаркорта. Онъ много говорилъ о войнѣ, предвѣщалъ финансовое банкротство Англіи и настаивалъ на томъ, что военные расходы нужно покрывать не займами, а новыми налогами. Онъ предлагалъ повысить подоходный налогъ, сборъ съ кабацкихъ патентовъ, пошлину на чай, и ввести новый налогъ на кошеи. О кошеяхъ и старыхъ дѣвахъ говорили всѣ очень много, и слушатель-иностранецъ имѣлъ прекрасный случай почувствовать всю тяжесть англійскаго юмора. Въ устахъ либерала поучительна была защита налога на чай, потому что этотъ налогъ главною своею тяжестью падаетъ на рабочія семьи. Юный финансистъ на словахъ сошелся въ этомъ съ тѣмъ самымъ дѣйствительнымъ финансистомъ, котораго онъ старался раскритиковать: въ бюджетѣ Гиксъ Бича на 1901 годъ налогъ на сахаръ (по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ почти однородный съ налогомъ на чай) есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ.

Несмотря на то, что предметъ былъ взятъ очень поверхностно и современно, онъ оказался выше пониманія аудиторіи, и рабочіе почти не принимали участія въ обсужденіи. Говорилъ читавшій Гобсона

французъ и на этотъ разъ совершенно справедливо упрекалъ докладчика за поверхностную постановку вопроса. Другой ораторъ изъ среднихъ классовъ сдѣлалъ вѣрныя замѣчанія о трудности добиться значительнаго увеличенія кабацкихъ сборовъ. Въ общемъ, пренія шли очень вяло, и чтобы оживить ихъ, руководители собранія приняли въ нихъ участіе. Тотъ юноша, который въ одинъ изъ предшествующихъ понедѣльниковъ говорилъ довольно неинтересно о принудительномъ посредничествѣ, на этотъ разъ очень долго, слишкомъ серьезно и потому забавно доказывалъ неудобства налога на кошель. Секретарь собранія рѣшилъ отдѣлать докладчика за то, что онъ внесъ въ свою рѣчь слишкомъ много политики, и съ большою рѣзкостью, хотя въ общемъ исполнѣ справедливо, осудилъ и общій духъ доклада, и его отдѣльныя предложенія. Отповѣдь докладчика не уступала въ рѣзкости языка. Съ континентальной точки зрѣнія нѣкоторые выраженія были прямо грубы. Между тѣмъ, два молодыхъ англичанина все время сохраняли невозмутимое хладнокровіе и, повидимому, нисколько не обидѣлись другъ на друга.

11 февраля.— Почему женская заработная плата ниже мужской? Докладчицею на этотъ разъ была женщина, miss Black, которая служила въ фабричной инспекціи и много потрудилась надъ объединеніемъ работницъ въ союзы. О послѣдней сторонѣ ея дѣятельности я услыхалъ отъ одного изъ говорившихъ въ этотъ вечеръ рабочихъ, который съ глубокимъ уваженіемъ упомянулъ объ ея благородныхъ, но не всегда успѣшныхъ усиліяхъ. Она уже среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, некрасивая, но необыкновенно симпатичная, съ умными и кроткими глазами, съ высокимъ, слабымъ и задушевымъ голосомъ, съ манерами, полными скромности и достоинства. Всего больше поражаетъ въ ней полная ясность мысли. Несмотря на глубокое сочувствіе къ судьбѣ рабочихъ и работницъ, она была совершенно чужда утопическаго духа и фальшивой сентиментальности. Съ тактомъ истиннаго ученаго она понимаетъ всю трудность и сложность социальныхъ вопросовъ и преисполнена законнаго сомнѣнія по отношенію къ прямолинейнымъ рѣшеніямъ запутанныхъ задачъ. Она привела много данныхъ о размѣрѣ мужской и женской заработной платы въ главныхъ отрасляхъ промышленности и долго говорила о томъ, какъ появленіе женскаго труда на рабочемъ рынкѣ вліяетъ на заработокъ мужчинъ и вообще на хозяйственное положеніе рабочей семьи. Она закончила сомнѣніями въ томъ, чтобы ростъ женскаго наемнаго труда благоприятно отозвался на положеніи рабочихъ, и выразила пожеланіе его сокращенія. Но она ясно понимала, что пережвны въ направленіи женскаго труда тѣсно связаны съ рядомъ другихъ, еще болѣе важныхъ пережвнъ въ общественномъ строѣ и что остановить это

движеніе нѣтъ возможности. Она указывала на разнообразныя причины низкаго размѣра женской заработной платы и не безъ основанія сводила большую часть ихъ къ особенностямъ семейнаго положенія женщины. Она заявила, что ея симпатіи принадлежать господствующей въ настоящее время формѣ семьи; но и тутъ она понимала, что въ семейномъ строѣ происходятъ глубокія и неизбежныя измѣненія. Такъ, она говорила, что среди различныхъ видовъ женской работы въ семьѣ не всѣ неизбежно индивидуальны, и что нѣкоторыя работы, напримѣръ стирка, шитье, могутъ быть замѣнены и постепенно замѣняются фабричнымъ производствомъ. Въ одномъ отношеніи былъ замѣчателенъ консерватизмъ докладчицы, да и всѣхъ говорившихъ послѣ нея. Всѣ были убѣждены, что замужнія женщины не должны работать внѣ семьи. Между тѣмъ, сама же докладчица говорила о томъ любопытномъ явленіи, что замужнія на фабрикахъ получаютъ больше, чѣмъ дѣвочки.

Народу собралось много, но только одна женщина рѣшилась говорить о женской долѣ,—та самая старушка, которая отдала свои силы нравственному перевоспитанію человѣческаго рода. На этотъ разъ она выказала себя яростной защитницей семьи. Очевидно, не понявъ вступительной рѣчи, она набросилась на докладчицу и проникновеннымъ голосомъ долго вѣщала о святости очага, о семейномъ призваніи женщины, которая вовсе не должна работать внѣ дома, объ озвѣрбніи женщины на фабрикѣ и въ мастерской. Всего неприятнѣе были рѣзкія замѣчанія ея по адресу старыхъ дѣвъ, которыя, конечно, были предназначены для посрамленія прелестной miss Black. Вслѣдъ за старушкой, тотъ же французъ порицалъ докладчицу за недостаточную глубину мысли и съ сильнымъ акцентомъ хвастался, что читалъ Гобсона. Рабочій-радикалъ съ большою горячностью бичевалъ грубость мужчинъ и находилъ причину женскихъ бѣдъ въ хищничествѣ милліонеровъ. Типичный представитель мелкой буржуазіи видѣлъ корень зла въ томъ, что дѣвушки изъ рабочихъ семей не хотятъ идти въ горничныя и кухарки, и что ихъ мѣста поэтому занимаютъ нѣмки и француженки. Послѣднимъ говорилъ секретарь собранія: онъ указалъ на нелѣпность упрековъ старушки и француза и воздалъ должное достоинствамъ дѣйствительно выдающагося доклада.

11-ю марта.—„Poor-law children“, или „state children“,—такъ въ Англии зовутся дѣти, которыя воспитываются на счетъ общественной благотворительности: круглыя сироты, дѣти, брошенные родителями, дѣти бѣдныхъ вдовъ, дѣти сидящихъ въ тюрьмѣ преступниковъ. Докладчикомъ былъ одинъ изъ членовъ ассоціаціи для попеченія о государственныхъ дѣтяхъ (State children association). Лысый, заика и очень невзрачный, вначалѣ онъ произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе. Но потомъ

оказалось, что онъ могъ говорить довольно свободно, вовсе не глупъ и даже изъ школы Итона, а потому не можетъ обойтись безъ латинскихъ пословицъ, совершенно неумѣстныхъ въ аудиторіи такого собранія. Какъ быть съ такими несчастными дѣтьми? Доселѣ практиковались четыре порядка: огромныя школы-казармы, значительно меньшія школы того же типа, семейныя домики (съ пяти-восми дѣтьми приставляется наемная мать, которая ведетъ хозяйство въ небольшомъ домикѣ), отдача въ нахлѣбники или на вскормленіе (bagracks-schools, bldck-houses, cottageshomes, boardingout). Первые два способа были изображены въ довольно темныхъ и, сказать правду, довольно вѣрныхъ краскахъ. Зато послѣдніе два были размалеваны въ ярко-розовый цвѣтъ: наемныя матери и матери чужихъ дѣтей, принимающія чужого ребенка, чтобы выгадать крохи изъ его скуднаго пособія (изъ разспросовъ оказалось, что иногда платятъ всего по 4 шиллинга въ недѣлю за ребенка) и благодаря этому свести концы съ концами въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, были изображены въ качествѣ благодѣтельница, воспитывающихъ несчастнаго ребенка въ семейной обстановкѣ сообразно его средѣ и индивидуальнымъ особенностямъ. Но тонъ докладчика портилъ музыку. Въ его рѣчи постоянно чувствовалось и прорывалось сквозь сѣтъ полуйскреннихъ добрыхъ пожеланій презрѣніе образованнаго и обезпеченнаго человѣка къ этимъ общественнымъ отбросамъ. Характерны были нѣкоторые доводы противъ громаднхъ учреждений. Въ большихъ школахъ паршивая овца портитъ все стадо. Не надо, чтобы „государственнымъ“ дѣтямъ жило слишкомъ хорошо съ внѣшней стороны, какъ это нерѣдко случается въ большихъ пріютахъ: а то порочные родители будутъ слишкомъ охотно бросать своихъ дѣтей, зная, что въ пріютѣ имъ будетъ лучше, и несчастный платательщикъ налога изъ обезпеченныхъ классовъ будетъ расплачиваться за преступное поведеніе неимущихъ.

Вторымъ выступилъ престарѣлый „стражъ бѣдныхъ“ (poor-law guardian) уайтчѣлльскаго округа, не особенно популярный въ аудиторіи. Онъ говорилъ безъ литературности „итонца“, но увѣренно, какъ трезвый и крѣпкій дѣловой человѣкъ (businessman), повидимому вышедшій изъ общественныхъ низовъ и проникнувшійся духомъ мелкой буржуазіи. Отдача дѣтей въ семейныя домики или въ нахлѣбники всего лучше, потому что она обходится всего дешевле. Бояться притѣсненій не надо: пасторы смотрятъ за всѣмъ. Изъ этихъ дѣтей мы готовимъ сельскихъ батраковъ и горничныхъ. Гораздо симпатичнѣе была защита „семейнаго“ воспитанія дѣтей въ устахъ одной барыни-филантропки. Она съ чувствомъ рассказывала, какъ холодно живетъ дѣтямъ въ большихъ школахъ и пріютахъ и какъ сильно они привязываются къ своимъ домикамъ и пріемнымъ семьямъ.

Преувеличенныя похвалы и порицанія сами собою вызывали на критику, и она не замедлила послѣдовать. Рабочій-радикаль выразилъ, разумеется, полное недовѣріе ко всему, что идетъ отъ среднихъ классовъ. Большія учрежденія лучше, потому что люди обезпеченные воспитываютъ тамъ своихъ дѣтей; семейные домики—простая уловка съ цѣлью поработить и принизить рабочихъ. Зато рабочій-соціалистъ на этотъ разъ былъ въ примирительномъ настроеніи и соглашался, что семейные домики все-таки нѣсколько лучше школъ-казармъ, но онъ рѣзко возставалъ противъ попытки расписывать въ неподобающій цвѣтъ меньшее изъ двухъ золъ. Краснорѣчивая и оригинальная старуха закончила пренія. Своимъ преподавателямъ, трагическимъ тономъ она напоминала, что вопроса объ этихъ несчастныхъ дѣтяхъ никакими благотворительными усиліями нельзя отдѣлить отъ общаго вопроса о злѣ и неправдѣ. Она приводила примѣры, совершенно выходявшіе изъ рамокъ вопроса. Она была избирательнымъ агентомъ (savvyager) передъ выборами въ совѣтъ лондонскаго графства, только-что закончившимися. Она видѣла семью съ семерыми дѣтьми и съ бюджетомъ въ 18 шиллинговъ (конечно, въ недѣлю); мужъ—опустившійся художникъ, а дѣти—кретины. Такой семейный очагъ не лучше школы-казармы. Старуха спросила у матери, почему они не просятъ о пособіи (outdoor relief). Послѣдняя отвѣтила: „Безполезно просить. Недавно одна вдова съ двумя дѣтьми просила. Ее спросили, сколько она зарабатываетъ.—Семь съ половиною шиллинговъ.—Тогда вы не имѣете права на пособіе“.

Отправляясь въ аудиторію, мы ожидали, что сегодня будетъ скучно. Но это оказался едва ли не самый поучительный понедѣльникъ. Рѣдко ощущалась вся острота соціальныхъ перегородокъ и нѣкоторое лицемеріе даже самой благожелательной филантропіи. Люди разныхъ классовъ говорили на разныхъ языкахъ, не могли и не хотѣли понимать другъ друга. По временамъ болѣзненное сознаніе людской розни и вражды становилось особенно сильно и доводило чуть не до галлюцинацій. Этотъ скромный и нерѣчивый warden, этотъ коренастый и бережливый попечитель о бѣдныхъ уайтчепльскаго округа, эта привѣтливая дама-филантропка, свѣрый итонецъ, Богъ вѣсть почему ушедшій въ дѣло призрѣнія несчастныхъ дѣтей, которыхъ въ душѣ онъ презираетъ, страстный рабочій-радикаль, саркастическій рабочій-соціалистъ, полоумная старуха,—всѣ эти обыкновенныя и знакомыя лица выросли въ своемъ размѣрѣ и приобрѣтали какъ бы символическое значеніе. По временамъ казалось, что призракъ грядущей классовой встрѣчи носится въ воздухѣ и показываетъ свою непримиримую маску недовѣрія и ненависти сквозь туманъ добрыхъ словъ и благожелательныхъ завѣреній.

25 марта.—Англійскій театръ есть учрежденіе полезное, а не вред-

ное. Докладчикомъ былъ лордъ Маунтморресъ. Онъ говорилъ вещи безцвѣтныя и общезвѣстныя; но держалъ себя очень просто. По справедливому замѣчанію его, только въ Англіи съ ея лицемѣрнымъ пуританствомъ возможенъ странный тезисъ о пользѣ театра. Но самъ докладчикъ очень односторонне понимаетъ пользу отъ театра. Онъ все время доказывалъ, что существующія въ Англіи, театральныя представленія не развращаютъ зрителей, что даже „Заза“ и „Тетя Чарль“ заключаютъ въ себѣ нравственный урокъ, и не проповѣдуютъ ничего безнравственнаго. Объ эстетической оцѣнкѣ театра страннымъ образомъ не было и рѣчи. Докладчикъ отзывался одобрительно о самыхъ слезливыхъ мелодрамахъ, о фарсахъ, даже о концертныхъ залахъ (music halls), гдѣ жонглеры и акробаты перемежаны съ вульгарнымъ патріотизмомъ улично-воинственнаго оттѣнка, съ „Солдатами королевы“ и „Проворнымъ малымъ“ (The soldiers of the queen, Thy handy man), гдѣ безусый офицеръ молниеноснымъ взглядомъ покоряетъ полъ-Африки или дюжина Томми Аткинсовъ обращаетъ въ бѣгство сотни три буровъ. Докладчикъ упоминалъ о своемъ знакомствѣ съ континентальными театрами и, слѣдовательно, имѣлъ полную возможность сравнить англійскую сцену съ тѣмъ, что дѣлается на континентѣ. Онъ былъ вполне правъ, когда настаивалъ на нравственномъ характерѣ современнаго англійскаго театра: англійская сцена даже слишкомъ добродѣтельна, если имѣть въ виду элементарныя требованія „Декалога“. Но въ Англіи театръ дорогъ, и очень значительная часть сценическихъ представленій не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ. Объ этомъ не было сказано ни слова. Въ устахъ англичанина естественно было услышать порицаніе казеннымъ и субсидированнымъ театрамъ. Но было очень странно, когда при этомъ докладчикъ ссылался на свой континентальный опытъ и завѣрялъ, что во Франціи и Германіи общественныя и государственныя театры ниже частныхъ.

Любопытно, что доступный вопросъ почти не заинтересовалъ аудиторию, и дебаты были самыя вялыя, какіе я только слышалъ. Никто не рѣшился открыто обличать безнравственность лицедѣйства. Ораторы-работчіе подняли вопросъ объ эстетическихъ задачахъ театра, совершенно забытый у докладчика. Одинъ рабочій доказывалъ, что театръ долженъ приоровляться ко вкусамъ населенія и развлекать зрителей. Можетъ быть, для кого-нибудь „Бизовень“ (это, конечно, Beethoven) и Шекспиръ выше фарса и „комической оперы“. Но что же дѣлать, если почти всѣмъ англичанамъ гораздо больше нравится „Нью-йоркская красавица“ и „Вѣсть съ Марса“! Ораторъ упрекалъ руководителей собранія за то, что они составляютъ программы своихъ концертовъ изъ скучныхъ классиковъ и забываютъ о прелестяхъ „Санъ-Тоя“ и „Мальчика-разсылнаго“. Рабочій-радикалъ обнаружилъ,

наоборотъ, болѣе высокій вкусъ, чѣмъ благородный лордъ-докладчикъ. По его мнѣнію, театръ долженъ не столько развлекать зрителей, сколько давать имъ художественное воспитаніе. Съ этой точки зрѣнія онъ рѣзко возсталъ противъ концертныхъ залъ, и послѣ насмѣшливаго описанія ихъ докладчикъ въ своемъ отвѣтѣ уже очень слабо защищалъ эти театры-балаганы.

22 *апрѣля*.—Новая дипломатія. Докладчикъ былъ очень молодой человекъ, но зато онъ привелъ съ собою, въ качествѣ друга, австралійскаго профессора Брауна. Вступленіе было довольно безцвѣтное, съ вялыми потугами на остроуміе. Смыслъ же былъ тотъ, что народъ долженъ принимать больше участія въ иностранныхъ дѣлахъ, чѣмъ это происходитъ теперь, и что въ школахъ не мѣшается учить географіи (въ начальныхъ школахъ преподается только географія Англіи). Объ исторіи докладчикъ позабылъ, и о ней напомнилъ только предсѣдатель. Трудности вопроса остались незатронутыми.

Только первый ораторъ принципиально возражалъ противъ участія народа въ иностранныхъ дѣлахъ: рабочіе ничего не понимаютъ во внѣшней политикѣ, и ее лучше оставить въ рукахъ Сольсбери и Розбери. Профессоръ справедливо указалъ, что нужно различать основныя цѣли дипломатіи и средства для достиженія цѣли, технику переговоровъ, которые по необходимости должны остаться въ рукахъ специалистовъ-дипломатовъ: народъ можетъ рѣшать лишь самыя общіе вопросы о цѣляхъ внѣшней политики. Впервые выступившій рабочій говорилъ горячо и стучалъ кулакомъ по столу передъ самымъ носомъ предсѣдателя. Лучшая дипломатія есть честность и откровенность; она не требуетъ никакой подготовки и возможна лишь тогда, когда народъ, а не хитрые дипломаты, будетъ заправлять иностранными дѣлами. Рабочій-соціалистъ обозвалъ всѣхъ дипломатовъ лгунами и находилъ, что для переговоровъ о каждомъ вопросѣ нужно посылать особыхъ выборныхъ делегатовъ съ ограниченными полномочіями, а рѣшать дѣло посредствомъ всеобщаго голосованія. Читавшій Гобсона французъ заявилъ, что старой дипломатіи теперь пришелъ конецъ, потому что газеты все разбалтываютъ. Въ общемъ засѣданіе было скучно и неумно. Предметъ оказался труденъ не только для посѣтителей, но и для руководителей.

Всѣ эти понедѣльные дебаты—лишь одинъ изъ многихъ видовъ дѣятельности общества. Чтобы проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ его просвѣтительной работѣ, вовсе не нужно придавать преувеличенное значеніе просвѣтительной и всякой иной филантропіи. Частныя благотворительныя усилія могутъ устранить

только часть, небольшую часть общественной неправды; стихійнаго зла не въ состояніи побороть и общественная благотворительность. И все-таки частная, въ особенности просвѣтительная филантропія дѣлаетъ большое дѣло даже въ матеріальномъ смыслѣ непосредственнаго устраненія страданій: нищеты, болѣзни, невѣжества. А что главное, частная филантропія свободно, безопасно и охотно производитъ разнообразныя опыты и вырабатываетъ тѣ пути, которыми впоследствии потечетъ широкая волна общественной благотворительности.

Въ концѣ концовъ, общедоступныя дебаты по общественнымъ и политическимъ вопросамъ нужно признать однимъ изъ удачныхъ просвѣтительныхъ опытовъ въ Англіи. Достоинства этихъ дебатовъ значительно важнѣе ихъ недостатковъ. Руководители собранія по большей части умѣютъ находить и интересныя темы, и компетентныхъ докладчиковъ. Всего важнѣе умѣлое и безпристрастное веденіе преній. Когда аудиторія состоитъ изъ людей самаго разнообразнаго положенія, достатка, образованія, міровоззрѣнія, то она становится особенно чувствительна къ поведенію предсѣдателя. Мы должны засвидѣтельствовать тактъ и безпристрастіе предсѣдателей, которые умѣютъ соблюдать равенство между умнымъ и глупымъ, богатымъ и бѣднымъ, ученымъ и совершенно необразованнымъ посѣтителемъ собранія.

Постоянный посѣтитель дебатовъ проникается убѣжденіемъ, что подобныя собранія неопасны въ политическомъ смыслѣ во великомъ сколько-нибудь правильно организованномъ обществѣ. Наоборотъ, они желательны съ какой угодно консервативной точки зрѣнія. Въ собраніяхъ акціонерныхъ компаній и рабочихъ союзовъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, на политическихъ митингахъ, въ клубахъ, ресторанахъ и кабачкахъ собираются люди приблизительно одного образованія и достатка. Зала этого собранія притягиваетъ несравненно болѣе пеструю аудиторію. Люди разныхъ классовъ научаются говорить другъ съ другомъ. Умѣнье понимать другъ друга не устранить, или только въ рѣдкихъ случаяхъ устранить ту рознь и вражду, которая проистекаетъ изъ столкновения противоположныхъ интересовъ. Но способность взаимнаго пониманія устраняетъ по крайней мѣрѣ ту значительную сумму зла, которая основана на общественномъ недоразумѣніи. Въ Англіи подобныя дебаты совершенно безопасны даже въ чисто полицейскомъ смыслѣ: мы ни разу не видали даже самаго незначительнаго нарушенія тишины и спокойствія, хотя мы посѣщали собраніе въ годъ трансваальской войны.

А. Савинъ.

Лондонъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903

— А. Ермоловъ. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговорахъ и примѣтахъ. I. Народный мѣсяцесловъ. Сиб. 1901.

Книга привлекаетъ сочувственное вниманіе читателя уже именемъ автора, который, вѣдая сложныя дѣла земледѣлія и государственныхъ имуществъ имперіи, нашелъ возможнымъ отдавать время досуга на этнографическое изученіе того же народнаго сельско-хозяйственнаго труда.

На вопросъ народной метеорологіи А. С. Ермоловъ обратилъ уже вниманіе въ своей рѣчи при открытіи метеорологическаго съѣзда въ Петербургѣ, въ январѣ 1900 года. Изученіе этого предмета въ особенности требуетъ общей работы, объединяющей сложныя наблюденія, и надо желать, чтобы „при такомъ объединеніи наука не забыла старшей годами, но донныѣ, къ сожалѣнію, пребывающей еще въ загонѣ, сестры—вѣковой народной мудрости, являющейся результатомъ вѣками накопленнаго, почти безсознательнаго, изъ рода въ родъ передаваемаго опыта и наблюденія, производимаго не точными физическими приборами, но повседневнымъ общеніемъ съ природой чуткаго къ ея явленіямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простаго земледѣльца-крестьянина. Не слѣдуетъ ни пренебрегать этимъ опытомъ, этими безкитроственными наблюденіями, выразившимися въ цѣломъ рядѣ народныхъ примѣтъ, пословицъ, поговорокъ, ни игнорировать этотъ запасъ элементарныхъ, но подчасъ вполнѣ вѣрныхъ проявленій народной мудрости, которыя послужили, можно сказать, колыбелью нашей настоящей науки“...

Авторъ давно уже занялся этимъ вопросомъ, и не ограничиваясь тѣмъ, что представлялъ здѣсь матеріалъ русскій, собиралъ также эту народную мудрость другихъ странъ, опытъ земледѣльцевъ въ другихъ условіяхъ климата, почвы, хозяйственной обстановки... „И сколько не-

ожиданнаго, сколько трудно даже постижимаго, при настоящемъ уровнѣ нашихъ точныхъ знаній, при этомъ открылось — сколько еще откроется въ будущемъ, при дальнѣйшей разработкѣ этого сырого, но въ высокой степени цѣннаго и въ большинствѣ случаевъ мало извѣстнаго, почти не систематизированнаго еще матеріала!“

Въ своемъ настоящемъ трудѣ авторъ предпринялъ эту систематизацію, путемъ подбора и распредѣленія матеріала.

„Собранныя въ этой книгѣ народныя пословицы, поговорки и примѣты на погоду, урожай и на разныя явленія природы, — замѣчаетъ г. Ермоловъ въ предисловіи, — расположены по временамъ года, по мѣсяцамъ и по днямъ. Въ нихъ выражаются результаты вѣковыхъ народныхъ наблюдений, главнымъ образомъ въ области сельско-хозяйственной жизни населенія, и лишь отчасти затрогиваются другія стороны его быта и домашняго обихода; кромѣ того въ нихъ находятъ себѣ отраженіе и нѣкоторые народныя повѣрья, обряды и обычаи, являющіеся отголоскомъ полузабытаго стараго времени... Тотъ богатый матеріалъ, который такъ называемая пареміологія (иначе фольклоръ — ученіе о пословицахъ) представляетъ для изслѣдователя, интересенъ и важенъ потому, что онъ, съ одной стороны, характеризуетъ народныя воззрѣнія на природу, отражаетъ понятія народа въ области нравственной, экономической, сельско-хозяйственной и бытовой, а съ другой — раскрываетъ и дѣлаетъ доступной для науки цѣлую массу такихъ мелкихъ, но повседневныхъ наблюдений близкаго къ природѣ сельскаго жителя, земледѣльца, которая и самой наукѣ можетъ послужить первоисточникомъ для зарегистрированія множества фактовъ и явленій, нерѣдко ускользающихъ отъ вниманія и наблюдательности самаго опытнаго ученаго и изслѣдователя. То, что мы разумѣемъ подъ названіемъ вѣковой народной мудрости, не есть еще, конечно, наука, но только ея зародышъ, запасъ такихъ наблюдений и опытовъ, изъ котораго наука можетъ широко черпать и къ которому она поэтому не должна относиться пренебрежительно, хотя бы тутъ на ряду съ правдою и пригнѣвивалось много заблужденій и понятій невѣрныхъ. Это уже дѣло науки разобраться во всей массѣ вѣками накопленныхъ результатовъ народной наблюдательности и воспользоваться тѣмъ, что найдется тутъ цѣннаго и вѣрнаго; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что изученіе этого обширнаго матеріала должно и наукѣ послужить полезную службу, расширивъ ея сферу и открывъ передъ нею такой богатый и неисчерпаемый еще источникъ наблюдений и опыта. Къ этому источнику, послужившему въ оныя времена колыбелью и самой наукѣ, слѣдуетъ отнести особенно внимательно именно теперь, когда наука ушла такъ далеко впередъ, чтобы постараться возстановить давно порванную связь между точнымъ научнымъ

знаніемъ, съ одной стороны, и непосредственнымъ народнымъ опытомъ, чуткою наблюдательностью простаго сельскаго люда—съ другой.

„Настоящее систематизированное собраніе народныхъ повседневныхъ наблюденій и примѣтъ можетъ принести свою долю пользы и въ другомъ отношеніи, съ точки зрѣнія чисто практической. Не придавая, конечно, безусловной вѣры всѣмъ этимъ примѣтамъ и основаннымъ на нихъ выводамъ, которыхъ не считаетъ безошибочными и самъ народъ, сельскій хозяинъ можетъ, однакоже, слѣдя день за днемъ за этими наблюденіями и провѣряя ихъ на собственномъ своемъ опытѣ, руководствоваться въ своей практической дѣятельности тѣми изъ нихъ, которыя подтвердятся на дѣлѣ и окажутся фактически вѣрными. Такая фактическая провѣрка народныхъ наблюденій и основанныхъ на нихъ примѣтъ можетъ имѣть громадное значеніе въ будущемъ, какъ для самихъ сельскихъ хозяевъ, такъ и для науки, почему нельзя не признать весьма желательнымъ, чтобы за нее взялось возможно большее число лицъ въ разныхъ частяхъ нашего отечества и чтобы результаты этой провѣрки возможно шире оглашались во всеобщее свѣдѣніе. Составитель настоящаго сборника, являющагося только первою частью предпринятаго имъ труда, будетъ очень признателенъ всѣмъ тѣмъ гг. сельскимъ хозяевамъ и изслѣдователямъ въ области неписанной народной мудрости, которые соблаговолятъ подѣлиться съ нимъ результатами своихъ наблюденій и не откажутъ къ пополненію его собранія народныхъ пословицъ, поговорокъ и примѣтъ, доставленіемъ новыхъ и неизвѣстныхъ ему, но во всякомъ случаѣ весьма цѣнныхъ матеріаловъ, которыми онъ воспользуется при продолженіи и дальнѣйшемъ развитіи предпринятой имъ работы...

„Въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, гдѣ приходится регистрировать не единичныя наблюденія отдѣльныхъ личностей, а результаты наблюдательности цѣлыхъ народовъ или племенъ, гдѣ нѣтъ ни авторовъ отдѣльныхъ изреченій, ни творцовъ тѣхъ или иныхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ формулъ,—такъ какъ авторомъ и творцомъ ихъ является народъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже многіе народы вмѣстѣ,—многочисленность этихъ изреченій и формулъ получаетъ особенное значеніе, ибо они при этомъ одно другое дополняютъ и подтверждаютъ, либо опровергаютъ. Вотъ почему составитель настоящаго сборника, приложивъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы сдѣлать его возможно полнымъ, будетъ и впредь стремиться къ дальнѣйшему его пополненію, позволяя себѣ надѣяться на содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ всѣхъ тѣхъ, кто интересуется такого рода вопросами и кто, стоя близко къ народу, можетъ непосредственно у него заимствовать всякія, неподмѣченныя еще прежними изслѣдователями и бытописателями, прояв-

ленія народной мудрости, выражающіяся въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ“.

Важность поставленнаго авторомъ вопроса о народной метеорологіи не подлежитъ сомнѣнію; вопросъ не однажды привлекалъ вниманіе изслѣдователей народнаго быта, и надо желать, чтобы онъ сталъ достояніемъ науки, которую авторъ призываетъ къ его дальнѣйшему разъясненію. „Наука“, здѣсь призываемая, можетъ и должна явиться въ различныхъ своихъ отрасляхъ, и именно не только метеорологія, къ которой авторъ въ особенности обращается, но также культурная исторія и этнографія. Вопросъ не только въ томъ, насколько „народная мудрость“ отвѣчаетъ дѣйствительнымъ явленіямъ природы и наблюденіямъ точной климатологіи и метеорологіи, и насколько высказалась въ пословицѣ и примѣтѣ народная наблюдательность; другой вопросъ заключается въ исторически-бытовомъ значеніи „народной мудрости“. Послѣдній вопросъ очень сложный и трудный, но требующій хотя бы предположительнаго рѣшенія, чтобы могла выясниться сама сущность явленія. Въ самомъ дѣлѣ, народная метеорологическая мудрость должна была возникнуть въ извѣстныхъ условіяхъ территоріи и климата: могутъ ли быть опредѣлены эта территорія и климатъ? Откуда происходитъ удивительное, нерѣдко буквальное, совпаденіе примѣтъ у разныхъ народовъ, напр., у русскихъ и западныхъ европейцевъ, — чему много примѣровъ можно найти и въ сопоставленіяхъ, собранныхъ г. Ермоловымъ? — То и другое можетъ быть выяснено только очень сложными детальными соображеніями, — и при этомъ, собирая данныя современной народной метеорологіи, существенно важно отмѣчать *мѣстность*, которой принадлежитъ та или другая примѣта, т. е. народное наблюденіе. Въ своемъ настоящемъ собраніи авторъ имѣлъ въ виду пока только календарное приуроченіе; но затѣмъ важно было бы приуроченіе мѣстное — по крайней мѣрѣ, настолько, насколько позволяютъ собранныя до сихъ поръ этнографическія записи. Многое можетъ оказаться общераспространеннымъ, — какъ наши примѣты существуютъ и въ западной Европѣ, — причемъ можно было бы предположить, что извѣстное наблюденіе (а съ нимъ поговорка и пословица) было не собственное, а только перенятое у другихъ, и тогда подобная примѣта получала бы случайный характеръ, даже не отвѣчающій дѣйствительности; другое можетъ быть болѣе мѣстнымъ, и слѣдовательно болѣе яснымъ и опредѣленнымъ. Приуроченіе примѣтъ и пословицъ къ церковному календарю могло бы вовсе не указывать на *происхожденіе* примѣтъ именно въ христіанскія времена, — но это приуроченіе, когда бы оно ни было сдѣлано, отразилось на стилистической сторонѣ примѣтъ, которыя принимали форму пословицъ съ игрою словъ, рифмой, аллитераціей и т. п.

Авторъ обѣщаетъ продолженіе своего труда: „Въ слѣдующихъ двухъ частяхъ этого собранія будутъ точно также систематически изложены народныя изреченія, пословицы, поговорки и примѣты, касающіяся сельскаго хозяйства и характеризующія воззрѣнія народа на природу, а за сими—пословицы и изреченія, обрисовывающія самыя разнообразныя проявленія народной житейской мудрости въ сферѣ домашняго быта народа и его религиозныхъ, нравственныхъ, экономическихъ, юридическихъ и социологическихъ понятій и воззрѣній“. Все это обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Не знаемъ, какаѣ будутъ принята система въ этомъ дальнѣйшемъ отдѣлѣ сборника; но какова бы она ни была, опять думаемъ, что очень важно было бы такъ или иначе, въ крупныхъ или мелкихъ рубрикахъ, постоянно отмѣчать мѣстность, которая во всякомъ случаѣ должна объединять извѣстныя группы данныхъ одинаковостью условій климатическихъ, бытовыхъ и т. п. Мы думали бы также, что, насколько возможно, при собираніи примѣтъ и пословицъ важно также приводить изъ наличнаго этнографическаго матеріала и относящіяся къ нимъ бытовыя подробности, если онѣ сообщены въ источникахъ. Кромѣ того, къ народному сельскому хозяйству, рядомъ съ пословицами, поговорками и т. н., принадлежатъ цѣлая масса символическихъ *обычаевъ* и *обрядовъ*: авторъ не упоминаетъ о послѣднихъ,—между тѣмъ они составляютъ чрезвычайно важную особенность народнаго сельско-хозяйственнаго обихода и требуютъ вниманія, представляя собой нерѣдко очень любопытную символику, а также несомнѣнный отголосокъ, иногда очень отдаленной, старины.

Въ дальнѣйшемъ новомъ изданіи своей книги, если оно потребуетъ, авторъ предполагаетъ пополнить свои библиографическія указанія, такъ какъ теперь многое могло ускользнуть отъ его вниманія. Вообще достигнуть въ подобныхъ случаяхъ абсолютной полноты бываетъ почти невозможно, и въ настоящемъ списокѣ можно было бы указать не мало пробѣловъ; относительно народной метеорологіи въ списокѣ недостаетъ, напримѣръ, спеціально сюда относящейся книги К. Агринскаго: „Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для практической метеорологіи и сельскаго хозяйства“ (Саратовъ, 1899).

— И. Божеряновъ. „Невскій проспектъ“ 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX. Юбилейное изданіе поставщика Двора Его Императорскаго Величества А. И. Вильборга. (Спб. 1902).

Настоящая, превосходно изданная книга представляетъ, какъ видно изъ объявленія на оберткѣ, первый выпускъ изданія, которое въ цѣломъ должно составить пять выпусковъ, или два тома. Это, кажется,

первый образчик юбилейныхъ исторій Петербурга, которыхъ надо ожидать къ слѣдующему, юбилейному году основанія Петербурга. По началу изданія нельзя, конечно, судить о цѣломъ; по всей вѣроятности и это цѣлое исполнено будетъ такъ же великолѣпно, какъ настоящій первый выпускъ. Мы сдѣлали бы только нѣкоторые замѣчанія относительно текста: въ немъ желательна больше системы и послѣдовательности. Вводная статья „отъ составителя“ является какъ будто предисловіемъ къ цѣлому, и прежде всего мы не получаемъ свѣдѣнія о томъ, будетъ ли это цѣльная исторія Петербурга, или дѣйствительно только исторія „Невскаго Проспекта“; по самому составу книги надо скорѣй предположить первое,—тогда заглавіе книги вышло бы не точно. Вводная статья, которая должна, повидимому, дать понятіе объ историческомъ значеніи основанія Петербурга, во-первыхъ, даетъ не совсѣмъ умѣстную полемику съ П. Н. Милюковымъ, по поводу его историческихъ взглядовъ на реформу Петра Великаго,—не совсѣмъ умѣстную потому, что г. Милюковъ—далеко не единственный представитель подобныхъ взглядовъ (была, и еще есть, цѣлая школа, отрицавшая „петербургскій періодъ“); затѣмъ авторъ приводитъ нѣсколько литературныхъ цитатъ изъ „историка Соловьева“, Брикнера, наконецъ В. Р. Зотова и далъ только четыре строчки изъ Пушкина. Приступая къ самой исторіи „Невскаго Проспекта“, авторъ начинаетъ прямо выпиской изъ перваго, по времени, историка Петербурга Богданова, 1779; затѣмъ, по поводу того, что Александро-невскій монастырь построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, одержалъ побѣду надъ шведами Александръ Невскій, авторъ говоритъ, что, „отмѣчая это событіе, нельзя не вспомнить прекраснаго стихотворенія покойнаго Апол. Ник. Майкова „Побѣда Александра Невскаго надъ шведами“, и наполняетъ половину большой страницы стихами (на этотъ разъ не особенно прекрасными, а весьма тяжелыми), и только послѣ этого авторъ обращается къ Александро-невскому лѣтописцу, съ котораго было бы проще и лучше начать. И въ дальнѣйшемъ изложеніи есть такія же неровности. Другая сторона книги—иллюстраціи—исполнена интереса. По новѣйшему обычаю, очень разумному, въ иллюстраціяхъ нѣтъ ничего произвольно рисованнаго; это исключительно—старые портреты, копія старыхъ пейзажей, плановъ, мелкихъ бытовыхъ изображеній, факсимиле старыхъ образчиковъ печати—указовъ, объявленій, и т. п. Въ своемъ законченномъ видѣ изданіе должно представить любопытный сборникъ всякихъ воспоминаній о старомъ Петербургѣ и будетъ вѣроятно достойнымъ юбилейнымъ памятникомъ его исторіи. По окончаніи изданія мы надѣемся къ нему возвратиться, а теперь, въ виду малой опытности, какая встрѣчается у насъ иногда между составителями подобныхъ описаній, мы обратили

бы вниманіе издателя на необходимость помѣстить къ концу послѣдняго выпуска подробный указатель упоминаемыхъ въ книгѣ лицъ и предметовъ; книга, безъ сомнѣнія, должна будетъ служить для справокъ, и облегченіе ихъ лежитъ на обязанности составителя и издателя; отсутствіе указателя умалитъ значеніе книги.

— Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. В. Каллашъ. М. 1902.

Г-нъ Каллашъ составилъ подобную же книжку по поводу юбилея Пушкина и собралъ въ русской литературѣ до семисотъ стихотвореній, посвященныхъ его личности и поэзіи; предпринявъ такой сборникъ для Гоголя, онъ нашелъ всего двадцать-пять пьесъ: „больше намъ не удалось разыскать, несмотря на самые тщательные библиографическіе розыски“. Причину такого явленія авторъ объясняетъ извѣстными словами Гоголя о тяжеломъ удѣлѣ автора-сатирика, которому „не собрать народныхъ рукоплесканій“, котораго не признаетъ современный судъ, и все обратить въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю... Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество“.

Приведа изъ Гоголя эту цитату, г. Каллашъ замѣчаетъ: „какъ вѣрно и мѣтко предсказалъ здѣсь свою житейскую судьбу великій комическій писатель, одинъ изъ наиболѣе трагическихъ образовъ нашего прошлаго!“ Намъ кажется, однако, что г. Каллашъ въ этомъ объясненіи очень ошибается. Развѣ самъ Гоголь не собралъ (въ буквальному смыслѣ) народныхъ рукоплесканій своими комедіями гораздо больше, чѣмъ Пушкинъ, и развѣ не былъ громаденъ успѣхъ всѣхъ иныхъ его произведеній? Что касается его личнаго „одиночества“, то извѣстно, и г. Каллашъ это подтверждаетъ, что Гоголь самъ добровольно создавалъ это одиночество своимъ скрытнымъ, себялюбивымъ характеромъ.

Есть немалыя ошибки и въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ г. Каллаша: „Какъ встрѣтили его современное общество и печать? Они смѣялись надъ другими, когда слѣдовало смѣяться и плакать надъ собой,—скользили по поверхности захватывающихъ по своему общественному смыслу, потрясающихъ жизненныхъ картинъ; видѣли цинизмъ, фарсъ и анекдотъ тамъ, гдѣ ставилась „Божественная комедія“ русской жизни!

„Для уясненія Гоголя многое, но далеко не все сдѣлалъ Бѣлинскій. Въ рамки, намѣченные великимъ критикомъ, конечно, не помѣстится все творчество Гоголя: стѣбитъ вспомнить, положимъ, хотя

бы исторію его недоумѣній по поводу „Переписки“. Слишкомъ было близко время, поднятые вопросы касались животрепещущихъ интересовъ, грандіозное зданіе Гоголевскаго творчества не могло быть еще обинуто однимъ взглядомъ...

„Гоголь вліялъ и понимался только отчасти—на лучшей конецъ свозъ призму взглядовъ Бѣлинскаго; его мало знали и понимали при жизни, какъ мало знаютъ и понимаютъ теперь“...

Неужели автору неизвѣстно, какъ встрѣтило Гоголя современное общество и печать? Противъ Гоголя были: Булгаринъ, который думалъ, что подслужится полиціи, когда будетъ ругать Гоголя; застарѣлые классики и напыщенные романтики. Но, напротивъ, съ величайшимъ восторгомъ встрѣтили Гоголя: прежде всего, кружокъ Пушкина, кружокъ Станкевича и Бѣлинскаго, кружокъ славянофиловъ, наконецъ, все свѣжее и воспримчивое въ просвѣщенномъ кругу тогдашняго общества; еще въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, когда еще не было даже „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, Бѣлинскій провозглашалъ Гоголя однимъ изъ великихъ писателей, на ряду съ Пушкинымъ. Немного было русскихъ писателей, которыхъ такъ высоко цѣнили и при жизни, и по смерти.

Въ чемъ же причина этихъ двадцати-пяти стихотвореній вмѣсто нѣсколькихъ сотъ? Причина проще, чѣмъ предполагаетъ г. Каллашъ. Творчество Пушкина было свѣтлое и ясное, доступное громадному числу и всякому уровню читателей. Это былъ эпическій поэтъ—между прочимъ, на извѣстныхъ и доступныхъ темахъ русской исторіи, какъ, напримеръ, Петръ Великій; это былъ привлекательный повѣствователь, еще болѣе доступный; это былъ блестящій лирикъ, еще никогда не виданный въ русской литературѣ, съ такою яркостью образовъ и мастерствомъ стиха; онъ увлекалъ непосредственно. Отсюда его великая слава. Не таковъ былъ Гоголь. Онъ бралъ такія темы, которыя могли не бросаться въ глаза толпѣ; его юморъ требовалъ извѣстной высоты пониманія, какимъ большинство читателей не обладаетъ. У него не было лирики, которая могла бы запоминаться и переходить изъ устъ въ уста; нерѣдко онъ наводилъ на серьезное раздумье—и все это, конечно, не внушало панегирическихъ стихотвореній. То немногое, что собралъ г. Каллашъ, исходитъ отчасти отъ ближайшихъ друзей Гоголя, которымъ могла быть понятна и его внутренняя жизнь, и нравственное значеніе его произведеній. И здѣсь не все имѣетъ ту историческую и біографическую важность, какую придаетъ г. Каллашъ этимъ стихотвореніямъ. — А. П.

Въ теченіе февраля мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 9-ое. Спб. 902. Ц. 10 к.

Абровъ, Владиміръ.—Овчинникъ. Ром. въ 2 ч. изъ среднеазиатской жизни. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Анненскій, Иннокентій.—Меланиппа—философъ. Спб. 901. Ц. 75 к.

Аванасьева, Г. Е.—Мирабо. Публич. лекція. Од. 902. Ц. 95 к.

Благовѣщенскій, А.—Памятная книжка Олонецкой губерніи. Петрозав. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Биометталъ, Ф. М.—Общественная борьба съ туберкулёзомъ, какъ съ народною болѣзью, въ з. Европѣ и Америкѣ. Ч. I: Бельгія, Франція, Англія, Германія. М. 901.

Боринскій, Карлъ.—Театръ, лекціи. Съ нѣм. Б. В. Варнеке. Спб. 902. Ц. 1 р.

Бриг.—Порченне (Les Avariés). Пьеса въ 3 д. Переводъ посвящается женамъ и родителямъ невѣстъ. Съ франц. Ф. А. Коршъ. М. 902. Ц. 50 к.

Бэдждотъ, Вальтеръ.—Ломбардстритъ. Критическое наслѣдованіе объ организаціи и дѣятельности англійскаго денежнаго рынка, съ предисл. проф. Ф. Ф. Гольтцендорфа. Съ англ. и статья „Депозитные банки въ Англии и Россіи“, Е. Эпштейна. Спб. 901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ванъ-Мюйденъ.—Исторія швейцарскаго народа. Съ франц. п. р. Э. Л. Радлова. Т. III. Съ рис. Спб. 902. Ц. 2 р. 75 к.

Веселовскій, Алексѣй.—Вайровъ, біографическій очеркъ, съ 2 фототип. К. Фишера. М. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Веселовскій, Юрій.—Армянскій поэтъ Смбагъ Шахъ-Азизъ. Критическій этюдъ. Съ портретомъ поэта и съ избранными его произведеніями въ стихотворномъ переводѣ. М. 902. Ц. 1 р.

Весникъ, А.—Сберегательная операція и отношеніе ея къ народному кредиту. Спб. 901.

Вербичкая, А.—Сны жизни. Изд. 3-ье. Спб. 902. Ц. 1 р.

Визляевъ, П. А.—Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣятельности. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к. (Книжка „Хозяина“, № 21).

Волжскій.—Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. И. Успенскій. II. Кто виноватъ? Ученіе Э. М. Достоевскаго объ отвѣтственности. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Всеволодская, О.—Разказы. Въ пользу народнаго театра въ Н.-Новгородѣ. Н.-Новг., 902. Ц. 1 р.

Гаршинъ, Всеволодъ.—Разказы. Съ біографіею, написанною А. Скабичевскимъ, и 3 портр. Изд. 8-е литерат. фонда. Спб. 902. Ц. 2 р.

Георгиевскій, И. А.—Кустарный промыселъ производства внутреннихъ замковъ во Владим. губерніи. П. р. проф. М. Соболева. Томскъ, 902.

Гоголь, Н. В.—Избранныя мѣста изъ его сочиненій, для окончившихъ курсъ въ начальныхъ народн. училищахъ г. С.-Петербурга. Съ портретомъ и иллюстраціями. Сост. В. П. Острогорскій. Изд. С.-Петерб. Городской Думы. Спб. 902. Ц. 40 коп.

Губаревъ, П. А.—Къ вопросу о патологической анатоміи. Диссерт. на ст. доктора-медицины. Спб. 902.

Житковъ, С. М., ижд.—Хлѣбъ и нути сообщенія. Спб. 902.

Землинскій, В.—Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. III. Изд. 2-е. М. 902. Ц. 1 р.

Зимовевъ, К.—Начальница. Повѣсть. Изъ гимназической жизни. Спб. 902. Ц. 35 к.

Иерусалемъ, В., проф.—Введеніе въ философію. Съ нѣм. П. Θ. Некрасовъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Инатомичъ, И. И.—Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 902. Ц. 1 р.

Калашичъ, В. В.—Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. М. 902. Ц. 50 к.

Кареевъ, Н. И.—Философія культурной и социальной исторіи новаго времени. 1300—1800 гг. Введеніе въ исторію XIX-го вѣка: Основные понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 60 к.

Кирзентеймъ, А.—Вѣчная утопія. Съ приложеніемъ статьи: „Страна свободы“, Т. Герцке, изъ книги Ф. Клейнвехтера: „Государственные романы“. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Кузнецовъ, М. Θ.—О школьномъ преподаваніи исторіи. Методическія замѣтки и наблюденія. Вильна. 902. Стр. 20.

Лермонтовъ, М. Ю.—Избранныя сочиненія. Безъ намѣненной изъ Полн. Собранія, допущ. въ народн. библ.-чит. и въ библ. народн. училищъ. Вятка. 901. Ц. 50 к. Изд. Вятск. Губ. Зем.

Литвицкій, П. Н., проф.—Основные вопросы философіи. Опытъ систематическаго изложенія философіи. Киевъ. 901. Ц. 1 р. 10 к.

Минаевъ, И. П.—Путешествіе Марко Поло. Перев. съ старо-франц. текста, п. р. В. В. Бартольда. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Спб. 902.

Насоновъ, Н., проф.—Курсъ энтомологіи. Ч. I: Наружные покровы насекомыхъ. Варш. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И.—На пути къ вѣчности. Ром. Спб. 902. Ц. 1 р.

— На пути къ счастью. Ром. Спб. 902. Ц. 1 р.

Нечаевъ, А. П.—Отвѣтъ г. проф. А. И. Введенскому. Спб. 902.

Никитинъ, А. Ф.—Пассажирскіе пароходы на Волгѣ въ санитарномъ отношеніи. Спб. 902.

— Условія найма судорабочихъ на Волгѣ. Спб. 902.

Петри, Э. Ю.—Учебный географическій Атласъ: 48 главныхъ картъ, 137 дополнительныхъ картъ и чертежей на 47 таблицахъ. 3-ье изданіе, исправленное и дополненное, А. Ф. Маркса.

Плотниковъ, А. Θ.—Нарымскій край. Историко-статистическій очеркъ. Спб. 901. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. X, вып. 1, изд. п. р. Н. В. Латкина.

Подоводскій, К.—Стихотворенія. Кн. 2-я. Од. 902.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ нѣм. Ю. Энгель. М. 902. Вып. III.

Саводникъ, В.—Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Мавъ Штирнеръ и его философія эгоизма. М. 902. Ц. 50 к.

Салтыковъ, М. Е.—Полное собраніе сочиненій (Н. Щедрина), въ 12-ти томахъ, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильнаго памятника. Ц. 18 р., въ коленкор. пер. 24 р. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1900—1901.

Семидницкій, Анатолий.—Любопытскіи. Семейна хроника. Къивь, 901. Цина 65 коп.

Середонинъ, С. М.—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Т. I: Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра Перваго (1802—1825). Къ столѣтію Комитета министровъ: 1802—1902 г. Изд. Банц. Комит. министровъ. Спб. 902.

Скворцовъ, А.—Основы экономіи земледѣлія. Ч. II, вып. 1: Ученіе о системахъ хозяйства и системахъ полеводства. Спб. 902. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Влад. Серг.—Собраніе сочиненій. Т. III. 1877—1884. Спб. 902. Въ 8-ми томахъ, ц. 12 р.

Стетсонъ, Шарлотта.—Женщины и экономическое отношеніе. Изслѣдованіе экономическихъ отношеній между мужчинами и женщинами, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Съ англ. А. Каменскій. Спб. 902. Ц. 1 р.

Тевъ, Маркъ.—Жанна д'Аркъ. Съ англ., п. р.; съ введен. и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Спб. 902.

Фелдштейнъ, Г. С.—Ученіе о формахъ виновности въ уголовномъ правѣ. Введеніе.—Психологическія основы ученія о формахъ виновности.—Формы виновности въ Моисеевомъ законодательствѣ и въ римскомъ правѣ. М. 902. Ц. 3 р.

Черняевъ, Н. И.—Необходимость Самодержавія для Россіи, природа и значеніе монархическихъ началъ. Харьк. 901. Ц. 3 р.

Чернышевъ, В.—Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда: I. Говоръ деревни Калужкина. II. Говоръ села Шалова. Спб. 902.

Шебуевъ, Н.—Безъ предварительной цензуры. Юмористическіе рассказы. М. 902. Ц. 1 р.

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Перев. съ нѣм. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Шрейдеръ, Г. И.—Наше городское общественное управленіе. Этюды, очерки и замѣтки. Т. I. Спб. 902. Ц. 2 р.

Яблоновскій, А.—Очерки и рассказы. Харьк. 902. Ц. 1 р.

Ялчукъ, Н. А.—Изъ польской литературы. Къ юбилею Юл. Словацкаго. Съ приложеніемъ отрывковъ изъ траг. Словацкаго: „Марія Ствартъ“. М. 902.

Ярминъ, В. П.—Краткій очеркъ вустарныхъ промысловъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московскои губерніи. М. 902. Ц. 30 к.

Энелмардтъ, М.—Лѣса и климатъ. Разборъ легенды о вредномъ вліяніи лѣсоистребленія. Спб. 902. Ц. 40 к.

Lacombe, Eugène.—Le Change Espagnol. Par. 901. Ц. 3 фр.

— Американскій способъ очищенія воды. Американскіе механическіе фильтры. Товарищество „Нептунъ“. М. 900.

— Библіотека для самообразованія. II: А. Бэвъ, Психологія. Съ англ., п. р. и съ предисл. А. С. Вѣлкина. Т. I. М. 902. Ц. 2 р.—III. Фишеръ, А., Лекція о бактеріяхъ. Съ нѣм. А. Генерозовъ, п. р. проф. Н. Худекова. М. 902. Ц. 1 р. 60 к.

— Изданія Вятскаго Губернскаго Земства: 1) Опредѣленіе возраста у лошади, съ рис. зубовъ, И. Братчикова, ц. 3 коп. 2) О прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ, С. Вишнеvsкаго, ц. 6 коп. 3) Худая болѣзнь, А. Ивановскаго, ц. 6 коп. 4) Руководство къ наглядному пособію для школъ и народа, картинамъ „Пчеловодства“, С. Красноперова, ц. 2 коп. 5) Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянскихъ строеній. 6) Холощеніе жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей, съ рис. А. Братчикова. 7) Какъ устраивать праздники

древонасажденія въ школахъ сельскихъ, деревенскихъ и городскихъ, А. Меньшикова, ц. 20 коп. 8) Бесѣды о вредныхъ наставомыхъ, о жизни ихъ и о борьбѣ съ ними, съ рис. № 1, ц. 7 коп. 9) Демонъ, поэма Лермонтова, ц. 4 коп. 10) Одиссей, разск. В. Водовозова. 11) Боларинъ Орша, поэма Лермонтова, ц. 4 к. 12) Дѣти, любители птичекъ, Н. Гусева, ц. 5 коп. 13) Пѣсня про купца Калашникова, поэма Лермонтова, ц. 3 коп. 14) Бала, разск. Лермонтова, ц. 5 коп. 15) Мцыри, поэма Лермонтова, ц. 3 коп. 16) Избранныя стихотворенія Лермонтова, ц. 5 коп. Вятка 901.

——— Постановленія Мелитопольскаго Уѣднаго Земскаго Собранія 36-й очередной сессіи, созыва 25 сент. 1901 г. Мелитоп. 901.

——— Сборникъ докладовъ и отчетовъ врачей санитарнаго надзора Казанскаго Округа путей сообщенія. Матеріалы для санитарнаго описанія р. Волги и ея судоходства. Сиб. 902.

——— Стенографическій отчетъ засѣданій очереднаго Тверскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 1900 года. Тв. 901.

——— Харьковскій Календарь на 1902 годъ. Годъ XXX, съ Адресъ-Календаремъ. Харьк. 902. Изд. Харьк. Губ. Статист. Комитета.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

René Basin. Les Oberlé. Стр. 396. Paris. 1902.

Есть во Франціи вопросъ, не переставшій волновать каждого француза, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ, и каковы бы ни были его общія убѣжденія,—это вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Всякое литературное произведеніе, касающееся положенія Эльзаса, возбуждаетъ поэтому живѣйшій интересъ; о немъ въ большинствѣ случаевъ судятъ вовсе не по его художественнымъ достоинствамъ, а по тому, какъ авторъ относится къ событіямъ 1870 года, къ теперешнему положенію Эльзаса и къ надеждамъ на будущее. Въ сущности, чѣмъ больше у писателя патриотической односторонности, тѣмъ болѣе онъ является выразителемъ общаго настроенія, и тѣмъ больше сочувствія онъ встрѣчаетъ. Этимъ объясняется успѣхъ поэзи и разсказовъ Деруледа, весьма слабыхъ въ литературномъ отношеніи. И болѣе серьезные французскіе писатели въ большинствѣ случаевъ становятся на чисто національную точку зрѣнія, когда говорятъ о геройствѣ и несчастіяхъ французовъ, о взаимныхъ отношеніяхъ французовъ и нѣмцевъ въ покоренной странѣ. Даже Мопассанъ, при всемъ его болѣзненномъ скептицизмѣ, впадаетъ въ нѣсколько романтичную идеализацію французскаго народа, изображая эпизоды франко-прусской войны въ „Boule de Suif“ и „M-elle Fifi“. Больше историческаго спокойствія въ романѣ Золя „La Guerre“ и въ трилогіи братьевъ Маргеритъ — „Désastre“, „Les Tronçons du Glaive“, „Les Braves Gens“—носящей общее заглавіе: „Une Epoque“. Эти романисты стараются, каждый по-своему, разобраться въ причинахъ пораженія, дать характеристику главныхъ дѣятелей и виновниковъ несчастія, и вдуматься въ психологическія причины событій. Идеализація французовъ въ ихъ романахъ мало, но есть стремленіе оправдать націю и видно, что для нихъ, какъ и для всякаго француза, чисто объективное отношеніе къ вопросу невозможно.

Въ настоящее время вышелъ новый романъ, касающійся современнаго положенія Эльзаса—„Семья Оберле“ (Les Oberlé) Рене Базена. Базенъ славится своимъ знаніемъ французской провинціальной жизни и умѣньемъ художественно и просто изображать ее. Его романъ

„La terre qui se meurt“ — одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ за послѣдніе годы. Въ „Семьѣ Оберле“ онъ подступаетъ къ національному вопросу съ нѣсколько новой точки зрѣнія. До сихъ поръ романисты изображали въ большинствѣ случаевъ самый моментъ войны, и такъ или иначе объясняли ходъ и причины событій. Рене Базень рисуетъ современный Эльзасъ. Задача его въ томъ, чтобы выяснитъ отношеніе молодого поколѣнія, родившагося уже послѣ завоеванія, къ судьбѣ своей родины. Въ романѣ выведены три поколѣнія: дѣдъ, непримиримый врагъ завоевателей; отецъ, который послѣ войны долженъ былъ изъ практическихъ соображеній перейти въ нѣмецкое подданство, и сынъ, уже получившій воспитаніе въ нѣмецкомъ университетѣ. Базень доказываетъ, что третье поколѣніе, „молодой Эльзасъ“ нашихъ дней, несмотря на нѣмецкое воспитаніе, проникнуть живой любовью къ Франціи; въ этой основной мысли — главный интересъ и новизна „Семьи Оберле“. Романъ написанъ удивительно горячо, страстно, нѣсколько наивно, въ высокой степени романтично. Жанъ, герой романа, страстно любитъ Францію, въ которой онъ никогда не былъ; она кажется ему какимъ-то свѣтлымъ раемъ, куда ему нѣтъ доступа. Онъ страдаетъ отъ порабощенія Эльзаса, какъ отъ личнаго горя, и вся его судьба опредѣляется любовью къ далекой Франціи и страданіемъ за Эльзасъ. Насколько психологически вѣренъ типъ, выведенный въ лицѣ Жана, въ самомъ ли дѣлѣ поколѣніе, выросшее послѣ войны, совершенно не поддавалось нѣмецкому влиянію и болѣе страстно, чѣмъ ихъ смирившіеся отцы, предано Франціи — это, конечно, вопросъ, и намъ кажется, что Базень слишкомъ тенденціозно рѣшаетъ его. Но во всякомъ случаѣ интересно уже то, что онъ выводитъ новый типъ современной эльзасской молодежи въ лицѣ своего горячаго патріота Жана. Во избѣжаніе упрековъ въ излишней тенденціозности, онъ, впрочемъ, указываетъ и на побѣды нѣмецкаго духа въ Эльзасѣ. Сестра Жана, получившая воспитаніе въ нѣмецкомъ пансіонѣ, — уже совершенно нѣмка по духу и по симпатіямъ. Національной вопросъ тоже омрачаетъ ея судьбу, но уже по совершенно инымъ причинамъ. Она страдаетъ оттого, что семья ея, за исключеніемъ отца, противится ея браку съ нѣмецкимъ офицеромъ.

Особенность романа „Семья Оберле“ — въ томъ, что авторъ проводитъ свою патріотическую идею, почти совершенно не изображая внѣшнихъ общественныхъ событій, а только рисуя личную жизнь и судьбу одной семьи. Это придаетъ роману большую жизненность и страстность. Идея родины — не отвлеченный интересъ для дѣйствующихъ лицъ романа; они не должны отвлекаться отъ личныхъ интересовъ, чтобы выказывать то или иное отношеніе къ судьбѣ своей родины. Не могутъ они и быть равнодушными къ національному во-

просу. Ихъ судьба на каждомъ шагѣ связана съ нимъ. Базенъ очень искусно рисуетъ положеніе современнаго Эльзаса этимъ сплетеніемъ общихъ судьбъ страны съ жизнью каждаго отдѣльнаго человѣка. Безъ всякихъ общихъ разсужденій, намѣчая лишь бѣглыми чертами тяжелыя вѣднія условія жизни французомъ въ завоеванной странѣ, Базенъ рисуетъ только внутреннюю трагедію разлада въ семьѣ, не объединенной общностью національныхъ чувствъ. Трагедія въ семействѣ Оберле даетъ, однако, весьма яркое представленіе о современной жизни въ Эльзасѣ, о всей обостренности національнаго вопроса. Освѣщеніе характеровъ и чувствъ—слишкомъ тенденціозное въ романѣ Базена. Онъ слишкомъ рѣзко дѣлитъ людей на благородныхъ, т. е. горячихъ патріотовъ, и на дурныхъ, къ которымъ онъ причисляетъ всѣхъ „предателей“, т. е. французомъ, примирившихся съ врагами; нѣмцы представлены въ романѣ въ очень мрачномъ, а иногда и карикатурномъ видѣ. Патріотизмъ его героя наивенъ до сентиментальности; страсти и чувства слишкомъ цѣльны и романтичны. Эльзасцы Рене Базена сильно напоминаютъ корсиканцевъ въ романѣ „Коломба“ Проспера Меримэ—съ той только разницей, что Меримэ окружилъ ароматомъ поэзіи дикія и наивныя страсти своихъ героевъ, а Базенъ самъ слишкомъ принимаетъ къ сердцу чувства изображенныхъ имъ людей, и потому впадаетъ въ сентиментальность. Но всѣ эти недостатки въ значительной степени выкупаются удивительной искренностью общаго тона и драматизмомъ разсказа; Базенъ очень ярко изображаетъ бѣдствіе страны, гдѣ ненормальность общественной жизни вноситъ раздоръ и страданія въ каждую отдѣльную семью.

Въ Эльзасѣ живетъ семья Оберле, глава которой, Филиппъ Оберле, основатель задолго до войны лѣсопильни въ Альсгеймѣ. Дѣла его пошли очень блестяще, и онъ собирается передать веденіе ихъ своему сыну. Война съ ея печальнымъ исходомъ нарушаетъ всѣ планы. Бросить все, уѣхать изъ Альсгейма—означало бы полное разореніе. Поэтому отецъ уговорилъ сына, мечтавшаго въ сущности бросить промышленное дѣло и заняться политикой во Франціи, чтобы онъ вернулся въ Эльзасъ и сталъ во главѣ лѣсопильни. „Я ненавижу Пруссію,—писалъ онъ сыну, находившемуся во время войны во Франціи,—но я избираю единственное средство, чтобы продолжать быть полезнымъ. Я былъ французомъ и становлюсь эльзасцемъ. Послѣдуй моему примѣру. Надѣюсь, что это будетъ ненадолго“. Иосифъ Оберле покорился, хотя и неохотно, волѣ отца, вернулся въ Эльзасъ и сталъ во главѣ дѣла. Но съ теченіемъ лѣтъ отношенія семьи Оберле къ національному вопросу очень измѣнились. Семья разрослась и между членами ея возникла глубокая рознь. Старикъ, оставивъ дѣла, былъ нѣсколько времени депутатомъ въ рейхстагѣ, примкнулъ къ оппозиціи и за-

щичаль интересы Эльзаса; выйдя въ отставку, онъ поселился вмѣстѣ съ сыномъ. Сильно омутившійся, парализованный старикъ продолжаетъ считаться главой дома; сынъ каждый вечеръ отдастъ ему отчетъ о ходѣ дѣлъ, и вся жизнь семьи подчинена въ значительной степени его желаніямъ и вкусамъ. А онъ требуетъ главнымъ образомъ одного—вѣрности французскимъ традиціямъ, уклоненія отъ всякихъ общеній, кромѣ дѣловыхъ, съ нѣмцами. Къ семейному столу не допускается ни одинъ нѣмецкій гость, и если семья сына все-таки ведетъ знакомство съ нѣмецкимъ обществомъ, бываетъ на вечерахъ у мѣстныхъ представителей нѣмецкаго правительства, то это всегда сопровождается ссорами со старикомъ. Лишенный употребленія языка, онъ пишетъ на имѣющейся при немъ всегда дощечкѣ рѣзвості сыну, протестуетъ, отказывается являться къ обѣду, и жизнь въ домѣ становится мрачной и тягостной. Союзницей старика становится жена Иосифа Оберле, горячая патриотка въ душѣ, но слишкомъ слабохарактерная, чтобы бороться съ мужемъ. Она ненавидитъ нѣмцевъ, но, уступая мужу, сопровождаетъ его на вечера въ нѣмецкомъ обществѣ, хотя каждый выѣздъ—для нея мука. Ея братъ, Ульрихъ Биллеръ—одинъ изъ непримиримыхъ патриотовъ въ Альсгеймѣ; онъ живетъ замкнуто въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, видится только съ мѣстнымъ мэромъ, Бастьеномъ, презирающимъ, какъ и всѣ вѣрные эльзасцы, семью Оберле за ея отступничество и связи съ нѣмцами. Ульрихъ жалуетъ свою сестру, любитъ старика Оберле за его вѣрность родицѣ, а съ мужемъ сестры состоитъ въ очень натапутихъ отношеніяхъ. Иосифъ Оберле—полная противоположность отцу. Въ молодости онъ тоже былъ патриотомъ, готовъ былъ отказаться отъ своего состоянія, чтобы остаться во Франціи. Но, поселившись въ Эльзасѣ, онъ увлекся дѣломъ и, будучи чиновникомъ въ душѣ, совершенно примирился съ нѣмецкимъ режимомъ, даже готовъ былъ применить къ завоевателямъ, стать нѣмцемъ и забыть о своемъ происхожденіи. Протесты отца, съ которыми ему приходится считаться, сильно раздражаютъ его. Насколько возможно, онъ все-таки настаиваетъ на своемъ; дѣтямъ своимъ онъ далъ чисто нѣмецкое воспитаніе. Дочь училась въ нѣмецкомъ пансіонѣ и раздѣляетъ взгляды отца. Она не любитъ дѣдушку и дядю, тяготится обостренными отношеніями въ своей семьѣ и мечтаетъ о томъ, какъ, выйдя замужъ, она покинетъ родительскій домъ и безъ стѣсненія будетъ жить въ нѣмецкой средѣ. Сынъ Иосифа, Жанъ, кончилъ нѣмецкую гимназію и университетъ въ Геттингенѣ. Онъ долженъ пріѣхать домой, и всѣ члены семьи съ нетерпѣніемъ ждутъ его пріѣзда, надѣются каждый найти въ немъ союзника. Симпатіи Жана обнаруживаются съ перваго момента его пріѣзда. Онъ отказывается сопровождать родителей и сестру на ве-

черь къ какому-то нѣмецкому сановнику, остается съ дѣдушкой дома, и собирается на слѣдующее утро пойти къ дядѣ Ульриху. Но дядя самъ приходитъ къ нему. Ему хочется узнать, что сдѣлала изъ племянника нѣмецкая школа; онъ боится встрѣтить въ немъ уже совершенно чуждаго ему по духу человѣка, но, къ величайшей своей радости, убѣждается въ бесѣдѣ съ юношей, что тотъ горитъ любовью къ Франціи. Жанъ рѣшилъ отказаться отъ представляющейся ему блестящей карьеры въ Германіи и остаться въ Эльзасѣ участникомъ дѣла отца, — быть эльзасцемъ, т.-е. французомъ въ душѣ. Ульрихъ счастливъ. Онъ говоритъ племяннику о различіи національнаго чувства у эльзасцевъ прежняго и теперешняго времени. „Посмотри на твоего дѣдушку, на стараго Бастьена, — говоритъ онъ, думая въ то же время и о себѣ. — Мы поколѣніе, которое страдало. Мы скорбь Эльзаса. Твой отецъ знаменуетъ собой примиреніе“. — „А а?“ — Дядя Ульрихъ посмотрѣлъ на молодого человѣка своими пронизательными глазами и сказалъ: — „Ты, ты — легенда“ („Tu es la légende“). И въ самомъ дѣлѣ, есть что-то легендарное въ этомъ юношѣ, который вопреки всѣмъ условіямъ воспитанія, вопреки вліянію отца, остался вѣренъ родинѣ и становится оплотомъ эльзасскихъ патриотовъ. Жанъ устроиваетъ свою жизнь согласно своимъ убѣжденіямъ. Отецъ готовитъ его къ политической карьерѣ въ Германіи; онъ же спокойно заявляетъ, что остается въ Альсгеймѣ, при дѣлѣ, такъ какъ не хочетъ покинуть свою родину. Отецъ соглашается. Будучи сухимъ эгоистомъ, онъ даже радъ этому; онъ надѣется сдать все дѣло сыну, а самъ — занять то политическое положеніе, которое готовилъ для Жана. Сынъ вступаетъ въ дѣло на время, потому что съ осени онъ долженъ отбывать воинскую повинность. Но пока ему отраднѣе бродить по лѣсамъ своей родины, по порученію отца, отправляющаго его наблюдать за рубкой лѣса. Въ этихъ экспедиціяхъ его сопровождаетъ дядя Ульрихъ, и они вмѣстѣ мечтаютъ о далекой Франціи. Жанъ счастливъ, когда ему удается подойти къ границѣ, поговорить съ французскимъ пограничнымъ солдатомъ и глядѣть вдаль, на французское небо. Еще одно чувство роднитъ Жана съ Франціей, Онъ любитъ эльзасскую дѣвушку, дочь мэра Бастьена, — хотя знаетъ, что любовь эта безнадежна. Въ семьѣ Бастьена, гдѣ Жана знали еще мальчикомъ, его встрѣчаютъ враждебно, какъ члена семьи ренегатовъ. Но Одилия, дочь Бастьена, отвѣчаетъ ему взаимностью. Молодые люди встрѣчаются внѣ дома, въ церкви, въ полѣ; Жанъ говоритъ о своей любви, получаетъ согласіе дѣвушки, и надѣется преодолѣть сопротивленіе ея отца. Но тогда возникаетъ новое препятствіе. Сестра Жана, Люсьена, сознается брату въ своей любви къ одному нѣмецкому офицеру и говоритъ, что отецъ, знающій объ этомъ, обѣщавъ устроить ихъ бракъ,

несмотря на протесты дѣдушки. Жанъ съ ужасомъ выслушиваетъ ея признаніе. Онъ понимаетъ, что отецъ Одилии никогда не согласится породниться съ семьей, членомъ которой будетъ нѣмецкій офицеръ. Но онъ не хочетъ противодействовать сестрѣ, хотя ея женихъ, котораго онъ хорошо знаетъ, кажется ему очень дурнымъ и пошлымъ человѣкомъ. Въ жизни семьи Оберле наступаетъ тяжелое время. Старикъ дѣдушка протестуетъ противъ допущенія нѣмецкихъ офицеровъ въ ихъ домъ, даже не зная, что одинъ изъ нихъ — предполагаемый женихъ его внуки. Старикъ заболѣваетъ, и на время прекращается всякій разговоръ о нѣмецкихъ гостяхъ. Но Иосифъ Оберле настаиваетъ на своемъ. Онъ пригласилъ къ себѣ префекта, родственника предполагаемаго жениха Люсьены, и принялъ всѣ мѣры, чтобы не случилось никакого скандала во время визита. Скандалъ, однако, все-таки происходитъ. Вся семья, въ томъ числѣ и Жанъ, уступившій настояніямъ сестры и отца, принимаетъ гости, когда вдругъ раскрывается дверь и въ гостиной появляется парализованный старикъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги, ведетъ себя крайне вызывающе, и шипеть на своей дощечкѣ слова, которыми почти выгоняетъ почтеннаго гостя. Несмотря на всѣ извиненія хозяина, префектъ уѣзжаетъ обиженный, и тогда въ опустѣвшей гостиной, гдѣ только одинъ Жанъ остался съ дѣдушкой, вдругъ раздается странный, пронзительный голосъ старика, уже давно не произносившаго ни слова. Онъ кричитъ: „Уходи, уходи!“ Это могло бы относиться къ ненавистному гостю, — но Жанъ понялъ, что старикъ обращается именно къ нему, совѣтуя ему уйти отъ позора, бѣжать во Францію. Слова дѣдушки только усиливаютъ уже давно назрѣвшее въ немъ рѣшеніе. Личное счастье для него недоступно, Одилия потеряна для него, и жить среди онѣмеченной семьи онъ не въ силахъ. Ему жаль матери, которая чутьемъ угадываетъ и смыслъ словъ старика, и рѣшеніе сына. Она готова на все, чтобы удержать его, готова содѣйствовать браку дочери, и сама принимаетъ ея жениха уже не дома, куда его невозможно позвать изъ-за дѣдушки, а въ ихъ пригородной виллѣ. Тамъ она любезна съ офицеромъ, — у нея есть просьба къ нему. Когда Жанъ черезъ нѣсколько дней уѣдетъ въ полкъ, то пусть на него обращаютъ особое вниманіе. Своихъ опасеній она не высказываетъ, а только проситъ наблюдать за сыномъ. Съ послѣдняго же она беретъ слово, что онъ въ назначенный часъ явится въ казармы. Жанъ даетъ слово, чтобы на нѣсколько времени успокоить мать. Онъ является, какъ обѣщалъ, въ казармы, проводитъ тамъ цѣлый день, но на слѣдующій день устраиваетъ побѣгъ при помощи дяди Ульриха. Когда во время переключенія его не оказывается налицо, изъ полка немедленно посылаютъ къ жениху Люсьены за справками о немъ. У того

сразу возникает подозрѣніе, и онъ прежде всего ѣдетъ къ Люсьенѣ, чтобы справиться не скрылся ли Жанъ дома: онъ вызываетъ Люсьену за ворота, спрашиваетъ ее, и по ея испугу понимаетъ, что она ничего не знаетъ. Тогда онъ заявляетъ ей, что долженъ будетъ заявить немедленно о дезертирствѣ Жана, и что вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отказаться отъ ея руки, такъ какъ долгъ чести не позволяетъ ему жениться на сестрѣ дезертира. Дѣвушка молить его, заклинаетъ его любовью къ ней,—все напрасно. Онъ обнимаетъ ее и страстно цѣлуетъ глаза, которыхъ больше никогда не увидитъ. По его отчаянію Люсьена понимаетъ, что женихъ ея навсегда уходитъ отъ нея. Онъ вскакиваетъ на лошадь и уѣзжаетъ галопомъ. Жанъ вмѣстѣ съ дядей долго блуждаетъ по пограничнымъ лѣсамъ; ихъ нагоняетъ стража, ранить Жана, но все-же въ концѣ концовъ Ульриху удается вернуться домой, и Жану перейти границу. Онъ раненъ и просыпается послѣ тяжелаго обморока въ лѣсу, но возлѣ него уже французскій солдатъ, и Жанъ улыбается счастливой улыбкой. Онъ слышитъ шумъ лѣса и, несмотря на всю свою слабость, чувствуетъ глубокое счастье. „Это Франція поетъ“,—шепчетъ онъ.

Трагедія въ жизни Жана заканчивается торжествомъ чувства родины надъ всѣми личными чувствами. Печальныя событія въ семьѣ Оберле изображены жизненно и сильно, и ярко рисуютъ ненормальную жизнь въ странѣ, гдѣ національное чувство болѣзненно обострено и сплетается съ личными отношеніями и чувствами каждой отдѣльной семьи.

II.

Wilhelm Bölsche. Hinter der Weltstadt. Leipzig. 1901. Стр. 347.

Вильгельмъ Бѣльше — горячій писатель, чрезвычайно увлекающійся, иногда парадоксальный, но очень интересный и по идейному содержанию своихъ книгъ, и по художественности, колоритности и энергичности стиля. Онъ родился въ 1861 г. въ Кѣльнѣ, въ литературной семьѣ; отецъ его былъ сотрудникомъ „Kölnische Zeitung“. Онъ кончилъ курсъ университета въ Боннѣ, гдѣ занимался философией и естественными науками, и затѣмъ жилъ въ Парижѣ, совершенствуясь въ естественно-научныхъ и литературныхъ знаніяхъ. Въ литературѣ онъ выступилъ въ концѣ 80-хъ годовъ, рѣзко применивъ сначала къ реалистической школѣ. Соединяя въ себѣ естественно-научныя знанія съ основательнымъ изученіемъ поэзіи, Бѣльше выработалъ оригинальную теорію связи между поэзіей и естественными науками и переносилъ естественно-научныя методы на изученіе поэзіи, пытаясь, съ

другой стороны, найти въ поэзіи разгадку тайнъ природы. Въ такомъ полу-научномъ, полу-поэтическомъ духѣ написана его книга „Naturwissenschaftliche Grundlagen der Poesie“ и начало недоконченной его работы о произведеніяхъ Гейне.—При всей парадоксальности и произвольности его очень спорной теоріи, въ „Grundlagen“, какъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Бѣльше, связывается сильный литературный талантъ. Естественныя науки дали Бѣльше глубокое пониманіе природы; во всемъ, что онъ писалъ и пишетъ до сихъ поръ, видна большая наблюдательность и любовь къ природѣ; онъ умѣетъ находить нити между отвлеченными мыслями и сужденіями о культурѣ, и живыми зрѣлищами природы, между развитіемъ духовной жизни человѣчества и эволюціей органической жизни. Съ другой стороны, у него есть живая связь съ поэзіей—по натурѣ своей онъ больше поэтъ, чѣмъ естествоиспытатель; сочетаніе этихъ двухъ элементовъ дѣлаетъ Бѣльше истиннымъ художникомъ. Самое несомнѣнное въ его творчествѣ—оригинальный поэтический стиль его произведеній. Онъ вноситъ поэзію въ область литературной критики и философіи, и въ настоящее время онъ несомнѣнно—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и увлекательныхъ нѣмецкихъ эссеистовъ.

Его единомышленниками и друзьями были въ началѣ литературной дѣятельности философъ и критикъ Бруно Вилле и Гауптманъ, который въ то время писалъ свои первыя драмы, увлекался и теоріей эволюціи, и социаль-демократическими идеями. Бѣльше держался тѣхъ же взглядовъ, видѣлъ въ Генрихѣ Гейнѣ родоначальника демократизма въ поэзіи, превозносилъ общественные романы Золя и подъ его влияніемъ написалъ романъ „Die Mittagsgöttin“. Вмѣстѣ съ Вилле онъ былъ однимъ изъ основателей „Свободнаго народнаго театра“, а потомъ и журнала подъ названіемъ „Свободная сцена“, гдѣ съ пропагандой Гауптмана и Ибсена соединялась проповѣдь радикальныхъ общественныхъ теорій. Бѣльше, впрочемъ, лишь временно увлекался проповѣдью практическаго демократизма, также какъ пересталъ потомъ быть строгимъ матеріалистомъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Въ немъ прежде всего была очень сильна любовь къ природѣ; чтобы спастись отъ суеты столичной жизни, онъ поселился въ маленькомъ лѣсномъ мѣстечкѣ Фридрихгагенѣ, близъ Берлина, вмѣстѣ со своимъ другомъ Бруно Вилле;—нѣкоторое время съ ними жилъ и Гауптманъ. Тамъ онъ живетъ до сихъ поръ и пишетъ свои полу-научныя, полу-литературныя книги; въ нихъ сказывается объективное спокойствіе человѣка, погруженнаго въ созерцаніе природы и умѣющаго съ большой высоты глядѣть на событія и на смѣну идейныхъ теченій въ человѣчествѣ. Основное настроеніе всѣхъ его произведеній—широкій и ясный оптимизмъ, связанный съ любовью къ природѣ. Основ-

ное качество всего, что онъ пишетъ,—художественный поэтический стиль, яркость и оригинальность суждений. Его книги—„Die Liebe in der Natur“, „Vom Bazillus zum Affenmenschen“—при всей научности своего содержания, относятся скорѣе къ области художественной литературы; поэтичность и образность изложенія напоминаетъ книги Мишле о морѣ, о птицахъ и т. д. Но Бельше не дилеттантъ въ наукѣ, какъ Мишле, а ученый, вносящій глубокія настроенія и поэтическую фантазію въ освѣщеніе вопросовъ естествознанія.

Бельше написалъ также нѣсколько романовъ: „Paulus“—изъ временъ Марка Аврелія. „Der Zauber des Königs Agrus“—юмористическій романъ изъ эпохи римскихъ цезарей.

Новая книга Вильгельма Бельше носитъ заглавіе—„Hinter der Weltstadt“; въ ней собранъ рядъ критическихъ статей о современныхъ и старыхъ писателяхъ, разсужденій объ общественныхъ вопросахъ и много личныхъ воспоминаній, очень интересныхъ для характеристики новѣйшей нѣмецкой литературы. Такъ какъ Бельше самъ, вмѣстѣ съ братьями Гартъ, съ Гауптманомъ, Бруно Вилле и другими, былъ однимъ изъ созидателей очень знаменательнаго литературнаго теченія, то все, что онъ говоритъ о себѣ, приобретаетъ значеніе цѣннаго историко-литературнаго матеріала.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Бельше въ краткихъ словахъ разсказываетъ исторію небольшой литературной группы, положившей начало реалистическому теченію въ нѣмецкой литературѣ. Она вела борьбу противъ устарѣлыхъ авторитетовъ, пропагандировала Зола, Ибсена, Толстого, и содѣйствовала развитію и организациі социаль-демократическаго движенія въ Германіи. Члены ея затѣмъ разбрелись въ разныя стороны, слѣдуя каждый влеченію своей обособленной индивидуальности. Бельше говоритъ не о самомъ моментѣ литературной и общественной борьбы, которую они всѣ вмѣстѣ вели, а о томъ настроеніи, которое явилось у всѣхъ у нихъ результатомъ ихъ лихорадочной дѣятельности. Они возненавидѣли столицу съ ея суетной жизнью и стали мечтать о жизни среди природы, среди лѣсовъ. Раньше всѣхъ ихъ переселился въ деревню Гауптманъ—онъ избралъ красивую лѣсистую мѣстность въ окрестностяхъ Берлина—Фридрихсгагенъ,—и вслѣдъ за нимъ тамъ же основались Бельше съ своимъ другомъ Бруно Вилле и братья Гартъ. Оттуда они продолжали принимать очень дѣятельное участіе въ начатомъ ими литературномъ движеніи, но, по мнѣнію Бельше, съ большей разумностью, съ болѣе спокойной мудростью, которую въ человѣкѣ развиваетъ созерцательная жизнь среди природы. „Какъ шелуха луковницы спали съ меня нервное хитроуміе и экзальтація столичнаго духа, — говоритъ Бельше о себѣ на своемъ образномъ энергичномъ языкѣ,—и замѣнилась болѣе

твердымъ слоемъ мужиковатости, совершенно измѣнившимися мыслями и чувствами. Я съ тѣхъ поръ не только сталъ чуждъ жизни въ городахъ, но считаю, что она—величайшая язва нашей духовной жизни. Чѣмъ выше поднимаются этажи домовъ къ закопченному небу, тѣмъ болѣе плоской становится жизнь духа. Теряется чутье ко всему тонкому въ природѣ и искусствѣ, т.-е. именно къ тому, что ведетъ вверхъ умственное развитіе“. Къ фридрихсгагенскимъ переселенцамъ наѣзжала изъ Берлина литературная молодежь, поэты и всякаго рода литературная богема, и въ недоброжелательной критикѣ стали иронически говорить о „фридрихсгагенской школѣ“, о „реализмѣ берлинскихъ предмѣстій“ (Berliner Vorortrealismus). Бѣльше утверждаетъ, что ни о какой школѣ не можетъ быть и рѣчи; существовалъ только тѣсный пріятельскій кружокъ людей, связанныхъ общей любовью къ природѣ и общими литературными взглядами. Онъ говоритъ, что всѣ легенды о широкой разгульной жизни въ Фридрихсгагенѣ совершенно выдуманы, тѣмъ болѣе, что вся тогдашняя компанія натуралистовъ располагала слишкомъ скудными средствами, чтобы задавать шеры и пить шампанское. Но то время кажется ему по воспоминаніямъ истинно прекраснымъ—„надъ нимъ носился легкій ароматъ эпикурейства, примѣшиваясь къ запаху сосенъ и дыханію озера“. Кружокъ со временемъ распался, и въ настоящее время только Вилле и Бѣльше остались вѣрны Фридрихсгагену—первые переселенцы остались и послѣдними. Отъ времени совмѣстной жизни большой фридрихсгагенской общины у Бѣльше не сохранилось впечатлѣній того, что онъ былъ членомъ какой-нибудь школы, какой-то эстетической или философской партіи. Онъ только теперь, какъ и тогда, ясно сознаетъ противоположность между нервнымъ міросозерцаніемъ города и тихой углубленной жизнью въ деревнѣ, на берегахъ сіяющаго на солнцѣ озера,—въ душѣ медленно зрѣютъ всѣ ея настроенія, всѣ ея силы, подобно тому, какъ жизненная влага поднимается вверхъ по волосатымъ сосудамъ мха. Въ этой тишинѣ, наставшей уже послѣ того, что онъ называетъ: „die Friedrichhagner Hochtage“, онъ писалъ свои литературныя и естественно-научныя книги.

Въ книгѣ „Hinter der Weltstadt“ собраны очерки литературнаго и эстетическаго содержанія. Чрезвычайно характерно для Бѣльше, что въ предисловіи къ статьямъ по литературѣ онъ считаетъ нужнымъ выяснить свое отношеніе къ природѣ, свою любовь къ ней и свою ненависть къ отвлеченной умственной жизни городовъ. Поэзія и искусство тѣсно связаны для него съ естественными науками, съ изученіемъ природы. Поэтому всѣ его естественно-научныя книги облагорожены духомъ поэзіи, и поэтому также, говоря о поэзіи и литературѣ, о культурныхъ вопросахъ современности, онъ такъ настой-

чиво доказываетъ, что созерцаніе природы совершенствуетъ развитіе духа. Въ своемъ походѣ противъ жизни въ городахъ, Бѣльше и его фридрихсгагенскіе единомышленники исходили изъ совершенно другихъ принциповъ, чѣмъ прежніе русскіе народники, которые тоже хотѣли опроститься и сбросить съ себя городскую культуру. Они шли къ народу съ желаніемъ служить ему, — нѣмецкіе же натуралисты были чужды такого рода общественныхъ идеаловъ; они были скорѣе философами, и такимъ Бѣльше остается и до сихъ поръ. Близость къ природѣ нужна ему для правильнаго мышленія, — въ ней онъ видитъ источникъ истиннаго пониманія культуры. Находясь въ центрѣ идейной жизни, человекъ, по его мнѣнію, теряетъ правильное мѣрило, склоненъ преувеличивать побѣды культуры, — созерцаніе же природы отерываетъ ему болѣе широкіе горизонты. Со стороны кажется немного страннымъ, что въ своемъ стремленіи уйти отъ города и жить среди природы Бѣльше успокоился на жизни почти въ предмѣстьѣ Берлина. Уже если говорить о тлетворномъ вліяніи столицы, то едва ли оно прекращается на разстояніи менѣе часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Если бы это было такъ, то всѣ лондонцы, живущіе въ пригородныхъ виллахъ, были бы деревенскими жителями. Да и природа въ окрестностяхъ Берлина какъ будто недостаточно величественна и прекрасна, чтобы всецѣло очистить отъ городской заразы. Но Бѣльше любитъ свою провинцію — бранденбургскую марку и обрѣтаетъ въ лѣсахъ ея ту мудрость, которая ему нужна для спокойнаго и безпристрастнаго сужденія о жизни и культурѣ. Онъ такимъ образомъ подтверждаетъ ту истину, что любовь къ природѣ развивается именно у столичныхъ жителей; они къ тому же такъ не избалованы, что упиваются красотами первой деревушки за чертой города. Вѣдь и французская пейзажная живопись, давшая столь великихъ представителей, какъ Миллэ, Руссо и Добиньи, возникла сравнительно недалеко отъ Парижа — въ Фонтенебло. Потому и нѣмецкіе натуралисты, и Бѣльше могутъ вести походъ противъ жизни въ городахъ, живя сами — на дачѣ близъ Берлина.

Идеи Бѣльше наиболѣе полно изложены въ обще-философскомъ очеркѣ подъ заглавіемъ: „Къ XIX-му вѣву“, а также въ статьяхъ о Новалисѣ и Гейне, о Гауптманѣ и о братьяхъ Гартъ. Въ очеркѣ, посвященномъ итогам XIX-го вѣка, Бѣльше говоритъ о контрастѣ между быстротой внѣшняго техническаго прогресса и медленнымъ назрѣваніемъ идей. Идеаль развитія техники составляетъ изобрѣтеніе орудій, сокращающихъ время труда, — и въ этомъ смыслѣ XIX-й вѣкъ сдѣлалъ столько же, сколько всѣ прежніе вѣка вмѣстѣ взятые. Въ исторіи развитія техники есть только два періода, имѣю-

щие равное значение. Одинъ обнимаетъ XIX-й вѣкъ, другой—всѣ предшествующіе періоды человѣческаго развитія. Бѣльше доказываетъ это обзоромъ всѣхъ главнѣйшихъ открытій современной эпохи и приходитъ къ заключенію, что истекшій вѣкъ по быстротѣ движенія заключаетъ въ себѣ не десятки, а сотни тысячъ лѣтъ. Но особенно гордится этимъ гигантскимъ развитіемъ внѣшней культуры нечего. Если вникнуть въ тѣ идеи, которыя принесли и развили XIX-й вѣкъ, то получится совершенно иное зрѣлище: окажется, что никакихъ скачковъ, никакихъ абсолютно новыхъ завоеваній человѣчество не сдѣлало въ этотъ ослѣпительный съ внѣшней стороны вѣкъ; оно только развивало наслѣдіе минувшихъ временъ съ той безконечной медленностью, съ какой растутъ и образуютъ новыя наслоенія коралловые рифы. Въ обзорѣ идейныхъ движеній XIX-го вѣка сказывается предубѣжденіе Бѣльше противъ внѣшней культуры, та нелюбовь къ жизни городовъ, поглощенной заботами о внѣшнихъ благахъ, которая побудила его искать спасенія въ созерцательной жизни на лонѣ природы. Технические завоеванія не радуютъ его; напротивъ того, онъ видитъ въ нихъ скорѣе зло, потому что „въ этотъ нервный вѣкъ заботы объ усовершенствованіи орудій какъ бы поглотили человѣка, для котораго орудія эти предназначены“. „Это былъ вѣкъ торжества, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — но колеса триумфальной колесницы прошли надъ нашими трупами. Техническое производство, работающее какъ бы въ квадратѣ, представляетъ очень увлекательное зрѣлище, но можемъ ли мы выдержать столь быстрый темпъ?“ Судить о культурѣ нужно по развитію великихъ идей, а если съ этой точки зрѣнія взглянуть на XIX-й вѣкъ, то окажется, что онъ при всемъ своемъ блескѣ столь же мелокъ, какъ всѣ его предшественники. Люди только этого не замѣчаютъ, и именно только благодаря развитію внѣшнихъ орудій культуры, XIX-й вѣкъ выдвинулъ идеи, подготовленные и созданныя сотни и тысячи лѣтъ тому назадъ, и онѣ считаются теперь его порожденіями. Зародышъ социальныхъ идей, которыми такъ гордится XIX-й вѣкъ, Бѣльше уже видитъ въ исторіи Будды, который разбилъ свою корону при видѣ нищихъ, страждущихъ и больныхъ, и задумался о томъ, какъ бы ихъ избавить отъ страданій, а также еще болѣе — въ исторіи Христа, распятаго для спасенія человѣчества. Идея гуманности и человѣколюбія назрѣвала вѣками. Вѣкъ машинъ высвободилъ эту идею изъ прежнихъ путей, но этимъ онъ ничего новаго не создалъ, а только далъ ей новый толчокъ, — она не пошла тѣмъ быстрымъ ходомъ, какимъ шли технические совершенствованія, а медленно назрѣвала, какъ всякая идейная работа. Она принадлежитъ къ кореннымъ идеямъ человѣчества, находящимся внѣ самаго вопроса объ усовершенствованіи орудій. И другія идеи, ко-

торныя считаются порожденіемъ XIX-го вѣка, какъ, напр., идея эволюціи, коренятся въ глубинѣ вѣковъ. „Если бы греку времени Эпикура, — говорить Бѣльше, — рассказать про телефонъ, то онъ подумалъ бы, что его дурачатъ. Но если бы ему сказали, что прямая преемственность соединяетъ человѣка съ животными и со всѣмъ, что живетъ на небѣ и на землѣ, то онъ бы спросилъ: а есть у васъ новыя доказательства для этой великой идеи?“ Привода эти и другіе примѣры, Бѣльше доказываетъ, что въ исторіи внутренняго развитія человѣческой души тысячелѣтія сливаются воедино, и что если съ этой высоты смотрѣть на итоги одного вѣка, то окажется, что никакого быстрого хода не можетъ быть, и что новый вѣкъ прибавляетъ только едва замѣтное наслоеніе на коралловомъ рифѣ времени. Къ этимъ выводамъ приводитъ Бѣльше его объективное отношеніе къ культурной жизни, которую онъ созерцаетъ въ сопоставленіи съ вѣковыми наслоеніями въ природѣ.

Въ чисто литературныхъ очеркахъ Бѣльше проводитъ свою излюбленную мысль о связи между естественными науками и поэзіей. Говоря о Новалисѣ, который умеръ на зарѣ XIX-го вѣка, въ 1801 г., онъ старается объяснить по-своему возрожденіе интереса къ этому поэту-романтику. Въ сущности, связь между Новалисомъ и современной поэзіей вполне ясна. Интересъ къ Новалису связанъ съ развитіемъ символизма въ новѣйшей поэзіи; въ символизмъ есть несомнѣнно много общаго съ романтизмомъ, отъ котораго онъ отличается главнымъ образомъ отсутствіемъ сентиментальности. Символизмъ — тотъ же романтизмъ, только прошедшій черезъ реалистическую школу, требующій реальности и точности образовъ — даже въ области самыхъ неуловимыхъ ощущеній; образы же эти становятся символомъ внутреннихъ переживаній, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ видимой дѣйствительности. Романтизмъ былъ болѣе туманенъ, но въ немъ тоже было стремленіе обособить внутренній міръ человѣка отъ внѣшнихъ событій, создать путемъ поэтическаго творчества самобытный міръ фантазіи и провозгласить его равноправіе съ міромъ дѣйствительнымъ. Въ этомъ влеченіи и заключается связь литературы начала вѣка съ поэзіей конца вѣка, хотя философское содержаніе ихъ совершенно различно. Новалисъ близокъ нашему времени своимъ исканіемъ таинственнаго „голубого цвѣтка“ поэзіи. Но Бѣльше смотритъ на Новалиса совершенно иначе. Онъ видитъ въ немъ философскую глубину и считаетъ его очень яркимъ и яснымъ реалистомъ. Основное значеніе Новалиса онъ видитъ въ томъ, что для него „поэзія была источникомъ истины“. Въ этомъ смыслѣ онъ какъ бы пошелъ дальше всѣхъ реалистовъ. Они считаютъ, что искусство должно отражать дѣйствительность, — онъ же доказывалъ, что искусство и есть

дѣйствительность. „Поэзія—абсолютно дѣйствительное (das absolut Reelle). Въ этомъ—основа моей философіи. Чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ истиннѣе“. Въ этихъ словахъ Бѣльше видитъ самое полное опредѣленіе „эстетическаго реализма“, и въ немъ онъ полагаетъ все значеніе Новалиса. Онъ считаетъ его выразителемъ его времени, для котораго дѣйствительность и поэзія сливались во единое. Величайшій человѣкъ того времени, Гёте, былъ поэтомъ; искусство считалось тогда абсолютною величиною, и созидательное его значеніе—безспорнымъ. Новалисъ—философъ того времени. Эстетическія переживанія человѣка казались ему самыми глубокими, и сравнительно съ ними случайныя внѣшнія событія—блѣдными и незначительными. Послѣ Новалиса цѣльность „эстетическаго реализма“ ослабла, искусство стали отдѣлять отъ дѣйствительности, дѣйствительность стала достоинствомъ науки и практической дѣятельности; отъ искусства же, отъ поэзіи требовали, чтобы она „становилась“ реалистической, какъ будто бы сама по себѣ она не есть дѣйствительность. Все стремленіе новалискаго реализма, представителемъ котораго Бѣльше считаетъ и себя, состоитъ въ объединеніи этой образовавшейся раздвоенности, въ томъ, чтобы слить дѣйствительность и поэзію,—и въ этомъ смыслѣ у реализма есть глубокая связь съ Новалисомъ, пламенно воставшимъ противъ дуализма. Бѣльше говоритъ, что такъ называемый мистицизмъ Новалиса заключается въ послѣдовательномъ монизмѣ. Для Новалиса искусство есть дѣйствительность, потому что для него не существуетъ ничего двойственнаго въ мірѣ. Зеленое дерево и Венера Милосская одинаково реальны въ его глазахъ. Современный реализмъ—такъ, какъ его понимаетъ Бѣльше—исходитъ изъ совершенно тѣхъ же принциповъ. „Цѣли Новалиса,—говоритъ онъ,—такія же, какъ у современнаго реализма“.

Такимъ образомъ Бѣльше разъясняетъ на примѣрѣ Новалиса свою собственную теорію натурализма, какъ сочетанія поэзіи съ изученіемъ истины въ природѣ. Все значеніе поэзіи Новалиса онъ при этомъ не принимаетъ во вниманіе. Его объясненіе современнаго натурализма тоже въ сущности относится только къ его собственнымъ теоріямъ, такъ какъ стремленіе другихъ натуралистовъ, какъ въ Германіи, такъ и въ иныхъ странахъ, состояло именно въ отраженіи жизни, а не въ признаніи равноправности поэтическихъ переживаній и внѣшней дѣйствительности.

Въ другихъ литературныхъ очеркахъ Бѣльше столь же субъективно судить о писателяхъ, такъ или иначе симпатичныхъ ему. Такъ, напр., въ извѣстномъ романѣ Фонтанѣ онъ превозноситъ главнымъ образомъ его любовь къ природѣ, его сочувствіе натуралистическому движенію въ литературѣ и его бессознательный натура-

лизмъ, который сказывался въ немъ вопреки узко-патріотической тенденціи нѣкоторыхъ его романовъ. Въ очеркѣ о Гейне Бѣльше доказываетъ величіе Гейне тѣмъ озлобленіемъ, которое онъ возбуждалъ и возбуждаетъ въ буржуазномъ обществѣ, той борьбой, которая возгорѣлась изъ-за постановки ему памятника. Поэтъ, котораго такъ долго ненавидятъ, уже тѣмъ самымъ доказываетъ силу своихъ идей. Гейне дорогъ Бѣльше, какъ примѣръ глубокой связи между поэзіей и дѣйствительностью. Имъ увлекаются всѣ поклонники чистой лирики, его провозглашаютъ „своимъ поэтомъ“ на рабочихъ собраніяхъ—и въ этомъ Бѣльше видитъ его близость къ современному натурализму.

Въ статьѣ о братьяхъ Гартъ авторъ сообщаетъ интересныя фактическія подробности о началѣ реалистическаго движенія въ Германіи и очень ярко рисуетъ и внѣшнюю жизнь литературной богемы, и восторженность, съ которой небольшой кружокъ поэтовъ и критиковъ предпринялъ борьбу противъ рутины во имя равноправія жизни и искусства. Изъ другихъ интересныхъ очерковъ въ книгѣ Бѣльше слѣдуетъ отмѣтить статьи о Германѣ Гриммѣ и о свободныхъ университетахъ; Бѣльше возстаетъ противъ педантизма университетской системы въ Германіи, и стоитъ за основаніе свободныхъ университетовъ, дающихъ общее развитіе и не связанныхъ съ вопросомъ о дипломахъ и правахъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1902.

Чествованіе памяти Гоголя.—Столѣтіе со дня рожденія Виктора Гюго.—Параллель между его „Misérables“ и „Воскресеніемъ“ гр. Л. Н. Толстого.—Полемика по поводу „Записокъ врача“, г. Вересаева.—Правительственное сообщеніе о дѣлѣ сектантовъ въ селѣ Павловкѣ.

21-го минувшаго февраля исполнилось пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Гоголя. Время сыграло по отношенію къ нему ту же самую роль, какъ и по отношенію къ другимъ истинно великимъ писателямъ: оно сгладило различія мнѣній, положило конецъ близорукому или одностороннему отрицанію, устранило вольныя и невольныя недоразумѣнія, соединило всѣхъ въ преклоненіи передъ неуязвимою славой. Кто жилъ сознательною жизнью въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, тотъ помнитъ, какъ не широкъ былъ, въ моментъ смерти Гоголя, кругъ его убѣжденныхъ почитателей. Съ самыхъ первыхъ шаговъ принятый, какъ равный, избранными литературными кружками, провозглашенный Бѣлинскимъ, еще до появленія „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, главою русской литературы, онъ не былъ оцѣненъ ни большинствомъ низкопробныхъ, но вліятельныхъ, въ свое время, критиковъ, ни массою публики, видѣвшей въ немъ то ловкаго забавника, то дерзкаго раскапывателя житейской грязи. Медленно, но непрерывно его звѣзда поднималась все выше и выше, не переживая такихъ затмѣній, какое испытала, въ шестидесятыхъ годахъ, звѣзда Пушкина. Теперь оба имени стоятъ рядомъ, окруженные одинаковымъ ореоломъ, и только - что пережитые „гоголевскіе дни“ могутъ сравниться съ „пушкинскими“—если не 1880-го года, когда господствовало совершенно особенное общественное настроеніе, то ближайшими къ нимъ, приуроченными къ столѣтней годовщинѣ рожденія Пушкина.

Существуютъ разные взгляды на степень и характеръ вліянія, которое оказалъ Гоголь на дальнѣйшій ходъ русской литературы—но никто не сомнѣвается въ силѣ и благотворности этого вліянія. Далеко на задній планъ отступило все то, что отталкивало отъ Гоголя, въ концѣ сороковыхъ годовъ, лучшихъ представителей русской мысли. Гоголь, какъ проповѣдникъ и моралистъ, служить теперь только предметомъ историческаго изученія; изрѣдка повторяющіяся попытки оправдать или даже возвеличить эту сторону его дѣятельности про-

ходить безслѣдно, и интересъ внушаетъ лишь ея *объясненіе*. Безо-
 нечно дорогъ онъ всѣмъ какъ прокладыватель новыхъ литературныхъ
 путей, какъ художникъ, завѣщавшій Россіи правдивую и яркую кар-
 тину современной ему русской жизни—и, вмѣстѣ съ нею, нѣсколько
 безсмертныхъ типовъ, общечеловѣческія черты которыхъ ясно вы-
 ступаютъ на видъ изъ-за всего мѣстнаго и временнаго. Приближается,
 быть можетъ, моментъ, когда Гоголь займетъ подобающее ему мѣсто
 и въ всемірной литературѣ. Въ статьѣ объ одномъ изъ новѣйшихъ
 нашихъ писателей, напечатанной недавно въ „Revue des deux
 Mondes“, Мельхиоръ де-Вогюэ называетъ Гоголя „общимъ отцомъ, ини-
 циаторомъ, который первый научилъ русскихъ искусству наблюдать и
 изображать реальную жизнь народа“... „Чѣмъ больше“—продолжаетъ
 онъ,—„чѣмъ больше увеличивается число русскихъ повѣствователей,
 тѣмъ сильнѣе удивляешься гениальному откровенію, отъ котораго они
 всѣ произошли. Только врожденнымъ, стаднымъ преклоненіемъ передъ
 новизною можно объяснить усердіе, съ которымъ мои соотечествен-
 ники читаютъ блѣдныхъ продолжателей Гоголя, отказываясь отъ зна-
 комства съ оригинальнымъ изобразителемъ Россіи. Ничего не подѣ-
 лаешь съ этой рѣшимостью оставаться въ невѣдѣніи. И тѣмъ не
 менѣе я сойду со сцены, твердо вѣря въ наступленіе дня, когда
Мертвая Душа можно будетъ найти, рядомъ съ *Донъ-Кихотомъ*, въ
 библиотекѣ вѣждаго просвѣщеннаго человѣка“...

И въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что, научившись понимать
 и цѣнить Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого, наши западные друзья
 захотятъ узнать поближе не только ихъ послѣдователей, но и ихъ
 предшественниковъ. Покойный Геннекекъ, писавшій въ самый раз-
 гаръ увлеченія иностранными литературами, пустилъ въ ходъ мѣткое
 выраженіе: „офранцузенные писатели“ (écrivains français)—офран-
 цуженные не въ смыслѣ усвоенія ими французскихъ вліяній, а въ
 смыслѣ усвоенія ихъ французскою публикою. Логическимъ резуль-
 татомъ усвоенія долженъ явиться, рано или поздно, интересъ къ
 генеалогіи усвоенныхъ... Наравнѣ съ Франціей наши великіе
 писатели сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ покорили себѣ Герма-
 нію, Англію, скандинавскія государства. И здѣсь, слѣдовательно,
 можно ожидать, въ ближайшемъ будущемъ, распространенія гоголев-
 скаго культа. Особенности быта, описаннаго Гоголемъ, теперь уже
 не такъ непонятны для иностранцевъ, какъ полвѣка тому назадъ,
 когда выходили въ свѣтъ первые французскіе переводы „Ревизора“
 и „Мертвыхъ Душъ“. Исторія до-реформенной Россіи извѣстна на
 Западѣ гораздо больше прежняго, и при ея свѣтѣ падаетъ одно изъ
 главныхъ препятствій, затруднявшихъ для иностранцевъ изученіе
 русской литературы первой половины XIX-го вѣка.

26-го (13-го) февраля началось въ Парижѣ чествованіе столѣтней годовщины рожденія Виктора Гюго. Если названіе „обрусѣвшаго“ писателя подходитъ къ нему и не въ такой мѣрѣ, въ какой эпитетъ: „офранцузенный“ прилѣпимъ къ нашимъ великимъ романистамъ, если онъ никогда не былъ у насъ настолько любимъ и популяренъ, какъ, напримѣръ, Жоржъ Зандъ и Диккенсъ—въ сороковыхъ годахъ, Шпильгагенъ—въ шестидесятыхъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы могли остаться равнодушными къ его памяти. Слишкомъ видна роль, которую онъ игралъ, въ теченіе шестидесяти-пяти лѣтъ, въ столь близкой намъ французской литературѣ. Въ тридцатыхъ годахъ у насъ прогремѣли его романтическія драмы и съ увлеченіемъ читалась его „Notre Dame de Paris“; тридцать лѣтъ спустя, большое впечатлѣніе произвели его „Misérables“; лучшія изъ его лирическихъ стихотвореній, и прежде, и послѣ, находили у насъ цѣнителей и переводчиковъ.

Въ самой Франціи отношеніе общества къ В. Гюго пережило нѣсколько различныхъ фазисовъ. Минуты охлажденія къ поэту наступали неоднократно, но ему скоро удавалось возстановить падшій престижъ. Его дарованіе было такъ эластично, сфера его творчества такъ широка, что ему нетрудно было замѣнять одинъ источникъ вдохновенія другимъ и вступать на новую дорогу, оставаясь самимъ собою. Выводя на сцену, въ своихъ драмахъ и раннихъ романахъ, необузданныя страсти, небывалыя положенія, крайности—или сочетанія—добродѣтели и порока, онъ являлся, въ то же время, простымъ, задушевымъ пѣвцомъ домашняго очага, семейныхъ радостей и печалей (напр., въ „Feuilles d'automne“)—и задумывался надъ жгучими вопросами современной дѣйствительности („Dernier jour d'un condamné“). Когда фіаско „Бургграфовъ“ знаменуетъ собою паденіе моды на романтизмъ, авторъ „Эрнани“ и „Рюи-Бласа“ открываетъ въ себѣ призваніе политическаго оратора; когда разбивается въ дребезги трибуна, онъ становится политическимъ сатирикомъ, клеймящимъ, въ „Châtiments“, торжество обмана и грубой силы. Перешагнувъ за предѣлы, по ту сторону котораго рѣдко сохраняется творческая сила, онъ пишетъ параллельно рядъ романовъ, начинающійся съ „Misérables“ и оканчивающійся „Девяносто-третьимъ годомъ“—и рядъ историческихъ поэмъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ „Légende des siècles“. Во время его изгнанія слава его достигаетъ своего апогея и рассматривается какъ національное достояніе, дорогое даже для политическихъ его противниковъ. Вокругъ него водворяется почтительное молчаніе; критика складываетъ передъ нимъ свое оружіе.

Въ тишинѣ, однако, зрѣютъ другіе взгляды, обостряемые явными признаками упадка, которымъ отмѣчены послѣднія произведенія Гюго

(„Torquemada“, „Quatre vents de l'esprit“, „Religion et religions“). Знамя бунта поднимаетъ, въ лицѣ Золя, окрѣпшій и гордый своими побѣдами натурализмъ, еще не вступавшій тогда въ періодъ неудачъ и разочарованій. Трауръ, въ который облачается Франція при вѣсти о кончинѣ Гюго, носить въ значительной степени формальный характеръ; непосредственно за нимъ слѣдуютъ почти единодушныя попытки развѣнчать поэта, какъ носителя идеаловъ, и оставить за нимъ одинъ лишь титулъ мастера формы, ни съ кѣмъ несравнимаго художника стиха. Во главѣ этого похода стоятъ уже не прямолинейные доктринеры, для которыхъ ничего не стоило провозгласить Гюго риторомъ, и только риторомъ,—а такіе тонкіе и спокойные критики, какъ Фагэ и Леметръ. У Гюго, по мнѣнію Фагэ, мало идей, мало любви къ идеямъ и къ ихъ носителямъ; его образъ мыслей—явленіе отраженное и, слѣдовательно, поверхностное; отсутствующую глубину содержания замѣняетъ торжественность тона. Множество стихотвореній написано имъ на темы, точно заимствованныя изъ прописей („всѣ люди смертны“, „счастье заключается въ добродѣтели“ и т. п.); съ общими мѣстами морали чередуются у него общія мѣста философіи или космогоніи. Мы указывали, въ свое время, на крайнюю односторонность такого взгляда ¹⁾. Онъ порожденъ, больше всего, волною политическаго индифферентизма, овладѣвшаго, послѣ событій „страшнаго года“, значительною частью французской интеллигенціи (Гонкуръ, Додэ, Бурже, Тэнъ, Ренанъ). Скептицизмъ, свысока смотрящимъ на политическую жизнь и считающимъ ее удѣломъ тщеславія, близорукости и педантизма, Гюго-демократъ, Гюго-проповѣдникъ равенства и братства долженъ былъ казаться какимъ-то чудачкомъ, иногда немножко смѣшнымъ, иногда немножко скучнымъ; въ произведеніяхъ, вызванныхъ этимъ чудачествомъ, они способны были цѣнить только вѣшную оболочку.

Въ послѣднее время во французскомъ обществѣ происходитъ, по видимому, новая перемѣна, благоприятная для памяти Гюго. Характернымъ выраженіемъ ея можетъ служить статья Андре Ле-Бретона: „La pitié sociale dans le roman“, появившаяся въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Revue des deux Mondes“ (15 февраля). Для насъ, русскихъ, она особенно интересна параллелью, которую проводитъ авторъ между „Misérables“ В. Гюго и „Воскресеніемъ“ Л. Толстого. Можно ли найти въ *Воскресеніи*,—спрашиваетъ онъ,—„что-либо такое, чего не было бы въ *Misérables*? Падшее, но вновь поднимающееся созданье; бѣдняки, арестанты, проститутки, всѣ подонки и всѣ жертвы обще-

¹⁾ См. въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1887 г. статью: „В. Гюго и новѣйшая французская критика“.

ственной жизни, соединенны въ широкой картинѣ; жестокосердые буржуа, легкомысленные судьи; наивные революціонеры, пытающіеся исправить міръ и погибающіе подъ тяжестью своей задачи; сцены въ госпиталѣхъ, въ тюрьмахъ, на ваторгѣ—и надъ всѣмъ этимъ, среди длиннаго ряда ужасныхъ или печальныхъ образовъ, могучее дуновение братской любви и милосердія: такова сущность обѣихъ книгъ. Заглавіе одной изъ нихъ оказалось бы вполне подходящимъ и для другой“. Въ этой параллели, нисколько не предрѣшающей вопроса о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ романовъ, много вѣрнаго; не даромъ же и самъ Толстой, въ своемъ этюдѣ: „Что такое искусство“, причисляетъ „Misérables“ къ „образцамъ высшаго искусства, вытекающаго изъ любви къ Богу и ближнему“. Для характеристики настроенія, общаго Толстому и Гюго, Ле-Бретонъ беретъ выраженіе, пущенное въ ходъ Вогюэ именно въ примѣненіи къ русскому роману: „соціальное состраданіе“ (pitié sociale). Это—настроеніе сложное, обязанное своимъ происхожденіемъ сочетанію демократическаго духа и христіанской любви; послѣдняя вноситъ въ него свою кротость и нѣжность, первый—свое стремленіе къ равенству и справедливости. Обиняя собою всю обездоленную массу, „соціальное состраданіе“ взываетъ не только къ сочувствію и помощи отдѣльныхъ лицъ, но и къ вниманію и заботливости законодателя. Проблески его Ле-Бретонъ находитъ уже въ раннихъ произведеніяхъ Гюго—въ „Dernier jour d'un condamné“, въ „Claude Gueux“; но для того, чтобы оно созрѣло, нужно было умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, нужно было семейное горе, пережитое Гюго (трагическая смерть любимой дочери), нужна была горечь продолжительнаго изгнанія. Изъ взаимодействія всѣхъ этихъ элементовъ вышла „эпопея пролетаріата, въ его медленномъ восхожденіи къ свѣту“. Рѣшительно порывая съ предразсудкомъ, отрицавшимъ идейное содержаніе твореній Гюго, Ле-Бретонъ провозглашаетъ „Misérables“ самымъ могучимъ изъ французскихъ романовъ XIX-го вѣка. По обширности замысла и силѣ исполненія ему уступаютъ даже лучшія произведенія Диккенса и Эллиота—и вѣчто вполне аналогичное представляетъ только русская литература, въ лицѣ Достоевскаго и въ особенности Толстого. Слабыя стороны „Misérables“ Ле-Бретонъ видитъ совершенно ясно; онъ подчеркиваетъ напыщенность вводныхъ разсужденій, театральность манеры, искусственность эффектовъ, отвлеченность характеровъ—и, не колеблясь, отдаетъ преимущество простотѣ и жизненности Толстого. Если онъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ интимное родство Гюго и Толстого, то его приводитъ къ этому выводу общая имъ интенсивность братскаго чувства, возвышающагося до религіи. Ихъ произведенія не только прекрасны: они благодѣтельны. Ле-Бретонъ очень удачно вспо-

минаетъ по этому поводу одно мѣсто изъ „Misérables“. Въ саду епископа Мириеля есть грядка, засѣянная цвѣтами.—Эта грядка бесполезна,—говоритъ старушка, завѣдующая его скромнымъ хозяйствомъ,—лучше было бы посадить на ней салатъ. „Вы ошибаетесь“,—отвѣчаетъ ей, епископъ:—„прекрасное столь же полезно, какъ и полезное“. Немного подумавъ, онъ прибавляетъ: „можетъ быть, болѣе полезно“...

Возвратимся къ значенію поворота, знаменуемаго статью Ле-Вретона. Прошло, очевидно, то время, когда единственной задачей искусства выставилось созданіе произведеній „твердыхъ какъ мраморъ или бронза“,—произведеній, въ которыхъ незамѣтна была бы личность автора, не чувствовались бы вѣянья и запросы эпохи. Потерялъ свою силу и тотъ литературный импрессионизмъ, который требовалъ вѣчной смѣны впечатлѣній, вѣчной погони за новизною. Пресловутой формулы Золя: „самыми великими изъ насъ будутъ не тѣ, которые стремились къ улучшенію человѣка, а тѣ, которые изображали его какимъ онъ есть, во всей его жизненной правдѣ“—не повторилъ бы теперь, безъ существенно-важныхъ оговорокъ, и самъ ея авторъ. Односторонность, въ чемъ бы она ни заключалась, не можетъ быть долговѣчной; для приговоровъ, ея продиктованныхъ, скоро наступаетъ пересмотръ—и онъ, очевидно, наступилъ для Гюго, какъ еще раньше—для Ламартина. Не возобновится, конечно, безусловное преклоненіе передъ писателемъ, въ огромномъ наслѣдствѣ котораго, рядомъ съ золотомъ и алмазами, очень много мишуры и поддѣльныхъ драгоценностей; но его недостатки перестанутъ заслонять собою его дѣйствительную силу. „Величіе“—говорили мы двадцать лѣтъ тому назадъ, разбирая формулу Золя, — „величіе достигается не однимъ путемъ, не однимъ только способомъ. Объективизмъ дается легко въ эпохи сравнительно спокойныя и мирныя, молодымъ народамъ и цивилизаціямъ; въ періоды переходныя, какъ нашъ, среди всеобщихъ колебаній, среди борьбы стараго съ новымъ, онъ покупается, болѣею частью, цѣною нравственной изолированности, цѣною отрѣшенія отъ заботъ меньшинства и отъ страданій массы“... Такой изолированности всегда чуждался Гюго, отъ такого отрѣшенія онъ былъ тѣмъ болѣе далекъ, тѣмъ ближе подходилъ къ концу жизни—и свой глубокий интересъ въ задачамъ вѣка онъ сумѣлъ воплотить, по крайней мѣрѣ отчасти, въ художественныхъ образахъ и картинахъ. Политическій идеализмъ тридцатыхъ годовъ, съ такою задушевностью и такимъ блескомъ изображенный Гюго въ лицѣ Анжольера, Комбедерра и другихъ друзей *униженнаго*, т. е. народа (*les amis de l'ABC — de l'abaissé*), существуетъ, въ другихъ формахъ, и теперь, какъ существовалъ и полу-вѣкомъ раньше, въ эпоху великой революціи, внушившей Гюго величественныя фигуры Говена и Симурдена (въ „Quatre-

vingt-treize"). Безсознательный героизм Гавроша, чистая любовь, просвѣтляющая послѣднія минуты Эпонины, высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ наивное самоотреченіе епископа Миріеля—все это страницы изъ книги, надъ которой до сихъ поръ работаетъ и долго еще будетъ работать жизнь. И если къ чествованію столѣтней годовщины Гюго въ Парижъ прибыли депутаціи изъ разныхъ странъ Европы, то не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ нѣчто болѣе, чѣмъ дань благодарности за эстетическія наслажденія, доставленныя поэтомъ? Не слышится ли здѣсь отголосокъ общенародной солидарности, росту которой такъ много способствовали великіе писатели XIX-го вѣка — и между ними, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, Викторъ Гюго?..

Немного найдется книгъ, которыя были бы поняты и приняты какъ *дѣло*, и около которыхъ именно потому завязался бы горячій, даже ожесточенный споръ. Такая судьба выпала на долю „Записокъ врача“, г. Вересаева. Противъ нихъ произносятся рѣчи, пишутся рефераты; изъ числа профессиональныхъ товарищей автора многіе обвиняютъ его чуть не въ измѣнѣ, въ искаженіи истины, въ подрывѣ довѣрія къ медикамъ и медицинѣ—довѣрія, отъ котораго въ значительной степени зависитъ успѣхъ леченія. Есть у г. Вересаева, между врачами, и защитники, но они, повидимому, составляютъ меньшинство; сочувственную ему телеграмму подписали сравнительно немногіе изъ участниковъ Пироговскаго съѣзда, недавно происходившаго въ Москвѣ. Для посторонняго наблюдателя негодованіе, вызванное „Записками врача“, представляется, по меньшей мѣрѣ, до крайности страннымъ. Оспариваетъ ли авторъ поступательное движеніе медицины, какъ науки, отрицаетъ ли онъ пользу, приносимую ею, какъ искусствомъ? Нисколько. „Приступая къ изученію медицины“,—говоритъ г. Вересаевъ,— „я ждалъ отъ нея *всего*; увидѣвъ, что всего медицина дѣлать не можетъ, я заключилъ, что она не можетъ дѣлать *ничего*; теперь я видѣлъ, какъ *много* все-таки можетъ она, и это многое преисполняло меня довѣріемъ и уваженіемъ къ наукѣ... Конечно, многое еще не достигнуто, но все это лишь вопросъ времени, и намъ трудно себѣ даже представить, какъ далеко пойдетъ наука“. Таковъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ при окончаніи курса. Когда онъ приступилъ къ практикѣ, его только-что установившіеся взгляды опять „зашатались и заколебались“; онъ болѣзненно чувствовалъ „безвѣчное несовершенство діагностики, чрезвычайную шаткость ея показаній“, неувѣренность въ дѣйствіи лекарствъ; но, убѣждаясь на опытъ въ важности завоеваній, сдѣланныхъ и постоянно дѣлаемыхъ медициной, онъ тѣмъ не менѣе возвращался къ мысли, что врачебной наукѣ пред-

стоитъ блестящее будущее. И это—его послѣднее слово: „я вѣрю въ медицину“,—воскликаетъ онъ,—„вѣрю, хотя она во многомъ бессильна, во многомъ опасна, многого не знаетъ“. Совершенно основательно находя, что въ успѣшности леченія большую роль играетъ искусство врача—искусство, которому нельзя научиться, какъ нельзя, напримеръ, научиться поэзiи,—г. Вересаевъ и не думаетъ, однако, выводить отсюда бесполезность „ординарныхъ врачей“; онъ очень хорошо понимаетъ, что признавать право на леченіе только за выдающимися талантами—которыхъ въ врачебномъ мiрѣ, какъ и вездѣ, немного,—значило бы гнать больныхъ въ руки знахарей и шарлатановъ. Поощряетъ ли онъ предубѣжденія, съ которыми большая публика отворачивается къ врачамъ, несправедливыя притязанія, которыя она къ нимъ часто предъявляетъ? Наоборотъ: онъ выступаетъ скорѣе защитникомъ своихъ коллегъ. Его возмущаетъ травля, поднимаемая въ обществѣ и въ печати по поводу каждой ошибки врача, возмущаетъ несправедливость, съ которою требуютъ отъ врачей—не предъявляя подобныхъ требованій къ самому себѣ,—неутомимости, безкорыстія, самоотверженности. Осуждаетъ ли онъ тѣ средства, съ помощью которыхъ, не безъ потерь и не безъ жертвъ, совершается прогрессъ медицины?—Только въ той мѣрѣ, въ какой они противорѣчатъ самому элементарному нравственному чувству. Его возмущаютъ такіе эксперименты, какъ прививка сифилиса и другихъ болѣзней, безъ согласія или при несвободномъ согласіи пациентовъ; но онъ допускаетъ введеніе новыхъ способовъ леченія, хотя бы вначалѣ и не была вполне доказана ихъ дѣйствительность и безвредность. „Путемъ постоянного и непрерывнаго риска“—таковъ его окончательный выводъ,—„блуждая въ темнотѣ, ошибаясь и отрекаясь отъ своихъ заблужденій, медицина добыла большинство изъ того, чѣмъ она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы и прогресса“. Менше всего, на протяженіи всей книги, г. Вересаевъ падитъ самого себя; онъ ярко выставляетъ на видъ свои ошибки, не скрываетъ сомнѣній въ своемъ призваніи къ врачебной дѣятельности—но вспоминаетъ и о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя она ему дала, отнюдь не поддаваясь одностороннему пессимизму. Безпристрастнаго читателя книга г. Вересаева не оттолкнетъ ни отъ врачей, ни отъ медицины; показавъ, чего можно и чего нельзя ожидать отъ послѣдней, она научитъ болѣе справедливому и гуманному отношенію къ первымъ.

Посмотримъ, дальше, не оправдывается ли профессиональный походъ противъ г. Вересаева практическими положеніями, прямо или косвенно вытекающими изъ его книги. Удручающее впечатлѣніе производитъ начертанная имъ картина жизни студента на медицинскомъ

факультетѣ. „Это была какая-то горячка, какое-то лихорадочное мѣтаніе изъ клиники въ клинику, съ лекціи на лекцію, съ курса на курсъ; какъ въ быстро поворачиваемомъ калейдоскопѣ, передъ нами снѣнялись самыя разнообразныя вещи — резекція колѣна, лекція о свойствахъ наперстянки, безумныя рѣчи паралитика, наложеніе акушерскихъ щипцовъ, значеніе Сиденгама въ медицинѣ, зондированіе слезныхъ каналовъ, способы окрашиванія леффлеровыхъ бактерий, мѣстонахожденіе подчлвчичной артеріи, стригущій лишай, системы вентиляціи, массажъ, признаки смерти отъ задушенія, теорія блѣдной немочи, законы о домахъ терпимости, и т. д., и т. д. Все это приходилось воспринимать совершенно механически и утѣшаться мыслью: — потомъ, когда у меня будетъ больше времени, я все это обдумаю и приведу въ порядокъ. А между тѣмъ полученныя впечатлѣнія постепенно блѣднѣли, поднявшіеся вопросы забывались и утрачивали интересъ, усвоеніе становилось поверхностнымъ и ученическимъ“.

Соотвѣтственно преподаванію складывались и экзамены. „Знанія требовались громадными, и по крайней мѣрѣ три-четверти изъ нихъ представляли совершенно ненужный балластъ... Нужно было знать, что лейцинъ есть параоксифениламиндобензойная кислота, нужно было умѣть перечислить названія нѣсколькихъ десятковъ суррогатовъ молока, при чемъ каждое изъ этихъ названій было для насъ пустымъ звукомъ; нужно было знать всѣ химическія реакціи на атропинъ — реакціи, изъ которыхъ сами мы не продѣляли ни одной“... Что такой порядокъ вещей ненормаленъ, что въ интересахъ слушателей, а слѣдовательно и самаго дѣла, необходимо уменьшеніе и упрощеніе учебнаго матеріала — это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. До крайности трудно, конечно, опредѣлить, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ направленіи должна быть произведена реформа; но постановка ея на очередь кажется намъ большой заслугой г. Вересаева. Не менѣе важно указаніе его на слабость практической подготовки, получаемой студентами. „Думать и дѣйствовать самостоятельно, — говоритъ г. Вересаевъ, — намъ въ теченіе всего нашего курса почти не приходилось. Профессора на нашихъ глазахъ искусно справлялись съ самыми трудными операціями, систематически рѣшали сложныя загадки, именуемыя больными людьми, а мы... мы слушали и смотрѣли. Все казалось простымъ, стройнымъ и очевиднымъ; но если мнѣ случайно попадался больной на сторонѣ, то каждый разъ оказывалось что-нибудь, что ставило меня въ совершенный тупикъ“.

Въ особенности чувствительнымъ этотъ недостатокъ опыта сдѣлался для г. Вересаева тогда, когда ему пришлось заняться самостоятельнымъ леченіемъ. „Я не зналъ и не умѣлъ дѣлать того, что знаетъ любая больничная сидѣлка. Я говорилъ окружавшимъ: поставьте больному клизму,

положите припарку—и боялся, чтобъ меня не вздумали спросить: а какъ нужно это сдѣлать? Такихъ *мелочей* намъ не показывали; вѣдь это дѣло фельдшеровъ, сидѣлокъ—но въ моемъ распоряженіи ихъ не было, и окружающіе обращались за указаніями ко мнѣ. И я, на выпускномъ экзаменѣ артистически сдѣлавшій на трупѣ ампутацію колѣна по Сабанѣву—я теперь старательно изучалъ, какъ нужно поднять слабаго больного и какъ поставить мушку“... Неужели въ этомъ откровенномъ сознаніи слѣдуетъ видѣть вину, а не заслугу? *Какъ* достигнуть болѣе разумной постановки дѣла—объ этомъ мы, профаны, судить не можемъ; но что ея *необходимо* достигнуть—это и для насъ совершенно ясно. Слова г. Вересаева должны послужить будильникомъ; они должны напомнить, что нельзя оставлять неприкосновеннымъ такое положеніе дѣла, при которомъ сотни молодыхъ врачей должны чуть не оцупью прокладывать себѣ дорогу къ настоящему знанію, къ настоящему умѣнью, въ ущербъ тысячамъ и десяткамъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ больныхъ... Не менѣе важно указаніе г. Вересаева на отсутствіе порядка, при которомъ начинающіе врачи могли бы приобрести недостающую имъ опытность, и на безцеремонность, съ которою слишкомъ часто пользуются ихъ услугами больничныя учрежденія.

Мы исчерпали почти все содержаніе книги г. Вересаева—и не подвинулись ни на шагъ къ разрѣшенію поставленнаго нами вопроса: что собственно не понравилось въ ней значительной части медицинскаго міра? Приходится, по неволѣ, сравнить ея дѣйствіе съ тѣмъ, которое производитъ на людей, засидѣвшихъ въ теплой, но душной комнатѣ, внезапно проникшій въ нее токъ чистаго, но холоднаго воздуха. Первое ощущеніе неизбѣжно оказывается непріятнымъ, хотя атмосфера становится болѣе здоровой. Кто забылъ тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя въ молодости, кто хорошо устроилъ свою личную жизнь и привыкъ ублаживать себя мыслью, что такъ же хорошо все устроено и въ окружающемъ его мірѣ, того не могли не потревожить,—а слѣдовательно и раздражить,—горькія истины, высказанныя г. Вересаевымъ...

Не къ однимъ только врачамъ, однако, обращена его книга; у нея есть и другая сторона, еще болѣе серьезная. „Медицина“—читаемъ мы въ „Запискахъ врача“— „есть наука о леченіи людей: такъ оно выходило по книгамъ, такъ выходило и по тому, что мы видѣли въ университетскихъ клиникахъ. Но въ жизни оказывалось, что медицина есть наука о леченіи однихъ лишь богатыхъ и свободныхъ людей. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ она являлась лишь теоретическою наукою о томъ, какъ *можно было бы* вылечить ихъ, еслибы они были богаты и свободны... Врачъ—если онъ врачъ, а не

чиновникъ врачебнаго дѣла,—долженъ прежде всего бороться за устраненіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ его дѣятельность безсмысленною и бесплодною; онъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, онъ долженъ не только указывать, онъ долженъ бороться и искать путей, какъ провести свои указанія въ жизнь“. Все это, конечно, не ново—но въ устахъ г. Вересаева и старое получаетъ особенную силу, потому что иллюстрируется фактами, выстрадавшими авторомъ. Наибольше тяжелую сторону положенія врача г. Вересаева не только ясно видеть, но и живо чувствовать—и, благодаря своему беллетристическому таланту, заставляетъ чувствовать другихъ... Если „Записки врача“, какъ мы сказали въ началѣ нашей замѣтки, являются *дѣломъ*, то это, бесспорно, доброе дѣло.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано, 16-го февраля, слѣдующее официальное сообщеніе:

„Въ іюлѣ 1901 года въ многолюдномъ селѣ Павловкахъ, сумскаго уѣзда, харьковской губерніи, часть населенія котораго около двадцати лѣтъ тому назадъ отпала отъ православія, появился неизвѣстный дотошъ въ означенной мѣстности бѣдно одѣтый человѣкъ, называвшій себя „пророкомъ Моисеемъ Израиля“. Человѣкъ этотъ, оказавшійся впоследствии крестьяниномъ села Яхны, васильковскаго уѣзда, кievской губерніи, Моисеемъ Наумовымъ Тодосіенко, былъ послѣдователемъ секты „малеванцевъ“ и во время непродолжительнаго пребыванія своего въ селѣ Павловкахъ успѣлъ ознакомить нѣкоторыхъ жителей названнаго села съ лжеученіемъ этой секты.

„Затѣмъ, въ началѣ сентября минувшаго года, Тодосіенко вторично прибылъ въ село Павловки и, собирая мѣстныхъ сектантовъ на соборы, сталъ вновь проповѣдывать имъ свое ученіе, рассказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что вскорѣ настанетъ перемѣна въ условіяхъ крестьянской жизни; не будетъ ни церквей, ни духовенства, а земля поделится поровну между всѣми людьми. Выдавая себя за личность, обладающую сверхъестественною силою и призванную Духомъ Святымъ способствовать торжеству правды, Тодосіенко, между прочимъ, убѣждалъ сектантовъ въ томъ, что для достиженія Царствія Небеснаго необходимо разрушить церкви православныя, дабы освободить скрытую въ нихъ правду.

„Среди спокойнаго до того времени сектантскаго населенія села Павловокъ проповѣдь Тодосіенко сразу вызвала замѣтное волненіе,

„Въ теченіе первыхъ двухъ дней послѣ его отъѣзда изъ Павловокъ, 14-го и 15-го сентября, на улицахъ села появлялись толпы сектантовъ съ пѣніемъ и возгласами: „Христосъ Воскресе“. Кроме того, по

ночамъ на тѣ же числа въ домѣ павловскаго крестьянина Тимоѳея Никитенко происходили многолюдныя собранія сектантовъ, на которыхъ руководителемъ и проповѣдникомъ выступилъ мѣстный крестьянинъ Григорій Павленко. Послѣдній, близко сошедшійся съ Тодосіенко, во время пребыванія его въ селѣ Павловкахъ, и проникшійся его лжеученіемъ, сталъ наставлять сектантовъ, говоря имъ, что близка погибель, что не надо беречь „ни золота, ни серебра“ и что на него, Павленко, получившаго силу отъ „пророка Моисея“ (Тодосіенко), сошелъ Духъ Святой. Возбужденіе сектантовъ дошло до крайняго напряженія послѣ того, какъ въ субботу 15-го сентября, ночью, на подобномъ же собраніи въ домѣ Никитенко, Григорій Павленко, повторяя слова своего учителя Тодосіенко, возвѣстилъ, что онъ, Павленко, обладающій Божественною силою, долженъ возсѣсть въ церкви на престолѣ, подъ которымъ священниками скрыта правда, и что находящіяся въ селѣ Павловкахъ двѣ православныя церкви должны быть разрушены, дабы побороть неправду. При этомъ Григорій Павленко пояснялъ, что послѣдніе часы наступаютъ и что желающіе принять Святаго Духа имѣютъ слѣдовать за нимъ. При слушаніи этой проповѣди многіе сектанты пришли въ такое восторженное настроеніе, что бросали на улицу деньги и исповѣдывали предъ Григоріемъ Павленко свои грѣхи.

„16-го сентября, въ воскресенье, около 6 часовъ утра, проведеніе всю ночь въ домѣ Тимоѳея Никитенко сектанты двинулись толпою, въ числѣ свыше 100 человекъ, сопровождаемые женами и дѣтьми, по направленію въ ближайшей по пути церкви-школы. Впереди толпы на подводѣ ѣхала крестьянка Елизавета Павленко съ ребенкомъ въ рукахъ и, подымая его, кричала: „увѣруйте въ этого младенца Іисуса, не отъ плоти родившагося“. Вслѣдъ за этою подводой шли Григорій Павленко, отецъ его Авраамъ Павленко и другіе сектанты, съ возгласами: „вѣруемъ, Христось Воскресе, правда идетъ“.

„Въ виду дошедшихъ уже до свѣдѣнія мѣстной полиціи слуховъ, что павловскіе сектанты собираются произвести разгромъ православныхъ церквей, приставъ 2-го стана сумскаго уѣзда распорядился, чтобы ближайшая къ дому Тимоѳея Никитенко церковь-школа, въ воскресенье, 16-го сентября, была заперта, причемъ назначенное въ ней богослуженіе было мѣстнымъ духовенствомъ отмѣнено. Для охраны означенной церкви вблизи ея ограды былъ поставленъ караулъ, состоявшій изъ мѣстнаго полицейскаго урядника, нѣсколькихъ сотскихъ, десятскихъ и городовыхъ, командированныхъ въ село Павловки изъ сосѣдняго мѣстечка Бѣлополье; самъ же становой приставъ присутствовалъ въ тотъ день на богослуженіи въ другой церкви того же села, во имя Архангела Михаила, находившейся въ разстояніи свыше

двухъ верстѣ отъ церкви-школы. Подойдя къ послѣдней, сектанты оттолкнули отъ ограды церкви-школы полицейскихъ чиновъ, нанесли имъ побои, съ крикомъ бросились къ церковнымъ дверямъ и, взломавъ замки, ворвались внутрь церкви, гдѣ произвели возмутительное безчинство, соединенное съ поруганіемъ святини. Разбивъ рамы и стекла въ окнахъ церкви, сектанты, во главѣ которыхъ находились крестьяне Григорій и Авраамъ Павленко, Петръ Харахоновъ, Петръ, Иванъ и Антоны Кобыльченки, Максимъ и Степанъ Берестки, Иванъ Любичъ и другіе, бросились къ святому престолу; Григорій Павленко сѣлъ на него, за нимъ сѣдали то же и другіе. Послѣ этого престолъ былъ опрокинутъ и разбитъ, царскія врата повреждены, завѣса сорвана, нѣкоторыя иконы выбиты изъ иконостаса и брошены на полъ, а запрестольный и напребстольный кресты, дарохранильница съ ковчегомъ для храненія Святыхъ Даровъ, которыхъ въ немъ, однако, не было, хоругви и другіе священные предметы были частью погнуты, частью разбиты. Кроме того, святое евангеліе было разорвано и брошено на полъ, также какъ и св. антиминосъ.

„Совершивъ описанный разгромъ въ церкви-школѣ и избивъ вошедшаго въ нее православнаго сотскаго Антона Федорченко, сектанты, съ криками „наша взяла, правда идетъ, Христосъ Воскресе, ура“, двинулись по направленію къ церкви Архангела Михаила. Узнавъ о приближеніи сектантовъ, мѣстный священникъ, немедленно по окончаніи проскомидіи, прекратилъ богослуженіе, послѣ чего молящіяся вышли изъ церкви, заперли ея двери и ударили въ набатъ. Съ своей стороны, становой приставъ, собравъ находившихся въ его распоряженіи сотскихъ, десятскихъ и городовыхъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько православныхъ крестьянъ, направился на встрѣчу надвигавшейся толпѣ сектантовъ и предложилъ имъ прекратить безпорядки. Увѣщанія его остались, однако, безуспѣшными. Сектанты съ яростью бросились на пристава и сопровождавшихъ его лицъ, избивъ ихъ и затѣмъ, ворвавшись въ ограду церкви, стали ломиться въ ея входную дверь, но проникнуть въ храмъ не могли, такъ какъ въ это время сбѣжали многіе изъ православныхъ жителей села Павловокъ и, вооружившись колыями, бросились на сектантовъ. Послѣдніе, несмотря на упорное сопротивленіе, не могли оттѣснить православныхъ и были вынуждены, послѣ общей свалки и драки, разбѣжаться. При этомъ нѣкоторымъ православнымъ были нанесены побои, а сорока двумъ сектантамъ причинены преимущественно легкія поврежденія, не имѣвшія особо вредныхъ для ихъ здоровья послѣдствій, за исключеніемъ лишь сектанта Якова Коваленко, получившаго тяжкіе побои, отъ которыхъ онъ на слѣдующій день умеръ.

„Немедленно по прекращеніи безпорядковъ и оказаніи всѣмъ по-

страдавшимъ медицинской помощи, судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ сумскаго окружного суда приступилъ къ производству предварительнаго слѣдствія по поводу описанныхъ происшествій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурора того же суда.

„На предварительномъ слѣдствіи, помимо обнаруженія лицъ, принимавшихъ участіе въ беспорядкахъ въ селѣ Павловкахъ, были собраны свидѣнія о личности крестьянина Моисея Тодосіенко, склонившаго сектантовъ подвергнуть церкви въ названномъ селѣ поруганію. Въ этомъ отношеніи слѣдствіемъ установлено, что, сдѣлавшись послѣдователемъ секты малеванцевъ, Тодосіенко, въ теченіе 12 послѣднихъ лѣтъ, велъ праздную и бродячую жизнь, оставивъ своихъ жену и дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію, и путемъ разнаго рода обманныхъ дѣйствій и ложныхъ увѣреній эксплуатировалъ населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей кievской губерніи, а въ 1899 году по приговору мирового судьи 3-го участка васильковскаго судебно-мирового округа отбылъ за кражу полуторамѣсячное тюремное заключеніе.

„По окончаніи предварительнаго слѣдствія, опредѣленіемъ харьковской судебной палаты 5-го декабря 1901 года 68 обвиняемыхъ, и въ томъ числѣ Моисей Тодосіенко, были преданы суду по обвиненію: Тодосіенко—въ подстрекательствѣ къ поруганію святыни и въ распространеніи среди населенія села Павловокъ тревожныхъ слуховъ (ст. 13, 210 и 938 улож. наказ.), а всѣ остальные обвиняемые—въ поруганіи дѣйствіемъ священныхъ предметовъ, въ нападеніи на православное населеніе села Павловокъ и въ сопротивленіи чинамъ полиціи (ст. 13, 210, 269¹ и 271 улож. наказ.).

„Затѣмъ настоящее дѣло было рассмотрѣно въ гор. Сумахъ, харьковской губерніи, при закрытыхъ дверяхъ, въ продолжавшемся съ 28-го января по 4-е февраля сего года судебномъ засѣданіи особаго присутствія харьковской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. По разборѣ сего дѣла въ отношеніи 66 подсудимыхъ, за выдѣленіемъ производства о двухъ обвиняемыхъ, вслѣдствіе ихъ болѣзни, приговоромъ судебной палаты 17 подсудимыхъ были оправданы, а остальные 49 подсудимыхъ признаны виновными по предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ и, на основаніи ст. 210 ч. 2, 9 и 210 ч. 2, 269¹, 938 ч. 1, 152, 149, 134, 135, 120, 19, 31 и 39 улож. наказ., присуждены: 45 подсудимыхъ—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Моисей Тодосіенко и Григорій Павленко на 15 лѣтъ, Авраамъ Павленко, Петръ Хараноновъ, Антонъ, Петръ и Иванъ Кобыльченки и другіе, въ числѣ всего 37 подсудимыхъ—на 12 лѣтъ каждый, пять подсудимыхъ на 8 лѣтъ и одинъ на 4 года, трое подсудимыхъ—къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ

и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ каждый, съ послѣдствіями, опредѣленными въ законѣ 10-го іюня 1900 года объ отиѣнѣ ссылки, и, наконецъ, одинъ несовершеннолѣтній подсудимый— къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, безъ ограниченія въ правахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ судебная палата постановила въ отношеніи 30 подсудимыхъ изъ числа присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, на основаніи ст. 775 уст. угол. суд., ходатайствовать чрезъ министра юстиціи предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ назначенныхъ имъ по закону каторжныхъ работъ ссылкой на поселеніе⁴.

Когда, полгода тому назадъ, разнеслась по Россіи первая вѣсть о глубоко-печальныхъ событіяхъ въ селѣ Павловкахъ, нѣкоторые органы нашей печати успѣли выступить съ попытками объясненія этихъ событій, не выжидая результатовъ слѣдствія и суда и не стѣсняясь выдавать ни на чемъ не основанныя и ничѣмъ не прѣвренныя предположенія за достовѣрные факты ¹⁾. „Кто не закрываетъ глазъ“—писалъ, напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ членъ совѣта по сектантскимъ дѣламъ харьковской епархіи,—„кто не закрываетъ глазъ на истинный смыслъ анархическаго ученія Толстого, кто знакомъ съ фанатизмомъ толстовцевъ и съ ихъ крайнею враждебностью къ православію и православнымъ, для того вполне понятно это (павловское) событіе. Оно случилось по необходимости и должно было случиться. Ничего не будетъ удивительнаго, если толстовство породитъ и что-либо еще болѣе ужасное, чѣмъ происшедшее въ Павловкахъ“. Подчеркнувъ тогда же всю рискованность подобныхъ разсужденій, мы напомнили, что гр. Л. Н. Толстой принципиально и безусловно отрицаетъ и осуждаетъ всякое *насиліе*, въ чемъ бы оно ни заключалось и къ чему бы ни было направлено. „Какая же можетъ быть“—спрашивали мы—„причинная связь между такъ называемымъ толстовствомъ и насильственными дѣйствіями павловскихъ сектантовъ“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ явствуетъ самъ собою изъ вышеприведеннаго официальнаго сообщенія: *никакой* роли въ павловскихъ событіяхъ ни ученіе гр. Л. Н. Толстого, ни толстовцы не играли. Совершенно неосновательно и увѣреніе, что павловскія событія „случились по необходимости и должны были случиться“. Мы узнаемъ изъ сообщенія, что до появленія въ Павловкахъ (въ іюлѣ 1901-го года) Моисея Тодосіенко сектантское населеніе села, отпавшее отъ православія около двадцати лѣтъ тому назадъ, было *спокойно*; волноваться оно стало только подъ вліяніемъ проповѣди Тодосіенко—обстоятельства, конечно, вовсе не неизбѣжнаго. Самъ Тодосіенко, послѣдователь секты „малеванцевъ“, называлъ себя пророкомъ, обладающимъ сверхъ-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

естественною силой. Преемникомъ этой силы вообразилъ себя Григорій Павленко, утверждавшій, что на него сошелъ Духъ Святой. Этихъ немногихъ фактовъ было бы достаточно, чтобы установить отсутствіе какой бы то ни было связи между виновниками павловскихъ беспорядковъ и послѣдователями взглядовъ гр. Л. Н. Толстого. Еще яснѣе оно доказывается суетвѣріемъ, подъ властью котораго очевидно находилась бушевавшая толпа. Цѣлью ея было „освобожденіе правды“, сокрытой священниками въ церквахъ — сокрытой не иносказательно, а матеріально, въ опредѣленномъ мѣстѣ (подъ престоломъ). Впереди толпы, шедшей на разгромъ церкви, ѣхала крестьянка Павленко, съ ребенкомъ на рукахъ и, поднимая его, кричала: „увѣруйте въ этого младенца Іисуса, не отъ плоти родившагося!“ — и ей отвѣчали возгласами: „вѣруемъ!“ Взрывъ фанатизма былъ вызванъ, слѣдовательно, крайнимъ невѣжествомъ, глубокою умственною тьмою... Мы хотѣли закончить выраженіемъ пожеланія, чтобы урокъ, данный павловскимъ процессомъ, предостерегъ на будущее время псевдо-охранительную печать отъ поспѣшныхъ обобщеній и произвольныхъ, преждевременныхъ догадокъ — но вспомнили извѣстную поговорку: *il n'y a pas de pire sourd que celui qui ne veut pas entendre...*

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія по народному образованію, состоящая при С.-Петербургской городской Думѣ, согласно состоявшемуся постановленію ея о чествованіи памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, по случаю исполняющагося въ 1902-мъ году 50-ти-лѣтія со дня смерти этихъ великихъ писателей, приступивъ въ настоящее время къ печатанію Сборника избранныхъ ихъ сочиненій, для раздачи оканчивающимъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга, считаетъ долгомъ сообщить:

1) печатаемый, подъ наблюденіемъ Коммиссіи по народному образованію, съ разрѣшеніи цензуры, означенный Сборникъ избранныхъ сочиненій и изъ нихъ извлеченій, доступныхъ дѣтскому пониманію, составленный педагогомъ-литераторомъ В. П. Острогорскимъ, подраздѣленъ, по содержанію сихъ произведеній, на отдѣлы съ объяснительными къ нимъ статьями и приложеніемъ біографическихъ очерковъ великихъ писателей;

2) Сборникъ изданъ будетъ, по образцу Сборника изъ сочиненій А. С. Пушкина, выпущеннаго въ 1899 г.,—двумя изящными книжками въ переплетѣ, форматомъ въ $\frac{1}{8}$ долю листа, объемомъ около 45 печатныхъ листовъ, съ 15—20 помѣщенными внѣ текста, соответствующими Сборнику портретами и видами;

3) согласно постановленію городской Думы, остающіеся отъ раздачи окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ г. С.-Петербурга экземпляры издаваемаго городомъ Сборника поступать въ продажу, причемъ цѣна Сборника назначена въ 75 коп. за экземпляръ, безъ пересылки; печатаніе Сборника закончено будетъ: одной части къ 21 февраля, а другой части—къ 12 апрѣля 1902 года и тогда же будутъ выданы подписчикамъ билеты на Сборникъ;

4) при выдачѣ подписчикамъ первой части Сборника, обнимающей собою сочиненія Н. В. Гоголя, будетъ выданъ билетъ на полученіе

другой части Сборника, заключающей въ себѣ сочиненія В. А. Жуковскаго.

Вышедшій нынѣ Сборникъ изъ сочиненій Гоголя одобренъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Обращаться съ требованіями можно въ Канцелярію Комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, въ зданіи городской Думы (по Думской ул., 3-ьи ворота отъ Невскаго пр.).

О П Е Ч А Т К И:

<i>Стран.:</i>	<i>Строч.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
111	14 св.	съ такой цѣлью	къ такой цѣли
113	16 св.	замедлитъ	замедленное
—	17 "	подрываютъ	подрываетъ
—	5 св.	Коллюдина	Колмодина
114	11 св.	инспектора	инспекторовъ
118	18 св.	примѣрамъ	пріемамъ
122	5 св.	устраниенію	устроенію

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. С т а с ю л ь в и ч ѣ .

ВИДНОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Т. 1. Составилъ С. М. Сергѣевичъ. Въ статьяхъ Комитета министровъ (1802—1802 г.). Сиб. 902.

Еще въ восьмидесятихъ годахъ было необходимо приступить къ издаванію журналовъ Комитета министровъ въ эпоху императора Александра I, и съ начала 90-хъ годовъ появились на томъ таинкѣ журналовъ за первое десятилетіе существованія Комитета министровъ (1802—1812 г.). Приближеніе столѣтія его дѣятельности водило мысль еще въ 1897 г., но иррациональнѣе усложненіемъ изданіемъ матеріала, пригоднаго къ тому времени историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ за все время его существованія до нашихъ дней. Позднѣйшія иныя первый томъ этого интереснаго изданія содержатъ въ себѣ все время царствованія императора Александра I (4 сент. 1802 г.—19 января 1825 г.), и сюда вошли все дѣла, во которыхъ состоялись рѣшенія Комитета министровъ, являвшіяся какъ новыя законоположенія, и также дѣла, во которыхъ послѣдовали Высочайшія резолюціи и во которыхъ возбуждались въ Комитетѣ пренія, а потому можно сказать вполнѣ справедливо, что этия изданія русскою исторической наукой и литературой открываютъ цѣлый рядъ новыхъ неизвѣстныхъ дѣяній, характеризующихъ стремленія и руководящія мысли нашихъ государственныхъ людей прошлаго вѣка. Выяснивъ въ первой главѣ исторію возникновенія Комитета министровъ, его устройство и значеніе, составитель излагаетъ самую дѣятельность Комитета, распредѣливъ ее по роду дѣлъ, какія разсматривались въ Комитетѣ: народное здравіе, продовольствіе и переселеніе; сословія и управленіе центральное и мѣстное; государственное хозяйство; участіе въ разрѣшеніи военныхъ дѣлъ; правосудіе и церковн. Въ первую эпоху вразомѣни портреты имп. Александра I, двухъ первыхъ председателей, им. П. Салтыкова и им. П. Лопухина въ гр. Аракчеева—съ 1815 г. докладчика императору во дѣлахъ Комитета.

Русскія юридическія древности. Т. 1. Изд. 2-е. В. Сергѣевича. Сиб. 902. Ц. 3 р.

Задача и дѣлъ настоящаго труда, по словамъ автора, состоятъ въ томъ, чтобы выяснитъ первоначальное положеніе юридическаго бита государственнаго государства и прослѣдитъ его развитіе до эпохи XVIII-го вѣка; средствомъ же къ достиженію таковой дѣли служить цѣлый рядъ приводимыхъ въ книгѣ мѣстъ изъ подлинныхъ памятниковъ юридической древности. Новизна изданію автору восполновалась какъ для того, чтобы сдѣлать нѣкоторыя дополненія, и также и переработать многое, мѣстами, гдѣ то оказывался необходимымъ.

Некоторые въ римскую исторію. Вопросъ до-исторической этнологіи и культурныхъ влѣній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Проф. В. И. Модестова. Ч. 1. Съ 35-ю фотографич. таблицами. Сиб. 902. Стр. XV—256 + 17.

Капитальное изслѣдованіе проф. Модестова, посвященное до-римской исторіи Италіи, изду-

мано имъ, какъ видно изъ предисловія, дѣти десяти лѣтъ. Занималась древнейшей исторіей Рима, г. Модестовъ обратилъ вниманіе на огромный археологическій и палео-этнографическій матеріалъ, нашедшійся за послѣдніе десятилѣтія, и пришелъ къ заключенію, что исторію Рима надо начинать «съ первыхъ слѣдовъ появленія въ долині Тибра человека, чтобы войти въ городъ Ромула не съ пустыми руками и не съ живочелюстями и легендарными сказаніями, а съ фактами послѣдовательно развивавшейся культурной жизни въ рукахъ». Таково, по мнѣнію автора, должно быть новое направленіе къ разработкѣ древней римской исторіи: «разрушительная въ римской исторіи работа кончила свое дѣло и должна начаться работа консервативная, — не въ смыслъ пріема на вѣру сказаній древнихъ историковъ, а въ смыслъ восстановленія видныхъ глазами и осязательныхъ руками памятниковъ самой жизни». Вышедшая теперь первая часть заключаетъ въ себѣ исторію каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ въ Италіи. Предпринятое проф. Модестовымъ изслѣдованіе, основанное на явилось самостоятельнымъ изслѣдваніемъ первоисточниковъ (для чего г. Модестовъ предпринялъ нѣсколько поѣздокъ по Италіи), является цѣльнымъ вкладомъ въ науку, какъ по новостямъ затронутаго предмета, такъ и по тѣмъ интереснымъ выводамъ, къ которымъ авторъ приходитъ уже въ первой части своего труда. Въ концѣ книги данъ краткій конспектъ ея содержанія на французскомъ языкѣ, и приложено 35 фотографическихъ изображеній памятниковъ до-историческаго эпохи въ Италіи.

С. Я. Надсона. Неожиданія поэта. (Изъ послѣднихъ бумагъ). Съ знамен. портретомъ поэта. Собственность «О-ва для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ». Сиб. 902. Стр. 168.

Среди «неожиданныхъ вѣщей» С. Я. Надсона, найденныхъ въ его бумагахъ послѣ смерти, нѣтъ, конечно, такихъ произведеній, которыя представляли бы что-нибудь новое по содержанию сравнительно съ напечатанными раньше; но они интересны для характеристика симпатичнаго и подкупавшаго своей искренностью дарованія покойнаго поэта. Въ изобрѣтеніяхъ, написанныхъ со всей горячностью непосредственнаго чувства, эта искренность выстаетъ съ особенной яркостью. Въ приложеніяхъ къ сборнику напечатаны начало впопыхахъ трагедіи: «Царевна Софья» (1881), и отрывокъ изъ дневника 1880 года; сверхъ новаго портрета автора, помещены также портреты «Наташи Д-вой», памяти которой Надсонъ посвятилъ собраніе своихъ стихотвореній.

Григоръ. Рассказъ В. І. Дмитриевой. Сиб. 902. Ц. 50 к.

«Григоръ» входитъ въ число рассказовъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенныхъ преміи Сиб. Фребелевскаго Общества и принадлежить перу писательницы, хорошо известной нашимъ читателямъ. Текстъ самаго рассказа о судьбѣ деревенскаго круглаго сирота, способный заинтересовать взыскающаго читателя или слушателя, превосходно иллюстрированъ рисунками Елизаветы Пѣтъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1902 г.

(Тридцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политикѣ, литературы,
выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:				
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь	
Визъ доставленъ въ Конторѣ журнала	15 р. 50 в.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 в.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. связи	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Ближне магазинъ, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуется обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы; при книжныхъ магазиняхъ К. Рикера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковой, въ Петроградскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ринельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдѣла журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстоожительствѣ подписчика. — 2) *Переименна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переѣзды въ иногородіе, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ именованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* на получение журнала высылаются Конторѣ только гдѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтоваго маршака.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ
И ПРАВА

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1902.

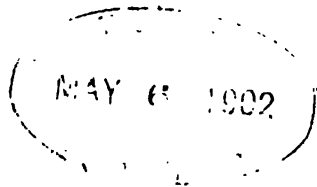
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1902.

Стр.

I.—НАШИ „ГОРОДСКИЕ УЧИЛИЩА“ И ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕ- НІЕ.—По поводу 80-лѣтія „Позовенія о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года“.—Валер. Гебель.	422
II.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—XXVIII-XXXV.—Опочиваліе.—И. Д. Вобриц- кина	449
III.—НАКАНУНѢ РЕФОРМЪ ВЪ КИТАИ.—И. С. Попова.	513
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-IV.—В. П. Маркова	545
V.—РОССИИ И ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРИАРХІИ, послѣ крымской войны.—1834— 1860 гг.—По неизданнымъ матеріаламъ.—I-III.—Кн. Г. Т.	549
VI.—БАБУШЕННА ВНУЧКА.—Повѣсть.—I-VI.—И. Аннонковой-Верина	598
VII.—ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО БОНЦА XIX-го ВѢКА — въ литературныхъ тѣлахъ того времени.—III-IV.—Оконтаніе.—Юр. Веселовскаго	638
VIII.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУБА.—Романъ Ф. Голтендера.—Часть третья: I-XV.— Съ пѣс. II—изъ С—ной	658
IX.—Н. М. МАРТЫНОВЪ ВЪ МИНУСИНСКИЙ МУЗЕЙ.—И. Бѣловонскаго.	750
X.—ХРОНИКА.—ПОЛОЖЕНІЕ МЕЛАКАГО КРЕДИТА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.—А. И. Ни- китина	760
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Нѣсколько земскихъ ходатайствъ.—Предѣлы права ходатайства, и практическое его значеніе.—Два противоположныхъ мнѣнія о фискаціи земскихъ сборовъ.—Замѣчательное изслѣдованіе „вима- равшей деревни“.—Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера.—Слухи объ изысканіи статистическихъ работъ изъ вѣдѣній земства.—Исторія вят- скаго земства.—Значеніе личностей въ обществѣ дѣлѣ.—Сѣдѣхъ кустарныхъ дѣлателей въ С.-ПетербургѢ.	782
XII.—По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Письмо въ Редакцію.—И. Д. Кузьмина-Карацая	803
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Франко-русская декларация.—Отношенія державъ на Дальнемъ востоцѣ.—Рѣчь Делькассе въ сенатѣ.—Новыя про- явленія жизни франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія.—Г. Делькассе и „Новое Время“ о багдадской желѣзной дорогѣ.— Важно-африканская война.—Сесиль Родель.	814
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Н. К. (Н. Е. Кудринъ), Очерки современ- ной Франціи.—И. Карѣева.—А. А. Клауфманъ, Сибирское переселеніе въ исходѣ XIX-го вѣка.—Харьковский Календарь на 1902 годѣ.—В. В.— Ф. Д. Батышковъ, Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—С.—Ив.— —А. М. Вобрицъ-Пушкинъ, Суды и раскольники-сектанты.—Б. А.—, Кре- стьянство“, ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—А. П.— —Новыя книги и брошюры.	827
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Brunetière, Victor Hugo— II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—З. В.	857
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Предисловіе гр. Л. Н. Толстому къ переводу романа: „Крестьянство“.—Ступени литературной дѣятельности въ Англіи и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики.—Различныя способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскаго про- дѣлческаго общества.—Ф. Д. Нефеловъ †.	871
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Изъ Устава С.-Петербуркскаго Общества Взаимнаго вспомо- женія.—II. Отъ Общества поведенія о начальномъ образованіи въ г. Тавскѣ.	884
XVIII.—ВИЗЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, И. П. Барсукова, кн. 16-ая.—Стихотворенія П. П. Вейнберга, съ добавленіемъ эморицистическихъ стихотвореній „Гойне изъ Тамбова“, —Савиныхъ, В. П. Систематическая Россійскія книги, вышедшія въ Россіи—за 1899-й годѣ. ч. I, кн. 1.—П. Серѣбенко, Сократъ, драмат. хроника.—Д. Миредонский, „Любовь ильте смерти“, „Наука любви“, „Милость-Аджего“. — Малое Лингвистическаго Словаря, кн. VII, послѣдній.	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

НАШИ „ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА“

И

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

По поводу 30-лѣтія „Положенія о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года“.

Въ виду предстоящаго пересмотра „Положенія о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года“, московское „Педагогическое Общество“ избрало, еще въ декабрѣ прошедшаго года, особую комиссію, которая, собравъ путемъ опросныхъ листовъ свѣдѣнія о положеніи этихъ училищъ, выработала рядъ докладовъ по этому вопросу. Эти доклады, послѣ подробнаго ихъ обсужденія, будутъ, вѣроятно, препровождены „Педагогическимъ Обществомъ“ въ министерство народнаго просвѣщенія. Конечно, эти доклады, по необходимости, должны имѣть спеціальнѣйшій характеръ, — между тѣмъ предметъ ихъ касается самой сути народнаго просвѣщенія и долженъ обратить на себя серьезное вниманіе всего общества, а потому мы и предприняли въ настоящей статьѣ ознакомить читателей съ самой сущностью этого въ высшей степени важнаго вопроса, такъ какъ отъ правильнаго его рѣшенія зависить вѣдущая судьба народнаго просвѣщенія.

I.

При самомъ первомъ знакомствѣ съ организаціей начальнаго народнаго образованія просвѣщенныхъ странъ невольно бросается въ глаза раздѣленіе этого образованія на двѣ послѣдовательныя ступени: первую или *низшую*, которую можно назвать школой грамотности, служащую для сообщенія учащимся началъ грамотности, счета и основъ религіи, и вторую или *высшую*, дающую своимъ питомцамъ элементарный законченный кругъ знаній по Закону Божію, родному языку, географіи, исторіи, естествовѣдѣнію, математикѣ и другимъ предметамъ, — знаній, составляющихъ одинаково фундаментъ какъ для дальнѣйшаго общаго и спеціального образованія, такъ и для практической и общественной дѣятельности. Въ однѣхъ странахъ, эти двѣ ступени народнаго образованія слиты въ одной общей школѣ (какъ, напр., въ Германіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ); въ другихъ (какъ во Франціи и Австро-Венгріи) — для каждой изъ этихъ ступеней существуетъ своя особая школа, съ особымъ названіемъ. Во Франціи, первыя школы называются: *écoles primaires*, вторыя — *écoles secondaires*; въ Австріи, первыя школы — это *Volksschulen*, а вторыя — *Bürgerschulen*. Подобное же дѣленіе школъ существуетъ и у насъ въ Россіи, хотя, слѣдуетъ сказать, — мы объ этомъ или мало знаемъ, или слишкомъ часто забываемъ. Первую ступень народнаго образованія въ Россіи составляютъ *начальныя* училища (училища IV разряда) различныхъ наименованій, соотвѣтственно тому, кто ихъ содержитъ, а потому и называемыя городскими, сельскими, министерскими, земскими, приходскими, церковно-приходскими; вторую ступень образуютъ училища III разряда: это — старшія двухгодичныя отдѣленія такъ-называемыхъ *двухклассныхъ* сельскихъ училищъ и *второклассныхъ* церковно-приходскихъ — для сельскаго населенія, „городскія училища“ по „Положенію 1872 года“, а также оставшіяся необразованными уѣздныя училища — для городскаго населенія. Было бы совершенно бесполезнымъ трудомъ доказывать необходимость существованія второй или высшей ступени народнаго образованія. Всякому, кто хоть сколько-нибудь размышлялъ о распространеніи образованія среди народныхъ массъ, вполне очевидно, что объемъ этого образованія не можетъ и не долженъ ограничиваться тѣми свѣдѣніями, которыя въ состояніи дать начальная школа. Эти свѣдѣнія (чтеніе, письмо и счетъ надъ цѣлыми числами) составляютъ лишь необходимыя орудія образованія, но

никакъ не самое образованіе. Многочисленныя наблюденія показываютъ, что такіе начатки знаній нерѣдко гложутъ и забываются, откуда и происходитъ рецидивизмъ невѣжества—возвратное невѣжество. Для борьбы съ этимъ печальнымъ явленіемъ создаются народныя бібліотеки и читальни, устрояются народныя чтенія, распространяются дешевыя книги и газеты. Всѣ эти средства къ поддержанію и развитію знаній въ народѣ, безъ сомнѣнія, необходимы,—однако, несомнѣнно и то, что они не могутъ замѣнить собой правильной школы съ ея систематическимъ курсомъ. Едва ли также нужно говорить, что среднія учебныя заведенія совершенно недоступны громадному большинству населенія, не удовлетворяющемуся начальной школой, какъ по весьма понятнымъ экономическимъ причинамъ, такъ и потому, что среднія школы существуютъ у насъ лишь въ сравнительно большихъ городахъ съ населеніемъ не менѣе 10 тысячъ человѣкъ.

Точно также никакъ нельзя вообразить, что наиболѣе естественнымъ продолженіемъ начальной народной школы должна служить не слѣдующая высшая ступень ея, а школа специальная или профессиональная,—напр., ремесленная или торговая школа. *Во-первыхъ*, потому, что крайне несправедливо просящимъ элементарнаго общаго образованія предлагать взамѣнъ извѣстное специальное образованіе; *во-вторыхъ*, потому, что невозможно создать такое число специальныхъ училищъ, стѣящихъ вообще гораздо дороже общеобразовательныхъ, чтобы въ нихъ нашлось мѣсто для всѣхъ кончившихъ начальную школу и желающихъ продолжать свое образованіе; *въ-третьихъ*, потому, что большинство специальныхъ училищъ (желѣзно-дорожныя, различнаго рода техническія, землемѣрныя и проч.) весьма справедливо предъявляетъ къ поступающимъ предварительный общеобразовательный цензъ въ размѣрѣ высшихъ народныхъ школъ III разряда, т.-е. „городскихъ“ по „Положенію 1872 года“. Всѣ эти элементарныя соображенія мы привели здѣсь только потому, что имѣли много случаевъ убѣдиться въ томъ, что, несмотря на свою элементарность, они далеко не могутъ назваться *общезнательными*—напротивъ.

Поразительно медленное возростаніе у насъ числа народныхъ школъ высшаго типа въ значительной мѣрѣ зависитъ, прежде всего, отъ малаго знакомства съ ними, а отсюда является недостаточное сочувствіе къ нимъ со стороны общества и печати.

Перейдемъ теперь къ ближайшему ознакомленію съ наиболѣе полнымъ и совершеннымъ типомъ таковой высшей народной

школы, долженствующей служить своего рода концомъ для школы начальной.

Среди различнаго рода общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, составляющихъ весьма запутанную систему нашего народнаго образованія, стоятъ совершенно особнякомъ,—не вызывая по отношенію къ себѣ никакого сколько-нибудь живого участія, ни со стороны общества, ни со стороны печати,—550 училищъ, съ 80.000 учащимися. Это-то и есть такъ-называемыя „городскія училища“ по Положенію 1872 г.,—училища, которымъ въ послѣднее время въ педагогической литературѣ справедливо присвоено очень характерное названіе—„забытыхъ“.

Чтобы выяснитъ крайне своеобразное мѣсто, занимаемое этими училищами относительно всѣхъ остальныхъ, полезно будетъ вспомнить объ ихъ происхожденіи. Съ этой цѣлью приведемъ небольшую историческую справку. Первая болѣе или менѣе правильная система народнаго образованія введена была у насъ при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1781 г. уставомъ народныхъ училищъ, которымъ учреждались *малыя* и *главныя* народныя училища. Малыя народныя училища состояли изъ двухъ классовъ, въ которыхъ учили Закону Божію, чтенію, письму, начальной грамматикѣ, ариметикѣ, чистописанію, рисованію и знакомили по „Книгѣ для чтенія“ съ „обязанностями челоувѣка и гражданина“. Главныя народныя училища состояли изъ четырехъ классовъ, причемъ два первые класса имѣли одинаковую программу съ малыми училищами, а въ двухъ старшихъ, кромѣ уже перечисленныхъ учебныхъ предметовъ, преподавались еще: исторія, географія, общая и математическая, основанія геометріи, физики, естественной исторіи, механики и архитектуры.

Черезъ восемнадцать лѣтъ, т.-е. въ 1804 г., указомъ императора Александра I объ устройствѣ училищъ и учебныхъ округовъ учебная система была кореннымъ образомъ преобразована: вмѣсто главныхъ и малыхъ училищъ возникли: губернскія гимназіи, уѣздныя училища (въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ по крайней мѣрѣ по одному) и приходскія училища (по одному на 1—2 церковныхъ прихода). Вслѣдствіе этой реформы, приходское училище получило программу *первато* класса Еватерининскихъ главныхъ и малыхъ училищъ; уѣздное училище было сдѣлано двухкласснымъ, учебная программа его была расширена сравнительно съ бывшими малыми училищами, такъ что для поступленія въ первый классъ уѣзднаго училища требовалось знаніе курса приходскаго училища. Наконецъ, губернская гимназія представляла четырехклассное учебное заведеніе, поступающіе

въ которое должны были знать курсъ уѣзднаго училища. Такимъ образомъ была создана стройная система, связывавшая въ одно цѣлое всѣ учебныя заведенія—отъ приходскаго училища до университета—и въ то же время позволявшая каждому остановиться, смотря по его способностямъ или экономическимъ обстоятельствамъ, на той или другой ея ступени, и при этомъ получить опредѣленный и законченный въ себѣ кругъ знаний.

Система эта, впрочемъ, продержалась очень недолго: въ 1817 году, по инициативѣ гр. С. С. Уварова, четырехклассныя гимназіи были преобразованы въ семиклассныя, чрезъ прибавленіе трехъ младшихъ классовъ; программа была измѣнена,—причемъ впервые былъ введенъ латинскій языкъ (съ 3-го класса). Этимъ была уже подорвана связь между низшими, средними и высшими учебными заведеніями. Окончательно эта связь была разорвана въ 1828 г., когда министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ выработалъ и провелъ новый уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ основаніе этого устава легли слѣдующія соображенія А. С. Шипкова: „Такъ какъ изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человѣкъ поступаетъ въ университетъ, между тѣмъ какъ 99 окончатъ свое ученіе въ семь училищъ и частью въ гимназіи, то, слѣдовательно, при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній отнюдь не должно имѣть въ виду приготовленія учениковъ изъ одного заведенія въ другое; но *потребности* тѣхъ состояній, которыя должны получать въ нихъ окончательное образованіе... Приходскія школы должны существовать у насъ преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса; уѣздныя училища—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ; гимназіи—преимущественно для дворянъ, не лишая, впрочемъ, и другія состоянія права вступать въ нихъ“.

По уставу 1828 г., приходскія училища остались безъ измѣненія: они продолжали служить какъ для усвоенія началъ грамотности, такъ и подготовительной ступенью для уѣздныхъ училищъ. Уѣздныя училища были преобразованы въ *трехклассныя* съ расширенной программой, причемъ содержаніе ихъ было отнесено на средства казны. Положеніе о начальныхъ училищахъ 1864 г., предоставившее открытіе начальныхъ приходскихъ училищъ и попеченіе о процвѣтаніи ихъ общественной и частной инициативѣ и составившее эпоху въ исторіи развитія начальнаго народнаго образованія, нисколько не воснулось народныхъ училищъ высшаго типа, т.-е. уѣздныхъ.

Съ 1869 г. министерство народнаго просвѣщенія начинаетъ

открывать высшія народныя школы новаго типа, предназначенныя для сельскаго населенія, а именно двухклассныя сельскія училища съ пятилѣтнимъ курсомъ. Программа перваго класса ихъ (курсъ трехлѣтній) одинакова съ программой начальныхъ училищъ; программа втораго класса (курсъ двухлѣтній) состоитъ изъ расширеннаго курса Закона Божія, русскаго языка, всей ариметики, а также изъ новыхъ учебныхъ предметовъ: геометріи, географіи, исторіи, естествовѣдѣнія и черченія. Учебныя занятія втораго класса (4-й и 5-й годъ обученія) характеризуются слѣдующей таблицей числа учебныхъ часовъ въ недѣлю:

	4-й годъ:	5-й годъ:	Всего:
Законъ Божій	4	3	7
Русскій языкъ	8	6	14
Ариметика	6	6	12
Исторія	2	3	5
Географія и естествознаніе. . .	2	4	6
Черченіе	4	4	8
Всего	26	26	52

Въ томъ же самомъ 1869 году министерство народнаго просвѣщенія основываетъ совершенно подобныя тому училища, въ городахъ кievской, волынской и подольской губерній, подъ названіемъ: „городскія двухклассныя училища по Положенію 1869 г.“.

Наконецъ, для городовъ всей остальной Россіи на смѣну уѣзднымъ училищамъ былъ созданъ новый оригинальный типъ учебныхъ заведеній съ довольно тяжеловѣснымъ и неопредѣленнымъ названіемъ „Городскихъ училищъ по Положенію 31-го мая 1872 года“, что, притомъ, заставляетъ смѣшивать ихъ съ начальными училищами, содержащими городами, которыя потому также называются городскими, не будучи вовсе такими по своей программѣ одноклассныхъ училищъ, тогда какъ настоящія городскія училища—четыреклассныя.

Эти „городскія“ училища были созданы не только для замѣны уѣздныхъ училищъ, но и съ цѣлью дать гораздо большее: а именно, новый образцовый типъ русской народной школы. Основная идея такой новой народной школы была выяснена самимъ организаторомъ ея, повинувъ еще здравствующимъ педагогомъ Н. Х. Весселемъ.

II.

„Раздѣленіе начальныхъ училищъ на низшія (начальныя, приходскія) и высшія (уѣздныя),—говоритъ г. Вессель,—противорѣчить установленному Песталоцци курсу начального обученія, которое, начинаясь съ общенагляднаго обученія, заключало въ себѣ опредѣленный курсъ элементарныхъ знаній, необходимыхъ для всѣхъ и составляющихъ основаніе всему дальнѣйшему общему, среднему, высшему и спеціальному образованію. Поэтому общее начальное обученіе не можетъ быть раздѣляемо совершенно механически на низшія и высшія ступени, а должно составлять *нераздѣльное органическое цѣлое*, одинаковое по составу учебныхъ предметовъ во всѣхъ начальныхъ школахъ“¹⁾.

Поэтому за основной принципъ новыхъ училищъ было принято сліяніе двухъ типовъ—низшаго (приходскаго) и высшаго (уѣзднаго) народныхъ училищъ въ одно учебное заведеніе, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что курсъ ученія установленъ былъ не въ восемь лѣтъ, какъ въ Пруссіи, а въ шесть лѣтъ, какъ въ Саксоніи и Швейцаріи.

Конечно, идея повсемѣстнаго устройства у насъ—также какъ это уже существуетъ, напр., въ Германіи—училищъ съ шестилѣтнимъ курсомъ, дающимъ какъ начальную грамотность, такъ и законченный курсъ элементарнаго образованія, является сама по себѣ очень симпатичною. Но не трудно было предвидѣть ея полную неудачу при современныхъ русскихъ условіяхъ. Дѣйствительно, для осуществленія этой идеи необходимы были слѣдующія условія:

1) Такія училища должны были повсемѣстно или, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ городахъ замѣнить собой приходскія и уѣздныя училища, причѣмъ число училищъ должно было соответствовать числу дѣтей школьнаго возраста, желающихъ ими пользоваться.

2) Слѣдовало имѣть готовый громадный контингентъ спеціально подготовленныхъ учителей.

3) Эти учителя должны были быть горячо преданы своей школѣ. Поэтому служба въ ней должна была обеспечивать ихъ матеріальный бытъ и извѣстное общественное положеніе, а также и нравственное удовлетвореніе.

¹⁾ Русская школа 1890-1891 г.: Н. X. Вессель, Народное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи.

4) Для пополненія числа учителей должны были существовать спеціальныя педагогическія учебныя заведенія.

5) Необходимо было *привлечь къ этой реформѣ сочувствіе общества, предоставивъ ему дѣятельное участіе въ попеченіи объ устройствѣ, развитіи и процвѣтаніи такихъ училищъ.*

6) Государственный бюджетъ на народное образованіе надо было увеличить въ нѣсколько десятковъ разъ.

Такъ какъ ни одного изъ этихъ условій не существовало, то нельзя и удивляться, что учрежденіе „городскихъ училищъ 1872 г.“ не принесло ожидавшихся результатовъ. Самъ г. Вессель говоритъ: „Приступить теперь же, разомъ, къ преобразованію всѣхъ начальныхъ училищъ представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ, потому что: 1) это потребовало бы весьма значительныхъ денежныхъ средствъ; 2) не имѣется необходимыхъ учителей; 3) всѣ училищныя преобразованія не должны быть совершаемы разомъ, а вводимы съ осторожной и осмотрительной постепенностью, дабы можно было идти впередъ вѣрнымъ путемъ, не производя никакихъ внезапныхъ потрясеній, никакой ломки въ существующемъ порядкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла“....

Такия оговорки и колебанія при введеніи реформы перво-степенной важности не предвѣщали, конечно, ничего хорошаго. Время вполне оправдало эти опасенія... Прошло уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ съ утвержденія Положенія о городскихъ училищахъ 1872 г., но реформа объединенія низшей и высшей ступени начальнаго образованія не только не осуществлена, но наоборотъ, въ настоящее время она стоитъ еще дальше отъ осуществленія, чѣмъ въ 1872 г. Уѣздныя училища все еще продолжаютъ существовать (въ 1898 г. ихъ было 131). Мало того, условія жизни *требуютъ возвращенія къ этому типу, что и происходитъ въ дѣйствительности: уже около одной трети всѣхъ городскихъ училищъ отстало отъ себя два младшія отдѣленія, вслѣдствіе чего они стали уже не шести-, а четырехлѣтними*¹⁾. Само министерство народнаго просвѣщенія пошло на встрѣчу этому преобразованію, разрѣшивъ въ 1896 г. попечителямъ учебныхъ округовъ собственной властью закрывать два первыя отдѣленія.

Вмѣсто возрастанія числа учителей городскихъ училищъ, въ послѣднее время замѣчается убываніе, вслѣдствіе бѣгства ихъ въ другія профессіи или поступленія въ высшія учебныя заведенія.

¹⁾ Всѣ двѣнадцать городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ—четыреклассныя, точно такъ же какъ и всѣ думскія городскія училища 1872 г. въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Поэтому многія училища существуют съ далеко не полнымъ составомъ служащихъ ¹⁾. Наконецъ, увеличеніе количества городскихъ училищъ подвигается впередъ самыми медленными шагами. Въ Москвѣ, напр., въ теченіе болѣе чѣмъ десяти послѣднихъ лѣтъ не было открыто ни одного такого училища. Коротче говоря, училищная реформа 1872 г., задуманная чисто-кабинетнымъ способомъ и организованная лицомъ, хотя вполне почтеннымъ и свѣдущимъ въ исторіи народнаго образованія въ западной Европѣ, но, вѣроятно, никогда лично не работавшимъ въ школахъ, — потерпѣла самое полное крушеніе.

Разсмотримъ теперь ближе главныя причины этой неудачи. Ихъ можно свести въ слѣдующимъ четыремъ:

1) *Изолированное положеніе городскихъ училищъ сравнительно съ другими низшими учебными заведеніями.* Городскія училища типа 1872 г., не общавшія въ близкомъ будущемъ замѣнить собой всѣ другія низшія школы и во многомъ отличавшіяся отъ нихъ, вѣзались острымъ клиномъ въ существовавшую систему народнаго образованія. Это произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что обществу въ лицѣ его земскихъ и городскихъ учреждений, не было предоставлено тѣхъ правъ на участіе въ устройствѣ и развитіи городскихъ училищъ 1872 г., какія оно имѣло относительно начальныхъ школъ.

Вторая причина изолированности новыхъ училищъ заключается въ томъ, что по какому-то странному недоразумѣнію учебный курсъ трехъ младшихъ классовъ у нихъ былъ совершенно несогласованъ съ курсомъ начальныхъ школъ ²⁾. Получился такимъ образомъ неизбежный разладъ. Съ одной стороны, земства и многіе города, а въ послѣднее время и духовное вѣдомство, усиленно развиваютъ у себя сѣть начальныхъ школъ съ трехлѣтнимъ курсомъ; съ другой стороны, рядомъ съ ними возникаютъ министерскія городскія училища съ шестилѣтнимъ курсомъ и другой учебной программой. При этомъ число первыхъ растетъ несравненно быстрѣе числа вторыхъ, что вполне понятно: министерство народнаго просвѣщенія отпускаетъ на городскія училища жалкія средства (менѣе чѣмъ одна только с.-петербургская дума на свои школы!), а земства и города забо-

¹⁾ Въ настоящее время въ московскомъ учебномъ округѣ имѣется пятнадцать свободныхъ учительскихъ вакансій, въ казанскомъ округѣ — двадцать!

²⁾ Условія приѣма въ I-ый классъ тѣхъ и другихъ училищъ — одинаковыя (принимаются даже неграмотные), но на 3-емъ году обученія въ городскихъ училищахъ 1872 г. начинаются курсы геометріи, географіи, исторіи и естествовѣдѣнія, которыхъ не имѣется въ программахъ начальныхъ школъ.

тятся почти исключительно о своихъ шеолахъ, а не о чужихъ, тѣмъ болѣе, что эти школы стоятъ гораздо дешевле и удовлетворяютъ самой неотложной нуждѣ—дать народу хотя бы первоначальную грамотность.

2) *Неудачная организація городскихъ училищъ.* Всѣ городскія училища типа 1872 года должны имѣть шестилѣтній курсъ и одинаковую программу, но въ то же время они могутъ быть одноклассными, двухклассными, трехъ-, четырехъ-, пяти- и шестиклассными. Всѣмъ, незнакомый близко съ этимъ сложнымъ механизмомъ, невольно станетъ втупикъ. Что это значитъ? Какъ же могутъ и одноклассныя, и трехклассныя, и шестиклассныя училища имѣть одинаковую программу и одинаковое число лѣтъ обученія? Недоразумѣніе разъясняется слѣдующимъ образомъ: *число классовъ въ городскихъ училищахъ соответствуетъ не числу лѣтъ обученія, а числу учителей въ нихъ.* Такимъ образомъ ¹⁾: „на прохожденіе полнаго учебнаго курса новыхъ городскихъ училищъ назначается шесть лѣтъ, а нормальный возрастъ учащихся полагается отъ 7—8 до 13—14 лѣтъ. Въ одноклассныхъ училищахъ этотъ курсъ проходится въ трехъ послѣдовательныхъ отдѣленіяхъ, по два года въ каждомъ отдѣленіи; въ двухклассныхъ училищахъ первый классъ раздѣляется на два послѣдовательныхъ отдѣленія, съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ отдѣленіи; курсъ второго класса продолжается также два года; въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ курсъ каждаго класса—двухгодичный; въ четырехклассныхъ городскихъ училищахъ курсъ первыхъ двухъ классовъ продолжается по два года, а въ третьемъ и четвертомъ по одному году“.

Трудно даже повѣять такую замѣчательную организацію. Принимая даже во вниманіе, что въ одноклассныхъ училищахъ учителю всегда полагается помощникъ,—получается, что въ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ *одинъ учитель* долженъ *одновременно* заниматься съ тремя или даже четырьмя различными отдѣленіями! Что же могло получиться на практикѣ? Отвѣтъ находимъ въ одной интересной статьѣ, посвященной городскимъ училищамъ ²⁾: „Врядъ ли въ настоящее время найдутся такіе педагоги, которые стали бы защищать такую систему преподаванія, при которой одной группѣ учащихся учитель въ продол-

¹⁾ Н. Х. Вессель, Начальное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи. „Р. Школа“, 1891 г., XI.

²⁾ П. Дворниковъ. Еще о забытыхъ училищахъ. Журналъ „Образованіе“, 1899 г., IX.

женіе часового урока можетъ удѣлить на занятія только 20—15 минутъ“ ...

Было время, въ началѣ открытія этихъ училищъ, когда новые педагоги-виртуозы, увлекаясь модной для насъ, но отжившей для нѣмцевъ педагогіей, показывали на образцовыхъ урокахъ, какъ можно одновременно заниматься съ тремя, четырьмя, даже шестью группами учениковъ, но это было время моднаго увлеченія, смѣшное, безрезультатное и даже вредное преподаваніе. Эти увлеченія въ настоящее время считаются отошедшими въ область преданія, а если такая система и практикуется теперь, то только въ силу необходимости, какъ неизбежное зло. Такія училища не могутъ служить общественной потребности образованія городского населенія, ибо какія же познанія, какое умственное развитіе можетъ вынести учащійся изъ такого ненормальнаго училища, какъ двухклассное, раздѣленное на двѣ комнаты—по четыре и по двѣ группы учащихся въ каждой комнатѣ? Такія училища могутъ служить не образовательными центрами, а скорѣе дисциплинарными пунктами для провинившихся учителей, которыхъ ссылаютъ въ такія училища „въ видахъ пользы службы“. Къ сожалѣнію, такихъ пунктовъ приходится на имперію слишкомъ много: на всю Россію двухклассныхъ городскихъ училищъ приходится 104 ¹⁾. Какая же причина такого, надо сказать прямо, уродливаго устройства училищъ! Это—экономія средствъ. При такой системѣ училища выходятъ необыкновенно дешевыми. Такое достоинство ихъ выставилъ впередъ Н. Х. Вессель въ отвѣтъ своимъ оппонентамъ, на что, впрочемъ, одинъ изъ нихъ, теперь уже покойный, извѣстный педагогъ І. И. Паульсонъ, рѣзко отвѣчалъ, „что еще дешевле будетъ—совсѣмъ не открывать училищъ“!!

Большинство городскихъ училищъ въ настоящее время принадлежатъ къ типу трехклассныхъ, т.-е. съ тремя учителями на шесть отдѣленій. Конечно, и такой типъ никакъ нельзя назвать нормальнымъ. Преподаватель одновременно занимается съ двумя отдѣленіями, обыкновенно находящимися въ одной классной комнатѣ. Первые полчаса онъ непосредственно занимается съ учениками одного отдѣленія, а въ это время ученики другого отдѣленія исполняютъ какую-либо письменную работу. Слѣдующіе полчаса роли учениковъ мѣняются, и т. д. Кромѣ очевидной невозможности рациональныхъ занятій при

¹⁾ Г. Фармаковскій въ своей книгѣ: „Начальная школа Мин. Нар. Пр.“, насчитываетъ къ 1-му января 1898 г. 181 двухклассныхъ и 8 одноклассныхъ училищъ типа 1872 г.

этихъ условіяхъ, необходимо еще замѣтить, что при такомъ порядкѣ вещей у каждаго преподавателя *ежедневно* накапливается груда ученическихъ тетрадей съ самыми разнообразными упражненіями. Ихъ надо поправить къ слѣдующему же дню, — иначе такіа упражненія въ глазахъ учащихся потеряютъ всякое значеніе, и они ихъ будутъ писать кое-какъ. Но можно спросить: какія же силы надо имѣть для ежедневнаго исполненія такой сверхчеловѣческой работы? Вотъ о чемъ, въ сожалѣнію, очевидно не подумалъ авторъ *десятихъ* училищъ, предназначенныхъ выполнять чрезвычайно серьезную и отвѣтственную культурную задачу.

3) *Необезпеченность учителей* является также серьезной причиной неудовлетворительной постановки дѣла въ городскихъ училищахъ. Нормальное учительское жалованье состоитъ изъ 540 р. и 75 р. квартирныхъ, всего 615 р. въ годъ. Каждому знакомому съ этой стороной вопроса хорошо извѣстенъ несущійся со всѣхъ концовъ Россіи вопль этихъ учителей-тружениковъ, задыхающихся подъ тяжестью непосильной работы. Жить нельзя, жить нечѣмъ! Справедливо многіе изъ нихъ даже завидуютъ еще болѣе бѣдному овладу сельскаго учителя. Этотъ послѣдній, увязываютъ они, хотя и получаетъ меньше, но зато у него обезпечена квартира, иногда съ огородомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ; онъ можетъ ходить въ простомъ платьѣ, не носить глаженныхъ сорочекъ. Учитель городского училища долженъ „чище“ одѣваться, имѣть установленное форменное платье, сравнительно дорого платить за квартиру, имѣть прислугу; наконецъ, все содержаніе въ городѣ гораздо дороже, чѣмъ въ деревнѣ. Положеніе семейнаго городского учителя прямо ужасно. Необходимо прибавить, что въ нашемъ особенно провинціальномъ обществѣ слишкомъ часто общественное положеніе чловека всецѣло опѣивается его доходомъ, чтобы понять всю горечь, которую долженъ испытывать образованный учитель, заброшенный въ глухой городъ. Можно ли удивляться, что учителя очень часто мѣняютъ свою службу ¹⁾, вслѣдствіе чего, какъ уже сказано, многія городскія училища не имѣютъ полнаго состава учащихся. Нужда заставляетъ искать выхода изъ этого слишкомъ тяжелаго положенія.

¹⁾ Серьезная образовательная и педагогическая подготовка, получаемая ими въ учительскихъ институтахъ, вызываетъ большой спросъ на нихъ въ качествѣ преподавателей торговыхъ школъ, общеобразовательныхъ отдѣленій специальныхъ училищъ и низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Всѣ эти должности оплачиваются лучше, чѣмъ въ городскихъ училищахъ.

4) *Отсутствіе правъ у кончающихъ курсъ учениковъ на продолженіе своего общаго образованія.* Последняя основная причина непопулярности городскихъ училищъ состоитъ въ невозможности выхода для окончившихъ курсъ воспитанниковъ въ среднюю общеобразовательную или специальную школу. Вполнѣ признавая фактъ, что далеко не всѣ изъ абитуриентовъ городскихъ училищъ поступаютъ въ эти послѣднія школы, нельзя въ то же время закрывать глаза на то, что отсутствіе правъ на поступленіе въ среднія учебныя заведенія налагаетъ на городскихъ училища печать отчужденности и изолированности, дѣлаетъ ихъ для всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ и образованныхъ классовъ *ненужными*: они вѣдь не отдадутъ туда своихъ дѣтей! Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе отчужденности городскихъ училищъ отъ средняго образованія, часто гложутъ и пропадаютъ рѣдкія дарованія, вышедшія изъ здоровой народной среды.

Всѣ эти особенности городскихъ училищъ 1872 г., полагаемъ, достаточно объясняютъ, почему они не привлекаютъ къ себѣ широкаго общественнаго вниманія, какъ начальныя училища или какъ среднія и высшія учебныя заведенія, и почему, во время наиболѣе сильнаго подъема интереса къ вопросамъ образованія и воспитанія, почти не затрогивался вопросъ о высшихъ народныхъ школахъ. Несмотря на то, что городскихъ училища 1872 г. представляютъ единственныя учебныя заведенія, доступныя для небогатаго городского населенія, желающаго дать своимъ дѣтямъ *законченное* элементарное образованіе,—несмотря на то, что въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ они представляютъ высшіе просвѣтительные центры,—несмотря на то, что численностью своихъ учениковъ (80.000) они не уступаютъ гимназіямъ,—несмотря на все это, городскихъ училища, говоря вообще, продолжаютъ оставаться, къ великому сожалѣнію, дѣйствительно *забытыми* училищами.

III.

Только въ самое послѣднее время въ этомъ отношеніи замѣчается, какъ будто, поворотъ (пока, впрочемъ, слабый) къ лучшему. Двѣ внѣшнія причины, не говоря уже о внутренней и самой могущественной — неудержимомъ стремленіи народа не къ одной грамотности, а къ образованію, — способствуютъ этому. Во-первыхъ, передъ управленіями большихъ городовъ (въ особенности Петербурга, Москвы и Одессы) воз-

никъ попрось, ежегодно все болѣе и болѣе настоятельный: что дѣлать съ массой дѣтей, окончившихъ начальныя школы и желающихъ учиться далѣе? Факты показываютъ, что во всякомъ болѣе или менѣе населенномъ городѣ городскія училища переполнены. Мѣста достаются въ нихъ чуть не съ бою ¹⁾. Поэтому болѣе отзывчивые города, какъ С.-Петербургъ и Одесса, въ послѣднее время начинаютъ обращать вниманіе на открытіе этихъ училищъ. Въ Одессѣ каждое изъ трехъ городскихъ училищъ вмѣщаетъ болѣе 500 учащихся. Москва, сильно отставшая въ этомъ отношеніи отъ другихъ городовъ (даже провинціальныхъ, какъ Смоленскъ, Брянскъ, Ярославль, Екатеринбургъ и др.), выразила желаніе отырывать ежегодно по 1—2 такихъ училищъ. Начинаютъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи и другіе города. Кромѣ перечисленныхъ, назовемъ еще Екатеринославъ, Рыбинскъ, Ростовъ.

Вторымъ благопріятнымъ условіемъ для развитія городскихъ училищъ служитъ то очень важное обстоятельство, что, несмотря на всѣ недостатки своей организаціи, высшія городскія училища (какъ нѣкогда предлагалъ назвать высоко цѣнившій ихъ И. А. Вышнеградскій) заслужили самыя лучшія отзывы всѣхъ лицъ и учреждений, имѣвшихъ дѣло съ ихъ бывшими воспитанниками.

Какъ извѣстно, городскія училища, вмѣстѣ съ другими типами высшихъ народныхъ школъ (двухклассными сельскими и уѣздными), открываютъ доступъ въ цѣлый рядъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. И вотъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ этихъ учреждений, по заявленію, наконецъ, самого Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія, кончившіе курсъ въ городскихъ училищахъ 1872 г. представляютъ собой самый надежный, трудолюбивый и здравый, а потому и самый желательный элементъ для спеціального образованія. Если мы обратимъ вниманіе на уставы и правила пріема вновь открываемыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній съ уровнемъ образованія, приближающимся къ среднему, то увидимъ, что всѣ они отдають пред-

¹⁾ Въ Москвѣ переполненность городскихъ училищъ такъ велика, что родители дѣтей, окончившихъ начальную трехлѣтнюю школу съ наградными листами и книгами, со слезами просятъ принять ихъ хоть въ *I-е отдѣленіе* шестиклассныхъ городскихъ училищъ, гдѣ, слѣдовательно, они должны начинать почти съ азбуки. Полагаемъ, что трудно указать болѣе поразительный примѣръ недостаточности числа городскихъ училищъ. Въ Петербургѣ дѣло обстоитъ нисколько не лучше, судя по свидѣніямъ сообщеннымъ о нихъ въ „Вѣстникъ Европы“, январь 1902 г., стр. 362 и слѣд.

почтеніе въ пріемѣ образованному цензу „городскихъ училищъ“ 1872 г. До сихъ поръ для окончившихъ курсъ этихъ училищъ были доступны такъ называемыя низшія техническія училища. Теперь для нихъ открываютъ свои двери и среднія техническія школы. Удачныя въ этомъ смыслѣ опыты уже произведены двумя училищами: саратовскимъ средне-техническимъ и новозыбковскимъ сельско-хозяйственнымъ.

Но если это такъ, — если, какъ сказалъ опытъ, „городскія училища“ 1872 г. даютъ хорошихъ учениковъ средней спеціальной школѣ, то очевидно, что они дадутъ такихъ же учениковъ и средней общеобразовательной школѣ, а потому, при соблюденіи извѣстныхъ условій со стороны учебнаго плана, нѣтъ никакого основанія преграждать имъ дорогу къ общему образованию, какъ это официально и признано совѣщаніемъ особой комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія лѣтомъ 1901 г.

Мы нисколько не хотимъ этимъ доказать, что желательно подвести городскія училища подъ уровень трехъ младшихъ классовъ средней школы.

Наоборотъ это было бы въ высшей степени нежелательно. „Городскія училища“ 1872 г. по существу должны остаться тѣми же *высшими народными школами* съ самостоятельными и законченными курсами общаго образованія, какими они оставались до сихъ поръ. Это ихъ главное назначеніе: оно должно остаться неизблемымъ. Для поднятія ихъ значенія слѣдуетъ устранить только тѣ недостатки, на которые мы выше указывали: 1) Необходимо кореннымъ образомъ измѣнить ихъ организацію. Полная неудача идеи сліянія обѣихъ ступеней начальнаго образованія убѣдительно говоритъ, что надо устранить это пестрое и вредное раздѣленіе училищъ съ однимъ и тѣмъ же курсомъ на одно-, двух-, трех-, четырех-, пяти- и шести классовыя. Сама жизнь указываетъ на единственный цѣлесообразный типъ четырехклассныхъ городскихъ училищъ съ полнымъ составомъ учителей, какъ училищъ, служащихъ продолженіемъ и завершеніемъ начальной народной школы. Гдѣ это представляетъ какія-либо затрудненія (напр., въ городахъ съ населеніемъ 2—3 тысячъ жителей), можно устраивать одну двойную школу съ трехлѣтнимъ (начальную) и четырехлѣтнимъ курсомъ (высшую городскую). 2) Матеріальное положеніе учителей должно быть улучшено, — иначе скоро мы должны будемъ или закрывать городскія училища, или снабжать ихъ скороспѣлыми недоучками (какъ это теперь проектируется), прослушавшими, по окончаніи городскихъ училищъ, „краткосрочные“ педагогическіе курсы. 3) Въ учебную программу надо ввести, хотя бы факультативно, одинъ новый

языкъ, какъ это уже сдѣлано во всѣхъ петербургскихъ „городскихъ училищахъ“ 1872 г. и въ одномъ московскомъ. 4) *Самымъ же главнымъ условіемъ развитія и процвѣтанія такихъ училищъ безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ считать передачу завѣдыванія ими въ руки городскихъ управленій, на одинаковыхъ основаніяхъ съ начальными училищами.* Тогда и, пожалуй, только тогда мы достигнемъ такихъ же результатовъ относительно первыхъ училищъ, какіе имѣемъ относительно вторыхъ. Справедливо сказано, что мы должны галопомъ догонять Европу, побивающую насъ въ промышленности и торговлѣ на каждомъ шагѣ. Но „экономическая оцѣнка народнаго образованія“ у насъ еще очевидно не признана. Много говорится и пишется о высшемъ и среднемъ образованіи, предназначенномъ главнымъ образомъ для сравнительно небольшого числа зажиточныхъ или привилегированныхъ классовъ, — массѣ же народной мы предоставляемъ коснѣть въ невѣжествѣ или довольствоваться однѣй грамотой. Неужели не очевидно, что грамота даетъ слишкомъ мало для какихъ угодно надеждъ и упованій?! Вѣдь ежедневный опытъ указываетъ намъ, что одна грамота только рѣдкія и избранная природы ведетъ къ знанію, большинство же — преимущественно къ чтенію уличныхъ листовъ и лубочной литературы. Трехлѣтняя начальная школа не можетъ бороться съ этимъ зломъ; его не побѣдятъ и другія полезныя учрежденія, какъ народныя бібліотеки, чтенія и театры. Дать прочный, устойчивый фундаментъ можетъ только правильно поставленная *высшая народная школа*, а потому для успѣшнаго развитія ея должны быть употреблены всѣ усилія и общества, и государства, такъ какъ въ таковой школѣ дѣло идетъ уже не объ одной грамотности, а о народномъ просвѣщеніи.

ВАЛЕР. ГЕБЕЛЬ.

Москва.

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XXVIII *).

Поспѣшно пробирался, держась къ сторонкѣ, по дорогѣ въ Лавру, довольно большого роста мужчина, опираясь на суковатую палку, въ шляпѣ съ широкими полями и въ сѣромъ длинномъ пальто, въ родѣ балахона.

Это былъ Костровинъ. Третьяго дня прибылъ онъ въ Кіевъ, всю пятницу ходилъ по церквамъ и видѣлъ, въ оградѣ Софійскаго собора, ходъ съ плащаницей изъ одной церкви въ другую. Служилъ викарный владыко. И вчера исходилъ онъ весь городъ, отыскивая древнія святыни, безпрестанно поднимаясь на горы и спускаясь въ низины. Ни разу не взялъ онъ извозчика. Пробирался и на Подоль, и за Днѣпръ, и, истомленный тавой двухдневной ходьбой по городу, заснулъ въ сумерки и пробудился съ первыми звуками колокола въ Лаврѣ, въ свѣтлой заутренѣ.

Спалъ онъ, не раздѣваясь, въ комнатѣ дешевой гостинницы и, какъ былъ, надѣлъ шляпу, взялъ дорожную палку, похожую на посохъ, и бросился на улицу.

Когда онъ перешелъ черезъ крѣпостной мостъ, народъ сталъ сильно прибывать — простой людъ, изъ городского мѣщанства, а больше мужики и бабы, съ котомками, одѣтые по-хохлацки. Малорусская рѣчь переливалась въ этихъ партіяхъ пришлого

---

*) См. выше: мартъ, 21 стр.

народа. Настоящаго великорусскаго говора онъ что-то не слышалъ.

Ночь стояла свѣжая, но уже совсѣмъ весенняя. Въ небѣ точно ронялись звѣзды. Гулъ шаговъ сливался съ волнами густого благовѣста. Идти было темновато. Миновали какую-то церковь, освѣщенную свѣчами. Народъ стоялъ на паперти и на тротуарѣ, дожидаясь начала службы. Проѣхало нѣсколько дрожекъ. И коляска на резинахъ прокатила, производя мягкій шумъ.

Костровинъ шелъ за партией богомольцевъ, въ свитахъ и вичкахъ, отъ которыхъ пахло дымкомъ.

Этотъ все возрастающій приливъ народной толпы вливалъ въ его душу никогда еще не испытанное умиленіе. Сотни, тысячи, можетъ, десятки тысячъ текутъ въ Лавру, влекомые однимъ чувствомъ, тихо-трепетные, чающіе священнаго напоминанія о великомъ „чудѣ“, которое въ такую же ночь, тамъ, въ Палестинѣ, произошло, таинственно и безплотно, и было возвѣщено мужемъ въ бѣлой одеждѣ женамъ, принесшимъ миро.

Онъ двигался по неровной мостовой, точно летѣлъ по воздуху: такъ ему было легко.

И нивого онъ не спрашивалъ: куда идти, гдѣ поворотъ, въ какія ворота будетъ ближе и удобнѣе.

Нарочно онъ ни въ страстную пятницу, ни вчера не ходилъ въ Лавру, чтобы провести тамъ Великую ночь. И ему такъ страстно захотѣлось смѣшаться съ толпой сѣрыхъ богомольцевъ, чтобы составлять съ ними одну плоть и одинъ духъ, повторять въ полголоса тѣ же молитвенные возгласы, такъ же вздыхать и такъ же проливать слезы умиленія!..

Ему стало казаться, что толпа несетъ его, и онъ—одна тысячная этого громаднаго тѣла, одна ячейка,—въ родѣ какъ въ тѣлѣ мириады ячеекъ тонуть въ общемъ тѣлесномъ составѣ.

Сколько разъ, въ послѣднее время, прочитывалъ онъ то мѣсто Посланій апостола, гдѣ тотъ впервые такъ смѣло, для бывшаго фарисея, повторяетъ: „нѣтъ еллиновъ и іудеевъ“, а только сыны Божіи, объединенные межъ собой вѣрою въ Искупителя.

И вокругъ него—только беззавѣтно выскующіе жизни, возвѣщенной когда-то палестинскимъ рыбакамъ. Какой это народъ? Коренные русскіе или хохлы, мужики или разночинцы—одинъ народъ, одна душа, одно стремленіе къ безконечному!..

Вотъ какія-то ворота. Освѣщеніе—еще бѣдное. Съ одного боку—низменное зданіе, съ другого, кажется,—садъ или отгороженное мѣсто.

Онъ движется въ толпѣ, оставляетъ позади колокольную, яроско-свѣщенную и опять съ народомъ на паперти. Потомъ еще какая-то церковь, должно быть одинъ изъ соборовъ. Но онъ почему-то темный. Службы въ немъ не будетъ. Кажется, перестраивается. Что-то въ родѣ лѣсовъ можно распознать въ полутемнотѣ.

Но вонъ тамъ, вправо, на просторной площади, горитъ вся изнутри длинная церковь. А слѣва—другой храмъ. Тутъ дальше уже нельзя было свободно двигаться.

Онъ очутился у ограды еще какой-то церкви. На кирпичномъ выступѣ рѣшотки, ухватясь за столбики, стояли все женщины, — уже не хохлуши въ свитахъ и вичкахъ, а въ шляпкахъ. Вся площадь тихо колыхалась, покрытая сплошнымъ ковромъ головъ — мужскихъ и женскихъ.

Служба уже началась. Вся паперть продолговатой церкви, утонувшей въ розовато-желтомъ свѣтѣ своихъ двухъ фасадовъ, была усѣяна народомъ.

Приближалась минута, когда покажется ходъ—оттуда въ тотъ храмъ, что стоитъ лѣвѣе.

Сдавленный толпой, Костровинъ смотрѣлъ все туда, охваченный новымъ наплывомъ умиленного чувства.

Тысячи свѣтъ заколыхались вокругъ паперти правой церкви. Изъ дверей вырвались первыя волны пѣнія.

Шествиѣ потекло внизъ, по ступенькамъ, и, сдѣлавъ большой кругъ, двинулось влѣво. Положа черныхъ мантий медленно колыхалась подъ вздрагивающими огоньками.

Гулъ толпы сразу смолкъ. И подлѣ него, вдоль рѣшотки, прекратилась болтовня какихъ-то барынекъ.

Онъ закрылъ глаза и точно впивалъ въ себя дуновение ночи и трепетаніе воздуха, подъ ударами колоколовъ, и пѣніе, и запахъ воска. Весь онъ ушелъ въ сладкое ожиданіе обратнаго хода, когда раздастся возгласъ:

„Христось воскресе“!

И изъ тысячи устъ вырвется гулкой шопотъ:

„Во истину воскресъ“!

Пѣніе сначала все затихало, а потомъ дѣлалось явственнѣе и ближе.

По щекамъ его текли слезы, и онъ ихъ не стыдился. Передъ полузакрытыми глазами мелькали какъ будто лучезарные образы, и въ ушахъ, подъ пѣніе и благовѣсть, словно раздавались еще какіе-то голоса.

И вдругъ въ головѣ у него сдѣлалась пустота. Онъ снялъ

шляпу и прошелся по лбу. Лобъ былъ влажный. А сердце точно остановилось.

Что это поють?

Онъ сталъ повторять за хоромъ:— „Христось воскресе изъ мертвыхъ... смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь“...

Губы его не договорили послѣдняго вѣщаго слова. Голова закружилась. Онъ подался назадъ, къ оградѣ, чувствуя, что сейчасъ можетъ упасть.

— Господинъ! Вамъ не по себѣ?—раздался надъ его ухомъ басистый голосъ...

Отвѣтить онъ уже не могъ и дальше ничего не помнилъ.

Когда онъ раскрылъ глаза, то сидѣлъ на землѣ, у той же ограды. Кругомъ народъ уже отхлынулъ, ближе къ папертямъ обонхъ храмовъ.

Подъ горой разстиались рѣчныя низины. Все уже зеленѣло и кругомъ начинало цвѣсти.

На вышкѣ „Аскольдовой Могилы“ Костровинъ ушелъ взглядомъ въ голубоватую даль. Онъ побывалъ уже въ пещерахъ и, сильно утомленный, поднялся сюда.

Вчера, послѣ дурноты, ночью, онъ выстоялъ конецъ заутрени и всю обѣдню, стоя на паперти, и еле добрался до дому, на разсвѣтѣ.

Безконечной вереницей открывались передъ нимъ усыпальницы печерскихъ угодниковъ, и онъ, задыхаясь отъ спертаго воздуха и вѣпоты восковыхъ свѣчекъ, плелся въ хвостѣ богомольцевъ.

Та же народная волна точно несла его; но онъ не могъ— на людяхъ и при постоянномъ говорѣ монаха, отряженнаго съ ихъ партией—уйти душой въ это царство подвижнической жизни, въ это непрестанное предвкушеніе могилы.

Ему бы хотѣлось одному, и не днемъ, а въ глухую полночь, бродить по этимъ усыпальницамъ, часами сидѣть тамъ, углубляясь въ страшную тайну, требующую отъ грѣшника великаго искушенія.

Ему представлялась уже та „Святая-Гора“, куда онъ поплыветъ на этихъ же дняхъ и гдѣ все должно дышать отшельническимъ отреченіемъ отъ всего земного, у иноковъ, принявшихъ схиму.

Здѣсь еще слишкомъ много земного, суетнаго, своего, напоминающаго, кто ты, откуда пріѣхалъ, чѣмъ былъ три мѣсяца

назадъ. И для каждаго монаха ты баринъ, для каждаго извозчика— „ваше сіятельство“, для всякаго случайно встрѣтившагося знакомаго или швольнаго товарища— „чудаковатый малый, впавшій въ ханжество“.

А въ немъ теперь—полный разрывъ съ тѣмъ, что онъ былъ въ мірской жизни. Пропастъ эту уже не преступить. Развѣ не великое несчастье—праздновать чудо воскресенія изъ мертвыхъ и оставаться все въ той же безпробудной сквернѣ? Съ того темнаго люда, съ которымъ онъ смѣшивался и вчера ночью, и сегодня, нельзя требовать полного сознанія; но для людей, какъ онъ, познавшихъ—въ чемъ страшная тайна бытія, нѣтъ оправданія внѣ непрестаннаго искупительнаго подвига.

Теплый свѣтъ разливался передъ нимъ по полямъ и луговинамъ. Извивы рѣки играли чешуей; вѣтеръ доносилъ до лица тонкое благоуханіе распустившихся почекъ.

Но это не тѣшило его. Свѣтъ, краски, запахи, звуки—обманъ чувствъ, отводящій душу отъ проникновенія въ единую и страшную тайну бытія.

Тихо, опираясь на свою сучковатую палку, побрелъ онъ изъ Лавры въ городъ. Праздничный трезвонъ стоялъ у него въ ушахъ. Но ему не было отъ него радостно. Слишкомъ много людей, шума, ѣзды, домовъ,—некуда укрыться подъ безмолвную сѣнь.

Время близилось уже къ закату, когда онъ очутился на площади передъ памятникомъ Хмельницкому. Ему онъ показался тѣмъ-то волшебственнымъ.

За какіе подвиги стѣдуетъ увѣковѣчивать память человека въ мраморъ и бронзу?.. И можетъ ли кто-нибудь изъ смертныхъ самъ, своей мощью, или доблестью, или жертвой поборотъ хоть одну миллионную того „зла“, въ которомъ „лежитъ міръ“?

Вотъ что онъ думалъ, направляясь къ оградѣ Софійскаго собора.

Служили вечерню. Въ храмѣ было немного молящихся. Голосъ причетника раздавался гулко и связно. Тѣни уже густѣли между столпами и подъ сводами. На общемъ сѣромъ колерѣ выступали ризы иконъ и стѣнная живопись.

Онъ сталъ въ углу, вправо отъ входа, закрылъ глаза и ушелъ въ себя.

Это самоуглубленіе дѣлалось для него второй жизнью—единственной и настоящей.

Сразу отрѣшался онъ отъ всего, становился какъ бы глухимъ. И сознаніе того, кто онъ—какъ бы улетало. Прошедшаго какъ бы нѣтъ. Личность, та, которая слагалась годами—уже не властна надъ нимъ.

Такия минуты давали ему предвзвѣшеніе того, что можно испытывать въ состояніи еще болѣе глубокаго просвѣтлѣнія. И тогда—зло уже бессильно надъ твоей душой. Оно можетъ овладѣть твоимъ браннымъ составомъ, бросить тебя на одръ тѣлесныхъ страданій; но надъ духомъ твоимъ оно уже болѣе не властелинъ! Нѣтъ!

Служба уже кончилась. Народъ сталъ расходиться; а онъ все еще стоялъ въ своемъ углу, съ закрытыми глазами.

Отошла поздняя обѣдня во Владимірскомъ соборѣ.

Народъ расходился туго. Деревенскіе богомольцы, партіями, съ посохами и мѣшками—бродили по церкви и глядѣли на иконы и стѣнную живопись, на рай и воскресеніе мертвыхъ.

Костровинъ уже болѣе десяти минутъ стоялъ у входа въ алтарь и глядѣлъ на запрестольный образъ Богоматери. Онъ видѣлъ фотографіи въ Москвѣ и слышалъ много разговоровъ о работѣ его любимаго художника.

Но тогда—это были чисто эстетическія бесѣды и споры въ салонѣ его жены. И люди ея кружка сильно благоговѣли предъ произведеніями этого художника. Теперь ликъ привлекалъ его, точно нерукотворное видѣніе. Обликъ, взглядъ, проникновенная красота всего ея существа вливали ему въ душу неизъяснимую сладость.

И она родилась среди людей и заснула вѣчнымъ сномъ на землѣ; но зло не коснулось этого избраннаго существа.

Такъ бы и простоялъ онъ нѣсколько часовъ передъ этимъ чуднымъ ликомъ—символомъ торжества любви и искупленія.

Кто-то какъ будто обликнулъ его.

Онъ не сразу оглянулся.

— Павлуша!.. Вѣдь это ты!

Его бралъ за руку Булашовъ.

— Какъ я радъ!

И онъ увлекъ его внизъ съ амвона, къ выходу.

— Ты здѣсь? Выйдемъ! Ты уже осмотрѣлъ все?

Булашовъ свелъ его почти насильно съ высокой шперти, и посадилъ по близости, на скамью.

— Вотъ ты гдѣ! Ты точно меня не узналъ?

— Здравствуй, другъ.

Лицо Костровина оставалось все съ тѣмъ же выраженіемъ отрѣшенности отъ всего, что вокругъ него.

— Куда же ты пробираешься?—спросилъ Булашовъ, огорченный всѣмъ видомъ и тономъ пріятели.

— Ёду туда...

Костровинъ указалъ рукой.

— Къ Святымъ мѣстамъ, что-ли?

— Если сподоблюсь.

— Ну, а пока ты здѣсь... дай на себя посмотрѣть. Проведемъ вмѣстѣ хоть день-другой... Ты какъ въ воду вануль...

Упомянуть объ Инѣ Николаевнѣ Булашовъ не захотѣлъ. Онъ зналъ, что Костровинъ ушелъ и предоставилъ женѣ половину своего состоянія. Гдѣ онъ находился—она не знала, двѣ недѣли назадъ, когда Булашовъ, вернувшись изъ провинціи, заѣхалъ къ Костровинымъ.

— Хочешь немного пройтись?

— Пожалуй.

Булашовъ повелъ его влѣво, и они скоро попали на возвышенное мѣсто, откуда открывалась панорама города, вся облитая мягкимъ свѣтомъ, въ холмахъ и пестрыхъ краскахъ крышъ и фасадовъ, съ зеленѣющими садами.

— Посмотри, Паша, какой красавецъ Кіевъ! А?.. Душа радуется! Не уступить нашей Москвѣ!

— Да... красиво,—выговорилъ Костровинъ и обвелъ вокругъ затуманеннымъ взглядомъ.

— Неужели все это умерло для тебя?

— Все... марево...—точно про себя выговорилъ Костровинъ и ничего больше не сказалъ.

Булашовъ повелъ его дальше, еще болѣе огорченный, чѣмъ тамъ, около собора.

XXIX.

— Зачѣмъ я тебѣ? Поѣзжай одинъ.

Булашовъ—на другой день—захватилъ Костровина до его выхода изъ гостинницы и сталъ звать его въ слободку, гдѣ живутъ сектанты.

— Этимъ путемъ ты пробудешь со мною часть дня. До обѣда—мы вернемся. Это возьметъ у насъ три-четыре часа. Попрошу тебя, Паша... Вѣдь кто знаетъ... мы, можетъ, никогда не увидимся.

На эту поѣздку въ слободку Булашовъ не возлагалъ особенныхъ надеждъ; но звалъ онъ Костровина не безъ задней мысли.

— Послушай,—заговорилъ онъ другимъ тономъ, беря пріятеля за обѣ руки: — ты... отдался... служенію божественной правды... Того, что тебя теперь наполняетъ—не стану я трогать... ни въ какомъ смыслѣ. Твое credo, твое религиозное сознаніе непривосновенно. Но вѣдь и всякое другое credo также? Раскольники, евангелики—всѣ они готовы душу свою положить за то, что для нихъ истина. Взгляни же, въ послѣдній разъ, на то, какъ живетъ одной изъ такихъ общинъ, на какомъ она положеніи...

— Осуждать никого не стану.

— Прекрасно! Ты все повторяешь, Павлуша: „міръ во алѣ лежитъ“. А величайшее зло есть грѣхъ противъ свободы совѣсти.

— Ежели... ты такъ желаешь...

Эта уступка сдѣлана была не принципиально, а только изъ-за того, чтобы не огорчить отказомъ.

— Спасибо! И я тебя сейчасъ же беру съ собою.

— Въ эту... свободу?

— Сначала заѣдемъ къ должностному лицу, у котораго я вѣдь имѣю рекомендацію къ мѣстнымъ блюстителямъ порядка.

Извозчикъ повезъ ихъ довольно далеко, въ другой конецъ города.

Рослый мужчина, въ военнаго покроя тужуркѣ, принявъ ихъ въ гостиной деревяннаго домика съ палисадникомъ и далъ карточку къ своему подчиненному.

— Васъ тамъ сейчасъ же проведутъ въ его канцелярію. Есть нѣсколько урядниковъ. Вамъ дадутъ провожатаго. Проведутъ... къ самымъ зайдлымъ. Пожалуй хоть и къ „пресвитеру“... какъ они себя теперь величаютъ.

— Откуда вѣдь и пошло движеніе въ этихъ краяхъ?

— Когда-то... еще не такъ давно... слободка эта играла большую роль.. Ну, а теперь сами увидите... все это только издали... по книжкамъ и газетамъ... кажется очень важнымъ, а въ сущности—въ большомъ умаленіи... Можете въ станѣ узнать и всѣ подробности... по ежемѣсячнымъ репортажамъ.

— Репортажамъ? — спросилъ Булашовъ и взглянулъ на Костровина.

Тотъ сидѣлъ съ опущенной головой и точно совсѣмъ не слышалъ—что они говорятъ.

— Ты слышалъ?—окликнулъ его Булашовъ.

И, обратившись къ хозяину, спросилъ:

— Всѣмъ, стало быть, идетъ подсчетъ?

— Обязательно! Мы подтягиваемъ.

Провожая гостей до сѣней, бравый усачъ въ тужуркѣ крикнулъ имъ:

— Всякаго удовольствія!

На какомъ-то перекресткѣ они взяли вагонъ электрическаго трамвая. Онъ подвезъ ихъ къ самой окраинѣ слободы.

Мѣсто было еще похоже на городъ. Невдалекѣ торчала дымовая фабричная труба; не мало виднѣлось каменныхъ построекъ; но улица, куда они повернули, шедшая въ гору, уже смахивала на „порядокъ“ богатаго села.

Булашовъ спросилъ у двоихъ прохожихъ—какъ пройти въ „станъ“. Попадался народъ, одѣтый по-городски—ни одной крестьянской свиты.

Паренекъ съ узломъ на головѣ растолковалъ Булашову, черезъ сколько домовъ, если держаться правой стороны, будетъ канцелярія пристава.

Въ этихъ разспросахъ Костровинъ участія не принималъ. Онъ все отставалъ и по сторонамъ совсѣмъ не смотрѣлъ.

Передъ тѣмъ двухъ-этажнымъ домикомъ, гдѣ внизу, со входомъ съ улицы, помѣщалась канцелярія, Булашовъ подождалъ его, остановилъ и взялъ за свободную руку.

— Павлуша! Отдайся немного тому, что будетъ передъ тобой проходить вотъ сейчасъ...

— Не могу я быть... судьей...—глухо вымолвилъ Костровинъ, не глядя прямо на Булашова.

— Будь... свидѣтелемъ. Каждому свое. Ты ищешь личнаго искупленія. Твой товарищъ о себѣ не думаетъ. Ему пока довольно и того, что онъ дѣлаетъ... сознавая... увы! свое безсиліе. Но за это безсиліе съ него тамъ—и онъ указалъ рукой вверхъ—врядъ ли взыщется. Идемъ въ станъ не „погибающихъ“, а напротивъ, власть имѣющихъ!—шутя всеричалъ Булашовъ и взялъ Костровина подъ руку.

Они вошли въ небольшую комнату, похожую на помѣщеніе почтовыхъ станцій.

Налѣво отъ двери, за столомъ, сидѣлъ, должно быть, письмоводитель, въ парусинномъ пиджакѣ, рыжій, уже пожилой и подслѣповатый.

У самаго стола, прислонившись къ всяку окна, стоялъ урядникъ, пальто въ навидку, краснощекій бронецъ, съ молодецки закрученными усами, по всѣмъ примѣтамъ изъ унтеръ-офицеровъ.

Булашовъ, входя, спросилъ, обращаясь къ нимъ обоимъ—можно ли видѣть пристава.

Письмоводитель приподнялся и, прищурившись, невнятно прошепелявилъ, что приставъ „отлучившись“ въ городъ.

— Какъ это досадно!—вырвалось у Булашова.

Но онъ тотчасъ же сообразилъ, что можно будетъ добиться чего-нибудь и отъ письмоводителя.

Онъ показалъ ему рекомендательную карточку къ приставу отъ его начальника. Письмоводитель надѣлъ очки, взялъ карточку, разобралъ то, что было написано перомъ, и еще внимательно всмотрѣлся въ подпись.

— Вамъ... собственно... насчетъ проживающихъ здѣсь сектаторовъ?

Этотъ терминъ „сектаторъ“—вмѣсто „сектантъ“—Булашовъ уже встрѣчалъ въ разныхъ обличительныхъ статьяхъ и брошюрахъ.

— Да. Мы желали—мой товарищъ и я,—указалъ онъ на Костровина,—ознакомиться съ ихъ положеніемъ.

— Что же... ежели вы отрекомендованы... начальствомъ... Значить, вамъ желательно знать—въ какомъ числѣ значатся они по здѣшнему мѣсту?

— Много обяжете.

Письмоводитель подошелъ къ одному изъ шкаповъ, взялъ пачку въ синеватой обложкѣ, положилъ на столъ и развернулъ.

— Тутъ вотъ ежемѣсячныя донесенія. Присядьте, господа... Не угодно ли просмотрѣть?

— У васъ, стало быть, ведется имъ подробная вѣдомость?

— Всѣмъ какъ есть. По дворамъ. Вотъ изволите видѣть... въ каждой семьѣ... сколько душъ мужского и женскаго пола... и куда выбыли... и все прочее... тому подобное...

Мѣсячные рапорты были спиты тетрадами въ листъ, но ихъ можно было брать въ руки отдѣльно.

— Просмотри,—шепнулъ Булашовъ Костровину:—вотъ хоть одну тетрадь.

Урядникъ съ улыбкой глядѣлъ на этихъ, на его оцѣнку, чудаковатыхъ господъ; а у письмоводителя на лицѣ была мина сомнѣнія: „Кто, молъ, ихъ знаетъ—съ какимъ намѣреніемъ они явились. Можетъ,—подцѣпить меня и пристава въ чемъ-нибудь“?

Изъ одного мѣсяца въ другой, въ теченіе болѣе года, значились все однѣ и тѣ же семьи, съ самыми маленькими измѣненіями.

— Развѣ тутъ показаны рѣшительно всѣ проживающіе здѣсь сектанты?—спросилъ Булашовъ.

— Всѣ-съ,—строже отвѣтилъ письмоводитель.

— Но тутъ всего какихъ-то тридцать домовъ?

— Больше и нѣтъ, ваше благородіе, — отозвался урядникъ и поправилъ на груди ремень шапки.

— И не было никогда?

— Въ прежнее время... на первыхъ порахъ и весьма, — продолжалъ рѣчистый урядникъ; — а теперь пошло на убыль.

Въ эту минуту вошелъ въ канцелярію еще урядникъ, полный, лысый, съ лоснящимся, жирнымъ лицомъ.

— Господа, — указавъ ему на нихъ брюнетъ, — интересуются, значить, насчетъ здѣшнихъ сектантовъ.

— Тоже народъ! — тряхнулъ вошедшій урядникъ своею крупной лысой головой. — Только нашему брату лишняя обуза... Право! Оба урядника разсмѣялись.

— Развѣ среди нихъ нѣтъ баптистовъ? — обратился Булашовъ къ письмоводителю.

— Штунда... самая обыкновенная штунда, — отвѣтилъ за того молодцоватый урядникъ. — Это они себя теперь стали такъ величать, чтобы вляузы заводять... когда ихъ захватишь.

— Стало, — продолжалъ свои вопросы Булашовъ, обращаясь опять къ письмоводителю: — здѣсь, на ихъ собраніяхъ, не происходитъ преломленія хлѣба и не слышно о крещеніи взрослыхъ?

— Мы въ это не входимъ, — отозвался письмоводитель.

— Перекресты водятся, — пояснилъ лысый урядникъ. — И своего старшину они никакъ пресвитеромъ величаютъ. Но это не суть важно! Одинъ отводъ глазъ, и какъ-ни-какъ — все та же штунда!

Костровинъ, ушедшій въ чтеніе одного изъ мѣсячныхъ донесеній, поднялъ голову и спросилъ стоявшаго ближе къ нему черноватаго урядника:

— Вы о нихъ говорите... точно они люди дурныхъ нравовъ... Развѣ это правда?

— Прежде... когда вновѣ были... они святымъ житіемъ вичились. А теперь только одно фарисейство. Которые поаккуратнѣе живутъ... скопидомы, значить... А есть такая... съ позволенія сказать шулера!.. Никому не уступать и въ выпивкѣ, и въ прочемъ. А къ тому же буяны, дерзять и готовы на всякую ябеду.

— Такихъ отмѣтокъ я, однакоже, не вижу здѣсь, — сказалъ Булашовъ письмоводителю, указавъ на графы листа, лежавшаго передъ нимъ.

— Отмѣчается преимущественно все насчетъ пропаганды. И не происходитъ ли переходъ изъ севты... обратно.

— И этого я не вижу.

— Заборенѣлость!

Этотъ возгласъ подалъ лысый урядникъ.

Не безъ чувства нѣкоторой неловкости Булашовъ обратился ко всѣмъ тремъ мѣстнымъ представителямъ власти—дать имъ кого-нибудь проводить ихъ къ тому сектанту, о которомъ Булашовъ уже слыхалъ, еще до прїѣзда сюда.

Имъ дали въ проводники малаго въ лиловой рубашкѣ, огромнаго роста, и онъ, безъ шапки, повелъ ихъ переулкомъ, вдоль плетней и заборовъ, безпрестанно оглядываясь назадъ.

— Не правда ли,—спрашивалъ Булашовъ у Костровина:—какъ это все, съ виду, обыкновенно и безобидно? Ведутъ статистику—и больше ничего. И мы съ тобой могли бы попасть въ эти графы съ отмѣтками.

Костровинъ молчалъ и только пощипывалъ бороду, пробираясь по узкимъ дорожкамъ, утоптаннымъ вдоль заборовъ.

— Никакъ—тутъ?—окинулъ ихъ малый въ лиловой рубахѣ.—Спросить нешто?

— Зачѣмъ мы будемъ вторгаться къ нимъ? — остановилъ Костровинъ.—Вѣдь мы ихъ не знаемъ.

Булашовъ немного смутился. Къ тому домохозяину, куда его вели, у него не было никакой рекомендаціи отъ единовѣрца.

И „вторгаться“ они будутъ какъ бы подъ прикрытіемъ полицейской власти.

Смущеніе Булашова росло.

Онъ придержалъ малаго въ калиткѣ и готовъ былъ повернуть назадъ.

Костровинъ стоялъ поодаль—на цѣлую сажень отъ калитки.

— Такъ поспросить?—повторилъ опять свой вопросъ малый въ лиловой рубахѣ.

Рукой онъ уже держался за щеколду калитки.

— Войдемъ!—крикнулъ Булашовъ Костровину.

Смущеніе его прошло отъ той мысли, что въ такой слободѣ, гдѣ всѣ сектанты на перечесть и подъ надзоромъ—всего лучше было навѣстить ихъ пресвитера съ вѣдома мѣстнаго начальства—безопаснѣе для того, къ кому они шли.

Кромѣ того, онъ сообразилъ, уже переступая черезъ порогъ, и то, что Буровъ, являвшійся къ нему въ гостинницу, послѣ разбирательства въ волостномъ правленіи, узналъ отъ него, что онъ собирается въ Кіевъ и навѣрно извѣстилъ своихъ о его посѣщеніи.

Дать отъ себя записку Буровъ не предложилъ—изъ понятной осторожности.

На дворѣ лаяла бѣлая мохнатая шавка. Въ глубинѣ его стоялъ свѣтлый оштукатуренный домикъ, съ зелеными ставнями, чистый и веселый, какъ у людей съ нѣкоторымъ достаткомъ, торговцевъ или мелкихъ служащихъ.

Малый вошелъ на крылечко, помѣщавшееся сбоку, и въ сѣнахъ что-то сказалъ женщинѣ, въ родѣ кухарки, послѣ чего сталъ раскланиваться.

Булашовъ сунулъ ему въ руку на чай.

— Работница... значить, ихняя. Она скажетъ хозяйкамъ.

— Пожалуйте! — пригласила ихъ работница и отворила дверь въ первую просторную комнату.

Вся она стояла на солнцѣ, оклеенная веселыми обоями, съ порядочной мебелью и горшками цвѣтовъ на окнахъ, съ кисейными занавѣсками. На стѣнѣ висѣло нѣсколько картинъ, и чистый половикъ положенъ былъ отъ одной двери къ другой.

Въ немъ вышла сейчасъ же жена хозяина, нестарая женщина, старательно причесанная, одѣтая по городскому, съ быстрымъ взглядомъ темныхъ глазъ и общимъ очень умнымъ выраженіемъ всей головы.

— Мужъ сейчасъ выйдетъ. Садитесь, сдѣлайте одолженіе. Вы изъ стана?—спросила она, повода, на особый ладъ, тонкими бровями.

— Намъ дали оттуда провожатаго... Вотъ мы съ моимъ пріателемъ...

Булашовъ назвалъ себя.

— Какую вы фамилію сказали? — остановила его хозяйка. Онъ повторилъ.

— Булашовъ!.. Вы, значить, тому барину, петербургскому, сродни приходитесь?

— Это былъ отецъ мой.

— Вотъ чтò... Значить, о васъ писалъ сюда Викентій Семеновичъ...

— Буровъ? Если онъ, то обо мнѣ.

— Душевно рады.

И она сейчасъ же подошла къ двери и окликнула мужа.

Вошелъ высокаго роста темно-русый мужчина, съ большой бородой. Нѣсколько утомленное худощавое лицо и высокій, уже морщинистый, лобъ. Одѣтъ—въ домашній пиджакъ; панталоны—поверхъ сапоговъ.

Такихъ нарядчиковъ видалъ Булашовъ часто и въ сѣверныхъ губерніяхъ.

— Викентія Семеныча знакомый. Желали насъ навѣстить съ ихъ пріятелемъ, — пояснительно сообщила жена и сѣла въ сторонѣ, а обоимъ гостей попросила на диванъ.

Мужъ ея сѣлъ у стола, передъ диваномъ, въ крестѣ.

Разговоръ наладился скоро, особенно послѣ того, какъ Булашовъ далъ понять имъ: съ какимъ человѣкомъ они имѣютъ дѣло.

Про результатъ разбирательства, на которомъ онъ присутствовалъ всего дней десять назадъ, они уже знали, вѣроятно изъ письма Бурова, гдѣ онъ извѣщалъ о его пріѣздѣ сюда.

Мужъ былъ гораздо сдержаннѣе и говорилъ медленно и тихо. Рѣчистѣе и сильнѣе тономъ выказывала себя жена.

По тому, какъ она выражалась, и по всему подъему ея рѣчей, она ярко выдавалась бы въ любомъ собраніи сектантовъ изъ простаго званія. Врядъ ли она была крестьянскаго рода; а скорѣе городская, мѣщанка, хорошо грамотная и отлично знакомая со всѣмъ движеніемъ и на югѣ, и въ центральныхъ губерніяхъ, и на Кавказѣ, и даже въ столицѣ.

— Неужели, — спросилъ Булашовъ мужа, — въ вашей свободѣ, откуда пошло движеніе въ этихъ мѣстностяхъ — всего на все неполныхъ сорокъ душъ обоого пола?

— Можетъ, и ихъ скоро не будетъ, — отвѣтила жена. — Вы, господинъ, извольте припомнить, что откуда же, изъ нашего города... воздвигнуто было обличеніе. И мы сопричислены были... чуть не къ злоумышленникамъ. По слабости человѣческой и по нынѣшнимъ временамъ трудно рассчитывать на то, чтобы каждый выше живота своего ставилъ заповѣдь Спасителя нашего. Но кто не устрашится — тѣ пребудутъ ей вѣрны. Въ этомъ не сомнѣвайтесь!

Послѣднія слова она выговорила съ особенной теплотой и силой.

Булашовъ значительно поглядѣлъ на Костровина.

Тотъ хотѣлъ какъ будто сказать ей что-то и поникъ головой.

Разспрашивать мужа о его положеніи въ мѣстной общинѣ Булашовъ напелъ неловкимъ. Тотъ продолжалъ держаться, какъ человѣкъ, прошедшій черезъ разныя мытарства и очень осторожный.

Но онъ глазами и движеніями головы вторилъ тому, что говорила какъ бы за него рѣчистая и твердая въ вѣрѣ жена.

Впечатлѣніе получалось очень своеобразное. Языкъ обоимъ —

особенно жены, обстановка, ихъ видъ и манера держать себя— все это было какъ бы изъ совсѣмъ другой страны и культуры, чѣмъ тотъ крестьянскій старорусскій бытъ, гдѣ они съ Костровинымъ любовались Василюемъ Егоровымъ, когда онъ везъ ихъ со станціи, гусемъ, въ своихъ пошевняхъ.

— А насчетъ двухъ обрядовъ,—спросилъ подъ конецъ Булашовъ... есть полное единеніе... или какъ?

Отвѣтила опять жена и не сразу.

— Полнаго, господинъ, единенія еще нѣтъ. Кто... изъ первоначальныхъ... еще не вникаетъ достаточно... А кто помоложе, и мужчины, и женщины—выказываютъ добровольное согласіе.

— Это подлинно,—подтвердилъ мужъ.

Тутъ только Костровинъ поглядѣлъ на Булашова и взглядомъ какъ бы хотѣлъ ему сказать:

„Къ тому должно идти. Безъ символа будетъ одна сущъ“!

Но онъ ничего не вымолвилъ. И когда они вышли на улицу, то у него вырвались только эти слова:

— Мечутся!.. Ищутъ и не обрящутъ!

XXX.

Передъ ними темнѣла полоса моря. Внизу, подъ краемъ бульвара—гавань, и сегодня срочный пароходъ отправляется туда, въ Царьградъ и дальше.

На немъ поплыветъ и пріятель Булашова, не прямо въ Палестину, а сначала, и для долгаго привала—быть можетъ, до будущаго Великаго поста—на „Святую-Гору“.

Булашовъ взялъ съ него слово, еще въ Кіевѣ, что они еще разъ простятся передъ самымъ отплытіемъ парохода.

И чѣмъ ближе подходилъ этотъ моментъ, тѣмъ тяжелѣе было ему разставаться съ „Павлушей“.

Вотъ теперь, сидя съ нимъ на бульварѣ, въ виду моря, онъ точно присутствовалъ на панихидѣ по усопшемъ пріятелѣ.

Отговаривать его отъ этой поѣздки, похожей на начало полнаго исчезновенія изъ живой жизни, онъ не пытался. Костровинъ—не сумасшедшій. То, чтò владѣетъ теперь его душой, могло явиться рано или поздно, если въ немъ заложены были задатки настоящей мистики.

Но все-таки его щемило, по прежнему, то, что онъ, а не кто другой, по „наущенію“ Ины Николаевны, сталъ вводить Павлушу въ міръ религиозныхъ идей.

Онъ самъ продолжаетъ вращаться все въ томъ же воздухѣ народнаго исканія истинной вѣры.

Не дальше какъ вчера, въ этомъ нарядномъ, южно-русскомъ городѣ, гдѣ все дышетъ наживой и спекуляціей, онъ велъ продолжительныя бесѣды съ нѣмецкимъ пресвитеромъ баптистовъ, получили отъ него въ даръ нѣсколько книжекъ и ставилъ ему въ разговорѣ, за стаканомъ чая, цѣнные для него вопросы о различіяхъ и сходствѣ его признаннаго исповѣданія съ тѣмъ, въ которому сами причисляютъ себя и бывший молоканинъ Наумъ Степановъ, и вся та община изъ двадцати-восьми членовъ, мужчинъ и женщинъ, которыхъ земскій начальникъ не считалъ себя въ правѣ приговорить къ платежу штрафовъ.

А передъ тѣмъ посѣтилъ его посланный все того же полутантвеннаго Бурова—старый сектантъ, изъ мѣстной подгородной слободы, сѣдой хохоль, съ бурьезнѣйшимъ изъясненіемъ, много высидѣвшій въ разныхъ мѣстахъ; но до сихъ поръ еще пылкій, рѣчистый, удивительный діалектикъ и обличитель тѣхъ, кто мѣшаетъ ему проповѣдывать слово Божіе.

Но всѣ эти русскіе простые люди, съ сѣвера и юга—всѣ они живутъ на міру, держатся за свой бытъ, работаютъ и наживаютъ копѣйку на черный день—немыслимы внѣ своей общины, своего „согласія“, хотя и стремятся къ личному искупленію, къ личной святости.

Они всѣ дышатъ жизнью и никуда не уйдутъ по доброй волѣ отъ земной доли. И умирать будутъ „на міру“.

А отъ его пріятеля идетъ дуновение живо погребеннаго человѣка. Онъ бѣжитъ отъ людей, отъ всего, что связано съ радостями и печальми, подвигами и усиліями человѣчества,—какъ оно сложилось, въ самыхъ своихъ высшихъ сферахъ, къ началу двадцатаго вѣка.

„Міръ во злѣ лежитъ!“—шепчутъ уста изувѣра, и онъ самъ считаетъ себя сосудомъ дьявольской скверны и только въ умерщвленіи плоти, въ полномъ угнетеніи своего „я“ мерцаетъ передъ нимъ возможность искупленія:

— Какъ ты не хочешь, Паша,—тихо спросилъ Булашовъ пріятеля,—чтобы я поѣхалъ съ тобой на пароходъ?

— Прошу тебя... не дѣлай этого. Не провожай меня и домой. Мои сборы короткіе.

— Ты... въ какомъ классѣ?

Костровинъ помолчалъ.

— Я съ народомъ... буду... съ богомольцами.

— А писать тебѣ... куда же?

— Не надо, другъ. Прости... не осуди. Но такъ лучше.

Вокругъ нихъ играла веселая жизнь. Раздавались свистки судовъ, гулъ разговоровъ, шелестъ вдоль прогулки; издали несли шумъ колесъ.

А у Булашова на сердцѣ было все то же чувство—точно онъ стоитъ надъ могилой и оттуда доходить до него запахъ разлагающагося тѣла.

И вдругъ сухая горячая рука пріятеля схватила его руку и стала тихо пожимать ее.

Онъ съ возрастающимъ волненіемъ повернулся лицомъ къ Костровину. Изъ впалыхъ орбитъ смотрѣли на него глаза этого „мертвеца“, и въ нихъ вспыхивали не блуждающіе огоньки кладбища, а что-то глубоко скорбное и проникнутое состраданіемъ.

— Не впадай въ малодушіе, — слышатся ему тихія слова пріятеля. — Не смотри на твоего товарища, какъ на одержимаго духомъ сатанинской гордыни. Не думай, что онъ возноситъ себя надъ всѣмъ земнымъ изъ-за этой самой гордыни. Нѣтъ, Викторъ, — онъ въ первый разъ такъ назвалъ его: — не тѣмъ онъ превполненъ. И не о себѣ говорить, въ эту минуту, разставаясь съ тобою...

— Неужели навѣки, Павлуша?

— Не пытай! Не о себѣ онъ говорить, а къ тебѣ обращается и молить тебя ужаснуться того—куда влечетъ тебя заблудшійся и высокоумѣрный разумъ...

— Высокоумѣрный? — удивленно переспросилъ Булашовъ.

— А то какъ же? Что ты говорилъ въ нашу послѣднюю бесѣду? Вспомни! — почти съ ужасомъ прошепталъ Костровинъ.

— Что же твое?

— Ты не хочешь идти дальше созерцанія... всемірнаго бытія. Для тебя человѣкъ, его судьба и назначеніе — презрѣнное ничтожество! А онъ мѣритъ все на свой аршинъ. Говорилъ ты это?

— Это правда... по моему разумѣнію.

— Не правда, а прямой путь въ бездну безразличія, гдѣ нѣтъ ни добра, ни зла, гдѣ отсутствуетъ Божественное начало. Ты его признаешь, небось, стремясь къ тому, что ты считаешь долгомъ честнаго человѣка? Но это только отводъ, сдѣлка съ совѣстью, а не признаніе того, что божественный „Логосъ“... воплотился... и поставилъ передъ нами первообразъ новаго духовнаго человѣка. Не умствовать, а создавать этого духовнаго че-

ловѣка—вотъ единый путь... Слышишь, Викторъ,—единственный! А чтобы идти по немъ—что нужно? Нужно, Викторъ, свою злую волю всю отдать на служеніе Божественному началу. И въ насъ, кромѣ этой злой воли, нѣтъ ничего своего. Все, что не она—то идетъ свыше.

— Какая же въ тебѣ злая воля? Побойся Бога, Павлуша! Ты клеветалъ на себя!

— Постой... Дай досказать, Викторъ. Долго это меня гнело и сокрушало. Но я не могъ сразу уразумѣть вотъ чего...

Костровинъ перевелъ духъ и посидѣлъ нѣсколько секундъ молча, уходя взглядомъ вдаль, съ выраженіемъ чловѣка, до котораго доносятся какія-то слова.

— Ты думалъ ли о томъ—почему фарисей, погнавшійся въ Дамаскъ, влекомый яростью противъ учениковъ Спасителя—послѣ небеснаго удара сдѣлался такимъ ревностнымъ распространителемъ благой вѣсти? Потому, другъ, что въ немъ эта внутренняя сила—до того, злая и извращенная—была обильна. И она вся, безъ остатка, перешла въ служеніе Божественному началу. Вотъ что открылось мнѣ. Не страшна злая чловѣческая воля, когда она перельется въ полное торжество вѣчнаго Блага... Только бы не потонуть въ безразличіи... Не поддастся сатанинскому наущенію одного созерцанія мертворожденной и обреченной на небытіе... вѣшной природы!

И онъ широкимъ жестомъ обвелъ надъ собою.

— Страхись, другъ, такого конца! Разумъ, безъ претворенія вѣчнаго Блага въ нашу плоть и кровь—сосудъ дьявола, а не милости Божіей! Попомни мои слова... въ минуту внезапнаго сокрушенія, когда ты будешь объять холодомъ отвращенія къ жизни и сомнѣнія во всемъ... во всемъ...—повторилъ онъ и весь содрогнулся.

Булашову нечего было возражать. Нельзя было и считать поученіе пріятеля безсвязнымъ бредомъ иллюмината. Въ этомъ „credo“ чувствовалась даже логическая связь, если согласиться на главную предпосылку объ исконной злой волѣ чловѣка.

— Пожалуйста, другъ, — говорилъ Костровинъ, закинувъ руку на спинку дивана,—исполни мою просьбу—не трудись провозжать меня на пароходъ.

— Какъ тебѣ угодно... Но скажи, по крайней мѣрѣ, Павлуша, гдѣ ты проведешь зиму?

— Не хочу ничего загадывать.

— Въ Палестину... ты могъ попасть и раньше... къ свѣтлому празднику.

Костровинъ поглядѣлъ на него.

— Это, не увеселительная поѣздка, другъ. Все равно, что проѣхаться въ Римъ на Святую... или въ Ниццу, что-ли, на карнаваль. Съ чѣмъ поѣдешь-то? Съ какимъ душевнымъ добромъ? Припомни!.. Гоголь много лѣтъ собирался и готовилъ себя...

Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Ты какъ на него смотришь... на того *внутренняго* человека, котораго онъ въ себѣ воздѣлывалъ? Неужели... такъ, какъ мы когда-то, начитавшись писемъ Бѣлинскаго, — всѣ смотрѣли? Изувѣрь, иллюминать, презрѣнный ханжа, психопатъ! Неужели и теперь ты такихъ же взглядовъ?

— Искренность его я допускаю...

— Только и допускаешь, что искренность?.. А для меня это — великая страница въ жизни русской души. И вотъ что я тебѣ скажу, Викторъ... Еще не такъ давно въ Питерѣ... вскорѣ послѣ того, какъ мы тамъ водворились... зашелъ разговоръ у Ины... Ну, разумѣется, тонъ давалъ... Кублицкій... Они, небось, не такъ смотреть на его „Переписку“ и его многолѣтнюю борьбу съ своей человѣческой сверной!.. Рисуются они, или говорятъ отъ души, а все-таки уразумѣли эту высшую драму и преклоняются передъ нею...

— Ихъ дѣло, — промолвилъ Булашовъ.

— И ихъ, быть можетъ, скорѣе другихъ озарить свѣтъ искупительнаго сокрушенія.

— Твоя жена — рано или поздно — почувствуетъ: кого она лишилась...

— Моя жена? — строже обливнула Костровинъ. — Не зови ее такъ! Какъ можно существо, одаренное душой, считать *своимъ*?.. Мы всѣ — ничьи и Божьи. И не думай, другъ, что во мнѣ осталась хоть капля горечи. Еслибъ я былъ для нея цѣнной утратой, я бы долженъ былъ, первый, повести ее къ познанію великой цѣли бытія. А я какъ прожилъ съ нею не одинъ годъ? И безъ того... яко бы удара, который она мнѣ нанесла, я и теперь бы бродилъ во тьмѣ.

Булашовъ чуть-было не вскричалъ: „Это ужъ слишкомъ!“ — но воздержался.

— А если ее озаритъ тотъ же свѣтъ и укажетъ ей всю глубину чисто-человѣческаго зла, которымъ всѣ мы преисполнены — Господь поведетъ ее по той же стезѣ. Быть можетъ, и въ этой жизни мы встрѣтимся... передъ тѣмъ, какъ предстать передъ Вѣчнаго Судію...

— Но если я ее увижу, и она спроситъ меня о тебѣ?

— Чего же скрывать? Скажи: что ты видѣлъ и что слышалъ отъ меня. Знаешь: расторгнуть бракъ, какъ это теперь дѣлается—я не могу!.. И она это знаетъ. Пускай меня осуждаютъ... Ты врядъ ли осудишь. Пройдетъ годъ, другой. Она еще молода. Кандидатъ Павелъ Алексѣевъ Костровинъ исчезъ... Есть такой законъ о безвѣстномъ отсутствіи. А то, что я дѣлаю... наши предки исполняли какъ нѣчто обычное. Припомни... даже и цари передъ смертью принимали схиму. А ежели одинъ изъ супруговъ хотѣлъ дать свободу другому, то шелъ въ обитель, постригался...

— Да,—добавилъ Булашовъ,—постригали и насильно женъ, особенно царицъ.

— Не мужъ во мнѣ дѣйствуетъ, а рабъ Божій, чающій своего духовнаго воскресенія. И русскіе люди, когда-то, принимали схиму... передъ оставленіемъ земной жизни. И я—такой же русскій человѣкъ, хоть и конца XIX вѣка—дерзновеннаго отрицателя всякаго откровенія—передъ переходомъ въ иную духовную жизнь. Неужели ты не можешь этого допустить, Викторъ?

Булашовъ ничего не отвѣтилъ.

— А теперь—пора! Прощаться зачѣмъ же? Вѣдь только наша оболочка исчезнетъ. Тамъ—онъ поднѣлъ руку—увидимся всѣ, безъ различія.

Костровинъ всталъ, нагнулся и, держа пріятеля за плечо правой рукой, поцѣловалъ его въ щеку.

— Сиди! Не провожай меня...

И пошелъ по бульвару, опираясь на палку. Долго Булашовъ видѣлъ его шляпу и длинный сѣрый балахонъ...

XXXI.

По той же дорогѣ въ станціи Дергачи, какъ и въ началѣ зимы—шелъ скорый поѣздъ. И опять—въ вагонѣ второго класса—сидѣлъ Булашовъ у окна, противъ своего спутника. Но это былъ уже не Костровинъ, а присяжный повѣренный Лебедевъ, съ которымъ они не видались съ зимы.

Они ѣхали до Дергачей, гдѣ должны были пересѣсть въ другой—мѣстный—поѣздъ, товаро-пассажи́рскій, до ближайшаго уѣзднаго городка.

Подобрался уже сентябрь; но погода стояла совсѣмъ лѣтняя. „Бабе лѣто“ держалось стойко; солнце пекло въ полдень, листья на деревьяхъ вездѣ еще зеленѣли. Въ вагонѣ было душновато.

Въ Булашовѣ—съ ранней весны, когда онъ простился съ своимъ пріителемъ, на бульварѣ Одессы—замѣтна была пере-мѣна. Подъ лѣтнимъ загаромъ лицо сильно похудѣло. И въ тѣлѣ онъ перепалъ.

Послѣ долгаго живого разговора оба спутника примолкли.

Въ Москвѣ, въ той самой Лоскутной гостинницѣ, гдѣ онъ жилъ ровно годъ назадъ, послѣ того, какъ гостилъ у Костровиныхъ на дачѣ—получилъ онъ письмо отъ графини Бунной, изъ ея имѣнья.

Письмо это было рѣшающее.

Оно равнялось отказу, хотя въ немъ онъ и не нашелъ ничего безповоротнаго.

Лѣтомъ они провели нѣсколько недѣль въ Крыму. Ихъ сближеніе шло быстро. *Женщина* все больше влекла его къ себѣ въ графинѣ. Умъ, даровитость, прочность идей и принциповъ, смѣлость—все это онъ цѣнилъ скорѣе умомъ, чѣмъ душевнымъ влеченіемъ.

Въ немъ чувство борьбы, желаніе дать ей „матъ“—какъ въ шахматной игрѣ—не пропадало. Какъ ни старался онъ поборотъ его—это ему не удавалось.

Но сближеніе молодого мужчины и такихъ же почти лѣтъ дѣвушки, полныхъ здоровья и бодрости—двигалось замѣтно для нихъ обоихъ.

Вышло объясненіе въ ночной декорациі: садъ Алупки, у подножія мраморной лѣстницы дворца. Все было—точно на заказъ, вплоть до ласкающаго свѣта полной луны.

У нея дрогнулъ голосъ, когда она заговорила въ отвѣтъ на его слова.

Она сказала ему, какъ всегда, ясно и немного рѣзковато:

— Я могла бы привязаться къ вамъ, Булашовъ. Во мнѣ и теперь уже очень хорошее чувство. Любовь ли это? Не знаю. Я еще не любила. Думаю, что намъ не трудно было бы ужиться по сыладу натуръ. Но видите ли—она прикоснулась рукой ко лбу:—что скажетъ голова? Это очень важно.

„Голова“ дала предостереженіе, послѣ переписки, длившейся больше мѣсяца. Ея послѣднее письмо только подчеркнуло то, что въ немъ всплывало, когда онъ уходилъ поглубже въ самого себя.

И онъ сознавалъ, что „ужиться“ они могли бы, какъ „натуры“. Но разнь ихъ—глубокая, хотя оба принадлежать къ одному „лагерю“.

Эта разнь притаялась бы на первыхъ порахъ, когда разгово-

рили бы ихъ полъ и возрастъ. Но потомъ пошелъ бы разладъ, еслибы одинъ не передѣлалъ другого—на свой ладъ.

Онъ—ее? На это слишкомъ малая надежда... Она—его? Это было бы наружное подданство безъ внутренняго убѣжденія.

Ея здоровый умъ—на лицо, и въ томъ: какъ она—*первая*—высказалась, въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Она какъ бы предупредила его.

И все-таки ударъ былъ сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Страхъ одиночества впервые вползъ въ него холодящей струей. И не одного одиночества, а и жуткаго предчувствія того, что ему предстоитъ, быть можетъ, и не въ одной личной жизни, оставаться „въ пространствѣ“.

Злобное прозвище, данное ему въ Москвѣ: „комми-вояжёръ по сектантскимъ дѣламъ“—вспомнилось ему.

„Поѣду къ моимъ молокованамъ!“—съ этой мыслью онъ про-
снулся на другой же день.

Тамъ, въ деревнѣ, среди этихъ „особенныхъ душъ“, уйдешь отъ личныхъ тревогъ, сбросишь съ себя исканіе той пристани, о которой, видно, такой человѣкъ, какъ онъ, не долженъ мечтать...

Тотчасъ же начали выступать въ памяти лица и осанки: Василія, его отца, его сестры... Эта Арина—настоящая красавица, съ яснымъ обликомъ, строгатымъ выраженіемъ большихъ свѣтлосѣрыхъ глазъ, съ густыми бровями. Точно сейчасъ видѣлъ онъ ее въ избѣ, за ткацкимъ станкомъ, съ босыми ногами, которыми она сильно и быстро перебирала.

Невольно поднялось сравненіе между эти двумя русскими дѣвушками—графиней и Ариной.

По складу онѣ похожи. Вѣроятно и Арина—также „характеръ“. Но она не знаетъ „феминизма“. Все въ ней должно быть цѣльно и прочно: вѣра, нравственные правила, привязанности, трудъ, заботы.

И почему знать, что изъ такой полуграмотной сектантки не могла бы выйти крупнѣйшая личность, вся проникнутая, какъ разъ, культомъ свободы совѣсти, которую онъ ставитъ, до сихъ поръ, превыше всякихъ завоеваній человѣчества? Ему, тутъ же, вспомнилась жена сектанта, въ слободѣ, подъ Кіевомъ, ея тонъ, ея глубокая убѣжденность. Чего же недостаетъ такой женщинѣ изъ народа? Извѣстнаго лоска, школьнаго образованія?.. Но это дѣло наживное, при умѣ и даровитости. А гдѣ онъ встрѣчалъ, среди „господъ“ и даже въ сферѣ высшей интеллигенціи, супружескую чету, до такой же степени проникнутую внутреннимъ духовнымъ ладомъ?

И мистическіе глаза бѣднаго Наума Степанова глядѣли на него. Слышался ему его вздрагивающій, нутраной голосъ исповѣдника и даже слова его импровизованной молитвы.

Гдѣ-то онъ? Среди какихъ дивныхъ инородцевъ Закавказья мается онъ теперь, оторванный отъ семьи, больной и безпомощный?..

Булашовъ сейчасъ же вспомнилъ и объ адвокатѣ Лебедевѣ, спросилъ по телефону гостиницы—въ Москвѣ ли онъ. И въ тотъ же день адвокатъ явился къ нему и пригласилъ его—если онъ свободенъ—сѣздить съ нимъ въ тотъ уѣздный городъ, гдѣ будетъ разбираться, во второй инстанціи, въ сѣздѣ, дѣло о сектантахъ, приговоренныхъ земскимъ начальникомъ къ штрафамъ за недозволенное сборище. Ызды отъ Дергачей всего двадцать съ чѣмъ-то верстъ, по желѣзной дорогѣ.

Лебедевъ пришелъ къ нему не одинъ; привелъ съ собою своего знакома, изъ обывателей города—Пимена Ивановича Ляпунова, единовѣрца Наума Степанова, также изъ бывшихъ молоканъ.

Этотъ „обыватель“ сразу заинтересовалъ его.

Въ немъ чувствовалась уже городская культура; говорилъ онъ складно, употребляя литературные обороты, мягкимъ тономъ, съ игрой умныхъ глазъ. Въ какихъ-нибудь пять минутъ ихъ бесѣда оживилась; гость выказывалъ полное довѣріе къ нему и два раза замѣтилъ въ разговорѣ, что онъ достаточно „наслышанъ“ о немъ. Дальше онъ понялъ и то, что его личность особенно дорога ему и потому, что онъ—„сынѣкъ“ покойнаго Сергѣя Васильевича.

Они условились съ Лебедевымъ выѣхать на другой же день въ двѣнадцать часовъ дня, а обыватель отправился домой въ тотъ же день и вызвался приготовить имъ два номера въ единственной порядочной гостиницѣ города.

Все это сложилось быстро и встало и поставило Булашова опять на тѣ же рельсы, по какимъ онъ двигался такъ свободно, когда везъ Костровина по той же дорогѣ и въ томъ же самомъ скоромъ поѣздѣ.

— Пора и собирать свои пожитки,—сказалъ спутникъ Булашова и сталъ затагивать ремни ручного чемоданчика, гдѣ у него лежала его фрачная адвокатская пара.

— Развѣ Дергачи уже близко?—спросилъ Булашовъ, поглядѣвъ въ окно на ярко освѣщенную равнину.

— Черезъ четверть часа!

Они оба немного утомились отъ долгаго разговора все на ту же безконечную тему отечественныхъ „порядковъ“. Печальные итоги напрашивались сами собою... И впереди, думалось имъ, не видно было никакого просвѣта...

— Вы потомъ къ Топоркову?—спросилъ Лебедевъ, когда до станціи Дергачи оставалось всего пять минутъ ходу.

— Гдѣ же больше остановиться?

Но Булашова немного смущало то, что на свою депешу онъ не получилъ никакого отвѣта.

— Я тоже давно ничего про него не знаю,—сказалъ Лебедевъ.—Въ Москвѣ онъ не бывалъ съ ранней весны... со Святой недѣли.

— Если нѣтъ ни его, ни семья... я могъ бы, съ вашей помощью, помѣститься гдѣ-нибудь въ самыхъ Дергачахъ, около станціи или въ селѣ...

— Не дѣлайте этого, Викторъ Сергѣичъ!—остановилъ его Лебедевъ, понизивъ голосъ.—Здѣсь вы сейчасъ возбудите ненужное любопытство... соглядатаевъ. Особенно на станціи! Да и на селѣ найдутся алыгвазильи. Слышалъ я, что начались опять собесѣдованія. Можеть, и въ это воскресенье будетъ духовная прѣ! Пименъ Иванычъ Ляпуновъ скажетъ намъ сегодня. Тогда вы побываете и на селѣ... Видите, какая у насъ стоитъ итальянская погода?! Ежели вы охотникъ до ходьбы... тутъ какое же разстояніе... три-четыре версты? А вотъ и Дергачи!

Народу на платформѣ было больше, чѣмъ постѣмъ. Все еще кругомъ дышало лѣтнимъ привольемъ. Они вошли въ тѣсноватый пассажирскій залъ съ буфетомъ и закусили у прилавка, въ ожиданіи отхода поѣзда въ городъ. Поѣздъ уже стоялъ немного въ сторонѣ.

Въ немъ они двигались до смѣшного медленно. Булашову казалось, въ первыя минуты, что они идутъ буквально шагомъ, и всякая крестьянская подвода обгонитъ ихъ.

Еще засвѣтло дотащили ихъ до станціи. Извозчикъ везъ ихъ по развѣзженному шоссе, съ версту. У въѣзда въ городъ стояли старинные каменные столбы съ гербами. Налѣво поднималась темно-кирпичная глыба какой-то фабрики. На главной улицѣ мостовая оказалась еще жесточе, чѣмъ шоссе. Но городокъ смотрѣлъ чистенько съ его одноэтажными домами и садиками.¹

Какое-то особое настроеніе находило на Булашова. Мягкость воздуха, розовая заря, тишина и безлюдность были успокоительной прелюдией къ тому, что онъ надѣялся найти въ деревнѣ, у своихъ пріятелей.

Парень въ дерюжномъ армякѣ, на своей чубарой лошадеи, подвезъ ихъ въ дрожкахъ къ сѣрому деревянному дому съ высокимъ крыльцомъ.

— Обратите вниманіе на орографію вѣтви, — сказалъ ему Лебедевъ, когда они слѣзали съ дрожекъ.

На ней стояло „Меблерованныя комнаты“.

— А вотъ это клубъ, — указалъ Лебедевъ на большой каменный домъ, черезъ улицу. — Подальше, видите, темнѣетъ домъ... Это сѣздъ... Тамъ судили Наума Степанова.

Коридорный — шустрый малый — показалъ имъ два номера, рядомъ — не очень грязные и очень свѣтлые. Лебедевъ сейчасъ же послалъ къ Ляпунову; а въ ожиданіи его они расположились пить чай.

Они оба были увѣрены, что обыватель встрѣтитъ ихъ на станціи.

Ляпуновъ тотчасъ же явился — такъ же одѣтый, какъ и въ Москвѣ — въ пиджакѣ изъ сѣрой лѣтней матеріи, съ рубашкой-косовороткой и въ высокихъ сапогахъ.

Тутъ Булашовъ внимательно разсмотрѣлъ его. Кого-то онъ ему напоминалъ — какого-то заграничнаго русскаго: тѣ же улыбающіеся темные глаза, и русая четырехугольная борода, высокий лобъ и нѣсколько курчавые волосы. Только Пименъ Ивановичъ носилъ прямой проборъ.

Ихъ гость сталъ извиняться въ томъ, что не выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу; но виновнымъ оказался самъ Булашовъ. Онъ хотѣлъ послать депешу и забылъ это сдѣлать.

Сейчасъ же разговоръ пошелъ о завтрашнемъ засѣданіи сѣзда.

Глазки Ляпунова перебѣгали отъ одного собесѣдника къ другому. Для него и его единовѣрцевъ приговоръ сѣзда получалъ двойную важность.

Главный обвиненный хоть и заподозрѣнъ былъ въ тайномъ штундизмѣ, но состоялъ въ молоканствѣ, также какъ и трое другихъ его односельчанъ. Были тутъ и три крестьянки, изъ которыхъ одна — православная. Всего восемь душъ.

Общая цифра штрафа равнялась почти ста рублямъ, а мѣсяцевъ пришлось бы отсиживать цѣлыхъ шестнадцать; по два на душу.

— Вы понимаете, — пояснилъ Лебедевъ Булашову, указывая головой на ихъ гостя: — если завтра приговоръ земскаго будетъ утвержденъ, тогда, по всей округѣ, начнутъ добираться и до молованъ, которымъ дарована свобода богослуженія, какъ и старообрядцамъ.

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ Ляпуновъ, спивая чай съ блюдечка.—Прецедентъ будетъ самый, для всѣхъ насъ, опасный.

Онъ употребилъ это слово „прецедентъ“ совершенно просто и вообще выразался какъ человѣкъ совсѣмъ развитой, что Булашовъ замѣтилъ еще въ Москвѣ.

— А что можно ждать отъ съѣзда?—спросилъ Булашовъ.

— Я надѣюсь на отпѣну,—сказалъ Лебедевъ и поглядѣлъ на гостя.—Только бы главный мой клиентъ доставилъ мнѣ метрихи...

— Какія?—спросилъ Булашовъ, не безъ удивленія.

— А это, Викторъ Сергѣичъ,—пояснилъ Ляпуновъ,—записи... о бракосочетаніи и о рожденіи.

— Церковныя?

— Нѣтъ-съ... гражданскія, вотъ какъ у старообрядцевъ.

— А то подите, доказывайте!—продолжалъ Лебедевъ.—Нынче вѣдь, вамъ извѣстно, какіе приемы. „Я баптистъ“,—говорить подсудимый.—„Облыжное утвержденіе!“—обличаетъ экспертъ.—Тавъ и тутъ... „ты, моль, не молоканинь, а штундистъ“!

Ляпуновъ тихо разсмѣялся и кивнулъ два раза головой.

— Пимень Иванычъ!—обликнулъ его Лебедевъ.—Неизвѣстно, кто будетъ завтра въ экспертахъ... и будетъ ли вообще экспертъ?

— Сказывали про Генерѣзова.

— Про Генерѣзова? Этотъ—дѣшлый. Однако, по сіе время нѣтъ его здѣсь?

— Не слыхать.

— Это тотъ... что обличалъ Наума Степанова?—спросилъ Булашовъ.

— Тавъ точно, Викторъ Сергѣичъ,—отълинулся Ляпуновъ, всталъ и сталъ прощаться.

— Куда же вы заторопились, Пимень Иванычъ?—удерживалъ его Лебедевъ.

— Вамъ надо отдохнуть. Вы еще, поди, не кушали. А ко мнѣ... милости прошу вечеромъ... чайку еще разъ напитокся.

И, обернувшись лицомъ къ Булашову, Ляпуновъ подаль ему руку и придержалъ его руку въ своей.

— Вашему прѣвду мы особенно рады, Викторъ Сергѣичъ, и кончину батюшки вашего всѣ мы оплакивали. А то, какъ вы изволили говорить о нашемъ положеніи... тамъ, въ Лоскутной гостинницѣ—навсегда останется въ сердцахъ нашихъ.

— Бѣда въ томъ,—отозвался Булашовъ,—что однихъ добрыхъ желаній мало.

— Капля камень долбитъ, Викторъ Сергѣичъ. А въ побѣдѣ праваго дѣла сомнѣваться—тяжкій грѣхъ!

Они проводили гостя до сѣней, и когда вернулись въ номеръ Лебедева, то вспомнили, что съ утра были впроголодь. Ъду можно было достать изъ сосѣдняго клуба, откуда и явился поварь, у котораго въ запасѣ оказались только цыплята.

Послѣ обѣда, оба немного отдохнули, и когда Булашовъ вошелъ въ номеръ своего спутника—тамъ сидѣлъ еще кто-то.

Въ просторной комнатѣ, при двухъ свѣчахъ, было темно-вато, и онъ, сразу, не могъ разглядѣть гостя.

При входѣ его, тотъ поднялся и поклонился ему.

— А вотъ... позвольте представить вамъ, Викторъ Сергѣичъ, — указалъ на него Лебедевъ... тоже мой недавній клиентъ, Зерновъ, Никаноръ Матвѣичъ.

Булашовъ, на первую оцѣнку, принялъ-было его за студента въ штатскомъ: небольшого роста, почти что безбородый, съ подстриженными волосами, лицо умное, скорѣе некрасивое, одѣтъ въ темное пальто, опрятно, съ чистымъ воротничкомъ рубашки, но безъ франтовства.

И руку онъ пожалъ по-господски, и говорить сталъ тономъ воспитаннаго молодого человѣка, и съ частой полу-грустной усмѣшкой на блѣдноватыхъ губахъ.

„Кто же это можетъ быть?—спрашивалъ себя Булашовъ.— Помѣщикъ или мѣстный служащій?“

Но онъ тотчасъ же сообразилъ, что служить онъ не можетъ, если Лебедевъ защищалъ его, какъ сектанта.

И особенный оттѣнокъ его тона показывалъ, что онъ—изъ мѣстныхъ единовѣрцевъ Ляпунова.

Въ разговорѣ и выяснилось, что этотъ Зерновъ—„мужичокъ“, сынъ зажиточнаго владѣльца хутора—изъ нарядчиковъ—ведетъ хозяйство и даже самъ справляетъ полевые работы; учился больше дома, очень начитанъ; горячо преданъ дѣлу своихъ единовѣрцевъ и самъ недавно былъ оштрафованъ—опять-таки, за недозволенное воскресное собраніе.

— Земскій-то у насъ съ хитрецей,—приговорилъ въ рублевому штрафу.

— Въ чемъ же тутъ хитрость?—полюбопытствовалъ Булашовъ.

— А какъ же? Лишилъ возможности пойти на апелляцію въ съѣздъ.

— Да, да!—весело подтвердилъ Лебедевъ.—Фортель извѣстный!

— Когда штрафъ крупнѣе, — продолжалъ Зерновъ съ тѣмъ же юморомъ, — можно жаловаться въ сѣздъ, вотъ какъ по завтрашнему разбирательству.

— Вы тоже изъ числа подсудимыхъ?..

— Это не у насъ случилось, а по сосѣдству.

Такого „мужичка“ Булашовъ еще не встрѣчалъ нигдѣ. Его удивленіе возросло, когда они, втроемъ, пошли въ гости къ Ляпунову.

Дорогой разговоръ перескочилъ, какъ-то неожиданно, на тему о *буддизмѣ*. И „мужичокъ“ высказалъ нѣсколько мнѣній о нравственномъ ученіи Сакья-Муни, которыя прямо изумили Булашова.

Онъ невольно вспомнилъ о Василіѣ Егоровѣ, въ которому собирался заѣхать завтра же, по дорогѣ въ усадьбу, гдѣ жили Топорковы.

Оба они — крестьяне одного и того же уѣзда, даже той же волости. И семья Зернова — еще въ недавнее время — состояла въ молоканствѣ. Оба были „начетчики“; но разница выходила разительная.

Разговоръ перескочилъ и на тѣ „духовные стихи“, которые поются на ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, большею частью переводные, но съ прибавкой и хорошихъ переложеній Давидовыхъ псалмовъ, напр. Языковскаго: „Кому, о Господи, доступны — твои сіонски высоты“. „Мужичокъ“ высказалъ свое сочувствіе стихотвореніямъ, на религіозные мотивы, одного изъ современныхъ русскихъ поэтовъ. Онъ зналъ и *кто* скрывается подъ инициалами, которые стоятъ на книжкѣ, и говорилъ объ этой личности безъ всякихъ непріязненныхъ оговорокъ потому только, что тотъ — православный и „высоко-поставленный“.

То же чувство удовольствія испытывалъ Булашовъ и за чайнымъ столомъ, у Ляпунова, гдѣ оба — и хозяинъ, и его молодой единовѣрецъ — соперничали, какъ собесѣдники, своими умными рѣчами, гдѣ сквозила начитанность по всему, что было для нихъ первенствующимъ дѣломъ, и замѣчательная серьезность въ обсужденіи всякихъ внутреннихъ порядковъ въ уѣздѣ. И характеристика мѣстной власти выходила — безъ задора и зубоскальства — очень мѣткой.

Ляпуновъ жилъ, какъ торговецъ съ достаткомъ, въ верхнемъ этажѣ небольшого деревяннаго дома. И вся обстановка была въ такомъ же родѣ. Жена не вступала въ разговоръ; а только все подчивала гостей вареньемъ и крендельками. Вышелъ и сыгнѣ

ихъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ гимназической сѣрой ту-
журкѣ,—ученикъ мѣстнаго реального училища.

На обратномъ пути они немного поплутали въ уличной тем-
нотѣ, пока добрались до своей „меблировки“, и „мужичокъ“ про-
стился съ ними—у крыльца—до засѣданія въ сѣздѣ, на кото-
рое хотѣла пріѣхать и его семья.

Утро занялось такое же солнечное, какъ и наканунѣ. Къ
Лебедеву—до засѣданія—явился главный подсудимый, рослый
молодой мужикъ, наружностью немного напомнившій Булашову
Василія Егорова, но гораздо простоватѣе. Его защитникъ былъ
обрадованъ тѣмъ, что у того нашлись двѣ „мѣтрики“: одна о
его бракѣ, другая—о рожденіи.

Ждали предводителя; но онъ не пріѣхалъ. Трое изъ членовъ
сѣзда—въ томъ числѣ и товарищъ прокурора—ночевали въ
тѣхъ же номерахъ. Лебедевъ пошелъ къ одному изъ нихъ по-
просить, чтобы дѣло о сектантахъ слушалось первымъ, въ де-
сять утра, что позволило бы ему вернуться въ Москву съ хоро-
шимъ поѣздомъ засвѣтло.

Булашовъ чувствовалъ почти такое же возбужденіе, какъ пе-
редъ тѣмъ разбирательствомъ въ губернскомъ городѣ, которое
кончилось оправданіемъ сектантовъ, еще въ первой инстанціи, у
земскаго начальника.

Ляпуновъ и Зерновъ зашли за ними въ половинѣ десятаго.
„Интеллигентный мужичокъ“ былъ одѣтъ какъ вчера, а Ляпу-
новъ принарядился: на немъ была свѣжая темно-сѣрая пара,
ванаусовая рубашка и новый картузь.

На крыльцѣ, Булашова, шедшаго впереди, остановила из-
можденная баба, принявшая его, должно быть, за „земскаго“,
и начала горько на что-то жаловаться, повторяя все, слезливо
и забавно:

— Картошка вся промерзла, батюшка! Промерзла картошка!

Около сѣзда собралась кучка просителей, подсудимые и на-
родъ со стороны, пришедшій послушать—больше все въ кре-
стьянской одѣжѣ. Главный подсудимый ждалъ ихъ также у
крыльца.

Въ передней двое полицейскихъ устремились снимать съ
нихъ пальто.

Зала—свѣтлая и большая—была даже съ хорами, гдѣ, однако,
никто не сидѣлъ. Половину ея занимали скамьи для публики.
Все смотрѣло довольно парадно.

Зерновъ подвелъ Булашова къ своей матери, полной женщиной, одѣтой по городскому; рядомъ сидѣла сестра его — въ шляпѣ. Онѣ пожали ему руку.

Предводитель такъ и не пріѣхалъ. Члены уже собрались въ боковой комнатѣ. Защитникъ ходилъ туда передъ началомъ засѣданія.

Его кліенты сидѣли въ первомъ ряду скамеекъ. Ихъ было восемь человекъ; въ томъ числѣ три бабы.

Булашовъ помѣстился между своими новыми знакомыми. И тотъ, и другой говорили съ нимъ очень тихо.

Можно было прочесть въ выраженіи ихъ умныхъ и веселыхъ глазъ:

„И мы всѣ не уйдемъ отъ того же самаго!“

Булашовъ оглядывалъ залу, и его—нѣтъ-нѣтъ—и схватить за сердце то, что здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ судилищѣ, былъ приговоренъ Наумъ Степановъ. Никто изъ этихъ бывшихъ молоканъ, перешедшихъ въ баптизмъ, не напомнилъ ему Наума. Тотъ—настоящій „исповѣдникъ“, проникнутый исканіемъ божественной правды...

Минутъ десять одиннадцатаго вошли въ залу „набольшіе“ — какъ, по-крестьянски, про себя выразился Булашовъ — всѣ въ мундирахъ: непремѣнный членъ, за предсѣдателя, трое „земскихъ“ и товарищъ прокурора, сѣвшій за столикъ—сбоку.

„Эксперта“ не случилось.

Того „земскаго“, который присудилъ осьмерыхъ, каждаго къ шестнадцати-рублевому штрафу—только за „пѣніе псалмовъ“ — ему тотчасъ же показали. Но дѣло читалъ не онъ, а другой „начальникъ“ — молодой, съ лицомъ и тономъ петербургскаго чиновника. Его отчетливое, сухое чтеніе такъ и рѣзало Булашова по уху.

— Этотъ бы и по сѣреневой съ каждаго присудилъ!—шепнулъ ему кто-то.

Защитнику не стоило много труда, представивъ документы о принадлежности къ молоканству главнаго виновника, и сдѣлавъ ссылку на два сенатскихъ рѣшенія—доказать, что земскій превысилъ свою власть и оштрафовалъ за молитвенное собраніе, не воспрещенное закономъ.

Рѣчь его взяла не больше четверти часа. Товарищъ прокурора—рослый, полный блондинъ—далъ еще болѣе краткое заключеніе. Онъ безъ всякихъ оговорокъ, заявилъ, что считаетъ дѣйствіе земскаго „неправильнымъ“ Послѣ того, съѣздъ удался и минутъ черезъ десять вынесъ оправдательное рѣшеніе.

Лица всѣхъ сіяли. Зерновъ жалъ руку защитника. Весело потряхивалъ курчавыми волосами и главный виновникъ. А солнце заливало свѣтомъ всю залу.

На улицѣ Булашовъ протислся съ своими новыми знаками.

Ляпуновъ, протягивая ему руку, съ особеннымъ выраженіемъ глазъ, повторилъ:

— Много, много вамъ благодарны, Викторъ Сергѣевичъ!..

— Да я-то тутъ при чемъ?— возразилъ онъ.

— Разрывъ-трава у васъ!— пошутилъ защитникъ.

— Задрѣнье взяло... при васъ,—добавилъ Зерновъ.

Не было еще и одиннадцати часовъ. Они успѣли плотно позавтракать въ „клубъ“ и къ полудню уже двинулись обратно, опять все въ томъ же смѣхотворномъ товаро-пассажирскомъ поѣздѣ.

— Это капля въ морѣ, — говорилъ Лебедевъ въ вагонѣ. — Штрафъ былъ уже слишкомъ произволенъ... А попадись кто по-сурьезнѣе, какъ бѣдный нашъ Наумъ Степановъ—и опять за-катаютъ!

XXXII.

„Тарантасикъ“ — собственно, телѣжка на дрогахъ—встряивалъ Булашова по изрытой выбоинами старой „большой“ дорогѣ, той самой, по которой везъ ихъ, когда-то, въ пошевняхъ, Василій Егоровъ.

Припекало. Впору было раскрыть зонтикъ отъ солнечныхъ лучей. Справа и слѣва уходили вдаль уже оголенные поля, позади старухъ ракъ старого „шляха“. Въ воздухѣ пахло свѣжей соломой и яблочами. Дышалось легко, и настроеніе могло бы выйти прекрасное, еслибы не то извѣстіе, какое ждало Булашова на станціи Дергачи...

На его депешу — изъ Москвы онъ не получилъ никакого отвѣта; но все-таки рассчитывалъ на то, что за нимъ выплютъ изъ усадьбы лошадей.

На окликъ сторожа, несшаго его чемоданъ:—это тутъ изъ Гороекъ?— подошелъ къ крыльцу малый и подаль Булашову письмо.

Онъ сейчасъ же узналъ руку Топоркова.

Оно было написано—видимо—наскоро. Хозяевъ „желанный гость“ уже не найдетъ. Самому Топоркову „пришлось“ выѣхать вслѣдъ за семействомъ, живущимъ въ Крыму, съ тѣмъ, чтобы больше въ эту мѣстность уже не заглядывать— „по обстоятель-

ствамъ независящимъ". Но гость можетъ расположиться въ домѣ, гдѣ осталась еще вся обстановка, и арендаторъ имѣнія—онъ и выслалъ лошадей—позаботится о его пропитаніи.

„За что?—спрашивалъ Булашовъ дорогой.—За вредное вліяніе... или такъ, здорово живешь?“—Сколько онъ могъ замѣтить, зимой, Топорковъ не производилъ никакой пропаганды. Но онъ не могъ не возбуждать подозрѣній...

Остальное—понятно... „Всѣ тамъ будемъ!“—говорили умные глазки „обывателя“ Ляпунова на засѣданіи стѣзда. Въ той или иной формѣ, да надо поплатиться.

Въ письмѣ Топоркова было въ припискѣ два указанія: онъ рекомендовалъ ему, по дорогѣ въ усадьбу, заѣхать къ лавочнику Антипову, отъ котораго онъ многое узнаетъ, и тотъ сведетъ его къ бабѣ Лукерья Крушининой, изъ-за которой пострадалъ Наумъ Степановъ.

„Лукерья для васъ—чистый кладъ! Заставьте ее поразсказать вамъ: какъ она сдѣлалась „по настоящему“ христіанкой“.

Антиповъ былъ, значитъ, изъ единовѣрцевъ Наума, перешедшихъ изъ молоканства; а Лукерья—бывшая православная. Какъ-то будетъ съ нимъ говорить Василій Егоровъ объ этомъ распространеніи „новой“ вѣры?

— Ты Антипова знаешь... лавочника?—спросилъ онъ малаго.

— Знаю, ваше благородіе.

— И домъ Веденѣвыхъ?

— И Веденѣвыхъ знаемъ.

— Такъ сначала мы къ Антипову, а потомъ къ тѣмъ.

— Слушаю.

Они только-что миновали деревушку жалкаго вида: развороченныя соломенныя врыши, лачуги, непокрытые дворы...

— Какъ называется поселокъ?—спросилъ онъ малаго.

— Этотъ-то? Это—Малые Дергачи.

— Плохо живутъ?

— Ослабли.

„Ослабла“ и вся-то матушка Русь! — подумалъ Булашовъ. А не за горами и новый „недородъ“—выражаясь хозяйскимъ терминомъ.

Ужъ не хрѣнъ и капусту придется снова закупать, а зерно на обѣмененіе озимыхъ—на сотни тысячъ рублей.

И баба Лукерья голодала, поди, не разъ, и будетъ жить впроголодь, до конца дней своихъ; но у ней явился другой голодъ... голодъ души.

Топорковъ удаленъ, и Наумъ Степановъ тамъ, въ Закавказьѣ,

среди чеченцевъ или каравалпачевъ; а Лукерья остаются, и въ ихъ душахъ, все чаще и чаще, будутъ просыпаться запросы, которыхъ не удовлетворишь ни ржанымъ, ни пшеничнымъ хлѣбомъ.

И его настроеніе дѣлалось отраднѣе. Ему захотѣлось поглубже войти въ „сбирательную“ душу народа. А для этого надо жить съ нимъ подольше и почаще. И какъ здѣсь хорошо уйти отъ всей „господской“ суеты городовъ!..

„Отъ феминизма и марксизма“, — съ усмѣшкой подумалъ онъ, и его личная „незадача“ напомнила о себѣ, отъ слова „феминизмъ“, произнесеннаго имъ мысленно.

Никогда еще онъ не чувствовалъ такъ своей связи вотъ съ этими полями и ракетами, избами и самымъ деревенскимъ воздухомъ; никогда не чувствовалъ и такой потребности слиться воедино съ тѣми въ народѣ, кто ищетъ вѣчныхъ устоевъ правды и душевной красоты...

Баба Лукерья не захотѣла оставаться полу-язычницей. Можетъ, она и безграмотная? Пришелъ для нея часъ просвѣтленія — и она нашла себѣ новую вѣру. А ученая, богатая, титулованная, вполне свободная и независимая барышня, гордящаяся своимъ „интеллигентнымъ“ превосходствомъ, — мирится съ своимъ двоевѣріемъ; хуже того: по доброй волѣ проходить черезъ „формальности“, которыя для нея такъ же безсодержательны, какъ теперь и для бабы Лукерьи...

Показался верхній порядокъ того двойного селенія, гдѣ жили его пріятели. И низковатая церковь выплыла на пригоркѣ. Избы тутъ всѣ были исправныя. Двойной порядокъ шелъ по обоимъ краямъ большой дороги, вдоль ракетъ.

— Такъ, значить, спервоначалу къ Антипову? — облизнулъ малый.

Онъ плохо правилъ. Пристяжная — везла ихъ пара — то и дѣло пятилась и жалась; ее взяли отъ сохи.

— Тутъ спускъ будетъ? — вспомнилъ Булашовъ.

— Такъ точно.

— Такъ ты бы лучше сведъ лошадей.

— Ничего, ваше благородіе. Спускъ опосля... дальше... на выгвздѣ.

Къ лавочкѣ Антипова надо было взять вправо, по боковому порядку. Булашова даже удивляло то, что онъ такъ отчетливо помнилъ топографію села. Зимой все это смотрѣло, пожалуй, живописнѣе; но теперь — зато — мягкое, чисто лѣтнее вѣдро обволакивало пейзажъ розоватой дымкой.

Къ дому Антипова, съ крылечкомъ и вывѣской на лѣвой половинѣ пятистѣнной избы, вели мостки черезъ канаву.

У крыльца, когда они подъѣзжали къ этимъ мосткамъ—стояли трое мужчинъ. Булашовъ удивился, узнавъ въ ихъ числѣ того самаго главнаго подсудимаго, съ котораго только-что сняли штрафъ.

Онъ, безъ шапки, кланялся ему издали, потряхивая бурчавой головой. Онъ былъ на добрую четверть выше остальныхъ двоихъ—одного въ затрепанномъ вафтанѣ, съ сѣдой бородой, въ зимней шапкѣ; другого—плечистаго, еще не стараго, въ пиджакѣ, картузѣ и большихъ сапогахъ.

Это и оказался лавочникъ Антиповъ.

Онъ снялъ картузъ и встрѣтилъ Булашова очень пріятливо, и въ улыбкѣ его глазъ значилось то, что ему все прекрасно извѣстно про этого самаго гостя.

— Поспѣлъ раньше меня!—крикнулъ Булашовъ оправданному мужику, слѣзая съ тарантаса.—Неужели пѣшекомъ?

— Нѣтъ, мы на подводѣ.

Пока они закусывали у буфета въ ожиданіи московскаго поѣзда, тотъ добрался сюда.

— Рады гостю дорогому! Милости просимъ... чайку...

Опять это „чайку“ коснулось его уха, и онъ вспомнилъ, какъ бѣдный Паша Костровинъ повторялъ его вмѣстѣ съ словомъ „щунять“, которое ему такъ нравилось.

На крылечѣ столкнулся Булашовъ съ мѣстнымъ „батьшой“; тотъ выходилъ изъ лавки. Черезъ сѣнцы Булашова ввели направо, въ свѣтлую горницу, гдѣ уже кипѣлъ самоваръ; а возлѣ—груда барановъ и двѣ вазочки съ вареньемъ.

Хозяинъ подвелъ къ нему женщину, одѣтую въ капоть, съ непокрытой головой, полную, еще не старую, съ яснымъ, смѣшнымъ лицомъ.

Разговоръ, разумѣется, пошелъ сейчасъ же о засѣданіи съезда. Главный подсудимый широко улыбался и все повторялъ: „Много вамъ благодарны“, неизвѣстно къ кому обращаясь—къ одному ли Булашову, или вмѣстѣ съ защитникомъ.

Умно поглядывая на гостя, лавочникъ, мягкимъ и осторожнымъ тономъ, сказалъ, какъ этотъ приговоръ съезда важенъ, въ особенности, для нихъ и поглядѣлъ на того лысаго мужика, который былъ у него въ гостяхъ.

— А пріятеля своего, Юлія Федоровича, вы лишились?—выговорилъ вопросительно Булашовъ.

— Дѣйствительно, — откликнулся хозяинъ и опустилъ го-

лову.—Большое... для насъ, можно сказать, огорченіе... И такъ это внезапно.

Всѣ трое переглянулись.

— Къ тому идетъ,—со вздохомъ вымолвилъ лысый мужикъ.

— А можно сказать,—Антиповъ опять поглядѣлъ на обоихъ мужиковъ, — никакого отъ нихъ не было оказательства, чтобы, то-есть, дѣйствовать, примѣрно, съ намѣреніемъ. И съ нами доброе знакомство водилъ Юлій Федоровичъ, и съ молоканами. Разницы никакой не полагалъ, и мы на него за это не обижались! Первый пріятель у него, къ примѣру, былъ...

— Василий Егоровъ?—подсказалъ Булашовъ.

— Совершенно вѣрно, Викторъ Сергѣевичъ.

Булашовъ удивился, что хозяинъ уже знаетъ его имя и отчество.

— И другіе прочіе,—прибавилъ лысый мужикъ.

— Душевный баринъ!—встала жена и, повернувшись къ гостю, стала его подчивать вареньемъ.

— Для него... значить... всѣ равны были, кто жилъ по-божески,—выговорилъ лысый.

— Вотъ и теперь, онъ писалъ мнѣ о васъ... чтобы я заѣхалъ къ вамъ, къ первому, непременно!.. И чтобы вы меня свели къ Лукерьѣ.

— Ой-ли?—весело подхватила хозяйка.—И про Лукерьку?..

— Какъ же!

Всѣ трое мужчинъ ухмыльнулись.

— Насчетъ, поди, того, какъ она... къ намъ перешла?—спросила хозяйка и встала немного поодаль отъ того угла, гдѣ они сидѣли.

— Да, какъ она сдѣлалась христіанкой. Онъ такъ и пишетъ.

— Вамъ занятно будетъ! Чудная она!

— Молодая или старая?

— Какое молодая!.. Внуки у ней есть. Ну, стала къ нашимъ похаживать. Слушала, какъ слово Божіе читаютъ, какъ говорить и чтó поютъ. А главное дѣло—какъ живутъ, какъ соблюдаютъ себя. Вотъ это она лежитъ, на печи, съ мужемъ и начинаетъ ему втолковывать: „Петровичъ! Хорошая вѣра! У насъ чтó! Одно охальство... и водка, и сквернословіе... И опять же одинъ противъ другого звѣремъ. Нешто такъ слѣдуетъ по-христіански жить? Хорошая вѣра! Перейти надо въ эту вѣру“?.. А онъ ей: „Ты, баба, первая переходи,—съ тебя меньше спросится, нечѣмъ съ мужика“.

Все это она представила въ лицахъ, передавая говоръ обоихъ. И сама разсмѣялась. Улыбались и всѣ слушатели.

— А она, батюшка... безграмотная, — пояснилъ Антиповъ.

— Какъ есть! — подтвердила хозяйка. — И мужъ такимъ же манеромъ. Дочка у нихъ — Маланьюшка — въ школу ужъ второй годъ ходила.

— Въ какую? — остановилъ Булашовъ.

— Въ нашу... въ земскую.

— А какъ же насчетъ закона Божія?

Съ этимъ вопросомъ Булашовъ обратился къ хозяину.

— Мы... не сопротивляемся... Посылаемъ. Все едино... священная-то исторія. А въ остальномъ и сами наставимъ.

— У насъ батя... не теперешній, а который допрежь его былъ, — заговорилъ сегодняшній подсудимый, — коли ежели насчетъ чего... значить, церковнаго, такъ онъ нашихъ ребятишекъ отдѣлать... „Это, — говорить, — не для васъ“. А таперича... другое пошло!..

— Такъ вотъ, — рассказывала хозяйка, — Маланьюшка ей и читаетъ... изъ евангелія. И стихи такимъ же манеромъ... наши. Луверья на память-то туговата... а не хочется отъ другихъ отстать. Дочь-то ей важную строчку и вдалбливаетъ...

— Вотъ вы меня къ ней бы проводили, — сказалъ Булашовъ хозяину.

Тотъ сначала поглядѣлъ на жену.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... Только позвольте вамъ доложить, батюшка, по нынѣшнимъ порядкамъ какъ бы огласки не вышло? Сейчасъ вѣдь это подхватить. Вотъ, молъ, въ Луверьѣ баринъ какой-то прїѣзжалъ въ гости. Нашъ-то пресвитеръ... Наумъ Степановъ, какую терпитъ судьбу — изволите сами знать? Прасковья! — облякнулъ онъ жену. — Спосылай-ка къ Крушиннымъ. Можетъ, и захватимъ ее.

Хозяйка вышла изъ горницы.

— Кто же теперь заступаетъ у васъ... Наума Степанова? — спросилъ Булашовъ.

— Такого... чтобы ставленника — еще не имѣется. Его сынъ — твердъ въ писаніи, и въ пѣніи искусенъ. И другіе есть, изъ здѣшнихъ земляшцевъ, изъ тѣхъ, что вмѣстѣ съ Наумомъ обратились.

— Вѣдь вы всѣ трое — бывшіе молокане?

— Такъ точно, — отвѣтилъ Антиповъ просто, безъ всякой недовольной мины.

— Чтò же, братцы, заставляеть всего больше отставать отъ молоканства?

Антиповъ вбокъ поглядѣлъ на обоихъ мужиковъ и, допивъ съ блюдечка, повернулъ чашу донышкомъ вверху.

— Въ двухъ словахъ затруднительно все выразить, Викторъ Сергѣичъ. А главное—та вѣра дѣлается похожа на старовѣрство.

— Отчего же?—горячѣ воскликнулъ Булашовъ.—И они, и вы—евангелики. Слово Божіе—вотъ вашъ завѣтъ и ваша путеводная звѣзда.

— Это точно... Но какъ разумѣть его? Они, можно сказать... застыли.

— Вѣрно! — съ усмѣшкой широкаго рта одобрилъ лысый.

— Въ родѣ какъ старовѣры... ни съ мѣста дальше! Положимъ, они берутъ все „духовно“... почему никакихъ обрядовъ и даже таинствъ не держатся. А настоящаго-то животворящаго духа и нѣтъ. Какъ, молъ, отцы—такъ и мы! По тѣмъ же книгамъ. И тѣ же, значить, псалмы имъ, чтобы и стихи изъ евангелія! И каждый скванъ!.. У тебя душа просить словословить Спасителя... не смѣй отъ себя молиться! И первѣе всего... позвольте вамъ доложить... они не увѣрены, стало быть, въ своемъ искупленіи. Замаливать грѣхи надо, а чтѣ будетъ тамъ... на томъ свѣтѣ—имъ неизвѣстно.

„А вамъ извѣстно?“—хотѣлъ-было спросить Булашовъ; но воздержался.

Оба другихъ мужика одобрительно поводили головой.

— А въ насъ... полная вѣра. Грѣшны мы и обречены на гибель. И какъ бы мы ни старались дѣлами своими оправдаться... безъ благодати не ввидимъ.. А сподобившись ея въ этой еще земной жизни—намъ смерть не страшна.

— Всѣ у Него, у Батюшки, будемъ, по Его неизреченной милости!—выговорилъ, съ громкимъ переводомъ дыханія, лысый мужикъ.

— Этого,—продолжалъ все такъ же мягко Антиповъ,—тѣ признать не хотять. За уповоинниковъ молятся...

— А вы нѣтъ?

— Чего же за нихъ молиться? Мы нешто можемъ своимъ предстательствомъ избавить отъ мукъ вѣчныхъ? Мы вѣримъ, что и они всѣ сподобятся въ томъ случаѣ, ежели, при жизни, заслужать нація благодати.

Онъ смолкъ и отеръ влажный лобъ клѣтчатымъ платкомъ. Въ горницѣ становилось душно.

— Опять же и насчетъ запретовъ, — заговорилъ лысый, — все у нихъ не по настоящему. Прежде намъ это невдомѣкъ было. Къ примѣру... въ пищѣ. На вино запрета нѣтъ; молодые всѣ и куревомъ зашибаются. Постовъ не соблюдаютъ. А которые постарше и построже—не томя что свинины, а и бѣлужины не употребляютъ.

— Бѣлуги? — удивленно спросилъ Булашовъ.

Онъ слышалъ это въ первый разъ.

— Такъ точно, батюшка, — подтвердилъ Антиповъ. — И насъ сьвязьмалства остерегали.

— Почему?

— Не одну бѣлугу... а такимъ же, значить, манеромъ и налима... и угря. Потому, видите ли, что на нихъ чешуи нѣтъ.

— Вотъ что!..

И Булашову стало вдругъ неприятно за своихъ пріятелей-молоканъ, особенно за Василя Егорова: стало, и онъ держится запрета насчетъ чешуи.

Точно въ отвѣтъ на эту мысль, курчавый мужикъ, подувъ на блюдечко, не торопясь, съ добродушной миной, сталъ говорить о теперешнихъ порядкахъ у молоканъ.

— Ослабли дѣже... дѣже ослабли... молодые-то сплошь все ѣдятъ.. да это не больно кавая бѣда... даже и вовсе нѣтъ грѣха... какъ мы, значить, понимаемъ, — онъ оглянулъ хозяина и лысаго мужика, — а не гѣже живутъ. Насчетъ ли выпивки... и всего прочаго. Ужъ коли такъ теперича повелось — такъ изъ-за чего и другіе-прочіе запреты держать? Намедни, у насъ, на православномъ порядкѣ, баринъ, — пояснилъ Антиповъ Булашову: — тутъ же вотъ, въ одной деревнѣ... Тамъ, значить, дѣвки хороводъ водили. А молоканскими старики — запрещаютъ. Онѣ всѣ соберутся... стоятъ и смотрять... и хочется имъ пѣсни поиграть. Тѣ имъ и кричатъ: „А вы что же тутъ топчетесь? Небось, хочется? Становились бы инъ съ нами“!

— Все это такъ, — отозвался Булашовъ, послѣ маленькой паузы. — Но и среди нихъ... которые хотятъ жить по-евангельски... могутъ вѣдь это дѣлать. Ужъ про нихъ нието изъ васъ не скажетъ, что они — язычники и поклоняются идоламъ!..

— Мы и не говоримъ, Викторъ Сергѣичъ, — возразилъ хозяинъ, опять отирая лобъ платкомъ. — Но настоящаго пути имъ не открыто, и въ своемъ искупленіи у нихъ увѣренности нѣтъ.

Спорить Булашову, ни въ какомъ случаѣ, не хотѣлось, и онъ былъ даже благодаренъ Антипову за то, что тотъ опредѣлилъ ему такъ отчетливо и рельефно суть ихъ разногласія.

Вошла хозяйка.

— Лукерья отлучилась, батюшка. Раньше сумерекъ не вернется... сказывали тамъ.

— Да вы не извольте беспокоиться, — заговорилъ Антиповъ, вставая съ своего мѣста: — мы вамъ ее предоставимъ.

Тутъ Булашовъ вспомнилъ, что „интеллигентный мужичокъ“

обѣщаль заѣхать за нимъ въ усадьбу, завтра же, и повести его на молитвенное собраніе. Объ этомъ еще не было рѣчи за чаемъ.

— У васъ завтра собираются? — осторожно спросилъ онъ.

— Какъ же, батюшка, — первый откликнулся Антиповъ. — На случай желанія вашего...

— Если позволите, буду съ Зерновымъ. Вѣдь вы его знаете?

— И того лучше!.. Двойное будетъ для насъ одолженіе.

— Гдѣ же соберетесь?

— Да вотъ у Семена Вилулыча, — указалъ хозяинъ на лысаго.

— Просимъ милости! — отозвался тотъ съ поклономъ.

— А теперь, братцы, мнѣ пора и дальше.

Ему не хотѣлось — изъ деликатности — при нихъ приказывать малому вести его въ избѣ Егора Веденѣва.

Лавочникъ, жена его и два гостя кланялись ему вслѣдъ, у крылечка. Они, вѣроятно, сейчасъ догадались, куда онъ еще заѣдетъ, и, конечно, не стали его осуждать.

Когда тарантасикъ перебрался опять черезъ канаву, Булашовъ узналъ, издали, избу Егора Веденѣва и передъ ней двѣ ракиты. Изба была съ двумя жильями и стояла угломъ — съ двумя крылечками.

На нихъ бросилась лохматая собака, съ злобымъ лаемъ.

На лѣвое крылечко вышла женщина, въ сарафанѣ и босая — должно быть, одна изъ снохъ Егора.

Она уняла собаку: должна была схватить ее за шею и отвести на дворъ.

— Дома Василій? — крикнулъ ей Булашовъ, еще сидя въ телѣжкѣ.

— Дома. Пожалуйста. Сейчасъ сълечу!

Встрѣтить его вышелъ молодой малый, ярко-бѣлокурый, въ затрапезной рубахѣ и тоже о-босу ногу. Въ немъ онъ не сразу призналъ одного изъ братьевъ Василя.

— Съ приѣздомъ! — поздравилъ онъ его, вводя въ сѣни.

— Вы меньшей братъ Василя?

— Такъ точно.

— Который въ солдатахъ былъ?

— Нѣтъ, тотъ еще помоложе.

Ввели его — какъ и зимой — въ правую избу, гдѣ было тогда и воскресное моленіе.

Черезъ минуту пришелъ и Василій.

Онъ пришелъ съ какой-то работы, въ портеахъ и опореахъ, съ раскрытымъ воротомъ рубашки, съ запачканными чѣмъ-то руками; сталъ лохматѣе волосами и лицо гуще обросло.

Поздоровались они за руку. Василий назвалъ его „Викторъ Сергѣевичъ“; но что-то въ его острыхъ глазахъ было не прежнее. И ротъ усмѣхался особенно.

Разумѣется, оба брата сейчасъ же предложили выпить „чайку“. Но Булашовъ отказался—онъ заѣхалъ только на минуту, по дорогѣ въ усадьбу.

О Топорковѣ они уже знали. И тутъ Василий не выказалъ большого огорченія, такъ что Булашовъ хотѣлъ-было спросить его: развѣ они не по прежнему пріятели?

Не слышалось тѣхъ искреннихъ звуковъ, какъ у Антипова и его гостя, когда рѣчь зашла о „выѣздѣ“ Топоркова; а съ ними тотъ, должно быть, сошелся позднѣе, иначе повезъ бы ихъ съ Костровинымъ и къ лавочнику, указалъ бы и на Луверью.

Но ему было бы тяжело допытываться. Онъ спросилъ объ отцѣ ихъ и, не видя Арины, и объ ней.

Отецъ куда-то уѣхалъ. Здоровье его повачнулось, съ самой весны, и онъ теперь уже не можетъ работать какъ слѣдуетъ. Сестра—замужемъ.

— Давно ли?—спросилъ Булашовъ какъ бы съ сожалѣніемъ.

— Да ужъ мѣсяца съ два будетъ,—отвѣтилъ меньшей братъ.

— И куда выдали?

— Въ Дергачи... — назвалъ Василий.— Вотъ, Викторъ Сергѣевичъ, коли желаніе твое есть... у насъ тамъ будетъ собраніе завтрашняго числа.

— Мнѣ не сподручно попасть къ вамъ.

Братья поглядѣли другъ на друга. Какъ будто они сразу догадались, куда онъ званъ.

— А въ которомъ часу поѣдете завтра домой?

— У насъ рано начнется... часу въ восьмомъ. Послѣ десяти поспѣемъ. И батюшку повидаете.

Почему-то Булашовъ потерялъ тонъ съ тѣмъ самымъ Василиемъ, который вызывалъ въ немъ зимой такой живой интересъ. И тотъ его ни о чемъ не спрашивалъ, не полюбопытствовалъ даже узнать—зачѣмъ онъ пріѣхалъ и долго ли поживетъ у нихъ.

Точно кто-то подмѣнилъ ему Василия.

Меньшой братъ смотрѣлъ на него ласковѣе и добродушнѣе. Третьяго брата—артиллериста—они поджидали на дняхъ.

Хотя Василий, начавъ на „вы“, и перешелъ съ нимъ на „ты“, но выраженіе глазъ и усмѣшка широкаго рта оставались все тѣ же, съ какимъ-то неуловимымъ оттѣнкомъ: не то сдержанности, не то самодовольства.

Проходя къ двери въ сѣни, онъ замѣтилъ вправо, около печи, родъ впадины съ маленькимъ ошонцемъ.

— Это моя закута, Викторъ Сергѣичъ, — остановилъ его Василій.—По своему уладилъ.

На полочкѣ лежало нѣсколько книгъ, въ оконцу придѣлано было что-то въ родѣ столика. Стоялъ сундучокъ и короткая скамейка.

— Здѣсь и спишь, Василій?

— Нѣтъ... онъ въ той избѣ...—весело подхватилъ братъ:— тамъ жена и ребятишки.

Въ сѣни вышли жены обоихъ братьевъ, и одна изъ нихъ опять должна была ухватить собаку за шею, чтобы та не бросилась на чужого.

XXXIII.

Въ саду—довольно запущенномъ—Булашовъ прохаживался, послѣ утренняго чая, поджидая „интеллигентнаго мужичка“.

Солнце такъ же весело свѣтило, какъ и вчера; но одинокимъ постояльцемъ усадьбы владѣло скорѣе грустное настроеніе. Ночевалъ онъ одинъ въ мезонинѣ, гдѣ ему постелили на диванѣ, въ бывшей спальнѣ Топоревса. Вчера его навормили. Прислуживалъ тотъ малый, который привезъ его, и женщина. Арендаторъ еще не возвращался. Изъ его семейства никто не приходилъ.

Заживаться здѣсь—не къ чему. Вокругъ усадьбы ниче́го не было, для него, стѣющаго. До деревни съ его пріятелями хоть и близко, но все таки это порядочный походъ пѣшкомъ. Братъ тарантасикъ у арендатора — стѣснило бы его самого. Переселиться туда—навлечешь какія-нибудь неприятности, если не на семью Веденѣвыхъ, то на ихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Да и побавался онъ: окончательно не найти въ Васи́лѣ того „душевнаго“ малаго, какой выяснялся передъ нимъ зимой. Лавочникъ и тѣ, кто держатся теперь вѣры Наума Степанова—слишкомъ для него ясны. Такихъ онъ найдетъ сколько угодно и въ Петербургѣ, и „не приѣмлющихъ двухъ обрядовъ“, какъ столяръ Суздальцевъ, и „приѣмлющихъ“; только здѣсь—съ болѣе народной, крестьянской окраской.

Выходить что-то не такъ, какъ ему мечталось. Какъ будто некуда уже было уйти отъ своего личнаго недомоганія, вызваннаго неудачнымъ сватовствомъ.

Это слово: „сватовство“, мысленно употребленное имъ самимъ, прозвучало пошловато...

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не было именно „сватовство“, безъ того глубокаго душевнаго влеченія, которое рѣшаетъ судьбу холостого мужчины?

Графиня—дѣвушка выдающаяся; головой выше сотенъ барышенъ ея круга. Она живетъ для идей и общественнаго дѣла. Натура смѣлая и великодушная, умъ проникательный. Самый ея отказъ отъ брака—доказательство тому. Она впередъ видитъ, что между ними полного лада не будетъ.

„Но почему?—едва ли не впервые спросилъ онъ себя.—Неужели потому только, что она иначе смотритъ на вопросъ религіознаго сознанія народа, что для нея всѣ эти Ляпуновы, Зерновы, Антиповы, Веденѣевы, Наумы Степановы—„сектанты“ и только“?

Графиня, въ принципѣ, стоитъ за полную свободу совѣсти, только она вѣритъ въ то, что все это „приложится“, когда рухнуть другіе запреты...

Можетъ ли онъ самому себѣ привести доказательство противнаго? Не живетъ ли въ немъ экзальтація? Не говоритъ ли въ немъ—незамѣтно для него самого—пережитокъ мистицизма? Вѣдь онъ—все-таки сынъ своего отца!..

И развѣ такая дѣвушка—сдѣлайся она его женой—способна была бы уважать его „credo“?

Уважать—да; но сливаться съ нимъ душой—нѣтъ; и она прямо и честно подчеркнула это.

А легко ей было это сказать потому, что въ ней нѣтъ къ нему самому настоящаго влеченія; она и теперь никого еще не любитъ...

Страсти и въ немъ не было... всего менѣе духовной. Правилась она, какъ женщина, и все разгорался задоръ: подсадить ее въ партію шахматной игры.

Но гдѣ же эта подруга? Среди образованныхъ сектантокъ? Тамъ, въ Петербургѣ? Или въ народѣ? Какая-нибудь круглокая Арина, съ роскошными бровями?

Какъ знать? Если долго и усиленно „припускать“ себя къ чему-нибудь—можно втянуться во всякую жизнь.

Засѣсть въ деревнѣ, водить пріятельство съ мужиками, поднимать ихъ во всѣхъ смыслахъ?..

Это немисливо безъ пропаганды—не одной духовной, но и этически-соціальной.

Не утратила бы его и судьба того вѣроучителя, у котораго отняли дѣтей. Кто идетъ на „брань“ за вѣру—тотъ долженъ на все быть готовымъ. Но надо *нажить* эту вѣру. Нельзя говорить только „отъ разума“, не имѣя тѣхъ упований, которыя согрѣваютъ и тоняго „обывателя“ Ляпунова, и первобытную Лукерью. Для нихъ рѣшенъ вопросъ ихъ „спасенія“. Они въ немъ не сомнѣваются. А для Василія Егорова и коренныхъ мо-

лованъ выше всего—неприкосновенность евангельскаго ученія, опять-таки съ упованіемъ на вѣчное блаженство, съ молитвой за усопшихъ.

Что же остается?

Жуткое чувство внутренняго холода проникло въ него.

— Роль „комми-вожера по сектантскимъ дѣламъ“?—спросилъ онъ почти съ ироніей.

Это прозвище тотчасъ же отнесло его въ ихъ эскурсіямъ съ Пашей Костровинымъ.

Развѣ тотъ—не счастливецъ, если счастье полагать въ забвеніи всего житейскаго и суетнаго? Изводитъ онъ теперь себя, на Аюю, готовится, быть можетъ, въ принятію схимы, обрекая себя на добровольное умираніе, а для него—на искупительную побѣду духа...

Изъ-за частокочла послышался топотъ лошадей, и во дворъ въѣхалъ тарантасикъ парой, въ родѣ того, который привезъ его въ усадьбу.

За нимъ—въ условленный часъ—заѣхалъ „интеллигентный мужичокъ“, на парѣ рабочихъ лошадокъ, и довелъ его до деревни въ своемъ—нѣсколько менѣе тряскомъ—тарантасикѣ. Они остановились у лавочки Антипова.

Тамъ ихъ ждалъ, кромѣ хозяина, и Лапуновъ, пріѣхавшій рано утромъ изъ города. Они пошли, всѣ трое, къ той избѣ, гдѣ должно было состояться собраніе,—въ ту сторону, гдѣ живутъ Веденѣвы, но по другому проулку.

Къ себѣ Антиповъ затруднился созвать единовѣрцевъ, изъ опасенія визита урядника. Его лавочка была слишкомъ бойкимъ пунктомъ, да еще въ воскресенье.

Хозяиномъ избы оказался тотъ самый лысый мужикъ, который былъ вчера въ гостяхъ у лавочника.

Ждало ихъ довольно народа. Булашову показалось, что женщинъ—больше мужчинъ. Виднѣлись и дѣтскія головы подростковъ, и дѣвочекъ, и мальчиковъ.

Его посадили—какъ и зимой—на почетное мѣсто, недалеко отъ краснаго угла. Онъ обратилъ вниманіе на то, что по стѣнамъ не висѣло тѣхъ изреченій—серебряными буквами по темному фону—какъ тогда, въ избѣ Наума Степанова.

На столѣ лежала библія съ великорусскимъ текстомъ, по срединѣ, и нѣсколько книжекъ сборника пѣснопѣвній, передъ тѣми, кто сидѣлъ за столомъ.

Среди женщинъ—молодыхъ и старыхъ—онъ желалъ распо-

знать Луберью. Но ни одна изъ сидѣвшихъ ближе не похожа была на такую именно бабу, какой она ему представлялась. Всего отчетливѣе выступали передъ нимъ двѣ женскихъ головы на самой дальней скамьѣ. Онѣ приходились прямо противъ него — одна полная женщина, въ свѣтломъ платкѣ и кацавейкѣ; а справа отъ нея — бѣловурая дѣвочка, лѣтъ четырнадцать. Обѣ смотрѣли очень „йстово“, и какъ только раздалось пѣніе — онѣ стали громко подтягивать, отчетливо произнося стихи и все наизусть: внижекъ онѣ въ рукахъ не держали.

Такого вѣроучителя, какимъ былъ здѣсь Наумъ Степановъ, Булашовъ среди нихъ не замѣчалъ. Рядомъ съ Ляпуновымъ — спиной къ окну — сидѣлъ сѣдой мужикъ, въ нанковой старой поддѣвкѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Онъ похожъ былъ на старѣйшину... Кажется, пѣніе началось уже до ихъ прихода. Ляпуновъ предложилъ пропѣть какой-то „номеръ“.

Сидѣвшій около Булашова справа, молодой еще, бородатый блондинъ, одѣтый въ короткую поддѣвку, съ нервнымъ, вдумчивымъ лицомъ — развернулъ передъ Булашовымъ лежавшую на углу стола книжку на номеръ *шестидесятомъ*.

И онъ же, какъ бы въ видѣ пробы, затянулъ первый стихъ. Но оказалось слишкомъ высоко. Онъ взялъ тонами двумя ниже. И тогда уже остальные послѣдовали за нимъ. Этотъ запѣвало произносилъ стихи наизусть, какъ и очень многіе изъ нихъ — особенно женщины и двѣ-три дѣвочки-подростка.

Пропѣли первый куплетъ:

„Врата отверзьте! Часъ насталъ!
Грядетъ Владыко изъ владыкъ!
Грядетъ всеильный Царь царей
Съ великой властію своей.
Онъ блага вѣчныя несѣтъ;
Лякуя, міръ ему поетъ:
„Хвала Тебѣ стократъ,
Источникъ всѣхъ отрадъ!“

И, выше всѣхъ, серебристо вздрагивалъ голосъ бѣлобрысенькой дѣвочки, сидѣвшей на дальней скамьѣ.

Начинали до четырехъ разъ. Послѣдній куплетъ заканчивался возгласомъ:

„Хвала Тебѣ и здѣсь,
И всюду, въ вѣкъ и днесь!“

И точно затѣмъ, чтобы ему было пріятно услышать болѣе литературные стихи, Зерновъ предложилъ псаломъ четырнадцатый, стоящій въ сборникѣ подъ номеромъ третьимъ.

Съ дѣтства наизусть знакомыя слова раздался вокруг Булашова—по тексту Языковскаго переложенія:

„Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты“.

Пѣніе вышло какъ-то особенно проникновеннымъ. Лица женщинъ и дѣвушекъ дѣлались нервнѣе. Одна пожилая баба, у крайняго окна, въ старомъ полушубкѣ и темномъ платкѣ, подперлась рукой, и слезы полились по ея захудѣлымъ щекамъ. Губы не произносили словъ; она только старалась схватывать напѣвъ.

— Вотъ это и есть Лукерья!—шеннулъ Булашову лавочникъ.

Она—неграмотная, и гдѣ же ей—недавно приставшей къ нимъ—знать наизусть такой текстъ?..

Громче и шире потекла мелодія, когда раздался послѣдній куплетъ:

„Въ вѣнцѣ ли онъ—его народы
Возлюбить правду: всякій градъ
Взыграетъ радостью свободы—
Всѣмъ людямъ ближній станетъ братъ.
Возьметъ ли гусли: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!“

Первое чтеніе изъ евангелія предложилъ Ляпуновъ же и, по прочтеніи текста, говорилъ недолго, складно, но безъ замѣтнаго возбужденія, тѣмъ же спокойнымъ и разсудительнымъ тономъ.

— Не угодно ли, дорогіе, еще кому-нибудь?—спросилъ сѣдой мужикъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, который показался Булашову чѣмъ-то въ родѣ старѣйшаго.

Онъ говорилъ, прочтя главу съ Нагорной Проповѣдью, безъ усилій, но безъ того умиленнаго одушевленія, какимъ проникнуть былъ Наумъ Степановъ.

Лукерья слушала его, подавшись впередъ, уже безъ слезъ; но напряженно и тихонько вздыхала.

Кто-то предложилъ пропѣть нумеръ шестьдесятъ-первый.

Загѣвало въ полголоса попробовалъ напѣвъ, и на болѣе низкой нотѣ раздался первый возгласъ гимна:

„Слава! Слава въ вышнихъ Богу,
Миръ землѣ и благодать!“

И еще разъ то же самое, октавой выше, подхватили женскіе голоса:

„Аллилуя, осанну
Будемъ, братья, воспѣвать!
Аллилуя! Аллилуя!
Слава Тебѣ, Боже!“

И припѣвъ повторяли послѣ каждого куплета:

„О! къ Нему, къ Цему градите
Вы, погрязшіе въ грѣхахъ,
Благодать Его примите
И блаженство въ небесахъ!“
„Аллилуя!“

Протянулось молчаніе. Старикъ, у окна, опустилъ голову, какъ бы готовясь къ молитвѣ, и его жестъ напомнилъ Булашову Наума.

Книжка лежала передъ нимъ закрытая, обложкой вверхъ. Глаза его пробѣгали заглавіе: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній“, имя издателя и дату: 1892 годъ. Онъ зналъ, что она — хоть и была напечатана подъ цензурой — отбирается на всѣхъ молитвенныхъ собраніяхъ. То же могло произойти и сейчасъ — войди урядникъ и начни составлять протоколъ.

Импровизація старика тянулась недолго. Онъ обращался къ Спасителю, призывая Его заступничество за всѣхъ, жаждущихъ искупленія.

Голосъ его, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, дрогнулъ. Но онъ не приходилъ въ то умиленное настроеніе, какое проникало все, что произносилъ тогда, зимой, Наумъ Степановъ.

Стали расходиться.

Худошавый запѣвало оказался старшимъ сыномъ Наума Степанова. И тутъ только Булашовъ распозналъ въ немъ сходство съ отцомъ и въ общемъ облигѣ, и въ выраженіи глазъ.

Безъ желанія разжалобить „добраго барина“, онъ отвѣчалъ на разспросы о томъ, что привелось испытать его отцу.

— Какъ же его водворили? — спрашивалъ Булашовъ.

— Привели въ селеніе. Армяне тамъ и татаре... или какъ-то по другому прозываются... и оставили на порядѣ... Ровно вотъ какъ кошку...

— Какъ кошку! — повторилъ вслухъ Булашовъ.

Сидѣвшіе вокругъ стола усмѣхнулись.

— Именно, сударь, такимъ манеромъ. Хошь на землѣ ложись!

— Ни къ кому даже на постой не отдали?

— Ни, Боже мой!.. Ежели бы приставу онъ не понадобился... ложись и помирай... Воды почерпнуть или хлѣба ломоть... никто не понимаетъ по нашему. Приставъ въ услуженіе

взялъ. Никакъ съ полгода батюшка выжилъ у него. Прихварывать сталъ. Ноги отнимаются... Теперича у обывателей пріютился... за плату. По ихнему не умѣть еще балагать. Изъ-за важинной малости переводчика ищи... Такія-то, сударь, дѣла!..

Тутъ только онъ вздохнулъ и поднялся.

Булашову—все еще подъ впечатлѣніемъ этихъ подробностей—начало дѣлаться стыдно за то, что онъ раньше не разузнавалъ о судьбѣ Наума Степанова.

Отведя его сына въ сторону, онъ назвалъ къ нему въ гости и далъ понять, тутъ же, что готовъ былъ бы облегчить безпомощную жизнь Наума.

— Много вамъ благодарны!—съ тѣмъ же достоинствомъ отвѣтилъ тотъ, подавъ ему руку и попрощался съ остальными.

Лавочникъ подошелъ сбоку къ Булашову и сказалъ въ полголоса:

— Желаніе ваше было насчетъ Лукерьи...

Больше половины народа разошлось, и женщинъ, и мужчинъ. Лукерья пододвинулась къ столу и повдоровалась съ Булашовымъ довольно низкимъ поклономъ. Они сѣли рядомъ на свамью. Возлѣ нея очутился черноволосый, рябоватый мужикъ, въ ситцевой рубахѣ, съ добродушнымъ лицомъ.

Это былъ ея мужъ.

Лукерья заговорила, весело и съ юморомъ, безъ всякой деревенской вонфузливости, представила въ лицахъ и тотъ моментъ, когда она произвела впервые свое „оказательство“.

— Въ Крещенье это было, милый человѣкъ. А мы съ Петровичемъ,—она прикоснулась заскоружлой рукой къ плечу мужа—порѣшили, значить, насчетъ новой вѣры.

— Ваша семья всегда была православная? — спросилъ Булашовъ.

— Дѣйствительно! Съ повонъ вѣка! Меня первую зачало тянуть къ нимъ. Потому... въ духѣ живутъ и соблюдаютъ себя... не то, что какъ промежду нашихъ—норовятъ другъ дружкѣ горло перервать, прости, Господи!

Лавочникъ и Ляпуновъ разомъ усмѣхнулись, какъ бы желая связать:

„Ужъ вы ее не обезсудьте! Еще не отвѣтила призывать имя Господа все“.

— Такъ вотъ, милый человѣкъ, и пожаловалъ къ намъ причтъ... славить. А мы съ Петровичемъ, ужъ не первую недѣлю, все, значить, съ полки поприбрали. Бѣта-то какъ воззрится въ уголь, и кричить мнѣ: „Лукерья! Гдѣ у тебя божье-то благословеніе?“ —

А я ему: „Мы, батюшка, въ духѣ Господу нашему и Спасителю молимся. А въ этомъ надобности для насъ нѣтъ“. Больше ничего и не сказала. И не то, чтобы срыву, а вотъ какъ теперь передъ вами. А онъ—поворотъ къ двери, махнулъ этакъ рукой: „Мы, говорить, съ тобой объ этомъ опосля потолкуемъ“. И шастъ изъ избы! И остальная братія за нимъ. Денька этакъ черезъ три пожаловалъ и учалъ увѣщевать. Извѣстно, на то онъ и ставленъ. Мы ему съ Петровичемъ какъ передъ истиннымъ Богомъ сказывали: „Не можемъ молъ, батюшка, поклоняться. Потому связано: „не сотвори себѣ кумира“... Все, значить, належить *съ духъ* принимать, какъ Спаситель училъ“... Затуманился дѣже. „Доберемся, молъ, мы до того, кто васъ совратилъ“.

Вздохнувъ, Лукерья прибавила потише:

— И добрался!

— До Наума?—подсказалъ Булашовъ.

— Знамо дѣло, до него. Мы вѣдь въ этомъ не причинны... Мы попусту языкъ съ Петровичемъ не чесали... по деревнѣ. Насъ, молъ, вотъ Наумъ Степановъ въ свою вѣру соблазнилъ. Все это по согласу вышло. Потому, душевное жаланіе было во мнѣ; а опосля и въ Петровичѣ, и въ дѣтцахъ нашихъ. Мало ли што! Учили слѣдомъ слѣдить за Наумомъ, и за нами, за всѣми... А потомъ глядь: судъ да дѣло!..

Отъ Лукерьи, отъ ея побурѣлаго полушубка и платка пахло деревенскимъ дымомъ, и этотъ запахъ сливался съ ея разговоромъ въ одно бытовое цѣлое. Слушая ее, Булашовъ видѣлъ все, точно на яву.

— И чего-чего не наплели... въ тѣ-поры. На рѣку, насъ, вишь, водилъ Наумъ...

— Для вторичнаго, стало быть, погруженія,—пояснилъ Булашову Ляпуновъ.

— Ни, Боже мой! Мы этого съ Петровичемъ до сѣдни не сподобились. А духовное крещеніе держимъ на вѣки нерушимо...

— Такъ на судѣ и показывали?—спросилъ Булашовъ.

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ!

— И послѣ вамъ не было неприятностей?

— Ослобонили... это точно. И никуда не сажали. Вотъ и живемъ на волѣ, милый человекъ. Мы-то уцѣлѣли... а Наумъ-то слышали... какъ сердешный мѣется?..

Задушевною нотой вырвался у Лукерьи этотъ возгласъ. Она понимала всю силу упрека, какой каждый могъ ей сдѣлать: „Ты, молъ, живешь на волѣ, а Наума изъ-за тебя погнали въ горы“.

Булашовъ потрепалъ ее по плечу.

— Не твоя вина, Лукерья...

— Такъ-то такъ, а все... по сю пору, нѣтъ-нѣтъ, ровно какъ и вдарить!..

Поближе къ столу пододвинулась дѣвочка, лѣтъ тринадцати, въ косицѣ и ситцевомъ капотѣ, опротно одѣтая, съ умными и кроткими глазами.

— Дочка ея,—сказалъ лавочникъ.

— Моя,—подтвердила Лукерья.

Въ рукахъ дѣвочка держала тонкую книжку.

— Грамотница она у насъ. А мы вотъ со старикомъ...— она кивнула на мужа—въ темнотѣ живемъ.

— Что же не выучишься у дочери? — спросилъ Булашовъ, подзывая къ себѣ дѣвочку.

— Понятые у меня тугое, голубчикъ баринъ. Значить, вотъ эта кость крѣпкѣя.

Она ткнула себя пальцемъ. Всѣ тихо разсмѣялись.

— Гдѣ же она училась?—спросилъ Булашовъ и погладилъ дѣвочку по головѣ.

— Въ училище ходила. Вотъ и читаетъ мнѣ... и изъ евангелія, и стихи. Съ ея голоса и заучиваемъ съ Петровичемъ. А она однимъ духомъ... и звонко таково!

Булашовъ взялъ у нея тонкую книжку и развернулъ на евангелія отъ Іоанна, на главѣ пятнадцатой.

— Начни... вотъ отсюда.

Дѣвочка заморгала и покраснѣла, но тотчасъ же лицо ея стало серьезнымъ, и она, старательно выговаривая каждое слово, завела своимъ серебристымъ голосомъ, увѣренно и довольно скоро:

— „Сіе заповѣдую вамъ: да любите другъ друга. Если міръ васъ ненавидитъ—знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ“.

— Во-истину!—вздохнула Лукерья, и на рѣсницѣ ея показалась слеза.—Возненавидѣли нашего Батюшку!.. Почитай-ка дальше... что Онъ, Батюшка, сказывалъ?..

Дѣвочка продолжала такъ же серьезно и звонко, послѣ того какъ Булашовъ указалъ ей пальцемъ на стихъ двадцатый:

— „Помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше“...

Пѣшкомъ дошелъ Булашовъ до дома Веденѣвыхъ.

Опять бросилась на него собака, и кто-то изъ бабъ прогналъ ее.

Оба брата вернулись уже изъ Дергачей.

Они приодѣлись по воскресному—оба въ красныхъ бумажныхъ рубахахъ, въ жилетахъ съ свѣтлыми пуговицами и въ новыхъ смазныхъ сапогахъ.

Василій заговорилъ съ нимъ на „ты“ и сталъ сейчасъ же угощать чаемъ. Меньшой братъ его ласково на него поглядывалъ и все повторялъ:

— Посиди-инъ съ нами, Вивторъ Сергѣичъ!

Вчерашняя усмѣшка, смущавшая Булашова, не такъ ясно появлялась на губахъ Василя; но все-таки неуровнимая черта легла между ними.

„Тотъ же Василій Егоровъ и какъ будто не тотъ“,—повторялъ про себя гость, садясь за столъ, гдѣ онъ уже пивалъ чаеъ.

— А Егоръ Веденѣичъ?

— Придетъ, придетъ,—отвѣтилъ младшій братъ.—Все неможется ему...

— А что такое?

— Въ утробѣ чтой-то,—пояснилъ Василій.—Дюже маетса!..

Ни одинъ изъ братьевъ не спросилъ его: откуда онъ пришелъ; но онъ догадывался, что это имъ извѣстно. Постомъ, когда онъ посѣтилъ молитвенное собраніе и молоканъ, и единовѣрцевъ Наума Степанова—Василій зналъ это и не выказывалъ никакой нетерпимости. Правда, вчера Василій звалъ его на свое собраніе въ Дергачи; но отъ того ли только происходила его большая сдержанность?

И вообще, прежній налетъ чего-то высшаго, умственного и душевнаго—точно сошелъ съ него.

— Такъ сестру выдали?

— Въ эти самые Дергачи,—отвѣтилъ младшій братъ.

— За молодого?

— Извѣстное дѣло.

— Въ хорошую семью?

— Не изъ плохихъ,—съ усмѣшкой своихъ острыхъ глазъ сказалъ Василій, заваривая чай.

И тутъ была какая-то „оттяжка“. Булашовъ ждалъ чего-нибудь болѣе простодушнаго въ отвѣтахъ. Василій говорилъ какъ бы съ „баринномъ“, а не съ „благопріятелемъ“.

Въ избу вошелъ Егоръ. Сразу было видно, что его гложетъ какая-то внутренняя нѣмочь: въ лицѣ сильно похудѣлъ; впалые глаза, землистый цвѣтъ кожи; одѣтъ по домашнему, въ несвѣжую ситцевую рубаху и подержанная поддѣвка накинута на плечи; волосы на головѣ и бородѣ давно не стрижены.

Врядъ ли онъ ѣздилъ съ сыновьями въ Дергачи.

Поздоровался онъ съ гостемъ глухимъ голосомъ, но съ той же спокойной степенностью, какъ и зимой.

Булашовъ тотчасъ же сталъ спрашивать Егора—чѣмъ онъ болѣетъ.

— Желудкомъ маюсь, Викторъ Сергѣичъ, желудкомъ. Ничего душа не принимаетъ, окромя хлѣбнаго мякиша. Ежели кулѣшь тамъ, али лапша. Вотъ здѣсь,—онъ указалъ пальцемъ:—стойтъ какъ колъ. Силь рѣшилси. Не работникъ я... ни въ полѣ, ни вокругъ себя!..

Глаза затуманила печаль дѣятельнаго мужаика-скопидама, который обреченъ на тяжкое бездѣлье хроническаго больного.

И тогда, зимой, про Егора Веденѣва нельзя было сказать, что онъ „парить духомъ“; но въ воздухѣ бесѣды, какая велась за этимъ самымъ столомъ, и онъ все-таки похожъ былъ на отца Василія.

А теперь передъ Булашовымъ сидѣлъ пожилой, больного вида мужикъ, совершенно выбитый, какою-то упорной „болѣстью“, изъ своей жизни приобрѣтателя.

На вопросъ—кто его лечитъ и что ему даютъ—Егоръ принесъ изъ-за перегородки пузырекъ съ черными каплями, прописанными ему „фершаломъ“.

Капли Булашовъ попробовалъ и узналъ въ нихъ знакомое средство отъ такихъ желудочныхъ недугованій.

— Плохо мое дѣло, Викторъ Сергѣичъ. И ума не приложу. Вовсе я теперича—ровно ветошь какая... хошь впору въ банаву бросить.

О томъ—къ кому гость прѣхалъ, долго ли поживетъ и кого здѣсь повидалъ—Егоръ не обмолвился ни однимъ словомъ.

— Пріятеля вашего, Егоръ Веденѣичъ, я не нашелъ,—сказалъ съ удареніемъ Булашовъ.

Егоръ какъ будто не сразу понялъ.

— Про Топоркова, значить,—пояснилъ отцу Василій.

Тотъ опустилъ рѣсницы и вздохнулъ.

— Слышали и мы про это самое распоряженіе...

Это „слышали“ было связано такъ, будто это случилось за сотню верстъ. Стало быть, никто изъ нихъ съ Топорковымъ не протился.

Можетъ, что-нибудь вышло между ними—по дѣлу зимнихъ закупокъ, въ денежныхъ расчетахъ? Онъ не сталъ спрашивать отца, но, обернувшись къ Василію, сказалъ:

— И ты, Василій, сдастся мнѣ, не очень-то тужишь о своемъ пріятелѣ?..

Василій усмѣхнулся.

— Господинъ душевный,—а только мы, Викторъ Сергѣичъ, уразумѣли, на послѣдѣхъ, чего, значить, онъ держится...

— Какого ученія?—подсказалъ Булашовъ.

— Тотъ самый его учитель,—выговорилъ Василій въ полголоса и озираясь на отца: — ежели, то-есть, прельститься его прельщеніемъ... по нашему, никто иной, какъ антихристъ...

Младшій братъ кивнулъ головой; а Егоръ только пожалъ плечами.

— Ты это въ сурьезъ?—спросилъ Булашовъ.

— А то какъ же, Викторъ Сергѣичъ? Ежели, то-есть, войти въ самую суть?.. А я тетрадку ихнюю пять разъ прочелъ,—Булашовъ сообразилъ, о какой „тетрадеѣ“ идетъ рѣчь,—и кѣмъ же считать его, коли онъ—чего не признаетъ?

И онъ поднялъ палецъ кверху.

— Въ Аповалиписѣ нѣшто не прямо говорится? Небось и вы знаете—перешелъ онъ на „вы“,—и ваши знакомцы, Наумъ ли Степановъ, или вонъ Антиповъ-лавочникъ, аль опять Зерновъ, што-ли?.. Поспрошайте ихъ... такъ, чтобы нараспашку, безъ политики. Какъ они на него смотрять? Все такъ же, коли до сути допались, какъ примѣрно и я...

Въ тонѣ этихъ словъ слышался прежній Василій. Онъ еще не сильно волновался, но заговорилъ съ вибраціей голоса и въ глазахъ исчезла усмѣшка.

— Объ этомъ... я съ ними не говорилъ. А вы съ ними... бесѣдуете о вѣрѣ?

— Для чего намъ это дѣлать?—горячо спросилъ Василій и выпрямился.—Они своего не уступать, и мы съ ними никакого ладу не добьемся.

— А можетъ и договорились бы. Навѣрно скорѣе, чѣмъ на бесѣдахъ съ церковными...

— Такъ я туда и вовсе пересталъ ходить. Тѣхъ вонъ, въ Дергачахъ, урядникъ стоняетъ. Ну, а мы здѣсь подальше. Не очень-то меня потащишь, коли я не хочу. Мы вотъ всѣ... закаялись ходить... потому, коли насъ не считаютъ ровней, а поровять сразу насъ огордшить... „какъ-ста вы смѣете, такіе-сякіе, супротивное оказательство производить... передъ нашей святыней?“... такъ я лучше по псалмопѣвцу: „блаженъ мужъ, иже не иде“...

Онъ тихо разсмѣялся и сталъ допивать съ блюдечка.

— Однако... что же вы паходите у нихъ... несогласнаго съ Новымъ Завѣтомъ? То, что иные изъ нихъ... далеко не всѣ еще!.. принимаютъ два обряда?

— Эхъ, Викторъ Сергѣичъ, объ этой матеріи до пѣтуховъ можно спорить! Вотъ поспрошайте батюшку!—указалъ онъ на отца. — Какъ старики наши, такъ и мы... которые помоложе. Потому... правильно!..

— Старовѣрами они насъ ославили,—какъ бы нѣхота началъ Егоръ, размачивая въ чаѣ кусокъ папушника.—Заворенѣлости въ насъ, по ихнему, дѣлая уйма. А мы такъ говоримъ: ежели по своему все мудрить—до чего дойдешь? Вотъ до того, о чемъ сейчасъ вы говорили съ Василюмъ. Мы себя святыми не почитаемъ, какъ они, и за упокойниковъ молимся... И читаемъ, и поемъ... чтѣ отцами нашими установлено. А они... стихи нивѣсть вѣмъ сложенные поютъ... и молитвы собственныя сочиняютъ. Похваляются тѣмъ, что у нихъ все „въ духѣ“. А сами отступили отъ того, чему учить Спаситель. Въ духѣ-то пребываемъ мы, а не они!..

— Ищо бы!—отеликнулся Василій.—Знаешь, Викторъ Сергѣичъ,—обмолвился онъ опять на „ты“:—кто ноготокъ завязитъ, тотъ и весь въ капканѣ очутится. Такъ и въ этомъ случаѣ. Сѣдни два обряда, а тамъ гляди—и еще одинъ. Завелись пресвитеры. Слѣдственно, надо ихъ рукополагать. Одно безъ другого можетъ ли быть? Доберутся и до епископовъ... вотъ какъ—слыхалъ я—у нѣмцевъ... у баптистовъ... тамъ, что-ли... и еще у тѣхъ... какъ, бишь... на Волгѣ-то городъ такой есть, сказывали намъ?..

— Сарепта?

— Вотъ-вотъ! А какъ, бишь, ихъ зовутъ?

— Герренгүтеры.

— Они самыя. Что у нихъ читаютъ по-россійски, а не по церковно-славянски... это не суть важно! На это и старики наши идутъ... да и мы всѣ не пренебрегаемъ. А мы не старовѣры! Нѣтъ!—горячо вскричалъ онъ.—И не думали! Мы *духовныя христіане*... „евангѣлики“... такъ, что-ли, по ученому?.. И построже ихняго держимся за вѣта Спасителя нашего. Они насъ обываютъ: „молокане *уклѣинскаго* толка“. А они-то сами чьи такіе? Вѣдь и у нихъ есть кличка?.. И хошь бы одна... а то зовутъ ихъ „штундой“, а другіе „баптистами“, а третьи... еще по своему. И—дайте срокъ—шатаніе промежду нихъ будетъ великое, потому каждый на свой салтыкъ, значить. И больно ужъ легко попасть въ сосудъ милости Божіей. Получи благодать—и гуляй себѣ, безъ всякихъ добрыхъ дѣлъ! Про насъ они твердятъ одно: „молокане, мольтъ, въ своемъ спасеніи (онъ произнесъ съ удареніемъ на „спѣ“) —заручки не имѣютъ“. Да нѣшто

это ровно какъ въ страховомъ обществѣ фитанцу получить? Кто же это можетъ навѣрняка знать, что ему прямая дорога въ рай? Ужь больно легко было бы попадать въ праведники!

Василій разсмѣялся и, тряхнувъ волосами, налилъ себѣ еще чашку.

Егоръ сидѣлъ понурия голову. Должно быть, у него началась опять боль подъ ложкой.

Минуть черезъ десять Булашовъ шелъ уже по направленію къ дому Антипова, гдѣ „интеллигентный мужичокъ“ хотѣлъ его подождать, чтобы отвезти обратно въ своемъ тарантасикѣ.

XXXIV.

Глубоко уходила внутрь чаша совѣтъ чистаго, нѣжно-лазореваго неба.

Булашовъ прилежъ въ тѣни равнины, на краю старой большой дороги. По обѣ стороны тянулись поля съ розово-желтоватой окраской. Чуть трепетная тишь обнимала его отовсюду; просторъ и ровность кругозора давали давно неиспытанное чувство отраднaго покоя и поднимали въ душѣ особый строй мыслей, отрѣшенныхъ отъ всего личнаго.

Присутствіе того, что вдохновенные эллины звали: „Пан“, что связуетъ ничтожную возявку-человѣка съ безконечнымъ „Все“ — никогда еще не сознавалъ онъ такъ, какъ въ эти минуты.

Онъ полночь былъ этого животворнаго сліянія и готовъ былъ выговорить вслухъ:

„Да! Миръ—безпредѣленъ въ своемъ бытіи, и выше нѣтъ для насъ удѣла, какъ проникаться величіемъ мирового чуда“!

Ему вспомнился горячій споръ съ Костровинимъ, уже захваченнымъ тогда недугомъ мистической *злoбoязни*. Не боится онъ—и теперь—холодящаго безразличія! Его вѣра неколебима, — вѣра не въ людскія упованія, миѣны и „оказательства“, а въ то, что высшій удѣлъ человѣчества—приближаться къ пониманію „сущаго“ и отрѣшаться, съ каждымъ мигомъ, отъ жалкой претензіи быть царемъ мірозданія.

И развѣ—думалось ему—не всѣ „вѣры“ требуютъ отрѣшенія отъ своего „я“? Ничтожество человѣка, миражъ его бытія, тщета и грѣховность всѣхъ его вождѣлвнй, радостей и утѣхъ— вотъ идея всѣхъ ученій...

Бѣдный Паша Костровинъ ищетъ теперь, въ подвигахъ самоумерщвления, искупительной жертвы. И онъ, и всѣ, кто жаждетъ искупленія—хотятъ „вѣчнаго блаженства“. Но это только ка-

жущееся противорѣчіе. Если ихъ высшій идеалъ на землѣ—побороть свое я, они должны перенести его и на небо. Одно безъ другого немислимо! Не услаждать себя, а созерцать Того, Кто для нихъ—источникъ жизни, въ невообразимомъ величіи и сіяніи Его вѣчной славы.

А ученіе о *мираванъ*? Въ чемъ же ярче выразилъ человѣкъ свою потребность уйти отъ себя и слиться съ вселенной, въ безграничномъ „ничто“?

Невольно представлялись ему лица здѣшнихъ, когда-то, единовѣрцевъ, а теперь раздѣленныхъ на два толка: Наума, а потомъ Ляпунова, „интеллигентнаго мужичка“, лавочника Антипова, бабы Лукерья, Василия, его отца Егора Веденѣва.

Что раздѣлило ихъ? Не столько принятіе двухъ символическихъ обрядовъ, сколько толкованіе того—*какъ* спастись. Одни „заручились“ уже небеснымъ царствіемъ, а другіе—только „взыскаютъ“ его; по мѣткому сравненію Василия,—еще не застраховали себя отъ вѣчной муки на томъ свѣтѣ.

Еще не могутъ они—какъ и сотни милліоновъ вѣрующихъ—не жаждать вѣчнаго блаженства. А того вѣроучителя, кто отрѣшилъ себя отъ этихъ личныхъ упованій и поставилъ высшимъ завѣтомъ человѣка: исполненіе божественной воли *на землѣ*—и тѣ, и другіе совершенно искренно стали считать „антихристомъ“.

Но *всегда ли* такъ будетъ?

Вопъ, неграмотная баба Лукерья... кто же ей мѣшалъ заботиться о загробномъ блаженствѣ? А въ ней зашевелилось что-то иное. Что же именно?

Потребность *дѣятельнаго* добра... Вѣрность завѣтамъ Искупителя. Она прикидывала внутреннимъ чувствомъ жизнь своихъ прежнихъ единовѣрцевъ къ тому, что она видѣла у теперешнихъ. И когда она сказала впервые простоватому мужу: „хорошая вѣра, Петровичъ, хорошая!“—въ ней духовный человѣкъ возобладалъ надъ плотскимъ.

Она врядъ ли и понимаетъ суть ученія о благодати, врядъ ли она и сокрушается, даже и попутно, о томъ, что всѣ люди—окаянные и обречены на вѣчную гибель. Она хочетъ только жить „по-божески“...

И такихъ будетъ все прибывать. Да и теперь—если взять хоть бы того же „интеллигентнаго мужичка“—долго ли они будутъ считать антихристомъ учителя своего недавняго пріятеля Топоркова?

Куда этотъ мужичокъ придетъ въ своемъ религіозномъ сознаніи? Кто это можетъ предсказать?..

И яко-бы „антихристово“ учение будетъ—въ свой чередъ—превзойдено... Въ немъ также—человѣкъ, его добродѣтель, его борьба съ грѣхомъ, его чувства и мысли—все это стоитъ еще какъ бы въ фокусѣ міроздавія, какъ будто человѣкъ дѣйствительно—последнее слово жизни вселенной.

Мудрецъ, испившій цикуту въ Афинахъ, любилъ повторять изреченіе одного изъ своихъ учителей: „Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей“! Да, мѣра, потому что его разумъ помогаетъ ему проникать въ тайны бытія, но не потому, что онъ вправдѣ мѣритъ все на свой ограниченный аршинъ, не потому что онъ—последнее слово безконечнаго созиданія...

Между тѣмъ, тепло и свѣтъ все прибывали. Булашову не хотѣлось вставать; а надо было собираться въ обратный путь.

„Зачѣмъ?“—строго спросилъ себя онъ. Здѣсь такъ хорошо. Что онъ забылъ въ городахъ?

И благодарное чувство къ деревнѣ дрогнуло въ немъ. Гдѣ онъ находилъ такіе глубокіе запросы души? Какая барыня его круга, или дѣвица-феминистка, способна, проживя почти до старости въ тискахъ бытового „преданія“, такъ трогательно пробудиться душой, ища правды, какъ Лузерья?..

„Правда“! „Мыслители говорятъ: истина“,—поправилъ онъ себя тотчасъ же. Вотъ великая приманка и конечная цѣль—и для тѣхъ, кто еще не можетъ поглядѣть на себя какъ на ничтожную песчинку бытія, но призванную мыслить и понимать.

На станціи Дергачи ждали курьерскаго поѣзда изъ Москвы, а Булашовъ возвращался въ Москву, и его поѣздъ приходилъ полчаса послѣ московскаго.

Въ буфетной комнатѣ и на платформѣ нашелъ онъ что-то особенное. Кого-то ожидали... должно быть, какую-нибудь болѣе или менѣе видную „особу“. Исправникъ, еще господинъ въ мундирѣ—должно быть „земскій“, три урядника, нѣсколько старшинъ въ знакахъ—одинъ держалъ хлѣбъ-соль—и человѣкъ до двадцати крестьянъ, видимо „согнанныхъ“.

— Для кого это?—спросилъ онъ перваго попавшагося ему сторожа.

— Изъ Москвы... енаралъ будетъ.

У кассы Булашовъ столкнулся съ Зерновымъ.

— Въ Москву, Викторъ Сергѣичъ?

— Въ Москву.

— И мы также. Весьма пріятно.

— А кого это ждутъ?

— Должно быть, сановника, — выговорилъ тотъ съ своей сдержанной усмѣшкой. — Питерскій. Видите, всѣхъ нашихъ наибольшихъ согнал...

— Кто же это?

Зерновъ назвалъ.

— Изволите, небось, знать по имени? — прибавилъ онъ.

— И не по одному имени, — отвѣтилъ Булашовъ, и тотчасъ же пришелъ въ особое настроеніе. Онъ чуть даже не разсмѣялся.

Съ Зерновымъ они присѣли къ столику и спросили себѣ чаю и бутербродовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ.

— Подходить поѣздъ! — крикнулъ кто-то, и всѣ, кому слѣдовало быть на платформѣ, — высыпали туда.

Запахнулъ паровозъ. Они допили свой чай.

— Желаете полюбопытствовать? — спросилъ Зерновъ, вставая.

— Пойдемте.

Положеніе было пикантное. Но Булашовъ не разсудилъ подходить близко и остался около двери, въ плотно сжавшейся кучкѣ зрителей, не принадлежащихъ къ персоналу „встрѣчи“.

Господинъ — въ фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ и кокардой, и съ наплечными знаками форменнаго скюртука, — стоялъ прямо къ нему лицомъ, и солнце играло на его свѣжей, благообразной физиономіи.

Онъ благодарилъ за что-то, и правая его рука прохаживалась, въ тактъ, по воздуху. Блѣки солнца играли на запонкѣ манжеты.

— Только то, что согласно съ закономъ и видами начальства, — доносилось до ушей Булашова, — будетъ сдѣлано...

Тутъ онъ быстро опустилъ руку внизъ, точно у него была дирижерская палочка.

Взглядъ Булашова упалъ, въ эту минуту, на „интеллигентнаго мужичка“. Зерновъ стоялъ поодаль, у барьера, и его фигура отдѣлялась отъ всего остального. Все это время улыбка скользила по его губамъ.

Администраторъ что-то тихо сказалъ двумъ господамъ въ мундирахъ, стоявшимъ впереди, сдѣлалъ подъ козырекъ и указалъ рукой, съ ласковой улыбкой, на хлѣбъ-соль, которую держалъ одинъ изъ старшинъ, съ полотенцемъ на шеѣ.

Отдавъ еще одинъ общій поклонъ рукой, онъ прослѣдовалъ къ своему вагону.

А „мужичокъ“ стоялъ все въ той же позѣ, и усмѣшка не

сходила съ его губъ... Вскорѣ затѣмъ подошелъ къ станціи и поѣздъ въ Москву.

XXXV.

Съ подѣзда „Лоскутной“ гостинницы Булашовъ взялъ вѣщо, вверхъ по Тверской и, выйдя на Никитскую, съ угла университета, свернулъ въ первый же переулокъ.

Совсѣмъ одиновимъ почувствовалъ онъ себя, по возвращеніи въ Москву. Точно весь городъ вымеръ для него. Онъ рѣшилъ: на другой же день ѣхать въ Нижній и дальше, на Волгу, чтобы захватить еще хорошую навигацію.

Тамъ ждетъ „дѣловое“ дѣло, тамъ онъ проведетъ—въ разѣздахъ по деревенскому и заводскому хозяйству матери—до наступленія зимы.

Но день великъ до вечерняго поѣзда.

Неужели не къ кому завернуть, ни къ кому-таки не тянется?

Онъ подумалъ-было о Лебедевѣ; но съ тѣмъ начнется все тотъ же разговоръ. Ему хотѣлось чего-нибудь совсѣмъ другого...

„А Грязевъ?—вдругъ вспомнилось ему.—Онъ, навѣрно, уже вернулся съ вакаціи. Кажется, онъ имѣлъ командировку куда-то за границу? Живетъ въ пяти минутахъ ходьбы отъ гостинницы. Лекціи врядъ ли начались. Застать дома—большая вѣроятность“.

Булашовъ позвонилъ на площадѣ нижняго этажа, узнавъ отъ швейцара, что профессоръ—дома. Онъ отдалъ горничной карточку, и его сейчасъ же приняли.

Профессора онъ нашелъ въ тѣсномъ кабинетикѣ, совсѣмъ заваленномъ книгами.

За годъ онъ ни чуточки не измѣнился. Въ своей домашней трудовой визиткѣ онъ смотрѣлъ, пожалуй, еще моложавѣе.

— Спасибо! Спасибо, Булашовъ! — встрѣтилъ его ласковымъ вовгласъ Грязева.—Садитесь сюда, къ окну.

Профессоръ только-что вернулся изъ-за границы, поживъ немного, по пути, въ Петербургѣ.

Сразу Булашовъ замѣтилъ нервность въ лицѣ Грязева, особенно въ выраженіи глазъ.

— Скоро начнете свой курсъ?—спросилъ онъ, сядя въ кресло противъ профессора.

— Не знаю, Булашовъ, ничего не знаю!

Грязевъ взялъ со стола папиросу и закурилъ.

— Какъ же это?

— Очутился въ опальныхъ. Послѣ тридцати лѣтъ работы—

не ко двору! Ну, и прекрасно! Изъ чего же биться... особенно мнѣ? Я и безъ того уже не первый годъ читаю безвозмездно.

Булашовъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него.

— Такіе порядки! Остался при особомъ мнѣніи. А этого нельзя. Это—преступленіе!

— Какое время!—промолвилъ Булашовъ, и ему, въ эту минуту, стало особенно какъ-то горько за этого даровитаго и честнаго поборника науки.

— Помните стихи у Некрасова?—спросилъ Грязевъ, и его глаза блеснули.

— Помню.

— И вотъ, каждый годъ начинаешь съ этого припѣва. А все сидишь въ томъ же болотѣ. Чего-то ждешь? На что-то надеешься!.. Какое идиотство! Ха, ха!

Грязевъ всталъ и отошелъ къ письменному столу.

— Профессоръ... Позвольте мнѣ сказать свое немудрое слово?—заговорилъ другимъ тономъ Булашовъ, подаваясь впередъ.

— Сдѣлайте милость! Я что-ли буду вамъ запрещать это?

— Помните, годъ назадъ, нашу бесѣду у Тѣстова?

— Какъ же, какъ же!

— У васъ вырвался горячій протестъ противъ всего... что подералось къ нашей интеллигенціи, и въ чемъ вы видите бунтъ противъ науки и возвращеніе къ умственному мраку...

— То же скажу и теперь! Не прогнѣвайтесь! И я тысячу разъ правъ.

— Можетъ быть... даже навѣрное—во всемъ, что вамъ дорого, чему вы отдали всего себя... Но не то хочу я сказать. Развѣ вы сами, вся ваша жизнь, вотъ то, что вы сейчасъ говорили о своихъ испытаніяхъ—не доказательство необходимости каждому, у кого есть что-нибудь за душой—держаться совсѣмъ особо, не входить ни въ малѣйшую зависимость отъ тѣхъ сферъ, которыя только терпятъ и дорожуютъ для васъ науку, и все прочее?..

— Вотъ хватили, батенька! Какъ будто это возможно?!

— По моему, возможно,—твердо выговорилъ Булашовъ и поднялъ голову.—Суть въ матеріальной поддержкѣ, ни въ чемъ больше. Не въ видѣ жалованья, пенсіи, такъ въ видѣ аудиторіи, кабинета, пособій... Такъ или нѣтъ?

— Мало ли что! Вотъ я и собрался уходить. И провались они всѣ!..

— Это не разрѣшаетъ вопроса,—такъ же убѣжденно сказалъ Булашовъ и всталъ съ кресла.—Помните, профессоръ, вы меня упрекали за то, что я измѣнилъ той дорогѣ, на которой вы

хотѣли бы меня видѣть. Я не пошелъ—какъ у насъ говорятъ— по ученой части. Я—просто обыватель, даже не дѣлецъ, не хозяинъ. И для меня всего ближе—вопросъ духовной жизни нашего народа, въ чемъ вы увидите, быть можетъ, тоже опасность, пожалуй своего рода отступничество?..

— Это дѣло вашей совѣсти!

— Вотъ оно, слово: „совѣсть“—свобода вѣрить тому, что считаешь истиной. Безъ нея и вы—человѣкъ науки—задохнулись бы. И то, что для васъ—научное пониманіе міра, то для мужичка-сектанта—его толкъ, его согласіе, его религіозный укладъ...

— Ну, такъ что же изъ этого?

— А то, что и онъ, нищенски-бѣдный, часто голодный, въ тискахъ внѣшнихъ запретовъ—хранить это про себя и въ себѣ и не нуждается ни въ какой внѣшней поддержкѣ. Все это онъ самъ выработалъ. У него—своя аудиторія, свои кабинеты и лекціи. Ни у кого онъ не на службѣ, никто не смѣетъ дѣлать ему выговоровъ, никто! Его могутъ преслѣдовать—да; но тогда онъ—временная жертва, а его душевное добро остается всегда при немъ.

Грязевъ прослушалъ тираду Булашова какъ бы съ протестующей усмѣшкой.

— Понимаю суть вашего тезиса,—началъ онъ тихо, и глаза его стали терять возбужденное выраженіе.—Вашъ идеаль—созиданіе всего безъ сторонней помощи... безъ подачекъ, субсидій и наградъ! Мыслимо ли это въ такомъ нищенски-бѣдномъ обществѣ, какъ наше? Гдѣ эта инициатива? Нѣсколько крупныхъ жертвованій? И обчелся! Весь строй держится еще за внѣшнюю поддержку. И когда этому будетъ конецъ? Недоумѣваю.

— А народъ не дожидался, профессоръ! Предположите, что въ немъ зародилась бы такая же жажда къ научной истинѣ... Вѣдь это допустимо.

— Ну и что жъ?

— И онъ удовлетворилъ бы ее на свой салтыкъ, не обращаясь ни за какой сторонней помощью. Совершенно такъ, какъ онъ—своимъ многолѣтнимъ опытомъ—собралъ громадную хранилищу своихъ свѣдѣній по всему, что онъ видѣлъ въ природѣ, во всѣхъ ея царствахъ. Этого отрицать нельзя! И вы первый—какъ ученый естествоиспытатель—употребляете сотни и тысячи именъ камней, растений и животныхъ, созданныхъ народомъ, темнымъ, неграмотнымъ. И онъ же собралъ такую же сокровищницу другихъ наблюдений, безъ которыхъ онъ не могъ бы наладить свой земледѣльческій и промысловый бытъ...

— Кто же противъ этого спорить, Булашовъ?

— Почему же и всѣмъ намъ не предаваться, профессоръ, такому же неустанному, невидному, но упорному труду, во всемъ, что можетъ обойтись и безъ всякой поддержки извнѣ, безъ всякаго компромисса, безъ всякой подачи?!..

— Кто же вамъ позволить? Вотъ хватили!

Грязевъ повелъ головой и бросилъ окурокъ папиросы.

— Позволить что?—спросилъ Булашовъ.—Написать романъ, извѣщать стацию, сдѣлать научное открытіе? Я и не стану ни у кого просить позволенія. Могутъ не пропустить чего-нибудь... Не пропустятъ разъ; а три, пять, десять разъ пройдетъ. Это уже—force majeure! Все равно, что взять билетъ на поѣздъ. Не хотите подчиняться дорожнымъ правиламъ—не садитесь. Но въ общемъ, въ главномъ, я дѣлаю то, что мнѣ приходитъ на душу, и не знаю никакихъ унижительныхъ выговоровъ, внушеній, каръ.

— Все это—сладкія мечты!—возразилъ Грязевъ.

— Извините, профессоръ, не мечты. Вотъ мы и придемъ опять въ тому, съ чего я началъ. Народъ создаетъ свои вѣрованія и отстаиваетъ ихъ. Это—святая святыхъ его души! Это—такая же неприкосновенная область, какъ и творчество художника, писателя, ученаго. Но ему приходится во сто разъ болѣе жутко. У насъ во всѣхъ видахъ творческой работы все-таки во много разъ больше свободы... И никто меня не заставитъ создавать и открывать то, чего я не желаю!

Грязевъ подскѣлъ къ нему поближе, протянулъ руку и опустилъ ее на его колѣно.

— Вы—по своему—правы, Булашовъ. Но связнова жизнь не начнешь. Несмотря на мою пресловутую молодость, мнѣ давно идетъ шестой десятокъ. Я тридцать лѣтъ отмаячилъ. Можно только уйти. Но чѣмъ же бѣгство выше уступокъ, безъ которыхъ общее дѣло немислимо? Чтобы защищать дорогія вамъ идеи—нужна аудитория. Чтобы предаваться культу чистой науки, нужны средства,—а ихъ не высосешь изъ пальца. Сбросишь съ себя ошейникъ—можешь очутиться въ услуженіи... у Колупаевской мошны! Это заколдованный кругъ!—вырвался у Грязева возгласъ, нервной нотой.

И сразу у Булашова пропала охота продолжать споръ. Но то, что онъ говорилъ—вылилось не такъ, не зря, не „съ бацъ“—по московской прибауткѣ,—и профессоръ не могъ не признать вѣрности такого вывода.

„А жизнь,—думалось ему,—многострадальная русская жизнь будетъ все такъ же ползти или двигаться свачками. Интеллигенція

не перестанетъ метаться изъ стороны въ сторону, предоставляя народъ самому себѣ въ его исканіи свѣта и правды“...

Булашовъ, послѣ завтрака, забрелъ въ Кремль. Онъ и не замѣтилъ, какъ очутился на площади передъ памятникомъ „Царю-Освободителю“.

Справа золотая шапка Ивана высилась на фонѣ блѣдно-голубого неба. Прямо—подъ шатромъ—темнѣла бронзовая фигура, въ коронѣ и мантии. Слѣва выступала въ глубинѣ башня Спасскихъ воротъ.

Длинная-длинная линія набережной разрѣзывала кругозоръ, и изъ-подъ нея поднимались, точно изъ земли, главы церквей и колокольни Замоскворѣчья.

Было очень тихо. Ни одного экипажа. Кое-гдѣ—прохожіе по тротуару.

Давно не бывалъ онъ здѣсь. Что-то забытое навѣвала на него вся эта панорама. Оно хоронилось въ глубокихъ складкахъ души, но не замерло.

Мощь громаднаго государства глядѣла на него—точно въ символахъ; а памятникъ говорилъ о той великой минутѣ, когда двадцать милліоновъ рабовъ сдѣлались людьми...

„Но,—думалось Булашову, — и до той минуты народъ во тьмѣ искалъ духовнаго свѣта, болѣе двухсотъ лѣтъ упирался въ „старой“ вѣрѣ, или шелъ на призывы другихъ завѣтовъ все того же искупляющаго и милосердаго ученія“...

Тихо двигался онъ въ Спасскимъ воротамъ и вошелъ подъ ихъ своды, охваченный бодрящей думой.

— Баринъ! Шляпу снимите!—окликнули его сзади.

Онъ обернулся на окликъ сторожа, вспомнилъ, черезъ *какія* ворота онъ проходитъ, и снялъ шляпу.

И только-что онъ спустился къ зданію Верхнихъ-Рядовъ,—второе ему всегда такъ нравилось,—на широкомъ асфальтовомъ тротуарѣ, передъ главнымъ входомъ, его кто-то опять окликнулъ возгласомъ:

— Мое почтеніе!

Голосъ и говоръ съ какимъ-то акцентомъ онъ не узналъ; не сразу узналъ и лицо того, кто столкнулся съ нимъ.

Малаго роста, коренастый мужчина, въ черной дешевой парѣ, желтовато-смуглое инородческое лицо, безусое, съ косыми глазками и оскаломъ крупныхъ зубовъ.

— Не признали?—спросилъ инородецъ.

— Теперь узнаю... прекрасно. Вы — господинъ...?

Въ его памяти выскочила не вся фамилія; а карточка, которую этотъ ивородецъ оставилъ — у него въ Петербургѣ. Фамилія кончалась на звукъ „дановъ“; но первую половину слова Булашовъ не могъ вспомнить.

Имя и отчество также припомнились ему. Отчество было такое же, какъ и фамилія; но съ концомъ „ичъ“. А имя было, навѣрное: *Будда*.

Онъ — ходокъ своихъ земляковъ, исповѣдующихъ „ламайскую“ вѣру, т.-е. буддистовъ — умный самоучка, бывалый и очень интересный малый, — кажется, даже писатель, на русскомъ языкѣ, чуть ли не бывший редакторъ мѣстнаго листка, тамъ, въ Сибири, гдѣ живутъ его родичи и единовѣрцы.

— Узнали? — переспросилъ онъ, подмигнувъ своими косыми глазами.

— Конечно! Душевно радъ! Вы куда пробираетесь?

— Мы въ Питеръ. Васъ позволите навѣстить?

— Пожалуйста. Только я вернусь туда не скоро.

— Ваше желаніе было... тогда, помните... ознакомиться съ нашей службой и видѣть разные предметы?...

— Какъ же, какъ же!

— Мы много привезли. И ежели будетъ и теперь ваше желаніе все осмотрѣть и поговорить о дѣлахъ народа нашего... Мы васъ хотѣли отыскать, потому какъ мы знаемъ — какихъ вы вообще взглядовъ... И къ народу нашему, и къ нашей вѣрѣ...

Онъ не досказалъ и сдѣлалъ характерный жестъ маленькой, изжелта-смуглой рукой.

Булашовъ пожалъ ему руку, и они прошли до угла Радовъ, къ церкви Казанской Божіей Матери.

— И здѣсь не позволите ли зайти къ вамъ? — спросилъ ивородецъ.

— Сегодня ѣду.

— Незадача! Въ Питерѣ повидаемся. Намъ зазимовать тамъ придется. Все тамъ же изволите проживать?

— Тамъ же.

— Можеть, и не откажете совѣтомъ... или обратите къ какому сильному человѣку?

— Вы все по тому же дѣлу земель, отстаиваете свое право?

— Именно.

— Хорошо, что и главнаго вашего достоянія не отнимають, — сказалъ шутливо Булашовъ.

— Это какого? — спросилъ ивородецъ, и глазки его блеснули.

— Самаго главнаго... вѣры вашей.

— Эхъ!

Инородецъ махнулъ правой рукой.

— Расскажу, все расскажу... коли удостоите принять...

Еще разъ вышло у нихъ рукопожатіе.

— Вѣдь васъ зовутъ *Будда*?—спросилъ съ усмѣшкой Булашовъ.

— Такъ точно. Будда Балдановичъ Балдановъ.

— Великое имя! — тихо воскликнулъ Булашовъ. — Вашъ, значить, „ангелъ“, какъ у насъ говорятъ?

— Совершенно вѣрно, ха, ха! Помнить надо—чье имя носишь. Ежели что неладное подумаешь или сдѣлать соберешься—сейчасъ и вспомнить надо: чье имя дали тебѣ. Всего хорошаго!

Инородецъ повернулъ на Никольскую. Булашовъ спустился къ Воскресенскимъ воротамъ.

Онъ двигался медленно, по дорогѣ въ гостинницу и взялъ—пройдя мимо часовни „Иверской“—черезъ площадь, въ главной аллеѣ Александровскаго сада.

Вошелъ туда и присѣлъ на одну изъ ближнихъ скамей.

Эта неожиданная встрѣча съ „Буддой“—съ русскимъ инородцемъ „ламайской“ вѣры—потянула его мысль далеко, далеко... и подняла въ немъ опять то чувство, что онъ сейчасъ испыталъ тамъ, въ Кремлѣ.

Необъятно его отечество!.. Необъятно—не однимъ пространствомъ. Сколько вѣръ въ его народахъ! Индія, Палестина, сибирская тайга... И проповѣдь Сакья-Муни, и дремучій фетишизмъ шаманства, и хоръ исповѣдниковъ Иисуса „Назорея“—все взываетъ просвѣтленія, все трепетно уповаешь на безусловную правду своихъ завѣтовъ...

Духъ захватываетъ!..

Глаза его обратились влѣво.

На свѣтло-синемъ небѣ выступалъ огромный золотой куполъ храма „Спаса“, и алмазная искра горѣла на его вышѣ.

И припомнилось Булашову слово: „спасенье“—въ простонародномъ говорѣ „евангелика“ Василя... *Его* всѣ жаждутъ—каждый по своему...

П. Боворыкинъ.

НАКАНУНЪ РЕФОРМЪ

ВЪ

К И Т А Ъ

Со смертью Ли-Хунь-Чжана, въ моментъ тяжелыхъ и неслыханныхъ испытаній, претерпѣваемыхъ Китаемъ, и вызванныхъ ими стремленій въ преобразованіямъ и свѣту,—на стражѣ его жизненныхъ интересовъ остаются только два выдающихся дѣятеля: это Чжань-Чжи-Дунъ, генераль-губернаторъ провинцій Ху-бэй и Ху-нань, и нанкинскій генераль-губернаторъ Лю-Кунь-И; по своимъ, добытымъ долголѣтнимъ опытомъ, разумно-прогрессивнымъ убѣжденіямъ, они являются единственною надежною опорой трона и государства—по крайней мѣрѣ въ рядахъ извѣстныхъ намъ старыхъ слугъ его—и на которыхъ, какъ на истинныхъ патриотовъ, возлагаются надежды всѣхъ. И дѣйствительно, ни одинъ изъ столичныхъ и провинціальныхъ сановниковъ не отозвался съ такою серьезностью на призывъ богдыхана представить соображенія относительно необходимыхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Дѣйствуя вполнѣ солидарно, эти два сановника, въ отвѣтъ на указы богдыхана о реформахъ, въ недавнее время представили обширный, совмѣстный докладъ, въ которомъ, по каждому изъ вопросовъ государственной политики, они рекомендуютъ трону рядъ строго обдуманыхъ, проникнутыхъ крайнею осторожностью и потому выраженныхъ настойчиво, необходимыхъ реформъ, внѣ которыхъ они не видятъ другого средства для вывода Китая изъ того хаотическаго и крайне бѣдственнаго положенія, до котораго довела его политика закоренѣлыхъ обскурантовъ и невѣждъ.

Въ виду несомнѣнной важности этого доклада, какъ для внутренней, такъ и для внѣшней политики Китая, и убѣжденные въ томъ, что онъ безъ сомнѣнія будетъ положенъ въ основу разныхъ преобразованій, мы находимъ необходимымъ и полезнымъ познакомить съ нимъ нашу читающую, а въ особенности интересующуюся дѣлами Китая, публику.

Упомянувъ о томъ, что ими уже былъ представленъ на высочайшее воззрѣніе докладъ о разныхъ преобразованіяхъ въ 16-ти статьяхъ, почтенные докладчики, желая оградить отъ нареканій старо-конфуціанской клики свою преобразовательную дѣятельность, прежде всего весьма искусно стараются прикрыться авторитетомъ своего совершеннѣйшаго мудреца Конфуція, говоря, что „много слышать и выбирать изъ слышаннаго хорошее и слѣдовать ему, много видѣть и знать—вотъ въ чемъ заключалась мудрость Конфуція, стяжавшаго себѣ этимъ имя совершеннѣйшаго“. Затѣмъ, обращаясь къ постоянному прогрессу и обновленію иностранныхъ государствъ, благодаря которымъ одни изъ нихъ, большія, достигали богатства и силы, а другія, меньшія, все-таки не впади въ бѣдность и слабость, они объясняютъ, что ихъ государственный строй и ихъ науки добыты соединенными трудами многовѣковыхъ изслѣдованій тысячи людей.

Оградивъ себя китайскимъ и иностраннымъ авторитетами отъ возможныхъ порицаній, почтенные сановники повергаютъ на воззрѣніе богдыхана свои соображенія по наиболѣе важнымъ и удобоисполнимымъ вопросамъ предстоящихъ реформъ, которые группируются ими въ слѣдующихъ 11 пунктахъ: 1) усиленіе путешествій за границу съ образовательною цѣлью; 2) обученіе арміи по иностранному образцу; 3) мѣры къ расширенію изготовленія вооруженія; 4) улучшеніе земледѣлія; 5) поощреніе ремеселъ и искусствъ, или техническихъ производствъ; 6) составленіе законовъ: горныхъ, желѣзнодорожныхъ, торговыхъ, по дѣламъ возникающимъ между китайцами и иностранцами и, наконецъ, уголовныхъ; 7) употребленіе въ обращеніи серебряной монеты; 8) введеніе гербовыхъ пошлинъ; 9) развитіе почтоваго дѣла; 10) введеніе казенной торговли опиумомъ, и, наконецъ, 11) переводъ иностранныхъ книгъ въ большихъ размѣрахъ.

Представимъ по порядку содержаніе каждой изъ этихъ статей, придерживаясь по возможности оригинала для того, чтобы составить себѣ полное представленіе объ основаніяхъ проектируемыхъ реформъ.

I.— УСИЛЕНІЕ ПУТЕШЕСТВІЙ ВЪ ЧУЖІИ КРАЯ.

Болѣ ста лѣтъ сильныя государства Европы и Америки устремляютъ свои взоры на Китай и болѣ пятидесяти лѣтъ существуетъ китайско-иностранная торговля, а между тѣмъ Китай не только не озаботился принятіемъ мѣръ въ самоусиленію и не сѣмѣлъ сообразовать свою дѣятельность съ требованіями времени, но постепенно дошелъ до того, что безумно открылъ враждебныя дѣйствія противъ иностранцевъ и тѣмъ чуть не погубилъ себя. Всему этому мы обязаны нашею замкнутостью и узостью нашего кругозора; мы страдали полнѣйшимъ незнаніемъ иностранныхъ государствъ, ихъ политическаго строя, ихъ наукъ и военнаго дѣла. Правда, въ шестидесятыхъ годахъ Китай учредилъ свои посольства въ иностранныхъ государствахъ и отправилъ туда воспитанниковъ, но сумасбродные педанты порицали это какъ безумство, смотрѣли на чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ какъ на зараженныхъ и вслѣдствіе этого предостерегали другъ друга отъ занятія иностранщиной. До какой степени доходило невѣжество, можно судить по тому, что лѣтомъ 1900 г. между высшими столичными и провинціальными чинами еще были такіе, которые утверждали, что иностранцы не умѣютъ ходить по землѣ, а другіе говорили, что съ сожженіемъ иностранныхъ посольствъ и христіанскихъ храмовъ и слѣдъ иностранцевъ исчезнетъ изъ Китая. Вотъ до чего доходило закоренѣлое невѣжество!

Въ настоящее время для воспитанія способныхъ дѣятелей и для созданія изъ Китая государства сильнаго первымъ средствомъ, безъ сомнѣнія, было бы отправленіе въ чужіе края побольше людей для полученія тамъ образованія. Но дѣло въ томъ, что исполненіе этого плана потребуетъ громаднхъ затратъ и продолжительнаго времени и кромѣ того дастъ сравнительно небольшое число лицъ. Поэтому, чтобы быстро помочь дѣлу, остается только одно средство—отправленіе въ широкихъ размѣрахъ людей въ чужіе края для путешествія. Это дастъ имъ возможность ознакомиться съ положеніемъ иностранныхъ государствъ, съ ихъ государственнымъ строемъ, науками, съ главными вопросами, связывающими ихъ съ Китаемъ, и съ условіями ихъ политики по отношенію въ другимъ государствамъ. По возвращеніи изъ такихъ путешествій, они расскажутъ о своихъ впечатлѣніяхъ своимъ роднымъ и знакомымъ, а эти, въ свою очередь, передадутъ другимъ. Этимъ путемъ заблужденія массы разсѣются и планы о необхо-

димости реформъ быстро овладѣютъ умами. Конечно, будетъ гораздо болѣе пользы для дѣла, если въ эти путешествія будутъ отправляемы богдыханскіе родственники и другія знатныя лица. Благодаря высокому положенію, которое они займутъ по возвращеніи въ отечество, и знакомству въ высшихъ сферахъ, ихъ рассказы о путешествіи будутъ особенно успѣшны. Путешествія такихъ знатныхъ особъ вовсе не являются чѣмъ-либо необыкновеннымъ. Изъ классическихъ книгъ извѣстно, что княжескіе родственники и знатные наслѣдственные чины постоянно отправлялись для заключенія союзовъ и приглашенія на службу людей знаменитыхъ. Въ новѣйшее время наслѣдникъ россійскаго престола и германскій принцъ посѣтили востокъ. Изъ этого видно, что, для ознакомленія съ иностранными государствами и ихъ политическимъ строемъ, такія путешествія всегда признавались дѣломъ важнымъ. Въ виду этого мы полагаемъ бы просить ваше величество приказывать отправлять въ чужія края для путешествія князей и сановниковъ, а также царскихъ родичей, дѣтей знатныхъ чиновъ, академиковъ, прокуроровъ и министерскихъ чиновниковъ, конечно съ ихъ согласія. Лицъ преуспѣвшихъ, по возвращеніи изъ годичнаго путешествія, удостоивать извѣстнаго поощренія, а изъ двухгодичнаго—особаго поощренія. При этомъ въ порядкѣ поощренія лица, совершившія путешествіе по Европѣ, будутъ имѣть преимущество предъ тѣми, которые посѣтятъ Японію. Поощренія эти распространяются также и на лицъ, совершившихъ путешествіе на свой счетъ, по удостовѣреніи въ томъ, что они совершили его съ пользою. На будущее время должности министра и товарищей министровъ иностранныхъ дѣлъ и секретарей, а равнымъ образомъ директоровъ морскихъ таможенъ, посланниковъ и *attachés*, непременно замѣщать лицами, совершившими путешествіе. Но въ виду того, что отправляемые въ путешествіе чиновники, благодаря неодинаковости ихъ способностей и знаній, едва ли всѣ принесутъ существенную пользу, необходимо отправить ихъ нѣсколько десятковъ и даже сотню, чтобы потомъ изъ нихъ можно было сдѣлать выборъ. Хотя это и будетъ стоить большихъ расходовъ, но экономія въ этомъ случаѣ никоимъ образомъ немыслима. Затѣмъ, надобно замѣтить, что въ настоящее время нѣтъ ни одного генералъ-губернаторскаго, губернаторскаго, фантайскаго (управляющій финансовою и гражданскою частью провинціи), нѣсыскаго (главный провинціальный судья), окружноинспекторскаго и областного управленія, въ которыхъ не было бы дѣлъ, касающихся иностранцевъ, и потому, если мы по прежнему будемъ упорствовать въ своей рутинѣ, то неизбѣжнымъ по-

слѣдствіемъ этого будутъ промахи. Даже въ центральныхъ столичныхъ управленіяхъ, имѣющихъ спеціальныи кругъ вѣдѣнія, и тамъ незнакомство съ иностранными условіями, въ рѣшеніи дѣлъ и представленіи докладовъ по нимъ, то-и-дѣло представляетъ много неудобствъ, и потому безъ приготовленія значительнаго запаса способныхъ людей обойтись невозможно. Въ виду этого мы полагаемъ бы просить объ установленіи такихъ правилъ, что лица, имѣющія по своему рангу, старшинству, способностямъ и поведенію право на полученіе должностей прокуроровъ, начальниковъ столичныхъ учреждений и окружныхъ инспекторовъ (административный чинъ, вѣдающій нѣсколькими областями), будутъ представляемы на таковыя въ томъ только случаѣ, если они совершили одно путешествіе за границу. Такая мѣра поведетъ къ тому, что явится много охотниковъ совершать путешествія на свой счетъ, и число лицъ, способныхъ для государственной службы, будетъ постоянно увеличиваться безъ обремененія казны.

Что касается областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, то между ними еще рѣже встрѣчаются лица, знакомыя съ дѣлами, касающимися сношеній съ иностранцами,—а между тѣмъ, въ юрисдикціи каждаго изъ нихъ будетъ рѣчное пароходство, вывозъ товаровъ по транзитнымъ свидѣтельствамъ, разработка минеральныхъ богатствъ, вѣропроповѣдничество и путешественники,—и является опасеніе безпорядковъ. Поэтому, мы также просили бы призвать генераль-губернаторамъ и губернаторамъ, чтобы они, также по выбору, отправляли своихъ чиновниковъ за границу для путешествія, и чтобы притомъ штатные чиновники, изъявившіе желаніе отправиться въ чужіе края, сохраняли свои мѣста и за годичное путешествіе были поощряемы своими начальствами, а за трехгодичное—были представляемы къ высочайшимъ наградамъ и расходы по путешествію принимались бы на казенный счетъ; лицъ же, совершившихъ путешествіе на свой счетъ, представлять къ особымъ высочайшимъ наградамъ.

Конечно, путешествіе по Европѣ, Америкѣ и Японіи было бы дѣломъ болѣе законченнымъ; но, съ другой стороны, сначала путешествіе по Японіи является дѣломъ настоятельнымъ, потому что путешествіе по Европѣ и Америкѣ безъ переводчика обратится въ бесполезное ротозѣйничанье. Въ Японіи же нравы и письмена сходны съ китайскими, и, кромѣ того, въ ней проживаетъ много китайцевъ, такъ что тамъ легче будетъ найти переводчика,—скорѣе можно будетъ достигнуть полезныхъ результатовъ и ранѣе возвратиться въ Китай. Кромѣ того, Японія хотя во всѣхъ отрасляхъ и подражаетъ иностраннымъ образцамъ, но

въ то же время, сообразуясь съ мѣстными условіями, въ однихъ она дѣлаетъ извѣстныя измѣненія, а другіе, по зрѣломъ соображеніи современной пользы и вреда ихъ, отмѣняетъ или измѣняетъ. Такая система особенно согласуется съ китайскимъ электизмомъ.

Зачатками своего возвышенія и процвѣтанія всѣ иностранныя государства обязаны путешествіямъ. Отыскивая новыя земли, совершая путешествія по полярнымъ морямъ, изслѣдуя южный полюсъ и т. п., смѣлые иностранцы испытывали всевозможныя лишенія; благодаря этому, ихъ кругозоръ съ каждымъ днемъ увеличивался и умъ развивался, а вслѣдствіе этого они создали силу и богатство своихъ государствъ. Въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ нѣтъ ни одной рѣки, по которой не было бы пароходства, и нѣтъ ни одного государства, которое не было бы изрѣзано желѣзными дорогами; торговые люди снуютъ взадъ и впередъ, повсюду имѣются переводчики для объясненій, посольства для оказанія содѣйствія, такъ что тѣхъ путешествій, которыя когда-то совершались иностранцами съ величайшими лишеніями, нельзя сравнивать съ современными, окруженными полнымъ комфортомъ. Нѣтъ ничего другого, что бы такъ хорошо и такъ быстро развивало умъ и волю. Если мы желаемъ избавиться отъ нашего хроническаго безсилія и противустоять сильнымъ государствамъ, то надобно начать съ путешествій, которыя служатъ первою ступеню въ достиженію цѣли.

II. — ОВУЧЕНІЕ АРМІИ ПО ИНОСТРАННОМУ.

Въ указѣ, изданномъ по поводу реформъ, между прочимъ, было выражено, что Китаю, по мнѣнію ея величества, слѣдуетъ брать у иностранныхъ государствъ то, въ чемъ они особенно искусны, и этимъ можно будетъ пополнить его недостатки. Но они болѣе всего искусились въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ знаніе своихъ силъ и силъ противника и принятіе цѣлесообразныхъ мѣръ особенно необходимы. Поэтому мы видимъ, что, наприимѣръ, У'ское княжество, желая поразить Чу'ское, изучало бой на колесницахъ; Цзинь'ское княжество, желая разбить сѣверныхъ варваровъ, уже употребляетъ для этого пѣхоту; династія Хань въ своихъ войнахъ противъ хунновъ употребляетъ летучую кавалерію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ люди заимствовали у своихъ противниковъ то, чего имъ недоставало. Императоръ Кань-Си въ своихъ походахъ противъ монгольскихъ племенъ употреблялъ

большія пушки, отлитыя для него иностранцемъ Жербильономъ, на которыхъ до сихъ поръ сохранилось его имя. Императоръ Цянъ-Лунъ, собираясь противъ тангутскихъ племенъ въ западной Сы-чуани, построилъ въ западныхъ горахъ укрѣпленія по образцу тангутскихъ и упражнялъ свою гвардію въ искусствѣ штурмовать ихъ. Суть всего этого заключалась въ употребленіи иностраннаго, болѣе совершеннаго оружія и въ заимствованіи у непріятеля того, чѣмъ онъ превосходилъ тогдашнихъ витайцевъ. Это служитъ яснымъ примѣромъ того, что мудрые и воинственные государи Китая не стѣснялись предвзятыми взглядами въ заимствованіи у другихъ того, въ чемъ они были искусны.

Въ настоящее время, хотя всѣ чрезвычайно дорожатъ добрымъ сосѣдствомъ, но, на ряду съ этимъ, требуется и особенная заботливость объ укрѣпленіи своей страны, потому что, при слабости собственныхъ силъ, и дружественное государство не будетъ въ состояніи поддержать. Западные государства, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, постоянно соперничаютъ между собою, и, благодаря этому, съ особенною тщательностью занимаются военнымъ дѣломъ, по всѣмъ отраслямъ котораго у нихъ имѣются готовыя руководства, далеко оставляющія за собою то, что у нихъ было при прежнихъ поколѣніяхъ. Въ войскахъ ихъ царитъ строгая дисциплина; огнестрѣльное оружіе отличается особеннымъ совершенствомъ; съ съемочными работами знакомъ каждый; инженерная, обозная и медицинская части организованы отлично. Въ Китаѣ, несмотря на то, что въ теченіе двадцати лѣтъ неоднократно были издаваемы указы касательно обученія войскъ по иностранному образцу, въ послѣдніе годы вдругъ явились люди съ нелѣпными разсужденіями о превосходствѣ витайскаго обученія предъ иностраннымъ, и тесаковъ и копій—предъ ружьями и пушками. Обученная по старому и вооруженная холоднымъ оружіемъ армія будетъ совершенно уничтожена иностранными дальнобойными ружьями и орудіями гораздо раньше, чѣмъ она приблизится къ непріятелю на разстояніе, необходимое для дѣйствія саблями и копьями. Гдѣ ужъ тутъ думать о побѣдѣ, когда армія будетъ лишена возможности сражаться съ непріятелемъ! Во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, не исключая Америки, организація войскъ и способы обученія ихъ, за немногими незначительными исключеніями, большею частью, одинаковы. Такииъ образомъ, въ то время, когда всѣ сильныя государства міра держатся одной системы обученія, мыслимое ли дѣло, чтобы Китаю, слабѣйшее по военной силѣ государство, придерживаясь особаго способа обученія и дѣйствуя другимъ оружіемъ, былъ въ

состояніи пожинать побѣдныя лавры? Такая привязанность къ древнимъ военнымъ порядкамъ происходитъ отъ того, что старые генералы, слабо знакомые съ новѣйшимъ сворострѣльнымъ оружіемъ, никогда не изучавшіе ни западнаго военного строя, ни фортификаціи и съмочныхъ работъ; къ тому же одряхлѣвшіе, пріобрѣвшіе извѣстныя привычки, пропитанные гордостью и боящіеся трудностей, не хотятъ покориться и заняться изученіемъ военнаго дѣла по новѣйшимъ образцамъ. Что же касается наиболѣе негодныхъ изъ нашихъ военныхъ начальниковъ, то они, сознавая, что, при строгости и ясности иностранныхъ воинскихъ уставовъ, нельзя будетъ дѣлать привычныхъ злоупотребленій, въ мирное время умышленно обманываютъ людей разными недѣльными рассказами, а на полѣ сраженія обращаются въ постыдное бѣгство. Прѣжніе примѣры у насъ передъ глазами. Въ виду этого, мы считаемъ долгомъ просить объявить командующимъ войсками, генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, чтобы командирамъ отдѣльныхъ частей вмѣнили въ непремѣнную обязанность добросовѣстно и безъ замедленія заняться тщательнымъ изученіемъ иностранныхъ способовъ обученія войскъ, предупредивъ ихъ, что ограничиваться далѣе рутинными взглядами нивкимъ образомъ немислимо и что хитрые и лѣнныя офицеры, а также изучающіе дѣло поверхностно—будутъ исключаемы изъ службы. Они должны тщательно и не торопясь изучать иностранныя руководства по разнымъ отраслямъ военнаго дѣла и прилагать ихъ на практикѣ.

Главная суть обученія офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ иностранныхъ военныхъ школахъ можетъ быть выражена въ слѣдующихъ двѣнадцати пунктахъ: внушеніе офицерамъ правилъ чести и самосознанія; военная гигиена; объясненіе свойствъ оружія и ружейныхъ снарядовъ; прицѣльная стрѣльба; устройство окоповъ и ложементовъ; диспозиція разныхъ частей; съѣмка; виды построенія; сторожевая и рекогносцировочная служба; инженерная и техническая часть въ походныхъ войскахъ; провіантская и обозная часть и медицинская помощь. Знаніе всего этого вышеизложеннаго обязательно для каждаго офицера, начиная отъ командующаго войсками и оканчивая послѣднимъ прапорщикомъ. Надобно, однако, замѣтить, что по военнымъ уставамъ иностранцевъ въ ихъ частяхъ не существуетъ инструкторовъ. У нихъ свои баталіонныя и ротныя командиры, люди образованные. Окончивъ образованіе въ военныхъ гимназіяхъ, офицеры поступаютъ въ строй, и только послѣ одного, двухъ лѣтъ строевой службы получаютъ командованіе какою-нибудь частью. Что же

касается полковыхъ командировъ, то, для получения этой должности, офицеръ обязанъ заниматься еще нѣсколько лѣтъ въ высшей военной школѣ. Поэтому въ школахъ у нихъ есть инструктора и наставники, но въ строю ихъ нѣтъ. Въ бою передвиженіе колоннъ, выборъ позиціи, наступленіе и отступленіе и открытіе огня производятся по командѣ батальонныхъ и ротныхъ командировъ съ предварительнаго разрѣшенія начальника отряда. Нельзя исключительно полагаться на инструкторовъ уже потому, что въ мирное время, несмотря на ихъ способности къ обученію, при отсутствіи у нихъ власти, обученіе никоимъ образомъ не можетъ идти успѣшно, а въ бою всѣ приобрѣтенныя познанія, благодаря негнѣпнымъ распоряженіямъ невѣжественныхъ командировъ отдѣльныхъ частей, оказываются совершенно бесполезными. Въ прежнее время, въ Японіи, офицеры старой школы также отдавали предпочтеніе холодному оружію предъ огнестрѣльнымъ и туземной системѣ обученія предъ иностранною. Тогда для нихъ открыта была спеціальная школа, въ которой имъ объяснялись преимущества новой школы предъ старою и способы преобразования послѣдней. Мало-по-малу эти ветераны убѣдились въ необходимости пожертвовать своимъ старымъ искусствомъ. Подобную школу возможно было бы учредить и для китайскихъ ветерановъ, чтобы разсѣять ихъ предубѣжденіе и пустые толки. Тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ въ состояніи образумиться и приняться за дѣло, оставить въ полевыхъ войскахъ, а неспособныхъ къ этому обратить на полицейскую службу. Но лишь только военныя школы станутъ давать достаточный контингентъ способныхъ офицеровъ, на мѣста полковыхъ, батальонныхъ и ротныхъ командировъ исключительно должны быть назначаемы лица, вышедшія изъ военныхъ школъ.

Рекомендуя необходимость кореннаго преобразования строевой и военно-учебной части, докладчики признаютъ не менѣе необходимымъ сосредоточеніе всего военнаго дѣла со всѣми его многообразными отраслями, какъ въ мирное, такъ и въ военное время въ одномъ учрежденіи, находя совершенно вѣрно, что учрежденіе, носящее въ Китаѣ наименованіе военнаго министерства, имѣющее дѣло только съ списками военнаго сословія и съ назначеніями, нисколько не удовлетворяетъ своей задачѣ и не имѣетъ ничего общаго съ иностранными учрежденіями того же названія, являющимися полновластными распорядителями всего касающагося военнаго дѣла. Правила для учрежденія этого дѣйствительнаго военнаго министерства почтенные докладчики рекомендуютъ заимствовать у Японіи. Главнымъ начальникомъ этого

учрежденія долженъ быть глубокой знатокъ военнаго дѣла, вышедшій изъ рядовъ арміи и притомъ основательно знакомый съ положеніемъ военнаго дѣла у иностранцевъ; одного родства съ императорскимъ домомъ и служебнаго старшинства недостаточно для полученія этого важнаго и отвѣтственнаго поста. Признавая невозможнымъ и даже вреднымъ отдать разработку вопроса объ учрежденіи этого вѣдомства старымъ генераламъ и не находя между гражданскими и военными чинами лицъ способныхъ для этого, докладчики просятъ предварительно учредить въ Пекинѣ совѣщательный комитетъ, приказавъ ему собрать и подвергнуть тщательному разсмотрѣнію и выбору иностранныхъ военныхъ сочиненія, совѣтуясь при этомъ съ японскимъ главнымъ штабомъ и съ генераль-губернаторами и губернаторами, по согласеніи всѣхъ мѣстнѣй, составить книгу (военное уложеніе?) и просить чрезъ правительственную комиссію высочайшаго указа о принятіи ея въ руководство.

III.—МѢРЫ КЪ РАСШИРЕНІЮ ИЗГОТОВЛЕНІЯ ОРУЖІЯ.

Хотя мирный договоръ подписанъ, но о военныхъ запасахъ нельзя не заботиться, потому что если у насъ не будетъ вооруженія, то за миръ невозможно будетъ поручиться. Несмотря на трудное положеніе финансовъ, оружіе должно быть приготовляемо, ибо безъ него офицеры никогда не будутъ знать—что такое боевой строй. Конечно, открыть много большихъ заводовъ будетъ трудно, но къ осуществленію ихъ въ малыхъ размѣрахъ непременно надобно приложить всѣ усилія. Въ настоящее время, вслѣдствіе воспрещенія ввоза иностраннаго оружія на два года, неоткуда его приобрести; арсеналы же нанкинскій и ху-бэй'скій конечно не въ состояніи удовлетворить требованіямъ всего Китая. Поэтому, кромѣ приложенія старанія къ тщательной работѣ на этихъ двухъ арсеналахъ, изысканія средствъ къ ихъ расширенію и открытію при нихъ школъ для обученія офицеровъ, мы полагаемъ бы принять мѣры къ отысканію средствъ для изготовленія на нихъ ружейныхъ и орудійныхъ замковъ и механизмовъ къ снарядамъ для снабженія ими другихъ провинцій въ качествѣ образцовъ, дабы, такимъ образомъ въ вопросѣ о вооруженіи поставить себя внѣ зависимости отъ иностранцевъ и избѣжать непроизводительныхъ расходовъ. Что касается чжилийскихъ (правильнѣе—тиньцзиньскихъ) арсеналовъ и мастерскихъ, то къ возстановленію ихъ, безъ сомнѣнія, будутъ приняты мѣры. Къ рас-

ширенію заводовъ кантонскаго, шань-дунь'скаго и сы-чуань'скаго должны быть приложены всѣ усилія. Затѣмъ въ каждой изъ остальныхъ сѣверныхъ и южныхъ провинцій слѣдуетъ основать по одному заводу, для выдѣлки стали, изготовленія ружей и патроновъ въ нимъ, или ружей и патроновъ, или же наконецъ однихъ патроновъ, смотря по средствамъ. Такъ какъ оборудованіе солидныхъ печей для выдѣлки стали стоитъ большихъ денегъ, то можно бы ограничиться устройствомъ печей, выпускающихъ ежедневно тонны полторы; ружейныхъ заводовъ каждая мастерская могла бы выпускать въ годъ по нѣскольку сотъ, а приборовъ для снарядовъ—по 10—20 тысячъ. Относительно орудій и ружей надобно замѣтить, что потребность въ нихъ очень настоятельна, а приготовленіе ихъ—дѣло очень деликатное и трудное. Между нашими офицерами весьма немного знакомыхъ съ орудіями и ружьями новѣйшихъ системъ—не болѣе 1—2% на сто. Открытіе въ разныхъ провинціяхъ Китая оружейныхъ мастерскихъ въ небольшихъ размѣрахъ дастъ возможность военному элементу ознакомиться съ механизмомъ огнестрѣльнаго оружія и научить осторожному и умѣлому обращенію съ этимъ деликатнымъ и дорогимъ инструментомъ.

IV. Усовершенствованіе земледѣлія.

Китай сталъ государствомъ благодаря земледѣлію. Обширностью земельныхъ пространствъ и теплымъ климатомъ оставляя далеко за собою Европу, онъ является особенно пригоднымъ для земледѣлія. Большое количество земледѣльческихъ продуктовъ является однимъ изъ главныхъ условій богатства народа и довольства государства. При отсутствіи земледѣлія, какъ основанія, промышленному классу нечего будетъ дѣлать, а купцамъ нечего будетъ распространять. За послѣдніе годы въ промышленной и торговой дѣятельности замѣчается нѣкоторый прогрессъ; но въ земледѣльческомъ дѣлѣ виденъ сильный упадокъ и скорѣе движеніе назадъ, чѣмъ впередъ. Дѣло въ томъ, что китайскіе земледѣльцы—по большей части люди трудолюбивые и кроткіе, но глупые, грубые и безграмотные; они воздѣлываютъ только то, что видятъ въ своей деревнѣ, и только тѣми способами, которые практикуются въ ней и передаются стариками изъ рода въ родъ; имъ рѣшительно недоступно ни изслѣдованіе произведеній природы, ни пониманіе новыхъ законовъ и методовъ. Такимъ образомъ, благодаря косности и невѣжеству, они постепенно дошли

до крайней бѣдности. Поэтому, для того, чтобы поставить коренное занятіе въ цвѣтущее положеніе, прежде всего необходимо устроить земледѣліе, а для устройства его—учрежденіе земледѣльческихъ школъ безъ сомнѣнія является предметомъ первой необходимости. Изъ иностранныхъ государствъ земледѣльческими науками особенно занимаются во Франціи и Америкѣ; правда, въ Китаѣ еще мало переводныхъ сочиненій по земледѣлію, но за послѣдніе годы было переведено нѣсколько десятковъ японскихъ сочиненій, отличающихся ясностью и удобопонятностью; при томъ же почва Японіи и ея нравы близки къ китайскимъ, и поэтому весьма многое можно было бы заимствовать отъ нея.

Хотя въ 1898 г. уже изданъ былъ указъ объ учрежденіи провинціальныхъ земледѣльческихъ комитетовъ, но мы полагаемъ бы просить, чтобы новымъ указомъ провинціальнымъ властямъ внушено было серьезнымъ образомъ провести эту мѣру. Затѣмъ, имѣя въ виду, что въ древнія времена въ Китаѣ существовала специальная должность министра земледѣлія, мы вмѣстѣ съ симъ просили бы объ учрежденіи въ Пекинѣ отдѣльнаго министерства земледѣлія, съ специальнымъ министромъ во главѣ, который бы вѣдалъ изслѣдованіемъ и руководствомъ по всѣмъ отраслямъ земледѣлія. Только при условіи порученія этого дѣла одному лицу возможно достигнуть благихъ результатовъ. Такъ какъ главную земледѣльческую школу всего удобнѣе основать при министерствѣ, то и самое министерство должно быть построено за городомъ, на обширномъ пустопорожномъ мѣстѣ, съ свободнымъ полемъ для земледѣльческихъ опытовъ.

Для поощренія земледѣлія предлагаются слѣдующія мѣры: 1) Воспитанниковъ, которые пожелаютъ отправиться въ Японію и представлять свидѣтельство объ окончаніи ими курса въ тамошнихъ земледѣльческихъ школахъ,—смотря по степени ихъ успѣховъ, награждать должностями. Само собою разумѣется, что тѣ изъ воспитанниковъ, которые будутъ отправляться съ этою цѣлью въ Европу и Америку и въ особенности на свой счетъ, въ виду отдаленности пути и продолжительности времени, должны быть поощряемы особеннымъ образомъ. 2) Воздѣйствіе на мѣстную интеллигенцію. Когда всѣ округа и уѣзды будутъ снабжены въ достаточномъ количествѣ руководствами по земледѣлію, тогда провинціальные земледѣльческіе комитеты, сдѣлавъ изъ книгъ по земледѣлію извлеченіе относительно методовъ и произведеній, пригодныхъ для ихъ провинціи, предлагаютъ окружнымъ и уѣзднымъ начальникамъ убѣждать мѣстныхъ старшинъ дѣлать опыты по-

сѣва по даннымъ способамъ и о результатахъ доносить начальству, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе. Затѣмъ, въ каждомъ уѣздѣ слѣдуетъ учредить по одной земледѣльческой конторѣ, въ которой мѣстными волостными старшинами изъ интеллигентовъ обсуждались бы разные вопросы, касающіеся плодородства, лѣсоводства, разведенія хлопка и тутовыхъ деревьевъ и скотоводства, и то, что было бы найдено пригоднымъ по мѣстнымъ условіямъ, разводилось бы и воспитывалось, а бѣднымъ и безземельнымъ поселянамъ оказывалась бы матеріальная помощь. За плодотворную многолѣтнюю дѣятельность въ области земледѣлія, какъ мѣстные начальники, такъ и старшины должны быть поощряемы разными наградами. 3) Руководство деревенскаго темнаго люда, которое должно заключаться въ распространеніи между нимъ отборныхъ сѣмянъ и новыхъ орудій. Послѣднія, по невозможности пріобрѣтенія ихъ въ захолустныхъ уѣздахъ, могли бы быть выписываемы чрезъ главную земледѣльческую контору изъ провинціальныхъ городовъ и затѣмъ по этимъ образцамъ готовиться на мѣстѣ. Но для успѣха дѣла прежде всего необходимо учрежденіе земледѣльческихъ школъ въ главныхъ провинціальныхъ городахъ съ опытными при нихъ фермами. Въ эти школы принимать воспитанниковъ, окончившихъ гимназическій курсъ, съ цѣлью образованія изъ нихъ учителей для уѣздныхъ земледѣльческихъ школъ. Кромѣ того, провинціи должны быть снабжены сѣменами и разными орудіями, конечно наиболѣе простыми, которыя на первыхъ порахъ должны раздаваться бесплатно, чтобы поселяне по этимъ образцамъ сами учились дѣлать ихъ, а впослѣдствіи, по мѣрѣ успѣха, продаваться по самой умѣренной цѣнѣ. Опыты слѣдуетъ начинать съ общеизвѣстныхъ предметовъ, а затѣмъ переходить уже къ спеціальнымъ. Такъ на примѣръ: заняться изученіемъ разныхъ удобреній, постройкою вѣялокъ, турбинъ и принятіемъ мѣръ для истребленія вредныхъ для хлѣба и растений насѣкомыхъ. Въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства совѣтовать сначала заниматься болѣе легкими предметами и не требующими большихъ затратъ, напр., въ лѣсоводствѣ сначала разводить вязъ, тополь, плодовые деревья, а потомъ хвойныя; въ животноводствѣ — сначала птицу и рогатый скотъ, а потомъ лошадей и муловъ. Сначала охранять уже имѣющіяся выгоды, а потомъ уже приниматься за разработку новыхъ, — на примѣръ, наблюдать за большими шелкопрядами, совершенствовать видѣлеу чая, добывать хорошія сѣмена хлопчатника и т. д. Прежде заниматься тѣмъ, что приноситъ скорую выгоду, на примѣръ: приготовленіемъ вина изъ винограда, масла изъ маслич-

ныхъ деревьевъ, извлеченіемъ камфоры изъ камфарнаго дерева.

4) Распахва пустопорожныхъ земель съ отсрочкою обложенія ихъ. Большая часть людей, занимающихся въ настоящее время государственнымъ бюджетомъ, указываетъ на распашку пустопорожныхъ земель какъ на значительный источникъ доходовъ. Но дѣло въ томъ, что пустопорожнія поля потому и не распахиваются, что ихъ облагаютъ податями. Со времени усмиренія тай-пиновъ и нянь-фэй'евъ прошло уже сорокъ лѣтъ, а со времени великаго голода въ Сань-си и Хэ-нани—двадцать лѣтъ; населеніе достигло своей прежней нормы, и благодаря этому плодородныя земли на равнинахъ, по берегамъ рѣкъ и на островахъ всѣ уже распашаны безъ остатка, и подъ именемъ пустопорожныхъ земель разумѣются земли, скрытыя администраціей и воздѣлываемыя сильными людьми. Въ дѣйствительности же нераспаханными остаются только скалы и долины въ глубинахъ горъ, да приморскіе солончаки. Горныя земли мало распахиваются, потому что затраченный трудъ слабо вознаграждается, а также вслѣдствіе частыхъ несчастій въ горахъ, благодаря малонаселенности ихъ. Морскія отмели остаются заброшенными, потому что, благодаря приливамъ, обращающимъ ихъ въ солончаки, воздѣлываніе ихъ требуетъ большихъ затратъ, а результаты получаются медленно, да кромѣ того, при рѣдкомъ населеніи оберегаться нелегко. Впрочемъ, горы, которыхъ въ Китаѣ болѣе, чѣмъ равнинъ, могутъ доставлять выгоду своими лѣсами. Конечно, очень жаль, что горами, тянущимся по широкому побережью на громадномъ разстояніи, предоставлено заростать колючими кустарниками, а морскимъ берегамъ—превращаться въ солончаки. Въ настоящее время, если желаютъ поднять земледѣліе, остается только, при распашкѣ пустырей, освободить ихъ отъ податнаго обложенія на большой срокъ и, кромѣ того, принять мѣры къ поощренію,—напримѣръ, давать какія-нибудь награды людямъ, засѣвающимъ въ горахъ по пятидесяти и болѣе пудовъ хлѣба, или насадившимъ деревьевъ не менѣе тысячи корней. Дѣло въ томъ, что на высокихъ горахъ,—будетъ ли наружный покровъ ихъ состоятъ изъ земли, или камня,—вездѣ можно разводить деревья; совершенно бесплодныхъ горъ весьма мало; поэтому-то въ Америкѣ и Европѣ вовсе не видно обнаженныхъ горъ. Тѣ же самыя льготы и полная свобода въ выборѣ воздѣлываемыхъ растений должны быть предоставлены и лицамъ, заявившимъ желаніе обрабатывать приморскія солончаковыя земли. Что касается низменныхъ острововъ и песчаныхъ банокъ, представляющихъ собою плодородную землю, то, благодаря тайной

распахнѣ, отъ нихъ ничего не осталось; что же касается вновь появляющихся острововъ и бановъ, то бѣдные поселяне, изъ опасенія обваловъ и разливовъ, не осмѣливаются заявлять о нихъ; люди же вліятельные, въ погонѣ за безподатною богатою землею, не всю ее предъявляютъ. Всю эту прописную землю слѣдуетъ привести въ извѣстность, выдать льготныя на уплату съ нея податей свидѣтельства и обратитъ ее въ мѣста для испытанія новыхъ земледѣльческихъ способовъ обработки, вмѣнивъ въ обязанность лицу, воздѣлывавшему ее и изъявившему желаніе производить опыты по новымъ методамъ, заявить, что онъ желаетъ воздѣлывать на ней—крупный американскій хлопокъ, сахарную свекловицу, американское сладкое сорго и дѣлать всевозможнаго рода другія насажденія и посѣвы, или же разводить, по американской системѣ, коровъ и свиней. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, людямъ, достигшимъ извѣстнаго успѣха, отдавать землю во владѣніе и, кромѣ того, награждать ихъ, а у неисполнившихъ принятыхъ на себя обязательствъ—отбирать землю въ казну. Всѣ продукты, полученные съ вышеисчисленныхъ полей разныхъ наименованій, при помощи новыхъ методовъ, при вывозѣ ихъ куда бы то ни было, въ теченіе десяти лѣтъ, освобождать отъ всякихъ пошлинъ и сборовъ. Коль скоро выгоды отъ земли и результаты земледѣльческихъ школъ сдѣлаются очевидными и новое вѣяніе распространится, то, конечно, найдется масса подражателей. Для государства это будетъ громадная и постоянная польза. Кромѣ того, докладчики рекомендуютъ обратить вниманіе на развитіе морского рыбнаго промысла, могущаго доставить громадныя выгоды съ образованіемъ для эксплуатаціи его компаній.

Не ускользаетъ отъ вниманія почтенныхъ докладчиковъ и обширная Маньчжурія съ массою еще нетронутыхъ плодородныхъ полей. Но они находятъ, что эксплуатація этихъ земель одиночными поселянами не можетъ принести большой пользы и что для нея необходимы люди сильные, капиталные, которые могли бы руководить другими. На первыхъ порахъ они рекомендуютъ постановить правила, по которымъ лица, распахавшія извѣстное количество десятинъ нови, будутъ награждаемы классными чинами. Относительно Монголіи они ограничиваются краткимъ замѣчаніемъ, что страна эта, для которой главнымъ средствомъ пропитанія служить скотоводство, за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ съ каждымъ днемъ бѣднѣетъ и князья ея измелъчали. Поэтому, въ видахъ поднятія скотоводства и вообще благосостоянія монголовъ, докладчики просятъ, чтобы

князьямъ и высшимъ китайскимъ властямъ въ Монголіи пригезано было представить свои соображенія.

V.—Поощрѣніе искусствъ и ремесль.

Современные люди утверждаютъ, что богатства западныхъ странъ созданы торговлею, не сознавая того, что въ дѣйствительности они созданы не торговлею, а ремеслами и искусствами. Дѣло въ томъ, что торговля занимается только распространеніемъ уже готовыхъ произведеній, тогда какъ ремесленникъ или техникъ обрабатываетъ сырые продукты, обращая грубое въ тонкое, дешевое въ дорогое и бесполезное въ полезное. Существованіе ремесль и искусствъ обуславливаетъ существованіе продуктовъ, а существованіе этихъ послѣднихъ создаетъ торговлю для распространенія ихъ. Въ одной изъ древнѣйшихъ китайскихъ книгъ сказано, что „ремесла созданы людьми мудрыми“, а въ другой—что „поощрѣніе (собственно,—приглашеніе) разныхъ ремесленниковъ создаетъ достаточное количество полезностей“. Такимъ образомъ, довольство въ государствѣ приписывается ремесленникамъ или техникамъ. Вотъ то важное средство, которымъ древніе мудрые люди обогащали государство. Но дѣло не въ этомъ только. Процвѣтаніе торговли зависитъ отъ степени богатства страны; для полученія солидныхъ излишковъ (барышей) необходимо вполнѣ достаточный капиталъ,—потому здѣсь деньги играютъ роль капитала и процентовъ. Процвѣтаніе же ремесль и искусствъ зависитъ отъ силъ человѣка; искусство одного человѣка создаетъ полезный предметъ для другихъ; такимъ образомъ, тутъ капиталъ и проценты представляетъ уже человѣкъ. У иностранцевъ много богатствъ, а Китай богатъ людьми. Поэтому, еслибы Китай, при изысканіи средствъ къ обогащенію государства, вздумалъ соперничать съ иностранными государствами торговлею, то это было бы для него невозможно,—но онъ, безъ сомнѣнія, можетъ соперничать съ ними ремеслами и искусствами.

Для поощрѣнія ремесль, или техническихъ производствъ, есть слѣдующія мѣры:

1) Учрежденіе техническихъ школь съ механическими мастерскими. Въ эти школы набирать молодыхъ ученыхъ, преподавать имъ физику, химію, математику, механику и черченіе и, по окончаніи курса, назначать ихъ техниками; кромѣ того, принимать въ нихъ способныхъ мальчиковъ, и, обучивъ ихъ искусству обращаться съ машинами и различать матеріалы, а также важнѣй-

шимъ механическимъ манипуляціямъ: плавленію мѣди, кованию желѣза, обработкѣ стали, выдѣлкѣ кожи, обжиганію кирпича и кирпича и другимъ практическимъ знаніямъ, назначать ихъ механиками. Что касается объема курса техническихъ школъ, то въ этомъ случаѣ придется сообразоваться съ средствами и затѣмъ постепенно расширять его, но медлить съ этимъ дѣломъ рѣшительно немислимо.

2) Промышленные музеи. Въ иностранныхъ государствахъ постоянно устраиваются выставки, на которыхъ выставляются и собственные, и иностранные произведенія. Цѣль этихъ выставокъ заключается въ развитіи духа соревнованія и въ стремленіи превзойти другихъ въ тщательности и искусствѣ своихъ произведеній и тѣмъ открыть имъ широкій и предпочтительный сбытъ предъ другими однородными съ ними предметами. Такіе музеи существуютъ и въ Японіи. Въ виду всего этого слѣдуетъ во всѣхъ большихъ торговыхъ центрахъ основать промышленные музеи для всѣхъ мѣстныхъ произведеній, дабы дать возможность ремесленному и промышленному классамъ проникнуться духомъ соревнованія. Дѣло это вовсе нетрудное. Правительству стоитъ только отдать строгій приказъ о дѣйствительномъ приведеніи этой мѣры въ исполненіе и обязать мѣстное начальство представлять ежегодный отчетъ о количествѣ видовъ натуральныхъ и обработанныхъ продуктовъ. Если при прохожденіи товаровъ чрезъ морскія таможи будетъ констатировано значительное увеличеніе названій естественныхъ произведеній и новыхъ орудій, то управляющіе гражданскою и финансовою частями провинціи и директоры таможенъ должны быть удостоиваемы награжденія.

3) Награжденіе чинами отличныхъ мастеровъ. Для проведенія этой мѣры мы осмѣливаемся просить правительство постановить правила, въ силу которыхъ каждый окончившій курсъ въ техническомъ училищѣ техникъ и каждый успѣшно работавшій на фабрикахъ и заводахъ механикъ, по точномъ удостовѣреніи въ ихъ познаніяхъ, были бы удостоиваемы — первый производства въ гражданскій чинъ, а второй — въ низшій военный (?). Само собою разумѣется, что еще большихъ наградъ должны быть удостоиваемы тѣ лица, которыя на собственный счетъ получаютъ техническое образованіе въ заграничныхъ школахъ и на иностранныхъ заводахъ и фабрикахъ.

При совмѣстномъ и одновременномъ дѣйствіи этихъ мѣръ, ремесла и искусства безъ сомнѣнія постепенно будутъ развиваться въ Китаѣ. Простой мастеровой, получающій нынѣ въ

Китай 5—10 долларовъ въ мѣсяць, обучившись, будетъ получать нѣсколько десятковъ долларовъ. Это поведетъ за собою увеличеніе нашего иностраннаго вывоза, а слѣдовательно и повышеніе таможенныхъ доходовъ. Лицамъ, создавшимъ что-либо на основаніи новыхъ, ими самими открытыхъ законовъ, давать патенты на исключительное пользованіе ихъ изобрѣтеніями въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, съ освобожденіемъ ихъ произведеній въ теченіе трехъ лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ и сборовъ. Однимъ словомъ, развитіе и поощреніе разныхъ ремеслъ и искусствъ являются лучшимъ средствомъ къ пропитанію бѣднаго люда, а обработка мѣстныхъ произведеній, или созданіе національной производительности, представляется наилучшимъ способомъ къ прекращенію иностранной эксплуатаціи и безспорно надежнымъ средствомъ къ обогащенію народа и государства.

VI. — Составленіе законовъ горныхъ, желѣзно-дорожныхъ, торговыхъ, для смѣшанныхъ дѣлъ и уголовныхъ.

Огромныя, нетронутыя горныя богатства Китая и желѣзно-дорожное дѣло давно уже служатъ предметомъ возжелѣнной иностранцевъ, которые за послѣднія нѣсколько лѣтъ массами составляютъ синдикаты и являются въ Китай, зная, что въ этихъ отрасляхъ онъ до сихъ поръ еще не составилъ себѣ опредѣленнаго плана и неполнѣ знакомъ съ положеніемъ иностранныхъ государствъ. Пользуясь этимъ, они одурачиваютъ его, захватываютъ выгоды и похищаютъ власть. Одни, получивъ привилегію на разработку горныхъ богатствъ, стараются распространить ее на желѣзныя дороги; другіе, пользуясь желѣзно-дорожными концессіями, добиваются до эксплуатаціи руднаго дѣла. Одному государству посчастливилось въ какой-либо провинціи заручиться полезнымъ предпріятіемъ; вслѣдъ за нимъ другое въ другой провинціи, опираясь на постановленіе договоровъ о равномерномъ участіи въ выгодахъ, основываетъ свой синдикатъ, безцеремонно указывая на нѣсколько провинцій, какъ на область его дѣятельности; каждый старается только напередъ заявить пошире площадь и не давая себѣ отчета въ томъ, когда онъ будетъ въ состояніи приступить къ эксплуатаціи ея. Такъ, за послѣдніе годы Франція въ Юнь-нани и Гуй-чжоу, Германія въ Шань-дунѣ, Англія и Італія въ Сань-си и Хэ-нани давно уже заключили контракты, но, въ виду разногласій въ составленныхъ правилахъ, едва ли все пойдетъ у нихъ удовлетворительно. Те-

черь, по заключеніи мирнаго договора, безъ сомнѣнія, надобно ожидать еще большаго наплыва въ Китай разныхъ иностранныхъ синдикатовъ, которые захватятъ въ свои руки всѣ выгоды и права, и онъ не будетъ имѣть возможности подняться. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и горному дѣлу, въ Китаѣ не будетъ ни одного мѣста, гдѣ бы не было иностранцевъ, которые, пользуясь экстерриториальностью, будутъ самовольно оскорблять и притѣснять туземное населеніе. На долю мѣстной власти останутся одни только труды по охранѣ и поддержанію порядка и расходы по содержанію полицейской стражи, безъ малѣйшей выгоды и безъ возможности сдерживать (иностранцевъ). Что, если въ одно прекрасное утро народъ, не вынеся гнета иностранцевъ, произведетъ беспорядки? Опять это повлечетъ за собою цѣлую массу жертвъ и уплату громаднаго вознагражденія. Трудно себѣ представить весь тотъ вредъ, который произойдетъ отъ этого. Такое положеніе дѣла безусловно требуетъ, чтобы китайское правительство пригласило знаменитыхъ иностранныхъ законовѣдовъ, которые бы, собравъ постановленія и узаконенія разныхъ иностранныхъ государствъ, безпристрастно составили бы единообразныя горныя и желѣзно-дорожныя правила, которыя бы обнимали всѣ, какъ уже разрѣшенныя, такъ и неразрѣшенныя желѣзно-дорожныя и горныя предпріятія, съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы площади имѣли опредѣленныя границы, капиталъ былъ вѣрный, для начала предпріятія былъ назначенъ опредѣленный срокъ, прерогативы правительства оговорены ясно, для защиты иностранцевъ и поддержанія порядка у мѣстнаго начальства были средства, въ выгодахъ одинаково участвовали китайцы и иностранцы, для иностранцевъ существовали нѣкоторыя ограниченія,—тогда бы они нѣсколько поутихли, мирное населеніе избавилось бы отъ притѣсненій и оскорбленій, благодаря чему вражда постепенно исчезнетъ. Что касается беспорядковъ, отъ которыхъ страдаютъ синдикаты и общества, то въ этихъ случаяхъ необходимо вникать въ причины, вызвавшія ихъ. Относительно суда надъ виновными и уплаты вознагражденія за убытки также должны быть установлены извѣстныя ограниченія. Этимъ путемъ огромныя, естественныя выгоды Китая не сбѣлаются для него источникомъ безконечнаго и великаго зла.

Далѣе, со времени открытія взаимныхъ торговыхъ сношеній, вся оптовая торговля сосредоточена въ рукахъ иностранцевъ; китайскіе же купцы ведутъ только мелочную торговлю на мѣстѣ. Причина этого заключается въ томъ, что участіе въ китайско-иностранной торговлѣ—не подъ силу единичнымъ личностямъ.

Всѣ иностранныя фирмы сильны своими капиталами, потому что онѣ представляютъ изъ себя компаніи, въ которыхъ участвуютъ сотни и тысячи людей. Затѣмъ, иностранныя торговля законодательства чрезвычайно обстоятельны и ясны, а правительства ихъ принимаютъ всѣ мѣры къ огражденію интересовъ своихъ подданныхъ; благодаря этому, ихъ торговля съ каждымъ днемъ развивается. Между тѣмъ, Китай всегда относился съ пренебреженіемъ къ своему торговому сословію и не заботился о торговомъ законодательствѣ. Благодаря этому, купцы, въ погонѣ за незаконною наживою, обманываютъ другъ друга; болѣе ловкіе, растративъ чужой капиталъ, скрываются, а простаки платятся. Такая недобросовѣстность ведетъ къ тому, что подписка на акціи для какаго-нибудь предпріятія считается дѣломъ опаснымъ. Поэтому китайскіе купцы не въ силахъ конкурировать съ иностранными. Вдобавокъ къ этому, во всѣхъ коммерческихъ тяжбныхъ процессахъ, въ которыхъ китаецъ является должникомъ иностранца, консулъ требуетъ уплаты самымъ безцеремоннымъ образомъ, а въ обратныхъ случаяхъ часто выказываетъ пристрастіе. Вслѣдствіе этого одни изъ китайскихъ купцовъ, желая воспользоваться нѣкоторыми выгодами, вступаютъ компаньонами въ иностранные дома, а другіе нанимаютъ иностранныхъ авантюристовъ въ качествѣ покровителей и ведутъ торговлю подъ выѣскою иностранной фирмы. Дальнѣйшее промедленіе въ оказаніи дѣйствительной поддержки неминуемо приведетъ къ тому, что всѣ китайскіе купцы окажутся въ кабалѣ у иностранныхъ. Поэтому китайскому правительству настоятельно необходимо создать торговое законодательство, и тогда китайскій купецъ, имѣя въ немъ опору, будетъ дѣйствовать смѣло. Тогда большія транспортныя компаніи могутъ образоваться, большіе заводы и фабрики могутъ создаться, торговля подъ иностранными фирмами можетъ прекратиться. При сравнительно большемъ знакомствѣ китайскихъ купцовъ съ условіями торговли, при сравнительной дешевизнѣ заработной платы и, слѣдовательно, сравнительной экономіи въ расходахъ, по истеченіи десяти лѣтъ, китайскій купецъ можетъ стать на ноги и мало-по-малу будетъ въ состояніи конкурировать съ иностранными купцами. Съ установленіемъ торговаго законодательства нельзя не торопиться еще и потому, что тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о введеніи гербоваго сбора иначе не можетъ быть осуществленъ.

Что касается уголовныхъ законовъ, то, въ виду громадной разницы, существующей между кодексами китайскимъ и иностранными, конечно, трудно будетъ измѣнить ихъ, но, въ виду

того, что въ дѣлахъ, касающихся китайцевъ и иностранцевъ, первые несутъ болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ послѣдніе, и кромѣ того въ самой процедурѣ суда зачастую замѣчается наклонность къ усиленію наказанія для китайцевъ, было бы не бесполезно для разныхъ смѣшанныхъ дѣлъ, за исключеніемъ, конечно, важныхъ миссіонерскихъ дѣлъ, предусмотрѣнныхъ новымъ договоромъ, установить особый уголовный кодексъ, который до известной степени содѣйствовалъ бы успокоенію умовъ и уменьшенію печальныхъ послѣдствій (неравноправности).

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы полагаемъ бы просить о томъ, чтобы министерство иностранныхъ дѣлъ предложило по телеграфу нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ пригласить въ Китай изъ каждаго великаго государства по одному известному законовѣду, которые, состоя при министерствѣ въ качествѣ руководителей по составленію законовъ и руководствуясь иностранными законодательствами, составили бы для Китая въ годичный срокъ (?) краткій и ясный кодексъ законовъ горныхъ, желѣзно-дорожныхъ, торговыхъ и для разбора смѣшанныхъ дѣлъ, т.-е. касающихся китайцевъ и иностранцевъ. Составленный такимъ образомъ кодексъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи его членами министерства иностранныхъ дѣлъ и высочайшемъ утвержденіи, сообщить иностраннымъ правительствамъ для опубликованія и принятія въ руководство (?). Само собою разумѣется, что приглашаемые законовѣды должны быть дѣйствительно лицами известными въ области юридической и участвовавшими въ важныхъ законодательныхъ работахъ. Ничего, что имъ пришлось бы заплатить солидный гонораръ. Ихъ имена вызвали бы уваженіе и довѣріе въ иностранномъ мірѣ, и иностранныя правительства, узнавъ, что китайскій кодексъ законовъ былъ составленъ ими, едва ли бы рѣшились протестовать противъ него. Въ условіяхъ, заключенныхъ съ этими законовѣдами, должно быть сказано, что они подчиняются сановнику, завѣдывающему желѣзно-дорожнымъ и горнымъ дѣломъ, и, по требованію обстоятельствъ, совѣщаются съ прокурорами министерства иностранныхъ дѣлъ. Одновременно съ этимъ при томъ же министерствѣ образовать по всѣмъ вышеупомянутымъ законодательнымъ отдѣламъ юридической институтъ изъ чиновниковъ, магистровъ, кандидатовъ и студентовъ, которые бы во время составленія законовъ занимались переводными работами и перепискою, а по окончаніи работы въ теченіе года или двухъ занимались бы, подъ руководствомъ тѣхъ же составителей законовъ, законовѣднѣемъ и разбирательствомъ судебныхъ дѣлъ. По утвержденіи

этихъ законовъ, всѣ дѣла, касающіяся разработки горныхъ богатствъ, постройки желѣзныхъ дорогъ, компаній, фабрикъ, заводовъ, долговыхъ обязательствъ между китайцами и иностранцами, а также и другихъ смѣшанныхъ дѣлъ, должны быть разбираемы и рѣшаемы на основаніи новыхъ законовъ. Въ случаѣ недовольства сторонъ, онѣ могутъ апеллировать въ столичное горное, желѣзно-дорожное и торговое управленіе, и тогда дѣло или рѣшается въ столицѣ, или командированнымъ на мѣсто, участвовавшимъ въ составленіи законовъ, законовѣдомъ совмѣстно съ окружнымъ инспекторомъ. Приговоръ въ томъ и другомъ случаѣ считается окончательнымъ, не допускающимъ новаго пересмотра дѣла.

Воспитанниковъ столичной юридической школы, по окончаніи теоретическаго и практическаго образованія, подъ руководствомъ иностранныхъ законовѣдцовъ, тотчасъ же назначать въ открытые порта въ качествѣ судей, а на мѣсто ихъ набирать въ институтъ новыхъ воспитанниковъ для приготовленія достаточнаго числа юристовъ. Иностранныхъ законовѣдцовъ, за составленіе законовъ и обученіе воспитанниковъ, можно оставить на постоянное жительство въ столицѣ въ качествѣ совѣтниковъ и профессоровъ въ юридическомъ институтѣ.

VII.—Введеніе въ обращеніе еврейской монеты.

Серебряная монета имѣетъ слѣдующія выгоды: а) благодаря однообразію вѣса и пробы, мелкіе канцелярскіе чиновники (да вѣроятно и не одни они) будутъ лишены возможности дѣлать злоупотребленія и вымогательства, заключавшіяся въ требованіи приплаты для пополненія разницы въ вѣсѣ и лигатурѣ серебра; б) она внесетъ быстроту и искоренитъ обманъ въ торговомъ обмѣнѣ, представляя въ то же время удобства въ путешествіяхъ и при переводахъ; и в) благодаря лигатурѣ, она, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по чеканкѣ, дастъ еще правительству извѣстный остатокъ. Впрочемъ, при упорядоченіи монетнаго обращенія дѣло не въ томъ—будетъ ли остатокъ, или нѣтъ. Въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе соображеніе нѣкоторыхъ лицъ, что, вмѣсто иностранныхъ долларовъ вѣсомъ въ 0,72 лана, обращающихся въ Китаѣ, Китаю слѣдуетъ чеканить свою монету вѣсомъ въ одинъ ланъ, который всегда былъ для него вѣсовой единицею серебра. Это соображеніе, конечно, не безъ основанія. Но для того, чтобы въ опредѣленіи образца монеты и ея вѣса

пользоваться полною самостоятельностью, необходимо предварительно располагать огромными силами; Китай же, при своей финансовой бѣдности и торговой слабости, въ виду будущихъ горшихъ воль, не можетъ въ данномъ вопросѣ явиться самостоятельнымъ законодателемъ. Если его монета по своему вѣсу и достоинству будетъ одинакова съ иностранною монетою, то она еще можетъ имѣть обращеніе наравнѣ съ послѣднею; но если онъ станетъ чеканить свою монету другого вѣса и достоинства, то очень возможно, что иностранныя фирмы въ портахъ не захотятъ принимать ее,—а это, конечно, поведетъ къ тому, что обращеніе ея и во внутреннемъ Китаѣ, безъ сомнѣнія, затруднится. Тѣмъ болѣе немислимо, какъ предлагаютъ нѣкоторые, установленіе разницы при приѣмѣ ея въ казну и выпускѣ изъ нея. Монета можетъ пользоваться довѣріемъ народа и распространяться въ обращеніи только при непремѣнномъ условіи одинаковой стоимости ея, какъ при выпускѣ, такъ и приѣмѣ ея казною, потому что въ противномъ случаѣ она не будетъ имѣть возможности возратить казнѣ то, что было ею выпущено. Невѣроятнымъ послѣдствіемъ этой мѣры было бы обезцѣненіе китайскаго доллара въ торговлѣ, а затѣмъ въ народѣ, и вытѣсненіе его англійскими, мексиканскими, японскими и другими долларами.

VIII. — Введеніе гербовой пошлины.

Въ иностранныхъ государствахъ въ дѣлѣ внутренняго обложенія торговли, за исключеніемъ табаку, вина и опія, для большей части произведеній не существуетъ таможенныхъ пошлинъ, и главный доходъ фиска заключается въ гербовыхъ сборахъ. На всякое условіе, актъ и документъ, касающійся денежныхъ и имущественныхъ дѣлъ, тамъ наклеиваются казенныя марки. Главная идея этого способа взиманія заключается въ обложеніи капитала, а не товара, въ обложеніи уже проданнаго, а не непроданнаго товара. Поэтому иностранцы, объясняя идею гербовыхъ пошлинъ, говорятъ, что это—налогъ съ капитала. Въ настоящее время, заботясь объ изысканіи средствъ, Китай могъ бы у себя ввести этотъ налогъ, тѣмъ болѣе, что, съ увеличеніемъ ввозныхъ пошлинъ на иностранные товары,—о чемъ теперь идетъ рѣчь,—иностранцы, безъ сомнѣнія, потребуютъ отмены внутренняго сбора, извѣстнаго подъ именемъ „ли-цзиня“ (ликина). Этотъ новый налогъ могъ бы служить компенсаціей, или замѣной ликина. Изъ всѣхъ правилъ, касающихся гербовыхъ пошлинъ,

англійскія, въ переводѣ и съ поясненіями сэра Маккартлея, со-
вѣтника китайскаго посольства въ Лондонѣ, отличаются особен-
ною тщательностью; японскія правила, пересмотрѣнные три года
тому назадъ, наиболѣе подходятъ къ условіямъ востока. Но дѣло
въ томъ, что условія Китая и иностранныхъ государствъ раз-
личны. Иностранное вупечество богато, народъ отличается до-
вольствомъ, цѣны на имущество высоки и денежныя обороты
большіе,—поэтому и сборы громадны. Въ Китаѣ же вупечество
бѣдное, народъ живетъ въ нуждѣ, имущества малыя и обороты
также незначительны. Благодаря этому, и гербовый доходъ съ
разныхъ условій, договоровъ, актовъ, траттъ, веселей, товарныхъ
накладныхъ—будетъ ограниченный. Въ Англии статья о наслѣд-
ственномъ имуществѣ даетъ казнѣ весьма большой доходъ; тамъ
наибольшій налогъ падаетъ на имущества, наслѣдуемые род-
ственниками боковыхъ линій и друзьями. Общій ежегодный до-
ходъ Англии отъ гербоваго сбора составляетъ около 14 милл.
фунт. стерл., изъ коихъ наслѣдственные имущества даютъ около
8 милліоновъ. Въ Китаѣ имущества скромны, и къ тому же пере-
ходятъ къ дѣтямъ и внукамъ; въ виду этого, доходъ казны отъ
наслѣдуемыхъ имуществъ не можетъ быть значителенъ. Впро-
чемъ, введеніе этого рода налога могло бы дать китайской казнѣ
7—9 милл. рублей; но система контроля надъ лицами, наслѣ-
дующими имущество, и установленіе градаціи налога—дѣло весьма
сложное и тонкое. Установленіе гербоваго сбора даже во Фран-
ціи и Англии на первыхъ порахъ встрѣтило массу затрудненій,
и только послѣ вторичнаго измѣненія дѣло пошло успѣшно. Въ
Китаѣ, при введеніи этого налога, всеконечно будетъ много укры-
вательствъ, но особенная придирчивость въ этомъ случаѣ повела
бы къ безпокойствамъ. Поэтому, правительству остается только
держаться нѣсколько либеральной системы и не рассчитывать
на немедленный успѣхъ этой мѣры, который можетъ сказаться
по истеченіи десятка лѣтъ, когда система контроля постепенно
усовершенствуется.

IX. — Развитие почтоваго дѣла.

Въ иностранныхъ государствахъ почтовое дѣло составляетъ
одну изъ значительныхъ доходныхъ статей, доставляющихъ казнѣ
десятки милліоновъ, не говоря уже о чрезвычайно быстрой передачѣ
корреспонденціи. Между тѣмъ какъ въ Китаѣ, наоборотъ, оно яв-
ляется одною изъ статей значительнаго расхода, а корреспонденція

идеть чрезвычайно медленно. Ясно, что это дѣло безусловно требуетъ преобразованій. Въ округахъ и уѣздахъ, гдѣ есть почтовые станціи, это происходитъ отъ недостатка лошадей и ихъ плохого содержанія, обусловливаемыхъ злоупотребленіями мѣстнаго начальства и станціонныхъ чиновъ. По этимъ станціямъ, существующимъ исключительно для перевозки казенной корреспонденціи, отправляется иногда частная корреспонденція чиновниковъ и другихъ почетныхъ лицъ, для чего прибавляются лошади. Въ тѣхъ же округахъ и уѣздахъ, которые лежатъ внѣ почтоваго тракта, для передачи казенной корреспонденціи учреждены особые пѣшеходные станки, а военная корреспонденція передается по пикетамъ. Этотъ послѣдній способъ еще медленнѣе, чѣмъ первый.

Въ виду отсутствія почтовыхъ конторъ въ Китаѣ, англичане, нѣмцы, американцы и японцы учредили тамъ свои почтовые конторы, предвосхитивъ, такимъ образомъ, вопреки международному праву, привилегіи и выгоды Китая. Въ 1895 г. послѣдовалъ указъ, которымъ генераль-инспектору таможенъ повелѣно было поторопиться устройствомъ почтоваго дѣла, а въ слѣдующемъ году имъ уже были открыты въ портовыхъ городахъ почтовые конторы, со включеніемъ ихъ въ вѣдѣніе инспекторовъ морскихъ таможенъ. Благодаря этому, какъ казенная, такъ и частная корреспонденція между приморскими и при-янъ-цзы-цзянскими пунктами стала передаваться гораздо быстрѣе и дешевле. Запретивъ китайскимъ частнымъ почтовымъ конторамъ отправлять свою корреспонденцію съ пароходами и опасаясь съ ихъ стороны безпорядковъ, генераль-инспекторъ морскихъ таможенъ оставилъ за ними пересылку корреспонденціи внутри Китая, съ тѣмъ, чтобы она направляема была въ правительственныя конторы при таможняхъ, съ уплатою за дальнѣйшее отправленіе ея 10 центовъ (копѣекъ) за каждый фунтовой пакетъ, заключавшій иногда до 50 писемъ. Благодаря этому, вновь учрежденныя почтовые конторы далеко не окупали себя. Въ настоящее время мы полагаемъ бы во всѣхъ округахъ и уѣздахъ открыть повсемѣстно почтовые конторы, съ подчиненіемъ ихъ мѣстнымъ окружнымъ и уѣзднымъ начальникамъ, поручивъ главному почтовому управленію провинціи озаботиться составленіемъ для нихъ правилъ и снабженіемъ ихъ марками. На содержаніе почтовыхъ конторъ обратить всѣ суммы, отпускаемыя нынѣ на содержаніе почтовыхъ станцій и станковъ. Для перевозки почты во внутреннемъ Китаѣ, по рѣкамъ, имѣть быстроходныя лодки, а по сушѣ—быстрыхъ лошадей и здоровую прислугу. Эти почтовые конторы обязаны отправлять какъ казенную, такъ и частную корреспонденцію

денцію. Въ видахъ развитія почтоваго дѣла, тарифъ долженъ быть умѣренный. Разрѣшить отправку денегъ и переводовъ на сумму не свыше десяти долларовъ (по курсу—около 10 рублей) на каждое отправленіе. Существующія частныя или торговыя почтовыя конторы предоставить самимъ себѣ и дозволить каждому отправлять свою корреспонденцію по своему усмотрѣнію, чрезъ казенныя или частныя почтовыя конторы. Если казенная такса будетъ умѣренна, то само собою разумѣется, что число клиентовъ казенныхъ почтовыхъ учрежденій съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться. Сумму доходовъ каждой почтовой станціи, опредѣляемую количествомъ проданныхъ ею марокъ, вычитать въ слѣдующемъ году изъ суммъ, отпускаемыхъ казною на содержаніе почтовыхъ станцій въ районѣ данной конторы. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, при увеличеніи почтовыхъ доходовъ, расходы по содержанію станцій будутъ пропорціонально уменьшаться, и по истеченіи десяти лѣтъ, когда денегъ, взимаемыхъ за письма, будетъ вполне достаточно для содержанія конторъ, расходы казны по содержанію станцій составятъ чистую экономію. Само собою разумѣется, что, при слабомъ, сравнительно съ иностранными государствами, распространеніи грамотности въ Китаѣ, нельзя разсчитывать на немедленный чистый доходъ отъ почтоваго дѣла; но если только расходы по содержанію станцій будутъ оплачиваться доходами почтовыхъ конторъ, то одно это дастъ казнѣ сбереженія около 5 милл. рублей. Организацію пересылки почтовой корреспонденціи на лодежахъ, лошадяхъ или на людяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, предоставить мѣстнымъ уѣзднымъ начальникамъ, поставивъ имъ главнымъ условіемъ быстроту и надежность. Въ видахъ экономіи, въ уѣздахъ помѣщать почтовыя конторы при уѣздныхъ управленіяхъ, а въ отдѣленіяхъ ихъ, открываемыхъ въ торговыхъ мѣстечкахъ, лицо, командированное для несложнаго дѣла продажи марокъ, приѣма писемъ и уплаты за нихъ денегъ, можетъ помѣщаться въ гостинницѣ, или же самая эта операція можетъ быть поручена какому-либо торговому заведенію. Вообще, почтовое дѣло полезно для государства, удобно для народа, безвредно для торговыхъ почтовыхъ конторъ и не причиняетъ никакого ущерба окружнымъ и уѣзднымъ начальникамъ, которые изъ чистаго дохода казны, когда таковой будетъ, имѣютъ еще получать вознагражденіе въ размѣрѣ 30⁰/. Пересылку корреспонденціи въ портовыхъ городахъ, гдѣ таковая производится пароходами, оставить пока въ вѣдѣніи морской таможни, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ—подчинить окружнымъ и уѣзднымъ

начальникамъ. Конечно, было бы лучше со временемъ и портовые конторы изъять изъ вѣдѣнія таможи. Что же касается иностранныхъ державъ, то имъ слѣдуетъ объявить, что Китай также приступить къ почтовому союзу; но въ настоящее время, въ виду незначительности корреспонденціи, обмѣниваемой между нимъ и иностранцами, онъ еще можетъ повременить съ этимъ. Для пресѣченія иностранцамъ повода къ вмѣшательству во внутреннее управленіе Китая, не слѣдуетъ допускать иностранцевъ на службу по вновь образуемому почтовому управленію внутри страны. До подчиненія портовыхъ почтовыхъ конторъ окружнымъ и уѣзднымъ начальникамъ, корреспонденція, обмѣниваемая между внутреннимъ Китаемъ и портовыми городами, при слѣдованіи изнутри страны, должна быть снабжена еще марками портового почтового вѣдомства, стоимостью въ 1 фыль (около 1¹/₂ коп.), а при слѣдованіи изъ портовыхъ городовъ—наоборотъ. Желѣзные дороги, въ благодарность правительству за защиту и покровительство, должны отправлять корреспонденцію вмѣстѣ съ слѣдующими при ней почтальонами бесплатно. Такая простая постановка почтового дѣла, безъ учрежденія для него особаго спеціальнаго вѣдомства, по мнѣнію докладчиковъ, еслибы и не дала большихъ выгодъ, во всякомъ случаѣ не принесла бы вреда.

Х. — ОПІУМНАЯ КАЗЕННАЯ МОНОПОЛІЯ.

Вопросъ объ изысканіи средствъ является нынѣ дѣломъ самымъ настоятельнымъ; однако, собирая и выкапывая ихъ по мелочамъ, трудно составить значительную сумму. Съ отмѣною ликиннаго сбора, новое увеличеніе цѣны на соль, послѣ неоднократныхъ надбавокъ, черезчуръ увеличило бы ея стоимость. Остается только увеличить цѣну на опіумъ, обративъ его въ казенную монополію, подобно тому, какъ съ нимъ поступаютъ японцы на Формозѣ, или испанцы—съ манильскимъ табакомъ. Мѣра эта, не причиняя вреда народу, доставила бы значительный доходъ казнѣ.

Изъ торговаго отчета морской таможи мы видимъ, что въ 1899 году въ Китай ввезено было опіума 59.161 пикюль (= 143 русск. фунт.), а за предшествовавшія пять лѣтъ—въ среднемъ около 50.000 пикюль, при максимум'ѣ въ 63.100 пие. и минимум'ѣ—48.900 пикюль. Общая продажная стоимость его при максимум'ѣ составляетъ 50 милл. ланъ (ланъ = 1 р. 40 к.). Мы полагаемъ бы, чтобы весь опіумъ, вывозимый въ Китай, по-

купался казенными складами и раздавался торговымъ домамъ для продажи по всему Китаю съ надбавкою 20⁰/₀ противъ рыночной цѣны. Отъ этой операціи, за уплатою слѣдующихъ морской таможеннѣ пошлинѣ, казна могла бы ежегодно получать дохода около 10 милл. ланѣ, а за исключеніемъ расходовъ по устройству казенныхъ складовъ и крейсеровъ для преслѣдованія контрабанды и уплаты ⁰/₀ и погашенія займа въ 10 милл. ланѣ, необходимаго для первоначальной постановки этого дѣла, казна все-таки имѣла бы милліоновъ семь ежегоднаго чистаго дохода. Еслибы, послѣ годичнаго опыта, оказались хорошіе результаты, то можно было бы надбавить еще 10⁰/₀, и при дальнѣйшемъ благопріятномъ сбытѣ опіи—довести эту надбавку даже до удвоенія рыночной стоимости продукта безъ всякаго вреда для хорошаго населенія. Такая надбавка на опіумъ едва-ли поведетъ къ уменьшенію его сбыта, противъ чего могла бы протестовать Англія. Доказательствомъ этого можетъ служить надбавка на мѣстный опіумъ два года тому назадъ, которая, однако, не отразилась вредно на сбытѣ этого продукта. Впрочемъ, въ случаѣ необходимости, эта надбавка можетъ быть временно уменьшена и даже совсѣмъ отмѣнена безъ существеннаго ущерба для казны. До изготовленія крейсеровъ для таможенной службы, обязанности преслѣдованія контрабанды могутъ быть временно возложены на военныя суда сѣверной и южной флотилій, что послужитъ къ нѣкоторому сбереженію расходовъ.

Вообще, относительно урегулированія вопроса объ опіумѣ надлежитъ предварительно заключить съ Англіей особое соглашеніе, по которому Китай въ теченіе двухъ лѣтъ обязался бы сбывать не болѣе 60.000 пикблей этого продукта, каковою цифрою слѣдуетъ ограничить ввозъ его въ Китай. По истеченіи двухъ лѣтъ, сообразуясь съ обстоятельствами, можно будетъ заключить дополнительное соглашеніе. Надобно полагать, что, въ виду увеличенія сбыта опіума съ 1899 г., Англія охотно согласится на такую фиксацію. Однако, при этомъ необходимо будетъ принять мѣры противъ незаконнаго ввоза его китайскими купцами; а между тѣмъ, безъ дѣятельнаго содѣйствія Англіи, мы рѣшительно не въ состояніи будемъ совершенно прекратить его—при помощи одного таможеннаго надзора. Стѣбить только Англіи запретить продажу опіума частнымъ китайцамъ—и контрабандная торговля имъ немедленно прекратится. Въ этомъ и заключается главный ключъ къ рѣшенію этого вопроса. Если Англія согласится на заключеніе и дѣйствительное исполненіе такого рода соглашенія, то для китайской казны будетъ обезпеченъ громад-

ный источникъ дохода. Главное завѣдываніе этимъ дѣломъ должно быть поручено честному и вполне надежному китайскому сановнику, который имѣлъ бы свою резиденцію въ Шанхаѣ.

XI. — Распространеніе въ переводѣ разныхъ иностранныхъ сочиненій.

Желая позаимствовать иностранные способы для государственнаго благоустройства, необходимо перевести на китайскій языкъ побольше книгъ научнаго и политическаго содержанія. Для перевода книгъ можно указать три способа: а) предложить провинціальнымъ властямъ озаботиться переводомъ книгъ, разрѣшивъ имъ представлять къ наградамъ отличившихся; но само собою разумѣется, въ виду ограниченности средствъ, этимъ путемъ нельзя много перевести; б) объявить высочайшимъ указомъ по всѣмъ провинціямъ, что кто изъ кандидатовъ или студентовъ переведетъ полезную иностранную книгу, тотъ будетъ удостоиваемъ награжденія штатною должностью или чиномъ, а самый переводъ будетъ разсылаемъ по провинціямъ для отпечатанія и опубликованія. Это, конечно, сократитъ расходы. Но дѣло въ томъ, что солидныхъ иностранныхъ книгъ, распространенныхъ въ Китаѣ, весьма немного, и при томъ онѣ не изъ лучшихъ; в) приказать китайскимъ представителямъ въ чужихъ краяхъ, чтобы каждый изъ нихъ пріобрѣталъ въ той странѣ, въ которой онъ аккредитованъ, вновь выходящія важнѣйшія и лучшія сочиненія, поручая переводъ ихъ специально приглашенному, въ качествѣ переводчика, мѣстному ученому, и вмѣнивъ въ обязанность состоящимъ при посольствѣ чиновникамъ и студентамъ помогать ему въ этой работѣ, въ качествѣ вторыхъ и третьихъ переводчиковъ, смотря по степени ихъ познаній въ китайской стилистикѣ и иностранномъ языкѣ, причемъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ иностранными языками и не отличающихся въ китайской стилистикѣ, не назначать на эти должности при посольствахъ. Каждый изъ такихъ чиновниковъ и студентовъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, долженъ перевести извѣстное число книгъ и, по возвращеніи въ Китай, представить ихъ по начальству. При этомъ, лицъ, переведшихъ слишкомъ мало или съ пропусками, не дозволить представлять къ наградамъ. Благодаря такому порядку, лица, отправившіяся за границу съ слабыми познаніями въ иностранныхъ языкахъ, по возвращеніи оттуда, конечно, окажутся хорошими знатоками ихъ. Такимъ образомъ,

кромѣ непосредственной большой пользы для нихъ самихъ, всѣ переведенныя ими книги будутъ дѣйствительно полезными. Но, въ сожалѣнію, это не можетъ быть сдѣлано скоро. Поэтому мы рекомендовали бы удвоить штатъ attachés и студентовъ при посольствѣ въ Токио и поручить имъ переводы книгъ, которые, тотчасъ же по изготовленіи, высылать въ Китай для печатанія и распространенія. Дѣло въ томъ, что въ Японіи сочиненія политическія и научныя, или самостоятельныя, или переводныя, или же взятая съ иностранныхъ и исправленныя ими, болѣе подходят къ бытовымъ и физическимъ условіямъ Китая; кромѣ того, изученіе японскаго языка и письменности сравнительно легче; хорошій знатокъ китайскаго языка въ полгода можетъ научиться дѣлать переводы. Такимъ образомъ, переводы будутъ тщательныя и притомъ сдѣланы быстро.

Всѣ вышеизложенныя статьи, касающіяся важнѣйшихъ и неотложныхъ вопросовъ, не изучать никого, если ихъ огласить, и не причинять вреда народу, если ихъ приложить въ государственномъ управленіи. Онѣ не представляютъ собою ничего новаго и необыкновеннаго, потому что, относительно приведенія большей части изъ нихъ въ исполненіе, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ разновременно были издаваемы указы; здѣсь онѣ являются только въ болѣе расширенномъ видѣ, въ надеждѣ достигнуть облегченія настоящаго критическаго положенія; но главная идея ихъ заключается въ изслѣдованіи основаній богатства и силы западныхъ народовъ и уясненіи сущности ихъ инстинктовъ.

Въ заключеніе почтенные докладчики, повергая на мудрое воззрѣніе ихъ величества свои соображенія, просятъ о скорѣйшемъ осуществленіи ихъ, полагая, что, при видѣ таковаго энергичнаго стремленія Китая сдѣлаться сильнымъ, иностранцы, мало-по-малу перестанутъ презирать и оскорблять его.

Мы взяли на себя изложить съ достаточною полнотою этотъ, безъ сомнѣнія, весьма важный докладъ двухъ наиболѣе опытныхъ, вліятельныхъ и, по-своему, здравомыслящихъ государственныхъ людей Китая для того, чтобы каждый могъ вполне самостоятельно отнестись какъ къ достоинствамъ, такъ и къ недостаткамъ его, а также видѣть и оцѣнить мотивы, направленіе и конечную цѣль преобразовательной политики Китая и тѣ средства и способы, которыми онъ думаетъ достигнуть ея. Но, съ своей стороны, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что когда эти китайскіе по-

литви говорятъ, что „развитіе и поощреніе ремеслъ и искусствъ является лучшимъ средствомъ къ пропитанію бѣднаго люда, а созданіе національной производительности представляется наилучшимъ способомъ къ прекращенію иностранной эксплуатаціи и безспорно надежнымъ средствомъ къ обогащенію народа и государства“,—то они стали на совершенно вѣрную точку зрѣнія и отыскали ту силу, при помощи которой они безъ всякаго кровопролитія могутъ отдѣлаться отъ ненавистныхъ и дорого стоющихъ Китаю иностранцевъ. Въ этой борьбѣ всѣ шансы на сторонѣ Китая. Ни одна страна въ мірѣ не располагаетъ такимъ неисчерпаемымъ запасомъ матеріала для всякаго рода производительной и промышленной дѣятельности, такою массою дешеваго труда и такими обширными внутренними рынками. Съ такою силою, если только китайцы пронижутся недостающимъ имъ теперь духомъ единства и сознанія общихъ интересовъ, никакая конкуренція будетъ невозможна, и всѣ иностранные антрепренеры вынуждены будутъ добровольно покинуть насиженные ими злыя мѣста, или же удовольствоваться, и то временно, скромною ролью распространителей китайскихъ произведеній на иностранныхъ рынкахъ. Первымъ предвѣстникомъ этого новаго вѣянія, по нашему мнѣнію, является такое скромное дѣло, какъ основаніе въ Пекинѣ однимъ филантропомъ ремесленно-промышленнаго дома, съ цѣлью дать заработокъ мастерамъ и ремесленникамъ, лишившимся, во время ихэтуанскаго мятежа и послѣдовавшаго за нимъ занятія Пекина союзными войсками, всякихъ средствъ къ существованію, а также содѣйствовать и усовершенствованію разныхъ производствъ, и приспособленію ихъ ко вкусу иностранцевъ. Этотъ домъ считаетъ свое существованіе только мѣсяцами, а между тѣмъ, по доходащимъ до насъ свѣдѣніямъ, выдѣлываемые имъ ковры и cloisonés, или фалани, уже и теперь, своими рисунками и тонкостью работы, значительно превосходятъ то, что мы привыкли видѣть годъ тому назадъ. Починъ этотъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ быстро находитъ подражателей въ другихъ провинціяхъ Китая.

Какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ, болѣе обширныхъ предпріятіяхъ, и даже во всѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ, что это можно видѣть и изъ доклада Чжана и Лю,—Китай найдетъ желанныхъ и готовыхъ ко всякимъ услугамъ руководителей и наставниковъ въ лицѣ просвѣщенныхъ японцевъ, которые глубоко обдуманно, послѣдовательно, но, конечно, не безкорыстно, стремятся захватить въ свои руки монополію просвѣщенія и реформированія своихъ собратьевъ; послѣдніе, горя не-

удержимымъ и весьма естественнымъ желаніемъ поскорѣе освободиться изъ-подъ тяжелаго гнета иностранцевъ, въ виду близости Японіи, единства письменнаго языка, сходства въ нравахъ и обычаяхъ и дешевизны, начинаютъ широко пользоваться ея совѣтами и опытностью. Какое положеніе займетъ, вслѣдствіе этого, Японія въ Китаѣ и какія будутъ послѣдствія его для общей политики,—мы, пока, не рѣшаемся высказать по этому предмету своего мнѣнія.

П. Поповъ.

Январь 1902.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Давно ужъ молодость промчалась,
И только память лишь осталась
    О томъ, какъ чудно хороши
    Вы—заблужденья
    И наслажденья
    Моей души!

О томъ, какъ пылко сердце билось,
Какъ въ міръ невѣдомый просилось
    Волшебной, чистой красоты,
    Гдѣ такъ отрадно,
    Куда такъ жадно
    Летять мечты.

Гдѣ видѣлъ я безъ покрывала
Тотъ свѣтлый образъ идеала,
    Который въ душу мнѣ влагалъ
    Пыль вдохновенья,
    Даръ пѣснопѣнья
    И пробуждалъ...

Да,—пробуждалъ и звалъ поэта
Изъ царства мрака къ царству свѣта,
    Гдѣ все—любовь, гдѣ злобы нѣтъ,
    Гдѣ умиленный
    И вдохновленный
    Ты пѣлъ, поэтъ!

Я устарѣлъ, но вы,—вы живы,
 Тѣ вдохновенія приливы,
 Что я когда-то ощущалъ;
 Во мнѣ остался
 И не распался
 Мой идеаль.

Ему-то я, моей святынѣ,
 Слагаю пѣсни и донинѣ,
 Хотя во мнѣ уже теперь
 Угасли силы,
 Хотя могилы
 Открыта дверь.

II.

ПРИРОДА И ИСКУССТВО.

Рожь зацвѣла на поляхъ... Холодеомъ ароматнымъ,
 Только лишь спустишься съ горы въ сырую лоцину,
 Такъ вотъ тебя и обдасть всего; съ чувствомъ пріятнымъ
 Смотришь на все ты воеругъ. Да, такую картину

Вамъ ни одинъ, самый лучший артистъ не сдумѣтъ
 Кистью искусной такъ живо и ярко представить.
 Въ этой картинѣ все правдою жизненной вѣтъ;
 Правду жъ живую такъ трудно улечься заставить

Въ грубомъ холстѣ, разноцвѣтною красвой покрытомъ.
 Какъ ни трудись ты, художникъ,—все будетъ напрасно.
 Нѣтъ! не тебѣ завладѣть тѣмъ живымъ колоритомъ,
 Тѣми цвѣтами, что смѣло, легко такъ и страстно

Въ каждый малѣйшій предметъ, что ее окружаетъ,
 Въ каждый листочекъ и въ каждую каплю росинки
 Щедрой рукой, беззаботно природа бросаетъ,
 Давши отъбною особымъ для каждой картинки.

Выйдемъ, милый мой, въ поле,—тамъ пищу получить
 Взоръ не одинъ нашъ, а всѣ безъ изыятія чувства.
 Тамъ умъ нашъ пойметъ лишь, тамъ только изучитъ
 Всю силу природы, всю слабость и бѣдность искусства.

III.

ВЪ ТЯЖЕЛУЮ МИНУТУ.

Сердце тоскливо такъ бьется,
Грусть на душѣ безъисходная;
Горькой слезой не напьется
Счастія жажда бесплодная.

Все, что мнѣ радость сулило,
Все, съ чѣмъ такъ сердце слюбилося,
Все мнѣ теперь опостыло,
Въ горечь одну обратилося.

Мысли приходятъ невольно
Грустныя все, невеселыя;
Сердцу и горько, и больно
Въ эти минуты тяжелыя.

Гаснуть мечты, исчезаютъ
Вмѣстѣ съ надеждой на счастье,
Острую боль вызываютъ
Ласки, привѣтъ и участіе.

Радъ бы я—призракомъ блѣднымъ
Въ вѣчную бездну забвенія
Такъ и исчезнуть безслѣднымъ
Въ тяжкія эти мгновенія.

Радъ бы,—да брренное тѣло
Живо еще и не сброшено;—
Высохнуть, звать, не успѣло
Все, что давно имъ подвошено!

IV.

Словно змѣй, сверкая
Чешуей стальною,
Съ горь родныхъ сбѣгая
Шумною волною,

Молодая вѣчно,
 Полная свободы,
 Въ даль несетъ безопасно
 Рѣчка свои воды.

Нѣтъ у ней печали,
 Нѣтъ болѣзни, горя,
 Изъ-за синей дали
 Грезятся ей моря

Тихія объятя,
 И туда-то, полны
 Страстной жажды счастья,
 Мчатся ея волны,—

Мчатся и не знаютъ,
 Что въ морскомъ просторѣ
 Бѣдныхъ ожидаютъ
 И печаль, и горе;

Что на дѣтскій лепетъ
 Страстнаго признанья
 Море не отвѣтитъ
 Нѣгою лобзанья,

А разброситъ грозно
 Ихъ по всей пучинѣ,—
 И заплачутъ слѣзно
 Волны на чужбинѣ.

Владимиръ Марковъ.

08/01 10
592

РОССІЯ

и

ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРИАРХІЯ

ПОСЛѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

1856—1860 гг.

По неизданнымъ матеріаламъ¹⁾.

I.—ИНСТРУКЦІИ РУССКОМУ ПОСЛАНИКУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ
ПОСЛѢ ПАРИЖСКАГО МИРА 1856 г.

Въ царствованіе императора Николая I Россія занимала совершенно исключительное, по вліянію своему, положеніе на Востокѣ. Вліяніе это создано предшествовавшими войнами нашими съ Турціей, а также и настойчивыми усиліями русской дипломатіи въ теченіе многихъ лѣтъ. Послѣ періода вооруженной борьбы наступило тогда время для мирной, хотя и не менѣе

¹⁾ Считаю долгомъ выразить глубокую благодарность г. императорскому послу въ Константинополь, И. А. Зиновьеву, за данное имъ разрѣшеніе пользоваться архивами константинопольскаго посольства 1856—1860 годовъ. Почерпнуты изъ этихъ архивовъ данныя легли въ основаніе настоящаго очерка. Нисколько не претендуя на разностороннее освѣщеніе затронутыхъ въ немъ вопросовъ, мы полагаемъ главною своею задачею использовать имѣвшіеся у насъ подъ рукою неизданные матеріалы. Въ зависимости отъ этого, въ самомъ изложеніи уделено больше мѣста тѣмъ событіямъ, о которыхъ нашлись болѣе подробныя свѣдѣнія въ архивахъ; зато, съ другой стороны, пришлось упоминать съ меньшею, конечно, обстоятельностью о мно-

упорной борьбы во имя тѣхъ культурно-историческихъ задачъ, которыя навязаны были Россіи на Востокѣ ея географическимъ положеніемъ и завѣтами отечественной исторіи. Вліяніе Россіи на Востокѣ было не только простымъ фактомъ дѣйствительности, — оно являлось вмѣстѣ и фактомъ права, опираясь на отдѣльные обязательства, принятыя на себя въ разное время Турціей, и которыя, въ общей сложности, составляли юридическую основу нашего воздѣйствія на Порту.

Трактаты, заключенные между Россіею и Турціею, касались отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ въ зависимости отъ требованій данной минуты. Наша дипломатія умѣла, однако, искусно и какъ бы мимоходомъ вставлять въ договоры статьи общаго характера, которыя были для насъ важны, какъ точки опоры для политическаго дѣйствованія нашего въ Турціи. Въ этомъ отношеніи образцовымъ можетъ считаться кучукъ-кайнарджійскій мирный договоръ 1774 года, въ различныхъ статьяхъ котораго не безъ намѣренія разбросаны постановленія, предоставляющія Россіи права покровительства христіанамъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Осторожная политика побуждала нашихъ дипломатовъ довольствоваться такими отдѣльно обоснованными преимуществами, которыхъ никакая другая держава не въ силахъ была оспаривать у Россіи. Наше правительство не искало закрѣпленія своихъ привилегій какимъ-либо единымъ и принципиальнымъ актомъ, способнымъ возбудить недовѣріе и вооружить противъ себя соперничество.

Первымъ отступленіемъ отъ этого образа дѣйствій было заключеніе въ 1833 году знаменитаго ункіаръ-искелессійскаго договора, въ силу котораго Россія должна была, по требованію султана, въ случаѣ нужды, придти ему на помощь военными и морскими силами, а Турція обязывалась закрыть Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ судовъ. Успѣхъ, достигнутый Россіей, казалось, былъ блестящій. На самомъ же дѣлѣ можно сомнѣваться въ степени его практичности. По мнѣнію специалистовъ военно-морского дѣла, оборона Дарданеллъ и въ настоящее время едва ли достаточно обезпечена, несмотря на значительныя выгоды самаго мѣстоположенія ¹⁾). Тѣмъ меньше

гихъ фактахъ, хотя и имѣющихъ серьезное значеніе, но къ уясненію коихъ наши матеріалы не давали данныхъ. Таково, напр., начинавшееся во вторую половину 50-хъ годовъ движеніе среди славянъ. Нѣкоторыя депеши за указанное время были напечатаны въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ“. Спб. 1886.—*Авт.*

¹⁾ См., напр., Général Brialmont: „La défense des côtes et des têtes de pont.

можно было рассчитывать въ 1833 году на способность Турціи оказать серьезный отпоръ европейской эскадрѣ, которая пожелала бы пройти въ Мраморное море. Такимъ образомъ успѣхъ Россіи былъ скорѣе вѣшній. Тѣмъ не менѣе, договоръ этотъ заволновалъ общественное мнѣніе всей Европы и вооружилъ противъ насъ правительства Англии и Франціи, уже давно относившіяся съ крайнимъ недоумѣніемъ къ возростающему могуществу Россіи и влиянію ея на Востокъ. Желая дать яркое доказательство своего миролюбія, императоръ Николай Павловичъ, по истеченіи срока договора, не только не возобновилъ его, но согласился замѣнить его коллективнымъ актомъ европейскихъ державъ, провозглашавшимъ закрытіе проливовъ для всѣхъ безъ исключенія иностранныхъ военныхъ судовъ въ мирное время.

Таково содержаніе лондонской конвенціи 1841 года ¹⁾.

Согласившись участвовать въ коллективной гарантіи суверенныхъ правъ султана относительно проливовъ, Россія признавала въ принципѣ за европейскими державами одинаковое съ собою право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи. Этимъ самымъ она какъ бы отрекалась до нѣкоторой степени отъ своего особаго положенія на Востокѣ, купленнаго ею дорогою цѣною. Не будь ункіарь-искелессійскаго договора, Россіи не пришлось бы поступаться своими историческими прерогативами.

Къ сожалѣнію, неудача эта не была достаточно сознаана русскимъ правительствомъ и не послужила для него полезнымъ предостереженіемъ. Въ то же царствованіе Россія вторично уклонилась отъ политики медленнаго поступательнаго движенія на Востокъ и пожелала формально закрѣпить за собою въ полномъ объемѣ давно уже осуществлявшіяся ею фактическія права покровительства восточнымъ единоувѣрцамъ. Какъ извѣстно, предъявленное нашимъ правительствомъ требованіе въ этомъ смыслѣ было ближайшимъ поводомъ къ крымской войнѣ ²⁾. Злополуч-

permanentes". Bruxelles, 1896. Авторъ, осматривавшій укрѣпленія Дарданеллъ, по порученію турецкаго правительства, приходитъ къ заключенію, что дѣло обороны не подвинулось съ 1807 г., когда англійскій флотъ форсировалъ проливъ.

¹⁾ Крайне любопытныя данныя о переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію лондонской конвенціи 1841 г., содержатся въ XII т. „Собранія трактатовъ и конвенцій“ проф. Мартенса. Спб., 1898 г., стр. 144—155. Весь этотъ томъ вообще представляетъ самый значительный интересъ для исторіи нашей восточной политики въ царствованіе императора Николая Павловича. — См. также книгу С. С. Татищева: „Вѣшняя политика Императора Николая I“. Автору можно, однако, поставить въ упрекъ нѣсколько преувеличенное осужденіе русской дипломатіи того времени.

²⁾ Дипломатическіе переговоры, относящіеся къ этой эпохѣ, были блестяще описаны бар. Жоини: „Étude diplomatique sur la guerre de Crimée“. Paris, 1874.

нымъ для насъ окончаніемъ этой войны противъ коалиціонныхъ государствъ обуславливалась потеря всѣхъ особыхъ преимуществъ, выговоренныхъ Россією въ предыдущихъ трактатахъ. Вліяніе наше въ Константинополѣ лишено было отнынѣ своей прежней юридической основы.

Чтобы ясно представить себѣ всѣ трудности, съ которыми приходилось въ то время считаться нашей внѣшней политикѣ, нужно припомнить, какія послѣдствія имѣла крымская война для внутренняго состоянія Россіи. Ослабѣвшая матеріально вслѣдствіе громадныхъ жертвъ, понесенныхъ во время кампаніи, Россія духовно воспрянула, повинувась зову своего молодого государя. Война раскрыла ей глаза на многочисленные недуги, которыми страдалъ устарѣвшій общественный и государственный строй. Чувствовалась необходимость предпринять коренное леченіе этихъ недуговъ, а для этого требовалось напряженіе всѣхъ силъ, которыми располагало государство.

Условіямъ внутренняго состоянія Россіи неминуемо должна была подчиниться ея внѣшняя политика. Нельзя было, пока, думать о дѣятельномъ осуществленіи какихъ-либо внѣшнихъ задачъ. Для успѣшнаго выполненія предпринятыхъ дома преобразованій, нужно было заставить Европу на время забыть о себѣ. Это переходное для нашей внѣшней политики время наканунѣ великихъ реформъ было мѣтко охарактеризовано тогдашнимъ руководителемъ ея, вн. Горчаковымъ, въ извѣстномъ циркулярѣ, заключающемъ въ себѣ слова: „La Russie ne boude pas; elle se gescueille“. На Востокѣ положеніе осложнялось еще тѣмъ, что, не выдвигая никакихъ новыхъ задачъ, Россія не могла оставаться безучастной зрительницей происходившихъ здѣсь событій. Волей-неволей ей приходилось возвышать свой авторитетный голосъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; иначе она лишила бы себя и въ болѣе благопріятномъ будущемъ почвы для дѣйствія. Что касается до настоящаго, оно представлялось на первыхъ порахъ туманнымъ и запутаннымъ.

Парижскій трактатъ признавалъ Турцію участницей международнаго общенія и равноправнымъ членомъ европейскаго концерта державъ, подъ охрану котораго были поставлены независимость и цѣлость оттоманской имперіи. Девятая статья трактата гласила объ изданіи султаномъ „по собственному его по-

(Появилось въ переводѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1866 г.). См. также С. Жихаревъ: „Русская политика въ восточномъ вопросѣ“. Москва, 1896. Т. II. Совершенно новыя и любопытныя данныя находятся въ книгѣ L. Thouvenel: „Nicolas I et Napoléon III“.

бужденію“ фирмана, коимъ улучшается участь его подданныхъ „безъ различія по вѣроисповѣданіямъ или племенамъ, и утверждаются великодушныя намѣренія его касательно христіанскаго народонаселенія его имперіи“. — „Договаривающіяся державы признають высочую важность сего сообщенія, разумѣя при томъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться, совокупно или отдѣльно, въ отношенія его величества султана въ его подданнымъ, и во внутреннее управление имперіи его“¹⁾.

Въ приведенныхъ словахъ кроется внутреннее противорѣчіе. Если провозглашается принципъ полной независимости Турціи и невмѣшательства въ ея дѣла, то почему же упоминается въ трактатѣ, подписанномъ всѣми державами, актъ, касающійся внутренняго распорядка оттоманской имперіи? Несомнѣнно, что невмѣшательство державъ обусловливалось соблюденіемъ Турціей пресловутаго фирмана, и что всякое нарушеніе его давало право державамъ, подписавшимъ трактатъ, вмѣстѣ или порознь, настаивать на точномъ исполненіи всего, что заключалось въ фирманѣ. Послѣдній, составленный по указаніямъ англійскаго посла въ Константинополь, сэра Стратфорда Рэдклиффа, желавшаго убѣдить общественное мнѣніе Европы въ возможности самостоятельнаго внутренняго обновленія Турціи, содержалъ самыя широкія и въ то же время туманныя обѣщанія реформъ въ либеральномъ духѣ. Преувеличенность выраженій не оставляла сомнѣній въ неисполнимости фирмана и неискренности побужденій, его вдохновившихъ.

Слабыя стороны парижскаго трактата не ускользнули отъ вниманія русской дипломатіи. Разъ приходилось отнынѣ руководствоваться имъ въ сношеніяхъ съ Турціей, — Россіи не оставалось ничего другаго, какъ настаивать на точномъ исполненіи всѣхъ его статей, причѣмъ указанное противорѣчіе было намъ выгодно, дозволяя всякій разъ толкованіе, сообразное нашимъ интересамъ. Подобныя соображенія руководили при составленіи инструкціи нашему посланнику въ Константинополь.

„Въ постепенномъ развитіи общаго положенія дѣлъ, — гласила инструкція, — какимъ оно представляется нынѣ, какъ относительно самой Турціи, такъ и нашихъ сношеній на Востокъ съ державами, подписавшими мирный трактатъ, роль, назначаемая представителю государя, предначертана статьями, содержащимися въ новомъ трактатѣ. Мы отказываемся въ немъ отъ особыхъ

¹⁾ Юзефовичъ: „Договоры Россіи съ Востокомъ“. Спб., 1869 г. Стр. 110.

преимуществъ, пріобрѣтенныхъ въ силу прежнихъ договоровъ. Мы не имѣемъ болѣе въ будущемъ притязаній ни на какія особыя преимущества Россіи въ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портою. Традиціонная цѣль наша останется та же: поддерживать церковь и христіанскія народности этого государства и поощрять развитіе цивилизаціи и торговли юга Россіи“...

„Что касается державъ, подписавшихъ трактатъ, мы желаемъ на Востокѣ полнаго равенства положеній, согласно точному смыслу самаго трактата, одинаково обязательнаго для всѣхъ. Какова бы ни была настоящая цѣль обязательствъ, которыя возложили на себя державы, подписавшія трактатъ 15-го апрѣля, мы не допускаемъ, чтобы актъ этотъ могъ служить предлогомъ для какихъ-либо особыхъ правъ.

„Равенство въ положеніи, какъ мы его понимаемъ, не налагаетъ на насъ, однако, обязательства примѣнять тѣ же приемы, которые прочіе кабинеты признаютъ полезными въ будущихъ своихъ отношеніяхъ съ Оттоманскою Имперіей. Еще менѣе обязаны мы придерживаться тѣхъ же теорій въ практическомъ развитіи принциповъ, относящихся до вступленія Турціи въ европейскую политическую систему и новаго положенія, созданнаго трактатомъ христіанскому населенію этого государства. Актъ, устанавливающій новыя правила, дарованныя султаномъ его христіанскимъ подданнымъ, и пріобщенный къ трактату 30 марта, былъ составленъ помимо всякаго участія Россіи. Мы дали лишь согласіе. Онъ заключаетъ въ принципѣ гарантіи, которыя входятъ въ составъ европейскаго общественнаго права. Этотъ документъ долженъ служить единственнымъ основаніемъ для нашего воздѣйствія на турецкое правительство въ пользу христіанскихъ подданныхъ султана“. Далѣе инструкція входитъ въ разборъ мѣропріятій, памѣченныхъ въ фирманѣ, указывая, что въ главныхъ основаніяхъ они сходятся съ тѣми, осуществленія которыхъ всегда добивалась Россія. Къ сожалѣнію, обѣщаніямъ султана, въ силу ихъ преувеличенности и туманности, нельзя вѣрить. Равнымъ образомъ нельзя рассчитывать на искреннее соглашеніе съ другими державами въ цѣляхъ совокупнаго воздѣйствія на Порту.

„Что касается Турціи, то она связала себя обязательствами, которыя, въ нашихъ глазахъ, составляютъ главную часть трактата. Каковы бы ни были оговорки, которыми она хотѣла обезпечить свою независимость, такъ какъ въ нихъ формально запрещается всякое посредничество въ пользу подданныхъ султана, оговорки эти не могутъ исключать права наблюденія, разъ дѣло

идеть о примѣненіи принциповъ, добровольно устанавливаемыхъ Турціей, согласно ея заявленію, и которые представляютъ под-разумѣваемое основаніе для вступленія ея въ европейское общественное право. Настоящее положеніе дѣлъ на Востоку крайне запутано вслѣдствіе внутреннихъ осложненій и внѣшнихъ воздѣйствій. Оно носитъ на себѣ характеръ переходнаго состоянія.

„Въ ожиданіи, пока не выяснится это положеніе и роль cadaго не обрисуетса съ большей ясностью, образъ дѣйствій, котораго мы должны придерживаться, состоитъ въ зоркомъ и наблюдательномъ выжиданіи (*une expectative clairvoyante*)“.

Старые приемы нашей политики должны быть оставлены. Безполезно было бы стремиться внушать довѣріе туркамъ. Первые шаги русскаго представителя въ Константинополь должны носить на себѣ печать спокойнаго и безупречнаго достоинства. „Онъ долженъ будетъ обнаружить большую твердость въ защитѣ матеріальныхъ интересовъ Россіи и поощрять возобновленіе и развитіе торговыхъ сношеній южной Россіи съ Средиземнымъ моремъ и Востокомъ“. Во всемъ, что касается отношеній европейскихъ представителей въ Константинополь съ турецкимъ правительствомъ, нашъ посланникъ долженъ соблюдать крайнюю сдержанность и осторожность, что, однако, вовсе не предполагаетъ пассивнаго образа дѣйствій. „Мы, конечно, не будемъ притворяться, будто отказались отъ священнаго наслѣдія, завѣщаннаго намъ нашей собственной исторіей въ пользу восточныхъ единоувѣрцевъ. По самому существу своему этотъ интересъ выше всякихъ политическихъ расчетовъ. Къ тому же, съ точки зрѣнія нашихъ настоящихъ интересовъ, внутренняго преуспѣянія самой Россіи,—для насъ не приличествуетъ, чтобы христіанскій и православный элементъ терпѣлъ ущербъ на Востоку отъ турецкаго гнѣта или отъ прозелитическаго вторженія Запада.“

„Вѣрные предписанія трактата, мы уважаемъ права верховной власти султана и инициативу оттоманскаго правительства въ административныхъ реформахъ. Но представитель Россіи обязанъ сосредоточить все свое вниманіе на практическомъ развитіи этихъ реформъ. Если развитіе это не будетъ отвѣчать духу трактата; если прежнія злоупотребленія будутъ продолжаться или снова возникнутъ въ другой формѣ,—вамъ слѣдуетъ со всею той откровенностью, которая должна руководить отношеніями нашими, какъ съ самими турками, такъ и съ прочими державами, подписавшими трактатъ, указывать на эти злоупотребленія и протестовать во имя великихъ принциповъ и великихъ общихъ интересовъ, во имя нерушимаго права нашей религіозной общ-

ности съ значительнымъ большинствомъ христіанскаго населенія Востока, вполне законныя симпатіи котораго въ Россіи находятъ столь могучій откликъ въ нашемъ народѣ и въ особенности въ сердцѣ нашего августѣйшаго Монарха.

„Таковъ, на нашъ взглядъ, единственный образъ дѣйствій, который подобаеъ представителю Россіи. Мы понимаемъ всѣ трудности положенія, возникающаго на совершенно новой почвѣ. Вашему такту, вашимъ познаніямъ и вашему національному чувству Государь вручаеъ заботу объ устраненіи этихъ затрудненій“.

Въ приведенной инструкціи лишь въ общихъ чертахъ намѣчается направленіе, котораго отнынѣ предстояло придерживаться нашей дипломатіи на Востокѣ. Это было возвращеніе къ политикѣ мирнаго поступательнаго движенія, которую преслѣдовала Россія до разрыва своего съ Турціею. Одною изъ задачъ этой политики было распространеніе и упроченіе вліянія Россіи среди единовѣрныхъ народностей Востока.

Въ борьбѣ противъ русскаго вліянія наши противники старались распространить въ средѣ греческаго духовенства и православныхъ народностей Востока убѣжденіе, „что единственною цѣлью нашихъ вмѣшательствъ въ пользу церкви было политическое господство и что мы имѣли притязаніе подчинить какъ церковь, такъ и народности нашему вліянію въ виду завоеванія“.

По случаю разрыва дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портою, англійскій посолъ сэръ Стратфордъ Рэдклиффъ писалъ бывшему русскому посланнику въ Константинополь Титову: „Не подозрѣвая въ злыхъ умыслахъ и не умаляя прекрасныхъ качествъ русскаго Императора, всѣ какъ бы инстинктивно пришли къ одинаковому взгляду, усматривая въ требованіяхъ Россіи принципъ опасности, который не преминулъ бы возрасти со временемъ и погрузилъ бы это государство въ состояніе зависимости, и, конечно, пять державъ никогда не помышляли объ установленіи такого порядка въ пользу одной державы. Нѣтъ ничего искусственнаго, ничего внушеннаго въ этомъ убѣжденіи. Оно можетъ быть ошибочно обосновано, но оно считается достойнымъ вѣры среди мусульманъ всѣхъ сословій и признается за ортодоксальную истину, какъ христіанскою дипломатіею, такъ и въ промышленныхъ кругахъ“.

Что упрекъ, дѣлавшійся Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ, былъ лишенъ основанія, въ этомъ врядъ ли можетъ существовать сомнѣніе въ настоящее время, въ виду столькихъ новыхъ данныхъ, которыя съ тѣхъ поръ пролили свѣтъ на характеръ восточной политики императора Николая Павловича. До-

статочно припомнить, на примѣръ, слова государя, сказанныя имъ по этому поводу генералу Муравьеву по возвращеніи его изъ Турціи вмѣстѣ съ отрядомъ, посланнымъ на помощь султану въ 1833 году:

„Странно, что общее мнѣніе приписываетъ мнѣ желаніе овладѣть Константинополемъ и турецкой имперіей; я уже два раза могъ сдѣлать это, еслибъ хотѣлъ: въ первый разъ—послѣ перехода черезъ Балканы, а во второй—нынѣ; но я отъ того весьма далекъ. Мнѣніе это осталось еще со временъ императрицы Екатерины, и такъ сильно вкоренилось, что самые умные политики въ Европѣ не могутъ въ томъ разувѣриться. Какія мнѣ выгоды отъ завоеванія Турціи? Держать тамъ войска? Да допустила ли бы еще меня къ тому Австрія! Какія выгоды произошли бы отъ того для нашей матушки-то Россіи, т.-е. для губерній: ярославской, московской, владимірской и прочихъ? Мнѣ и Польши довольно. Такъ мнѣ выгодно держать Турцію въ томъ слабомъ состояніи, въ которомъ она нынѣ находится; это и надобно поддержать; и вотъ настоящія сношенія, въ коихъ я долженъ оставаться съ султаномъ“ ¹⁾.

Тотъ же взглядъ находимъ мы высказаннымъ въ запискѣ Титова, написанной имъ въ 1848 году, въ бытность его посланникомъ въ Константинополѣ. Можно съ полнымъ основаніемъ думать, что въ данномъ случаѣ онъ былъ выразителемъ убѣжденія, котораго продолжало придерживаться наше правительство. „Россія, поддерживая Турцію,—пишетъ онъ,—неоднократно показала, что она не хочетъ ея завоеванія. Отчего же не вѣрять нашему въ томъ чистосердечію ни Европа, ни масса турецкаго населенія и другихъ племенъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ? Отчего самые безпристрастные изъ иностранцевъ, когда очевидность принуждаетъ ихъ сознаться въ откровенности нашего миролюбія къ Востоку, возражаютъ, что оно, завися отъ личнаго великодушія Государя и отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ,—не даетъ обезпеченія для будущности?“

„Противъ предрасудка столь упорнаго—и опытъ, и доводы равно остаются безсильными.“

„Неприятнѣе всего то, что западныя клеветы и подозрѣнія, безъ умолку повторяясь изустно и въ печати, волнуютъ умы и возбуждаютъ противъ насъ недовѣріе самихъ единовѣрцевъ. Племена дружелюбныя Россіи по единству исповѣданія, преданіямъ

¹⁾ „Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году“. Записки Н. Н. Муравьева, Москва, 1869 г., стр. 449.

или сходству нарѣчій, несмотря на всѣ благоволенія и услуги, отъ нея получаемыя, боятся излишней къ намъ привязанности, не зная, привѣтствовать ли въ насъ покровителей, или удаляться будущихъ бичей той независимости, къ которой любовь сильнѣе пробуждается среди нихъ, по мѣрѣ того, какъ они теряютъ страхъ и уваженіе къ туркамъ.

„Въ такомъ положеніи дѣлъ враги Россіи безъ труда внушаютъ легковѣрнымъ, что мы столь же мало, какъ и всѣ другіе, вѣримъ долговѣчю Порты и силимся поддержать ее лишь въ томъ расчетѣ, чтобы при первой выгодной случайности легче занять ея мѣсто“¹⁾.

Неудачный исходъ крымской войны, повлекшій за собою временное ослабленіе нашего вліянія на Востокъ, еще болѣе помогъ нашимъ недоброжелателямъ посвятить среди нашихъ единовѣрцевъ вредныя для насъ предубѣжденія. Въ этомъ отношеніи весьма примѣчательна попытка англійскаго посла еще въ 1853 году склонить вселенскаго патріарха къ провозглашенію русской церкви схизматическою на основаніи нѣкоторыхъ обрядовыхъ различій. Разумѣется, попытка эта не могла удасться,—однако, многія изъ затрудненій, съ которыми приходилось считаться и прежде, еще болѣе усилились послѣ нашего пораженія. И тѣмъ не менѣе, руководящее начало нашей восточной политики осталось неизмѣнно. Правительство продолжало утверждать, что „какъ прежде, такъ и теперь, и всегда, наши политическіе интересы на Востокъ по самой природѣ вещей будутъ тѣсно связаны съ интересами православія. Наши противники прекрасно знаютъ это. Когда они борются противъ восточной церкви и точно такъ же, когда они принимаютъ личину покровительства этой церкви, чтобы пріобрѣсти лучшія средства побороть ее, ими руководитъ не столько ревность къ католической и протестантской пропагандѣ, сколько скрытая вражда противъ нашего вліянія.“

„Со времени войнъ императрицы Екатерины, Востокъ переживаетъ переходную эпоху. Великій нашъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобы онъ могъ выйти когда-нибудь изъ этого состоянія, не утративъ главнаго элемента сохранности и однородности, который въ теченіе вѣковъ пребываетъ въ немъ жизненнымъ и мощнымъ, несмотря на разнообразіе племенъ, покоренныхъ оттоманскимъ завоеваніемъ. Интересомъ первой важности для насъ

¹⁾ „О православной церкви на Востокъ“.—III.—„Идеалъ будущности“. Пера, 4 мая 1848 года. (Записка эта передана была намъ графомъ К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ).

является имѣть въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ населенія, связанные съ нами узами вѣры“.

Вся трудность выполненія намѣченной программы ложилась, разумѣется, на органы мѣстнаго дипломатическаго представительства и, главнымъ образомъ, на миссію нашу въ Константинополь. Съ момента вступленія послѣдней на турецкую почву, ей предстояла неустанная борьба съ многочисленными соперниками за первостепенные русскіе интересы, и борьба эта, послѣ нашей военной неудачи, должна была вестись одними культурными средствами воздѣйствія.

Въ сношеніяхъ съ православными народностями Турціи естественными нашими посредниками являлись автокефальныя церкви. Между послѣдними главное значеніе для русской политики имѣла вселенская патриархія, какъ по первенствующему своему положенію, такъ и по численности и составу своей паствы. Вслѣдствіе этого отношенія Россіи со вселенскою патриархіею въ первые четыре года послѣ крымской войны представляютъ одинъ изъ важныхъ эпизодовъ той мирной культурной борьбы за восстановление русскаго вліянія на Востокѣ, которое признано было существеннѣйшею задачею нашей тогдашней политики въ Турціи.

Въ указанное время вселенская патриархія переживала критическую эпоху. Послѣ крымской войны поставлено было на очередь преобразование всего строя ея церковнаго управленія, и на первый планъ выдвинулись вопросы церковно-каноническаго характера. Не слѣдуетъ забывать однако, что религія и политика такъ тѣсно переплетаются на Востокѣ, что въ большинствѣ конфликтовъ, возникающихъ на церковной почвѣ, трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ кончается одна и начинается другая.

Нисколько не стремясь въ разсказѣ о церковныхъ событіяхъ прибѣгать къ искусственному разграниченію области политической отъ религіозной, мы считаемъ, однако, долгомъ предупредить читателя, что въ событіяхъ этихъ насъ интересовало не столько религіозное ихъ содержаніе, сколько отношеніе къ нимъ нашей дипломатіи съ точки зрѣнія общихъ политическихъ задачъ Россіи на Востокѣ. Характеръ и направленіе этихъ задачъ были намѣчены въ приведенной выше инструкціи нашему посланнику. Успѣшность ихъ выполненія зависѣла отъ того, какія общія условія и вліянія встрѣтитъ представитель Россіи по пріѣздѣ своемъ въ Константинополь. Послѣдуемъ же и мы за нимъ на берега Босфора и постараемся выяснитъ себѣ, какъ сложились взаимныя отношенія европейскихъ державъ въ восточномъ вопросѣ послѣ парижскаго мира.

II.—ПОЛОЖЕНІЕ ДЕРЖАВЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Утромъ 7-го августа 1856 года русскій военный пароходъ „Тамань“ входилъ въ Босфоръ. На суднѣ находился вновь назначенный послѣ войны посланникомъ при султанѣ А. П. Бутеневъ вмѣстѣ съ составомъ императорской миссии. Во избѣжаніе какого-либо возможнаго на первыхъ порахъ недоразумѣнія, военный флагъ не былъ поднятъ. Вслѣдствіе этого „Тамань“ не пришлось обмѣниваться пушечными салютами съ турецкими крѣпостями, но по мѣрѣ того, какъ пароходъ проходилъ мимо нихъ, турецкій флагъ салютовалъ дипломатическому флагу нашего посланника.

Принятая предосторожность оказалась далеко не излишнею. Во весь этотъ первый день прибытія миссии въ лѣтнюю ея резиденцію въ Буюкдере турки не сочли нужнымъ никого прислать съ привѣтствіемъ къ нашему представителю, вопреки наиболѣе установленнымъ обычаямъ международной вѣжливости. Только на слѣдующій день въ миссію явился отъ имени министра иностранныхъ дѣлъ незначительный чиновникъ Порты ¹⁾. Такъ скромно начинали завязываться прерванные во время войны отношенія наши съ Турціей. Послѣ того совершенно исключительнаго положенія, къ которому, со времени Екатерины Великой, привыкли наши представители въ Константинополь, новому посланнику выпадала на долю нелегкая задача. Національному самолюбію трудно было мириться съ пренебрежительнымъ отношеніемъ турецкаго правительства, но необходимо было избѣгать всякаго повода къ возбужденію еще не вполне улегшейся вражды. Нужно было медленно, шагъ за шагомъ, работать для отвоеванія прежняго положенія Россіи на Востоѣ.

Въ настоящее время личные взгляды и характеръ мѣстныхъ дипломатическихъ представителей имѣютъ далеко не то значеніе для общаго *направленія* политики ихъ правительствъ, какъ въ прежнее время. Сокращеніе разстояній, легкость и скорость сообщеній по телеграфу содѣйствовали въ значительной степени болѣе полной централизаціи внѣшнихъ сношеній въ рукахъ министра иностранныхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого и въ той же мѣрѣ мѣстные представители утратили свободу инициативы, и дѣятельность ихъ, направляемая даже въ подробностяхъ единой волей, стала главнымъ образомъ наблюдательною.

¹⁾ Dépêche de Bouténéff. Buyukdéré, le 14 (16) Août. 1856, № 1.

Но на Востоѣ эта тенденція современной дипломатіи до сихъ поръ не могла получить полного примѣненія. Это зависитъ отъ тѣхъ совершенно своеобразныхъ условий, въ которыя поставлена здѣсь дѣятельность европейскихъ державъ. Постоянное возмущеніе на мѣстѣ новыхъ вопросовъ, борьба вліяній и столкновение многочисленныхъ интересовъ,—все это создаетъ часто мѣняющуюся почву для дѣйствій и требуетъ близкаго знакомства съ мѣстными условіями. Вслѣдствіе этого дипломатическимъ представителямъ по необходимости должна быть предоставлена здѣсь бѣльшая широта и свобода дѣйствій, чѣмъ гдѣ-либо. Дипломатическому представителю на Востоѣ можетъ быть предписана лишь въ главныхъ чертахъ программа его дѣятельности. Степень вліянія въ Константинополѣ державы, хотя бы и располагающей дѣйствительными средствами воздѣйствія, всегда во многомъ зависитъ отъ личнаго положенія, которое сумѣетъ себѣ создать представитель ея въ Турціи.

Послѣ парижскаго трактата восточная политика европейскихъ державъ вступала въ новый и еще не выяснившійся во многихъ отношеніяхъ фазисъ. Тѣмъ бѣльшее значеніе приобретали посты дипломатическихъ представителей въ Константинополѣ.

Въ это критическое для нашей дипломатіи время, въ лицѣ новаго посланника правительство сдѣлало удачный выборъ. А. П. Бутеневу не приходилось знакомиться съ Востокомъ. Въ бѣлье молодыхъ годахъ, задолго до крымской войны, онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ съ успѣхомъ и честью представлялъ Россію въ Константинополѣ. То были, безспорно, лучшіе годы нашего вліянія на Востоѣ, когда Россіи удалось приобрести самое полное довѣріе турецкаго правительства и въ то же время высоко держать знамя своего обаянія среди восточнаго христіанскаго міра. Воззваніе султана Махмуда къ помощи Россіи противъ возставшаго египетскаго паши Мегметъ-Али и присылка нашихъ войскъ въ Босфоръ, въ 1833 г., знаменуютъ расцвѣтъ русскаго вліянія въ Константинополѣ¹⁾.

Сторонники сближенія съ нами, среди турецкихъ политиковъ, до сихъ поръ любятъ указывать недоброжелателямъ Россіи, по-

¹⁾ Заключеніе ункіаръ-искелесейскаго трактата,—выгодность котораго, какъ мы видѣли выше, можетъ быть подвергнута сомнѣнію,—объясняется именно высокимъ подъемомъ русскаго могущества въ эту эпоху: наша дипломатія не устояла противъ искушенія дать этому могуществу осязательное и эффектное выраженіе. Въ заключеніи трактата главную роль игралъ графъ А. Ѳ. Орловъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Государя, но не бывшій дипломатомъ по профессіи. Бутеневъ былъ лишь вторымъ уполномоченнымъ.

дозрѣвающимъ ее въ завоевательныхъ замыслахъ, на эту эпоху, какъ на доказательство возможности самыхъ лучшихъ дружелюбныхъ отношеній между сосѣдними государствами къ обоюдной ихъ выгодѣ ¹⁾).

Въ составѣ вѣренной ему миссiи Бутеневъ нашелъ помощниковъ, способныхъ облегчить ему трудное дѣло. Совѣтникомъ миссiи былъ назначенъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскiй, заранѣе намѣченный въ качествѣ преемника Бутеневу, бывшему уже въ преклонныхъ годахъ. Послѣднiй—лишь въ виду исключительнаго политическаго положенiя—на короткое время согласился снова принести свою долготѣнюю опытность на службу Россiи. Первымъ секретаремъ миссiи былъ назначенъ Е. П. Новиковъ, вскорѣ успѣвшiй заявить себя въ качествѣ ученаго специалиста по церковной исторiи ²⁾).

¹⁾ Главный начальникъ нашихъ сухопутныхъ войскъ, посланныхъ въ 1833 году въ Турцiю, генералъ Муравьевъ, такъ отзывался въ своихъ запискахъ о Бутеневѣ: „Личныя правила и образованiе Бутенева довольно извѣстны всѣмъ, имѣвшимъ случай хотя нѣсколько съ нимъ сблизиться. Всеобщее уваженiе, коимъ онъ пользуется, конечно, лучшее свидѣтельство отличныхъ качествъ, его украшающихъ. Въ отношенiи служебныхъ достоинствъ онъ менѣе извѣстенъ; многiе полагаютъ въ немъ слабость характера и не тѣ дарованiя, которыя нужны для поддержанiя важности занимаемаго имъ мѣста; но сему ошибочному мнѣнiю есть двѣ причины: первая—необыкновенная скромность его, ибо онъ трудится не изъ видовъ тщеславія, но съ священнымъ уваженiемъ къ обязанностямъ и самоотверженiемъ, знаменующимъ благородную душу, не имѣя ничего въ виду, кромѣ успѣха самаго дѣла. Другая причина есть зависть соперниковъ, неизбѣжная въ такихъ обстоятельствахъ и при такихъ достоинствахъ. Служа близъ двадцати лѣтъ при константинопольской миссiи, онъ былъ совершенно знакомъ съ ходомъ тамошнихъ дѣлъ и политики; въ трудолюбiи имѣлъ мало равныхъ, непоколебимую же твердость характера своего являетъ, въ нужныхъ случаяхъ, съ неотрицаемою пользою для службы“ („Русскiе на Босфорѣ въ 1833 г.“ изъ записокъ Н. Н. Муравьева (Карскаго). Москва. 1869 г.). Приведенное мнѣнiе столь компетентнаго свидѣтеля трудно согласовать съ довольно рѣзкимъ сужденiемъ о Бутеневѣ историка Татищева. Въ своемъ трудѣ: „Внѣшняя политика Императора Николая I“, г. Татищевъ даетъ слѣдующiй отзывъ: „А. П. Бутеневъ считался дипломатомъ искуснымъ и опытнымъ, и несомнѣнно обладалъ цѣнными качествами умственными и нравственными. Онъ былъ трудолюбивъ, добросовѣстенъ, скромнѣе, но качества эти оказались далеко не достаточными для русскаго посланника, призваннаго вести постоянную борьбу съ такими энергичными дѣятелями, какъ Понсонби или Руссевъ. Внѣшнее хладнокровiе, мягкое, ровное обращенiе, къ сожалѣнiю, прикрывали внутреннюю немощь, отсутствiе рѣшительности и смѣлости, боязнь ответственности передъ министерствомъ, которое само не отличалось помннутыми качествами“ (стр. 416). Намъ кажется, что главная часть упрековъ, дѣлаемыхъ Бутеневу въ названномъ сочиненiи, можетъ быть, по всей справедливости, отнесена именно къ главнымъ руководителямъ тогдашней политики, которымъ, впрочемъ, авторъ не склоненъ давать пощады.

²⁾ Въ 1859 г. вышла въ свѣтъ его книга: „Гуссъ и Лютеръ“, въ 2-хъ томахъ, о которой лестно отзывался митрополитъ Филаретъ. См. собранiе мнѣнiй и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востоцѣ. Спб. 1886, стр. 189.

Обоимъ этимъ молодымъ дипломатамъ суждено было впоследствии сыграть видную роль не только въ восточномъ вопросѣ, но и въ общей русской политикѣ.

Бутеневъ пріѣхалъ въ Константинополь, когда вліяніе Англіи достигло здѣсь высшаго развитія. Такимъ политическимъ преобладаніемъ, начавшимся еще во время войны, Великобританія была всецѣло обязана выдающейся личности тогдашняго посла своего при султанѣ.

За время своего долготѣняго пребыванія въ Турціи, сэръ Стратфордъ Рэдклиффъ сумѣлъ подчинить себѣ турецкихъ министровъ. Выдающіеся успѣхи, достигнутые имъ и которые рѣдко выпадали когда-либо на долю не руководителя всей высшей политики, а лишь мѣстнаго представителя своего правительства, объясняются тѣмъ постоянствомъ въ намѣченной цѣли и энергіи въ ея проведеніи, которыя характеризуютъ карьеру этого замѣчательнаго англійскаго дипломата. Рэдклиффъ неизмѣнно преслѣдовалъ одну задачу: лишить Россію ея первенствующаго положенія на Востоцѣ. Задолго до крымской войны русскому правительству хорошо извѣстенъ былъ его образъ мыслей. Еще въ 1833 году императоръ Николай Павловичъ категорически отказался принять его въ качествѣ великобританскаго посла въ С.-Петербургѣ, несмотря на настойчивыя представленія о томъ лорда Пальмерстона. Такую же неудачу потерпѣло предложеніе англійскаго правительства и десять лѣтъ спустя ¹⁾. Оставаясь въ Константинополѣ, Рэдклиффъ создалъ себѣ совершенно исключительное положеніе. Благодаря упрочившемуся своему авторитету и властному характеру, онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, на свой страхъ, иногда наперекоръ прямымъ указаніямъ изъ Лондона. Такой образъ дѣйствій часто не нравился правительству королевы, которое, однако, не рѣшалось принять мѣры къ обузданію упрямаго дипломата и обыкновенно подчинялось тому направленію, которое признавалъ полезнымъ Рэдклиффъ ²⁾. Во время переговоровъ, предшествовавшихъ крымской войнѣ, тогдашній первый министръ, лордъ Эбердинъ, бывший горячимъ сторонникомъ мира, въ откровенномъ разговорѣ съ посломъ нашимъ въ Лондонѣ, барономъ Бруновымъ, жаловался на свое положеніе: „Еслибы я могъ положитьсь на Стратфорда, — сказалъ онъ, — я былъ бы спокоенъ; но величайшее несчастіе заключается въ томъ, что имѣешь дѣло съ человекомъ, которому

¹⁾ Проф. Мартенсъ „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 11 и 225.

²⁾ Kinglake. „The invasion of the Crimea“. Т. I, ch. VIII.

не довѣряешь, но безъ котораго нельзя обойтись“¹⁾. Благодаря стараніямъ и совѣтамъ, которые англійскій посолъ не переставалъ расточать туркамъ, побуждая ихъ порвать съ Россіей, которая, будто бы, мѣшаетъ правильному развитію Турціи и стремится завоевать ее, начатые переговоры не могли придти къ благопріятному окончанію, и результатомъ была война. Какъ извѣстно, въ направленныхъ противъ насъ военныхъ дѣйствіяхъ не Англіи, а Франціи выпала первенствующая роль. Несмотря на это, самая война явилась блестящей дипломатической побѣдой англійскаго посольства въ Константинополѣ, и на первыхъ порахъ политическое вліяніе Англіи здѣсь преобладало. Увлеченный успѣхомъ, Рэдклиффъ не упускалъ случая выказывать свою силу и властно требовать отъ Порты подчиненія своимъ указаніямъ. Турки скоро начали тяготиться опекой, которая съ каждымъ днемъ все сильнѣе давала себя чувствовать. Съ другой стороны,—и это было крайне важно для Россіи,—вліяніе Англіи въ Константинополѣ не создавало ей популярности среди христіанскаго населенія. Англійскій посолъ слишкомъ часто и откровенно выражалъ доброжелательство мусульманамъ. Съ другой стороны, привыкшіе къ громкимъ обѣщаніямъ турецкаго правительства, христіане не питали иллюзій относительно исполнимости составленнаго по внушеніямъ Рэдклиффа знаменитаго „гатти-гамайюна“, который сулилъ полное равенство передъ закономъ всѣмъ поданнымъ султана. Впрочемъ и турки не замедлили убѣдиться въ томъ, какъ невыгодно было опубликованіе этого акта, на основаніи котораго державы могли предъявлять имъ строгія требованія.

Личной непопулярности Рэдклиффа содѣйствовало то обстоятельство, что онъ не считалъ нужнымъ щадить чужого самолюбія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о внѣшнемъ выраженіи англійскаго вліянія. Такъ, напримѣръ, пригласивъ султана на балъ въ посольство незадолго до заключенія въ Парижѣ мира, Рэдклиффъ настоялъ на томъ, чтобы духовнымъ главамъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Константинополѣ, въ томъ числѣ и вселенскому патріарху, было приказано также присутствовать на этомъ балу. Герархи не посмѣли послушаться, но этотъ небывалый инцидентъ вызвалъ всеобщее негодованіе среди всего христіанскаго населенія столицы, которое въ этотъ день должно было почувствовать еще разъ, въ отсут-

¹⁾ Мартенсъ, тамъ же, стр. 328.

ствіе русскаго представителя, некому вступиться за права и достоинство христіанскаго закона ¹⁾.

Стремленіе Англіи къ политическому преобладанію въ Константинополѣ не замедлило вызвать противодѣйствіе со стороны Франціи. Правительство Наполеона III съ раздраженіемъ относилось къ притязаніямъ своего союзника, тѣмъ болѣе, что, во время кампаніи, большая часть жертвъ выпала на долю Франціи. Считая Россію достаточно ослабленною благодаря войнѣ и не внушающею пока опасеній завоевательными замыслами, Наполеонъ сталъ искать сближенія съ русскимъ правительствомъ, чтобы, при его помощи, создать противовѣсъ англійскимъ проискамъ на Востокѣ. Эта тенденція обнаружилась уже во время мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ, гдѣ императоръ французскій не разъ оказывалъ содѣйствіе русскимъ уполномоченнымъ, склоняя Англію къ уступчивости ²⁾. Къ тому же, подвижной и впечатлительный характеръ Наполеона III побуждалъ его вѣчно разбрасываться, не останавливая долго вниманія на одномъ предметѣ. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами удачной кампаніи для настоящихъ интересовъ Франціи на Востокѣ, Наполеонъ вскорѣ устремилъ свои помыслы на Западъ, въ Италію. Для него важно было, на этомъ новомъ поприщѣ, не наталкиваться на противодѣйствіе Россіи. Съ другой стороны, склонность къ либерально-націоналистической политикѣ побуждала его покровительствовать христіанскимъ народностямъ Турціи, и на этомъ пути онъ встрѣчался со вчерашнимъ врагомъ своимъ— Россіей, несмотря на коренное различіе въ основныхъ побужденіяхъ.

Въ это время французскимъ посломъ въ Константинополѣ былъ Тувенель, отозванный въ концѣ 1859 г. въ Парижъ, чтобы занять тамъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ ³⁾.

Это былъ типъ тонкаго и умнаго французскаго дипломата, воспитаннаго въ духѣ старыхъ традицій. Хорошо знакомый съ Востокомъ, Тувенель былъ позитивистъ въ политикѣ. Онъ далеко

¹⁾ Инцидентъ этотъ извлеченъ изъ архивовъ нашего посольства въ Константинополѣ за 1856 г.

²⁾ С. Татищевъ: „Александръ II“, въ Біографическомъ словарѣ, Спб., 1896, стр. 467—492.

³⁾ Для исторіи французской политики на Востокѣ въ первые годы послѣ кримской войны крайне интересной является книга L. Thouvenel: „Trois années de la question d'Orient“. Paris, Calmann Levy, 1897. Книга эта, составленная по неизданной перепискѣ Тувенеля, содержитъ много любопытныхъ подробностей, рисующихъ состояніе Турціи того времени, а также дѣятельность и взгляды различныхъ представителей французской дипломатіи.

не раздѣлялъ либерально-націоналистическихъ тенденцій своего императора. По мнѣнію Тувенеля, эти увлеченія только застигали настоящіе насущные интересы Франціи, которые требовали отъ ея правительства не разбрасываться повсюду, на Востокъ же преслѣдовать дружбу съ султаномъ и поддерживать Турцію. „Поддержка авторитета султана,—говорилъ онъ,—въ извѣстныхъ отношеніяхъ такъ же необходима для Франціи, какъ и поддержка папы, а мы направляемъ всѣ усилія ума, чтобы дискредитировать оба эти учрежденія почтенныя и ветхія“¹⁾.

Въ своихъ частныхъ письмахъ къ лицамъ, прикосновеннымъ къ французской дипломатіи того времени, Тувенель горько жалуется на отсутствіе всякой послѣдовательности и устойчивости въ общемъ политическомъ направленіи. Послѣ удачнаго похода въ Италію и мира въ Виллафранкѣ, въ 1859 г., онъ пишетъ: „Севастополь, Маджента, Сольферино—это, слава Богу, событія неизгладимыя! Но духъ послѣдовательности имѣетъ также свою цѣну, чего, къ несчастью, мы ни въ какую эпоху не сознавали въ той же мѣрѣ, какъ побѣжденные нами“²⁾.

Въ особенности претило ему сближеніе съ Россіей на почвѣ восточнаго вопроса. Въ откровенномъ обмѣнѣ мыслей съ друзьями онъ осуждаетъ политику, которая, послѣ съ трудомъ достигнутаго успѣха, протягиваетъ руку побѣжденному, чтобы помочь ему возстановить права, уничтоженіе которыхъ было цѣлью войны. „Чего мнѣ ни совѣсть, ни разсудокъ не позволяютъ срывать,—писалъ онъ,—это то, что для *возстановленія* положенія Россіи (трудное дѣло) нужно раньше рѣшиться на *утрату* того положенія, которое намъ стоило столько крови“³⁾.

„Я положительно не понимаю, *чего мы хотимъ*,—писалъ онъ въ 1858 году по поводу покровительства, оказаннаго Черногоріи Франціей совместно съ Россіей:—нужно, чтобы страна наша была крайне легкомысленна, чтобы повиноваться всякому дуновенію вѣтра. Развѣ не знали турокъ, когда шли къ нимъ на помощь? Или для ихъ прекрасныхъ очей воевали? Развѣ они

¹⁾ „Le maintien de l'autorité du sultan est, sous certains aspects, aussi nécessaire à la France que le maintien du pape, et nous employons tout notre esprit à discréditer ces deux institutions vénérables et caduques!“ (тамъ же, 245).

²⁾ „Sébastopol, Magenta, Solférino, sont, grâce à Dieu, des événements innéfastables! Mais *l'esprit de suite* a aussi une valeur, dont, à aucune époque, malheureusement, nous n'avons eu le sentiment au même degré que nos vaincus“ (стр. 350).

³⁾ „Ce que ma conscience et ma raison ne me permettent pas de dissimuler, c'est que pour *refaire* la position de la Russie, chose difficile, il faut d'abord prendre notre parti de *perdre* celle que tant de sang nous avait conquise“ (ibidem, 338).

стали менѣ нужны въ 1858 г., чѣмъ въ 1854?... Я получаю отъ нѣкоторыхъ моихъ корреспондентовъ изъ Франціи письма, отмѣченныя печатью истой туркофобіи и не менѣ преувеличеннаго грекофильства. Еслибъ они попутешествовали по Востоку, то на много сбавили бы свой энтузіазмъ. Что касается меня, то, проживши въ Аѳинахъ и Константинополѣ, я нахожу, что христіане и мусульмане стоятъ другъ друга, — иными словами, мало чего стоятъ. У турокъ, однако, есть нѣкоторыя качества, которыхъ недостаетъ грекамъ, и съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе освобождены отъ власти турокъ, — не видать, чтобы они доказали умѣнье вести себя, единственное, которое потребно народамъ... Легко въ теоріи противопологать евангеліе корану, Перикла — Магомету II... На самомъ дѣлѣ коранъ не препятствуетъ имамамъ съ большею терпимостью относиться къ католикамъ, чѣмъ православные попы, и если насъ называютъ „собаками“ гдѣ-нибудь, такъ это на аѳинской „агора“, а не на стамбульскомъ базарѣ. Абд-уль-Меджидъ — не Магометъ II, и король Оттонъ, увы, еще менѣ Периклъ. Мораль исторіи та, что восточный вопросъ, для тѣхъ, кто съ нимъ знакомъ, представляется полнымъ трудностей, и самая мудрая политика для страны, обладающей старыми традиціями, это — имъ слѣдовать. Францискъ I, Генрихъ IV, Людовикъ XIV и позднѣе Людовикъ XVI поддерживали турокъ, и Наполеонъ I, одно мгновеніе ослѣпленный, кончилъ тѣмъ, что предпочелъ попытать счастье въ Москвѣ, чѣмъ подчиниться послѣдствіямъ тайнаго договора въ Тильзитѣ!.. Крымская война была бы не чѣмъ инымъ, какъ кровавой рѣзней, еслибы, не довольствуясь осужденіемъ ея въ принципѣ, мы поступками и словами клонили къ тому, чтобы не воспользоваться ея плодами“¹⁾.

¹⁾ „Je ne sais vraiment *ce que nous voulons*, et il faut que notre pays soit bien léger pour tourner ainsi à tous les vents! Ne connaissait-on pas les Turcs lorsqu'on est venu à leur aide? Est-ce pour leurs beaux yeux que l'on s'est battu, et sont-ils *moins nécessaires* en 1858 qu'en 1854?.. Je reçois de quelques-uns de mes correspondants de France des lettres empreintes d'une véritable turcophobie et d'une grecophilie non moins exaltée! S'ils faisaient un voyage en Orient, ils rabattraient beaucoup de leur enthousiasme. Pour moi, qui ai vécu à Athènes et à Constantinople, je trouve que les chrétiens et les musulmans se valent, c'est-à-dire ne valent pas grande chose! Il y a cependant chez les Turcs quelques qualités qui manquent aux Grecs, et depuis que les seconds sont délivrés des premiers, il ne me semble pas qu'ils aient fait preuve d'esprit de conduite, le seul qui sert aux peuples. Il est facile, en théorie, d'opposer l'Évangile au Coran, Périclès à Mahomet II... En fait le Coran n'empêche pas les imams d'avoir plus de tolérance pour les catholiques que les popes orthodoxes, et si l'on nous appelle „chiens“ quelque part, c'est à l'agora d'Athènes et non au bazar de Stamboul. Abd-ul-Medjid n'est pas un Mahomet II, et le roi Othon, hélas, est encore moins un

Раздѣляя такіе взгляды вмѣстѣ съ большинствомъ тогдашнихъ французскихъ дипломатовъ, Тувенель, въ бытность свою въ Константинополь, не могъ убѣдить въ ихъ справедливости Наполеона, лично дававшего направленіе вѣшной политикѣ. Тѣмъ болѣе удивительно, съ какимъ тактомъ французскій посолъ умѣлъ выполнить предписанія своего правительства, которыя шли въ разрѣзъ съ его личными убѣжденіями. Даже въ глазахъ опытнаго и осторожнаго Бутенева онъ казался убѣжденнымъ сторонникомъ франко-русскаго сближенія! Мягкимъ и предупредительнымъ характеромъ Тувенель представлялъ противоположность своего англійскаго коллеги. „Я не знаю никого, съ кѣмъ дѣловыя отношенія были бы одинаково пріятны и легки“, — писалъ о немъ кн. Лобановъ, по случаю окончательнаго его отъѣзда въ Парижъ ¹⁾.

Бутеневъ завязалъ самыя лучшія отношенія съ французскимъ коллегой и не могъ нахвалиться предупредительностью, съ которою тотъ относился ко всѣмъ представленіямъ русской миссіи. На первыхъ порахъ представителямъ великихъ державъ въ Константинополь приходилось постоянно заниматься сообща разрѣшеніемъ важнѣйшихъ и щекотливыхъ вопросовъ о регулированіи отношеній между Турціей, съ одной стороны, и Сербіей и Черногоріей — съ другой, а также устройствомъ управленія въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Бутеневъ и Тувенель дѣйствовали вполне согласно, въ немалой досадѣ англійскаго посла.

Несмотря на старанія Тувенеля поддерживать, по возможности, хорошія отношенія съ представителемъ союзной державы, неуживчивый характеръ англійскаго посла препятствовалъ этому. Въ архивахъ нашего посольства въ Константинополь сохранилась любопытная переписка по одному политическому дѣлу между Бутеневымъ и Тувенелемъ. Изъ нея видно, что, черезъ годъ послѣ заключенія мира, Бутеневъ, по просьбѣ Рэдклиффа, явился

Périclès! La morale de l'histoire c'est que la question d'Orient est bien redoutable pour ceux qui la connaissent, et lorsqu' un pays a de vieilles traditions, le plus sage, pour lui, est encore de les suivre. François I, Henri IV, Louis XIV et plus tard Louis XVI, ont soutenu les Turcs, et Napoléon I, un moment ébloui, a fini par risquer sa fortune à Moscou, plutôt que d'accepter les conséquences du traité secret de Tilsitt!.. La guerre de Crimée n'aurait été qu'une sanglante boucherie, si, non contents de la condamner dans son principe, nous nous conduisions aujourd'hui, ou parlions de manière à ne pas en recueillir les fruits“ (тамъ же, 246—248).

¹⁾ „Je ne connais pas de personne avec laquelle les relations d'affaires soient aussi agréables et aussi faciles“ (Lettre particulière du prince Lobanoff, le 5 (17) Janvier 1860).

посредникомъ между нимъ и Тувенелемъ, передавая послѣдному предложеніе англійскаго посла по одному стоявшему на очереди вопросу. Этотъ характерный инцидентъ можетъ быть всецѣло отнесенъ къ такту Бутенева, благодаря которому онъ могъ создать себѣ столь исключительное положеніе среди представителей державъ, которыхъ такъ недавно соединяла вражда къ Россіи.

Послѣ окончательнаго отъѣзда Рэдклиффа, дѣломъ 1858 г., вліяніе Англии въ Константинополь, создавшееся въ значительной мѣрѣ благодаря усиліямъ ея представителя, не могло удержаться на прежней высотѣ. Преемникомъ Рэдклиффа былъ назначенъ сэръ Генри Бульверъ, бывшій англійскимъ комиссаромъ въ придунайскихъ княжествахъ послѣ парижскаго мира.

„Личный характеръ Бульвера, — доносилъ князь Лобановъ вскорѣ по прибытіи этого дипломата въ Константинополь, — крайняя неустойчивость его образа мыслей и постоянныя противорѣчія, въ которыя онъ впадаетъ; все это, въ концѣ концовъ, уронило всякій личный кредитъ его въ глазахъ турецкихъ министровъ“ ¹⁾. Не опираясь, подобно своему предшественнику, на какія-либо личныя заслуги относительно Турціи, новый великобританскій посолъ съ неменьшею рѣзвостью требовалъ отъ Порты подчиненія малѣйшимъ своимъ требованіямъ и хотѣлъ насильно навязывать султану министровъ. Такое высокомеріе тяготило турокъ и заставляло султана искать иногда поддержки не только Франціи, но и Россіи ²⁾.

Что касается до этихъ двухъ державъ, согласіе, существовавшее между ними въ восточныхъ дѣлахъ, было закрѣплено свиданіемъ обонихъ императоровъ въ Штутгартѣ, въ сентябрѣ 1857 г. На свиданіи этомъ присутствовали кн. Горчаковъ и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Валуевскій. Главнымъ результатомъ происшедшаго при этомъ обмѣна взглядовъ было соглашеніе дѣйствовать въ Турціи сообща. Князь Горчаковъ не преминулъ поставить А. П. Бутенева въ извѣстность о послѣдствіяхъ штутгартскаго свиданія. „Въ каждомъ важномъ вопросѣ, — писалъ онъ, — предварительное соглашеніе между монархами будетъ предшествовать ихъ дѣйствию. Особенно договорились мы относительно того, чтобы наши представители и консульскіе агенты въ Турціи дѣйствовали сообща. О Константинополь не было нужды договариваться, потому что это уже сдѣлано. Ваши

¹⁾ „Le caractère personnel de Bulwer, l'extrême mobilité de ses idées et les continuelles contradictions de son langage ont fini par lui faire perdre tout crédit aux yeux des ministres turcs“ (Lettre du prince Lobanoff. Péra, le 25 Avril (7 Mai) 1859).

²⁾ Lettre confidentielle du prince Lobanow, Péra, le 28 Mars (9 Avril) 1859.

отношенія съ г. Тувенелемъ не оставляютъ намъ ничего желать. Но дѣло обстоитъ иначе съ французскими консулами, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ дѣятельно поддерживаютъ католическую пропаганду. Я обратилъ на это самое серьезное вниманіе гр. Валевскаго. Я сказалъ ему, что мы не добиваемся отъ французскаго правительства прямого противодѣйствія католическимъ миссіонерамъ; на это нельзя было бы надѣяться, взявъ во вниманіе ту предупредительность, которую оно считаетъ своимъ долгомъ выказывать ультрамонтанской партіи; мое представленіе клонилось къ тому, чтобы официальные французскіе агенты не принимали болѣе участія въ проискахъ католическихъ миссіонеровъ, совращающихъ нашихъ единоувѣрцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я обезпечивалъ полную взаимность съ нашей стороны въ этомъ дѣлѣ¹⁾. Оба министра условились послать тождественныя интрукціи своимъ консуламъ въ Турціи.

Въ циркулярномъ предписаніи французскимъ консуламъ, которое гр. Валевскій не замедлилъ вскорѣ послѣ того сообщить нашему правительству, говорилось, что консулы должны направлять свои усилія къ умиротворенію религиозныхъ распрей между различными вѣроисповѣданіями. „Россія исповѣдуетъ религію, къ которой принадлежитъ большинство подданныхъ оттоманской имперіи. Итакъ, вамъ надлежитъ входить въ соглашеніе съ агентами Его Величества Императора Всероссійскаго и направлять совокупныя усилія съ самаго возникновенія какого-либо конфликта, съ цѣлью не только привести его къ скорому и удовлетворительному исходу, но и, главное, помѣшать тому, чтобы онъ разросся до размѣровъ борьбы за политическое или религиозное вліяніе“²⁾.

¹⁾ Dans toute question importante une entente préalable entre les deux Souverains précédera leur action. Nous sommes spécialement convenus que nos représentants et les agents consulaires en Orient recevraient l'ordre de leur cour de marcher d'accord. A Constantinople ce n'était point nécessaire, car c'est déjà fait. Vos rapports avec M. de Thouvenel ne nous laissent rien à désirer. Mais il n'en est pas de même des consuls français qui dans plusieurs endroits appuyent activement la propagande catholique. J'ai appelé sur ce point la plus sérieuse attention du comte Walewsky. Je lui ai dit que nous ne prétendions pas que le gouvernement français contrecarre directement les missionnaires catholiques; cela ne pouvait guère être espéré vu les ménagements qu'il croit devoir au parti ultramontain; mais je lui ai demandé que les agents officiels français ne prissent plus part aux menées des missionnaires catholiques pour détourner de leur foi nos corréligionnaires en lui garantissant une parfaite réciprocité de notre part“.

(Lettre confidentielle de prince Gortchakoff. Sans-Souci, 23 Septembre (5 Octobre) 1857).

²⁾ „La Russie professe la religion de la majorité des sujets de l'Empire Otto-

Таковы были официальные завѣренія французскаго правительства. Трудно судить о томъ, насколько высказываемыя имъ намѣренія были искренни и прочны. Внѣшняя политика Наполеона III была полна противорѣчій и не обладала устойчивостью. Это было причиной недовѣрчивости, съ которою русскій дворъ относился къ нѣкоторымъ заманчивымъ предложеніямъ императора французовъ и не рѣшался вступить на почву положительныхъ обязательствъ.

Но, какъ бы то ни было, сближеніе съ Франціей тотчасъ послѣ крымской войны принесло Россіи громадную пользу. Оно дало нашей дипломатіи опору, съ помощью которой, не теряя времени, она принялась возсоздавать политическое вліяніе Россіи на Востокъ, распатанное парижскимъ трактатомъ. Черезъ три года послѣ севастопольскаго погрома голосъ Россіи вновь получилъ рѣшающее значеніе въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Далекое не всегда раздѣляя взгляды своего правительства, Тувенель, тѣмъ не менѣе, пока былъ посломъ, принужденъ былъ сообразоваться съ ними, несмотря на противорѣчія, которыя были имъ внутренно присущи.

Какъ онъ самъ говорилъ Лобанову, Франція руководилась въ своей восточной политикѣ желаніемъ оказать полное содѣйствіе Турціи для поддержанія и укрѣпленія власти султана на всемъ протяженіи его имперіи и въ то же время поощрять развитіе благосостоянія и преуспѣванія христіанскихъ народностей ¹⁾.

На практикѣ, однако, невозможно было примѣнить полностью эту программу. Нельзя было служить Богу и мамонѣ, и въ каждомъ возникавшемъ вопросѣ приходилось выбирать между двумя сторонами, интересы которыхъ неизбѣжно сталкивались. Съ своей стороны русское правительство раздѣляло виды Наполеона III лишь постольку они благоприятствовали христіанскому населенію Турціи. Сближеніе съ Франціей дало Россіи возможность вернуть себѣ поколебленное обаяніе на христіанскомъ Востокѣ. Впослѣдствіи, когда дружескія отношенія между обѣими

---

man. C'est donc notamment avec les agents de S. M. l'Empereur de Russie que vous aurez à vous entendre et à combiner vos efforts dès l'origine d'un débat quelconque afin non seulement d'amener une solution prompte et satisfaisante, mais pour l'empêcher surtout de s'élever aux proportions d'une lutte d'influence politique ou religieuse“.

(Сообщено посольству въ Константинополь при письмѣ кн. Горчакова. Петербургъ, 15 октября 1857 г.).

¹⁾ Dépêche très confidentielle du prince Lobanoff. Buyukdéré, le 18 (30) Juillet 1859.

державами уступили мѣсто недовѣрью и подозрительности, Франція стала опасаться возрастающаго вліянія Россіи на ея единовѣрцевъ и старалась подорвать его, поощряя въ славянскихъ земляхъ пропаганду націонализма подъ знаменемъ католическихъ миссіонеровъ; но въ первое время сама Франція помогла Россіи возстановить свое значеніе исконной покровительницы христіанъ въ Турціи. Съ другой стороны, сближеніе съ Франціей помогло Россіи упрочить свой авторитетъ въ глазахъ Порты. Съ самаго начала, какъ это видно изъ инструкціи, данной А. П. Бутеневу, русское правительство отнюдь не желало заискивать передъ султаномъ и его совѣтниками, но это нисколько не обязывало насъ стать во враждебныя отношенія къ Портѣ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ министру иностранныхъ дѣлъ кн. Лобановъ такъ характеризовалъ направленіе, котораго, по его мнѣнію, слѣдовало держаться въ Константинополѣ: „Не имѣя завоевательныхъ замысловъ, Россія должна предоставить Турцію внутреннему разложенію, которое завершится въ предначертанный Провидѣніемъ день. Наша цѣль—мирное отвоеваніе законнаго вліянія наравнѣ съ Англіей и Франціей. Разуздѣрить Порту въ честолюбивыхъ замыслахъ, которые намъ приписываютъ, направить наши отношенія съ нею на путь довѣрія и близости, и, съ другой стороны, воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобы сдѣлать болѣе сносною участь христіанъ и поощрять ихъ развитіе въ виду будущаго; такова, мнѣ кажется, задача, предстоящая миссіи“¹⁾. Эту программу, которая вполне соотвѣтствовала взглядамъ нашего правительства, кн. Лобановъ выполнялъ съ успѣхомъ, сохраняя осторожный образъ дѣйствій своего предшественника. Въ томъ же письмѣ онъ констатируетъ замѣтное прогрессивное улучшеніе въ сношеніяхъ съ Портой.

Въ приведенныхъ словахъ русскаго дипломата можно замѣтить сходство съ взглядами, руководившими французской политикой, но тутъ же выступаетъ и коренное различіе: русская миссія находила возможнымъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Портой, но не становилась въ такое положеніе, при которомъ ей приходилось бы выбирать между поддержкой власти султана или покровительствомъ христіанамъ.

Помимо Англіи, которая главною задачею своей политики

¹⁾ Rassurer la Porte sur les vues ambitieuses que l'on nous prête, faire entrer nos relations avec elle dans une voie de confiance et d'intimité et, d'un autre côté, profiter de cette position pour rendre plus supportable le sort des chrétiens et favoriser leur développement en vue de l'avenir—telle est, ce me semble, la tâche dévouée à la mission (Lettre du pr. Lobanoff. Péra, le 25 Avril (7 Mai) 1859).

на Востоѣ ставила борьбу съ русскимъ вліяніемъ, Россіи приходилось считаться въ Константинополѣ съ непріязненнымъ отношеніемъ къ ней австрійской дипломатіи.

Послѣдняя неизмѣнно придерживалась направленія, завѣщаннаго ей княземъ Меттернихомъ въ восточномъ вопросѣ. Ревнивое охраненіе status quo въ Турціи отъ посягательства другихъ державъ, и подъ-рукою—тайная агитація и католическая пропаганда, направляемая австрійскими консулами,—вотъ характерныя черты, всегда отличавшія двоедушную, но послѣдовательную политику Габсбургской монархіи на Балканскомъ полуостровѣ. Развитіе христіанскихъ народностей въ Турціи и стремленіе ихъ улучшить свой бытъ всегда внушали Австріи страхъ за цѣлость собственныхъ разноплеменныхъ владѣній, въ которыхъ не могли не встрѣчаться отголоски эти чаянія.

Вотъ почему наряду съ защитой территоріальной цѣлости оттоманской имперіи австрійскій представитель въ Константинополѣ, баронъ Прокешъ-Остенъ, стоялъ за упроченіе власти султана въ его имперіи, и въ этомъ смыслѣ оказывалъ поддержку Портѣ во всякомъ вопросѣ. Несмотря на это, Австрія не пользовалась довѣріемъ турокъ, которые имѣли достаточно случаевъ убѣдиться въ своекорыстныхъ замыслахъ своего сосѣда. Завѣтной мечтой барона Прокеша было отвлечь Францію отъ сближенія съ Россіей, и такимъ образомъ изолировать послѣднюю на Востоѣ, противопоставивъ ей коалицію Австріи, Англіи и Франціи.

„То, что, по отношенію къ Турціи, принято называть восточнымъ вопросомъ, есть не что иное какъ вопросъ между Россіей и остальной Европой“—таковы его слова, которыя для многихъ стали ходячей формулой.

Мы ознакомились съ направленіемъ восточной политики великихъ державъ послѣ крымской войны и съ личными взглядами нѣкоторыхъ изъ ихъ представителей въ Константинополѣ. Какова же была политика турецкаго правительства въ присутствіи столькихъ постороннихъ вліяній, которыя сталкивались въ борьбѣ за разнообразныя торговые, политическіе и религіозныя интересы?

Турція только-что вышла изъ самаго труднаго и опаснаго положенія, въ которое поставлена была войною съ нами. Благодаря заступничеству союзныхъ державъ, борьба окончилась для нея благополучно. И вотъ, несмотря на это, ей приходилось

платиться самыми тяжелыми жертвами и быть вынужденной присутствовать, какъ посторонній зритель, при отпаденіи отъ нея цѣлыхъ областей. Национальное самолюбіе турокъ жестоко страдало отъ этого зрѣлища. Обреченное на уступки всѣмъ требованіямъ Европы, турецкое правительство должно было бороться у себя дома съ безденежьемъ и опасностью полнаго разоренія, благодаря безразсудной расточительности султана Абдуль-Меджида. Объ эти препятствія разбивались самыя благія начинанія передовыхъ дѣятелей Турціи.

Въ это время во главѣ управленія странкою стояли два замѣчательнѣйшихъ государственныхъ челоувѣка, которые, по своимъ способностямъ и образованію, могли бы сдѣлать честь любому европейскому правительству. Это были Аали и Фуадъ паши. Оба они мечтали создать изъ Турціи сильное и могущественное государство путемъ реорганизаціи всего общественнаго строя и управленія, сохранивъ въ немъ при этомъ гегемонію за турецкой народностью. Поклонники западно-европейской цивилизаціи, эти люди вѣрили въ возможность привить въ мусульманской культурѣ начала западной гражданственности. Это побуждало ихъ искать сближенія съ Франціей, которая ставила задачей своей внѣшней политики торжество либеральныхъ и прогрессивныхъ идей.

Однако французское правительство съ своей стороны не обнаруживало желанія идти на встрѣчу стремленіямъ турокъ въ сближенію и не оказывало Турціи нравственной поддержки.

Въ первые годы послѣ парижскаго мира вниманіе Порты было поглощено первостепенными вопросами внѣшней политики. Во всѣхъ этихъ вопросахъ, какъ мы видѣли, Франція дѣйствовала за-одно съ Россіей и принуждала Порту къ уступкамъ. Такая политика недавняго союзника вызывала въ турецкихъ министрахъ тѣмъ большее разочарованіе, что она отсрочивала эру преобразованій, которую они надѣялись начать при содѣйствіи и руководствѣ Франціи. Турецкіе государственные дѣятели успѣли разочароваться въ благотворности англійскаго вліянія. Ихъ преобразовательные планы нисколько не сходились съ программой, намѣченной въ „гатти-гумайюнѣ“. Задача, поставленная этимъ актомъ—слить въ одно нераздѣльное цѣлое христіанскія и мусульманскія народности Турціи путемъ установленія сразу во всей имперіи полной гражданской равноправности—такая задача представлялась неисполнимою въ глазахъ какъ турокъ, такъ и европейскихъ представителей. Черезъ три года послѣ заключенія парижскаго мира, великій визирь Аали-паша, въ разговорѣ

съ княземъ Лобановымъ, откровенно говорилъ ему, что „гати гумайонъ“ есть „произведеніе, въ которомъ, къ несчастью, благодаря зловредному духу, лорда Рэдклиффа, больше поэзіи, чѣмъ правды, и который нисколько не приноровленъ ни къ мѣстнымъ условіямъ, ни къ степени цивилизаціи турецкихъ провинцій“¹⁾.

Не желая подчиняться указаніямъ Англии, турки естественно тяготѣли въ сторону Франціи. Аали-паша понималъ, повидимому, что согласіе, существовавшее между Франціей и Россіей въ восточныхъ дѣлахъ, принадлежало къ области личной политики Наполеона III, и что симпатіи посла его въ Константинополѣ далеко не соответствовали инструкціямъ, которыхъ онъ вынужденъ былъ придерживаться. Надѣясь, быть можетъ, черезъ посредство Тувенеля склонить впечатлительнаго императора къ размышленію о принятомъ имъ направленіи, Аали-паша воспользовался отлучкою французскаго посла, въ концѣ 1858 г., въ Парижъ, чтобы написать ему горячее письмо, въ которомъ дѣлялся съ нимъ своими „опасеніями и надеждами“, и взывалъ къ поддержкѣ Франціи. Письмо это крайне интересно, для характеристики цѣлаго періода политической исторіи Турціи, которая, подобно намъ, имѣла свои „шестидесятыя годы“ реформъ, съ тою разницею, что реформы эти не могли здѣсь привиться и не имѣли жизненнаго значенія. Слишкомъ глубокой оказалась пропасть между исламомъ и началами европейской культуры, основанной на совершенно иномъ складѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній.

Въ своемъ письмѣ Аали-паша указывалъ на уступки и жертвы, принесенныя Турціей въ угоду Франціи, въ надеждѣ заслужить со стороны послѣдней хотя бы справедливое къ себѣ отношеніе. Въмѣсто этого правительство султана не только не встрѣчаетъ довѣрія къ благимъ своимъ начинаніямъ со стороны Франціи, но наталкивается на недоброжелательное отношеніе. Враждебно настроенная пресса старается дискредитировать турецкое правительство въ глазахъ его подданныхъ и лишить его престижа, безъ котораго не можетъ существовать никакое правительство и немыслимо предпринимать какія-либо преобразованія. Не называя Россіи по имени, Аали-паша горько жалуется на ея политику, которая, будто бы, стремится правдой и неправдой воз-

¹⁾ „Quant au Hattı Houmayoun, a-t-il ajouté, c'est une oeuvre où malheureusement, grâce au génie malfaisant de lord Redcliffe, il y a plus de poésie que de vérité et qui n'est nullement appropriée ni aux conditions locales ni au degré de civilisation de nos provinces“. (Dépêche du prince Lobanoff. Bouyoukdéré, le 9 (21) Mai, 1859, № 63).

становить Францію и общественное мнѣніе Европы противъ Турціи.

„Вы мнѣ скажете, вѣроятно, что Цорта не выполнила всѣхъ обѣщаній, которыя дала въ 1856 г., и что эти проволочки предрасположили противъ нея европейское общественное мнѣніе. Я согласенъ съ тѣмъ, что намъ нужно пройти еще много пути, чтобы достигнуть совершенства въ управленіи. Но я хочу установить тотъ фактъ, что отъ недостатковъ, которые намъ надлежитъ исправить, страдаютъ не одни лишь *христианскіе* подданные, и что не ихъ приходится всего больше жалѣть. Правительство, призванное осуществить столь значительное общественное преобразование, нуждается, помимо престижа, о которомъ я уже говорилъ, еще во времени, въ полной поддержкѣ своихъ друзей и повиновеніи населенія. Вы признаете по справедливости, что въ теченіе двухъ лѣтъ событія вѣшной политики поглощали все наше время; что во всѣхъ отношеніяхъ намъ недоставало поддержки нашихъ друзей, и что враги наши истратили всѣ свои усилія на то, чтобы создавать намъ внутреннія затрудненія съ цѣлью помѣшать намъ заняться дѣлами государственнаго управленія и заставить Европу повѣрить, что мы не способны управлять. Вамъ извѣстно, однако, что если еще есть у насъ народность, которая можетъ управлять другими и служить связующимъ звеномъ между различными общинами, такъ это оттоманская народность. Тѣ, которые незнакомы съ нашей страной и характеромъ племенъ, живущихъ въ ней, не повѣряютъ этому утвержденію, но я берусь доказать имъ на ежедневныхъ примѣрахъ его истину. Наконецъ, еслибы мы могли впредь рассчитывать на большее доброжелательство со стороны нашихъ друзей, то я готовъ, не обинуясь, обѣщать осуществленіе—разумеется, не теорій въ духѣ Стратфорда, но мѣропріятій, воихъ практическая полезность несомнѣнна и настоятельность которыхъ признается истинными друзьями имперіи“¹⁾.

¹⁾ „Vous me direz probablement que la Porte n'a pas réalisé toutes les promesses qu'elle a faites en 1856, et que ces retards ont indisposé l'opinion publique européenne. Je conviendrai que nous avons encore beaucoup de chemin à traverser, pour arriver à la perfection administrative. Mais je tiens à constater que les défauts que nous avons à corriger ne frappent pas exclusivement les sujets *chrétiens*, et que ces derniers sont loin d'être le plus à plaindre. Un gouvernement, appelé à opérer une transformation sociale si considérable, a besoin, outre le prestige dont j'ai parlé plus haut, du temps, de tout l'appui de ses amis, et de la soumission de ses gouvernés. Vous avouerez dans votre justice, que, depuis deux ans, les incidents de la politique extérieure ont absorbé tous nos instants; que l'appui de nos amis nous a fait défaut en tout point et que nos ennemis ont dépensé toute leur

Письмо Аали-паши произвело сильное впечатлѣніе на императора Наполеона, которому Тувенель не преминулъ показать его. Конечно, оно не могло сразу измѣнить политическую систему императора. Во всякомъ случаѣ, наша дипломатія вполне отдавала себѣ отчетъ въ возможности каждую минуту перемѣны фронта со стороны Франціи и возвращенія ея въ союзъ съ Англіей или съ Турціей, въ виду впечатлительнаго и измѣнчиваго характера Наполеона III. Чтобы предугадать такой оборотъ дѣлъ, который крайне неблагоприятно отозвался бы на нашихъ интересахъ, русской дипломатіи приходилось на первыхъ порахъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью въ вопросахъ о покровительствѣ христіанамъ и попеченіи о церковномъ домостроительствѣ на Востокѣ. Въ первомъ изъ двухъ вопросовъ Россія дѣйствовала въ согласіи съ Франціей и, слѣдовательно, имѣла возможность отразить подозрѣнія въ стремленіи къ исключительному протекторату. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда выступали интересы Россіи не только какъ христіанской, но и кромѣ того какъ православной державы, ей приходилось дѣйствовать вполне самостоятельно, и тутъ-то возникала опасность натолкнуться на отпоръ со стороны всѣхъ державъ и Порты. Положеніе осложнялось также робостью высшаго православнаго духовенства: нѣкоторые его представители полагали, что крымская война нанесла непоправимый ударъ Россіи, и боялись, въ случаѣ обращенія къ русской миссіи, навлечь на себя гнѣвъ турецкаго правительства.

Пробывъ больше года въ Константинополѣ, Бутеневъ жаловался, что, несмотря на всѣ свои усилія завязать отношенія съ вселенской патриархіей, онъ наталкивался съ ея стороны на предвзятое намѣреніе избѣгать всякаго прямого и сколько-нибудь близкаго общенія съ миссіей. Патриархъ обращался къ рус-

activité pour nous créer des embarras intérieurs, afin de nous empêcher de nous occuper des affaires administratives de l'empire, et de faire croire à l'Europe que nous sommes incapables de gouverner. Vous savez cependant que, s'il y a encore une race qui puisse gouverner les autres chez nous, et servir de trait d'union entre les différentes communautés, c'est la race Ottomane. Ceux qui ne connaissent pas notre pays et le caractère des populations qui l'habitent, ne croiront pas à cette assertion, mais je me fais fort de leur prouver, par des exemples journaliers, la vérité de ce que j'avance. Enfin, si nous pouvions compter désormais sur un peu plus de bienveillance de la part de nos amis, je n'hésiterais pas à promettre la réalisation, non pas, bien entendu, des théories à la *Stratfordienne*, mais des mesures dont l'utilité pratique est incontestable, dont l'urgence est reconnue par les vrais amis de l'empire" (Lettre d'Aali-Pacha à M. Thouvenel en date du 25 Novembre. 1858. Thouvenel. „Trois années“ etc., p. 316).

скому посланнику лишь по дѣламъ денежнаго или матеріальнаго характера; „что касается вопросовъ высшаго порядка“, Бутеневъ „почти утратилъ надежду, чтобы наши совѣты и предостереженія возымѣли то дѣйствіе, на которое въ правѣ было рассчитывать императорское правительство“¹⁾.

III.—Возобновленіе сношеній между русской миссіей и вселенскою патріархією.—Недостатки церковнаго строя.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возобновленіи дипломатическихъ отношеній съ Турціей, первый секретарь миссіи Е. П. Новиковъ, въ письмѣ въ директору азіатскаго департамента Е. П. Ковалевскому, сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него знакомствомъ со вселенскою патріархією. „Нынѣшній константинопольскій патріархъ Кирилль,—писалъ онъ,—по общему увѣренію, человекъ ограниченный и безъ всякой энергіи,—обязанъ возвышеніемъ своимъ въ патріаршіи санъ партіи, низложившей предшественника его Анеима, будто бы за излишнюю преданность Россіи. Окруженный доносчиками, онъ боится и Порты, и пословъ западныхъ державъ, и предателей въ собственномъ его духовенствѣ. Ему тѣмъ труднѣе принять независимое положеніе, и онъ и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ долженъ быть тѣмъ осмотрительнѣе, что шесть или семь митрополитовъ, составляющихъ синодъ его, почти постоянно окружаютъ его, не выпуская изъ виду, какъ почетная стража.

„Я видѣлъ его въ первый разъ, когда мы съ княземъ Лобановымъ и Аргиропуло²⁾, на первыхъ порахъ нашего пріѣзда, зашли въ нему, для принятія его благословенія, послѣ обѣдни, въ патріаршей церкви. Онъ принималъ у себя членовъ миссіи въ первый разъ послѣ трехлѣтняго ея отсутствія. Говоря о духовномъ единствѣ между русскою и восточною церковью, мы воснудили тогда, въ общихъ чертахъ, и великодушнаго заступничества Россіи, и жертвъ, принесенныхъ ею для блага церкви на Востока. Патріархъ счелъ долгомъ отвѣтить, что благосостояніе этой церкви вполнѣ упрочено мудрою объ ней попечительностью турецкаго правительства, не прибавивъ ни слова о Россіи“.

¹⁾ Quant aux questions d'un ordre plus élevé j'ai presque perdu l'espoir de voir nos conseils ou nos avertissements produire le résultat que le gouvernement impérial avait le droit d'en attendre (Dépêche de M. Bouténéff. Péra, le 17 (29) Novembre).

²⁾ Е. Я. Аргиропуло былъ первымъ драгоманомъ миссіи.

Послѣ вселенскаго патріарха члены нашей миссіи побывали у іерусалимскаго и армянскаго патріарховъ, и нашли у обоихъ самый радушный пріемъ. Узнавъ о томъ, патріархъ Кирилль счелъ долгомъ извиниться передъ нашимъ посланникомъ за свой оффиціальнй отвѣтъ, „ссылаясь на невозможность говорить иначе въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ сѹнода, личныхъ враговъ его, которые могли бы передать Портѣ или лорду Рэделиффу, съ невыгодными для него комментаріями, хотя малѣйшее слово, сказанное имъ въ пользу Россіи.

„Случай загладить эту первую погрѣшность представился ему при визитѣ, который дѣлалъ ему посланникъ 5-го декабря и при которомъ находился и я. Но патріархъ воспользовался имъ неудачно. Правда, онъ принималъ почетнаго гостя со всѣми почестями, подобающими представителю великой державы (*мѣγου δυνδρα*, какъ назвалъ онъ его во вступительномъ привѣтствіи), но оффиціальная холодность опять не покидала его во все продолженіе разговора. И когда, послѣ обычныхъ привѣтствій, Аполлинарій Петровичъ заговорилъ о всегдашнемъ сочувствіи русскихъ государей къ пользамъ единовѣрныхъ имъ христіанъ на Востоцѣ, выставивъ, прежде всего, заботливость турецкаго правительства о благѣ православной церкви въ предѣлахъ Турціи, патріархъ не нашелъ лучшаго отвѣта, какъ объявить, что „они, конечно, очень довольны милостями султана, но въ то же время надѣются и на *покровительствующія державы*“.

„На это посланникъ замѣтилъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ разговора, что съ надеждою его святѣйшества на покровительствующія державы не вполне согласна вредная для православія пропаганда, распространяемая западными миссіонерами, при содѣйствіи именно этихъ державъ, которыя, впрочемъ, могутъ имѣть лучшія намѣренія относительно общаго благосостоянія турецкихъ христіанъ, но православію ни въ какомъ случаѣ сочувствовать не могутъ“. Присутствовавшіе на пріемѣ члены сѹнода успѣли возразить на это, указывая на незначительные, будто бы, успѣхи иновѣрной пропаганды. „Все это словесное ухищреніе кончилось, однако, тѣмъ, что патріархъ Кирилль, отдавая визитъ Аполлинарію Петровичу, 13-го декабря, и имѣя тутъ случай говорить съ нимъ безъ нескромныхъ свидѣтелей, торжественно отрекся отъ своихъ „покровительствующихъ державъ“, и объявилъ напрямикъ, что онъ и вся восточная церковь возлагаютъ всю свою надежду на одну Россію, на одного покровителя, русскаго Государя... Что касается до общаго впечатлѣнія отъ этой бесѣды съ патріархомъ, то во всѣхъ отвѣтахъ его

святѣйшества замѣтно было желаніе отдѣлаться отъ трудныхъ вопросовъ безусловнымъ подтвержденіемъ истины всего, что предлагалось ему къ исполненію, въ видѣ дружескаго совѣта. Онъ согласился со всѣмъ и только прибавлялъ, что патріархія обо всемъ уже позаботилась или станетъ заботиться. Замѣтно было также желаніе всячески щадить западныя державы, избѣгая всякаго непріязненнаго упоминанія объ нихъ даже тамъ, гдѣ шло дѣло о западной пропагандѣ, о которой патріархъ отзывался даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ мало успѣвающей въ предѣлахъ его духовной власти¹⁾.

Двоедушное и недовѣрчивое поведеніе патріарха Кирилла свидѣтельствовало о переменѣ, происшедшей въ средѣ греческаго духовенства по отношенію къ намъ. Вдумываясь въ причины, которыя побуждали вселенскую патріархію чуждаться Россіи, наши дипломатическіе представители не могли освободиться отъ тяжелаго чувства національнаго самолюбія, оскорбленнаго такимъ явнымъ забвеніемъ всего того, что сдѣлано было Россіей для поддержанія и защиты православія въ Турціи. До тѣхъ поръ исконная наша политика исходила изъ убѣжденія въ полной солидарности между пастырями и паствою на Востока. Въ лицѣ первыхъ она видѣла вѣрныхъ выразителей народныхъ нуждъ и вождельній, и потому оказывала всемирное содѣйствіе къ укрѣпленію церковной власти. Сознаніе громадной выгоды, извлекаемой изъ могучей поддержки Россіи, до известной степени сдерживало всегда таившійся въ средѣ восточной іерархіи духъ греческаго націонализма. Крымская война сломала преграды, которыя встрѣчалъ на своемъ пути этотъ націонализмъ въ лицѣ Россіи.

На первыхъ же порахъ наша дипломатія поставлена была въ затруднительное положеніе между двумя противоположными теченіями въ церкви: все духовенство почти безъ исключенія было греческое по происхожденію и духу; а большая часть паствы вселенской патріархіи состояла изъ славянъ. Среди нихъ съ недавняго, сравнительно, времени пробудилось все усиливавшееся народное броженіе, явно враждебное греческому націонализму своихъ пастырей. Этимъ антагонизмомъ спѣшила воспользоваться западная пропаганда. Казалось бы, успѣхи послѣдней должны были сблизить вселенскую патріархію съ Россіей для дружнаго

¹⁾ Письмо Е. П. Новикова къ Е. П. Ковалевскому. Пера, 24-го декабря (4-го января) 1856—7 года. Письмо это напечатано in extenso въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востока“. Петерб., 1886 г.

ей отпора. На дѣлѣ было, однако, иначе. Изъ приведеннаго письма Новикова видно, какъ уклончиво отъивался вселенскій патриархъ объ успѣхахъ католической пропаганды.

Подводя итогъ своимъ наблюденіямъ, Новиковъ высказываетъ мысль, что „въ этомъ новомъ крестовомъ походѣ, который ведетъ противъ насъ католическій Западъ“, мы едва ли можемъ разсчитывать на дѣятельную помощь вселенской патриархіи.

„Изъ двухъ великихъ связей, существующихъ между нами и турецкими славянами, единовѣрія и единокровія, только первая благопріятствуетъ константинопольской патриархіи, другая враждебна ей. Она постоянно отвлекаетъ славянъ отъ Царьграда и сближаетъ съ Россією. Если, въ противодѣйствіе западнымъ ковамъ, мы станемъ въ Болгаріи, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, во главѣ народнаго начала и народнаго образованія, заводя тамъ училища, присылая учителей, богослужебныя книги и утвари, усиливая тамъ число нашихъ агентовъ, сближая болгарскую науку съ православнымъ русскимъ образованіемъ, мы тѣмъ самымъ подвинемъ болгарскій народъ къ самостоятельной жизни и самостоятельной церкви. Если же мы этого не сдѣлаемъ, то сдѣлаютъ за насъ то западныя державы въ обратномъ смыслѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ патриархія можетъ играть только страдательную роль. Съ обѣихъ сторонъ ее преслѣдуетъ призывъ возрожденія славянской народности.

„Такимъ образомъ, между гоненіями Запада и покровительствомъ Россіи вселенская патриархія чувствуетъ одинаково шаткость своего положенія.

„И по странной силѣ вещей, равно отдаляясь отъ Запада и отъ Россіи, она становится союзницей Порты, съ которою связываетъ ее единство цѣлей относительно славянскихъ племенъ“¹⁾.

Перемѣна, происшедшая въ отношеніи къ намъ греческаго духовенства, конечно, сильнѣе чувствовалась въ Константинополѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Наше духовное вѣдомство продолжало придерживаться прежняго взгляда на восточную іерархію, какъ на одинъ изъ существеннѣйшихъ органовъ русскаго вліянія въ Турціи. Взглядъ этотъ былъ однажды вполне опредѣленно высказанъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. синода, гр. Толстымъ, по поводу одного частнаго вопроса.

Въ свою очередь, въ своемъ отвѣтномъ отзывѣ Бутеневъ не преминулъ указать на то, что времена измѣнились. „Вполнѣ соглашаясь съ гр. Толстымъ,—писалъ онъ,—что вліяніе наше

¹⁾ Новиковъ, тамъ же.

на Востокъ опиралось отчасти и на довѣрїи къ намъ греческаго духовенства, а, къ сожалѣнїю, знаю по опыту, что это довѣрїе не существуетъ нынѣ въ той степени, въ какой Россїя имѣла бы на него право послѣ жертвъ, принесенныхъ ею на пользу сего духовенства. Оно естественно должно было поколебаться съ тѣхъ поръ, какъ греческое духовенство пришло къ убѣжденїю, что русское правительство и церковь, имѣя въ виду общее благо и единство всего православїя на Востокъ, одинаково сочувствуютъ исповѣдующимъ его и славянамъ, и грекамъ. Но мы не можемъ забывать, что влїяніе наше на Востокъ опиралось и опирается преимущественно на сочувствїи и преданности къ намъ христіанскихъ племенъ, населяющихъ Турцію, какъ грековъ, такъ и славянъ, и что эти послѣдніе образуютъ большинство въ православномъ населенїи этого края. Не можемъ забывать и того, что не одно высшее греческое духовенство составляетъ главный христіанскій элементъ въ Турціи, но и вся православная паства, и что въ послѣднее время сильно ослабли взаимныя любовь и довѣрїе даже между греческимъ народомъ и его архїереями, которыхъ нельзя нынѣ, какъ прежде, сливать во едино, когда рѣчь идетъ о нашемъ влїяніи на Востокъ¹⁾.

Въ этихъ словахъ содержится интересная характеристика церковной политики Россїи на Востокъ. Долголѣтняя опытность и близкое знакомство съ восточнымъ вопросомъ подсказывали Бутеневу то направленїе, котораго слѣдовало придерживаться отнынѣ, согласуя наше традиціонное отношенїе къ православію въ Турціи съ переменною въ нѣкоторыхъ условїяхъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать. Говоря о возникшемъ антагонизмѣ между пастырями и паствою, нашъ посланникъ въ оцѣнкѣ этого явленїя исходитъ изъ того же вѣроисповѣднаго принципа, которымъ раньше руководствовалась Россїя на Востокъ. Онъ беретъ сторону паствы, состоящей равно изъ грековъ и славянъ, потому что духовенство уклонилось отъ нормальнаго пути.

Отсюда сама собою вытекала для нашей дипломатїи задача способствовать всѣми имѣвшимися въ ея распоряженїи средствами восстановленїю утраченнаго равновѣсія въ церковной жизни и укрѣпленїю нормальныхъ отношенїй между пастырями и паствою.

Вскорѣ представился для этого благоприятный случай.

Подтверждая „всѣ привилегїи и льготы духовныя“, дарованныя издревле султанами своимъ иновѣрнымъ подданнымъ, „гаттигумайюнъ“ 1856 г. гласилъ слѣдующее:

¹⁾ А. П. Бутеневъ—князю Горчакову. Букхедере, 15-го (27-го) мая 1858 года.

„Всякая христіанская или другая не-мусульманская община должна будетъ въ опредѣленный срокъ, при посредствѣ комиссіи, избранной изъ ея же среды, съ одобренія и подъ надзоромъ высочайшей Порты, приступить къ пересмотру своихъ льготъ и привилегій, и, по ихъ обсужденіи, представить Портѣ проектъ реформъ, вызываемыхъ успѣхами просвѣщенія и времени“. Далѣе намѣчались основныя начала предполагаемаго преобразования. Власть и права патріарховъ и епископовъ, дарованныя султанами въ разныя времена, должны быть согласованы съ новымъ положеніемъ христіанскихъ общинъ. Подлежитъ сохраненію „принципъ пожизненнаго назначенія патріарховъ, по пересмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ о выборахъ“. Будетъ опредѣлена форма при вступленіи въ должность патріарховъ и епископовъ. „Духовныя повинности, какого бы вида и существа онѣ ни были, будутъ уничтожены и замѣнены опредѣленіемъ доходовъ патріаршихъ и главъ общинъ и назначеніемъ содержанія и жалованья, справедливо соразмѣренныхъ съ важностью, чиномъ и достоинствомъ различныхъ членовъ духовенства. Имущество движимое и недвижимое духовенства не подвергается никакимъ посягательствамъ; но свѣтское управленіе христіанскихъ и другихъ общинъ будетъ поставлено подъ наблюденіе собраній, избранныхъ въ средѣ самихъ общинъ изъ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ“¹⁾.

Изъ всѣхъ широкихъ преобразованій, намѣченныхъ въ „гатти-гумайюнѣ“, всего легче было выполнить именно эти обѣщанія, которыя заключались въ предоставленіи церковнымъ общинамъ права разработать проекты внутренней организаціи церковнаго управленія, въ которомъ Порта была мало заинтересована.

Турецкому правительству было даже выгодно привести хоть часть „гатти-гумайюна“ въ исполненіе, чтобы выгородить себя въ глазахъ Европы отъ обвиненія въ недобросовѣстномъ отношеніи къ принятымъ на себя обязательствамъ²⁾. Съ другой стороны, въ Порту поступало не мало жалобъ отъ православнаго населенія на различныя злоупотребленія духовенства преимущественно въ славянскихъ земляхъ. Предоставляя самимъ общинамъ установить порядковъ въ своемъ внутреннемъ быту, правительство султана снимало съ себя отвѣтственность за послѣдующее. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, въ ноябрѣ 1857 г. были уже официально обнародованы правила объ учрежденіи и обязан-

¹⁾ См. Юзефовичъ: „Договоры Россіи съ Востокомъ“. Спб., 1869 г., стр. 176.

²⁾ Lettre du prince Lobanoff. Péra, le 29 Novembre (11 Décembre) 1858 г.

ностяхъ церковно-народныхъ собраній для пересмотра дѣйствующихъ положеній о церковномъ управленіи. Все, что было противно правамъ турецкаго правительства и канонамъ церкви, равнѣ исключалось изъ предметовъ обсужденія. Въ основу послѣднихъ полагались указанныя выше статьи „гатти-гумайюна“.

Послѣ обнародованія правилъ начались оживленные переговоры между вселенской патриархіей и Портою по вопросу о составѣ собранія, которое имѣло быть создано, а также относительно и другихъ мѣръ, предложенныхъ правительствомъ. Патриархіи удалось отклонить обязательство для патриарха и епископовъ приносить присягу при вступленіи въ должность, какъ того требовалъ „гатти-гумайюнъ“. Но въ вопросѣ о составѣ собранія Порты не согласилась на требованіе патриархіи, чтобы каждая епархія имѣла своего представителя. Число провинціальныхъ членовъ было ограничено представителями вилайетовъ, въ каждый изъ которыхъ входило нѣсколько епархій¹⁾. Правительство опредѣлило назначить, сверхъ того, десять делегатовъ отъ Константинополя изъ числа двадцати кандидатовъ, имѣвшихъ быть предложенными патриархіею, несмотря на протестъ послѣдней противъ такого стѣсненія свободы выборовъ. Всего свѣтскихъ представителей было 31 человекъ. Въ составъ собранія были сначала также включены шесть митрополитовъ, непремѣнныхъ членовъ сунода, но въ іюлѣ 1858 г. патриархія получила предписаніе замѣнить ихъ другими епископами.

Обо всемъ, что происходило въ Константинополѣ, императорская миссія увѣдомляла министерство иностранныхъ дѣлъ, которое, въ свою очередь, сообщало эти свѣдѣнія нашему духовному вѣдомству. Такимъ образомъ они доходили и до митрополита московскаго Филарета. Помимо того, наши іерархи получали непосредственно отъ настоятеля церкви въ Константинополѣ письма, въ которыхъ, разумѣется, иногда нѣсколько иначе освѣщалось положеніе дѣлъ, чѣмъ въ донесеніяхъ нашего дипломатическаго представителя. Въ свою очередь, миссія поставляема была въ извѣстность обо всѣхъ отъѣздахъ нашего духовнаго вѣдомства по дѣламъ восточной церкви. Въ особенности цѣнны были указанія, заключавшіяся въ запискахъ митрополита Филарета. Большую часть этихъ указаній наша миссія передавала людямъ, причастнымъ церковному управленію; остальные она принимала въ свое собственное руководство. На востокъ до сихъ поръ имя Филарета окружено ореоломъ благоговѣйнаго уваженія.

¹⁾ Вся Турція раздѣлена въ административномъ отношеніи на вилайеты, управленіе ваіями, по нашему - генераль-губернаторами.

Въ архивахъ константинопольскаго посольства не сохранилось, въ сожалѣнію, свѣдѣній о томъ, принимала ли наша миссія участіе въ событіяхъ, до открытія засѣданій церковно-народнаго собранія. Можно съ увѣренностью сказать, что прямого участія съ ея стороны не было оказано. Этому препятствовало недовѣрчивое отношеніе, встрѣченное членами миссіи со стороны патриархіи. При такихъ обстоятельствахъ нашимъ представителямъ не подобало дѣлать перваго шага, и они ограничивались ролью по возможности вѣрныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей. Но безучастной оставаться Россія не могла до конца, и потому свѣдѣнія, приходившія изъ Константинополя, заботили митрополита Филарета, всегда стоявшаго на стражѣ высшихъ интересовъ православія. Извѣстія о составѣ предстоящаго собранія, или *церковнаго совѣта*, какъ онъ его называетъ, пробуждаютъ въ немъ тревожныя опасенія. „Еслибы передъ нами былъ сосудъ,—пишетъ онъ,—въ которомъ четыре части мѣди и одна часть серебра, и насъ заставляли бы назвать его серебрянымъ сосудомъ, мы, конечно сказали бы, что приличнѣе назвать его мѣднымъ. Такъ и совѣтъ, составленный изъ семи духовныхъ и тридцати-одного свѣтскихъ членовъ, вмѣсто названія *церковнаго совѣта* приличнѣе назвать свѣтскимъ совѣтомъ, для подавленія церковной стихіи. Это—переворотъ, когда не только младшіе архіереи, но еще болѣе міряне становятся законодателями для патриарха и синода. И хотя патриархъ находится въ семъ собраніи, но ему здѣсь равенъ каждый изъ 31 мірянь“.

Вмѣшательство Порты въ назначеніе десяти делегатовъ отъ Константинополя представляетъ плохое ручательство въ компетентности этихъ лицъ. Съ другой стороны, устранены члены синода, которые, казалось бы, своею опытностью и знаніями могли бы оказать большую пользу предстоящему дѣлу преобразованія ¹⁾.

Замѣчанія Филарета пришли въ Константинополь, когда собраніе было уже давно составлено. Слѣдовательно, они не могли имѣть практическаго значенія.

Въ это время Бутенева уже не было въ Турціи. 29-го ноября 1858 года онъ поѣхалъ въ отпускъ, изъ котораго уже болѣе не возвращался. Управление миссіею принялъ князь Лобановъ, первый годъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а лѣтомъ 1859 года утвержденный въ должности посланника. Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей въ день отъѣзда Бутенева, Лобановъ писалъ князю Горчакову, что онъ будетъ подробно увѣдомлять его

¹⁾ Записка митрополита Филарета отъ 11-го декабря 1858 г., п. IV.

о ходѣ церковныхъ дѣлъ, соблюдая, однако, крайнюю осторожность въ разузнаваніи того, что просходить, „ибо малѣйшее подозрѣніе во вмѣшательствѣ миссіи въ пренія совѣта реформъ могло бы подать поводъ дѣйствительному и пагубному вмѣшательству другихъ представителей, которые не преминули бы возбудить недовѣріе Порты какъ противъ насъ, такъ и противъ греческаго духовенства“¹⁾.

При такихъ условіяхъ всякое воздѣйствіе нашей миссіи представлялось крайне затруднительнымъ. Задача ея была, однако, вскорѣ облегчена прямымъ обращеніемъ къ русскому представителю нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ собранія, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Эти лица были митрополитъ артскій Софроній и делегаты Константинополя Константинъ и Стефанъ Каратеодори. Послѣдній имѣлъ репутацію знатока каноническаго права. Принадлежа къ одной изъ лучшихъ православныхъ фамилій Константинополя, Стефанъ Каратеодори держалъ себя вполне независимо въ собраніи, несмотря на присутствіе чиновника Порты на засѣданіяхъ. Благодаря этому, а также основательнымъ своимъ познаніямъ, онъ приобрѣлъ весьма значительное вліяніе въ собраніи. Подготовительная разработка проектовъ была поручена комитету, дѣятельнѣйшимъ докладчикомъ котораго былъ Каратеодори. Послѣдній находился въ постоянныхъ и откровенныхъ отношеніяхъ съ княземъ Лобановымъ, довѣрительно сообщая ему о положеніи дѣлъ и ходѣ занятій собранія. Въ свою очередь, получивъ упомянутую записку митрополита Филарета, содержащую, кромѣ указанныхъ замѣчаній, разборъ нѣкоторыхъ постановленій собранія, князь Лобановъ не преминулъ сообщить ее Каратеодори.

Послѣдній представилъ обстоятельныя возраженія и поясненія по всѣмъ пунктамъ. Какъ дѣятельный членъ собранія, возлагавшій самыя большія надежды на результаты его работъ, Каратеодори старался разсѣять предупрежденіе московскаго митрополита Филарета противъ состава собранія.

Филаретъ замѣчалъ, что неправильно было въ основу представительства брать свѣтское дѣленіе Турціи на вилайеты, а не церковное на епархіи. Каратеодори возражалъ, указывая на необходимость сократить число делегатовъ въ виду издержекъ, со-

¹⁾ „Car le moindre soupçon d'ingérence de la mission dans les délibérations du conseil de reformes pourrait donner lieu à une ingérence réelle et funeste de la part des autres représentants, qui ne manqueraient pas de susciter les méfiances de la Porte et contre nous, et contre le clergé grec“ (Lettre du prince Lobanoff. Péra, 29 Novembre (11 Décembre) 1858.

пряженныхъ съ ихъ прибытіемъ и пребываніемъ въ столицѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что турецкое правительство вовсе не посягало на свободу выборовъ и что лица, попавшія въ составъ собранія, являлись вполнѣ вѣрными выразителями нуждъ и желаній православной паствы въ провинціяхъ. Что касается численнаго неравновѣсія между церковнымъ и свѣтскимъ элементами въ собраніи, то это, по словамъ Каратеодори, „не можетъ причинить никакого ущерба церкви, ибо міряне съ благоговѣйной старательностью воздерживаются отъ вмѣшательства въ вопросы духовнаго порядка“. Исключеніе членовъ сѹнода изъ состава собранія Каратеодори объяснялъ тѣмъ, что турецкое правительство полагало болѣе цѣлесообразнымъ дать возможность высказаться архіереямъ, пребывающимъ въ своихъ епархіяхъ и знакомымъ съ нуждами паствы, чѣмъ такимъ, которые тридцать или сорокъ лѣтъ безвыѣздно жили въ столицѣ¹⁾. Возраженія Стефана Каратеодори, въ сущности, мало колебали силу доводовъ митрополита Филарета. Греческій делегатъ не досказывалъ до конца главныхъ причинъ, въ силу которыхъ члены высшаго постѣ патриарха церковнаго учрежденія были устранены отъ обсужденія церковныхъ реформъ. Мы уже видѣли, какъ въ сношеніяхъ съ членами императорской миссіи вселенскій патриархъ былъ смущенъ присутствіемъ при свиданіяхъ членовъ сѹнода. По собственному его признанію, онъ не рѣшался при нихъ откровенно высказывать своихъ симпатій къ Россіи, и, вѣчно опасаясь съ ихъ стороны интригъ, принужденъ былъ вести двоедушную политику. По словамъ Новикова, члены сѹнода суть „почетная стража“ патриарха, „не выпускающая его изъ виду“.

На чемъ же основано было такое преобладающее вліяніе на церковныя дѣла и на самого патриарха членовъ іерархически подчиненнаго ему, церковно-административнаго органа?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ ознакомиться съ нѣкоторыми своеобразными особенностями управленія константинопольской церкви въ рассматриваемую эпоху.

Вслѣдъ за взятіемъ Константинополя, султанъ Магометъ II даровалъ вселенскому патриарху фирманъ, коимъ опредѣлялись права и власть его, а равно и отношеніе мусульманскаго правительства къ православной церкви вообще. Не различая новыхъ подданныхъ султана по племенамъ и народностямъ, фирманъ объединялъ всѣхъ исповѣдующихъ одну вѣру въ одинъ народъ —

¹⁾ Всѣ эти замѣчанія Каратеодори изложены въ особой запискѣ, которую князь Лобановъ, препроводилъ князю Горчакову при письмѣ отъ 21 февраля (5 марта) 1859 года.

румъ-миллетти, представителемъ котораго признавалъ вселенскаго патріарха. Желая имѣть во главѣ покореннаго населенія отвѣтственное лицо, чтобы облегчить себѣ этимъ задачу управления, султанъ предоставлялъ патріарху обширную гражданскую юрисдикцію и признавалъ его законнымъ ходатаемъ по дѣламъ христіанскаго народа, даруя ему право засѣдать въ диванѣ вмѣстѣ съ важнѣйшими турецкими сановниками. Такимъ образомъ, со времени взятія турками Константинополя, вселенскому патріарху было создано самими завоевателями новое положеніе въ государствѣ, гораздо болѣе значительное, чѣмъ то, которымъ пользовались его предшественники при византійскихъ императорахъ. Къ власти церковной присоединено было политическое представительство. Въ глазахъ православнаго населенія, утратившаго политическую самостоятельность, вселенская патріархія стала центромъ, вокругъ котораго сгруппировались всѣ надежды и чаянія покореннаго народа.

Высшая власть въ дѣлахъ общаго управленія и выбора епархіальныхъ архіереевъ въ принципѣ принадлежала патріарху. Синодъ по существу былъ лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ, подчиненнымъ патріарху. Относительно избранія послѣдняго не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ. Между тѣмъ, не только для духовенства, но и для православнаго населенія выборы главнаго представителя церкви и народа имѣли громадное значеніе. Вслѣдствіе отсутствія регламентаціи открывался широкій просторъ для всякаго рода злоупотребленій. Съ теченіемъ времени неблагоприятныя условія, въ которыя поставлены были патріаршіе выборы, значительно повліяли на измѣненіе въ характерѣ самой должности вселенскаго патріарха. Никогда дѣло не обходилось безъ сильныхъ интригъ со стороны духовенства и мірянъ. Населеніе столицы раздѣлялось на партіи, изъ которыхъ каждая проводила своего кандидата, и для достиженія успѣха не стѣснялись входить въ сношенія съ Портою и давать крупныя взятки вліятельнымъ турецкимъ сановникамъ. Въ принципѣ патріархъ избирался на свою должность пожизненно, но турецкое правительство предоставляло себѣ право увольнять патріарховъ въ случаѣ ходатайства о томъ духовенства и паствы или по причинамъ политическаго характера. Таковыя при желаніи, разумѣется, всегда легко было найти. Благодаря этому, въ Константинополѣ въ теченіе 34-хъ лѣтъ перебивало шестнадцать патріарховъ до избранія святѣйшаго Кирилла. Изъ нихъ только четверо умерли въ должности. Случалось, что въ отставкѣ одновременно жили до пяти или шести бывшихъ вселен-

свихъ патриарховъ. В. П. Титовъ, убѣжденный сторонникъ церковно-византійской идеи, мечтавшій создать изъ Константинополя вонистину „Новый Римъ“, подчинивъ его теократическому управленію вселенскаго патриарха, въ 1848 году съ прискорбіемъ замѣчалъ, что „духъ междоусобія, себялюбія и происковъ царствуетъ внутри каждаго изъ восточныхъ синодовъ. Особливо страдаетъ имъ цареградскій престоль. Едва избранъ патриархъ, какъ уже возникаютъ возни, чтобы его свергнуть и замѣстить новымъ кандидатомъ. Каждый митрополитъ ищетъ покровителей, или прямо между турками, или между греческими свѣтскими чиновниками. Сіи послѣдніе, въ свой чередъ, состязаясь о первенствѣ, хлопочутъ каждый въ своемъ кругу и поджигаютъ турецкихъ сановниковъ мѣшаться въ церковныя дѣла и назначенія. Отъ этого патриархъ, вмѣсто вниманія къ дѣламъ церкви, со дня своего избранія, занятъ одною заботою, какъ поддержать себя и угодить своимъ покровителямъ. Сверхъ того — и онъ, и каждый митрополитъ, зная, сколь не прочно ихъ положеніе, спѣшатъ обогатиться, для обезпеченія себя на черный день и для подарковъ туркамъ“¹⁾.

„Каковы были доселѣ прецеденты, установленные въ патриаршихъ выборахъ?“ — писалъ Каратеодори. „Какой-нибудь мирянинъ во власти, случайный фаворитъ, входитъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми членами синода по денежному разсчету или чтобы выдвинуть своего кандидата, и для этого онъ подкапывается подъ патриарха“. Преемникъ павшаго патриарха остается въ должности, пока новая партія не возьметъ перевѣсъ. Нерѣдко кандидатъ выдаетъ заранѣе извѣстныя письменныя обязательства избирателямъ. Если новый патриархъ перестаетъ слушаться тѣхъ, кому обязанъ возвышеніемъ, бывшіе его сторонники стараются вновь заручиться содѣйствіемъ вліятельныхъ членовъ синода и подаютъ прошеніе въ Порту, будто бы отъ лица всей націи, о смѣщеніи патриарха. Нерѣдко случалось, что, обязанный своимъ возвышеніемъ извѣстной партіи, новоизбранный, по утвержденіи его въ санѣ, переходилъ въ лагерь своихъ бывшихъ враговъ, если на ихъ сторонѣ оказывалось вліяніе. Главную роль въ выборахъ получили постоянные члены синода, составлявшіе его ядро — такъ называемые геронты.

Учрежденіе „геронтіи“ возникло изъ впервые упоминаемаго въ султанскомъ бератѣ 1764 г. правила, въ силу котораго

¹⁾ „О православной церкви на Востокаѣ“. I. „Нижнѣе положеніе дѣлъ“. Пера, 19 января 1848 года.

митрополиты пяти смежныхъ съ Константинополемъ епархій, а именно: гераклейскій, кивическій, никодійскій, нивейскій и халкедонскій, должны вмѣстѣ съ прочими, находящимися въ Константинополѣ, епископами участвовать въ патриаршихъ выборахъ. Въ эпоху установленія этого правила выборы происходили въ тотъ самый день, когда патриаршій престолъ оказывался вакантнымъ, но впослѣдствіи обычай этотъ былъ отмѣненъ. Къ пяти названнымъ митрополитамъ присоединены были еще трое—дерконскій, ефесскій и кесарійскій. Геронты раздѣлены были между собой противоположными интересами, и борьба ихъ за вліяніе всего сильнѣе сказывалась при патриаршихъ выборахъ. Когда, благодаря интригамъ, извѣстной партіи удавалось смѣстить патриарха, временный блюститель вселенскаго престола, по соглашенію съ тѣми изъ геронтовъ, вліяніе которыхъ преобладало въ данную минуту, назначалъ день выборовъ. По свидѣтельству преосвященнаго Софронія Артскаго, созывались лица, которыя заранѣе оповѣщались секретно о намѣченномъ кандидатѣ. Когда они были собраны, происходила тщательная провѣрка, не содержитъ ли собраніе въ средѣ своей пришлецовъ, которые могли бы нарушить единодушіе. Затѣмъ приступали къ выборамъ и провозглашалось имя избраннаго при громкихъ вливахъ: „ἀξιός!“ (достоинъ). Новый патриархъ отправлялся въ Порту съ актомъ собранія о его избраніи и торжественно водворялся въ патриархія.

Съ этого момента для него начиналось обыкновенно униженное подчиненіе партіи, во главѣ которой стояли тѣ или другіе геронты. Положеніе послѣднихъ было столько же прочнымъ и обеспеченнымъ, сколько шатко было положеніе вселенскаго патриарха. Пользуясь слабостью и недолговременнымъ пребываніемъ во власти лицъ, занимавшихъ патриаршій престолъ, геронты присвоили себѣ исключительное право быть несмѣняемыми членами снуда. Въ ихъ рукахъ сосредоточено было все управленіе константинопольскою церковью. Смѣщая и выбирая патриарховъ по своему вкусу, они предпочитали по большей части имѣть на вселенскомъ престолѣ своихъ ставленниковъ, чѣмъ самимъ добиваться этого непрочнаго поста. Выбранный благодаря проискамъ извѣстной партіи, патриархъ долженъ былъ удовлетворять ея желаніямъ и руководиться ея указаніями при посвященіи епископовъ.

Наряду съ геронтіей во вселенской патриархіи возникло аналогичное учрежденіе эфоріи. Пользуясь правомъ постоянного пребыванія въ Константинополѣ, вліятельные митрополиты-ге-

ронты присвоили себѣ право представлять цѣлыя округа, въ которые входило по нѣскольку епархій. Епископъ, обязанный своимъ поставленіемъ эфору, занималъ у послѣдняго подъ большіе проценты деньги, которыя ему нужно было выплатить за инвестиру и прочія повинности ¹⁾. Прибывъ въ свою епархію, новопосвященный долженъ былъ на первыхъ же порахъ заботиться о мѣрахъ къ уплатѣ своего долга, съ нарастающими процентами. Приходилось думать также объ ежегодномъ подаркѣ эфору и подношеніяхъ вліятельнымъ лицамъ. Все это вело къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ епархіальныхъ архіереевъ, которые пользовались въ своихъ дѣяніяхъ заступничествомъ эфора. Мало-по-малу въ константинопольской церкви водворилась анархія. Выведенное изъ терпѣнія алчностью духовенства, население безпрестанно подавало жалобы въ Порту, которая относилась къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, втайнѣ радуясь распрямъ, терзавшимъ церковь. Неурядица осложнялась еще полной матеріальной необезпеченностью всецарскаго престола. Печальнымъ положеніемъ константинопольской церкви не мало пользовалась западная пропаганда, въ распоряженіе которой для борьбы съ православіемъ отпускались значительныя суммы.

Въ средѣ духовенства и вліятельныхъ свѣтскихъ лицъ православной вѣры проявлялось иногда сознаніе ненормальности существующаго строя. Въ октябрѣ 1848 года, при патриархѣ Аноимѣ, предшественникѣ святѣйшаго Кирилла, созванъ былъ церковный совѣтъ изъ восемнадцати епископовъ, для обсужденія реформъ въ церковномъ управленіи. Постановленія совѣта не получили, однако, никакого осуществленія, благодаря противодействию геронтовъ. Въ интересахъ послѣднихъ было, очевидно, не допускать никакихъ преобразованій въ церкви, ибо всякая серьезная реформа должна была начаться съ уничтоженія геронтіи и эфоріи. Только съ устраненіемъ этихъ позднѣйшихъ наслоеній, церковная жизнь могла быть введена въ прежнее свое русло.

Опираясь на предшествовавшій опытъ, сторонники реформъ, въ 1858 году, употребили всѣ усилія къ устраненію геронтовъ отъ участія въ церковно-народномъ собраніи. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ, и Порты, какъ мы видѣли, предписала вселен-

¹⁾ Какъ видно изъ весьма довѣрительной записки митрополита Софронія Артскаго отъ 5 (17) марта 1859 г., подобный заемъ дѣлался по 18—20%. Записка преосвященнаго Софронія, изъ которой заимствованы здѣсь многія подробности, была сообщена имъ князю Лобанову и препровождена послѣднимъ въ Петербургъ при депешѣ отъ 7 (19) марта, 1859, № 32.

своей патриархіи замѣнить геронтовъ другими епископами, пребывающими въ епархіяхъ. Хотя въ числѣ противниковъ геронтіи были и духовныя лица (напр. митрополитъ артскій), но главная оппозиція исходила изъ среды свѣтскихъ лицъ. Съ другой стороны, несмотря на злоупотребленія, связанныя съ антиканоническимъ учрежденіемъ эфоріи, геронты-эфоры имѣли на своей сторонѣ многолѣтнюю опытность и знакомство съ дѣлами, какъ указывалъ на то митрополитъ Филаретъ. Кроме того, пользуясь обеспеченнымъ и прочнымъ положеніемъ, они могли оказывать отпоръ посягательствамъ Порты во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ. Эти достоинства, равно какъ и выгоды, сопряженные съ учрежденіемъ эфоріи, привлекали въ число сторонниковъ геронтовъ многихъ членовъ греческаго духовенства, опасавшагося вторженія въ область церкви—мірянъ. Однако численное превосходство послѣднихъ въ собраніи давало въ ихъ руки большую силу, и съ самаго начала дѣло преобразованія получило характеръ борьбы между свѣтскимъ и церковнымъ элементами.

При такихъ условіяхъ дѣятельность собранія нѣсколько уклонялась отъ правильной постановки своей задачи. Русская миссія стояла въ сторонѣ отъ этой борьбы, но, сочувствуя дѣлу церковнаго преобразованія, она покровительствовала тѣмъ, кто проводилъ его, и такимъ образомъ иногда невольно содѣйствовала торжеству свѣтскаго элемента въ большей мѣрѣ, чѣмъ того требовали интересы правильнаго церковнаго управленія и, слѣдовательно, наши собственные интересы. Но дѣйствія нашей дипломатіи восходили на провѣрку митрополита Филарета. Чуждый мѣстныхъ увлеченій, онъ всегда указывалъ на допущенныя уклоненія отъ вѣрнаго пути и на необходимость съ нашей стороны поддержки твердой церковной власти въ константинопольской церкви.

Кн. Г. Т.

БАБУШКИНА ВНУЧКА

ПОВѢСТЬ.

I.

Ненси только-что проснулась и, лѣниво потягиваясь, дернула длинный шнурокъ сонетки. Въ дверь постучали.

— Entrez!

Въ комнату вошла бѣлокурая швейцарка-горничная.

— Ce que désire mademoiselle?

Но прежде чѣмъ получился отвѣтъ, въ ту же минуту изъ большой комнаты, находившейся рядомъ съ той, гдѣ спала Ненси, появилась высокая фигура очень пожилой дамы, одѣтой въ черное полковое платье съ длинной пелериной; голову ея прикрывалъ большой кружевной чепецъ. Лицо вошедшей носило слѣды давно уже утраченной строгой красоты. Сѣдые волосы были спереди слегка подвиты, и брови старательно подрисованы. Эти подрисованныя брови на совершенно старомъ, поблекшемъ лицѣ производили неприятное впечатлѣніе и отбѣняли еще больше холодный, нѣсколько острый блескъ глубоко засѣвшихъ въ своихъ впадинахъ, когда-то прекрасныхъ черныхъ глазъ; а прямой станъ, бѣлыя, холенныя руки и горделивая, даже нѣсколько высокомерная посадка головы придавали всей фигурѣ какую-то особую величавость. Это была бабушка Ненси—Марья Львовна Гудаурова.

Она безмолвно рубкою махнула горничной, и та вышла.

— Сколько разъ я тебѣ говорила—не зови ее безъ надобности, — замѣтила Марья Львовна полу-строго Ненси:—я вѣдь здѣсь—и помогу тебѣ встать сама.

— Ахъ, бабушка, она такая смѣшная, эта Люси, такая смѣшная... Она мнѣ нравится,... — спѣшила оправдаться Ненси.

— Ну, хорошо, хорошо. Стань, крошка, — я буду тебя вытирать.

Ненси прыгнула на клеенчатый коврикъ возлѣ кровати и, дрожа всѣмъ тѣломъ, терпѣливо ожидала конца скучной операціи, которую бабушка аккуратно совершала надъ ней каждое утро. Но Марья Львовна не торопилась. Она медленно, какъ бы смакуя, проводила губкой, потомъ — жесткимъ полотенцемъ по гибкимъ членамъ еще не вполне сформированнаго, нѣжнаго тѣла Ненси.

— Ну, одѣвайся, крошка!

— Ахъ, слава Богу!.. Ахъ, какъ скучно, бабушка, это обтиранье!.. — И Ненси торопливо начала одѣваться.

— Зато ты мнѣ скажешь потомъ спасибо, крошка, когда въ сорокъ лѣтъ будешь еще совсѣмъ молода.

— Ахъ, это такъ долго, долго ждать. Я не доживу... и потомъ — сорокъ лѣтъ... Ай, какая я буду старуха!..

— А твоя мать?

— О, мама молодая!..

— Но ей сорокъ лѣтъ.

Ненси задумалась.

— Ну, что же ты? Снимай перчатки и одѣвайся.

— Ахъ, да...

Ненси стащила съ рукъ широкія замшевыя перчатки, въ которыхъ всегда спала, по привязанію бабушки, и стала поспѣшно одѣваться.

„Elle a du chien, — думала бабушка, любовно глядя на ловкія движенія Ненси и представляя ее себѣ уже расцвѣтшей красавицей въ парадномъ, пышномъ туалетѣ девольте, дразнящемъ глазъ и воображеніе, окруженною толпою блестящихъ поклонниковъ. — Oui, elle a du chien!..

— А мама встала? — спросила Ненси.

— Elle fait sa toilette... Ахъ, постой! — испуганно остановила бабушка Ненси, нетерпѣливо дергавшую гребнемъ свои длинные золотистые волосы. — Ты съ ума сошла. Дай, я сама расчешу. Ты помнишь, мы читали, почему Сара Бернаръ сохранила свои волосы: il faut les soigner — надо осторожно съ ними... Они требуютъ особаго ухода, если хочешь сохранить ихъ до глубокой старости.

— Ну, бабушка, все сохранять да сохранять — это скучно!

— О, дитя, — загадочно улыбнулась старуха: — наша жизнь

прекрасна, пока она молода, и чѣмъ дольше съумѣешь казаться такою, тѣмъ дольше будешь жить и пользоваться счастьемъ.

— Да какъ же это, бабушка? Вотъ ты: видишь—волосы сѣдые, а брови надо чернить... Значить, все бесполезно,—наставительно произнесла Ненси.

Тѣнь легкой не то — скорби, не то — ироніи пробѣжала по полнымъ губамъ нѣсколько крупно очерченнаго рта старухи. Держа между пальцами концы прядей золотистыхъ волосъ Ненси, она осторожно расчесывала ихъ, стараясь не зацѣпить, не порвать ни одного волоска.

— Вотъ, бабушка, ты и замолчала, — съ торжествомъ воскликнула Ненси, — вотъ ты и побѣждена, побѣждена, побѣждена!..

— Совсѣмъ нѣтъ, — снова улыбнулась старуха: — ты не можешь ничего этого понять. Наступаютъ извѣстные годы. Въ шестьдесятъ-семь лѣтъ, какъ мнѣ, это ужъ настоящая старость, и въ такіе годы стараться быть молодой смѣшно, да и бесполезно... Но видишь: я все же не хочу быть безобразной, какъ другія старухи, и, чѣмъ могу, достигаю того: мою руку всадій можетъ съ удовольствіемъ пожать, даже поцѣловать — она мягка, бѣла, приятна; волосъ красить я не буду — *c'est ridicule*, но беззубый ротъ и лицо безъ бровей не эстетичны. Я не стану ридиться — это смѣшно, но я всегда одѣта просто и изящно; глядя на меня, никто не скажетъ: „какая безобразная, противная старуха“!

— Да, правда, правда, бабушка! — звонко захохотала Ненси. — Юлія Поликарповна... у нея одинъ только зубъ во рту, и когда она говоритъ — у нея такъ смѣшно и противно высовывается языкъ съ одной стороны... и потомъ она втягиваетъ губы... фуй, какъ противно!.. У-у-у, ты моя красавица, красавица, красавица! — Ненси неожиданно бросилась на шею къ старухѣ и стала ее осыпать поцѣлуями.

— О, моя прелесть!.. Психея!.. — шептала растроганная Марья Львовна, отвѣчая на поцѣлуи внучки.

Она посадила къ себѣ на колѣни дѣвочку.

— А ты, ты посмотри на себя, — какъ ты прекрасна! — произнесла она съ восторгомъ, приподнявъ руку Ненси. — Смотри, какія тонкія линіи — совсѣмъ Психея... Все это создано для радости и счастья. И ты должна все это холить и беречь. Теперь — Психея, потомъ будешь Афродита... Помнишь... мы смотрѣли въ Лувръ?

— Ахъ, эта безрукая?!

Бабушка засмѣялась и потрепала Ненси по щекѣ.

— О, глупенькая крошка! Это—красота!

Она спустила Ненси съ волѣнь.

— Однако, будетъ!—поскорѣй одѣвайся и пей свой шоколадъ.

Въ комнату вошла легкой, молодежавой походкой, въ нѣжно-розовомъ фуляровомъ капотѣ, роскошно убранномъ кружевами, высокая, элегантная брюнетка.

— Bonjour, maman,—почтительно наклонила она свою причесанную по послѣдней модѣ голову, чтобы поцѣловать руку Марьи Львовнѣ.

Вошедшая нисколько не походила на свою мать. Это была довольно красивая особа среднихъ лѣтъ, съ мелкими, неправильными чертами лица. Круглыя, высоко поднятыя брови подъ низкимъ лбомъ придавали всей физиономіи не то наивное, не то удивленное выраженіе; а большіе синіе глаза краснорѣчиво говорили о бессонныхъ ночахъ... Въ нихъ жило что-то животное и безстыдно-разгульное... Едва замѣтный пушокъ легкой тѣнью лежалъ надъ верхнею губою ея маленькаго, пухлаго рта; а начинающія уже отцвѣтать щеки были покрыты тонкимъ слоемъ душистой пудры.

— Здравствуй, — сухо отвѣтила на ея привѣтствіе Марья Львовна.—Ты уже почти готова, а мы, видишь, еще прохлаждаемся.

Сусанна Андреевна—такъ звали брюнетку—не обратила ни малѣйшаго вниманія на холодный пріемъ старухи и порывисто бросилась къ Ненси.

— Здравствуй, моя прелесть!

Она вѣриво расцѣловала нѣжныя щеки дочери.

— Ой, да какая же ты вкусная!.. У нея развѣ нѣтъ цвѣтныхъ рубашекъ, маман?—спросила она Марью Львовну.

— Нѣтъ. Я предпочитаю и для ночныхъ, и для дневныхъ—бѣлыя.

— Ахъ, нѣтъ, c'est si joli... rose pâle... отдѣлать валансьеномъ,—такъ шло бы къ этой petite blonde.

— Я не люблю,—рѣзко отвѣтила старуха.

Ненси была уже въ коротенькомъ корсетѣ „ragesseuse“ и въ бѣлой батистовой юбкѣ.

— Я—злѣйшій врагъ такихъ корсетовъ,—почти съ негодованіемъ воскликнула Сусанна Андреевна:—это ядъ для молодыхъ.

— Пожалуйста, не вмѣшивайся не въ свое дѣло,—вспылила старуха:—я не хуже тебя знаю, что ядъ и что полезно.

Сусанна Андреевна уступила и замолчала. Входить въ препрательства съ матерью, да еще изъ-за такихъ пустяковъ, во все не входило въ ея планы. Она провела очень веселую зиму въ Ниццѣ и, соблазняясь сосѣдствомъ Монако, посѣтила этотъ прелестный уголокъ, гдѣ оставила въ недѣлю все свое, полагающееся ей отъ матери и отъ мужа, годовое содержаніе; а теперь, воспользовавшись пребываніемъ Пенси съ бабушкой въ Савойѣ, она прилетѣла сюда и, разыгрывая роль вѣжной дочери и мамы, еще не успѣла приступить къ цѣли своего приѣзда. Предметъ ея страсти—итальянецъ изъ Палермо—ожидалъ ее въ Ниццѣ и бомбардировалъ письмами, а Марья Львовна, какъ на зло, держала себя такъ, что просто не подступись.

Съ самаго ранняго дѣтства Сусанна Андреевна находилась въ странномъ положеніи относительно матери. Блестящая красавица, какою была Марья Львовна въ молодости, къ крайнему своему удовольствію, она долго не имѣла дѣтей. Она выѣзжала, принимала поклонниковъ, задавала пышные рауты и обѣды, поразала своими туалетами заграничные модные курорты и, беззаботно кружась въ вихрѣ свѣтской жизни, жгла миллионное состояніе своего мужа, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, на двадцать-седьмомъ году жизни, съ ужасомъ убѣдилась, что должна сдѣлаться матерью. Не желая, чтобы ее видѣли въ „такомъ положеніи“ ея поклонники, Марья Львовна уѣхала въ одно изъ отдаленныхъ помѣстій; проклиная судьбу, прожила она тамъ девять болѣзненныхъ мѣсяцевъ беременности; проклиная, родила дочь, которой, тѣмъ не менѣе, пожелала дать красивое имя Сусанны. Послѣ чего, въ сопровожденіи прелестной „беби“ и родной кормилицы, снова возвратилась въ Петербургъ, въ кругъ своихъ обожателей, по прежнему стройная и обаятельная. Беби съ кормилицей помѣстили подальше, во внутреннія комнаты, и каждый день мамка, нарядивъ ее во все лучшее и нарядившись сама, преподносила ее „мамашенькѣ“ въ будуаръ, гдѣ Марья Львовна, въ утреннемъ дезабилье, обыкновенно принимала, передъ завтракомъ, своихъ интимныхъ друзей. Она полулежала на кушеткѣ, передъ ней стояли цѣфы и корзины съ самыми рѣдкими, по сезону, фруктами. Она подносила къ глазамъ беби персикъ или пунцовыя вишни и смѣялась, когда не умѣющій владѣть своими движеніями ребенокъ тянулъ ручонки вправо, желая поймать находящійся отъ него влѣво предметъ. Интимные друзья приходили въ восторгъ и бросались цѣловать беби. Ребенокъ подросъ—понадобилось кормилицу замѣнить нянькой. Выписали старушку, сестру одного изъ управляющихъ имѣ-

ціями, а для надзора за нею привезли изъ Парижа француженку. Mademoiselle Тереза, или Тиза, какъ ее сокращенно именовали, интересовавшаяся въ новой для нея обстановкѣ положительно всѣмъ, кромѣ вѣреннаго ей попеченію ребенка, рѣшила съ истинно парижской ловкостью воспользоваться своимъ пребываніемъ въ богатомъ русскомъ семействѣ, чтобы собрать тотъ медъ, который ее соотечественники въ такомъ обиліи привозятъ съ „диваго“ сѣвера. Для этой цѣли она подружилась съ интимными и неинтимными друзьями Марьи Львовны, устраивала свиданья, сплетничала, наушничала; она выучилась съ изумительнымъ искусствомъ направлять въ ту или другую сторону симпатіи и антипатіи обольстительной прелестницы—своей патронессы. Боже сохрани было заслужить нерасположеніе Тизы! Это знали всѣ „друзья дома“ и наперерывъ, одинъ за другимъ, осыпали ее подарками и деньгами. Мужъ Марьи Львовны — человекъ ограниченный и смиренный, обожая свою красавицу-жену и всецѣло будучи ея рабомъ, считая для себя священной обязанностью удовлетвореніе самаго малѣйшаго ея желанія—безпрекословно исполнялъ всѣ прихоти и затѣи Марьи Львовны. А причудамъ ея не было конца. Такимъ образомъ, несмотря на свое огромное состояніе, онъ былъ вѣчно въ тревогѣ, вѣчно озабоченъ, постоянно разѣзжая изъ одной губерніи въ другую для провѣрки управляющихъ и доходности своихъ обширныхъ помѣстій. Сусаннѣ минуло десять лѣтъ, и теперь, кромѣ неизмѣнной Тизы, штатъ ея воспитателей увеличился еще цѣлымъ синклитомъ учителей. Сусанна училась небрежно и лѣниво. Ее гораздо больше интересовали роскошные туалеты матери, чѣмъ книги. Она засматривалась на нихъ, любовалась, и потомъ мечтала о нихъ цѣлыми днями. Часто изъ своей далекой „классной“ она съ завистью прислушивалась къ шуму парадныхъ комнатъ, гдѣ царило вѣчное безумное веселье и гдѣ средоточіемъ этого веселья, богиней его была, казалось, неуязвимая временемъ, ея красавица-мать. Марья Львовна, накануне своихъ сорока лѣтъ, оставалась по прежнему обаятельной, по прежнему неизмѣнной властительницей сердецъ, и Тиза могла также по прежнему собирать обильную жатву даровъ съ „интимныхъ“ и „неинтимныхъ“ друзей. Но годы шли, Сусанна подростала. Вотъ, наконецъ, насталъ тотъ день, когда она, конфузась, но съ тайной радостью въ сердцѣ, появилась въ наполненномъ мужчинами будуарѣ матери. Всѣ были поражены, начиная съ самой Марьи Львовны, юной прелестью этого распускающагося цвѣтка. Около того времени умеръ мужъ Марьи Львовны. Волей-нево-

лей приходилось самой заняться дѣлами. Пропшелъ добрый годъ, пока они постигла, наконецъ, кое-какъ тѣ тайны мелочныхъ заботъ практической жизни, которыхъ всегда чуждалась, считала чѣмъ-то низменнымъ и которыя ей были противны до отвращенія. Между тѣмъ Сусаннѣ минуло семнадцать лѣтъ. Марья Львовна испугалась. Вертись среди вѣчнаго праздника жизни, она не замѣчала существованія дочери. Но какъ же теперь?

Вернувшись къ прежней обстановкѣ и „друзьямъ“, она принуждена была, скрѣпя сердце, всюду и вездѣ появляться съ дочерью. Сусанна обращала на себя всеобщее вниманіе. Какъ въ шампанскомъ, въ ней играла жизнь, была ключомъ, опынная и ее самоё, и всѣхъ окружающихъ. Искусство опытной кокетки, умѣвшей годами поддерживать привязанности къ себѣ, меркло передъ возникающей силой этой будущей вакханки. Марья Львовна возненавидѣла дочь и задумала выдать ее замужъ по возможности скорѣе, безъ проволочекъ, безъ раздумья, только скорѣе. Случай не заставилъ себя ждать. Выборъ палъ на прокутившагося кассира, забуддыгу и пьяницу. Приданое дано хорошее и дѣло слажено. Къ тому же Сусанна сама стремилась выйти замужъ, — въ этомъ она видѣла настоящую свободу и зарю новой, веселой жизни, о которой мечтала еще въ дѣтствѣ, завидуя матери. Выйдя замужъ, Сусанна не теряла драгоценнаго времени. Мужъ былъ очень доволенъ ея взглядами на жизнь, безъ излишней сентиментальности и предрассудковъ, — и оба весело проводили дни, не мѣшая нисколько одинъ другому. Вскорѣ появилась у нихъ на свѣтъ Ненси.

II.

Бабушка впервые увидала Ненси, когда ей исполнилось два года. То были дни тяжелыхъ, грустныхъ испытаній для Марьи Львовны. Толпы интимныхъ и неинтимныхъ друзей рѣдѣли и исчезали вокругъ пятидесяти-четырёхъ-лѣтней старухи. Тиза давно покинула свою *chère dame* и поселилась гдѣ-то въ одной изъ французскихъ провинцій, устроивъ *son ménage* на приобретённые нетруднымъ путемъ русскія деньги. Хотя, благодаря богатству Марьи Львовны, цѣлыя оравы льстецовъ, добивавшихся ея благосклонности, и теперь тѣснились возлѣ нея, замѣняя прежнихъ рыцарей-поклонниковъ ея неотразимой красоты и прелести, но Марья Львовна была слишкомъ горда и самолюбива. Ей становились противны, гадки всѣ эти немолодые и молодые люди,

опивающіеся ея шампанскихъ и готовые притвориться даже влюбленными въ нее. Она презирала ихъ. Она привыкла видѣть у своихъ ногъ поэтовъ и музыкантовъ, слагающихъ въ честь ея стихи и романсы, миллионеровъ, готовыхъ ради ея благосклонности спустить все свое состояніе. Она привыкла изъ лучшихъ лучшимъ отдавать симпатіи своего сердца. Всѣ ея многочисленныя любовныя исторіи были полны иллюзіей и поэзіи. Она привыкла царствовать надъ мужскими сердцами всемогущей властью своего женскаго могущества красавицы... И вдругъ признать эту силу въ деньгахъ, покупать любовь и ласки за деньги! Нѣтъ, для Марьи Львовны это было бы хуже смерти. Она закрыла наглухо двери своего огромнаго дома въ Петербургѣ и уѣхала за границу, гдѣ искала хотя какого-нибудь забвенія. Но гдѣ найти его? Всемогущія чары ушли, оставивъ за собою только раздражающую сладость далекихъ воспоминаній. Сознаніе этой невозвратимой утраты преслѣдовало ее повсюду: и въ Парижѣ, и въ излюбленныхъ курортахъ... Она поселилась, наконецъ, въ Монако и тамъ всецѣло отдалась во власть отвратительному чудовищу, придуманному человѣкомъ—рулетѣй. Она играла, играла, играла съ безумствомъ утопающаго, хватющагося за соломинку. Однако практическій смыслъ, который она приобрѣла во время управленія дѣлами, послѣ смерти мужа, пришелъ въ-время на помощь и помогъ ей выбраться изъ бездны, куда тянула ее ненасытная потребность забвенія. Передъ нею точно въ видѣніи промелькнуло что-то страшное; она увидала грозный призракъ нищеты и, ужаснувшись ея возможности,—очнулась. Въ одно прекрасное утро, когда особенно ярко и привѣтливо свѣтило солнце, она покинула очаровательный уголокъ, оставивъ въ жертву прозорливаго чудовища миллионъ изъ своего двухъ съ половиною миллионнаго состоянія. Подъѣзжая къ Россіи, она, кажется, въ первый разъ за все время охватившаго ее безумія, вспомнила, что у нея есть дочь, и рѣшилась посвятить ее. Въ сердцѣ Марьи Львовны зашевелилось даже что-то похожее на любовь—во всякомъ случаѣ, то была жажда прилѣпиться къ чему-нибудь, жажда привязанности и ласки. Когда она увидѣла Ненси, необыкновенно восторженное чувство овладѣло ею: о! это—живое олицетвореніе амура съ картины Мурильо! Одинъ изъ выдающихся художниковъ своего времени былъ нѣсколько лѣтъ фаворитомъ Марьи Львовны, и она выучилась у него примѣнять свои впечатлѣнія жизни къ произведеніямъ искусства. „Амуръ съ картины Мурильо“ до того овладѣлъ всѣми чувствами Марьи Львовны, что она прожила у дочери гораздо болѣе, чѣмъ предполагала, и когда пришлось

уѣзжать, рѣшилась предложить отдать ей совсѣмъ Ненси. Четъ Войновскихъ (такова была фамилія родителей Ненси) этотъ планъ пришелся очень по вкусу. Приданое Сусанны было уже на исходѣ, и папаша съ деликатной осторожностью намекнулъ бабушкѣ, что, въ виду тяжелой для нихъ разлуки съ единственной обожаемой дочерью, недурно было бы родителей снабдить болѣе или менѣе солидной суммой. На единовременную выдачу Марья Львовна не согласилась, но опредѣлила ежегодно выдавать Сусаннѣ денежное пособіе. На этомъ покончили, и амуръ былъ отданъ въ полное распоряженіе бабушкѣ. Никогда не знавшая дѣтской близости, Марья Львовна растерялась, недоумѣвая, какъ лучше обращаться съ очаровательнымъ амуромъ. Одно казалось ей несомнѣнно яснымъ: жизнь Ненси должна быть сплошнымъ праздникомъ; ни въ чемъ не долженъ встрѣчатъ отказа этотъ чудный ребенокъ; онъ долженъ быть окруженъ роскошью и нѣгой, потому что созданъ для счастья, радости и власти. Такъ рѣшила Марья Львовна и, чтобы дать образцовое воспитаніе внучкѣ, пригласила для этой цѣли рекомендованную ей одну очень почтенную особу; но та оказалась, къ сожалѣнію, воспитательницей черезчуръ суровой, съ слишкомъ спартанскими взглядами; бѣдная извѣщенная Ненси часто плакала, и бабушка разсталась съ воспитательницей. Притомъ, боясь, что долгія усидчивыя занятія, въ которыхъ, благодаря своей впечатлительности и любознательности, была склонна Ненси, губельно повліяютъ на здоровье нервной, малокровной дѣвочки, Марья Львова нашла, что лучшимъ и наиболѣе успѣшнымъ воспитателемъ въ дѣлѣ образованія будутъ для Ненси путешествія. Онѣ стали ѣздить по Европѣ, не оставляя позабытымъ ни одного уголка, хоть сколько-нибудь и чѣмъ-нибудь замѣчательнаго. И дѣйствительно, Ненси скоро выучилась свободно болтать на нѣмецкомъ, французскомъ, английскомъ и итальянскомъ языкахъ—какъ на своемъ собственномъ. Она, правда, затруднилась бы сказать, шестью ли шесть тридцать-шесть или шестью-семь, но зато она твердо знала всѣ школы живописи, она могла указать, въ какомъ музеѣ или картинной галерей, и гдѣ именно, находится картина такова-то мастера, и никогда вещь временъ Людовика XIV не приняла бы за принадлежащую эпохѣ Людовика XV. Бабушка радовалась блестящему облику, прибрѣтенному, благодаря путешествіямъ, ея любимицей, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ правильности своихъ взглядовъ на воспитательное значеніе путешествій.

Организмъ Ненси былъ такъ болѣзненно хрупокъ, что доктора не позволяли ей жить въ Петербургѣ, и бабушка продала

тамъ свои огромные дома, положивъ разъ навсегда никогда болѣе не возвращаться въ этотъ пагубный для здоровья Ненси городъ. Пользуясь всѣми благами жизни богатой дѣвочки, Ненси расцвѣтала и хорошѣла съ каждымъ днемъ. Марья Львовна упивалась, таяла, блаженствовала, созерцая свою любимицу; ей казалось, что въ этомъ нѣжно-прозрачномъ тѣлѣ возрождается она сама, попрежнему юная, прекрасная, и снова начинаетъ жить, радоваться, наслаждаться.

Вотъ именно въ эту эпоху мы и застаемъ ихъ въ Савойѣ, близъ Женевы, въ горахъ, гдѣ бабушка поселилась въ прелестномъ château, чтобы Ненси подышала свѣжимъ горнымъ воздухомъ, а въ августу мѣсяцу предполагалось увести ее въ русскую деревню, по предписанію доктора, на всю зиму.

III.

Былъ ясный и жаркій день, и Ненси настаивала непремѣнно предпринять прогулку на Grand Salève, откуда открывается великолѣпный видъ на Монбланъ и ближайшія къ нему горы. Сусанна Андреевна хотя не особенно долюбливала подобныя экскурсіи, но на этотъ разъ, въ виду своего зависимаго и затруднительнаго положенія, выразила даже восторгъ отъ предполагаемой прогулки. Сначала Ненси пожелала-было идти пѣшкомъ, но тотчасъ одумалась и, пожалѣвъ бабушкины ноги, предложила поѣздку на ослухъ; а когда и это предложеніе оказалось несостоятельнымъ, остановилась на заключеніи, что самый удобный способъ восхожденія на гору—электрической трамвай, ежечасно доставляющій туристовъ на вершину Salève, въ мѣсту, неизвѣстно почему-то называемому „Treize arbres“. Очевидность благоразумія послѣдняго предложенія была признана всѣми, и вотъ въ четыре часа, послѣ плотнаго завтрака, наши путешественницы направились къ станціи.

Ненси очень любила природу. Она даже пробовала рисовать, и обрадованная бабушка сейчасъ же поспѣшила пригласить ей въ учителя одну изъ парижскихъ знаменитостей; но уроки ни къ чему не привели,—таланта у Ненси не было,—были только любовь и чутье, отчасти природное, отчасти выработанное изученіемъ картинъ въ музеяхъ.

— Бабушка, смотри, какое освѣщеніе въ долинѣ!—восхищалась Ненси, когда они въ маленькомъ вагончикѣ медленно поднимались въ гору.—Видишь эту тѣнь сбоку, бросаемую горой...

а влѣво, — посмотри, — деревья купаются въ солнцѣ — видишь? Да, бабушка?

— Да вижу я... вижу! Чего ты кипятиться?

— Монбланъ какъ великолѣпнѣ!.. и всѣ горы!.. Я правду говорила, что надо сегодня ѣхать? Правду?.. Мама, да что же вы не восхищаетесь?!

Сусанна, въ большой соломенной шляпѣ, украшенной полевыми цвѣтами, улыбаясь, небрежно кивнула головой.

— Ахъ, очень, очень мило! *C'est splendide!*.. Я очень люблю горы...

Ей было невыносимо скучно. Когда же кончится эта несносная идиллія и она снова умчится въ Ниццу, гдѣ ждетъ ее черноглазый итальянецъ, гдѣ забудетъ она свои сорокъ лѣтъ и будетъ такъ весело, весело проводить время?!

Въ маленькомъ красивомъ домикѣ, на вершинѣ горы, кипятъ жизнь: любители природы и живописныхъ пейзажей закусываютъ, пьютъ пиво, вино, молоко; англичанки, въ излюбленныхъ ими соломенныхъ канотьеркахъ съ прямыми круглыми полями, добросовѣстно изучаютъ въ бинокли подробности величественнаго горизонта; компанія веселыхъ, подвыпившихъ французовъ громко выражаетъ неизвѣстно по поводу чего неистовый, чуть не дѣтскій восторгъ; далѣе чье-то благочестивое, тихое семейство, мирно расположась на травѣ небольшого лужка, съ необычнымъ аппетитомъ уничтожаетъ довольно основательный запасъ закусокъ, привезенныхъ изъ дому; какой-то мечтательный туристъ заноситъ въ записную книжку свои впечатлѣнія...

Ненси рѣзво побѣжала и бросилась на траву, прямо противъ горъ. — Ахъ, какъ хорошо!

— Ненси!.. — испуганно кричала Марья Львовна: — ты простудишься, иди сюда!.. Мы будемъ сидѣть здѣсь, любоваться, пить *citronade* или что ты хочешь...

— Нѣтъ, бабушка, нѣтъ! оставь меня, не бойся, — я не простужусь, вѣдь жарко. — Не мѣшай, дай мнѣ мечтать...

Марья Львовна, скрѣпя сердце, уступила дѣвочкѣ и осталась съ Сусанной на террасѣ домика: — „О, этотъ своевольный, прелестный ребенокъ!“

„Вотъ, кажется, удобная минута“, — подумала Сусанна.

— Мама, — начала она вкрадливо: — ваша любовь къ Ненси такъ... такъ трогательна, что я не знаю, какъ выразить мою благодарности!..

— Ненси — прелесть!.. — какъ бы про себя проговорила Марья Львовна.

— Ахъ, я сама обожаю ее, но, несмотря на это, всегда уступаю вамъ первое мѣсто, зная, какъ вы ее любите.

Марья Львовна ничего не сказала и только холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ окинула дочь. Этотъ взглядъ взбѣсилъ Сусанну.

„Ну, постой же!“—мысленно произнесла она съ ненавистью.

— Ахъ, шатап!—вдругъ заговорила она мрачно, съ отгнѣвомъ глубокой грусти.—Мнѣ очень, очень тяжело сказать вамъ... но вѣрьте...

— Чтò такое?—небрежно проронила Марья Львовна, любясь красивымъ пейзажемъ, но болѣе всего Ненси въ травѣ. Дѣвочка лежала въ свободной, непринужденной позѣ, упершись локтями въ землю и поддерживая ладонями свою прелестную голову съ роскошными распущенными волосами.

— Я, право, не знаю, какъ это предотвратить,—продолжала Сусанна:—но мой мужъ... Вы знаете его взбалмошный характеръ... Ему вздумалось... онъ захотѣлъ, чтобы я съ нимъ провела зиму... Ахъ, это ужасно!..

Марья Львовна оставалась безучастной.

— И онъ рѣшился... онъ требуетъ... чтобы Ненси тоже...

Марья Львовна вздрогнула и насупилась.

— Какой вздоръ!

— Да, да, да... и я... я ничего не могу подѣлать... потому что... Ахъ, шатап, мнѣ такъ тяжело сказать... Я не могу!

Сусанна вынула платокъ и приложила его къ сухимъ глазамъ.

— Ну, говори скорѣй, не мучь!—отрывисто произнесла Марья Львовна, чувствуя, какъ кровь отлила у нея отъ сердца.

— Вотъ видите, шатап... Я увлеклась и... вы сами знаете, какъ это заманчиво... я думала выиграть и... и... вы знаете—въ Монако... и вмѣсто того...

— Ты проиграла. Ну?

— Ахъ, да, шатап, все... всѣ шесть тысячъ, чтò вы мнѣ даете... Теперь, теперь, вы сами знаете, мнѣ ничего не остается, какъ ѣхать къ мужу, къ этому извергу, и я должна, должна, шатап, и... и Ненси...

— Можешь писать своему болвану, что ты не приѣдешь... Ненси онъ не увидитъ, какъ ушей своихъ. Шестъ тысячъ я тебѣ дамъ,—презрительно проговорила Марья Львовна и направилась къ Ненси.

„Ну, слава Богу!..“—и Сусанна вздохнула свободно.

Ненси лежала и думала. О чемъ думала—сама хорошенько не знала, но она не могла, не въ силахъ была оторваться отъ

этих безсвязныхъ, крылатыхъ думъ, между тѣмъ какъ сердце ея билось и замирало такъ сладко, такъ мучительно-сладко... Она обводила глазами раскинувшуюся глубоко внизу широкую долину, всю усѣянную маленькими бѣлыми домиками, словно точками... Какъ хорошо!.. А вонъ тамъ дальше, въ котловинѣ, высится граціозная зеленая *Môle*; рѣчка вьется у ея подножья... а сзади и съ боковъ полукругомъ оцѣпили ее сѣрыя мглистыя скалы. Еще дальше на синевѣ неба, — вонъ, вонъ, на самомъ краю горизонта — рѣзко обозначилась линія снѣговыхъ горъ. Островоначной пивой встала *Aiguille verte*... Вправо отъ нея потянулся длинный хребетъ самыхъ причудливыхъ формъ и очертаній... А вотъ, наконецъ, и онъ, своими четырьмя изгибами какъ бы подпирающій небо, царственный бѣлоснѣжный Монбланъ!

Ненси все смотрѣла, смотрѣла и смотрѣла. Наступалъ вечеръ. Подъ лучами заходящаго солнца снѣговья вершины приняли ярко-розовый оттѣнокъ. Монбланъ сталъ походить на фантастическое огненное облако, упавшее на совершенно теперь темныя скалы; сѣро-лиловое небо еще ярче выдѣляло абрисъ огненныхъ вершинъ... Прошло двѣ-три минуты; откуда-то набѣжали легкія, прозрачныя тѣни и... все измѣнилось: краски мгновенно поблѣднѣли, ихъ блескъ исчезъ, и только одинъ верхній край исполинскаго конуса Монблана оставался еще нѣкоторое время окрашеннымъ въ ярко-розовый цвѣтъ. Но вотъ потухъ и онъ. Зато на небѣ теперь цѣлая радуга самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Полосы всякихъ оттѣнковъ — и голубая, и блѣдно-розовая, и лиловая, и свѣтло-желтая — необъятнымъ, волосальнымъ ковромъ раскинулись по синей безоблачной лазури. Солнце ушло за Юру. Небо, по прежнему, стало все синимъ и изъ-за потемнѣвшихъ горъ медленно, словно крадучись, выплывалъ блѣдный, меланхолическій дискъ луны. Въ воздухѣ начало замѣтно свѣжѣть. Въ ущельяхъ закурились туманы и поползли вверхъ по утесамъ скалъ...

Ненси вскочила. Она и не замѣтила, что возлѣ нея давно уже стоитъ Марья Львовна.

Вся дрожащая, прижалась она къ старухѣ.

— Чтò съ тобой, крошва? — въ тревогѣ спросила ее Марья Львовна.

— Ахъ, бабушка, мнѣ хорошо... Мнѣ хочется умереть, броситься въ пропасть!..

Бабушка крѣпко, крѣпко прижала къ себѣ пылающую голову Ненси, а старое сердце ея встрепенулось отъ прилива какого-то страннаго чувства радости и тревоги.

„Она созрѣла, милая крошка, — думала Марья Львовна. — Это любовь! L'amour encoге incоппи“...

И вспомнился ей темный, старинный садъ, и длинная липовая аллея, и прїѣхавшій на каникулы ея кузень, красивый мальчикъ-лицеистъ, и сладкій, сладкій поцѣлуй первой любви... Она забыла грустныя стороны этой исторіи: ихъ поймали, кузена выгнали, а ее больно-пребольно высѣкли... Но она все это забыла, и теперь, прижимая къ груди взволнованную, трепещущую дѣвочку, какъ бы переживала вмѣстѣ съ нею предчувствіе и ожиданіе этого перваго упонительно-сладкаго поцѣлуя любви.

Сусанна въ это время, отъ нечего дѣлать, разсматривала книгу, въ которую путешественники вносили свои имена. Тутъ были надписи на всѣхъ языкахъ, даже на японскомъ и сіамскомъ. Она остановилась передъ страницей, гдѣ какою-то энтузіастъ въ глупѣйшихъ стихахъ выражалъ свой восторгъ.

Сусанна улыбнулась и захлопнула книгу.

„Какой дуракъ!.. Ну, скоро ли кончится прогулка съ этой взбалмошной дѣвчонкой, и когда старуха дастъ мнѣ деньги, чтобы я могла, наконецъ, улетѣть отъ нихъ“?..

— Матап!.. — раздался звонкій голосокъ Ненси: — мы уѣзжаемъ!..

— А!.. Я тутъ задумалась немного и не замѣтила, какъ прошло время... Mais... les pensées bien tristes, ma chère enfant!..

Она неизвѣстно почему почувствовала приливъ грустной нѣжности и, притянувъ къ себѣ Ненси, поцѣловала ее въ лобъ.

Дома всѣ молчаливо усѣлись за столъ; въ такомъ же молчаніи прошелъ и обѣдъ, послѣ котораго всѣ вышли на террасу передъ château—полюбоваться видомъ. Château стоялъ очень живописно надъ обрывомъ высокой скалы.

— Ахъ, бабушка, какъ жизнь прекрасна!.. — воскликнула Ненси, глядя на долину, всю залитую луннымъ свѣтомъ, и на Женеву, лежащую въ самой головѣ озера, съ ея роскошной набережной, сверкающей длинной брилліантовой лентой электрическихъ огней!..

— Да, да, да, дитя мое! — отвѣтила Марья Львовна. — Но иди спать, — ты знаешь, какъ мы долго возимся.

Возбужденное состояніе Ненси нѣсколько безпокоило старуху. „Надо съ ней поговорить“, — думала она.

Ненси неохотно повиновалась. Въ спальнѣ началось снова тщательное и безконечное расчесыванье волосъ, потомъ смочили ихъ какимъ-то составомъ, потомъ заплели слабо въ одну косу; потомъ Ненси мылась; потомъ бабушка натирала ей душистой

мазью все тѣло и руки, послѣ чего были надѣты перчатки, и когда все было окончено, Ненси оставалось только закрыть глаза и спать. Но она знала, что не заснетъ: волненіе, охватившее ее тамъ, на верху Salève, не утихало.

— Бабушка, посиди со мной!

— Охотно, моя крошка.

Марья Львовна и сама хотѣла поговорить съ Ненси о щекотливомъ и необходимомъ предметѣ.

— Бабушка, знаешь, мнѣ очень всѣхъ жалко, — сказала Ненси, улыбаясь печальной улыбкой.

Такой оборотъ разговора былъ неожиданъ для Марьи Львовны.

— Какъ жалко?.. Кого?.. Зачѣмъ?..

— Да всѣхъ, всѣхъ... и тебя, и маму... и всѣхъ. Я сама не знаю: мнѣ весело и жалко всѣхъ.

„Ну, это все тѣ же фантазіи, — внутренне успокоилась Марья Львовна. — Ея время пришло — это ясно“. — Ненси, моя крошка... — начала она нѣжно.

— Ахъ, бабушка, знаешь чтò?.. — перебила ее Ненси: — я часто думаю: отчего я не жила въ средніе вѣка, когда были трубадуры и рыцари, когда бились на турнирахъ и умирали за своихъ дамъ! Какъ это было чудно!.. А этотъ домъ, гдѣ мы живемъ теперь... знаешь, вѣдь онъ тринадцатаго вѣка; мнѣ рассказывала Люси, — онъ былъ разрушенъ и его опять построили. Подумай: здѣсь жилъ какой-нибудь владѣтельный баронъ; онъ уѣзжалъ въ походы, его жена стояла на верху башни и ждала его возвращенія. А тамъ, внизу, стоялъ влюбленный трубадуръ и пѣлъ ей о любви...

Марья Львовна сама увлеклась нарисованной дѣвочкою картиной.

— Повѣрь мнѣ, крошка, рыцари и дамы остались все тѣми же, какими они были въ средніе вѣка — измѣнили только одежду; но пока міръ живетъ — исторія любви одна и та же.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Теперь никто не бьется, не умираетъ, не похищаетъ своихъ дамъ и никто не поетъ подъ балконами пѣсенъ. А потомъ одежда... Если бы я была царица, а всѣмъ бы приказала одѣваться опять рыцарями, а дамъ я всѣхъ одѣла бы въ костюмы временъ Людовика XV... А, знаешь, вѣмъ бы я хотѣла быть сама? Маріей-Антуанеттой... Ахъ, какъ я ее люблю! Такая тоненькая, тоненькая, такая изящная...

— Ты будешь лучше, чѣмъ Марія-Антуанетта... Ненси, дитя, послушай, чтò я тебѣ скажу сейчасъ... Ты только молчи и слушай внимательно.

Ненси пытливо и съ любопытствомъ смотрѣла на видимо взволнованную бабушку.

— Вотъ видишь, Ненси, ты и сама не понимаешь; но во мнѣ говорятъ опытъ и любовь къ тебѣ. Ты уже становишься взрослой, ты созрѣваешь, моя родная, и скоро, быть можетъ, очень скоро узнаешь любовь; но помни, крошка: это—царство женщины, и это же можетъ стать ея погибелью. Женщина всегда должна властвовать, хотя бы путемъ хитрости, но никогда не подчиняться. Она должна повелѣвать. И ты, ты дай мнѣ слово, если въ тебѣ, при видѣ какаго-нибудь мужчины, проснется что-то новое, съ чѣмъ ты бороться будешь не въ силахъ,—приди и свяжи мнѣ все, не утаивая.

Ненси засмѣялась.

— О, бабушка, я уже была влюблена...

— Какъ?!..

— Въ моего учителя, въ Парижѣ. Я даже хотѣла убѣжать съ нимъ,—тайнственно прибавила Ненси.—А послѣ отчего-то страшно стало. Я и раздумала.

Марья Львовна улыбнулась.

— Ну, это дѣтскія шалости... Можетъ, Ненси, придти другое. Ты не стыдись, дитя: въ этомъ—назначеніе женщины... Но ты приди и расскажи мнѣ все. Это нужно не только для моего спокойствія, но и для твоего счастья... Слышишь?

— Хорошо, бабушка,—серьезно отвѣтила Ненси.

— Ну, а теперь спи.

Марья Львовна перекрестила внучку и вышла, направляясь къ комнатѣ Сусанны.—„Надо покончить, однако, съ этой душой“,—подумала она.

Та, облекшись снова въ свой розовый фуляръ съ кружевами, нетерпѣливо ходила по комнатѣ, поджидая мать.

Марья Львовна, войдя, опустилась въ кресло.

— Итакъ, ты говоришь, что спустила всё шесть тысячъ.

— Да, маман,—робко отвѣтила Сусанна.

„Опять сначала!..“—Она думала, что уже вопросъ исчерпанъ, и мать приступитъ прямо въ дѣлу.—„Нѣтъ, опять вопросы!“

— И какъ это тебя угораздило?

На языкѣ Сусанны вертѣлся желчный упрекъ:—„А какъ же вась, во время оно, угораздило спустить миллионъ?..“—Но она сдержалась.

— Чтѣ дѣлать, маман, увлеклась.

Мать сердито метнула въ ея сторону глазами.

— Дѣлать нечего,—придется раскошелиться.

— О, маман, вы были такъ добры—вы обѣщали...

— Отъ слова не отказываюсь, но прошу помнить, что больше въ этомъ году не дамъ ни копѣйки... *pas un sou!*

„Ахъ, противная! ахъ, старая!..—бѣсилась Сусанна.—Каковъ тонъ!“

— Маман, это большое несчастіе—просить у васъ денегъ сверхъ положеннаго,—но, увѣряю васъ, больше не повторится,—привнесла она съ нѣкоторымъ достоинствомъ. — *Je suis bien malheureuse moi-même...*

— Ну, ладно. Такъ я тебѣ дамъ сейчасъ чекъ на три тысячи...

Глаза Сусанны стали совсѣмъ круглыми отъ испуга. Марья Львовна усмѣхнулась.

— Не бойся—это пова. Получишь въ *Crédit Lyonnais* здѣсь въ Женевѣ, а остальные, когда приѣду въ Россію, переведу тебѣ въ Парижъ или туда, гдѣ ты будешь обрѣтаться, сейчасъ же... Или, впрочемъ, нѣтъ—бери, на всѣ шесть тысячъ и отстань.

Марья Львовна подписала чекъ и передала дочери. У Сусанны отлегло отъ сердца, и захотѣлось ей, въ припадкѣ веселости, пооткровенничать, похвастаться, позлить маман. Она была увѣрена, что и по сей день вызывала въ матери былия завистливыя чувства.

— *Merci, ma bonne маман!*—бросилась она къ матери на шею и сѣла рядомъ, взявъ старуху за руку.

— Я васъ люблю, маман, и мнѣ такъ больно, больно, что вы... вы ненавидите меня...

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣтила Марья Львовна, глядя въ сторону.—Но какъ-то такъ сложилась жизнь...

— А у меня всегда, всегда влеченіе къ вамъ и мнѣ всегда хочется поговорить, посоветоваться съ вами въ трудныя и радостныя минуты жизни, какъ теперь.

— Что же, я не прочь помочь совѣтомъ—говори.

— Маман... *ma bonne... J'aime!*

Марью Львовну покоробило отъ этого признанія. Сусанна вскочила и стала во весь ростъ передъ старухой, точно актриса, которой стоя удобнѣе говорить монологъ.

— Вы знаете, маман, когда я вышла замужъ, *j'étais trop jeune pour comprendre la vie...* Мой мужъ,—она презрительно повела плечами,—*pour une jeune fille* совсѣмъ былъ неподходящая пара... *même j'étais vierge longtemps, parole d'honneur!*—прибавила она таинственно,—но онъ былъ рыцарь, это правда, онъ далъ мнѣ полную свободу: *nous étions comme des amis* и... по-

явленіе Ненси на свѣтъ—какой-то странный, слѣпой случай. Право!

— Ты спрашиваешь моего совѣта и перебираешь какія-то старинныя исторіи,—нетерпѣливо замѣтила Марья Львовна.— Если ты хочешь сказать мнѣ что-нибудь о тайнѣ рожденія Ненси, то мнѣ все равно, кто былъ ея отцомъ; quand même—она мнѣ внучка, и я ее люблю!..

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, маман! C'est sûr, она—его дочь. Какъ разъ это совпало съ тѣмъ временемъ, quand j'étais toute seule... Но видите, къ чему я это все говорю: я хочу развить послѣдовательно... Вы знаете, маман,—произнесла она съ хвастливо-циничной улыбкой,—qu'on m'aimait beaucoup, beaucoup... и это ни для кого не секретъ, напротивъ, c'est mon orgueil!.. „L'amore e vita“!.. О, это чудное итальянское изреченіе!.. Des romans tristes—я ихъ не знала. Какъ только я видѣла, что дѣло идетъ къ концу—я забастовывала первая, имѣя всегда въ резервѣ un pouceau... О, мужчины—ce sont des canailles! Ихъ надо бить ихъ же оружіемъ, всегда наносить ударъ первой... Не правда ли, маман?

Она засмѣялась звонко и рѣзко, развеселившись сама не на шутку отъ этихъ воспоминаній.

— Но сейчасъ, сейчасъ, маман! — спохватилась она, замѣтивъ скучающее выраженіе на лицѣ старухи:—то, чтó я хочу вамъ разсказать теперь, это—совсѣмъ другое. Вы понимаете, маман: когда возлѣ глазъ собираются лапы и на головѣ нѣтъ-нѣтъ да промелькнетъ сѣдой волосъ... О, маман!..—она вздохнула—наступаетъ для женщины тяжелая, переходная пора. Чтó дѣлать, надо ее пережить. Но если здраво, безъ предрассудковъ смотрѣть на вещи,—можно и эту пору прожить превесело!..—Сусанна подмигнула какъ-то лукаво глазомъ и продолжала тѣмъ же цинично-откровеннымъ тономъ:—Искали насъ, и мы должны искать; платили намъ—и мы должны платить! И это даже справедливо: перемѣна декорации, а сущность та же. Не правда ли?

На лицѣ Марьи Львовны выразилось глубокое презрѣніе. Это подзадорило еще больше Сусанну въ ея измѣніяхъ.

Она бросилась на мягкое кресло, откинувъ назадъ голову:

— И вотъ, маман, теперь j'aime какъ никогда! Онъ юнъ,—ему всего двадцать лѣтъ—mais il comprend l'amour, какъ самый опытный старикъ... Онъ строенъ, гибокъ—это Аполлонъ, и онъ... il m'aime!.. О, маман,—потянулась она съ нескрываемымъ сладострастіемъ: à certain âge, c'est si agréable!

— Развратница!..— съ зловѣщимъ шипѣніемъ вырвалось изъ устъ Марьи Львовны.

Сусанна не смутилась. Она повернула къ матери насмѣшливое лицо и, усмѣхаясь, спросила:

— А вы, маман?

Марья Львовна встала негодующая и злобная.

— Ты... ты не смѣешь такъ говорить со мной!.. Развратница! Развратница!.. Ты была тамъ служанкой, гдѣ я царила!.. Ты въ сорокъ лѣтъ дошла до униженія платить за ласки какому-то проходимцу,—моихъ же добивались, а я въ сорокъ лѣтъ, какъ въ двадцать, была богиней!.. Меня искали, я снисходила, давая счастье; а когда пришла пора—ушла сама съ арены, гдѣ царила полновластно; а ты...

Марья Львовна махнула презрительно рукой и, не договоривъ фразы, вышла изъ комнаты. Проходя мимо Ненси, она остановилась въ раздумьѣ надъ разнѣжившейся въ постели дѣвочкой... А Ненси снились рыцари, трубадуры, дамы въ пышныхъ нарядахъ, Марія-Антуанетта, какою она изображена на портретѣ въ Версалѣ, и, зачѣмъ-то, тутъ же затесался художникъ-французъ, дававшій Ненси уроки въ Парижѣ. Ненси, помня наставленія бабушки о преимуществѣ положенія женщины, что-то призывала французу, а онъ не слушался; это огорчало Ненси, и сонъ ея былъ тревоженъ. Она сбросила одѣяло, разметавшись на постели. Бабушка, прежде чѣмъ прикрыть ее, остановилась въ раздумьѣ надъ изящной, тонкой фигуркой съ точно изваянными ножками.

— Психея... совершенная Психея!.. О, что-то ждетъ ее въ жизни?..

Марья Львовна вдругъ пришло въ голову, что эта Психея также въ сорокъ лѣтъ станетъ „искать“ и „покупать“, какъ та презрѣнная, что говорила сейчасъ. Она вся вздрогнула отъ негодованія.

— О, нѣтъ! Она будетъ царицей и только царицей! На что же я подлѣ нея?

Старуха бережно покрыла дѣвочку одѣяломъ и осѣнила крестомъ.

— Спи, крошка, спи, Христось съ тобою!

IV.

Уже недѣля, какъ Марья Львовна и Ненси—въ деревнѣ. Ненси скучаетъ, а потому рѣшили, посовѣтовавшись съ докто-

ромъ, провести зиму снова за границей. У Ненси не остыла страсть къ рисованію, и она думаетъ возобновить свои уроки живописи у парижской знаменитости. А здѣсь Ненси скучно, „ужасно скучно“, и бабушка не знаетъ, какъ и чѣмъ занять ее. Какъ-то утромъ, отъ нечего дѣлать, бродя по пустыннымъ комнатамъ большого стариннаго дома, Ненси забрела въ бібліотеку, гдѣ отыскала нѣсколько интересныхъ историческихъ книгъ на французскомъ языкѣ. Исторію Ненси любила, и теперь у нея было занятіе—по утрамъ она могла читать, но остальное время дня, по прежнему, тянулось скучно и однообразно.

— О, нѣтъ, пусть лучше меньше пользы для моего здоровья, но въ Парижъ! въ Парижъ!..—твердила Ненси.—Тутъ даже и природы нѣтъ разнообразной—все луга, луга да лѣсъ... Ни холмика, ни горки...

Однажды вечеромъ бабушка велѣла заложить кабріолетъ.

— Поѣдемъ покататься, Ненси..

— Отлично! Отчего тебѣ давно это въ голову не пришло? Я буду сама править.

— Ну, хорошо, но грума мы все-таки возьмемъ.

Ненси быстро убѣжала и почти тотчасъ же вернулась, одѣтая въ шляпку и толстыя перчатки, вся пунцовая отъ нетерпѣнія.

— Чтò же, скоро?

— Да сейчасъ, сейчасъ!

Кучеръ Вавила, жирный, облѣнившійся старикъ, смотрѣлъ, однако, повидимому, на дѣло нѣсколько иначе и совсѣмъ не торопился, несмотря на слезныя просьбы мальчика-грума, который, желая изъ всѣхъ силъ угодить барышнѣ, молилъ его запрятать какъ можно скорѣе.

— Постой... постой,—медленно приговаривалъ Вавила,—не егози... Что поспѣшишь—людей насмѣшишь!..

— Вавила...—раздался, наконецъ, у конюшни нетерпѣливый голосъ Ненси.—Я приду, право, сама помогать!

Вавила усмѣхнулся себѣ въ бороду и повачалъ головой.

— Ишь ты, какая прыткая, что твой гренадеръ!... Шустрѣе больно—поспѣешь... Сей-ча-съ, барышня! —протянулъ онъ, закидывая черезъсѣдельникъ.

Наконецъ запряжка была кончена, и кабріолетъ подвятилъ къ крыльцу.

— Лошадь смирная?—спросила опасно Марья Львовна.

— И-и-и... овца!..—отвѣчалъ Вавила.

Ненси вскочила и ловко взялась за возжи. Бабушка усѣлась рядомъ, а сзади помѣстился грумъ, сынъ завѣдующаго молоч-

нымъ хозяйствомъ, черноглазый расторопный подростокъ Васютка. Онъ былъ грамотный, отлично учился въ школѣ и, услыжавъ о прїѣздѣ господъ, самъ побѣжалъ къ управляющему просить, чтобы его сдѣлали грумомъ.

Лошадь, потряхивая ушами, рѣзво бѣжала по проселочной, хорошо накатанной дорогѣ. Вправо и влѣво потянулись луга, съ разбросанными кое-гдѣ деревьями: тамъ стройный, высокій дубъ стоитъ одиноко, поднявъ горделиво свою кудрявую голову; здѣсь, въ сторонѣ отъ него, близко гнѣпись одна къ другой, молодыя березки скучились небольшой рощицей и между ними завязалась злосчастная осинка, съ вѣчно трепещущими, не знающими повоя листьями. За лугами пошли вспаханные поля. Какой-то запоздалый мужикъ, почти у самой дороги, допахивалъ на бурой, тощей влячонкѣ свою полосу, спѣша окончить долгій рабочий день. На встрѣчу кабриолету, поднимая цѣлую тучу пыли, шла домой съ поля скотина; пастухъ съ длиннымъ-предлиннымъ вьутомъ и двое босыхъ мальчишекъ-подпасковъ, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, подгоняли отстававшихъ коровъ и овецъ. Большая, восматая овчарка, какъ бы съ сознаниемъ серьезности возложенной на нее обязанности, важно выступала впереди стада.

Ненси опустила возжи, и лошадь пошла шагомъ. Проѣзжали мимо небольшой усадебки, стоящей на границѣ бабушкина имѣнія.

Новый, въ русскомъ стилѣ, съ рѣзнымъ крыльцомъ и такимъ же балкономъ, домъ прїютился подъ сѣнью темныхъ развѣсистыхъ липъ и зеленыхъ кленовъ. Передъ домомъ, на небольшомъ открытомъ лужкѣ разбита круглая пестрая клумба, съ очень искуснымъ подборомъ цвѣтовъ. Дверь на балконъ, откуда спускалась лѣстница въ садъ, была раскрыта настежь. Тихіе, меланхолическіе звуки Шопеновскаго ноктурна неслись оттуда и какъ бы замирали, дрожа и плача въ окрестномъ воздухѣ. Кто-то игралъ не столько искусно, сколько увлекательно. Чья-то душа изливалась въ звукахъ. Подъ пальцами играющаго они пѣли, рыдали, они говорили.

„Nocturne“ былъ конченъ. И вотъ, то требуя и угрожая, то плача и изнемогая, понеслись могучіе вопли Бетховенской сонаты „Pathétique“. Тайственный нѣто игралъ удивительно, съ поразительной силой, передавая муки великаго духа, томимагося бытіемъ.

Какъ очарованная сидѣли въ своемъ кабриолетѣ бабушка и Ненси, сдерживая дыханіе, боясь пошевелиться.

Рояль замолеъ, но черезъ минуту онъ зазвучалъ новой, на этотъ разъ безконечно грустной мелодіей. То было „Waghu?“ Шумана. Томящіе звуки неотступной мольбы лились тоскливо и тревожно. Они нарастали больше и больше, а все та же неизмѣнная музыкальная фраза настойчиво повторяла тяжелый, неразрѣшимый вопросъ... Напрасно все!.. Какъ онъ усталъ, какъ изнемогъ онъ, въ тщетныхъ поискахъ—истерванный творецъ, онъ гаснетъ, умирая. И вопль послѣдняго, предсмертнаго „Waghu?“ хватается за душу и рветъ на части сердце.

— Какъ хорошо!..—тихо прошептала Ненси, когда замерла послѣдняя нота.

— Поѣдемъ. Неловко, могутъ замѣтить,—убѣждала бабушка.

— Ахъ, нѣтъ, мы должны послушать еще!

Но слушать больше было нечего. Артистъ кончилъ. Ненси подождала съ минуту, потомъ, вдохнувъ, тронула лошадь, но поѣхала шагомъ, все еще надѣясь, что волшебные звуки опять раздадутся изъ уютнаго деревяннаго домика.

— Какъ хорошо!.. Кто тамъ живетъ и кто такъ очаровательно игралъ?

— Барченковъ...—предупредительно откликнулся Васютка.

Ненси обернулась.

— Какой барченковъ? Неужели онъ маленький?

— Нѣтъ, какой маленький, —фыркнулъ Васютка, —длиннѣйшій. А только онъ молодой совѣмъ еще... Въ гимназію вотъ только пересталъ ходить.

— А!.. да, я теперь припоминаю: это вдова съ сыномъ. Она недавно, лѣтъ пять тому назадъ, купила эту усадьбу. Я какъ-то видѣла ее одинъ разъ въ церкви, — сказала Марья Львовна.

— Ахъ, бабушка, голубушка, —засуетилась Ненси, —позови ихъ къ намъ! Онъ будетъ играть намъ, играть много-много, сколько захотимъ.

— Полно, дитя! Ну, какъ же я позову? Мы незнакомы.

— Ну, милая... ну, ради Бога!.. Напиши записку—они и прійдутъ... Ну, я хочу!—капризно настаивала Ненси.

— Нѣтъ, этого нельзя. Можетъ быть, представится случай, тогда—другое дѣло.

Ненси нетерпѣливо дернула лошадь, и она побѣжала рысью. Дорога пошла хуже; кабріолетъ, поминутно, то подбрасывало на кочкахъ, то совѣмъ навренивало на бокъ, на глубокихъ неровныхъ колеяхъ.

Ненси не обращала ни малѣйшаго вниманія на это обстоя-

тельство. Понукая и торопя лошадь, она ѣхала, не разбирая дороги, сердитая и мрачная.

— Ненси, — взмолилась наконецъ Марья Львовна. — Ты съ ума сошла... Да пожалѣй меня!.. Ѣдемъ назадъ!

Ненси молча повернула лошадь и поѣхала шагомъ. Бабушка чувствовала себя виноватой передъ своей любимицей.

— Ненси, успокойся. Я какъ-нибудь устрою. Разъ ты хочешь — конечно, я сдѣлаю...

Личико Ненси моментально оварилось беззаботной улыбкой. Она чмокнула старуху въ щеку.

— Бабушка, какъ это будетъ весело!.. Онъ будетъ играть много, много...

Когда кабриолетъ снова поровнялся съ домикомъ, дверь балкона оказалась закрытой; но ея большія, широкія стекла позволяли видѣть уютную комнату, освѣщенную лампой съ красивымъ абажуромъ, и сидящихъ у стола: пожилую, благообразной наружности женщину, съ работой въ рукахъ, и блѣднаго, худощаваго юношу, наклонившагося надъ книгой.

— Вотъ это вѣрно онъ — нашъ музыкантъ, — шепнула Ненси. — Посмотри, это и есть барченокъ? — спросила она Васютку.

— Они... они... ёнъ самый! — почему-то ужасно обрадовавшись, Васютка привсталъ даже на своемъ сидѣньѣ, заглядывая въ стеклянныя двери балкона.

Съ этого вечера Ненси не переставала надѣждаться относительно даннаго ей обѣщанія. Старуха не знала, какъ быть? Ѣхать самой она считала неловкимъ и для себя унижительнымъ. Одна оставалась надежда — встрѣтиться въ церкви, находившейся въ имѣнїи Марья Львовны, куда съѣзжались въ обѣднѣ всѣ болѣе или менѣе богомольные сосѣди-помѣщики. Хотя пришлось бы идти на знакомство первой и въ этомъ случаѣ, но церковь какъ-то примиряла съ этою мыслью Марью Львовну. Въ церкви все-таки будто не такъ неловко; тѣмъ болѣе, что церковь принадлежала ей.

Но судьбѣ было угодно распорядиться иначе, и желанію Ненси суждено было исполниться совсѣмъ не по плану, намѣченному бабушкой.

V.

Въ одинъ изъ жаркихъ августовскихъ дней, — такихъ, когда солнце печетъ, какъ будто предупреждая, что это его послѣдніе грѣющіе землю лучи, передъ долгой разлукой его горячіе про-

щальные поцѣлуи,—бабушка была занята расчетами и хозяйственными соображеніями, а Ненси, захвативъ книгу, которую никакъ не могла одолѣть, отправилась въ лѣсъ исвать красиваго тѣнистаго уголка, гдѣ можно было бы, усѣвшись подъ деревомъ, почитать и пометать. Бродя въ раздумьѣ, она увидѣла небольшой песчаный обрывъ, усѣянный кустарникомъ и молодымъ ивнякомъ; на днѣ обрыва лежали большіе сѣрые камни, а возлѣ нихъ протекалъ ручей.

— Вотъ здѣсь усажусь,—подумала Ненси, намѣтивъ самый большой камень у ручья, и стала уже спускаться, какъ вдругъ остановилась. На одномъ изъ уступовъ обрыва, совершенно закрытомъ зеленью, лежалъ онъ—блѣдный, худощавый юноша-музыкантъ—и что-то торопливо писалъ на небольшихъ длинныхъ листкахъ нотной бумаги.

Ненси овладѣло дѣтское, шаловливое чувство: она тихо, безшумно подералась къ пишущему.

— Что вы тутъ дѣлаете?—окликнула она его съ звонкимъ смѣхомъ:—забрались въ чащу, и думаете, что васъ никто не видитъ... А вотъ я и увидѣла!

Юноша вздрогнулъ, инстинктивнымъ движеніемъ рукъ прикрылъ листки бумаги и, увидѣвъ передъ собою озаренную солнцемъ прелестную фигуру хорошенькой дѣвушки, съ длинными, ниспадавшими по плечамъ золотистыми волосами—покраснѣлъ и растерялся. Ненси стало отъ этого еще смѣшнѣе: ее забавлялъ растерянный, сконфуженный видъ знакомаго незнакомца.

— Позвольте представиться—я ваша поклонница. Вѣдь вы артистъ, а я... ваша поклонница.

Юноша всталъ, хотѣлъ поклониться, но въ это время листки нотъ отъ его движенія разсыпались и полетѣли, одинъ догоняя другого, внизъ, къ ручью. Юноша что-то пробормоталъ и бросился за ними въ догону; но Ненси опередила его и, покраснѣвшая, слегка запыхавшаяся, передала ему листки, когда онъ достигъ ручья.

— Благодарю васъ... благодарю...—лепеталъ онъ, неловко кланяясь.

Высокаго роста и худой, онъ былъ угловатъ въ движеніяхъ.

— Сядемте вонъ на тотъ камень,—пригласила его Ненси.— Я къ нему и подбиралась.

Когда они усѣлись, Ненси съ любопытствомъ окинула взглядомъ все еще сконфуженнаго, не знавшаго куда, дѣвать свои руки молодого человѣка, и лицо его ей очень понравилось. Оно было правильной овальной формы, съ тонко-очерченными носомъ и

ртомъ, съ близорукими большими темно-сѣрыми выразительными глазами и высокимъ, необыкновенной бѣлизны, прекраснымъ лбомъ, съ сильно развитыми на немъ выпуклостями поверхъ густо-соболиныхъ бровей. Руки его были нѣсколько велики и некрасивы, но Ненси вспомнила, что это руки музыканта, и простила имъ ихъ некрасивость.

— Какъ ваша фамиля?—спросила она юношу.

— Мирволинъ.

— А моя—Войновская; видите, какъ смѣшно: война и миръ.

А какъ васъ зовутъ?

— Юрій.

— А меня Ненси... т.-е. не Ненси—Елена, но я такъ ужъ привыкла, и Ненси красивѣе... А какъ ваше отчество?

— Николаичъ.

— А мое—Сократовна. Видите, какъ уморительно: Ненси Сократовна... Но вы меня зовите просто—Ненси... такъ всѣ меня зовутъ. Вамъ сколько лѣтъ?

— Девятнадцать.

— А мнѣ чуть-чуть что не шестнадцать... Вотъ будетъ черезъ двѣ недѣли... Тогда я буду ужъ Сократовна, а не просто Ненси... А вы что дѣлали сейчасъ?

Юрій вспыхнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, вы признайтесь мнѣ, не бойтесь... Я никому, никому не скажу.

— Я... я писалъ... сочинялъ,—отвѣтилъ онъ, запнувшись.

— Ахъ, вы и сочиняете... Вотъ вы какой талантъ!.. И у васъ больше въ чему влеченіе: въ грустному или къ веселому?

— Т.-е., какъ это?

— Ну, что вы больше любите?.. Вотъ я—я больше люблю грустное, и даже когда вокругъ весело—мнѣ дѣлается часто грустно... А вы—вы любите веселое?

— Нѣтъ, тоже больше, пожалуй, грустное... въ поэзіи; а въ музыкѣ я люблю все.

— Вотъ, когда вы играли... Ахъ, какъ вы играли!.. Я никогда не забуду... Мы ѣхали мимо—я остановила кабриолетъ, и мы все время стояли, пока вы играли...

Юрій зардѣлся.

— О, Боже мой, зачѣмъ? Если бы я зналъ, я ни за что не сталъ бы играть.

— И очень глупо!—наставительно произнесла Ненси.—А если бы у меня былъ талантъ, я поставила бы рояль на площади самаго большого города и стала бы играть... Со всего

міра приходили бы толпы народа, чтобы слушать меня и наслаждаться.

— Но я еще не музыкантъ!—глубоко вздохнулъ Юрій:—и чтобы играть, по настоящему, я долженъ еще много, много учиться.

— Послушайте... знаете что? Пойдемте сейчасъ къ намъ. Вы будете мнѣ играть... все... какъ тогда... Шопена и Бетховена, и „Wagm“... Ахъ, этотъ чудный „Wagm“!

— А вы любите и знаете музыку?—оживился Юрій.

— Да, я училась и знаю, но я сама играю плохо,—небрежно отвѣтила Ненси.—Но не въ этомъ дѣло... Пойдемте сейчасъ къ намъ!

— Нѣтъ, какъ же это... вдругъ... Не знаю, право...

— О, да какой же вы трусъ!.. Пойдемте!.. Вѣдь мы живемъ только вдвоемъ—бабушка и я... Меня вы, вѣрно, не боитесь,—лукаво усмѣхнулась она,—а бабушка...

— Вотъ ваша бабушка... Она сважеть... Неловко... я не знакомъ.

— Бабушка моя предобрая. Я очень люблю мою бабушку. Что я хочу—то и она хочетъ; что я люблю—то и она любить... У насъ есть старуха, скотница... Она мнѣ попробовала было рассказывать, что бабушка прежде была злая, но я велѣла ей сейчасъ же замолчать... И не повѣрю никогда!.. Кто любить музыку, картины и цвѣты, какъ бабушка—не можетъ быть злымъ... Это неправда!

Юрій слушалъ съ восторгомъ ея мелодическій, юный голосъ. Эта дѣвочка съ золотистыми волосами, говорящая такъ горячо, такъ просто, смѣлая, наивная и прелестная, казалась его восторженной душѣ какимъ-то чуднымъ видѣніемъ, лѣсной, явившейся ему въ солнечныхъ лучахъ, феей.

Не прошло минуты, и онъ уже слѣдовалъ за ней по направлению къ усадьбѣ.

Бабушка покончила со счетами и ожидала Ненси къ завтраку, въ большой прохладной столовой. Несмотря на то, что ихъ было всего двѣ—столъ сервировался очень парадно и имъ прислуживали два лакея въ бѣлыхъ перчаткахъ. Одинъ изъ нихъ старикъ—еще изъ бывшихъ дворовыхъ, другой—молодой, выписанный, по случаю приѣзда барыни, изъ города.

Ненси ввела Юрія за руку, почти силой. Онъ не ожидалъ, что попадетъ въ такія хоромы, и чувствовалъ себя крайне неловко.

— Бабушка! я привела гостя,—кричала Ненси.—Прошу

любить и жаловать... А это — моя бабушка, — обратилась она къ молодому человѣку. — Тоже ваша поклонница, какъ и я...

— Прошу садиться! — проговорила Марья Львовна, желая ободрить сконфуженнаго юношу. — Позавтракайте съ нами... Дмитрій, — еще приборъ!

— Я... очень благодаренъ... я... я завтракалъ.

— Ничего. Въ деревнѣ можно, говорятъ, и завтракать, и обѣдать по два раза, — любезно улыбнулась Марья Львовна.

Юрій сѣлъ, проклиная свою глупую уступчивость настоянiямъ Ненси.

Лакеи подавали чопорно, чуть что не сердито. Юрій задѣлъ ложкой за соусникъ, и тотъ едва не полетѣлъ на полъ. Руки у Юрія дрожали, онъ готовъ былъ провалиться.

— Ничего, — успокоивала его Марья Львовна: — это случается. Нужно ближе подавать, — замѣтила она лакею, который, чувствуя себя вполнѣ правымъ, только презрительно повелъ плечомъ.

Ненси было и жалко бѣднаго музыканта, и она кусала себѣ губы, чтобы не расхохотаться надъ его смущенiемъ и неловкостью. „Что онъ дикiй, что-ли, совсѣмъ?“ — думала она, наблюдая за нимъ.

Наконецъ, несносный для Юрія завтракъ окончился. Перешли въ большой залъ, съ старинной мебелью, украшенной бронзою и великолѣпнымъ новымъ роялемъ по серединѣ. Ненси приступила прямо къ цѣли.

— Ну, конфузливый господинъ, садитесь и играйте, а мы съ бабушкой сядемъ вонъ тамъ и зажмуримъ глаза... Вы знаете: когда зажмуришь глаза и слушаешь музыку, уносишься далеко-далеко, въ заоблачные края...

Юрій чувствовалъ, что положительно не можетъ играть, — до того ему, всегда свободно отдающемуся любимому занятiю, было странно и непривычно положенiе, въ которое онъ попалъ. Онъ стоялъ въ нерѣшимости и имѣлъ самый жалкiй и убитый видъ.

Ненси готова была разсердиться отъ досады, глядя на него.

— Ну, что же, мы васъ ждемъ!.. — подошла она къ нему. — Прикажете раскрыть рояль?..

Она направилась къ роялю, а онъ пошелъ за ней, точно подчиняясь тяжелой, неизбѣжной необходимости, и, сѣвъ къ роялю, поднялъ на нее чуть не съ мольбой свои большiе, ясные глаза:

— Я... ничего не могу играть сегодня, — проговорилъ онъ съ трудомъ. — Сыграю, можетъ быть, романсъ Рубинштейна — и больше ничего.

На этотъ разъ, несмотря на непреклонность своего, наконецъ, исполнившагося желанія, и Ненси почувствовала, что надо повориться.

— Ну, хорошо,—сказала она вротко, съ грустью, и пошла къ бабушкѣ, сидѣвшей на диванѣ.

Юрій заигралъ. Игралъ онъ бѣгло и съ отгѣнками, но то нѣчто, что заставляло его самого забывать весь міръ и воплощаться въ звукахъ, то нѣчто, что уносило его на небо и заставляло сладко замирать сердце—отсутствовало. Лицо Юрія выражало крайнее напряженіе, вокругъ губъ легла глубокая скорбная складка.

„Такъ хорошо было тогда и такъ обыкновенно теперь!—досадовала про себя Ненси.—Какъ я глупо сдѣлала, что упростила его играть“!

Юрій всталъ.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ мрачно, нервно-звонящимъ голосомъ:—я говорилъ—не могу... Ну, просто,—не могу... Когда свободно, когда спускается вечеръ, когда особенное что-то повеетъ въ воздухъ—душа требуетъ звуковъ сама, тогда—я могу... Ну, а теперь... Нѣтъ, зачѣмъ вы заставили меня?!—съ нескрываемымъ горькимъ упрекомъ вырвалось у него...

— О, что вы!..—вступилась Марья Львовна.—Вы очень, очень мило играли... Но вы правы: нужно настроеніе... Однако ничего,—прибавила она ободряющимъ тономъ:—когда-нибудь мы васъ послушаемъ „въ ударѣ“.

— Прощайте!—неожиданно и печально произнесъ Юрій.

— Передайте мой привѣтъ вашей маман и попросите ее, безъ церемоній, по-деревенски, къ намъ. Вѣдь мы сосѣди...

Марья Львовна любезно протянула руку Юрію. Ненси молча кивнула ему головой, и когда онъ ушелъ, побѣжала къ себѣ въ комнату и, отчего, сама не зная,—горько заплакала. Она не хотѣла, чтобы бабушка видѣла ея слезы, и потому вышла черезъ балконъ въ садъ, оттуда въ небольшую рощу и вернулась только къ обѣду, уже безъ малѣйшихъ слѣдовъ волненія.

— Онъ очень милый мальчикъ,—замѣтила бабушка.—Немножко мало воспитанъ, не умѣетъ держаться... manque d'éducation... Но онъ красивъ... въ немъ что-то есть...

— О, нѣтъ!.. Я на него зла!..—какъ-то особенно горячо заговорила Ненси.—Зачѣмъ онъ такъ обманулъ меня... зачѣмъ?..

Бабушка посмотрѣла на нее съ изумленіемъ:

— Какъ обманулъ?

— Да, обманулъ!.. Я думала—онъ гений... музыкантъ... а

онъ, а онъ просто—длинный, скверный, некрасивый мальчишка... верзила!

Ненси не выдержала и разразилась дѣтскими, неудержимыми слезами.

Марья Львовна захохотала.

— Ну, поди сюда, глупенькая!..—она притянула къ себѣ Ненси и посадила на колѣни.—Ну, успокойся!—продолжала она, смѣясь.—Мы его снова сдѣлаемъ гениемъ—вотъ увидишь!

Ненси вдругъ самой стало смѣшно своихъ слезъ, и она за-смѣялась вмѣстѣ съ бабушкой.

— А вотъ нервы твои меня беспокоятъ. Il faut partir absolument,—дай только мнѣ справиться съ дѣлами.

Въ этомъ имѣніи сосредоточивалось главное богатство Марьи Львовны, и потому она, лишь отъ времени до времени, наѣзжая въ другія, неизбѣжно посѣщала его каждый годъ, хотя ненадолго. Сюда же ей присылались и всѣ отчеты по остальнымъ имѣніямъ, и Марья Львовна то разбиралась сама въ толстыхъ прихода-расходныхъ книгахъ, то уходила, для важныхъ совѣщаній, въ кабинетъ съ своимъ управляющимъ, ученымъ агрономомъ Адольфомъ Карловичемъ. Совѣщанія часто получали довольно бурный характеръ: путешествуя постоянно по Европѣ, Марья Львовна стремилась къ новаторству; Адольфъ же Карловичъ, будучи яркимъ консерваторомъ, отвергалъ въ хозяйствѣ всякія пробы и нововведенія. Впрочемъ, послѣ горячихъ преній, побѣда оставалась всегда на сторонѣ осторожнаго нѣмца, вручавшаго владѣлицѣ ежегодно очень крупныя денежныя суммы.

Это было единственное время въ жизни Марьи Львовны, когда голову ея занимали иные мысли и планы, кромѣ Ненси.

На слѣдующее утро, послѣ описаннаго дня, совершивъ обычныя церемоніи по туалету Ненси, бабушка тотчасъ же послала за управляющимъ.

„Надо скорѣе уѣзжать. Здоровье здоровьемъ, но бѣдная дѣвочка уже жаждетъ общества... Elle a seize ans... почти... Требованіе молодости и жизни“...

— Крошка, что ты будешь дѣлать, пока я займусь дѣлами?

— Я буду читать, бабушка.

— Ну, хорошо; а послѣ мы придумаемъ что-нибудь повеселѣе. У меня есть нѣсколько мыслей касательно будущихъ твоихъ туалетовъ—это важный вопросъ,—и мы займемся имъ теперь, на свободѣ.

Бабушка ушла. Ненси вдругъ почувствовала какое-то странное безпокойство. Она ушла на балконъ, взяла книгу. „Нѣтъ,—

не то"!.. Подумавъ, она прошла въ садъ и забралась въ свой любимый старинный бельведеръ, съ круглыми бѣлыми колоннами, построенный на искусственно, для этой цѣли, сооруженной горѣ. Она смотрѣла на подножія колоннъ, покрытыя зеленой застарѣлой плѣсенью, на капители ихъ, гдѣ прилѣпились гнѣзда юркихъ, непосѣдливыхъ ласточекъ; смотрѣла на извилистыя, запущенныя дорожки сада, на пруды съ зелеными островками и полуразрушенными отъ времени замысловатыми мостиками.

Нѣмецъ-управляющій, сосредоточивъ все свое вниманіе на существенныя стороны доходовъ, старался какъ можно больше выжимать изъ имѣнія на пользу помѣщицы (причемъ не забывалъ, конечно, и себя), а садъ, какъ излишняя роскошь, съ его загадочнымъ прошлымъ, съ его тайнами прежнихъ обитателей, гложь съ каждымъ днемъ и умиралъ. Лишь по вечерамъ, когда темнота окутывала деревья и вѣтеръ шевелилъ ихъ макушками, вѣсковыя липы, казалось, шептали другъ другу о давно прошедшихъ, забытыхъ временахъ... Чего-чего не видалъ, не подслушалъ старый садъ: робкія грезы юной дѣвушки, мечтательно глядящей на луну, пламенные влѣтвы, сладость перваго поцѣлуя жены, измѣнившей мужу, циничный развратъ помѣщика, совершающаго грубое насиліе, въ какой-нибудь уединенной бесѣдкѣ, надъ крѣпостной дѣвушкой, ея слезы... проклятія... Все это видѣлъ и слышалъ старый садъ... И вѣсковыя липы, колеблемыя вѣтромъ, таинственно, какъ съ сокрушеніемъ, покачивали своими зелеными головами...

Но Ненси была далека отъ такихъ мыслей. Когда она родилась, рассказы о прежней далекой старинѣ, о житіи ея дѣдовъ, стали забытыми сказками; а изъ того, что она слышала отъ бабушки, она могла вывести только одно заключеніе—что это было очень-очень веселое и поэтическое житіе, когда молодая дѣвушка умѣла быть по истинѣ прелестными, а молодые люди умѣли жить и веселиться. И теперь, сидя здѣсь—на вершинѣ искусственной горки, она живо представляла себѣ, какъ въ этомъ самомъ бельведерѣ съ позеленѣлыми отъ времени колоннами гремѣлъ когда-то оркестръ, а по иллюминированнымъ расчищеннымъ аллеямъ гуляли парами очаровательныя, прекрасныя бабушки, любезно улыбаясь не менѣе очаровательнымъ и элегантнымъ молодымъ людямъ. Но чувство непонятнаго, страннаго безпокойства овладѣло ею сегодня—она не могла ни читать, ни думать. Она встала и пошла, не зная куда, зачѣмъ?—Она шла машинально, какъ бы въ глубокой задумчивости, хотя въ сущности ни о чемъ рѣшительно не думая, подчиняясь точно какой-

то вѣшной силѣ, толкающей ее впередъ. И каково же было ее удивленіе, когда она, незамѣтно для себя самой, очутилась какъ разъ надъ тѣмъ самымъ обрывомъ, у ручья, гдѣ встрѣтилась вчера съ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ, сосредоточенно записывавшимъ плоды своего юнаго творчества. Вдругъ удивленіе ее перешло чуть не въ испугъ, когда она увидѣла на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и вчера, его фигуру. Онъ не писалъ сегодня— онъ полу-лежалъ, опершись на локоть и устремивъ пристальный, нетерпѣливый взглядъ какъ разъ туда, откуда появилась Ненси.

Когда изъ чащи показалась ей стройная фигура и, увидавъ его, остановилась въ нерѣшительности и недоумѣніи, онъ стремительно вскочилъ съ мѣста и поспѣшно пошелъ къ ней на встрѣчу.

— А я васъ ждалъ,— произнесъ онъ торопливо.— Мнѣ что-то говорило, что я васъ опять увижу здѣсь...

На этотъ разъ онъ казался гораздо смѣлѣе, тогда какъ Ненси, наоборотъ, чувствовала себя сконфуженной и точно связанной.

— Пойдемте на нашъ камешекъ,— сказалъ онъ ласково.

Глаза его свѣтились искренней, неподдѣльной радостью.

— Пойдемте.

Пока они спускались къ ручью, на Ненси нѣсколько разъ находило желаніе убѣжать и скрыться тамъ, въ старомъ саду, въ любимомъ бельведерѣ.

Они усѣлись, по вчерашнему, на сѣрый плоскій камень. Въ травѣ неугомонно стрекотали кузнечики, заглушая своимъ трескомъ тихое журчанье ручья, стремительной змѣйкой сбѣгавшаго по камешкамъ. А Ненси чудилось, что всѣ звуки природы: и шелестъ листьевъ, и звонкое ликование насѣкомыхъ, и нѣжная пѣсня ручейка— все это происходитъ въ ней самой, въ ея груди, чередуясь съ частыми биеніями сердца.

— Ну, вотъ вы какая сегодня!..— грустно сказалъ Юрій.— Вчера были такая веселая, а сегодня молчите.

— Я сердитая,— отрывисто произнесла Ненси.

— Вы не можете быть сердитая. Васъ, вѣрно, обидѣли, и вы грустная оттого.

Ненси вскинула на него глазами и точно что-то вспомнила.

— Ахъ, да!..— все тѣмъ же отрывистымъ, мрачнымъ тономъ проговорила она, насупившись.— Правда! Это вы меня обидѣли, вы!

Юрій даже привскочилъ на мѣстѣ.

— Я?.. О, Боже мой, какъ же я могъ обидѣть васъ?

— Да, вы. Я даже изъ-за васъ плакала... А бабушка мнѣ говорила, что никогда не надо плакать изъ-за мужчинъ, а всегда они должны плакать изъ-за насъ... А я, вотъ, плакала.

Юрій сидѣлъ совершенно уничтоженный и пораженный. Какъ могъ онъ, какъ смѣлъ онъ обидѣть эту неземную, прелестную дѣвушку—и чѣмъ? онъ ломалъ себѣ голову.

— Да, вы меня обидѣли. Зачѣмъ вы такъ северно играли вчера,—зачѣмъ?

Юрій прошепталъ что-то въ родѣ извиненія и весь красный, поддаваясь непосредственному влеченію сердца, хотѣлъ взять ее за руку, но испугался самъ этого движенія и потушился.

Ненси тоже вспыхнула, зато прежняя смѣлость вернулась къ ней опять.

— Послушайте, я вамъ прощаю... только на первый разъ! Больше вы не должны такъ играть. Слышите?! И главное,—въ послѣдній разъ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ, вы должны сыграть мнѣ „Wagim“ точь-въ-точь какъ тогда играли, когда я слушала въ кабріолетѣ, а вы этого не знали, да и меня не знали... Хорошо?

Юрій вздрогнулъ.

— Вы развѣ уѣзжаете?.. И скоро?

— Да, въ Парижъ. А—вы, вы любите Парижъ?

— Я его не знаю.

— А-а! Такъ вамъ никогда не было по настоящему весело!..—съ сожалѣніемъ заключила Ненси.

— Я все мечтаю когда-нибудь, когда окончу музыкальное образованіе... увидѣть...

— Нѣтъ, поѣзжайте, поѣзжайте какъ можно поскорѣй!.. Тамъ такъ весело, такъ все красиво: и люди, и экипажи, и улицы!.. Чуть только наступитъ утро, а улицы ужъ полны народомъ и всѣ бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ... и васъ охватываетъ необыкновенное веселье, и вамъ хочется тоже вмѣстѣ со всѣми и за всѣми бѣжать, бѣжать... Экипажи снуютъ, хлопаютъ бичи, кричатъ разносчики... Невѣроятный шумъ, гамъ... Ахъ, какъ весело!

Глаза Юрія загорѣлись огнемъ любопытства.

— А историческіе памятники?.. Вѣдь это городъ великихъ историческихъ переворотовъ...—проговорилъ онъ съ тайнымъ трепетомъ въ груди.

— О, еще бы!.. — подхватила Ненси, сдѣлавшись тоже серьезной.

Она почувствовала свое превосходство передъ нимъ, по части всякихъ свѣдѣній, и роль ментора припала ей видимо по вкусу.

— Еще бы... Я все, все знаю!.. Июльская колонна... Тамъ надпись... Знаете какая?..—и она съ важностью проговорила:— „A la gloire des citoyens Français qui s'armèrent et combattirent pour la défense des libertés publiques“...

— Какъ? какъ?—повторите, пожалуйста!—взмолился Юрій. —Я запишу—это очень интересно.

Ненси охотно исполнила его просьбу, и Юрій аккуратно занесъ въ свою записную книжку надпись Июльской колонны.

— А Place de la Concorde?..—все болѣе и болѣе увлекалась Ненси. —А Тюльери?.. Лувръ... Вы такъ и видите живыми всѣхъ этихъ Генриховъ, Людовиковъ... Потомъ картины: Мадонна Мурильо... этотъ ликъ дѣйствительно святой... и ангелы, и воздухъ!.. А Версаль? Всѣ эти залы... Прелестная Марія-Антуанетта и... эти событія... Тамъ есть картина удивительная: „Dernier Appel“... Что-то величественно страшное!..

Юрій смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Онъ былъ серьезный юноша—много читалъ и много зналъ—но тотъ блескъ, та свобода, съ какими его юная собесѣдница говорила о вещахъ, которыя ему представлялись только въ мечтахъ, какъ что-то далекое, недостижимое—совершенно подавляли его. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ ничтожествомъ передъ этою, по его мнѣнію, необыкновеннаго ума и образованія дѣвушкою. Онъ готовъ былъ расплакаться, стать ея вѣчнымъ рабомъ.

— Ну, прощайте,—прервала свою рѣчь Ненси, протягивая ему руку.—Меня ужъ, вѣрно, ищетъ бабушка.

Онъ дрожащею рукою пожалъ ея маленькую, пухленькую ручку, а въ выраженіи его большихъ красивыхъ глазъ, за минуту передъ тѣмъ сіявшихъ такимъ невыразимымъ счастіемъ, вдругъ появилось что-то горькое, печальное. Ихъ свѣтъ потухъ—они смотрѣли понуро.

Отъ Ненси не укрылась эта пережѣна, и самолюбивое, тщеславное чувство приятно защеботало ея юное сердце.

— Знаете чтѣ?..—шопотомъ проговорила она.—Будемъ каждый, каждый день встрѣчаться здѣсь, и чтобы никто не зналъ о нашихъ встрѣчахъ, а я вамъ буду очень много рассказывать обо всемъ, чтѣ знаю.

И она, оглядываясь, побѣжала вверхъ по обрыву; на самомъ краю остановилась на минуту, обернувшись, кивнула еще разъ Юрію головою и быстро скрылась въ чащѣ лѣса.

Онъ долго, долго стоялъ, не отрывая глазъ отъ того мѣста, гдѣ скрылась Ненси, точно ожидая ея возвращенія...

VI.

Такъ шли дни за днями, и молодые люди каждое утро, въ условленный часъ, встрѣчались у обрыва, а всегда чуткая Марья Львовна на этотъ разъ оказалась совсѣмъ близорукой по отношенію къ совершавшимся возлѣ нея событіямъ. Да и немудрено: она была слишкомъ далека отъ мысли, чтобы этотъ долговязый, мало воспитанный мальчикъ могъ играть хотя какую-нибудь роль въ жизни ея прелестной Ненси.

Прошла недѣля. Наступилъ день рожденія Ненси, и черезъ три дня былъ назначенъ отъѣздъ. Бабушка выписала изъ Петербурга для подарка внучкѣ прелестный браслетъ съ шестнадцатью брилліантами. Едва Ненси, проснувшись, открыла свои заспанные глазки, взглядъ ея упалъ на чудную вещицу. Нѣжный блескъ брилліантовъ необыкновенно гармонировалъ съ блѣдно-голубымъ бархатомъ футляра. Золото было не видно—одни камни, какъ лучезарныя капли росы, полукругомъ тянулись по бархату.

Ненси вскрикнула отъ восторга. На ея крикъ сейчасъ же появилась бабушка, ожидавшая съ нетерпѣніемъ пробужденія новорожденной.

— Ну, Ненси,—поздравляю!.. — съ нѣкоторой торжественностью произнесла Марья Львовна:—вотъ ты и *jeune demoiselle!*

Ненси не знала, что ей дѣлать: она-то бросалась цѣловать бабушку, то хваталась за браслетъ и откинувшись, на подушки, держала его передъ восхищенными глазами.

— Ну, дай его мнѣ и будемъ вставать.

Когда Ненси уже была въ бѣломъ, съ валансьеновыми прошивками и кружевами, батистовомъ платьѣ, бабушка надѣла браслетъ на ея тонкую, нѣжную ручку.

— Это только слабая дань твоей красотѣ, крошка,—шепнула Марья Львовна, цѣлуя Ненси въ голову.

И Ненси вдругъ стало отчего-то грустно. Ей показалось, что прошло что-то очень, очень хорошее и наступаетъ новое, еще неизвѣстное и будто страшное.

— Бабушка, — робко заявила она, — а знаешь ли... мнѣ страшно!

— Чего?

— Вотъ я жила-жила и вдругъ.. шестнадцать лѣтъ!.. Какъ

будто жалко прошло... Мнѣ было такъ весело, а теперь я ужъ большая... и страшно!

— La vie d'une jolie femme, c'est le bonheur splendide,— важно и значительно произнесла бабушка. — Ты рождена для радости и счастья, и дальше будетъ еще лучше, чѣмъ было.

— Въ самомъ дѣлѣ, бабушка?

— Да, Ненси, да! Tu es belle, tu es riche, ma petite. C'est tout ce qu'il faut pour être heureuse. Но только нельзя подчиняться мужчинамъ. Ты это помни, помни всегда, même quand tu te marieras... И мужъ твой, который будетъ—о, въ этомъ я увѣрена—aussi beau et riche comme toi—долженъ дрожать каждую минуту за свое счастье, бояться потерять тебя... Иначе кончено: тогда les plus fidèles становятся нашими властелинами. Этого надо бояться больше всего на свѣтѣ, крошка. Помни!..

— Бабушка, а очень страшно выйти замужъ?

Старуха улыбнулась какой-то особенной улыбкой — мечтательной и сладкой.

— Не страшно, крошка, нѣтъ, а очень, очень пріятно!— она потрепала внучку по щекамъ.—О, ты еще глупенькая, глупенькая советамъ!..

Ненси слегка покраснѣла и нагнула голову. Она вспомнила о своемъ миломъ долговязомъ другѣ и о ежедневныхъ свиданіяхъ съ нимъ потихоньку отъ бабушки, у обрыва...

Но какъ же быть сегодня?.. Увидѣться не придется — бабушка окончила свои дѣла, да и въ такой день не разстанется съ Ненси ни на минуту. Правда, Ненси просила Юрія придти ее поздравить, но онъ послѣ своего неудачнаго визита ни за что не хотѣлъ показываться на глаза бабушкѣ... А Ненси такъ привыкла къ своимъ ежедневнымъ бесѣдамъ съ юнымъ музыкантомъ! Ей такъ нравилось, когда онъ смотрѣлъ на нее восторженными, блестящими глазами, что ей будетъ очень, очень скучно, если сегодня, въ день своего рожденія, она не увидитъ его.

— Бабушка, знаешь, что я тебя попрошу,—прижалась она къ старухѣ.—Но только ты обѣщай заранѣе, что исполнишь!

— Ну, говори, малютка! Если можно—я постараюсь.

— Нѣтъ, бабушка, ты обѣщай!

— Ну, что же?

— Вотъ, бабушка, надо тебѣ сказать...—Ненси немножко загнулась.—Я... я... мнѣ ужасно какъ хочется послушать сегодня нашего музыканта.

Старуха нахмурилась.

— Не знаю, какъ же быть? Я передала черезъ него при-

глашеніе его матери, а она, повидимому, не придавала этому большого значенія,—ѣдко усмѣхнулась бабушка,—не идетъ. Не бѣжать же намъ самимъ за ними?

— Во-первыхъ,—быстро и смущенно заговорила Ненси,—прошла только недѣля; мало ли что могло ее задержать... Потомъ, я его какъ-то разъ встрѣтила,—еще послѣднѣе сказала Ненси,—и онъ признался мнѣ, что такъ сконфуженъ своимъ визитомъ, что боится теперь придти къ намъ; а во-вторыхъ, сегодня мое рожденіе, и мы поѣдемъ ихъ пригласить провести вечеръ у насъ, и чтобы онъ игралъ... Что же тутъ недвоеаго?.. Ну, бабушка... ну, голубушка!..

Аргументъ: „сегодня мое рожденіе“ окончательно побѣдилъ старуху, и, скрѣпя сердце, она согласилась ѣхать къ этой незнакомой „незначительной“ помѣщицѣ.

Подѣхавшій къ скромному домику Мирволинныхъ кабриолетъ, съ пышно одѣтыми дамами, произвелъ переполохъ. Бабушка, въ сѣромъ поплиновомъ платьѣ и сѣрой шляпѣ, а Ненси, на золотистой головкѣ которой колыхалось цѣлое море бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ, украшавшихъ ея большую шляпу,—терпѣливо ждали, пока грумъ Васютка справлялся, дома ли хозяйева и могутъ ли принять.

Юрій, читавшій въ своей комнатѣ, выбѣжалъ на балконъ, въ неулюжей домашней блузѣ, растерянный и радостный.

— Ахъ, извините... Пожалуйте... Мама сейчасъ... Она занялась по хозяйству, въ огородѣ... Она всегда сама...

Онъ неумѣло, но старательно сталъ помогать дамамъ выйти изъ экипажа.

— Ничего, ничего,—говорила покровительственно Марья Львовна.—Мы имѣемъ время, чтобы подождать.

Они вошли въ большую, темноватую, но очень уютную комнату, обставленную просто и красиво.

— Сейчасъ... сейчасъ!..—и Юрій стремительно побѣжалъ за матерью.

— Мама сейчасъ...—объявилъ онъ, возвратясь и усаживаясь съ сіяющимъ видомъ возлѣ пріѣхавшихъ.

Глазки Ненси лукаво поглядывали изъ-подъ широкихъ полей ея бѣлой шляпки.

— А мы пріѣхали приглашать васъ. Сегодня мое рожденіе—и вы должны доставить мнѣ удовольствіе,—бойко выпалила она.—Пріѣзжайте къ намъ вечеромъ съ вашей маманъ.

— Я... я радъ,—проговорилъ Юрій, захлебываясь отъ восторга.

„Il est drôle, cet enfant, — подумала бабушка, глядя на Юрия, — mais il sera beau, quand il deviendra homme“...

Юрий, который совсѣмъ не ожидалъ увидѣть сегодня божественную лѣсную фею, былъ счастливъ безмѣрно.

— Простите, что я заставила васъ ждать! — раздался низкій грудной голосъ Натальи Федоровны, матери Юрия, вошедшей торопливою походкой въ комнату. — Извините!..

Она привѣтливо протянула руку сначала Марьѣ Львовнѣ, величаво поднявшейся съ кресла, и затѣмъ — Ненси.

— А... милая, прелестная барышня! Я ужъ слышала о васъ отъ своего повѣсы... Нѣтъ, нѣтъ, — я шучу, — поспѣшила она поправиться, увидя испуганные, умоляющіе глаза Юрия. — Онъ у меня смиренный, даже черезчуръ смиренный мальчикъ... Вѣдь онъ — поэтъ и музыкантъ...

— О, какъ же! мы имѣли удовольствіе слышать, — любезно вставила Марья Львовна.

Наталья Федоровна засмѣялась, обнаружив свои удивительно бѣлые, ровные зубы. Когда она улыбалась, эти блестящіе зубы придавали ей немоложавому, смуглому лицу какой-то юный, бодрый видъ.

— Да, да!.. Онъ мнѣ рассказывалъ, какъ онъ осрамился тогда у васъ... мой мальчикъ.

— Напротивъ, онъ былъ очень... очень милъ!.. Il est un peu... Н-но это — молодость, — заключила Марья Львовна, — cela se passera avec le temps...

Юрий, будучи предметомъ разговора, чувствовалъ себя крайне неловко. Къ нему подошла Ненси.

— Смѣйте только сегодня не пріѣхать — я васъ уничтожу тогда! — проговорила она тихо, скороговоркой, и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулась на свое мѣсто.

— Вы, кажется, недавно приобрѣли это имѣніе? — спрашивала хозяйку Марья Львовна.

— Да, это еще купилъ мой покойный мужъ, — отвѣтила со вздохомъ Наталья Федоровна. — Онъ былъ большой любитель деревни и, выйдя въ отставку, мечталъ заняться хозяйствомъ, да вотъ не пришлось. Теперь управляюсь одна...

На глазахъ у нея навернулись слезы.

— У васъ все чрезвычайно мило, — сказала Марья Львовна, — вы можете гордиться.

— Бабушка! — многозначительно произнесла Ненси.

— Ахъ, да!.. Я уже просила вашего милаго сына вамъ пере-

дать, que je serai bien contente, если вы просто, по-деревенски, заглянете ко мнѣ.

— Да, онъ мнѣ говорилъ, но простите, ради Бога, не могла собраться... все дѣла... а я очень желала...

— Ну, такъ вотъ... сегодня, soyez si aimable, не откажите пріѣхать къ намъ avec votre charmant enfant... Онъ намъ сыграетъ что-нибудь.

— Пожалуйста!—съ живостью подхватила Ненси.

— Благодарю васъ,—постараюсь.

Бабушка поднялась съ мѣста.

— Не стану больше васъ задерживать, и весьма рада буду видѣть васъ сегодня у себя.

— Elle n'est pas élégante, mais très bonne femme, очевидно!..—сказала Марья Львовна, когда кабриолетъ выѣхалъ на шоссе, по направленію къ ея усадьбѣ.

— Ахъ, она прелесть какая славная!—звонко откликнулась Ненси.

— Bonne enfant!—произнесла растроганнымъ голосомъ бабушка, взглянувъ на внучку.

Вечеромъ, часовъ около восьми, Юрій съ матерью подъѣхали въ новенькомъ шарабанѣ, запряженномъ сытой рыженькой лошадкой, къ высокому каменному крыльцу двухъэтажнаго Гудуровскаго дома.

Ненси, поджидавшая ихъ у окна, выскочила на встрѣчу.

— Ненси! Ненси!.. — попробовала-было ее остановить бабушка.

Но Ненси была уже на крыльцѣ, гдѣ одинъ изъ важныхъ лакеевъ, такъ смутившій Юрія при первомъ его визитѣ, слегка поддерживая подъ локоть Наталью Федоровну, помогаль ей идти по ступенькамъ. Это ее до-нельзя стѣсняло, и она постаралась почти-что взбѣжать на крыльцо.

— Ну, вотъ и мы!—весело улыбнулась она Ненси.

Ненси низко присѣла.

— И бабушка, и я—мы ждемъ уже давно.

Марья Львовна, съ привѣтливымъ лицомъ свѣтской женщины, встрѣтила гостей на порогѣ гостиной.

— Вотъ это весьма любезно, что вы пріѣхали.

Всѣ усѣлись; но разговоръ не клеился. Несмотря на всю привѣтливость, Марья Львовна подавляла гостью своей важностью и внушала ей даже легкій страхъ.

— Бабушка, можно мнѣ показать нашъ садъ Юрію Николаевичу?—спросила Ненси.

— Конечно, petite! Можетъ быть, и вы пройдетесь?—обратилась Марья Львовна къ Мирволиной. — Но, впрочемъ, лучше посидимъ на балконѣ, пока гуляетъ молодежь.

Они вышли на большой балконъ, колонны котораго были сплошь покрыты зеленою плющю и дикаго винограда.

— Какъ у васъ хорошо!—похвалила Наталья Федоровна.

— О! но что здѣсь было!.. — съ сожалѣніемъ вздохнула Марья Львовна. — *C'était splendide, quelque chose de magnifique!* Вы знаете—въ то время, когда и въ деревняхъ умѣли жить по-барски!..

Ненси вела Юрія къ своей излюбленной старой бесѣдкѣ.

— Представьте себѣ, что вы—прекрасный принцъ, а я—принцесса,—говорила Ненси.

— Затѣмъ я буду представлять,—смѣялся Юрій,—мнѣ все-таки думать: что вы—вы, а я—я.

— Нѣтъ, такъ лучше. Я живу вонъ тамъ—видите, гдѣ этотъ бельведеръ, куда я васъ теперь веду... Но это не бельведеръ, а пышный замокъ съ башнями и стрѣльчатыми окнами. Мой отецъ—грозный владыка окружающихъ насъ людей, его всѣ боятся, я тоже боюсь... Вы—прекрасный принцъ. Вы меня не знаете, вы видѣли только издалека и влюбились въ меня. Нашъ замокъ неприступенъ, и мой отецъ ревниво охраняетъ меня. Но вы побороли всѣ препятствія, и когда мой отецъ и вся стража, подеушенная вами, спали крѣпкимъ сномъ, вы проникли въ замокъ и похитили меня... Ахъ, Боже мой! Затѣмъ мы не живемъ въ то время, когда такъ много было страшнаго, таинственнаго и чуднаго?!

— Отчего вы не пишете стиховъ?—спросилъ Юрій.—У васъ такая богатая фантазія. Я увѣренъ, что въ васъ живетъ великая писательница!

Они взбирались на гору и подходили къ бельведеру. Въ легкой синевѣ надвигавшихся сумерекъ великаны-деревья стояли точно заколдованныя исполинскія тѣни, среди которыхъ бѣлѣли колонны бельведера.

— Смотрите, — указала Ненси на деревья: — когда спускается ночь, мнѣ всегда кажется, что они хотятъ повѣдать мнѣ свои великія старыя тайны... А вотъ и онъ—мой бельведеръ!

Когда они прошли между колоннами,—мимо Ненси, задѣвъ ее слегка крыломъ, безшумно пролетѣла летучая мышь. Ненси вскрикнула.

— Не бойтесь—вы со мной! — шопотомъ и твердо произнесъ не безъ горделиваго чувства Юрій.

— Вамъ не страшно?—тихо спросила Ненси.

— О, нѣтъ!

— Вы очень храбры?

— Не знаю, но въ жизни я хочу борьбы...

Онъ даже выпрямился и вздохнулъ всей грудью.

— А безъ борьбы—какая жизнь? — произнесъ онъ съ блестящими глазами.—Бороться долженъ каждый, кто сознаетъ несовершенство жизни, обманъ и злобу, и неправду; бороться за обиженныхъ и защищать невинныхъ...

— О, да, вы правы... Но это революція?—съ испугомъ проговорила Ненси.

Юрій улыбнулся ея искренней наивности.

— Я говорю вамъ о борьбѣ, великой борьбѣ всего человѣчества за идеалы совершенства, а революція—это... это другое!..

Ненси перевѣсилась за балюстраду бельведера.

— Смотрите, смотрите—видите, какъ тамъ темно?

Юрій тоже наклонился. У подножья горы сплошной, темной стѣной высились деревья, едва новачивая своими верхушками.

— И вѣтеръ шелестить чуть слышно, едва-едва...—прибавила Ненси.— А когда я на какой-нибудь горѣ, мнѣ смерть какъ хочется зажмуриться—вотъ такъ—и со всего размаха—вниз!

— Ой, нѣтъ! — испуганно произнесъ Юрій и потянулъ ее за платье.

Она вдругъ откинулась и повернула къ нему свое немного блѣдное отъ окутывавшаго ихъ полумрака лицо, съ принявшими какое-то странное выраженіе глазами.

— Скажите—вы не забудете меня?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Вы знаете—я уѣзжаю черезъ два дня,—произнесла она отрывисто.

Юрій хотѣлъ что-то отвѣтить, но, вмѣсто словъ, беспомощно вздохнулъ и опустилсѣ на скамью. Ненси сѣла возлѣ него.

— Вы не забудете?—едва слышно повторила она свой вопросъ.

Онъ сидѣлъ, опустивъ низко голову, и, закрывъ лицо руками, слегка вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ.

— Вы не забудете обрывъ и камень, и что мы говорили? вы не забудете?.. Ну, поклонитесь!..

Вмѣсто отвѣта, онъ поднялъ голову и съ полу-закрытыми глазами, точно боясь увидѣть что-нибудь страшное, весь дрожа и

изнывая, припалъ безмолвно къ блѣдной ручкѣ Ненси, лежащей на ея колѣняхъ. Ненси вздрогнула. Сладкій трепеть охватилъ все ея существо. Она не отняла своей руки. Ей захотѣлось долго, долго сидѣть вотъ такъ: въ этой уповѣтельной истомѣ, съ этимъ блаженнымъ трепетомъ и съ этой радостью въ груди.

Наковецъ, онъ съ невѣроятнымъ усиліемъ оторвался отъ ея руки и голосомъ, полнымъ мольбы— „Простите!“... прошептали его сухія губы. А Ненси, отъ восторга, готова была кричать, прыгать, плакать, смѣяться... Ея руки невольно, точно сами, тянулись обнять голову Юрія... Но вдругъ ей стало безумно стыдно своего состоянія, словно чего-то преступнаго, и, не говоря ни слова, она выбѣжала изъ бельведера.

— Ау!..—раздался уже снизу ея голосъ. —Идемте, Юрій Николаевичъ,—насъ, вѣрно, ждутъ пить чай.

Бабушкѣ начинало не нравиться долгое отсутствіе Ненси. Она съ пріятливостью любезной хозяйки угощала чаемъ, подаваемымъ важнымъ, угрюмымъ лакеемъ, на серебряномъ подносѣ, свою гостью и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченно вглядывалась въ темноту сада.

— А наши молодые люди загулялись.

— Пускай,—имъ весело: молодое съ молодымъ,—съ беззаботнымъ добродушіемъ откликнулась Наталья Федоровна.

— Какъ будто сыро, а Ненси—въ одномъ платьѣ,—волновалась бабушка.

— Вечеръ прелестный—пускай гуляютъ.

— Вашъ сынъ развѣ не боится простуды? Онъ, кажется, такъ слабъ здоровьемъ,—спросила Марья Львовна, не желая больше обнаруживать своего волненія передъ „этой душой“, какъ мысленно назвала она Наталью Федоровну.

— Какая же тутъ можетъ быть простуда,—спокойно отозвалась та. — Но онъ не очень крѣпокъ—это правда!.. — она вздохнула. — Онъ слишкомъ нервентъ—въ этомъ большое несчастье. А впрочемъ, можетъ быть, и счастье,—прибавила она тотчасъ же:—это залогъ его таланта.

— Il est bien doué, votre fils!

Лицо Натальи Федоровны оживилось—воснулись ея излюбленной темы; она сразу почувствовала себя иначе, и эта важная свѣтская дама, съ которой у нея такъ долго не вязался разговоръ, стала ей даже симпатичной въ эту минуту.

— Я очень счастлива,—горячо заговорила Наталья Федоровна.—Любая мать можетъ гордиться такимъ сыномъ... И я не увлекаюсь, какъ всѣ матери,—нѣтъ, не думайте... Не оттого я

прихожу въ восторгъ, что онъ учился превосходно, шелъ первымъ ученикомъ, что онъ, можетъ быть, гениальный музыкантъ... Я не знаю—но говорятъ: вотъ, я ѣздилъ съ нимъ въ Петербургъ—онъ поразилъ всѣхъ въ консерваторіи, и его приняли сейчасъ же, бесплатно, только бы поступилъ.. Мы и поѣдемъ къ сентябрю опять... Онъ у меня—мальчикъ трудолюбивый, серьезный—я сознаю,—но не это приводитъ меня въ восторгъ и заставляетъ чуть не молиться на него, а удивительная чистота, благородство духа, способность жертвовать собой.

„Какая странная чудачка!“ — мысленно удивилась Марья Львовна.

— А вотъ и они—наши дѣти.

Странный, растерянный видъ „дѣтей“ не укрылся отъ внимательнаго взгляда бабушки. Она была очень недовольна Ненси. „Que-se qu'ils ont fait?“—подозрительно думала она, но высказать свое волненіе считала неприличнымъ.

— Молодой человѣкъ!.. Можетъ быть, чаю?.. — обратилась она къ Юрію.

Тотъ неуклюже, бокомъ поклонился и исчезъ въ неосвѣщенной еще большой залѣ.

Черезъ минуту оттуда раздались робкіе и нѣжные отрывистые аккорды.

— Il faut de la lumière,—поспѣшно встала Марья Львовна.

— О, нѣтъ! Онъ любитъ такъ... Онъ будетъ сейчасъ играть,—остановила ее Наталья Федоровна.—Надо, чтобы не мѣшали...

Ненси охватило внезапное безпокойство: а вдругъ эти нелѣпые лакеи пройдутъ черезъ залъ! Она встала.

— Куда же ты, Ненси?

— Сейчасъ приду.

Обѣжавъ вокругъ дома, она прошла въ буфетную.

— Ходить въ залъ и черезъ него—не нужно!..—приказала она прислугѣ.

— Велѣно ужинъ накрывать,—мрачно замѣтилъ старикъ.

— Обходите вокругъ!

Она вернулась довольная своимъ распоряженіемъ. Бабушка пытливо посмотрѣла на нее. Ненси отвѣтила ей даже побѣдоноснымъ взглядомъ. Послѣ того, что съ ней произошло сейчасъ въ саду, она почувствовала себя совсѣмъ уже взрослой, самостоятельной, внѣ всякой опеки.

И загремѣлъ рояль. Онъ вылъ, стоналъ; казалось, всѣ стихіи міра соединились въ этой бурѣ звуковъ; казалось, кого-то звалъ

на бой, на смертный бой, чей-то могучий духъ, изнемогавшій въ оковахъ...

У Ненси сначала сердце сжалось, потомъ порывисто забилось, переполненное безсознательнымъ горделивымъ чувствомъ.

Но вотъ послышались томιάще душу другіе звуки...

— А-а... „Wagum“...— Ненси вся точно замерла, вся превратилась въ слухъ. Чѣмъ дальше нарастала мелодія, тѣмъ тревожнѣе и тревожнѣе становилось чувство. Ненси чудилось, что это не звуки рояля, не фантазія Шумана—ея собственное сердце громко и отчаянно кричить:—Wagum?.. Wagum?..

И едва замерла подъ пальцами играющаго послѣдняя музыкальная фраза—Ненси, стремительно всочивъ съ мѣста, въ одну минуту очутилась воелѣ рояля.

— Ненси, да куда же ты?..—точно севозъ сонъ услышала она недовольный голосъ бабушки.

Э, да какое дѣло теперь Ненси до бабушки, до всего міра! Если бы цѣпями связали ей руки и ноги—она порвала бы эти цѣпи и, поддаваясь могучему, влекущему ее неудержимо желанію, очутилась бы здѣсь—у рояля.

— Послушайте... Я васъ люблю... и не уѣду никуда,—прошептала она, задыхаясь, и, закрывъ лицо руками, выбѣжала изъ залы.

А вслѣдъ за ней, послѣ минутнаго молчанія, понеслись бѣшенными скачками, точно все сокрушая на пути и ликуя свою побѣду, полные восторга, пламенные страстные звуки... То была молодость, встрѣчающая свою первую любовь...

Когда юноша кончилъ и взволнованный поднялся съ мѣста, въ комнатѣ стояли очарованныя, потрясенныя, его мать, Марья Львовна и Ненси.

— Что ты игралъ?..—спросила мать.—Я никогда не слышала... Что-то странное и удивительное?

— Chagman!—прошептала бабушка.—Что это?

— Свое,—промолвилъ небрежно Юрій.

Одна Ненси молчала. Одна она знала, что говорили эти странные, дивные звуки, и когда все общество вышло въ столовую, гдѣ его дожидался ужинъ—молодые счастливицы были не въ силахъ оторвать глаза другъ отъ друга. Ихъ обоюдно пожиралъ одинъ огонь, ярко, неудержимымъ свѣтомъ горѣвшій въ ихъ чистыхъ, прекрасныхъ глазахъ...

„Que-se qu'elle a, la petite?..“ — снова подозрительно пронеслось въ мысляхъ у бабушки.

А очарованная музыкой сына, Наталья Федоровна читала въ глазахъ Ненси только дань восхищенія его таланту.

По отъѣздѣ гостей, Марья Львовна вошла въ комнату Ненси, разстроенная, недовольная.

— Ненси, та chère, — ты себя не хорошо вела, и я хочу съ тобой поговорить серьезно.

— О, я сама хочу поговорить съ тобою, бабушка!.. И не противорѣчь ты мнѣ... не отговаривай—все будетъ бесполезно, все! Я люблю его, бабушка, и нигуда я не поѣду!.. Я выйду замужъ. Это рѣшено!

Марья Львовна даже опустилась на стулъ отъ неожиданности, широко раскрывъ испуганные глаза.

— Какъ рѣшено?

— Да, рѣшено... и никакихъ другихъ рѣшеній быть не можетъ!

Ужасная мысль молніей промелькнула въ головѣ Марьи Львовны.

— Ненси... tu dois me dire la vérité!.. Слышишь—все, все, какъ было!

Ненси правдиво и просто рассказала исторію своей короткой юной любви.

— И... и больше ничего?.. C'est tout?..—задерживая дыханіе, спросила Марья Львовна.

— Чего же больше, бабушка? C'est tout...—наивно отвѣтила Ненси.

— Pas de baisers?

Ненси вспыхнула.

— Нѣтъ!

— О, Dieu merci!..—Бабушка перекрестилась.

— Ты, бабушка, не думай только, чтобы я перерѣшила!..—серьезно проговорила Ненси.

— Онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?—уже съ негодованіемъ спросила Марья Львовна, успокоенная въ своихъ „страшныхъ опасеніяхъ“.

— И никакого предложенія... Да развѣ это нужно? Я люблю его, онъ меня любитъ, и мы должны жениться—это ясно.

Бабушка разсердилась.

— Совсѣмъ это не ясно. Tu est belle, riche, jeune, ты можешь составить счастье самаго блестящаго юноши, и вдругъ отдать все это первому встрѣчному мальчишкѣ, безъ имени, безъ положенія... à Dieu sait qui!..

Ненси поблѣднѣла.

— Бабушка, не оскорбляй его!.. Бабушка, не говори!.. Бабушка, я люблю его!..—нервно вскрикнула она и топнула ногой. Теперь, въ свою очередь, поблѣднѣла Марья Львовна.

— Ненси, c'est trop! Ты забываешься. Съ кѣмъ ты говоришь?

Но Ненси уже не слушала. Она бросилась въ постель и, уткнувшись въ подушки, громко, неудержимо рыдала.

— Чего же ты хочешь—чтобы я умерла?.. Да, да, умерла?..—выкрикивала она посреди рыданій.—Ты думаешь увезти меня, но это все равно... гдѣ бы я ни была... я умру... я покончу съ собой... я брошусь съ горы... не знаю, что я сдѣлаю... и ты будешь моей убійцей... да, да!.. радуйся!.. ра...радуйся!

Ненси конвульсивно билась въ кровати.

Марья Львовна смертельно испугалась. Она не знала, что ей дѣлать. Она бросилась въ свою спальню и дрожащими руками едва могла достать, изъ домашней аптечки, нѣсколько пузырьковъ успокоительныхъ капель. Она не знала, какія выбрать, и потащила всѣ въ комнату Ненси.

— Ненси! Mon enfant...—говорила она, чуть не плача, протягивая Ненси рюмку съ лавровишневыми каплями. — Выпей!.. Успокойся!.. Ну, ради Бога... Ну, пожалѣй меня!..

Ненси, всхлипывая, выпила лекарство. Бабушка нѣжно гладила ея спутавшіеся волосы, цѣловала заплаканные распухшіе глаза; но въ душѣ твердо рѣшила не поддаваться малодушію.

— Ты успокойся, дай мнѣ подумать... Можетъ быть, все устроится такъ, какъ ты хочешь... Лягъ, моя радость,—усни!

И въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ бабушка начала культивировать ея красоту, Ненси заснула безъ перчатокъ и безъ всѣхъ предварительныхъ приготовленій ко сну.

Н. Анненкова-Бернаръ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

КОНЦА XIX-го ВѢКА

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПАХЪ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Окончаніе.

III *).

У Арнольда Бёблина есть одна очень интересная и содержательная картина, названная имъ: „Поэзія и искусство“. Въ чудной, зеленѣющей роцѣ или паркѣ, среди сосенъ и лиственныхъ деревьевъ, бьетъ фонтанъ, распространяющій кругомъ прохладу; высоко поднимается чистая его струя въ знойные дни подъ лучами лѣтняго солнца. Около фонтана стоятъ двѣ фигуры, мужская и женская; у первой, украшенной лавровымъ вѣнкомъ, въ рукѣ чаша для воды, у второй—палитра; а свободными руками онѣ или опираются на край фонтана, или хотятъ ощутить прикосновеніе холодныхъ, освѣжающихъ брызгъ. Это—поэзія и искусство, почерпающія вдохновеніе въ одномъ и томъ же божественномъ источникѣ!

Выраженная въ картинѣ Бёблина мысль о тѣсномъ общеніи и внутренней связи между литературнымъ творчествомъ и живописью или скульптурою, не разъ повторяется въ произведеніяхъ современныхъ французскихъ беллетристовъ, затрогивающихъ литературный и художественный міръ. Поэты и романисты часто являются друзьями или близкими знаковыми художниковъ, посѣ-

---

*) См. выше: мартъ, 195 стр.

щаютъ одни и тѣ же салоны, дѣлятся впечатлѣніями, — иногда обсуждаютъ и общіе, болѣе или менѣе животрепещущіе вопросы. Сторонники новыхъ теченій въ сферѣ литературы обыкновенно чувствуютъ известное тяготѣніе къ новаторамъ въ области искусства. Въ иныхъ романахъ Бурже, Рода, Франса, Рони и др. можно найти немало примѣровъ этого общенія между художниками слова и кисти. Одинъ изъ героевъ романа Пьера Маэля — „Тѣ, которыя умѣютъ любить“, писатель Рене Лербо, такъ характеризуетъ тѣсную связь между литературою и живописью: „Между художникомъ и литераторомъ разница только въ формѣ, которую имѣютъ ихъ произведенія, — больше ни въ чемъ! И тотъ, и другой, созерцаютъ красоту, но средства, которыми они располагаютъ для ея выраженія, не одинаковы“.

Если мы сравнимъ характеристику литературнаго міра, какую даютъ отдѣльные французскіе беллетристы, съ обрисовкою быта художниковъ, которую мы находимъ въ нѣкоторыхъ романахъ и пьесахъ нашихъ дней, то, разумѣется, окажется, что этотъ бытъ описывался сравнительно рѣже, и не былъ воспроизведенъ во всѣхъ его деталяхъ ¹⁾. Нѣмецкая литература конца прошлаго вѣка безусловно удѣляла гораздо больше вниманія міру художниковъ, представители котораго являются у Гауптмана, Омтеда, Поленца, Вильбрандта, Мегеде и многихъ другихъ, причѣмъ чисто бытовые черты, нравы ателье и картинныхъ выставокъ, столкновенія враждебныхъ школъ, стариковъ съ новаторами, матеріальное положеніе художниковъ, ихъ отношенія къ меценатамъ, — все это очень ясно и рельефно выступало въ романахъ и драмахъ нѣмецкихъ авторовъ. Если во французской литературѣ мы не найдемъ, за послѣднія десять лѣтъ, истинно выдающихся произведеній, специально посвященныхъ обрисовкѣ жизни и міросозерцанія современныхъ художниковъ, — это, по всей вѣроятности, объясняется совершенно особымъ обстоятельствомъ.

¹⁾ Міръ художниковъ затронутъ мимоходомъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ романахъ и пьесахъ: J. H. Rosny, „Le termite“ (1890); Paul Hervieu, „Les paroles restent“ (1892), „Peints par eux-mêmes“; Emile Zola, „Le docteur Pascal“ (1893), „Paris“ (1898); Léon Daudet, „Les Kamtchatka“ (1895), „Sébastien Gouvès“ (1899); Anatole France, „Le lys rouge“ (1895); Henri Lavedan, „Le nouveau jeu“ (1895), „Les jeunes ou l'espoir de la France“ (1897); Paul Bourget, „La duchesse bleue“ (1898); Porto-Riche, „Le passé“ (1898); Daniel Lesueur, „Au delà de l'amour“ (1899); Jean Aicard, „Mélita“ (1899); Paul et Victor Margueritte, „Femmes nouvelles“ (1899); Edmond Deschaumes, „L'auteur mondain“ (1900); Gabriel le Réval, „Les Sèviennes“ (1900); Edouard Rod, „Au milieu“ du chemin“ (1900); Georges Rodenbach, „Le Rouet des brumes: La ville“ (1900); Georges Ohnet, „Gens de la noce“ (1900); M. Batillat, „La Beauté“ (1900).

Всѣмъ памятно мастерское изображеніе той же среды въ романѣ Золя „L'oeuvre“, гдѣ, со свойственною романисту добросовѣстностью и обстоятельностью,—не говоря уже о крупномъ беллетристическомъ талантѣ,—воссозданы, до мелочей, разнообразныя детали повседневной жизни художниковъ, ихъ стремленія, порывы, идеалы, темныя и отрадныя явленія, замѣчающіяся въ ихъ быту. Для того, чтобы, послѣ Золя, предшественниками котораго были, въ данномъ случаѣ, Гюиссуры, съ ихъ романомъ „Manette Salomon“,—снова приняться за изображеніе этого міра, нужно было обладать значительною смѣлостью, такъ какъ тема казалась болѣе или менѣе исчерпанною. Дѣйствительно, многое осталось и теперь въ такомъ же положеніи, въ какомъ оно было въ ту пору, когда Золя писалъ свой романъ; но, съ другой стороны, въ искусствѣ, какъ и въ литературѣ, каждыя пять или десять лѣтъ приносятъ съ собою что-нибудь новое, раньше не замѣчавшееся,—и на обязанности писателей, которые изображаютъ всѣ видоизмѣненія окружающаго общества, несомнѣнно лежитъ обрисовка этихъ новыхъ вѣяній и характерныхъ для извѣстнаго періода фактовъ. Еслибы кто-нибудь изъ современныхъ французскихъ беллетристовъ попытался, идя по стопамъ Золя, обрисовать, хотя бы съ меньшимъ талантомъ, міръ искусства и художественнаго творчества конца вѣка, появленіе подобнаго романа можно было бы только привѣтствовать. Въ ожиданія этого, приходится довольствоваться тѣми бытовыми чертами, которыя разсѣяны по различнымъ романамъ и пьесамъ, гдѣ являются живописцы и скульпторы, и мимоходомъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ средѣ. Иногда мы узнаемъ любопытныя подробности относительно ежегодныхъ выставокъ, которыя играютъ такую важную роль въ жизни художниковъ: въ романѣ Даниеля Лезюэра, „По ту сторону любви“, упоминается о выставкѣ, организованной группою художниковъ-декадентовъ и импрессионистовъ, подъ названіемъ: „Мистическій салонъ“. Довольно часто характеризуются представители богемы, неудачники, непризнанные таланты, съ трудомъ добывающіе себѣ кусокъ хлѣба, частью лишенные непосредственнаго дарованія, частью дѣйствительно преданные искусству до самоубвенія, стремящіеся найти новый путь, сказать свое слово. Эти „предполагаемые Рембрандты будущаго“, по выраженію Дешома, безспорно, одни изъ наиболѣе типичныхъ и оригинальныхъ представителей художественнаго міра, достойные преемники героевъ Мюрже, съ ихъ артистическою натурою, добрыми задатками, безпечностью и непостоянствомъ. Другіе художники, болѣе солидные и положительные, уже соста-

вившіе себя известное имя, иногда ищутъ, наоборотъ, доступа въ свѣтъ, сближаются съ представителями другихъ общественныхъ классовъ, стараются заручиться вліятельными связями;—и это опять даетъ беллетристамъ возможность рисовать довольно яркія картинки съ натуры, изображая ихъ послѣдовательные успѣхи, подобно тому, какъ они же выводятъ въ своихъ произведеніяхъ „свѣтскихъ писателей“, посѣтителей блестящихъ салоновъ, гордящихся своими титулованными или несмѣтно богатыми знакомыми... А рядомъ съ этими разсудительными, дальновидными людьми стоятъ художники-мечтатели, идеалисты, безсребренники.

Самымъ интереснымъ и животрепещущимъ вопросомъ, бесспорно, является далеко не исчерпанный, правда, современною беллетристикою вопросъ о борьбѣ между старымъ и новымъ началомъ въ области искусства. Тѣхъ художниковъ, которые выступаютъ въ произведеніяхъ французскихъ писателей нашихъ дней, можно, въ общемъ, раздѣлить на двѣ главныхъ категоріи. Къ одной изъ нихъ относятся художники старой школы, сторонники всего яснаго, законченнаго, опредѣленнаго, близкаго къ природѣ и напоминающаго хорошіе, классическіе образцы; къ другой — новаторы, искатели неизвѣданныхъ путей, вѣчно неудовлетворенные, стремящіеся создать что-нибудь самобытное, оригинальное, чисто субъективное... Принадлежность къ старой школѣ, само собою разумѣется, не всегда свидѣтельствуетъ о солидномъ возрастѣ художника; многіе молодые люди, по своимъ идеаламъ и убѣжденіямъ, могутъ быть причислены къ старому направленію и не имѣютъ ничего общаго съ новаторами. Нѣкоторые представители этого отгѣнка обрисованы, нужно сознаться, довольно блѣдными штрихами. Поль Лерми въ „Камчаткѣ“, являющійся воплощеніемъ здраваго смысла и положительныхъ идеаловъ, развѣнчивающій тотъ кружокъ, который собирается въ салонѣ г-жи Тупэнъ де-Маръ и изобрѣтающій самую кличку „Kamtchatka“, какъ мы узнаемъ—художникъ, но объ его стремленіяхъ и особенностяхъ его творчества авторъ почти ничего не сообщаетъ намъ. Несочувственное отношеніе къ лицамъ, разыгрывающимъ изъ себя провозвѣстниковъ будущаго, еще не даетъ полнаго понятія о художественныхъ идеалахъ самого Лерми. Точно такъ же мы не можемъ съ увѣренностью сказать, къ чему сводится эстетическое credo Гюи Марфо, брата писателя, выступающаго въ „Peints par eux-mêmes“ Эрвѣ. Марфо, во всякомъ случаѣ,—противникъ всего мистическаго, туманнаго, мечтательнаго, проникнутаго настроеніемъ. Онъ увлекается творчествомъ Рубенса

и вообще фламандскою живописью, цѣнить, прежде всего, цвѣтущую, здоровую, пышную, чисто земную красоту. Подобно „свѣтскимъ литераторамъ“, онъ далеко не равнодушенъ къ блестящимъ туалетамъ и роскошной обстановкѣ; ему пріятно бывать въ обществѣ людей съ хорошими манерами, большими средствами и громкимъ именемъ. Возможность уединиться отъ людей и творить въ своей скромной кельѣ, не думая о приговорѣ свѣта, отнюдь не кажется ему особенно заманчивою и желательною...

Сравнительно болѣе типичны два художника, выступающіе въ романахъ Дешома и Рони и являющіеся не только сторонниками всего яснаго, трезваго и реального, но также и опредѣленными противниками иностраннаго вліянія, которое они считаютъ безусловно вреднымъ и деморализующимъ литературу и искусство. Скульпторъ Эрбо въ „Свѣтскомъ писателѣ“ громитъ подражаніе иностраннымъ образцамъ и всевозможныя заграничныя вѣянія, возвеличиваетъ національное французское искусство, касается и положенія литературы, въ данную минуту находящейся, по его мнѣнію, въ рабской зависимости отъ „казаконъ и тевтоновъ“. Это—представитель художественнаго протекціонизма, если можно такъ выразиться! Въ извѣстныхъ отношеніяхъ совершенно подѣстать ему живописецъ Шаваль изъ „Le termite“ Рони. Съ гнѣвою у рта говоритъ онъ о томъ направленіи, которое принимаетъ французское искусство, доказываетъ, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ все это „тангейзерство“ (это—его самодѣльное выраженіе) уже отживетъ свой вѣкъ и утратитъ послѣднихъ сторонниковъ... „Намъ нуженъ реализмъ въ духѣ Бальзака“, восклицаетъ Шаваль, относящійся, должно замѣтить, съ большимъ предубѣжденіемъ и къ натурализму въ литературѣ и искусствѣ. Самъ онъ любитъ только все простое, конкретное, повседневное, рисуетъ незатѣйливые сельскіе ландшафты, пасущееся стадо, лучи, проникающіе черезъ листву деревьевъ, индѣекъ, гуляющихъ по двору. Въ его ателье нѣтъ ничего оригинальнаго, экзотическаго или таинственнаго; все убранство носитъ строгій, трезвый, пожалуй нѣсколько прозаическій характеръ. Желчный, раздражительный и нѣсколько грубоватый по натурѣ, Шаваль оживаетъ только тогда, когда рѣчь заходитъ объ его родномъ югѣ, о картинныхъ и оживленныхъ празднествахъ, во время которыхъ весь народъ слушаетъ стихи Мистрала, ликуетъ и веселится, какъ въ старину... Послѣ мимолетной вспышки энтузіазма, вызванной воспоминаніями о родинѣ, Шаваль возвращается къ своему обыкновенному состоянію, про-

должаетъ рисовать, не мудрствуя лукаво, то, что видитъ вокругъ себя, скептически относится ко всѣмъ новымъ теченіямъ. Гораздо симпатичнѣе другой южанинъ, также являющійся поклонникомъ реальнаго направленія въ живописи, — Эсебъ Урлакъ, выступающій въ „Себастьенъ Гувэ“ Л. Додэ. Уроженецъ залитой лучами солнца страны, привычій къ безоблачному небу и яснымъ, опредѣленнымъ очертаніямъ всѣхъ предметовъ, Урлакъ, естественно, можетъ рисовать только вполнѣ реальныя, простыя, выхваченныя изъ жизни картины, и наоборотъ, все фантастическое или туманное, таинственное ему совершенно непонятно и чуждо. Его привлекаютъ живописныя, ярко освѣщенные солнцемъ пейзажи, сцены и эпизоды изъ повседневной жизни; попавъ въ столицу, онъ задумываетъ рядъ картинъ, которыя должны воссоздать современный Парижъ. Но, какъ типичный южанинъ, благодушный и нѣсколько лѣнливый провансалецъ, Урлакъ все какъ-то не можетъ серьезно приняться за работу; „между его желаніемъ что-нибудь сдѣлать и движеніемъ его кисти лежала цѣлая пропасть“, говоритъ авторъ. Чтобы не умереть съ голоду, онъ принужденъ брать заказы въ универсальномъ магазинѣ „Bon Marché“, гдѣ постоянно есть нужда въ опытныхъ рисовальщикахъ. „Нужно тебѣ сознаться, — говоритъ онъ своему другу, — что такъ какъ искусство плохо кормитъ своихъ адептовъ, я принужденъ заниматься раскрашиваніемъ различныхъ предметовъ для большихъ магазиновъ“... Какъ человекъ, Урлакъ необыкновенно симпатиченъ; примыкая къ богемѣ, къ неудачникамъ, уже почти не надѣясь обратить на себя вниманіе публики, онъ искренно радуется успѣхамъ своихъ товарищей, давно составившихъ себѣ имя, — отнюдь не завидуя ихъ славѣ.

Художники противоположной категоріи — въ изображеніи французскихъ беллетристовъ обыкновенно являются, прежде всего, людьми очень нервными, впечатлительными, увлекающимися, любящими все оригинальное и ненавидящими шаблонъ и рутину. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эта нервность, неуравновѣшенность, способность поддаваться всевозможнымъ настроеніямъ переходить даже въ болѣзнь воли, экзальтацію или совершенную неподготовленность къ борьбѣ съ невзгодами жизни. Какое-нибудь неожиданное потрясеніе можетъ разбить въ конецъ ихъ хрупкую, болѣзненно-отзывчивую натуру, лишить ихъ бодрости, энергіи, вѣры въ свое призваніе. Одинъ изъ героевъ романа Эдуарда Рода: „На серединѣ жизненнаго пути“, популярный живописецъ Лорье, съ теченіемъ времени, оказывается абсолютно неспособнымъ имѣть дѣло съ житейскою прозою, выносить какіе-либо

удары судьбы, думать о чемъ-либо, кромѣ своего искусства и тѣхъ утонченныхъ эстетическихъ наслажденій, которыя оно ему доставляетъ. Все будничное, связанное съ борьбою за существованіе, всецѣло лежитъ на его женѣ, которая заботится о благоустройствѣ ихъ домашняго обихода, въ то время какъ Лорье вполне искренно и беззаветно увлекается міромъ фантазіи. Когда ему приходится вдругъ извѣдать сильное горе, — молодая дѣвушка, въ которую онъ влюбился до самозабвенія, кончаетъ самоубійствомъ, — его душевное равновѣсіе тотчасъ же нарушается; онъ не имѣетъ нужной выдержки для того, чтобы хоть нѣсколько взять себя въ руки, его любимое занятіе теряетъ для него всякую прелесть, меланхолія овладѣваетъ имъ, и черезъ нѣсколько времени онъ сходитъ съ ума, выбитый изъ колеи тѣмъ, что ему пришлось испытать. Герой разсказа Жоржа Роденбаха: „Старый городъ“, пріѣзжаетъ въ сумрачный, отжившій свой вѣкъ фламандскій городъ, въ надеждѣ нарисовать тамъ много картинъ и вернуться въ Парижъ уже извѣстнымъ художникомъ. Но обстановка, среди которой онъ живетъ, оказывается сильнѣе его. Древнія зданія, безжизненные каналы, меланхолическій звонъ колоколовъ, строгая, дышащая стариною живопись и скульптура въ церквахъ, — все это парализуетъ его волю, и онъ начинаетъ писать картины въ духѣ средневѣковыхъ художниковъ, бессознательно копируетъ старые образцы, придаетъ своему творчеству мрачный, таинственный, напоминающій о смерти и разрушеніи характеръ... Для того, чтобы не поддаться безповоротно вліянію этого мертваго города, онъ долженъ побѣдуть, во что бы то ни стало, ту обстановку, которая сообщила его мыслямъ и стремленіямъ грустную, пессимистическую окраску...

Художникъ Венсанъ Лакруа — изъ „Голубой герцогини“ Бурже, — старый знакомый романиста Жака Молана, также принадлежитъ къ нервнымъ, страдающимъ, вѣчно неудовлетвореннымъ людямъ. Въ то время, какъ Молану все замѣчательно удается, и онъ работаетъ безъ всякаго труда, Лакруа тщетно старается выразить все то, что таится въ его душѣ, никогда не доволенъ своими картинами (одна изъ нихъ называется: „Прощенная Психея“), не способенъ вполне увѣрять въ свое призваніе. Онъ легко поддается вліянію другихъ лицъ, въ родѣ того же Молана, котораго онъ видитъ насквозь и которому онъ все-же оказываетъ одну услугу за другую, потому что у него не хватаетъ энергіи, чтобы дать отпоръ... Лакруа — типичный неудачникъ; его жизнь „бѣдна выдающимися произведеніями, крупными фактами, сильными страстями“. Это — „Гамлетъ висти“,

одинъ изъ наиболѣ искреннихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несчастныхъ художниковъ, какихъ выводятъ современные французскіе беллетристы.

Если герой Роденбаха, прїѣхавъ въ древній фламандскій городъ, чувствуетъ себя вскорѣ побѣжденнымъ его своеобразною красотою, даровитый скульпторъ Дешартръ изъ „Красной лиліи“ Анатоля Франса, поклонникъ Данта и старой итальянской словесности (замѣтимъ, что и Лакруа побывалъ въ Италіи), восторгается французскою архитектурою XV вѣка, ищетъ въ ней вдохновенія и достойныхъ подражанія образцовъ, старается, прежде всего, *не быть банальнымъ*. Подобно Лакруа, онъ самъ никогда не бываетъ доволенъ своими произведеніями. Авторъ называетъ его „страстнымъ, но застѣнчивымъ“. Въ личной жизни онъ не можетъ быть счастливъ,—этому всегда помѣшаетъ его черезчуръ нервная, впечатлительная, недовѣрчивая натура. Живописецъ Режинальдъ Максѣль—изъ романа „По ту сторону любви“ Лезюэра—еще болѣе яркій и типичный представитель этой категоріи художниковъ. Одаренный безусловнымъ талантомъ, охваченный желаніемъ создать что-то новое, мало понятное большой публикѣ, но истинно прекрасное и поэтическое, онъ увлекается символизмомъ, импрессионизмомъ, до извѣстной степени склоняется въ сторону мистики, иногда создаетъ дѣйствительно выдающіяся вещи,—и, съ другой стороны, обнаруживаетъ страстную, неуравновѣшенную натуру, быстро переходитъ отъ одной крайности къ другой, долгое время не можетъ побороть въ своемъ сердцѣ неестественной, трагической любви къ своей родной сестрѣ, красавицѣ Флавеннѣ. Жанъ Экаръ въ своемъ романѣ „Мелита“ выводитъ разочарованнаго, всѣмъ пресытившагося художника Бальме, пессимиста и неврастеника, для котораго встрѣча съ молоденькою дѣвушкою-цыганкою, еще почти ребенкомъ, Мелитою, сохранившею много первобытныхъ, непосредственныхъ чертъ, является какъ бы якоремъ спасенія, лучомъ свѣта среди мрачной меланхоліи и тоски. Онъ хватается за этотъ необычайный, отрадный для него эпизодъ, какъ утопающій за соломинку, подобно тому, какъ литераторъ Альбеванъ въ „Современномъ романѣ“ Л. Додэ видитъ въ своемъ сближеніи съ Жакминою, оригинальною дѣвушкою, выпедшею изъ народной среды, залогъ своего нравственнаго перерожденія. Нѣсколько другой типъ представляетъ собою главный герой оригинальнаго романа Марселя Батилья: „Красота“, Жакъ Марсэжъ, первоначально увлекающійся вполнѣ реалистическимъ искусствомъ, особенно охотно рисующій пейзажи, залитые яркими лучами солнца,

желтѣющія нивы, широкіе горизонты, ярко освѣщенную поверхность воды,—потомъ нѣсколько измѣняющій своимъ прежнимъ вкусомъ и пытающійся соединить реализмъ съ символизмомъ, чувственные образы съ извѣстнымъ налетомъ таинственности, почти мистицизма. Рядъ иллюстрацій къ „Цвѣтамъ зла“ Бодлера обращаетъ на него вниманіе публики и окончательно опредѣляетъ общій характеръ его видоизмѣнившагося творчества. Отличительная черта Марсэжа—восторженный культъ идеальной красоты, которой онъ поклоняется, какъ божеству, почерпая въ ней утѣшеніе въ минуту грусти и недовольства окружающею дѣйствительностью.

Конечно, не всѣ художники, вступающіе въ борьбу съ рутинною, видятъ спасеніе въ мистицизмѣ, возрожденіи старой живописи или символическомъ творествѣ. Нѣкоторые изъ новаторовъ являются, до извѣстной степени, реалистами, такъ какъ, подобно Шавалю или Урлаку, стараются воссоздавать дѣйствительность и относятся вполне отрицательно ко всему таинственному и туманному. Но это—реалисты совершенно особаго оттѣнка, иногда приближающіеся скорѣе къ импрессионистамъ, стремящіеся быть, прежде всего, самобытными, не отступая передъ самыми необычайными, рискованными эффектами и не стѣсняясь традиционными взглядами или пуританскою моралью. Скульпторъ Жаганъ въ „Парижѣ“ Золя, получивъ заказы для строящейся церкви Sacré-Cœur, задумываетъ рядъ оригинальных по мысли произведеній, въ родѣ изображенія летящаго ангела, которое своимъ непривычнымъ, своеобразнымъ видомъ вызываетъ нареканія, кажется не вполне гармонирующимъ съ традиционнымъ характеромъ религіознаго искусства. Другой скульпторъ, Аванъ, выступающій въ „Себастьянѣ Гувэ“, изображаетъ реальный міръ „съ силою ясновидѣнія“, является, до извѣстной степени, импрессионистомъ; живо интересуясь современною жизнью и любя народъ, вполне свободный, повидимому, отъ вліянія символизма, онъ самъ отчасти создаетъ иногда символы, нерѣдко воспроизводитъ дѣйствительность, какъ она ему кажется, возстановляетъ противъ себя часть художественной критики и публики своимъ пренебреженіемъ ко всѣмъ правиламъ и кодексамъ. Въ романѣ г-жи Реваль „Les Sèvresiennes“ играетъ эпизодическую роль скульпторъ Анри Дольфьеръ, ученикъ и горячій почитатель извѣстнаго Родэна,—того Родэна, которому принадлежитъ статуя Бальзака, вызвавшая, нѣсколько времени тому назадъ, взрывъ негодованія въ одномъ лагерѣ и восторженные отзывы—въ другомъ... Отмѣчая всѣ эти оттѣнки, сказывающіеся во французскомъ художе-

ственномъ мірѣ, насколько онъ отразился въ беллетристическихъ произведеніяхъ, нельзя не упомянуть и о женщинахъ-художницахъ, выступающихъ, напримѣръ, въ „Докторѣ Паскалѣ“ (Клотильда), въ пьесѣ Поля Эрвѣ „Слова остаются“, въ „Новыхъ женщинахъ“ братьевъ Маргериттъ, въ пьесѣ Порто-Риша „Прошлое“ и т. д. Объ ихъ художественныхъ идеалахъ и вкусахъ мы, правда, узнаемъ очень мало,—но, напримѣръ, въ „Прошломъ“ очень рельефно обрисована личная жизнь главной героини, художницы Доминики Бриеннъ, дѣйствіе происходитъ въ ея ателье, отмѣчено много бытовыхъ деталей; въ пьесѣ „Слова остаются“ опять цѣлый актъ разыгрывается въ ателье Режины де-Валь, занимающейся портретною живописью. Любопытно, что французскіе беллетристы обыкновенно выводятъ художницъ очень самостоятельными и независимыми, отчасти приближающимися даже къ типу „Новой женщины“. На ряду съ убѣжденными приверженцами старой школы или пламенными сторонниками новыхъ вѣяній, въ обширной семьѣ художниковъ попадаются, конечно, и безусловно недостойные члены, не имѣющіе, въ сущности, почти ничего общаго съ искусствомъ и его задачами, смотрящіе на свое занятіе какъ на болѣе или менѣе выгодное ремесло. Въ діалогическомъ романѣ Анри Лаведана „Le nouveau jeu“ изображенъ, между прочимъ, художникъ Мантель, мало-по-малу усвоивающій тотъ взглядъ, что нужно рисовать лишь то, что нравится публикѣ и можетъ приносить доходъ, мечтающій о выгодныхъ заказахъ на картины, содержаніе которыхъ для него безразлично... У того же Лаведана, въ сборникѣ небольшихъ сенокъ изъ современной жизни, „Молодежь или надежда Франціи“, есть одинъ діалогъ, озаглавленный „Новое искусство“,—что можетъ, до известной степени, ввести въ заблужденіе читателя, такъ какъ здѣсь имѣются въ виду шарлатаны и явные ничтожества, только прикрывающіеся толпами объ „искусствѣ будущаго“. Леколь и Овэръ, два художника съ большими претензіями, крошечнымъ дарованіемъ и рѣдкою алчностью, стараются обратить въ свой толкъ одного изъ своихъ богатыхъ пріятелей, нѣкоего Бернье, молодого человѣка, который съ любопытствомъ выслушиваетъ ихъ громкія разглагольствованія, дѣлаетъ надъ собою усилія, чтобы понять, чего они хотятъ, но отнюдь не расположенъ играть роль мецената и тратить свои средства на поддержку ихъ затѣй. „Однѣ только деньги могутъ поднять наше дѣло“, откровенно заявляетъ Леколь. „Твои деньги гораздо дороже для насъ, чѣмъ твои слова“. „Съ твоимъ состояніемъ ты могъ бы сыграть почетную роль“. Самоиѣніе составляетъ одну изъ отличительныхъ

черть этихъ самозванныхъ новаторовъ. „Въ наши дни такихъ художниковъ, какъ мы,—какихъ-нибудь сорокъ человекъ, и каждый изъ насъ,—можно откровенно сказать, такъ какъ мы теперь въ своей компаніи,—одаренъ извѣстною долею гениальности“. Желая найти щедрого и покладистаго мецената, Леколь и Овэръ подлаживаются къ какому-то барону Д'Артеллѣ, изображающему изъ себя покровителя „новаго искусства“, придавшему своей квартирѣ экзотическій и причудливый характеръ и приблизившему къ своей особѣ одного изъ ихъ товарищей, художника Ларазафеля, который, для большей оригинальности и эксцентричности, украшаетъ свою живопись... рамы для картинъ, оставляя середину ничѣмъ незанятою... Несмотря на явную карикатурность подобныхъ характеристикъ, въ основѣ ихъ лежитъ вполне справедливое осужденіе тѣхъ живописцевъ, которые стараются обратить на себя вниманіе только разными чудачествами, и никогда не упускаютъ изъ виду матеріальныхъ выгодъ.

Нѣкоторые художники, не щеголющіе никакими эксцентрическими выходками, сдѣлались постепенно простыми ремесленниками, по большей части устремили свое вниманіе на портретную живопись, которая требуетъ, конечно, хорошей техники, но не заставляетъ художника напрягать свою фантазію, выражать то, что скрыто въ глубинѣ его души, или невольно обнаруживать свое полное ничтожество, отсутствіе творческой силы. Живописецъ Лермилье, въ романѣ Онэ: „Gens de la pose“, охотно посѣщаетъ свѣтскіе салоны, но не только для своего собственнаго удовольствія, какъ Гюи Марфо,—любитъ шумное и нарядное общество и старается быть со всѣми въ прекрасныхъ отношеніяхъ... потому что надѣется получать въ этой средѣ выгодные заказы на портреты! Это ему, въ значительной степени, удается; онъ становится однимъ изъ самыхъ модныхъ художниковъ,—особенно богатыя американки, зачастую появляющіяся теперь въ парижскихъ салонахъ, любятъ заказывать ему свои портреты. Но Лермилье, по крайней мѣрѣ, не кривитъ душою и остается въ той сферѣ, которую съ самаго начала отмежевалъ себѣ. Гораздо менѣе симпатичны фигуры въ родѣ Бришара—изъ „Свѣтскаго писателя“ Дешома. Это—настоящій карьеристъ, способный раски слѣдовать модѣ, чтобы только не лишиться заработка и не прослыть отсталымъ. Онъ дожилъ до сорока лѣтъ, продолжая считаться однимъ изъ главныхъ представителей старой школы; потомъ обнаружилось вдругъ, что въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ, и прежняя живопись уже не

способна вполне удовлетворять публику... Безъ особыхъ колебаній, Бришаръ, скоро сообразившій, какой тактики теперь нужно держаться, постыдился перейти въ лагерь новаторовъ, съ которыми у него, конечно, нѣтъ ничего общаго, и сталъ довольно успѣшно копировать ихъ отличительные приемы. Художественные критики, поставленные втупикъ этою неожиданною метаморфозою, дипломатично заговорили о „второй манерѣ“ популярнаго художника... Но въ кругу близкихъ лицъ, гдѣ ему уже не нужно притворяться и разыгрывать комедию, Бришаръ съ большою откровенностью, переходящею въ цинизмъ, рассказываетъ, смѣясь, о томъ, какъ на сороковомъ году ему пришлось „переучиваться“, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и не быть оставленнымъ за бортомъ... Подобно тому, какъ, изображая парижскій литературный мѣръ, современные беллетристы обрисовываютъ не мало отрицательныхъ и карикатурныхъ явленій,—и въ мѣрѣ художниковъ они не могли не отмѣтить плачевной дѣятельности такихъ субъектовъ, какъ Леколя или Бришаръ... Но недостойные приемы людей, профанирующихъ все идеальное, возвышенное и прекрасное, еще болѣе отгвняютъ воодушевленіе и творческую фантазію истинныхъ служителей искусства, желающихъ быть, прежде всего, правдивыми и самобытными, честно и неуклонно стремящихся къ намѣченной ими цѣли.

Музыкальный мѣръ сравнительно слабѣе отразился въ творчествѣ беллетристовъ нашего времени ¹⁾. Весьма любопытенъ тотъ фактъ, что многіе герои современныхъ романовъ и пьесъ, въ особенности—литературные дѣятели, очень любятъ музыку, испытываютъ большое удовольствіе, слушая хорошую игру или пѣніе, иногда сами являются музыкантами-любителями. Наряду съ этимъ, въ современной беллетристическѣй изображаются иногда профессиональные музыканты и въ особенности композиторы. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ лица этой категоріи вполне типичны и даютъ понятіе о своей корпорациі... О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы узнаемъ, правда, что они — *музыканты*, но приходится, въ значительной степени, вѣрить автору на слово, такъ какъ почти никакихъ деталей на этотъ счетъ объ нихъ не сообщается, и на первомъ планѣ стоятъ обыкновенныя, общечеловѣческія ощущенія, порывы, невзгоды или нравственные терзанія этихъ героевъ или героинь... Такова, напримѣръ, главная героиня пьесы Лаведана „Catherine“, бѣдная учительница музыки,

¹⁾ См. между прочимъ, Henri Lavedan, „Catherine“ (1898); Victor de Cottens et Paul Gavault, „Fin de rêve“ (1898); Léon Daudet, „Sébastien Gouvé“ (1899); M. Batillat, „La Beauté“ (1900); Jules Bois, „Une nouvelle douleur“ (1900).

становящаяся женою аристократа изъ древней фамиліи, который вначалѣ стоитъ, повидимому, выше всѣхъ предрассудковъ и не признаетъ свой бракъ *mésalliance*’омъ, а потомъ начинаетъ стыдиться своей жены, уже считаетъ ее вульгарною, мало интересною, не подходящею къ его кругу... Въ романѣ „Красота“ Батилья выступаетъ композиторъ Пьеръ Мальбрэ; но каковы его взгляды на современную музыку, что онъ самъ, по преимуществу, создаетъ, въ какой школѣ онъ принадлежитъ, обо всемъ этотъ авторъ ничего не сообщаетъ. Гораздо типичнѣе и интереснѣе герой трехъ-актной пьесы Виктора де-Коттана и Поля Гаво: „Конецъ мечты“, композиторъ-идеалистъ Клодъ Вердаль. Это—даровитый человѣкъ, горячо преданный искусству, стремящійся создать что-нибудь вполне самобытное, оригинальное, сочувствующій новымъ теченіямъ въ сферѣ оперной музыки. Но его мечтамъ суждено остаться неосуществленными; житейская проза, нужда, шаткое, необезпеченное положеніе,—все это давить и угнетаетъ его, стѣсняя полетъ его фантазіи, лишая его возможности спокойно и безпрепятственно работать. Чтобы нѣсколько поправить свои дѣла, Вердаль принужденъ закабалить себя богатому финансисту Кольбусу, разыгрывающему изъ себя мецената, желающему прослыть, сверхъ того, драматургомъ и композиторомъ. Кольбусъ помогаетъ ему деньгами, приобрѣтаетъ у него за порядочную сумму то произведеніе, въ которомъ отразились его завѣтные идеалы, но зато присвоиваетъ себѣ авторскія права на эту вещь, обрекая настоящаго автора на безвѣстное и безславное существованіе... Если Вердаль принадлежитъ къ числу неудачниковъ, не способныхъ одержать блестящую побѣду надъ публикою и обратить ея вниманіе на свое творчество, другой композиторъ-мечтатель, Виоллисъ, выступающій въ романѣ Буа: „Новая скорбь“, хорошій знакомый главнаго героя-романиста Ревала, повидимому даже не старается добиться популярности, творить, прежде всего, для самого себя, любить уединеніе и безмолвіе. Виоллисъ—достойный товарищъ литераторовъ въ родѣ Дюртала; всѣ его идеалы—въ прошломъ; онъ увлекается средними вѣками, старыми легендами, церковными напѣвами, сохранившимися отъ сѣдой старины. Его комната похожа на какой-то музей, гдѣ изображенія Мадонны и Христа, картины прерафаэлитовъ чередуются съ отголосками экзотическаго міра, статуэтками Будды, коврами, рѣдкими и необычайными предметами, вывезенными изъ далекихъ краевъ. Виоллисъ, подобно Дюрталю, посѣщаетъ древніе храмы и монастыри, въ значительной степени поддается влиянію мистицизма и символизма,

охотно сообщает своимъ музыкальнымъ произведеніямъ туманный, таинственный и меланхолическій оттѣнокъ. Въ концѣ романа, неудовлетворенный и тоскующій, онъ ѣдетъ разыскивать Гюисманса, чтобы вмѣстѣ съ нимъ поселиться вдали отъ мірской суеты въ полномъ уединеніи, подъ сводами древней обители; слушая ежедневно величественные звуки органа и трогательные или торжественные гимны...

Другой оттѣнокъ того же типа композитора-мечтателя и энтузіаста обрисовываетъ Леонъ Додэ въ романѣ „Себастьенъ Гувэ“. Молодой музыкантъ Берте, съ которымъ случайно знакомится главный герой, пріѣхавъ въ Парижъ,—безусловно принадлежитъ къ артистической богемѣ, живетъ въ какой-то мансардѣ, иногда чуть не умираетъ съ голоду, участвуетъ за ничтожную плату въ посредственныхъ концертахъ или оркестрахъ мелкихъ парижскихъ театровъ, но не перестаетъ мечтать о будущемъ и горячо любить музыку. Въ его головѣ сложился планъ оригинальной и сложной по содержанію оперы, которая должна передать въ звукахъ всю разнообразную и необъятную парижскую жизнь, со всѣмъ, что въ ней есть красиваго, великаго, гуманнаго или, наоборотъ, жестокаго и безнравственнаго. „Моя опера,—говоритъ онъ,—это—весь Парижъ, въ его силѣ и блескѣ“. Пусть другіе восторгаются Вагнеромъ, ищутъ вдохновенія въ легендахъ отдаленнаго прошлаго; онъ лично находитъ, что въ современной парижской жизни, отличающейся такимъ количествомъ своеобразныхъ, типичныхъ чертъ, композиторъ съ истиннымъ талантомъ можетъ найти матеріалъ для величественной и потрясающей оперы. Нечего и говорить, что тутъ идетъ рѣчь не о простой передачѣ реальной жизни, не о рабскомъ копированіи окружающей дѣйствительности; Берте хочетъ постичь и выразить въ звукахъ душу родного города, ощущенія, порывы и мечты его разнообразныхъ обитателей. Онъ какъ будто предупреждаетъ въ иныхъ отношеніяхъ современнаго композитора Шарпантье, поставившаго въ 1899 году на сценѣ театра „Орѣга Соміке“ свою музыкальную драму „Луиза“, полную правдивыхъ картинъ парижской жизни и быта монмартрскаго предмѣстья, соединяющую реальный и символическій элементъ. О тонкой артистической натурѣ Берте и характерѣ его творчества можетъ дать понятіе слѣдующее его признаніе: „Лѣтнимъ вечеромъ, въ родѣ сегоднешняго, можно слышать гигантскій концертъ страстныхъ желаній, звуки котораго какъ бы проносятся по раскаленнымъ улицамъ... тогда я схватываю мою скрипку, и мелодическіе образы проходятъ черезъ мою голову“. Наконецъ, ему удается напи-

сать свою оперу, — но въ Парижѣ ее находятъ слишкомъ рисованною и необычною; онъ принужденъ возложить всѣ свои надежды на Бельгію, въ наши дни болѣе благопріятствующую развитію новыхъ теченій, и готовится ставить свое произведеніе на сценѣ брюссельскаго театра.

Театральный бытъ, во всѣмъ, что въ немъ есть необычайнаго, своеобразнаго, непохожаго на окружающую дѣйствительность, издавна привлекалъ вниманіе французскихъ беллетристовъ, наряду съ обрисовкою сложной и оригинальной артистической психологіи. Естественно, что и новѣйшій фазисъ развитія французскаго театра, въ лѣтописяхъ котораго за послѣдніе годы найдется такъ много интересныхъ, характерныхъ фактовъ, долженъ былъ, въ той или другой степени, отразиться въ современной литературѣ ¹⁾. Но можно ли сказать, что романы Золя, Рони, Вогюэ, Лезюэра, Дешома и другихъ, въ которыхъ мимоходомъ или болѣе обстоятельно затрогивается міръ сценическихъ дѣятелей, даютъ полное понятіе объ отличительныхъ особенностяхъ французскаго театра нашего времени? Мы, правда, знакомимся съ пѣлою толпою разнообразныхъ представителей и особенно *представительницъ* театрального міра, узнаемъ много любопытнаго относительно технической стороны дѣла, постановки пьесъ, репетицій, первыхъ спектаклей, закулисныхъ интригъ, отношенія актеровъ къ публикѣ или рецензентамъ, — но *душа* современнаго театра, новыя вѣянія, постепенная перемѣна репертуара, борьба различныхъ направленій и школъ игры, все это далеко не всегда въ достаточной мѣрѣ интересуетъ и вдохновляетъ отдѣльных писателей и отражается въ ихъ произведеніяхъ. Иногда можно даже подумать, что извѣстное предубѣжденіе противъ театральной среды, унаслѣдованное отъ прошлаго, и въ наши дни еще не вполне чуждо нѣкоторымъ литературнымъ дѣятелямъ, которые подходятъ къ изображенію этой среды съ легкимъ недоверіемъ, заранѣе ожидая найти въ ней много отрицательныхъ, темныхъ сторонъ... Не подлежитъ, наприимѣръ, никакому сомнѣнію, что театральные нравы, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, оставляютъ очень многого желать; но если пи-

¹⁾ Театральный бытъ затронутъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ романахъ и пьесахъ: J.-H. Rosny, „Le termite“ (1890), „La fauve“ (1899); Daniel Lesueur, „Comédienne“ (1898); Berton et Simon, „Zaza“ (1898); Zola, „Paris“ (1898); Paul Bourget, „La duchesse bleue“ (1898); Melchior de Vogüé, „Les morts qui parlent“ (1899); Maurice Vancaire, „Petit Chagrin“ (1899); Edmond Deschaumes, „L'auteur mondain“ (1900); Lucien Muhlfeld, „La carrière d'André Tourette“ (1900); Edouard Rod, „Au milieu du chemin“ (1900).

сатель будетъ все время настаивать только на безнравственности и легкомыслии своихъ героевъ, принадлежащихъ къ театральному міру, ничѣмъ не смягчая и не уравнивая своихъ оцѣнокъ, его приговоръ не можетъ не показаться пристрастнымъ и одностороннимъ!.. Что же касается до взгляда отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ современнаго французскаго романа, вышедшихъ изъ аристократическаго или буржуазнаго круга, — на актеровъ или актрисъ, — то этотъ взглядъ уже почти всегда отражаетъ, въ той или другой степени, устарѣвшія воззрѣнія на театральную среду, какъ на міръ хвастливыхъ, неискреннихъ и распущенныхъ комедіантовъ. Одна изъ героинь „Comédienne“ Лезюэра, любящая, преданная жена и прекрасная мать, такъ опредѣляетъ, напримѣръ, про себя самыхъ извѣстныхъ артистовъ: „кокетки, у которыхъ есть талантъ“. Аристократъ Латорель, изъ романа „La fauve“ Рони, — впоследствии самъ сближающійся съ даровитою артисткою Самй, которая увлекаетъ его своею красотой, изяществомъ и талантомъ, при первомъ соприкосновеніи съ театральнымъ міромъ представляетъ его себѣ какъ среду негодяевъ и куртизанокъ, — правда, очень живописныхъ негодяевъ и очень интересныхъ куртизанокъ... Авторы называютъ его „работомъ свѣтскаго и аристократическаго предрассудка противъ театра“; съ теченіемъ времени этотъ предрассудокъ начинаетъ ему казаться дикимъ и жестокимъ, онъ готовъ бороться съ нимъ, — но въ глубинѣ души онъ все-таки еще не вполне пережилъ отголоски старыхъ воззрѣній; бракъ съ артисткою, хотя бы самою нравственною, онъ, напримѣръ, инстинктивно считаетъ чѣмъ-то невозможнымъ, страннымъ, нежелательнымъ, какъ бы велика ни была любовь, какою бы мучительною ни казалась разлука. Бальранъ, герой романа „Свѣтскій писатель“, испытываетъ томительное ощущеніе, узнавъ въ одной изъ наиболѣе популярныхъ артистокъ „Comédie Française“ дѣвушку, которая когда-то была дорога ему. И авторъ находитъ это ощущеніе вполне естественнымъ, потому что всякій, кто знакомъ „съ жестокими театральными нравами, съ грубостью сценическихъ дѣятелей, охваченныхъ завистью и честолюбіемъ“, не могутъ, по его мнѣнію, видѣть равнодушно, какъ близкое ему лицо появляется на театральныхъ подмосткахъ. Иные подавляютъ, до поры, до времени, свое недовѣрчивое отношеніе ко всему, что связано съ театромъ; но въ минуту раздраженія и аффекта, когда человекъ не владѣетъ собою, прежняя закваска неожиданно сказывается въ неприкрашенной формѣ. Литераторъ Эссено, въ романѣ Лезюэра, ради красивой, кокетливой и страстной артистки Клари готовъ забыть

жену и ребенка, сдѣлаться завсегдатаемъ театра, унизиться до мелкой, подозрительной ревности; но вотъ онъ узнаетъ постепенно, какова была, въ дѣйствительности, натура той женщины, которую онъ идеализировалъ; и послѣ бурнаго объясненія, желая угодить Кларе, выразить ей все свое презрѣніе, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ бросить ей въ лицо, съ отгнѣвомъ глубокаго пренебреженія въ тонѣ: „comédienne“! Ничего болѣе обиднаго онъ не можетъ придумать въ эту минуту...

Въ романахъ и пьесахъ, затрогивающихъ театральныи бытъ, передъ нами развертывается внутренняя жизнь различныхъ парижскихъ театровъ. Тутъ и „Comédie Française“, и „Водевиль“, и другія сцены, иногда обозначенныя какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ, — такъ, въ „Comédienne“ описывается театръ „Comédie moderne“. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, напримѣръ въ прогремѣвшей на всю Европу, благодаря прекрасной игрѣ Режанъ, пьесѣ Бертонъ и Симона: „Заза“, или въ романѣ Л. Мюльфельда: „Карьера Андрэ Туретта“, мы знакомимся съ третьестепенными театрами, кафе-шантанами, открытыми сценами и т. д., имѣющими, конечно, мало общаго съ драматическимъ искусствомъ... Весьма любопытна характеристика несуществующаго теперь, но въ свое время сыгравшаго такую важную роль въ исторіи новаго искусства, „Свободнаго театра“, которую мы находимъ, между прочимъ, въ двухъ романахъ Рони, — „La fauve“ и „Le termite“. Въ противоположность другимъ парижскимъ сценамъ, „Свободный театр“, въ изображеніи Рони, имѣетъ много самобытныхъ, своеобразныхъ чертъ. На его репетиціяхъ и первыхъ спектакляхъ, въ кругу актеровъ, бесѣдующихъ о той или другой пьесѣ, наконецъ въ публикѣ, чувствуется лихорадочный интересъ къ новымъ вѣяніямъ, вступающимъ теперь въ борьбу съ рутинною, увлеченіе натурализмомъ въ сферѣ драмы или сочувствіе сѣверному вліянію, творчеству Ибсена, Бьерсона... На характеристикѣ „Свободнаго театра“, — несмотря на то, что его недостатки отнюдь не остаются въ тѣни, — вы нѣсколько отдыхаете душою послѣ цѣлаго ряда далеко не утѣшительныхъ картинъ съ натуры, взятыхъ изъ повседневной жизни другихъ парижскихъ сценъ. Въ „La fauve“ выведенъ даже, какъ эпизодическое лицо, самъ Антуанъ, талантливый и энергичный руководитель „Свободнаго театра“, выгодно отличающійся отъ обычнаго типа режиссеровъ, изображаемыхъ во французскихъ романахъ (по большей части это грубые утилитаристы, думающіе, прежде всего, о внушительныхъ сборахъ, стремящіеся подлаживаться подъ вкусы

публики, заискивающіе у крупныхъ артистовъ, которые имъ нужны, и безжалостные къ дебютантамъ).

Если характеристику театральнаго быта у отдѣльныхъ беллетристовъ нельзя признать достаточно полною, объективною и всеобъемлющею, — литературный міръ обрисованъ, наприимѣръ, гораздо лучше и обстоятельнѣе, — то чисто внѣшняя сторона этого быта иногда описана все-таки весьма удачно и мѣтко. Очень часто авторъ приводитъ насъ на репетицію новой пьесы, знакомить насъ съ актерами, какими они бываютъ въ своей средѣ, съ ихъ отношеніемъ къ драматическому искусству, публикѣ, театральнымъ критикамъ, драматургамъ, — наконецъ, своимъ собственнымъ товарищамъ. Когда авторъ новой пьесы является на репетицію, его обыкновенно начинаютъ тормозить со всѣхъ сторонъ, засыпая его различными вопросами, претензіями, просьбами, иногда довольно скромно и деликатно выраженными, иногда болѣе или менѣе развязными и назойливыми. Кто-нибудь изъ актеровъ или актрисъ проситъ выкинуть изъ роли ту или другую фразу, какъ плохо звучащую на сценѣ или портящую эффектъ; другой желаетъ, наоборотъ, чтобы драматургъ прибавилъ къ его роли какое-нибудь благодарное, выигрышное мѣсто; иные позволяютъ себѣ критиковать идею или планъ пьесы. Нечего и говорить, что большинство разсматриваетъ каждую новую драму или комедію только съ чисто эгоистической точки зрѣнія: если роль, предложенная авторомъ, принадлежитъ къ числу эффектныхъ, обезпечивающихъ апплодисменты, — пьеса хороша, и ее давно нѣжно было поставить; въ противномъ случаѣ, она не заслуживаетъ особеннаго вниманія и усилій! Нѣкоторые актеры и актрисы въ ту самую минуту, когда авторъ хочетъ со всею серьезностью и вдумчивостью отнестись къ исполненію своей пьесы, убѣдиться въ томъ, можетъ ли она производить впечатлѣніе со сцены, пристають къ нему съ разспросами относительно различныхъ мелочей костюма или доказываютъ ему, что та или другая поза, которая требуется отъ нихъ по пьесѣ, не выгодна для нихъ и не будетъ оцѣнена публикою. Во время репетицій тотчасъ же обнаруживаются и взаимныя отношенія членовъ труппы, развязное, безшабашное обращеніе — съ одной стороны, и зависть, соперничество, интриги — съ другой. Модный *jeune premier*, пользующійся успѣхомъ и какъ артистъ, и какъ мужчина, тотчасъ же вызываетъ у своихъ товарищей скрытую зависть и недоброжелательство; правда, въ лицо ему никто не отваживается сказать что-нибудь обидное, — но стѣбитъ ему во время репетиціи отойти немного въ сторону, чтобы въ догонку по-

слышались насмѣшливые возгласы, въ родѣ: „посмотрите, какъ онъ выгибаетъ свое туловище, негодяй!“... Главная героиня „La fauве“, желающая идти своимъ особымъ путемъ и, благодаря своему таланту, невольно оставляющая другихъ членовъ труппы въ тѣни, тотчасъ же возбуждаетъ противъ себя всѣхъ своихъ товарищей, особенно женщинъ, которыя не пропускаютъ случая— въ чемъ-нибудь повредить ей. „Ее постоянно обвиняли, — читаемъ мы въ романѣ, — въ томъ, что она мѣшаетъ кому-нибудь изъ труппы двигаться по сценѣ, портитъ имъ эффектные мѣста, тогда какъ, въ дѣйствительности, всѣ, наоборотъ, старались скрадывать тѣ паузы, которыя были для нея необходимы, — и требовалось вмѣшательство помощника режиссера, человѣка знающаго свое дѣло и безпристрастнаго, чтобы восстанавливать роли въ ихъ настоящемъ видѣ“. Чтобы уронить и дискредитировать въ глазахъ публики даровитую артистку, одна изъ ея товарокъ рѣшаетъ нарочно вести свою роль въ приподнятомъ тонѣ, усиленно возвышая голосъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ имъ приходится играть вмѣстѣ, чтобы исполненіе ея соперницы показалось большой публикѣ, неспособной оцѣнить тонкую игру, — блѣднымъ, безцвѣтнымъ, какъ бы нерѣшительнымъ.

Но вотъ наступаетъ день генеральной репетиціи. Тѣ, кто знакомъ съ особенностями французскаго театральнаго быта, знаютъ, что генеральная репетиція, обыкновенно собирающая въ Парижѣ полный театръ, въ томъ числѣ— всѣхъ рецензентовъ и представителей печати, имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе для новой пьесы французскаго драматурга, чѣмъ можно было бы думать. Она, въ значительной степени, рѣшаетъ судьбу пьесы; публика, правда, отличающаяся отъ обычнаго состава зрительной залы, аплодируетъ или выражаетъ свои протесты, какъ на первомъ спектаклѣ. Всѣ рецензіи обыкновенно пишутся послѣ генеральной репетиціи, и потомъ къ нимъ только прибавляется нѣсколько строкъ. Иногда бываетъ такъ, что на генеральной репетиціи та или другая фраза неожиданно вызываетъ въ публикѣ смѣхъ; авторъ спѣшитъ ее вычеркнуть, и на первомъ представленіи актеръ или актриса уже не произносятъ этихъ словъ; но въ рецензіяхъ, написанныхъ заранѣе, конечно, критикуется или осмѣивается неудачная фраза... Актеры во время генеральной репетиціи становятся вдругъ какъ-то особенно сдержанны и холодны съ авторомъ; это объясняется тѣмъ, что они ждутъ приговора публики, чтобы, въ случаѣ сочувственнаго приѣма, тотчасъ же увѣровать въ талантъ драматурга и въ достоинства своихъ ролей... Очень часто французскіе беллетристы изобра-

жають душевное состояніе автора, присутствующаго на генеральной репетиціи или первомъ представленіи своей драмы. Кларансэ—изъ романа „На серединѣ жизненнаго пути“ Эдуарда Рода—ставить свою пьесу „Невѣста льва“, Эссено—свою „Ревнивицу“, герой „Свѣтскаго писателя“—драму „Сообщники“ и т. д. Ощущенія этихъ лицъ, слѣдящихъ изъ своей ложи за каждымъ словомъ актеровъ, сознающихъ, что ихъ ждетъ или блестящая побѣда, или полное пораженіе, обрисованы иногда съ большимъ мастерствомъ. Нечего и говорить, что первый спектакль также имѣетъ громадное значеніе; сами актеры, ставящіе очень низко мнѣніе каждаго отдѣльнаго зрителя, иногда испытываютъ все-таки какой-то суевѣрный страхъ передъ приговоромъ публики, какъ коллективнаго цѣлаго. „Въ дни первыхъ представленій,—говоритъ одинъ актеръ,—можно подумать, что передъ нами—гигантская пасть, какія-то челюсти, которыя сейчасъ вотъ закроются и раздавятъ насъ“... На другой день послѣ спектакля всѣ они съ любопытствомъ набрасываются на газетныя рецензіи; прочитавъ ихъ, средній уровень актеровъ, какъ мы читаемъ въ „Свѣтскомъ писателѣ“, имѣетъ, наконецъ, свое опредѣленное мнѣніе о новой пьесѣ.

Какіе же типы сценическихъ дѣятелей всего чаще привлекаютъ вниманіе французскихъ беллетристовъ? Интересно отмѣтить одну характерную особенность: актеры гораздо рѣже выступаютъ въ современной беллетристикѣ, чѣмъ артисты. Между тѣмъ какъ внутренній міръ даровитаго, выдающагося артиста въ наши дни почти нигдѣмъ не изображается,—можно сейчасъ отмѣтить цѣлый рядъ весьма удачныхъ попытокъ воссоздать психологію талантливой артистки на первыхъ роли. Нѣкоторыя изъ этихъ героинь, при всей своей даровитости, по своимъ нравственнымъ качествамъ стоятъ, правда, немногимъ выше окружающей среды; но другія принадлежатъ къ наиболѣе симпатичнымъ явленіямъ, какія только подмѣчаютъ въ театральной средѣ французскіе беллетристы,—какъ мы видѣли, относящіяся къ ней, въ общемъ, довольно сурово. Едва ли нужно останавливаться особенно долго на характеристикѣ Сильвіаны изъ „Парижа“ Золя. Это—типичная карьеристка, готовая пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы только выдвинуться и заставить о себѣ заговорить. Она очень ловко отыскиваетъ себѣ союзниковъ и вліятельныхъ друзей, плѣняя всѣхъ своею красотою и кокетствомъ, вводя многихъ въ заблужденіе тѣмъ невиннымъ, дѣвственно-чистымъ выраженіемъ лица, которымъ она одарена въ силу какой-то игры природы и за которымъ скрываются развратные вкусы, без-

стыдство и цинизмъ. Въ ея салонѣ постоянно появляются болѣе или менѣе вліятельныя лица, которыхъ она надѣется сдѣлать постепенно своими послушными орудіями, чтобы, заманивая ихъ различными обѣщаніями, найти съ ихъ стороны поддержку своему безумному плану—выступить на сценѣ „Comédie Française“ въ роли Полины изъ „Поліевкта“ Корнеля. Проигравъ десять лѣтъ въ мелкихъ парижскихъ театрахъ, она рѣшила подняться ступенью выше, для чего, по ея мнѣнію, ей необходимо проникнуть въ „домъ Мольера“. И вотъ она нарочно кружитъ голову богатому банкиру и депутату, барону Дювильяру, своему пламенному поклоннику, и категорически заявляетъ ему, что будетъ ему принадлежать только послѣ того, какъ онъ устроитъ ей дебютъ въ „Comédie Française“. Но для этого нужно разрѣшеніе подлежащаго министра,—и опьяненный своею страстью Дювильяръ въ различныхъ соображеніяхъ и комбинаціяхъ чисто-политическаго и партійнаго характера долженъ теперь еще примѣшивать заботу о сформированіи такого министерства, которое навѣрное обезпечило бы Сильвіанѣ скорѣйшее исполненіе ея мечты... Такимъ образомъ, ловкая и настойчивая артистка косвенно оказываетъ вліяніе на теченіе политической жизни...

Нельзя не подивиться тому, что въ „Голосахъ мертвыхъ“ Вогюэ рѣшился повторить многія детали этого эпизода съ Сильвіаною, сдѣлавъ одною изъ своихъ героинь артистку Rose-Esther, также увлекающуюся честолюбивыми планами. Эстеръ, еврейка по происхожденію, дочь кабинетнаго ученаго, Альфонса Байонна, который мечталъ о томъ, чтобы она получила основательное образованіе,—противъ воли родителей поступила на сцену, играла выходныя роли въ театрѣ Porte-Saint-Martin, потомъ сразу выдвинулась, мастерски исполнивъ главную роль въ драмѣ „Гуситы“ талантливаго молодого драматурга Гейльбронна. Мы ее застаемъ уже артисткою съ именемъ, у которой, какъ и у Сильвіаны, собираются въ извѣстные дни депутаты, литераторы, журналисты. Передъ нею блестящая будущность; ее хвалятъ въ газетахъ; благодарный Гейльброннъ всѣмъ возвѣщаетъ объ ея талантѣ; многіе добиваются чести быть принятыми въ ея салонѣ. Подобно Сильвіанѣ, Эстеръ рѣшаетъ проложить себѣ дорогу въ „домъ Мольера“, въ этотъ „священный домъ“, „la Maison sacrée“. Въ числѣ посѣтителей ея салона есть услужливые журналисты, готовые отстаивать ея интересы. Но одной ихъ поддержки еще мало,—нужно придумать подходящаго министра, который могъ бы устроить все это дѣло... У изобрѣтательной артистки есть уже въ виду таковой субъектъ,—нѣкто Мирво, без-

цвѣтная и мало даровитая личность, не игравшая вплоть до этого времени почти никакой роли. Черезъ своихъ друзей изъ парламентской среды Эстеръ начинаетъ агитировать въ пользу Мирво („онъ будетъ министромъ, — это необходимо, я этого хочу“!), и въ концѣ концовъ достигаетъ цѣли, такъ какъ во время неожиданнаго министерскаго кризиса кандидатура этого человѣка, какъ не сдѣлавшаго до сихъ поръ ничего опредѣленно плохого, находить вдругъ сторонниковъ и одерживаетъ верхъ надъ другими! Такимъ образомъ и здѣсь артистическій и политическій міры тѣсно соприкасаются между собою. Эстеръ выступаетъ на сценѣ „Comédie Française“ въ пьесѣ Понсара: „Влюбленный левъ“, потомъ въ „Сидѣ“ (въ роли Химены), наконецъ въ новой пьесѣ того же Гейльбронна „Халдеянка“, — и производитъ громадное впечатлѣніе на публику. Ея главное отличие отъ Сильвіаны состоитъ именно въ томъ, что, при всемъ своемъ честолюбіи и карьеризмѣ, она все-же отличается выдающимся талантомъ, и игра ея, дѣйствительно, заслуживаетъ успѣха и поощренія. Она, естественно, чувствуетъ свою силу, и ей представляется, что, среди всеобщаго вырожденія и деморализаціи, крупная драматическая артистка, пользуясь до болѣзненности развитымъ вкусомъ своихъ современниковъ въ театру, можетъ занять почетное мѣсто, приобрести могущественное вліяніе на все общество.

Кларі де-Преморъ, главная героиня „Comédienne“ Лезюэра, — далеко не такая даровитая и умная актриса, какъ Rose-Esther, но и она способна захватывать и приводить въ восторгъ зрительную залу, увлекаетъ даже тѣхъ лицъ, которые хорошо знаютъ ея неприглядную нравственную фізіономію. На сценѣ Кларі точно перерождается; она становится искреннею и восторженною, чего почти никогда не бываетъ съ нею въ обыкновенное время; играя главную роль въ „Ревнивицѣ“ Эссено, она обнаруживаетъ художественный реализмъ и вѣрное пониманіе роли. Какъ женщина, она оставляетъ очень многого желать. Она поощряетъ восторженную страсть Эссено, женатаго человѣка, разбиваетъ его семейную жизнь, достигаетъ того, что онъ уже начинаетъ хлопотать о разводѣ. Въ то же время у нея есть и другіе, болѣе заманчивые для нея планы; за нею настойчиво ухаживаетъ итальянскій аристократъ, князь Гракки, и она не теряетъ надежды стать, рано или поздно, его подругою, получить въ свое распоряженіе солидную сумму и роскошное палаццо. Она искусственно разжигаетъ пылкую страсть итальянца, возбуждая въ немъ ревность своими разсказами о „серьезныхъ

намѣреніяхъ“ . Эссено,—и, наконецъ, достигаетъ своей цѣли. Автора „Ревиницы“, видѣвшаго въ Кларі нѣжное, чистое существо, ожидаетъ жестокое разочарованіе. Въ свое оправданіе она можетъ привести только слѣдующій аргументъ, въ которомъ, пожалуй, есть доля правды: „Я—актриса, и для того, чтобы не вести жизнь безъ всякаго значенія, безъ исхода, я должна была пойти по той единственной дорогѣ, которую общество намѣчаетъ намъ, артисткамъ“...

Посмотримъ теперь, каковы актрисы противоположнаго отѣнка, ставяція выше всего искусство и его задачи, желающія быть искренними и въ жизни, и на сценѣ. Къ ихъ числу относится Камилла Фавье—изъ „Голубой герцогини“ Бурже. Дочь очень богатаго человѣка, потомъ разорившагося подъ вліяніемъ биржевой игры, она поступила на сцену, съ тѣмъ, чтобы вполнѣ отдаться той карьерѣ, которая ей казалась наиболѣе привлекательною и интересною. Въ противоположность Жаку Молану, который въ своихъ сочиненіяхъ абсолютно неспособенъ выражать то, что онъ дѣйствительно чувствуетъ, и всего лучше описываетъ никогда неиспытанныя ощущенія, Камилла можетъ хорошо играть только тѣ роли, которыя ей по сердцу, вполнѣ понятны и въ данную минуту соотвѣтствуютъ ея душевному состоянію. Если она только-что испытала какое-нибудь сильное потрясеніе, была взволнована до глубины души или услышала какую-нибудь радостную, желанную вѣсть, ея игра становится въ этотъ вечеръ особенно нервною, страстною, иногда истинно вдохновенною... Ея любовь къ Молану—вполнѣ искреннее, непосредственное чувство; она твердо вѣритъ въ его расположеніе, вначалѣ не допускаетъ мысли о возможности измѣны съ его стороны. Когда она убѣждается въ томъ, что онъ ведетъ двойную игру, считаетъ возможнымъ одновременно ухаживать за двумя женщинами и увѣрять ихъ въ своей любви, это для нея такой тяжелый ударъ, отъ котораго она не скоро оправится. Разочаровавшись въ томъ человѣкѣ, котораго она идеализировала, Камилла приходитъ постепенно къ грустному сознанію, что „слишкомъ неразумно—имѣть сердце въ такомъ жестокомъ мірѣ“... Въ концѣ романа, разбивая свои мечты о счастіи и идеалистическіе порывы, она рѣшаетъ пойти по обычной дорогѣ, которую избрало на ея глазахъ такъ много артистокъ... Та искренность игры, которою она когда-то гордилась, мало-по-малу покидаетъ ее, и остается только сильный природный талантъ... Черезъ нѣсколько времени Моланъ, изъ всего извлекающій пользу, пишетъ очень эффектную пьесу, въ которой, нѣсколько измѣнивъ инны

детали, выводитъ себя и Камиллу, изображаетъ всю исторію ихъ отношеній; узнавъ, что роль главной героини принадлежитъ къ числу выигранныхъ и благодарныхъ, Камилла соглашается сыграть ее и относится къ ней совершенно объективно, — какъ будто сюжетъ драмы не затрогивалъ всего ее прошлаго, не вызывалъ въ ея душѣ грустныхъ воспоминаній! Впрочемъ, отдѣльныя черты прежней Фавье можно найти у переродившейся артистки; мы ее встрѣчаемъ опять, какъ эпизодическое лицо, въ повѣсти Бурже „Дѣловой человекъ“, гдѣ она является подругою богатаго финансиста Нортъе, — но и въ эту пору она обнаруживаетъ временами добрыя задатки и природное великодушіе.

Самъ, главная героиня „La fauve“, талантливая и своеобразная артистка, остается до конца искреннею, любящею и безкорыстною. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторы обратили главное вниманіе на характеристику ея сердечной жизни, на обрисовку ея горячей любви къ Латорелю, — сравнительно рѣже посвящая насъ въ міръ ея художественныхъ идеаловъ. Одно несомнѣнно: Самъ принадлежитъ къ тѣмъ артисткамъ, которыя вдумчиво и сознательно относятся къ своимъ ролямъ. Играя главную роль въ новой пьесѣ извѣстнаго драматурга Мондюи, она отстаиваетъ свое пониманіе этой роли, вступаетъ даже въ споръ съ самимъ авторомъ, человѣкомъ стараго поколѣнія, требующимъ, чтобы она придерживалась общепринятой манеры или руководилась классическими образцами. Самъ хочетъ идти своимъ особымъ путемъ; рутинѣ ей ненавистна; крикливая декламация кажется ей тѣмъ-то отжившимъ свой вѣкъ. Ея собственная дикція отличается музыкальностью, изяществомъ, преобладаніемъ полу-тоновъ. Зато часть критики и зрителей обрушивается на нее, называя ея игру декадентскою, искусственною, недостаточно энергичною. Но люди болѣе безпристрастные и отзывчивые цѣнятъ именно ея стремленіе къ самобытности...

Одною изъ наиболѣе симпатичныхъ артистокъ, выведенныхъ современными французскими беллетристами, является Марта Бривье, — изъ „Свѣтскаго писателя“ Дешома, — выступающая на „Comédie Française“ подъ псевдонимомъ Жанны Бланди. Если она не отличается особенною склонностью къ новаторству, то ея культурное, серьезное отношеніе къ своей дѣятельности невольно подкупаетъ насъ въ ея пользу. Но этого мало: авторъ обращаетъ наше вниманіе на частную жизнь Марты, которая и въ шумной, пестрой, обманчивой театральной средѣ остается такою же честною, порядочною и нравственною, какою она была въ годы ранней молодости, проведенные ею въ деревенскомъ за-

тишь, въ домѣ отца, скромнаго провинціального доктора... Во всей фигурѣ и обращеніи Марты чувствуется что-то грустное, сосредоточенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное собственного достоинства. Своего прежняго поклонника, когда-то самымъ недостойнымъ образомъ поступившаго съ нею, а потомъ надѣющагося снова завладѣть ея расположеніемъ, она умѣетъ держать на почтительномъ отдаленіи, рѣшительно заявляя ему, что прошлое умерло безвозвратно. На подобныхъ личностяхъ невольно отдыхаешь душою, послѣ ряда интриганокъ и карьеристокъ изъ театральной среды, выступающихъ въ другихъ романахъ. Довольно характерно то обстоятельство, что Марта, пользуясь большимъ успѣхомъ на сценѣ, въ концѣ отказывается отъ артистической дѣятельности и выходитъ за скромнаго, незамѣтнаго труженика...

Объ исполнительницахъ мелкихъ ролей много говорить не приходится. Въ изображеніи французскихъ беллетристовъ въ-которыя изъ нихъ, въ родѣ Огюстины Доржъ изъ „La fauve“, являются, по своему, честными и добросовѣстными служительницами искусства, посвящающими своему дѣлу всѣ силы, все здоровье. Другія, наоборотъ, стоятъ уже на границѣ между театральнымъ міромъ и полу-свѣтомъ, часто не имѣютъ никакого таланта, рассчитываютъ только на свою вѣнность, въ лучшемъ случаѣ обнаруживая свойства типичной гризетки добраго стараго времени,—какъ мы это видимъ въ пьесѣ Мориса Вокера, „Маленькая скорбь“, главная героиня которой, Мими, бывшая ученица консерваторіи, является преданною подругою молодого Берте вплоть до той минуты, когда тотъ рѣшаетъ жениться по разсудку, подъ давленіемъ родныхъ. Говоря объ артисткахъ на вторыхъ роли, нельзя не упомянуть кетати и о тѣхъ „звѣздахъ“ различныхъ кафе-шантановъ и *cafés-concert*, которыя иногда привлекали вниманіе французскихъ романистовъ и драматурговъ. Сюда относятся, напримѣръ, Марго Валькеръ изъ романа Мюльфельда: „Карьера Андрэ Туретта“,—съ успѣхомъ выступающая въ кафе-шантанѣ „*Parc de Paris*“, но, правда, мечтающая о переходѣ на драматическія роли и надѣющаяся сыграть, рано или поздно, Селимену, —или пѣвица Полина Силлери, изъ того же романа, еще болѣе легкомысленная и очень эксцентричная по своимъ вкусамъ. Совершенно другой типъ представляетъ собою главная героиня комедіи „Заза“. Несмотря на то, что она окружена циничными и распущенными людьми, поетъ нерѣдко довольно пошлые куплеты и никогда не видѣла хорошихъ и поучительныхъ примѣровъ, она можетъ искренно и безкорыстно

полюбить, при случаѣ обнаруживаетъ великодушіе и склонность въ самопожертвованію, способна растрогаться, слушая наивную болтовню маленькой дѣвочки... Здѣсь мы, конечно, имѣемъ лишній разъ дѣло съ тою идеализаціей женщинъ этого типа, которая ведетъ свое начало еще съ „La vie de bohème“ Мюрье или „Дамы съ камеліями“.

По сравненію съ артистками различныхъ отгѣнковъ, актеры кажутся довольно блѣдными, мало интересными. Вполнѣ удовлетворительной характеристики крупнаго, первокласснаго артиста, достойнаго партнера такихъ даровитыхъ личностей, какъ Эстеръ, Самі или Камила Фавье, мы не имѣемъ. Типъ стараго, опытнаго, но—опять—далеко не выдающагося актера довольно недурно очерченъ, всего нѣсколькими штрихами, въ „Голубой герцогинѣ“. Старикъ Брессоре, товарищъ по труппѣ Камиллы Фавье, необыкновенно дорожитъ приглашеніями въ аристократическіе или просто богатые дома, гдѣ его принимаютъ наравнѣ съ различными важными людьми, иногда просятъ что-нибудь продекламировать. Когда Камила въ домѣ своей соперницы, дамы изъ общества, очень ловко и тонко мститъ ей за тѣ страданія, которыя та ей причинила, Брессоре въ отчаяніи: что, если послѣ этой неосторожной выходки ихъ всѣхъ перестанутъ принимать въ этотъ домъ! Въ обращеніи его со своими знакомыми, не говоря уже о товарищахъ по профессіи, чувствуется извѣстная фамиллярность; въ прошломъ, въ ту пору, когда онъ еще игралъ молодыя роли, у него было немало любовныхъ исторій и легкихъ побѣдъ.

Въ „Comédienne“ обрисованъ, въ общихъ чертахъ, внутренний міръ довольно популярнаго у публики jeune premier; нѣкоего Станье, который считаетъ себя прекраснымъ актеромъ, но въ дѣйствительности обладаетъ только очень благодарною внѣшностью, римскимъ профилемъ, красивою фигурою и вибрирующимъ голосомъ. Тотчасъ же по выходѣ изъ консерваторіи, онъ былъ сбитъ съ толку и испорченъ выпавшими ему на долю аплодисментами и оваціями. Съ этихъ поръ его самоиѣніе не знаетъ уже предѣловъ. Успѣхъ у женской части публики заставляетъ его окончательно зазнаться, такъ какъ „совершенно противная требованіямъ искусства утрировка интонацій и жестовъ“, къ которой онъ прибѣгаетъ, доводитъ чуть не до обморока всѣхъ зрительницъ... Изъ театра „Comédie moderne“ онъ переходитъ съ теченіемъ времени въ „домъ Мольера“; онъ бы не прочь открыть свой собственный театръ, еслибы нашелся меценатъ въ родѣ князя Гракки, который ассигновалъ бы на это дѣло

нужную сумму... Какъ человѣкъ, Стэнъе очень немногаго стоитъ. Добившись благосклонности Клары, онъ бьетъ ее съ грубостью пьянаго извозчика или сапожника, когда начинаетъ подозрѣвать ее въ измѣнѣ. Подумывая одно время о томъ, чтобы жениться на ней, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „У нея, правда, нѣтъ ни гроша, но зато у нея есть будущность! Я не многими рискую. А что касается ея проклятаго кокетства, такъ вѣдь на то есть разводъ“! Еще болѣе мелкій, незначительный типъ представляетъ собою молодой актеръ-любитель Лутье де-Жосларъ изъ „Свѣтскаго писателя“. Это—непрерывный участникъ всѣхъ спектаклей, время отъ времени устраивающихся въ аристократическомъ кругу, съ цѣлью рассѣять скуку и немного развлечься. Обладая самымъ зауряднымъ дарованіемъ, онъ преисполненъ усердія, готовъ играть, сколько отъ него потребуютъ, доволенъ тѣмъ, что, благодаря этому, имѣетъ всюду доступъ и можетъ поддерживать связи съ самымъ отборнымъ обществомъ. Когда пьеса главнаго героя романа вызываетъ интересъ у публики, Лутье считаетъ нужнымъ напомнить ему, съ любезною улыбкою, что онъ *первый* посоветовалъ ему когда-то написать что-нибудь и для театра...

Подобные актеры не могутъ, конечно, дать настоящаго понятія о современномъ состояніи театральнаго дѣла во Франціи. Нельзя не подивиться тому, что французскіе беллетристы, удѣляя, сравнительно, такъ много вниманія психологіи выдающихся, популярныхъ артистовъ, такъ мало заинтересовались мужскимъ персоналомъ театра. Тщетно стали бы мы искать въ современной французской литературѣ такого произведенія, какъ появившійся, года три тому назадъ, англійскій романъ Леонарда Мэррика—„Актеръ-директоръ“. Мэррикъ также не закрываетъ глаза на темныя явленія театральной среды; напротивъ, онъ старается обратить на нихъ вниманіе, возстаетъ противъ закулисныхъ интригъ, поклоненія рутинѣ, угожденія низменнымъ инстинктамъ массы, чисто ремесленнаго взгляда иныхъ актеровъ на свою профессію. Но въ лицѣ главнаго героя романа, актера Олифанта, онъ выводитъ типъ новатора, мечтателя, идеалиста, который не удовлетворяется современнымъ положеніемъ театра, хочетъ поднять его уровень, возмущается тѣми взглядами на искусство, которые нерѣдко высказываются вкругомъ него. Сдѣлавшись самостоятельнымъ директоромъ театра, онъ хочетъ построить все дѣло на совершенно новыхъ началахъ, заботится о тщательномъ выборѣ пьесъ, о томъ, чтобы его предпріятіе, по крайней мѣрѣ, имѣло культурное, просвѣтительное значеніе. Если

ему не удастся вполне осуществить свои планы и мечты, если неприглядная действительность оказывается сильнее его, то все-таки онъ до конца своей дѣятельности исповѣдуетъ все тѣ же взгляды на призваніе артиста и задачи сцены... И вотъ такого именно артиста-мечтателя и художника мы не находимъ въ тѣхъ произведеніяхъ современной французской беллетристики, которыя, въ той или другой рамѣ, затрогиваютъ театральнѣе бытъ. Между тѣмъ, именно въ наше время, на французской сценѣ выступаетъ не мало даровитыхъ выдающихся актеровъ въ родѣ Мунэ-Сюлли, Коклэна, Поля Мунэ, Гитри и другихъ. Если Эстеръ, Камила Фавье, Марта Бривье, Саміи напоминаютъ тѣхъ талантливыхъ артистокъ, которыя въ наши дни увлекаютъ и вдохновляютъ своею игрою парижскую, отчасти и обще-европейскую публику, то пора отнестись съ такимъ же вниманіемъ и къ артистамъ. У тѣхъ авторовъ, которые въ будущемъ пойдутъ по стопамъ Бурже, Рони и другихъ писателей, какъ изобразителей театральнаго быта, все еще не дождавагося всесторонней и вполне объективной характеристики, во всякомъ случаѣ, будетъ не мало работы.

IV.

Въ началѣ 1899 года, въ своей статьѣ: „Замужняя женщина и адюльтеръ въ современномъ французскомъ романѣ“, напечатанной на страницахъ „Revue des revues“, Жоржъ Пеллисе, обрисовавъ то незаслуженное, слишкомъ почетное мѣсто, которое до сихъ поръ отводилось большинствомъ французскихъ романистовъ изображенію адюльтера и внутренняго міра неглубокихъ, мало развитыхъ, почти ничѣмъ не интересующихся женщинъ, высказывалъ твердую надежду, что съ теченіемъ времени положеніе дѣлъ измѣнится къ лучшему. Критикъ обращалъ вниманіе своихъ читателей на то, что появленіе „женщины будущаго“ уже готовится въ Франціи, въ особенности — благодаря близкому сосѣдству англо-саксонскаго племени, вырабатывающаго на нашихъ глазахъ этотъ новый типъ и въ Англіи, и въ Америкѣ. Рано или поздно, вмѣсто женщинъ, который живутъ только однимъ чувствомъ, — точнѣе, одною чувственностью, — вниманіе французскихъ писателей должны привлечь болѣе интересные, дѣльныя натуры, всѣ идеалы которыхъ — въ будущемъ: „романистъ XX вѣка, вѣроятно, будетъ уже въ состояніи обрисовывать совершенно новые женскіе образы“.

Предсказаніе Пеллисе сбылось раньше, чѣмъ онъ думалъ,

еще въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія; можно даже утверждать, что въ ту минуту, когда онъ писалъ эти строки, во французской беллетристическѣй уже замѣчались нѣкоторые признаки поворота въ сторону болѣе тщательнаго, серьезнаго и объективнаго изображенія различныхъ оттѣнковъ женской психологіи, а также въ сторону обрисовки новыхъ типовъ, явившихся результатомъ усиленія феминистскаго движенія во Франціи. Въ настоящее время можно насчитать уже не мало произведеній, въ которыхъ являются женщины и дѣвушки новаго типа, причемъ съ каждымъ годомъ число этихъ произведеній становится все больше. Въ „Femmes nouvelles“ братьевъ Маргериттъ, въ двухъ романахъ Марселя Прево,— „Фредерика“ и „Леа“,—вошедшихъ въ составъ серіи „Сильныя дѣвы“, въ романѣ Жюль Буа: „Новая скорбь“; излагающемъ успѣхи женской эмансипаціи со специально мужской точки зрѣнія, опредѣленно констатировано постепенное развитіе феминистскихъ идей на французской почвѣ, гдѣ онѣ, правда, все еще должны выносить нелегкую борьбу съ предрасудками и традиціонными взглядами, но все же находятъ въ наши дни все больше и больше сторонницъ. Независимо отъ этихъ романовъ, специально посвященныхъ женскому движенію, во многихъ другихъ произведеніяхъ современной французской беллетристики также нерѣдко мелькаютъ весьма оригинальные и интересные женскіе образы, относящіеся, приблизительно, къ той же категоріи, какъ и героини Прево или братьевъ Маргериттъ ¹⁾. На всей этой плеядѣ женщинъ новаго типа, выведенныхъ отдѣльными французскими писателями конца вѣка, стоить остановиться подробнѣе.

Отличіе этихъ новыхъ героинь отъ тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, которымъ раньше принадлежало, да, въ значительной степени, и теперь принадлежитъ, первое мѣсто въ творествѣ французскихъ беллетристовъ, тотчасъ же бросится намъ въ глаза. Молодая дѣвушка прежняго типа заботилась, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы нравиться мужчинамъ, увлекалась туалетами, выѣз-

¹⁾ Вотъ названія главныхъ произведеній, въ которыхъ выступаютъ „новыя женщины“: J. H. Rosny, „L'impérieuse bonté“ (1894); „Ames perdues“ (1899); „La charpente“ (1900); Paul Hervieu, „Les tenailles“ (1895); „La loi de l'homme“ (1897); Henri Lavedan, „Le nouveau jeu“ (1895); Léon Daudet, „Les Kamtchatska“ (1895); „La romance du temps présent“ (1900); Fern. Vanderem, „Les deux rives“ (1897); Zola, „Paris“ (1898); Dollivet, „Sale Juif“ (1898); Paul et Victor Margueritte, „Femmes nouvelles“ (1899); Louis Legendre, „M-lle Morasset“ (1899); Maurice Donnay, „Georgette Lemeunier“ (1899); Marcel Prévost, „Les vierges fortes: Frédérique“ (1899); Léa“ (1900); Jules Bois, „Une nouvelle douleur“ (1900); M. Donnay et L. Descaves, „La Clairière“ (1900).

дами, свѣтскими удовольствіями, старалась имѣть какъ можно болѣе поклонниковъ, пускала въ ходъ кокетство, заигрываніе, была очень не прочь отъ флирта, иногда весьма смѣлаго и рискованнаго, въ отдѣльныхъ случаяхъ переходила даже всѣ границы и принималась за опасную игру съ огнемъ, приближалась къ типу *demi-vierge*, въ свое время подмѣченному во французской жизни Марселемъ Прево. О замужней женщинѣ много говорить не приходится; извѣстно, какую репутацію создали современной французскій многочисленныя беллетристы, специально обрисовывавшіе все, что есть легкомысленнаго, чувственнаго и суетнаго въ душѣ парижанки, безъ конца утилизовавшіе старую тему объ адюльтерѣ, погружавшіе насъ въ атмосферу „альвовныхъ тайнъ“ и болѣе или менѣе пикантныхъ подробностей. Пеллисе, въ своей статьѣ о „замужней женщинѣ“, могъ даже установить цѣлую классификацію адюльтера, на основаніи многочисленныхъ романовъ, послужившихъ матеріаломъ для его работы: адюльтеръ изъ состраданія, подъ вліяніемъ природной чувствительности, изъ нужды въ деньгахъ, отъ бездѣлья...

Кромѣ подобныхъ типовъ, французскіе писатели по большей части обрисовывали еще только чисто пассивныхъ, безвольныхъ женщинъ и дѣвушекъ,—правда, свободныхъ отъ легкомыслія и распущенности, но не имѣющихъ настоящей индивидуальности, не привыкшихъ бороться и отстаивать свои интересы. Такъ, у нихъ изображались иногда молодыя дѣвушки, выходящія замужъ безъ любви, подъ давленіемъ родныхъ или просто—по ихъ совѣту, предоставляющія другимъ распорядиться своею судьбою, незнакомыя съ жизнью и неподготовленныя къ ней, не выработавшія себѣ опредѣленнаго міросозерцанія. Рука объ руку съ ними, шли замужнія женщины, столь же пассивныя и обезличенныя, легко примиряющіяся съ самымъ ненормальнымъ положеніемъ, безропотно выносящія равнодушное или пренебрежительное обращеніе мужа, хорошія хозяйки, удовлетворительныя матери, неспособныя, въ то же время, заинтересоваться чѣмъ-либо, выходящимъ за грань повседневной жизни или серьезно подумать о своемъ развитіи. Героиня повѣсти того же Прево, который такъ ярко обрисовалъ характерныя черты „новыхъ женщинъ“, „Счастливыя бракъ“, Сесиль не испытываетъ, напротивъ, особенныхъ нравственныхъ терзаній, сознавая, что мужъ безъ всякаго стѣсненія измѣняетъ ей на каждомъ шагу; она продолжаетъ боготворить его и считать „неотразимымъ“, не хочетъ и думать о разводѣ; мало того, замѣтивъ однажды, что та особа, которую увлекается ее мужъ, почти не обращаетъ на

него вниманія и отдастъ предпочтеніе другому лицу, она возмущается ея дурнымъ вкусомъ и неумѣньемъ оцѣнить таковаго интереснаго и обаятельнаго кавалера, какъ ея супругъ... Это—типичная представительница „женщинъ прошлаго“, не одаренныхъ необходимою силою воли, энергіей и чувствомъ собственного достоинства, „une petite âme conjugale“, какъ она сама называетъ себя.

Новыя женщины во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ рѣзкій контрастъ своимъ предшественницамъ. Не нужно думать, чтобы всѣ онѣ были чистокровными „феминистками“, принимали активное участіе въ борьбѣ за освобожденіе женщины отъ вѣковой опеки и за предоставленіе ей доступа къ высшему образованію и новымъ отраслямъ труда. Многія изъ нихъ стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ правильно организованнаго женскаго движенія, дѣйствуютъ на свой страхъ, заботятся, прежде всего, о томъ, чтобы отстоять свою индивидуальность, выработать въ себѣ сильный характеръ, занять болѣе независимое положеніе, стряхнуть съ себя бремя старыхъ предразсудковъ и разнаго рода условностей. При обрисовкѣ внутренняго міра подобныхъ героинь, французскіе писатели, несомнѣнно, платили отчасти дань столь модному въ наше время во Франціи увлеченію творчествомъ скандинавскихъ писателей, удѣлявшихъ не мало вниманія сильнымъ и энергичнымъ женскимъ натурамъ, не имѣющимъ абсолютно ничего общаго съ такими личностями, какъ, на примѣръ, героиня „Счастливаго брака“... Алиса Нормануаръ въ „La charpente“ Рони,—молодая, обаятельная и развитая дѣвушка, воспитанная подъ руководствомъ одного изъ главныхъ героевъ романа, мечтателя Дюгамеля, представляетъ собою, на примѣръ, цѣльную и глубокую натуру, выработала себѣ опредѣленное міросозерцаніе, появъ въ затхлую и чопорную среду, гдѣ на нее хотѣли смотрѣть сверху внизъ, держать себя съ достоинствомъ и постепенно внушаетъ всѣмъ невольное уваженіе,—не считаетъ возможнымъ выйти замужъ за человѣка, котораго не любитъ, или который къ ней не подходитъ.

Главная героиня „Новыхъ женщинъ“ братьевъ Маргериттъ, Елена Люгасть,—еще болѣе интересный типъ. Воспитанная въ Англіи, гдѣ у нея открылись глаза на многое, она стѣсняется, вернувшись на родину, съ цѣлымъ рядомъ отрицательныхъ явленій. Ей приходится выносить тяжелую борьбу со своею семьей, думающею по старому, считающею всѣ ея идеи—бреднями. Какъ негодуютъ и возмущаются, на примѣръ, ея родные, когда достигнувъ совершеннолѣтія, она рѣшаетъ пожертвовать большую

часть своихъ денегъ на усиленіе фонда для вспомошествованія нуждающимся фабричнымъ работницамъ! Какъ поражены они, когда она отваживается заявить, что французскіе законы „могли бы быть лучше“, возстаетъ противъ общепринятыхъ взглядовъ на бракъ, заступаетъ за женскій трудъ, требуетъ улучшения экономическаго положенія женщины! Подобно героинѣ „Перчатки“, она предъявляетъ строгія требованія къ тѣмъ лицамъ, которыя ищутъ ея руки, хочетъ знать ихъ прошлое и прогоняетъ своего поклонника, изящнаго виконта Верньера, казавшагося всѣмъ роднымъ самымъ завиднымъ женихомъ, убѣдившись въ томъ, что на его совѣсти лежатъ весьма некрасивыя любовныя похождения. Въ концѣ романа она выходитъ за человѣка, способнаго ее оцѣнить и понять, готоваго дѣлать съ нею всѣ радости и невзгоды жизни.

Большую силою характера, выдержкою и независимостью отличается дочь профессора Рэндала, Тереза, изъ романа „Два берега“ Вандерэма. Это очень своеобразная личность. Ея дядя недаромъ называетъ ее „*ш-те шоп пеуе*“. Авторъ говоритъ о томъ, что выраженіе ея глазъ заключало въ себѣ что-то мужское, а весь складъ ея ума дѣлалъ ее совершенно непохожею на заурядныхъ дѣвушекъ. Тереза сама работаетъ, помогаетъ отцу въ его научныхъ занятіяхъ, входитъ во всѣ его интересы. Ласковая и почтительная въ обращеніи съ нимъ, она, однако, не скрываетъ своего взгляда на нѣкоторые его поступки, старается удержать доврчиваго старика отъ неосторожныхъ шаговъ, которые онъ готовъ сдѣлать, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ реальною жизнью и слабости воли. Некрасивая и одинокая, она мужественно переноситъ свою горькую участь, замыкается въ себѣ, всецѣло уходитъ въ работу, которая ей помогаетъ забываться, избѣгаетъ вечеровъ, танцевъ... Она очень проникательна и прекрасно видитъ людей насквозь... Всѣ, кто имѣлъ случай ближе узнать ее, невольно преклонялись передъ ея умомъ, самостоятельностью и интеллигентными вкусами. „Если бы она только захотѣла“...—восклицаетъ молодой ученый, Берцель, на котораго Тереза произвела сильное впечатлѣніе. „Какъ дорого было бы для меня ея общество. Какою женою была бы она мнѣ. Вѣдь это—*человѣкъ*... человекъ, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова“... Единственное, что можно отчасти поставить въ упрекъ Терезѣ, это ея чрезмѣрную разсудочность и холодность, крайнюю трезвость ея міросозерцанія. Этою особенностью отличаются, впрочемъ, и многія другія дѣвушки того же типа. Достаточно вспомнить Марію Кутюрбе, бывшую уче-

вицу Lucée Fénelon—изъ „Парижа“ Зола. У нея тоже нѣтъ никакихъ порывовъ въ заоблачный мѣръ, поэтическихъ грѣзъ, мечтательности: „всѣ ея помыслы,—говоритъ романистъ,—несомнѣнно, были связаны съ землею“; ея міросозерцаніе очень ясно и логично, но можетъ, съ перваго взгляда, неприятно поразить насъ своимъ прозаическимъ и трезвымъ характеромъ. Съ другой стороны, та же Марія, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу новыхъ дѣвушекъ, какъ самостоятельная и серьезная личность, вполне самобытно смотрящая на жизнь, не придающая цѣны кокетству и нарядамъ, готовая неустанно трудиться и вести борьбу со всѣми житейскими невзгодами, чуждая педантизма или задорнаго самолюбія...

Въ средѣ замуженныхъ женщинъ также замѣчаются новыя вѣянія. Дѣвушки въ родѣ Елены Дюгасть или Терезы, выйдя замужъ, остаются такими же самостоятельными, сильными, полными собственнаго достоинства, какими были раньше. Тереза Морассе, героиня пьесы Луи Лезандра: „M-lle Morasset“, выходящая за молодого аристократа Шантмэза, случайно узнаетъ въ день бракосочетанія, передъ самымъ отъѣздомъ въ свадебное путешествіе, о томъ, что обогащеніе ея отца, давшаго ей щедрое приданое, когда-то было построено на разореніи другого лица, теперь уже умершаго, котораго тотъ опуталъ своими ловкими спекуляціями и постепенно довелъ до нищеты, чтобы, воспользовавшись его деньгами, пойти съ этой минуты въ гору. Это ужасное открытіе производитъ ошеломляющее впечатлѣніе на молодую супругу, и она рѣшаетъ отказаться отъ того капитала, который ей былъ обѣщанъ отцомъ, какъ добытаго неправедными путями, и помочь деньгами брату разореннаго имъ человека, раскрывшему ей эту тайну и просившему ее быть великодушною. Когда же она видитъ, что ея мужъ не обнаруживаетъ особеннаго желанія подчиниться ея рѣшенію, пытается отговорить ее и довольно ясно показываетъ, что ея капиталъ далеко не безразличенъ для него, Тереза тотчасъ охлаждаетъ къ нему, не считаетъ возможнымъ жить съ нимъ подъ одною кровлею и, пренебрегая тѣмъ, что скажутъ люди, покидаетъ его въ тотъ же самый вечеръ, вмѣсто того, чтобы отправиться съ нимъ въ свадебное путешествіе. Только послѣ того, какъ Шантмэвъ совершенно переродился и, въ значительной степени, усвоилъ ея взгляды, Тереза соглашается забыть то, что произошло между ними, и вернуться къ нему. Жоржетта Леманье, изъ пьесы Мориса Донне, того же названія, обожавшая своего мужа, видѣвшая въ немъ какой-то идеаль, принимавшая живое участіе

во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ, покидаетъ его и возвращается къ своей матери, какъ только узнаетъ, что онъ увлекся другою женщиною и дѣлаетъ ей цѣнные подарки, притворяясь въ то же время, что продолжаетъ все такъ же любить свою жену... Тщетно настаиваетъ Леманъ на томъ, что цѣлнвившая его красавица никогда не была его возлюбленною; Жоржетта гораздо шире смотритъ на дѣло, считая не только безспорные, конкретные факты, но и самое стремленіе измѣнить, самыя мечты о заманчивой и пикантной романической исторіи признакомъ глубокой порчи супружескихъ отношеній... Она уйдетъ, по крайней мѣрѣ, временно, отъ своего мужа, потому что не можетъ болѣе вѣрить ему и вполне уважать его...

Рядомъ съ Терезою Морассе и Жоржеттою Леманъ можно поставить тѣхъ сильныхъ, энергичныхъ и безстрашныхъ женщинъ, которыхъ выводитъ въ своихъ пьесахъ Поль Эрвьё. Этотъ талантливый писатель, являющійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторонникомъ тенденціознаго, боевого направленія драматической литературы, охотно дѣлаетъ своими героинями женщинъ новаго типа, не желающихъ быть послушнымъ орудіемъ или игрушкою въ рукахъ мужа, готовыхъ отстаивать свои права и не придающихъ значенія толкамъ, пересудамъ и безапелляционнымъ приговорамъ окружающей среды. Такова героиня „Правъ мужа“, графиня Лаура де Рагэ, которая, убѣдившись въ томъ, что мужъ ей измѣняетъ, не соглашается играть пассивную роль и мириться со всѣми его поступками, открыто заявляетъ ему, что ей все извѣстно, и покидаетъ его домъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ опять уже черезъ нѣсколько лѣтъ... Подобно Еленѣ Дюгасть, она находитъ, что французскіе законы, касающіеся женскихъ правъ, жестоки и несправедливы, потому что они не даютъ, напримѣръ, обманутой женѣ возможности постоять за себя и покарать виновнаго супруга. „Я знаю, что мужъ измѣняетъ мнѣ, я знаю, гдѣ именно, когда, съ кѣмъ... я знаю все—и не могу ничего сдѣлать... даже представитель поруганнаго закона (полицейскій комиссаръ) заявляетъ мнѣ, что ничѣмъ не можетъ мнѣ быть полезенъ“. Она возмущается тѣмъ, что среди самыхъ близкихъ знакомыхъ она не въ состояніи найти людей, готовыхъ заступиться за нее и помочь ей, что „священные права женщинъ“ оставляютъ всѣхъ холодными и безучастными. Необходимость равноправности мужа и жены вѣжета Лаурѣ аксіомой: „я надѣюсь, вы не будете оспаривать мое право поставить вамъ извѣстныя условія“,—говоритъ она графу Рагэ во время рѣшительнаго объясненія.

Съ несправедливостью и односторонностью законовъ ей приходится еще разъ столкнуться черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ разрыва съ мужемъ, когда наступаетъ время выдать ихъ дочь Изабеллу замужъ, причемъ обнаруживается, что отецъ имѣетъ право, въ дѣлѣ выбора мужа для своей дочери, обойтись совсѣмъ безъ согласія матери, въ случаѣ если они расходятся во мнѣніяхъ. И опять съ устъ Лауры срываются негодующія рѣчи, направленные противъ остатковъ варварства въ современномъ обществѣ. Героиня другой пьесы Эрвье, „Тиски“, Ирэнъ Ферганъ, выносить тяжелую борьбу со своимъ мужемъ, который хочетъ отдать ея любимаго мальчика, Рене, въ закрытое учебное заведеніе, несмотря на его слабое здоровье, не признаетъ ея материнскихъ правъ, постоянно напоминаетъ ей о „всемогуществѣ отца“. Этотъ субъектъ, впрочемъ, вполне показалъ, чего онъ стоитъ, когда, во время бурнаго объясненія съ женою, заявилъ ей, что если она уйдетъ отъ него, онъ вытребуетъ ее обратно съ помощью жандармовъ... „Я не допускаю, чтобы законъ навсегда дѣлалъ одно существо собственностью другого!“ — восклицаетъ Ирэнъ, возмущенная развязными и надменными приемами мужа, который, по остроумному выраженію ея сестры, Полины, „вѣчно сидитъ верхомъ на своихъ правахъ“...

Другой типъ замужней женщины „изъ новыхъ“, нерѣдко изображаемый въ современной французской беллетристикѣ, это — вѣрная подруга, раздѣляющая со своимъ мужемъ всѣ невзгоды жизни, готовая бороться вмѣстѣ съ нимъ за дорогіе имъ обоимъ идеалы. Въ данномъ случаѣ не имѣетъ особеннаго значенія, идетъ ли рѣчь о законномъ бракѣ, или о долготѣнномъ свободномъ союзѣ, построенномъ на взаимномъ уваженіи и любви. Если та же Жоржетта Леманъ до разрыва съ мужемъ принимаетъ въ сердцу его дѣятельность, здраво и разумно оцѣниваетъ ее и влияетъ на него въ самомъ благотворномъ смыслѣ, Жанна Аллейрасъ, изъ пьесы Доннэ и Декава: „La Clairière“, не вѣнчанная съ тѣмъ человекомъ, имя котораго она носитъ, докторомъ-идеалистомъ Аллейрасомъ, является все-же его лучшимъ другомъ, неизмѣнною вдохновительницею, мужественно поддерживаетъ его въ ту минуту, когда отсталое, затхлое провинціальное общество начинаетъ преслѣдовать и оскорблять его. Въ полуфантастическомъ, точнѣе, аллегорическомъ романѣ современнаго писателя, изъ числа сторонниковъ новыхъ вѣній, Мориса Бобура: „La rue Amougéuse“, гдѣ подъ именемъ маленькаго провинціальнаго городка выведено, въ сущности, все французское общество, и зло осмѣиваются ходячія воззрѣнія на вопросы мо-

рали, главный герой, являющийся глашатаемъ новыхъ понятій и взглядовъ и поэтому навлекающій на себя вражду и ненависть всего города, находитъ поддержку и сочувствіе только со стороны своей преданной подруги, *Hermine-Valérianе*, которой онъ завѣщаетъ продолжать его дѣло.

Если такія личности, какъ Алиса, Тереза Рэндалъ, г-жа Морассе и другія, стараются, прежде всего, выработать въ себѣ сильный, энергичный характеръ и дѣйствовать, руководствуясь лишь голосомъ совѣсти, — довольно многочисленныя ихъ товарищи, не ограничиваясь этимъ, настойчиво добиваются доступа къ различнымъ видамъ труда, стремятся получить основательное, разностороннее образованіе и затѣмъ приносить пользу ближнимъ, работая на томъ или иномъ поприщѣ. Все чаще появляются во французской беллетристикѣ дѣвушки, занимающіяся медициною. Въ романѣ Рони: „Властная доброта“, выступаетъ, напри- мѣръ, молодая студентка, увлеченная идеей служить страждущему человечеству, проводящая большую часть своего времени въ больницахъ и лазаретахъ, поражающая главнаго героя своею выдержкою и самоотверженною энергіей. Совершенно такъ же Луиза Гильберъ, въ „Новыхъ женщинахъ“, бывшая ученица *Lucée Racine*, добивается, благодаря неустанной работѣ и природнымъ дарованіямъ, докторскаго диплома, становится съ теченіемъ времени во главѣ больницы для дѣтей и приобретаетъ большую популярность, несмотря на то недовѣріе, которое и теперь еще встрѣчаетъ въ буржуазной средѣ и въ народѣ дѣятельность женщинъ-врачей.

Другія дѣвушки избираютъ педагогическую карьеру, съ давнихъ поръ сравнительно болѣе открытую для примѣненія женскаго труда. Но если прежнія учительницы смотрѣли иногда на свое занятіе исключительно какъ на средство заработать кусокъ хлѣба, „новыя женщины“, отдаваясь педагогической дѣятельности, очень часто руководствуются идейными соображеніями, желаніемъ служить обществу или содѣйствовать созданію новаго, болѣе гуманнаго и культурнаго поколѣнія. Некрасивая, худая, болѣзненная Габріэль Дюваль, изъ „*Femmes nouvelles*“, совершенно преобразается, когда попадаетъ въ свою школу; до самой послѣдней минуты она не хочетъ отказываться отъ своей дѣятельности, которая губитъ ея здоровье и сокращаетъ ея жизнь, но зато даетъ ей нравственное удовлетвореніе; она соглашается „отдохнуть“ только тогда, когда чахотка уже завладѣла ея хрупкимъ, распатаннымъ организмомъ, и бѣдной дѣвушкѣ явно грозитъ трагическая развязка... Не менѣе интересный типъ представляетъ

собою народная учительница, Елена Сурисэ,—изъ „La Clairière“. На нашихъ глазахъ она становится все серьезнѣе и вдумчивѣе, отрѣшается отъ послѣднихъ проявленій эгоизма и легкаго отношенія къ дѣйствительности, вполне отдается своему дѣлу. Она старается не только сообщать дѣтямъ тѣ или другія свѣдѣнія, но также расширять ихъ кругозоръ, развивать ихъ, готовить ихъ къ жизни и честному труду. Она учитъ ихъ музыкѣ, дорожа тѣмъ, чтобы у нихъ были какіе-нибудь эстетическіе вкусы, совершаетъ съ ними прогулки по окрестностямъ и приучаетъ ихъ любить природу, интересоваться жизнью растений и животныхъ. Въ бесѣдѣ съ людьми, къ ней расположенными, она откровенно говоритъ о своемъ прошломъ, о тѣхъ невзгодахъ, которыя ей приходилось выносить, набрасываетъ печальную картину участи французской провинціальной учительницы, нерѣдко, рѣшительно задыхающейся въ томительной, пошлой и отсталой средѣ, которая все еще не привыкла относиться къ подобнымъ труженицамъ съ уваженіемъ...

Въ романѣ г-жи Реваль, „Les Sèviennes“, также затронуто незавидное положеніе молодыхъ дѣвушекъ, попадающихъ, по окончаніи курса въ севрской школѣ, специально существующей для подготовки образцовыхъ преподавательницъ, въ какое-нибудь захолустье и принужденныхъ нерѣдко выносить немало обидъ и притѣсненій отъ своего начальства и мѣстнаго общества. Бывшая ученица севрской школы, Renée Diolat, получившая мѣсто учительницы въ провинціальномъ лицѣѣ, пишетъ своимъ прежнимъ подругамъ весьма характерное, полное горькой правды письмо, изображая въ немъ тѣ интриги и преслѣдованія, среди которыхъ ей приходится жить, внимательство директрисы въ мельчайшія детали преподаванія, полу-враждебное, полу-пренебрежительное отношеніе мало затронутыхъ культурою горожанъ какъ къ самому лицу, такъ и къ тѣмъ женщинамъ, которыя въ немъ дѣйствуютъ. Рене нѣсколько улучшаетъ свое положеніе, выйдя замужъ за любимаго человѣка, который становится ея защитникомъ; другая „Sèviennne“, Изабелла Марлоттъ, выносящая, наряду съ враждебнымъ отношеніемъ окружающаго общества, также самыя пошлыя преслѣдованія эротическаго характера, постепенно все болѣе поддается меланхоли и тоскѣ, начинаетъ грустить, задумываться,—и, наконецъ, лишаетъ себя жизни, такъ какъ у нея не хватаетъ силъ для борьбы со всѣми этими невзгодами и отстаиванія своихъ правъ...

Романъ г-жи Реваль заключаетъ въ себѣ вообще очень цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ тою частью женскаго молодого

поколѣнія Франціи, которая посвящаетъ себя педагогической дѣятельности. Онъ былъ замѣченъ и оцѣненъ въ административныхъ сферахъ, какъ очень яркая и правдивая картина внутренняго быта севрской школы, хорошія или, наоборотъ, неудовлетворительныя стороны которой обрисованы авторомъ съ видимымъ знаніемъ дѣла и желаніемъ способствовать постепенному прогрессированію этого своеобразнаго учебнаго заведенія. Публика также заинтересовалась этимъ романомъ, сообщившимъ ей много новаго, обыкновенно игнорируемаго. Характеризуя молодыхъ *Sèvresiennes*, г-жа Реваль воздерживается отъ всякой идеализаціи и подрисовки, мѣстами, быть можетъ, даже слишкомъ долго останавливается на слабыхъ, отрицательныхъ сторонахъ дѣла,—но зато создаетъ вполне реальныя, жизненные образы. Наряду съ бывшими ученицами, уже вышедшими на самостоятельную дорогу, мы знакомимся съ представительницами разнообразныхъ оттѣнковъ женской молодежи, живающихся въ самой школѣ. Среди нихъ есть усидчивыя, ревностныя, добросовѣстныя и нѣсколько педантичныя труженицы, въ родѣ Виктуаръ Ноллэ, этой „ходячей энциклопедіи“; есть и веселыя, нѣсколько грубоватыя, любящія покурить, выпить вина и посмѣяться до упаду, но очень порядочныя по натурѣ, честныя и способныя дѣвушки, въ родѣ Берты Пасси, дочери народнаго поэта изъ Монмартра, юмористки и *enfant terrible* всей школы. Наибольше симпатичный женскій образъ въ романѣ, безспорно—главная героиня, Маргарита Триэль, талантливая, интеллигентная и тонко чувствующая дѣвушка. Авторъ неоднократно приводитъ отрывки изъ ея дневника, рисующіе въ самомъ отрадномъ свѣтѣ ея внутренній міръ. У Маргариты—очень разносторонняя, чуткая и отзывчивая натура. Увлекаясь своимъ дѣломъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, любитъ музыку, поэзію, живопись. Она задумывается надъ своею будущею дѣятельностью, старается усвоить какъ можно больше свѣдѣній, чтобы потомъ передать ихъ своимъ ученицамъ, интересуется пробными уроками и вообще прикладной стороною дѣла. Въ ея дневникѣ отражается сознательное и серьезное отношеніе къ жизни и ея задачамъ, соединяющееся съ природною женственностью и мечтательнымъ складомъ души.

Въ двухъ романахъ Марселя Прево—изъ серіи „Сильныя дѣвы“—играетъ важную роль учебное заведеніе, въ которомъ дѣйствуютъ исключительно женщины, проникнутыя новыми идеями. Группа энтузіастокъ женскаго дѣла организуетъ въ Сень-Шарль, предмѣстьѣ Парижа, образцовую „Школу женскихъ искусствъ“ (*Ecole des arts de la femme*), предназначенную специально для

дѣвочекъ и имѣющую цѣлью готовить новое поколѣніе французскихъ женщинъ. Въ этомъ заведеніи, устроенномъ на самыхъ рациональныхъ основаніяхъ, ученицы знакомятся съ различными ремеслами и искусствами, которыя могутъ имъ пригодиться впоследствии,—получая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее образованіе. Наряду съ этимъ, въ нихъ стараются развивать силу характера, выдержку, серьезность, объясняютъ имъ, что, быть можетъ, далеко не всѣмъ имъ придется выйти замужъ, что онѣ должны поэтому быть готовы къ самостоятельной борьбѣ за существованіе и къ честному труду. Отличаясь отъ другихъ учебныхъ заведеній своею программой и общимъ духомъ, школа должна выносить немало непріятностей, обидъ и преслѣдованій со стороны администраціи, болѣе отсталой части духовенства и буржуазіи, представителей педагогическаго міра, многихъ органовъ печати,—пова, наконецъ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда несчастно сложившихся обстоятельствъ, ее не отбираютъ у тѣхъ лицъ, которыя ее основали, чтобы сдѣлать обыкновеннымъ учебнымъ заведеніемъ, находящимся подъ строгимъ контролемъ и не имѣющимъ ничего общаго съ женскимъ движеніемъ...

Около „Школы женскихъ искусствъ“ группируется цѣлая плеада энергичныхъ и убѣжденных дѣвушекъ, отдающихъ ей всѣ свои силы и болъшую часть времени, мечтавшихъ создать что-то прочное и дѣйствительно общепольное. Любопытно, что среди нихъ вы встрѣтите наряду съ коренными французженками довольно много иностранокъ, давно освоившихся на французской почвѣ и трудящихся на пользу мѣстныхъ интересовъ. Одна изъ главныхъ руководительницъ всего предпріятія, Ромэна Пирницъ, „женщина съ глазами апостола“, чистая, самоотверженная натура, быть можетъ, даже слишкомъ свободная, въ изображеніи автора, отъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ,—уроженка Венгріи, дѣйствующая, однако, во Франціи, которую она привыкла считать своею второю родиною. Ей помогаютъ, между прочимъ, такія личности, какъ бывшая участница парнеллистскаго движенія въ Ирландіи, Дэзи Крегсъ, или добродушная фламандка, Дуувеске Неспель. Но, на примѣръ, двѣ главные героини романовъ Прево, Фредерика и Леа Сюръе,—чистокровныя французженки, правда, побывавшія въ Англіи и многому научившіяся по ту сторону канала, гдѣ первая сдѣлалась, съ теченіемъ времени, преподавательницей въ учебномъ заведеніи для молодыхъ дѣвушекъ, Free-College, а вторая занялась изученіемъ техническаго рисованія. Сближеніе съ Пирницъ, съ которою онѣ случайно сталкиваются въ Лондонѣ, знакомство съ дѣятельностью

английскихъ женщинъ на пользу своихъ товаровъ,—все это оказываетъ магическое дѣйствіе на двухъ сестеръ, и онѣ возвращаются во Францію съ горячимъ желаніемъ трудиться, будить умы и служить дѣлу просвѣщенія и воспитанія въ новомъ духѣ женской молодежи. Когда, стараніями Пирницъ, создается „Школа женскихъ искусствъ“, онѣ принимаютъ дѣятельное участіе въ ея организаціи, а затѣмъ и въ дѣлѣ преподаванія. Леа, болѣе мягкая и вѣжная по натурѣ, правда, въ концѣ концовъ оказывается недостаточно сильною и закаленною для суровой борьбы,—но Фредерика остается вѣрна школѣ, вплоть до самаго ея закрытія, и даже послѣ этого не теряетъ вѣры въ будущее женскаго движенія во Франціи, готова опять приняться за работу...

Пирницъ и ея единомышленницы дѣйствуютъ, однако, не только на педагогическомъ поприщѣ. Это—убѣжденные „феминистки“ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, ведущія борьбу съ традиціонными взглядами на права и обязанности женщинъ, проповѣдующія эмансипацію, старающіяся вербовать какъ можно больше участницъ въ армію „сильныхъ дѣвъ“, женщинъ будущаго. Пирницъ чувствуетъ себя, напримѣръ, какъ дома и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Будапештѣ; она всюду имѣетъ знакомыхъ и союзницъ, ведетъ обширную переписку, участвуетъ въ женскихъ конгрессахъ. При открытіи школы она произноситъ обстоятельную рѣчь, въ которой, съ большимъ искусствомъ, знаніемъ дѣла и воодушевленіемъ, набрасываетъ цѣлую программу активнаго феминизма. Такія дѣвушки, какъ Фредерика, являются и въ этомъ случаѣ ея единомышленницами, возмущаются тѣмъ, что въ Парижѣ на женщину смотрятъ какъ на игрушку, какъ на объектъ разврата или же просто какъ на „хозяйку“, вѣрятъ въ то, что, рано или поздно, вступить въ свои права „новая Ева“, сознающая свое назначеніе, готовая отстаивать свою индивидуальность и свободная отъ суетности и легкомыслія прежнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Всѣ подобныя личности представляютъ несомнѣнный интересъ, и многими сторонами своей дѣятельности и міросозерцанія невольно привлекаютъ наше сочувствіе. Наряду съ этимъ, у нихъ есть, конечно, и менѣе симпатичныя стороны, есть увлеченія и крайности. Въ то время какъ Елена Дюгасть, изъ „Новыхъ женщинъ“, видитъ идеалъ въ брачномъ союзѣ съ избраннымъ ею человекомъ, способнымъ ее понять и оцѣнить, готовымъ трудиться вмѣстѣ съ нею и въ ея духѣ, уважая ея личность,—„сильныя дѣвы“, выведенныя Прево, считаютъ бракъ самою нежелательною помѣхою для женщины, стремящейся дѣйствовать и развиваться, хотятъ образовать что-то въ родѣ мона-

шеской общины, конечно, съ чисто свѣтскою окраскою, видятъ въ каждой дѣвушкѣ изъ своей группы, выходящей замужъ, чуть ли не измѣнницу общему дѣлу. Иногда онѣ оказываютъ даже извѣстное давленіе на своихъ единомышленницъ, — хотя, въ принципѣ, являются сторонницами полной свободы и независимости каждаго отдѣльнаго лица. Онѣ рѣзко осуждаютъ, напримѣръ, образъ дѣйствій Леа Сюрре, полюбившей молодого художника Ортсена и не сумѣвшей вырвать изъ своего сердца это чувство; онѣ до такой степени вліяютъ на молодую дѣвушку, что она долгое время сама считаетъ свою любовь чѣмъ-то грѣховнымъ, преступнымъ, гонитъ отъ себя человѣка, способнаго сдѣлать ее счастливою, поспѣшно переѣзжаетъ изъ Англіи во Францію, чтобы только не встрѣчаться съ нимъ! Вообще, и у Пирницъ, и у Фредерики, быть можетъ, слишкомъ уже много разсудочности, сдержанности, прямолинейности; отъ нихъ иногда вѣетъ холодомъ... Но это — первыя піонерки новаго дѣла, представительницы переходнаго времени, всегда связаннаго съ крайностями, преувеличеніями, пожалуй, — нѣкоторою односторонностію; при всѣхъ своихъ ошибкахъ, онѣ все-же стремятся къ свѣту и культурѣ, владутъ прочное основаніе для болѣе правильной и спокойной дѣятельности послѣдующихъ поколѣній.

Въ романѣ братьевъ Маргериттъ также затронутъ мимоходомъ этотъ отгѣнокъ „новыхъ женщинъ“. Если Елена Дюгасть не принадлежитъ къ этой категоріи, такъ какъ она дѣйствуетъ на свой страхъ и старается, прежде всего, отстоять свободу своей личности и выработать себѣ законченное, вполне самобытное міросозерцаніе, — ея подруга и вдохновительница, Минна Эркаэртъ, побывавшая въ Англіи, подобно героинямъ Прево, принимаетъ активное участіе въ борьбѣ за эмансипацію французской женщины. Она основываетъ журналъ „Будущность“, съ цѣлью проведенія своихъ завѣтныхъ мыслей въ окружающее общество, участвуетъ въ феминистскихъ конгрессахъ, интересуется положеніемъ фабричныхъ работницъ, принимаетъ къ сердцу вопросы женскаго образованія. Ея задача весьма нелегка; на каждомъ шагу ей приходится сталкиваться съ равнодушіемъ или противо-дѣйствіемъ большой публики, даже самихъ женщинъ; журналъ ея долженъ, въ концѣ концовъ, закрыться, подобно образцовой школѣ Пирницъ, — потому что онъ опередилъ свое время и не нашелъ достаточнаго количества подписчицъ. Но Минна не падаетъ духомъ, не отчаивается, такъ какъ сознаетъ, что если настоящій моментъ не благопріятствуетъ развитію женскаго движенія, рано или поздно положеніе дѣлъ измѣнится. „Пусть

Франція отстала въ этомъ отношеніи, — она все-таки не можетъ избѣгнуть вліянія закона постепенной эволюціи "... Въ томъ же романѣ изображается другая, не менѣ убѣжденная сторонница женской эмансипаціи, г-жа де-Сасси; она устроиваетъ образцовую колонію для бѣдныхъ дѣвушекъ, желающихъ честно трудиться, заботится о нихъ, помогаетъ имъ освобождаться постепенно отъ вреднаго вліянія среды; до 800 дѣвушекъ получили, благодаря ея трудамъ, возможность зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и многія изъ нихъ вышли замужъ за трудящихся, нравственно порядочныхъ людей.

Довольно ярко обрисованъ внутренній міръ феминистскихъ кружковъ въ упомянутомъ выше романѣ Жюль Буа: „Новая скорбь“. Главная героиня этого романа, Елена, желая избавиться отъ гнета окружающей обстановки, бѣжитъ изъ Франціи въ Англію вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ, Ревалемъ, женатымъ человѣкомъ, бросившимъ ради нея семью. Вначалѣ благодарность по отношенію къ тому, кто былъ ея избавителемъ, заставляетъ Елену выше всего ставить его желанія, его спокойствіе; но постепенно она какъ бы отдаляется отъ него, начинаетъ стыдиться своего счастья, какъ слишкомъ эгоистическаго, хочетъ сдѣлать что-нибудь для другихъ. Эта перемена происходитъ въ ея душѣ подъ вліяніемъ знакомства съ дѣятельностью лондонскихъ женскихъ ассоціацій. Она посѣщаетъ митинги, на которыхъ женщины не только излагаютъ свои собственные запросы и стремленія, но касаются и общихъ темъ, затрогиваютъ проституцію, жестокое обращеніе съ животными, положеніе трудящихся классовъ, буддійскую философію и т. п. Она привыкаетъ мыслить, дѣйствовать и говорить вполне независимо. Вернувшись въ Парижъ, она присутствуетъ на засѣданіи мѣстной феминистской ассоціаціи, „La fusion“, руководимой г-жею Эстонье, и произноситъ горячую рѣчь на тему о призваніи женщины. Съ теченіемъ времени, она рѣшаетъ попробовать свои силы на публицистическомъ поприщѣ, становится сотрудницей журнала „L'Argalète“, пишетъ обширную книгу о женскихъ правахъ. Впослѣдствіи она расходится съ Ревалемъ, не переставая его любить, — чтобы тѣмъ свободнѣе и смѣлѣе трудиться на пользу французскихъ женщинъ. „Я буду скромною поборницею женскихъ интересовъ, — говоритъ она, прощаясь съ Ревалемъ. — Я перестану жить для своего счастья. Я посвящаю себя идеямъ и страданіямъ“. И онъ чувствуетъ, что ея рѣшеніе безповоротнo и непоправимо; онъ могъ бы отстаивать свои права, еслибы она промѣняла его на другого мужчину, и поэтому по-

кинула его,—но онъ не въ силахъ ревновать ее во всему чело-
вѣчеству, къ ея завѣтной идеѣ...

Въ современной французской беллетристическѣ встрѣчаются, на-
конецъ, и такія героини, которыхъ трудно отнести къ той или
другой опредѣленной категоріи, потому что у нихъ слишкомъ
много своеобразныхъ, самобытныхъ чертъ, но которыя все-же,
безспорно, принадлежатъ къ новымъ женщинамъ. Подобныхъ ге-
роинь особенно охотно выводятъ, напримѣръ, братья Рони. Табъ,
m-lle Morlange, изъ „Властной доброты“, представляетъ собою
типъ мечтательницы, женщины-философа, которая живетъ душою
въ будущихъ вѣкахъ, предается грѣзамъ объ улучшеніи тяжелой
доли людской, вѣритъ въ вѣчное торжество добра и справед-
ливости. Эзальтированная, нѣсколько селонная къ мистицизму,
безкорыстная и способная на самопожертвованіе, она мечтаетъ
о нравственномъ перерожденіи европейскаго общества, о разви-
тіи чувствъ братской любви и гуманности, готова всѣмъ по-
жертвовать для блага своихъ ближнихъ. Она внимательно при-
глядывается къ окружающему обществу, изучаетъ его запросы
и нужды, его настойчивое исканіе правды: „смута слишкомъ
велика въ современномъ мірѣ, особенно во Франціи... все при-
шло въ безпорядокъ, и это служитъ доказательствомъ того, что
втайнѣ готовится великое дѣло,—да, великое дѣло... воз-
рожденіе христіанства“.

Рядомъ съ этою убѣжденною сторонницею религіи гуман-
ности можно поставить выступающую въ другомъ романѣ тѣхъ
же Рони дѣвушку, m-lle Эрмэзъ, нѣсколько болѣе разсудитель-
ную и спокойную, но также всецѣло охваченную гуманнымъ и
идеалистическимъ воодушевленіемъ. Авторы подробно останавли-
ваются, между прочимъ, на ея любви къ животнымъ, которая
является у нея отнюдь не поверхностнымъ, бессознательнымъ чув-
ствомъ, но, наоборотъ, составляетъ одинъ изъ основныхъ пунк-
товъ ея міросозерцанія, проникнутаго искреннею симпатіею ко
всѣмъ живымъ существамъ. Сторонница челоувѣчности и терпи-
мости, г-жа Эрмэзъ задумывается надъ безцѣльностью и жесто-
костью войнъ и постепенно дѣлается второю Бертою фонъ-Зутт-
неръ, апостоломъ миролюбія и разоруженія... Желая добиться
скорѣйшаго осуществленія своихъ грѣзъ, она лично отпра-
вляется ко двору одного изъ государей современной Европы, по-
лучаетъ аудіенцію и въ горячихъ, страстныхъ выраженіяхъ из-
лагаетъ свои завѣтныя идеи...

Такия одинокія, дѣйствующія на свой страхъ, не входяція
въ составъ извѣстной группы или фракціи женщины, въ своемъ

родѣ, не менѣе интересны, чѣмъ чистокровныя феминистки. У нихъ всегда есть что-нибудь оригинальное, свеобразное, идущее отъ сердца... Дочь доктора Олюффа изъ „Современнаго романа“ Леона Додэ, Hortense, увлекается широко понятою благотворительностью, проповѣдуетъ необходимость слиянія съ народомъ. Жанна, одна изъ героинь романа „Sale Juif“ Долливэ, еврейка по происхожденію, красивая и интеллигентная дѣвушка, предается мечтамъ о будущемъ, подобно г-жѣ Эрмэзъ, — но ея мечты носятъ самобытную окраску, имѣютъ тѣсную связь съ еврейскимъ міромъ, изъ котораго она вышла. Получивъ основательное гуманитарное образованіе, усвоивъ лучшее, что есть въ современной французской культурѣ, опередивъ своихъ сверстницъ во всѣхъ отношеніяхъ, Жанна не перестала, однако, сочувствовать и своему племени; ее интересуетъ будущая судьба его, она держится того взгляда, что женщина должна принимать живое участіе въ судьбѣ своихъ братьевъ и, по возможности, облегчать и скрашивать имъ невзгоды жизни.

Нивакое новое, молодое дѣло не бываетъ свободно отъ уродливыхъ, карикатурныхъ явленій, способныхъ его дискредитировать и уронить въ глазахъ большинства. Всегда находятся лица, превратно понимающія новыя идеи, не имѣющія ничего общаго съ ихъ убѣжденными, ревностными сторонниками, но упорно старающіяся прослыть передовыми, культурными, вводящія иногда въ заблужденіе недостаточно свѣдущихъ и проникательныхъ людей. Такъ и женское движеніе нашло во Франціи совершенно непрошенныхъ защитницъ, понимающихъ вкривь и вкосъ его смыслъ, но искусно прикрывающихся громкими фразами о женскихъ правахъ, тираниннѣ мужчинъ и необходимости идти въ уровень съ вѣкомъ... Однѣ изъ нихъ понимаютъ подъ женскою эмансипацію полную распущенность, неограниченное господство „свободной любви“, не знающей нивакихъ предѣловъ и, будто бы, болѣе всего способной доставить женщинамъ окончательную побѣду и торжество надъ мужчинами. Жюль Буа въ „Новой скорби“ противопоставляетъ убѣжденнымъ феминисткамъ модную и совершенно безпринципную писательницу, m-me Saint-Hilde, прозванную „женскимъ Бодлэромъ“, — изъ-подъ пера которой выходятъ ультра-натуралистическія, иногда чуть не порнографическія произведенія, въ родѣ пьесы „L'universelle caresse“, но которая все-же считаетъ себя поборницею женскихъ правъ. Легкомысленная и весьма распущенная въ своей частной жизни, она старается увѣрить себя и другихъ въ томъ, что своими эксцентрическими похожденіями и эротическимъ творчествомъ

она можетъ оказать большую услугу французскимъ женщинамъ, содѣйствуя ихъ освобожденію отъ гнета пуританской морали. Къ числу „новыхъ женщинъ“, стоящихъ неизмѣримо выше своихъ безправныхъ и робкихъ предшественницъ, видимо, причисляетъ себя и героиня „Nouveau jeu“ Лаведана, Алиса Лабоссъ, представительница извѣстнаго отѣвна молодыхъ дѣвушекъ. Она смѣется надъ прежними взглядами на жизнь, хочетъ устроить свое существованіе въ совершенно новомъ духѣ, съ пренебреженіемъ относится ко всему „наивному и сентиментальному“, въ восемнадцать лѣтъ не имѣетъ уже никакихъ иллюзій, увлеченій, вѣрованій, и прислушивается до и послѣ замужества только къ голосу разсудка... Отъ нея вѣетъ чѣмъ-то необыкновенно холоднымъ, грубо-эгоистичнымъ и беззащѣтнымъ; ея пресловутое стремленіе „не отставать отъ вѣка“ сводится, въ концѣ концовъ, къ тому, что она считаетъ всѣ вообще правила нравственности—предразсудкомъ, не признаетъ никакихъ стѣсненій, высоко ставитъ только все эксцентричное, обыкновенно опредѣляемое терминомъ „fin de siècle“, и очень сожалѣетъ, что не сдѣлалась писательницей,—вѣроятно, въ духѣ *m-me de Saint-Hilde*...

Въ рядахъ воинствующихъ феминистокъ, участницъ женскихъ ассоціацій и конгрессовъ, французскіе писатели также отмѣчаютъ отдѣльные карикатурные и несимпатичные типы. Въ романѣ „Новыя женщины“, гдѣ мы, съ одной стороны, видимъ такихъ дѣятельныхъ и серьезныхъ труженицъ, какъ Луиза Гильберъ или Минна, играетъ, напимѣръ, извѣстную роль и нѣкая г-жа Моршанъ, толстая, нескладная особа, съ грузнымъ туловищемъ, короткими ногами, вульгарною внѣшностью, вычнымъ, оглушительнымъ голосомъ и рѣзкими манерами, способная вызывать только смѣхъ... При каждомъ удобномъ случаѣ она произноситъ трескучія рѣчи, кричитъ: „все—или ничего“, „долой мужчину, нашего врага и тирана“, не слушаетъ никакихъ доводовъ, изображаетъ себя одною изъ жертвъ вѣковой несправедливости,—и, между тѣмъ, превратила своего собственного мужа, добряка и флегматика, въ каеого-то лакея или посыльного, такъ что онъ совершенно ступевался, не рѣшается открыть ротъ въ ея присутствіи и безропотно исполняетъ всѣ ея капризы. Увлеченіе современною литературою, „новымъ искусствомъ“, символизмомъ или импрессионизмомъ, также принимаетъ у иныхъ героинь французскихъ беллетристовъ уродливую, карикатурную форму. Княгиня *Rosemonde de Harth* изъ „Паряжа“ Золѣ и княгиня *Фурвандеръ*,—или *Suzu*, какъ ее называютъ въ

общезитіи, — изъ „Les Kamtchatka“, — могутъ дать вѣкоторое понятіе объ этой категоріи женщинъ, считающихъ себя передовыми, „новыми“, вполне усвоившими современныя вѣянія, но въ дѣйствительности умѣющихъ только схватывать верхи и рисовать своею оригинальностью. Первая изъ нихъ бросается изъ стороны въ сторону, увлекается то мистицизмомъ, то анархизмомъ, то скандинавскими литературами, въ сущности, ничѣмъ серьезно не интересуется, употребляетъ, предпочтительно, изысканныя, туманныя выраженія — и находитъ у своего возлюбленнаго „лучезарную чистоту скитальческой души Нерона“... Вторая, на словахъ, восторгается Ницше и его „Заратустрой“, помѣшана на новыхъ теченіяхъ, которыя, по большей части, превратно толкуетъ, старается придать себѣ какой-то демоническій, загадочный видъ, любить говорить о крови, убійствахъ и т. д. Нужно сознаться, что и Леонъ Додэ, и самъ Зола мѣстами нѣсколько ступили краски, сдѣлавъ своихъ героинь слишкомъ ужъ смѣшными и недалекими, мимоходомъ давъ не особенно лестную и, во всякомъ случаѣ, весьма поверхностную характеристику самыхъ теченій, которыми онѣ такъ безтолково увлекаются... Но что личности, нѣсколько напоминающія этихъ двухъ типичныхъ психопатовъ, дѣйствительно попадаютъ въ современномъ французскомъ обществѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Даже на почвѣ занятій женщины наукою и ея стремленія къ образованію создаются иногда отрицательныя, уродливыя явленія. Г-жа Шанбаннъ, — въ „Двухъ берегахъ“ Вандерэма, — пустая, свѣтская женщина, стала, на примѣръ, заниматься наукою отъ бездѣлья, чтобы убить время и развѣять свою тоску: „желая замѣнить чѣмъ-нибудь своихъ любовниковъ, она съ жаромъ отдалась интеллектуальнымъ наслажденіямъ“... Принявшись за совершенно ненужное для нея изученіе древняго Египта, посѣщая вначалѣ лекціи въ Collège de France, она считаетъ вполне возможнымъ кружить голову старику-профессору Рэндалю, который ей былъ нуженъ, какъ украшеніе ея салона, — поддерживая въ его душѣ несбыточныя надежды, она превращаетъ ихъ совмѣстныя занятія египетскими древностями въ какую-то пародію, и втайнѣ смѣется надъ восторгамъ и поклоненіемъ довѣрчиваго, недалководиднаго, не знающаго реальной жизни человѣка... Среди молодыхъ дѣвушекъ, учащихся въ севрской школѣ, также найдутся отдѣльныя личности, имѣющія очень мало общаго съ наукою и подготовленіемъ къ серьезной дѣятельности, стремящіяся, прежде всего, обратить на себя вниманіе и блеснуть своимъ талантомъ. Адриенна Шантилья, пользующаяся репутаціей необык-

новенно серьезной и даровитой дѣвушки, долгое время занимающая первое мѣсто въ классѣ по своимъ успѣхамъ, впослѣдствіи отходить на второй планъ, такъ какъ обнаруживается, что у нея, въ сущности, ничего нѣтъ за душою, кромѣ природнаго дара слова, находчивости, остроумія и хорошей памяти, что она вовсе не обладаетъ тѣми обширными познаніями, которыя ей приписывались. Этого мало: желая обезпечить себѣ дальнѣйшую карьеру и найти вліятельнаго союзника, Адриенна, незадолго до окончанія курса, вступаетъ въ переписку съ профессоромъ философіи Режардэномъ, бомбардируетъ его своими *billets doux*, тонъ которыхъ мало-по-малу становится все болѣе откровеннымъ и страстнымъ, привидывается его пламенному поклонницеку, добивается того, что и онъ входитъ во вкусъ этого своеобразнаго флирта и отвѣчаетъ своей корреспонденткѣ чуть не любовными посланіями...

Всѣ подобныя личности, — а ихъ число довольно значительно, — оказываютъ самую плохую услугу своимъ товаркамъ, мужественно отстаивающимъ интересы женщинъ и добивающимся предоставленія имъ гражданскихъ правъ и неограниченнаго доступа къ образованію. Героиня „*Femmes nouvelles*“ справедливо скорбитъ по поводу этихъ крайностей, преувеличеній или явныхъ искаженій, сознавая, какъ все это вредно для женскаго дѣла, — и такъ еще не пользующагося во Франціи симпатіями большой публики... „Одной г-жи Моршэнъ достаточно для того, чтобы парализовать терпѣливую работу такихъ женщинъ, какъ Минна“, читаемъ мы въ этомъ романѣ. Но если г-жа Моршэнъ, *м-me de Saint-Hilde* или Адриенна могутъ довольно серьезно повредить неутомимой дѣятельности истинно новыхъ женщинъ, — тотъ фактъ, что эти послѣднія опредѣленно заявили въ наше время о своемъ существованіи и своихъ идеалахъ, остается несомнѣннымъ и весьма отраднымъ. Французскіе писатели, какъ уже достаточно выяснилось изъ предъидущаго, овазались, въ этомъ случаѣ, на должной высотѣ: они отвели новымъ женскимъ типамъ подобающее мѣсто, отнесли къ нимъ, въ общемъ, съ большимъ сочувствіемъ. Писателямъ ХХ-го вѣка, о которыхъ упоминаетъ Пеллисъе въ своей статьѣ, безспорно, придется еще чаще выводить подобныхъ героинь, если они захотятъ внимательно слѣдить за общественною жизнью...

Въ романѣ Жюля Буа убѣжденная феминистка Елена, бесѣдуя съ главнымъ героемъ, писателемъ-натуралистомъ, авторомъ произведеній съ чисто эротическою окраскою, высказываетъ мнѣніе, что время романовъ и пьесъ въ томъ жанрѣ, который онъ

съ такимъ увлеченіемъ разрабатываетъ, начинаетъ уже приходить къ концу... Въ этомъ взглядѣ, быть можетъ, заключается извѣстная доля оптимизма; трудно предположить, чтобы литература, на всѣ лады эксплуатировавшая тему объ адюльтерѣ, могла такъ скоро утратить сторонниковъ и читателей. Нѣтъ, прежній типъ легкомысленной, поверхностной, живущей одной страстью французенки, вѣроятно, еще долго будетъ служить предметомъ многочисленныхъ и очень популярныхъ, въ извѣстныхъ слояхъ, романовъ и пьесъ; но пріятно видѣть, что, наряду съ этимъ, выступаютъ на первый планъ, заставляя нѣсколько потѣсниться прежнихъ героинь, самостоятельныя, передовыя женщины, носительницы свѣтлыхъ идеаловъ будущаго, убѣжденныя провозвѣстницы новой эпохи.

Юрій Веселовскій.

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Büchern. Berl. 1902.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Была весна. Радостные солнечные лучи проникали въ низкую, убогую комнату Томаса, а въ сіяніи лучей, какъ олицетвореніе весны, передъ нимъ стояла Регина.

— Въ твоей кузинѣ есть что-то такое, чего я нивѣкъ не могу забыть,—проговорила она.—Какъ удивительно, что я тогда васъ встрѣтила вмѣстѣ!

Она взяла свѣтло-сѣрую лайковую перчатку и стала натягивать ее на свои тонкіе пальцы.

— А какъ она играетъ!—замѣтилъ вмѣсто отвѣта Томасъ.—У нея это не игра, а что-то совсѣмъ особенное.

Она испытующе посмотрѣла на него.

— Еслибы я была на твоемъ мѣстѣ, я бы въ нее влюбилась. Я не могла бы оторваться отъ нея. Въ ней есть какая-то притягательная сила. Такъ и хочется заглянуть ей въ душу, изучить и понять ее до конца. Но я очень рада, что ты—ты,

---

*) См. выше: мартъ, стр. 241.

а не я,—прибавила она, улыбаясь;— потому что не правда ли, вѣдь ты никого не любишь кромѣ меня?

— Я никого не люблю такъ, какъ тебя. Къ ней я испытываю совсѣмъ другое чувство. Она для меня все равно, что мое дѣтство.

— А можешь себѣ представить, я боялась; я боялась, что она тебя у меня украдетъ, и когда въ то воскресенье вечеромъ вы не пришли, то я ее положительно возненавидѣла. И вообще я ее боюсь.

Онъ покачалъ головой.

— Ты ее не знаешь. Еслибы ты слышала, какъ она играетъ, тогда только ты могла бы ее понять.

— О, нѣтъ, я ее и безъ того знаю и не вѣрю въ ее чистоту. Въ ней есть что-то дьявольское... однимъ словомъ, я ее боюсь.

— Чтѣ ты!—проговорилъ Томасъ съ удивленіемъ.— Она глубоко страдаетъ сама, и никому не въ состояніи сдѣлать зло. Я два раза слышалъ ея игру, и каждый разъ это было что-то совсѣмъ, совсѣмъ другое. Можно сказать,—прибавилъ онъ, избѣгая смотрѣть на Регину,—что во время игры передъ слушателемъ обнажается все ея внутреннее существо. Этимъ-то, вѣроятно, она и дѣйствуетъ такъ сильно. Но есть и еще что-то, чего я не могу разгадать.

— Однако,—произнесла Регина и наклонилась къ нему:— ты говоришь о ней какъ о возлюбленной!

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Я говорю о ней какъ о сестрѣ, которая страдаетъ изъ-за меня. Она страдаетъ, ты это слышишь?

— Да, я слышу.

Они оба замолчали. Въ нихъ зарождались совсѣмъ разные мысли, и въ душѣ ея шевельнулось къ нему враждебное чувство. Но, несмотря на разныя мысли и враждебность, они были проникнуты взаимной близостью.

— Эта Беттина,—начала она наконецъ,—явится когда-нибудь и вырветъ тебя у меня.

Онъ взглянулъ на нее такъ серьезно и съ такой любовью, что она замолчала и только черезъ нѣсколько времени проговорила тихо:

— Я знаю, что полявамъ нельзя довѣрять: они страстны, скрытны и безпощадны въ своихъ чувствахъ.

— А мы?—спросилъ онъ.—Мы какіе?

Она немного поблѣднѣла и вдругъ обвила руками его шею.

— Мы,—прошептала она,—мы беремъ то, что принадлежитъ намъ по праву...

Съ изумленіемъ слушалъ онъ эти слова, звучащія серьезно и значительно. Какая она была удивительная! Онъ разсматривалъ всю ее съ нескрываемымъ любопытствомъ: ея чистый бѣлый лобъ, тонкія брови, трепетавшія крылья носа, чувственный ротъ, полуоткрытый какъ бы отъ жажды, и стройную фигуру, склонявшуюся къ нему съ страстнымъ желаніемъ... Ея ненависть къ Беттинѣ была, конечно, не что иное, какъ любовь къ нему.

— Не думай... Я знаю, что происходитъ въ твоей душѣ. Я все вижу, все... ты ничего не можешь скрыть отъ меня.

— Я не могу и не хочу этого.

Она испуганно отстранилась отъ него.

— Только не говори; умоляю тебя, не говори теперь... и не смотри на меня такъ сурово и строго... я этого не вынесу... Ты долженъ быть милымъ и добрымъ со мною!

Во всемъ ея существѣ почувствовалась угнетенность и болѣзненный страхъ.

„Я вижу, какъ она страдаетъ,—подумалъ онъ,—и не въ силахъ ей помочь“.

— Такъ я не могу существовать,—произнесъ онъ громко. —Ты или я, одинъ изъ насъ долженъ поговорить съ нимъ. Именно это я собирался тебѣ тогда вечеромъ...

— Знаю, знаю,—прервала она его поспѣшно и воскликнула почти жалобно:—не теперь же это дѣлать. Вѣдь еще успѣется.

— Нѣтъ!—возразилъ онъ твердо:—не успѣется.

— Ну, да, ну, да... — въ лицѣ ея промелькнула нервная, блуждающая улыбка. Она стиснула тонкія руки и подошла къ нему совсѣмъ близко.—Впрочемъ, я нахожу это бесполезнымъ!.. Зачѣмъ я стану ему объ этомъ говорить? Къ чему доводить его до отчаянія? Потому что, надо тебѣ сказать, вѣдь этотъ человекъ любить меня... онъ меня любить,—повторила она,—хотя и противенъ мнѣ. Онъ благодаренъ, какъ собака, когда я ласково взгляну на него...—и, не обращая вниманія на отчаянное выраженіе въ лицѣ Томаса, она продолжала съ раздраженіемъ:—Главное, я не вижу дѣли во всемъ этомъ... онъ и безъ того знаетъ, какъ я къ нему отношусь, а ты... ты... — она не договорила и взяла обѣими руками его голову. — Томасъ, будь добрымъ! не мучь меня!—произнесла она нѣжно. — Ты не долженъ мучить меня мучить.

Но, взглянувъ ему въ глаза, она съ ужасомъ опустила руки.

Это было гнѣвное лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо мученика. Ей стало страшно, и она отступила назадъ. Но потомъ снова приблизилась къ нему съ любопытствомъ, чувствуя, какъ его гнѣвъ усиливалъ въ ней страстную любовь къ нему. Всю ее охватило невѣдомое до тѣхъ поръ наслажденіе.

„Чего стѣдить вся моя жалкая прежняя жизнь?.. И неужели мнѣ въ самомъ дѣлѣ понадобится сдѣлать неимоверное усиліе, чтобы сбросить съ себя всѣ эти путы?..“ — промелькнуло въ ея головѣ.

Онъ молча отвернулся отъ нея, и на мгновеніе она закрыла глаза, вся охваченная блаженствомъ отъ сознанія его силы, его любви, лишенной всего жалкаго, мелкаго, всякой трусости. Потомъ она на цыпочкахъ подошла къ двери, осторожно отворила ее и произнесла едва слышно:

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь; я буду говорить съ нимъ.

Онъ не успѣлъ ничего возразить, какъ она уже исчезла изъ комнаты.

II.

Дочитавъ второе письмо, Фрюндель захлопнулъ книгу. Это были „Lettres Persanes“ Монтескье.

— На сегодня довольно, — сказалъ онъ и схватился за голову, которая у него, повидимому, разболѣлась.

Ингольфъ молча кивнула головой.

Онъ откинулся на спинку стула и посмотрѣлъ на нее, прищуривъ глаза. Она вынула изъ кармана серебряный портсигаръ, взяла себѣ папиросу и предложила ему. Нѣкоторое время оба курили молча.

— Письма эти очень милы, — произнесъ наконецъ Фрюндель, — и, для того времени, въ нихъ много ѣдкой ироніи. Но въ наше время подобная критика кажется нѣсколько слащавой; она не достигаетъ корня зла, въ ней нѣтъ ничего преобразовательно-разрушительнаго.

Ингольфъ разсмѣялась.

— „Преобразовательно-разрушительное“ — это выраженіе, по крайней мѣрѣ, новое, если и не вполне логичное и понятное.

— Въ немъ нѣтъ ничего смѣшного и ничего нелогичнаго. Можно разрушать и разрушать. Если я знаю, что поставить на мѣсто уничтоженнаго, то моя разрушительная работа будетъ имѣть нѣчто положительное. Мнѣ кажется, это ясно.

Ингольфъ опустила глаза. Необыкновенная твердость всѣхъ

его суждений и поступковъ привлекала и плѣняла ее. Она старалась противиться ему, но сама страдала отъ этого. У него была привычка смотрѣть на нее такъ проникательно и дерзко, что она каждый разъ смущалась. Напрасно пыталась она не поддаваться этому взгляду и выдерживать его спокойно. Въ этомъ человѣкѣ было что-то желѣзное, непреклонное. Ничто его не раздражало, ничто не могло поколебать его самоувѣренности.

— Я думаю,—проговорила она робко и нѣжнымъ голосомъ,—что несчастныя обстоятельства развили въ васъ озлобленіе и духъ противорѣчія. Мнѣ кажется, что при лучшихъ условіяхъ вы, съ вашимъ умомъ и энергіей—я никогда не встрѣчала человѣка, который могъ бы такъ работать, какъ вы,—сдѣлались бы непременно серьезнымъ мыслителемъ, ученымъ, однимъ словомъ, свѣтиломъ науки.

Проговоривъ это, она взглянула на него и увидала, что онъ улыбается сострадательно или презрительно,—каждъ именно—она не могла рѣшить.

— Почему вы отвергаете все, что я говорю, такъ... такъ... —она старалась найти подходящее выраженіе,—съ такой нетерпимостью?

— Развѣ я это дѣлаю?

— Да,—отвѣчала она и вся вспыхнула.

— Гм... но вѣдь не могу же я колебаться и не быть увѣреннымъ. Я стараюсь всячески увѣрять, если можно такъ выразиться, свойственный мнѣ отъ природы способъ мышленія работою и ученіемъ. Я считаю единственнымъ счастьемъ моей жизни, что могъ въ этомъ утвердиться и, какъ вы часто выражаетесь, увѣрять и развить мою самоувѣренность.

Она широко открыла глаза.

— Это—единственное счастье вашей жизни? Единственное? —повторила она, и въ ея умномъ лицѣ появилось выраженіе смущенія и даже страха.

— Слово „счастье“ глупо и, кромѣ того, слишкомъ чувствительно. Ничего такого вообще и нѣтъ. Только слабоумныя существа могутъ воображать...

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервала она его: — я не хочу больше слушать. Я не такой сверхъ-человѣкъ, чтобы обходиться безъ всего этого. Для меня ощущенія и чувства составляютъ внутреннюю жизнь сердца. Вы не должны разрушать всего этого съ свойственнымъ вамъ духомъ неистовства и отрицанія. Я просто боюсь васъ!

— Меня?

Она ничего не отвѣтила и со страхомъ отвернулась отъ него.

— Взгляните на меня, фрейлейнъ! Я желаю знать, что вы еще хотѣли сказать мнѣ,—вѣдь у васъ еще осталось что-то на умѣ и на языкѣ,—прибавилъ онъ насмѣшливо.

— Почему вы знаете?

— Потому, что знаю васъ. Не особенно трудно читать ваши мысли!

— Такъ говорить просто безсовѣстно!

— И, тѣмъ не менѣе, это правда. Такъ что же вы еще хотѣли сказать?

Нѣсколько времени она раздумывала и боролась съ собою. Наконецъ глубоко вздохнула.

— Пожалуй, я скажу. Я хотѣла только замѣтить,—она избѣгала его взгляда,—что даже такой человѣкъ, какъ вы, можетъ самъ себя обманывать. Вы не кажетесь мнѣ такимъ безчувственнымъ, какимъ стараетесь себя выставить, потому что въ такомъ случаѣ вы не могли бы...

Она запнулась на полу-словѣ.

— Пожалуйста, продолжайте, чего бы я не могъ? Нельзя останавливаться посреди обвиненія; это доказываетъ большую трусость, сударыня!

Она рѣзко разсмѣялась.

— У васъ удивительная манера разговаривать съ женщинами. Впрочемъ, я могу докончить... я хотѣла сказать, что ваше отношеніе къ Юзефѣ является яркимъ противорѣчіемъ вашимъ словамъ.

Онъ скрестилъ руки и медленно проговорилъ:

— Въ вашемъ выраженіи есть маленькая ошибка. Вы разумѣете собственно отношеніе Юзефы ко мнѣ. Если такъ, то это вѣрно. У меня къ ней нѣтъ отношенія... по крайней мѣрѣ, больше нѣтъ,—но у нея ко мнѣ есть, это правда. Съ этимъ я ничего не могу подѣлать, это ея несчастье!

— Простите, я совсѣмъ не хотѣла вмѣшиваться въ ваши личные отношенія.

— Да вы этого и не дѣлаете. Напротивъ, мнѣ даже пріятно выяснитъ всю эту исторію. Я не могу заставить васъ меня слушать, но мнѣ было бы пріятно высказаться.

Она ничего не возразила. Онъ принялъ ея молчаніе за знакъ согласія, оперся подбородкомъ на лѣвую руку и началъ:

— Совершенно вѣрно, что въ теченіе нѣкотораго времени я ее преслѣдовалъ,—совершенно вѣрно, что я былъ влюбленъ въ нее до безумія и бѣгать за нею по пятамъ. Правда, что она

вначалѣ не хотѣла меня звать, и бѣжала отъ меня. Но наконецъ,—проговорилъ онъ медленно,—я достигъ того, чего хотѣлъ и чего долженъ былъ достигнуть, потому что во мнѣ была необычайная сила желанія. И какъ всегда случается,—продолжалъ онъ,—она, попавши въ сѣти, уже больше не хотѣла изъ нихъ выйти. Когда я растворилъ клятву, то птичка покорнѣйше меня поблагодарила за предлагаемую свободу. Это ужъ было мое несчастіе, фрейлейнъ Ингольфъ. Все пошло наоборотъ. Теперь она меня преслѣдуетъ. Она воображаетъ, что можно лишить свободы человѣка, который покончилъ съ ея любовью, потому что я съ нею совершенно покончилъ. Въ одномъ вы вполне правы,—это въ томъ, что во мнѣ еще, значить, сохранился остатокъ слабости и слащавости, если я не могу рѣшиться рѣзко и навсегда порвать съ нею...

Въ первую минуту Ингольфъ утратила способность говорить.

— Вы или сверхъ-человѣчны, или безчеловѣчны,—наконецъ произнесла она съ усиленіемъ.—Во всякомъ случаѣ, вы для меня вполне непонятны. Сами вы сознаетесь, что преслѣдовали и ловили эту несчастную, какъ какого-то звѣрка; а когда она привязалась къ вамъ, болѣе сильному, со всею искренностью и благоговѣніемъ, отдала вамъ все, что могла отдать, всю себя, то что же вы сдѣлали?—Въ ея словахъ послышалось негодованіе. Ингольфъ говорила не за Юзефу, а за себя, за всѣхъ женщинъ. Въ ней было затронуто чисто-женское чувство.—Что же вы сдѣлали? повторила она.—Вы стали пить изъ кубка до тѣхъ поръ, пока ужъ не могли больше, и тогда бросили его на землю, гдѣ онъ разбился въ дребезги. Я нахожу это низкимъ! Неужели вѣтъ ничего сдерживающаго жестокость и грубую жизненную силу? Неужели вѣрность, въ самомъ дѣлѣ,—такое старомодное и безсмысленное чувство?

Онъ слушалъ ее спокойно, и ничто не дрогнуло и не измѣнилось въ его лицѣ.

— Вы кончили?—спросилъ онъ насмѣшливо;—дозволите мнѣ отвѣтить?

Ингольфъ откинулась на спинку стула, грудь ея порывисто вздымалась, а здоровое лицо сильно поблѣднѣло.

— Мнѣ крайне интересно, что вы мнѣ отвѣтите, и я прошу васъ объ этомъ.

— Вы значительно облегчили мнѣ мою задачу, сдѣлавъ яркое сравненіе, за которое я вамъ весьма признателенъ. Вы сказали: „вы пьете до тѣхъ поръ, пока ужъ не можете больше пить“. Такъ что же, милостивая государыня, вы хотѣли бы, чтобы

человѣкъ, сохранившій остатокъ яснаго пониманія и чувствующій, что ему становится дурно отъ вина, продолжалъ все-таки пить до полу-смерти? Онъ бросаетъ пить именно потому, что больше не можетъ; потому еще, что онъ не дуракъ и не идиотъ. Точно такъ же должны относиться мужчина къ женщинѣ и женщина къ мужчинѣ. Если „не могутъ“ больше, то и должны прекратить. Если же не дѣлаютъ этого, то, значить, они или презрѣнные рабы и собаки, которыхъ и бить не стоитъ, или же психически больные. А то, что вы тамъ болтаете какіе-то пустяки о вѣрности, такъ вѣдь это не болѣе какъ формула умственного упадка. Но и помимо этого, въ вашей этой вѣрности есть что-то крайне безнравственное и неэстетичное. Если не ошибаюсь, отношеніе половъ есть вещь въ высшей степени деликатная, и если кто-нибудь сохраняетъ вѣрность, вопреки внутреннему чувству и только для удовольствія другой стороны, то это становится чѣмъ-то... чѣмъ-то... прямо-таки отвратительнымъ. Я, напротивъ, требую безусловной свободы! Несвободная женщина хуже всякой публичной женщины,—она тоже занимается проституціей, только не признаваясь въ этомъ. Она лжетъ развязно и безстыдно—по крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе!

Она слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ и проговорила съ глубокой грустью:

— Со всѣмъ, что вы говорите, я соглашаюсь умомъ, но мое сердце противится вамъ. Въ васъ такъ мало доброты,—одна только жесткость!

— Вы такъ думаете?—спросилъ онъ, и на мгновеніе что-то свернуло въ его узкихъ глазахъ. Она посмотрѣла на него изумленная, почти испуганная. Что это такое было? Онъ, казалось, догадался о томъ, что происходило въ ней, потому что заговорилъ, какъ бы объясняя:

— Я нѣкоторое время любилъ эту Юзефу по-своему, по упрямому. Она была мнѣ очень мила и во мнѣ жило одно желаніе: овладѣть ею. Я долженъ былъ всю ее изучить и стать ея властелиномъ. Къ этому я относился вполне серьезно. Развѣ я виноватъ, что послѣ опьяненія—это было именно опьяненіе—послѣдовало такъ скоро отрезвленіе? Развѣ моя вина, что влюбленность прошла, что я разочаровался во внутреннемъ содержаніи этого человѣка, состоящемъ исключительно изъ страстныхъ, чувственныхъ желаній? Конечно, нѣтъ! Такъ что же вы, собственно, хотите?

— А развѣ не чувственное желаніе было связующимъ васъ элементомъ?—спросила она, помолчавъ, медленно и запынаясь.—

Не это ли было причиной вашего могучаго и безграничнаго стремленія? Не ради этого ли вырвали вы несчастную изъ свойственной ей жизни, не думая о будущемъ?

— Этого я не отрицаю. Я не отрицаю, что я человѣкъ съ тѣломъ и кровью. Я не умерщвляю свою плоть, понимаете вы? Я молодъ, чертъ возьми, и хочу наслаждаться моею молодостью! Поэтому вашъ упрекъ меня не задѣваетъ. Мы всѣ живемъ въ обществѣ жалкихъ трусливыхъ тварей. Нужно, чтобы снова родился такой свободный и въ мысляхъ, и въ поступкахъ человѣкъ, какъ Гёте. Вы знаете „Wahlverwandtschaften“?

Она кивнула утвердительно.

— Помните вы то мѣсто, гдѣ разсматривается и утверждается отказъ отъ продолженія брачнаго договора?

— Смутно помню,—отвѣчала она,—и кромѣ того исключительные законы существуютъ для исключительныхъ людей. Что позволялъ себѣ Гёте, то еще не можетъ быть оправдано въ поведеніи простаго смертнаго.

Его губы презрительно сжались.

— Для меня все это бабы толки! По человѣчеству я имѣю тѣ же права, что и наиболѣе высоко стоящіе, или, выражаясь точнѣе и вѣрнѣе, я имѣю тѣ права, которыя самъ беру и признаю за собою. Вы позволите процитировать вамъ изъ моей библии: „Итакъ, долой все, что не исполнѣе и не совершенно мое!“ Вы думаете, что мое должно быть по крайней мѣрѣ добрымъ. Но что добро и что зло? Я самъ—мое, и я не добръ и не золъ. И то и другое для меня бессмысленно... Для меня нѣтъ ничего выше меня!—онъ немного помолчалъ и вдругъ взялъ ее за руку. — Итакъ, вы заблуждаетесь, предполагая, что эти непомѣрно трудныя для пониманія слова я болтаю такъ себѣ, на вѣтеръ. Когда я понялъ ихъ послѣдній и глубочайшій смыслъ, то выучилъ ихъ наизусть, и они стали вечерней молитвой, съ которой я засыпалъ, и утренней молитвой, съ которой я просыпался.—И, поднявъ указательный палецъ свободной руки, онъ закончилъ:—Вѣрьте мнѣ, это совсѣмъ не маловажно!

— Пожалуйста, пустите меня, я васъ боюсь!

Онъ тотчасъ же выпустилъ ея руку, взялъ свою шляпу и вышелъ, не простившись.

Ингольфъ прижалась лицомъ къ стеклу окна и ждала, пока онъ не выйдетъ изъ дверей на улицу. Она слѣдила за его тѣнью, и когда его уже давно не было видно, она все еще глядѣла, какъ безумная, на пустую улицу.

III.

„Милостивый государь!

„Я буду ждать васъ въ моей конторѣ, на „Французской“ улицѣ, между десятью и одиннадцатью. Скажите свою фамилію привратнику и потрудитесь спросить меня.

„Съ полнымъ уваженіемъ
„Бергъ“.

Прочитавъ эти строки, Томасъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Значить, она все-таки говорила съ мужемъ, хотя для нея это было такъ тяжело и мучительно. Онъ не боялся объясненія и свиданія съ Бергомъ. Онъ чувствовалъ жалость къ нему, но сильнѣе жалости было желаніе все выяснить и чувство счастья, охватывавшее все его существо... Задолго до назначеннаго срока онъ уже стоялъ передъ подъѣздомъ огромнаго зданія, похожаго на дворець. Люди то входили, то выходили изъ него. На всѣхъ лицахъ, какъ повезалося Томасу, было значительное выраженіе. Нѣкоторые несли въ рукахъ свертки съ золотомъ, иные провѣряли полученные росписки. Вся эта суетня и озабоченность были ему противны и вызывали въ немъ невольное чувство презрѣнія. Ровно въ десять часовъ онъ направился къ привратнику. Это былъ огромный человѣкъ съ окладистой, расчесанной бородой и видомъ необычайной важности.

— Мнѣ нужно видѣть господина директора, Берга, — произнесъ Томасъ не безъ смущенія.

Привратникъ молча оглядѣлъ его съ ногъ до головы и не удостоилъ отвѣтомъ.

— Моя фамилія Трукъ.

Въ одно мгновеніе видъ привратника измѣнился до неузнаваемости. Онъ снялъ шапку и больше ужъ не надѣвалъ ея.

— Сдѣлайте милость, извините, покорнѣйше прошу, пожалуйста... — и онъ пошелъ впередъ, указывая Томасу дорогу. Онъ остановился въ изящной прихожей, полъ которой былъ устланъ пестрыми персидскими коврами.

— Прошу обождать минутку, — пробормоталъ онъ съ лакейской почтительностью.

Томасъ сѣлъ на одно изъ креселъ, но очень скоро явился лакей и попросилъ его войти. Ему пришлось проходить черезъ нѣсколько комнатъ. Въ каждой изъ нихъ сидѣли въ ожиданіи люди. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ волноваться и что сердце его бьется скорѣе обыкновеннаго. Но онъ съ усиленіемъ придалъ

себѣ видѣ внѣшняго спокойствія и черезъ минуту уже стоялъ передъ Бергомъ. Жирное лицо банкира было блѣдно и измученно. Щеки какъ-то вяло и слабо отвисли, а вокругъ толстыхъ губъ мелькала вымученная улыбка.

— Пожалуйста, прошу садиться,—сказалъ онъ, указывая на кресло.—Я не задержу васъ... Я... моя жена... ну, вы знаете, въ чемъ дѣло.

Томасъ наклонилъ голову.

— Вся эта исторія...—съ трудомъ продолжалъ Бергъ:—однимъ словомъ, я ни подъ какимъ видомъ не желаю скандала, ни подъ какимъ видомъ!

Дверь слегка приотворили.

— Господинъ директоръ...—но лакей не посмѣлъ договорить.

— Теперь я никого не могу видѣть!

Лакей быстро исчезъ.

— Въ моемъ положеніи,—продолжалъ Бергъ,—было бы мучительно...—онъ снова запнулся:—еслибъ я даже не обращалъ вниманія на всѣ внѣшнія условія, то все-таки... Вы думаете, что я позволю испортить себѣ всю жизнь?—перебилъ онъ самъ себя, и въ его тонѣ вдругъ послышался гнѣвъ и раздраженіе. Томасомъ тоже овладѣло сильное возбужденіе. Онъ не чувствовалъ больше никакой жалости къ Бергу и понялъ ясно, что ненавидитъ его.—„Онъ не хочетъ дать ей свободу,—подумалъ онъ,—онъ хочетъ навѣки приковать ее къ себѣ, хочетъ жить съ нею противъ ея воли... Это просто низость! Это не что иное, какъ нравственность богача, воображающаго, что онъ можетъ все купить на свои деньги, и поэтому желающаго купить даже любовь... Все сводится у него къ мелкой торговлѣ, къ унижительной мелкой торговлѣ“!

Не успѣлъ онъ еще что-нибудь сказать, какъ Бергъ всталъ и близко подошелъ къ нему.

— Вы должны понять меня,—сказалъ онъ и прибавилъ съ покорнымъ видомъ, за которымъ, какъ показалось Томасу, скрывался страхъ:—Пожалуйста, дайте мнѣ сначала высказаться! Я понимаю, что такой молодой человѣкъ, какъ вы, можетъ влюбиться въ подобную женщину; понимаю также и Регину, хотя,—прибавилъ онъ задумчиво,—меня удивляетъ, что она напала именно на васъ. Впрочемъ... это къ дѣлу не относится.

Онъ вынулъ часы и нервно и разсѣянно посмотрѣлъ на циферблатъ.

— Чтобы покончить съ этимъ,—его голосъ понизился, такъ

что его съ трудомъ можно было разслышать.—Я не хочу ничего знать объ этомъ...

Произнося эти слова, онъ отвернулся, избѣгая взгляда Томаса.

— Но что же это значить?—спросилъ Томасъ, совершенно пораженный и не понимая, что именно разумѣлъ банкиръ.

Бергъ повернулся къ нему. Пятна и глубокія складки выступили на его блѣдномъ, какъ мѣль, лицѣ. Въ немъ исчезла всякая жизненная сила. Видъ у него былъ совсѣмъ старый и страдающій.

— Что это значить?—повторилъ онъ, весь дрожа.—Это значить по просту, что я эту женщину, которая меня безчеститъ и дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ... да, смѣшнымъ,—повторилъ онъ,—что я безъ этой женщины жить не могу; что я не хочу, чтобы воробьи чиркали о моемъ несчастіи по всѣмъ крышамъ, что я такъ безстыденъ, что требую отъ васъ, за все горе, которое вы мнѣ причинили, чтобы вы пощадилы меня, въ видѣ вознагражденія!..

Томасъ не былъ способенъ произнести ни слова. Только теперь понялъ онъ, чего отъ него хотѣли. Этотъ человѣкъ предлагалъ ему быть, на его глазахъ, любовникомъ его жены! Все существо его возмутилось.

Ему хотѣлось громко выразить свое негодованіе, но какъ будто чья-то рука сдвинула ему горло, а языкъ сталъ тяжелымъ и не двигался.

И Бергъ казался ему такимъ измѣнившимся, съжившимся, сгорбленнымъ, слабымъ. Наконецъ, ему удалось высвободиться изъ-подъ налегшаго на него тягостнаго чувства.

— Вы это, конечно, не серьезно говорите!—произнесъ онъ.—Это только дурная шутка съ вашей стороны.

Бергъ улыбнулся, но это была ужасная блуждающая улыбка, выразившая все его отчаянне и заботу.

— Вы не можете себя представить,—сказалъ онъ, и слова его звучали какъ извиненіе,—что одинъ человѣкъ, женщина, можетъ такъ овладѣть другимъ человѣкомъ, и что тогда вся сила воли уходитъ на вѣтеръ. Ну хорошо, вы не можете себя этого представить,—продолжалъ онъ быстро, потерявъ всякое внутреннее равновѣсіе и только стараясь поскорѣе высказаться,—но, тѣмъ не менѣе, это такъ, я во власти этой женщины, я—ея собственность... и не могу двинуться. Вы находите, что это унижительно для меня же! Я это понимаю, отлично вижу, но это ничего не измѣняетъ! То, что я говорю вамъ, для меня очень серьезно; я

не въ такомъ настроеніи, чтобы шутить! Впрочемъ, я не принуждаю васъ давать отвѣтъ.

Онъ снова взглянулъ на часы.

— Срокъ, назначенный мною, прошелъ. Мнѣ было важно выяснитъ вамъ главныя условія. Если вы захотите быть благо-разумнымъ, то сами согласитесь на то, что единственно для насъ теперь возможно. Довольно и того, — крикнулъ онъ раздраженно, — если я позволяю вамъ обоимъ такъ поступать со мною! Вѣдь она обращается со мною, какъ съ несчастной собачонкой... понимаете ли вы, что это значитъ?..

Казалось, въ эту минуту онъ снова пережилъ и почувствовалъ все свое униженіе и позоръ, и въ немъ проснулась мужская гордость. Онъ выпрямился, и жалкое выраженіе въ его лицѣ исчезло. На прощанье онъ подаль Томасу руку, но тотъ не коснулся ея, а только поклонился банкиру принужденно и торжественно.

Комнаты, черезъ которыя онъ шелъ назадъ, были переполнены народомъ. Цѣлыми часами дожидались здѣсь вліятельные въ финансовыхъ сферахъ люди, чтобы получить возможность хотя минуту поговорить съ директоромъ банка. Всѣ бросали на Томаса враждебные, удивленные взгляды, не понимая, о чемъ этотъ молодой человѣкъ могъ такъ долго совѣщаться съ Бергомъ.

Опустивъ голову, вышелъ Томасъ на улицу, взявъ извозчика и велѣлъ ему какъ можно скорѣе ѣхать на улицу Лихтенштейнъ. Все кружилось вокругъ и внутри него. Онъ сознавалъ ясно только одно: ему необходимо было придти къ опредѣленному рѣшенію. Фрау Бергъ не было дома, и лакей не зналъ, когда она вернется.

IV.

— Здѣсь барыня были, — сказала хозяйка. — Цѣлый часъ онѣ дожидались. Тамъ, въ вашей комнатѣ, письмо...

— Хорошо, — произнесъ онъ и грубо отстранилъ ее. Онъ быстро разорвалъ конвертъ, и ему бросился въ глаза билетъ въ „Винтергартенъ“. Она написала одну строчку: „Я буду ждать тебя, приходи. Регина“.

„Что же это значитъ? — подумалъ онъ. — Какой повелительный тонъ! Барыня приказываетъ своему лакею. „Оркестровая ложа, № 2“, — прочелъ онъ на билетѣ, и весь покраснѣлъ отъ стыда. — Она покупаетъ для меня такіе билеты, такъ свободно обращается со мною. Неужели она не понимаетъ, до чего это безтактно“?

Имъ овладѣлъ приступъ гнѣва, смѣнившійся вскорѣ глубокою грустью.

„И что я за дуракъ!—продолжалъ онъ думать.—Я сразу не понималъ, что это—результатъ ея соглашенія съ мужемъ... Они дѣлаютъ меня официальнымъ любовникомъ... Они оплачиваютъ мои услуги.—При этомъ соображеніи онъ схватился за голову.—Чѣмъ я заслужилъ это? Неужели я велъ себя какъ тряпка, что они позволяютъ себѣ такъ мною распорядиться“?

Но тотчасъ же онъ забылъ о себѣ и сталъ думать только о ней... Неужели это дѣйствительно была она? Она, приходившая къ нему сюда, въ эту комнату? Можетъ быть, это была чья-нибудь алая шутка? Можетъ быть, это совсѣмъ не она писала?

Онъ снова взялъ письмо изъ толстой, голландской бумаги. Сомнѣваться было невозможно. Только она одна писала такимъ тонкимъ, прямымъ почеркомъ. Вдругъ точно повязка спала съ его глазъ. Это—господинъ директоръ приступилъ къ выполненію своей программы... Онъ хотѣлъ сопровождать влюбленныхъ, чтобы съ униженнымъ выраженіемъ ловить взгляды, которыми они будутъ обмѣниваться. Бываютъ натуры, въ которыхъ любовь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ее унижаютъ. Томасъ невольно сравнилъ себя съ Бергомъ. Не начиналъ ли и онъ играть подобную же роль? Имъ повелѣвали, а онъ подчинялся.

— Нѣтъ, я не пойду туда!—произнесъ онъ почти громко, и ему показалось, что это рѣшеніе освободило его и возвысило въ собственныхъ глазахъ. За послѣднее время онъ совсѣмъ забился, пересталъ работать и искать. И вдругъ ему пришла внезапная мысль: онъ былъ совсѣмъ не онъ. Быстро подошелъ онъ къ зеркалу, чтобы провѣрить это странное предположеніе. Вглядываясь въ свое лицо, онъ нашелъ въ себѣ поразительную перемену. Въ немъ появилось что-то безпокойное, нервное. Ему показалось, что въ его губахъ выступило грубое, животное выраженіе, напоминавшее ему его отца.

„А, теперь онъ сказывается во мнѣ, и это-то и есть моя настоящая натура,—подумалъ онъ.—Все остальное было ложь и обманъ. Я—онъ, только онъ и ничего больше. Не глупая ли комедія, въ такомъ случаѣ, противиться самому себѣ?... Но такъ-то ли я на самомъ дѣлѣ?... Тамара... Тамара“...

Онъ отослалъ билетъ обратно, не написавъ ни строчки.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ за столомъ и работалъ безсознательно, въ какомъ-то оупѣломъ состояніи и все время напряженно прислушиваясь, не придетъ ли отъ нея ка-

кое-нибудь извѣстіе. Но онъ не услышалъ ничьихъ шаговъ,—въ корридорѣ все было тихо.

Наступили сумерки. Онъ усталъ и у него заболѣли глаза.

„Я поступилъ какъ оселъ,—мелькнуло у него въ головѣ.— Она искала случая, чтобы повидаться со мной, поговорить, и это была единственная возможность. Оттого и письмо ея такое коротенькое“.

Но внутренний голосъ шепнулъ ему: „Это все выдумка! Ты обманываешь самого себя“. Онъ бросился на кровать и заснулъ отъ изнеможенія. Проснувшись, онъ быстро переодѣлся и, не разсуждая, даже стараясь ничего не думать, сбѣжалъ съ лѣстницы, взялъ извозчика и отправился въ „Винтергартенъ“. Тамъ онъ купилъ себѣ обыкновенный входной билетъ.

Когда онъ вошелъ, то представленіе уже давно началось. Огромное помѣщеніе было переполнено народомъ, и всѣ смотрѣли на сцену, гдѣ въ эту минуту какой-то акробатъ продѣлывалъ свои головоломные фокусы. Но Томасъ ни на что не смотрѣлъ. Онъ искалъ только ее... ее одну. Вскорѣ онъ нашелъ оркестровую ложу и увидалъ ея черноволосую голову и бѣлый лобъ. Лицо ея было скрыто вѣеромъ изъ бѣлыхъ перьевъ.

Въ эту минуту занавѣсъ упалъ, и публика зааплодировала какъ безумная.

Безъ всякаго колебанія пробрался онъ въ ея ложѣ и остановился прямо передъ нею. Возлѣ нея, съ одной стороны, сидѣлъ господинъ, похожій на военнаго, съ длинными, узкими бакенбардами, гладко выбритымъ подбородкомъ и моноклемъ въ глазу. По лѣвую руку Регины сидѣлъ Корнфельдъ. Томасъ въ первую минуту думалъ, что ошибся, но тотчасъ же убѣдился, что это дѣйствительно адвокатъ. Въ самой глубинѣ ложи, весь съѣжившись и сторбившись, сидѣлъ Бергъ.

Самъ не сознавая того, что дѣлаетъ, и какъ бы повинуюсь какой-то невидимой силѣ, Томасъ подошелъ къ ложѣ, и въ то мгновеніе, когда Регина уронила вѣеръ на колѣни, онъ низко поклонился ей и замѣтилъ, какъ она вздрогнула. Но тотчасъ же она протянула ему руку съ неподражаемымъ движеніемъ черезъ барьеръ ложи и, не обращая никакого вниманія на окружающихъ, страстно проговорила:

— Какое счастье, что вы пріѣхали!

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только пристально смотрѣлъ на нее, теряя самообладаніе.

— Пожалуйста, войдите въ ложу.

Онъ отрицательно покачалъ головой, и въ то же время почувствовалъ, что слезы навертываются ему на глаза.

— Не будьте же такимъ упрямымъ!

— Я не могу, — возразилъ онъ.

— Ну, хорошо. Въ такомъ случаѣ, подождите насъ у подъѣзда. Мы выйдемъ передъ третьимъ номеромъ послѣдняго отдѣленія.

Онъ снова низко поклонился и, ни на кого не глядя, медленно пошелъ въ глубину залы.

На сцену вышла французская пѣвица, пѣвшая куплеты. Это была уже отцвѣтающая особа. Высокимъ, тонкимъ голосомъ стала она распѣвать игривыя, смѣшныя шансонетки. Томасъ не слушалъ ея.

Вслѣдъ за пѣвицей, фокусникъ сталъ выдѣлывать всевозможныя штуки. Онъ не видѣлъ его. Наконецъ, начался самый интересный номеръ — бой атлетовъ. Вся публика слѣдила за нимъ съ напряженнымъ интересомъ. Но Томасу было рѣшительно все равно. Онъ вынулъ часы и сталъ слѣдить за секундною стрѣлкой, двигавшейся необычайно медленно. Никогда въ жизни не чувствовалъ онъ себя до такой степени угнетеннымъ и несчастнымъ.

Главный номеръ кончился. Въ залѣ раздались неистовые крики и аплодисменты. Безъ конца вызывали и привѣтствовали побѣдителя.

Томасъ быстро направился къ выходу. Ему пришлось долго дожидаться. Наконецъ, появились Берги и двое другихъ господъ. Регина познакомила его съ владѣльцемъ дворянскихъ вотчинъ, Брандтомъ. Церемонія знакомства произвела на Томаса глупое и смѣшное впечатлѣніе. Корнфельдъ стоялъ въ сторонѣ, значительно поджавъ губы. Бергъ вяло улыбался.

Лакей отворилъ дверцу кареты, но фрау Бергъ сдѣлала отрицательное движеніе. Банкиръ отдалъ кучеру какое-то приказаніе, а Регина, не обращая вниманія на остальныхъ, взяла Томаса подъ руку и пошла съ нимъ впередъ.

— Почему ты отослалъ мнѣ обратно билетъ? — спросила она, и въ тонѣ ея голоса послышалась угроза.

— Потому что мнѣ не хотѣлось быть съ тобою и съ нимъ вмѣстѣ.

— Но вѣдь онъ говорилъ съ тобою?

— Именно поэтому.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Я тебя не понимаю.

— Ты меня не понимаешь?—спросилъ онъ, весь дрожа.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—произнесла она нервно и нетерпѣливо.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Что же это все значитъ?

— Я не могу здѣсь съ тобой объясняться, —выговорилъ онъ съ трудомъ.—Я просто задыхаюсь.

Она подумала съ минуту, потомъ гордо откинула назадъ голову.

— Черезъ полчаса приходи ко мнѣ... Ты не хочешь?

Онъ овладѣлъ собою и, не раздумывая, отвѣчалъ глухо:

— Я приду.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ—до свиданья. Слуга будетъ ждать тебя у подъѣзда.

Въ эту минуту ихъ догнали остальные. Томасъ снялъ шляпу, пробормоталъ что-то неопредѣленное и ушелъ.

Нѣсколько времени простоялъ онъ, не двигаясь и безъ всякой мысли среди Фридрихштрассе. Его тѣснили, толкали, смѣялись ему въ лицо, но онъ ничего не замѣчалъ. Онъ не помнилъ, какъ очутился на извозчикѣ и поѣхалъ къ ней. Все шло кругомъ въ его головѣ, и одно только онъ сознавалъ ясно, что въ этотъ часъ рѣшалась его судьба.

У подъѣзда его встрѣтилъ лакей и молча заперъ за нимъ дверь.

Фрау Бергъ ждала его въ гостиной. Тамъ, вмѣсто электричества, были зажжены двѣ свѣчки въ старинныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ.

Она, не поднимаясь, устало кивнула ему головой и протянула ему руку, холодную какъ ледь.

Онъ сѣлъ противъ нея и взглянулъ на ея усталое лицо, на окруженные темными кругами глаза, замѣтилъ, какъ она сидѣла, вся съѣжившись и приподнявъ плечи, какъ будто ей было холодно, и все его негодованіе и раздраженіе исчезли. Она подперла голову рукой и нѣсколько времени смотрѣла, не двигаясь, прямо передъ собою.

— Ты знаешь, что я съ нимъ говорила!..

Онъ молча наклонилъ голову.

— Я все ему сказала безъ всякой жалости и пощады. Ты знаешь, что онъ отвѣтилъ?

При этомъ вопросѣ, его лицо приняло строгое выраженіе.

— Я хочу знать, — произнесъ онъ медленно и не отводя отъ нея глазъ,—согласилась ли ты на это?

Ему стоило большого усилія выговорить эти слова.

Ее слегка передернуло.

— Что за видъ у тебя! Просто страшно становится!

Онъ горьво улыбнулся.

— Да. Я знаю, о чемъ вы говорили, — произнесла она твердо, и когда онъ отшатнулся отъ нея, то она наклонилась къ нему и воскликнула съ страстною силою:

— Дай мнѣ высказаться! Не прерывай меня, пока не узнаешь всего!

И, понизивъ голосъ, продолжала:

— Этотъ человекъ не можетъ безъ меня жить... Я его мучу и дѣлаю его несчастнымъ, и все-таки онъ не можетъ безъ меня жить... Еслибы ты видѣлъ, въ какомъ онъ былъ состояніи!

Она вдругъ закрыла лицо руками, но тотчасъ же отняла ихъ.

— Мнѣ страшно, когда я вспоминаю объ этомъ! Какіе у него были ужасные глаза... Какъ онъ задыхался... Можно было подумать, что я его отравила!..

Ея зубы стучали.

— Ты долженъ понять меня... Тебѣ это состояніе болѣе знакомо, чѣмъ мнѣ. Тебѣ, конечно, не разъ приходилось видѣть людей, которые не хотятъ умирать и борются со смертию. У него былъ именно такой видъ. Что же я могла сдѣлать?

Въ ея голосѣ слышалось раздраженіе.

— Вѣдь бываетъ даже жалко и животное, и, кромѣ того, у меня отъ него ребенокъ. Что будетъ съ ребенкомъ, если я уйду? Не гляди на меня такъ ужасно! Хоть немного пойми меня!

Она встала и схватила обѣ его руки.

— Скажи, могла ли я поступить иначе? Не должна ли я была удовольствоваться тѣмъ, что онъ намъ предлагаетъ? Какъ долженъ любить человекъ, соглашаясь на подобныя условія! Что мнѣ оставалось дѣлать?

Холодная ночь дохнула въ окно, и ея дыханіе коснулось ихъ обоихъ. Голубовато-желтое пламя свѣчей спокойно заметалось и чуть не погасло. Томасъ провелъ рукой по лицу и проговорилъ голосомъ, зазвучавшимъ, въ его собственному удивленію, твердо, сповоино и холодно:

— Я всего этого не понимаю. Мнѣ непонятенъ этотъ торгъ, который ты со мной затѣяла... Онъ... или я! Другого выбора быть не можетъ....

Она отступила назадъ.

— Тебѣ не жаль меня?

— Эту жалость я нахожу унизительною.

Она не двигалась. Онъ почувствовалъ страшный приливъ гнѣва. Онъ понималъ, что она приносила себя въ жертву изъ трусости и заключала постыдный торгъ, чтобы удовлетворить обѣ стороны.

— Знаешь ли,—проговорилъ онъ, весь дрожа,—что ты обманула и себя, и меня.

И, рыдая безъ слезъ, онъ воскликнулъ:

— Развѣ тутъ возможно было какое-нибудь раздумье? Какъ можешь ты жить съ человѣкомъ, который, по твоимъ собственнымъ словамъ, внушаетъ тебѣ отвращеніе!

— А ребенка?

— Ребенокъ!—воскликнулъ онъ:—но вѣдь это—преступленіе противъ ребенка! Ребенокъ, воспитывающійся при подобныхъ отношеніяхъ отца и матери... Ахъ, оставь меня... оставь меня!..

И, какъ бы не въ состояніи совладать съ острой физической болью, онъ схватился за голову обѣими руками. Она не могла вынести его страдальческаго вида. Нѣкоторое время въ комнатѣ царилъ гробовое молчаніе. Наконецъ, она ласковымъ движеніемъ положила ему руки на плечи.

— Зачѣмъ ты все это себѣ придумываешь? Еслибы ты только захотѣлъ, все было бы такъ хорошо!

Онъ страхнулъ съ себя ея руки. Она вдругъ стала ему совсемъ чужой, но онъ еще не хотѣлъ себѣ въ этомъ признаться. Онъ чувствовалъ, какъ всякая жизнь замирала и застывала въ немъ, и какъ въ его душѣ что-то было готово разбиться навсегда. Онъ схватился руками за спинку стула и сталъ смотрѣть въ окно на черную, непроницаемую ночь, въ которой чувствовались порывы вѣтра и слышалось незримое колебаніе и трепеть деревьевъ.

„Неужели я былъ до такой степени ослѣпленъ?—мелькало у него въ головѣ.—Нѣтъ... нѣтъ... это невозможно“!

И вдругъ ему вспомнилась сказка: бѣдный человѣкъ подвергался страшнымъ испытаніямъ, послѣ которыхъ на него обильно сыпались всѣ дары неба...

И опять въ немъ расцвѣло глубокое и чистое чувство къ ней. Его лицо, казавшееся еще болѣе страдальческимъ и нервнымъ при свѣтѣ двухъ свѣчей, вдругъ все просіяло.

— Вѣдь это было самое дорогое и святое для меня,—прошепталъ онъ,—это наше взаимное общеніе. Вѣдь это было полное достиженіе,—прибавилъ онъ еще тише.

Нѣсколько времени они молчали. Вдругъ въ ея лицѣ появилось какое-то загадочное, непонятное для него выраженіе.

Она нажала электрическую кнопку: вся комната озарилась ослепительнымъ свѣтомъ, и изъ тьмы сразу выступили дорогія картины, великолѣпныя, причудливыя вазы и роскошная мебель.

— Я люблю все это,—произнесла она, широкимъ жестомъ указывая ему на окружавшее ихъ великолѣпіе. — Онъ правъ... это—часть меня самой. Все, что ты видишь здѣсь, необходимо для моего существованія, все это вошло въ мою жизнь.

Она дрожала и крылья ея носа нервно трепетали.

— Ты слышишь? Это—часть меня самой!

И, упрямо избѣгая его взгляда, она прибавила:

— Бываютъ растенія, которыя нельзя пересаживать въ чуждую для нихъ почву. Я—такое растеніе... Меня нужно...

Она не договорила. Онъ повернулся къ ней спиною, чувствуя, что имъ овладѣваетъ глубокая слабость. Напрягая всѣ силы, чтобы не упасть, направился онъ къ двери и пошелъ по комнатамъ къ передней. Тамъ онъ наткнулся на лакея и хрипло пробормоталъ ему:

— Пожалуйста, выпустите меня!

При этомъ онъ низко нагнулъ голову, чтобы ни единый человѣкъ не увидаль его разстроеннаго лица и блѣдныхъ губъ.

Онъ не пошелъ домой. Какъ безпріютный бродяга, обошелъ онъ по всѣмъ направленіямъ „Тиргартенъ“.

Никогда не могъ онъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что творилось съ нимъ въ эту ночь.

V.

Было около двухъ часовъ, когда Лирсъ спустилась по лѣстницѣ дома дешевыхъ квартиръ одного изъ сѣверныхъ кварталовъ. Видъ у нея былъ переутомленный, и ее занимали, очевидно, какія-то тревожныя мысли. Во дворѣ она на мгновение остановилась въ раздумьѣ, прежде чѣмъ выйти на улицу.

Майское солнце припекало какъ въ іюль.

Проѣзжавшіе мимо omnibusы были переполнены народомъ, и она въ изнеможеніи прислонилась къ столбу для объявленій, какъ вдругъ лицо ея оживилось и вся она встрепенулась. Какъ безумная бросилась она черезъ улицу вслѣдъ за молодой дѣвушкой, проходившей по тротуару.

— Фрейлейнъ... фрейлейнъ!—закричала она, задыхаясь.

— Ахъ, это вы!—проговорила молодая дѣвушка, испуганно оглянувшись и останавливаясь.

Лирсъ съ трудомъ нѣсколько разъ перевела духъ, прежде чѣмъ была въ состояніи отвѣтить.

— Что за жара собачья!—выговорила она наконецъ.—А я прямо съ работы. Отправляюсь домой спать.

Юзефа искоса посмотрѣла на нее.

— Опять принимали какого-нибудь несчастнаго заморыша?—спросила она язвительно.

— Да,—разсѣянно отвѣчала Лирсъ.—Въ половинѣ пятаго они меня вытащили изъ постели, и только къ часу мнѣ удалось совсѣмъ справиться. Вы не можете себя представить, фрейлейнъ, что за жизнь у меня!

— Позировать въ такую жару тоже не особенное удовольствие.

Нѣсколько минутъ онѣ молча шли рядомъ.

— Фрейлейнъ Гервингъ?

Юзефа при этомъ обращеніи не могла удержаться отъ горькой улыбки.

— Ну, тѣмъ лучше, если вы знаете, о чемъ я хочу съ вами говорить. Я не люблю предисловія и всегда иду напрямикъ. Я хотѣла спросить васъ: есть у васъ что-нибудь съ моимъ мужемъ?

Гервингъ сложила руки. Все это видимо забавляло ее.

— Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно спокойны. Не такъ-то легко сдѣлаться опаснымъ для меня. И, кромѣ того, вы знаете, что я околдована.

При послѣднихъ словахъ она мрачно сдвинула брови.

— Я и сама такъ думала. А только съ моимъ-то просто никакого сладу нѣтъ!

Она доврчиво взяла Юзефу за руку.

— Ахъ, дитя,—сказала она,—чего только не приходится терпѣть отъ этихъ мужчинъ! Въ мои годы это и не къ лицу, но разъ имѣешь мужа, такъ ужъ по неволѣ такъ привяжешься къ нему, что часто и сама не рада. Они и не стоятъ даже такой привязанности, увѣрю васъ. Ну, а мой-то врѣзался въ васъ, ужъ это вѣрно! И я его вполне понимаю. Онъ человѣкъ молодой, да къ тому же еще и писатель. Все несчастье для меня въ томъ, что онъ—мой мужъ. Впрочемъ, на его мѣстѣ я тоже бы въ васъ влюбилась.

Юзефа разсмѣялась.

— Вы говорите это теперь, когда узнали, что у него со мной ничего не вышло.

Она протянула Лирсъ руку.

— Покорно васъ благодарю за комплиментъ.

— Но все-таки онъ васъ преслѣдовалъ?

Гервингъ кивнула утвердительно.

— Ахъ, знаете, къ этому невозможно относиться серьезно.

Я подобные разговоры слышу разъ по десяти на день, такъ что она больше не производитъ на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Всѣ мужчины болтаютъ одинъ и тотъ же вздоръ, и при этомъ у нихъ таковой глупый видъ. Стоить кому-нибудь изъ нихъ раскрыть ротъ, и я знаю рѣшительно, что онъ скажетъ.

Лицо ея омрачилось.

— Ахъ, Господи, мнѣ до такой степени все равно, все безразлично!

— Я васъ не понимаю,—начала послѣ нѣвотораго молчанія Лирсъ.—Что, собственно, особеннаго нашли вы въ этомъ господинѣ? Онъ такъ съ вами обращается, что просто толкаетъ васъ въ объятія другого.

Губы Юзефы дрогнули.

— Это ему не удастся, можете быть увѣрены.—Въ глазахъ ея блеснуло злорадство. — Вы думаете, я не знаю, что этимъ доставила бы ему огромное удовольствіе? Но я не такъ глупа. Онъ вполне можетъ вѣстаться моей вѣрностью. Я не позволю отшвырнуть себя въ сторону, какъ...—Она не докончила и стиснула губы, какъ будто боясь сказать лишнее.

— Теперь его что-то часто стали встрѣчать съ Ингольфъ,—проговорила Лирсъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Если что-нибудь случится,—выговорила Юзефа злобно и тихо,—то я не буду въ этомъ виновата... Я—нѣтъ!

— А почему, собственно говоря, вамъ не пустить его въ трубу? По счастью, вы съ нимъ не обвѣнчаны.—И она прибавила, грубо разсмѣявшись:—вѣдь вамъ стоитъ руку протянуть, и жъ каждому вашему пальцу прицѣпится по десяти мужичинъ.—Но, замѣтивъ гнѣвное выраженіе въ лицѣ Юзефы, она прибавила успокоительно:—Я шучу, вѣдь вы же знаете меня; я вполне увѣрена, что вы порядочная дѣвушка, и жизнь ваша каторжная мнѣ хорошо извѣстна. Оттого-то я и совѣтую вамъ его бросить.—Она помолчала.—Еще радуйтесь, что у васъ нѣтъ отъ него ребенка. Незавидно положеніе дѣвушки съ ребенкомъ! Мнѣ-то хорошо это извѣстно. Каждый дуракъ косо смотритъ на нее... Ну, да ужъ что тутъ! Пожили бы съ мое, такъ сами бы увидали.

При послѣднихъ словахъ въ страстномъ лицѣ Юзефы появилось какое-то нѣжное материнское выраженіе.

— Я бы многое дала, чтобы имѣть отъ него ребенка; тогда мнѣ было бы, за что хватиться. Повѣрьте, — прибавила она серьезно и задумчиво, — я была бы хорошей матерью. Еслибы у меня былъ ребенокъ, я сумѣла бы его удержать. Я ужъ не разъ объ этомъ думала. Хорошо быть матерью, купать ребеночка и смотрѣть, какъ онъ плескается въ водѣ ручьями и ножками, а потомъ чистенько завернуть его и положить къ своей груди. Я лучшаго ничего и представить себѣ не могу!

Лирсъ была совершенно поражена.

— Вотъ ужъ не думала, что вы способны на такія чувства! Ну, и кромѣ того, вы себѣ все это представляете въ розовомъ свѣтѣ. Вы и не воображаете, какая это обуза имѣть ребенка!

Юзефа засмѣялась, показавъ всѣ свои бѣлые зубы.

— Ну, что за бѣда! Чѣмъ больше обузы, тѣмъ лучше. Я до безумія люблю дѣтей.

И вдругъ, безъ всякаго перехода, она спросила:

— Вы находите Ингольфъ хорошенькой?

— Этому я не могу сказать. Впрочемъ, въ ней есть что-то особенное.

— Особенное? Я хотѣла бы знать, въ чемъ оно заключается. Я съ первой минуты не могла ее выносить. Повѣрьте, она фальшива, какъ кошка. — Юзефа вся покраснѣла и сжала кулаки. Она остановилась и, пристально глядя на Лирсъ, произнесла съ особеннымъ выраженіемъ: — Таковой, какъ она, я могла бы совершенно спокойно облить лицо купоросомъ, и совѣсть не мучила бы меня... напротивъ, — я чувствовала бы себя отлично! Акушерка испуганно отшатнулась.

— Развѣ можно дѣлать такія вещи? Вы сами были бы несчастны...

— Я несчастна и безъ того.

— Нѣтъ, нѣтъ, фрейлейхенъ, не говорите этого! Вы еще такъ молоды!

Юзефа поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, но одумалась и, молча кивнувъ головой, быстро ушла. Лирсъ съ удивленіемъ поглядѣла ей вслѣдъ, но не успѣла она еще вполне придти въ себя, какъ ея вниманіе было привлечено собравшейся кучкой людей. Они оживленно жестикулировали, окруживъ собаку, впряженную въ повозку. Лирсъ подошла къ нимъ, побуждаемая инстинктивнымъ любопытствомъ.

Хозяинъ повозки былъ приземистый, коренастый малый, весь красный и въ поту.

— Если вы не уберете отсюда вашу морду, — кричалъ онъ, — то я вамъ всё ребра пересчитаю.

Передъ нимъ стоялъ школьный учитель Гейнзиусъ, представляя своей жалкой фигурой крайнюю противоположность съ хозяиномъ повозки. Онъ нервно размахивалъ руками и пронизывалъ своего противника возбужденнымъ и горящимъ какъ у фанатика взглядомъ.

— Только посмѣйте вы меня тронуть, живодерь вы этакій! — кричалъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства. И, подойдя еще ближе, выкрикнулъ обрывающимся голосомъ: — Негодай! Какъ смѣете вы мучить беззащитное животное!

Окружающихъ эта сцена видимо забавляла. Послышались шутки, и всё раздѣлились на двѣ партіи.

— Чего вы не въ свое-то дѣло суетесь? — крикнулъ кто-то, обращаясь къ Гейнзиусу.

Школьный учитель обернулся, а его противникъ, воспользовавшись этимъ, съ силой схватилъ его за плечо.

— Подожди, я тебя отдѣлаю!

Но въ эту минуту подошла Лирсъ, съ ужасомъ узнавшая Гейнзиуса. Своими широкими локтями прочистила она себѣ дорогу и, поднявъ увѣсистые кулаки, произнесла:

— Васъ самого нужно было бы угостить кнотомъ, а вы еще смѣете другихъ трогать! Проваливайте по добру по здорову!

Нѣсколько мужчинъ въ толпѣ узнали акушерку. Въ этой части города она была всѣмъ извѣстна какъ бѣлый волкъ. Они подошли къ ней на подмогу.

— Ну, трогай, что-ли! — проворчалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ хозяину повозки. — Да не разговаривай много, а то плохо тебѣ придется!

А другой, толкнувъ его, прибавилъ:

— Ну, теперь отправляйся, пока цѣль, а то я тебѣ всё кости пересчитаю.

Защитники Лирсъ пожали ей руку; толпа, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, стала расходиться, и скоро на мѣстѣ происшествія остались только Гейнзиусъ и Лирсъ.

— Зачѣмъ вы связываетесь со всякимъ сбродомъ? — проговорила добродушно Лирсъ. — Слишкомъ легкомысленно рисковать своей шкурой для такого подлаго народа.

Школьный учитель выразительно свистнулъ.

— Ну, не такъ-то это опасно!.. А вы слышали послѣднюю новость?

— Нѣтъ.

— Я сижу на мели. Они меня выставили! Усмотрѣли, что преподаваніе вредно для моихъ легкихъ.

— Господи! — произнесла Лирсъ, всплеснувъ руками. — Да за что же это? — спросила она черезъ нѣсколько времени, сильно взволнованная. — Надѣюсь, не за вашу рѣчь въ концертномъ...

— Именно! Они изобрѣли сокращенную методу для самоуправленія. Въ недѣлю все было покончено. Ну, и былъ же я доволенъ! Посмотрѣли бы вы на лица директора и всѣхъ моихъ коллегъ! Сначала ректоръ посоветовалъ мнѣ подвергнуться освидѣтельствуванію моихъ умственныхъ способностей, чтобы не лишиться пенсіи. Онъ вѣдь извѣстный филантропъ, и считается, что хорошо отнесется ко мнѣ. Ну, и наговорилъ же я ему вещей... — Лицо Гейнзиуса все просіяло отъ этого воспоминанія и сдѣлалось даже добрымъ и кроткимъ. — Лирсъ, — началъ онъ снова: — это былъ лучший часъ моей жизни. Эти люди олицетворяли для меня все, что есть рабскаго въ человѣчествѣ. Они были вооружены всѣми своими низменными, мелкими инстинктами. Какъ этотъ ректоръ уцѣпился за столъ и глядѣлъ на меня, вытаращивъ свои стеклянные глаза... Я видѣлъ, какъ его плѣшивый лобъ покрывался каплями пота, а увидшія губы шептали: „Съ нами крестная сила“!.. Лирсъ, это было такъ забавно, что можно было умереть отъ смѣха.

— И вы теперь сидите безъ мѣста и безъ денегъ? — сухо возразила Лирсъ.

— Да, вполнѣ.

— Что же вы теперь будете дѣлать? — произнесла она съ огорченіемъ.

— Мнѣ выдали жалованье за четверть впередъ; а такъ какъ и вообще мнѣ недолго дожидаться чистой отставки, то я надѣюсь протянуть до нея. Жизненные обстоятельства, по большей части, разрѣшаются сами собой!

Въ это время они подошли къ дому акушерки.

— Пойдемте къ намъ, выпейте чашку кофе, — попросила Лирсъ; — мужъ будетъ радъ, а вамъ вѣдь теперь нечего бояться опоздать на урокъ.

— Пожалуй!

Квартира Лирсовъ была убрана довольно безвкусно, но уютно.

— У васъ очень мило! — замѣтилъ, осмотрѣвшись, Гейнзиусъ. Лицо Лирсъ расплылось въ широкую улыбку.

— Вы это ему должны сказать. Еслибъ вы только знали, какъ онъ издѣвался надъ этой комнатою!

Она отворила дверь въ спальную.

— Полюбуйтесь на него: онъ еще лежитъ и храпитъ. Хорошо ему!—прибавила она, вздохнувъ.—Я даже нахожу, что онъ правъ! Онъ, вообще, философъ!

Она подошла къ спящему и потрясла его за руку.

— Муженекъ!—воскликнула она:—у насъ гость и, кромѣ того, скоро три часа.

Гейнзіусъ услышалъ какое-то ворчанье, недовольные возгласы, потомъ смѣхъ Лирса и его жены, и при этомъ такое движеніе и возню, изъ которыхъ можно было заключить, что Лирсъ принужденъ былъ покинуть свое ложе совершенно неожиданно и непроизвольно. Черезъ нѣсколько минутъ онъ появился въ пріемной, въ перьяшливомъ халатѣ, и привѣтствовалъ шекольнаго учителя съ самымъ невиннымъ и наивнымъ выраженіемъ лица.

Вскорѣ закипѣлъ кофейникъ на спиртовкѣ, и Лирсъ мало-помалу перешелъ отъ соннаго потягиванья и зѣванья къ состоянію вполне проснушагося человѣка.

— Что вы, собственно, дѣлаете цѣлый день?—спросилъ Гейнзіусъ.

Лирсъ скрестилъ руки на груди.

— Вы воображаете, что моя жизнь гораздо легче, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Вы не думаете о томъ, какого усилія мнѣ стѣдуетъ вставать, умываться, одѣваться, ѣсть, пить и вообще подчиняться прочимъ функціямъ моего организма? Еслибы вы знали, какъ я отъ этого страдаю! А едва справившись со всѣмъ этимъ, какъ уже опять ночь, опять надо стаскивать съ себя весь этотъ хламъ, подыскивать самое удобное положеніе въ постели и думать о снѣ. На меня этотъ сонъ не такъ скоро слетаетъ, какъ на другихъ людей. Я сначала долженъ привести въ порядокъ волнующія меня фантазіи и мысли, долженъ усыпить ихъ и убаюкать, и только тогда засыпаю самъ. Повѣрьте, я только въ постели и имѣю время заниматься моими мыслями. День у меня не идетъ въ счетъ.

Онъ проговорилъ все это вполне серьезно, и Гейнзіусъ посмотрѣлъ на него съ завистливымъ удивленіемъ.

— Значитъ, вы вполне отъучились работать?

— Мнѣ кажется, что я приближаюсь къ этой моей цѣли. Работа есть искусственно созданное культурное понятіе, не имѣющее, по моему мнѣнію, ничего общаго съ человѣческимъ достоинствомъ и свободой. Самый глубокой символъ этого находимъ мы въ изгнаніи Адама и Евы изъ рая. Только тогда, когда Богъ отступился отъ человѣка, въ немъ просну-

лось жалкое чувство самосохраненія, принудившее его къ работѣ. Я считаю себя обитателемъ рая, а эта добрѣйшая женщина,—онъ указалъ на свою жену,—сама должна искупать грѣхъ своей прародительницы Евы, а не сваливать его на меня. Поэтому я постепенно возвратился къ самому почтенному состоянію и живу, воздерживаясь, по возможности, отъ всякой работы, ибо считаю трудъ грязнымъ и унижительнымъ.

— Исполать вамъ! Вы—одинъ изъ немногихъ, проводящихъ свои убѣжденія въ жизни. У васъ не слова, а поступки.

Фрау Лирсъ слушала обоихъ молча, потомъ налила въ чашку дымящійся кофе и проговорила:

— Если сонъ, по вашему, поступокъ, то вы правы. Вотъ еще чтò я вспомнила,—прибавила она, обращаясь къ мужу съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:—я встрѣтила Гервингъ. Повидимому, ты ей совсѣмъ не даешь покоя! Она весьма тебѣ благодарна за твои приставанья!

Онъ поставилъ чашку на столъ и провелъ рукой по густымъ волосамъ.

— Ты опять шпионила?—спросилъ онъ съ безповойствомъ.

— Я требую,—холодно возразила его жена,—чтобы ты меня не обманывалъ на каждомъ шагѣ и вель себя порядочно по отношенію ко мнѣ!

— Извините!—сказалъ Гейнзигъ,—что я вмѣшиваюсь въ вашъ разговоръ, но я перестаю вамъ сочувствовать, разъ вы посягаете на личную свободу вашего мужа.

Фрау Лирсъ подбоченилась.

— Дѣти мои, вы всѣ немножко того... ужъ извините меня. Вы себѣ придумали какое-то понятіе о личной свободѣ, которое я нахожу просто жалкимъ!

Въ ея лицѣ отразилось все страданіе подозрительной жены, слѣдящей за мужемъ и боящейся потерять его. Это выраженіе обезобразило ее. Она казалась еще некрасивѣе и старше, чѣмъ была въ дѣйствительности. У нея было одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ совсѣмъ не идетъ горе и страданіе.

Мужъ подошелъ къ ней и старался добродушно успокоить ее.

— Несчастіе всѣхъ васъ, женщинъ, состоитъ въ томъ,—сказалъ онъ,—что вы несвободны до мозга костей. Вамъ еще и не грезилося, чтò такое истинная свобода! Въ своей безпомощности вы хватаетесь за мужчину, какъ утопающій за болѣе сильнаго пловца. Онъ не понимаетъ, что такимъ образомъ топить и другого. Вы совершенно забываете единство личности. Вы стараетесь сдѣлать ее двойственной, даже множественной, и

не думаете о томъ, что въ этомъ химическомъ процессѣ губите всѣхъ. Впрочемъ,—перебилъ онъ самого себя,—все это такіе трудные вопросы, которыхъ ты не можешь понять. Не сердись и помни только, что не все такъ легко, какъ тебѣ представляется въ твоемъ аеушерскомъ мозгу.

— Ты кончилъ?

— Да, моя крошечка.

— Ну, для крошечки я слишкомъ велика уродилась. Что ты считаешь меня душой, я это знала; но я не такая дура, чтобы не понять общаго смысла того, что ты говорилъ.

Гейнзіусъ нѣсколько разъ нервно прошелся по комнатѣ.

— Многоуважаемая, вы принимаете все слишкомъ близко къ сердцу. Вамъ надо отъучиться отъ этого.

Фрау Лирсъ презрительно разсмѣялась.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ школьный учитель.

— Мнѣ вспомнилось, какъ вы приняли къ сердцу, когда хозяинъ билъ свою собаку. Вѣдь къ вамъ лично это даже не имѣло никакого отношенія. Вы вмѣшивались въ чужія права, чего другому никогда не позволили бы сдѣлать.

— Вы ошибаетесь. Во мнѣ говорило въ этомъ случаѣ не гуманное чувство, а просто эгоизмъ. Меня это разсердило, и я долженъ былъ дать волю своему сердцу.

— Да, рассказывайте тутъ! Вы всегда стѣсняетесь все такъ повернуть, что самъ себѣ покажешься смѣшнымъ. Иной разъ, право, какъ послушаешь васъ, такъ и кажется, что попалъ въ домъ умалишенныхъ!—Она глубоко вздохнула.—Повойной ночи, господинъ учитель. У меня просто глаза не смотреть, и сдается мнѣ, что слушать васъ труднѣе, чѣмъ принимать дѣтей.

Уже въ дверяхъ спальни толстуха обернулась и бросила на мужа влюбленный взглядъ, на который онъ отвѣтилъ ласково и снисходительно. При этомъ учитель смущенно отвернулся въ сторону.

— Въ психологіи брака...—пробормоталъ онъ про себя, и на его губахъ промелькнула ироническая улыбка.

Онъ протиснулся съ хозяиномъ, растянувшимся въ это время на диванѣ съ газетой въ рукахъ, и быстро ушелъ.

VI.

Дни проходили, и Томасъ глубоко страдалъ. Онъ испытывалъ чувство собственнаго ничтожества, стыда, презрѣнія къ самому себѣ и острой душевной боли.

— Что, собственно, я сдѣлалъ такого?—спрашивалъ онъ себя, и каждый разъ внутренней голосъ отвѣчалъ ему: ты совершилъ грѣхъ противъ собственнаго святаго духа.

Онъ себя предалъ, привязавшись всѣми своими чувствами къ существу, бросившему и промѣнявшему его на красивыя бездѣлушки. „Это признакъ низменной природы, — раздумывалъ онъ, — если истиннѣе влечетъ ее къ недостойному человѣку. Человѣкъ, еще не тронутый жизнью, въ своемъ безсознательномъ стремленіи находитъ единственный вѣрный путь“.

Онъ чувствовалъ противный, горькій вкусъ во рту, какъ будто бы проглотилъ какіе-то ядовитые корни. Въ немъ происходила борьба больной души съ бѣднымъ тѣломъ, отравленнымъ самыми жгучими ядами жизни.

Любовь... Сліяніе душъ и тѣлъ... Дву-единство... Смутное стремленіе къ развитію и совершенству... Всѣ эти слова терзали его. Сліяніе двухъ чувственныхъ инстинктовъ, болѣзненные возбужденія, стараются обыкновенно подмѣнивать высокими словами.

Наконецъ, онъ рѣшилъ сдѣлать строжайшій анализъ всѣхъ своихъ мыслей и чувствъ за послѣднее время, не поддаваясь чувствительности и не щадя себя. Только такимъ образомъ можно еще было спастись изъ-подъ развалинъ и начать строить новое зданіе, — но одна мысль о возможности строить новое уже смущала и пугала его. Однако, такъ оставаться онъ не могъ; у него явилась страстная потребность подышать свѣжимъ горнымъ воздухомъ, омыть темный налетъ жизни въ прозрачной водѣ горнаго потока и выйти изъ него снова чистымъ и бодрымъ. Однажды ночью онъ вдругъ всталъ, уложилъ самое необходимое въ маленькій узелокъ и на цыпочкахъ вышелъ изъ дому. У него былъ видъ какой-то странный и утомленный отъ бессонной ночи. Онъ сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ ему ѣхать на гѣрлицкій вокзалъ.

Ему казалось, что извозчикъ везетъ его безъ конца, и становилось жутко, когда онъ взглядывалъ на дома, вытннувшіеся какъ привидѣнія при холодномъ и блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ. На улицахъ не было ни души, и въ этой тишинѣ, замѣнявшей шумную, оживленную жизнь, было что-то страшное. На вокзалѣ Томасу пришлось ждать четыре часа до отхода поѣзда.

Онъ потребовалъ себѣ бумаги и чернилъ и написалъ нѣсколько словъ своей хозяйкѣ. Подумалъ о томъ, чтобы написать Беттинѣ и сообщить ей о своемъ отъѣздѣ, но тотчасъ же отказался отъ этого намѣренія. Одна мысль о ней уже была для него мучительна.

Онъ взялъ билетъ четвертаго класса, потому что ему стало ясно, что съ этого дня онъ не долженъ тратить на себя ничего лишняго.

Наконецъ подошелъ поѣздъ. Почти всѣ вагоны были пусты. Томасъ расположился у окна и скоро задремалъ подъ глухой, однообразный шумъ колесъ.

На зарѣ, когда трава была покрыта росой, Томасъ поднялся на гору. Въ самый полдень онъ достигъ ея вершины. Когда же на небѣ зажглась вечерняя заря и бросила золотой отблескъ на лѣса и гребни горъ, онъ все еще стоялъ на самомъ верху и мечтательными, блестящими глазами слѣдилъ за постепенно меркнувшимъ свѣтомъ. Его окружала пустыня. Ни жилья... ни вустъ... ни человѣка по близости.

Здѣсь онъ былъ одинъ со своимъ одиночествомъ, ощущалъ надъ собой вѣяніе его крыльевъ, слышалъ его тихія пѣсни.

Онъ сильно загорѣлъ за время своихъ странствованій, а его худощавое лицо стало еще тоньше.

До него не долетало ни звука. Его слухъ обострился и уточнился. Онъ слушалъ обновленными ушами, смотрѣлъ обновленными глазами. Онъ наслаждался своимъ одиночествомъ. Въ его душѣ было глубокое спокойствіе, ему стали доступны и духовная сила, и радость жизни. Ему казалось, что съ его глазъ вдругъ сняли повязку, и онъ только теперь видитъ все въ настоящемъ свѣтѣ.— „Я ровно ничего не зналъ,—тихо повторялъ онъ себѣ,—и я долженъ жить, чтобы узнать! Нельзя жить для одного себя. Только человѣкъ, не отдѣляющій себя отъ другихъ, носить въ своей душѣ вѣчный, немеркнувшій свѣтъ!“—И ему стало дотно отъ этой мысли.

„Прежде всего необходимо подкопаться подъ самого себя,—думалъ онъ:—нужно комъ за комомъ отбрасывать почву подъ собственными ногами, и только тогда можно надѣяться достигнуть самосознанія“.

И какъ пчела вьется вокругъ цвѣтущаго клевера и жадно пьетъ сладкій сокъ, необходимый для ея работы, такъ и онъ не могъ оторваться и упивался мыслью о своемъ „возрожденіи“. Слово это вдругъ выросло для его сознанія, стало казаться ему великимъ. Онъ понялъ впервые его огромное значеніе. Теперь это уже было для него не слово, не пустой звукъ... Это было непрестанное движеніе, стремленіе къ вѣчному, цѣль для достиженія другой, великой цѣли. Томасъ чувствовалъ себя какъ пут-

никъ, добравшійся, наконецъ, до мѣста послѣ долгаго и утомительнаго путешествія. И когда онъ, черезъ недѣлю, отправился въ обратный путь, онъ зналъ навѣрное, что только теперь для него начнется настоящая жизнь. Ему казалось, что не недѣля, а цѣлые годы отдѣляли его отъ послѣднихъ событій. Онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ и въ то же время не забывалъ, что пока еще онъ все-таки скиталецъ и для него нигдѣ не можетъ быть ни отдыха, ни успокоенія.

VII.

Ингольфъ долго и упорно боролась съ собою, и совершенно изнемогла въ этой борьбѣ. Она больше не видѣлась съ механикомъ, старалась о немъ не думать и прибывала на помощь все свое благоразуміе. Безпоощадно анализируя все дурное, что ее поражало въ его натурѣ, она старалась уничтожить всякую связь между собою и этимъ человѣкомъ. Ей даже удалось въ ясныхъ и опредѣленныхъ формулахъ выразить сущность натуры Фрюнделя. Это былъ безсердечный эгоистъ, весь ушедшій въ абстрактное мышленіе, затемнившее его разсудокъ, и способный на всякое насиліе, а кромѣ всего этого—субъектъ почти патологическій. Отъ такого человѣка нужно бѣжать, какъ отъ зла! Эти выводы были записаны Ингольфъ на листъ бумаги и вложены въ конвертъ съ надписью: „Психологія и результаты изученія г-на Франка Фрюнделя“. Но, несмотря на все, она не могла не думать о немъ. Какъ злой духъ, онъ завладѣлъ ею и не оставлялъ ее ни на минуту. Ее постоянно преслѣдовали его глаза, острые и неподвижные, и она чувствовала его холодное презрѣніе и свойственную ему одному ледяную самоувѣренность. Ей ясно слышалось, какъ онъ говорилъ:

— Видишь ли, я могъ бы взять тебя и раздавить, но я не сдѣлаю этого. Мнѣ было бы легко воспользоваться моею властью, чтобы привлечь тебя, но я этого не дѣлаю. Каждое твое чувство принадлежитъ мнѣ, несмотря на то, что ты хочешь возненавидѣть меня. И я увѣренъ, что пробьетъ часъ, когда ты, покорная, придешь ко мнѣ и отдашь свою волю въ мои руки...

Ея оружіемъ въ борьбѣ съ нимъ были ненависть, сопротивленіе и возмущеніе, но она заглушила ненависть, устала сопротивляться, и страсть виѣсть съ надеждой вошла въ ея ослабѣвшую душу.

Теперь она ждала только какого-нибудь признака жизни съ

его стороны. Она надѣялась, что онъ ей напишетъ. Но ея ожиданіе оставалось тщетнымъ, и мучительное безпокойство охватило ее. Она сознавала, что въ ней уничтожена всякая возможность сопротивляться, что ему стоить только придти, чтобы взять ее, какъ птицу съ перешибленными крыльями, съ трудомъ ползающую по землѣ. Она знала, что въ эту минуту прильнетъ къ нему вся дрожащая, съ закрытыми глазами. О Юзефѣ она больше не думала. Она забыла и того Фрюнделя, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, ясно сознавая только одно, что онъ былъ ея господиномъ.

Наконецъ она не выдержала, написала ему, просила его придти.

Механикъ Фрюндель никогда не останавливался на полъ-пути. Ему было необходимо вполне поворотить дѣвушку, и онъ отвѣтилъ, что ждетъ ее у себя. Онъ даже назначилъ ей день и часъ, и не прибавилъ къ этому ни одного дружескаго слова.

И еще разъ все возмутилось въ ней. Она рѣшила, что ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ къ нему; но когда наступилъ вечеръ, она надѣла шляпу и поѣхала, торопясь, чтобы не заставить его дожидаться.

Она была такая сильная и крѣпкая, но у нея дрожали и подгибались колѣни, когда она сходила съ пролетки у его дома.

Фрюндель не постарался хоть сколько-нибудь избавить ее отъ униженія. Она надѣялась, что онъ встрѣтитъ ее на лѣстницѣ и съ словами привѣта самъ введетъ ее въ свою комнату... Она была бы ему такъ благодарна за это... Но онъ не встрѣтилъ ее.

Она постучалась въ его дверь.

— Войдите!—раздался его спокойный голосъ.

Она повернула ручку и, вся блѣдная и смущенная, вошла въ его комнату.

— А, здравствуйте!—проговорилъ онъ, поднимаясь со стула. И не протягивая ей руки, подошелъ къ лампѣ, собиравъ ее зажечь.

— Пожалуйста, не зажигайте,—попросила она.

Онъ отошелъ отъ стола.

— Вы удивлены, что я у васъ, — сказала она, не находя силъ подавить внутреннее волненіе.

Онъ покачалъ головой.

— Такъ вы меня ждали? — вырвалось у нея съ невольной радостью.

— Да!

Въ замѣшательствѣ она взяла съ ящика шляпу Фрюнделя и пригладила рукой мягкой фѣтръ.

— Она совсѣмъ смята,—робко проговорила она.

— Хорошо, что это шляпа, а не я, — со смѣхомъ отвѣтилъ онъ.

Она сложила руки и въ ея обыкновенно строгомъ и умномъ лицѣ появилось что-то дѣтски-поворное и безпомощное. Въ эту минуту она была неузнаваема.

— Существуетъ ли на свѣтѣ человѣкъ, способный имѣть на васъ хоть малѣйшее вліяніе?—воскликнула она.

Фрюндель молчалъ, и Ингольфъ ничего не могла прочесть на его сумрачномъ лицѣ.

— Да, такой человѣкъ несомнѣнно можетъ существовать,—наконецъ произнесъ онъ,—но прежде всего этотъ человѣкъ долженъ испытывать ко мнѣ уваженіе и страхъ. Онъ не долженъ ни въ чемъ меня стѣснять. Мнѣ необходимо знать, что онъ уважаетъ мою свободу, уважаетъ меня. Это долженъ быть человѣкъ, съ которымъ можно поговорить рѣшительно обо всемъ и чье мнѣніе стоитъ выслушать. Но никогда этотъ человѣкъ не долженъ предъявлять ко мнѣ своихъ правъ и мучить меня разными требованіями. Онъ долженъ отдавать все, ничего не спрашивая взамѣнъ. И, что самое главное, — продолжалъ Фрюндель, отчеканивая каждое слово,—онъ долженъ хорошо знать часы, когда онъ нуженъ мнѣ и когда нѣтъ. Такимъ человѣкомъ для меня можетъ быть только женщина,—кончилъ онъ.

— Да,—совсѣмъ просто отвѣтила она, чувствуя въ сердцѣ какую-то необъяснимую боль,—такимъ человѣкомъ можетъ быть только женщина.—И внезапнымъ движеніемъ положивъ ему руки на плечи, она прибавила:—Я хочу попытаться.

Ингольфъ почувствовала, какъ ее охватили сильныя, точно стальные руки. На одно мгновеніе Фрюндель прижалъ ее къ себѣ, и въ это короткое мгновеніе въ ней жила только одна мысль: „Я—счастливейшая женщина на свѣтѣ и передо мной мой властелинъ“!

Вдругъ ей вспомнилось, какъ еще съ самаго дѣтства она была своевольна и непокорна и никому не хотѣла подчиняться. Теперь впервые съ необыкновенной силой въ ней проснулось все, что было рабскаго въ ея натурѣ, все, что стремилось и жаждало покориться, и эта покорность доставляла ей неслыханное, огромное счастье. Она передала ему свои мысли и прибавила, взявъ его руку и ласково глядя ее:

— Никогда я не буду тебѣ въ тягость. Никогда я не свяжу

твоей воли, твоей свободы. — Она произносила все это торжественно, какъ влѣтву, но, замѣтивъ, что ея слова неприятно поразили его, поспѣшила прибавить:—Это мое первое и послѣднее обѣщаніе тебѣ.

И она прильнула къ нему.

Неожиданная переменѣна произошла въ механикѣ. Онъ страстно прижалъ къ себѣ дѣвушку, не обращая вниманія на то, что дѣлаетъ ей больно, и поцѣловалъ ее порывисто и почти дико.

У нея занялся духъ и она едва не потеряла сознанія.

Она не произнесла ни звука, не сдѣлала ни малѣйшей попытки, чтобы отстраниться отъ него, но вся задрожала подъ этой грубой лаской. Закрывъ глаза, она забыла все на свѣтѣ.

Вдругъ онъ отстранился отъ нея и проговорилъ:

— Такая рослая, сильная дѣвушка и не сопротивляется! Стоить подъ самымъ выстрѣломъ и не моргнуть.—И, разсмѣявшись, онъ опять наклонился, чтобы поцѣловать ее.—Поцѣлуй меня!—сказалъ онъ, и она послушалась.—Ну, вотъ!—произнесъ онъ и отошелъ, чтобы зажечь лампу.

Она съ удивленіемъ оглядывала его комнату.

— Вотъ какъ я живу, — сказалъ онъ и, пригладивъ ея растрепавшіеся волосы, провелъ рукой по ея лбу.

— Такъ ты думаешь, что я не сопротивлялась?—спросила она, приходя въ себя.

— Да, думаю.

Она вытащила изъ кармана измятый конвертъ и, молча, дала ему.

Прочитавъ надпись, онъ осторожно распечаталъ его, потомъ подошелъ къ лампѣ и принялся внимательно разбирать написанное, останавливаясь на каждомъ словѣ, точно это были какіе-то іероглифы. Ингольфъ слѣдила за нимъ съ робостью, но не безъ лукавства.

— Гм,—произнесъ онъ и прибавилъ послѣ довольно большой паузы:—Не подаришь ли ты мнѣ этотъ листъ?

Она кивнула головой.

Онъ тщательно спряталъ листъ обратно въ конвертъ и положилъ его въ свой боковой карманъ. Потомъ онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и точно совсѣмъ забылъ о ея существованіи.

Затѣмъ, вытащивъ снова листъ изъ конверта, онъ опять перечиталъ написанное, придвинулъ стулъ къ ящику, сѣлъ на него и, посмотрѣвъ на часы, не торопясь, написалъ подъ послѣд-

ней фразой слѣдующее: „Получено мною въ четвергъ 17 мая 189..., вечеромъ, въ половинѣ девятаго“.

Онъ зажегъ спичку и водилъ ею надъ только-что написанными строками, чтобы онѣ скорѣй высохли. Затѣмъ взялъ книгу и принялся читать.

Ингольфъ становилось какъ-то жутко.

Онъ, казалось, совершенно забылъ о ея существованіи, но она не дѣлала ни малѣйшаго движенія, не произносила ни слова, чтобы напомнить о себѣ.

— Пойдемъ,—вдругъ сказалъ онъ,—пойдемъ гулять. Въдь сегодня праздниѣ и нужно...

Онъ не докончилъ и замолчалъ. У него было обыкновеніе не договаривать фразъ.

Когда они спускались по темной лѣстницѣ, онъ взялъ ее подъ-руку. Онъ молчалъ во время всей длинной дороги до темнаго и пустыннаго „Тиргартена“... Но она безъ словъ понимала его.

VIII.

Члены „Ночника“ собрались въ полномъ составѣ. Свѣтъ керосиновой лампы опять освѣщаль ихъ взволнованныя, возбужденныя лица.

Художникъ Бросе съ почти прозрачнымъ, больнымъ лицомъ сидѣлъ, немного откинувшись на спинку стула. Онъ подпиралъ рукой подбородокъ и молча прислушивался къ говорившимъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла его жена. Она держала его за руку и не спускала съ него глазъ. На ея тревожномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ бессонныхъ ночей и постояннаго томившаго ее страха. Она принуждала себя казаться спокойной; но каждый разъ какъ поднимался шумъ, она хмурилась, враснѣя какъ ребенокъ, пожимала руку мужа и успокоивала его. Всѣ возбужденно разговаривали о Томасѣ Трукѣ. Уже цѣлую недѣлю онъ не бывалъ на собраніяхъ; онъ скрылся, не сказавъ никому ни слова, и рѣшительно никто не зналъ, гдѣ онъ. Механикъ Фрюндель заявилъ, что подобный образъ дѣйствій Томаса Трука не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека, и что даже въ томъ случаѣ, если онъ ушелъ изъ ихъ общества навсегда, то и это касается только одного Томаса, и такое его рѣшеніе никоимъ образомъ не можетъ повліять на сложившееся о немъ мнѣніе. Последнее время Фрюндель, во всеобщему удивленію, выражался необыкновенно

пространно и красно. Его молчаливость пропала, и онъ точно задался цѣлью затмить краснорѣчіемъ всѣхъ членовъ „Ночника“.

— Какого же вы сами мнѣнія о Томасѣ Трукѣ?—спросилъ Лиссауеръ.

Механикъ испытующе взглянулъ на него, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Я не вполне ему довѣряю, потому что считаю его мечтателемъ и человѣкомъ, не увѣреннымъ въ себя!

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ Гейнзіусъ. Онъ всегда соглашался съ Фрюнделемъ, такъ какъ рѣзкая самоувѣренность этого здоровяка ободряюще дѣйствовала на него и какъ будто укрѣпляла и утверждала его въ собственныхъ воззрѣніяхъ.— Онъ изъ тѣхъ мечтателей, которые никогда не говорятъ ничего положительнаго, постоянно мечутся то туда, то сюда, хотя въ всего и ничего не могутъ! Онъ изъ числа слабыхъ, вѣчно разбѣгающихся въ собственной совѣсти.

Но въ эту минуту поднялась Марія Верфтъ. Опершись на столъ и точно желая провзять всѣхъ своими горящими глазами, она воскликнула голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва и волненія:

— Какъ можете вы до такой степени оскорблять отсутствующаго господина Трука! Онъ добрый и милосердый.

Ингольфъ, уже послѣ словъ Фрюнделя сидѣвшая съ удрученнѣмъ видомъ, опустивъ глаза, испуганно вздрогнула.

— Пора бы вамъ и отвыкнуть отъ такихъ словъ, какъ „милосердый“, милость и тому подобныхъ, а то, въ концѣ концовъ, это становится скучно,—насмѣшливымъ голосомъ прервалъ молчаніе механикъ.

Марія вся съѣжилась какъ подъ ударомъ хлыста, но тотчасъ же выпрямилась, ея глаза засверкали и въ нихъ появилось почти изступленное выраженіе.

— Въ васъ нѣтъ милосердія, Христосъ да проститъ вамъ!—выкрикнула она.

Гейнзіусъ собирался что-то сказать, но въ эту минуту глаза всѣхъ устремились на Брозе. Художникъ медленно поднялся и, тяжело опираясь на столъ обѣими руками, заговорилъ до такой степени невнятно, что присутствующіе съ трудомъ понимали его.

— Я не хочу, чтобы мое молчаніе было понято въ такомъ смыслѣ, точно я уклоняюсь отъ выраженія мнѣнія о Томасѣ Трукѣ. Я, съ моей стороны, ничуть не сомнѣваюсь въ этомъ человѣкѣ. Это совершенно справедливо, что онъ съ тоской хочетъ понять самого себя. Вотъ источникъ его постояннаго безпокойства! Но, повѣрьте мнѣ, въ то же время это источникъ

его будущаго міровоззрѣнія и силы. Томасъ Трукъ принадлежить въ числу благороднѣйшихъ людей. А кромѣ того, я присоединяюсь къ Маріи Верфтъ: нельзя нападать на человѣка, не имѣющаго возможности защищаться!

Тогда поднялся музыкантъ Абрамъ Гебгардтъ.

— Я нахожу это въ высшей степени недостойнымъ, — воскликнулъ онъ, потрясая своими длинными, вьющимися волосами, — что въ нашемъ обществѣ мы оказываемъ такъ мало довѣрія другъ другу. Развѣ кто-нибудь изъ присутствующихъ имѣетъ хоть какое-нибудь уваженіе къ личности?

— Если это вызовъ мнѣ, — произнесъ, поднявшись съ своего мѣста, Фрюндель, — то я его не принимаю. Я старался изучить характеръ Томаса Трука и у меня хватило смѣлости здѣсь высказаться. Я не уклонюсь сказать ему въ лицо мое мнѣніе. Вообще...

Механикъ не договорилъ. Глаза всѣхъ растерянно и съ испугомъ устремились на неожиданно распахнувшуюся дверь.

На порогъ стоялъ Томасъ. Несмотря на сильный загаръ, онъ казался очень блѣднымъ. Онъ измѣнился, сталъ какъ будто выше ростомъ и новое выраженіе появилось въ его глазахъ.

Брозе пошла ему на встрѣчу и дружески протянула обѣ руки. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ сидѣвшихъ за столомъ, она сказала:

— Вы явились какъ разъ въ-время. Мы только-что говорили о васъ.

Она выпустила его руки, но онъ, не дѣлая ни шагу далѣе, продолжалъ стоять у дверей.

И опять все стихло. Никто не всталъ и никто не поздоровался съ Томасомъ, но всѣ смотрѣли на него съ напряженнымъ выраженіемъ. И ему стало ясно, что онъ долженъ говорить, долженъ немедленно, не откладывая, открыть имъ все.

Никто не удивился, когда онъ заговорилъ, такъ какъ всѣ ждали его слова.

— Друзья мои! — началъ Томасъ, — среди васъ я всегда слушалъ, присматривался и поучался, и только сегодня въ первый разъ я попытаюсь сказать кое-что самъ. Вы только-что судили меня, и вы были правы; но вы не знаете, что во время моего отсутствія я самъ совершилъ надъ собою судъ, и если вышъ былъ строгимъ, то мой собственный — былъ еще строже. Я заглянулъ въ самого себя... и мнѣ стало страшно.

Онъ остановился и, глубоко вздохнувъ, продолжалъ:

— Мнѣ хочется, друзья мои, поговорить съ вами о томъ

пути, который открылся предо мною. Мы всё стремимся къ свободѣ, и всё понимаемъ, что свободное существованіе является слѣдствіемъ протеста и мощнаго возмущенія противъ всякаго гнета, безразлично, вызывается ли этотъ гнетъ внѣшними или внутренними причинами. Мы всё признаемъ, что только свободный человѣкъ, для котораго не существуютъ никакія внѣшнія принужденія и безсильны всё соблазны міра, достоинъ названія человѣка. Мы знаемъ, что у насъ нѣтъ ничего общаго ни съ господами, ни съ рабами. Мы одиноки и счастливы нашимъ одиночествомъ. Но, друзья мои, мы стоимъ въ сторонѣ, я же хочу попытаться построить новый мостъ,—мостъ, который ведетъ отъ сознанія къ жизни. Передъ нами распахнулись врата жизни. Раскройте глаза,—предъ вами новое царство! Вдумайтесь въ слова: „Мы свѣтъ міра“. Ходите въ свѣтъ! Зажгите ваши свѣтильники! Пускай нашъ „Ночникъ“ свѣтитъ вездѣ, возвѣщая разсвѣтъ и спасеніе. Я хочу собрать алчущихъ и жаждущихъ свѣта, я хочу возвѣстить имъ радость, ту радость, которая тлѣетъ въ душахъ, несмотря на всё старанія потушить ее. Жажда радости живетъ въ каждомъ человѣкѣ, и жаждущіе ждуть, чтобы наконецъ явился тотъ, кто пробудитъ ихъ!

Онъ замолчалъ. У него потемнѣло въ глазахъ; ему показалось, что мрачная тѣнь отдѣлила его отъ остальныхъ людей, и чувство безпомощности овладѣло имъ.

Ему вспомнилась Регина...

„Смѣю ли я пробуждать людей?—задалъ онъ себѣ мучительный вопросъ.—Въ силахъ ли я пробудить ихъ?.. Да, я слабый... слабый“...

Но вдругъ онъ выпрямился и продолжалъ:

— Я требую отъ каждаго, чтобы онъ шелъ за мной въ праздничный чертогъ и исповѣдалъ бы свои вѣрованія. Вѣдь у каждаго человѣка—свои вѣрованія и свои стремленія. Мы должны, наконецъ, выйти изъ нашего маленькаго кружка и отыскивать единомышленниковъ. А ихъ много, очень много, они вездѣ; я слышу, какъ они бьются и стучать, и открываю для нихъ праздничный чертогъ. Будемъ бороться за нашу свободу, за нашу новую жизнь, въ настоящемъ значеніи этого слова! Вотъ чтѣ я хотѣлъ сказать вамъ, дорогіе друзья!

Онъ поблѣднѣлъ еще больше, но стоялъ прямо, съ гордо поднятой головой, и у всѣхъ присутствовавшихъ въ эту минуту мельгало сознаніе, что они видятъ передъ собой одного изъ тѣхъ, кто способенъ стать строителемъ.

Нѣкоторое время всё молчали. Первымъ очнулся Блинскій.

— Я за васъ!—сказалъ онъ, подойдя къ Томасу, и протянулъ ему руку.

Вслѣдъ за нимъ и остальные встали со своихъ мѣстъ и стали разговаривать, разбившись на группы. Всѣмъ было ясно, что въ эту ночь въ ихъ жизни случился переломъ, и что, благодаря Томасу, они должны были покинуть свое тихое убѣжище и идти на битву за свои убѣжденія.

Юзефа Гервингъ стояла въ углу комнаты и не спускала глазъ съ Гейнзиуса и Фрюнделя, которые о чемъ-то горячо разговаривали между собою.

Къ ней подошелъ Лирсъ.

— Пожалуйста, не смотрите такъ строго. У васъ таковой разстроенный видъ!

— Вы находите? — Она надменно сжала губы и смѣрила его презрительнымъ взглядомъ.

— Да, нахожу.

— Мнѣ кажется, что теперь нужно дѣлать что-нибудь поважнѣе, чѣмъ заниматься подобными наблюденіями,—насмѣшливо проговорила она.

— Для меня нѣтъ ничего болѣе важнаго!

— Вотъ какъ!—Слабая улыбка промелькнула на мрачномъ лицѣ дѣвушки.

— Для меня самое важное въ жизни—это вы!

— Если вы не замолчите, я позову вашу жену.

Она опять стала слѣдить за Фрюнделемъ, потомъ принялась искать глазами Ингольфъ, которая въ эту минуту о чемъ-то оживленно говорила съ Брозе.

— Г-нъ Лирсъ,—вдругъ измѣнившимся голосомъ обратилась къ нему Юзефа.

— Я слушаю.

— Когда любишь, то вѣдь готовъ всѣмъ пожертвовать любимому существу. Не правда ли?

— Да, обыкновенно это бываетъ такъ.

— Любите вы меня?

— Вы это прекрасно знаете.

— Хотите вы что-нибудь сдѣлать для меня?

— Рѣшительно все.

— Я ловлю васъ на словѣ.

— Не имѣю ничего противъ.

— Хорошо же. Вы должны слѣдить по пятамъ за этой женщиной,—указала она пальцемъ на Ингольфъ.—Вы должны слѣдить за ней, не жалѣя ни времени, ни денегъ, ни труда, и

узнать, гдѣ и когда они выдаются съ Фрюнделемъ. Понятно, что для этой цѣли вамъ придется таки немного пожертвовать сномъ.

Онъ измѣнился въ лицѣ.

— Однако, вы, кажется, требуете отъ меня какой-то подлости... я долженъ играть роль шпіона... это—довольно низкое занятіе...

— А! я такъ и знала! Такъ вотъ что значать всѣ ваши слова!

— Позвольте! Я сказалъ, что это подлость, но вѣдь я не говорилъ, что я отказываюсь ее дѣлать. Я сознаю, что это довольно таки грязное порученіе, но я непремѣнно исполню его, исполню во что бы то ни стало.

Ея глаза загорѣлись, и она пожала ему руку.

Художникъ застучалъ по столу ключомъ, и всѣ поспѣшили занять свои мѣста.

— Слово принадлежитъ Абраму Гебгардту.

Музыкантъ стоялъ, опираясь руками на спинку стула. Онъ откинулъ немного назадъ голову, такъ что видна была его тонкая, длинная шея.

— Я испытываю такое чувство,—началъ онъ, окинувъ глазами общество и устремляя взглядъ вдаль,—какъ будто я услышалъ призывный колоколь третьяго царства. У меня, какъ у музыканта, вѣдь тонкій слухъ, а звонъ церковнаго колокола былъ всегда моей любимой музыкой. Въ немъ всегда слышалось мнѣ что-то призывное и глубоко трогательное. И сегодня среди насъ прозвучалъ колоколь, но въ немъ, кромѣ привычнаго звука, я услышалъ еще нѣчто новое. Я услышалъ въ немъ великую радость и призывъ къ новой жизни. Мы создадимъ новую религію, освобожденную изъ-подъ гнета ненужныхъ догматовъ, и въ этой религіи мы воплотимъ нашу общую работу, наше искусство, поступки, чувства и наши новыя мечты. Я лично отъ всего сердца, отъ всей души присоединяюсь къ Томасу Трубу!

Онъ откинулъ со лба волосы, провелъ рукой по возбужденному лицу и сѣлъ на свое мѣсто.

— Прошу слова!—завричалъ Лиссауеръ. Маленькій горбатый человѣкъ весь дрожалъ отъ волненія.—Я постараюсь быть краткимъ. Раньше того, чѣмъ созидать, необходимо разрушить, но мнѣ хочется знать, какимъ путемъ думаетъ г-нъ Томасъ Трубу идти къ осуществленію своихъ плановъ?

— Прежде чѣмъ говорить о практическомъ осуществленіи, я долженъ дать время присутствующимъ высказаться какъ можно полнѣе,—сказалъ Томасъ, опять поднимаясь съ своего мѣста.

— Это всё всякаго сомнѣнія,—закричалъ съ другого конца стола студентъ-теологъ Бехертъ. Его безусое лицо выражало крайнюю степень возбужденія и въ то же время строгость и непроницаемость.—Я не вѣрю въ вашу новую миссію,—произнесъ онъ громкимъ голосомъ.—Мало того, я лично смотрю на васъ какъ на отступниковъ и мятежниковъ. Никогда не буду я участникомъ въ вашемъ дѣлѣ, но все-таки не уйду отъ васъ. Я буду приходить къ вамъ съ увѣщаніями, какъ это подобаетъ истинному сыну церкви, прямой долгъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы непрестанно бороться съ ослѣпленіемъ и высокоуміемъ. Потому что,—трагически воскликнулъ онъ,—вы всё не что иное, какъ отступники и ослѣпленные! Я вижу евреевъ среди васъ, но вѣдь они вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о разрушеніи,—это отрицательный и разлагающій элементъ въ государствѣ! Это общество...

Далѣе онъ не могъ продолжать, потому что всеобщій ропотъ заглушилъ его слова.

— Вы христіанинъ, но вы не поняли духа Христова ученія!—закричалъ Блинскій всё себя.—Вы стремитесь къ безпросвѣтному мраку, къ самому безотрадному гнету, а мы... мы ищемъ свѣта...

Онъ замолчалъ. Волненіе помѣшало ему продолжать.

Глаза всѣхъ устремились на Томаса Трува.

— Мы хорошо васъ знаемъ, г-нъ студентъ Бехертъ, но насколько не боимся васъ,—сказалъ Томасъ.—Своими словами вы только доказали намъ, что битва уже началась. Но уже на будущее время вы не можете быть нашимъ гостемъ, потому что по духу вы—чужой намъ. Мы отказываемся отъ васъ!

И послѣ короткой паузы онъ продолжалъ уже совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Для осуществленія нашей цѣли я предлагаю слѣдующее для ближайшаго будущаго. Еженедѣльно мы выпускаемъ газету для пропагандированія нашихъ воззрѣній. Мы устраиваемъ засѣданія для взаимнаго обмѣна мыслей. Въ данное время насъ еще очень немного, но очень скоро наше маленькое общество разростется, какъ горный ручей, когда льющая весна отовсюду несетъ ему тающіе снѣга. Мнѣ хотѣлось бы назвать нашу газету „Праздничнымъ Чертогомъ“. Для начала я могу дать необходимые для изданія деньги,—тихо добавилъ онъ.—Въ данное время насъ не должна мучить забота о завтрашнемъ днѣ. И если каждый изъ насъ станетъ работать изо всѣхъ силъ, то намъ удастся построить башню, и съ этой башни зазвучитъ колоколъ, о которомъ говорилъ намъ Абрамъ Гебгардтъ.

Это были послѣднія слова Томаса Трука въ этотъ вечеръ. Идея „Праздничнаго Чертога“ была принята единогласно. Томасъ Трукъ и отставной народный учитель Гейнзиусъ были выбраны редакторами новой газеты.

IX.

Редакція и контора „Праздничнаго Чертога“ помѣщались въ комнатѣ Томаса.

Первоначально онъ думалъ оставить старую квартиру, но его привязывали къ ней воспоминанія. Всѣ предметы въ комнатѣ получили для него особенный смыслъ съ той поры, какъ здѣсь побывала Беттина, и хотя онъ стыдился и боялся вспоминать о ней, но въ глубинѣ его сердца ея образъ свѣтился неугасаемымъ огнемъ.

Цѣлый день проводили они вмѣстѣ съ школьнымъ учителемъ, сносились съ типографіями и поставщиками бумаги и собирали свѣдѣнія о томъ, что необходимо для изданія газеты, такъ какъ сами объ этомъ дѣлѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Повсюду имъ встрѣчались неожиданныя препятствія, и нигдѣ не находили они участія и поддержки. При каждой новой неудачѣ Гейнзиусъ торжествующе улыбался, увѣряя, что обратное отношеніе крайне удивило бы его. Томасъ относился къ неудачамъ спокойно. Онъ находилъ, что главная задача состояла въ томъ, чтобы издать газету, и былъ увѣренъ, что распространится она уже сама собою.

Томасъ хотѣлъ употребить на это дѣло весь свой капиталъ въ двадцать-пять тысячъ марокъ. Несмотря на то, что онъ уже давно былъ совершеннолѣтнимъ, отецъ все еще продолжалъ завѣдывать всѣми его денежными дѣлами. Въ отвѣтъ на просьбу Томаса, онъ написалъ, что не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, выслать болѣе пяти тысячъ марокъ, потому что остальные деньги помѣщены въ выгодное предпріятіе.

Наконецъ, всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы, и редакторы могли приступить къ умственной работѣ.

Перья съ необыкновенной скоростью забѣгали по бумагѣ. У нихъ было столько мыслей и взглядовъ, что они съ трудомъ сдерживали ихъ наплывъ. Они были еще очень неопытны, и форма часто не давалась имъ, но содержаніе увлекало ихъ впередъ. Съ первыхъ же шаговъ въ ихъ работѣ сказалось все ихъ несходство. То, что писалъ Томасъ, было серьезно и проникнуто

необыкновенной добротой; Гейнзиусъ же, казалось, писалъ не чернилами, а желчью.

— У меня такое чувство, что я теперь только начинаю жить, получивъ возможность высказывать все это, — говорилъ онъ. — Дѣло у насъ пойдетъ отлично. Я разрушаю, а вы созидаете.

Было рѣшено, что Томасъ будетъ подписываться какъ редакторъ. Для Гейнзиуса, послѣ его отставки, это было неудобно.

Въ одинъ прекрасный вечеръ явился Фриондель и принесъ статью подъ заглавiемъ: „Святое Я“. Статья эта была написана необыкновенно тяжело, но Томаса поразило, до какой степени механикъ выработалъ свое мировоззрѣнiе и съ какою своеобразностью его выразилъ.

Лиссауеръ назвалъ свою статью коротко и ясно: „Трагедiя современнаго еврея“.

Вообще, въ материалѣ недостатка не было.

Томасъ и Гейнзиусъ жили все время въ лихорадочномъ напряженiи и съ бьющимся сердцемъ повесили въ типографiю материалъ для перваго нумера. Осторожно взяли они въ руки первые корректурные листы, съ еще невысохшими типографскими чернилами, и прочитывали ихъ съ упоенiемъ. Имъ не вѣрилось, что все это написали они. Въ печати слова получили совсѣмъ другой, гораздо болѣе серьезный и значительный видъ. Наборщики подмигивали другъ другу на новичковъ и перешептывались. Впрочемъ, они относились къ нимъ съ уваженiемъ. Сами они были образованные люди, и ихъ поразило непривычное содержанiе новой газеты. Наконецъ, весь первый номеръ былъ набранъ, и наверху первой страницы появились огромныя таинственныя слова: „Праздничный Чертогъ“. Для Томаса въ этихъ словахъ заключалось все: его новое сознанiе, его новая вѣра, вся его мука и работа всей его будущей жизни.

Они послѣдними вышли изъ типографiи и на улицѣ еще разъ развернули газету. Томасъ громко прочелъ оглавленiе: „Воззванiе къ разбредшемуся стаду“. — „Пляска и молитва. Владѣ въ новую религiю“. — „Святое Я“. — „Рабство въ социальныхъ государствахъ“. — „Трагедiя современнаго еврея“.

„Пляска и молитва“ принадлежала перу Томаса Трука, а „Рабство въ социальныхъ государствахъ“ — перу Гейнзиуса.

— Я увѣренъ, — сказалъ школьный учитель, — что ни въ одномъ современномъ изданiи не относятся къ подобнымъ вещамъ такъ серьезно и не излагаютъ ихъ съ такой захватывающей силой.

Томасъ ничего не отвѣчалъ, и они, молча, пошли назадъ, въ редакцію. Каждый изъ нихъ былъ занятъ собственными мыслями. Гейнзіусъ соображалъ, сколько еще мѣсяцевъ остается ему жить и наслаждаться, выражая печатно свои завѣтныя мысли, а у Томаса сердце радостно замирало: онъ чувствовалъ приближеніе „третьяго царства“.

X.

Наконецъ, „Праздничный Чертогъ“ вышелъ въ свѣтъ. Всѣ члены общества „Ночникъ“ были глубоко и радостно взволнованы, и каждый въ отдѣльности высказывался о новомъ органѣ, но совмѣстное обсужденіе его должно было состояться у Бросе. Всѣ ждали съ нѣкоторымъ напряженіемъ этого собранія. Разногласія были забыты и уступили мѣсто полной общности стремлений и желаній. Но двери мастерской Бросе открылись только для Томаса. И когда жена художника вышла къ нему безмолвная, вся точно застывшая, и безъ единого слова или вздоха провела его въ комнату, то онъ понялъ, что праздничный чертогъ превратился въ пріютъ смерти. Совершенно неожиданно и скоротечно отправился художникъ въ дальній, таинственный путь. Стоя передъ кроватью и глядя на исхудавшее тѣло и блѣдное, кроткое лицо умершаго, Томасъ снова испыталъ ужасъ, охватившій его давно, еще въ дѣтствѣ, когда они съ отцомъ ходили къ покойнику, и докторъ заставилъ его вертѣть ручку электрической машины. Человѣкъ, лежавшій передъ нимъ теперь, былъ тоже трупъ, но онъ не былъ для него чужимъ. Это былъ его покойникъ, такъ же, какъ и Тамара. Впервые онъ понялъ ясно, что у нихъ не могло быть разлуки; эти умершіе люди жили въ немъ, потому что онъ принадлежалъ имъ, и они составляли съ нимъ одно.

Онъ, не отрываясь, смотрѣлъ на усопшаго, и кругомъ стояла тишина, не нарушаемая ни единымъ звукомъ жизни. Онъ вспоминалъ всѣ его слова, представлялъ себѣ его ровныя движенія и благородную походку. Передъ нимъ покоился одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ конецъ не является концомъ, а только отдыхомъ послѣ тяжелаго, утомительнаго пути.

Онъ оглянулся и посмотрѣлъ въ неподвижное, какъ будто окаменѣвшее, лицо жены художника и, наклонившись, благоговѣнно поцѣловалъ обѣ ея руки.

Выйдя изъ мастерской, онъ почувствовалъ, что не въ со-

стояніи видѣть кого бы то ни было и что уличные звуки причиняютъ ему невыносимую боль.

Осторожно пробрался онъ по лѣстницѣ въ свою комнату и заперся на ключъ. Ему стало легче одному, въ темнотѣ.

Черезъ нѣсколько времени къ нему постучалась хозяйка, но онъ не двинулся съ мѣста. Старушка потрогала ручку двери и позвала его:

— Господинъ докторъ!

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ!—крикнулъ онъ со страхомъ и затянулъ руками уши, чтобы ни одинъ звукъ извнѣ не могъ достигъ его.

XI.

Было семь часовъ, когда механикъ Фрюндель покончилъ съ своими занятіями, снялъ рабочую блузу, засучилъ рукава рубашки и подставилъ закоптѣлыя ладони подъ струю воды, лившуюся изъ водопроводнаго крана.

Нѣсколько минутъ онъ оставался въ этомъ положеніи и не двигался. Лицо у него было мрачное и нахмуренное. Другіе рабочіе уже давно одѣлись и, проходя мимо, шопотомъ обмѣнивались насмѣшливыми замѣчаніями на его счетъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, но тотчасъ же отступилъ, замѣтивъ его искаженное гнѣвомъ лицо. Когда онъ приходилъ въ такое настроеніе, то съ нимъ опасно было шутить. Товарищи не любили, но уважали его. Они избѣгали говорить съ нимъ о политикѣ, потому что онъ относился насмѣшливо и презрительно къ ихъ „движеніямъ“.

Однажды онъ назвалъ ихъ всѣхъ тупоголовымъ стадомъ, не умѣющимъ жить безъ влута. Этого они не могли стерпѣть и обступили его съ кулаками. Механикъ скрестилъ руки, крѣпко сжалъ губы и, не сморгнувши, произнесъ:

— Ну, ударьте, только попробуйте!

Всѣ струсили, и съ этой минуты стали относиться къ нему съ нѣкоторой опаской.

Рабочіе уходили одинъ за другимъ, захлопывая за собою желѣзную дверь. Остался только одинъ, которому былъ порученъ ключъ.

Онъ подошелъ къ Фрюнделю и спросилъ ворчливо:

— Долго еще это будетъ продолжаться?

Механикъ едва замѣтно вздрогнулъ, пробормоталъ про себя что-то невнятное и началъ мыть руки. Потомъ подставилъ го-

лову подъ кранъ, спустивъ при этомъ рубашку съ плечъ и не обращая вниманія на то, что вокругъ образовалось цѣлое наводненіе. Наконецъ, онъ кончилъ мыться, вытеръ лицо, встряхнулся, какъ мокрый пудель, и сталъ спокойно вытирать шею и руки. Остальную часть туалета онъ совершилъ необыкновенно быстро, и черезъ минуту уже сбѣгалъ внизъ по лѣстницѣ.

Но его лицо сохраняло угрюмое, озабоченное выраженіе.

Остановившись передъ домомъ, гдѣ жила Шарлотта Ингольфъ, онъ помедлил въ нерѣшительности, но потомъ быстро вошелъ на крыльцо.

Ингольфъ дожидалась его у самыхъ дверей. Она послѣднее время дошла до состоянія какого-то поворнаго и благоговѣйнаго помѣшательства. При немъ она лишалась всякой воли. Въ разлуку умирала отъ жажды его видѣть, а при немъ вся дрожала.

— Здравствуй!—произнесла она возбужденно и при этомъ сдѣлала робкую попытку обнять его.

Онъ неласково отстранился отъ нея, и она грустно опустила руки.

Они прошли въ ея комнату. Механикъ чувствовалъ нестерпимый голодь. Но когда вскорѣ горничная принесла на подносѣ бифтексъ изъ филе съ жаренымъ картофелемъ и холодное пиво, то онъ коротко заявилъ, что не можетъ проглотить ни кусочка.

Ингольфъ бросила на него молча умоляющій взглядъ, когда горничная вышла изъ комнаты.

— Ты вѣдь слышала: у меня нѣтъ аппетита,—проговорилъ онъ холодно и презрительно, испытывая втайнѣ сильное злорадство и удовлетвореніе отъ сознанія, что можетъ мучить ее.

Она не посмѣла сказать больше ни слова, откинулась на спинку дивана и тоже не прикоснулась къ ѣдѣ.

„Зачѣмъ, собственно, я ее мучу?—спросилъ онъ самъ себя, и тотчасъ же отвѣтилъ:—Что за дурацкій вопросъ! Это меня забавляетъ—и конецъ! Это все равно, что спрашивать: почему я такой, какой я есть“?

Ингольфъ встала и осторожно положила ему руку на плечо.

— У тебя были непріятности?—И прибавила, какъ бы извиняясь:—У тебя такой разстроенный видъ!

— Нѣтъ.—Онъ коротко разсмѣялся.

Ей стало больно отъ этого смѣха.

— Ничто для меня такъ не противно, какъ жалость,—проговорилъ онъ черезъ нѣсколько времени.—И всего болѣе я не выношу, когда меня мучать разспросами въ неподходящее время. Неужели у васъ, женщинъ, даже этой чуткости нѣтъ?

Она отошла отъ него и сѣла къ окну, вся поблѣднѣвшая и съ усиленіемъ сжимающая руки.

Онъ не обратилъ на это никакого вниманія, оперся локтями на столъ, положилъ голову на руки и сталъ, не моргая, смотрѣть прямо передъ собою.

Ингольфъ все надѣялась, что онъ, наконецъ, повернется къ ней, но ея ожиданіе было напрасно. Хотя она уже привыкла къ этому мученію и знала его манеру молчать иногда цѣлыми часами, тѣмъ не менѣе это каждый разъ пугало ее. — „Что могло твориться въ это время въ его мозгу?“ — съ ужасомъ спрашивала она себя! — Зачѣмъ онъ такъ скрывалъ свое страданье, свою злобу и ненависть, и не дѣлился съ нею ни единымъ словомъ? — Отвѣта на эти вопросы не было. Она чувствовала, что въ его молчаніи и скрытности и заключалась главная его власть надъ нею. „Какъ онъ долженъ страдать!“ — думала она. Ея любящее сердце разрывалось отъ жалости, и она прощала ему всю его жестокость и грубость по отношенію къ ней.

Кромѣ того, ее вѣчно терзалъ страхъ къ Юзефѣ. Она всячески старалась избѣгать ея, но послѣднее время та все чаще и чаще попадалась ей на улицѣ и налетала на нее какъ хищная птица.

Юзефа пронизывала ее испытующимъ взглядомъ, улыбалась такъ, что на нее было страшно смотрѣть, и задавала Ингольфъ самые удивительные вопросы.

Объ думали объ одномъ и не смѣли этого высказать. Ингольфъ вся дрожала при мысли, что Юзефа заговоритъ первая, но та только смотрѣла на нее съ ненавистью и, не сказавъ больше ни слова, вдругъ уходила.

Переживаемый страхъ и вѣчное безпокойство подламывали силы Ингольфъ, но она не смѣла говорить Фрюнделю о томъ, что ее мучило. Онъ не хотѣлъ ничего знать о ея заботахъ и волненіяхъ.

Все это она снова переживала мысленно, глядя въ окно на многолюдную улицу.

Возможно ли, чтобы человекъ самъ строилъ себѣ тюрьму, добровольно надѣвалъ на себя кандалы и отдавался въ рабство, не соглашаясь ни за что на свѣтѣ освободиться отъ этого рабства!

Она украдкой взглянула на него. Онъ все еще сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на лампу отсутствующимъ взглядомъ. Ей пришло въ голову, что, вѣроятно, онъ боленъ, но она тотчасъ же отклонила отъ себя это предположеніе. Что такое — боленъ

и что такое—здоровь? Всякій одинокій мыслитель, сворачивающій съ избитаго пути, считается толпою „ненормальнымъ“.

Она встала и подошла къ нему.

— Я встрѣтила сегодня Юефу... Какіе у нея глаза!—мгѣ отъ нихъ страшно становится,—прибавила она, понизивъ голосъ.

Механикъ немного повернулъ къ ней голову и посмотрѣлъ на нее долгимъ, чуждымъ взглядомъ, какъ будто не понялъ ни одного слова изъ всего, что она сказала.

Этотъ взглядъ лишилъ ее послѣдняго самообладанія. Такъ, именно такъ смотрѣли всегда доктора на препарируемые трупы. Для нихъ онъ былъ только объектомъ для изученія, и они совершенно забывали, что перебираемые и разсматриваемыя ими внутренности, мозгъ и сердце еще недавно трепетали, бились, сжимались и страдали. Онъ также смотрѣлъ на нее какъ на объектъ, безъ всякаго участія, безъ тѣни какаго бы то ни было чувства.

Онъ тяжело поднялся со стула, взялъ шляпу и, пробормотавъ едва слышно:—Покройной ночи!—вышелъ изъ комнаты.

Пройдя улицу, онъ остановился на углу и вытащилъ изъ кармана пальто номеръ „Праздничнаго Чертога“.

Онъ перечелъ, слово за словомъ, всю свою статью, и затѣмъ—статью Томаса Трука, не обращая никакого вниманія и нисколько не смущаясь окружавшимъ его уличнымъ движеніемъ.

— Этотъ человекъ носитъ съ своею совѣстью,—произнесъ онъ почти вслухъ, докончивъ чтеніе.—Никогда не станеть онъ бить направо и налево все, что попадетъ на пути. У него есть молотъ, но нѣтъ мускуловъ...

Вотъ какія мысли занимали Фрюнделя въ то время, какъ онъ цѣлый вечеръ сидѣлъ молча у Ингольфъ.

ХІІ.

Дѣла въ редакціи шли довольно успѣшно, и хотя печать или замалчивала ихъ, или отдѣлывалась презрительными замѣчаніями, но это ихъ нисколько не разочаровывало и не задерживало ихъ работу.

Мало-по-малу новая газета стала оказывать нѣкоторое вліяніе, и скоро Гейнауіусъ, завѣдывавшій подпиской, объявилъ къ общему удовольствію, что и въ другихъ большихъ городахъ „Праздничный Чертогъ“ началъ завоевывать себѣ мѣсто. Но Томасъ скоро убѣдился въ томъ, какъ быстро таялъ собранный

капиталь, какъ огромны были издержки въ сравненіи съ тѣмъ, что получалось.

Самымъ вѣрнымъ товарищемъ Томаса была фрау Брозе. Она помогала ему въ его работахъ по редакціи и дѣлала все съ молчаливымъ спокойствіемъ, наводившимъ даже нѣкоторый ужасъ. Когда ея присутствіе было нужно, то она всегда оказывалась на лицо и обладала необычайной способностью работать. Она и сама писала для газеты. Это были удивительныя вещи; въ нихъ часто встрѣчались неровности мысли и неожиданности, но все было выражено съ необыкновенной силой и поражало самостоятельностью взглядовъ. Она обладала способностью къ ѣдкой критикѣ, всегда достигавшей цѣли, не знаящей окольныхъ путей и становившейся подъ часъ даже опасной. Редакторамъ „Праздничнаго Чертога“ это было на руку, особенно Гейнзіусу; для него тонъ статей никогда не былъ достаточно рѣзокъ. Въ редакціи часто затѣвались шумные споры. Томасъ стоялъ главнымъ образомъ за то, чтобы созидать, и часто говорилъ:

— Дѣти мои, я хочу вести людей въ праздничный чертогъ, пробудить въ нихъ радость жизни; я хочу, чтобы у каждого раскрылись глаза, и онъ увидалъ бы и понялъ, что жизнь прекрасна и свята. А вы мнѣ, вмѣсто праздничнаго чертога, устраиваете поле, покрытое трупами. Вы все разрушаете и радуетесь, видя вокругъ себя мусоръ и развалины.

На подобныя воззванія Гейнзіусъ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать:

— Вы мечтатель, и дѣло освобожденія и новое міровоззрѣніе нуждаются въ людяхъ, подобныхъ вамъ. Ну, а мы—гробовщики и хотимъ оставаться таковыми. Мечтать мы не желаемъ. Мы желаемъ гнѣть такія погребальныя гнѣсни, чтобы у васъ въ ушахъ зазвенѣло! Такому человѣку, какъ я, надо пользоваться временемъ.

Съ кѣмъ у Томаса выходили частыя столкновенія, такъ это съ Фрюнделемъ. Механикъ выискивалъ самыя утонченныя способы, чтобы оскорблять его, и подбиралъ нарочно слова, дѣлавшія ему больно.

Однажды онъ объявилъ ему:

— Вы просто нѣжненькій блондинчикъ и недотрога! Развалились себѣ въ креслѣ, да и провозносите сладкія рѣчи.

Томасъ выслушалъ его молча, но никогда еще друзья не видали его въ такомъ волненіи.

— Я знаю, на что вы намегаете,—выговорилъ онъ наконецъ,—но во всякомъ случаѣ не позволяю вамъ говорить со

мною такимъ тономъ. И почему вы набросились на меня? Потому что я воспротивился, чтобы въ „Праздничномъ Чертогѣ“ прославляли убійство императрицы Елизаветы. Я понимаю,— продолжалъ онъ, тяжело дыша,— что какой-нибудь человѣкъ съ пустой головой и голоднымъ желудкомъ подпадаетъ подъ вліяніе другихъ, теряетъ рассудокъ и отъ личныхъ терзаній и мученій переходитъ въ мысли, что убійствомъ можно создать лучшій порядокъ вещей... Я понимаю и то, что такой человѣкъ все время живетъ идеей мученичества и спасенія... Я все это понимаю, и считаю общество отвѣтственнымъ за то, что въ человѣческомъ мозгу могутъ такіа идеи расти и дозрѣвать до поступка. Но одобрять подобные поступки, выставять ихъ какъ примѣръ, достойный подражанія,—противъ этого я встаю и буду всегда возставать.

Въ этотъ день всѣ участники „Праздничнаго Чертога“ были въ сборѣ, и Томасъ ясно чувствовалъ, какое дѣйствіе оказали на всѣхъ его страстные, изъ души вырвавшіяся слова. Только на механика они не произвели никакого впечатлѣнія. Онъ стоялъ передъ нимъ, скрестивъ руки и холодно улыбаясь, и чуть замѣтно подмигивалъ Ингольфъ, испуганно глядѣвшей въ землю, но тотчасъ же поднявшей глаза, какъ только онъ взглянулъ на нее.

Она боялась его отвѣта и заранѣе не соглашалась ни съ однимъ его словомъ, но въ эту минуту, когда всѣ были противъ него, она его любила еще сильнѣе.

— Дѣло не въ томъ,—проговорилъ Фрюндель,—что я васъ оскорбилъ,—личные чувства въ подобныхъ случаяхъ для меня безразличны—мнѣ важно только знать, какъ относится къ такимъ вещамъ принципиально. Такъ какъ я террористъ, то смотрю на дѣло съ точки зрѣнія противоположной вашему взгляду. Я считаю подобный поступокъ не безуміемъ, не выходкой большого мозга, а послѣднимъ сознаніемъ безстрашнаго человѣка. Это не болѣе, какъ противоядіе,—прибавилъ онъ съ циничной улыбкой.—Это такъ же просто, какъ и то, что нѣкоторые люди неспособны дѣлать послѣдніе выводы изъ всѣхъ своихъ мыслей. Вы не поспѣете на меня, господинъ Томасъ Труба,—заклучилъ онъ иронически и слегка пожавъ плечами,—если я немного расхожусь съ вами во взглядахъ на этотъ счетъ.

Нѣсколько времени всѣ молчали, глубоко пораженные. Иногда еще Фрюндель не высказывался такъ открыто о подобныхъ вещахъ, и теперь онъ вселилъ во всѣхъ невольный ужасъ

къ себѣ. Даже Гейнзиусъ не могъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

„Этотъ человекъ все вычисляетъ математически, — подумалъ онъ, — а чувства у него ни на грошъ не осталось“, — и онъ украдкой взглянулъ сбоку на механика.

— Такъ вы террористъ? — спросилъ Блинскій.

Механикъ снисходительно улыбнулся. Онъ посмотрѣлъ почти сострадательно на маленькаго человѣчка, задавашаго ему съ такимъ страхомъ вопросъ и глядѣвшаго на него съ безпомощнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Я не могу ни усилить, ни ослабить того, что сказалъ, — отвѣчалъ онъ и кивнулъ Ингольфу, давая ей знать, что пора уходить.

Томасъ спокойно загородилъ ему дорогу.

— Я не хочу, чтобы между нами осталось какое-нибудь недоразумѣніе, и хочу все выяснить, прежде чѣмъ вы уйдете. Хорошо, что вышло между нами это объясненіе. Хорошо, что намъ стало ясно, гдѣ именно расходятся наши пути. Никогда не найдете вы поддержки вашимъ взглядамъ въ „Праздничномъ Чертогѣ“. Мы не хотимъ заводить смуту, и поэтому возстаемъ на васъ!

Механикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ крѣпко сжалъ губы и что-то едва замѣтно вздрагивало въ его лицѣ.

Ингольфъ безмолвно послѣдовала за нимъ.

— Вотъ вы увидите, — жалобно завопила Лиссауеръ послѣ продолжительнаго молчанія: — онъ на всѣхъ насъ бѣду навличеть!

— Замолчи! — грубо прикрикнулъ на нее мужъ: — и не суйся, куда тебя не спрашиваютъ!

Всѣ разошлись въ подавленномъ настроеніи, и долго еще раздумывалъ Томасъ надъ тѣмъ, что случилось. Онъ понималъ, что на Фрюнделя повліять невозможно, и эта непоколебимая замкнутость механика очень беспокоила его.

XIII.

Лирсъ ходилъ взадъ и впередъ возлѣ одной изъ безвкусныхъ кирпичныхъ церквей, которыми такъ богатъ Берлинъ. Онъ дождался Юзефу.

Полуденное солнце освѣщало темносѣрыя башни и отражалось въ окнахъ домовъ.

Воалѣ церкви стоялъ старикъ на костыляхъ. Онъ не былъ похожъ на обыкновеннаго нищаго. Во всей его фигурѣ чувствовалось благородство, и если кто-нибудь изъ прохожихъ подавалъ ему милостыню, то онъ благодарилъ едва замѣтнымъ, гордымъ наклоненіемъ головы.

Лирсъ внимательно посмотрѣлъ на него и замечтался: „Можетъ быть, это какой-нибудь разорившійся князь или графъ. Стоитъ онъ теперь на своихъ костыляхъ и думаетъ о тайнѣ жизни или вспоминаетъ давно прошедшія счастливыя времена. Даже въ самой его манерѣ просить милостыню есть извѣстная грація и достоинство. У него это превращается въ своего рода искусство. Надо хорошенько запомнить его позу и движеніе, — это можетъ мнѣ пригодиться въ будущемъ“.

Въ это время воалѣ церкви появилась Гервингъ. Лирсъ поспѣшилъ ей на встрѣчу. Онъ совершенно забылъ о нищемъ, но молодая дѣвушка съ загадочнымъ выраженіемъ лица посмотрѣла на калѣку, вынула портмонэ и высыпала все, что въ немъ было, въ блѣдную какъ воскъ руку старика. Не здороваясь съ Лирсомъ, она быстро проговорила:

— Ну, теперь пойдите.

— Зачѣмъ вы отдали ему всѣ ваши деньги?

— Зачѣмъ? Вы думаете, я сдѣлала это изъ доброты? О, нѣтъ, — она энергично покачала головой. — Я просто дала обѣщаніе отдать первому встрѣчному нищему все, что заработала вчера... Мнѣ хотѣлось хоть разъ принести маленькую жертву. Можетъ быть, это и поможетъ.

— Я просто внѣ себя!

— Почему это?

— Потому что вы все думаете о немъ.

Отъ злобы его красивое лицо покрылось пятнами. Она грустно и серьезно посмотрѣла на него, но онъ не понялъ этого взгляда.

Помолчавъ немного, она спросила:

— Ну, что же вы разузнали?

— Все говорить?

— Все, — отвѣчала она и стиснула зубы.

Онъ сдѣлалъ искусственную паузу.

— А что мнѣ за это будетъ?

Все ея лицо выразило мучительное безпокойство.

— Вы не должны теперь меня терзать, — отвѣчала она повелительно. — Говорите!

— Ну, хорошо.

Онъ вытащилъ изъ кармана маленькую записную книжку и прочелъ;

— „Въ четвергъ, въ семь часовъ, онъ пришелъ къ Ингольфу, оставался у нея до половины десятого. Въ пятницу пришелъ къ ней въ половинѣ восьмого, оставался этотъ разъ всего десять минутъ. Въ субботу свиданія не было, въ воскресенье также. Въ понедѣльникъ онъ явился въ семь часовъ и вышелъ отъ нея въ двѣнадцать“. Я подкупилъ горничную, но она не могла мнѣ многого сообщить. Иногда онъ читаетъ у нея, иногда пишетъ. Они говорятъ другъ другу „ты“ — это она слышала — и, несомнѣнно, находятся въ близкихъ отношеніяхъ. Довольно съ васъ?

Она молчала. Все лицо ея вздрагивало, и она прижимала къ себѣ крѣпко стиснутыя руки. Онъ видѣлъ ея страданія, еще увеличивавшія ея красоту, и на мгновеніе забылъ свою страсть. Видъ ея внушалъ ему почти благоговѣнное чувство, но это продолжалось недолго, и онъ закричалъ въ бѣшенствѣ:

— Какъ вы можете любить такого идиота? Я знаю, что говорю! Еслибы онъ не былъ идиотомъ, то понялъ бы...

Она не дала ему договорить и бросилась отъ него почти бѣгомъ. Онъ хотѣлъ послѣдовать за ней, но остановился и только посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

„Да люблю ли я ее по настоящему?.. Да, — отвѣчалъ ему внутренней голосъ: — я сплю гораздо меньше и таскаюсь изъ-за нея по улицамъ; а когда подумаю о ней, то меня начинаетъ бить лихорадка“.

Преобладающимъ чувствомъ въ немъ была ненависть къ Фрюнделю, къ этому вретину, къ этому ограниченному негодю, не понимавшему, что значитъ красота. И за такимъ-то человекомъ бѣгали женщины! Ему вспомнилась его жена.

— Что мнѣ за толкъ отъ этой толстухи? — почти громко простоналъ онъ, — хотя она и добра ко мнѣ, кормитъ меня до отвала. Она не знаетъ, не подозреваетъ даже, что во мнѣ творится.

Продолжая раздумывать такимъ образомъ, онъ очутился передъ большимъ рестораномъ.

„Вотъ это отлично!“ — подумалъ онъ и вошелъ.

Въ ресторанѣ было столько народа, что онъ съ трудомъ досталъ себѣ мѣсто.

Въ этомъ ресторанѣ собиралась самая разнообразная публика со всѣхъ концовъ Берлина: офицеры, туристы, биржевики, доктора, комми-вожеры и т. д. Всѣхъ привлекали половинныя порціи, стоявшія семьдесятъ-пять пфенниговъ. Люди съ ограничен-

ными средствами приобретали здѣсь въ собственныхъ глазахъ огромное значеніе, потому что сидѣли рядомъ съ важными господами.

Лирсъ заказалъ себѣ бутылку рейнвейна, порцію икры, трюфелей, артишоковъ и половину омара. Только разъ живешь на свѣтѣ, такъ ужъ надо позаботиться о себѣ. Если страдаешь отъ любви, то необходимо поддерживать свой организмъ хоть питаніемъ. Онъ налилъ себѣ прозрачнаго, свѣтлаго вина и выпилъ его залпомъ. Сидѣвшіе рядомъ съ любопытствомъ разсматривали красиваго молодого человѣка съ блестящими живыми глазами и печальнымъ лицомъ. Всѣхъ удивило его меню. Онъ замѣтилъ это, и ему было пріятно, что на него обращаютъ вниманіе.

Толстая дама, вся въ брилліантахъ, бросала на него влюбленные взгляды, но онъ сурово покосился на нее. „Этого еще недоставало! Довольно съ меня и моей. Собственно говоря, съ моей стороны низко, что я ее такъ мало цѣню. Всѣ окружающіе сказали бы, что я долженъ быть ей благодаренъ... А почему собственно я долженъ быть ей благодаренъ?.. Все это однѣ глупости... И вѣдѣмъ это я порчу такое прекрасное вино отвратительными вопросами? Теперь я дурно думаю о моей женѣ, а черезъ часъ я, можетъ быть, буду цѣловать ее въ толстыя щеки, позволять ей нянчиться со мной и находить ее милой и доброй... И это также будетъ правда“...

Вдругъ ему ясно представилась Юзефа. Онъ глубоко вдохнулъ и залпомъ выпилъ второй стаканъ вина.

XIV.

Бывали дни, когда Томасу казалось, что онъ не выдержитъ огромной работы, взятой имъ на себя. „Праздничный Чертогъ“ долженъ былъ не только критиковать,—его задача состояла въ томъ, чтобы создать идеалъ свободы и, вмѣсто разрушеннаго и отвергнутаго, дать нѣчто положительное. Въ редакціи стали устраиваться вечера, какъ прежде въ „Ночниѣ“, для обсужденія разныхъ вопросовъ. На эти вечера приглашались и посторонніе гости.

Большая заслуга Фрюнделя состояла въ томъ, что онъ умѣлъ придавать этимъ собраніямъ опредѣленное направленіе. На нихъ систематически изучали нѣкоторыхъ мыслителей-реформаторовъ, служившихъ путеводителями для участниковъ новой газеты. Фрюндель самъ прочелъ нѣсколько послѣдовательныхъ рефератовъ о

Дюрингъ. Эти рефераты появились потомъ, въ сокращенной формѣ, въ „Праздничномъ Чертогѣ“.

Томасъ хотѣлъ совсѣмъ оставить занятія медициной, но Брозе сумѣла удержать его отъ исполненія этого намѣренія.

— У васъ впереди уже почти достигнутая цѣль, для которой вы работали годами, и вы не имѣете права бросать ее. Вы не знаете, что ждетъ васъ въ будущемъ.

Еще болѣе, чѣмъ усиленная работа, безпокоили Томаса его денежные дѣла. Несмотря на крайнюю экономію и бережливость, деньги такъ и таяли на глазахъ, потому что, кромѣ изданія газеты, нужно было содержать себя и Гейнзіуса. Брозе работала до изнеможенія, но отказывалась упорно отъ всякаго гонорара, увѣряя, что зарабатываетъ еще другимъ путемъ и умоляя, чтобы ей не отравляли жизнь подобными разговорами.

Въ одинъ прекрасный день Томасъ рѣшился и написалъ отцу, что ему необходимо получить весь свой капиталъ.

Съ волненіемъ ждалъ онъ отвѣта, такъ какъ Брозе заявила ему, что денегъ хватитъ всего на три номера газеты.

Дни проходили, и за днями слѣдовали бессонныя ночи. Томасъ думалъ о томъ, что отвѣчаетъ за все предпріятіе, и что ни подъ какимъ видомъ не долженъ уступать и поддаваться труднымъ обстоятельствамъ.

Однажды вечеромъ, оставивъ записку Брозе, онъ вышелъ изъ редакціи и отправился на вокзалъ. Онъ пріѣхалъ какъ разъ во время: черезъ пять минутъ поѣздъ долженъ былъ отойти. Вагоны были почти пусты; поѣздъ останавливался на всѣхъ маленькихъ станціяхъ, и Томасъ только утромъ доѣхалъ до мѣста. Когда онъ вышелъ изъ вагона на платформу, то начальникъ станціи, постарѣвшій и посѣдѣвшій, бѣгло взглянулъ на него, не узнавая. И никто не узнавалъ его на родинѣ. Съ особеннымъ то-ссливымъ чувствомъ шелъ онъ по улицамъ родного городка. Прохожіе оглядывали его съ удивленіемъ... для всѣхъ онъ былъ чужой, и самъ чувствовалъ себя чужимъ, оторваннымъ отъ родной почвы. Наконецъ онъ подошелъ къ саду... Онъ почувствовалъ, какъ задрожали его колѣни. Ворота стояли настежь. Онъ вошелъ во дворъ. Ему казалось, что сейчасъ войдутъ Тамара и Беттина въ бѣлыхъ платьяхъ и протянутъ ему руки... Какъ измѣнился садъ! Онъ былъ совсѣмъ запущенъ, необработанъ и весь заросъ. Только большія деревья все еще стояли на своихъ мѣстахъ. Издали онъ увидалъ и прудикъ, сѣрый, грязный, покрытый тиной и порослью. Но красота сада не исчезла. Дикій и запущенный, онъ сталъ даже еще удивительнѣе, своеобразнѣе

и великолѣпнѣе. Томасу отворила горничная и спросила, что ему нужно, но онъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ мимо нея въ комнату. Въ ней никого не было; черезъ минуту раздались тяжелые шаги, и появился отецъ. Онъ остановился въ дверяхъ и вскрикнулъ отъ удивленія. Видъ его поразилъ Томаса. Онъ очень растолстѣлъ, и лицо у него сдѣлалось красное и опухшее, какъ у пьяницы. Но на этомъ лицѣ преобладало властное, самоувѣренное выраженіе, появляющееся у провинціальныхъ и деревенскихъ докторовъ, сознающихъ свою необходимость и значительность.

— Здравствуй!—сказалъ Томасъ, когда отецъ подошелъ къ нему ближе.

Они подали другъ другу руки, но въ позатиі отца Томасъ почувствовалъ что-то холодное и враждебное.

Нѣсколько времени они молчали.

— Ты, повидимому, любишь неожиданности,—проговорилъ наконецъ докторъ.

— Ты знаешь, зачѣмъ я пріѣхалъ,—отвѣчалъ Томасъ:— мнѣ необходимы деньги. Я напрасно прождалъ твоего отвѣта.

Красное лицо доктора покраснѣло еще больше.

— Я знаю, зачѣмъ тебѣ нужны деньги, для какой достойной цѣли.—И съ притворнымъ гнѣвомъ онъ ударилъ мясистымъ кулакомъ по столу.—Миленькія вещи ты устраиваешь, нечего сказать. Ты хочешь всю жизнь себѣ испортить изъ-за этихъ дурацкихъ писаній?—Онъ остановился и вызывающе посмотрѣлъ на Томаса, но тотъ ничего не отвѣтилъ ему. Онъ такъ ясно чувствовалъ, что у нихъ не было ничего общаго, и поэтому всякія объясненія казались ему бесполезными. Онъ даже не могъ сердиться на отца, но его спокойствіе еще усилило злобу доктора. —Знаешь ли ты, что компрометируешь меня своими вздорными выходками противъ существующаго порядка вещей? Было бы тебѣ извѣстно, что я—окружной врачъ, королевскій чиновникъ и представитель городского собранія.—И вдругъ, смутившись упорнымъ молчаніемъ Томаса, онъ прибавилъ болѣе сдержанно:—Можетъ быть, ты дашь мнѣ все-таки отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ?

— Нѣтъ,—тихо отвѣчалъ Томасъ,—этого я не стану дѣлать.

Злоба овладѣла докторомъ.

— Я бы хотѣлъ только знать, на основаніи какихъ это геніальныхъ возврѣній возражаешь ты противъ здраваго смысла, порядка и законовъ! Еще можно было бы понять, еслибъ это дѣлалъ какой-нибудь великій человѣкъ, а то вдругъ всякій болванъ сумасбродный...

Онъ испуганно остановился: ему вспомнилось, какъ, много лѣтъ тому назадъ, онъ хотѣлъ смирить Томаса, и какъ Тамара заступилась за сына. Ему показалось, что въ лицѣ молодого человѣка появилось угрожающее выраженіе, и онъ весь съѣжился подъ его взглядомъ.

Горькая улыбка появилась на губахъ Томаса, и, опустивъ глаза, онъ проговорилъ:

— Я не хотѣлъ говорить съ тобою обо всемъ этомъ. Мнѣ казалось это бесполезнымъ, но, можетъ быть, мы видимся въ послѣдній разъ, и поэтому я тебѣ отвѣчу. Я не разбойникъ, не мятежникъ и не гениальный человѣкъ. Послѣднее мнѣ и въ голову никогда не приходило. Я только вѣрю въ человѣческое развитіе и въ добро. Я борюсь за такіе взгляды и вопросы, которые были созданы гораздо раньше меня. Я это знаю. Но все это и во мнѣ жило съ дѣтства, тогда еще какъ темное стремленіе. Теперь же для меня многое стало ясно, и я стараюсь это ясное перенести въ жизнь и въ дѣло. Правда должна быть общимъ достояніемъ, у всѣхъ должно явиться сознательное отношеніе къ жизни. Если человѣкъ хочетъ быть просто человѣкомъ, то вы всѣ начинаете рычать, что онъ разыгрываетъ изъ себя генія, или же считаете его за настоящаго дурака.—Его лицо просвѣтлѣло, и онъ улыбнулся тихой, вроткой улыбкой.— Это ужъ приходится брать на себя,—заклучилъ онъ спокойно.

Докторъ смотрѣлъ на него, совершенно ничего не понимая. Сынъ былъ слишкомъ непохожъ на него. Ему даже начинало становиться скучно, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣздъ Томаса беспокоилъ его.

— У меня нѣтъ денегъ,—объявилъ онъ рѣзко и совершенно неожиданно.

Въ эту минуту въ комнату вошла толстая женщина. Недовѣрчиво покосилась она на Томаса. Она была неряшливо одѣта и растрепана.

— Это Томасъ,—смущенно и робко сказалъ докторъ.

Она подошла ближе и протянула молодому человѣку свою жирную руку съ плохо разыгранной довѣрчивостью, что ему очень не понравилось.

Наступило неловкое молчаніе.

Докторъ сдѣлалъ женщинѣ знакъ, и она удалилась. Томасъ замѣтилъ, что въ присутствіи этой увѣсистой особы самоуверенность отца совершенно исчезла.

Когда они остались одни, онъ произнесъ съ усиленіемъ:

— Какъ ты хочешь, а я непременно долженъ получить деньги.

Мѣдно-красное лицо доктора страшно поблѣднѣло.

— У меня нѣтъ больше денегъ,—завричалъ онъ въ себя:— я ихъ всѣ потерялъ!

— Но это невозможно,—выговорилъ Томасъ.

Ему казалось, что онъ проваливается въ темную бездну.

Объемистая фигура доктора вдругъ точно уменьшилась; въ немъ появилось что-то жалкое, трусливое, онъ весь согнулся и сгорбился. Въ безсвязныхъ, запутанныхъ выраженіяхъ сталъ онъ рассказывать цѣлую исторію о какихъ-то спекуліціяхъ. Томасъ ничего не понималъ въ подобныхъ дѣлахъ. Для него стало ясно только одно: деньги пропали.

— Если ты съ такимъ состраданіемъ относишься ко всѣмъ людямъ,—заклучилъ докторъ, съ лубавой ноткой въ голосѣ,— то долженъ пожалѣть прежде всѣхъ меня.

Томасъ тяжело поднялся съ мѣста.

— Я хочу знать, можешь ли ты мнѣ достать хоть сколько-нибудь денегъ,—проговорилъ онъ твердо и рѣзко.

— Пять тысячъ марокъ у меня наберется,—нерѣшительно отвѣчалъ отецъ.

— И это все?

Докторъ молча кивнулъ головой.

Томасъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу съ низкими домами, на черепичныя крыши и зеленныя ставни. Вся эта сцена была мучительна ему. Снова оглянувшись на отца, онъ увидалъ, что тотъ дрожалъ отъ страха какъ въ лихорадкѣ.

— Если ты мнѣ тотчасъ же достанешь эти деньги, то я отказываюсь отъ всего остального,—спокойно произнесъ онъ.

— Я достану, это я могу,—поспѣшно отвѣчалъ докторъ.— Я, какъ только получилъ твое письмо...—Онъ не договорилъ и схватилъ Томаса за руку.— Милый мой,—проговорилъ онъ удрученнымъ тономъ и подозрительно оглядѣлся.— Мальчикъ мой,—его голосъ понизился до шопота:—еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ... какъ все это случилось... я... я...—онъ слабо застоналъ, и въ горлѣ у него что-то заклокотало.

Томасъ мучился невыносимо. Отецъ, вѣроятно, почувствовалъ это и овладѣлъ собою. Они прошли въ сосѣднюю комнату. Тамъ къ нимъ на встрѣчу поднялась плотная молодая дѣвушка, румяная, здоровая и своимъ большимъ чувственнымъ ртомъ и черными жадными глазами очень похожая на мать. Послѣдняя тоже вошла въ комнату и быстро оглядѣлась, желая убѣдиться, все ли въ порядкѣ.

Молодая дѣвушка съ нескрываемымъ любопытствомъ разсматривала Томаса.

— Это твоя сестра, — съ усиленіемъ улыбаясь, выговорилъ докторъ, причеиъ Томасу показалось, что онъ боится и дочери.

Женщина широко разсѣлась на диванѣ, оперлась руками въ колѣни и произнесла непринужденнымъ, презрительнымъ тономъ:

— Большихъ глупостей онъ тутъ понадѣлалъ... всё-то деньги... Ну, да что ужъ тутъ говорить!

Томасъ направился къ двери. Больше онъ не могъ выдерживать, — что-то душило его въ этомъ домѣ.

— Я еще долженъ зайти къ пастору, — глухо выговорилъ онъ. Никто не сталъ его удерживать.

„Вотъ какъ мы съ нимъ встрѣтились!“ — думалъ онъ, выйдя на улицу, и глубоко вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ.

Робко постучался онъ у дверей пасторскаго дома. Черезъ минуту онъ стоялъ передъ своимъ старымъ другомъ. Они сжимали другъ другу руки и не произносили ни слова... Имъ было такъ радостно и такъ больно.

Для пастора десять лѣтъ такъ же не прошли безслѣдно. Виски его посѣдѣли, но доброе лицо его не измѣнилось, — такое же оно было кроткое, торжественное и серьезное.

— Это ты! — проговорилъ онъ наконецъ, оглядывая Томаса и весь сіяя отъ счастья. — Еслибы ты зналъ, мой милый мальчикъ, мой милый большой мальчикъ, — продолжалъ онъ сердечно, — какъ я все время радовался заранѣе этому свиданью! Подожди немного!

Онъ пошелъ и распорядился, чтобы имъ подали вина.

— Надо отпраздновать наше свиданье!

Онъ самъ разлилъ вино по стаканамъ, и Томасъ замѣтилъ, какъ дрожала его красивая худая рука.

Они говорили о многомъ, но во всѣхъ ихъ рѣчахъ чувствовалось имя Тамары.

— Я покажу тебѣ одну вещь...

Пасторъ отперъ пультъ и вынулъ небольшой овальный портретъ Тамары въ ранней молодости.

Томасъ вѣялъ его и долго разсматривалъ.

— Когда меня не станетъ, то этотъ портретъ вернется къ тебѣ, а пока оставь его у меня, — сказалъ пасторъ.

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки за спину, потомъ остановился передъ Томасомъ и положилъ ему руки на плечи.

— Всѣмъ сердцемъ радуюсь я за тебя; твой путь — правый

путь! Каждое слово, написанное тобою, исходитъ изъ глубины твоей души. Товарищамъ твоимъ я не вполне сочувствую. Въ ихъ тонѣ есть что-то мучительное. Въ нихъ я тоже чувствую сильную волю, но мнѣ больно за нихъ. Можетъ случиться,— прибавилъ онъ медленно,— настанетъ время, когда ты и съ ними разстанешься. Не огорчайся этимъ и старайся не заблуждаться въ одиночествѣ! Одинокій путь часто приводитъ къ широкимъ горизонтамъ.

Чувство необъятной радости охватило Томаса. Оно рождало въ немъ слезы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимало его высоко надъ землею.

„Я не заслужилъ этого“,—мелькнуло у него въ головѣ.

Уже стемнѣло, когда они разстались. Прямо отъ пастора Томасъ прошелъ въ садъ, на могилу Тамары. Туманы поднимались отъ земли, трава была покрыта вечерней росой.

— Милая .. милая... милая...—шепталъ онъ, ставъ на колѣни и склоняясь къ могилѣ. Потомъ быстро всталъ и пошелъ въ домъ.

Хозяйка и ея дочь встрѣтили его холодно и враждебно, но онъ даже не замѣтилъ ихъ, и въ одиннадцатомъ часу снова вышелъ изъ дома. Ему хотѣлось поспѣть къ ночному поѣзду. Прощанье съ отцомъ было короткое, но, пожимая въ послѣдній разъ другъ другу руки, они въ первый разъ почувствовали взаимную близость.

„Онъ страдаетъ, онъ страдаетъ“,—повторялъ самъ себѣ Томасъ, и ему казалось, что онъ вполне понялъ отца.

XV.

— Ингольфъ дома?

Горничная съ удивленіемъ посмотрѣла на вошедшую.

— Я хотѣла сказать: фрейлейнъ Ингольфъ,—быстро поправила та.

— Пожалуйте.

На Юзефѣ было свѣтлое платье изъ тонкой шолковой матеріи, блестящее какъ японскій шелкъ. На плечи была накинута черная шаль, доходившая до колѣнъ. Платье было съ довольно большимъ вырѣзомъ, обнажавшимъ ослѣпительной бѣлизны шею.

На головѣ была надѣта соломенная шляпа, съ загнутыми полями, завязывавшаяся лентами, а на ногахъ—бѣлые бальные башмаки. Когда она шла по улицѣ, то всѣ на нее оглядывались, но она этого не замѣчала.

Она остановилась въ дверяхъ, опираясь на тонкій, длинный зонтикъ.

Въ первую минуту она произвела на Ингольффъ впечатлѣніе очаровательнаго видѣнія, но, взглянувъ въ неподвижныя, широко раскрытыя глаза молодой дѣвушки, она испугалась. Она молча указала ей на стулъ, и сама сѣла противъ нея.

Гервингъ медленно сняла шляпу, положила въ сторону зонтикъ, вынула изъ кармана маленькой платокъ и обтерла свое разгоряченное лицо. Потомъ пододвинулась совсѣмъ близко къ стулу Ингольффъ.

— Я хочу знать, зачѣмъ вы у меня его украли.— Она говорила это очень медленно, поблѣввшими губами.— У васъ все есть: вы богаты, занимаетесь; чего вамъ еще надо?

Ингольффъ не двигалась. Она вздрагивала при каждомъ словѣ, какъ отъ ударовъ хлыста.

— Вы думаете, что меня можно попросту выпшвырнуть вонъ?— Юзефа судорожно и глухо засмѣялась.— Нѣтъ, это не такъ-то легко... Вы знаете, въ какихъ мы съ нимъ отношеніяхъ?

Ингольффъ молча наклонила голову.

— Ну хорошо, вы это знаете, и все-таки его...

Вдругъ Ингольффъ встала, вся дрожа.

— Я этого не хотѣла,—воскликнула она подавленнымъ тономъ.— Я... я... вы сами должны знать, что съ нимъ лишаешься всякой воли!

Юзефа знала это, но въ эту минуту ей было пріятно слышать отъ другой подтвержденіе того, что она сама испытывала. Чувство это, однако, быстро исчезло.

— Этотъ человѣкъ,—проговорила она мрачно,—взялъ меня силой... я принадлежу ему, а онъ—мнѣ. Я не потерплю,—нѣтъ, я этого не вынесу!—прибавила она страстно.

Она тоже встала и нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ.

Ингольффъ слѣдила съ напряженіемъ за каждымъ ея движеніемъ.

— Что же дѣлать?—проговорила она вдругъ безпомощно и покорно.

— Что дѣлать?—Гервингъ остановилась.— Вы должны оставить насъ... должны уйти!

Ингольффъ слегка покачала головой.

— Этого я не могу,—я просто не могу этого сдѣлать!

— Значитъ, вы не хотите?

— Я не могу,—повторила она, и въ голосѣ ея почувствовалось страданье.

Онъ долго молча смотрѣли другъ на друга, занятые обѣ своими собственными неясными, спутанными мыслями и своимъ общимъ горемъ.

Наконецъ, Юзефа рѣшила прибѣгнуть къ другому способу, чтобы повліять на Ингольфъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, если вамъ угодно знать: вѣдь и вы ему очень скоро надоѣдите.

Ингольфъ посмотрѣла на нее грустными глазами и проговорила:

— Я знаю!

— Знаете? Отлично! Въ такомъ случаѣ, вы должны знать, что въ немъ нѣтъ ни капли жалости... онъ любитъ только самого себя. Хорошъ молодецъ, нечего сказать!—прибавила она съ ненавистью.— Низкій, подлый человѣкъ!

— Нѣтъ,—возразила Ингольфъ,—вы сами не вѣрите тому, что говорите. Онъ только несчастный.

— Несчастный? Онъ другихъ несчастными дѣлаетъ, хотите вы сказать? — Она сжала кулаки и такъ близко подошла къ Ингольфъ, что та испугалась.

— Еслибъ онъ увидѣлъ,—прошептала она,—что его мать родная или собственный ребенокъ издыхаетъ, то и тогда пальцемъ бы не двинулъ, могу васъ увѣрить. Онъ подлецъ, низкій подлецъ!.. Еслибъ имѣть хоть немного гордости, — продолжала она, какъ бы про себя,—тогда дать бы ему пинка ногою, плюнуть въ лицо и отправиться себѣ своей дорогой... Но въ томъ-то и дѣло, что гордости нѣтъ...

Ингольфъ покачала головою.

— Я все это отлично знаю,—отвѣчала она и, помолчавъ, прибавила:—Я нужна ему. Я это чувствую. Для меня онъ,—выговорила она едва слышно,—не то, что для васъ: не преступникъ... для меня онъ—несчастный человѣкъ... и, кромѣ того, я его люблю...

— А что вы станете дѣлать, когда онъ васъ броситъ?

— Что я стану дѣлать?.. Вѣроятно, я буду работать!

— Васъ радуетъ ваша работа?

— Да!

— Ну, а мое занятіе вы знаете?

Ингольфъ молча наклонила голову.

Гервингъ медленно надѣла шляпу, долго возилась съ лентами, взяла свой зонтикъ, постояла еще немного, глядя на свои бѣлые башмаки, и, наконецъ, направилась къ двери. Тамъ она остановилась.

— Желаю вамъ счастья,—выговорила она и вдругъ крикнула страшнымъ, угрожающимъ голосомъ, болѣзненно отозвавшимся въ мозгу Ингольфу:—Только не пришлось бы вамъ плохо! Черезъ мгновенье ея уже не было въ комнатѣ.

Во дворѣ Юзефа остановилась, вынула изъ кармана маленькую бутылочку, наполненную купоросомъ, и долго смотрѣла на зеленую жидкость.

„Почему я не вылила ей этого въ лицо?“—подумала она безъ всякаго ужаса, сунула бутылочку обратно въ карманъ и быстро вышла на улицу. Опять всѣ стали оборачиваться на нее,—всѣхъ поражала ея красота, странный костюмъ и граціозная, легкая, повачивающаяся походка. Какой-то господинъ пошелъ за нею и хотѣлъ завязать разговоръ, но она посмотрѣла на него такимъ отсутствующимъ взглядомъ, что онъ тотчасъ же отсталъ.

„Что онъ нашелъ въ ней такого?“—думала она:—развѣ что умъ... онъ вѣдь тоже уменъ, только уменъ... уменъ...“—она повторяла это слово, вкладывая въ него всю свою муку, все свое бѣшенство. На перекресткѣ она остановилась. Было около двѣнадцати часовъ,—въ это время онъ каждый день проходилъ здѣсь.

Скоро онъ дѣйствительно показался изъ-за угла. Она окликнула его, но онъ не оглянулся. Она позвала его громче, и тогда только онъ поднялъ голову и подошелъ къ ней, насмѣшливо сощуривъ глаза.

— Ты, кажется, собралась въ маскарадъ?

— Да, я собралась въ маскарадъ!

— Отлично! Желаю тебѣ побольше веселиться!

— Дай Богъ!—отвѣчала она торжественно.

— Недурной костюмъ—довольно пикантный! Кто это тебѣ его подарилъ? Должно быть, какой-нибудь щедрый господинъ?

Она чувствовала, что мѣняется въ лицѣ, то краснѣеть, то блѣднѣть. Ей хотѣлось вонзить ногти ему въ шею и задушить его, и ее поразило собственный спокойный голосъ:

— Я сама купила этотъ костюмъ, по грошику откладывала на него. Я хочу съ тобой танцевать, мы вмѣстѣ отправимся въ маскарадъ!

— Ты, кажется, съ ума сошла!

— Да, я съ ума сошла!

„Она въ самомъ дѣлѣ помѣшалась“,—рѣшилъ механикъ и ускорилъ шаги. Онъ не говорилъ больше ни слова, а Юзефа едва слышно напѣвала какую-то пѣсенку. Онъ разсмѣивалъ слѣдующія слова:

„Ты, майскій жукъ, лети же, ну!
Отець уѣхалъ на войну;
Мать въ Померанію лѣтъла,
Но Померанія сторгъла“.

Теперь для Фрюнделя стало ясно: она разыгрывала съ нимъ поддую комедію.

Они молча поднялись на лѣстницу въ его комнату.

— Чего тебѣ, собственно, нужно отъ меня?

— Чего мнѣ нужно?—она весело разсмѣялась.—Тебя, тебя мнѣ нужно!

Ея упорство раздражило его.

— Я никому не принадлежу, кромѣ самого себя,—понимаешь?

— А при чемъ же Ингольфъ?

— Это тебя не касается!

Она опустила глаза.

— Гдѣ же ты пропадалъ всѣ эти дни? Ты и не подумалъ о томъ, каково мнѣ было!

— И не подумалъ... и вообще надо положить этому конецъ!

— Да, надо положить этому конецъ!

Онъ удивился.

— Въ такомъ случаѣ разстанемся мирно и тихо, если ты это серьезно говоришь.

Глаза ея засверкали; она вдругъ протянула руки, порывисто обняла его и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Ты и я... я и ты!

Онъ съ силой оторвалъ ее отъ себя.

— Ты психически больна,—проговорилъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва.—У тебя просто навязчивыя идеи.

— Навязчивыя идеи?.. Моя любовь—навязчивая идея?

— Да, и ничего больше! Если бы меня сегодня хватило парализъ, то ты утѣшилась бы, дитя мое, и завтра же бросилась бы на шею къ другому! Это—старая исторія!

Она молчала и, не отрываясь, глядѣла на него. Наконецъ, улыбка появилась на ея губахъ. Она все улыбалась и улыбалась, а врачки ея двигались то въ одну, то въ другую сторону. Жуткая и загадочная это была улыбка.

Съ нам. П—на С—ва.

Н. М. МАРТЪЯНОВЪ

И

МИНУСИНСКІЙ МУЗЕЙ

1877—1902 г.

10-го января текущаго года, въ одномъ изъ пунктовъ историческихъ „отдаленныхъ мѣстъ“ произошло крупное культурное событіе, на которое, по нашему мнѣнію, не было обращено должнаго вниманія.

Мы говоримъ о двадцатипяти-лѣтнемъ юбилеѣ Минусинскаго музея, пользующагося широкою популярностью въ Сибири, извѣстнаго и въ Европѣ, но мало извѣстнаго въ Европейской Россіи.

Послѣднее обстоятельство и заставляетъ насъ говорить объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи, важномъ не только въ научномъ отношеніи, но и служащемъ доказательствомъ громадной роли личности въ дѣлѣ общественной культуры.

Въ самомъ дѣлѣ, при подавляющемъ еще преобладаніи у насъ „медвѣжьихъ угловъ“, отдѣльныя личности сплошь и рядомъ теряются, попавъ въ какія-либо дебри; у нихъ, какъ говорится, сразу „опускаются руки“, и, въ концѣ концовъ, онѣ или бѣгутъ, если могутъ, изъ захолустьевъ, или—что чаще встрѣчается—незамѣтно сживаются съ окружающими условіями и тонуть въ обывательской средѣ.

Между тѣмъ, исторія Минусинскаго музея показываетъ, что нѣтъ такой глуши, въ которой энергичная личность съ организаторскимъ талантомъ и любовью къ намѣченной дѣлѣ не могла

бы произвести просто чудесь, заставить идти за собою все население.

Но прежде чѣмъ излагать исторію Минусинскаго музея, познакомимся съ г. Минусинскомъ и его округомъ, имѣющими самую тѣсную, органическую связь съ музеемъ. Вообразите себѣ жалкій городишко, заброшенный къ границамъ дикой Монголіи, далеко въ сторонѣ даже отъ большой сибирской дороги; прибавьте къ этому, что къ городишку не проведенъ телеграфъ, почта приходитъ только два раза въ недѣлю и издающіяся въ Европейской Россіи газеты приходится читать черезъ мѣсяцъ по ихъ выходѣ, а весной, когда разливаются рѣки сибирскія,—и того позже; ви́шній видъ городка—мизерный, сѣрый; ближайшія окрестности—тоскливыя: песчаная равнина, покрытая жалкою растительностью. Таковъ и былъ именно Минусинскъ, окружный городъ енисейской губерніи, когда, 28 лѣтъ тому назадъ, прибылъ въ него, въ качествѣ провизора единственной на весь округъ аптеки, Николлай Михайловичъ Мартяновъ.

У кого бы не содрогнулась душа въ этой ямѣ! Кто бы не потерялъ послѣднюю надежду на возможность какой бы то ни было культурной работы тотчасъ по въѣздѣ въ этотъ „городъ“! Ничего подобнаго не случилось со скромнымъ провизоромъ. Мало того,—онъ скоро убѣдился, что подъ общимъ сѣрымъ фономъ общественной жизни Минусинска таятся пригодныя силы для будущаго труда.

Дѣло въ томъ, что Минусинскъ и округъ его съ давнихъ поръ были и есть излюбленнымъ мѣстомъ для ссылки государственныхъ преступниковъ и сектантовъ. Здѣсь были и декабристы ¹⁾, и петрашевцы ²⁾, и поляки тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и повдѣе, до самаго послѣдняго времени, не переставали высылаться русскіе политическіе ссыльняе.

Нужно ли говорить, что высокой образовательный уровень этихъ пришельцевъ не могъ, въ концѣ концовъ, не отразиться благоприятно, если не на всей обывательской средѣ, то на значительномъ процентѣ жителей г. Минусинска и округа.

И въ самомъ городѣ, и въ округѣ встрѣчались лица, учителями которыхъ были декабристы, поляки давней ссылки, или если не учителями, въ буквальномъ смыслѣ, то, такъ сказать,

¹⁾ Изъ декабристовъ здѣсь проживали: братья Бѣляевы, братья Крюковы, Мозгалевскій, Тютчевъ.

²⁾ Самъ Петрашевскій.

образчиками культуры въ разныхъ ея проявленіяхъ ¹⁾. Сektанты, особенно рационалисты, также, несомнѣнно, содѣйствовали нѣ-которому пробужденію мысли въ массахъ населенія ²⁾.

Трудно, конечно, дать строгій анализъ воздѣйствія этихъ элементовъ на обывательскую среду, но одно вѣрно, что ими создана была извѣстная атмосфера, которая, по меньшей мѣрѣ, не сопротивлялась культурнымъ начинаніямъ, а скорѣе относилась къ нимъ сочувственно.

Что касается политическихъ осмысленныхъ послѣдняго времени, проживавшихъ и проживающихъ въ городѣ, то они въ особен-ности могли послужить культурной работѣ. До пріѣзда Н. М. Мартыанова никто не обращалъ вниманія на эти силы, какъ никто не интересовался, помимо личныхъ цѣлей, богатствомъ и разно-образіемъ минусинскаго округа.

Послѣдній занимаетъ самую южную часть енисейской гу-берніи,—простираясь на 320 верстъ въ длину,—отъ китайской границы до ачинскаго (той же енисейской губ.) округа ³⁾, и со всѣхъ сторонъ окруженъ болѣе или менѣе высокими горами, главнымъ образомъ Саянскимъ хребтомъ (съ юга, запада и частью съ востока) и Кузнецкимъ Алатау (съ сѣвера и востока).

Въ естественно-историческомъ отношеніи минусинскій округъ можно раздѣлить на три части. Западная часть, по лѣвой сто-ронѣ р. Енисей,—проходящаго черезъ весь округъ съ ю. на с.,—представляетъ холмистую степь съ почвою солонцеватого, песча-ною, глинистою, съ многочисленными прѣсными и солеными озерами; степь покрыта характерною, некрасивою на видъ, но весьма питательною растительностью, вслѣдствіе чего здѣсь раз-вито, главнымъ образомъ, скотоводство, хотя многія прирѣч-ныя долины совершенно пригодны и для земледѣлія. Восточная часть рѣзко отличается отъ западной: горная, возвышенная, она изобилуетъ роскошною лѣсною и луговою растительностью, при-чемъ склоны горъ обладаютъ хорошимъ черноземомъ, способ-ствующимъ земледѣлію, которымъ жители и занимаются. Нако-нецъ, крайніе южные, юго-западные и юго-восточные предѣлы округа представляютъ вполнѣ горную страну, сибирскую Швей-царію съ дѣвственною, роскошнѣйшею и разнообразною расти-

¹⁾ Намъ приходилось слышать въ Минусинскѣ, что домъ декабристовъ, будто бы, послужили вообще образчиками для домовъ тѣхъ минусинскихъ обывателей, которые строились послѣ.

²⁾ См. нашу статью: „Сектанты минусинскаго округа“. „Дѣло“ 1884, № 3.

³⁾ По Швейцеру, минусинскій округъ занимаетъ площадь въ 2.186 кв. миль, по Гагемейстеру—11.522.336 десят., по Стрѣльбицкому—9.738.657 десят.

тельностью и со всеми предестями альпійской страны: свѣж-ныя вершины горъ, сверкающія среди темно-зеленыхъ таежныхъ великановъ, шумныя горныя рѣчки, тихія, чистыя, глубокія озера на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ и т. д. Эта часть—исключительно лѣсная, во многихъ мѣстахъ почти непроходимая и во всякомъ случаѣ мало изслѣдованная ¹⁾).

Такия естественно-географическія условія округа сосредоточили въ предѣлахъ его какъ разнообразныя флору и фауну,—степную, культурно-земледѣльческую, лѣсную и альпійскую,—такъ точно и минеральныя богатства: золото, серебро, мѣдъ, желѣзо, каменный уголь, соль, свинцовыя, марганцевыя и сурьмяныя руды, киноварь и проч. Эти же условія способствовали и разнообразію занятій современнаго населенія—скотоводствомъ, земледѣліемъ, охотою, промышленностью, торговлею,—а также съ незапамятныхъ временъ привлекали сюда разные народы, оставившіе по себѣ богатѣйшіе наглядные слѣды въ видѣ заброшенныхъ рудниковъ, громаднаго количества могилъ, каменныхъ памятниковъ, надписей на камняхъ, кургановъ, городищъ и т. д. Предполагаютъ, что всѣ эти памятники принадлежатъ обитавшимъ здѣсь со временъ христіанской эры, если не ранѣе, предкамъ киргизъ, извѣстныхъ по китайской лѣтописи V в. по Р. Хр. подъ именемъ хакасовъ и вили-кидзи ²⁾).

Современный этнографическій составъ минусинскаго округа также весьма разнообразенъ. Помимо русскихъ, впервые проникшихъ сюда около 300 лѣтъ тому назадъ (въ 1613 г.), здѣсь обитаетъ множество инородческихъ племенъ, носящихъ общее названіе „татаръ“: качинцы, камасинцы, сагайцы, визильцы, кайбалы, барагасы и др. Кастренъ причисляетъ ихъ къ алтайской группѣ народовъ, но раздѣляетъ на нѣсколько вѣтвей: монгольскую, тюрескую, самоѣдскую и финскую.

Большинство этихъ инородцевъ считаются официально христіанами; на самомъ дѣлѣ шаманствующіе идолопоклонники являются среди нихъ преобладающими ³⁾).

Даже изъ этого, болѣе чѣмъ поверхностнаго, очерка минусинскаго округа можно убѣдиться, что для наблюдательнаго чело-вѣка онъ представлялъ настоящій владъ. Достаточно было хотя немного оріентироваться въ немъ, чтобы не оставалось со-

¹⁾ См. нашу статью: „Причины сибирскаго застоа“ (письма о минусинскомъ округѣ). „Сибирь“ 1886, №№ 2—4, 6—8.

²⁾ См. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XIX, стр. 400.

³⁾ См. нашу статью: „Среди сибирскихъ инородцевъ“. „Русск. Вѣд.“, 1890, № 121.

мѣннiя въ рѣдкомъ разнообразiи и несмѣтномъ богатствѣ матеріаловъ для музея.

Все это увидѣлъ проникательный Н. М. Мартыановъ и, тотчасъ по прiѣздѣ, приступилъ къ работѣ, отдавши ей всего себя, заразилъ своею энергіею, своимъ необычайнымъ трудолюбіемъ всѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, поставивъ на ноги все населеніе.

Съ послѣднимъ знакомился онъ въ своей аптекѣ, куда по базарнымъ днямъ стекалось многое множество народа, потому что, какъ мы уже выше сказали, минусинская аптека обслуживала весь округъ. Приготавливая лекарства, Мартыановъ одновременно любезно бесѣдовалъ со своими посѣтителями, которые сообщали ему разныя свѣдѣнiя изъ всѣхъ мѣстъ округа, и просилъ ихъ доставить ему то то, то другое для будущаго музея, а большею частью даже и не опредѣлялъ, что именно привезти ему, а просто предлагалъ доставлять *все*, что, такъ сказать, бросится въ глаза. Одновременно, въ свободное время, знакомился онъ съ обывателями г. Минусинска, съ купцами, промышленниками, которые по своимъ дѣламъ объѣзжали округъ, проникали въ Монголію, и всѣхъ обложили данью, не исключая и дѣтей, которые за свои приношенiя получали гостинцы.

И сразу дождемъ полились на Мартыанова самыя разнообразныя предметы.

Въ то же время и самъ онъ, какъ только выдавалась свободная минута, отправлялся въ окрестности Минусинска и занимался собираніемъ матеріаловъ для коллекцій, главнымъ образомъ изъ царства растительнаго. Это большею частью удавалось ему дѣлать только по утрамъ, пока не являлись въ аптеку посѣтители, и притомъ самое короткое время, такъ какъ у Мартыанова не было помощника, а при этихъ условiяхъ провизорская работа—чистая каторга: нѣтъ ни минуты покоя ни днемъ, ни ночью, потому что непременно что-нибудь являлся за лекарствомъ. Когда отдыхалъ этотъ странный провизоръ, вѣчно занятый массою работы—это для многихъ составляло предметъ основательнаго удивленiя. Нужно ли говорить, что въ первое время, какъ это всегда бываетъ, населеніе смотрѣло на занятіе Мартыанова какъ на непонятную затѣю, а способъ накопленiя матеріаловъ возбуждалъ иронию и со стороны болѣе культурныхъ классовъ. И, дѣйствительно, на первыхъ порахъ эти матеріалы напоминали Плюшкинскія кучи, среди которыхъ немало было ненужнаго хлама. Но скоро Н. М. Мартыановъ вдохнулъ жизнь

въ этотъ хламъ, и когда появились первыя очертанія его творенія, всё поняли, къ чему стремился скромный провизоръ.

Это случилось въ 1877 году, т.-е. всего только черезъ три года послѣ прибытія Мартянова въ Минусинскъ. Именно въ этомъ году онъ принесъ въ даръ городу: 1.272 предмета естественно-историческаго отдѣла, 55 — технического, 35 — антропологическаго и 90 книгъ, картинъ и т. под. ¹⁾.

Дума съ благодарностью приняла пожертвованіе, отвела помѣщеніе для храненія предметовъ, избрала особую комиссію для завѣдыванія будущимъ музеемъ и постановила ходатайствовать объ официальномъ открытіи его. Когда ходатайство утѣчалось успѣхомъ, дума избрала постоянный комитетъ, — въ составъ котораго, въ качествѣ члена-распорядителя, вошелъ и Н. М. Мартяновъ, — причеиъ выработанъ былъ уставъ музея, задачи котораго опредѣлялись всецѣло вторымъ параграфомъ, который гласить, что назначеніе музея: „а) служить сборнымъ пунктомъ для свѣдѣній о мѣстныхъ естественныхъ и промышленныхъ произведеніяхъ, а также о бытовыхъ особенностяхъ жителей минусинскаго и смежныхъ округовъ; б) служить складочнымъ мѣстомъ для коллекцій и книгъ, имѣющихъ научное значеніе, и в) служить по мѣрѣ возможности къ распространенію, черезъ посредство своихъ коллекцій и книгъ, естественно-научныхъ и техническихъ знаній вообще и касающихся минусинскаго округа въ частности“.

Въ 1879 году музей получилъ первое денежное пособіе въ размѣрѣ 776 руб.; въ 1880 г. городская дума постановила ассигновать ежегодно на нужды музея по 200 руб., а подписка въ библиотекѣ, имѣвшей въ названномъ году уже около 4.000 томовъ, дала въ то же время 300 рублей.

Такимъ образомъ фундаментъ музея былъ заложенъ, будущность до нѣкоторой степени обезпечивалась. Теперь можно было уже подумать о научной постановкѣ музея, о расширеніи и дальнѣйшемъ правильномъ развитіи.

Тутъ-то Н. М. Мартяновъ обратилъ вниманіе на новыя интеллектуальныя силы, начавшія съ конца семидесятыхъ годовъ приливать въ Минусинскъ и округъ изъ Европейской Россіи. Быстро опредѣляя способности каждаго по отношенію къ своему излюбленному дѣлу, онъ всѣмъ находилъ соотвѣтственную работу, что и содѣйствовало успѣху послѣдней.

¹⁾ См. нашу статью: „Минусинскій публичный музей и библиотечка“ („Сѣверн. Вѣстникъ“, 1892, № 2).

Однимъ изъ первыхъ работниковъ былъ князь А. А. Кропоткинъ ¹⁾. Затѣмъ, въ хронологическомъ, приблизительно, порядкѣ идутъ: Д. А. Клеменць, который, помимо работъ въ музеѣ и изслѣдованій въ округѣ, составилъ замѣчательный трудъ: „Древности минусинскаго музея“; А. И. Венцовскій; Г. П. Андреевъ—собиратель флоры минусинскаго округа; г. Лукашевичъ, принимавшій близкое участіе въ постройкѣ зданія для музея; г. Булановъ, производившій метеорологическія изслѣдованія и написавшій потомъ: „Климатическія условія Енисейской губерніи“; Н. П. Евстифеевъ—модельщикъ; М. А. Евстифѣева—художница; П. А. Аргуновъ, производившій изслѣдованія о землѣдѣліи въ минусинскомъ округѣ; Е. К. Яковлевъ, сдѣлавшій описаніе этнографическаго отдѣла музея и составитель части каталога бібліотеки музея; П. Пешекеровъ; А. Н. Маваревскій; г. Столповскій—составитель каталога бібліотеки и завѣдывавшій метеорологическою станціею; Ф. Я. Конъ, составившій „Историческій очеркъ 25-лѣтія Минусинскаго музея“; Е. В. Барамзинъ, описавшій для каталога музея остатки древней керамики, найденной въ могилахъ ²⁾.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ музей ютился въ частномъ помѣщеніи, не имѣя возможности какъ слѣдуетъ расправить свои крылья. Наконецъ, въ 1889 г. Минусинскъ украсился прекраснымъ каменнымъ зданіемъ, спеціально выстроеннымъ для музея. Съ этого времени развитіе послѣдняго уже не встрѣчало препятствій.

Этимъ, однако, работа Н. М. Мартянова не ограничивалась: нужно было еще привлечь вниманіе ученыхъ Россіи и Европы, обмѣняться съ ними мыслями, предметами и сочиненіями. Но, послѣ всего сдѣланнаго, учредителю Минусинскаго музея уже не трудно было заручиться не только вниманіемъ и помощью со стороны представителей науки, а даже желаніемъ лично ознакомиться съ знаменитымъ учрежденіемъ. Этому способствовали какъ описанія музея, составленныя Н. М. Мартяновымъ, посы-

¹⁾ Въ словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. XVI а, стр. 826) о Кропоткинѣ не вѣрно сообщено, будто онъ прямо высланъ былъ въ „томскую губернію, гдѣ и застрѣлился“. Сначала А. А. сосланъ былъ въ Минусинскъ, затѣмъ *переведенъ* изъ Минусинска въ самый городъ Томскъ (а не въ томскую губернію), гдѣ, дѣйствительно, застрѣлился.

²⁾ Что касается смыльныхъ поляковъ, у насъ не имѣется свидѣній объ участіи ихъ въ дѣлѣ развитія музея, но хорошо знаемъ, что и они оказывали ему содѣйствіе. Такъ, напр., г. Войцеховскій доставилъ въ музей найденный на его золотыхъ приискахъ черепъ ископаемаго Воя. Затѣмъ, припоминается намъ художникъ, оказавшій немалыя услуги музею, и др.

лаемня имъ коллекціи, такъ, особенно, трудъ Д. А. Клеменца, о которомъ мы уже упоминали: „Древности Минусинскаго музея“, и прекрасный атласъ при немъ.

Въ заключеніе, приводимъ выдержки изъ корреспонденціи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1902, № 28), по поводу 25-лѣтія Минусинскаго музея.

„Это былъ дѣйствительно праздникъ города, а не только учрежденія. Магазины были закрыты, улицы украсились флагами, учащіяся были освобождены отъ занятій. Въ торжественномъ за-сѣданіи комитета музея, въ собственномъ зданіи его, произнесены были рѣчи, прочитаны адреса, привѣтственные телеграммы, вызывавшіе восторженное одобреніе многочисленной публики. Всѣ поздравленія и выраженія признательности съ удивительнымъ единодушіемъ подчеркиваютъ общественно-культурное значеніе музея. Западно-сибирскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества говоритъ въ своемъ адресѣ: „Въ періодъ значительнаго пониженія темпа общественной жизни, разочарованій, сомнѣній, унынія, въ періодъ, когда свободно раздается только призывъ назадъ да проповѣдь эгоизма и отживающей морали, въ дни ополченія на науку всѣхъ темныхъ силъ, которымъ угрожаетъ гибелью ея развитіе,—отрадно, утѣшительно остановить вниманіе на явленіи, свидѣтельствующемъ, что любовь къ наукѣ и человѣчеству не изсякла и что энергичная частная инициатива ярко обнаруживаетъ себя даже въ отдаленнѣйшей глуши“. Перечисливъ затѣмъ научныя заслуги основателя музея и отмѣтивъ его умѣнье пробуждать къ дѣятельности общественныя силы, адресъ продолжаетъ: „Преслѣдующій цѣли не только научныя, но и общеобразовательныя, Минусинскій музей привлекъ и объединилъ вокругъ себя множество совершенно безвѣстныхъ, но безкорыстныхъ и полезнѣйшихъ работниковъ изъ всѣхъ классовъ населенія и разросся на удивленіе современникамъ и потомству“. Столь же сочувственно высказываются и другіе адреса (отъ Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, Красноярскаго подотдѣла его, Общества енисейскихъ врачей и др.). Приведемъ только отрывки изъ адресовъ сотрудниковъ музея и публики. Сотрудники музея—случайные, невольные обыватели Минусинска—говорятъ, обращаясь къ Н. М. Мартянову: „Оторванные отъ жизни и тѣхъ интересовъ, которые составляли ея содержаніе, здѣсь, въ Минусинскѣ, въ васъ и созданномъ вами музеѣ мы нашли частичку того, чего лишились. Вы и музей дали намъ возможность продуктивно работать на нивѣ науки и просвѣщенія. Вы и музей создали благоприятныя усло-

вія для этой работы“. Почитатели Н. М. Мартянова такъ мотивируютъ свое право участвовать въ юбилейныхъ привѣтствіяхъ: „Мы не участвуемъ въ созиданіи науки, мы не производители ея, но мы пользуемся ея плодами, мы—потребители науки. Мы сознательные потребители ея, когда обращаемся къ ней за разрѣшеніемъ вопросовъ, которые ставятъ намъ практика жизни или любознательность. Но въ еще большей степени мы ея бессознательные потребители. Изъ крупницъ знанія, изъ отдѣльныхъ лучей свѣта, вносимыхъ наукою въ жизнь, накопляется та великая живая сила, которая называется культурой, которая все болѣе отдаляетъ цивилизованное общество отъ состоянія дикарей и приближаетъ его къ истинно-человѣческому общежитію. Далекіе отъ спеціальной науки, мы живѣе всего чувствуемъ это повышение общаго культурнаго уровня, для насъ оно всего важнѣе“. И минусинцы привѣтствуютъ въ лицѣ Н. М. Мартянова служителя культуры. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ членъ комитета музея В. П. Лютошко намѣчаетъ дальнѣйшія задачи музея: онъ долженъ увеличить число сознательныхъ „потребителей науки“, стать учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ слова народнымъ. Для этого музей долженъ добиться еще права свободно обращаться къ посѣтителямъ съ живымъ словомъ и путемъ лекцій и объясненій расширить свою аудиторію.

„Официально праздновался юбилей *музея*, но фактическимъ виновникомъ торжества былъ его основатель и безсмѣнный завѣдующій *Николай Михайловичъ Мартяновъ*. Его съ энтузіазмомъ привѣтствовала собравшаяся публика и къ нему обращены всѣ письменныя выраженія привѣта и благодарности“...

„Публика видѣла рядомъ человѣка и его дѣло, и эта наглядность сообщила особенную теплоту и искренность празднеству. Но минусинское и вообще сибирское общество выразило свою благодарность почтенному юбиляру не только оваціями и словами, но и дѣломъ. Въ честь его открытъ въ г. Минусинскѣ при Обществѣ попеченія о начальномъ образованіи дѣтскій пріютъ имени Мартянова. При музей учреждается постоянный капиталъ имени Мартянова, доходъ съ котораго долженъ быть употребляемъ на экспедиція для дальнѣйшаго изученія края. Последний способъ чествованія, конечно, самый пріятный для Николая Михайловича. И сибиряки уже доказали свою отзывчивость на общепользныя дѣла; 400 рублей дохода уже обезпечено“.

Добавимъ еще, что музей обладаетъ теперь уже вполне солидными средствами: отъ минусинской городской думы—5.021 руб.,

правительственное пособие—5.565 руб., частных пожертвованій—30.426 руб., а всего—41.012 рублей. Сравните эту сумму съ 776 руб., полученными Мартяновымъ въ 1879 году!

Въ настоящее время Минусинскъ, вонечно, уже не тотъ, что былъ 28 лѣтъ тому назадъ: къ нему, напримѣръ, проведенъ теперь телеграфъ, начали ходить пароходы по Енисею и пр. Но все-же, не только съ западно-европейской, но и съ точки зрѣнія Европейской Россіи, и до сихъ поръ городъ этотъ представлялъ бы страшное захолустье, еслибы не было въ немъ музея съ библіотекою при немъ. Эти же учрежденія сдѣлали Минусинскъ однимъ изъ культурныхъ городовъ, какихъ немного въ нашемъ обширномъ отечествѣ. И все это сдѣлано благодаря энергіи, уму и организаторскому таланту одного человѣка...

И. Бѣловонскій:

ПОЛОЖЕНІЕ МЕЛКАГО КРЕДИТА

ВЪ

ПЕТЕРБУРГѢ.

О ЧЕРКѢ.

I.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, житель Петербурга не имѣлъ, да и не могъ имѣть понятія о тѣхъ удобствахъ жизни, о томъ комфортѣ, которымъ мы окружены теперь, а о необходимости удовлетворенія санитарныхъ требованій, о гигиенѣ, никто и не помышлялъ въ то отдаленное отъ насъ время. Но, съ другой стороны, хорошая квартира, въ восемь, десять комнатъ, стоила тогда не дороже двадцати рублей въ мѣсяць, фунтъ говядины—двѣ копейки, курица—пять копѣекъ, сажень дровъ березовыхъ—семьдесятъ-пять копѣекъ и т. д. Теперь, правда, мы ѣдимъ зато по гладкимъ, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ частяхъ, и содержимымъ въ чистотѣ улицамъ города, окаймленнаго сплошными линиями громаднхъ каменныхъ домовъ, у которыхъ фасады замѣняются сверкающими выставками роскошныхъ магазиновъ; по улицамъ, освѣщеннымъ вечеромъ огнями сильныхъ источниковъ свѣта въ уличныхъ канделябрахъ, дополняемыхъ огненными радугами, въ буквальномъ смыслѣ, иллюминированныхъ магазиновъ и ресторановъ; посреди этого богатаго, изящнаго городского комфорта, вы видите волнующуюся по широкимъ тротуарамъ лентой толпу горожанъ, фланирующихъ или, какъ муравьи, озабоченно бѣгущихъ по своимъ будничнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ; но когда вы всмотритесь

въ мелькающіе мимо типы малокровія, неврастенія, вырожденія, скуки отъ пресыщенія, — ваша мысль невольно возвращается къ картинамъ городского прошлаго: да, были времена и не знавали тѣхъ изысканныхъ удобствъ, того разнообразія въ пользованіи наслажденіями, и физическими, и духовными, какими можетъ пользоваться въ наше время каждая ничтожная единица толпы, могущественная, какъ составная частица одного цѣлаго громаднаго организма: роскошные парки, знаменитые галереи и музеи, художественныя зрѣлища, публичныя бібліотеки и популяризація всѣхъ знаній и искусствъ, преодоленіе пространствъ и готовые отвѣты газетъ на всѣ запросы текущей мысли, — все это собираютъ въ себѣ и все даютъ современные города каждому встрѣчному, — имѣющему въ карманѣ деньги. Но безъ денегъ въ современномъ городѣ, гдѣ всѣ отрасли производства и всѣ виды возможности приложеній своего труда и познаній переполнены предлагающими свои услуги, живется хуже, чѣмъ жилось прежде, а потому теперь, какъ сказалъ поэтъ:

Nach Golde drängt
Am Golde hängt
Doch Alles! Ach, wir Armen!

— „Ахъ, бѣдные мы!“ — но вѣдь бѣдность, въ сущности, — понятіе весьма относительное и опредѣляется только сравненіемъ съ богатствомъ, подобно тому какъ условія городского благоустройства начала прошлаго вѣка поражаютъ насъ своимъ убожествомъ только потому, что мы сравниваемъ ихъ съ комфортомъ наружной обстановки современнаго города; съ другой стороны, людское счастье зависитъ не отъ внѣшнихъ условій и не отъ количества богатства, а отъ многихъ другихъ причинъ, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ, въ его душѣ; еслибы это было не такъ, то „князья міра сего“ и богатые не знали бы горя, а бѣднымъ не были бы доступны минуты чистой радости и истиннаго счастья; а между тѣмъ мы отлично знаемъ, что бѣднякъ можетъ быть неизмѣримо счастливѣе вельможи и миллионера... Но когда у человѣка совсѣмъ нѣтъ средствъ, и при этомъ нѣтъ даже возможности добывать поденнымъ трудомъ средства первой необходимости, чтобы удовлетворить насущнымъ своимъ потребностямъ, то тогда является уже положеніе абсолютной бѣдности, т.-е. нищеты, — положеніе, разбивающее человѣческую личность; оно ввергаетъ человѣка въ отчаяніе, въ пороки, преобразуетъ его почти въ состояніе голодающаго животнаго. Бѣднякъ, въ особенности проживающій въ большомъ городѣ, можетъ, безъ всякой съ его стороны вины, впасть въ такую нищету. Вотъ почему уже съ древнѣйшихъ временъ вопросъ объ оказаніи пособій трудящемуся бѣдному люду и о предупрежденіи нищеты былъ

однимъ изъ главныхъ предметовъ всеобщихъ заботъ. Въ Россіи, какъ и за-границей, въ древности, около монастырей нерѣдко возникали цѣлыя нищенскія слободы. Но этотъ принятый церковью способъ призванія нищихъ, въ свою очередь, развивалъ вредныя для государства и общества тунеядство и промыселъ нищенства. По слѣдамъ церкви шла потомъ частная благотворительность. Правительства, какъ западно-европейскихъ государствъ, такъ и наше, ощупью искали средствъ для предупрежденія и уничтоженія нищенства. Регистрировались отношенія между нанимателями и рабочими, издавались таксы, устраивались работные дома, привлекались къ пособіямъ общины, откуда являлись впашіе въ нищету; но всѣ эти попытки оказывались болѣе добронамѣренными, чѣмъ результатными, а въ годы общественныхъ бѣдствій казались—впадшимъ въ нищету массамъ изъ рабочаго люда—какой-то безцѣльной забавой, пустой игрой въ благотворительность и гуманность. Французская революція сразу разрушила всѣ благотворительныя учрежденія этого рода, и, отобравъ ихъ имущества и капиталы въ казну, объявила всѣхъ постоянныхъ и временныхъ нищихъ кредиторами государства, а государство—ихъ должникомъ, исходя изъ того принципа, что каждому гражданину принадлежитъ право имѣть защиту и помощь со стороны государства, а правительство обязано доставлять работу гражданамъ, не находящимъ труда. Эта утопія, конечно, такъ и осталась утопией, и послѣдствіемъ закона 1793 года былъ только неслыханный ранѣе въ исторіи Франціи періодъ абсолютной безпомощности бѣдныхъ.

Провозглашенный социалистами принципъ: *droit au travail—droit à l'existence*, или: право на трудъ есть право на существованіе,—вызвалъ, между прочимъ, теоретическіе анализы явленій безработицы: С.-Симонъ, Фуррье, Прудонъ и др. послѣдователи социалистическихъ и коммунистическихъ доктринъ пришли къ парадоксальному заключенію, что только полнымъ разрушеніемъ основъ современной общественной жизни и пересозданіемъ всѣхъ социальныхъ и имущественныхъ отношеній людей можно будетъ предупредить нищету. Но всѣ ученія и образцовые фаланстеры теоретиковъ лопнули, какъ мыльные пузыри, при первыхъ опытахъ, при первомъ соприкосновеніи съ практической жизнью. И передъ общественнымъ сознаніемъ предсталъ вновь во всей наготѣ прежній вопросъ: какъ предупредить впаденіе бѣдняка въ нищету, безъ всякой съ его стороны вины?

При современныхъ условіяхъ общественной жизни, признаются три главныхъ причины нищеты: 1) недостатокъ работы, 2) неспособность къ работѣ по болѣзни или дряхлости, и 3) недостатокъ кредита для поддержанія развитія труда или рабочей силы.

Первая причина, въ настоящее время, болѣе или менѣе, устра-

нается въ городахъ съ развитіемъ городского благоустройства, успѣшнѣйшій ходъ котораго вызываетъ общественныя и частныя строительныя, ремесленныя, заводскія и фабричныя работы, оживляетъ и разнообразитъ потребности городской жизни, привлекаетъ наплывъ извнѣ людей съ достаткомъ, съ ихъ прихотями, тратами и т. п.; вторая причина устраняется, по возможности, сберегательными, пенсіонными кассами, больничнымъ призрѣніемъ, богадельнями и т. п. Наконецъ, средствомъ для устраненія третьей, въ наше денежное время, нерѣдко важнѣйшей причины обнищанія, — недостатка кредита, — является созданіе для живущаго своимъ трудомъ, неимущаго городского обывателя, дешеваго, мелкаго личнаго кредита.

Извѣстна, поражавшая нѣкогда своимъ нѣскольکو рѣзкимъ эффектомъ, но въ основѣ справедливая, заключительная фраза рѣчи, произнесенной въ 1872 г., въ собраніи императорскаго вольно-экономическаго общества, заслуженнымъ землемъ 60-хъ годовъ, княземъ А. И. Васильчиковымъ: „отказывать народнымъ массамъ въ кредитѣ — это все равно, что отказывать народу въ правосудіи“. Недостаткомъ такого дешеваго, мелкаго кредита страдаетъ особенно нашъ городъ Петербургъ, и потому мы и остановимся исключительно на вопросѣ: какимъ образомъ можно было бы если не вовсе устранить, то значительно ослабить эту третью, важнѣйшую причину обнищанія люда, способнаго къ труду, но не имѣющаго дешеваго кредита?

II.

Всматриваясь въ положеніе мелкихъ хозяевъ, торговцевъ, разносчиковъ, ремесленниковъ, кустарей, лицъ интеллигентныхъ профессій — какъ-то, художниковъ, техниковъ, журналистовъ, учителей, врачей и прочихъ петербуржцевъ, трудящихся и борющихся собственными силами, въ меньшинствѣ — за приложеніе къ жизни своихъ знаній, дарованій, энергіи, а въ большинствѣ — только за право существованія, — приходишь къ убѣжденію, что въ настоящее время въ Петербургѣ только два пути полученія этими труженниками оборотныхъ средствъ, для достиженія намѣченныхъ ими цѣлей: или прибѣгать къ ростовщичеству, или пользоваться услугами ломбардовъ. Кредитъ въ частныхъ коммерческихъ банкахъ, по весьма понятнымъ причинамъ, закрытъ для не-денежныхъ клиентовъ. Операціи этихъ банковъ, главнымъ образомъ, касаются интересовъ крупной промышленности и торговли, нерѣдко международнаго значенія, и размѣниваться такимъ банкамъ на мелкій кредитъ, вызывающій обсужденіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ назначенія просимой маленькой ссуды и кредитоспособности (въ обширномъ значеніи этого слова) cadaго мелкаго клиента, который явится

въ тысячахъ, и которому форма кредита подъ учетъ векселей—сложна.—дѣло совершенно не подходящее. Люди не тѣ, да и широты финансовыхъ замысловъ тутъ несоразмѣрны. Государственный банкъ, въ свою очередь, прежде всего занятъ регулированіемъ денежнаго обращенія въ странѣ и воспособленіемъ общими финансовыми мѣропріятіями торговлѣ и промышленности, а засимъ онъ уже нисходитъ до ссудныхъ операций, причемъ государственный банкъ, разумѣется, не можетъ широко развивать выдачу ссудъ непосредственно отдѣльнымъ жителямъ страны. Итакъ, остаются—или ростовщикъ, или ломбардъ. Кредитъ ростовщика—распространяться излишне—это, за самыми рѣдкими исключеніями, мертвая петля; въ тому же не каждому удастся и найти эту петлю, а найдя ее, прежде чѣмъ затянуть петлю, набѣгаешься и накланяешься ростовщику. Что касается ломбардовъ, то, строго говоря, они не могутъ быть названы ни дешевымъ, ни кратко- ни долгосрочнымъ видомъ мелкаго кредита.

Ломбардъ требуетъ заклада вещи, а преобладающее большинство трудящагося люда можетъ закладывать только малоцѣнную рухлядь и тряпье. При этомъ, операции ломбардовъ неизбѣжно изъемятъ изъ народнаго употребленія громадное количество имущества, въ ущербъ народному благосостоянію и въ ущербъ самой стоимости этого имущества. Зайдите въ кладовыя даже казенныхъ и частныхъ ломбардовъ, ссудныхъ и т. п. кассъ, принимающихъ въ закладъ лишь болѣе цѣнныя вещи, и вы изумитесь количеству и качеству вещей, принесенныхъ сюда бѣдняками за ссуду маленькой суммы денегъ. И всѣ эти вещи, въ этихъ кладовыхъ и чуланахъ, лежатъ большею частью подолгу и нерѣдко портятся безъ употребленія, теряютъ свою цѣнность, а при каждомъ перезалогѣ переоцѣниваются все ниже и ниже, и въ результатѣ обнаруживается, въ сложности, громадная потеря въ имущественныхъ цѣнностяхъ городского населенія.

Въ доступности въ городѣ мелкаго кредита исключительно только подъ вещи заключается даже нѣчто оскорбительное для человѣческаго достоинства, ибо тутъ кредитъ, т.-е. довѣріе, оказывается не силамъ и способностямъ человѣка, не его нравственной личности, а принадлежащей ему вещи. Съ другой стороны, ломбарды для своей организациі требуютъ громадныхъ капиталовъ. Мелкія ссуды убыточны даже для частныхъ капиталистическихъ акціонерныхъ ломбардовъ, взимающихъ по своимъ уставамъ, у насъ въ Россіи, до 24% годовыхъ. Выступающіе въ конкуренцію съ акціонерными ломбардами городскіе ломбарды не въ силахъ безъ убытка взимать по вещнымъ ссудамъ менѣе 13% годовыхъ, въ виду значительности процентовъ на основной капиталъ, расходовъ на администрацію, помѣщенія, магазины, кладовыя и проч. Убытки отъ аукціонныхъ продажъ просро-

чиваемыхъ закладовъ предупреждаются въ ломбардахъ чрезмѣрно понижаемой оцѣнкой вещей, приносимыхъ бѣдняками въ закладъ. Выгодность результатовъ дѣятельности городского ломбарда, прямо пропорциональная размѣру его оборотовъ, обусловливается прогрессивнымъ увеличеніемъ его оборотнаго капитала и увеличеніемъ расходовъ на открытіе все большаго и большаго числа отдѣленій его въ разныхъ частяхъ города. За первый годъ существованія петербургскаго городского ломбарда, когда въ оборотѣ его былъ капиталъ въ 400.000 рублей, убытокъ выразился въ суммѣ 60.000 рублей; за второй годъ, когда въ оборотѣ былъ весь реализованный, специально для ломбарда, заемъ въ 1 милл. руб.,—убытокъ выразился уже только въ суммѣ 30.000 руб.; въ третій годъ, когда оборотная касса ломбарда въ лѣтніе мѣсяцы оскудѣла до предѣловъ необходимости отказа въ ссудахъ, городская дума, скрѣпя сердце, при сильной оппозиціи многихъ гласныхъ и при весьма большой натяжкѣ съ формально законной точки зрѣнія, разрѣшила ломбарду текущій счетъ изъ текущихъ средствъ города въ 500.000 рублей, и годовой убытокъ опредѣлился уже всего только въ нѣсколько тысячъ рублей. На четвертый годъ городской ломбардъ требуетъ уже 2 милліона рублей оборотнаго капитала, и сулитъ эру будущей безубыточности его операций. Кто поживетъ—увидитъ...

Никто не станетъ спорить, что заботы города должны распространяться на облегченіе условій заклада бѣдняками вещей, такъ какъ, несомнѣнно, этотъ видъ кредита будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ въ городѣ имущіе и неимущіе классы населенія. Но какъ бы ни были организованы городскія ссудныя кассы для заклада движимыхъ имуществъ, онѣ, требуя отъ города большихъ жертвъ, вовсе не обезпечиваютъ народныхъ массъ въ необходимомъ имъ кредитѣ, въ истинномъ значеніи этого слова, т.-е. въ довѣрїи денегъ *человѣку*, а не его *вещи*.

Спрашивается, однако, какимъ же кредитомъ можетъ пользоваться чело­вѣкъ, не имѣющій никакого имущества? Вѣдь такой чело­вѣкъ, казалось бы, никакихъ гарантій не представляетъ для займо­давца.

Такъ казалось и политико-экономической наукѣ, которая долгое время не допускала другого мелкаго кредита, кромѣ вещнаго. Но на­шлось, наконецъ, и въ политико-экономической области лицо, ко­торое приобрѣло право, по примѣру Архимеда, воскликнуть: „эврика!—нашелъ“! Это былъ Шульце изъ Саксонїи, который, по имени своего роднаго маленькаго уѣзднаго городка Делича, гдѣ онъ былъ мировымъ судьей, получилъ прибавку къ фамиліи—Шульце-Деличъ. Родился онъ въ 1808 году, умеръ въ 1883 году. Въ Берлинѣ сооруженъ ему, по все-

народной подпискѣ, великолѣпный памятникъ, аллегорически выражающій распространеніе идей народной взаимопомощи въ трудовой производительности и въ кредитѣ.

III.

Неимущему, трудящемуся человѣку,—говорилъ Шульце-Деличъ,—нужно найти залогъ, который бы вполне замѣнялъ вѣрностью залогъ вещественный. Залогомъ этимъ можетъ быть взаимное ручательство передъ заимодавцемъ нѣсколькихъ такихъ труженниковъ, обладающихъ извѣстными нравственными качествами—ихъ круговая другъ за друга порука.

Такое рѣшеніе вопроса, казавшагося до того времени неразрѣшимымъ, было такъ просто, такъ ясно и очевидно, что представители всѣхъ научныхъ лагерей согласились съ Шульце-Деличемъ, и спорили только о подробностяхъ примѣненія его принципа къ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы всѣ принадлежащіе къ различнымъ профессіямъ члены кредитной ассоціаціи потерпѣли въ одно и то же время неудачу въ своихъ дѣлахъ, какъ недопустимо, чтобы смерть или плохое поведеніе нѣкоторыхъ разрушили сразу платежеспособность всѣхъ членовъ. Представляя для заимодавца болѣе гарантій, чѣмъ одинокій человѣкъ, группа можетъ занять денегъ, на условіяхъ несравненно менѣе тягостныхъ, и ссужать этими деньгами, по мѣрѣ надобности, своихъ нуждающихся членовъ. Такимъ образомъ, отдѣльныя лица, вмѣсто того, чтобы занимать у постороннихъ лицъ, нерѣдко унижаться передъ ними и платить огромные проценты, вслѣдствіе малаго обезпеченія, которое они могутъ представить, поступивъ въ члены товарищества, получаютъ денежные ссуды на условіяхъ простыхъ, легкихъ и выгодныхъ.

Оцѣнка личныхъ качествъ желающаго вступать въ товарищество производится до принятія его въ члены. Лицо, принятое въ члены товарищества, становится тотчасъ въ равныя условія съ прежними членами: оно приобретаетъ право на кредитъ, право быть поручителемъ за ссуды другихъ и принимаетъ на себя равную съ другими, пропорціональную размѣру открытаго ему кредита, отвѣтственность по обязательствамъ товарищества. Исключено изъ товарищества оно можетъ быть лишь въ случаѣ, когда не выполнитъ своихъ обязательствъ. Членами товариществъ могутъ быть лица обоихъ половъ, всѣхъ состояній, званій и профессій, благодаря чему сохраняется въ товариществѣ финансовое равновѣсіе, т.-е. когда у лицъ, принадле-

жащихъ въ одной профессіи—нужда въ ссудѣ, у лицъ другихъ профессій могутъ оказаться въ это время денежные избытки.

Одинаковый для всѣхъ членовъ товарищества размѣръ пая, не выше 10% открываемой каждому члену суммы кредита, возможность составления его постепенными и доступными для всѣхъ взносами и круговая порука—охраняютъ товарищество отъ спекуляцій и сохраняютъ за нимъ характеръ чисто народнаго учрежденія.

Сплотить во едино лицъ, отличающихся энергіей и нравственными качествами; соединить въ одну общую массу небольшія ихъ сбереженія; научить ихъ служить самимъ себѣ этими сбереженіями для предоставленія взаимнаго кредита; содѣйствовать путемъ взаимнаго кредита развитію другихъ видовъ взаимопомощи: въ производительности труда, въ экономіи потребленія, въ предупрежденіи житейскихъ невзгодъ и т. д.,—такое было гениальное намѣреніе Шульце-Делича. И его планъ, въ значительной мѣрѣ уже осуществленный, сдѣлался образцомъ для организаціи народнаго кредита въ цѣломъ мірѣ.

Но какъ все въ мірѣ совершенствуется и разнообразится въ подробностяхъ, при изученіи и приспособленіи къ требованіямъ практической жизни, такъ и идеи Шульце-Делича нашли новое себѣ освѣщеніе и развитіе въ трудахъ современнаго Шульце-Деличу, другого народнаго дѣятеля Германіи, Райфейзена, который, состоя бургомистромъ въ разныхъ маленькихъ общинахъ, посмотрѣлся на горькую народную нужду и, вдумавшись въ принципы Шульце-Делича, объявилъ ихъ все-таки еще недостаточно народными и слишкомъ капиталистическими.

Основа экономической силы кредитнаго товарищества Шульце-Делича заключается въ паевомъ капиталѣ, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы служить связующимъ звеномъ между членами, выручать товарищество въ случаѣ понесенія убытковъ, или въ случаѣ, когда, вслѣдствіе какого-либо кризиса, были бы потребованы обратно вклады товарищества; кромѣ того, этотъ собственный капиталъ долженъ усугублять гарантіи кредиторовъ товарищества и имѣть нравственное значеніе, указывая на бережливость и трудолюбіе членовъ его.

Райфейзенъ думаетъ иначе; онъ отвергаетъ необходимость паевого капитала въ взаимно-кредитномъ товариществѣ, находя, что накопленіе капиталовъ кромѣ алчности и спекулятивной самоувѣренности ничего развитъ не можетъ. Шульце-Деличевскія товарищества,—говоритъ онъ,—въ сущности, противопологаютъ, организованный эгоизмъ лицъ, соединенныхъ въ товариществѣ, эгоизму отдѣльныхъ личностей, стоящихъ внѣ его. Паи въ незначительныхъ размѣрахъ,—продолжаетъ онъ,—не представляютъ серьезной гарантіи кредиторамъ, а между тѣмъ, преобладающему большинству населенія и малый раз-

мѣръ пая, и даже взносъ его частями,—не по силамъ: бѣднякъ, сколачивающій тяжкимъ трудомъ каждую копѣйку, не можетъ усвоить себѣ смысла пая, требованіе котораго удерживаетъ его отъ вступленія въ члены кассы; онъ обращается въ кассу лишь въ минуту безъисходной нужды, т.-е. тогда, когда уже совершенно нѣтъ основаній удерживать у него часть ссуды на уплату паевой доли; поэтому Райфейзенъ ставитъ выдачу ссуды въ зависимость только отъ нравственности кредитора и противопоставляетъ принципу Шульце-Делича: „чѣмъ больше паевая доля товарища, тѣмъ болѣе ему можетъ быть предоставленъ кредитъ“,—другой принципъ: „чѣмъ трудолюбивѣе, способнѣе и порядочнѣе товарищъ, тѣмъ болѣе онъ достоинъ кредита“; но зато и по выдачѣ ссуды товарищество Райфейзена слѣдитъ за поведеніемъ должника и оставляетъ за собою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право истребованія ссуды обратно и ранѣе срока,—напримѣръ, при обнаруженіи дурного поведенія заемщика.

Поэтому, въ противоположность Шульце-Деличу, Райфейзенъ ограничиваетъ дѣятельность товариществъ извѣстнымъ райономъ, по возможности одного прихода. Районъ дѣятельности его кассы долженъ быть, съ одной стороны, настолько малъ, чтобы всѣ члены правленія могли прекрасно знать матеріальное и моральное положеніе каждаго изъ членовъ кассы; съ другой стороны, онъ долженъ быть настолько великъ, чтобы обороты кассы были достаточно значительны для покрытія всѣхъ необходимыхъ расходовъ по управленію и для образованія запаснаго капитала, который образуется изъ чистой прибыли отъ операций товарищества, отнюдь не выдаваемой Райфейзеномъ въ дивидендъ, а обращаемой въ нераздѣльный фондъ, задача котораго—достигнуть такого размѣра, чтобы съ теченіемъ времени вовсе была устранена надобность въ производствѣ займовъ кассою на сторонѣ.

Шульце-Деличъ признаетъ въ своихъ кассахъ срокъ ссудъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ибо, утверждаетъ онъ, ни одно кредитное учрежденіе не можетъ выдавать ссуды на срокъ болѣе, нежели тотъ, на который оно само занимаетъ капиталы; товарищества же сами не получаютъ капиталовъ на срокъ болѣе долгій, чѣмъ три мѣсяца. Срокъ въ три мѣсяца вполне соответствуетъ,—доказываетъ Шульце-Деличъ,—средней продолжительности предпріятій, которымъ служить личный кредитъ; въ тому же, за это время имущественное положеніе должника не можетъ неожиданно измѣниться настолько, чтобы эта пере мѣна повлекла за собой большіе убытки для товарищества. Поэтому Шульце-Деличъ относится отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, очень строго, даже къ отсрочкамъ ссудъ, которыя, по его мнѣнію, только приучаютъ должника къ небрежному веденію дѣла.

Райфейзенъ не согласенъ и тутъ съ Шульце-Деличемъ: пусть,—говоритъ онъ,—финансовая наука отвергаетъ возможность удовлетворенія нуждъ кредита долгосрочнаго кредитомъ краткосрочнымъ,—жизнь противорѣчитъ этимъ теоретическимъ расчетамъ. Государственные банки нерѣдко выпускаютъ въ обращеніе банковые битеты на сумму значительно большую, чѣмъ сумма наличности ихъ кассъ, и не стѣсняются въ то же время учитывать трехмѣсячные векселя, не опасаясь, что въ кассу банка явятся въ одинъ день всѣ держатели банковыхъ аккредитивовъ; точно также и германскія правительственныя ссудо-сберегательныя кассы преблагополучно помѣщаютъ свои капиталы въ недвижимости и въ ипотеки, а слѣдовательно, почему же воспрещать и взаимокредитнымъ товариществамъ долгосрочныя (до десяти лѣтъ) ссуды, уплату ихъ по частямъ и проч.?

При выдачѣ ссуды,—говоритъ Райфейзенъ,—кромѣ личныхъ качествъ заемщика, необходимо, главнымъ образомъ, руководствоваться тѣмъ, цѣлесообразно ли предполагаемое заемщикомъ употребленіе ея и можно ли рассчитывать, что должникъ вернетъ капиталъ и проценты. Сообразно этому долженъ быть опредѣленъ и размѣръ ссуды, и срокъ ея; ссуда, недостаточная по размѣру и сроку для предпріятія, на которое она испрашивается, только заставитъ заемщика обращаться, помимо кассы, и къ ростовщикамъ.

Управленіе кассами, какъ у Шульце-Делича, такъ и у Райфейзена, находится въ рукахъ общаго собранія членовъ, совѣта и правленія; но у Шульце-Делича послѣднее получаетъ вознагражденіе и извѣстный, иногда весьма крупный, по усмотрѣнію общаго собранія, процентъ съ чистой прибыли,—у Райфейзена же правленіе служитъ безвозмездно, или, въ крайнемъ случаѣ, за минимальное вознагражденіе. Отвѣтственность членовъ за операціонные убытки у Шульце-Делича ограниченная—не выше суммы разрѣшеннаго предѣльнаго кредита каждому лицу, а у Райфейзена каждый изъ членовъ кассы отвѣчаетъ неограниченно.

По идеѣ Райфейзена, около его кассъ должны группироваться разныя небольшіе хозяйственные кружки, клубы и т. п.; въ клубахъ этихъ, куда приглашаются интеллигентные частные жители, обсуждаются различныя вопросы мелкаго хозяйства, торговли, ремесла и т. п.; члены кружка, рѣшившіе приобрести какіе-либо предметы производства, ремесла, торговли, потребленія и т. п., выбираютъ уполномоченнаго, который получаетъ изъ мѣстной кассы деньги подъ общую круговую поруку лицъ, уполномочившихъ его; затѣмъ, онъ же получаетъ заказанные предметы, раздаетъ ихъ участникамъ покупки, получаетъ съ нихъ деньги и уплачиваетъ взятую ссуду. Такимъ образомъ, члены кассы могутъ, не прибѣгая къ основанію спеціальнаго

потребительнаго товарищества, — что связано съ новыми расходами, — пользоваться выгодами, которыя представляетъ покушка необходимыхъ предметовъ оптомъ.

Кредитъ товарищества Райфейзена, очевидно, есть личный въ несравненно болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ въ товариществахъ Шульце-Делича. Понятно, что въ сравненіи съ поразительно быстрымъ ростомъ и распространеніемъ въ западной Европѣ Шульце-Деличевскихъ товариществъ, свободомыслящія кассы Райфейзена развивались относительно медленно, пробивая свой путь въ средѣ, воссавшей съ молокомъ матери надменность капитализма и сотворившей себѣ кумира изъ вещнаго кредита, а потому имѣвшей, и еще продолжающей имѣть, весьма смутныя и узкія понятія о народномъ кредитѣ. Но время — лучший защитникъ и комментаторъ всякой истины — доказало полную состоятельность основного положенія Райфейзена, по которому въ кредитныхъ учрежденіяхъ, близкихъ къ народу, главная сила — не въ капиталахъ, уставахъ и торгово-промышленныхъ регламентахъ, а въ свойствахъ участниковъ товарищества и въ воспитательныхъ задачахъ народныхъ кассъ. Съ другой стороны, жизнь указала товариществамъ Шульце-Делича и Райфейзена, каждому свое, наиболѣе подходящее поле дѣятельности — первому городъ, а послѣднему — деревню; выдвинула новый типъ кредитныхъ товариществъ, средній, примирительный между двумя названными, по системѣ д-ра Гааза, начинающій въ послѣдніе годы распространяться съ большимъ успѣхомъ въ Германіи, а въ 1900 году международный конгрессъ въ Парижѣ по народному кредиту выставилъ положеніе: „разнообразіе и свобода выбора формъ кредитныхъ товариществъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ, есть одна изъ руководящихъ идей въ дѣлѣ правильнаго устройства народнаго кредита“¹⁾.

Въ настоящее время вся западная Европа уже покрыта сѣтью въ нѣсколько десятковъ тысячъ кредитныхъ товариществъ, всѣхъ трехъ вышеназванныхъ типовъ, съ числомъ членовъ во много милліоновъ и съ оборотнымъ капиталомъ въ нѣсколько милліардовъ²⁾. Для организаціи такихъ народныхъ банковъ отнюдь не требуется большихъ капиталовъ; такъ, Шульце-Деличъ началъ свои ссудо-сберегательныя товарищества съ капиталомъ въ нѣсколько сотъ рублей. Райфейзенъ для своихъ сельскихъ ссудныхъ кассъ занялъ 3.000 рублей;

¹⁾ См. XVI выпускъ Сообщеній сиб. комитета о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ: „Международный конгрессъ по народному кредиту въ Парижѣ“, С. В. Бородаевского.

²⁾ См. V выпускъ Сообщеній сиб. комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ: „Ссудо-сберегательныя товарищества и кассы въ Германіи А. Б.“.

Лузатти основалъ знаменитый народный банкъ въ Миланѣ съ 300 руб.; швейцарскій народный банкъ открылся при 1.500 рубляхъ и т. д.

Въ огромной массѣ всѣ эти товарищества объединяются, въ особенности въ Германіи, въ различные союзы и федераціи; такъ, „Всеобщій союзъ нѣмецкихъ ремесленныхъ и земледѣльческихъ товариществъ“ объединяетъ около 1.000 товариществъ; „Оффенбахскій союзъ“—4.000 товариществъ; „Вюртембергскій союзъ“—850 товариществъ и т. д. Цѣль этихъ союзовъ—обезпеченіе кассъ товариществъ отъ послѣдствій стихійнаго, въ періоды большихъ кризисовъ, массоваго изытія вкладовъ, посредничество между кассами, принятіе на проценты излишнихъ денегъ изъ однихъ кассъ и выдачу ихъ въ ссуду другимъ (кредитъ по текущему счету), совѣты и руководства дѣлопроизводствомъ и ревизія отчетности товариществъ—членовъ союза, оптовая закупка—за счетъ членовъ товариществъ—сырья, машинъ, наборовъ инструментовъ, продуктовъ удобренія и т. п.

Руководимыя просвѣщенными лицами изъ болѣе состоятельныхъ классовъ, народныя кредитныя товарищества уже принесли и продолжаютъ приносить много добра, служба могущественнымъ орудіемъ сближенія самыхъ разнородныхъ слоевъ населенія. Исторія этихъ кассъ, въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, есть исторія развитія и совершенствованія крестьянскаго и мелкаго труда городского люда въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ; онѣ предотвратили превращеніе многихъ маленькихъ хозяевъ, предпринимателей, ремесленниковъ и труженниковъ изъ скромной интеллигенціи въ пролетаріевъ, вернули впадавшимъ мало-по-малу въ бѣдность сознание своего достоинства и силы, и возвратили многимъ своею помощью самообладаніе и вѣру въ лучшее будущее.

IV.

26 мая 1862 года, страшный пожаръ въ Петербургѣ истребилъ Шужинъ дворъ и Апраксинъ рынокъ. Средняго достатка и мелкому петербургскому купечеству, поставщикамъ на эти рынки ремесленныхъ производствъ, рыночнымъ рабочимъ и прочему торгово-промышленному малому люду грозило разореніе. Тогда, бывшему въ то время управляющимъ государственнымъ банкомъ, нынѣ покойному Е. И. Ламанскому, пришла счастливая мысль привить въ Россіи, начавъ съ погорѣвшаго Петербурга, принципы Шульце-Делича о народной взаимопомощи въ кредитѣ, и 17 марта 1863 года открыло свои дѣйствія первое въ Россіи „Спб. Общество взаимнаго кредита“, при 200 членахъ, съ оборотнымъ капиталомъ въ 14.330 рублей, съ наименьшимъ паевымъ взносомъ

членовъ въ 30 рублей, съ правомъ каждаго члена кредитоваться не выше десятикратнаго членскаго пая, и во всякомъ случаѣ подъ личные векселя не выше 5.000 руб., и не выше 15.000 руб. при учетѣ торговыхъ срочныхъ, не выше шести мѣсяцевъ, векселей. Въ первые годы „Спб. Общество взаимнаго кредита“ ограничивалось исключительно учетной вексельной операціей. Таковы были скромные замыслы учредителя общества, Е. И. Ламанскаго, и таковыми были и постановленія общихъ собраній членовъ первыхъ лѣтъ дѣйствія общества. Но такъ какъ уставъ „Спб. общества взаимнаго кредита“ былъ построенъ на точномъ основаніи первоначальной схемы кредитныхъ товариществъ Шульце-Делича, т.-е. не ограничивалъ районъ дѣйствій общества, не ограничивалъ размѣръ паевыхъ взносовъ и дивиденда, разрѣшалъ производство всѣхъ банковыхъ операцій, а ссуды ограничивалъ вексельнымъ и краткосрочнымъ учетомъ, не препятствовалъ членамъ кредитоваться и въ другихъ банкахъ и обществахъ взаимнаго кредита и не требовалъ отъ заемщика указанія того назначенія, которое онъ предполагаетъ дать просимой ссудѣ,—то естественно, что „С.-Петербургское Общество взаимнаго кредита“ изъ года въ годъ стало все болѣе и болѣе развивать свои операціи въ высъ капитализма; средний размѣръ членскаго взноса съ 71 рубля въ 1864 г. достигъ, въ 1900 г., 480 рублей; оборотный капиталъ съ 14.330 рублей выросъ до 4 милліоновъ рублей; максимальный кредитъ подъ векселя съ 15.000 рублей выросъ до 100.000 рублей; годовой вексельный учетъ достигъ 25 милліоновъ рублей, и въ той же суммѣ —оборотъ текущихъ счетовъ; словомъ, „С.-Петербургское Общество взаимнаго кредита“ постепенно превратилось въ первоклассный банкъ для учета векселей петербургской торговли и промышленности, а для не торгово-промысловой публики—въ солидную кассу для всѣхъ прочихъ банковыхъ операцій. По тому же пути движется и основанное въ 1871 году „Общество взаимнаго кредита с.-петербургскаго уѣзднаго земства“, и тянется за ними юное „2-е С.-Петербургское Общество взаимнаго кредита“. Всѣ эти три кредитныя учрежденія, какъ построенныя на круговой поруцѣ и совершенно чуждыя какихъ бы то ни было спекуляцій за свой счетъ, разумѣется, высоко благотѣльны для средняго, многочисленнаго, нуждающагося въ дешевомъ кредитѣ, торгово-промышленнаго класса петербургскаго городского населенія, но они, очевидно, не соотвѣтствуютъ тому типу народныхъ кредитныхъ учреждений, который настоятельно, насущно необходимо вызвать въ широкой жизни въ Петербургѣ, и который официально именуется въ Россіи или ссудо-сберегательными, или кредитными товариществами.

Эпоха освобожденія крестьянъ, съ одновременнымъ обновленіемъ всего строя русской общественной жизни, создала и общественныхъ

дѣателей-народниковъ. Помѣщикъ костромской губерніи С. Ф. Лугининъ, изучивъ организацію ссудо-сберегательныхъ товариществъ Шульце-Делича въ Германіи, первый устроилъ въ 1866 году такое товарищество въ селѣ Рождественѣ, въ 40 верстахъ отъ города Ветлуги. Вскорѣ печать и земство обратили вниманіе на это учрежденіе; образовались въ Москвѣ и въ Петербургѣ комитеты о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, подъ ближайшимъ руководствомъ передовыхъ общественныхъ дѣателей той эпохи, каковы: князя Черкасскій, Васильчиковъ, Щербатовъ, баронъ П. Л. Корфъ, А. О. Кошелевъ, А. В. Яковлевъ, П. А. Соколовскій, Н. В. Верещагинъ и другіе, и ссудо-сберегательныя кассы начали постепенно распространяться по Россіи, при весьма благожелательномъ къ нимъ отношеніи и поддержкѣ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Уставы русскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ представляютъ собою болѣе или менѣе удачную компіляцію изъ правилъ германскихъ кредитныхъ товариществъ Шульце-Делича и Райфейзена. У перваго заимствованы безпрепятственное вступленіе въ члены, паевые взносы, дивиденды, относительная краткосрочность ссудъ (12 мѣсяцевъ); у Райфейзена взята ограниченность района дѣйствій кассъ, простыя росписки вмѣсто векселей, оцѣнка нравственныхъ качествъ членовъ-заемщиковъ и обсужденіе цѣлесообразности испрашиваемыхъ ссудъ. Несмотря на малое соответствіе по своему составу, срокамъ ссудъ и величинѣ процентовъ (нерѣдко 12 годовыхъ), условіямъ неграмотной и потому въ большинствѣ крайне бѣдной русской деревни, ссудо-сберегательныя товарищества, при содѣйствіи, какъ выше сказано, земскихъ учреждений и министерства финансовъ, развиваются и множатся и несомнѣнно принесли и продолжаютъ приносить обширную пользу тѣмъ крестьянамъ, которые съ умомъ и осторожностью пользуются ихъ услугами.

Къ 1-му января 1900 года, черезъ тридцать-четыре года со времени учрежденія перваго въ Россіи ссудо-сберегательнаго товарищества Лугинина, число утвержденныхъ министромъ финансовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ достигло—1.633. Они распредѣлялись по 77 губерніямъ и по 437 уѣздамъ. Но изъ этого общаго числа разрѣшенныхъ товариществъ въ 1900 году дѣйствовало только 700 товариществъ, съ 237 тысячами членовъ, съ паевымъ капиталомъ въ 8 милліоновъ рублей съ запаснымъ капиталомъ 2½ милл. рублей, съ вкладами и займами 18 милл. рублей, что, въ среднемъ, на одно товарищество составляетъ около 30 тысячъ рублей; выдано ссудъ въ теченіе 1900 года около 40 милл. рублей, или, въ среднемъ, на одно товарищество около 50 тысячъ рублей. Средній процентъ по ссудамъ—9.

Въ городахъ, по свѣдѣнiямъ, собраннымъ С. В. Бородаевскимъ¹⁾, въ 1 января 1898 г. существовало всего 90 ссудо-сберегательныхъ товариществъ, съ числомъ членовъ въ круглыхъ цифрахъ 30 тысячъ, съ паевымъ капиталомъ 1,25 милл. рублей, вклады 3,2 милл. рублей, займы 1 милл. рублей, запасный капиталъ 400 тысячъ рублей, ссудъ выдано въ 1898 г.—7,7 милл. рублей, прибыль за 1898 г.—200 тыс. рублей, убытокъ 7.600 рублей, среднiй процентъ по ссудамъ—9.

Итоги для страны съ 120-миллионнымъ населенiемъ очень миниатюрны, тѣмъ болѣе, что русскiй народъ—прирожденный общественникъ, а слѣдовательно взаимопомощь и взаимный кредитъ сродни его быту. Каждая захолустная деревенька управляется у насъ своимъ сходомъ, каждая волость имѣетъ выборную власть, города—всесословное управленiе. Россiя, не только задолго до „эврика“ Шульце-Деличей и Райфайзеновъ, а издревле имѣла свои дружины, ватаги, артели и т. п. союзы народной взаимопомощи и самоуправления,—слѣдовательно, каждый новый видъ кооперацiи найдетъ себѣ въ Россiи добрую почву, лишь были бы усердные и умѣлые сѣятели. Къ сожалѣнiю, послѣднихъ-то въ Россiи и не хватаетъ. Объясняется обыкновенно послѣднее летаргiей общественной дѣятельности, народной безграмотностью и тернистыми путями провинциальной печати. Конечно, такое объясненiе значительно вѣрно, но не безусловно. Вѣдь дѣйствуетъ же въ наше время на югѣ Россiи „артельный батько“ Н. В. Левитскiй, прославившiйся на весь цивилизованный мiръ своею организаторскою дѣятельностью по объединенiю рабочихъ всѣхъ видовъ труда и промысловъ въ производительныя артели. Но если г. Левитскiй (елизаветградскiй присяжный повѣренный) успѣшно дѣйствуетъ въ средѣ темнаго простонародья на необъятной площади сель и городовъ юга Россiи, то въ Петербургѣ, казалось бы, легче должны находиться—изъ среды ремесленниковъ, купечества и разныхъ профессионаловъ,—интеллигентные люди, знакомые съ принципами кооперацiи, и которые могли бы помочь организацiи городского мелкаго кредита для рабочихъ классовъ. Правда, въ Петербургѣ организовались и дѣйствуютъ съ большимъ успѣхомъ нѣсколько ссудо-сберегательныхъ кассъ при нѣкоторыхъ общественныхъ и казенныхъ учрежденiяхъ и при нѣкоторыхъ заводахъ; таковы напримѣръ: ссудо-сберегательная касса служащихъ по с.-петербургскому городскому общественному управленiю, артистовъ императорскихъ театровъ, служащихъ при с.-петербургскомъ арсеналѣ и т. д. Но все это, такъ сказать, закрытыя товарищества. Выходъ въ отставку изъ учрежденiя сразу лишаетъ человѣка и заработка, и кредита.

¹⁾ См. его брошюру: „Гдѣ достать ремесленникамъ денегъ“. Спб., 1900 г.

Главнѣйшимъ практическимъ средствомъ для развитія городской кредитной взаимопомощи служить ознакомленіе населенія съ пользою ея путемъ бесѣдъ, чтенія лекцій, печатанія статей, брошюръ и т. п. На международномъ по народному кредиту конгрессѣ, въ 1900 г. въ Парижѣ, наиболѣе вліятельные члены его настойчиво развивали мысль, что развитіе кредитной коопераціи должно идти естественнымъ путемъ, а не искусственнымъ, какъ это бываетъ въ случаяхъ усиленной денежной поддержки со стороны государства, какъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ правительство предоставляет милліоны въ распоряженіе учреждений народнаго кредита; такая правительственная финансовая помощь заключаетъ въ себѣ ту опасность, что народные банки и общества разныхъ видовъ взаимопомощи возникаютъ искусственно и получаютъ слишкомъ поспѣшное развитіе, какъ растенія, выращенныя въ теплицѣ; возникши быстро, они не менѣе быстро и прекращаютъ свое существованіе, что подтверждается значительнымъ числомъ кооперативныхъ учреждений въ Германіи, ликвидированныхъ свои дѣла и именно потому, что при устройствѣ многихъ изъ нихъ легкомысліе учредителей играло не послѣднюю роль. Роль государства въ дѣлѣ устройства кредитной коопераціи должна ограничиваться созданіемъ условий, способныхъ облегчить процвѣтаніе и развитіе ея путемъ выработки законодательства, благопріятно относящагося ко всякому проявленію частной инициативы въ коопераціи.

Съ чувствомъ удовлетворенія можно отмѣтить, что наше правительство именно такъ и отнеслось къ своей задачѣ содѣйствія развитію въ странѣ мелкаго личнаго кредита, издавъ въ законодательномъ порядкѣ 1 іюня 1895 года положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Закономъ этимъ опредѣляются нормальныя задачи и кругъ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ, и заботливо устраняются тѣ причины, которыя, какъ показали 30-лѣтній опытъ жизни этихъ учреждений, нерѣдко распатывали существующія и препятствовали возникновенію новыхъ.

У.

Какъ ссудо-сберегательныя, такъ и кредитныя товарищества, по положенію 1 іюня 1895 г., преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: доставить своимъ членамъ возможность получать дешевыя ссуды для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей и помѣщать сбереженія для приращенія изъ процентовъ (ст. 2 полож.). Оба они основаны на началѣ взаимности (круговой поруки членовъ) и самоуправленія (ст. 9). Обоиъ разрѣшено выдавать краткосрочныя и долгосрочныя ссуды

(не свыше 5 лѣтъ); въ обезпеченіе обязательствъ допускается пріемъ векселей, простыхъ росписокъ съ поручительствомъ, личный кредитъ и заклады вещей, причемъ послѣднія могутъ быть оставляемы въ пользованіи или на храненіи заемщика (ст. 14). Тому и другому типу товариществъ предоставлено право посредничества по покушкѣ предметовъ, необходимыхъ для хозяйственныхъ надобностей членовъ товарищества, и по продажѣ производства труда этихъ лицъ (ст. 13),—слѣдовательно, товарищества могутъ закупать по оптовымъ цѣнамъ у фабрикантовъ сырье, устраивать склады для послѣдняго, производить всѣ операціи варрантовъ, т.-е. ссудъ подъ закладъ свидѣтельствъ о наличности ремесленныхъ издѣлій на складѣ, равно какъ устраивать магазины и склады для продажи произведеній ручного труда и т. д.

Членамъ какого-либо ссудо-сберегательнаго или кредитнаго товарищества воспрещается быть въ одно и то же время членами другого подобнаго товарищества. Это воспрещеніе имѣетъ цѣлью устранить возможность извращенія цѣли учрежденій мелкаго кредита—служить для малоимущихъ лицъ; съ другой стороны, лицо, поступивъ въ одно товарищество, отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ по долгамъ товарищества, — не можетъ же оно тѣмъ же имуществомъ отвѣчать одновременно по долгамъ и другого товарищества, въ которое оно по-ступитъ.

Обоимъ типамъ учрежденій можетъ быть предоставлено право кредитоваться въ государственномъ банкѣ; по отношенію къ обоимъ примѣняется, помимо общаго судебного порядка, упрощенный порядокъ взыскапія ссудъ черезъ полицію, которая обязана приступить къ описи имущества неисправнаго плательщика не позже семи дней со дня полученія заявленія со стороны кредитнаго учрежденія (ст. 17). Таковы общія основоположенія обоихъ учрежденій.

Различіе же между тѣмъ и другимъ типомъ товариществъ слѣдующее: ссудо-сберегательныя товарищества образуютъ свой оборотный капиталъ (кромя займовъ и пожертвованій съ чьей-либо стороны) изъ паевыхъ членскихъ взносовъ, размѣръ которыхъ не можетъ превышать 100 рублей на одно лицо; кредитныя же товарищества дѣйствуютъ *безъ паевыхъ членскихъ взносовъ* и учреждаются на суммы, пожертвованныя или ссуженныя казною или государственнымъ банкомъ, городскими думами, земскими, общественными и частными учрежденіями и лицами. Отсутствіе въ кредитныхъ товариществахъ обязательныхъ паевыхъ взносовъ—чрезвычайно важная (Райфейзенъ) особенность этого типа товариществъ. Помимо разныхъ неудобствъ такихъ взносовъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ членовъ товарищества не отличается достаткомъ, дающимъ возможность дѣлать подобныя взносы,—паевые взносы усложняютъ ве-

деніе дѣла, такъ какъ управленію товарищества необходимо слѣдить за исправнымъ поступленіемъ паевъ, а также ежегодно производить распредѣленіе прибылей на паи (дивиденда); выдача дивиденда порождаетъ разнаго рода недоразумѣнія: то члены, имѣющие полные паи и ничего не должны товариществу, настаиваютъ на выдачѣ высокаго дивиденда, что конечно, выгодно для другихъ членовъ; то членъ товарищества требуетъ выдачи на руки дивиденда въ то время, когда еще не имѣетъ на это права, такъ какъ не составилъ опредѣленными взносами полного пая; то онъ не доволенъ, что въ одинъ годъ получаетъ прибыли больше, а въ другой меньше и проч. ¹⁾. Хотя, при условіи сравнительно высокаго уровня развитія членовъ товарищества, возможность такихъ недоразумѣній уменьшается,—однако, даже въ обществахъ взаимнаго кредита, отличающихся отъ ссудосберегательныхъ кассъ, въ сущности, лишь размѣрами паевыхъ взносов, болѣе комбинированными операціями финансоваго оборота, дисконтомъ исключительно векселей и неограниченностью района дѣйствій обществъ, принимающихъ въ члены и иногородныхъ жителей—вопросъ о дивидендѣ порождаетъ зачастую ту же безтолочь. Второе отличіе кредитнаго товарищества отъ ссудо-сберегательнаго заключается въ установленіи черезъ инспекторовъ государственнаго банка болѣе или менѣе постояннаго контроля надъ дѣятельностью кредитныхъ товариществъ, причемъ самоуправленіе послѣднихъ остается неприкосновеннымъ, какъ и въ ссудо-сберегательныхъ обществахъ. Сами члены избираютъ и правленіе, которое ведетъ всѣ дѣла товарищества, и наблюдательный совѣтъ, который контролируетъ дѣйствія правленія; наконецъ, сами же члены на общихъ собраніяхъ рѣшаютъ важнѣйшіе вопросы, касающіеся кредитнаго товарищества.

Задача контроля, созданнаго новымъ закономъ, заключается лишь въ томъ, чтобы препятствовать лицамъ, стоящимъ во главѣ товарищества, вести дѣло послѣдняго—противно уставу или закону. Исторія мелкаго кредита въ Россіи свидѣтельствуетъ, что отсутствіе такого контроля—и проистекающія отсюда многочисленныя злоупотребленія—были одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго положенія и преждевременнаго конца многихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, члены которыхъ, какъ русскіе люди, обладающіе большою практическою смѣтливостью, вполне понимаютъ сущность и значеніе товариществъ и круговую отвѣтственность, отлично знаютъ, кому и какую сумму можно повѣрить въ долгъ, но этому народу, даже въ городахъ, рѣдко бываетъ доступно пониманіе внѣшнихъ формъ, въ

¹⁾ См. журналъ Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства въ 1899 г., ноябрь, статья г. Полтавца: „О кредитныхъ товариществахъ“.

которыя, по необходимости, должно быть облечено современное кредитное дѣло: ни наблюсти за правильностью счетоводства, ни провѣрить отчетъ, ни настоять на соблюденіи устава—участники учрежденія обыкновенно не въ состояніи. Они далеко не всегда имѣютъ возможность выбрать изъ своей среды для завѣдыванія дѣлами лицъ достаточно компетентныхъ. Вслѣдствіе этого все дѣло ведетъ одинъ человекъ—бухгалтеръ или дѣлопроизводитель. Если это лицо или случайный другой руководитель—человѣкъ честный и умѣлый—все идетъ хорошо. Въ противномъ случаѣ, не чувствуя надъ собою никакого дѣйствительнаго надзора, распорядитель, если и не позволяетъ себѣ злоупотребленій, то запускаетъ дѣла; изъ года въ годъ они запутываются все болѣе и болѣе: ссуды выдаются зря, члены-криеуны забираютъ ихъ въ первую очередь, платежи поступаютъ туго, пересрочки ссудъ допускаются до безконечности, никто толково не заботится объ ихъ взысканіи до тѣхъ поръ, пока не приходится платить по займамъ или возвращать вклады. За отсутствіемъ средствъ, учрежденіе перестаетъ дѣйствовать, въ лучшемъ случаѣ—безъ убытковъ для ввѣрившихъ ему свои деньги.

Необходимость контроля для народныхъ кредитныхъ товариществъ давно уже признана въ Германіи, гдѣ закономъ 1889 г. дѣлается обязательною ревизія товариществъ не менѣе одного раза въ два года. Съ другой стороны, въ Германіи, кромѣ правительственныхъ инспекторовъ, періодическою ревизіею дѣлопроизводства и отчетности отдѣльныхъ товариществъ занимаются и представители союзовъ кооперативныхъ товариществъ; интересенъ, между прочимъ, введенный союзами товариществъ и другими учрежденіями и лицами, желающими содѣйствовать распространенію народныхъ банковъ, институтъ странствующихъ учителей (Wanderlehrer), на обязанности которыхъ лежитъ объѣзжать кассы, помогать совѣтами относительно веденія дѣла, а также побуждать населеніе къ основанію кассъ въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ еще не имѣется.

Что касается до размѣра и порядка выдачи ссудъ, то послѣднія, по положенію 1 іюня 1895 г., должны выдаваться учрежденіями мелкаго кредита, по предварительномъ опредѣленіи правленіемъ или пріемнымъ комитетомъ размѣра личнаго или съ поручительствомъ кредита, который можетъ быть разрѣшенъ заемщику, по соображенію съ его личными качествами и платежною способностью. Причемъ размѣръ ссудъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ не долженъ превышать опредѣленнаго отношенія къ паю, на примѣръ трехкратнаго, пяти- или десятикратнаго, съ сокращеніемъ этого отношенія для ссудъ безъ поручительства. Въ кредитныхъ же товариществахъ (безъ паевого капитала) предѣлы кредитовъ членовъ должны выра-

жаться въ абсолютныхъ цифрахъ, напр. въ 200, 300 или 500 рубл., болѣе или менѣе. Точное указаніе въ законѣ предѣльнаго размѣра ссудъ, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита, на одно лицо, конечно, встрѣтило бы значительныя практическія неудобства и неизбѣжно порождало бы исключенія, а потому законъ 1 іюня 1895 г. умалчиваетъ о нормахъ въ цифрахъ, а обязываетъ включать послѣднія въ частныя уставы учреждений мелкаго кредита, по соображенію соотвѣтствій ихъ мѣстнымъ условіямъ. Такая общность положеній выдержана и далѣе въ законѣ 1 іюня 1895 года,—и это правильно. По свѣдѣніямъ комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, дѣйствующія нынѣ въ Россіи товарищества могутъ, по различію постановленій своихъ уставовъ, быть распредѣлены на 7 основныхъ и 27 второстепенныхъ типовъ. Закономъ же 1-го іюня 1895 года—кругъ дѣятельности учреждений мелкаго кредита расширенъ коммиссіонными и потребительными операціями, долгосрочными ссудами, залогомъ движимости, пересрочками ссудъ и проч.; слѣдовательно, разнообразіе уставовъ должно еще болѣе увеличиться, равно какъ въ зависимости отъ числа товарищей и размѣра оборотовъ будутъ зависѣть и организація по частнымъ уставамъ управленія дѣлами товариществъ—въ формахъ болѣе развитыхъ или упрощенныхъ.

Для учрежденія ссудо-сберегательнаго или кредитнаго товарищества необходимо, чтобы не менѣе двадцати козьяевъ согласились между собою образовать то или другое товарищество; для приведенія въ исполненіе своего намѣренія имъ прежде всего надлежитъ обстоятельно ознакомиться и совершенно точно усвоить себѣ образцовый уставъ избраннаго типа товарищества. Такіе образцовые уставы, съ подробными поясненіями подъ каждой статьей и съ формами дѣлопроизводства, отпечатаны, между прочимъ, въ изданіи Спб. Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ: „Учрежденія мелкаго кредита. Спб. 1899 г.“. Ознакомившись съ содержаніемъ образцоваго устава и выяснивши себѣ цѣль и основныя начала организаціи товарищества настолько, чтобы давать разъясненіе на вопросы другихъ лицъ, учредители обсуждаютъ сообща, какъ пополнить пробѣлы образцоваго устава, примѣнительно къ ихъ задачамъ. Составленный такимъ образомъ, проектъ устава препровождается при прошеніи, за подписью учредителей, къ министру финансовъ, причемъ, если выборъ учредителей палъ на типъ „кредитнаго товарищества“, то въ томъ же прошеніи излагается и ходатайство о ссудѣ въ основной капиталъ товарищества изъ государственнаго банка.

Когда получится утвержденный уставъ, то уполномоченный отъ учредителей созываетъ ихъ для обсужденія дѣла, приема новыхъ чле-

новъ (по баллотировкѣ) и выбора правленія и совѣта. Выбранные учредителями совѣтъ или правленіе (смотря по уставу) должны опредѣлить кредиты какъ учредителямъ, такъ и новымъ членамъ, подготовить книги и помѣщенія для правленія, и только послѣ этого товарищество вправѣ получить ссуду въ основной капиталъ и открыть свои дѣйствія.

На первомъ собраніи учредителей „кредитнаго товарищества“, обыкновенно, присутствуетъ инспекторъ отъ государственнаго банка, съ цѣлью объяснить учредителямъ задачи товарищества и тѣ начала, которыми оно должно руководствоваться въ своей дѣятельности; уяснить имъ смыслъ возбуждающихъ сомнѣніе статей устава; ознакомить правленіе и совѣтъ съ порядкомъ веденія книгъ и съ самаго начала дѣятельности товарищества поставить его на вѣрный путь.

Которое бы изъ двухъ названныхъ учреждений мелкаго кредита ни избрали тѣ или другія группы трудовыхъ классовъ петербургскаго населенія, имъ необходимо имѣть въ виду, что ничто не достигается безъ хлопотъ, усилій и борьбы; но ради достиженія тѣхъ выгодъ, которыя несомнѣнно получатся въ результатѣ правильнаго и цѣлесообразнаго устройства ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ стоить поработать надъ учредительствомъ ихъ.

Какихъ блестящихъ результатовъ можно достигнуть при энергичной, благоразумной и добросовѣстной дѣятельности, видно изъ исторіи варшавскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, открывшагося съ небольшимъ четыре года тому назадъ, съ цѣлью предоставленія мелкимъ ремесленникамъ и другимъ мелкимъ производителямъ возможности пользоваться дешевымъ и доступнымъ кредитомъ. Товарищество это начало свою дѣятельность въ ноябрѣ 1897 года, при капиталѣ сначала въ 350 рублей, а потомъ въ 1.850 рубл.; черезъ годъ оно имѣло уже болѣе 2.700 членовъ, свыше 120 тысячъ рублей вкладовъ, болѣе 129 тыс. руб. паевъ и выдало свыше 230 тысячъ рублей ссудъ. Къ первому же іюня 1900 г. членовъ было уже болѣе 7.000 человекъ; вкладовъ—свыше 410 тыс. руб.; паевъ—около 330 тыс. рублей; выдано ссудъ было свыше 748 тыс. рублей ¹⁾).

Учредительство народныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Петербургѣ, кромѣ правительственнаго сочувствія, встрѣтитъ, весьма вѣроятно, и матеріальную, въ случаѣ надобности, помощь со стороны с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, которое въ № 43 „Изв. Спб. Гор. Думы“ за 1901 г. выступаетъ даже учредителемъ новаго благотѣльнаго кредитнаго предпріятія для недостаточныхъ классовъ населенія Петербурга—„Городскаго Общества взаим-

¹⁾ См. С. В. Бородаевскій: „Гдѣ достать ремесленникамъ денегъ“, Спб., 1900 г.

наго мелкаго кредита въ Петербургѣ“. По проекту городской управы, петербургскій обыватель, принятый установленнымъ порядкомъ въ члены этого проектируемаго общества и внесшій пай въ 5 рублей, будетъ имѣть право на учетъ краткосрочнаго векселя въ 50 рублей, а членъ съ наивысшимъ паевымъ взносомъ въ 250 рублей будетъ пользоваться вексельнымъ кредитомъ до 2.500 рублей. Въ оборотный капиталъ общества городская управа предлагаетъ думѣ сдѣлать вкладъ изъ городскихъ средствъ отъ 25 до 50 тысячъ рублей. Не вдаваясь пока въ критическую оцѣнку и подробности этого проекта, хотя въ немъ сразу замѣчаются существенныя пробѣлы,—напримѣръ, отсутствіе личнаго вексельнаго мелкаго кредита, отсутствіе права ссудъ подъ движимость и нѣкоторые другіе недочеты, которые несомнѣнно будутъ надлежащимъ образомъ восполнены при движеніи проекта по инстанціямъ,—нельзя не привѣтствовать горячимъ сочувствіемъ этого проявленія заботливости городского общественнаго управленія къ созданію мелкаго личнаго кредита для трудовыхъ классовъ петербургскаго населенія. „Разрѣшить успѣшно эту задачу,—справедливо говорилъ предсѣдатель международнаго конгресса по народному кредиту въ Парижѣ въ 1900 году, сенаторъ Луртье,—значить оказать великую услугу народу, а для тѣхъ, кто принадлежитъ къ болѣе обезпеченнымъ классамъ, удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи будетъ равносильно возможности жить спокойно и наслаждаться радостями міра, такъ какъ не можетъ быть истиннаго счастья тамъ, гдѣ слишкомъ много горя вокругъ“.

А. Никитинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1902.

Нѣсколько земскихъ ходатайствъ.—Предѣлы права ходатайства и практическое его значеніе.—Два противоположныхъ мнѣнія о фиксаціи земскихъ сборовъ.—Замѣчательное изслѣдованіе „вымирающей деревни“.—Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера.—Слухъ объ изыятіи статистическихъ работъ изъ вѣдѣнія земства.—Исторія вятскаго земства.—Значеніе личностей въ общемъ дѣлѣ.—Съѣздъ кустарныхъ дѣателей въ С.-Петербургѣ.

Въ печати появились недавно свѣдѣнія о нѣсколькихъ земскихъ ходатайствахъ, бросающихъ довольно яркій свѣтъ на современное положеніе земскихъ учреждений. Нижегородское губернское земское собраніе ходатайствовало объ измѣненіи порядка избранія земскихъ гласныхъ, въ смыслѣ восстановления избирательной системы, существовавшей до 1864 года. Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что указываемое въ ходатайствѣ преобладаніе гласныхъ отъ дворянъ вполне соответствуетъ началамъ, принятымъ въ основаніе нынѣшней избирательной системы, въ связи съ присвоеніемъ земскимъ учреждениямъ значенія правительственныхъ органовъ. Вопросъ объ усиленіи въ земскихъ собраніяхъ представительства отъ городовъ, являющихся крупными плательщиками земскихъ сборовъ, уже поставленъ на очередь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Способъ избранія гласныхъ отъ крестьянъ, установленный ст. 51-ой Полож. о земск. учрежд., и въ настоящее время, по мнѣнію министерства, оправдывается соображеніями, которыми руководствовались составители этой статьи. Комитетъ министровъ, соглашаясь съ доводами министерства, предоставилъ ему отклонить ходатайство нижегородскаго земства. Тѣмъ же земствомъ были возбуждены ходатайства: 1) о передачѣ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ начальныхъ шеоль, устроенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и 2) о включеніи предсѣдателей земскихъ управъ въ число обязательныхъ членовъ училищныхъ совѣтовъ. Первое изъ этихъ ходатайствъ будетъ рассмотрѣно совмѣстно съ

общимъ вопросомъ объ измѣненіи правилъ, относящихся къ городскимъ и сельскимъ начальнымъ училищамъ; второе, по мнѣнію министерства народнаго просвѣщенія, должно быть отклонено, о чемъ и представлено комитету министровъ.—Рязанское губернское земство просило о томъ, чтобы представленіе заключеній по существу земскихъ ходатайствъ не было обязательно для губернатора и чтобы установленъ былъ срокъ для представленія губернаторомъ земскихъ ходатайствъ въ подлежащее центральное вѣдомство, хотя бы они и не были обставлены всѣми необходимыми, по мнѣнію губернатора, данными и соображеніями. Первая просьба признана выходящей за предѣлы вѣдомства земскихъ учреждений, вторая — не подлежащую удовлетворенію, въ виду полной невозможности установить, въ законодательномъ порядкѣ, опредѣленный срокъ для разрѣшенія земскихъ ходатайствъ.—Таврическое и нижегородское губернска земскія собранія ходатайствовали о допущеніи ихъ, въ лицѣ ихъ представителей, къ участію въ совѣщаніи объ условіяхъ русско-германскаго торговаго договора; на случай, еслибы это было признано невозможнымъ, нижегородское земство просило о дозволеніи ему представить подробно мотивированное письменное ходатайство. На ходатайство таврическаго земства министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что обсужденіе предметовъ, относящихся къ общимъ вопросамъ экономической политики государства, равно какъ международныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній, не должно имѣть мѣста въ земскихъ собраніяхъ, обсужденію которыхъ не должны подлежать и ходатайства о приглашеніи земскихъ представителей къ участію, съ правомъ голоса, въ разработкѣ правительственной комиссіею предположеній о возможныхъ, въ будущемъ, измѣненіяхъ дѣйствующаго торговаго договора. Нѣсколько отличенъ, по формѣ, отвѣтъ на однородное ходатайство нижегородскаго губернскаго земства: оно было сообщено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ министерству финансовъ, которое высказалось за отклоненіе ходатайства „впредь до могущей встрѣтиться надобности въ содѣйствіи земства“.—Костромское губернское земство ходатайствовало, въ 1898 г., о точномъ опредѣленіи въ законѣ взаимныхъ отношеній городовъ и земствъ по обезпеченію населенія врачебною помощію и по охраненію его здоровья. На это ходатайство полученъ недавно слѣдующій отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ: „возбужденный костромскимъ губернскимъ земствомъ вопросъ, какъ часть общаго вопроса о распредѣленіи основныхъ задачъ въ области врачебнаго и санитарнаго въ городахъ дѣла между правительственными органами и мѣстными учрежденіями, былъ подвергнутъ въ 1901-мъ году всестороннему обсужденію въ особомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣщаніи, выработавшемъ основныя положенія для его рѣшенія, каковыя

имѣютъ быть представлены на уваженіе законодательной власти въ возможно непродолжительномъ времени".—Неизвѣстны еще результаты ходатайствъ: 1) новгородскаго губернскаго земства—о предоставленіи земствамъ и городамъ, въ скорѣйшемъ времени, участія въ доходахъ, доставляемыхъ всѣми видами государственнаго промысловаго дохода; 2) вятскаго губернскаго земства—о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, и 3) уфимскаго губернскаго земства—объ освобожденіи земскихъ изданій отъ губернаторской цензуры. Мотивировано это послѣднее ходатайство тѣмъ, что мѣстная губернская администрація, по самому своему положенію связанная съ мѣстною жизнью, не всегда можетъ сохранять достаточно безпристрастіе въ оцѣнкѣ сужденій или заявленій, относящихся къ земской административной сферѣ. Въ 1895 г., не были допущены къ напечатанію въ сборникъ постановленій уфимскаго губернскаго земскаго собранія семь постановленій этого собранія и докладъ о мѣрахъ къ поступленію земскихъ сборовъ; въ 1900 г. исключенъ изъ сборника цѣлый отдѣлъ—продовольственный; въ 1901 г.—докладъ губернской управы по поводу проекта наказа училищнымъ совѣтамъ, безпрепятственно появившійся въ періодическихъ изданіяхъ, земскихъ и частныхъ. Въ подтвержденіе ходатайства указывается на то, что земскія изданія въ продажу почти не поступаютъ и имѣютъ весьма ограниченный кругъ читателей.

Таковы факты: посмотримъ теперь, какіе изъ нихъ можно сдѣлать выводы. Первый выводъ касается *предполагаема* права ходатайства. Не смотря на тридцатипятилѣтнее существованіе этого права, оно все еще вызываетъ разнорѣчивыя толкованія; попытки свести его почти къ нулю повторяются именно теперь все чаще и чаще. Ближайшимъ поводомъ къ нимъ служить, въ послѣднее время, вопросъ о мелкой земской единицѣ ¹⁾. Въ то самое время, какъ въ однихъ земскихъ собраніяхъ обсужденіе его не встрѣчало никакихъ препятствій, въ другихъ—оно либо вовсе не могло быть поставлено на очередь, либо вызвало протесты со стороны губернатора. Одинъ изъ такихъ протестовъ, направленный противъ болѣе чѣмъ скромнаго постановленія земскаго собранія -- рѣчь шла только о собраніи свѣдѣній, *косвенно* связанныхъ съ вопросомъ о мелкой единицѣ,—былъ построенъ на тезисѣ, едва-ли когда-либо выступавшемъ на сцену столь рѣшительно и опредѣленно: утверждалось, что возбуждать ходатайства земскія собранія могутъ только по тѣмъ предметамъ, которые, по закону, под-

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

лежать въ дѣлѣ земства ¹⁾. Опроверженіе этого взгляда, торжество котораго было бы почти равносильно отмѣнѣ права ходатайства, можно найти въ нѣкоторыхъ министерскихъ отвѣтахъ, приведенныхъ нами выше. Земство не завѣдуетъ санитарною и врачебною частью въ городахъ — и тѣмъ не менѣе вопросъ, поставленный по этому предмету костромскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, обратилъ на себя вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ, сдѣлавшаго его предметомъ всесторонняго обсужденія. Земство не имѣетъ никакого прямого отношенія къ министерскимъ школамъ — и тѣмъ не менѣе ходатайство нижегородскаго губ. земскаго собранія о передачѣ этихъ школъ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ будетъ принято въ соображеніе при общемъ пересмотрѣ постановленій о городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищахъ. Ходатайства о коренномъ измѣненіи избирательной системы, о включеніи председателей земскихъ управъ въ составъ училищныхъ совѣтовъ, объ опредѣленіи срока, въ продолженіе котораго долженъ быть данъ ходъ земскимъ ходатайствамъ, найдены подлежащими отклоненію не потому, чтобы они выходили за предѣлы земской компетенціи, а по соображеніямъ, относящимся къ существу поднятыхъ вопросовъ. Неправильными съ формальной стороны, т. е. нарушающими закономъ установленную границу, признаны только два ходатайства: объ освобожденіи губернаторовъ отъ обязанности давать заключеніе по существу земскихъ ходатайствъ и о привлеченіи земства, въ лицѣ его представителей, къ участию въ обсужденіи условій русско-германскаго торговаго договора. Первое изъ этихъ рѣшеній не вызываетъ никакихъ возраженій. Слѣдуетъ ли требовать отъ губернатора заключенія по существу земскихъ ходатайствъ — это вопросъ внутреннего административнаго распорядка, не имѣющій никакого отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ. Неблагопріятно отразится на земскихъ интересахъ; обязательность губернаторскаго заключенія можетъ только замедленіемъ, вносимымъ ею въ движеніе земскихъ ходатайствъ; но для устраненія этого неудобства достаточно было бы установить срокъ, въ теченіе котораго ходатайство, съ заключеніемъ губернатора, должно быть представлено въ подлежащее центральное вѣдомство ²⁾. Весьма спорнымъ, зато, кажется намъ второе рѣшеніе.

¹⁾ Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, большинство котораго почти всегда оказывается согласнымъ съ губернаторомъ, на этотъ разъ отклонило, по большинству голосовъ, его протестъ; но губернаторъ, вѣроятно, воспользовался своимъ правомъ перенести спорный вопросъ на разсмотрѣніе министра.

²⁾ Если содержаніе и результатъ ходатайства рязанскаго губ. земства переданы въ печати вѣрно, то невольна возникаетъ вопросъ, не произошло ли, при разсмотрѣніи этого ходатайства, нѣкоторое недоразумѣніе? Земство просило объ установленіи срока для *представленія* ходатайства губернаторомъ въ центральное вѣдом-

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что международными торговыми договорами затрогиваются не только общіе государственные интересы, но и нужды отдѣльных мѣстностей имперіи. Земство, призванное къ выясненію этихъ нуждъ, въ правѣ желать, чтобы голосъ его, въ критическую минуту, былъ услышанъ правительствомъ. Компетентность земства, здѣсь, какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, измѣряется именно и исключительно тѣмъ, въ какой степени оно можетъ мотивировать свое ходатайство соображеніями и данными, почерпнутыми изъ знанія *мѣстныхъ* условий. Выборъ той или другой общей системы экономической политики зависитъ, конечно, отъ центрального правительства; но среди предпосылокъ, изъ которыхъ должно быть выведено окончательное заключеніе, немаловажную роль могутъ сыграть свѣдѣнія, идущія съ разныхъ концовъ страны, сгруппированныя и проверенныя, послѣ свободнаго обмѣна мыслей, людьми опыта и практической жизни. Наиболѣе удобнымъ способомъ сообщенія этихъ свѣдѣній, допускающимъ дальнѣйшее ихъ развитіе и освѣщеніе, было бы избраніе уполномоченныхъ отъ земскихъ собраній, признавшихъ себя—т.-е. жителей своей мѣстности—заинтересованными въ исходѣ переговоровъ; но возможны и другія формы—напр. представленіе мотивированныхъ ходатайствъ, на что и испрашивалось разрѣшеніе нижегородскимъ губернскимъ земствомъ. „Содѣйствіе“ земства, понимаемое въ этомъ смыслѣ—вовсе не *quantité négligeable*, какую выставляетъ ее слегка ироническій отвѣтъ министерства финансовъ.

Обратимся теперь къ ходатайствамъ, рассмотрѣннымъ по существу, но отклоненнымъ. Первое изъ нихъ имѣло предметомъ пересмотръ земской избирательной системы. Неподлежащимъ удовлетворенію оно признано въ виду противорѣчія его основнымъ началамъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Такое противорѣчіе, однако, разумѣется само собою, когда идетъ рѣчь объ измѣненіи дѣйствующаго порядка. Ходатайство *de lege ferenda* подлежитъ оцѣнкѣ не по степени согласованности его съ закономъ—согласованности, очевидно, немислимой,—а по степени вѣскости доводовъ, приводимыхъ въ пользу перемѣны. Со времени введенія въ дѣйствіе Положенія 1890-го года прошло болѣе десяти лѣтъ; накопилась масса указаній опыта, далеко не во всемъ оправдавшаго ожиданія составителей Положенія. Цѣлью ходатайства, заявленнаго нижегородскимъ губернскимъ земствомъ—и, сколько намъ извѣстно, не имъ однимъ,—была именно повѣрка этихъ указаній. Еслибы собраны были данныя о томъ, сколько дворянъ записано въ земскіе избирательные списки и сколько изъ нихъ прини-

---

ство—а въ отвѣтѣ говорится о невозможности установить срокъ для *разрѣшенія* ходатайства.

маеть дѣйствительное участіе въ выборахъ; еслибы приведено было въ ясность, какъ часто число подлежащихъ избранію превышаетъ число наличныхъ избирателей, какъ часто явившіеся на избирательный сѣздъ *eo ipso*, безъ выборовъ, попадаютъ въ ряды гласныхъ; какъ быстро и въ какую сторону измѣняется отношеніе между различными категоріями избирателей; какъ происходятъ выборы кандидатовъ въ гласные на волостныхъ сходахъ; кто изъ нихъ, и почему, признается достойнымъ занять мѣсто въ земскомъ собраніи; въ какомъ направленіи и въ какой мѣрѣ измѣнилась, на самомъ дѣлѣ, роль гласныхъ отъ крестьянъ—то ходатайство нижегородскаго губернскаго земства получило бы, быть можетъ, совершенно иное значеніе. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, оно могло бы привести, по меньшей мѣрѣ, въ *частичнымъ* перемѣнамъ въ численности—абсолютной и относительной—гласныхъ, избираемыхъ различными группами населенія. Другимъ результатомъ работы надъ новыми фактическими данными могло бы быть пониженіе избирательнаго ценза, въ пользу чего говоритъ какъ повышеніе цѣнности земли, такъ и продолжающееся дробленіе имѣній, въ особенности дворянскихъ. Въ мелитопольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, дворяне, имѣющіе право непосредственнаго участія въ избирательномъ сѣздѣ (т.-е. владѣющіе землею въ размѣрѣ не менѣе 300 десятинъ), въ 1890 г. составляли 71,2% всѣхъ внесенныхъ въ избирательный списокъ, а въ 1900 г.—только 60,7%. Уменьшеніе числа избирателей этой категоріи—условіе крайне неблагоприятное для земской дѣятельности, такъ какъ мелкіе землевладѣльцы, не имѣющіе полнаго ценза, рѣдко и неохотно пользуются своимъ избирательнымъ правомъ.

Другое ходатайство, отклоненное по существу, касалось включенія въ составъ училищныхъ совѣтовъ предсѣдателей земскихъ управъ. Мотивы отказа не оглашены въ печати, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нецѣлесообразнымъ признано увеличеніе числа *земскихъ* членовъ училищнаго совѣта, однимъ изъ которыхъ и теперь всегда можетъ быть избранъ предсѣдатель управы. Конечно, такой выборъ вполне возможенъ—но на практикѣ передъ земскимъ собраніемъ сплошь и рядомъ возникаетъ слѣдующая дилемма: или предоставить одну изъ двухъ вакансій, находящихся въ распоряженіи земства, предсѣдателю управы—и этимъ самымъ закрыть доступъ въ совѣтъ другому гласному, болѣе свободному и ближе принимающему къ сердцу дѣло народнаго образованія; или замѣстить обѣ вакансіи гласными, соединяющими въ себѣ эти условія,—и оставить за флагомъ предсѣдателя управы, который, въ силу своего званія, могъ бы быть иногда очень полезнымъ участникомъ дѣятельности совѣта. Двадцать-восемь лѣтъ тому назадъ, когда только-что начиналась земская работа на пользу

народной школы, два земскихъ члена уѣзднаго училищнаго совѣта сравнительно легко могли распредѣлить между собою посѣщеніе всѣхъ земскихъ училищъ; теперь это для нихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, непосильно, какъ непосильно и для инспекціи, несмотря на увеличеніе ея состава, близкое знакомство со всѣми школами округа. Чѣмъ большее количество труда, бесплатнаго и добровольнаго, посвящается начальной школѣ, тѣмъ вѣроятнѣе правильная ея постановка и нормальное ея развитіе—а такого труда можно ожидать въ особенности отъ земскихъ членовъ училищнаго совѣта. Еслибы ихъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ управы, и было три, большинство голосовъ въ училищномъ совѣтѣ все-таки имъ бы не принадлежало; рядомъ съ ними засѣдали бы два члена отъ министерства народнаго просвѣщенія, одинъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и одинъ отъ духовнаго вѣдомства—а предводитель дворянства, предсѣдательствующій въ училищномъ совѣтѣ, является, въ настоящее время, гораздо болѣе должностнымъ лицомъ, чѣмъ земскимъ дѣятелемъ.

Земскія ходатайства, еще не разрѣшенныя, касаются, всѣ три, большихъ мѣстъ земской жизни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что развитіе ея задерживается скудостью матеріальныхъ средствъ, затруднительностью сношеній между земствами и избыткомъ административнаго вмѣшательства. Значительными переменами къ лучшему были бы, поэтому, предоставленіе земству доли участія въ промысловомъ налогѣ, разрѣшеніе сѣздовъ предсѣдателей земскихъ управъ и освобожденіе земскихъ изданій отъ цензуры. Нельзя не признать, однако, что вѣроятными эти перемены—и многія другія, направленныя къ аналогичнымъ цѣлямъ,—сдѣлаются только тогда, когда закончится періодъ недовѣрія къ земству. Недавній циркуляръ, воспреещающій земскимъ управамъ сноситься между собою, безъ разрѣшенія губернатора, относительно возбужденія ходатайствъ общегосударственнаго характера, не обѣщаетъ успѣха просьбъ о допущеніи сѣздовъ предсѣдателей управъ. Постоянно растущія стѣсненія земской инициативы заставляютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы администрація отказалась, въ настоящее время, хотя бы отъ одного изъ средствъ контроля надъ дѣятельностью земства. Участіе земства (и городовъ) во всѣхъ видахъ промысловаго налога предрѣшено, въ принципѣ, мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 8-го іюня 1898 года—но объ осуществленіи его на самомъ дѣлѣ пока еще не слышно, хотя благодаря ему могла бы стать ненужной фиксація земскихъ смѣтъ.

Кстати о фиксаціи: противниковъ ея упрекаютъ обыкновенно въ игнорированіи интересовъ населенія, въ стремленіи, ради отвлеченнаго

принципа, къ безмѣрному и безпредѣльному увеличенію земскихъ сборовъ. Едва ли кто-нибудь рѣшится повторить эти упреки по отношенію къ представителю сословія, стоящаго въ сторонѣ отъ земской жизни и никогда не отличавшагося, да и теперь не отличающагося большимъ сочувствіемъ къ земскимъ задачамъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, поэтому, обширный докладъ, представленный послѣднему бессарабскому губернскому земскому собранію членомъ отъ духовенства, священникомъ Гепецкимъ. Указавъ на заслуги бессарабскаго земства (далеко не принадлежащаго къ числу передовыхъ) въ области народнаго образованія и охраненія народнаго здоровья, почтенный докладчикъ вослищааетъ: „и вотъ, въ то самое время, когда многія земства стали на путь болѣе широкой дѣятельности, обратили вниманіе на самыя назрѣвшія нужды населенія, опубликовать законъ, ограничивающій право земствъ увеличивать свои расходы на земское дѣло“! Не отрицая, что кое-гдѣ могли быть допущены увлеченія, о Гепецкій высказываетъ увѣренность, что большинство земствъ нуждалось бы „въ нѣкоторомъ поощреніи къ ассигнованію большихъ суммъ на правильное отправленіе земскихъ функцій“. Между тѣмъ, фиксація коснулась одинаково всѣхъ земствъ, и многія изъ нихъ—въ томъ числѣ бессарабское—„обречены оставаться при томъ неустройствѣ, въ какомъ засталъ ихъ новый законъ. Бессарабія, какъ окраина, сравнительно съ другими центральными губерніями поздно начала развиваться. Давно ли грамотность проникла въ молдавскія селенія? Давно ли населеніе наше начало обращаться за медицинскою помощію? Не въ самое ли послѣднее только время мы стали свидѣтелями болѣе или менѣе разумнаго (да и то во многихъ ли мѣстахъ?) отношенія населенія и къ школѣ, и къ медицинѣ? Можно ли, значить, было требовать отъ Бессарабіи, чтобы земскія учрежденія настолько бы успѣли обнаружить свою продуктивность и благоустроить всѣ отрасли своего вѣдѣнія къ моменту изданія новаго ограничительнаго закона, насколько это успѣли сдѣлать земства центральныхъ и другихъ, ранѣе начавшихъ развиваться губерній? Конечно, нельзя. Но если, такимъ образомъ, причина—столь естественная, а потому и не предотвратимая въ свое время—сравнительно поздняго развитія земской жизни въ нашей Бессарабіи представляется хоть маломальски резонною, то въ такомъ случаѣ можно вполне надѣяться на то, что правительство войдетъ въ положеніе бессарабскаго земства, лишеннаго, при наличности и дѣйствиіи новаго закона, возможности и средствъ довести благоустройство отраслей своего вѣдѣнія и своей жизни хотя бы до такой высоты и степени развитія, на какой эта жизнь стояла доселѣ и стоитъ въ среднихъ, по степени благоустройства, земствахъ“.

Бессарабское губ. земское собраніе отложило разсмотрѣніе этого замѣчательнаго доклада до слѣдующей сессіи, т.-е. на цѣлый годъ. Докладчикъ, на страницахъ мѣстной газеты („Бессарабца“), горько — и совершенно справедливо — сѣтуетъ на безпричинную отсрочку. „Право, — говоритъ онъ, — когда оглянешься, посмотришь вокругъ себя, когда очнешься отъ вѣчной нескончаемой сутолоки жизни и заботъ, когда увидишь, какую массу жертвъ уносить ежегодно, ежедневно вѣчный законъ смерти, когда чувствуешь, что и самъ постоянно висишь на волоскѣ, то становится больно, досадно, почему люди не спѣшатъ дѣлать то, къ чему призваны, что могутъ сейчасъ сдѣлать, что должны сдѣлать... Вѣдь каждый день, а тѣмъ болѣе каждый годъ выдвигаетъ все новые и новые вопросы, предъявляетъ требованіе на разрѣшеніе новыхъ и новыхъ нуждъ“. Мы вполне понимаемъ тяжелое чувство, сказавшееся въ этихъ словахъ о. Гепецкаго. Еслибы онъ думалъ не о дѣлѣ, а о самомъ себѣ, онъ могъ бы утѣшиться мыслью, что его образъ дѣйствій найдетъ, рано или поздно, надлежащую оцѣнку въ исторіи русскаго земства.

Прямую противоположность взгляду, высказанному о. Гепецкимъ, представляютъ восторженные отзывы реакціонной печати о благотѣльныхъ результатахъ фиксаціи. Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, она „ободрила тѣхъ, относительно немногихъ, благоразумныхъ земскихъ дѣятелей, которые никогда не переставали протестовать противъ чрезмѣрной и непосильной тягости земскаго обложенія“. Законъ о предѣльности обложенія — утверждаетъ, далѣе, московская газета — „совсѣмъ не лишаетъ населеніе возможности удовлетворять свои потребности въ врачебной помощи и въ дѣлѣ народнаго образованія. Всѣ земскія заботы по этимъ двумъ отраслямъ общественнаго хозяйства имѣютъ въ виду почти исключительно крестьянъ... Если въ какомъ-нибудь мѣстѣ, вслѣдствіе предѣльности земскаго обложенія, земскія учрежденія не въ состояніи открыть новыхъ школъ и новыхъ больницъ, то это всегда могутъ сдѣлать крестьянскія учрежденія, на которыя законъ о предѣльности обложенія не распространяется. Такой порядокъ будетъ даже и гораздо справедливѣе существующаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ расходы на школы и больницы падутъ именно на тѣхъ, кто ими пользуется, т.-е. на крестьянъ, и не будутъ возлагаемы на помѣщиковъ, которые въ земскія школы дѣтей своихъ не посылаютъ, а если и прибѣгаютъ иногда къ помощи земскаго врача, то оплачиваютъ его трудъ точно такъ же, какъ и трудъ врача вольнопрактикующаго“. Въ одномъ достоинствѣ этой аргументаціи отказать нельзя: она откровенна, откровенна до безцеремонности, устраняя всякое сомнѣніе въ томъ, почему фиксація такъ дорога, такъ симпатична защитникамъ регресса. Пускай расходы,

ложившіеся до сихъ поръ на всѣхъ плательщиковъ земскаго сбора, упадутъ всецѣло на бѣднѣйшую часть населенія: это, на языкѣ псевдоохранителей, называется справедливостью! Допустимъ, на минуту, что земскія школы полезны только для крестьянъ, хотя бѣднѣйшіе изъ помѣщиковъ (а также многіе изъ среды сельскаго духовенства) и посылаютъ туда своихъ дѣтей; допустимъ, что не нужны для помѣщиковъ и земскіе врачи, хотя при ихъ отсутствіи врачебная помощь въ помѣщичьей усадьбѣ оказалась бы вовсе невозможной или оплачивалась бы цѣною, посильною лишь для немногихъ. И все-таки истинная справедливость требовала бы приуроченія большей части расходовъ на начальную школу и сельскую медицину не къ сельскимъ обществамъ, не къ волостямъ, а къ единицамъ болѣе крупнымъ, соединяющимъ въ себѣ различныя категоріи плательщиковъ. Народное образованіе и охрана народнаго здоровья—интересы общіе, а не личные: оплачивать сопряженные съ ними расходы должны, главнымъ образомъ, не тѣ, которые непосредственно пользуются школой или больницей, а болѣе широкія территоріальныя группы—государство, губернія, уѣздъ, сообразно съ дѣйствующей системой государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ. Въ оплатѣ издержекъ по содержанію гимназій и университетовъ принимаютъ участіе всѣ сословія, хотя огромное большинство студентовъ и гимназистовъ принадлежитъ къ высшимъ классамъ общества; никто не предлагаетъ установить, въ этомъ отношеніи, какое-либо изъятіе или какую-либо льготу для крестьянъ. Налоги, государственные и мѣстные, давно уже потеряли характеръ вознагражденія за услуги, оказываемыя отдѣльнымъ плательщикамъ; въ основаніе ихъ давно легли другія начала, не имѣющія ничего общаго съ жалкими софизмами реакціонной газеты. Доведенные до своего логическаго конца, эти софизмы сдѣлали бы невозможнымъ всякій обязательный сборъ на общую надобность. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что открыть школу рѣшаетъ волостной или сельскій сходъ. Въ первомъ случаѣ противъ рѣшенія схода могутъ—съ точки зрѣнія, излюбленной „Московскими Вѣдомостями“, —протестовать тѣ селенія, для которыхъ, за дальностью разстоянія, школа останется недоступной; во второмъ случаѣ—тѣ изъ домохозяевъ, у которыхъ нѣтъ дѣтей школьнаго возраста. Доктрина: *chacun chez soi, chacun pour soi*—оказывается, такимъ образомъ, не только безвѣрною, но и недѣлою... Въ пылу полемики съ пера московскихъ публицистовъ соскочнула, впрочемъ, фраза, позволяющая проникнуть еще глубже въ ихъ душевный міръ: „безъ врачей и безъ школьныхъ учителей“—читаемъ мы въ той же статьѣ—„Русь существовала много вѣковъ и, пожалуй, существовала не хуже, чѣмъ те-

перъ". Отсюда только одинъ шагъ до знаменитой Фамусовской формулы: „ученье—вотъ чума“...

Въ какой степени желательно и удобно открытіе школъ и больницъ на средства однихъ крестьянъ—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по чрезвычайно интересному и поучительному „санитарно-экономическому изслѣдованію вымирающей деревни“, произведенному земскимъ врачомъ А. И. Шингаревымъ. Предметъ изслѣдованія (напечатаннаго въ видѣ приложения къ МѢ 38—41 „Саратовской Земской Недѣли“ за 1901 г.)—село Ново-Животинное и дер. Моховатка, воронежскаго уѣзда. Лежація въ 23—25 вер. отъ г. Воронежа, въ 1—2 вер. отъ воронежскаго-законскаго шоссе, при р. Донѣ, и, слѣдовательно, поставленныя въ сравнительно благоприятныя условія, эти селенія представляютъ по истинѣ ужасающую картину бѣдности, близкой къ полной нищетѣ. Большая часть избъ имѣетъ меньше 6 арш. въ длину, а нѣкоторыя—5, $4\frac{1}{2}$ и даже 4 аршина. „Эти послѣднія—говоритъ авторъ—крайній минимумъ, до котораго можетъ дойти жилищная нужда. Въ такой избѣ, гдѣ печь обнимаетъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ всего объема воздуха, съ трудомъ можно передвигаться между лавками, нечью и столомъ“. Высота жилыхъ помѣщеній составляетъ около 3 аршинъ; выше $3\frac{3}{4}$ арш. нѣтъ ни одной избы, но есть избы въ $2\frac{3}{4}$ и даже въ $2\frac{1}{2}$ арш. Объемъ воздуха, приходящійся на каждого жителя избы, крайне малъ даже въ большихъ избахъ, такъ какъ въ нихъ живутъ, обыкновенно, многочисленныя семьи: въ самой обширной избѣ онъ не превышаетъ $9\frac{1}{2}$ куб. арш., т.-е. вшестеро меньше нормальнаго. Около половины избъ не имѣютъ деревяннаго пола. Въ 49 избахъ (изъ 163) зимою промерзаютъ стѣны, а въ трехъ—даже полъ; сырость стѣнъ отмѣчена въ 114 избахъ. Вслѣдствіе недостатка топлива (которымъ обыкновенно служитъ солома) печи, для сбереженія тепла, закрываются очень рано; въ нѣкоторыхъ избахъ, поэтому, угаръ зимою бываетъ чуть не каждый день. Свѣтовая площадь составляетъ отъ $\frac{1}{18}$ до $\frac{1}{29}$ площади пола, между тѣмъ какъ нормальное отношеніе— $\frac{1}{12}$. Пятая часть жилыхъ помѣщеній ветхи и гнилы, грозятъ разрушеніемъ. Почти единственная мебель въ избѣ—объденный столъ, служащій и для стирки, и для разныхъ домашнихъ работъ. Спать на печи, на лавкахъ или въ холодныхъ кѣткахъ; кровати есть только у двухъ домохозяевъ. Одежда нѣтъ вовсе; подушки имѣются далеко не во всѣхъ семьяхъ и не для всѣхъ членовъ семьи. Настоящая чистка избы производится обыкновенно не больше двухъ разъ въ годъ. Избы кипятъ насѣкомыми; исключеніе составляютъ только самыя бѣдныя, гдѣ нѣтъ—вслѣдствіе холода и скудости пищевыхъ отбросовъ,—ни

блоповъ, ни даже мало требовательныхъ таракановъ. Бань, на тысячу слишкомъ человекъ, всего четыре, изъ которыхъ одна совсѣмъ развалилась; огромное большинство жителей въ банѣ не моются вовсе или попадаютъ въ баню разъ въ нѣсколько лѣтъ, будучи въ Воронежѣ. Расходъ мыла ничтожный; оно почти не употребляется ни въ банѣ, ни при мытьѣ въ избѣ. Освѣщеніе самое скудное; есть семьи, тратящія въ годъ не болѣе 6 фунтовъ керосина. Надѣлъ у обоихъ селеній—такъ называемый нищенскій (даровой); пашни теперь приходится на душу около $\frac{1}{10}$ десятины, всей земли—съ небольшимъ четверть десятины. Развито, конечно, арендованіе земли, но арендная плата съ восьмидесятыхъ годовъ сильно возросла (съ 2 руб. до 5), и это одна изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія селеній, особенно Ново-Животиннаго, въ которомъ $36\frac{1}{2}\%$ изъ числа домохозяевъ не имѣютъ лошадей, $13\frac{1}{3}\%$ —никакого скота. Главный мѣстный промыселъ—ломка камня—поставленъ въ очень тяжелыя условія. Распространенъ питомицескій промыселъ, влекущій за собою усиленную дѣтскую смертность и развитіе сифилиса. Пища бѣднѣйшихъ семействъ ограничивается хлѣбомъ и, изрѣдка, кашей; многія изъ нихъ по цѣлымъ годамъ не имѣютъ даже капусты. Прямыхъ налоговъ оба селенія, за отсутствіемъ выкупныхъ платежей, уплачиваютъ сравнительно немного (въ круглыхъ цифрахъ—20 руб. поземельнаго налога, 140 р. земскихъ сборовъ, 70 руб. мірскихъ, 252 руб. страховыхъ, всего 482 руб.), но сумма косвенныхъ налоговъ, платимыхъ ими за вино, табакъ, керосинъ, чай и сахаръ, доходитъ, по приблизительному разсчету, до 960 рублей.

Неудивительно, въ виду всего сказаннаго выше, что по дѣтской смертности Ново-Животинскій приходъ (въ составъ котораго входятъ и Моховатка) занимаетъ первое мѣсто въ воронежскомъ уѣздѣ, который и весь-то не принадлежитъ, въ этомъ отношеніи, къ числу благополучныхъ. Изъ 25 лѣтъ (съ 1876 по 1900 г.) было девять, когда число умершихъ превышало число родившихся. Во всей Россіи годовой приростъ населенія колеблется между 13 и 15 на тысячу, въ с. Ново-Животинномъ—едва достигаетъ *трехъ*. Во всей Россіи до достиженія одного года умираютъ 271 изъ 1.000 родившихся; до достиженія 5 лѣтъ—426 изъ 1.000; для воронежскаго уѣзда соответствующія цифры—324 и 505, для с. Ново-Животиннаго—357 и 590!

Конечно, такихъ мѣстностей, какъ Ново-Животинное, не особенно много—но аналогичныя условія встрѣчаются во всѣхъ концахъ Россіи. Чѣмъ больше такихъ отклоненій отъ средняго уровня, тѣмъ меньше можетъ идти рѣчь о примѣненіи къ волостямъ и сельскимъ обществамъ черстваго, узкаго принципа: help your-self!.. Изслѣдованіе доктора Шингарева принадлежитъ къ числу тѣхъ, на кото-

рыя, безъ сомнѣнія, будетъ обращено особенное вниманіе совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. „Самымъ насущнымъ, самымъ необходимымъ мѣропріятіемъ“ для обоихъ изслѣдованныхъ имъ селеній авторъ считаетъ „осуществленіе мечтаній самихъ жителей—пріобрѣтеніе ими достаточнаго земельного имущества. Безъ земельного обезпеченія едва ли возможно говорить объ улучшеніи ихъ санитарнаго благосостоянія. Чего ждать тамъ, гдѣ люди хронически голодаютъ, гдѣ жизнь наполнена непрерывной и безуспѣшной борьбой за самый малый и плохой кусокъ хлѣба“. Сколько въ Россіи найдется селеній, къ которымъ вполне примѣнимы эти слова!

Мы говорили, въ предыдущемъ обзорѣни, о лучшихъ способахъ освѣщенія тѣхъ задачъ, къ разработкѣ которыхъ призвано учрежденное недавно особое совѣщаніе. Какъ оно воспользуется своимъ правомъ учреждать подготовительныя комиссіи—до сихъ поръ еще неизвѣстно; неизвѣстна и программа, которую оно установило или установитъ для своихъ занятій. Въ печати появлялись только неопредѣленныя свѣдѣнія о губернскихъ комитетахъ, на которые имѣется въ виду возложить часть подготовительной работы, а также о желаніи предсѣдателя особаго совѣщанія „запросить земства и другія мѣстныя учрежденія и узнать ихъ взгляды на ближайшія нужды сельскаго населенія“. Вполнѣ своевременнымъ представляется, поэтому, докладъ, представленный чрезвычайному орловскому губернскому земскому собранію елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, А. А. Стаховичемъ. „Особое совѣщаніе“ — говоритъ А. А. Стаховичъ—„имѣетъ возможность услышать голосъ людей, дѣйствительно и близко знакомыхъ съ современными пуждами сельско-хозяйственной промышленности и неразрывно съ ними связаннаго сельскаго состоянія, съ правовыми и бытовыми условіями, въ которыхъ приходится примѣнять свой трудъ чуть-ли не 100 милліонамъ сельскаго населенія Россіи, и съ тѣми язвами, которыя глубоко въѣлись въ наши сельскіе порядки и которыя палліативами излечить нельзя. Такими лицами являются, конечно, прежде всего, „земскіе люди“—представители и избранники земства. Опытъ многихъ комиссій и совѣщаній послѣднихъ лѣтъ показалъ, какъ неудовлетворителенъ обыкновенно практикующійся у насъ способъ приглашенія *представителей* той или иной отрасли промышленности. Въ частности, труднѣе всего сколько-нибудь сносно представить при помощи вызова интересы сельскаго хозяйства. Вызываютъ, болѣе или менѣе по наслышкѣ, извѣстныхъ провинціальныхъ дѣятелей, но такого рода извѣстностью у насъ пользуются весьма немногіе представители дворянства, земскіе гласные или сельскіе хозяева, въ большинствѣ—

крупные землевладельцы. Но земледѣльческое население страны распадается на нѣсколько слоевъ, интересы которыхъ вовсе не однородны и далеко не всегда и не во всемъ могутъ быть представлены крупными земельными собственниками. Чѣмъ ближе придетъ совѣщаніе въ непосредственное общеніе съ дѣйствительными представителями этихъ различныхъ слоевъ и интересовъ, тѣмъ, конечно, глубже будутъ изучены нужды сельско-хозяйственной промышленности, тѣмъ вѣрнѣе, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, будутъ отысканы средства къ удовлетворенію ихъ. Несомнѣнно, съ другой стороны, что на мѣстахъ найдется немало людей, не уступающихъ въ знаніи мѣстныхъ нуждъ тѣмъ немногимъ дѣятелямъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ— и совѣщаніе, конечно, найдетъ этихъ людей, если обратится за указаніемъ къ мѣстнымъ общественнымъ всесословнымъ учрежденіямъ (земствамъ) и организаціямъ (сельско-хозяйственные совѣты, общества сельскаго хозяйства). Въ существующемъ за послѣднее время порядкѣ и способѣ приглашенія представителей извѣстной промышленности— *собирающихъ людей*— въ разнаго рода комиссіи и совѣщанія чуть-ли не единственнымъ руководящимъ принципомъ является случайное, часто по слухамъ, знакомство представителя вѣдомства и другихъ менѣе вліятельныхъ лицъ съ приглашаемыми лицами, а часто и другія, совершенно случайныя обстоятельства, какъ напримѣръ пребываніе даннаго лица въ столицѣ во время засѣданія комиссіи“. Докладчикъ приводитъ этому два характерныхъ примѣра: „1) изъ 15 приглашенныхъ въ сельско-хозяйственный совѣтъ весной 1898 г.—4 были изъ орловской губерніи, и 2 изъ нихъ—изъ елецкаго уѣзда; 2) въ совѣщаніи, созванномъ министромъ финансовъ въ февралѣ 1899 г. по упорядоченію хлѣбной торговли, въ которомъ принимали участіе около 100 лицъ, только отъ одного елецкаго уѣзда присутствовало 7 представителей, тогда какъ отъ очень многихъ губерній не было ни одного участника совѣщанія“. А. А. Стаховичъ очутился на этомъ совѣщаніи только потому, что наканунѣ его открытія бесѣдовалъ съ его председателемъ... Помимо выбора представителей, земства „могутъ оказывать совѣщанію незамѣнимое содѣйствіе и своими отвѣтами на прямо обращенные къ нимъ запросы, и своими ходатайствами по предметамъ, относящимся къ компетенціи совѣщанія“. Руководствуясь этими соображеніями, г. Стаховичъ предложилъ собранію ходатайствовать передъ предѣдателемъ совѣщанія, г. министромъ финансовъ, о приглашеніи имъ, въ силу II и III статей Высочайшаго повелѣнія 23-го января 1902 года, представителей орловскаго губернскаго земства, избранныхъ для того земскимъ собраніемъ. Собраніе единогласно приняло предложеніе А. А. Стаховича.

Нѣкоторое сходство съ докладомъ А. А. Стаховича представляетъ

докладъ графа В. Ф. Доррера курскому губернскому дворянскому собранію. Исходя изъ той статьи новаго учрежденія государственнаго совѣта, которая разрѣшаетъ его предсѣдателю приглашать въ подготовительныя комиссіи, учреждаемыя для разсмотрѣннн особо важныхъ и сложныхъ законопроектвъ, лицъ, которыя по своимъ занятіямъ и опыту могутъ принести пользу при ихъ разработкѣ, и подчеркивая, подобно А. А. Стаховичу, случайность, господствовавшую до сихъ поръ въ выборѣ „свѣдущихъ людей“, графъ Дорреръ предложилъ ходатайствовать о дарованнн дворянскимъ собраніямъ права избирать изъ своей среды нѣсколькихъ лицъ, достойныхъ быть его представителями въ разнообразныхъ совѣщаніяхъ, созываемыхъ правительствомъ. Такой порядокъ *рекомендаци* свѣдущихъ людей дворянскими собраніями представлялъ бы, по мнѣнію гр. Доррера, „большія гарантіи справедливости и успѣшнаго дѣйствія, чѣмъ примѣняемый нынѣ“. Отдавая, конечно, предпочтеніе мысли А. А. Стаховича, болѣе широкой, не приуроченной къ тѣснымъ рамкамъ одного сословія, мы думаемъ, однако, что не бесполезнымъ было бы даже осуществленіе проекта гр. Доррера, лишь бы только въ качествѣ „свѣдущихъ людей“ приглашались не одни избранники дворянства, но и лица, избранныя, напримѣръ, земскими собраніями... Любопытно отношеніе къ дворянскому проекту газеты, считающей себя дворянскою *par excellence*. „Охотно присоединяясь“ къ существу предложенія гр. Доррера, „Московскія Вѣдомости“ подрываютъ его въ самомъ корнѣ, заранѣе заподозривая доброкачественность дворянскихъ „рекомендаций“. Выборы, даже дворянскіе, „отнюдь не гарантируютъ указанія наиболѣе полезныхъ дѣятелей“. Въ дворянскихъ обществахъ есть члены, „завѣтная, хотя и не всегда откровенно высказываемая цѣль которыхъ заключается въ отмѣнѣ самаго дворянскаго званія; поэтому, если даже допустить, что при выборахъ въ дворянскихъ обществахъ личныя знакомства и частныя отношенія не будутъ оказывать особаго вліянія, то нельзя поручиться, что въ отдѣльныхъ случаяхъ не достигнутъ преобладанія тенденціи, направленной къ уничтоженію дворянства и сословнаго строя, и что въ числѣ рекомендованныхъ дворянскими обществами свѣдущихъ людей окажутся не создатели, а разрушители“. Съ точки зрѣнія, отразившейся въ этихъ словахъ, логичнѣе было бы высказаться не въ пользу, а противъ предложенія гр. Доррера, при всей своей скромности идущаго въ разрѣзъ съ излюбленнымъ догматомъ псевдо-охранительной печати — догматомъ, провозглашающимъ непогрѣшимость администраціи и „ограниченность ума подданныхъ“.

Одной изъ провинціальныхъ газетъ— „Крымскому Вѣстнику“—сообщаютъ изъ Петербурга, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ о передачѣ дѣла земской статистики въ вѣдѣніе министерства финансовъ, причемъ функціи, присвоенныя въ этомъ дѣлѣ земскимъ учрежденіямъ, предполагается возложить на казенныя палаты. Такое разрѣшеніе вопроса мотивируется, будто бы, тѣмъ, что многія земскія управы выказали полную несостоятельность въ завѣдываніи статистическими бюро. Достоверность этого сообщенія кажется намъ весьма сомнительною. Та отрасль статистики, которую не даромъ принято называть земскою, всецѣло создана земскими учрежденіями. Они нашли въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, пустое мѣсто— и возвели грандіозное зданіе, не одинаково законченное и стройное во всѣхъ своихъ частяхъ, но и въ настоящемъ своемъ видѣ представляющее собою громадную цѣнность. По отзыву проф. Фортунатова, ничего подобнаго ему по размѣрамъ не имѣется въ мѣстной статистикѣ иностранныхъ государствъ. Земская статистика впервые внесла свѣтъ въ такіа сферы народной жизни, которыя до тѣхъ поръ были извѣстны только въ самыхъ общихъ чертахъ; она выработала точные методы изслѣдованія, приучила не довѣрять канцелярскому, бумажному способу собиранія свѣдѣній, подготовила почву для самыхъ разнообразныхъ предпріятій, направленныхъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, къ поднятію народнаго благосостоянія. По ея образцу и, отчасти, обучившимися въ ея школѣ дѣятелями произведены важныя правительственныя изысканія въ не-земскихъ губерніяхъ Россіи (напр. въ Сибири). Раскрывая и разъясняя многое изъ того, что для цѣлыхъ группъ населенія или для отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ удобнѣе и выгоднѣе было бы оставить въ тѣни, земскія статистическія работы не могли не вызывать недоброжелательства, переходившаго иногда въ прямое противодѣйствіе. То въ одной, то въ другой губерніи, для нихъ наступалъ кризисъ: большинство земскаго собранія рѣшало уничтожить уже готовые труды, приостановить дальнѣйшій ходъ дѣла— но, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва, жизнь брала свое, и земская статистика снова начинала идти полнымъ ходомъ. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ земствахъ опять произошла заминка, существенно отличная отъ прежнихъ. Пререканія возникли не между собраніями и управами, а между управами (или ихъ предсѣдателями) и статистическими бюро. Въ основаніи ихъ лежатъ иногда случайныя, личныя причины (напр., неудачный выборъ завѣдывающаго, котораго поддерживала управа, но съ которымъ не могли спѣться остальные работники бюро), иногда—болѣе глубокія: происходитъ столкновеніе двухъ враждебныхъ принциповъ—бюрократическаго, стремящагося перенести въ земскую сферу девизъ „не разсуждать, повинно-

ваться", и земскаго, замѣняющаго понятіе о начальствѣ понятіемъ о совмѣстномъ, дружномъ трудѣ въ виду одной общей цѣли. Устранить такіа столкновенія не всегда легко, но мы вполне убѣждены, что и изъ нихъ найдется выходъ, въ силу естественнаго хода событій: статистика, въ особенности текущая, до такой степени переплелась со всѣми сторонами земской дѣятельности, что отъ нея нельзя отказаться, нельзя и обратить ее, à la longue, въ простую формальность ¹⁾. Немало найдется, притомъ, и такихъ земствъ, которыя (напр. московское) никакихъ пертурбацій въ веденіи статистическаго дѣла не переживали и не переставали двигаться впередъ по давно намѣченной и постоянно расширяемой дорогѣ. Ничѣмъ не доказано, слѣдовательно, чтобы земства не могли успѣшно завѣдывать статистическими бюро; не доказано также, чтобы лучше ихъ могло справиться съ этимъ дѣломъ какое бы то ни было присутственное мѣсто. Продолжать начатое, повторять сдѣланное земствомъ было бы, быть можетъ, и не особенно трудно; но справедливо ли было бы лишать земство возможности углубить проведенныя имъ борозды, собрать жатву, выросшую изъ посеянныхъ имъ сѣмянъ? Цѣлесообразно ли было бы отказаться отъ дальнѣйшаго творчества въ этой области—творчества, къ которому земство, какъ показываетъ тридцатилѣтній опытъ, приспособлено гораздо больше, чѣмъ администрація? Своевременна ли такая перемѣна была бы въ особенности теперь, когда земскіе статистики играютъ столь выдающуюся роль въ переоцнѣ недвижимой собственности?.. Намъ кажется, что изытаніе статистическихъ работъ изъ вѣдомства земства означало бы собою приближеніе послѣдняго часа земскихъ учреждений—земскихъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ.

Въ виду нападеній, которымъ съ разныхъ сторонъ подвергается земство, особенную цѣну приобрѣтаютъ безпристрастныя изслѣдованія его прошедшаго. Къ числу такихъ изслѣдованій принадлежитъ книга П. А. Голубева: „Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи“, тѣмъ болѣе интересная, что преобладающимъ элементомъ въ вятскомъ земствѣ является крестьянскій. Вятскому земству—говоритъ г. Голубевъ—„досталось ничтожное наслѣдство по части капиталовъ и хозяйственнаго опыта—и громадное, почти неизмѣримое по части нуждъ народа“. Бывшій приказъ общественнаго призрѣнія передалъ земству, вмѣстѣ

¹⁾ Прекращенію и предупрежденію кризисовъ въ родѣ тѣхъ, которые происходили недавно въ Нижне-Новгородѣ, Харьковѣ, Еватеринославѣ, Черниговѣ, можетъ способствовать коммиссія, выбранная на XI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей и предназначенная для посредничества между управами и земскими статистиками (см. № 21 „Русскихъ Вѣдомостей“).

съ капиталомъ въ 170 тыс. рубл., долгъ въ 246 тысячъ. До введенія земскихъ учреждений содержаніе въ исправности 3.900 верстъ дорогъ (изъ нихъ 1.740 верстъ почтовыхъ) и 1.473 парь лошадей для развѣдовъ должностныхъ лицъ лежало всецѣло на крестьянахъ, въ видѣ натуральной повинности. Особенно тяжела была дорожная повинность, для отправленія которой полиція ежегодно стогнала до 110 тыс. пѣшихъ и 148 тыс. конныхъ работниковъ, жившихъ иногда за 100 в. и далѣе отъ мѣста работъ. Въ первое же пятилѣтіе дѣятельности земства повинности дорожная и подводная были переведены въ вятской губерніи на деньги, что потребовало ежегодной затраты въ полъ-милліона слишкомъ рублей. Ранѣе всѣхъ другихъ земствъ, уже въ 1868 г., вятское земство приступило къ статистико-экономическимъ изслѣдованіямъ. Больницы земство получило въ наслѣдство одиннадцать, по одной въ каждомъ городѣ. Уѣздныя больницы были скорѣе похожи на небольшіе пріемные покои; помѣщались онѣ, большею частью, въ полу-разрушенныхъ зданіяхъ, къ перестройкѣ или замѣнѣ которыхъ новыми земства тотчасъ же и приступили. Нѣсколько лучше обставлена была губернская больница въ Вяткѣ, но и она оставала желать весьма многого; распредѣленія больныхъ по болѣзнямъ не было, даже умалишенные помѣщались не въ отдѣльномъ зданіи, а только въ особой палатѣ, гдѣ для нихъ имѣлось всего *десять* кроватей (теперь въ вятской губерніи двѣ больницы для умалишенныхъ, въ Вяткѣ и Елабугѣ, съ *двумя* *стами* *шестьюдесятью* *шестью* штатными кроватями и гораздо болѣшимъ числомъ дѣйствительно призрѣваемыхъ больныхъ). Въ больницахъ лежали, главнымъ образомъ, лица военнаго званія и арестанты; остальное населеніе, даже городское, упорно избѣгало больницы. Въ настоящее время въ вятской губерніи 68 земскихъ больницъ, съ 2.168 кроватями; пользовалось больничнымъ леченіемъ, въ 1898—9 г., болѣе 42½ тыс. человекъ. Уже въ первый годъ своего существованія вятскія земства, вмѣстѣ взятыя, затратили на медицину 12,6% своихъ бюджетовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ земскихъ губерніяхъ, несмотря на болѣе раннее, сравнительно, открытіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ земскихъ учреждений, расходы на этотъ предметъ составляли въ то время, въ среднемъ, только 8,3%. Еще больше вятская губернія опередила остальные по росту расходовъ на народное образованіе (12% противъ 5,1%). Каковъ огромный шагъ впередъ на пути къ всеобщему начальному обученію вятское земство сдѣлало въ теченіе послѣдняго десятилѣтія—объ этомъ мы говорили подробно въ 1896 г. (въ майскомъ внутреннемъ обзорѣніи). Планъ, составленный тогда А. П. Батуевымъ и утвержденный земскимъ собраніемъ, исполняется неуклонно: число земскихъ школъ за пять лѣтъ увели-

чилося слишкомъ вдвое (съ 480 до 1002), число учащихъ въ свѣтскихъ школахъ (громадное большинство которыхъ принадлежитъ къ разряду земскихъ) возросло въ три года (съ 1896 по 1899 г.) съ 46.332 до 69.561.

Мы только-что упомянули о бывшемъ предсѣдателѣ вятской губернской земской управы А. П. Батуевѣ, преждевременная смерть котораго, отъ руки сумасшедшаго убійцы, была настоящимъ бѣдствіемъ для вятскаго края. Книга г. Голубева показываетъ еще разъ, что значить въ земскомъ дѣлѣ—какъ и во всякомъ другомъ—личная энергія, поддерживаемая и руководимая горячею преданностью общему благу. Въ исторіи вятскаго земства особенно выдаются двѣ эпохи: конецъ 60-хъ и первая половина 90-хъ годовъ—и объ онѣ тѣсно связаны съ именами людей, стоявшихъ тогда во главѣ земства: М. М. Синцова и А. П. Батуева. При дѣйствиіи Земскаго Положенія 1864-го года ничто не мѣшало земскимъ собраніямъ поручить веденіе земскаго дѣла наиболѣе подходящимъ для того лицамъ; случаи отказа въ утвержденіи (требовавшемся тогда только для предсѣдателей земскихъ управъ) были очень рѣдки—и это способствовало какъ нельзя больше нормальному развитію земскихъ учреждений. Послѣ введенія въ дѣйствіе Положенія 1890-го года, и особенно въ послѣднее время, неутвержденіе въ должности предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ сдѣлалось явленіемъ довольно обыкновеннымъ, касаясь, притомъ, не только лицъ избранныхъ впервые, но и такихъ, которыя нѣсколько трехлѣтій руководили земскимъ дѣломъ. Такъ напримѣръ, въ 1900 г. не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя малмыжской (вятской губерніи) уѣздной земской управы В. А. Батуевъ, занимавшій ее девять лѣтъ сряду. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не утвержденъ предсѣдателемъ бѣлевской (тульской губерніи) уѣздной земской управы Ѳ. Е. Арбузовъ, пробывшій на этой должности два трехлѣтія. По словамъ бѣлевскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, почти все, чѣмъ обладаетъ бѣлевскій уѣздъ въ области народнаго образованія и земской медицины, создано инициативой Ѳ. Е. Арбузова, потеря котораго крайне чувствительна для уѣзда.

Какія затрудненія и неудобства можетъ повлечь за собою неутвержденіе выборовъ—это съ особенною ясностью показываетъ въ настоящее время примѣръ Рязани. Въ концѣ прошлаго года не былъ утвержденъ рязанскимъ городскимъ головою В. С. Буймистровъ, занимавшій эту должность въ теченіе предшествовавшаго четырехлѣтія ¹⁾. Рязанская городская дума, высоко цѣня заслуги В. С. Буй-

¹⁾ Съ 1867 г. до начала 80-хъ годовъ, В. С. Буймистровъ принадлежалъ къ числу наиболѣе видныхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа сиб. судебной палаты и

мистрова въ области городского хозяйства, всѣми голосами против одного постановила ходатайствовать объ утвержденіи его въ должности головы. Ходатайство это было отклонено, и думѣ предложено немедленно приступить къ новымъ выборамъ. Головою былъ избранъ купецъ Солодовъ, сначала принявшій избраніе, хотя и заявившій о своей малограмотности, но вслѣдъ затѣмъ отказавшійся отъ предложенной ему должности. На его мѣсто былъ избранъ совѣтникъ губ. правленія Быловъ, также не пожелавшій занять мѣсто головы. На четвертыхъ выборахъ, по словамъ „Новаго Дѣла“, кандидатами выступили гг. Селивановъ и Голубевъ, и хотя оба получили больше избирательныхъ голосовъ, чѣмъ неизбирательныхъ, но избраніе ихъ отмѣнено по формальнымъ причинамъ губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Около четырехъ мѣсяцевъ продолжается уже рязанское „безголовье“—а между тѣмъ положеніе города далеко не можетъ быть названо блестящимъ: доходовъ не хватаетъ на покрытіе расходовъ; возникаетъ рѣчь о займѣ, но безъ надежды на его успѣшность. „Пословица“—замѣчаетъ по этому поводу „Новое Дѣло“—„говорить о казанскомъ сиротствѣ, а теперь выступило рязанское“.

12-го марта открытъ въ С.-Петербургѣ съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, занятія его еще не приведены къ концу, и общаго заключенія о нихъ сдѣлать еще нельзя; но уже теперь обрисовалась съ достаточною яркостью одна характерная черта—общее довѣріе участниковъ съѣзда къ земству, на которое главнымъ образомъ возлагаютъ свои надежды друзья кустарной промышленности. Единственный ораторъ, говорившій, въ духѣ реакціонной печати, о „либеральномъ зудѣ“ земскихъ и городскихъ учреждений, былъ прерванъ криками: „довольно, довольно!“ Докладъ, содержавшій въ себѣ не вполне благопріятный отзывъ о дѣятельности земства, возбудилъ массу возраженій, встрѣтившихъ восторженное одобреніе собранія. „Кто же работалъ для кустаря, какъ не общественныя учрежденія?“—воскликнулъ одинъ изъ членовъ съѣзда. Докладъ о кустарной промышленности въ сѣверо-западномъ краѣ вызвалъ со стороны съѣзда ходатайство о введеніи въ этомъ краѣ общихъ земскихъ учреждений, докладъ о кустаряхъ ку-

---

нѣсколько разъ былъ избираемъ въ члены совѣта. Переселясь въ Рязань, онъ занималъ послѣдовательно должности мирового судьи, предсѣдателя рязанской уѣздной, затѣмъ рязанской губ. управы, вездѣ и всегда пользуясь довѣріемъ и уваженіемъ.

банской области—ходатайство о распространеніи земскихъ учрежденій на сѣверный Кавказъ. Намѣчены ходатайства и болѣе общаго характера. Надѣяться на ихъ успѣхъ, въ настоящую минуту, трудно, но настроеніе сѣзда нельзя не признать однимъ изъ немногихъ отрадныхъ „признаковъ времени“, столь богатаго признаками противоположнаго свойства.

ПО ВОПРОСУ О МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦѢ.

Письмо въ Редакцію.

Въ минувшую очередную сессію земскихъ собраній прошедшаго года, многими изъ нихъ, какъ губернскими, такъ и уѣздными, обсуждался вопросъ о нижней земской единицѣ, вновь поставленный на очередь московскимъ съѣздомъ дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству, 1901 года. Обсуждался этотъ вопросъ, между прочимъ, и въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, къ составу котораго я, въ качествѣ гласнаго, имѣю честь принадлежать. Въ тверское собраніе вопросъ этотъ былъ внесенъ управой, причѣмъ резолютивная часть доклада сводилась къ предложенію отложить окончательное рѣшеніе о возбужденіи соответственнаго ходатайства до будущаго года и дать управѣ порученіе подробно разработать мотивировку ходатайства къ слѣдующему очередному собранію. Но въ соображеніяхъ управа категорично высказывалась въ пользу необходимости организациі мелкой земской всесословной единицы на принятыхъ московскимъ съѣздомъ началахъ. Такимъ образомъ, принятіе доклада принципиально предрѣшало отвѣтъ и передъ собраніемъ стояла альтернатива: слѣдуетъ ли, или нѣтъ, возбуждать передъ правительствомъ ходатайство объ образованіи, какъ проектировалъ московскій съѣздъ, новой, меньшей чѣмъ уѣздъ, земской единицы, если не въ 1901, то въ 1902 году, т.-е., во всякомъ случаѣ, при данныхъ, существующихъ условіяхъ земской жизни и при данномъ отношеніи къ земскому самоуправленію,—ибо нѣтъ основанія ожидать, чтобы въ теченіе года эти условія и отношеніе измѣнились.

Такъ понимая непосредственную задачу собранія и не раздѣляя взгляда управы, я въ засѣданіи 19 ноября прошлаго года подробно развилъ свои доводы. Высказанное мною вызвало рядъ возраженій въ газетахъ и журналахъ. Оно также было отмѣчено и подвергнуто разбору во внутреннемъ обзорѣни „Вѣстника Европы“ (январь, 1902 г.). Материаломъ для всѣхъ сужденій, однако, служилъ не подлинный текстъ того, чтó я говорилъ, а отчетъ о засѣданіи тверскаго губернскаго земскаго собранія 19 ноября 1901 г., помѣщенный въ № 318 „Русскихъ Вѣдомостей“. Значительная часть отчета въ газетѣ, правда, посвящена изложенію „важнѣйшихъ“, по выраженію автора, моихъ аргументовъ. Но все-таки это только бѣглый газетный отчетъ на семидесяти строкахъ объ

„обширной“, какъ въ немъ сказано, рѣчи. Я далека отъ мысли, конечно, въ какомъ бы то ни было отношеніи сѣтовать на составителя отчета: приводить въ газетѣ въ подлинникѣ „обширную“ рѣчь было бы странно. Да и невозможно—къ тому же. И стенографисты не схватываютъ всѣхъ словъ, а въ памяти слушателя естественно остаются только особенно обратившія на себя его вниманіе мысли. Предпославъ изложенію моей рѣчи фразу: „гласный развилъ слѣдующіе важнѣйшіе аргументы“,—составитель отчета тѣмъ самымъ снялъ съ меня всякую отвѣтственность за стоящій подъ нею текстъ. Но отвѣтственность за мысли, выраженные этимъ текстомъ, осталась на мнѣ цѣликомъ, ибо, какъ явствуетъ изъ словъ составителя, значеніе невключенныхъ въ отчетъ аргументовъ несущественно. Мнѣ же думается, что если не существенно значеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, то взятые вмѣстѣ они во многомъ измѣняютъ тотъ тонъ и ту общую окраску, которые получила моя рѣчь въ отчетѣ.

Я предполагаю еще поработать надъ вопросомъ о единицѣ земскаго самоуправленія. Чтò выйдетъ изъ моей работы—не знаю. Можетъ быть—журнальная статья, можетъ быть—рефератъ въ ученомъ обществѣ. Но, во всякомъ случаѣ, это не будетъ повтореніемъ рѣчи, сказанной мною по поводу конкретнаго предположенія возбудить передъ правительствомъ ходатайства о замѣнѣ уѣздной земской единицы другою, болѣе дробною. Неизбѣжно будутъ выдвинуты инныя точки зрѣнія; главнѣйшее вниманіе сосредоточится на иныхъ сторонахъ вопроса. Кое-что изъ недоговореннаго или сказаннаго вскользь, туманно—будетъ развито въ деталяхъ. Кое о чемъ не будетъ надобности говорить вовсе. Обсужденію же или, вѣрнѣе, „осужденію“—въ нѣкоторыхъ органахъ печати весьма суровому—была подвергнута именно моя рѣчь. И она „осуждена“ только на основаніи отчета въ № 318 „Русскихъ Вѣдомостей“. Между тѣмъ, на земское собраніе—я имѣю смѣлость это думать по результату голосованія и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ—мои доводы, выслушанные въ совокупности, произвели впечатлѣніе скорѣе благоприятное.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ позволяю себѣ предложить подлинный текстъ сказаннаго мною.

Во избѣжаніе же возможныхъ упрековъ, предупреждаю, что я ограничился лишь незначительными, самыми необходимыми поправками и въ выносахъ сдѣлалъ нѣсколько поясненій.

Сергѣй Валентиновичъ де-Роберти,—замѣтилъ я,—только-что высказалъ предположеніе, что большинствомъ собранія вопросъ объ учрежденіи мелкой земской единицы будетъ рѣшенъ въ утвердитель-

номъ смыслѣ, а потому онъ воздержался отъ развитія соображеній въ пользу своего мнѣнія. Мнѣ придется выступить какъ разъ съ обратнымъ. Заранѣе оговариваюсь, что я не сторонникъ низшей земской единицы, и соображенія, которыя буду имѣть честь представить губернскому земскому собранію, направлены къ тому, чтобы попытаться развить ту аргументацію, на которой обычно обосновывается мнѣніе, утверждающее о ея необходимости.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ представляетъ собою громадный интересъ, и теоретическій—и практический,—интересъ непосредственный, жизненный. Этимъ и объясняется, что вопросъ о земской мелкой единицѣ въ той или другой формѣ уже давно занимаетъ и теоретиковъ, и земскихъ дѣятелей. Вопросъ многожды обсуждался и въ земскихъ собраніяхъ, и на самыхъ разнообразныхъ стѣздахъ лицъ, такъ или иначе практически связанныхъ съ земскимъ дѣломъ. Съ теоретической точки зрѣнія, несомнѣнно, учрежденіе низшей земской единицы представляется крайне заманчивымъ. Громадная пестрота тѣхъ органовъ, которымъ вѣрена у насъ мѣстная жизнь, конечно останавливаетъ на себѣ вниманіе. У насъ на мѣстахъ вы видите и самоуправляющееся учрежденіе—земство, и чисто-бюрократическое—полицію, и сословныя организаціи, и т. д., и т. д. Здѣсь же особое мѣсто занялъ съ 1889 г. своеобразный институтъ земскихъ начальниковъ, вѣдряющійся и въ сословную организацію, отчасти и въ организацію земскую. Эта пестрота невольно бьетъ въ глаза, и естественно желаніе создать что-нибудь стройное, гармоничное, единое; естественно желаніе провести черезъ всю мѣстную жизнь самоуправляющуюся организацію съ однимъ обобщающимъ началомъ. Такимъ началомъ справедливо выдвигаютъ начало земскаго самоуправления. Тридцать-семь лѣтъ, протекшихъ съ 1-го января 1864 года, показали, что земство создало столько, сколько даже за удвоенный періодъ времени не создалъ и не могъ создать ни одинъ другой органъ. Если такова уже въ прошломъ заслуга земства, если это начало доказало уже свою полезность, то желательнo на немъ же построить и все остальное; желательнo это начало, какъ наиболѣе полезное, распространить и вглубь, и вверхъ.

Вотъ главный теоретическій доводъ въ пользу созданія низшей земской единицы,—конечно, единицы безсословной, самоуправляющейся и обладающей правомъ самообложенія. Но такая красота юридической конструкціи, такая стройность системы вызываетъ и возраженія. Возраженія съ моей точки зрѣнія весьма существенныя.—Да, извѣстное приближеніе управления мѣстностью къ ней самой и къ ея населенію необходимо. Да, я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что сказалъ Василій Николаевичъ Линдъ, но вопросъ въ томъ, до какой степени приблизить; здѣсь могутъ быть ошибки двоякаго рода. Бѣда большая, когда органъ управления далекъ отъ населенія, но бѣда не меньшая, когда органъ управления слишкомъ близокъ. Бѣда не меньшая потому, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ приобретаютъ исключительное значеніе мелкіе интересы, интересы сегодняшняго дня, интересы такогото участочка, интересы своей колокольни, какъ говорится. Когда же органъ управления находится дальше отъ населенія, то лица управляющія получаютъ возможность смотрѣть издалека. Не будучи не-

тверскимъ губерскимъ собраніемъ. Многие изъ гг. гласныхъ навѣрное помнятъ это лично; я же знаю только о результатахъ, которые были отсюда вынесены. Законодательнаго разрѣшенія вопросъ тогда не получилъ, но я опять-таки понимаю, почему тогда, въ 1880 году, онъ могъ возникнуть. То была эпоха, когда на очереди стояла полная реорганизация нашей мѣстной жизни, когда выдвинуты были вопросы о юридическомъ, о правовомъ положеніи крестьянъ вообще, когда на очередь ставилась реорганизация всего крестьянскаго управления и самоуправленія. Послѣ этого, въ литературѣ вопросъ о низшей земской единицѣ никогда не сходилъ со столбцовъ печати, обсуждался въ ученыхъ обществахъ, появился рядъ монографій, напр. книги барона Корфа, Евреинова и др. Но на практической почвѣ вопросъ возникъ снова сравнительно недавно, и невольно является сомнѣніе относительно того, почему онъ теперь возникъ. Развѣ мы опять переживаемъ тѣ условія, которыя имѣли мѣсто передъ 19 февраля 1861 г., или развѣ мы переживаемъ ту эпоху, которая имѣла мѣсто въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ? Развѣ стоитъ на очереди вопросъ о всей нашей мѣстной жизни? Ничего подобнаго нѣтъ. Съ другой стороны, развѣ тотъ періодъ, который прошелъ съ 1880 года, можетъ быть вычеркнутъ, развѣ эти послѣдніе двадцать-одинъ годъ прошли безслѣдно, развѣ они не отдалили теоретическую возможность разрѣшенія вопроса о мелкой земской единицѣ? Какъ можно говорить теперь о томъ, что предполагалось передъ 1861 годомъ, о томъ, что предполагалось въ 1880 году, говорить теперь о мелкой земской единицѣ, обуславливать ее безусловной организацией? Развѣ жизнь наша не отошла въ этомъ отношеніи въ иную сторону, развѣ съ тѣхъ поръ у насъ сословность въ организациі не получила широкаго развитія? Всѣ эти соображенія невольно заставляютъ остановиться на томъ, откуда возникла мысль о низшей земской единицѣ теперь,—я говорю о девяностыхъ годахъ, о второй ихъ половинѣ. Я могу раздѣлить современныхъ инициаторовъ вопроса на три категоріи. Одни состоятъ преимущественно изъ теоретиковъ, которыхъ, повторяю, больше всего привлекаетъ стройность конструкціи. Въ ихъ словахъ мнѣ слышатся отзвукъ тѣхъ идей, того, что говорилось и переживалось въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Съ другой стороны, есть земцы-практики, которые говорятъ, что намъ нужна эта низшая земская единица. Повидимому, ихъ влечетъ къ ней то, что они извѣрились въ своихъ силахъ, извѣрились въ своемъ дѣлѣ. Я позволю себѣ привести слова, которыя были высказаны въ запискѣ, представленной новгородскому земскому собранію отъ имени двѣнадцати гласныхъ. Тамъ говорится, что земская дѣятельность по многимъ отраслямъ принимаетъ или приметъ въ ближайшемъ будущемъ форму окаменѣлости¹⁾. Что земская дѣятельность далеко не развивается такъ, какъ должна была бы развиваться, что многое у насъ не такъ дѣлается, какъ должно было бы дѣлаться, противъ этого спорить едва-ли можно. Но чтобы земская дѣятельность въ какой-нибудь изъ ея отраслей была готова перейти въ форму

¹⁾ Заимствовано изъ № 41 газеты „Право“ за 1901 г., гдѣ, въ свою очередь, сдѣлана ссылка на № 8 „Вѣстника Новгородскаго Земства“ за тотъ же годъ.

окаменѣлости—я считаю это упрекомъ, совершенно русскимъ земствомъ незаслуженнымъ. Наши смѣты не обладаютъ достаточной упругостью, растяжимостью, намъ приходится считаться съ сильнымъ противодѣйствіемъ. Да, это такъ.

Земство давно уже потеряло довѣріе. Земство не долго пережило свой медовый мѣсяць. Скоро же послѣ 1864 года оно было взято подъ подозрѣніе, къ нему былъ примѣненъ тотъ карательный институтъ, который былъ извѣстенъ нашему до-реформенному процессуальному праву. Земство не было признано виновнымъ, но оставлено въ сильномъ подозрѣніи—и находится въ немъ понынѣ: къ нему нѣтъ довѣрія. Не могу не припомнить словъ, которыя мнѣ пришлось слышать въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, когда обсуждался одинъ изъ многихъ докладовъ о безусловной волости, и которыя были сказаны первоприсутствовавшимъ въ первомъ департаментѣ сената покойнымъ сенаторомъ Шумахеромъ, ранѣе бывшимъ во главѣ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.—„Я болѣе другихъ,—говорилъ онъ,—знаю русское земство, и скажу вамъ, что оно потеряло довѣріе—и въ этомъ бѣда. Не хватаетъ довѣрія земству; дайте ему довѣріе—и дѣятельность его разовьется“... Конечно, у насъ, въ нашей дѣятельности, есть внутренніе недостатки, скрывать ихъ нельзя: у насъ хромаетъ дѣлопроизводство, по моему мнѣнію, у насъ хромаетъ составленіе смѣтъ, также составленіе отчетовъ,—словомъ, хромаетъ исполнительная часть: школы, больницы строятся не такъ, какъ слѣдовало бы. Вчера еще многие гласные были въ Бурасhevъ и видѣли, что тамъ есть постройка, за которую деньги заплачены, а сдѣлана она совсѣмъ плохо. Съ подобнаго рода явленіями каждый изъ насъ знакомъ по опыту, и всѣ мы знаемъ, что наши постройки и дороги нерѣдко плохи. У насъ нѣтъ исполнителей, намъ нужна агентура. Но откуда до созданія низшей земской единицы, самоуправляющейся и самооблагающейся—еще очень и очень большое разстояніе. Наконецъ, за послѣднее время все болѣе и болѣе раздаются голоса въ пользу низшей земской единицы совсѣмъ съ неожиданной стороны, со стороны лицъ, которые никакъ нельзя заподозрить въ симпатіяхъ къ земству. Эти голоса наиболѣе опасны, съ ними наиболѣе нужно считаться. Публицисты, поставившіе своимъ девизомъ: „наше время—не время широкихъ задачъ“, не могутъ спокойно относиться къ работѣ земства: они находятъ, что это—дѣятельность вредная, что ее нужно сократить. Они направляютъ свои нападки главнымъ образомъ на губернское земство, какъ стоящее дальше отъ земли; они требуютъ большей автономіи уѣздныхъ земствъ; они стараются сократить задачи губернскаго земства; они охотно присоединились бы къ пожеланію, которое было высказано въ корчевскомъ уѣздномъ собраніи нѣкоторыми гласными ¹⁾. Они говорятъ объ оторванности губернскаго земства отъ населенія. Нѣтъ, не оторвано оно,—оно только обладаетъ способностью отвлекаться отъ будничныхъ интересовъ. Враги земства ухватились за идею о мелкой единицѣ, ибо они сознаютъ превосходно, что эта мелкая земская единица дастъ

¹⁾ Объ упраздненіи, съ учрежденіемъ низшей земской единицы,—губернской земской организаціи.

въ результатѣ регресса земской дѣятельности, и что она никогда не можетъ дать прогресса. Для прогресса надо имѣть способность отвлекаться отъ мелочныхъ, повседневныхъ интересовъ, а мелкая земская единица будетъ задавлена интересами будничными, интересами сегоднешняго дня. Съ этимъ мнѣнiемъ нужно считаться, господа, и вотъ почему я лично придаю такое громадное значенiе обсужденiю настоящаго вопроса сегодня здѣсь, въ нашемъ губернскомъ земскомъ собранiи.

Губернская управа высказалась въ пользу низшей земской единицы; я предлагаю высказаться противъ нея. Я предлагаю высказаться противъ нея, имѣя въ виду, что этимъ мы ничуть не отступаемъ отъ того, за что работали наши предшественники въ этой же залѣ. Стоя на земской точкѣ зрѣнiя, мы должны сказать, что созданiе низшей земской единицы будетъ учрежденiемъ въ настоящее время вреднымъ, оно будетъ пагубно — позвольте мнѣ сказать это слово — пагубно для русскаго земства. Мнѣ живо рисуется мелкая земская единица, если она будетъ введена сейчасъ, т.-е. въ ближайшемъ будущемъ. Мнѣ рисуется избирательное собранiе, мнѣ рисуется дѣятельность будущихъ распорядительныхъ органовъ,—вѣдь мы должны же считаться съ тѣми реальными условiями, въ которыхъ живемъ. Вѣдь когда возбуждается вопросъ о низшей земской единицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждается тѣхъ общихъ вопросовъ, которые отмѣчены Василиемъ Николаевичемъ Линдомъ¹⁾. Я представляю себѣ избирательное собранiе: предсѣдатель его—земскiй начальникъ; члены избирательнаго собранiя—большинство, находящееся въ отношенiяхъ подчиненности къ земскому начальнику, могущее быть подвергнуто въ административномъ порядкѣ взысканiю въ формѣ ареста или денежнаго штрафа; ничтожное только меньшинство составить люди сравнительно свободные, сравнительно независимые. Какъ они будутъ избирать—я совершенно не понимаю. Я ставлю себя въ положенiе такого землевладѣльца, который придетъ на это собранiе,—какъ я буду себя чувствовать? Какъ я буду требовать равнаго, одинаковаго со мною отношенiя къ вопросамъ со стороны тѣхъ, которые не пользуются правами личности, которые могутъ быть подвергаемы взысканiямъ безъ суда, на которыхъ, наконецъ, не распространяются общiя положенiя нашего десятаго тома свода законовъ? Пойдемте дальше и посмотримъ на земское собранiе: опять предсѣдатель его—земскiй начальникъ, члены—большинство крестьянъ и ничтожное меньшинство частные землевладѣльцы,—одинъ, два изъ насъ, засѣдающихъ здѣсь въ настоящее время. Будетъ или диктатура одного надъ массой, массой некультурной, не сознающей своихъ правъ,—или эта масса, въ концѣ концовъ, задавить всякое культурное начинанiе земства, не дать возможности осуществленiя своихъ идеаловъ тѣмъ лицамъ, которыя стоятъ выше ея.

Теперь посмотримъ на результаты такого положенiя вещей. Я не сомнѣваюсь, что число школъ, можетъ быть, и увеличится, но школы

¹⁾ Говоря это, я имѣлъ въ виду вопросъ о возвращенiи къ безусловной организацiи земскаго представительства, о восстановленiи института мировыхъ судей, о полной реорганизацiи института земскихъ начальниковъ и т. п.

нынѣшнія едва ли останутся—это будутъ школы грамоты. Число медицинскаго персонала, думаю, тоже увеличится; пожалуй, если не въ каждой деревнѣ, то для каждыхъ двухъ, трехъ деревень будетъ знахарь, а можетъ быть и фельдшеръ, но врачей съ врачебными пунктами не будетъ. Даже сейчасъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ развѣ мы не видимъ, съ какимъ упорствомъ, какъ туго крестьяне идутъ на траты, которыя не затрагиваютъ непосредственно мѣстныхъ—данной, своей деревни—интересовъ? Такъ, когда вы хотите создать больницу, которая будетъ стоить 10—20 тысячъ, развѣ вамъ не приходится слышать: „не надо, моя деревня не будетъ ею пользоваться“? Имѣйте въ виду, господа, что намъ предлагаютъ низшую земскую единицу—не ту свободную частную организацію, о которой говорилъ Василій Николаевичъ Линдъ,—намъ предлагаютъ низшую земскую единицу, какъ установленіе государственное, обладающее громадными правами, представляющее собою ячейку, изъ которой должно развиваться все зданіе кверху—зданіе земскихъ учреждений; намъ предлагаютъ низшую земскую единицу самоуправляющуюся, самооблагающуюся. Изъ нея будетъ составлено уѣздное земское собраніе, изъ уѣзднаго собранія будетъ составлено губернское. Вы думаете, что фізіономія собранія не измѣнится? Я съ этимъ не согласенъ. Я увѣренъ, что она измѣнится сильно и рѣзко, и что немногіе изъ присутствующихъ въ этой залѣ, немногіе изъ насъ будутъ тогда сидѣть здѣсь. Если будетъ созданъ этотъ институтъ, эта нившая земская единица,—господа, защитники ея какъ-ни-какъ отдадутъ дѣло, откажутся отъ него, оно уйдетъ отъ нихъ. Неужели же, господа, мы имѣемъ право отказаться теперь отъ земскаго дѣла? Намъ бросаютъ упрекъ въ томъ, что мы—кружокъ людей, которые создали себѣ какую-то монополію заниматься земскими вопросами, дѣломъ, которое намъ не близко! Нѣтъ, оно намъ близко—это разъ. Зачѣмъ мы сюда ѣздимъ? Зачѣмъ работаемъ въ уѣздахъ, какъ не потому, что это дѣло намъ дорого? Какъ же можемъ мы теперь уйти отъ него? Мы уйдемъ, но уйдемъ тогда, когда у насъ будутъ преемники. Намъ говорятъ: „не батраковъ и не солдатъ можетъ дать русскій народъ“. Русскій народъ, понимая подъ нимъ крестьянство, можетъ дать работниковъ и на другихъ поприщахъ—я не сомнѣваюсь. Вѣра—да! Вѣра—дѣло хорошее, вѣра горы сдвигаетъ. Но когда мы оцѣниваемъ какое-либо государственное мѣропріятіе, мы не вправѣ основывать наше сужденіе о немъ на одной вѣрѣ. Русскій народъ издавна давалъ славныя имена, но развѣ это не были единицы? А земское дѣло мы отдадимъ не единицамъ, а массѣ. Есть ли въ васъ увѣренность, что эта масса возьметъ наше дѣло и будетъ вести его лучше, чѣмъ мы? (А. М. Колмакинъ: Да, есть.) У васъ эта увѣренность есть. У меня ея нѣтъ. И вы мнѣ, кромѣ какъ одной ссылкой на вашу вѣру, ничѣмъ не опровергнете того, что я говорилъ. Вы никакими данными, никакими фактическими данными не докажете противнаго, да и доказать этого невозможно. У насъ нѣтъ готовыхъ элементовъ, которые пришли бы намъ на смѣну. Давайте работать для созданія этихъ элементовъ! Возьмемъ общіе вопросы. Требуйте, чтобы не мы были опущены до крестьянъ, а чтобы они поднялись до насъ. Да, требуйте! Но сейчасъ отдавать имъ такое громадное дѣло рискованно! Насъ могутъ упрек-

нуть и упрекаютъ:— „А вы-то кто? Вы—представители сословія!“— Да, мы съ 1890 года представители сословія. Но это съ теоретической стороны только вѣрно, а практика, жизнь показала иное. Когда введено было сословное начало, съ сильнымъ преобладаніемъ дворянскаго сословія въ земскихъ собраніяхъ, то предполагалось—я не говорю, чтобы это было осуществлено, но публицистами предполагалось,—что будутъ положены конецъ тратамъ на меньшого брата, что дворяне будутъ, главнымъ образомъ, заботиться объ улучшеніи дорогъ, такъ какъ у насъ такія дороги, по которымъ ѣздить нельзя въ рессорныхъ экипажахъ. Но развѣ эти предположенія оправдались? Обратитесь къ цифрамъ. Правда, цифры показывали склонность къ наденію земскихъ бюджетовъ. Да, это имѣло мѣсто, но когда? Въ восьмидесятихъ годахъ, когда дѣйствовало старое положеніе. А съ пятидесятихъ годовъ земскія смѣты стали расти такъ, какъ никогда прежде: съ 1885 по 1900 годъ онѣ выросли съ 46 на 85 милліоновъ, причемъ главный предметъ расходовъ—тѣ же школы, тѣ же больницы. Мы не можемъ сказать, что мы дѣлаемъ дѣло хорошо, что мы дѣлаемъ его превосходно. Нѣтъ, мы дѣлаемъ дѣло, какъ можемъ. И земство не всегда стоитъ на высотѣ своего положенія. Но мы все-таки дѣлаемъ, мы имѣемъ результаты, и отказаться отъ этого дѣла мнѣ, по крайней мѣрѣ, было бы очень и очень тяжело, не будучи увѣреннымъ въ томъ, каковы будутъ наши преемники.

Проводится еще со стороны защитниковъ низшей земской единицы параллель между предлагаемой ими реформой и освобожденіемъ крестьянъ. Извѣстный сторонникъ идеи мелкой земской единицы, предсѣдатель новгородской губернской управы Сомовъ, говорилъ на московскомъ съѣздѣ агрономовъ, что до тѣхъ поръ, пока существуютъ теперешнія земскія учрежденія, учрежденія центральныя могутъ ихъ кроить и перекраивать какъ угодно; но когда будетъ учреждена низшая земская единица—ничего подобнаго дѣлать будетъ нельзя: земство тогда станетъ народнымъ достояніемъ, и перекраивать его нельзя будетъ, какъ нельзя возстановить крѣпостное право. Неужели вы не видите всю наивность этой мысли? Крѣпостное право возстановить нельзя. Его можно и должно было только отмѣнить, потому что пока существовали рабы и рабовладѣльцы, ни о чемъ, ни о какомъ прогрессѣ думать нельзя было. Гдѣ же аналогія между освобожденіемъ крестьянъ и созданіемъ низшей земской единицы? Въ одномъ случаѣ предоставлялись крестьянамъ права лица, права человѣка, а въ другомъ—рѣчь идетъ объ учрежденіи, которое создается извѣстнымъ установленнымъ порядкомъ, и которое этимъ же порядкомъ можетъ быть всегда видоизмѣнено.

Вотъ соображенія, которыя я считалъ необходимымъ представить. Прошу прощенія за то, что затруднилъ ваше вниманіе. Въ силу приведенныхъ доводовъ, я по совѣсти долженъ сказать, что по принципиальному вопросу: нужно ли сегодня, сейчасъ ходатайствовать о томъ, чтобы была создана низшая земская единица,—надо отвѣтить: нѣтъ, такое ходатайство несвоевременно“.

Послѣ перерыва и рѣчей другихъ ораторовъ мною было еще сказано слѣдующее:

Я не буду утруждать собраніе, а только позволю себѣ добавить нѣсколько словъ для выясненія тѣхъ положеній, которыя были мною высказаны. Быть можетъ, я недостаточно ясно выражался и тѣмъ вызвалъ недоразумѣнія. Я не слышалъ этого возраженія здѣсь, но многіе высказали его мнѣ во время перерыва,—что я, набрасывая картину будущихъ избирательнаго и земскаго собраній, какъ она мнѣ представляется, говорилъ о томъ, что предсѣдателемъ въ моихъ глазахъ рисуется земскій начальникъ. Мнѣ на это говорятъ, что я не имѣлъ въ виду предположенія, которое было сдѣлано московскимъ съѣздомъ, что московскій съѣздъ обсуждалъ этотъ вопросъ. Но, господа, здѣсь недоразумѣніе: на стр. 74 доклада управы перечислены всѣ предположенія, т.-е. условія, при которыхъ московскій съѣздъ агрономовъ предполагалъ ходатайствовать объ образованіи мелкой земской единицы, и въ пунктѣ 7-мъ говорится, что въ составъ исполнительнаго органа не должны входить лица, несущія административныя и судебныя должности въ данномъ районѣ. Я вовсе не говорилъ о томъ, что земскіе начальники будутъ во главѣ исполнительнаго органа; я имѣлъ въ виду совсѣмъ другое. Нормально, чтобы предсѣдателемъ распорядительнаго органа самоуправляющейся единицы было лицо, избираемое самимъ распорядительнымъ органомъ; говорю: нормально—съ теоретической точки зрѣнія, и такое предположеніе имѣло мѣсто въ шестидесятыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ. Но въ обоихъ случаяхъ законодатель рѣшилъ вопросъ иначе. Законъ требуетъ, чтобы предсѣдательство было возложено на должностное лицо:

Тутъ предсѣдатель остановилъ меня, заявивъ, что пока детали предлагаемой организаціи не обсуждаются).—Виновать,—отвѣчалъ я,—я только хотѣлъ разъяснить и сваяу въ двухъ словахъ. Я говорю, что, рисуя картину будущей земской низшей единицы, имѣю въ виду существующія условія, и думаю, что возможно надѣяться на удовлетвореніе ходатайства лишь при сохраненіи существующихъ условій. А въ такомъ случаѣ естественно, что во главѣ земскаго собранія низшей единицы окажется должностное лицо. Представьте себѣ, что эти функціи будутъ предоставлены земскимъ начальникамъ!?

И. И. Петрункевичъ закончилъ свою рѣчь приглашеніемъ земскаго собранія провозгласить, такъ сказать, право каждаго плательщика на свободное, широкое участіе въ удовлетвореніи своихъ собственныхъ потребностей. Да развѣ противъ этого можно спорить? Я цѣлкомъ присоединяюсь къ его приглашенію, но развѣ это составляетъ предметъ нашихъ сужденій? Нѣтъ, предметъ сужденія составляетъ предложеніе образовать низшую земскую единицу. Я прошу прощенія у Ивана Ильича, но не вижу логической связи между такимъ отвлеченнымъ провозглашеніемъ правъ гражданина на участіе въ развитіи мѣстныхъ потребностей съ тѣмъ конкретнымъ предложеніемъ, которое составляетъ предметъ нашего обсужденія. Если мы обратимся къ вопросу съ чисто теоретической точки зрѣнія, то онъ представится иначе, а я все время, повторяю, стоялъ на точкѣ зрѣнія практической, помня, что предложеніе возбудить извѣстное ходатайство значитъ просить о созданіи извѣстнаго органа. Несомнѣнно, еслибы тверская губернія была населена эскимосами, то и эскимосы были бы вправѣ устроить свою жизнь такъ, какъ они хотятъ. Несом-

нѣбно, что каждый крестьянинъ долженъ имѣть подобное право. Будемте хлопотать о томъ, чтобы крестьяне получили такое право. Но какъ вы вдвинете въ совершенно безправное положеніе, или въ положеніе съ крайне ограниченными правами, учрежденіе, дающее права самоопредѣленія и самоуправленія при условіи, что масса въ другихъ отношеніяхъ останется безправной? Съ этой точки зрѣнія не могу не оставить безъ возраженія тѣ немногія слова, которыя были посвящены Александромъ Михайловичемъ Колюбакинымъ этому частному вопросу. Онъ исходилъ изъ того, что я будто бы не признаю значенія политическаго воспитанія. Нѣтъ, я признаю. Александръ Михайловичъ говоритъ, что, только создавая такое учрежденіе, вы дадите крестьянину права гражданина, какъ ему были даны въ 1861 году права лица, человѣка. Но развѣ этимъ будетъ дана вся необходимая совокупность правъ? Нѣтъ, будутъ даны права въ наименѣе существенныхъ областяхъ. Несомнѣнно, что политическое воспитаніе создается самодѣятельностью: воспитывать можетъ только практическая дѣятельность. Это вѣрно;—но развѣ стоитъ вопросъ объ общей реформѣ, развѣ намъ предлагаютъ то пожеланіе, которое было выражено Иваномъ Ильичемъ? Это—громадная разница. Къ такому пожеланію нельзя не присоединиться, но надо считаться съ тѣми условіями, которыя есть, и трудно предполагать, трудно думать, чтобы получило нормальные результаты включеніе въ общее малоправное положеніе крестьянъ права на самоопредѣленіе въ одной тѣсной области.

На баллотировку былъ поставленъ вопросъ: признаетъ ли собраніе желательнымъ и необходимымъ организацію мелкой земской единицы? Какъ извѣстно, 19 голосовъ дали отвѣтъ утвердительный, 28—отрицательный.

В. Кузьминъ-Карававъ.

2 марта 1902 года.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1902.

Франко-русская декларация.—Отношенія державъ на Дальнемъ востоѣ.—Рѣчь Делькассѣ въ сенатѣ.—Новыя проявленія жизнѣнности франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія.—Г. Делькассѣ и „Новое Время“ о багдадской желѣзной дорогѣ.—Южно-африканская война.—Сесиль Родсъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 7 марта напечатано слѣдующее официальное сообщеніе:

„Договоръ, заключенный въ минувшемъ январѣ между Англіею и Японіею, возбудилъ самыя противорѣчивыя толкованія и разнообразныя догадки, особливо въ виду того, что этимъ актомъ двѣ изъ одиннадцати державъ, еще недавно подписавшихъ пекинскій протоколъ при завершеніи ихъ совокупныхъ дѣйствій въ Китаѣ, какъ будто отдѣлялись отъ другихъ и становились въ особыя отношенія къ Поднебесной имперіи, гдѣ общими усиліями водворенъ исконный порядокъ вещей и нынѣ возстановлена законная центральная власть.

„Императорское правительство, оцѣнивъ дружественныя сообщенія, сдѣланныя Россіи по этому поводу какъ японскимъ, такъ и великобританскимъ правительствами, отнеслось совершенно спокойно къ заключенію означеннаго договора. Начала, руководившія русскою политикою съ самаго возникновенія смуты въ Китаѣ, оставались и остаются неизмѣнными: Россія требуетъ независимости и непривосновенности сосѣдняго дружественнаго Китая, а равно и Кореи; Россія желаетъ сохраненія нынѣшняго положенія вещей и полнаго умиротворенія на Крайнемъ Востоѣ. Постройкою Великаго Сибирскаго пути съ вѣтвью, направленною къ незамерзающему порту, черезъ Манчурію, Россія содѣйствуетъ распространенію всемірной торговли и промышленности въ этихъ областяхъ. Въ ея ли интересахъ всему этому нынѣ создавать препятствія.

„Изывленное Англіею и Японіею намѣреніе способствовать достиженію тѣхъ же самыхъ цѣлей, неукоснительно преслѣдуемыхъ Россіею, могло лишь вызвать искреннее ея сочувствіе, вопреки толкамъ нѣкоторыхъ политическихъ сферъ и органовъ иностранной печати, стремившихся представить въ совершенно иномъ свѣтѣ невозмутимое отношеніе Императорскаго правительства къ дипломатическому акту, въ его глазахъ нисколько не измѣнившему положенія вещей на политическомъ горизонтѣ.

„Нынѣ, въ виду непрекращающейся агитаціи по поводу англо-японскаго договора, союзныя дружественныя правительства Россіи и Франціи сочли необходимымъ въ нижеслѣдующей тожественной деклараціи вполне опредѣленно заявить державамъ, представители коихъ вмѣстѣ съ русскимъ и французскимъ уполномоченными подписали пекинскій протоколъ 25-го августа (7-го сентября) 1901 года, о взглядѣ ихъ на означенный договоръ:

„Тожественная декларація отъ 3-го (16-го) марта 1902 года, одновременно врученная представителями Россіи и Франціи правительствамъ австро-венгерскому, бельгійскому, великобританскому, германскому, испанскому, итальянскому, китайскому, нидерландскому, сѣверо-американскому и японскому.

„Союзныя правительства Россіи и Франціи, получивъ сообщеніе объ англо-японскомъ договорѣ 17-го (30-го) января 1902 г., заключенномъ какъ въ видахъ обезпеченія *status quo* и общаго мира на Крайнемъ Востокѣ, такъ равно и съ цѣлью охраненія независимости Китая и Кореи, долженствующихъ оставаться открытыми для торговли и промышленности всѣхъ націй,—съ полнымъ удовольствіемъ усматриваютъ въ немъ подтвержденіе существующихъ началъ, кои, согласно неоднократнымъ заявленіямъ обѣихъ державъ, составляли и составляютъ основу ихъ политики.

„Оба правительства полагаютъ, что поддержаніе этихъ началъ является вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіемъ ихъ собственныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ.

„Вынужденныя, однако, съ своей стороны, не терять изъ виду возможности либо враждебныхъ дѣйствій другихъ державъ, либо повторенія беспорядковъ въ Китаѣ, могущихъ нарушить цѣлость и свободное развитіе Поднебесной имперіи въ ущербъ ихъ взаимнымъ интересамъ,—оба союзныя правительства предоставляютъ себѣ въ таковомъ случаѣ озаботиться принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ къ охраненію этихъ интересовъ.

С.-Петербургъ, 3-го (16-го) марта 1902 г.“

Англія, соединившись съ Японіею для совмѣстныхъ дѣйствій на Дальнемъ востокѣ, не имѣла, конечно, въ виду доставить удовольствіе другимъ державамъ, и если теперь оказывается, что англо-японская конвенція встрѣчаетъ полное одобреніе и сочувствіе со стороны тѣхъ именно кабинетовъ, противъ которыхъ она была по существу направлена, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ какъ будто о неудачѣ британской дипломатіи. Англичане, заодно съ японцами, выступили официальными защитниками неприкосновенности Китая и Кореи; они стоятъ за политику „открытыхъ дверей“, т.е. противъ торгово-про-

мысленныхъ монополій и привилегій отдѣльныхъ державъ въ предѣлахъ названныхъ странъ; наконецъ, они заявляютъ рѣшимость охранять свои особые мѣстные интересы всякими способами, какіе покажутся имъ цѣлесообразными. Въ свою очередь Франція и Россія также готовы защищать неприкосновенность Китая и Кореи, также высказываются за принципъ „открытыхъ дверей“ и столь же рѣшительно предоставляютъ себѣ право „озаботиться принятіемъ соотвѣствующихъ мѣръ къ охраненію“ своихъ взаимныхъ интересовъ, въ случаѣ нарушенія ихъ враждебными дѣйствіями другихъ державъ или внутренними безпорядками въ самомъ Китаѣ. Еще раньше говорилось въ томъ же смыслѣ и о тѣхъ же предметахъ въ текстѣ англо-германскаго договора 1900 года. Вообще, въ послѣдніе годы западно-европейскіе дипломаты стали слишкомъ много заниматься вопросомъ объ охранѣ неприкосновенности китайской территоріи; а усиленные толки о чьей-либо неприкосновенности всегда наводятъ на грустныя мысли. Подъ вліяніемъ хлопотъ о цѣлости и неприкосновенности Турціи англичане безъ войны захватили Кипръ и Египетъ, австріяцы присвоили себѣ Боснію и Герцеговину. Первые планы раздѣла китайскихъ областей исходили отъ Англій и Японіи, которыя теперь возводятъ неприкосновенность Китая на степень политическаго догмата. Такъ какъ ни одна изъ прочихъ державъ не думала и не думаетъ напасть на Китай съ завоевательными цѣлями, то чрезмѣрныя заботы о защитѣ китайской неприкосновенности должны имѣть свою особую подкладку. Франко-русская декларація отнимаетъ у англичанъ и ихъ союзниковъ привилегію заботъ о Китаѣ, устанавливая и въ этомъ отношеніи систему „открытыхъ дверей“. Опасность одностороннихъ распоряженій Англій и Японіи на Дальнемъ востокѣ исчезаетъ или значительно ослабляется, когда такія же распоряженія предоставляютъ себѣ дѣлать, въ случаѣ надобности, и двѣ другія, не менѣе могущественныя великія державы. Въмѣсто одной международной группы охранителей Китая выступаютъ сразу двѣ, почти равносильныя, — причѣмъ первая, руководимая, очевидно, активными замыслами, неизбежно парализуется въ своихъ начинаніяхъ. Въ этомъ прежде всего заключается непосредственная практическая важность дипломатической мѣры, принятой союзными правительствами Франціи и Россіи.

Въ засѣданіи французскаго сената, 20 марта (нов. ст.), министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассѣ весьма убѣдительно объяснилъ значеніе сдѣланнаго шага. Напомнивъ о настойчивыхъ неоднократныхъ заявленіяхъ Франціи въ пользу территоріальной неприкосновенности Китая, съ самаго начала послѣдняго китайскаго кризиса, когда повсюду и особенно въ Англій обсуждались проекты прямого или замаскированнаго раздѣла, подъ видомъ разграниченія „сферы вліянія“, — Дель-

кассѣ не безъ ироніи отмѣчаетъ благополучный поворотъ къ охранительнымъ принципамъ, провозглашеннымъ, какъ нѣчто новое, въ англо-японскомъ договорѣ. „Возможно ли допустить,—говорилъ министр,—что принципы, имѣющіе столькихъ и столь могущественныхъ защитниковъ, сдѣлаются когда-нибудь предметомъ серьезныхъ угрозъ и опасностей? Разумѣется, надо все предвидѣть, даже то, что признается невѣроятнымъ; и потому, безъ сомнѣнія, Англія и Японія согласились между собою дѣйствовать совместно въ случаѣ какихъ-либо посягательствъ на неприкосновенность Китая и на связанные съ нею обоюдные ихъ интересы. Но подобная случайность должна одинаково интересовать всѣ державы, и преимущественно Россію и Францію, владѣнія которыхъ на большомъ протяженіи граничатъ съ Китаемъ. Не только въ областяхъ, сосѣднихъ съ Тонкиномъ, но и въ другихъ китайскихъ провинціяхъ, французы не разъ принимали дѣятельное участіе въ мѣрахъ обезпеченія спокойствія и безопасности для иностранцевъ; такъ, въ іюлѣ 1900 года они первые высадили отрядъ войскъ въ Шанхаѣ, когда возстаніе грозило съ сѣвера перейти въ долины Янь-цзы-кіана. Продолжая держаться относительно Китая той же дружественной и миролюбивой политики, благоприятной французскимъ интересамъ, Франція будетъ съ тѣмъ большею энергіею охранять эти интересы, еслибы имъ угрожала какая бы то ни было опасность. Таковы соображенія, вызванныя въ насъ англо-японскимъ договоромъ; такъ думаетъ о немъ и Россія, которой, какъ и намъ, былъ сообщенъ его текстъ и съ которою вмѣстѣ мы его обсуждали, какъ и подобаетъ союзнымъ державамъ, имѣющимъ столько существенныхъ общихъ или совпадающихъ интересовъ въ Китаѣ и въ другихъ мѣстахъ. Едва ли нужно прибавлять, что еслибы, вопреки столь сильнымъ и многочисленнымъ гарантіямъ, территоріальная цѣлость Китая подвергалась опасности и нашимъ интересамъ грозило нарушеніе—мы не преминули бы поддержать ихъ совместными нашими усиліями“. Въ заключеніе, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ коснулся общаго вопроса о союзахъ и высказалъ нѣсколько мыслей о прочности франко-русскаго союза. „Съ этимъ англо-японскимъ трактатомъ—по его мнѣнію—падаетъ послѣднее противодѣйствіе политикѣ союзовъ, выдвинутой на первый планъ руководителемъ державы, которая, выйдя побѣдительною изъ послѣдней великой войны, наименѣе нуждалась въ гарантіяхъ и опорахъ. Это неизбѣжный результатъ объединенія крупныхъ національностей и образованія могущественныхъ государствъ, располагающихъ почти одинаковыми силами, причѣмъ для cadaго изъ нихъ въ отдѣльности становится все болѣе труднымъ проводить свою политику до конца. Задачею является поэтому устройство союзовъ, основанныхъ на солидарности

высшихъ и постоянныхъ интересовъ, которые могутъ развиваться свободно, не рискуя столкнуться между собою; а когда къ полному совпадению интересовъ присоединяется еще гармонія чувствъ, то можно сказать, что условія совершеннаго союза имѣются на лицо, — насколько вообще совершенство встрѣчается въ этомъ мирѣ. Такого рода союзъ соединяетъ насъ съ Россією. Вотъ почему съ годами онъ не слабѣетъ, а укрѣпляется и распространяетъ свое значеніе: вчера — способъ обезпеченія для обѣихъ націй, сегодня — залогъ свободы дѣйствій для ихъ политики, направленной лишь къ охранѣ ихъ правъ и интересовъ; завтра — бдительная международная сила, слѣдящая за тѣмъ, чтобы мировое равновѣсіе не было нарушено къ ихъ ущербу, при какихъ бы то ни было событіяхъ. Только ошибки людей могли бы ослабить или разрушить то, что связывается взаимными интересами; нельзя опасаться или надѣяться, что подобныя ошибки будутъ совершены. Союзъ долговѣченъ потому, что онъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія долговѣчности; это подтвердитъ и предстоящее путешествіе нашего уважаемаго главы государства съ цѣлью передать Монарху великой союзной націи сердечное привѣтствіе и пожеланія Франціи“.

Въ иностранной печати франко-русская декларация повята была прежде всего какъ первое официальное выступленіе союза на поприще активной политики, хотя и въ духѣ миролюбія и сдержанности. Обѣ союзныя державы впервые обращаются къ другимъ націямъ и государствамъ съ совмѣстнымъ заявленіемъ, свидѣтельствующимъ о сознательномъ единствѣ цѣлей и способовъ дѣйствія; притомъ это обращеніе касается обширной сферы азіатскихъ интересовъ, тогда какъ первоначально союзъ имѣлъ лишь значеніе противовѣса средне-европейской тройственной лигѣ мира. Наиболее существеннымъ и серьезнымъ считается это фактическое доказательство всеобщаго мирового характера франко-русскаго союза, въ отличіе отъ другихъ международныхъ комбинацій. Какъ выразился по этому поводу парижскій корреспондентъ „Таймса“, „тройственный союзъ есть союзъ европейскій, англо-японскій — союзъ азіатскій, а франко-русскій — союзъ всемірный“.

Само собою разумѣется, что новое подтвержденіе жизненности франко-русскаго союза должно было отчасти удовлетворить французскую публику, которая начинала уже какъ будто разочаровываться въ плодотворной силѣ обоюдной дипломатической дружбы. Въ несомнѣнной связи съ этимъ оживленіемъ союза находится и возвѣщенная правительствомъ поѣздка президента Лубе въ Россію. Сообщение объ этой поѣздкѣ встрѣчено было въ палатѣ депутатовъ безъ особеннаго энтузіазма, но и безъ возраженій и протестовъ. Испрашивая кредитъ

въ пятьсотъ тысячъ франковъ на покрытие расходовъ по путешествію Лубе, министр иностранныхъ дѣлъ, въ засѣданіи 24 марта, прочталь текстъ полученнаго приглашенія и повторилъ обычные мотивы, побуждающіе желать возможно болѣе тѣснаго сближенія между Франціею и Россіею. Предложеніе о потребованномъ кредитѣ, согласно заявленію предсѣдателя бюджетной коммиссіи, было признано неотложнымъ и одобрено большинствомъ 469 голосовъ противъ 32. Вслѣдъ затѣмъ, депутатъ Фирменъ Форъ произнесъ рѣчь, которую закончилъ слѣдующимъ вопросомъ по адресу г. Делькассе: „Когда начнете вы, наконецъ, работать на пользу Франціи?“ Фирменъ Форъ говорилъ о багдадской или анатолийской желѣзной дорогѣ, проведеніе которой предоставлено частному международному обществу, состоящему въ большинствѣ изъ нѣмцевъ; теперь дѣло идетъ о привлеченіи французскихъ капиталовъ въ этому германскому предпріятію, пагубному для французскаго вліянія въ Малой Азіи, и правительство не принимаетъ никакихъ мѣръ для охраны интересовъ Франціи въ данномъ случаѣ. Министръ Делькассэ отвѣчалъ вполнѣ резонно, что французская дипломатія ни прямо, ни косвенно не вмѣшивалась въ вопросъ о концессіи анатолийской желѣзной дороги извѣстному обществу капиталистовъ; но „разъ концессія дана, то почему французы должны намѣренно устраниться отъ дѣла? Послѣ предварительныхъ изысканій организуется окончательная желѣзно-дорожная компанія, и мѣшать французамъ сдѣлаться ея участниками нѣтъ ни малѣйшаго повода. Русскій элементъ будетъ тамъ также имѣть представителей. Возможно, что французамъ будетъ удѣлена такая же доля участія, какъ и другимъ иностранцамъ“. Палата согласилась съ министромъ и перешла къ другому вопросу, поднятому группою депутатовъ крайней лѣвой. Въ виду ассигнованія пятисотъ тысячъ франковъ на путешествіе президента Лубе въ Россію, внесено предложеніе объ ассигнованіи такой же точно суммы въ пользу рабочихъ, оставшихся безъ занятій. Неотложность этого проекта отвергнута большинствомъ 251 противъ 156 голосовъ, и проектъ переданъ въ бюджетную коммиссію. Очевидно, общее направленіе политики министерства не пользуется широкою популярностью, несмотря на внѣшніе усилія, въ которыхъ причисляется и заграничная поѣздка президента республики.

Нападки французскихъ націоналистовъ на г. Делькассэ за мнимое поощреніе германскихъ политическихъ предпріятій нашли неожиданную поддержку въ нашей печати. „Новое Время“ посвятило этому предмету большую передовую статью (въ № отъ 18 марта), въ которой рѣзко уличаетъ французскаго министра въ незнакомствѣ съ официальными разсужденіями нашего „Вѣстника Финансовъ“. Оказывается, что въ означенномъ органѣ нашего финансоваго вѣдомства было уже категе-

рически заявлено объ отказѣ русскаго правительства отъ всякаго участія въ постройкѣ багдадской желѣзной дороги, должествующей „усилить въ Малой Азій чужеземное вліяніе“, тѣмъ болѣе, что эта дорога „создастъ конкуренцію нашему хлѣбу на германскомъ рынкѣ“. Между тѣмъ, г. Делькассэ имѣлъ неосторожность сказать въ палатѣ депутатовъ, что въ управленіи багдадской дороги будетъ предоставлено участвовать и русскимъ предпринимателямъ, а по краткимъ газетнымъ отчетамъ онъ выразился даже, что „Россія будетъ тамъ представлена“ (La Russie y sera représentée). Такъ какъ г. Делькассэ говорилъ исключительно объ участіи отдѣльныхъ лицъ, въ качествѣ капиталистовъ, и прямо отрицалъ какое бы то ни было отношеніе правительства къ обсуждаемымъ предложеніямъ и сдѣлкамъ, то и фраза о русскомъ участіи имѣла только этотъ же специальныйъ смыслъ и едва ли могла быть понята кѣмъ-нибудь иначе, вопреки увѣренію „Новаго Времени“. Полный официальный текстъ его рѣчи, приводимый и въ названной газетѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ именно о возможномъ участіи „русскаго элемента“, на ряду съ французскимъ, который имѣетъ шансы занять въ предпріятіи мѣсто, вполне равное положенію нѣмецкихъ участниковъ. Французскій министръ находитъ, что французамъ нѣтъ основанія уклоняться отъ участія въ завѣдываніи такимъ международнымъ предпріятіемъ, которое во всякомъ случаѣ будетъ доведено до конца; а „Новое Время“ сравниваетъ это разсужденіе съ разсчетами чловѣка, который, послѣ того какъ другими получена концессія на устройство игорнаго дома, будетъ способствовать сооруженію его и получать съ него соотвѣтственную долю дохода. Газета объявляетъ всякое участіе въ багдадской желѣзной дорогѣ неприязненнымъ дѣйствіемъ по отношенію къ Россіи, и подобно тому какъ русское правительство не стало бы поощрять германскія предпріятія въ Эльзасѣ-Лотарингіи, такъ и Франція не можетъ и не должна оказывать содѣйствіе германскимъ проектамъ въ Малой Азій, ибо „багдадская дорога есть по существу та же Эльзасѣ-Лотарингія (!), но только въ Малой Азій“. „Столь первоначальныя истины политики“ — прибавляетъ „Новое Время“ — „должны бы быть распространены, казалось бы, гораздо шире, чѣмъ въ этомъ приходится убѣждаться на дѣлѣ“. Чтобы просвѣтить французскаго министра насчетъ этихъ „первоначальныхъ истинъ“, газета напоминаетъ, что сначала Германія стремилась втянуть въ свое предпріятіе Россію, а послѣ ея отказа „прибѣгла къ посредничеству, уже совершенно неожиданному“, причеиъ г. Делькассэ „доставилъ ей нынѣшнее торжество“ (?). По мнѣнію „Новаго Времени“, „все это произошло отъ того, что г. Делькассэ сталъ говорить официально о дѣлѣ, которое онъ недостаточно выяснилъ себѣ въ главныхъ и необходимѣйшихъ подробностяхъ. Офици-

ціальное заявленіе русскаго правительства въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ онъ совершенно пропустилъ вниманіемъ“. Конечно, это обстоятельство „не повліяетъ на вѣрность и искренность великаго франко-русскаго союза. Германія не удастся создать въ немъ своего рода дрейфусизмъ— ввести отравляющую германскую струю въ широкій франко-русскій потокъ идей и интересовъ, столь взаимно близкихъ. Россія заключила свой союзъ не съ отдѣльными личностями, не съ министромъ, не съ министрами, не съ правительствомъ, не съ палатою депутатовъ и сенатомъ Франціи, а съ французскимъ народомъ, въ мужественную силу и великій духъ котораго она вѣритъ. Рядомъ съ этимъ союзомъ— продолжаетъ газета — ничтожны недоразумѣнія временныя, въ продолжительность которыхъ мы не вѣримъ, хотя они и могутъ вызывать серьезныя недоумѣнія“. Собственно по дѣлу багдадской дороги „Новое Время“ считаетъ себя въ правѣ утверждать, что „г. Делькассѣ стоитъ въ немъ на совершенно ложной дорогѣ, и французскіе капиталисты весьма благоразумно сдѣлаютъ, отнесясь къ этому нѣмецкому предпріятію съ полнымъ недоумѣніемъ“.

Намъ кажется, что эти замѣчанія „Новаго Времени“ рѣшительно противорѣчатъ не только „первоначальнымъ истинамъ политики“, но и элементарнымъ правиламъ международнаго приличія. Представимъ себѣ на минуту, что какая-нибудь благонамѣренная французская газета, считающая себя солидарною съ правительствомъ,—въ родѣ парижскаго „Temps“,—заговорила бы въ подобномъ тонѣ о нашихъ министрахъ и въ частности о министрѣ иностранныхъ дѣлъ, или обо всемъ нашемъ правительствѣ, ссылаясь на то, что Франція находится въ союзѣ не съ русскими министрами и даже не съ русскимъ правительствомъ, а съ русскимъ народомъ, „въ мужественную силу и великій духъ котораго она вѣритъ“. Что бы тогда подумали у насъ о французскомъ союзѣ и что сказало бы само „Новое Время“? Насколько намъ извѣстно, Россія заключила союзъ именно съ французскимъ правительствомъ и съ французскими министрами, и она даже не имѣла бы возможности заключить союзъ съ самимъ французскимъ народомъ, помимо его законныхъ представителей, министровъ и президента республики. Быть можетъ, „Новое Время“ предпочло бы видѣть французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Деруледа или кого-нибудь другого, вмѣсто г. Делькассѣ, а главою государства—не г. Лубе, а, на примѣръ, генерала Рожэ или принца Виктора-Наполеона; съ своей стороны, и французы могли бы имѣть свои симпатіи и мнѣнія относительно выбора тѣхъ или другихъ лицъ на наши правительственныя должности,—но, очевидно въ международной политикѣ мы, какъ и французы, должны считаться съ тѣми правительствами и министрами, какіе существуютъ въ данной странѣ. Еслибы мы желали имѣть дѣло съ одною изъ оппозиціонныхъ французскихъ партій, на примѣръ, съ

націоналистами или бонапартистами, а не съ господствующими нынѣ республиканцами, то никакого союза съ современною Франціею у насъ вовсе не существовало бы; между тѣмъ, союзъ несомнѣнно установился, и „Новое Время“ называетъ его „великимъ“.

Мы не совсѣмъ понимаемъ также, почему газета приписываетъ себѣ право обращаться съ суровыми нотациями и наставленіями къ министру иностранныхъ дѣлъ союзной державы. Изъ того, что Франція состоитъ съ нами въ союзѣ, не слѣдуетъ еще, что ея министры подлежатъ нашему контролю и что мы можемъ безперемонно требовать отъ нихъ подчиненія всякимъ указаніямъ и разъясненіямъ, напечатаннымъ въ нашемъ „Вѣстникѣ Финансовъ“. Официальные отзывы и сужденія нашего финансоваго вѣдомства по международнымъ дѣламъ не лишаютъ французовъ возможности имѣть и высказывать объ этихъ дѣлахъ свои особыя мнѣнія, несогласныя съ нашими, особенно при отсутствіи прямого взаимнаго соглашенія по спорному вопросу. Что такого соглашенія относительно багдадской дороги не было и что оно не служило даже предметомъ переговоровъ,—это видно уже изъ всей рѣчи г. Делькассэ, которому „Новое Время“ ставить въ вину именно только невниманіе къ статьямъ „Вѣстника Финансовъ“: если французскій министръ не знаетъ этихъ статей или игнорируетъ ихъ, то, значить, выраженные въ нихъ взгляды не были ему сообщены официально и не являются результатомъ обоюднаго обмѣна мыслей. Слѣдить же за нашею спеціальною печатью и принимать ея сужденія въ руководство—никто изъ правительственныхъ дѣятелей Франціи не обязанъ, и самое предложеніе такого рода было бы сочтено за обиду.

По существу для насъ остается неяснымъ, противъ чего собственно протестуетъ „Новое Время“ и чего желаетъ оно въ дѣлѣ багдадской желѣзной дороги. Представляется ли эта дорога вообще зловредною, подобно игорному дому, независимо отъ національнаго состава распорядителей, или она признается нежелательною только въ той мѣрѣ, въ какой хозяевами ея окажутся нѣмцы? Странно было бы возражать противъ сооруженія желѣзной дороги въ такой богатой, хотя и запущенной странѣ, какъ Малая Азія; сосѣдство ея съ нашими владѣніями должно только усилить нашъ интересъ въ осуществленіи предпріятія. Очень можетъ быть, что новый желѣзно-дорожный путь „сздастъ конкуренцію нашему хлѣбу на германскомъ рынкѣ“; но германскій рынокъ не находится вообще въ нашемъ распоряженіи, и его могутъ закрыть для насъ во всякое время не только высокими таможенными пошлинами, но и привлеченіемъ австрійскихъ и американскихъ хлѣбныхъ продуктовъ. Боязнь конкуренціи, и притомъ на иностранныхъ рынкахъ, нигдѣ не принимается за серьезный доводъ противъ усовершенствованія путей сообщенія, противъ удешевленія перевозки товаровъ изъ отдаленныхъ частей земного шара. Багдадская

дорога повидимому отвергается лишь потому, что концессія на ея постройку добыта нѣмецкими предпринимателями. Но наши отношенія съ Германіею далеко не столь враждебны, какъ можно было бы заключить изъ статьи „Новаго Времени“; напротивъ, они скорѣе дружественны и во всякомъ случаѣ миролюбивы,—иначе мы не стали бы допускать свободнаго развитія германской предпримчивости въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, и прежде чѣмъ толковать объ опасности нѣмецкихъ желѣзно-дорожныхъ сооружений въ азіатской Турціи, мы подумали бы о непрерывномъ, колоссальномъ ростѣ германской колонизации въ обширныхъ и плодороднѣйшихъ областяхъ нашего отечества, особенно въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ. Если, какъ увѣряетъ „Новое Время“, нѣмецкая багдадская дорога есть для насъ Эльзась-Лотарингія, то что же изображаютъ собою многочисленныя нѣмецкія владѣнія, предпріятія и колоніи въ предѣлахъ Россіи? Отсюда видно, что наше правительство не смотритъ на нѣмцевъ какъ на враговъ, даже когда они дѣйствуютъ и распоряжаются внутри русскихъ границъ; поэтому нѣтъ основанія прилагать къ одной лишь багдадской желѣзной дорогѣ какую-то особую мѣрку, предполагающую безусловно непріязненныя отношенія съ нѣмцами и съ Германіею.

Въ чемъ же заключается сущность возбужденнаго спора? Г. Делькассѣ ставить простой вопросъ, легко разрѣшаемый съ точки зрѣнія здраваго смысла: что лучше и выгоднѣе для французовъ—оставить багдадскую дорогу всецѣло въ нѣмецкихъ рукахъ, или же принять въ ней долю участія, равную нѣмецкой, съ замѣною такимъ образомъ чисто-германскаго характера дороги вполне международнымъ? Трудно предположить, что постройка дороги можетъ вовсе не состояться при отказѣ французскихъ капиталистовъ; въ случаѣ надобности, всегда найдутся для этого капиталы и въ Англии, и въ Америкѣ. Рекомендуемое „Новымъ Временемъ“ категорическое уклоненіе французовъ отъ каковаго бы то ни было участія въ дѣлѣ способно привести только къ тому, что дорога останется въ завѣдываніи однихъ нѣмцевъ и англичанъ, и что ни французы, ни русскіе не будутъ имѣть на нее никакого вліянія. Почему такое бесплодное уклоненіе предпочтительнѣе активнаго воедѣйствія — неизвѣстно. Наконецъ — повторяемъ — рѣчь идетъ исключительно о частныхъ капиталахъ и капиталистахъ, надъ которыми правительство вовсе не властно: ни г. Делькассѣ, ни кто-либо другой изъ французскихъ министровъ, ни кабинетъ въ полномъ составѣ, ни даже парламентъ не можетъ помѣшать отдѣльнымъ французамъ участвовать въ сооруженіи багдадской желѣзной дороги. „Новое Время“ считаетъ французское правительство и въ частности министра иностранныхъ дѣлъ ответственнымъ за то, что какая-то группа французскихъ капиталистовъ ведетъ переговоры съ германскими желѣзно-дорожными концессионерами въ Малой Азіи; однако, и русскимъ под-

дааннымъ, если не ошибаемся, предоставлено вести подобныя же переговоры, и если у насъ не послѣдовало на то формальнаго запрещенія, то нечего претендовать за это и на Францію. Въ результатъ выходитъ, что „Новое Время“ совершенно неосновательно напало на г. Делькассэ и напрасно заговорило о французскомъ правительствѣ въ такомъ высокомѣрномъ и придирчивомъ тонѣ, который вообще несомѣстимъ съ понятіями политической дружбы и—тѣмъ менѣе—союза. За границею принято думать, что по вопросамъ внѣшней политики русская печать высказываетъ лишь то, что ей предписано или внушено свыше; въ частности „Новое Время“ пользуется почему-то репутаціею полу-офиціозной газеты, и приведенныя нами рѣзкія сужденія могутъ справедливо возбудить недоумѣніе во Франціи. Крайняя оппозиція во французскомъ парламентѣ тоже не стѣсняется въ своихъ отзывахъ о Россіи; но то, что исполнѣ естественно со стороны представителей крайней лѣвой, не подобаетъ такимъ органамъ, какъ „Новое Время“, стоящее и нынѣ за сохраненіе и развитіе франко-русскаго союза. Какъ видно, условія и особенности этого союза не всѣми понимаются у насъ одинаково.

Въ южно-африканской войнѣ наступилъ какой-то переломъ. Буры, подъ предводительствомъ Деларей, нанесли тяжелый ударъ британскимъ войскамъ при Твибошѣ, 7 марта (нов. ст.): лордъ Метуэнъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, отрядъ его разбитъ и разсѣянъ, около 115 человекъ убито или ранено, пять орудій и почти весь обозъ захвачены бурами. Извѣстіе объ этомъ неожиданномъ пораженіи и особенно о взятіи въ плѣнъ генерала Метуэна произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Англии. Лордъ Метуэнъ былъ вторымъ лицомъ послѣ Китченера въ мѣстной дѣйствующей арміи; по служебному рангу онъ считался выше его, а по своимъ свѣтскимъ связямъ, какъ представитель одной изъ выдающихся аристократическихъ фамилій, онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ короля Эдуарда и сохранялъ популярность въ лондонскомъ обществѣ, несмотря на всѣ свои военныя неудачи въ южной Африкѣ. Захватъ лорда Метуэна былъ самъ по себѣ крупнымъ успѣхомъ для буровъ. Англійскія газеты обсуждали уже, какой уступки потребуесть Деларей за освобожденіе знатнаго плѣнника; но нѣсколько дней спустя, 13 марта, Метуэнъ былъ выпущенъ на свободу безъ всякихъ условій, согласно общему правилу, котораго неуклонно придерживаются бурскіе вожди. Великодушный поступокъ Деларей не остался безъ вліянія на общественное настроеніе англичанъ и снова оживилъ вопросъ о возможномъ мирѣ. Въ то же время сами буры обнаруживаютъ готовность вступить въ переговоры съ британскимъ правительствомъ. Замѣститель президента Крюгера въ Трансваалѣ, Шалькъ-Бургеръ, и статсъ-секретарь Рейтцъ, приближи

въ Преторію съ разрѣшенія лорда Китченера и отправились далѣе въ Кронстадтъ, для свиданія съ президентомъ Оранжевой республики, Штейномъ.

Съ этими передвиженіями бурскихъ представителей ставится въ связь поѣздка фельдмаршала лорда Уольслея въ Капскую колонію, — какъ говорятъ, по личному порученію короля Эдуарда. Послѣдній вообще настойчиво желаетъ мира; но мирныя условія, могущія удовлетворить парламентъ и правительство, до сихъ поръ еще признаются неподходящими для буровъ. Національное чувство, искусственно возбужденное Чемберленомъ и его единомышленниками, требуетъ безусловнаго подчиненія буровъ, которые, съ своей стороны, предпочитаютъ бороться до конца. Но, продолжая говорить въ прежнемъ тонѣ, многіе вліятельные патріоты даютъ уже понять, что возможны нѣкоторыя уступки и что о нихъ не трудно было бы столковаться при непосредственныхъ сношеніяхъ съ авторитетными бурскими предводителями. Неизмѣнно осталась бы только потеря вѣшной политической независимости, о сохраненіи которой едва ли мечтаютъ теперь самые смѣлые и энергическіе дѣятели обѣихъ республикъ. Буры готовы были бы признать надъ собою номинальную власть Англіи, но не могутъ отказаться отъ требованія полной амнистіи для капскихъ африкандеровъ, воевавшихъ въ ихъ рядахъ; а англичане упорно пригнѣняютъ къ этимъ африкандерамъ общепринятое понятіе о подданныхъ, возставшихъ противъ короля, предають ихъ военному суду, разстрѣливаютъ ихъ или сажаютъ въ тюрьму, смотря по обстоятельствамъ. Судьба колонистовъ, примкнувшихъ къ возстанію, служила главнѣйшимъ камнемъ преткновенія въ неоднократно начинавшихся переговорахъ о мирѣ; и если переговоры возобновляются нынѣ, то это показываетъ лишь, что и наиболѣе жгучіе спорные пункты не исключаютъ надежды на компромиссъ. Будетъ ли теперь найдена благоприятная почва для мирнаго соглашенія, которое положить конецъ безнадежному кровопролитію въ южной Африкѣ, — сказать еще трудно; но обѣ стороны чувствуютъ, что пора покончить съ войною, одинаково убійственною и для побѣжденныхъ, и для побѣдителей.

Одинъ изъ первыхъ вдохновителей этой войны, организаторъ британскаго могущества и преобладанія въ значительной части южной Африки, знаменитый Сесиль Родсъ, умеръ недавно (26 марта) въ Капштадтѣ, 49-ти лѣтъ отъ роду. Это былъ чисто-британскій типъ, полный энергіи и предприимчивости, прирожденный властитель и эксплуататоръ, не знавшій другихъ цѣлей въ жизни, кромѣ богатства и могущества. Юношею онъ прибылъ въ Капскую колонію и вскорѣ занялъ видное мѣсто въ числѣ искателей и устроителей алмазныхъ копей въ округѣ Климберлея; обезпечивъ себѣ значительный доходъ, онъ вернулся на родину для довершенія своего образованія и пробылъ

нѣсколько лѣтъ въ оксфордскомъ университетѣ. Возвратившись затѣмъ въ южную Африку, онъ успѣлъ объединить нѣсколько крупныхъ предприятий по добычѣ алмазовъ, постепенно уничтожилъ конкуренцію между отдѣльными компаніями и мало-по-малу сдѣлался однимъ изъ законодателей мірового алмазнаго рынка. Добытые милліоны дали ему возможность заняться грандіозными политическими планами: онъ стремился объединить всѣ южно-африканскія земли и образовать изъ нихъ „соединенные штаты“, которые обнимали бы почти цѣлую южную половину Африки, со включеніемъ и такихъ полу-независимыхъ государствъ, какъ Трансвааль и Оранжевая республика. Подъ вліяніемъ этой идеи онъ стоялъ за равноправность мѣстныхъ культурныхъ народностей, за единство бѣлой расы, подъ общимъ именемъ африкандеро́въ; англійскіе и голландскіе поселенцы должны были одинаково считать своимъ отечествомъ Африку, забывъ свои старинныя національныя счеты, взаимное недовѣріе и соперничество. Основанный имъ „союзъ африкандеро́въ“ имѣлъ огромный успѣхъ, и Родсъ сдѣлался вождемъ общественнаго движенія, предвѣщавшаго коренную перемену въ судьбахъ южной Африки. Онъ выдвинулся и какъ энергическій, дѣловой ораторъ, попалъ въ парламентъ Капской колоніи, гдѣ пріобрѣлъ руководящее вліяніе, и въ 1890 году сталъ первымъ министромъ. Въ качествѣ правительственнаго дѣятеля, онъ твердо и послѣдовательно проводилъ свою программу на практикѣ, создалъ новую привилегированную англо-африканскую компанію съ обширными полномочіями и средствами, былъ ея директоромъ и уполномоченнымъ, пріобрѣлъ отъ ея имени значительныя территоріи къ сѣверу отъ Капской колоніи, покорилъ въ 1893 году область Матабеле, впоследствии названную по его имени „Родезіею“, и составилъ себѣ репутацію „великаго человѣка“, одного изъ немногихъ великихъ характеровъ современности. Слишкомъ долгая привычка повелѣвать оказала, однако, вредное вліяніе на его политическія и нравственныя идеи; онъ сталъ приверженцемъ односторонняго господства англичанъ и въ концѣ 1895 года подготовилъ нападеніе отряда Джемсона на Йоганнесбургъ, для захвата власти въ Трансваалѣ при помощи десятковъ тысячъ недовольныхъ англійскихъ поселенцевъ. Попытка окончилась постыдною неудачею; Родсъ вынужденъ былъ выйти въ отставку, и съ тѣхъ поръ не игралъ уже прежней выдающейся роли. При началѣ войны онъ оставался въ Кимберлеѣ, гдѣ организовалъ оборону и руководилъ ею во все время осады; изъ организатора и объединителя африкандеро́въ онъ превратился въ яраго врага буровъ, и благотворныя стремленія и идеалы прежнихъ лѣтъ онъ промѣнялъ на заурядную политику войны. Оттого и громкая нѣкогда слава Родса уступила мѣсто печальному, почти всеобщему осужденію и равнодушію.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля, 1902.

— Н. К. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи. Слб. 1902.

Современной Франціи посчастливилось въ нашей литературѣ. Два года тому назадъ вышла въ свѣтъ книга (въ 30 печатныхъ листовъ) г. Инсарова: „Современная Франція“, представляющая собою весьма толково составленный и живо написанный очеркъ исторіи третьей республики; теперь только-что появилась книга г. Кудрина подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, обстоятельно и талантливо знакомящая русскаго читателя съ культурной, соціальной и политической исторіей Франціи за послѣднія десятилѣтія. Происхождение этой книги такое же, какъ „Парижскихъ Писемъ“ Бёрне, или „Французскихъ дѣлъ“ и „Лютеціи“ Гейне, т.-е. она составилась изъ отдѣльныхъ корреспонденцій, посылавшихся изъ Парижа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сразу въ одинъ изъ нашихъ журналовъ (именно въ „Русское Богатство“, редакція котораго и издала ихъ теперь въ одномъ томѣ). Мы всегда съ большимъ интересомъ читали эти корреспонденціи изъ столицы Франціи и уже имѣли случай указать на нихъ, какъ на весьма поучительное чтеніе, всѣмъ, желающимъ познакомиться со всѣми серьезными сторонами жизни одного изъ самыхъ культурныхъ народовъ Европы („Полит. исторія Франціи въ XIX вѣкѣ“, стр. 295). Г. Кудринъ знакомитъ своихъ читателей не съ текущими событіями и мимолетными фактами, предоставивъ это дѣло газетнымъ корреспондентамъ, а съ тѣмъ, что онъ называетъ „длительными явленіями французской жизни“; при изданіи своихъ писемъ изъ Парижа онъ еще произвелъ нѣкоторый выборъ, предназначивъ для перепечатки наиболѣе важное, интересное и законченное. Это позволило ему расположить весь матеріалъ въ извѣстной системѣ, освѣщающей разныя стороны французской жизни. Въ книгѣ идетъ рѣчь о народѣ и его характерѣ (письма 1—4), объ общественныхъ классахъ (п. 5—9), о

наукъ, литературѣ и печати (пп. 10—13), о борьбѣ реакціи и прогресса въ идейной и политической жизни (пп. 14—22). Систематизируя такимъ образомъ свои этюды, г. Кудринъ подновилъ въ нихъ подстрочными примѣчаніями все, что призналъ нѣсколько устарѣлымъ, кое-чѣмъ дополнилъ прежнее изложеніе и затронулъ въ своей книгѣ массу животрепещущихъ вопросовъ въ качествѣ живого наблюдателя описываемыхъ явленій, способнаго заражать своимъ настроеніемъ слушателей и читателей. Онъ самъ видитъ, что его отношенія къ личностямъ и вещамъ не всегда одни и тѣ же, но онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что инныя его письма раздѣлены промежуткомъ въ шесть лѣтъ,—періодъ достаточно большой для быстро идущей впередъ во Франціи жизни,—и старается „регулировать историческіе портреты по мѣрѣ того, какъ измѣнялись и опредѣлялись сами личности въ водоворотѣ событий. Обращаетъ на себя и общее отношеніе автора къ предмету, составляющему основное содержаніе его книги. Каждый читатель, который хоть сколько-нибудь познакомятся съ книгой, согласится съ г. Кудринымъ, что онъ, авторъ, дѣйствительно, какъ послѣдній самъ заявляетъ въ предисловіи, „горячо полюбилъ Францію и полюбилъ ее, прежде всего, какъ страну великихъ социологическихъ опытовъ, упорно и страстно ищущую,—несмотря на всѣ свои ошибки, увлеченія и разочарованія,—практическіе пути къ лучшему будущему всего человѣчества“. Отмѣчая появленіе въ отдѣльномъ изданіи парижскихъ корреспонденцій г. Кудрина, не можемъ не выразить желанія, чтобы его примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе заграничные корреспонденты, систематически ведущіе обзоры внутренней жизни разныхъ странъ. Намъ думается даже, что это можно было бы сдѣлать не только съ журнальными, но и съ газетными корреспонденціями. По крайней мѣрѣ, смотря на книгу г. Кудрина, какъ-то невольно вспоминаешь содержательныя и столь многими очень нравящіяся берлинскія корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“, въ которыхъ также схватываются „длящіяся“ явленія современной германской жизни. — Н. Каръевъ.

— А. А. Кауфманъ. Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка. Историко-статистическій очеркъ. 2-е изданіе. Спб. 1901.

Передвиженіе населенія изъ однихъ мѣстностей въ другія составляетъ важный факторъ всемірной исторіи, и въ разное время оно вызывалось разнообразными ближайшими причинами и принимало форму нашествія, эмиграціи или расселенія. Остановливаясь на новѣйшемъ періодѣ исторіи европейскихъ государствъ, можно сказать, что въ за-

падной Европѣ переселенія вызываются почти исключительно экономическими причинами и принимаютъ форму эмиграціи; переселенія же изъ Россіи, имѣя главной причиной отношенія экономическія, въ извѣстной мѣрѣ являются также слѣдствіемъ политическихъ условій (еврей) и происходятъ преимущественно въ формѣ расселенія въ предѣлахъ политическихъ границъ государства. Въ небольшихъ размѣрахъ населеніе нашей страны, которому тѣсно на мѣстѣ рожденія, находитъ себѣ новое мѣстожителство на окраинахъ Европейской Россіи; но, въ общемъ, окраины эти населены настолько густо, что, до измѣненія экстенсивной системы ихъ хозяйства въ интенсивную, онѣ не будутъ нуждаться въ быстромъ приращеніи числа жителей, довольствуясь временнымъ наплывомъ рабочихъ въ періодъ сѣнокоса и уборки хлѣббовъ,—и главнѣйшій переселенческій потокъ устремляется поэтому за Уралъ. Указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка А. А. Кауфмана и имѣетъ задачей познакомить читателя съ тѣмъ, что дѣлается у насъ для урегулированія и воспособленія переселеніямъ въ Сибирь и представить нѣсколько общихъ статистическихъ итоговъ, резюмирующихъ, такъ сказать, результаты этихъ мѣропріятій. Книжка составлена на основаніи опубликованныхъ въ послѣдніе годы разными вѣдомствами свѣдѣній по этимъ вопросамъ и новѣйшихъ официальныхъ данныхъ, еще не свѣдѣвшихся достояніемъ печати; но на ту или другую оцѣнку авторомъ достоинства матеріаловъ, которыми онъ пользовался, не оставался, конечно, безъ вліянія тотъ богатый внутренній запасъ свѣдѣній и впечатлѣній, какой приобрѣтенъ А. А. Кауфманомъ, благодаря производившимся имъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ Сибири вообще, положенія сибирскихъ переселенцевъ въ частности и неоднократнымъ поѣздкамъ въ Сибирь по переселенческому дѣлу. Въ виду важнаго значенія переселеній въ экономической жизни Европейской Россіи и въ виду той культурной роли, какую выходцы отсюда играютъ за Ураломъ, мы считаемъ не бесполезнымъ, пользуясь трудомъ А. А. Кауфмана, познакомить читателя съ главнѣйшими условіями и итогами новѣйшаго переселенческаго движенія въ Сибирь.

Переселенія, имѣющія въ основѣ экономическіе мотивы, усилились въ западной Европѣ особенно съ той поры, когда тамъ стали водворяться порядки такъ-называемаго капиталистическаго строя, и они были выраженіемъ того общеизвѣстнаго факта, что эти порядки ведутъ къ образованію избыточнаго населенія, не находящаго на мѣстѣ приложенія своихъ силъ. Капиталистическій строй въ по-реформенное время довольно быстро сталъ распространяться и въ нашемъ отечествѣ; а такъ какъ ёмкость окраинъ Европейской Россіи, въ смыслѣ возможности размѣщенія въ нихъ избыточнаго населенія, образуяща-

гося въ центральныхъ районахъ, очень быстро сокращается, то, казалось бы, переселенія за предѣлы Европейской Россіи давно уже должны были составлять видный фактъ нашей общественной жизни и важный предметъ заботъ правительственныхъ учреждений. Извѣстно, однако что дѣйствительность далеко не согласуется съ этимъ, совершенно естественнымъ, повидимому, заключеніемъ, и что только въ самые послѣдніе годы переселенія обратили на себя то вниманіе, какового они по справедливости давно заслуживаютъ.

Переселенія, вообще, не пользовались у насъ особымъ сочувствіемъ правительственныхъ сферъ, несмотря на то, что исторія російскаго государства есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія раселенія русскаго племени изъ центра Россіи на югъ и востокъ. Тѣ положительныя мѣропріятія, которыя принимались иногда для воспособленія переселенцамъ; имѣли мотивомъ не пользу переселенцевъ и не потребность районовъ, высланныхъ таковыхъ, а политическую необходимость колонизаціи вновь прибрѣтенныхъ областей російскаго государства. Только въ завѣдываніе государственными имуществами графа Киселева создана была стройная система воспособленія переселеніямъ государственныхъ крестьянъ въ видахъ ослабленія вреднаго вліянія малоземелья. Но это было скорѣе личнымъ дѣломъ гр. Киселева, нежели актомъ правительственной политики вообще, и съ переходомъ министерства государственныхъ имуществъ въ другія руки колонизаціонныя мѣропріятія правительства приостановились, а послѣ реформы 19-го февраля прежнее дѣятельное отношеніе правительства къ судьбѣ переселяющихся крестьянъ смѣнилось не только пассивнымъ, но даже „отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ“. Такое отношеніе правительства видимымъ образомъ объяснялось какъ бы увѣренностью въ томъ, „что крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ, не будутъ нуждаться для поднятія ихъ благосостоянія въ прежней правительственной опецѣ, и что отдѣльныя лица сельскаго состоянія найдутъ возможность обезпечить свое существованіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ“. На ряду съ этимъ, высказывалось опасеніе, чтобы дарованіе бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ права переселяться на казенныя земли не повело къ развитію „вредной подвижности и бродяжничества“. Но врядь ли можно сомнѣваться въ томъ, что реальной причиной отрицательнаго отношенія правительства къ переселеніямъ крестьянъ было опасеніе того, что отливъ населенія отъ центра къ окраинамъ принесетъ убытокъ землевладѣльческому классу, такъ какъ слѣдствіемъ этого отлива явится поднятіе цѣны на рабочія руки и уменьшеніе спроса на владѣльческія земли.

Жизнь, однако, не считалась съ тѣми или другими мнѣніями и

мотивами правительственныхъ лицъ; а настоятельныя требованія этой жизни побудили и правительство признать переселеніе крестьянъ неизбѣжнымъ при данныхъ условіяхъ явленіемъ, а это признаніе вело къ необходимости принятія мѣръ для регулированія и воспособленія. Мѣры эти, однако, были крайне нерѣшительны; разрѣшеніе переселеній обставлено было всевозможными стѣсненіями и формальностями, распространеніе свѣдѣній о переселеніяхъ было строго воспрещаемо; на заготовленіе земель для переселенцевъ отпускалось всего 40 тыс. рублей въ годъ, а на содѣйствіе переселенцамъ—и того менѣе. Скоро ли бы само собой измѣнилось такое отношеніе правительства къ переселеніямъ—сказать трудно. Но на сей разъ дѣлу помогли опять политическія соображенія, вызвавшія рѣшеніе прорѣзать во всю длину обширную Сибирь желѣзно-дорожнымъ путемъ. Принимая такое рѣшеніе, требующее затраты сотенъ милліоновъ рублей, правительство должно было подумать какъ о средствахъ возвращенія затраченныхъ суммъ, такъ и о созданіи условій для правильнаго и по возможности безубыточнаго функціонированія этого сложнаго предпріятія. То и другое возможно было только путемъ развитія въ странѣ промышленной жизни, а водвореніе въ Сибирь промышленности требовало, какъ перваго условія, ея заселенія. При свѣтѣ этой государственной потребности разсѣялся туманъ опасеній, облекавшихъ вопросъ о значеніи переселеній для коренной Россіи, и этотъ вопросъ сразу поставленъ былъ во всей его простотѣ и легкости. „При обсужденіи размѣровъ и характера переселенческаго движенія комитетъ (сибирской желѣзной дороги) усматривалъ, что выселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній Россіи не можетъ оказать неблагоприятнаго вліянія на экономическое развитіе страны въ виду того, что численность такого выселенія весьма незначительна въ сравненія съ ежегоднымъ приростомъ населенія, достигающимъ 1½ милліона человекъ“.

Коренной поворотъ дѣлу получило, однако, не только вслѣдствіе проясненія взглядовъ правительства на этотъ вопросъ, но главнымъ образомъ потому, что высшее завѣдываніе переселеніями изъято было изъ вѣдѣній министерства внутреннихъ дѣлъ и передано тому самому комитету, который былъ образованъ для высшаго руководительства сооруженіемъ сибирской желѣзной дороги. Руководительство такимъ грандіознымъ предпріятіемъ расширяло горизонтъ дѣятелей, и этимъ однимъ до извѣстной степени гарантировало свободное отношеніе ихъ къ вопросу о переселеніяхъ. А нахожденіе во главѣ комитета Государя Наслѣдника, впоследствии—Государя Императора, облекало его предположенія достаточнымъ авторитетомъ и отрывало возможность широкой постановки даннаго вопроса.

Весьма характернымъ и крайне поучительнымъ представляется сопоставленіе послѣдующихъ мѣропріятій правительства въ области переселенческаго дѣла съ предшествующими мѣрами его въ этомъ вопросѣ. Въ прежнее время на заготовленіе земель для переселенцевъ отпускалось 40 тыс. рублей въ годъ; сибирскій комитетъ сразу увеличилъ ассигновку на этотъ предметъ до 230 тыс. рублей и, постепенно возвышая ее, довелъ до 640 тыс. рублей въ годъ; а если считать и расходы по осушкѣ и оводненію заготавливаемыхъ участковъ, то затраты правительства на приготовленіе въ Сибири земель, съ момента перехода этого дѣла въ вѣдѣніе сибирскаго комитета (съ 1893 г.), составляютъ, въ среднемъ, 650 тыс. рублей въ годъ. На содѣйствіе переселенцамъ въ прежнее время отпускалось 20 тыс. рублей въ годъ; сибирскій же комитетъ на одиѣ только переселенческихъ станціи и на врачебно-продовольственную помощь переселенцамъ въ пути расходовалъ, въ среднемъ, 500 тыс. рублей въ годъ, а на выдачу переселенцамъ ссудъ—въ среднемъ—1 милл. 383 тыс. рублей въ годъ. Въ восьмидесятыхъ и въ началѣ девятидесятыхъ годовъ—изъ опасенія вызвать широкое движеніе крестьянъ къ переселеніямъ—о послѣднихъ почти совершенно запрещено было говорить въ печати, и еще въ 1894 г. высказано было мнѣніе, что разсылка губернскимъ земскимъ управамъ объемистаго статистическаго изданія канцеляріи комитета министровъ, имѣющаго задачей выясненіе вопроса о томъ, какіе районы Европейской Россіи чувствуютъ нужду въ переселеніи—не безопасна. Но въ 1896 г. сибирскій комитетъ распространилъ среди крестьянъ 400 тысячъ экземпляровъ брошюры „Сибирское переселеніе“, а послѣ того само министерство внутреннихъ дѣлъ преподаетъ населенію, черезъ посредство издаваемого имъ „Сельскаго Вѣстника“, различныя свѣдѣнія о Сибири, о переселенческихъ участкахъ и т. п. Эта рѣшительная и быстрая переиѣна политики безъ того, чтобы явились новыя обстоятельства, уясняющія вопросъ о значеніи переселеній для районовъ, высылающихъ переселенцевъ, поучительна въ томъ отношеніи, что ею наглядно рисуется, сколь мало мотивированными бывали у насъ подчасъ весьма серьезныя ограничительныя мѣропріятія.

Мы познакомились въ общихъ чертахъ съ правительственной политикой относительно переселеній. Посмотримъ теперь на ея результаты.

По мѣрѣ ослабленія стѣсненій, сдерживавшихъ естественное стремленіе крестьянъ оставить мѣста, гдѣ они не находили выгоднаго приложенія своихъ силъ, число сибирскихъ переселенцевъ росло. Тогда какъ въ 1882—87 гг. въ Сибири ежегодно осѣдало около 15 тысячъ русскихъ крестьянъ, въ 1888—94 гг. число новопоселенцевъ возросло до 50 тыс. въ годъ, а въ теченіе 1895—1900 гг. въ

Сибири ежегодно оставалось, въ среднемъ, 150 тыс. переселенцевъ обоюго пола и всѣхъ возрастовъ. Это, повидимому, предѣльная цифра того, что можетъ ежегодно вмѣщать въ себѣ наша обширная восточная окраина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, многія свѣдущія лица полагали, что по количеству удобныхъ для обработки земель Сибирь не можетъ вмѣстить и настоящаго количества поселенцевъ. Но быстрый наплывъ переселенцевъ, когда были устранены ограничительныя мѣропріятія, заставилъ обратить вниманіе на считавшіяся неудобными обширныя сибирскія таежныя пространства, и, по мѣрѣ истощенія степныхъ земель, тайга болѣе и болѣе занята крестьянами. Но и тайга доступна для культуры лишь въ небольшой южной своей части; кромѣ того, она совершенно не соответствуетъ привычкамъ и навыкамъ населенія, наиболѣе нуждающагося въ разрѣженіи районовъ Европейской Россіи—центральной, черноземной полосы, и занята преимущественно выходцами изъ не-черноземныхъ губерній. Въ итогѣ, по мнѣнію г. Кауфмана, „размѣры сибирскаго переселенія, въ лучшемъ случаѣ, продержатся на современной высотѣ еще нѣсколько лѣтъ, но затѣмъ они неизбѣжно должны сократиться. Въ частности—и это особенно важно—Сибирь должна будетъ утратить свое нынѣшнее значеніе главнаго пріемника для избыточнаго населенія черноземной полосы Европейской Россіи“.

Было бы интересно подсчитать, хотя бы приблизительно, число осѣдающихъ въ Сибири лицъ не-земледѣльческихъ классовъ, для чего могла бы, между прочимъ, служить статистика пассажирскаго движенія сибирской жел. дор. Но и безъ такого подсчета можно безошибочно утверждать, что настоящіе крестьянскія переселенія въ Сибирь далеко не отвѣчаютъ потребности Европейской Россіи въ удаленіи излишка населенія, образующагося путемъ естественнаго размноженія населенія (на 1½ милліона душъ въ годъ) и уничтоженія мелкихъ промысловъ, падающихъ подъ ударами прогрессирующей крупной промышленности.

Объ этомъ можно судить по слѣдующему расчету относительно 22 губерній черноземнаго района Россіи, гдѣ мало распространена крупная промышленность, и гдѣ наиглавнѣйшимъ занятіемъ населенія служитъ сельское хозяйство. Въ этомъ районѣ въ деревняхъ, въ 1892 г., насчитывалось 9 милл. 227 тыс. взрослыхъ мужчинъ, изъ коихъ 660 тысячъ подлежали отбыванію воинской повинности или заняты были общественной службой, а 8 милл. 576 тыс. свободны были для всякаго рода работъ. По расчетамъ канцеляріи комитета министровъ для обработки площади данной территоріи требовалось 7 милл. 545 тыс. мужчинъ; милліонъ слишкомъ мужчинъ поэтому были излишни для земледѣлія и нуждались въ заработкѣ внѣ сельскаго хозяйства.

Они легко нашли бы себѣ занятіе въ мѣстной промышленности и торговлѣ, еслибы у нихъ не было конкурентовъ. Но такъ какъ въ селахъ и деревняхъ даннаго района обитало еще 1 милл. 650 тыс. взрослыхъ мужчинъ другихъ сословій, — а вмѣстѣ съ взрослыми женщинами это составить около 3 милл. 300 тыс. рабочихъ; такъ какъ здѣсь находилось еще 2 милл. 500 тыс. рабочихъ обоого пола въ городахъ, то можно смѣло утверждать, что этими прибавочными силами въ 5 милл. 800 тыс. рабочихъ обоого пола, — вмѣстѣ съ той частью земледѣльцевъ, которая не удовлетворяется сельско-хозяйственными заработками и будетъ искать дополнительнаго зимняго занятія, — былъ съ избыткомъ покрытъ весь мѣстный спросъ на рабочія руки, а больше милліона мѣстныхъ крестьянъ (а съ женскою половиною больше 2 милліоновъ рабочаго люда) не находило приложенія своей силы ни въ районѣ черноземной полосы, ни за предѣлами этого района, гдѣ тоже чувствуется избытокъ, а не недостатокъ рабочихъ рукъ. (Излишне, кажется, пояснять, что цифра 2 милліона избыточнаго населенія означаетъ не реальное число незанятыхъ лицъ, а объемъ рабочей силы, не находящей производительнаго примѣненія).

Это было десять лѣтъ назадъ; за истекшее же съ той поры время крестьянское населеніе разсматриваемаго района, путемъ естественнаго размноженія, возросло на 15⁰/₀, т.-е. число крестьянъ обоого пола, ищущихъ занятій, увеличилось на 2,75 милліона, городское рабочее населеніе обоого пола возросло за тотъ же періодъ времени на 375 тыс.; увеличилось, конечно, и число живущихъ въ деревняхъ лицъ, не принадлежащихъ къ сельскимъ сословіямъ. Весь этотъ приростъ — даже въ малой мѣрѣ не могъ быть помѣщенъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Напротивъ того, потребность земледѣлія въ рабочей силѣ, — благодаря развивающейся на югѣ машинной уборкѣ хлѣба — скорѣе уменьшилась, нежели увеличилась. Развитие мѣстной промышленности также не могло использовать этого прироста населенія; но даже преувеличивая успѣхи послѣдней и предполагая, что промышленно-торговая дѣятельность района поглотила весь приростъ городского населенія, приростъ обитающихъ въ деревняхъ черноземнаго района лицъ не-крестьянскаго сословія и половину исчисленнаго выше прироста рабочаго населенія собственно крестьянъ (1 милл. 375 тыс. человѣкъ), мы будемъ имѣть, что другая половина этого прироста останется безъ производительнаго занятія. Опредѣлившійся въ 1892 г. избытокъ неиспользованной рабочей силы съ 2 милліоновъ возрастетъ, вслѣдствіе этого, слишкомъ до 3 милл. 375 тыс. рабочихъ единицъ. Простой экономическій расчетъ требуетъ, чтобы этотъ избытокъ населенія выселенъ былъ за предѣлы страны (такъ какъ и въ другихъ районахъ Европейской Россіи не чувствуется недостатка рабочихъ).

Это значитъ, что ежегодно изъ черноземнаго района должно бы высылаться не менѣе 138 тыс. рабочихъ мужчинъ и женщинъ или 276 тысячъ душъ всѣхъ возрастовъ (считая на супружескую пару двоихъ дѣтей) одного только прироста населенія. Въ дѣйствительности же переселилось въ Сибирь изъ даннаго района не болѣе 125 тыс. душъ, а 150 тыс. душъ обоего пола, или 75 тыс. рабочихъ мужчинъ и женщинъ, ежегодно оставались на мѣстѣ, увеличивая ряды тѣхъ двухъ миллионѣвъ рабочихъ, которые составляли излишнюю рабочую силу десять лѣтъ тому назадъ. Къ настоящему моменту неиспользованная рабочая сила черноземной области возросла, вслѣдствіе этого, до 2 милл. 750 тыс. единицъ, и если мы не замѣчаемъ соотвѣтствующаго размноженія безработныхъ, то лишь потому, что большая часть этого населенія находитъ кое-какіе заработки въ сельскомъ хозяйствѣ, сокращая, конечно, этимъ производительное приложеніе здѣсь труда прочихъ земледѣльцевъ.

Исчисленный выше излишекъ рабочей силы въ черноземномъ районѣ долженъ быть признанъ далеко ниже дѣйствительнаго. Онъ опредѣлился въ томъ предположеніи, что на обработку земли здѣсь затрачивается 7,6 миллионѣвъ паръ мужскихъ рукъ, а на прочія занятія въ 1892 г. обращалось 2 милл. 900 тыс. мужчинъ, а въ настоящій моментъ 3 милл. 775 тыс. (2.900 тыс. + 187 тыс. прироста мужского городского населенія + 688 тыс. прироста мужского крестьянскаго населенія), т.-е., что въ этомъ царствѣ зерна не-земледѣльческая промышленность и торговля получили такое развитіе, что способны поглотить больше третьей части занятаго рабочаго люда. Это предположеніе, очевидно, преувеличено; промышленно-торговныя занятія не требуютъ здѣсь столько рукъ; а такъ какъ расходъ рабочей силы на сельское хозяйство исчисленъ также въ преувеличенныхъ размѣрахъ (въ предположеніи, что уборка хлѣбовъ производится косою, между тѣмъ какъ въ южныхъ степяхъ широкое распространеніе получили машины), то неиспользованная на мѣстѣ часть рабочей силы должна превышать опредѣленные выше размѣры.

Приведенные расчеты сдѣланы нами съ цѣлью наглядно показать, какъ недостаточно сибирскихъ переселеній для отвода излишняго населенія Европейской Россіи. Не имѣя другихъ областей, кромѣ Сибири, для помѣщенія этого излишка и принимая во вниманіе, что въ послѣдніе годы въ главному потоку переселенцевъ, идущему изъ черноземныхъ областей, присоединяется болѣе и болѣе уроженцевъ не-черноземныхъ губерній, т.-е. что недостатокъ работы начинается живо чувствоваться также въ не-черноземной полосѣ—мы не можемъ не высказать заключенія, что въ переселенцахъ нельзя видѣть главнѣйшаго средства борьбы съ растущей безработицей среди крестьян-

сваго населенія Европейской Россіи. Устранять эту безработицу и предупреждать ея дальнѣйшее распространеніе можно только мѣрами, имѣющими въ виду доставленіе производительнаго занятія возможно большому числу лицъ. Эта именно задача, а не простое поощреніе промышленности въ смыслѣ созданія технически-совершенныхъ предприятий (въ силу своего совершенства предъявляющихъ весьма небольшой спросъ на рабочія руки)—должна составлять главное содержаніе мѣръ нашей экономической политики.

— Харьковскій Календарь на 1902 годъ. Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Годъ XXX. Харьковъ. 1902 г.

„Харьковскій Календарь“, нынѣ вступающій въ тридцатый годъ своего существованія, и въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ составляемый подъ редакціей В. В. Иванова, принадлежитъ къ числу наиболѣе почтенныхъ провинціальныхъ изданій этого рода. Согласно программѣ изданія, опредѣлившейся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, „Календарь“ состоитъ изъ собственно справочнаго отдѣла и отдѣла статистическаго. Очень полный справочный отдѣлъ даетъ свѣдѣнія болѣе общаго характера, могущія понадобиться всякому дѣловому человѣку, и свѣдѣнія мѣстныя, интересныя лишь для лицъ, тяготящихся къ Харькову и его району. Краткій статистическій отдѣлъ касается, во-первыхъ, всего свѣта; во-вторыхъ, російской имперіи въ цѣломъ; въ-третьихъ, семи губерній южной области, каждой въ отдѣльности, и въ-четвертыхъ—особенно подробно—харьковской губерніи. Считаемо не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу этого именно отдѣла.

Программа статистики всего свѣта не вполне выдержана. Казалось бы, задачей ей должно быть сравненіе различныхъ государствъ въ отношеніи производства наиболѣе важныхъ продуктовъ; а между тѣмъ въ „Календарѣ“ вы находите свѣдѣнія о мировомъ производствѣ вина, а не имѣете данныхъ о винокуреніи и сахаровареніи. Свѣдѣнія этого отдѣла даются не за одинъ послѣдній годъ, а за нѣсколько лѣтъ. И вотъ, тогда какъ по отношенію къ нѣкоторымъ производствамъ отмѣчаемые моменты раздѣляютъ одинаковые періоды времени (пятилѣтія, десятилѣтія), производство вина почему-то показано только для 1895, 1896 и 1900 годовъ. Ограничиваясь этими свѣдѣніями, читатель можетъ составить совершенно неправильное понятіе о предметѣ и, основываясь на показаніяхъ „Календаря“, что производство винограднаго вина въ Россіи составляло въ 1895 г. 30 милл. ведеръ, въ 1896 г.—23,6 милл. ведеръ, а въ 1900 г.—19,5 милл. ве-

дерь—вывести заключеніе, что эта отрасль промышленности быстро у насъ влонится къ упадку. „Харьковскій Календарь“ очень рѣдко указываетъ источники, которыми онъ пользовался; а такъ какъ источники эти разнообразны, то его свѣдѣнія подчасъ противорѣчатъ другъ другу. Такъ, на стр. 261, въ цѣлой Россіи показано 33.105 фабрикъ и заводовъ, а на стр. 266 значится, что въ семи только южныхъ губерніяхъ находятся 37.536 фабрикъ и заводовъ. Очевидно, что тѣ и другія свѣдѣнія заимствованы изъ разныхъ источниковъ, прилагавшихъ различную мѣрку для опредѣленія того, какія промышленныя заведенія относить къ числу фабрикъ и заводовъ. По этому вопросу слѣдовало бы промышленныя заведенія южной области раздѣлить на двѣ категоріи: одну, соотвѣтствующую классификаціи департамента мануфактуръ и торговли, откуда заимствованы свѣдѣнія о фабричной промышленности всей Россіи, и другую—обнимающую болѣе мелкія заведенія. Нельзя не указать также на недостаточную опредѣленность нѣкоторыхъ показаній „Календаря“. Такъ, на стр. 262 значится, что въ 1900 г. по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ перевезено 7.390.642 тыс. пуд. грузовъ малой скорости; въ дѣйствительности этихъ грузовъ почти вдвое меньше, а приведенная цифра составляетъ сумму перевозокъ отдѣльныхъ дорогъ, причѣмъ грузъ, переходящій съ дороги на дорогу, сосчитывается нѣсколько разъ.

Наши замѣчанія, впрочемъ, касаются маловажныхъ недостатковъ рассматриваемаго изданія, въ общемъ же „Харьковскій Календарь“, какъ сказано выше, принадлежитъ къ числу лучшихъ провинціальныхъ справочныхъ изданій.

Къ „Календарю“ приложены планы городовъ харьковской губерніи прошлаго вѣка.—В. В.

Ө. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Часть вторая. Спб. 1902. Стр. XXVI+295.

Въ очеркахъ и замѣткахъ, собранныхъ въ настоящей книжкѣ, г. Батюшковъ рассматриваетъ вопросы этическаго и эстетическаго характера по поводу текущихъ явленій литературной жизни. При обсужденіи литературныхъ произведеній, авторъ пользуется преимущественно методомъ сравненія, подыскивая разбираемымъ произведеніямъ параллели въ литературахъ другихъ народовъ и эпохъ и стараясь, по его словамъ, „прояснить свое чужимъ“. Такой методъ вызывалъ уже возраженія, когда г. Батюшковъ примѣнялъ его къ писателямъ, имѣющимъ между собой слишкомъ мало общаго. Но иногда сравненія, которыя дѣлаетъ авторъ, приводятъ его къ интереснымъ выводамъ.

Въ статьѣ „Пушкинъ и Расинъ“, сравнивая „Бориса Годунова“ съ однородной по темѣ „Athalie“ Расина, г. Батюшковъ отмѣчаетъ родственность творческихъ приѣмовъ обоихъ поэтовъ. Въ самомъ построеніи дѣйствія Пушкинской драмы видно, по мнѣнію почтеннаго критика, бессознательное слѣдованіе правиламъ классической поэтики: „Борисъ Годуновъ“, если не принимать въ расчетъ вступительныхъ сценъ, начинается прямо съ изображенія кризиса, какъ и должна начинаться классическая трагедія. Духъ морализированія, проникающій драму Пушкина, но совершенно чуждый реализму Шекспировскаго театра, опять-таки сближаетъ „Бориса Годунова“ съ классической драмой. Что касается до дидактизма Пушкина, то г. Батюшковъ не желаетъ объяснять его исключительно вліяніемъ французскихъ классиковъ. Онъ ставитъ его въ связь съ присущимъ вообще русскимъ художникамъ стремленіемъ рѣшать нравственные вопросы при помощи художественныхъ образовъ,—стремленіемъ, которое красной нитью проходитъ черезъ всю исторію русской литературы. Въ „Борисѣ Годуновѣ“ г. Батюшковъ видитъ рѣшеніе вѣчной этико-соціальной проблемы объ отношеніи чравственности индивидуальной къ общественной. Годуновъ думалъ основать благополучіе народа на крови младенца Дмитрія, но пролитая кровь нарушила равновѣсіе его духовныхъ силъ; онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что почва колеблется у него подъ ногами, и трагически восклицаетъ: „Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“. Мысль о ненарушимости правъ личности, мысль, гениально развитая впоследствии Достоевскимъ въ „Преступленіи и Наказаніи“, составляетъ, по мнѣнію г. Батюшкова, паеосъ Пушкинской драмы. „Эта идея“, — говоритъ онъ, — „идея ограниченія крайняго развитія индивидуализма ненарушимостью нѣкоторыхъ завѣтовъ и признаніемъ абсолютнаго значенія личности, какъ бы ни была она сама по себѣ мала и незначительна, — эта идея есть лишь отблескъ той широкой міровой любви къ челоѣчеству, которая не можетъ мириться съ принципиальнымъ исключеніемъ единицъ. Она представляется намъ отраженіемъ и той высшей правды, на водвореніе которой рано или поздно мы надѣемся, какъ на условіе и на цѣль прогресса. Это—въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а пока — она намъ свѣтитъ едва мерцающимъ лучомъ, который маячитъ вдали, какъ сторожевой свѣтъ, и манитъ насъ перспективой—если и это не утопія—надежной пристани въ нашихъ скитаньяхъ по бурному, неустойчивому и полному неожиданностей и опасностей морю жизни“...

Къ вопросу о крайностяхъ индивидуализма г. Батюшковъ возвращается въ статьѣ о комедіи П. Д. Боборыкина „Накипъ“ и „Альмъ“ г. Минскаго, „трагедіи современной жизни“ (такъ называлъ ее самъ авторъ). Въ этой статьѣ, озаглавленной: „Комедія и трагедія инди-

видуализма“, г. Батюшковъ осуждаетъ „Накипь“ за поверхностное отношеніе къ „болѣзни вѣка“ и противопоставляетъ ей „трагедію“ г. Минскаго, которая, по его мнѣнію, даетъ матеріалъ для болѣе глубокаго діагноза. Героиня г. Минскаго, стремясь къ безграничной индивидуальной свободѣ, отвергаетъ всѣ обязанности, налагаемыя обществомъ на личность, отвергаетъ вообще все „земное“, реальное, жизненное. Она убиваетъ въ себѣ плотскую любовь и истиннѣе материнства, стремленіе къ красотѣ и страхъ передъ безобразіемъ жизни — и достигаетъ, наконецъ, желанной свободы, погружаясь въ полное безразличіе, которое незамѣтно переходитъ въ холодный покой смерти. Г. Батюшковъ далекъ отъ безотрадной теоріи эгоизма, исповѣдуемаго и возводимаго въ принципъ героиней г. Минскаго. Но онъ цѣнитъ въ „Альмѣ“ объективное изображеніе явленія, которое кажется ему серьезнымъ. Въ произведеніи г. Минскаго онъ видитъ наглядное изображеніе безсилія и мертвенности исключительно эгоистическаго міросозерцанія, которое ставитъ отдѣльное „я“ въ центрѣ вселенной и отходить отъ жизни, не понимая ея; — другими словами, г. Батюшковъ видитъ въ „Альмѣ“ какъ бы *deductio ad absurdum* идеи ея автора. Критикъ не смущается тѣмъ, что авторъ „Альмы“, очевидно, другого мнѣнія о смыслѣ своего произведенія: „г. Минскій, какъ художникъ“, — говоритъ г. Батюшковъ, — „далъ оружіе противъ себя, какъ теоретика: онъ образно, а не разсужденіями, понялъ, что искаженіе устоевъ жизни, принциповъ нравственности, смысла бытія ни къ чему не приводятъ, если мы порвемъ связи живого существа, — человѣка, — со всѣмъ живымъ въ мірѣ, если мы станемъ искать основъ нравственности внѣ идеаловъ общественности, которая должна служить первымъ фундаментомъ всякой морали; если мы исключимъ изъ личнаго міросозерцанія всякій „сентиментализмъ“ (т. е. прежде всего — альтруизмъ, какъ живой стимулъ жизни и дѣятельности) и поставимъ на мѣсто всего этого лишь рационализмъ пессимиста. Вотъ та истина, которую произвольно понялъ авторъ „Альмы“, попытавшись воплотить абстрактную идею въ живомъ образѣ“. Все это было бы такъ, если бы г. Минскій дѣйствительно „образно понялъ“ и конкретно изобразилъ то, что приписываетъ ему г. Батюшковъ. Но самъ г. Батюшковъ признаетъ, что авторъ „Альмы“ „упразднилъ реально-бытовую обстановку дѣйствія и мало считается съ внѣшнимъ правдоподобіемъ дѣйствія и разговоровъ“. Правда, критикъ видитъ въ произведеніи г. Минскаго „внутреннюю, психологическую правду ситуаций“, но въ ней позволительно усомниться: у г. Минскаго нѣтъ и намека на психологическую драму, переживаемую его героиней, которая, — повинувшись программѣ, заранее начертанной авторомъ, — совершенно механически переходитъ изъ одной „душевной стихіи“ въ другую, безъ всякой внутренней борьбы, безъ

всякихъ реальныхъ поводовъ. Произведеніе г. Минскаго — чисто абстрактное развитіе любимыхъ его идей о „недостижимой святинѣ“, о безразличіи добра и зла и т. д. Дѣйствіе „Альмы“ происходитъ какъ будто гдѣ-то за облаками, ея герои — блѣдныя тѣни, перекидывающіяся афоризмами „мзонической философіи“. О „психологической правдѣ“ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Достоинство произведенія г. Минскаго всецѣло опредѣляется достоинствомъ его философіи; и если „Альма“ дала поводъ г. Батюшкову высказать мысли, которымъ можно только сочувствовать, то сама „Альма“ тутъ ни-при-чемъ.

Кромѣ тѣхъ статей, о которыхъ шла рѣчь, въ книжкѣ г. Батюшкова надо еще отмѣтить интересныя статьи: „Въ борьбѣ со словомъ“ (замѣтки по психологіи языка), „Борцы добра“ (о романахъ Рони), статьи о Вл. С. Соловьевѣ, Н. К. Михайловскомъ, И. Е. Рѣпинѣ, В. Г. Короленко, Л. Н. Майковѣ. Живые и продуманные очерки г. Батюшкова съ удовольствіемъ прочтутся всякимъ интересующимся философскими и литературными вопросами. — С-ій.

— А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты. Спб., 1902.

Книга г. Бобрищева-Пушкина даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе; первыя ея главы заключаютъ въ себѣ историческій очеркъ раскола и сектантства — очеркъ несистематическій, неполный, но далеко не лишенный интереса. Самой важной частью книги остается, однако, та, которая вызвана судебными процессами, въ послѣднее время — особенно послѣ запрещенія, въ 1894 г., штундистскихъ молитвенныхъ собраній, — болѣе многочисленными, чѣмъ когда бы то ни было. Господствующую роль въ этихъ процессахъ играетъ экспертиза, направленная, обыкновенно, къ возможно большому распространенію понятія о штундѣ, а слѣдовательно — и области дѣйствія правилъ 1894-го года. Такая экспертиза именуется научной, очень мало, въ сущности, оправдывая свое названіе. „Наука сектовѣдѣнія“, отъ имени и имени которой говорятъ эксперты-миссіонеры, представляетъ собою, по выраженію г. Бобрищева-Пушкина, „нагроможденный въ хаотическомъ безпорядкѣ, необработанный историческій и современный матеріалъ, болѣе доступный для пользованія только въ сочиненіяхъ полемическаго, очень часто тенденціознаго характера“. Кромѣ слабости содержанія догматическаго, „богословская экспертиза“ страдаетъ и другими недостатками. „Не только такъ называемые профессора сектовѣдѣнія, но и эксперты-священники являются стороною, заинтересо-

ванною въ дѣлѣ¹⁾. Уже одно то, что они всѣ принадлежать къ одному вѣдомству, лишаетъ ихъ необходимой независимости не только въ дѣйствіи, но и въ мысли; къ этому присоединяется полный недостатокъ фактическаго матеріала“. Въмѣсто теоретическаго изложенія штундизма, экспертъ часто ограничивается ссылкой на правила 4 іюля 1894 года, или на разъясняющій ихъ министерскій циркуляръ, принимая на себя, такимъ образомъ, вовсе не свойственныя ему юридическія функціи и выставляя доказаннымъ то, что еще требуется доказать. Неявку подсудимыхъ, замѣчаемую все чаще и чаще по дѣламъ о штундистскихъ молитвенныхъ собраніяхъ, г. Бобрищевъ-Пушкинъ приписываетъ нежеланію вновь встрѣтиться съ тою властью, которая, въ періодѣ дознанія, влечетъ „глаголемыхъ“ штундистовъ по безконечнымъ этапамъ. „Отбывъ такое, иногда многонедѣльное странствованіе, домохозяйинъ или жена его вынуждены спѣшно хлопотать о поправленіи разстроившагося въ ихъ отсутствіе хозяйства“; на судъ, поэтому, являются преимущественно подростки и старухи—и отъ такихъ обвиняемыхъ экспертамъ приходится „добывать матеріалъ для установленія какъ догматической, такъ и политической стороны даннаго ученія“!

Циркуляръ (3-го сентября 1894 года), упомянутый нами выше, перечисляетъ признаки штундизма, устанавливая, что послѣдователи этой секты не только отвергаютъ церковные обряды и таинства, не только не признаютъ властей и возстаютъ противъ присяги и военной службы, но и проповѣдуютъ социалистическіе принципы, напр. общее равенство. Правительствующій сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Головки (1900 г., № 1), разъяснилъ, что для примѣненія правилъ 4 іюля необходима наличность, въ каждомъ данномъ случаѣ, всѣхъ вышеупомянутыхъ признаковъ штундизма. Обязанность доказать ихъ существованіе лежитъ, очевидно, на обвиненіи; нельзя требовать отъ подсудимыхъ—какъ это, подъ вліяніемъ экспертизы, иногда дѣлаетъ судъ,—чтобы они доказали свою принадлежность не къ штундизму, а къ другой сектѣ. По удостовѣренію А. М. Бобрищева-Пушкина, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ сектантскихъ дѣлъ, прошедшихъ черезъ его руки, не было указаній на противогосударственныя или противобщественныя стремленія подсудимыхъ. Какъ же относятся эксперты къ этому факту, устраниющему юридическую возможность обвинительнаго приговора? Они заканчиваютъ обыкновенно свое заключеніе шаблонной фразой: „соціально-коммунистическія тенденціи несомнѣнно скрыты въ глубинѣ духа секты“, или, нѣсколько осторожнѣе, при-

¹⁾ Какъ легко экспертиза по раскольничьему дѣлу обращается въ обвинительную рѣчь—это видно, напр., изъ фактовъ, приведенныхъ нами въ январьской Общественной Хроникѣ 1900-го года.

знають подсудимыхъ „находящимися въ первомъ періодѣ шунды, которая далѣе приводитъ къ неповиновенію властямъ“. Видѣ суда, въ печати, эксперты по части сектовѣдѣнія выражаются иногда менѣе рѣшительно. „Точное опредѣленіе догмы положительнаго ученія шундовой секты,—говорить, наприимѣръ, одинъ изъ нихъ,—представляется и нынѣ еще крайне затруднительнымъ, такъ какъ шундизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ содержится онъ въ массѣ послѣдователей, не представляетъ собой какой-либо опредѣленной богословской системы или вѣроисповѣдной доктрины“. Отсюда прямо вытекаетъ трудность проведенія границы между шундизмомъ и другими сектами, послѣдователямъ которыхъ не запрещены молитвенныя собранія. Обвиняемые, привлеченные къ отвѣту въ качествѣ шундистовъ, часто называютъ себя баптистами. Основательно ли такое наименованіе, соответствуетъ ли оно дѣйствительности или составляетъ только орудіе защиты—это вопросъ нелегко разрѣшимый, но легко разрѣшаемый экспертизой, стремящейся распространить какъ можно больше понятіе о шундѣ и объединить, какъ ея „фракціи“, баптизмъ, пашковщину, духовную шунду. Появляются выраженія *шундо-баптисты*, даже *шундо-хлысты*, и съ помощью этихъ или аналогичныхъ терминовъ предъявляются заключенія о принадлежности къ шундѣ даже такихъ подсудимыхъ, которые прямо признають себя обязанными повиноваться правительству, молиться за него и нести возлагаемыя имъ повинности, не исключая военной службы. Специалисты по части сектовѣдѣнія утверждаютъ, что сектанты повинуются правительству и закону не „за совѣсть, а страха ради“, что воздержаніе ихъ отъ худыхъ дѣлъ носить на себѣ фарисейскій характеръ; но для суда имѣютъ значеніе только поступки, а не тайны внутренняго душевнаго міра, раскрытыя которыя, по справедливому замѣчанію А. М. Бобріщева-Пушкина, можно было бы лишь съ помощью инвизиціонныхъ приѣмовъ. Судья не только не долженъ быть инквизиторомъ—онъ не долженъ быть и миссіонеромъ; въ его задачи не входитъ забота о распространеніи православія; нельзя требовать отъ него, чтобы онъ охранялъ „исключительно интересы господствующей церкви, не стѣсняясь ни закономъ, ни рамками изслѣдованія, ни даже принципами судебной этики“. Устанавливать фактъ противогосударственности ученія, исповѣдуемаго подсудимыми, судъ долженъ, каждый разъ, на основаніи данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ; прибѣгать къ экспертизѣ, въ виду несомнѣнной ея несостоятельности, ему нѣтъ надобности—и это, по словамъ А. М. Бобріщева-Пушкина, въ большинствѣ случаевъ, сознають теперь суды и съѣзды.

Отъ приѣмленія правилъ 4-го іюля 1894 г. А. М. Бобріщевъ-Пушкинъ переходитъ къ самому ихъ существу. Отправляясь отъ знаменательныхъ словъ, которыми мотивированъ законъ 3-го мая 1883 года:

„молитва составляет одну из первых духовных потребностей каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; какую бы строгостью ни было обставлено запрещеніе собираться на общественное богомоленіе въ частныхъ домахъ, послѣднее всегда будетъ существовать“, — онъ напоминаетъ объ обстановкѣ, при которой возникаетъ, обыкновенно, преслѣдованіе штундистовъ. Типичнымъ, въ этомъ отношеніи, представляется показаніе свидѣтелей (полицейскихъ чиновъ и понятыхъ) по дѣлу, недавно слушавшемуся въ Одессѣ: когда они вошли въ квартиру Заболотнаго (главнаго обвиняемаго), всѣ находившіяся тамъ лица „стояли на колѣняхъ и читали—кто Евангеліе, кто Псалтырь“. Когда въ дѣлѣ имѣются вещественныя доказательства, „то это почти всегда не что иное, какъ св. Евангеліе, правда, съ подчеркнутыми словами, но все-таки Евангеліе, которое болѣе чѣмъ странно видѣть въ судебной залѣ на столѣ вещественныхъ доказательствъ преступности“. Въ 1883 г., Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта поручено было министру внутреннихъ дѣлъ „относительно тѣхъ правилъ о раскольникахъ, которыя состоялись внѣ законодательнаго порядка, принять мѣры къ прекращенію ихъ дѣйствія тѣмъ же способомъ, какимъ они получили свое происхожденіе“. Еслибы статья на эту точку зрѣнія и отмѣнить правила 4-го іюля 1894 года, состоявшіяся внѣ законодательнаго порядка ¹⁾, „тѣмъ же способомъ, какимъ они получили свое происхожденіе“, то „это молчаливое разрѣшеніе штундистскихъ моленій, не давая въ руки послѣдователей толковъ новаго орудія для борьбы съ господствующею церковью“, привело бы къ тому, что „не возбуждаемая болѣе преслѣдованіемъ штунда испытала бы, вѣроятно, тотъ же процессъ перерожденія и вырожденія, который похоронилъ въ свое время много новыхъ сектъ“. Само собою разумѣется, что съ болѣею еще силой авторъ возстаетъ противъ распространенія правилъ 4-го іюля 1894 года на другія секты, путемъ признанія ихъ, наравнѣ съ штундизмомъ, особенно вредными...

Послѣднія страницы книги А. М. Бобрицева-Пушкина посвящены вопросу о томъ, распространяются ли льготы, данныя законами 1874 и 1883 гг., только на раскольниковъ коренныхъ, официально признанныхъ, или на всѣхъ вообще, независимо отъ того, принадлежать ли они къ расколу отъ рожденія или совратились въ расколъ впоследствии. Рѣшеніями перваго департамента и общаго собранія этотъ вопросъ разрѣшенъ въ широкомъ смыслѣ. На ту же точку зрѣнія сталъ недавно и уголовный кассационный департаментъ, въ рѣшеніи по дѣлу Нехуты.

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1885 г.

„Глубоки и грозны русскіе овраги“—читаемъ мы въ предисловіи къ книгѣ А. М. Бобрищева-Пушкина:—„расколовшись не на двѣ, а на десятки и сотни частей, все дальше расходятся, отдѣлившись другъ отъ друга, холмистые участки русскаго православнаго плоскогорья, все стремительнѣе низвергаются въ темную глубину весенняя вода, роетъ и подрываетъ дно, и растутъ овраги и вглубь, и въ ширину, и въ длину. Не соединить разошедшихся краевъ, не засыпать глубины, да и бесплодна была бы эта работа тамъ, гдѣ по массѣ условій неминуемо было оврагу прорыться; но можно умѣлымъ уходомъ овладѣть весенними потоками, направить ихъ такъ, чтобы они не бороздили и не портили кормилицу землю; для этого необходимъ стокъ этимъ порывистымъ ручейкамъ, грозящимъ и на плоской, повидимому, поверхности превратиться въ горные потоки, все губящія и уносящія на своемъ пути“... Какъ предотвратить такую опасность—отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить вся книга А. М. Бобрищева-Пушкина, именно потому не только интересная, но и полезная.—К. А.

— Крестьянинъ. Романъ фонъ-Поленца. Съ предисловіемъ графа Льва Николаевича Толстого. Изданіе „Посредника“. Москва. 1902.

Мы не будемъ говорить о самомъ романѣ, котораго переводъ, года три тому назадъ, помѣщенъ былъ въ „Вѣстникѣ Европы“; но къ отдѣльному изданію его присоединено предисловіе гр. Л. Н. Толстого, очень любопытное отзывами автора о недавней и современной русской литературѣ. Поводъ къ этому далъ самый романъ. Графъ Толстой говоритъ о немъ съ большимъ сочувствіемъ и похвалами, какъ о дѣйствительно художественномъ произведеніи, совсѣмъ не похожемъ на ту массу романовъ, драмъ и т. п., какіе такъ часто выдаются теперь за произведенія художественныя, не имѣя на дѣлѣ настоящаго истиннохудожественнаго достоинства. Напротивъ, романъ Поленца, по мнѣнію гр. Толстого, соединяетъ въ себѣ три главныхъ условія „настоящаго хорошаго произведенія искусства“. Эти условія состоятъ въ слѣдующемъ:

„Во-первыхъ, содержаніе его важно, касаясь жизни крестьянства, т.-е. большинства людей, стоящихъ въ основѣ всякаго общественаго устройства и переживающихъ въ наше время, не только въ Германіи, но и во всѣхъ европейскихъ странахъ, тяжелое измѣненіе своего вѣкового, древняго устройства. (Замѣчательно, что почти въ одно время съ „Бютнербауэромъ“ вышелъ очень недурной, написанный на ту же тему, хотя и гораздо менѣе художественный, романъ René Bazin „La terre qui meurt“).

„Во-вторыхъ, романъ этотъ написанъ съ большимъ мастерствомъ, прекраснымъ языкомъ...

„И въ-третьихъ, романъ этотъ весь проникнутъ любовью къ тѣмъ людямъ, которыхъ авторъ заставляетъ дѣйствовать“.

Такимъ образомъ, „настоящее хорошее произведеніе искусства“ должно имѣть серьезную тему, т.-е. должно относиться къ важному вопросу народной или общественной жизни; должно быть написано прекраснымъ языкомъ, который характерно отражалъ бы самую жизнь; наконецъ, должно быть проникнуто любовью къ тѣмъ людямъ, „которыхъ авторъ заставляетъ дѣйствовать“. (Такъ какъ писателю приходится, какъ и въ настоящемъ случаѣ, заставлять дѣйствовать и людей совсѣмъ дурныхъ, „любить“ которыхъ довольно мудро, то понятно, что должно принимать здѣсь эту любовь въ широкомъ смыслѣ; это должна быть любовь къ человѣческому достоинству и жизненной правдѣ).

Отъ этого романа, оставившаго у гр. Толстого такое симпатичное впечатлѣніе, его мысль очень естественно обратилась къ тѣмъ слишкомъ часто только мнимымъ художественнымъ произведеніямъ, какія наводняютъ современную литературу. Эта масса мнимаго искусства не только не удовлетворяетъ автора, но прямо приводитъ его въ уныніе. И мы не будемъ ему въ этомъ противорѣчить. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми отзывами графа Толстого объ отдѣльныхъ писателяхъ, но нельзя не согласиться съ его общимъ представленіемъ, что современная литература нѣрѣдко способна производить удручающее впечатлѣніе упадка. Приводимъ главныя положенія графа Толстого.

„Дѣтъ двадцать тому назадъ,—говоритъ авторъ,—Мэтью Арнольдъ написалъ прекрасную статью о назначеніи критики. По его мнѣнію, назначеніе критики въ томъ, чтобы находить во всемъ томъ, что было, гдѣ бы и когда бы то ни было писано, самое важное и хорошее и обращать на это важное и хорошее вниманіе читателей.

„Такая критика въ наше время затопленія людей газетами, журналами, книгами—и развитія рекламы, мнѣ кажется, не только необходима, но отъ того, появится ли и получить ли авторитетъ такая критика, зависитъ вся будущность просвѣщенія образованнаго класса нашего европейскаго міра.

„Перепроизводство всякихъ предметовъ бываетъ вредно; перепроизводство же предметовъ, составляющихъ не цѣль, а средство, когда люди это средство считаютъ цѣлью,—особенно вредно.

„Лошади и экипажи, какъ средство передвиженія, одежда и дома, какъ средства защиты отъ переменъ погоды, хорошая пища, какъ средство поддержанія силъ организма, очень полезны. Но какъ только

люди начинаютъ смотрѣть на обладаніе средствами какъ на цѣль, считая хорошимъ имѣть какъ можно больше лошадей, домовъ, одежды, пищи,—такъ предметы эти становятся не только не полезными, но прямо вредными. Такъ это случилось и съ книгопечатаніемъ въ достаточномъ кругу людей нашего европейскаго общества. Книгопечатаніе, несомнѣнно полезное для большихъ малообразованныхъ массъ народа, въ средѣ достаточныхъ людей уже давно служитъ главнымъ орудіемъ распространенія невѣжества, а не просвѣщенія.

„Убѣдиться въ этомъ очень легко. Книги, журналы, въ особенности газеты стали въ наше время большими денежными предпріятіями, для успѣха которыхъ нужно наибольшее число потребителей. Интересы же и вкусы наибольшаго числа потребителей всегда низки и грубы, и потому для успѣха произведеній печати нужно, чтобы произведенія отвѣчали требованіямъ большаго числа потребителей, т.-е. чтобы касались низкихъ интересовъ и соответствовали грубымъ вкусамъ. И пресса вполне удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, имѣя полную возможность этого, такъ какъ въ числѣ работниковъ прессы людей съ такими же низкими интересами и грубыми вкусами, какъ и публика, гораздо больше, чѣмъ людей съ высокими интересами и тонкимъ вкусомъ. А такъ какъ при распространеніи книгопечатанія и приѣмахъ торговли журналами, газетами и книгами эти люди получаютъ хорошее вознагражденіе за поставляемые ими и отвѣчающія требованіямъ массы произведенія, то и является то ужасное, все увеличивающееся и увеличивающееся, наводненіе печатной бумагой, которая уже однимъ своимъ количествомъ, не говоря о вредѣ содержанія, составляетъ огромное препятствіе для просвѣщенія.

„Если въ наше время умному молодому человѣку изъ народа, желающему образоваться, дать доступъ ко всѣмъ книгамъ, журналамъ, газетамъ, и предоставить его самому себѣ въ выборѣ чтенія, то всѣ вѣроятія за то, что онъ, въ продолженіе 10 лѣтъ неустанно читая каждый день, будетъ читать все глупыя и безнравственныя книги. Попастъ ему на хорошую книгу такъ же мало вѣроятно, какъ найти замѣченную горошину въ мѣрѣ гороха. Хуже же всего при этомъ то, что, читая все плохія сочиненія, онъ будетъ все болѣе и болѣе извращать свое пониманіе и вкусъ. Такъ что, когда онъ и попадетъ на хорошее сочиненіе, онъ уже или вовсе не пойметъ его, или пойметъ его превратно.

„На моей памяти, за 50 лѣтъ, совершилось это поразительное пониженіе вкуса и здраваго смысла читающей публики. Прослѣдить можно это пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы, но укажу только на нѣкоторыя, болѣе замѣтныя и мнѣ знакомыя примѣры. Въ русской поэзіи, напримѣръ, послѣ Пушкина, Лермонтова (Тютчевъ

обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ Майкову, Полонскому, Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтическаго дара Некрасову, потомъ къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ къ однообразному и слабому Надсону, потомъ къ совершенно бездарному Апухтину, а потомъ уже все мѣшается и являются стихотворцы, имъ же имя легіонъ, которые даже не знаютъ, что такое поэзія и что значить то, что они пишутъ и зачѣмъ они пишутъ.

„Другой поразительный примѣръ англійскихъ прозаиковъ: отъ великаго Диккенса спускается сначала къ Джоржъ-Эллиоту, потомъ къ Теккерей, отъ Теккерей къ Троллопу, а потомъ уже начинается безразличная фабрикація Киплингъ, Голькеновъ, Ройдеръ Гагартъ и т. д...

„Въ наше время невѣжество образованной толпы дошло уже до того, что всѣ настоящіе великіе мыслители, поэты, прозаики, какъ древности, такъ и XIX вѣка, считаются отсталыми, не удовлетворяющими уже высокимъ и утонченнымъ требованіямъ новыхъ людей; на все это смотреть или съ презрѣніемъ, или съ снисходительной улыбкой. Послѣднимъ словомъ философіи въ наше время признается безнравственная, грубая, напыщенная, безсвязная болтовня Ницше; бессмысленный, искусственный наборъ словъ, соединенный размахомъ и рѣимой, разныхъ декадентскихъ стихотвореній, считается поэзіей высшаго разбора; на всѣхъ театрахъ даются пьесы, смыслъ которыхъ никому, не исключая и автора, неизвѣстенъ, и въ милліонахъ экземпляровъ печатаются и распространяются, подъ видомъ художественныхъ произведеній, романы, не имѣющіе въ себѣ ни содержанія, ни художественности...

„Отвѣтить на важнѣйшій въ наше время вопросъ ищущаго образованія юноши образованнаго сословія или челоуѣка изъ народа, ищущаго просвѣщенія, можетъ только настоящая критика. Не та критика, которая существуетъ теперь и которая поставляетъ себѣ задачей восхвалять произведенія, получившія извѣстность, и подъ эти произведенія придумывать оправдывающія ихъ туманныя философско-эстетическія теоріи, и не та критика, которая занимается тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе остроумно осмѣивать плохія или чужого лагеря произведенія, и еще менѣе та критика, которая процвѣтала и процвѣтаетъ у насъ и задается цѣлью по типамъ, изображаемымъ у нѣсколькихъ писателей, опредѣлить направленіе движенія всего общества или вообще по поводу литературныхъ произведеній высказывать свои экономическія и политическія мысли.

„Отвѣтить на этотъ огромный важности вопросъ: что читать изъ всего того, что написано?—можетъ только настоящая критика, та,

которая, какъ говорить Мэтью Арнольдъ, поставитъ себѣ цѣлью выдвигать и указывать людямъ все, что есть самаго лучшаго какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ писателяхъ.

„Отъ того, появится или нѣтъ такая критика, безкорыстная, не принадлежащая ни къ какой партіи, понимающая и любящая искусство, и установится ли ея авторитетъ настолько, что онъ будетъ сильнѣе денежной рекламы,—зависитъ, по моему мнѣнію, рѣшеніе вопроса о томъ, погибнуть ли послѣдніе проблески просвѣщенія въ нашемъ, такъ называемомъ образованномъ, европейскомъ обществѣ, не распространяясь на массы народа, или возродится оно, какъ оно возродилось въ средніе вѣка, и распространится на большинство народа, лишеннаго теперь всякаго просвѣщенія“.

Можно не совсѣмъ согласиться съ отзывами автора о нѣкоторыхъ русскихъ поэтахъ (въ началѣ цитаты), но сужденія гр. Толстого о современномъ положеніи нашей литературы мы вполне раздѣляемъ. Таковъ дѣйствительно упадокъ въ ней достойнаго общественнаго чувства, извращеніе поэзіи въ принадлегахъ декадентства и символизма, съ нелѣпыми притязаніями на высшее провидѣніе („по ту сторону“ здраваго смысла) и на сверхъ-человѣчество. Но опять мы мало раздѣлили бы надежды автора, что отъ этихъ извращеній и упадка могла бы теперь же исцѣлить одна критика, въ духѣ Мэтью Арнольда. Правда, критика, быть можетъ, не дала достаточнаго вниманія этому литературному упадку, но все-таки критика достаточно высказывалась по поводу нашего декадентства и символизма, и хотя ея отзывы бывали очень суровы,—это до сихъ поръ мало помогло дѣлу. Декаденты считаютъ только, что ихъ гонятъ за правду, что они испытываютъ обыкновенное непониманіе толпы, и что затѣмъ послѣдуетъ торжество „новаго искусства“.

Распространеніе декадентства и сродныхъ ему нелѣпыхъ направленій, кажется намъ, есть явленіе болѣе сложное, чѣмъ представляетъ себѣ авторъ; и едва ли достаточно одной здоровой литературной критики, чтобы обратить его приверженцевъ на путь истинный. Это есть дѣйствительно литературный упадокъ, но корни его простираются далеко назадъ, въ прежнія условія нашей литературной жизни и общественности. Послѣ эпохи великихъ реформъ, въ судьбахъ этой общественности, нѣкогда столь возбужденной на пользу общества и народа, наступило реакціонное теченіе, которое не усомнилось оклеветать общественные идеалы прежняго времени и успѣло подавляющимъ образомъ подѣйствовать на общественное настроеніе: одни изъ людей стараго идеалистическаго направленія по неволѣ покидали свою дѣятельность, другіе теряли вѣру въ самую ея возможность и впадали въ равнодушіе; школьная система тѣхъ временъ, мнимо-классическая,

хотѣвшая умиротворить молодые умы, этой цѣли не достигла, но, подавляя общественный идеализмъ (между прочимъ сокращеніемъ литературнаго изученія въ школахъ), привела къ тому, чего вѣроятно не ожидала: устраненіе литературнаго преданія только открывало дорогу увлеченіямъ фантастическимъ и нездоровымъ—въ родѣ новѣйшаго декадентства. Это—люди глухіе и бездушные для вопросовъ общественнаго блага.

Декадентство, какъ и нѣкоторыя другія новѣйшія ученія, столь противоположныя прежнему „либерализму“ или прежнему „народничеству“ (эти слова становятся чуть не бранными для поколѣній новѣйшаго направленія), не были, конечно, русскимъ изобрѣтеніемъ. Наши сверхъ-философы, сверхъ-человѣки и т. п. перенимали все это цѣликомъ изъ литературы западной. Стѣсненіе нашей общественности, забвеніе идеалистическихъ преданій старой литературы, только открывало дорогу фантастическимъ мудрствованіямъ, которыя даже ставили себѣ въ заслугу равнодушіе къ насущнымъ и настоящимъ вопросамъ общественной жизни: до чего доходили эти мудрствованія, можно видѣть изъ извѣстныхъ твореній нашего декадентства, гдѣ буквально „безсмысленный, искусственный наборъ словъ, соединенный размѣромъ и рифмой, считается поэзіей высшаго разбора“, когда „на всѣхъ театрахъ даются пьесы, смыслъ которыхъ никому, не исключая и автора, неизвѣстенъ“... И наше декадентство, несомнѣнно, еще хуже западно-европейскаго. Тамъ, эти литературныя извращенія, болѣзненные припадки мысли, являются капризомъ или утомленіемъ, безвредными въ богатой литературѣ, которая можетъ противопоставить имъ массу сильнаго, многосторонняго, здороваго содержанія,— нравственнаго и общественнаго; между тѣмъ какъ силы нашей литературы несравненно малочисленнѣе, область ея дѣйствія тѣснѣе, меньше даже простой грамотности,—и служеніе декадентскимъ бессмыслицамъ еще уменьшаетъ эти немногочисленные силы и отрываетъ отъ полезнаго дѣла на народную пользу.

Говоря объ упадкѣ газетной литературы, которая—ради денежной выгоды—старается служить низменнымъ вкусамъ толпы, гр. Толстой возстаетъ наконецъ противъ самаго распространенія газеты, этого „ужаснаго наводненія печатной бумагой“,—въ результатѣ котораго, въ связи съ грубой рекламой, все ниже „спускается уровень печатаемаго“ и „все больше погружается большая масса, такъ называемой образованной, публики въ самое безнадежное, довольное собой и потому несправимое невѣжество“.

Нѣтъ, кажется, надобности объяснять, что бѣда вовсе не въ самомъ „наводненіи“,—оно у насъ очень невелико и меньше, чѣмъ

въ какой-либо европейской странѣ,—но общая тема, поставленная гр. Л. Н. Толстымъ, чрезвычайно серьезна и заслуживала бы вниманія нашей „прессы“.—А. П.

Въ теченіе мѣсяца марта, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Край Тараса Бульбы. Исторія одной школьной экскурсіи. Спб. 902. Ц. 25 к.

Адамъ, Поль.—Византия. Перев. А. Воротникова. М. 901. Ц. 1 р.

Акинфиевъ, И. Я.—Мнѣніе членовъ XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. и печати по вопросу о преподаваніи естествознанія въ средней школѣ, по программѣ проф. Кайгородова. Екатеринославъ, 902. Стр. 16.

Аничкова, И. И.—Замѣтка изъ деревни. Спб. 900. Ц. 70 к.

Ардашевъ, П. Н.—Абсолютная монархія на западѣ. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. п. р. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ареналь, Д.—Руководство для посѣтителей тюремъ. Съ франц. переводъ. Спб. 901.

Артиковъ, М. Ѡ.—Руководство для самостоятельнаго изученія выжиганія по дереву, кожѣ, древесной папкѣ, простой и слоновой кости, сукну и бархату, и Руководство для тисненія по кожѣ. Спб. 902. Ц. 30 коп.

Бальзакъ, Онора.—Темное дѣло. Перев. съ французск. П. р., съ введеніемъ и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Барсуковъ, А.—Семь собственноручныхъ писемъ и записокъ кн. Потемкина-Таврическаго къ гр. Румянцеву-Задунайскому. 1769—1788. Спб. 902.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга XVI. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Басанинъ, Маркъ.—Записки эмигранта въ Южной Америкѣ. Спб. 902. Цѣна 1 рубль.

Бертенсонъ, Л. Б.—По вопросу о нормировкѣ рабочаго времени, примѣнительно къ особенно вреднымъ производствомъ. Спб. 902. Оттиски изъ газ. „Русскій Врачъ“.

Бобринской, гр. А—й А—вичъ.—Секта Пешанля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространеніе и организація. М. 902.

Бобринцевъ-Пушкинъ, А. М.—Судь и раскольники-сектанты. Спб. 902.

Брѣгъ.—„Испорченные“. Пьеса въ 3 д. Спб. 902. Ц. 1 р.

Булакова, Е.—Изъ жизни средневѣкового ремесленника. Съ 23 рисунк. М. 902. Ц. 50 к.

Вайнеръ, А.—Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Съ нѣм. И. И. Пузыревскаго.—Обрѣзка деревьевъ въ плодовомъ саду. И. И. Пузыревскаго. Спб. 901. Ц. 25 к.

Вилетъ, В. Г.—Задачи и дѣятельность центрального бюро учрежденій содѣйствія труду въ Германіи. М. 902. Ц. 10 к.

Винаверъ, М.—Очерки объ адвокатурѣ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Витоградовъ, П. Г.—Борьба за школу на Скандинавскомъ Сѣверѣ. Спб. 902. Стр. 37, съ таблицами. Ц. 25 к.

Витте, капитанъ Г.—Самоучитель грамоты для взрослыхъ и дѣтей, какъ въ 14 уроковъ научиться читать и писать. Въ Самоучителѣ есть текстъ для письма и чтенія. Саратов. 902. Ц. 10 к.

Воротниковъ, А. П.—Анна Ярославна, королева Франціи. 1051—1060. М. 91. Ц. 1 руб.

Гай-Салыдачная, Ек.—На чужой квартирѣ. Водев. въ 1 д. Харьков. 901. Цѣна 15 коп.

—— Спасемъ Ниночку! Комед. для дѣтей въ 3 д. Харьков. 901. Ц. 30 к.

Гаузеръ, А. К., состав. и издалъ.—Законы гражданскіе (Св. Зак. т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), со включеніемъ позднѣйшихъ узаконеній и разъясненій по рѣшеніямъ Общ. Собр. и Гражд. Кассац. Деп. Правит. Сената, съ 1866 по июль 1900 г. Изд. 5-ое Сиб. 902. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Гоголь, Н. В.—Иллюстрированное изданіе сочиненій. П. р. Евг. Ляцкого, въ пяти томахъ (145 печатн. лист.), съ 230 иллюстр., со статьями акад. А. Н. Пыпина, Е. А. Лядваго, Г. Вѣгрина и сводомъ критическихъ отзывовъ о Гоголѣ. Изд. Товарищ. „Народной Пользы“. Сиб. 902. Ц. 3 р., въ роскошн. перепл. 4 р. 50 к.

—— Юбилейный Сборникъ сочиненій, съ портретомъ Н. В.: I. Критико-биографическій очеркъ. II. Тарасъ Бульба. III. Сорочинская ярмарка. IV. Ревизоръ. V. Шинель. VI. Старосѣтскіе помѣщики. Изданіе Саратов. губ. земства. Саратов. 902. Стр. 311. Ц. 40 коп.

—— Полное собраніе сочиненій, съ его биографіей и примѣчаніями. Въ 3-хъ томахъ. П. р. проф. А. И. Кирпичникова, съ рисунками художн. Аванасьева и др. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

—— Собраніе сочиненій, съ биографіей писателя и примѣчаніями, п. р. проф. А. И. Кирпичникова, съ рис. М. 902. Ц. 80 к.

Головинъ, К. (К. Орловскій).—Полное собраніе сочиненій. Т. I: Медовый мѣсяць, ром.—Живая загадка, повѣсть. Т. II: Пощечина, рассказъ.—Искушеніе, ром.—Двѣ статуи, рассказъ. Сиб. 902. Ц. 1 р. 25 к. Въ 12 том.—10 р.

Голубевъ, П. А.—Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Краткій историко-статистическій очеркъ культурной дѣятельности Вятскаго земства въ связи съ дѣятельностью всѣхъ русскихъ земствъ. Вятка, 901. Ц. 50 к.

Гурляндъ, И. Я. проф.—Приказъ великаго Государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль, 902. Ц. 3 р.

Гюто, В.—Маленькій Наполеонъ. Съ фрлц. Г. Маркорштейнъ. М. Ц. 50 к.

Данте, Алигieri.—Божественная Комедія. Адъ. Съ игах. Д. Минъ, съ приложеніемъ комментарія, портрета и 2 рис. Сиб. 902. Ц. 3 р.—за три т. 7 р. 50 к.

Д'Аннунціо, Г.—Сонъ осенняго вечера. Трагическая поэма. М. 901. Ц. 50 к.

Джорджъ, Генри.—Занутовавшийся философъ. Разборъ Герберта Спенсера по земельному вопросу, въ связи съ его синтетической философіей. Съ англ. С. Д. Николаевъ. Сиб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Дондуковъ-Корсаковъ, вн. А. М.—Мои воспоминанія. 1840—1844 гг. Сиб. 902.

Дрейфусъ, Альфредъ.—Пять лѣтъ моей жизни. 1894—99. Съ франц. С. Моложавый. Сиб. 902. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, К.—Рассказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сиб. 902. Ц. 1 р. 30 к.

Каленовъ, П. А.—Будда. Поэма.—Филозофскія статьи. Съ портретомъ автора и биографіей. М. 902. Ц. 1 р. 60 к.

— Шиллеръ: Два Пиволомини.—Смерть Валленштейна.—Покрытый идолъ въ Сансѣ. Посмертное изданіе. М. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Карачевскій, Н. П.—Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебныя очерки. Спб. 902. Ц. 2 р.

Карневъ, Н. И.—Политическая исторія Франціи въ XIX-мъ вѣкѣ. Правительственныя формы и внутренняя политика, политическія партіи и общественныя классы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Кедрова, П. И., д-ръ.—Условія труда и жизни лицъ низшаго и медицинскаго персонала въ Россіи. Спб. 902. Ц. 50 к.

Киприановичъ, И. Я.—Синтаксисъ русскаго языка. Приложение: Литературный матеріалъ, вопросы и задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е, переработанное. Одобрено Учен. Комитетомъ мин. нар. проsv. Спб. 902. Цѣна 50 коп.

Кондратьевъ, А. П., проф.—Курсъ паровыхъ машинъ. Лекціи, читанныя студентамъ IV-го курса Горнаго Института. Посмертн. изданіе, п. р. проф. А. Н. Житинскаго. Спб. 902. Ц. 4 р.

Коробовъ, С. И.—О праздничномъ отдыхѣ. М. 902. Ц. 15 коп.

Котляревскій, Ив.—Кредитныя товарищества: какъ достать малодостаточнымъ лицамъ необходимый для ихъ промысла оборотный капиталъ. Спб. 901. Цѣна 15 коп.

Кроль, М.—Роль желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей сообщенія въ грузовомъ транспортѣ волжскаго края. Спб. 902. Ц. 70 к.

Кузьминъ-Карагаевъ, В. Д.—Проектъ земскаго управленія въ 13-ти не-земскихъ губерніяхъ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Куринскій, Ф. П.—Сочиненія, въ 2 частяхъ: I. Стихотворенія. II. Проза. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Лауэтитейнъ, Р.—Желѣзныя части зданій. Руководство для техническихъ школъ и пособіе для практическаго пользованія. Перев. съ 2-го изд., п. р. и съ дополненіями. В. Тюрина и Г. Кривошеина. Съ 542 фиг. и 5 лист. чертежей. Спб. 902. Ц. 3 р.

Лазинъ, М. Ю., д-ръ.—Братскій биографическій Словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Спб. 902. Стр. 103. Ц. 75 к.

Луницъ, В. Л., д-ръ.—Пища и болѣзни желудка. Популярно-научныя бесѣды, съ рис. въ текстѣ и съ таблицами. Спб. 902. Ц. 60 к.

Лвовъ, В. Н.—Начальный учебникъ зоологій для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I: Позвоночныя, съ 222 рис. М. 902. Ц. 1 р.

Мамонтовъ, Анат.—Фаустъ. Трагедія Гёте 1-я часть. Перев. съ нѣм. М. 902. Ц. 80 коп.

Мамонтовъ, П. И.—Указатель изданій Министерства Земледѣлія и Государственнаго Имущества, по сельскохозяйственной и лѣсной части (1894—1900 г.). 2-е изд. Спб. 901. Ц. 60 к.

Мейснеръ, А. Ф.—Стихотворенія. 1890—1901. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 1 р.

Метерликиъ, М.—Слѣпыя. Перев. и предисл. Н. М. Минскаго. Спб. 902. Цѣна 20 коп.

Мещерскій, А. П.—Исполщина и крестьянскіе заработки. Спб. 902. Ц. 50 к.

Михайловъ, Д.—Лирика Е. Р., въ связи ея съ исторіей русскаго поэзіи во вторую половину XIX-го вѣка. Спб. 902. Ц. 75 к.

Москаль, Михаилъ.—Оправданіе зла. Павось М. Горькаго. Критическій очеркъ. М. 902. Ц. 30 коп.

Мурашкинцевъ, А.—О производствѣ и сбытѣ экспортнаго масла въ Западной Сибири. Спб. 902. Ц. 60 к.

Остень-Сакенъ, бар-сса, Е. К.—Напѣвы и Настроенія. Спб. 902.

Первовъ, П.—Н. В. Гоголь, его жизнь и произведенія. М. 902. Стр. 80.

Побойнитъ, Ив.—Торопецкая Старина. Историческіе очерки г. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Полемъ, Вильгельмъ, фонъ.—Крестыянннъ. Романъ. Съ предисловіемъ графа Льва Николаевича Толстого. Перев. съ нѣм. В. Величиной. М. 902. Цѣна 1 р. 20 к.

Пшибишевскій, Станиславъ.—Ното заріенъ. На распутыи. Съ польск. Эрбе. Спб. 902. Ц. 80 коп.

Пружанскій, К.—Разказы. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Пытинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Томъ III. Судьбы народной поэзіи.—Эпоха преобразованій Петра В.—Установленіе новой литературы.—Ломоносовъ. Изд. 2-е, доп. и пересмотрѣнное. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к., всѣ 4 тома—8 руб.

Ратаузь, I.—Пѣсни любви и печали. Спб. 902. Ц. 1 р.

Рейхлинъ, д-ръ А.—Курорты Ривьеры. Ницца и ея окрестности, Монако, Монте-Карло и Ментона. Иллюстрированный Путеводитель для больныхъ и здоровыхъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Римонъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5 изд. нѣм. В. Юргенсона, дополнен. русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 902. Вып. IV: Вильке-Геликонъ. 12 вып. по подл. 6 руб.

Родъ, Альб., D-g phys. Гауптманъ и Нитцше. Къ объясненію „Потонушаго Колокола“. Съ нѣм. Вс. Шейергольдъ и А. Ремизовъ. М. 902. Ц. 40 к.

Рождествинъ, А.—Жизнь и поэзія Никитина. Каз. 902. Ц. 20 к.

— Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Каз. 902. Цѣна 20 коп.

Сабанинъ, В. В.—Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россію за 1899 г. Т. I: Янв.—Іюнь 1899 г. Вып. 1: Книга на русскомъ языкѣ. Спб. 902. Ц. за годъ (4 вып.) 6 руб., за полугодіе (2 вып.) 3 руб.

Свенторжескій, Л.—Электротехника. Основные законы техническаго измѣренія, аккумуляторы, динамо-машины и электродвигатели постоянного тока. 2-е изд. Спб. 901. I. Текстъ. II. Атласъ чертежей, Ц. 7 руб.

Селивановъ, Вас. Вас.—Сочиненія. Въ 2-хъ томахъ. Владиміръ-на-Клязьмѣ. 901. Ц. 3 р. 80 коп.

Смирновъ, Е.—Цѣна и трудовая стоимость. Этюдъ по теоріи цѣнности. Спб. 902. Ц. 50 к.

Софистъ, Н.—Проектъ мѣръ для точнаго опредѣленія степени убѣжденія современныхъ писателей. Спб. 902. Ц. 50 к.

Старосивильскій, С.—Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Изъ исторіи русской педагогій. Варш. 902. Ц. 50 к.

Степанецъ, Богданъ.—О письменныхъ работахъ въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 99.

— Семинаристы изъ народа. М. 902.

— Забытыя семинаріи. М. 900.

Суворинъ, А. С.—Потемкинскій праздникъ. Опера въ 4 д. Музыка М. М. Иванова. Спб. 902. Ц. 50 к.

Танъ.—Очеркъ и рассказы. Т. II. М. 902. Ц. 1 р.

Таннери, П.—Первые шаги древнегреческой науки. Перев. проф.—въ

Э. Л. Радлава и Г. Ф. Перетели, съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 902. Цѣна 2 р.

Тарасенковъ, А., д-ръ.—Последніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-е, дополненное по рукописи. М. 902. Ц. 20 коп.

Тарасовъ, Е. А.—Донской атаманъ Платовъ (1751—1818 гг.), его жизнь и подвиги. Съ портр. и иллюстрац. Спб. 902.

Тевяковъ, И. А.—Рынки налма сельско-хв. рабочихъ на югѣ Россіи, въ санитарномъ отношеніи, и врачебно-продовольств. пункты. Вып. 1. Спб. 902.

Теодоръ, м-мъ.—Курсъ парижской кройки. Краткій курсъ по программѣ школь „Императ. Патриотическаго Общества“. Спб. 902. Ц. 50 к.

Тищенко, Ф.—Разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Тоторовскій, Б. И.—Опытъ характеристикъ Макса Нордау. Екатеринославъ. 902. Ц. 10 к.

Трусевичъ, К. И., состав.—Переборы и просрѣчка, вытекающіе изъ примѣненія Сборниковъ разстояній желѣзныхъ дорогъ. Практическое пособие для судей, повѣренныхъ, грузохозяевъ и агентовъ жел. дорогъ. Спб. 902. Ц. 75 к.

Федоровъ, Е. С.—Курсъ кристаллографіи. 3-е изд. Съ 334 фиг. и 3 табл. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Филимоновъ, Е. С.—Къ вопросу объ опредѣленіи оборотовъ и прибылей торгово-промышленныхъ заведеній. Пермь, 901.

Харгардъ, Райдеръ.—Она. Ром. Съ англ. Спб. 902. Ц. 60 к.

Чайковский, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II, вып. XIV. 1877—1884 гг. М. 902. Ц. 40 к.

Чехъ, И. С.—Разсказы изъ старокавказской жизни. Т. I и II. Ц. 2 р. 50 к.

— Разсказы и очерки. Т. III. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Чегова, Ант.—Дядя Ваня. Сц. изъ деревенск. жизни. Въ 4 д. Спб. 902. Цѣна 50 коп.

— Три сестры. Драма въ 4 д. Спб. 902. Ц. 60 к.

— Свадьба.—Юбилей.—Три сестры. Пьесы. Спб. 902. Ц. 75 к.

Чшишкина, Всев.—Русь. Прологъ въ стихахъ. Въ память 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя. Рига, 902. Стр. 23. Ц. 20 к.

Шереметьевъ, гр. С. Д.—Царевна Феодосія Феодоровна. 1592—94 г. Спб. 902.

Шляровскій, А. С.—Въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ въ Россіи. „Чтеніе Положенія 19-го февраля 1861 года“. Историческая картина Г. Г. Мясоедова. Съ 15 фототипіями, картинами и рисунками. Кіевъ. 902.

Штембергъ, Г. К.—Коммерческое образованіе въ Швейцаріи. Спб. 901.

Эльпе.—Обиходная рецептура. Шестая серія. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

— Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Ч. I. Ветхій Завѣтъ. Изд. 2-е. Спб.

— Водоснабженіе Москвы въ 1779—1902 г. Мытищенскій и другіе вспомогательные водопроводы. М. 902.

— Выписки изъ дневника свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова, съ 1845 по 1854 г. Спб. 1902.

— Дешевая Библіотека: № 338. Художникъ П. А. Федотовъ и его стихотворенія. Ц. 15 к.—№ 339 и 340. Гоголь, Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, т. I и II, ц. за 2 т. 40 к.—№ 341. Гоголь, Тарасъ Бульба. Ц. 15 к.—№ 342. Гоголь, Повѣсти: Портретъ, Ночь, Шинель, Коляска, Невскій пр., Записки сумасшедшаго, Римъ. Ц. 15 к.—№ 343. Гоголь, Вечера на хуторѣ близъ Дикавки. Ц. 15 к.—№ 344. Гоголь, Миргородъ. Ц. 10 к.—№ 345. Гоголь, Ре-

визоръ, ком. Ц. 10 к. — № 346, Гоголь, Женитьба, Драмат. отрывки и отдѣльныя сцены. Ц. 15 к. Спб. 902.

— Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. 1901. Декабрь. Черниг. 902.

— Значеніе чистокровной лошади и скачекъ для народнаго хозяйства и обороны страны. Спб. 902.

— Историческій очеркъ народнаго образованія въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ за первое 25-лѣтіе его существованія (1875—1899 г.). Вып. 1. Оренб. 901.

— Краткій обзоръ начальнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1898 годъ. Херс. 902.

— Общее Обзорѣніе Якутской области. 1892—1902 гг. Якутскъ. 902.

— Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1900 годъ. 15-й отчетный годъ. Спб. 901.

——— Особаго отдѣла Госуд. Дворян. Зем. Банка за 1900 годъ. Спб. 901.

——— по ликвидациіи Саратовско-Симбир. Зем. Банка за 1900 г. Спб. 901.

— Отчетъ Крестьянскаго Поземельн. Банка за 1900 годъ. 18-ый годъ. Спб. 901.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ Общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго Собора въ Спб. Янв. 1901—Янв. 1902. Спб. 902.

— Очередное XXXVII Нижегородское Уѣздное земское собраніе, 2—10 октября 1901 года. Н.-Новг., 902.

— Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынскаго и П. А. Плетнева къ кн. П. А. Вяземскому. Изъ Остафьевскаго Архива. Изд. съ предисл. и примѣч. Н. Барсукова. Спб. 902.

— Почтовая статистика за 1900 годъ, съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почтово-телеграфнаго вѣдомства за тотъ же годъ. Спб. 902.

— Русскій Біографическій Словарь. Павелъ Преподобный—Петръ (Илейка). Спб. 902.

— Сборникъ матеріаловъ по вопросу объ астраханской желѣзной дорогѣ. Астрах. 901. Ц. 5 руб.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. IV, [съ 5 портр. и 75 чертеж. Завѣд. изданіемъ А. Н. Реформатскій. 2-е изд. М. 901. Цѣна 1 р. 20 к.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. IX. Додолжность городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Уфа. 901.]

— Старина и Новизна. Историческій Сборникъ, издав. при „Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, въ память имп. Александра III“. Кн. V. Спб. 902. Ц. 2 р.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1901 г. М. 902.

— Юридическое Общество при Имп. Спб. Университетѣ за 25 лѣтъ. 1877—1902. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

F. Brunetière. Victor Hugo. Leçons faites à l'école normale, sous la direction de F. Brunetière. Paris, 1902. Vol. I, p. 270; vol. II, p. 386.

Къ столѣтнему юбилею Виктора Гюго. пышно отпразднованному въ Парижѣ 26-го февраля текущаго года, появилось много статей и книгъ, „переоцѣнивающихъ“ великаго національнаго поэта. Въ числѣ ихъ особенно интересны въ историко-литературномъ отношеніи два тома о Гюго, вышедшіе въ свѣтъ подъ редакціей Фердинанда Брюнетьера. Въ предисловіи Брюнетьеръ объясняетъ происхожденіе книги. Она составлена не имъ самимъ, а его учениками, студентами *École Normale Supérieure*, причемъ, конечно, его редакція и его указанія придаютъ единство всему труду. Вѣроятно, еслибы книга была написана самимъ Брюнетьеромъ, въ ней было бы больше внѣшняго писательскаго блеска, но зато и больше доктринерства, больше односторонности, отличающей Брюнетьера. Написанная же его учениками, она имѣетъ болѣе историко-литературный характеръ. Въ ней не видно философскаго міросозерцанія автора, но нѣтъ и никакой тенденціозности. Она написана чисто историческимъ методомъ, всѣ факты тщательно проверены. Что касается критическихъ сужденій о Гюго, то они не представляютъ никакой особой новизны,—но въ этомъ отчасти историко-литературное значеніе новой книги, отражающей не взгляды отдѣльнаго писателя, а мнѣніе современной Франціи о писателѣ, родившемся сто лѣтъ тому назадъ. Брюнетьеръ тоже видитъ главное достоинство работы своихъ учениковъ въ ея коллективномъ характерѣ. „Книга эта выражаетъ взгляды на Гюго того поколѣнія, которое не рождалось, когда великій поэтъ умеръ. Люди моего возраста жили съ нимъ общею жизнью, между тѣмъ какъ Викторъ Гюго теперешнихъ двадцатилѣтнихъ юношей уже весь перешелъ въ исторію, такъ что его посмертная слава до нѣкоторой степени зависитъ отъ нихъ. Ихъ сужденія могутъ быть и ошибочны, но, во всякомъ случаѣ, они составлены внѣ политическихъ и философскихъ партій, къ которымъ принадлежали современные Гюго критики“. Составленная въ такихъ условіяхъ книга менѣе всего панегирикъ Гюго. Приводя его въ связь съ другими представителями французскаго романтизма,

авторы книги доказываютъ, что созидательной роли Гюго не игралъ, но зато такъ мощно отражалъ идеи, бывшія въ воздухѣ, что на историческомъ отдаленіи онъ именно кажется отцомъ романтизма. Вместе съ тѣмъ, ученики Брюнетьера признаютъ Виктора Гюго величайшимъ лирикомъ во французской поэзіи, не имѣющимъ равныхъ себѣ по богатству словъ и образовъ, по полнотѣ поэтической оркестровки и по высотѣ ораторскаго дара. Они указываютъ на преобладаніе лирическаго индивидуализма даже въ его драмахъ, на то, что Гюго главнымъ образомъ интересенъ какъ сильная личность и въ литературѣ, и въ жизни. Этотъ взглядъ на Гюго не новый, но достоинство книги о Гюго—въ очень точной исторической и критической аргументаціи, которая приводитъ авторовъ отдѣльныхъ очерковъ къ ихъ выводамъ. Какъ ни понимать Гюго,—любить ли его яркій, колоритный, играющій антитезами, эффектный стихъ и быструю перемѣну ослѣпляющихъ, величественныхъ образовъ, или же признать все это искусственной риторикой—все же нельзя отрицать двухъ фактовъ: во-первыхъ, крайней воспримчивости Гюго, которая сдѣлала его громкимъ глашатаемъ всѣхъ литературныхъ, политическихъ и общественныхъ увлеченій его времени, а во-вторыхъ, его лирическаго гения. Эти двѣ стороны таланта обезпечиваютъ ему безсмертіе, и на нихъ авторы книги строятъ всѣ свои выводы. Очень критически относятся къ самой исторіи развитія Гюго, строго критикуя отдѣльные его произведенія, они все-же настаиваютъ на великомъ значеніи его какъ поэта, и въ этомъ смыслѣ устанавливаютъ сужденіе исторіи о немъ.

Главы, посвященныя дѣтству и юности Гюго, состоятъ въ провѣркѣ существующихъ первоисточниковъ. Таковы, во-первыхъ, анонимная автобіографія: „Victor Hugo, raconté par un témoin de sa vie“, и книга Бирэ: „Викторъ Гюго до 1830 года“. Обѣ книги тенденціозны. Первая написана женой Гюго на половину подъ диктовку его самого; она полна несомнѣнной рисовки; Викторъ Гюго изображаетъ себя такимъ, какимъ бы онъ хотѣлъ, чтобы потомство его считало. Бирэ, съ другой стороны, будучи католикомъ и легитимистомъ, не можетъ простить Гюго его позднѣйшаго охлажденія къ роялизму, и потому ставитъ юношескія произведенія Гюго выше позднѣйшихъ, что уже вовсе несправедливо, и, съ другой стороны, слишкомъ ожесточенно нападаетъ на наивное тщеславіе, сказавшееся въ его автобіографіи, и заподозриваетъ даже вполне достовѣрные факты.

Гюго происходилъ изъ военной семьи. Въ „Victor Hugo, raconté etc.“ онъ доказываетъ знатность своего происхожденія, составляетъ генеалогическое древо, доходящее до XV-го вѣка. Но Бирэ очень легко разрушаетъ эту легенду, которую Гюго хотѣлъ создать, и показываетъ, съ документами въ рукахъ, что Гюго былъ чисто плебей-

скаго происхожденія—дѣдъ его былъ столяромъ въ Нанси. Отецъ Виктора Гюго сдѣлалъ довольно быструю карьеру въ арміи Наполеона; онъ былъ уже полковникомъ, когда родился Викторъ, въ 1802 г., а потомъ—генераломъ. Ему приходилось жить постоянно внѣ Франціи, что отражалось на воспитаніи его дѣтей и, въ частности, Виктора. Дѣтство поэта прошло среди путевыхъ впечатлѣній. Сначала онъ жилъ съ матерью въ Парижѣ, въ кварталѣ Фельянтинъ, который въ то время еще былъ почти деревней, съ запущенными садами. Во множествѣ стихотвореній и въ автобіографіи, написанной женой, онъ съ очень точными подробностями рассказываетъ о школѣ, которую онъ посѣщалъ, о томъ, что природа, садъ вокругъ ихъ дома гораздо болѣе содѣйствовалъ его душевному развитію, чѣмъ школьное обученіе. Но этимъ свидѣтельствамъ самого Гюго можно придавать лишь психологическое, а не фактическое значеніе. Гюго хочетъ доказать потомству опредѣленность и точность своей памяти, силу, съ которой въ ней отпечатлѣвались явленія внѣшняго міра, хочетъ также показать стихійную непосредственность своего генія, который развивался безъ всякаго воздѣйствія книгъ и учителей; а говоря о чувствѣ тайны, которая охватывала его въ саду, онъ хочетъ доказать, что уже съ самаго нѣжнаго дѣтства онъ чувствовалъ таинственность бытія. Говоря объ образахъ, которые ему мерещились повсюду, онъ хочетъ возбудить изумленіе къ раннему развитію своей фантазіи, къ своему поразительному умѣнью облекать все въ образы. Вслѣдствіе этой искусственной окраски воспоминаній дѣтства, нельзя вѣрить точности фактовъ, сообщаемыхъ Гюго. Несомнѣнно только то, что Гюго съ дѣтства былъ крайне воспримчивъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и умѣлъ накоплять огромное количество образовъ, которые воспроизводитъ впослѣдствіи. Фактъ только тотъ, что школа, въ которой онъ учился, была очень плоха, и что постоянныя путешествія, которыя прерывали школьныя занятія, окончательно лишили его всякаго правильнаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что мать его довольно небрежно относилась къ образованію своихъ дѣтей. Путешествія, которыя Гюго совершалъ въ дѣтствѣ по Италіи и Испаніи,—мать его съ дѣтьми уѣзжала къ мужу и провела цѣлый годъ въ Испаніи—многочратно описаны самимъ Гюго. Но опять-таки въ описаніяхъ его есть много искусственнаго. Такъ какъ Испанія впослѣдствіи играла видную роль въ его творчествѣ, то онъ хочетъ показать, что освоился съ этой страной съ дѣтства, и потому хорошо ее знаетъ. Но фактически это едва-ли вѣрно. Уже сообщаемый имъ самимъ фактъ, что онъ и его братъ научились испанскому языку въ шесть недѣль, доказываетъ, какъ мало онъ былъ подготовленъ къ пониманію той обстановки, въ которой вдругъ очутился. Въ Мадридѣ его отдали въ Collége des Nobles, откуда онъ несомнѣнно

очень мало вынести, уже вследствие слабого знания языка. Въ его воспоминаніяхъ много говорится о внѣшней архитектурѣ коллежа—холоднаго и мрачнаго монастыря, объ аристократическихъ нравахъ его знатныхъ товарищей, но очень мало—объ ученѣ. Пробывъ годъ въ Испаніи, семья генерала Гюго вернулась въ Парижъ, такъ какъ положеніе французовъ въ Испаніи становилось опаснымъ. Пребываніе въ странѣ солнца и рѣзкихъ контрастовъ въ природѣ и въ жизни населенія, знойнаго лѣта и холодныхъ зимнихъ дней, картины величайшей роскоши на раду съ нищетою, видъ полу-голодныхъ товарищей, гордившихся своимъ знатнымъ происхожденіемъ, жизнь въ мраморныхъ дворцахъ съ полу-разрушенной грязной обстановкой, яркость солнца и мракъ жилищъ—все это оставило глубокой слѣдъ въ фантазіи Гюго и способствовало развитію той любви къ контрастамъ и антитезамъ, на которыхъ построено все его творчество. Образование Гюго закончено было въ Парижѣ, въ подготовительномъ пансіонѣ Кордье, въ коллѣжѣ Louis le Grand. Онъ готовился поступить въ политехническую школу, но отказался отъ своего намѣренія, такъ какъ ученіе ему не особенно давалось. Онъ не любилъ философіи, не привыкши съ дѣтства къ методическимъ отвлеченнымъ занятіямъ, а интересовался больше физикою—его фантазія нуждалась въ осязательныхъ предметахъ и фактахъ. Онъ рано сошелся съ группою писателей, и уже въ шестнадцать лѣтъ основалъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, журналъ „Conservateur Littéraire“; съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1818 г., ни о какомъ ученѣ больше не было и рѣчи. Образование его было, такимъ образомъ, совершенно поверхностное, и фантазія развита была гораздо болѣе разсудочныхъ способностей.

О его литературныхъ дебютахъ существуетъ много невѣрныхъ анекдотовъ, которые разрушилъ Бирэ. Такъ напр., по разсказу Сентъ-Бѣва, онъ, въ 1817 г., представилъ на конкурсѣ академіи стихотвореніе, которое признано было достойнымъ преміи, но, въ виду молодости автора, въ которой онъ самъ признался, академія рѣшила не опьянать его преждевременной славой, и удостоила его только почетнаго отзыва. На самомъ же дѣлѣ, Гюго только потому и получилъ отзывъ, что судьи были поражены его молодостью, и хотѣли поощрить его. Послѣ того онъ получилъ три преміи къ раду на конкурсахъ тулузскихъ „Jeux Floraux“—ему было тогда восемнадцать лѣтъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, его поэтический даръ сказался очень рано. Кромѣ того, онъ писалъ множество стиховъ и прозаическихъ статей въ „Conservateur“. Бирэ доказываетъ, что, перепечатавъ ихъ впоследствии, онъ ихъ сильно видоизмѣнилъ, главнымъ образомъ, съ цѣлю отнести къ болѣе раннему періоду свои легитимистическіе взгляды, а также для того, чтобы представить свои юношескія произведенія луч-

шими въ литературномъ отношеніи. Юношескія произведенія Гюго интересны для характеристики его тогдашнихъ литературныхъ и политическихъ идей, такъ сильно измѣнившихся впоследствии. Онъ былъ сначала ярымъ консерваторомъ, примыкавшимъ къ партіи порядка, даже къ реакціонерамъ. Уже тогда сказывается основное свойство его дарованія—онъ инстинктивно примыкаетъ къ идеямъ, наиболее вліятельнымъ въ данный моментъ. Въ этомъ—основа громкихъ успѣховъ, сопровождавшихъ его въ теченіе всей его жизни. Въ 1820 г. въ литературѣ царилъ Шатобрианъ—и Викторъ Гюго применилъ къ нему; его журналъ названъ „Conservateur Littéraire“ по образцу „Conservateur“ Шатобриана; Гюго проводилъ въ немъ принципы узкаго легитимизма, рѣзко осуждалъ революцію и нападалъ на либераловъ. Что касается его стихотворнаго стиля, то онъ вполне въ духѣ псевдоклассицизма XVIII вѣка; Гюго усвоилъ себѣ всѣ секреты стиха Деліля и Лебрена, и писалъ образцовымъ академическимъ стилемъ. Въ критикѣ онъ держался правилъ Лагарпа, осуждая все несогласное съ принципами классицизма. Но и тогда уже сказывались признаки нарождающейся оригинальности поэта. Вѣрный господствующимъ принципамъ, усваивалъ ихъ себѣ съ большой гибкостью, онъ разбивалъ ихъ рамки непосредственной силой своего творчества. Онъ защищалъ старыя идеи съ живостью и необузданностью молодости. Чувствуется огромный размахъ въ его умѣнѣ, не создавая ничего новаго, проявлять свои силы во всѣхъ литературныхъ родахъ, созданныхъ до него. Онъ писалъ сатиры въ духѣ Лемерсье, идилліи и элегіи въ духѣ Парни, басни—въ стилѣ Флоріана, трагедіи—въ духѣ Казимира Делавиня, оссіановскія поэмы, романы—въ духѣ Вальтеръ-Скотта. Это стремленіе все охватить свидѣтельствуетъ о нѣкоторой поверхностности, о томъ, что форма для него важнѣе сущности, но также и о непосредственной силѣ творчества, откликающагося на все. Гюго изучалъ и усваивалъ себѣ все, что только находилъ. Во Франціи возникъ въ то время интересъ къ Востоку, и Гюго изучаетъ арабскія сказки, увлекается яркостью пейзажей, вспоминаетъ при этомъ свои личныя впечатлѣнія въ Испаніи и вырабатываетъ удивительную колоритность стиха, которая впоследствии сказалась въ его „Orientales“, обогащается образами, достигаетъ поразительной звучности стиха, и быстрое развитіе этихъ качествъ замѣняетъ въ немъ отсутствіе философской углубленности. Уже въ нѣкоторыхъ сценахъ его юношеской драмы „Инеса де-Кастро“ сказывается та яркость и живописность, которыя онъ впоследствии внесъ въ драму и романъ. Такимъ образомъ, уже съ первой молодости, Викторъ Гюго заявилъ себя не разрушительнымъ гениемъ, который выступаетъ противникомъ окружающихъ его идей, а поэтомъ, вся сила котораго въ умѣнѣ придать

блескъ и пластичность всему, чего ищутъ и къ чему стремятся его современники.

Между 1822 и 1826 гг. появилось три тома стиховъ Гюго, собранныхъ въ одинъ, въ 1826 г., подъ заглавіемъ: „Odes et ballades“. Въ этомъ сборникѣ уже всѣ мотивы новые, сравнительно съ поэзіей XVIII вѣка. Академическія описанія замѣнены лирическими переживаниями. Двѣ основныя темы составляютъ содержаніе всѣхъ стихотвореній—общественные мотивы, исторія націи, переживающей сильныя, потрясающія событія, и исторія человѣческой души съ ея интимными чувствами, страданіями и радостями. Новизна стиля Гюго сказывается въ полномъ отсутствіи миеологическихъ метафоръ, загромождавшихъ поэзію XVIII-го вѣка. Въ этомъ сказывается вліяніе на Гюго Шатобриана, у котораго онъ почерпнулъ и много другого. Монархизмъ Гюго, его христіанскія настроенія и его любовь къ среднимъ вѣкамъ—все это непосредственное наслѣдіе Шатобриана. Но есть еще другія стороны его поэзіи, которыя, въ свою очередь, составляютъ отголосокъ другихъ вліяній. Интимный лиризмъ нѣкоторыхъ его стихотвореній и воспѣваніе природы, исканіе соответствій между личными настроеніями и жизнью природы—объясняются воздѣйствіемъ Ламартина, а что касается гражданскихъ мотивовъ его поэзіи, то они коренятся въ „Méditations“ Казимира Делавиня. Своимъ умѣньемъ отражать все, что вдохновляло его современниковъ, Гюго сдѣлался звучнымъ эхо, глашатаемъ внутренней жизни своей эпохи. Но онъ, конечно, достигъ этого не прямымъ подражаніемъ, а самобытными свойствами своего дарованія, главнымъ образомъ, силой своей фантазіи, которая умѣетъ все перевоплощать, всему придавать величіе, звучность и яркость.

Между 1826 и 1830 гг. Викторъ Гюго сдѣлался неоспоримымъ главой романтизма. Въ 1830 г. уже происходятъ битвы между классиками и романтиками изъ-за его драмы „Эрнани“. Гюго сталъ главой романтизма. Будучи въ 1822 г. твердымъ консерваторомъ въ литературѣ, онъ чрезвычайно быстро освободился отъ классическихъ традицій и переродился въ главу романтической школы, причемъ все время слѣдовалъ только за другими, оставляя всю тяжесть борьбы новаторамъ, производившимъ ломку, и провозглашая новыя теоріи, придавая имъ яркій блескъ какъ разъ въ ту минуту, когда онѣ имѣли наиболѣе шансовъ восторжествовать во вкусахъ публики. Онъ, конечно, не слѣдовалъ при этомъ опредѣленной системѣ, а дѣйствовалъ въ силу природной гибкости своего ума и таланта, пластичности своего дарованія. Точно также въ политикѣ онъ перешелъ отъ убѣжденнаго монархизма къ республиканскимъ идеямъ, и когда наступили іюльскіе дни, написалъ пламенный „Дневникъ революціонера 1830 года“.

Переходъ этотъ совершился въ немъ совершенно естественно. Онъ вмѣстѣ со своими современниками переходилъ отъ монархизма къ республиканству и демократизму. Онъ принялъ революцію, когда она совершилась, и ему искренно казалось, что онъ самъ содѣйствовалъ ей торжеству. Въ политикѣ болѣе, чѣмъ во всемъ другомъ, онъ былъ „звучнымъ эхо“, повторявшимъ проклятія или сочувственные крики всей націи.

Въ слѣдующіе годы въ творествѣ Гюго наступаетъ новая эволюція. Весь Парижъ охваченъ политическими страстями, и Викторъ Гюго горитъ желаніемъ выразить всенародно свои убѣжденія; онъ ищетъ каеодры и находитъ ее на подмосткахъ театра. Въ предисловіи къ „Лукреціи Борджіа“, въ 1833 г., онъ пишетъ: „Театръ—трибуна. Драма, не выходя за предѣлы художественной объективности, должна исполнять миссію національную, социальную и гуманитарную“. Ту же мысль онъ повторяетъ и черезъ десять лѣтъ, въ предисловіи къ „Bug-raves“, говоря: „Театръ долженъ дѣлать мысль насущнымъ хлѣбомъ для толпы“. Въ теченіе этихъ лѣтъ, отъ 1830 по 1843 гг., Викторъ Гюго почти пренебрегаетъ всѣми остальными областями литературы, быстро отдѣлывается отъ начатаго имъ романа „Соборъ парижской Богоматери“, и уже не пишетъ болѣе романовъ до 1862 г. Лирическихъ сборниковъ появляется за это время мало—Гюго превращается изъ поэта въ пастыря народа. Въ цѣломъ рядъ драмъ: „Маріонъ Делормъ“, „Le Roi s'amuse“, „Лукреціа Борджіа“, „Мари Тюдоръ“ и въ особенности въ „Рюи Блазъ“, Гюго, главнымъ образомъ, проповѣдуетъ свои социальные идеи, отстаивая при этомъ право поэта творить судъ надъ политическими событіями дня, давая рѣзкія, демократическія формулы, превращая каждую пьесу въ манифестъ демократическихъ идей. Въ статьѣ о театрѣ Гюго въ книгѣ Брюнетьера выясняется манера и приемы Гюго—одинаковые во всѣхъ пьесахъ. Въ центрѣ пьесы стоитъ всегда какая-нибудь отвлеченная идея, превращаемая въ осязательный драматическій конфликтъ. Въ большинствѣ случаевъ драма построена на какомъ-нибудь яркомъ контрастѣ, на соединеніи нравственнаго уродства съ какимъ-нибудь возвышеннымъ и чистымъ чувствомъ. Недостатки его драмъ вполне очевидны. Они состоятъ въ чрезмѣрной сложности интриги, въ отсутствіи всякой правдоподобной психологіи и въ чрезвычайномъ загроможденіи дѣйствій вводными эпизодами и рѣчами на возвышенныя темы, не имѣющими прямого отношенія къ сюжету. Но въ этихъ слабостяхъ сказывается характеръ всего творчества Гюго. Онъ и въ драмахъ остается лирикомъ, выражающимъ только себя, свои чувства, свои мысли, и если драмы его интересны, то именно этимъ подъемомъ лиризма, доходящимъ иногда до истиннаго паэоса. Гюго не былъ создателемъ романтической драмы—Аль-

Фредъ де-Виньи и Александръ Дюма, подготовили ему путь—но своимъ предисловіемъ къ „Кромвелю“ Гюго выяснилъ принципы романтическаго театра. Въ книгѣ учениковъ Брюнетьера очень рѣзко критикуется предисловіе, легковѣдность историческихъ сужденій Гюго и бездоказательность его историко-философскихъ теорій. Но все же Гюго очень громко и убѣдительно провозгласилъ два основныхъ принципа романтизма: во-первыхъ, освобожденіе отъ правилъ и условности классической драмы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полную свободу искусства; а во-вторыхъ—свою собственную плодотворную теорію о смѣшеніи трагическаго съ комическимъ, прекраснаго съ уродливымъ, съ цѣлью приблизить театръ къ жизни, которая вся состоитъ изъ контрастовъ. Эта теорія тоже чисто субъективная. Гюго чувствуетъ стихійное влеченіе къ антигедамъ, составляющимъ яркость его творчества, и свою личную особенность онъ возводитъ въ теорію. Серія драматическихъ произведеній Гюго заканчивается драмой „Burgraves“, неуспѣхъ которой отвратилъ его отъ театра. Вслѣдъ затѣмъ, въ перемежку съ изданіемъ лирическихъ сборниковъ, въ которыхъ онъ все болѣе становится интимнымъ и вѣжно-лиричнымъ, Гюго ищетъ исхода своей страсти къ проповѣди, къ власти надъ толпой, въ общественной и политической дѣятельности. Уже въ его академическихъ рѣчахъ преобладаетъ политическій характеръ, совершенно иного оттѣнка, чѣмъ прежній его легитимизмъ. Онъ продолжаетъ быть вѣрнымъ отголоскомъ духа времени, и по мѣрѣ того, какъ французское общество склоняется къ демократическимъ идеямъ, онъ все сильнѣе ихъ провозглашаетъ. Революція его сдѣлала демократомъ, имперія сдѣлала его ярымъ противникомъ монархизма, причемъ, по своей вѣчной склонности къ контрастамъ, онъ—въ борьбѣ съ Наполеономъ III-мъ—сталъ пламеннымъ апологетомъ Наполеона I-го. Очень подробно разсматривая борьбу Гюго противъ Наполеона III-го, его политическіе взгляды и проповѣди во время изгнанія, авторъ очерка этого періода жизни Гюго очень строгъ къ поэту и объясняетъ его поведеніе, главнымъ образомъ, личной злобой противъ императора. Высоко ставя литературное значеніе этого періода, онъ очень отрицательно относится къ нравственнымъ побужденіямъ, руководившимъ Гюго.

Разсматривая другія области творчества Гюго, его романы, его сатиры, философскую поэзію послѣднихъ лѣтъ, ученики Брюнетьера видятъ въ нихъ тѣ же свойства, какъ въ драмахъ и прежней лирикѣ—преобладаніе лиризма, богатство фантазіи, доходящей до величія, чуткость ко всему окружающему, на ряду съ отсутствіемъ новизны и углубленности мысли, со слабостью интригъ и отсутствіемъ психологии въ романахъ. Что касается горячей гуманности Гюго, его отеллика на всѣ страданія, той „pitié sociale“, которая звучитъ и въ „Misé-

gables", и въ гнѣвныхъ нападкахъ Гюго на жестокость и тираннію властителей, то, признавая всю пользу, которую Гюго оказалъ провозглашеніемъ своихъ принциповъ, критики его все-же отмѣчаютъ и нѣкоторую рисовку Гюго; въ своей жадѣ власти надъ умами, Гюго, по ихъ мнѣнію, пошелъ сознательно по этому пути, будучи въ душѣ скорѣе равнодушнымъ къ чужимъ страданіямъ.

Въ новой книгѣ о Гюго личность несомнѣнно великаго поэта и человѣка описана вполне безпристрастно. Значеніе его ничуть не умаляется оттого, что критики трезво смотрятъ и на его литературные недостатки, и на его человѣческія слабости. Они не хотятъ видѣть Гюго такимъ, какимъ онъ старался остаться въ памяти потомства, искусственно позируя иногда и оглушая міръ высотой своихъ фразъ. Но то, что остается послѣ трезваго историческаго и психологическаго изученія его жизни и творчества, тѣмъ не менѣе чрезвычайно значительно. Онъ не былъ великимъ, искреннимъ человѣколюбомъ, но велъ за собой толпу, проповѣдая человѣколюбіе. Онъ не былъ глубокимъ философомъ, хотя и затрогивалъ міровыя темы, но былъ великимъ отзывчивымъ лирикомъ. Всѣ струны, звучація отдѣльно въ произведеніяхъ его современниковъ, слились въ могущественный аккордъ въ его творествѣ, и все, что романтизмъ создалъ новаго, смѣлаго и сильнаго, навсегда будетъ связано съ именемъ Гюго.

II.

Leo Berg. Henrik Ibsen. Berlin, 1901. Стр. 127.

Книга объ Ибсенѣ нѣмецкаго критика Лео Берга выдѣляется среди обширной Ибсеновской литературы новизной выводовъ и цѣльностью характеристики норвежскаго драматурга. Книга написана съ полнымъ безпристрастіемъ, возможнымъ только теперь, когда вопросъ объ Ибсенѣ пересталъ быть спорнымъ, когда прекратилось страстное и отчасти кружковое отношеніе къ нему. Бергъ рассматриваетъ Ибсена главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ основнымъ задачамъ современности, и даетъ окончательные выводы о писателѣ, о которомъ такъ разнo судили въ различные періоды его дѣятельности. Онъ даетъ формулу Ибсена, очень мѣтко опредѣляетъ характеръ каждой отдѣльной драмы, и можно съ увѣренностью сказать, что его сужденія останутся въ исторіи литературы. Интересъ книги Берга и ея преимущество передъ многими, даже самыми авторитетными разборами Ибсена заключаются въ томъ, что критикъ исходитъ въ своихъ сужденіяхъ изъ послѣднихъ, заключительныхъ драмъ Ибсена. Ибсенъ

много разъ мѣнялся въ своемъ творчествѣ, и поэтому о немъ писали какъ о крайнемъ реалистѣ, какъ объ анархистѣ, разрушающемъ устой современнаго общества, какъ о туманномъ символистѣ; Бергъ же, игнѣя передъ собою законченное явленіе, всесторонне обсуждаетъ всѣ элементы его творчества и находитъ единство идейнаго замысла во всѣхъ его драмахъ, начиная 'отъ самыхъ раннихъ до позднѣйшихъ. Игнѣя возможность стать на историческую точку зрѣнія, критику не вноситъ никакой страстности въ свой очеркъ. Прежде приходилось отстаивать Ибсена, какъ знаменосца новаго, не признаваемаго литературнаго теченія. Въ лицѣ Ибсена осуждалось все, что въ литературѣ такъ или иначе связано было съ его идеями, а такъ какъ вся передовая литература 80-хъ и 90-хъ годовъ въ западной Европѣ, и въ особенности въ Германіи, исходила отчасти изъ него, то понятно, что дебаты объ Ибсенѣ принимали партійный характеръ, мѣшавшій въ сущности пониманію Ибсена. Въ настоящее время Ибсенъ во всякомъ случаѣ признанъ во всей Европѣ, и потому нѣтъ надобности защищать его; нужно только объяснить его, объединить всѣ кажущіяся противорѣчія въ его творчествѣ—а это Бергъ дѣлаетъ съ большимъ критическимъ чутьемъ.

Прежде чѣмъ говорить о сущности произведеній Ибсена, Бергъ останавливается на литературной судьбѣ его—судьбѣ въ самомъ дѣлѣ исключительной. Ни одинъ изъ современныхъ великихъ писателей не подвергался столь долгимъ и упорнымъ нападкамъ и у себя на родинѣ, и за ея предѣлами, прежде чѣмъ окончательно утвердилась его слава. Въ исторіи литературы есть много примѣровъ непониманія писателя своими современниками; ихъ „открываютъ“ лишь послѣдующія поколѣнія, какъ это было со Стендалемъ, котораго поняли и прославили лишь въ 80-хъ годахъ,—съ Шелли и другими. Но судьба Ибсена совершенно иная. Онъ вовсе не чуждъ своему поколѣнію—напротивъ того, творчество его коренится въ современности, и для того, чтобы признать его, общество должно было познать себя. Чрезвычайно важно было, чтобы Ибсенъ былъ понятъ при жизни, т. е. тогда, когда онъ продолжалъ творить, потому что задачи его въ значительной степени воспитательныя. Еслибы Ибсена поняли лишь нѣсколько поколѣній спустя, когда наше время уже отошло бы въ исторію, то этимъ уничтожилась бы существенная часть его значенія. Есть въ его творчествѣ вѣчные элементы, но онъ прежде всего выразитель своего времени, какъ бы совѣсть своего вѣка; вотъ почему долгая борьба за признание особенно трагична для Ибсена,—вотъ почему въ творчествѣ его такъ много ожесточенности и гнѣва—въ особенности въ драмахъ средняго періода, касающихся психологіи современнаго общества. Но, какъ вѣрно говоритъ Бергъ, „немного

есть писателей, относительно которыхъ ихъ отечество и весь міръ такъ быстро и такимъ кореннымъ образомъ имѣнили бы свои сужденія". Въ 1864 г. онъ былъ какъ бы преданъ отлученію за свою „Комедию любви“. Въ 1881 г., послѣ „Призраковъ“ почти вся образованная Европа относилась къ нему какъ къ преступнику или душевнобольному; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того онъ былъ предметомъ горячей ожесточенной борьбы, а затѣмъ вдругъ признанъ былъ первымъ драматургомъ въ Европѣ. Этотъ поворотъ въ мнѣніяхъ объ Ибсенѣ произошелъ приблизительно въ 1888 году. „Голось совѣсти былъ услышанъ, и къ поученію Ибсена стали прислушиваться“.

Бергъ очень точно устанавливаетъ связь Ибсена со всѣми большими вопросами современности, и показываетъ тѣмъ самымъ, что Ибсенъ въ самомъ дѣлѣ „совѣсть своего вѣка“—въ чемъ и заключается его главное значеніе. Въ своихъ драмахъ онъ касается всѣхъ „грѣховъ“ современнаго общества, и убѣдительность его разоблаченій наводитъ ужасъ. Онъ показываетъ, какъ велика отвѣтственность каждаго отдѣльнаго человѣка передъ всѣми. Все его творчество состоитъ въ судѣ надъ самимъ собой и надъ міромъ. Поэтому драмы его при всей своей трагичности носятъ отпечатокъ сатиры. Бергъ называетъ ихъ трагикомедіями. Эта разрушительная сторона въ творествѣ Ибсена была понята раньше всего другого—и всѣ нападки на него были главнымъ образомъ вызваны его безпредѣльнымъ анархизмомъ, его разрушеніемъ основъ всей современной общественной жизни, безъ замѣны старыхъ кумировъ новыми святынями. Но Бергъ указываетъ на ложность этого взгляда, на то, что Ибсенъ преисполненъ глубокой вѣры и высокихъ надеждъ на будущее человѣчество, на то, что наступитъ время, когда прекрасное не будетъ болѣе ложью, когда истина не будетъ болѣе уродливой. Будучи величайшимъ реалистомъ, онъ въ то же время поэтъ и мистикъ. Свѣтлая вѣра звучала въ его первыхъ произведеніяхъ, и его общественныя драмы съ ихъ гнѣвной разрушительной проповѣдью лишь на время заглушили ея голось въ немъ; но уже начиная съ „Росмергольма“ снова слышенъ прежній тонъ, снова крѣпнеть упованіе въ возможность воспитать человѣчество до величайшаго благородства. При всей рѣшительности каждой отдѣльной драмы, въ творествѣ Ибсена есть постоянное движеніе. Подобно старику Гёте, онъ развивается со своимъ вѣкомъ, какъ его вѣкъ развивается съ нимъ. Поэтому, достигнувъ престарѣлаго возраста, онъ кажется болѣе молодымъ, чѣмъ всѣ молодые писатели.

Бергъ устанавливаетъ идейную связь между различными періодами творчества Ибсена. Въ раннихъ своихъ драмахъ національнаго характера, какъ „Сѣверные богатыри“, „Претенденты на престолъ“, и въ первой общественной драмѣ, „Комедія любви“, зрѣетъ и крѣпнеть

его индивидуалистическая теория, его возмущение противъ всѣхъ преградъ, которыя ставятся развитію личности условіями жизни среди общества. Въ „Сѣверныхъ богатыряхъ“ еще свободно проявляется демонизмъ сильныхъ натуръ, не стѣсненныхъ узами общественности; въ ней есть еще герои, которые имѣютъ возможность показать себя во всемъ своемъ величіи. Драма эта вполнѣ романтична, но она связана съ современностью возвеличеніемъ личности. А въ „Претендентахъ на престолъ“, гдѣ Ибсенъ наиболѣе сильно отразилъ трагедію неосуществимыхъ желаній, представлены люди, отвергнутые жизнью, пасынки Бога на землѣ, обреченные на страданія, потому что въ нихъ нѣтъ геройства, а есть только бессильное влеченіе къ нему. Въ этой драмѣ намѣченъ одинъ изъ основныхъ мотивовъ Ибсена, повторяющійся затѣмъ и въ его общественныхъ драмахъ. Онъ изображаетъ людей, оскорбленныхъ въ своемъ королевскомъ величіи, т.-е. сознающихъ высоту своего назначенія и бессильныхъ достигнуть его—„владѣть престоломъ“, который имъ принадлежитъ по праву. Въ „Геддѣ Габлеръ“ катастрофа тоже заключается въ „утраченномъ королевствѣ“, въ бессмысленномъ уничтоженіи рукописи гениальнаго человѣка. У Ибсена безконечно высокое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ. Онъ какъ бы видитъ во всякой канавѣ потерянную королевскія короны—и поэтому въ немъ накопило столько горечи, столько отвращенія къ уродству жизни.

Слѣдующая серія произведеній состоитъ изъ трехъ философскихъ драмъ, „Брандта“, „Перъ Гинта“, „Императора и Галилеянина“ и общественной сатиры: „Союзъ молодости“. Эти три философскія драмы являются тезой, антитезой и синтезомъ одной общей идеи. „Брандтъ“—трагедія непреклонной воли, которая все разрушаетъ и отрицаетъ, требуя всего или ничего; „Перъ Гинтъ“—трагедія безудержной фантазій, которая разрушаетъ самую личность; „Императоръ и Галилеянинъ“—трагикомедія неустойчиваго положенія между двумя эпохами, вносящаго въ жизнь бесплодныя противорѣчія. Эти три драмы, самыя блестящія и фантастичныя изъ всего, что писалъ Ибсенъ, развиваютъ идею индивидуализма и являются прототипомъ героевъ позднѣйшихъ драмъ. Фанатикъ правды, Брандтъ, повторяется въ „Докторѣ Штокманнѣ“ и въ героѣ „Дикой утки“, Грегоръ Вэрле; фантазеръ и лжець передъ самимъ собой, Перъ Гинтъ—прототипъ Гяльмара въ „Дикой уткѣ“. Во всѣхъ этихъ драмахъ Ибсенъ пламенно ратуетъ за освобожденіе личности—и такова же программа его общественныхъ драмъ. „Нора“, „Призраки“, „Врагъ народа“, „Дикая утка“—вызовъ современному обществу, въ которомъ искатель правды является какъ бы „тринадцатымъ за столомъ“, т.-е. совершенно лишнимъ и обреченнымъ на гибель. Въ вопросѣ о бракѣ три драмы: „Нора“, „Призраки“

и „Дочь моря“ стоять въ такомъ же внутреннемъ соотношеніи между собой, какъ „Брандтъ“, „Перъ Гинтъ“ и „Императоръ и Галилеянинъ“. — „Призраки“ заключаютъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ, которымъ обрывается „Нора“, — въ нихъ эгоизмъ Норы претерпѣваетъ жестокую кару. Почему-то до сихъ поръ не замѣчали, что „Призраки“ направлены противъ матери столько же, какъ и противъ отца. Эгоизмъ въ бракѣ со стороны мужа карается смертью любви и потерей жены, но эгоизмъ жены карается несчастіемъ и проклятіемъ дѣтей. Слѣдующая драма „Росмерсгольмъ“, при всей своей мрачности, отмѣчена идеализмомъ. Росмеръ хочетъ возвысить людей до благородства, но гибнетъ потому, что онъ слишкомъ слабъ. Эта драма написана въ элегическомъ тонѣ — поэтъ полонъ скорби, сознавая, что трагизмъ жизни — въ невозможности сочетать идеальныя стремленія съ силой. Облагородить людей можно только отнимая у нихъ способность къ жизни. Послѣднія драмы Ибсена: „Джонъ Габриэль Боркманъ“ и „Когда мы мертвые просыпаемся“ — не возбуждаютъ новыхъ вопросовъ, но въ нихъ всѣ прежніе мотивы представлены въ измѣненномъ и углубленномъ видѣ. Тонъ этихъ драмъ болѣе спокойный. Нѣтъ въ нихъ гнѣва и возмущенія общественныхъ драмъ средняго періода, нѣтъ вызова. Ибсенъ становится въ нихъ болѣе справедливымъ; онъ уже не грозный судья, а только психологъ, подводящій итоги.

Наиболѣе интересны въ книгѣ Берга главы, посвященныя разбору двухъ послѣднихъ драмъ Ибсена. Установивъ неразрывную связь между всѣми отдѣльными произведеніями, критикъ показываетъ, какъ всѣ нити окончательно сходятся въ послѣднихъ двухъ драмахъ. Всѣ грѣхи современности, всѣ противорѣчія жизни проявляются въ болѣе сжатомъ, выразительномъ видѣ. Прежнія драмы построены на антитезахъ; отношеніе между каждой изъ нихъ и предшествующей ей представляетъ собой то же, что плюсъ и минусъ въ алгебрѣ. „Сѣверные богатыри“ — героическая драма; въ „Претендентахъ на престолъ“ — геройство уже не какъ положительный факторъ, а какъ вопросъ. Въ „Норѣ“ — защита правъ женщины, въ „Призракахъ“ — трагедія дѣтей, страдающихъ отъ эгоизма родителей. Въ „Брандтъ“ — прославленіе силы личности, въ „Перъ Гинтъ“ — индивидуализмъ представленъ безумцемъ и обманщикомъ. Въ „Росмерсгольмѣ“ плюсъ и минусъ сочетаются — индивидуализмъ, вѣрящій въ возможность облагородить человечество, отчаивается и погибаетъ. И чѣмъ старше становился Ибсенъ, тѣмъ болѣе въ его драмахъ чередовались и сочетались утвержденія и отрицанія. Послѣ „Призраковъ“ онъ пишетъ „Дочь моря“ — полное отрицаніе всякихъ призраковъ, всего унаслѣдованнаго. Новымъ идеаломъ становится сознательная отвѣтственность за себя и свобода, спасающая отъ призрака наслѣдственности.

Въ „Джонъ Габріэль Боррманъ“ всѣ эти мотивы собраны какъ бы въ фокусѣ. Трагизмъ чрезмѣрной фантазіи, которая при столкновеніи съ дѣйствительностью превращается въ безуміе или преступленіе, выраженъ въ „Боррманъ“ съ чрезвычайной силой. Это драма отрезвленія, окончательный выводъ о несоотвѣтствіи фантазіи и дѣйствительности. Эта идея, намѣченная во всѣхъ драмахъ, начиная съ „Претендентовъ на престолъ“, закрѣпляется въ „Боррманъ“; здѣсь представлено полное жизненное и нравственное банкротство финансоваго предпринимателя, мечтавшаго о томъ, чтобы „освободить милліоны, спящіе въ жилахъ земли“, и столкнувшагося, при выполненіи своихъ мечтаній, съ уложеніемъ о наказаніяхъ. Трагическая вина Боррмана—въ чрезмѣрности его фантазіи, въ томъ, что онъ забылъ о правахъ жизни—это такая же вина, какъ и вина Росмера, который хотѣлъ облагородить людей, не зная ихъ. Боррманъ не знаетъ своихъ силъ; въ немъ живетъ только сознаніе своего „права на престолъ“, какъ въ „Претендентѣ на престолъ“, но онъ не умѣетъ осуществить своего плана. Изъ трагизма фантазіи, сталкивающейся съ дѣйствительностью, вытекаетъ вопросъ о правахъ генія. Ибсенъ затрогиваетъ его во всѣхъ пьесахъ и доводитъ до конца въ „Боррманъ“. Достоинъ ли геній тѣхъ жертвъ, которыя ему приносятся? Герои всѣхъ драмъ Ибсена имѣютъ на своей совѣсти загубленную ими любящую женщину—Боррманъ тоже изломалъ жизнь женщины, которую самъ любилъ,—потому что она была препятствіемъ на его пути. Но въ день суда—а пьесы Ибсена всегда представляютъ не самое дѣйствіе (всѣ факты у него обыкновенно въ прошломъ), а часъ расплаты—всѣ прегрѣшенія становятся ясными и опредѣляютъ трагическую судьбу героя. „Габріэль Боррманъ“—трагедія эгоизма. Самъ герой—мечтатель, ставшій преступникомъ вслѣдствіе того, что отождествлялъ фантазію съ дѣйствительностью; виновенъ онъ еще потому, что принесъ любовь и жизнь въ жертву своей фантазіи, т.-е. въ дѣйствительности сталъ эгоистомъ. И всѣ въ этой драмѣ—эгоисты, каждый вѣрилъ въ другого—только поскольку ждалъ отъ него чего-нибудь для себя, и всѣ же въ свою очередь страдаютъ отъ эгоизма, порожденнаго ими въ другихъ. Отличіе этой глубокой драмы отъ прежнихъ заключается въ самомъ тонѣ ея, въ отсутствіи обличительной сатиры, въ пониманіи жизни какъ трагедіи или даже какъ мистеріи: вина героевъ чисто трагическая, существующая несмотря на высоту ихъ побужденій; они поэтому подлежатъ суду жизни, но не осужденію моралиста...

Въ эпилогѣ „Когда мы мертвые просыпаемся“ опять взята послѣдній моментъ, день итоговъ, когда человѣку открывается смыслъ его жизни, когда онъ видитъ въ настоящемъ видѣ отношеніе между дѣйствительностью и фантазіей, видитъ свое безсиліе, свое неумѣнье

сохранить „законный престолъ“. Чувствуя себя почти смѣшнымъ, онъ видитъ кромѣ того, что вокругъ него—даже не порочные люди, а мелкіе лгунишки и мошенники. Передъ его отрезвленнымъ взоромъ появляется женщина, напоминающая ему о его великихъ обѣщаніяхъ, о томъ, что онъ поведетъ ее на высоту, покажетъ ей всѣ чудеса міра. Ея голосъ поднимаетъ его духъ. Онъ готовъ совершать подвиги рука объ руку съ нею. Но силы его ослабли—и его жажда подвига становится безуміемъ. На немъ опять новая вина, потому что ему довѣрилась женщина и безцѣльно пожертвовала ему своей молодостью и своимъ счастьемъ. Вместе они уже не могутъ пойти впередъ, а могутъ только погибнуть. Геній падаетъ съ высоты, когда передъ нимъ возстаетъ все прошлое, вся вина его жизни. Таковъ мотивъ, связующій всѣ драмы Ибсена, и онъ же разработанъ въ последней драмѣ, которую Ибсенъ называлъ эпилогомъ. Ея отличіе отъ прежнихъ тоже заключается, главнымъ образомъ, въ тонѣ, въ примиренно-элегическомъ настроеніи. Нельзя, однако, исходя изъ впечатлѣній объ этой драмѣ, назвать Ибсена пессимистомъ; напротивъ того, онъ вѣрится въ высоту желаній человѣка и тѣмъ болѣе чувствуетъ трагизмъ разлада.

Всѣ эти мотивы творчества Ибсена, т.-е. всю идейную сторону драмъ его, Бергъ выяснилъ съ большимъ критическимъ чутьемъ; давши яркую характеристику цѣльности его творчества. Основные вопросы у него всегда тѣ же—различіе только въ отношеніи къ нимъ, въ переходѣ отъ романтическаго пониманія геройства къ ожесточенной сатиры и потомъ къ примирительно-элегическому тону.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1902.

Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: „Крестьянинъ“. — Ступеньки литературной лѣстницы въ Англіи и въ Россіи. — Задачи и формы литературной критики. — Различныя способы борьбы съ расколомъ. — Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскаго юридическаго общества. — Ф. Д. Нефедовъ †.

Большое вниманіе обратило на себя, какъ все выходящее изъ-подъ пера гр. Л. Н. Толстого, предисловіе, предпосланное имъ русскому переводу романа Поленца: „Крестьянинъ“¹⁾. Какъ ни безгранично наше уваженіе къ великому писателю, мы не можемъ отказаться и по отношенію къ нему отъ права свободной критики — не можемъ, въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что затронутые имъ вопросы принадлежать къ числу важнѣйшихъ въ области литературы. „Лѣтъ двадцать тому назадъ“ — говоритъ Л. Н., объясняя, почему прошель у насъ почти незамѣченнымъ романъ Поленца, — „Мэтью Арнольдъ написалъ прекрасную статью о назначеніи критики. По его мнѣнію, назначеніе критики въ томъ, чтобы находить во всемъ томъ, что было гдѣ бы и когда бы то ни было написано, самое важное и хорошее и обращать на это вниманіе читателей. Такая критика въ наше время затоплена людьми газетами, журналами, книгами и развитія рекламы, мнѣ кажется не только необходима, но отъ того, появится ли и получить ли авторитетъ такая критика, зависитъ вся будущность просвѣщенія образованнаго класса нашего европейскаго міра... По мѣрѣ все большаго и большаго распространенія газетъ, журналовъ и книгъ, вообще книгопечатанія, все ниже и ниже спускается уровень достоинства печатаемаго и все больше и больше погружается большая масса такъ называемой образованной публики въ самое безнадежное, довольное собой и потому неисправимое невѣжество. На моей памяти, за 50 лѣтъ, совершилось это поразительное пониженіе вкуса и здраваго смысла читающей публики. Прослѣдить можно это пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы, но укажу только на нѣкоторые, болѣе замѣтные и мнѣ знакомые, примѣры. Въ русской поэзіи, напримѣръ, послѣ Пушкина, Лермонтова (Тютчевъ обменовенно забывается), поз-

¹⁾ См. содержаніе этого предисловія подробнѣе въ „Литературномъ Обзорніи“, выше, на стр. 844—848.

тическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ Майкову, Полонскому, Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потомъ къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ къ однообразному и слабому Надсону, потомъ къ совершенно бездарному Алухтину, а потомъ уже все мѣшается и являются стихотворцы, имъ же имя легионъ, которые даже не знаютъ, что такое поэзія и что значить то, что они пишутъ и зачѣмъ они пишутъ. Другой поразительный примѣръ—англійскихъ прозаиковъ: отъ великаго Диккенса спускается сначала къ Джоржъ-Эллоту, потомъ къ Теккерей, отъ Теккерей къ Трлопу, а потомъ уже начинается безразличная фабрикація Киплингъ, Гольценовъ, Ройдеръ Гагартъ и т. п... Существующее въ нашемъ европейскомъ обществѣ, всѣми молчаливо признанное подраздѣленіе всѣхъ писателей на гениальныхъ, очень талантливыхъ, талантливыхъ и просто хорошихъ не только не помогаетъ истинному пониманію достоинствъ литературы и отысканію хорошаго среди моря дурного, но еще болѣе мѣшаетъ этому. Не говоря уже о томъ, что самое дѣленіе это очень часто невѣрно и держится только потому, что очень давно сдѣлано и всѣми принято,—оно вредно потому, что у писателей, признаваемыхъ первостепенными, есть очень плохія вещи, и у писателей самаго послѣдняго разбора—вещи превосходныя... Отвѣтить на важнѣйшій въ наше время вопросъ ищущаго образованія юноши образованнаго сословія или человѣка изъ народа, ищущаго просвѣщенія, можетъ только настоящая критика... Отъ того, появится или нѣтъ такая критика, безкорыстная, непринадлежащая ни къ какой партіи, понимающая и любящая искусство, и установится ли ея авторитетъ настолько, что онъ будетъ сильнѣе денежной рекламы,—зависитъ, по моему мнѣнію, рѣшеніе вопроса о томъ, погибнуть ли послѣдніе проблески просвѣщенія въ нашемъ, такъ называемомъ образованномъ, европейскомъ обществѣ, не распространяясь на массы народа, или возродится оно, какъ оно возродилось въ средніе вѣка, и распространится на большинство народа, лишеннаго теперь всякаго просвѣщенія“.

Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація г-на Л. Н. Толстого. Отмѣтимъ, прежде всего, то, что въ ней фактически спорно. Въ исторіи судебъ литературы необходимо различать смѣну писателей и смѣну репутаций. Слава позднѣйшихъ писателей далеко не всегда затмѣваетъ собою славу болѣе раннихъ. Успѣхъ, выпадающій на долю эпигоновъ, можетъ идти рука объ руку съ продолжающимся или даже растущимъ успѣхомъ ихъ великихъ предшественниковъ. Пониженіе уровня талантовъ—вовсе, поэтому, не синонимъ пониженія вкуса и здраваго смысла читающей публики. Изъ того, что Майковъ, Полонскій, Фетъ, Некрасовъ, г-н. А. Толстой, Надсонъ, Алухтинъ писали

послѣ Пушкина и Лермонтова, еще не слѣдуетъ, что въ томъ же порядкѣ совершался у насъ переходъ поэтической славы. Если Пушкинъ и, въ меньшей степени, Лермонтовъ, переживали у насъ періодъ забвенія и отрицанія, то вовсе не потому, чтобы ихъ оттѣснило на задній планъ увлеченіе ихъ преемниками, а по совершенно другимъ, достаточно извѣстнымъ причинамъ. Изъ остальныхъ поэтовъ, названныхъ Л. Н. Толстымъ, широкою популярностью пользовались только Некрасовъ и, много лѣтъ спустя, Надсонъ; всѣ другіе долго испытывали равнодушіе публики, а когда талантъ ихъ получилъ, наконецъ, болѣе или менѣе общее признаніе, то въ этомъ признаніи не было и нѣтъ ничего похожаго на *славу*. Есть ли у насъ, въ настоящую минуту поэтъ, котораго бы читали, цѣнили и любили больше чѣмъ Пушкина и Лермонтова? Конечно, нѣтъ. Едва ли мы ошибемся, если придемъ къ аналогичному выводу и относительно Англій. Шумомъ, производимымъ рассказами Киплинга или романами Кэна (Hall Caine), едва ли заглушается загробный голосъ Диккенса, Теккерея, Дж. Эллиота. Лучшія произведенія этихъ трехъ великихъ романистовъ остаются для англійскаго общества тѣмъ же, чѣмъ были для него въ моментъ ихъ появленія; забывается только болѣе слабое, не выдерживающее дѣйствія времени. „Давидъ Копперфильдъ“ и „Тяжелыя времена“, „Ярмарка тщеславія“ и „Эсмондъ“, „Адамъ Бидъ“ и „Мельница на Флоссѣ“ сохраняютъ и, нужно полагать, надолго сохранятъ свою притягательную силу... Трудно согласиться и съ тѣмъ, что русскіе поэты и англійскіе романисты наслѣдовали одинъ другому въ порядкѣ, указываемомъ Л. Н. Толстымъ. Никакой преимущественности между Некрасовымъ и А. Толстымъ, между А. Толстымъ и Надсономъ, между Надсономъ и Апухтинымъ установить нельзя ни по времени появленія ихъ произведеній, ни по времени достиженія ими наибольшаго успѣха. Алексѣй Толстой писалъ одновременно съ Некрасовымъ, одновременно съ нимъ, хотя и не въ равной мѣрѣ, обращалъ на себя общее вниманіе; Надсонъ выступилъ на сцену гораздо позже Апухтина, извѣстность котораго, съ самаго начала ограниченная тѣснымъ кругомъ читателей и почитателей, осталась и остается такою и послѣ смерти Надсона. Первые романы Диккенса нѣсколько старше первыхъ романовъ Теккерея, но расцвѣтъ славы обоихъ писателей относится къ одному и тому же времени: въ концѣ сороковыхъ годовъ появились „Давидъ Копперфильдъ“ и „Ярмарка тщеславія“, въ началѣ пятидесятыхъ—„Тяжелыя времена“ и „Эсмондъ“. Гораздо позже стала писать и заняла высокое мѣсто въ литературѣ Дж. Эллиотъ: „Адамъ Бидъ“ вышелъ въ свѣтъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Нельзя сказать, поэтому, что англійскій романъ *спускается* отъ Диккенса „сначала къ Эллиоту, потомъ къ Теккерю“.

Остановимся подольше на словѣ: *спускается*. Оно предполагаетъ существованіе лѣстницы, на ступеняхъ которой размѣщаются писатели. Какой бы при этомъ ни былъ выбранъ критерій, въ процессѣ размѣщенія неизбежно играетъ большую роль личный вкусъ размѣстителя, обусловливаемый его убѣжденіями, его симпатіями и антипатіями, его взглядами на задачи искусства. Въ результатѣ должно получиться нѣчто столь же произвольное, какъ и отвергаемое Л. Н. Толстымъ дѣленіе писателей на гениальныхъ, очень талантливыхъ, талантливыхъ и просто хорошихъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ основаніе къ *безусловному* превознесенію Диккенса надъ Эллиотомъ, Эллиота—надъ Теккереемъ? Сколько по этому вопросу суждѣній, столько и рѣшеній: Троллопъ, напримѣръ, отводитъ Диккенсу лишь третье мѣсто; Тэнъ особенно высоко ставитъ Теккереева; Геннекенъ видитъ въ Диккенсѣ гораздо больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ—и въ пользу каждаго изъ этихъ мнѣній могутъ быть приведены вѣскія доказательства ¹⁾. У каждаго писателя есть сильныя и слабыя стороны; нельзя опредѣлить съ математическою точностью ихъ взаимное отношеніе—нельзя, слѣдовательно, установить, безошибочно и безапелляціонно, удѣльный вѣсъ писателя и приобрѣсти, такимъ образомъ, прочную точку опоры для сравненій... Нѣчто въ родѣ лѣстницы построено Л. Н. Толстымъ и для русской поэзіи, быстро, по его мнѣнію, падающей все ниже и ниже. Безспорнымъ, въ этомъ построеніи, можно признать только одно—огромное превосходство Пушкина и Лермонтова надъ всѣми ихъ преемниками; но это еще не значить, что для послѣднихъ не оставалось мѣста въ широкой, безграничной области поэтическаго творчества. Изъ всѣхъ писателей, названныхъ Л. Н. Толстымъ, нѣтъ, какъ намъ кажется, ни одного, которому можно было бы отказать въ поэтическомъ дарѣ. „Весьма сомнительными“ поэтами Майковъ, Фетъ и Полонскій являются часто, но далеко не всегда; каждому изъ нихъ бывали даны минуты истиннаго вдохновенія. Поэтическихъ страницъ немало и у Некрасова, и у А. Толстого, и у Надсона, и даже у Апухтина. Не искусственны и не прозаичны такія поэмы, какъ „Рыцарь на часъ“, или „Змѣй Тугаринъ“; такія стихотворенія, какъ „Внимая ужасамъ войны“, или „То было раннею весной“; не однообразенъ и не слабъ Надсонъ, съ его переходами отъ унынія къ порывамъ бодрости и надежды; не бездаренъ и Апухтинъ, когда остается въ родственной ему сферѣ легкой тоски и спокойной меланхоліи. Признавая, и совершенно правильно,

¹⁾ Для насъ лично великіе англійскіе романисты группируются точно такъ же, какъ и для Л. Н. Толстого: Диккенсъ и Эллиотъ намъ дороже и ближе, чѣмъ Теккерей. Противъ разстановки, которую даетъ имъ Л. Н. Толстой, мы возражаемъ не потому, чтобы она шла въ разрѣзъ съ нашимъ чувствомъ, а потому, что нельзя доказать ея абсолютную справедливость.

что „превосходныя вещи“ встрѣчаются даже „у писателей самаго послѣдняго разбора“, Л. Н. Толстой не ищетъ ихъ у людей несомнѣнно даровитыхъ—и провозноситъ, вслѣдствіе этого, беспощадное осужденіе надъ всею русской поэзіею второй половины XIX-го вѣка.

Если рядомъ съ преклоненіемъ передъ великимъ прошлымъ существуетъ интересъ къ менѣе крупному настоящему, если послѣдній, по временамъ, какъ будто бы даже растетъ въ ущербъ первому, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ „пониженіи вкуса и здраваго смысла“, а въ неудержимомъ ходѣ событій. Постоянная смѣна явленій отражается въ текущей литературѣ—и литература, въ свою очередь, именно этимъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества. Нѣтъ ничего ненормальнаго въ захватывающемъ волненіи, которое возбуждаетъ писатель, уловившій и воплотившій—хотя и не въ идеальной совершенной формѣ—настроеніе эпохи. Между искусствомъ и жизнью нѣтъ непереходимой границы; замкнуться въ мірѣ „сладкихъ вымысловъ“, отрѣшась отъ суровой дѣйствительности, удастся только немногимъ. Удивительно ли, что въ шестидесятыхъ годахъ, да и позже, такъ сильно дѣйствовали стихотворенія Некрасова порожденныя тогдашней атмосферой, проникнутыя ея электричествомъ? Удивительно ли, что они потрясали и трогали даже тѣхъ, кто былъ непричастенъ къ модному тогда походу противъ Пушкина? Удивительно ли, что четверть вѣка спустя любимцемъ молодежи—и не одной молодежи—сталъ Надсонъ, выразитель глубокой душевной смуты и страстный искатель лучшаго будущаго?.. И это не единственный источникъ обаянія новизны—обаянія, вполне совмѣстнаго съ культомъ безсмертныхъ памятниковъ искусства. Нѣтъ такой области, въ которой были бы пройдены всѣ пути, исчерпаны всѣ мотивы; свободное мѣсто можно найти даже тамъ, гдѣ сказано, повидимому, послѣднее слово. Несмотря на высоту, которой достигли антологическія стихотворенія Пушкина, у Майкова есть вещи достойныя стать рядомъ съ ними. Ни у Пушкина, ни у Лермонтова, нѣтъ стихотвореній, вызванныхъ чувствомъ любви къ матери; Некрасовъ не имѣлъ здѣсь предшественниковъ—и тѣмъ легче нашель доступъ къ сердцамъ читателей. Свообразны, или по темамъ, или по способу ихъ обработки, многія стихотворенія Фета, Полонскаго, А. Толстого, Апухтина. Сказать себѣ разъ навсегда: все это—*dii minores*, ихъ не стоитъ читать, пока есть подъ рукою произведенія царей Олимпа,—значило бы съзудить, безъ всякой надобности, сферу эстетическихъ наслажденій и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ одной изъ путеводныхъ нитей, помогающихъ разобраться въ лабиринтѣ современной жизни.

Задача настоящей критики—говоритъ Л. Н. Толстой—выдвигать и указывать людямъ все, что есть лучшаго какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ писателяхъ. Слово: *критика* понимается здѣсь,

очевидно, въ смыслѣ гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ обыкновенно: въ ея область включается значительная часть *исторіи* литературы, философіи, науки. Исторія изучаетъ *прежнихъ* писателей; критика имѣетъ дѣло съ писателями *современными*. Настаивать на этой разницѣ, несомнѣнно формальной и условной, мы не будемъ; мы подчеркиваемъ ее только для выясненія задачъ, которыя ставятъ себѣ большинство критиковъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ нихъ, чтобы они постоянно возвращались къ темамъ, давно стоящимъ внѣ всякаго спора—доказывали, напримѣръ, великое значеніе Гомера, греческихъ трагиковъ, Данта, Шекспира, Шиллера, Гёте. Неизбѣжно и невольно критическая работа сосредоточивается, главнымъ образомъ, на новомъ, а изъ не совсѣмъ новаго—на недостаточно или неправильно оцѣненномъ. Вращаясь въ этихъ предѣлахъ, она по необходимости касается и не особенно крупнаго, и даже совсѣмъ мелкаго; но ея послѣдней цѣлью—если только она свободна отъ намѣреннаго, сознательнаго пристрастія—все-таки остается указаніе *лучшаго*, хотя бы для того, чтобы имѣть критерій всему остальному. Весь вопросъ въ томъ, чтó считать *лучшимъ*? Отвѣты на этотъ вопросъ до крайности разнообразны; какъ разрѣшаетъ его Л. Н. Толстой—извѣстно изъ трактата: „Что такое искусство?“. Не касаясь существа вопроса, замѣтимъ только, что стремленіе найти лучшее можетъ проявляться въ самыхъ различныхъ формахъ критики—между прочимъ и въ публицистической, противъ которой такъ рѣшительно возстаетъ Л. Н. Толстой. Едва ли справедливо ставить ее на одинъ уровень съ критикой тенденціозно-льстивой, „восхваляющей произведенія, получившія извѣстность“ и придумывающей, для ихъ оправданія, „туманныя философско-эстетическія теоріи“—и съ критикой тенденціозно осмѣивающей произведенія „чужого лагеря“. Панегирикъ и пасквиль одинаково стоятъ внѣ области критики—но этого никакъ нельзя сказать о попыткахъ „опредѣлить, по изображаемымъ въ литературѣ типамъ, направленіе общественнаго движенія“. Именно у насъ такіа попытки сыграли особенно видную роль, вполне согласную съ основнымъ требованіемъ Л. Н. Толстого: онѣ разъяснили значительную часть *лучшаго*, созданнаго нашими писателями-художниками. Развѣ не лучшее у Островскаго и Гончарова составляетъ предметъ знаменитыхъ статей о „темномъ царствѣ“ и объ „обломовщинѣ“?... Мы далеки отъ мысли, чтобы критика этого типа была единственною законною и плодотворною; но право гражданства, завоеванное для нея еще Бѣлинскимъ, принадлежить ей неотъемлемо и безспорно.

Опасность, съ такою силой сигнализируемая Л. Н. Толстымъ—опасность „затопленія газетами, журналами, книгами“—существуетъ несомнѣнно, существуетъ не со вчерашняго дня. Ее констатировать,

между прочими, Шопенгауеръ, посвятившій ей цѣлую главу во второмъ томѣ „Parerga und Paralipomena“. „Весьма важно“—говоритъ онъ—„пріобрѣсти *умѣнье не читать*—не читать того, что расхваливаетъ большая часть публики, не читать даже сочиненій, въ первые годы послѣ выхода въ свѣтъ выдержавшихъ нѣсколько изданій. Плохія книги—это умственный ядъ, порча для духа. Наше время погружается все больше и больше въ массу собственнаго своего навоза... Въ литературѣ, какъ и въ живни, преобладаетъ неисправимая чернь челоуѣчества, все переполняющая и все загрязняющая, какъ мухи лѣтомъ“. Читать мало и читать только великія произведенія—вотъ къ чему сводится завѣтъ Шопенгауера. Разбирая его, много лѣтъ тому назадъ, въ „Вѣстникѣ Европы“¹⁾, мы сдѣлали къ нему нѣсколько оговорокъ. Намъ казалось—и кажется теперь,—что онъ слишкомъ абсолютенъ; исходя изъ личныхъ особенностей автора, онъ не принимаетъ въ расчетъ безконечнаго разнообразія читателей. Можно ли подводить подъ одинъ масштабъ челоуѣка бодрого, здороваго, общительнаго, безпрестанно ставящаго для себя новыя практическія задачи—и челоуѣка слабаго, больного, ведущаго замкнутую, кабинетную жизнь? Не ясно ли, что въ существованіи послѣдняго чтеніе должно играть гораздо большую роль—и, соотвѣтственно этому, не можетъ не увеличиваться количество прочитаннаго?.. Мѣряюмъ величія произведеній Шопенгауеръ признаетъ славу, освященную давностью. Это равносильно запрету на чтеніе современныхъ произведеній, несомнѣнному какъ съ ростомъ литературы—кто же станетъ писать исключительно для отдаленнаго потомства?—такъ и съ законными запросами, предъявляемыми ежедневною жизнью. Л. Н. Толстой не идетъ такъ далеко, какъ Шопенгауеръ; онъ допускаетъ чтеніе лучшаго въ произведеніяхъ современныхъ писателей—но даже его ригоризмъ требуетъ нѣкоторыхъ смягченій. Подъ понятіе о *лучшемъ* не подойдетъ ничего или почти ничего въ періодической прессѣ—а между тѣмъ она не даромъ занимаетъ видное мѣсто въ современномъ обществѣ. Прежде, когда отдѣльныя общественныя единицы были невелики, однообразны и мало соприкасались одна съ другою, роль повременной печати могли играть сходки, встрѣчи, рассказы и разговоры; теперь, когда все разрослось, усложнилось, переплелось и сблизилось между собою, желанье знать, что дѣлается и думается на свѣтѣ, можетъ быть удовлетворяемо только „текущей“ литературой, въ особенности газетами и журналами. А это желанье совершенно естественно и законно: оно проистекаетъ изъ сознанія солидарности, яснаго у однихъ, смутнаго у другихъ, но все болѣе растущаго и въ ширь, и

¹⁾ См. статью: „Книга и читатель въ наше время“ въ № 3 за 1890 г.

въ глубь. Когда на очереди стоитъ политическій или социальный вопросъ, важный для цѣлаго народа, посвященная ему книга, брошюра, газетная или журнальная статья можетъ заставить забыть, на время, о самыхъ крупныхъ произведеніяхъ искусства. Миръ прекраснаго и высокаго имѣетъ свои неоспоримыя, вѣчныя права—но уваженіе къ нимъ не исключаетъ вниманія къ требованіямъ минуты.

Картина „образованной толпы“, нарисованная Л. Н. Толстымъ, кажется намъ чрезчуръ мрачной. Презрительное или списходительно-высокомѣрное отношеніе „ко всѣмъ настоящимъ великимъ мыслителямъ, поэтамъ, прозаикамъ какъ древности, такъ и XIX вѣка“, приписываемое здѣсь всѣмъ вообще „новымъ людямъ“, свойственно, на самомъ дѣлѣ, развѣ небольшой горсти декадентовъ или систематическихъ отрицателей искусства и науки. Бороться противъ такого настроенія, въ какой бы мѣрѣ оно ни проявлялось, необходимо, и однимъ изъ орудій борьбы должна и можетъ служить критика, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; но ей едва ли по силамъ та первостепенная роль, которую ей предназначаетъ Л. Н. Толстой. Гораздо больше можетъ сдѣлать правильная система воспитанія—система поддерживающая, а не колеблющая уваженіе къ наукѣ и искусству. Крупныхъ результатовъ слѣдуетъ ожидать и отъ нравственнаго подъема, подавляющаго грубые и грязные инстинкты, и отъ экономическаго прогресса, сокрушающаго власть „денежной рекламы“ и узкаго расчета. Высказывая эту увѣренность, мы, конечно, не возражаемъ Л. Н. Толстому; въ своей послѣдней статьѣ онъ просто не коснулся вопросовъ, съ такимъ блескомъ и такою глубиною освѣщенныхъ его прежними произведеніями. Мы хотѣли только намѣтить предѣлы литературной критики и, уменьшивъ возлагаемыя на нее ожиданія, смягчить, тѣмъ самымъ, тяжесть лежащей на ней ответственности.

Выше, въ литературномъ обзорѣннн, у насъ идетъ рѣчь о книгѣ А. М. Бобрнщова-Пушкина: „Судъ и раскольники-сектанты“. Не скрывая слабыхъ сторонъ борьбы, которую духовенство, особенно въ лицѣ миссіонеровъ, ведетъ съ расколомъ и сектантствомъ, авторъ охотно останавливается и на исключеніяхъ изъ общаго правила—напр. на заявленіи миссіонера Новоселова, сдѣланномъ въ засѣданіи орловскаго миссіонерскаго съѣзда и оглашенномъ, вполсѣдствіи, путемъ печати ¹⁾).

¹⁾ „Мы видимъ“—сказано въ этомъ заявленіи—„хитрость и лукавство въ тѣхъ способахъ и приемахъ сектантской пропаганды, которые почитаемъ нравственно одобрительными, когда прибѣгаемъ къ нимъ сами“. Возраженія г. Новоселова были направлены и „противъ того ненаучнаго (выражался деликатно) метода изслѣдованія,

Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ („Ураль“) появилась недавно замѣчательная записка другого (пермскаго) миссіонера, о протоіерея Луканина, поданная имъ оберъ-прокурору св. синода, гр. Д. А. Толстому, въ 1880-мъ году. „Расколъ“—читаемъ мы здѣсь—„никогда не былъ бы для церкви опасенъ, если бы православное духовенство съ достоинствомъ пользовалось въ отношеніи врачеванія своего *больного челоѣтика* законными и естественными мѣропріятіями, т.-е. дѣйствовало на него своимъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Но къ сожалѣнію духовенство въ большинствѣ случаевъ и искони, начиная иногда съ высшихъ и до низшихъ, принималось,—при воспитаніи своихъ больныхъ чадъ, далеко не за духовныя мѣры, способы и средства,—потому что въ должныхъ и желательныхъ, по собственному своему невѣжеству, было неукусно,—а за противоестественныя, полицейскія и даже хуже—инквизиціонныя“. Интереснѣйшую иллюстрацію къ вопросу о томъ, какою образомъ дѣйствій наиболѣе цѣлесообразенъ по отношенію къ отпадшимъ отъ православія, мы находимъ въ чердынской корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 70). Въ началѣ прошлаго вѣка жители сѣверныхъ, глухихъ волостей чердынскаго уѣзда (пермской губерніи)—Корепинской и Тулпанской—были всѣ безъ исключенія православныя, хотя тамъ не было ни одной православной церкви. Въ тридцатыхъ годахъ стали появляться отдѣльные случаи обращенія въ расколъ, вслѣдствіе чего въ с. Корепинѣ, при дѣятельномъ участіи мѣстнаго населенія, была построена церковь. Расколъ, тѣмъ не менѣе, распространялся, и вскорѣ объ названныя волости сдѣлались всецѣло раскольническими. Объясняется это тѣмъ, что хорошіе священники не соглашались вѣхать въ такую глушь, да и въ глазахъ начальства назначеніе туда представлялось иногда тѣмъ-то въ родѣ наказанія. Первые священники въ с. Корепинѣ не только чистотой, но и простой порядочностью жизни не отличались и примѣромъ для подражанія ни въ какомъ случаѣ служить не могли. До сихъ поръ хранится память объ о. Никитѣ, жившемъ въ Корепинѣ въ 60-хъ или 70-хъ годахъ и смотрѣвшемъ на свое мѣсто исключительно какъ на кормленье. Вѣнчанье, напримѣръ, происходило у него такъ: придуть брачущіеся въ сторожку, запишутся въ книгу, заплатятъ о. Никитѣ и уйдутъ обратно. Лѣтъ десять тому назадъ отъ громаднаго корепинскаго прихода былъ отдѣленъ тулпанскій, въ которомъ сначала не было даже постоянной церкви; была походная, миссіонерская, въ дер. Петрецової. Въ эту временную церковь назначенъ былъ священникомъ о. Гавріиль Чашихинъ, челоѣкъ,

при посредствѣ котораго такъ легко усматриваются проявленія зловредныхъ социально-политическихъ тенденцій тамъ, гдѣ едва ли усмотрѣло бы ихъ самое недреманное прокурорское око“.

видѣвшій въ своемъ служеніи въ Тулпанской волости великую миссію. Пріѣхавъ въ Тулпанскую волость, онъ не ограничился службой въ церкви разъ въ недѣлю, да сборами весенней и осенней руги, а сейчасъ же началъ сближаться съ народомъ, изучать его нужды и по возможности, не навязываясь, удовлетворять ихъ. Онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ по громадной волости, знакомился съ мужиками, ихъ семьями, исполнялъ ихъ мелкія порученія, писалъ прошенія, письма и вообще сдѣлался крайне необходимымъ въ волости человекомъ. Сначала о. Гавріилъ какъ бы и вниманія не обращалъ на религіозныя убѣжденія тулпанцевъ. Раскольники перестали смотрѣть на него враждебно, нотомъ стали его цѣнить, затѣмъ полюбили до того, что о. Гавріилъ сталъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Въ концѣ концовъ у многихъ явилось желаніе посмотрѣть, какъ служить о. Гавріилъ въ своей церкви. И служеніе церковное о. Гавріила понравилось: служилъ онъ истово, не торопился, каждое слово можно было разобрать. Жизнь велъ о. Гавріилъ праведную. Первый шагъ, самый трудный, былъ сдѣланъ. Затѣмъ о. Гавріилъ досталъ всѣ раскольничьи книги, рукописи и пр., изучилъ ихъ и оказался совершенно въ курсѣ дѣла. Дѣйствовалъ онъ психологически: хорошо знакомый съ каждымъ мужикомъ, онъ зналъ, чѣмъ каждаго взять и, въ концѣ концовъ, добился того, что въ воскресенье церковь была полна народу; къ нему начали возить крестить и хоронить, начали ѣздить вѣнчаться. Такъ происходило постепенное пріобщеніе отпавшихъ чадъ въ лоно православной церкви, но... произошло какое-то недоразумѣніе изъ-за иконы съ духовнымъ начальствомъ, и о. Гавріила перевели въ другой приходъ въ томъ же уѣздѣ. Теперь служить на мѣстѣ отца Гавріила человекъ совершенно другого склада. Интересуясь расколомъ, корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей“ спросилъ у него про его прихожанъ, про расколъ вообще,—и не только не узналъ отъ него ничего новаго, но въ нѣкоторыхъ вопросахъ оказался освѣдомленнѣе его, хотя онъ и служить въ исключительно раскольнической волости скоро три года. „Только бы вытянуть мнѣ обязательный срокъ службы здѣсь, а тамъ въ переводку!“—сказалъ батюшка (въ переводку, конечно, на хлѣбное мѣсто). Раскольники, по его собственнымъ словамъ, относятся къ нему враждебно, не исполняютъ никакихъ требъ, не пускаютъ его съ крестомъ и, главное, не хотятъ платить руги. Отъ дѣятельности о. Гавріила не осталось и слѣда; опять тулпанскіе раскольники далеки отъ того, чтобы присоединиться къ православію. За то теперь чаще, чѣмъ при о. Гавріилѣ, ѣздить въ Тулпанскую волость съ Волги раскольничьи начетчики... Трудно представить себѣ что-либо болѣе краснорѣчивое, чѣмъ эти факты: они говорятъ сами за себя и не требуютъ комментаріевъ.

Въ концѣ февраля исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія с.-петербургскаго юридическаго общества, не мало потрудившагося въ доступныхъ для него областяхъ права. Всѣмъ его трудамъ свойственна, въ большей или меньшей мѣрѣ, одна характерная черта: непоколебимая вѣрность прогрессивнымъ началамъ, внесеннымъ въ нашу жизнь законодательствомъ шестидесятыхъ годовъ. Они оставались безъ дальнѣйшаго развитія, подвергались ограниченіямъ, существенно измѣнялись или вовсе отиѣнялись—но въ глазахъ юридическаго общества они, и только они, составляли и составляютъ залогъ лучшаго будущаго. Говоря въ ихъ защиту, когда имъ угрожала опасность, указывая на результаты ихъ нарушенія, когда надъ ними разражался ударъ, оно поддерживало, насколько это было возможно для его скромныхъ силъ, традиціи эпохи великихъ реформъ. Имъ оно руководилось и тогда, когда касалось кодификаціи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Въ засѣданіяхъ общества никогда—если не обманываетъ насъ память—не высказывались мнѣнія въ родѣ тѣхъ, которыя, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, такъ безцеремонно проповѣдуются на страницахъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. А между тѣмъ, ничто не мѣшало имъ заявить о себѣ въ докладахъ, представляемыхъ обществу, или въ преніяхъ по поводу этихъ докладовъ. Никакой внутренней цензуры въ обществѣ нѣтъ: самые разнородные взгляды выслушиваются имъ съ одинаковымъ вниманіемъ, полемика никогда не перестаетъ носить характеръ, подобающій серьезному спору. Не потому ли и уклоняются отъ участія въ ней сторонники регресса, которыхъ, безъ сомнѣнія, немало и въ юридическихъ сферахъ? Не чувствуютъ ли они, что обычные ихъ аргументы, высказанные передъ лицомъ противниковъ, встрѣтили бы со стороны послѣднихъ уничтожающую критику? Или, лучше сказать, не сознаютъ ли они, что съ нѣкоторыми положеніями просто неловко выступать передъ собраніемъ людей, привыкшихъ уважать право и справедливость?..

Въ празднованіи юбилея спб. юридическаго общества прозвучали двѣ печальныя ноты. Въ числѣ полученныхъ имъ поздравительныхъ адресовъ не было и не могло быть привѣтствія отъ старѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ юридическихъ обществъ—московскаго, голосъ котораго, говоря словами А. Ѡ. Кони, „неожиданно и преждевременно умолкъ“. Вмѣстѣ съ А. Ѡ. Кони, намъ „не хочется вѣрить, чтобы онъ умолкъ навсегда и даже надолго“; но мы не можемъ не видѣть, что возвращеніе его къ жизни сопряжено съ большими трудностями. Когда, въ 1899 г., состоялось распоряженіе о закрытіи московскаго юридическаго общества, возстановленіе его было признано возможнымъ при соблюденіи двухъ условій: всѣ профессора юридическаго факультета должны состоять членами общества въ силу самаго сво-

его званія, а председатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ среды профессоровъ и утверждаемы министромъ народнаго просвѣщенія ¹⁾. Мы замѣтили тогда же, что оба эти условія не гармонируютъ съ самымъ понятіемъ объ обществѣ—понятіемъ, предполагающимъ *добрую волю и свободу дѣйствій*. Неудивительно, поэтому, что о возрожденіи московскаго юридическаго общества пока ничего не слышно... Другая черта, отмѣченная въ юбилейномъ отчетѣ общества—это отклоненіе ходатайства о созывѣ при обществѣ второго съѣзда русскихъ юристовъ (первый и до сихъ поръ единственный происходилъ, при московскомъ юридическомъ обществѣ, въ 1875 г.). Ходатайство это было возбуждено въ 1896-мъ г., повторено въ 1900-мъ и 1901-мъ (въ послѣдній разъ—съ указаніемъ на предстоящее двадцатипятилѣтіе общества), но оставлено безъ удовлетворенія, какъ несвоевременное. А между тѣмъ, именно теперь близится введеніе въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія, заканчиваются работы по составленію гражданскаго уложенія, пересматриваются судебные уставы. Болѣе подходящий моментъ для съѣзда юристовъ трудно себѣ и представить. Немного остается областей науки и жизни, которыя не имѣли бы своихъ съѣздовъ; тѣмъ болѣе прискорбно, что къ ихъ числу принадлежитъ столь важная, особенно у насъ и въ наше время, область права.

12-го марта скончался во владимірской губерніи Ф. Д. Нефедовъ, одинъ изъ послѣднихъ въ плеядѣ беллетристовъ-народниковъ, образовавшейся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и выдвинувшей на первый планъ Г. И. Успенскаго и Н. Н. Златовратскаго. Самую полную характеристику его разнообразной дѣятельности—онъ былъ и журналистомъ, и этнографомъ, и археологомъ—дали „Русскія Вѣдомости“ (№ 72). „За немногими исключеніями“,—говоритъ газета—„всѣ рассказы Нефедова рисуютъ бытъ деревни, простого народа, къ которому авторъ относится съ глубокою симпатіей, не скрывая его темныхъ сторонъ и явленій, но и съ искреннимъ сочувствіемъ къ его лучшимъ типамъ, а также къ его страждущимъ, забитымъ, удрученнымъ. Критика упрекала иногда покойнаго въ излишней сентиментальности, нѣкоторой слащавости—но этотъ оттѣнокъ, объясняемый мягкостью и сердечностью характера покойнаго, не могъ заслонить несомнѣнныхъ достоинствъ многихъ изъ его произведеній, выдержавшихъ нѣсколько изданій и нашедшихъ себѣ отчасти и широкое распространеніе въ народѣ („Безоброчный“, „Перевозчикъ Ванюшка“)...

¹⁾ См. Обществ. Хроника въ № 9 „Вѣсти. Европы“ за 1899 г.

Въ разказахъ Нефедова изображается главнымъ образомъ жизнь крестьянства среднихъ губерній Россіи (владимірской, костромской и др.), но покойный былъ также хорошо знакомъ съ жизнью Приуралья и Башкиръ, о чемъ свидѣтельствуютъ его рассказы, очерки и легенды изъ быта и исторіи уральскаго населенія... Въ послѣдніе годы жизнь Нефедова проходила въ наблюденіяхъ надъ народнымъ бытомъ, въ занятіяхъ литературой (у него скопилась большая бібліотека), въ поѣздкахъ, а также въ посильной помощи мѣстнымъ крестьянамъ — лекарствами, совѣтомъ, раздачей книжекъ для чтенія. Жилъ онъ, особенно послѣдніе годы, одиноко и скудно, но смотрѣлъ философски на жизнь и почти до самаго конца не оставилъ литературнаго труда“...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможения.

Цѣль Общества.

§ 1. С.-Петербургское Общество Взаимнаго Вспоможения имѣеть цѣлью:

- а) оказывать своимъ членамъ во время болѣзни денежную и врачебную помощь;
- б) содѣйствовать въ присканіи занятій;
- в) выдавать деньги на погребеніе умершихъ членовъ;
- г) выдавать постоянныя пособія тѣмъ изъ членовъ, кои по разстроенному здоровью или преклоннымъ лѣтамъ не въ состояніи будутъ личнымъ трудомъ приобрѣтать средства къ существованію, а также круглымъ сиротамъ членовъ.

Примѣчаніе. Общество можетъ приобрѣтать необходимое для цѣлей его недвижимое имущество, а также устраивать съ надлежащаго разрѣшенія богадѣльни, пріюты, школы.

Средства Общества.

§ 2. Средства Общества состоятъ:

- а) изъ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ обязательныхъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ Общества;
- б) изъ единовременныхъ и ежегодныхъ пожертвованій въ пользу Общества почетныхъ членовъ и членовъ-соревнователей;
- в) изъ процентовъ съ капиталовъ Общества;
- г) изъ доходовъ, получаемыхъ отъ устраиваемыхъ съ надлежащаго разрѣшенія публичныхъ чтеній, лекцій, концертовъ, спектаклей, семейныхъ баловъ, маскарадовъ, увеселительныхъ поѣздокъ и т. п., но не болѣе 4-хъ въ годъ.

Составъ Общества.

§ 8. Число членовъ не ограничивается никакою нормою.

§ 9. Въ число членовъ принимаются всѣ лица, занимающіяся частнымъ и служебнымъ трудомъ, всѣхъ профессій, а также состоящія на государственной службѣ, безъ различія пола и вѣроисповѣданій.

Примѣчаніе. Къ участію въ Обществѣ не допускаются: а) лица, не достигшія совершеннолѣтія; б) воспитанники учебныхъ заведеній; в) состоящіе на дѣйствительной службѣ нижніе воинскіе чины; и г) лица, подвергшіяся ограниченію правъ по суду.

§ 10. *Почетные члены* Общества избираются на Общемъ Собраніи (Собраніи Уполномоченныхъ) большинствомъ голосовъ изъ лицъ, оказавшихъ Обществу особые услуги или пожертвовавшихъ Обществу значительныя суммы. Учредители Общества пользуются пожизненно правами почетныхъ членовъ.

§ 11. *Члены-соревнователи* вносятъ одновременно не менѣе десяти рублей.

§ 12. *Дѣйствительные члены*, сообразно производимымъ ими въ кассу Общества взносамъ, дѣлятся на три разряда:

Члены I-го разряда уплачиваютъ одновременно 3 руб. и ежемесячно 1 руб. 25 коп.;

Члены II-го разряда уплачиваютъ одновременно 2 руб. и ежемесячно 80 коп.;

Члены III-го разряда уплачиваютъ одновременно 1 руб. и ежемесячно 40 коп.

Помощь членамъ во время болѣзни.

§ 19. Для оказанія заболѣвшимъ членамъ врачебной помощи Общество имѣетъ бесплатно или за вознагражденіе, опредѣляемое Общимъ Собраніемъ, врача.

§ 20. Въ случаѣ болѣзни дѣйствительные члены Общества обою пола имѣютъ право на полученіе вспоможеній изъ суммъ Общества, а также могутъ пользоваться совѣтомъ врача на своей или его квартирѣ.

§ 23. Въ случаѣ появленія у члена острой болѣзни или эпидемической, при неотложной надобности въ пособіи, таковое выдается не позже, какъ на другой день по полученіи извѣщенія о болѣзни и недостаточности средствъ члена, и притомъ не за мѣсяць впередъ, а за одну недѣлю.

§ 24. Члены во время болѣзни получаютъ ежемесячно пособіе въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Члены I-го разряда—въ первые три мѣсяца по 24 р., слѣдующіе 3 мѣсяца—по 18 руб. и остальные 6 мѣсяцевъ—по 12 руб.;

II-го разряда—въ первые 3 мѣсяца по 16 руб., слѣдующіе 3 мѣсяца—по 12 руб., а остальные 6 мѣсяцевъ—по 8 руб.;

III-го разряда—въ первые 3 мѣсяца по 8 руб., въ слѣдующіе 3 мѣсяца—по 6 руб., а въ остальные 6 мѣсяцевъ—по 4 руб.

§ 25. По постановленію Общаго Собранія (Собранія Уполномоченныхъ), выдача пособія можетъ быть продолжена и по истеченіи года.

Разрабатывается проектъ похоронной кассы.

Лица, желающія записаться въ число членовъ Общества, могутъ обращаться въ помѣщеніе Общества (Могилевская ул., д. 18, кв. 13) по вторникамъ и четвергамъ отъ 8 ч. веч. до 10 ч. веч.; по субботамъ отъ 7—9 час. веч.; по воскресеньямъ, отъ 12—3 ч. дня.

II.—Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи
въ г. Томскѣ.

Учрежденная Совѣтомъ „Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ“ Коммиссія для составленія историческаго очерка 20-ти-лѣтняго существованія Общества приглашаетъ лицъ, интересующихся дѣлами О-ва и нѣкогда способствовавшихъ своими трудами его созданію, а также близко стоявшихъ какъ въ основателямъ О-ва, такъ и въ особенно крупнымъ жертвователямъ на дѣла его, своими сообщеніями и матеріалами оказать помощь возможно яркому иллюстрированію самаго основанія и вообще жизни и дѣятельности Общества.

Письма и матеріалы Коммиссія проситъ направлять въ Совѣтъ Общества по слѣдующему адресу: Томскѣ, Безплатная Библіотека.

Въ виду крайне короткаго срока, которымъ располагаетъ Коммиссія для исполненія историческаго очерка, доставленіе матеріаловъ и свѣдѣній желательно было бы въ возможно непродолжительномъ времени, во всякомъ случаѣ—не позже 1-го мая сего года.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ. — АПРѢЛЬ. 1902.

Книга третья. — Мартъ.

	СТР.
Будущимъ биографамъ Н. В. Гоголя. — Замѣтки. — II-IV. — Окончаніе. — А. КОЧУ- ВИНСКАГО	5
Исповѣдники. — Повѣсть. — XIX-XXVII. — П. Д. БОБОРЫКИНА	21
Школа на скандинавскомъ северѣ и борьба за нее. — П. Г. ВИНОГРАДОВА	95
По Манчжуріи. — 1900-1901 гг. — Воспоминанія и рассказы. — XIX-XXIX. — Окончаніе. — А. В. ВЕРЕЩАГИНА	130
Случайная встреча. — Рассказъ. — И. ДАНИЛОВА	174
* * * — Стих. П. — НЫ СОЛОВЬЕВОЙ	194
Французское общество конца XIX-го вѣка — въ литературныхъ типахъ того вре- мени. — ЮР. ВЕСЕЛОВСКАГО	195
Жизнь Томаса Труска. — Романъ. — Felix Holländer, Der Weg des Thomas Trusk. — Часть вторая: IX-XX. — Съ нѣм. П. — НЫ С—ВОЙ	241
Въ поездѣ. — Стих. Франсуа Колле: „Dans un train de banlieue“. — Съ франц. Н. Б. ХВОСТОВА	294
Хроника. — Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи. — В. В. По вопросу объ объединеніи черноземнаго центра Россіи. — Д. РИХТЕРА	296 320
Внутреннее Овозраженіе. — Учрежденіе особаго совѣщанія для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. — Отношеніе къ нему земства и печати. — Сорокъ лѣтъ тому назадъ и теперь. — Значеніе председа- теля совѣщанія. — Свообразные взгляды на задачи совѣщанія. — Новые продукты сословнаго прожектерства. — Еще о мелкой земской единицѣ. — Земство и не-земскія губерніи. — Опроверженіе въ „Сиб. Вѣдомостяхъ“ предсѣдателя зарайской уѣздной земской управы	329
По поводу желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и ихъ экономическаго значенія. — За- мѣтка. — „Теорія желѣзно-дорожныхъ тарифовъ“, К. Я. Загорскаго. — Ж. Ж.	349
Иностранное Овозраженіе. — Программы французскихъ политическихъ партій. — Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзѣ. — Пренія о законахъ для охраны рабочихъ. — Реформа французской средней школы. — По- пытка голландскаго посредничества въ бурской войнѣ. — Англо-японскій союзъ. — Китайскія дѣла	359
Общедоступныя пренія въ Лондонѣ. — Письмо въ Редакцію. — А. САВИНА	372
Литературное Овозраженіе. — А. Ермоловъ, Народная сельско-хозяйственная муд- рость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. — Божеяновъ, И., „Невскій проспектъ“, 1703—1903 г. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка — XVIII-XIX. — Н. В. Гоголь въ рус- ской поэзіи, состав. В. В. Каллашъ. — А. П. — Новые книги и брошюры	388
Новости Иностранной Литературы. — I. René Bazin, „Les Oberlé“. — II. Wilhelm Bölsche, „Hinter der Weltstadt“. — З. В.	400
Изъ Общественной Хроники. — Чествованіе памяти Гоголя. — Столѣтіе со дня рожденія Виктора Гюго. — Параллель между его „Misérables“ и „Вос- кресеніемъ“ гр. Л. Н. Толстого. — Poleмика по поводу „Записокъ врача“, г. Вересаева. — Правительственное сообщеніе о дѣлѣ сектан- товъ села Павловокъ	415
Извѣщенія. — Отъ городской Комиссіи по народному образованію	431
Библиографическій Листокъ. — Историческій обзоръ дѣятельности Комитета ми- нистровъ. Т. I: 1802—1825, состав. С. М. Середонинъ. — Русскія юри- дическія древности, В. Сергѣевича, т. I. — Введеніе въ римскую исто- рію, В. И. Модестова, ч. I. — Неопытныя пѣсни, С. Я. Надсона. — Горюны, рассказъ В. И. Дмитриевой	431
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.	

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
Наши „Городскія училища“ и ихъ современное положеніе.—По поводу 30-лѣтія „Положенія о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года“. — ВАЛЕР. ГЕБЕЛЯ	438
Исповѣдники.—Повѣсть.—XXVIII—XXXV.—Окончаніе.—П. Д. БОБОРЫКИНА.	449
Наканунѣ реформъ въ Китаѣ.—П. С. ПОПОВА.	513
Стихотворенія.—I—IV.—В. П. МАРКОВА.	545
Россия и Вселенская Патриархія, послѣ крымской войны.—1856—1860 гг.—По неизданнымъ матеріаламъ.—I—III.—КН. Г. Т.	549
Бабушкина внучка.—Повѣсть.—I—VI.—Н. АННЕНКОВОЙ-БЕРНАРЬ.	593
Французское общество конца XIX-го вѣка, въ литературныхъ типахъ того времени.—III—IV.—Окончаніе.—ЮР. ВЕСЕЛОВСКАГО	638
Жизнь Томаса Трука.—Романъ Ф. Голлендера.—Часть третья: I—XV.—Съ нѣм. П.—НЫ С.—ВОИ	686
Н. М. Мартыновъ и Минусинскій музей.—И. БѢЛОКОНСКАГО.	750
Хроника.—Положеніе мелкаго кредита въ Петербургѣ.—А. Н. НИКИТИНА.	760
Внутреннее Овозрѣніе.—Нѣсколько земскихъ ходатайствъ.—Предѣлы права ходатайства, и практическое его значеніе.—Два противоположныхъ мнѣнія о фиксациі земскихъ сборовъ.—Замѣчательное изслѣдованіе „вмиравшей деревни“.—Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера.—Слухъ объ изыятіи статистическихъ работъ изъ вѣдѣнія земства.—Исторія вятскаго земства.—Значеніе личностей въ общемъ дѣлѣ.—Съѣздъ кустарныхъ дѣлателей въ С.-Петербургѣ	782
По вопросу о мелкаго земской единица.—Письмо въ Редакцію.—В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА	803
Иностранное Овозрѣніе.—Франко-русская декларация.—Отношенія державъ на Дальнемъ востокѣ.—Рѣчь Делькассѣ въ сенатѣ.—Новыя проявленія жизненности франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія.—Г. Делькассѣ и „Новое Время“ о багдадской желѣзной дорогѣ.—Южно-африканская война.—Сесиль Родсъ	814
Литературное Овозрѣніе.—Н. К. (Н. Е. Кудринъ), Очерки современной Франціи.—Н. Барѣева.—А. А. Кауфманъ, Сибирское переселеніе на исходѣ XIX-го вѣка.—Харьковскій Календарь на 1902 г.—В. В.—Ф. Д. Батюшковъ, Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—С—И.—А. М. Бобринцевъ-Пушкинъ, Судь и раскольники-сектанты.—К. А.—„Крестьянинъ“, ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—А. П.—Новыя книги и брошюры	827
Новости Иностранной Литературы.—I. Brunetière, Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—З. В.	857
Изъ Овещественной Хроники.—Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: „Крестьянинъ“.—Ступеньки литературной глѣстницы въ Англіи и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики.—Различныя способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскаго юридическаго общества.—Ф. Д. Нефедовъ †	871
Извѣщенія.—I. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго вспоможенія.—II. Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ	884
Библиографическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая.—Стихотворенія П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“.—Сабанинъ, В. В., Систематическая Роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи—за 1899-й годъ, т. I, вып. 1.—П. Сергѣенко, Сократъ, драмат. хроника.—Д. Межековскій, „Любовь сильнѣе смерти“, „Наука любви“, „Микель-Анджело“.—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, послѣдній.	
Объявленія.—I—IV; I—XII стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Жизни и туган М. П. Погодина, Николая Барсукова, Кн. XVI-ка. Сиб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Участвіе Погодина, какъ публициста, въ дѣлѣ подготовленія къ освобожденію крестьянъ въ Россіи, послужило поводомъ для его біографа къ продолженію начатаго имъ еще въ XV-й книгѣ „повѣствованія объ освобожденіи крестьянъ“; въ новомъ выпускѣ эта „трудная повѣсть“ доведена авторомъ до утѣжденія Редаціонныхъ комиссій, когда ихъ труды достигли виднаго развитія, и обнимаетъ собою 1858-ой и 59-й годъ. То богатство собраннаго матеріала, какіе отличался до сихъ поръ весь трудъ П. П. Барсукова, можно встрѣтить и въ новомъ выпускѣ, который останавливается на изложеніи интереснѣйшихъ подробностей, при которыхъ, въ самомъ концѣ 1859 года, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, цензура перешла изъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ она до того времени находилась, въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ, приготовленномъ уже къ печати, выпускѣ авторъ обладаетъ довести до конца свое „повѣствованіе объ освобожденіи крестьянъ“, параллельно съ описаніемъ жизни и трудовъ М. П. Погодина.

Петръ Вейнбергъ. Стихотворенія—съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“. Сиб. 1902 г. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія лирическаго, а также юмористическаго, появившіяся съ 1859 г. въ изданіи „Гейне изъ Тамбова“. Лирика распределена авторомъ на пять отдѣловъ: „Житійскія картинки“—стихотворенія на гражданскіе мотивы, въ стилѣ Некрасова; „Изъ сожженныхъ висемъ“; „Пѣсни любви“, въ эпиграфич. изъ Гейне, изъясненіе котораго очень сильно проливается въ этомъ отдѣлѣ;—„Распое“ и „На слухѣ“. Юмористическія стихотворенія „Гейне изъ Тамбова“ выдѣлены въ особый отдѣлъ. Мѣткое, но незлобное, произнутое душевной тевотой остроуміе „Гейне изъ Тамбова“ до сихъ поръ еще не утратило своей свѣжести. Юморъ П. П. Вейнберга, проскальзывающій и въ его чисто-лирическихъ стихотвореніяхъ, во своихъ жаднѣхъ, часто художественнымъ формамъ, въ тѣхъ контрастахъ трогательнаго и смѣшнаго, которые такъ хороши въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ,—напоминаетъ юморъ родственнаго ему по духу и такъ любимаго имъ Гейне.

Сабанивъ, В. В.—Систематическая Россійскія книгамъ, вышедшимъ въ Россіи на русскомъ и иныхъ языкахъ—за 1899-й годъ. Т. I: Январь—Іюль 1899 г. Вып. 1: Книжки на русскомъ языкѣ. Сиб. 901. Ц. за весь годъ (4 вып.) 6 р.; за полгода (2 вып.) 3 руб.

Новый трудъ по библиографіи является первымъ изданіемъ Статистико-Библиографическаго Комитета при „Русскомъ Обществѣ Дѣтскихъ печатнаго дѣла“, поставившимъ себя весьма позитивную практическую цѣль—послужить каждому: будетъ ли то ученый специалистъ, или вообще библиографъ, или, наконецъ, книгопроходецъ—увладедемъ книжнаго движенія въ данную эпоху. Общественность этого изданія состоитъ въ новой попыткѣ расположить въ Россіи книги

въ порядкѣ отдѣловъ, зависящихъ изъ библиографической системы М. Я. Вилье: I. Виденіе въ науку; II. Теорія; III. Примѣненіе науки. Матеріаломъ для составленія Россійскія послужили данія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, публикующія поведѣнія въ „Практичествственомъ Истинѣ“.

П. Сергіенко. Сократъ. Драматическая хроника въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Москва 902. Стр. 160.

Авторъ, конечно, не имѣлъ въ виду предложить читателю иное драматическое произведеніе судьбы Сократа; онъ наметилъ себѣ болѣе широкую задачу—въ рядѣ эпизодическихъ сценъ представить событія, привадиши Сократа къ трагическому концу. П. Сергіенко очень добросовѣстно исполнилъ эту задачу; онъ обстоятельно ознакомился съ источниками и каждому дѣйствующему лицу озаботился придать особый характеръ, даже особые характерные жесты и способы произношенія. Въ своей „драматической хроникѣ“ онъ ввелъ и философскіе диспуты Сократа съ софистами.

Д. Мережковский. „Любовь, сильнѣе смерти“. Наука любви“—двѣ итальянскія повести XV-го вѣка. „Микель-Анджело“, хроника XVI-го вѣка. „Святый Сатурнъ“, фавоританская легенда. Москва. 902. Стр. 178.

Изъ четырехъ повѣстей, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, одна, „Святый Сатурнъ“,—переводъ изъ Анатоля Франса; интереснѣе всѣхъ по сюжету историческая повѣсть „Микель-Анджело“. Хараактеръ Микель-Анджело и его дѣлата, павъ Юлія П, обрисованы, правда, слишкомъ отрывочно, но въ общемъ—планировать мѣста и времени выдержаны довольно удачно. Къ сожалѣнію, авторъ не съездъ указать особо упомянуть, что представляютъ собой двѣ „итальянскія повести XV-го вѣка“,—переводъ ли съ итальянскаго оригинала XV-го вѣка, или собственнаго произведенія.

Малый анцилопедическій Словарь. Выпускъ XII (последній). Слѣтеры—Весомъ. Изд. Бродгауза и Ефрова. Сиб. 1902 г. Стр. 1249—1994. Ц. 1 р. 50 к.

Сверхъ обычнаго словарнаго текста, въ этомъ замѣчательномъ выпускѣ „Малого Словаря“ помѣщены, въ видѣ особаго приложенія, „Краткій курсъ лѣкинъ“ проф. Е. Ф. Тимофеева, „Физионія“ А. Л. Гервуна, „Физиология“ Ф. Е. Тура и „Грамматика и словарь французскаго языка“ Г. Д. Батюкова. Такого рода приложенія, заключающія въ себѣ краткія руководства по различнымъ отраслямъ знанія и учебники иностранныхъ языковъ, имѣется всего двадцать-восемь въ законченномъ видѣ „Маломъ Словарѣ“,—въ томъ числѣ „Географія“ проф. Д. Н. Анучина, „Гигіена“ проф. Фришмана, „Всеобщая исторія“ проф. Н. И. Карбена, „Анатомія“ проф. Лестарта, „Вѣдѣнія“ подъ ред. проф. Бекетова, „Искусство“ подъ ред. А. П. Сомова, „Гражданскіе“ и „судебные законы“ Г. Л. Вербиловскаго, „Государственное право“ проф. В. Ивашевскаго и др. Благодаря этой серіи руководствъ и учебниковъ „Малый Словарь“ представляеть не только справочное изданіе, но и пособие для самонабразованія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1902 г.

(Тридцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политикн, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годѣ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзн.	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналы, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Ближне казанны, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ услугомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ Б. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петроградскихъ ливняхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителиствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходятъ въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Заявленія* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Взысканія* на полученіе журнала взыскиваются Конторой только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

